СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

46

ТОМЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1890.

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Мартъ 1890 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei — Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

СТРАН.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

въ 1888 году.

Читано письмо чешскаго ученаго Патеры на имя предсѣдательствующаго о томъ, что имъ приготовлена къ печати переписка І. Добровскаго съ Дурихомъ, которую онъ предлагаетъ для помѣщенія въ Сборникѣ. — Положено просить г. Патеру доставить свою рукопись въ Отдѣленіе.

Доложено, что С. И. Пономаревъ сообщилъ нѣсколько дополненій къ «Хронологической канвѣ для біографіи Пушкина», напечатанной въ книгѣ академика Грота «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» и, предвидя, что такихъ дополненій будетъ еще не мало, предлагаетъ перепечатать эту статью съ доставленными дополненіями и съ пробѣлами для будущихъ прибавленій. — Положено исполнить.

По поводу полученнаго Академіей Наукъ приглашенія Болонскаго университета къ участію въ празднованіи будущимъ лѣтомъ 800 лѣтняго юбилея его, Отдѣленіе русскаго языка и словесности опредѣлило: командировать на это торжество академика А. Н. Веселовскаго.

А. Ѳ. Бычковъ представилъ присланную инспекторомъ классовъ Бѣлостокскаго женскаго института дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ник. Петр. Авенаріусомъ рукописную тетрадь, содержащую: 1) сравнительные переводы на бѣлорусское нарѣчіе разныхъ уѣздовъ отрывка сказки Пушкина о рыбакѣ и рыбкѣ; 2) байку и нѣсколько пѣсенъ и 3) записанное въ Борисовскомъ уѣздѣ со словъ слѣпого нищаго сказаніе въ стихахъ о Борисѣ и Глѣбѣ и Святополкѣ Окаянномъ. — Положено: часть перевода и остальные образцы народнаго творчества напечатать въ приложеніяхъ къ протоколамъ.

Читано полученное предсѣдательствующимъ изъ Кадникова

письмо Н. А. Иваницкаго, при которомъ онъ представляетъ: 1) двѣ тетради собранныхъ имъ народныхъ пѣсенъ Вологодской губ., 2) собраніе пословицъ и поговорокъ, 3) собраніе загадокъ и 4) слова на букву *п* изъ составляемаго имъ словаря вологодскаго народнаго говора. — Положено, прежде какого-либо относительно этихъ рукописей заключенія, подвергнуть ихъ разсмотрѣнію. Сборникъ пѣсенъ переданъ съ этою цѣлью А. Н. Веселовскому.

Читано письмо редактора Архангельскихъ губернскихъ вѣдомостей Ив. Евгр. Ермилова, который, вслѣдствіе напечатаннаго въ газетахъ свѣдѣнія о предпринимаемомъ Отдѣленіемъ изданіи сочиненій Ломоносова, вызывается: 1) доставить разбросанныя въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ статьи, замѣтки и фамильные документы, касающіеся Ломоносова, и 2) составить статью изъ дѣла о сооруженіи ему памятника, а также сообщить фотографическій съ него снимокъ. — Положено просить г. Ермилова на первый случай доставить только обстоятельный списокъ означенныхъ статей и замѣтокъ, съ указаніемъ нумеровъ газетъ, гдѣ онѣ помѣщены.

По поводу предстоящаго 30-го будущаго апрѣля празднованія 50-тилѣтняго юбилея А. Н. Майкова положено привѣтствовать его въ означенный день отъ Отдѣленія адресомъ, составленіе котораго принялъ на себя М. И. Сухомлиновъ.

Изъ дѣлъ Отдѣленія оказывается, что въ 1854 году Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія переданы были въ Отдѣленіе доставленные покойнымъ Андр. Аѳ. Никитинымъ протоколы и другія бумаги бывшаго Вольнаго Общества любителей словесности и что въ засѣданіи 30 сентября означеннаго года опредѣлено было передать эти бумаги на время Виктору Павловичу Гаевскому для его занятій по исторіи русской литературы. Нынѣ, по случаю послѣдовавшей 2 марта смерти Гаевскаго, положено обратиться ко вдовѣ его съ просьбой возвратить Отдѣленію помянутые протоколы и другія бумаги, какъ собственность Академіи Наукъ.

Предсѣдательствующій доложилъ, что въ дополненіе къ составленному А. А. Дьяковымъ Указателю къ періодическимъ изданіямъ Отдѣленія русскаго языка и словесности онъ предполагаетъ нынѣ же поручить г. Дьякову изготовить такой же указатель къ повременнымъ изданіямъ Россійской Академіи, который можетъ быть напечатанъ вмѣстѣ съ первымъ, но такъ, чтобы каждый изъ Указателей составлялъ особый отдѣлъ. — Одобрено.

Предсѣдатель Тверской ученой архивной коммиссіи А. К. Жизневскій въ письмѣ на имя Я. К. Грота сообщаетъ, что членъ

этой комиссіи, преподаватель мѣстной духовной семинаріи В. И. Колосовъ среди рукописей семинаріи открылъ неизвѣстное донынѣ сочиненіе Юрія Крижанича «Обіасненіе виводно о писмѣ словѣнскомъ». Написанная по этому поводу статья г. Колосова приложена въ рукописи къ письму г. Жизневскаго, съ просьбою о содѣйствіи къ напечатанію ея, при чемъ онъ указываетъ для этого преимущественно на журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. — Статья передана А. Ѳ. Бычкову, изъявившему готовность переговорить о томъ съ издателемъ этого журнала Л. Н. Майковымъ.

Предсѣдательствующимъ доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что академикъ А. П. Карпинскій съ большимъ вниманіемъ отнесся къ просьбѣ его просмотрѣть и исправить доставленное П. А. Ровинскимъ Введеніе въ его Описаніе Черногоріи и уже возвратилъ со своими поправками и замѣчаніями корректурные листы, которые вслѣдъ за симъ и будутъ препровождены къ автору въ Цетинье для нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій въ редакціи. — Положено выразить А. П. Карпинскому искреннюю признательность Отдѣленія.

Читано отношеніе Комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Я. П. Полонскаго для празднованія 50-ти лѣтняго юбилея А. Н. Майкова, съ приглашеніемъ членовъ Отдѣленія въ торжественное засѣданіе, имѣющее быть по этому случаю въ Литературно-Драматическомъ Обществѣ для привѣтствованія юбиляра адресами, рѣчами и т. п. — Положено отвѣчать, что члены Отдѣленія съ удовольствіемъ воспользуются этимъ приглашеніемъ.

Представлены присланные П. А. Ровинскимъ образчики рисунковъ, которые онъ предполагалъ бы приложить къ своему сочиненію о Черногоріи, если на то послѣдуетъ согласіе Отдѣленія. Опредѣлено сообщить г. Ровинскому, что по мнѣнію Отдѣленія могутъ быть приложены только такіе рисунки, которые представляютъ что-либо характерное въ отношеніи къ быту народа, какъ напр. типы, костюмы и т. п.

Доложено, что вслѣдствіе просьбы Отдѣленія, г-жею Гаевскою возвращено изъ оставшихся послѣ мужа ея бумагъ большое собраніе протоколовъ и другихъ документовъ бывшаго Вольнаго Общества любителей словесности и что собраніе это, заключающееся въ 11-ти связкахъ переплетенныхъ тетрадей листового формата, перенесено въ одинъ изъ шкаповъ Отдѣленія.

Доложено, что по поводу напечатаннаго въ газетахъ извѣстія,

что 18-го августа исполнится 50 лѣтъ учено-литературной дѣятельности академика Буслаева, предсѣдательствующимъ отправлена въ этотъ день къ Ѳедору Ивановичу за подписью членовъ Отдѣленія слѣдующая привѣтственная телеграмма: «Московско-Ярославская ж. д. Хотьково. Ахтырка. Ѳедору Ивановичу Буслаеву. Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ въ день исполнившагося 50-тилѣтія педагогической и учено-литературной дѣятельности своего знаменитаго члена, сердечно привѣтствуетъ васъ, вспоминая ваши великія заслуги въ дѣлѣ преподаванія родного слова и изслѣдованія памятниковъ древной нашей письменности. Вооруженный талантомъ и знаніемъ, вы въ той и другой области проложили новые пути, признанные единственно-вѣрными и обязательными для всѣхъ вступающихъ на то же поприще. Ваши превосходные труды, основанные на сравнительно-историческомъ методѣ, впервые приложенномъ вами къ русской филологіи, давно оцѣнены по достоинству и навсегда останутся образцами глубокаго изученія, тонкаго эстетическаго чувства и мастерского изложенія. Дорогой товарищъ! Живите и дѣйствуйте еще долго на пользу и славу отечественной науки. Гротъ, Бычковъ, Сухомлиновъ, Веселовскій, Ягичъ».

Академикъ Я. К. Гротъ, доложивъ, что онъ въ теченіи лѣта занимался почти исключительно приготовительными занятіями по Словарю, представилъ обработанныя имъ на карточкахъ для печати буквы А, Б и В. — Положено предоставить ему внести въ Отдѣленіе свои соображенія о форматѣ и шрифтахъ, какіе онъ найдетъ цѣлесообразнымъ избрать для изданія Словаря.

Читано полученное на имя предсѣдательствующаго письмо академика Ѳ. И. Буслаева: «М. Г. Яковъ Карловичъ. Примите мою искреннюю благодарность въ вашемъ лицѣ господамъ членамъ 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за высокую честь, которой они меня удостоили товарищескимъ привѣтомъ въ день исполнившагося пятидесятилѣтія моей дѣятельности. Неумѣстною скромностью я не хочу умалить чувства моей признательности за лестныя для меня выраженія этого привѣта и вполнѣ покоряюсь похвальному приговору, въ которомъ самыя преувеличенія принимаю съ радостію, какъ залогъ дружескаго ко мнѣ расположенія. Примите и проч. Ѳедоръ Буслаевъ».

Въ виду предстоящаго, по правиламъ о преміи Котляревскаго, конкурса на оную въ 1889 году, разсуждаемо было объ одномъ изъ пунктовъ этихъ правилъ, затрудняющемъ, какъ должно

заключать изъ опыта, представленіе на премію Котляревскаго сочиненій изъ славянскихъ странъ, внѣ Россіи находящихся. Это именно пунктъ 9-й, изложенный слѣдующимъ образомъ: «Соискателями премій Котляревскаго могутъ быть какъ русскіе, такъ и иностранные подданные, но за сочиненіе, напечатанное на одномъ изъ славянскихъ нарѣчій, внѣ Россіи употребительныхъ, премія выдается только по напечатаніи онаго въ русскомъ переводѣ» Такъ какъ пунктомъ 18-мъ правилъ о преміи Котляревскаго Отдѣленію предоставлено, въ случаѣ надобности, представлять объ измѣненіи того или другого изъ этихъ правилъ, то и положено ходатайствовать, чтобы приведенному пункту 9-му дана была такая редакція: «На соисканіе премій Котляревскаго могутъ быть представляемы сочиненія, напечатанныя какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но при равномъ достоинствѣ поступившихъ на конкурсъ трудовъ, преимущество отдается сочиненію, написанному по-русски». Вслѣдъ затѣмъ измѣненіе это было утверждено въ законномъ порядкѣ.

Читано письмо академика Буслаева на имя Я. К. Грота, въ которомъ Ѳ. И. сообщаетъ, что въ напечатанномъ имъ нынѣ 7-мъ изданіи «Учебной Грамматики» онъ не только исправилъ и дополнилъ, какъ значится въ заглавіи, но и переработалъ съ первой страницы и до послѣдней, между прочимъ внесши въ него все существенное и необходимое изъ книги «Русское Правописаніе». Многія изъ указанныхъ въ книгѣ подробностей, прибавляетъ авторъ, не принятыя имъ въ соображеніе въ прежнихъ изданіяхъ его Учебника, побудили его теперь нѣсколько расширить его объемъ, чтобы дать надлежащую твердую постановку въ его параграфахъ. — Принято къ свѣдѣнію.

А. Н. Веселовскій, заявивъ, что онъ приступилъ къ продолженію своихъ «Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха», сообщилъ слѣдующую программу задуманнаго имъ 5-го выпуска этого труда: Гл. XI—Дуалистическія повѣрья о мірозданіи; гл. XII—Безразличные въ Житіи Василія Новаго и народной эсхатологіи; гл. XIII — Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ Славянъ; гл. XIV — Генварскія Русаліи; гл. XV — Легенды объ Иродѣ и Иродіадѣ и ихъ народныя отраженія; гл. XVI — Вилы.

Читана составленная А. Н. Веселовскимъ по порученію Отдѣленія, записка объ ученыхъ трудахъ Леонида Николаевича Майкова и затѣмъ произведена баллотировка г. Майкова въ званіе адъюнкта Академіи Наукъ. О послѣдовавшемъ при этомъ едино-

гласномъ его избраніи положено довести до свѣдѣнія Общаго Собранія съ приложеніемъ помянутой записки.

М. И. Сухомлиновъ, намѣреваясь приступить вскорѣ къ печатанію сочиненій Ломоносова, возбудилъ вопросъ, не слѣдуетъ ли къ тѣмъ изъ нихъ, которыя писаны на латинскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, приложить русскій переводъ, помѣстивъ его либо при иностранномъ текстѣ, либо въ особомъ, назначенномъ для нихъ томѣ. Мысль эта вполнѣ одобрена Отдѣленіемъ, при чемъ второе изъ предположеній относительно способа приложенія переводовъ найдено заслуживающимъ предпочтенія.

Въ 1886 году, по опредѣленію Общаго Собранія, въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности передана была доставленная прокуроромъ Харьковскаго окружного суда выписка изъ духовнаго завѣщанія умершаго поручика Кирѣева объ учрежденіи при Академіи Наукъ, изъ процентовъ съ завѣщаннаго имъ капитала, преміи съ тѣмъ, чтобы эта премія присуждаема была ежегодно за лучшее драматическое сочиненіе, какое будетъ напечатано или представлено на русскомъ театрѣ въ продолженіе года.

По разсмотрѣніи помянутой выписки, Отдѣленіе признало, что предположенная въ завѣщаніи Кирѣева премія изъ процентовъ предназначеннаго имъ на сей предметъ капитала въ 10.000 руб. можетъ быть учреждена, во 1-хъ, только за напечатанныя драматическія сочиненія и, во 2-хъ, подъ условіемъ, чтобы эта премія могла быть присуждаема единственно за сочиненія, признанныя достойными награды по собственному почину Академіи, и потому не ежегодно, а лишь тогда, когда такія сочиненія будутъ найдены ею заслуживающими особеннаго вниманія, при чемъ и самый размѣръ преміи будетъ каждый разъ зависѣть отъ оцѣнки степени достоинства трудовъ Академіею.

По одобреніи этого заключенія г. Президентомъ Академіи Наукъ и доведеніи о томъ до свѣдѣнія Общаго Собранія, Отдѣленію предоставлено было поставить о томъ въ извѣстность прокурора Харьковскаго окружного суда, отъ котораго нынѣ полученъ отзывъ, что съ его стороны къ учрежденію преміи поручика Кирѣева на основаніяхъ, предположенныхъ Отдѣленіемъ, препятствія не встрѣчается. — Опредѣлено ходатайствовать объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на принятіе Академіею Наукъ завѣщаннаго ей капитала съ цѣлію учрежденія на сихъ основаніяхъ преміи за лучшія драматическія сочиненія.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

I. Записка объ ученыхъ трудахъ Леонида Николаевича Майкова, составленная А. Н. Веселовскимъ.

Главный предметъ занятій Л. Н. Майкова составляетъ исторія русской литературы, въ частности слѣдующіе ея отдѣлы: 1) памятники народнаго творчества, 2) литература трехъ послѣднихъ столѣтій.

По народной словесности первый значительный трудъ г. Майкова — изслѣдованіе «О былинахъ Владимірова цикла», Спб. 1863. Явившись послѣ извѣстныхъ статей Буслаева (Русскій богатырскій эпосъ. 1862), оно дало намъ самостоятельный критическій обзоръ нашихъ свѣдѣній о древне-русскомъ эпосѣ, замѣчательный какъ трезвостью историческаго взгляда, такъ и осторожностью выводовъ. Изъ послѣдующихъ статей, въ которыхъ авторъ возвращался къ тому же вопросу, продолжавшему интересовать его среди другихъ работъ, отмѣтимъ слѣдующія:

Разборъ IV-го тома «Пѣсенъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ» (Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1868, № 5).

Разборъ «Онежскихъ былинъ» А. Θ. Гильфердинга (тамъ-же, 1873, № 8).

Разборъ 1-й и 2-й частей «Причитаній сѣвернаго края» Е. В. Барсова (тамъ же, 1872, № 12, и въ Отчетѣ о 28-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова).

«Пѣвецъ былинъ въ окрестностяхъ Барнаула» (Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ. 1874, № 6).

«Новыя данныя русскаго эпоса изъ Заонежья» (Древн. и Нов. Россія, 1876, № 6).

Во всѣхъ этихъ статьяхъ предлагаются разныя замѣчанія и объясненія къ памятникамъ народнаго творчества, а сверхъ того обращено вниманіе и на значеніе этихъ произведеній въ народномъ быту и на самый типъ сказителей и плакальщицъ, что̀ дало автору поводъ прослѣдить проявленіе личнаго элемента въ созданіяхъ такъ называемой безличной поэзіи.

Особую работу въ той же области составляетъ предпринятое г. Майковымъ обозрѣніе старинныхъ рукописныхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ. Изъ этого труда напечатанъ (въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1880 г., № 11) обзоръ пѣсенъ, записанныхъ въ XVII вѣкѣ, при чемъ тексты эти, содержащіе въ себѣ большею частью историческія пѣсни того времени, подвергнуты подробному изслѣдованію и сличенію какъ со свидѣтельствами другихъ памятниковъ XVII в., такъ и съ позднѣйшими устными пересказами тѣхъ же пѣсенъ. Изъ этого изслѣдованія выясняются съ одной стороны отношенія старинныхъ книжниковъ къ произведеніямъ народной словесности, съ другой тѣ измѣненія, какимъ подвергаются эти произведенія при сохраненіи ихъ въ народной памяти.

Кромѣ того г. Майковымъ составленъ сборникъ великорусскихъ заклинаній (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи, т. II, и отдѣльно, Спб. 1869).

Изъ литературы XVII вѣка г. Майковымъ избраны были для изученія произведенія Симеона Полоцкаго (Древ. и Нов. Россія 1875, т. III). Въ этой обширной статьѣ авторъ излагаетъ жизнь Симеона Полоцкаго по тѣмъ источникамъ, печатнымъ и рукописнымъ, которыми могъ пользоваться въ петербургскихъ библіотекахъ, и разсматриваетъ его сочиненія, какъ находящіяся въ печати, такъ и извѣстныя только въ рукописяхъ. Въ біографической части статьи указаны характеръ и источники образованія Симеона Полоцкаго, его отношенія къ старой московской культурѣ и его просвѣтительныя стремленія; въ обзорѣ его сочиненій обращено вниманіе на его литературные источники и на отношеніе его произведеній къ современнымъ нравамъ, при

чемъ впервые сообщены въ печати многія стихотворенія Симеона Полоцкаго изъ его «Вертограда Многоцвѣтнаго». Безпристрастная оцѣнка дѣятельности этого характернаго представителя западно-русскаго образованія, который обстоятельствами былъ занесенъ въ Москву, сохраняетъ свое значеніе и теперь, послѣ новѣйшихъ о немъ изслѣдованій. Онѣ пополнили нашъ запасъ свѣдѣній о Полоцкомъ изъ его рукописей, хранящихся въ Москвѣ, но не разъяснили его личности болѣе правильно.

Къ числу трудовъ Майкова *по исторіи русской литературы XVIII вѣка* принадлежатъ:

«Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1878, № 11, и отдѣльно Спб. 1880): работа, обогатившая наши свѣдѣнія о русской повѣсти переходной поры, тронутой и въ правахъ и въ литературныхъ вкусахъ первыми вѣяніями Петровской реформы.

«О жизни и сочиненіяхъ Василія Ивановича Майкова», статья, напечатанная при собраніи его сочиненій (Спб. 1867) и отдѣльно, и содержащая въ себѣ этюдъ объ одномъ изъ тѣхъ немногихъ нашихъ писателей, которые не пренебрегали изображеніемъ народной жизни въ періодъ господства псевдо-классицизма.

«Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1876, № 7): разборъ книги А. Н. Неустроева: «Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ за 1703—1802 гг.» (Спб. 1875), содержащій въ себѣ многочисленныя историко-литературныя дополненія къ этому труду.

Кромѣ того г. Майковымъ написаны еще критическія статьи: о вышедшемъ въ 1866 году изданіи сочиненій фонъ-Визина (Жур. Мин. Нар. Пр. 1867 г., № 1), о «Матеріалахъ для исторіи русской литературы» П. А. Ефремова (тамъ-же № 7), о сочиненіи А. С. Будиловича: «М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ» (Заря, 1870, № 2), о «Жизни Державина» Я. К. Грота (Жур. Мин. Нар. Пр. 1881, № 2), и о нѣ-

которыхъ другихъ сочиненіяхъ по исторіи русской литературы XVIII вѣка. Въ этихъ статьяхъ нерѣдко встрѣчаются указанія и соображенія, основанныя на самостоятельныхъ разысканіяхъ критика.

Изъ изданій г. Майкова, относящихся къ указанной эпохѣ, отмѣтимъ: «Записки Ив. Ив. Неплюева» (Русск. Архивъ 1871, №№ 4—5), снабженныя предисловіемъ издателя, и два памятника, напечатанные подъ его наблюденіемъ Императорскимъ Обществомъ любителей древней письменности: «Краткое извѣстіе о народѣ Остѣцкомъ» Григорія Новицкаго (Спб. 1884) и «Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г.» П. И. Челищева (Спб. 1886): оба съ предисловіями, въ которыхъ содержится оцѣнка этихъ впервые напечатанныхъ сочиненій прошлаго столѣтія.

По литературѣ XIX вѣка г. Майкову принадлежитъ обширный трудъ: изданіе сочиненій К. Н. Батюшкова, съ біографіею и примѣчаніями, изданіе, вполнѣ заслуживающее названія монументальнаго. Ни одинъ изъ нашихъ классиковъ, за исключеніемъ Державина, не нашелъ подобной обработки, одинаково внимательной и къ матеріалу отечественной литературы и къ литературѣ иностранной, поскольку она опредѣлила направленіе и образцы поэзіи Батюшкова. Особаго вниманія заслуживаетъ біографія поэта, внѣшняя и внутренняя, мастерски составленная по отрывочнымъ матеріаламъ и извлекшая изъ нихъ все доступное обобщенію. Многочисленныя историко-литературныя примѣчанія, сопровождающія изданіе, освѣщаютъ глухой, сравнительно, періодъ нашей литературы до восхода Пушкина. Часто переступая границы, положенныя комментарію къ избранному писателю, онѣ собираютъ цѣнныя данныя для цѣлаго ряда возможныхъ работъ о дѣятеляхъ до-пушкинской эпохи. Не многіе такъ приготовлены къ этимъ работамъ, какъ издатель Батюшкова. Трудъ его надъ этимъ писателемъ недавно увѣнчанъ полною Пушкинскою преміей.

Кромѣ исчисленныхъ трудовъ, непосредственно относящихся

къ исторіи русской литературы, г. Майкову принадлежатъ еще слѣдующія работы:

«Замѣтка о географіи древней Руси» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1874, № 7, и отдѣльно), разборъ 1-го изданія сочиненія Н. И. Барсова: «Географія начальной лѣтописи», въ которомъ особенно обращаютъ на себя вниманіе изслѣдованія критика по вопросу о географіи лѣсовъ въ южной полосѣ Россіи въ древнія времена.

«О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка» (Жур. Мин. Нар. Пр., 1877, №№ 6, 7 и 12 и отдѣльно), подробное изложеніе содержанія сочиненія проф. А. Алквиста: «Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen» съ дополненіями касательно вліянія славянской культуры на финскую и съ указаніемъ сходныхъ чертъ въ современномъ бытѣ восточныхъ финновъ на основаніи данныхъ русской этнографической литературы.

«Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1881, № 9, и отдѣльно), составленное по порученію Археографической комиссіи, изслѣдованіе, въ которомъ авторъ, путемъ сличенія показаній актовъ и лѣтописей, приходитъ къ заключенію, что атаманъ Кольцо привезъ въ Москву извѣстіе о покореніи Сибири въ началѣ 1583 года и что затѣмъ послѣдовало принятіе этого края въ русское подданство.

«Старинные русскіе паломники» въ изданіи Православнаго Палестинскаго Общества (Жур. Мин. Нар. Пр. 1884, № 7, и отдѣльно): критическая замѣтка объ изданіи хожденій игумена Даніила и гостя Василія и путешествія В. Барскаго.

«Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1876, №№ 2 и 3).

«Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ» (тамъ-же 1882, №№ 1, 2 и отдѣльно).

«Некрологическія статьи: объ А. И. Артемьевѣ (тамъ-же 1873, № 11) и объ И. И. Срезневскомъ (тамъ-же 1880,

№ 3); объ ученыхъ заслугахъ гр. А. С. Уварова (Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XX).

Кромѣ того небольшія сообщенія и рецензіи г. Майкова появлялись въ Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ., въ Изв. Русск. Археол. Общ., въ Журн. Мин. Нар. Просв., въ Русск. Архивѣ, Древн. и Нов. Россіи и Историческомъ Вѣстникѣ.

Л. Н. Майковъ съ 1864 г. принимаетъ постоянное участіе въ трудахъ Географическаго Общества, гдѣ съ 1872 по 1886 годъ состоялъ предсѣдателемъ Отдѣленія этнографіи. Подъ его редакціею изданы томы II, III и VI Записокъ этого Отдѣла.

II. Образцы бѣлорусскаго нарѣчія разныхъ мѣстностей, доставленные П. Авенаріусомъ.

1. Отрывокъ изъ сказки Пушкина о рыбакѣ и рыбкѣ въ сравнительномъ переводѣ на бѣлорусское нарѣчіе разныхъ уѣздовъ.

Слонимскій уѣздъ.	Бѣлостокскій уѣздъ.
Пòкаска абъ рыбакỳ и абъ ры̀бци.	Абъ рыбакѣ̀ и абъ ры̀бци.
Жыў стары̀ зъ сваёю старòю бàбою калѣ̀ сàмаго сѝняго мòра. Ены̀ жылѝ у развàленой землянцы рòўно тры̀дцать гадòў и три гóды.	Жыў сабѣ̀ дзедъ зъ бàбаю дыхтъ синёго мòра. Ены̀ жылѝ у гнилòй землянцы рòўно тридзèсцъ лѣтъ и три рòки.
Стары̀ лавѝў валакòмъ ры̀бу, а старàя прàла сваю̀ кудзèлю.	Дзедъ лàпаў сѣ̀ткою ры̀бу, бàба прала кудзèлю.
Аднагò рàзу іонъ ў мòрэ запусцѝў вòлокъ, вы̀цянуў вòлокъ зъ аднѝмъ мỳломъ.	Разъ іонъ ў морэ настàвіў сѣ̀тку; пріѝшла сѣ̀тка зъ одноèю цѝною.

(**Минской губ. и уѣздъ**). Якъ жіў да быў дѣдъ зъ бàбой. Дѣдъ лавіў рыбу, а баба прала пражу. Вотъ разъ дѣдъ закинуў нèводъ; глядъ, ашъ ничего немà.

Бѣльскій уѣздъ.	Кобринскій уѣздъ.
Зыў старѝкъ зо своѐю старȳхою у сȁмаго шѝняго мȍра. Вонѝ зылѝ у вѝтхой землянки рȳмно трійчать литъ и три рȍки.	Жывъ бувъ старыкъ съ своею старухою коло самого синего мора. Воны жылы въ старий зымленцы ривно трицеть литъ и тры роки.
Старѝкъ ловіў нэводомъ рыбу, старȳха прȁла свое прȁдиво.	Старый ловывъ нэводомъ рыбу, а старая прѣла свою прѣжу.
Разъ вунъ ў море закѝнуў нэводъ, присȍў нэводъ зъ однымъ забȍрынемъ.	Разъ винъ въ морэ закынувъ нэводъ; прышовъ нэводъ съ однэю поплавушкою.

(Волынской губ. Владим. у.). Казка про рыбака и про рыбку.

Живъ соби дидъ та баба каго самаго синего мора. Жилы воны въ старенькой хатци-землянци ривно трійцять литъ и три роки. Дидъ ловивъ неводомъ рыбу, а баба прала мычки. Одного разу закинувъ дидъ неводъ въ море и вытянувъ іогȍ тилько зъ муломъ.

---

2. Байка изъ деревни Каракули Бѣлостокскаго уѣзда.

Жыў кѐдысиь собѣ Ясько. Іонъ не разъ возїў жидȍў. Разъ прійшȍў до ёгȍ одзѝнъ жидъ и кȁже: «Яську! завезѝ минѐ до мѣста, я тобѣ дȍбры грȍши дамъ». Гэто былȍ ў нȍче и Ясько не хоцѣў ёгȍ весьцѝ. Жидъ просїў ёгȍ, просїў и кȁже: «Яську! хоць, пойдзѐмъ до корчмы, я тобѣ дамъ квȁрту вȍдки». Ясько каже: «дзе я тамъ пойду! не хȍчу ѝсьци и не поѣду; еще копъ дзе разбȍйники забѝли». Жидъ сталъ просѝць ёгȍ и Ясько пошȍў зъ нимъ до корчмы, выпіў вȍдку и повѐзъ жидȁ до мѣста. Жидъ купїў скла ў мѣсци и ены ѣхали уже до дȍму. Дорȍга йишлȁ чрезъ лѣсъ. Жидъ глянȳў на перȍдъ и кȁже: «Яську! што гэто

такòе?» А тамъ стòяло кѝлька стъ̀ндеры [1]), и Ясько сказàў: «Чу̀ешь: гэ̀то му̀си разбойники. «Аей, аей, што тэразъ бу̀дзе? енъ̀ насъ забью̀ць!» Жидъ каже: «Яську! я ўлѐзу подъ скло, а ты ѣдзь». Улезъ жидъ подъ скло и сѣ̀дзиць, а Ясько ўзя̀ў кія и кàже тàкекъ розбойникъ: «Што ты везешь?» И зноў отговóрує: «нѐ бѐце минѐ, я везу скло». Позней пòняў кія, екъ дасць по склѣ̀ разъ, други! а жидъ ўсѐ кричиць: «дзинь, дзинь!» не бы то скло пэ̀нкае. Узя̀ў Ясько коня̀ и ѣ̀дуць домòй, а жидъ каже: «Яську! а што, розбойникъ уже не зàдзи?» «Э кѐды мы ихъ уже прòѣхàли», сказàў Ясько. Ѣдуць енъ̀ дàлей, àжно кòле дорòги пне стоя̀ць, и жидъ пытàеце: «Яську! што гэ̀то такое? А Ясько кàже: «Я тобѣ̀ казàў: не ѣздымю, а то бѣдà ещѐ бýдзе, а што ты не вѣ̀рыў, тожъ гэ̀то воўкѐ [2]); ены насъ уже не пу̀сцяць живъ̀іхъ». А жидъ каже: «ну, Яську, чи у цибѣ̀ верòўка естъ?» «А дзесць естъ кусòкъ, то на што тобѣ̀ иё?» «Чуешь: привяжи мене подъ возомъ и я буду брехаць [3]), бо воўкѐ, ты самъ вѣ̀даешь, боя̀це собàки». Привязàў ёнъ жида, а самъ екъ стаў ганя̀ць кòни, то ажъ гукъ по лѣ̀си пойшòў, а жидъ ўсё, екъ «гимъ гаў», такъ «гимъ гаў!» Одъѣ̀хаў Ясько одъ лѣ̀са розвязàў жида и каже: «копъ цибѣ̀, жидъ, хворòба ўзялá, за цибѣ̀ я дзѝсяй чѝсто праполòхаўсе». Пріѣхали енъ̀ до селà; жидъ ўзяў ў корчмѣ̀ вòдки, даў, трòха и Яськови и кàже: «уй, якіе кѐпскіе розбòйникѝ мàло кіемъ не забили минé!» Зъ гэтыхъ поръ іонъ нигды не ѣ̀здіў ў нòче.

---

3. Пѣсни Слонимскаго уѣзда.

Цвила рожа въ огрудэчку
Чирвонымъ цвиточкомъ,
Пріѣць, пріѣць мой миленькій
Бѣленькою ночкой (утромъ, чуть свѣтъ).

---

[1]) Древесный пень.
[2]) Волки.
[3]) Лаять.

Сѣни-жъ мои дубовые,
Хата на памосци,
Пріѣць, пріѣць мои миленькій
Хоць да мене ў гости.
Бодай тобѣ друшненько
Семъ лѣци хвореци,
Колькижъ будзе въ твоей хаци
Баркунъ зеленеци,
Бодай тобѣ козаченьку
Да не стало ўзросту,
О пойдзи-же утапися
Зъ высокаго мосту.

Ходзиць дзѣўка кало рѣчки,
Бѣлы ручке мые,
А ужъ казакъ утапиўся,
Одна хустка плыва.
Той не жаль мнѣ той хустки,
Таго вышиванья,
Одно жаль мнѣ казаченька,
Бѣднаго каханья.

Сивый го̀лупъ, сивый го̀лупъ,
Галу̀пка сивѣйша,
Ойцецъ милый, матка мила,
Дзевчина милѣйша.
Сѣдзиць голупъ на дубочку,
Галупка на вишни,
Скажы, скажы щиру праўду,
Што маешь на мысли?
Ой сказала-пъ щиру праўду,
Што люблю, якъ душу,
А ты мене покидаешь,

Я плакати мушу.
Ой есць ў мине тое зелье
Выже перелазу
Якъ дамъ тобѣ напитися
Забудзешь одразу».
«Ой дай-же мнѣ того зелья,
Что-пъ це позабыци,
Буду парыць, буду пици,
Капли не опущу,
Ўтеды цебѣ прозобуду,
Якъ очками сплющу (закрою глаза, умру).

Вышла дай за хату, стала приглядацься,
Таталюли, таталюли, таталюсеньки мои,
Ажъ тамъ ѣзде кòзакъ, дай-же мнѣ свататься,
Таталюли, таталюли, таталюсеньки мòи.
А вона не хоче, что заручеmake,
Таталюли и проч.
Казакъ не весёлы, что не мае жонки.
Таталюли и проч.

---

4. Минской губ. Борисовскаго уѣзда.

(Записалъ Г. А. Приневскій со словъ слѣпого нищаго).

Былина о Борисѣ и Глѣбѣ и Святополкѣ окаянномъ.

Объисточное сказаніе (sic).

Якъ ў славномъ городѣ Кіевѣ
Якъ жыў сабѣ Владимиръ князь.
Ёнъ ў своемъ домѣ благочинномъ,
Ёнъ ў своей каменной палатѣ
Имѣў собѣ двѣнадцать чадоў.
Ёнъ только залюбіў три чады,
Три чады надежные:

Бориса, Хлѣба, Владимира.
Быў князь Полгей,
Такъ ўзявъ, подѣліў городы.
Владимиру чаду даў Кіевъ городъ,
А Чернигоў городъ Хлѣбушку,
И Могилеў Борису.
Вла́димиръ князь перестановіўся;
Теперь ёнъ пишетъ листъ грамотный
До святаго Хлѣба, Бориса.
Хлѣбъ-же Борисъ листы смотра̊ть.
Яны усѣвши на лошадей,
Подъ Вышгородъ подъѣзжаючи.
Охъ и яго братъ неўстрѣтіў его
Ни съ хлѣбомъ, ни съ солью,
А сустрѣў его со всей злобой,
Зъ вайстримъ мечемъ, зъ вайстримъ копьемъ.
Загубіў ихъ ёнъ, Бориса копьемъ пробіў,
А Хлѣбушка ножомъ заколоў.
Борисъ и Хлѣбъ просили брата Полгея:
Ой братецъ мой, брате, святой Полгей,
Ой не узрѣй, не губи насъ людей молодыхъ;
Возьми-жъ насъ ў свай домъ;
Кабъ мы ў твоемъ домѣ побывали
И хлѣба и соли покуша̀ли,
И ойца своего и матерь поминали.
А ўражій сынъ ни ойтецкій сынъ,
Ёнъ тыя молитвы не слышая,
Садіўся на лошадей со своими слугами.
Подъ Вышгородъ подъѣзжаючи,
Калиновый огонь расклаў,
Вороныхъ лошадей отпро̊гъ.
Ў поли полати пораскинуўши,
Ёнъ Бориса копьемъ прибіў,
А Хлѣбушка ножомъ заколо̊ў.

Ёнъ побиўши, погуляўши
Самъ собѣ утѣшается,
Что ему богатство отставается.
Подъ Вышенгородъ подъѣзжаючи,
По́дъ нимъ земля зрагонулося,
Ў путь ў дорозѣ замѣшалося.
Отрочи съ Хлѣба и Бориса
Лежать мощи всѣ святые,
Лежать мощи всѣ святые,
Охъ тридцать лѣтъ и три лѣты,
Ничего мощи не урождаются,
Ни водой-же, ни отъ вѣтра,
Ни отъ таго слонца,
Ни отъ таго лютаго морозу.
Нихто мощи ни спровѣдае,
Только спровѣдае самъ Исусъ Христосъ
И самъ Царь Небесный
Сосла̀ў зъ неба трохъ а̀нгелоў.
Тепера надъ святыми мощами располагаючи,
Стоять столбы небескіе
Отъ небесъ ажъ до само̀й земли.
Со строили, сбудовали
Преосвященную камѐнную церкоў,
Престолъ надъ имъ величающій.
Какъ заспѣваймо Алилуй, Алилуя,
Слава Тебѣ Боже.

Минской губ. Борисовскаго у.

(Записалъ Г. А. Приневскій),

Пѣсня молодицы.

Я ў поли жѝто жа̀ла,
У мяне ў доми шкода стала:
Звалилася свякро̀ў зъ тыну,

Набило ўсю крапиву.
Ни жаль-же мнѣ свякровочки,
Якъ жаль же мнѣ крапивочки.
Я крапивку свиннямъ ссяку,
А свякроўку на огни спяку.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

въ 1889 году.

Доложено, что 28 января въ Москвѣ будетъ праздноваться 50-тилѣтній юбилей члена корреспондента Академіи Наукъ А. А. Шеншина (Фета). Положено въ означенный день привѣтствовать его телеграммою отъ членовъ Отдѣленія, которая и отправлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Въ день полувѣковой годовщины литературной дѣятельности своего знаменитаго члена-корреспондента Отдѣленіе русскаго языка и словесности поставляетъ себѣ въ особенное удовольствіе привѣтствовать въ немъ любимаго русскаго поэта, умѣвшаго сочетать съ пылкимъ лирическимъ вдохновеніемъ глубину и свѣжесть чувства, прелесть образовъ и гармонію звуковъ, поэта, еще и на склонѣ лѣтъ сохраняющаго жаръ юности и неустанную энергію, которой литература наша обязана усвоеніемъ ей цѣлаго ряда произведеній классической древности. Отдѣленію при этомъ случаѣ пріятно вспомнить, что оно имѣло возможность увѣнчать одинъ изъ этихъ трудовъ преміею великаго русскаго поэта, который самъ сочувственно присоединился бы къ настоящему привѣтствію нашему. Да продлитъ Провидѣніе дни нестарѣющаго Фета».

Читано письмо профессора университета въ Черновцахъ Калужняцкаго, который, препровождая новую библіографическую статью о неизвѣстныхъ произведеніяхъ русской церковной печати, проситъ о напечатаніи этого труда въ Сборникѣ Отдѣленія. Поло-

жено просить А. Ѳ. Бычкова разсмотрѣть означенную статью и возвратить ее съ своимъ отзывомъ.

Представлена рукопись г. Хринсанѳа Лопарева подъ заглавіемъ «Іерусалимская повѣсть XVI вѣка», содержащая текстъ этого памятника и введеніе. Рукопись передана А. Н. Веселовскому съ просьбою разсмотрѣть ее и доставить о ней свой отзывъ.

Читана и одобрена для представленія въ Общее Собраніе слѣдующая составленная предсѣдательствующимъ записка: «Когда Отдѣленіе русскаго языка и словесности вскорѣ послѣ своего учрежденія готовилось къ изданію Словаря, то оно просило конференцію назначить изъ среды ея тѣхъ академиковъ, къ которымъ редакторы Словаря должны будутъ обращаться для предварительнаго разсмотрѣнія и повѣрки объясненій словъ и выраженій, относящихся къ физико-математическимъ и естественнымъ наукамъ. Вслѣдствіе этой просьбы, въ протоколѣ Общаго Собранія было записано, что каждый членъ I Отдѣленія Академіи, по вызову гг. редакторовъ, готовъ содѣйствовать имъ въ ихъ трудѣ. Нынѣ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, собираясь приступить къ печатанію перваго выпуска новаго изданія Русскаго Словаря, позволяетъ себѣ выразить надежду, что оно найдетъ такую же радушную помощь со стороны не только физико-математическаго, но и историко-филологическаго Отдѣленія, содѣйствіе котораго признается столь же необходимымъ, особенно по части политической экономіи и восточныхъ языковъ. Тѣмъ гг. академикамъ, которые благоволятъ изъявить на то свое согласіе, будутъ доставляемы, какъ это дѣлалось и при прежнемъ изданіи Словаря, корректурные листы, по мѣрѣ ихъ полученія изъ типографіи».

Читано письмо Н. С. Тихонравова въ отвѣтъ на просьбу Отдѣленія, что въ его собраніи рукописей не находится ни автографовъ Ломоносова, ни какихъ-либо другихъ, касающихся до него бумагъ. Въ его собраніи есть только «Clavis poëtica» Квѣтницкаго, бывшаго учителемъ Ломоносова въ Славяно-греко-латинскихъ школахъ, и *копія* съ извѣстнаго Сборника «Стиходѣйствъ», принадлежащаго Казанскому университету. Въ московскихъ архивахъ можно найти нѣкоторые матеріалы для предпринятаго Академіею Наукъ изданія сочиненій Ломоносова, и профессоръ Тихонравовъ вызывается исполнить тѣ порученія, которыя Отдѣленіе признаетъ нужнымъ дать ему относительно этихъ архивныхъ матеріаловъ.

Читано письмо А. А. Шеншина на имя предсѣдательствую-

щаго съ изъявленіемъ благодарности за посланное ему по телеграфу въ день его юбилея, 28 января, привѣтствіе, которое, по его словамъ, «приложило свою печать на это 50-тилѣтнее празднованіе придавая ему тѣмъ самымъ законную оправдательную силу».

Читано письмо вдовы Котляревскаго на имя А. Н. Веселовскаго, которымъ она увѣдомляетъ, что вслѣдствіе предложенія Отдѣленія избрать лицо, которое могло бы взять на себя составленіе біографіи покойнаго, она имѣетъ въ виду обратиться съ просьбою о томъ къ А. Н. Пыпину. Положено просить академика Веселовскаго увѣдомить Екатерину Семеновну Котляревскую, что оно предположеніе ея одобряетъ, и лично объясниться съ г. Пыпинымъ касательно степени подробности и размѣра біографіи.

Читано письмо академика Ягича на имя предсѣдательствующаго, въ которомъ онъ, сообщая о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него посланнымъ ему образчикомъ новаго изданія Словаря и изъявляя полную готовность участвовать въ чтеніи корректурныхъ листовъ, выражаетъ желаніе, чтобы при именахъ существительныхъ означаемо было удареніе множественнаго числа всякій разъ, когда оно не сходно съ удареніемъ единственнаго. Объяснено, что не только это соблюдается постоянно, но и вообще всякое измѣненіе акцента во флексіяхъ указывается какъ при существительныхъ именахъ, такъ и при другихъ частяхъ рѣчи.

При этомъ разсуждаемо было о нѣкоторыхъ словахъ, употребляемыхъ писателями въ двоякой формѣ, напр. *мучить*, *мучу*, *мучать* и *мучать*, *чаю*, *чають*, и принято за правило, что хотя одна изъ формъ можетъ считаться нормальною, однакожъ обѣ должны быть указываемы въ Словарѣ, конечно, съ надлежащею оговоркою.

Читанъ и одобренъ составленный предсѣдательствующимъ проектъ правилъ о преміи поручика Андрея Кирѣева.

Предсѣдательствующій доложилъ, что въ виду предстоящей разсылки гг. академикамъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ первыхъ корректурныхъ листовъ Словаря, онъ составилъ объяснительную записку о новомъ изданіи академическаго Словаря, которая затѣмъ и одобрена.

Читанъ Высочайшій указъ 3 мая о назначеніи Президентомъ Императорской Академіи Наукъ великаго князя Константина Константиновича.

Читано и одобрено слѣдующее составленное предсѣдательствующимъ привѣтствіе Его Высочеству Президенту, назначенное для прочтенія въ засѣданіи Общаго Собранія:

«Ваше Императорское Высочество!

«Сознавая въ полной мѣрѣ великую милость, оказанную Государемъ Императоромъ Академіи Наукъ дарованіемъ ей въ президенты Вашего Высочества, Отдѣленіе русскаго языка и словесности имѣетъ еще и особенную причину радостно привѣтствовать въ лицѣ Вашемъ главу нашего учрежденія. Кому не извѣстно, что русская литература, составляющая предметъ занятій второго Отдѣленія, дорога́ Вамъ не какъ любителю ея только, но какъ одному изъ ея дѣятелей, какъ автору произведеній, появленіе которыхъ въ печати встрѣчено было съ живымъ сочувствіемъ всею грамотною Россіей?

«Отдѣленію отрадна увѣренность, что Ваше Императорское Высочество примете къ сердцу интересы его наравнѣ съ пользами прочихъ частей Академіи, въ составѣ которой оно хотя и является младшимъ членомъ, но всегда стремилось достойно занимать свое мѣсто, къ чести созданнаго Петромъ Великимъ знаменитаго учрежденія, къ преуспѣянію и славѣ русской науки.

«Желая и впредь дѣйствовать въ томъ-же духѣ, мы твердо надѣемся на просвѣщенную поддержку Вашу и не сомнѣваемся, что Ваше Императорское Высочество, съ любовію посвящая силы свои возложеннымъ на Васъ Монаршею волею новымъ заботамъ, съ блескомъ впишете имя Свое въ лѣтописи русской Академіи Наукъ, во главѣ цѣлаго періода ея исторіи, на продолжительность котораго мы имѣемъ основаніе разсчитывать».

Академики А. Ѳ. Бычковъ и Л. Н. Майковъ сообщили замѣчанія свои на доставленные предсѣдательствующимъ новые оттиски первыхъ корректурныхъ листовъ Словаря, при чемъ академикъ Я. К. Гротъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что онъ, по полученіи отъ нѣкоторыхъ лицъ ожидаемыхъ имъ дополнительныхъ замѣчаній, думаетъ въ теченіе вакантнаго времени ограничиться сверсткою перваго листа, окончательную же правку послѣднихъ корректурныхъ формъ, теперь уже набранныхъ, предполагаетъ отложить до осени, въ теченіе же лѣтнихъ мѣсяцевъ будетъ продолжать приготовленіе къ печати и просмотръ въ наборѣ какъ остальныхъ словъ на букву А, такъ и словъ на Б и В. Къ этому онъ присовокупилъ, что на предстоящіе мѣсяцы имъ поручено гг. Шейну, Смирнову и Пѣтухову продолжать составленіе выписокъ изъ писателей, а г. Симони заниматься дальнѣйшею сводкою матеріаловъ для новаго изданія Областного Словаря. Принято къ свѣдѣнію.

Академикъ Ягичъ доложилъ, что ему удалось отыскать по порученію Отдѣленія подлинную рукопись сочиненія Хельчицкаго «Реплика противъ бискупца», которое положено напечатать въ Сборникѣ вслѣдъ за «Сѣтью вѣры» того же автора. Узнавъ, что эта рукопись вмѣстѣ съ другими автографами Хельчицкаго хранится въ Ольмюцѣ, И. В. Ягичъ самъ ѣздилъ въ этотъ городъ и поручилъ переписку этого манускрипта живущему тамъ ученому доктору Кахнику, викарію при мѣстномъ соборѣ. Отдѣленіе, вполнѣ одобривъ это распоряженіе, выразило академику Ягичу свою признательность.

Засѣданіе 23 сентября происходило подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго президента Академіи Наукъ. Его Высочество, по осмотрѣ Зоологическаго Музея, прибылъ въ полдень въ малую конференцъ-залу и занялъ мѣсто среди членовъ Отдѣленія.

По прочтеніи протокола засѣданія 16 сентября, академикъ Я. К. Гротъ предложилъ на обсужденіе возбужденный Его Императорскимъ Высочествомъ вопросъ о предпринятіи Академіею Наукъ полнаго критическаго и притомъ роскошнаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Необходимость такого изданія была единогласно признана Отдѣленіемъ, въ виду неудовлетворительности всѣхъ существующихъ въ настоящее время изданій Пушкина, и веденіе приготовительныхъ работъ по этому предпріятію возложено на академика Майкова. Вслѣдъ за тѣмъ Л. Н. Майковъ изложилъ свой взглядъ на распорядокъ предполагаемаго изданія, которое, по его мнѣнію, должно будетъ состоять изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: 1) произведеній вполнѣ законченныхъ или по крайней мѣрѣ такихъ, которыя хотя и не были вполнѣ обработаны поэтомъ, но по степени своей отдѣлки и художественному достоинству могутъ считаться наравнѣ съ законченными, и 2) произведеній, только набросанныхъ вчернѣ или вообще не конченныхъ. По возбужденному вмѣстѣ съ тѣмъ вопросу о стихотвореніяхъ такъ называемаго нецензурнаго содержанія, опредѣлено напечатать ихъ отдѣльною книжкой въ небольшомъ числѣ экземпляровъ (примѣрно отъ 50 до 100) и, не выпуская въ продажу, выдавать только библіотекамъ и нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ. Что касается вопроса, связаннаго съ идеей роскошнаго изданія, именно относительно приложенія къ нему иллюстрацій, то созданіе рисунковъ, которые по достоинству изобрѣтенія и исполненія отвѣчали бы высшимъ художественнымъ требованіямъ, представляло бы такія затрудненія, устраненіе коихъ выходило бы изъ предѣловъ круга дѣятельности и задачъ Отдѣ-

ленія. Поэтому положено ограничиться включеніемъ въ изданіе портретовъ Пушкина и наиболѣе замѣчательныхъ изъ собственныхъ его эскизовъ, въ большомъ числѣ разбросанныхъ въ его рукописяхъ. Другого рода рисунки, воспроизводящіе сюжеты произведеній Пушкина, могутъ составить отдѣльный альбомъ, изготовленіе котораго будетъ предоставлено частной предпріимчивости. Въ заключеніе Л. Н. Майкову поручено письменно изложить съ большею подробностію и представить въ Отдѣленіе проектъ изданія на основаніяхъ, постановленныхъ въ настоящемъ засѣданіи.

Относительно хода приготовительныхъ работъ по предпринятому Отдѣленіемъ изданію сочиненій Ломоносова академикъ М. И. Сухомлиновъ доложилъ слѣдующее: «При изданіи сочиненій Ломоносова существенною основою должны служить собственноручныя рукописи его, а также и то, что напечатано при жизни автора и при его непосредственномъ участіи. Главнымъ хранилищемъ рукописныхъ матеріаловъ справедливо признаются архивы Академіи Наукъ (Конференціи и Канцеляріи). Многое сохранилось въ академическихъ архивахъ, но многое и исчезло — безслѣдно или только до поры до времени, объ этомъ еще нельзя сказать ничего положительнаго. Несомнѣнно, что въ рукописяхъ находятся пробѣлы, и притомъ отнюдь не случайные: изъ ряда писемъ, точно указанныхъ въ приложенномъ указателѣ, недостаетъ именно тѣхъ, которыя писаны Ломоносовымъ; даже изъ Ломоносовскихъ писемъ сдѣланъ какъ бы сознательный выборъ, судя по тому, что исчезли самыя любопытныя. Что касается печатныхъ источниковъ, то такъ наз. *editio princeps* нѣкоторыхъ произведеній Ломоносова составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость, хотя о существованіи ихъ имѣются въ архивахъ весьма опредѣленныя указанія. Въ теченіе почти двадцати лѣтъ со времени начала литературной дѣятельности Ломоносова сочиненія его появлялись въ печати каждое отдѣльно, а нѣкоторыя помѣщаемы были въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ. Только въ 1751 году Ломоносовъ, вызванный, какъ самъ говоритъ, требованіями читающаго общества, издалъ собраніе своихъ сочиненій. Это первое собраніе, состоящее изъ одного тома, имѣетъ особенную цѣну, не только по времени своего появленія, но главнымъ образомъ потому, что оно печаталось при жизни автора и подъ его самымъ дѣятельнымъ наблюденіемъ. По счастію, уцѣлѣлъ рукописный подлинникъ этого изданія, въ которомъ многое написано собственноручно Ломоносовымъ. Сравненіе собственноручнаго съ написаннымъ чужою рукою даетъ

указаніе для хронологической послѣдовательности произведеній. Черезъ нѣсколько лѣтъ Ломоносовъ приготовилъ къ печати второй и третій томы собранія своихъ сочиненій; но дѣло затормозилось по неизвѣстнымъ причинамъ, и только въ 1757 году появилось, но не продолженіе перваго изданія, а второе изданіе, въ первый томъ котораго вошли произведенія, напечатанныя въ первомъ изданіи, съ прибавленіемъ того, что вышло въ свѣтъ послѣ 1751 года. Второй томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1759 году. Всѣ другія изданія появились уже по смерти Ломоносова. Особеннаго вниманія заслуживаютъ, хотя и не въ одинаковой степени, изданія архимандрита Дамаскина и Козодавлева. Иное явилось здѣсь по рукописнымъ источникамъ. По плану, представленному въ Отдѣленіе и одобренному онымъ, въ первый томъ академическаго изданія должны войти стихотворенія. Поэтому необходимо привести въ извѣстность всѣ стихотворныя произведенія Ломоносова, уцѣлѣвшія частью въ собственноручныхъ рукописяхъ Ломоносова, частью въ первыхъ изданіяхъ, вышедшихъ при жизни автора. Многое уже найдено и собрано, но многое до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ и требуетъ самыхъ тщательныхъ разысканій. Избравши основной текстъ для каждаго стихотворенія, я привожу варіанты изъ другихъ списковъ и изданій. Стихотворенія Ломоносова, будучи издаваемы отдѣльно, находятся также, въ полномъ ли объемѣ или отрывкахъ, и въ его прозаическихъ сочиненіяхъ. Сличеніе текстовъ приводитъ къ любопытному выводу, показывая, какъ Ломоносовъ работалъ надъ своимъ стихомъ, почти никогда не воспроизводя его съ буквальною точностію и почти всегда дѣлая бо́льшія или меньшія измѣненія. Иногда перемѣны такъ велики, что произведеніе получаетъ совершенно новый видъ: въ такомъ случаѣ считаю нужнымъ помѣщать обѣ редакціи вполнѣ. Каждое стихотвореніе предполагаю помѣщать съ объяснительными примѣчаніями, въ которыхъ бы указывались время появленія и поводъ къ написанію. Такъ какъ произведенія должны быть расположены въ хронологическомъ порядкѣ, то опредѣленіе его и занимаетъ меня въ настоящую минуту. Оно сопряженно съ большими трудностями. Первое по времени стихотвореніе Ломоносова — переводъ оды Фенелона — по счастію сохранилось въ собственноручномъ подлинникѣ Ломоносова. Но второе, принадлежащее притомъ къ числу самыхъ важныхъ, повидимому исчезло на всегда въ томъ видѣ, въ какомъ прислалъ его Ломоносовъ изъ Фрейберга. Это — ода на взятіе Хотина. Тщательный переборъ всего архивнаго матеріала, отъ про-

токоловъ ученаго собранія до типографскихъ счетовъ, не далъ ни малѣйшаго указанія на время появленія въ печати оды Ломоносова, хотя о печатаніи двухъ другихъ одъ, написанныхъ разными лицами по тому же поводу, есть въ архивахъ положительныя извѣстія. — Присланное Ломоносовымъ изъ Фрейберга, вмѣстѣ съ одою на взятіе Хотина, «Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства», имѣющее особенно важное значеніе, также неизвѣстно въ собственноручной рукописи. Оно впервые явилось въ печати въ изданіи Дамаскина (въ 1778 году) по рукописи, присланной изъ Петербурга. Былъ ли это списокъ, или самый подлинникъ, неизвѣстно. Въ разысканіяхъ своихъ я пользуюсь рукописями и печатными изданіями, находящимися въ архивахъ Академіи Наукъ, въ Государственномъ Архивѣ, въ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, въ Библіотекѣ Академіи Наукъ, въ Публичной Библіотекѣ и др. Чѣмъ счастливѣе будутъ такія разысканія въ области первыхъ источниковъ, тѣмъ скорѣе можно будетъ приступить къ печатанію перваго тома».

Предсѣдательствующій доложилъ, что живущій въ Кадниковѣ А. Н. Иваницкій, окончивъ переписку составленнаго имъ Словаря Вологодскаго нарѣчія, доставилъ въ Отдѣленіе чистый, весьма тщательно изготовленный списокъ этого Словаря, и что онъ, академикъ Гротъ, предполагаетъ передать этотъ списокъ, въ дополненіе къ другимъ подобнымъ матеріаламъ, г-ну Симони, занимающемуся подъ его руководствомъ, приготовительными трудами для новаго изданія Областного Словаря. Одобрено.

Доведена до свѣдѣнія Отдѣленія просьба книгопродава Геруца о томъ, чтобы въ основанный имъ въ Петербургѣ «Русско-славянскій книжный складъ» доставляемо было на комиссію по одному экземпляру каждой вновь издаваемой книги и по 10-ти оттисковъ каждой брошюры. Положено сообщить о томъ завѣдующему складомъ изданій Отдѣленія.

Академикъ Майковъ прочелъ составленный имъ, по порученію Отдѣленія, планъ критическаго изданія сочиненій Пушкина на основаніи правилъ, въ общихъ чертахъ уже изложенныхъ въ протоколѣ засѣданія 23 минувшаго сентября. Отдѣленіе, вполнѣ одобривъ этотъ планъ, предоставило Леониду Николаевичу, по окончательной отдѣлкѣ редакціи въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, внести его въ Отдѣленіе для напечатанія, съ обращеніемъ ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ какіе-либо еще не изданные матеріалы для такого изданія, просьбы сообщить ихъ Отдѣленію.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

I. КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Рѣчь, составленная въ 1876 году по порученію президента Академіи Я. К. Гротомъ и читанная графомъ Ѳ. П. Литке 29 декабря того же года по случаю празднованія полуторавѣковаго юбилея Академіи Наукъ въ присутствіи императора Александра Николаевича и Августѣйшаго Семейства [1]).

Первая мысль при настоящемъ торжествѣ Академіи Наукъ невольно обращается къ великому Основателю ея. Ясно сознавая значеніе науки для всѣхъ отраслей государственной жизни, Петръ I давно лелѣялъ въ душѣ своей мечту объ этомъ учрежденіи, но только за годъ до своей кончины успѣлъ онъ положить твердое начало осуществленію ея и тѣмъ увѣнчать свои неусыпныя попеченія и труды на благо Россіи. Ему самому не было суждено привести въ дѣйствіе любимую мысль свою, но завѣтъ его былъ свято исполненъ и заботливо хранимъ Августѣйшими его преемниками. Съ чувствомъ благоговѣйной признательности къ Монархамъ, подъ могущественнымъ покровомъ которыхъ наша Академія росла и развивалась, возобновимъ сегодня въ памяти нѣкоторыя черты ея прошлаго.

Первоначально Академія наша, по тогдашнему состоянію просвѣщенія въ Россіи, не могла имѣть цѣлію служеніе чистой наукѣ. Петръ Великій имѣлъ въ виду основать въ ней не ученое общество только, но и разсадникъ преподавателей для будущихъ училищъ; она должна была и сама вмѣщать въ себѣ учебное заведеніе. Для достиженія своей цѣли Петръ прибѣгнулъ къ тому же

---

[1]) См. Записки Академіи Наукъ, т. XXIX, кн. 1. Печатается здѣсь по поводу назначенія Президентомъ Императорской Академіи Наукъ Государя Великаго Князя Константина Константиновича, благоволившаго обратить вниманіе на эту рѣчь.

средству, какое употреблялъ для пріобрѣтенія дѣятелей по государственной службѣ, т. е. къ вызову иностранцевъ, которые бы могли сдѣлаться наставниками или образцами природныхъ Русскихъ и приготовить ихъ къ самостоятельной дѣятельности въ будущемъ. Съ этою-то мыслью онъ на докладѣ объ учрежденіи Академіи приписалъ своею рукой: «Надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ славянскаго народа, дабы могли удобнѣе Русскихъ учить».

Приглашенные Петромъ Великимъ ученые начали съѣзжаться только по кончинѣ его. Посредникомъ при вызовѣ ихъ былъ лейбъ-медикъ Блументростъ, назначенный вскорѣ первымъ Президентомъ Академіи. Онъ же представилъ новоприбывшихъ Императрицѣ Екатеринѣ I во дворцѣ лѣтняго сада. Пріемъ имъ былъ самый милостивый, какого, по выраженію современника, могли только ожидать важнѣйшіе изъ посланниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ начались собранія академиковъ въ домѣ Шафирова на Петербургской сторонѣ. Одно изъ засѣданій удостоилось присутствія Императрицы, сидѣвшей на томъ самомъ тронѣ, съ котораго Петръ Великій торжественно принималъ иностранныхъ пословъ и который на этотъ случай былъ нарочно перенесенъ изъ Сената.

Естественно, что первоначальное развитіе Академіи было въ зависимости отъ состоянія тогдашняго русскаго общества. Ей пришлось посвящать значительную долю своей дѣятельности на удовлетвореніе практическихъ нуждъ; на изданіе газетъ и календарей, на обученіе юношества въ академической гимназіи, на составленіе проектовъ и рисунковъ иллюминацій, на сочиненіе стиховъ для придворныхъ празднествъ. По послѣднимъ двумъ назначеніямъ Академія имѣла даже особаго спеціалиста, профессора аллегоріи Штелина, бывшаго наставникомъ Великаго Князя Петра Ѳедоровича. Тогда же, такъ какъ Академіи Художествъ еще не было, при Академіи Наукъ явились разныя техническія производства и начатки изящныхъ искусствъ въ принадлежавшихъ ей обширныхъ мастерскихъ.

Несмотря на такой смѣшанный характеръ ея дѣятельности и на неизбѣжное преобладаніе въ тогдашнемъ составѣ ея иностраннаго элемента, Академія Наукъ съ самаго начала не теряла изъ виду своего призванія способствовать къ изученію Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, къ собиранію положительныхъ о ней данныхъ по разнымъ отраслямъ знанія. Съ этою цѣлью, уже черезъ семь лѣтъ послѣ открытія Академіи, снаряжена была ученая экспедиція въ Сибирь, совершонная особенно академиками Гмелиномъ, Миллеромъ, Фишеромъ, Стеллеромъ и студентомъ Крашенинниковымъ, вызваннымъ Академіею изъ Москвы. Эта экспедиція продолжалась десять лѣтъ и обогатила науку множествомъ важныхъ извѣстій и открытій, изданіе которыхъ составило эпоху въ лѣтописяхъ не только Академіи, но и вообще науки.

Наступившее вслѣдъ за тѣмъ царствованіе Елисаветы Петровны ознаменовалось въ нашемъ учрежденіи разностороннею дѣятельностью геніальнаго Ломоносова, перваго русскаго академика и писателя. Вскорѣ мы видимъ между членами Академіи уже и другихъ русскихъ ученыхъ, наприм. Крашенинникова, Попова, Румовскаго. Кромѣ ученыхъ трудовъ, по особенному повелѣнію Государыни, печатались также изготовлявшіеся при Академіи русскіе переводы книгъ для легкаго чтенія. Въ 1754 году историографъ Миллеръ основалъ первый на русскомъ языкѣ учено-литературный журналъ «Ежемѣсячные сочиненія и переводы»; онъ издавался при Академіи тѣмъ же ученымъ десять

лѣтъ и составляетъ въ исторіи русской журналистики весьма замѣчательное явленіе.

Стремленіе примѣнять труды Академіи къ пользамъ Россіи еще усилилось въ царствованіе Екатерины II. Какъ достойная преемница Петра Великаго, она не могла не питать особеннаго сочувствія къ высокимъ цѣлямъ его въ созданіи этого учрежденія. Еще бывъ великою княгиней, Екатерина II не разъ обращалась къ пособіямъ Академіи Наукъ. По вступленіи на престолъ она удостоила своимъ присутствіемъ первое послѣ того торжественное собраніе, приняла Академію въ свое непосредственное вѣдѣніе и, учредивъ для управленія его должность Директора, требовала отъ него ежемѣсячныхъ экономическихъ вѣдомостей. Съ этого времени Академія считаетъ начало новаго періода своего существованія. Она никогда не забудетъ, какое близкое участіе Императрица удостоивала принимать въ ея дѣлахъ, слѣдя за трудами академиковъ, изъ коихъ нѣкоторые были ей лично извѣстны, и иногда возлагая на нихъ ученыя работы: такъ напр. академикъ Миллеръ, по ея порученію, написалъ исторію русскаго дворянства; а Палласу ввѣрено было ею окончаніе сравнительныхъ словарей, которыми прежде сама Государыня занималась. Не можетъ быть также забыто, что ей русская исторія обязана удержаніемъ при Академіи Шлецера, оказавшаго этой наукѣ столь незабвенныя услуги. Особенно же памятно, что Императрица, узнавъ о предстоявшемъ прохожденіи планеты Венеры передъ солнцемъ, прежде нежели гдѣ-либо въ Европѣ приняты были мѣры для наблюденій надъ этимъ явленіемъ, сама возымѣла мысль снарядить по этому поводу нѣсколько экспедицій въ разные концы Россіи и написала о томъ директору Академіи Графу Владиміру Орлову. Предпринятыя вслѣдствіе того обширныя ученыя путешествія нѣсколькихъ академиковъ и избранныхъ Государынею стороннихъ астрономовъ, а также и результаты этихъ путешествій въ трудахъ Палласа, Лепехина, Георги, Озерецковскаго и др., такъ извѣстны, что излишне было бы распространяться о нихъ. Въ то время число русскихъ членовъ Академіи уже значительно увеличилось: мы находимъ между ними столь знакомыя ученому міру имена Иноходцева, Котельникова, Протасова, Севергина и др. Назначенная директоромъ Академіи княгиня Дашкова вполнѣ оправдала этотъ необыкновенный выборъ, умѣла своимъ личнымъ участіемъ въ трудахъ академиковъ оживить ихъ дѣятельность, старалась доставить этому учрежденію вліяніе на общество установленіемъ публичныхъ чтеній на русскомъ языкѣ и періодическими изданіями, которыми сама завѣдывала.

Первое пятидесятилѣтіе Академіи совершилось въ счастливый моментъ, когда Россія, послѣ многолѣтней войны съ Турціей и внутреннихъ бѣдствій, начинала оправляться среди благъ мира и спокойствія. Незадолго передъ тѣмъ въ Царскомъ семействѣ отпраздновано было бракосочетаніе Наслѣдника Престола великаго князя Павла Петровича съ великою княгиней Маріею Θеодоровной. Августѣйшіе новобрачные почтили своимъ присутствіемъ этотъ первый юбилей Академіи. Сама Императрица не могла исполнить своего, передъ тѣмъ ею выраженнаго намѣренія также посѣтить по этому случаю Академію. Избранный ею для этого день, 29-е декабря, сдѣлался навсегда знаменательнымъ въ жизни Академіи, служа съ тѣхъ поръ днемъ ея годовыхъ торжественныхъ собраній.

По воцареніи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Императора Александра

Павловича, президентомъ Академіи Наукъ назначенъ былъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Государя, Новосильцовъ. Вскорѣ ей былъ дарованъ новый уставъ, значительно расширившій ея дѣятельность, которая получила еще большее оживленіе съ назначеніемъ въ 1818 г. графа Уварова въ Президенты.

По особенно счастливой для Академіи случайности, столѣтняя годовщина ея основанія совпала съ началомъ достославнаго царствованія Императора Николая Павловича. Никогда еще Академія Наукъ не имѣла счастія привѣтствовать въ своихъ стѣнахъ такого многочисленнаго и блестящаго собранія августѣйшихъ особъ: ее удостоили своимъ посѣщеніемъ Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Николай Павловичъ, Государыни Императрицы Александра Ѳеодоровна и Марія Ѳеодоровна, Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Великій Князь Александръ Николаевичъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ супругою Великою Княгинею Еленою Павловною. Особенно отрадныя чувства возбуждало присутствіе вдовствующей Императрицы, которая за полстолѣтія передъ тѣмъ явившись на торжествѣ науки лучезарною звѣздою, во всемъ блескѣ юности и красоты, теперь, на склонѣ дней своихъ, снова посѣтила Академію въ сіяніи неувядаемой славы совершонныхъ ею христіанскихъ подвиговъ. Чтобы увѣковѣчить память столь необыкновенно-радостнаго событія Академія испросила Всемилостивѣйшее дозволеніе выбить особую золотую медаль, которая и была поднесена Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ депутаціею академиковъ въ день рожденія Ея Величества, 14 октября 1827 года.

Столѣтній юбилей Академіи былъ для нея какъ бы свѣтлою зарею послѣдовавшихъ лѣтъ. Благодаря великодушному, постоянно милостивому покровительству Императора Николая, созданіе Петра Великаго скоро достигло цвѣтущаго состоянія и утвердило свое право на общее уваженіе въ Европѣ. Многія монументальныя предпріятія въ области науки совершились, къ славѣ Россіи, подъ скипетромъ Николая I, во вторую четверть нашего вѣка, и значительная часть ихъ совершилась при Академіи Наукъ. Послѣдовалъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ приращенію ея средствъ какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, къ увеличенію ея научныхъ силъ. Съ дарованіемъ ей новаго Устава въ 30 хъ годахъ, въ ней явились новыя каѳедры, музеи обогатились значительными пріобрѣтеніями, зданія обновились и расширились. Вслѣдствіе всѣхъ подобныхъ улучшеній съ одной стороны и успѣховъ общаго образованія съ другой, установилась болѣе тѣсная связь между Академіей и обществомъ.

Развитіе дѣятельности Академіи Наукъ продолжалось, на тѣхъ же основаніяхъ, и въ послѣдній періодъ полуторавѣковаго ея существованія, начавшійся со вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора и почти одновременнымъ назначеніемъ, по смерти Графа Уварова, новаго Президента Академіи въ лицѣ просвѣщеннаго сановника и писателя, Графа Блудова. И въ послѣдовавшіе, по кончинѣ его, годы Академія не переставала испытывать, во всѣхъ отправленіяхъ своей жизни, благотворное дѣйствіе Монаршаго вниманія къ нуждамъ своимъ и къ пользамъ науки. Однимъ изъ отличительныхъ явленій въ жизни Академіи за это время былъ рядъ небывалыхъ прежде въ стѣнахъ ея торжественныхъ собраній въ память великихъ русскихъ дѣятелей: Петра Великаго, Ломоносова, Карамзина и Крылова.

Послѣ этого краткаго очерка минувшихъ судебъ Академіи, да будетъ мнѣ позволено обратиться къ настоящей радостной минутѣ. Не видимъ-ли въ ней утѣшительнаго доказательства, что Академія Наукъ и въ наши дни осчастливлена драгоцѣннымъ благоволеніемъ Августѣйшаго своего Покровителя? не служитъ-ли прекраснѣйшимъ для нея предзнаменованіемъ вожделѣнное присутствіе возлюбленнаго Монарха при вступленіи ея въ новое полустолѣтіе своего существованія? Этотъ торжественный мигъ переноситъ насъ за 50 лѣтъ назадъ, когда Академія Наукъ въ первый разъ удостоилась привѣтствовать Васъ, Государь, въ своей средѣ. — Между нами нѣтъ уже никого изъ имѣвшихъ тогда счастіе присутствовать въ этихъ стѣнахъ; но Академія съ умиленіемъ хранитъ о томъ память; нынѣ же съ неизреченною благодарностью занесетъ въ свои лѣтописи, что чрезъ полвѣка Вашему Императорскому Величеству благоугодно было, среди важнѣйшихъ государственныхъ заботъ вспомнить тотъ незабвенный для насъ день и снова принять милостивое участіе въ скромномъ академическомъ празднествѣ. Осмѣлюсь, въ заключеніе, прочесть строки, напечатанныя въ отчетѣ о тогдашнемъ торжественномъ собраніи: «Сердца всѣхъ исполнялись живѣйшею надеждою при воззрѣніи на Царственнаго Отрока, нынѣ радость Отечества составляющаго, а нѣкогда его славу, и Онъ Своимъ присутствіемъ на торжествѣ пробудилъ въ душахъ радостное предчувствіе о Своемъ будущемъ покровительствѣ наукамъ для блага Отечества».—Исполнилось-ли это предчувствіе? Отвѣтъ на то вписанъ неизгладимыми чертами въ сердца всѣхъ насъ, какъ и въ исторію русскаго просвѣщенія.

II. ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА О НОВОМЪ ИЗДАНIИ АКАДЕМИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ [1]).

1. Объемъ содержанiя.

Прежнiй академическiй словарь обнималъ, какъ выражено и въ заглавiи его, церковнославянскiй и русскiй языкъ, причемъ въ составъ послѣдняго входилъ и языкъ древнерусскiй, какимъ

---

1) Записка эта была разослана при слѣдующемъ циркулярномъ письмѣ предсѣдательствующаго въ Отдѣленiи:

Сочувствiе, выраженное какъ гг. членами I-го и III-го Отдѣленiй Академiи Наукъ, такъ и нѣкоторыми посторонними учеными къ предпринятому Отдѣленiемъ русскаго языка и словесности новому изданiю академическаго словаря, позволяетъ Отдѣленiю разсчитывать на Ваше обязательное содѣйствiе успѣшному ходу этого предпрiятiя.

Препровождая при семъ корректурный оттискъ начала этого словаря, который предполагается издавать выпусками, и прилагая особую объяснительную записку, II-ое Отдѣленiе Академiи имѣетъ честь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбой не отказать ему въ просмотрѣ словъ, относящихся къ Вашей специальности или вообще интересующихъ Васъ, и при этомъ:

1) Подвергать внимательной критикѣ каждое такое слово, и если оно будетъ сочтено излишнимъ, отмѣчать это.

2) Прибавлять слова́, которыя окажутся пропущенными, присоединяя къ нимъ точное, по возможности сжатое, опредѣленiе.

3) Повѣрять и исправлять помѣщенныя при словахъ опредѣленiя.

4) Дополнять указанныя при словахъ значенiя, если въ нихъ окажутся пробѣлы.

5) При ботаническихъ, а отчасти и при зоологическихъ названiяхъ рѣшать, какiе изъ приложенныхъ къ нимъ, употребительныхъ въ разныхъ частяхъ Россiи синонимовъ заслуживаютъ сохраненiя или исключенiя.

6) Вообще сообщать свои замѣчанiя, хотя бы они и не относились къ той или другой специальной области знанiя.

Прилагаемый корректурный оттискъ желательно было бы получить обратно съ Вашими замѣчанiями не позже какъ черезъ недѣлю со дня его присылки.

Вмѣстѣ съ симъ Отдѣленiе испрашиваетъ Вашего позволенiя доставлять Вамъ съ тою же цѣлiю и на такой же срокъ дальнѣйшiе корректурные листы словаря по мѣрѣ ихъ изготовленiя.

онъ является въ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ памятникахъ. Такое соединеніе, съ одной стороны, двухъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, а съ другой, совершенно различныхъ періодовъ жизни русскаго языка, представляющихъ каждый свои особенные законы и формы, не можетъ считаться правильнымъ и было бы несвоевременнымъ нынѣ, когда уже имѣются отдѣльные церковнославянскіе словари (Востокова и Миклошича) и когда Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности предпринят- изданіе особаго, составленнаго покойнымъ Срезневскимъ, словаря древнерусскаго языка.

Настоящее изданіе имѣетъ предметомъ собственно общеупотребительный въ Россіи литературный языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова; изъ церковнославянскаго же и древнерусскаго сохраняетъ оно только слова́, либо слившіяся съ русскою рѣчью въ религіи, исторіи и литературѣ, либо представляющія особенный интересъ по связи съ языкомъ современнымъ.

Такъ какъ невозможно установить вполнѣ точныхъ границъ между разными сферами и оттѣнками языка, то въ словарь будутъ занесены кромѣ того и нѣкоторыя областныя слова, именно: частью такія, которыя получили обширное распространеніе, частью мѣстныя слова, встрѣчающіяся у писателей, частью наконецъ слова особенно любопытныя и поучительныя. Въ этомъ отношеніи принято за правило: лучше давать лишнее, нежели опускать то, объ излишествѣ чего могутъ быть разныя мнѣнія.

Изъ *техническихъ* названій по наукамъ и искусствамъ войдутъ въ словарь, по примѣру прежняго изданія, а также по образцу многихъ иностранныхъ словарей, термины болѣе или менѣе употребительные, которые могутъ встрѣчаться какъ во вседневномъ быту, такъ и въ неслишкомъ спеціальныхъ научныхъ сочиненіяхъ.

При *ботаническихъ* названіяхъ приводится опредѣляющій ихъ латинскій терминъ и кромѣ того (курсивомъ) тѣ названія, подъ которыми одно и то же растеніе извѣстно въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Собственныя имена, какъ личныя, такъ и географическія, т. е. имена странъ, городовъ, рѣкъ, озеръ и т. д., въ словарь не вносятся, но имена *этнографическія*, по крайней мѣрѣ крупныхъ этнографическихъ единицъ (какъ напр. русскій, нѣмецъ, австріецъ, англичанинъ, турокъ) помѣщаются, такъ какъ эти имена, имѣющія и множественное число, считаются нарицательными, почему и пишутся они безъ большой буквы. Прилагательныя отъ именъ странъ (напр. азіатскій, австрійскій, турецкій) также не считаются собственными и найдутъ мѣсто въ словарѣ. Они важны и любопытны въ отношеніи къ законамъ словообразованія.

2. Порядокъ занесенія словъ и относительная полнота словаря.

Каждое слово, отдѣльно существующее, составленное по способу словообразованія и употребительное въ языкѣ, хотя бы и заимствованное, заносится особо, въ своей прямой или заглавной формѣ, въ строго алфавитномъ порядкѣ. Сло́ва, встрѣчающіяся у писателей въ двоякомъ видѣ, ставятся каждое отдѣльно на своемъ мѣстѣ, но при неодобряемой формѣ дѣлается ссылка на предпочитаемую. Когда слово во флексіи получаетъ форму, по которой трудно узнать основную, то оно помѣщается и въ первой. Такъ напр. *возьму* приводится отдѣльно отъ *взять* со ссылкою на это неопредѣленное наклоненіе.

Въ предположенныхъ предѣлахъ содержанія словарь стремится къ возможной *полнотѣ номенклатуры*, т. е. *списка словъ*, давая между прочимъ всѣ неологизмы, которыми обогатилась русская рѣчь въ послѣднія десятилѣтія, частію по естественному ходу развитія языка, частію вслѣдствіе многочисленныхъ преобразованій во всѣхъ почти отрасляхъ общественнаго и государственнаго быта.

3. Опредѣленіе значеній словъ.

Для большей наглядности каждое значеніе слова пишется въ особую строку.

Если историческое развитіе значеній ясно, то на первомъ мѣстѣ ставится древнѣйшее значеніе, а затѣмъ постепенныя видоизмѣненія его. Такъ напр. при словѣ *городъ* ставится прежде всего значеніе *ограды*, потомъ: укрѣпленное мѣсто, крѣпостца, и напослѣдокъ уже поселеніе, признанное городомъ, какъ административная единица, и получившее свое особенное управленіе. Переносное значеніе слова отмѣчается, какъ и въ прежнемъ изданіи, звѣздочкою, напр. **горькій* въ его духовномъ смыслѣ, въ отличіе отъ вещественнаго.

4. Оправдательные примѣры.

Примѣры состоятъ: 1) либо только въ пояснительномъ сочетаніи словъ и въ оборотахъ, когда напр. при словѣ *горшокъ* приводятся выраженія: *Кухонный горшокъ. Цвѣточный горшокъ. Фарфоровый горшокъ*, или когда напр. при словѣ *водить* помѣщаются примѣры: *водить знакомство, водить съ кѣмъ-либо хлѣбъ-соль*; 2) либо въ цѣлыхъ фразахъ. Эти фразы заимствуются: а) изъ *общеупотребительной рѣчи*, и въ этомъ случаѣ находящіеся въ прежнемъ изданіи примѣры, если они удачны, переносятся и въ новое, б) изъ богатаго источника *народныхъ поговорокъ* и *пословицъ*, в) изъ *писателей*, какъ прозаиковъ, такъ и поэтовъ. Стихи печатаются особымъ мелкимъ шрифтомъ для отличія отъ примѣровъ прозаическихъ, которые приводятся курсивомъ. При выпискахъ изъ писателей означается сокращенно или только имя автора, или и заглавіе произведенія, откуда взятъ примѣръ, или только заглавіе, если сочиненіе очень извѣстно, напр. *Евг. Он., Горе о. у.* Въ этомъ отношеніи невозможно было соблюсти полнаго единообразія, потому что выписки дѣлались въ разное время, разными лицами и по различному плану, а жертвовать хорошимъ примѣромъ только ради того, что въ точности не означенъ его источникъ, было бы существенною потерею для словаря. Приводить при нѣкоторыхъ примѣрахъ и страницы книгъ, откуда они заимствованы, казалось излишнимъ, такъ какъ этого нельзя было сдѣлать при *всѣхъ* выпискахъ, и притомъ такія указанія

легко сопровождаются ошибками, затруднительны по множеству разныхъ изданій писателя, и наконецъ ими рѣдко кто пользуется. Если рядомъ помѣщены два примѣра изъ одного и того же источника, то подъ вторымъ ставится: тж. (т. е. тамъ же).

5. Объясненіе чужеязычныхъ словъ.

При каждомъ *заимствованномъ* словѣ объясняется его *происхожденіе*. Рѣчь идетъ конечно не о самыхъ древнихъ, не всегда объяснимыхъ заимствованіяхъ, а только о болѣе позднихъ и несомнѣнныхъ. Когда слово взято изъ другого языка въ томъ же или почти томъ же значеніи, какое оно въ немъ имѣетъ, только съ нѣкоторымъ измѣненіемъ формы, то означается только языкъ, которому слово первоначально принадлежитъ или откуда оно явно или по всей вѣроятности заимствовано. При малоизвѣстности же или неясности источника даются болѣе подробныя объясненія. Иногда къ слову присоединяются *особыя примѣчанія*, касающіяся не одной этимологіи, но и разныхъ другихъ вопросовъ, напр. неправильно образовавшейся формы, ошибочнаго употребленія, синонимовъ и т. п.

6. Грамматическія опредѣленія.

А. Имена существительныя. При каждомъ имени приводится его окончаніе въ *родительномъ падежѣ* съ означеніемъ рода: *м.*, *ж.*, *ср.* или *общ.* Этихъ примѣтъ достаточно, чтобы показать, что данное слово есть имя существительное.

На каждомъ словѣ, къ какой бы части рѣчи оно ни принадлежало, ставится его *удареніе*; оно отмѣчается и на *родительномъ падежѣ*, если на него падаетъ акцентъ. Сверхъ того приводится и *множественное число*, если оно представляетъ какую нибудь особенность по формѣ своей или по ударенію. Когда слово произносится съ двоякимъ удареніемъ, то знакъ ставится надъ обоими ударяемыми слогами.

Имена *собирательныя*, *уменьшительныя*, *увеличительныя*, *ласкательныя* или *унизительныя*, сопровождаются начальными буквами этихъ названій.

Относительно опредѣленія именъ существительныхъ соблюдается правило, что при тѣхъ изъ нихъ, которыя происходятъ отъ прилагательныхъ и означаютъ названіе качества, свойства, состоянія (напр. *вялость*, *дикость*, *полезность*, *честность*, *праздность*, *косность*), ставятся только слова: «качество» или «свойство» или «состояніе» отъ прилагательныхъ: *вялый*, *дикій*, *полезный*, *честный*, *праздный*, *косный*. Особыя опредѣленія существительныхъ такого образованія дѣлаются только тогда, когда между значеніями существительнаго и прилагательнаго обнаруживается разность или когда существительное означаетъ не одно только качество, заключающееся въ прилагательномъ, напр. *разность*, *древность*, *потребность*.

Такимъ же образомъ при отглагольныхъ существительныхъ въ родѣ: *доставленіе*, *доставка*, *горѣніе*, *сверленіе* ставятся только слова: «дѣйствіе», «состояніе» отъ гл. *доставить*, *горѣть*, *сверлить*.

Этимъ способомъ избѣгается много лишнихъ опредѣленій, напрасно поглощающихъ мѣсто въ прежнемъ изданіи словаря. Конечно, отъ этой краткости мы отступаемъ всякій разъ, когда это нужно для большей полноты или точности опредѣленія.

Б. Имена прилагательныя. Принадлежность слова къ этой части рѣчи достаточно указывается приведеніемъ окончаній его по тремъ родамъ: *м.*, *ж.* и *ср.* Когда прилагательное прямо произведено отъ существительнаго и значеніе его по одному этому производству вполнѣ ясно, то для краткости при такомъ прилагательномъ отмѣчается только: отъ такого-то существительнаго напр. *осенній*, *няя*, *нее*, отъ *с.* *осень*. Но и здѣсь отступленіе отъ этого правила дѣлается всякій разъ, когда прилагательное или по различію своихъ суффиксовъ, или по разнообразію своихъ значеній требуетъ особенныхъ опредѣленій, наприм. *земляной*, *земной*, *земскій*, *землистый*, *землянистый*.

Изъ именъ прилагательныхъ не заносятся въ словарь только лично-притяжательныя на *овъ*, *ова*, *ово* (*евъ*, *ева*, *ево*), наприм. *жениховъ*, *сочинителевъ*, и на *инъ*, *ина*, *ино* (*ынъ*, *ына*, *ыно*), напр. *невѣстинъ*, *кормилицынъ*, потому что, во 1-хъ, всѣ безъ исключенія прилагательныя этого разряда образуются совершенно одинаково, и во 2-хъ, они почти совершенно вышли уже изъ употребленія, особенно окончивающіяся на *овъ*, *евъ*, кромѣ весьма немногихъ (напр. сердце *царево*, *государевъ* дворъ). Менѣе устарѣли такія прилагательныя на *инъ*, *ынъ*, образуемыя отъ именъ съ женск. окончаніемъ (*матушкинъ* сынокъ, *кукушкино* гнѣздо), но и ихъ нѣтъ надобности означать при каждомъ существитель- имени, отъ котораго они могутъ быть образованы. Приводятся они только въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ подъ существительнымъ именемъ, отъ котораго образованы.

В. Глаголы ставятся особо въ каждомъ изъ такъ называемыхъ *видовъ*, при чемъ за основной или первообразный видъ принимается *видъ несовершенный*, или *длительный*, при которомъ означаются также *виды совершенный* и *однократный*, и примѣры приводятся къ каждому изъ нихъ подъ глаголами вида несовершеннаго. Къ неопредѣленному наклоненію присоединяются: *1-е лицо един. числа*, какъ не всегда легко образуемое, и *3-е множ.*, какъ самое характеристическое для образованія прочихъ. *Глаголы вида совершеннаго*, для наглядности, означаются всегда особымъ шрифтомъ (курсивомъ съ разрядкою). Особенное вниманіе обращается на означеніе какъ ударенія разныхъ глагольныхъ формъ, такъ и управленія глаголовъ въ ихъ разнообразныхъ залогахъ и значеніяхъ. Глаголы, кончающіеся на *ся*, ставятся отдѣльно отъ своей первоначальной формы, не имѣющей этого окончанія.

Г. Нарѣчія. Не считаемъ нужнымъ ставить отдѣльно такія нарѣчія, которыя тожественны съ прилагательными краткой формы въ среднемъ родѣ, напр. *пріятно*, *прилежно*, *глупо*, *внимательно*. Подобныя нарѣчія приводятся подъ прилагательнымъ именемъ только тогда, когда они отличаются отъ него либо значеніемъ,

либо ударенiемъ, напр. нарѣчiе *бо́льно*, несходное съ прилагательнымъ *больно́* въ обоихъ отношенiяхъ.

При предлогахъ, какъ само собою разумѣется, мы въ точности означаемъ ихъ разнообразное управленiе.

Остальныя подробности обозначенiй при словахъ не требуютъ особенныхъ поясненiй.

III. Еще нѣсколько прибавленій къ библіографіи русскихъ церковныхъ изданій. Э. І. Калужняцкаго.

Въ своей статьѣ, озаглавленной: «Къ библіографіи церковнославянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи» и напечатанной по распоряженію Императорской Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ 1886-го г., я позволилъ себѣ обратить вниманіе читателей на книгу, называемую: **Богословїа Нравооучительнаѧ**, и отличающуюся между прочимъ тѣмъ, что, несмотря на большую ея распространенность, въ извѣстныхъ библіографическихъ пособіяхъ имѣлись о ней весьма неудовлетворительныя свѣдѣнія. Съ тѣхъ поръ я успѣлъ познакомиться съ нѣсколькими другими, библіографамъ вовсе неизвѣстными произведеніями русской церковной печати и надѣюсь, что предлагаемое здѣсь описаніе оныхъ не будетъ сочтено излишнимъ. Вотъ эти произведенія:

1. Служебникъ Виленской печати 1691-го года.

Отъ этого служебника, печатаннаго въ листъ обыкновенной величины, извѣстенъ мнѣ одинъ только отрывокъ, состоящій изъ 56 печатныхъ и 30 рукописныхъ листовъ. Но, судя по сохранившемуся къ счастію оглавленію книги, передающему содержаніе оной въ ея первоначальномъ видѣ, мы можемъ принять за фактъ, что служебникъ Виленской печати, о которомъ идетъ рѣчь, содержалъ въ полномъ своемъ составѣ, кромѣ выходнаго и, быть можетъ, нѣсколькихъ вступительныхъ листовъ (посвященіе, предисловіе и пр.) 42+55+1*, въ совокупности 98 листовъ. На первыхъ 42 листахъ помѣщались: проскомидія, литур-

гія св. Іоанна Златоустаго, статья о причащеніи людей мірскихъ и службы праздникамъ господскимъ, богородичнымъ и нѣкоторымъ нарочитымъ святымъ; на слѣдующихъ за симъ 55 листахъ, имѣющихъ впрочемъ свой особый, отдѣльный отъ предыдущаго счетъ, службы общія святымъ и службы на различные случаи; на листѣ 1*, не имѣющемъ въ подлинникѣ никакой помѣты, выше упомянутое оглавленіе книги. Что же касается заглавія книги, то оно выражено въ подлинникѣ дословно такъ: **ЛИТУРГІЯ**[1]) **Иже въ стыхъ ѡца нашего Іоанна Златоу: Архіеппа Константіна града. При нейже СЛУЖБЫ ПРАЗДНИКОМЪ Гдкимъ и Бгородичнымъ и некіимъ нарочитымъ стымъ полагаются и пр. Издася в' обители живоначалныя Троицы. Тщаніемъ Іноковъ чину стго Васілїа Великаго в' Вилни в' лето ѿ вопл. сна бжїа а х у а.**

Описанный экземпляръ находится въ церкви мѣстечка Стараго Самбора въ Галиціи.

2. Житіе св. Онуфрія, Супрасль 1696-го года.

Это житіе напечатано въ 4-ку средней величины и содержитъ I+29 листовъ. Листъ I не нумерованъ, прочіе помѣчены кирилловскими числами. Расположеніе книги таково:

Л. I[a]: Заглавіе, обведенное совсѣмъ обыкновенною рамкою и опредѣляющее содержаніе книги слѣдующими словами: **ЖИТІЕ Прнагѡ ѿца нашего Великагѡ ОНУФРІЯ ЦАРЕВИЧА ПЕРСКАГО Пустынножителя, Списанное первее ѿ: Пафнутіемъ Іноком', нне же ѿ многи изводѡ Греческагѡ, Римскагѡ. и Италускагѡ, собранное: Смиреннымъ Ѡцем' Іѡсіфом' Петкевичем'. Чину ѿ: ВАСИЛІЯ Великагѡ Совѣтникомъ и Ігуменомъ Жировицкимъ. во Стой ЛАВРѢ СУПРАСЛСКОЙ Тупомъ издадеся. Року Бжїе ,а х ч г.**

Л. I[b]: Изображеніе св. Онуфрія въ свойственномъ ему типи-

---

1) Слова и мѣста, печатаемыя въ предлагаемомъ здѣсь описаніи большими буквами, печатаны такими же буквами и въ подлинникѣ.

ческомъ видѣ. Вверху изображенія надписаніе: **стый оцъ Онѹфрїй**, а внизу четверостишіе, читаемое дословно такъ:

Аще Онѹфрїй аггл житїемъ и млада,
серафї любовїю, нѣсть ему ограда
земная Дѡ; тѣ и зрї к гонюю добротѹ
тоя ради Црскагѡ скитра прїйтщетѹ.

Л. 1—29ª: Самое житіе, начинающееся словами: **ЖИТІЕ ЦАРЕВИЧА ПЕРСКАГО Славнаго Пѹстинножителя: с: ВЕЛИКАГО ОНѸФРІЯ; еже Достойный памяти стня, Пѹстинноскитныхъ изискатель; Првбный Оцъ Пафнѹтїй сказа, сице: Азъ Пафнѹтїй, сый Монах во единѡ ѿ монастырей** и пр.

Въ библіографическомъ отношеніи мы отмѣтимъ впрочемъ еще и то обстоятельство, что на оборотѣ 2-го листа, на крайнемъ его полѣ, справа, прибавлено толкованіе: **аналаѵ: си ест схима.**

Описанный экземпляръ находится въ библіотекѣ русскаго капитула въ Перемышлѣ.

3. Ірмологіонъ, Львовъ 1709-го года.

Печатанъ въ листъ обыкновенной величины и содержитъ XXIII+209+13* листовъ. Первые XXIII и послѣдніе 13* листовъ не нумерованы, прочіе помѣчены кирилловскими числами съ а по сѳ. Распредѣленіе листовъ таково:

Л. Iª: Заглавіе, обведенное заимствованными изъ священной исторіи изображеніями и опредѣляющее содержаніе книги дословно такъ: **ІРМОЛОГІѠ сирѣчь ПѢСНОСЛОВЪ. Творенїе Прпб: Оца нашего ІѠАННА ДАМАСКИНА. и про: Бгодѹхновенны Оцъ. Изданъ. Тщанїем Братва. СТАВРОПИГІѠНЪ. Храма Ѹспенїя Прстыя Бгоматере. Рѡ: ,аψѳ. Маїа єг.**

Л. Iᵇ: Изображеніе успенія пресв. Богородицы и ея возвеличенія въ небѣ съ различными надписями, въ числѣ которыхъ и слѣдующіе стихи:

На Эмпѣрейскихъ Нбахъ заволано,
Бы Аллилуїа съ гласно опѣвано,

Мы тебѣ Мтн сіе йсполнаемъ
Тебѣ бо ради въ сем' са . . .[1])
Пріими донеси до Трону . . .
Сна й Бга й Творца . . .

Л. IIᵃ—XXIIIᵃ: Всенощное, литургія, служба преждеосвященная и пр. по Кіевскому напѣву.

Л. XXIIIᵇ: Изображеніе св. Іоанна Дамаскина съ книгою въ рукахъ, имѣющею надписаніе: **Кечерняя наша молитвы** и пр. Внизу изображенія, писанныя вязанною скорописью слова: **ВЪ ЛЬВОВЕ РОКУ АХ МЕ МАРТА И.** Изъ этихъ словъ мы въ правѣ заключать: во 1-ыхъ, что изображеніе св. Іоанна Дамаскина, о которомъ идетъ рѣчь, исполнено 8-го марта 1645-го года; во 2-хъ, что, равно какъ изображеніе, и первое Львовское изданіе Ірмологіона въ томъ видѣ, какъ предлежащее, исполнено было въ томъ же 1645-мъ или много что въ ближайшемъ 1646-мъ году. А если мы объ Ірмологіонѣ Львовской печати 1645-го или 1646-года въ извѣстныхъ библіографическихъ пособіяхъ не находимъ свѣдѣній, то это не доказываетъ рѣшительно ничего. Это значитъ лишь, что къ числу книгъ церковной печати вышедшихъ, но теперь утраченныхъ или пока неприведенныхъ въ извѣстность, слѣдуетъ прибавить еще одинъ нумеръ.

Л. 1ᵃ—160ᵃ: Собственный Ирмологіонъ или такъ называемый **пѣснословъ.**

Л. 160ᵇ—167ᵃ: **ПОДОБНЫ** на восемь гласовъ.

Л. 167ᵇ—209ᵃ: **СТІХИРЫ. ПРАЗДНИКОМЪ ГДКИМЪ, и Бгородичнымъ, й Нароучитымъ Стымъ.**

Л. 209ᵇ—11*: **РЕСТРЪ, ІРМОСОВЪ на кождый Дні.**

Л. 12*ᵃ—13ᵇ: **Стго Амвросіа Епкпа Медіоланскаго Твореніе.**

Заставки и заглавныя буквы, тоже надписанія главнѣйшихъ частей Ірмологіона исполнены во вкусѣ XVII вѣка. На нѣкоторыхъ заставкахъ (ср. для примѣра л. 167ᵇ и др.) и изображе-

1) Конечныя слова трехъ послѣднихъ стиховъ въ описываемомъ экземплярѣ вырваны.

ніяхъ праздниковъ (ср. для примѣра листъ 189ª) помѣщены внизу буквы N и Z, означающія безъ сомнѣнія имя и фамилію гравёра. Въ концѣ реестра на оборотѣ листа 11*-го прибавлено: **Конецъ съ Бгомъ Ірмологію**, и на томъ же листѣ подъ виньетою, изображающею ангела со щитомъ, справа, приписано: **Василій Ста: Майсте**, что читать надо: **Василій Ставропигійскій майстеръ**.

Описываемый экземпляръ находится въ церкви села Туринска въ Галиціи.

4. Возслѣдованія праздникомъ св. тайны евхаристіи, состраданія богородицы и пр., Почаевъ 1741-го года.

Книга печатана въ листъ обыкновенной величины и содержитъ I + 25 помѣченныхъ кирилловскими числами листовъ. Эти листы расположены слѣдующимъ образомъ:

Л. Iª: Заглавіе книги, подлинныя слова котораго таковы: **ВОСЛѢДОВАНІА ПРАЗДНИКОМЪ ПРТОЙ ТАЙНИ ЕУХАРІСТІИ. СОСТРАДАНІА ПРТІА БЦЫ. И БЛАЖЕННАГО СЩЕННОМУЧЕНИКА ІѠСАФАТА Ѡ СВАТАГО СОБОРА, ЗАМОЙСКАГО ПРЕПОДАННЫМЪ. Тупо издашаса в Монастыри Поуаевскомъ. Уину стаго Василіа Великагѡ. Року Гдна. ,а ѱ ма.**

Л. 1ª—12ᵇ: **ВОСЛѢДОВАНІЕ ПРАЗДНИКА ПРЕСВАТОЙ ТАЙНЫ ЕУХАРИСТІИ, Совершаемое в Уетверъ по Неделн Всехъ Стыхъ. Науало: Великое таинство твоего воуловеуенія** и пр.

Л. 13—18ª: **ВОСЛѢДОВАНІЕ ПРАЗДНИКА СОСТРАДАНІА ПРЕСВАТЫА БОГОРОДИЦЫ. Совершаемое в Паток второй Седмици по Нли все Сты.** Начало: **Всемъ Престателницу улвекомъ** и пр.

Л. 18ᵇ—25ᵇ: **ВОСЛѢДОВАНІЕ ПРАЗДНИКА БЛАЖЕННАГО СВАЩЕННОМУЧЕННИКА ІѠСАФАТА, совершаемое в ƺі днь мца септемвріа.** Начало: **Мууенвуескими кровми, сщенную ризу ѡбагривъ** и пр.

Кстати должно еще прибавить, что въ заглавной рамкѣ, въ

правомъ ея углу, помѣщено имя: Гоіна, въ заставкѣ на л. 1ª изображеніе распятія Христова, въ заставкѣ на л. 18ª монограмма имени ІИСОУСЪ ХРИСТОСЪ, въ заставкѣ на листѣ 21ª монограмма имени МАРІЯ. Что же касается до виньетъ, то виньета въ концѣ Вослѣдованія празднику пресв. тайны евхаристіи изображаетъ ангела съ вѣтвію оливною въ каждой рукѣ, а виньета въ концѣ Вослѣдованія празднику бл. Іосафата столпъ сіяющій въ облакѣ. Прочія винеты не представляютъ ничего особеннаго.

Описанный экземпляръ находится тоже въ церкви села Туринска въ Галиціи и былъ, равно какъ и предыдущее изданіе, сообщенъ мнѣ тамошнимъ приходскимъ священникомъ, моимъ шуриномъ, Г. А. Полянскимъ.

5. Полууставъ, Уневъ 1741-го года.

Печатанъ въ 16-ую долю листа и содержитъ VI не нумерованныхъ и 892 помѣченныя кирилловскими числами страницы. Эти страницы распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Стр. I: Заглавіе, украшенное изображеніемъ коронаціи Матери Божіей и выраженное дословно такъ: **ПОЛУСТАВЪ в' неймже Чинъ Часωвъ Црковныхъ, и прочіихъ спсителныхъ моленій съ Часи Цркнми. Тропари и Кондаки на весь годъ. Первое Тѵпомъ изданъ в' Монастыри Оуневскомъ Иноковъ Чину Стаго ВАСІЛІЯ Велі: Року ‚афма.** Внизу заглавнаго изображеніе выгравировано: M. Fugelewicz sculpsit.

Стр. III: Утвердительная грамота Аѳанасія Шептицкаго, подлинныя слова которой таковы: **ПОЛУСТАВЪ, в' неймже Чинъ Часовъ Црковныхъ и прочіи Спсителныхъ мленій ωбрѣтаетъ сл; якω нычтоже Вѣрѣ стои Каѳолической и оуставомъ Церковнымъ противно в' себѣ имущъ, но всакому Іерееви Бгопотребенъ, Тѵпомъ издати повелѣваемъ: известнѣйшаго же ради оувѣренія, сіе повелѣніе наше Рукою власною при звыклой Печати подписуемъ. Данъ в' Оуневѣ Архимадріи нашой, Дна иі. Мца Марта. ‚афма. Року. АѲАНАСІЙ АРХІЕПИСКОПЪ МЕТРОПОЛИТА В. Р.**

4

Стр. IV—VI: **Оглавленіе моленій. въ Книжици сей обрѣтающихъ ся.**

Стр. 2: Изображеніе Іисуса Христа, укрѣпляемаго ангелами въ навечеріи своихъ страданій. Внизу изображенія, на серединѣ, годъ 1738-ый, въ правомъ углу имя рѣзчика: **Іωсифъ.** На незанятомъ изображеніемъ нижнемъ полѣ страницы молитва, начинающаяся со словъ: **Гдн Іс҃е мт҃и ради еюже твои до конца во⸗любив еси** и пр.

Стр. 3—45: **ПОСЛѢДОВАНІЕ ПОЛУНОЩНИЦЫ ПОВСЕДНЕВНЫЯ.**

Стр. 46—62: **ПОЛУЩНИЦА СУББОТНАЯ.**

Стр. 67—84: **ПОЛУНОЩНИЦА НЕДЕЛНАЯ.**

Стр. 85—108: **НАЧАЛО УТРНИ.**

Стр. 109—133: **МОЛИТВЫ УТРНІИ** вмѣстѣ съ ектеніями: **ИСполнимъ оутрнаа млтвы наша Гдеви** и: **ПОмлꙋи насъ Бже.**

Стр. 133^b^: Изображеніе Іисуса передъ Пилатомъ, внизу молитва: **Гдн Іс҃е иже перваго часа днѐ Пілату предстояй** и пр.

Стр. 134—142: **ЧАСЪ ПЕРВЫЙ.**

Стр. 142^b^: Изображеніе Іисуса, битаго верёвками и розгами. Внизу, налѣво, годъ 1738-ый, направо имя: **Іωсиф.** На нижнемъ полѣ подлежащей страницы молитва, начинающаяся со словъ: **Гдн Іс҃е, иже третіаго часа днѐ вервми и ро⸗гами біенъ** и пр.

Стр. 143—149: **ЧАСЪ ТРЕТІЙ.**

Стр. 149^b^: Изображеніе Іисуса распинаемаго. Внизу, слѣва, годъ 1730-ый, справа имя рѣзчика (недописанное): **Іωси.** На нижнемъ полѣ подлежащей страницы молитва, начинающаяся словами: **Гдн Іс҃е иже шестаго часа днѐ прободеннима длама и ногама на крстнѣм древѣ виса** и пр.

Стр. 150—159: **ЧАСЪ ШЕСТЫЙ.**

Стр. 159^b^: Изображеніе Іисуса распятаго съ тѣми же помѣтами внизу, что и въ предыдущихъ изображеніяхъ и съ молитвою, начинающеюся словами: **Гдн Іс҃е иже девятаго часа днѐ совершившися** и пр.

Стр. 160—168: **ЧАСЪ ДЕВЯТЫЙ.**

Стр. 168ᵇ: Изображеніе чаши, окруженной орудіями страсти Христовой. Внизу таблица, на которой вырѣзаны слова: **Ядыи мою пло и пія мою Кро** и пр. На нижнемъ полѣ подлежащей страницы молитва, начинающаяся словами: **Гдн Іс҃е премногія ради твоея блгтн** и пр.

Стр. 169—177: **ЧИНЪ ОБѢДНИЦЫ.**

Стр. 177ᵇ: Изображеніе снятія Христова съ креста. На нижнемъ полѣ подлежащей страницы молитва, начало которой: **Гдн Іс҃е иже Вечернаго часа съ Крта сня** и пр.

Стр. 178—206: **ЧИНЪ ВЕЧЕРНИ.**

Стр. 206ᵇ: Изображеніе положенія Христова въ гробѣ. Внизу молитва: **Гдн Іс҃е иже часа совершенія въ гробѣ оупокоенїи** и пр.

Стр. 207—229: **ПАВЕЧЕРНИЦА ВЕЛИКАЯ. Пѣваемая в' Великїй Постъ.**

Стр. 229ᵇ: Изображеніе Матери Божіей съ Младенцемъ. Внизу, слѣва, годъ 1738-ый, справа имя рѣзчика: **Іωсиф.** На нижнемъ полѣ подлежащей страницы двустишіе:

Анна Мя Мати, и та Мя Манна.
Анна Пита Мя; а Мати Нанна.

Стр. 230—231: **ЧЕСТНЫЙ ПАРАКЛИСЪ ПРЕСВЯТѢЙ БОГОРОДИЦИ. Пѣваемый за всяко прошеніе.**

Стр. 231—245: **КАНОНЪ МОЛЕБНЫЙ Престѣй Бгородицы.**

Стр. 245—256: **ЕКТЕНІИ БЛАГОПОТРЕБНІИ. Нуждне́йшимъ прислушающыя в' Молебнѣ случаемъ.**

Стр. 257—260: **ПАВЕЧЕРНИЦА МАЛАЯ.**

Стр. 260ᵇ: Изображеніе воскресенія Христова съ молитвою внизу: **Гдн Іс҃е воскресый из' мертвыхъ** и пр.

Стр. 261—285: **СЛУЖБА ВОСКРЕСНА ПѢВАЕМАЯ В' НЕДЕЛЮ.**

Стр. 286—302: **СЛУЖБА ПОВСЕДНЕВНАЯ. или Правило Покаанное, къ Гду Нашему Ісу Хрту.**

Стр. 303—340: **А҆КА́ѲІСТЪ. СЛАДЧАЙШЕМꙊ ГДꙊ НА́ШЕМꙊ І҆С҃Ꙋ ХР҃ТꙊ:**

Стр. 341—351: **ТРОПА́РЇ ВОСКР҃НЫ́. БГОРО́ДИЧНЫ, КОНДАКИ̑, ЎПАКО́И̑. НА̀ Ѿ́СМЪ ГЛА́СОВЪ.**

Стр. 352—356: **ТРОПА́РЇ ДНЕ́ВНІЙ. БГОРО́ДИЧНЫ И҆ КОНДАКИ̑.**

Стр. 357—360: **БОГОРОДИ́ЧНЫ И҆ КРЕСТО-БОГОРО́ДИЧНЫ. НА̀ Ѿ́СМЪ ГЛА́СОВЪ.**

Стр. 361—373: **ПОСЛѢДОВА́НЇЕ СВАТЫѦ ЧЕТЫ́-РИДЕ́САТНИЦЫ.**

Стр. 373[b]: Изображеніе Благовѣщенія пресв. Богородицы. Внизу, справа, годъ 1737-ый, а на нижнемъ полѣ подлежащей страницы четверостишіе:

Гаврїи́лъ та́йнꙋ ве́лїю вѣща́етъ.
Дх҃ъ ст҃ый совѣ́тъ соверша́етъ.
Тобо́ю Дв҃о Бг҃ъ на́мъ прїмиры́сѧ.
Е҆гда̀ ѿ кро́вей твои́хъ воплоти́сѧ.

Стр. 374—413: **А҆КА́ѲІСТЪ ПРЕ́СВАТѢЙ БОГОРО-ДИЦЫ.**

Стр. 414—420: Конецъ послѣдованія святой четыредесятницы.

Стр. 421—477: **ПОСЛѢДОВА́НЇЕ ЧА́СОВЪ ЦА́Р-СКИ́ХЪ.**

Стр. 478—495: Служба на святую недѣлю пасхи подъ заглавіемъ: **СВАТА́ ВЕЛИ́КАѦ НЕ́ДѢЛѦ ПА́СХИ.**

Стр, 495—504: Чинъ святой пятьдесятницы безъ особаго заглавія.

Стр. 504[b]: Изображеніе небесъ въ видѣ зодіака, вверху котораго солнечный кругъ и ликъ Бога Создателя.

Стр. 505—875: **СОБОРНИ́КЪ ДВАНА́ДЕСАТИ МѢ-САЦЕ́Й.**

Стр. 876—887: **МОЛИ́ТВЫ въ Кра́тцѣ. къ Сто́мꙋ Прича-ще́нїю І҆ере́еви.**

Стр. 882—885: **МОЛИТВЫ по стомъ Причащеніи.**

Стр. 886—887: **ПѢСНЬ Благодарственнаѧ. Иже въ стыхъ Оца нашего Амвросіа, еппа Медіоламскаго.**

Стр. 888—889· **КРАТКОЕ ОСВАЦІЕНІЕ ВОДИ.**

Стр. 890: **МОЛИТКА На освященіе всѧкоѧ вещи.**

Стр. 891: **КРАТКОЕ СОБРАНІЕ. О Гдней Пасцѣ, Греческой и Римской, когда будетъ Равно с нами, когдаже не равно.**

Стр. 892: Послѣсловіе, подлинныя слова котораго таковы: **Давшему намъ начати и совершити Полуставъ сей. Бгу въ Троици свѧтой единому, Оцу и Сну и стому Духу: да будетъ слава, честь и поклоненіе нынѣ и прно и въ вѣки вѣковъ: аминъ.**

Описанный экземпляръ находился въ частномъ обладаніи бывшаго священника села Флоринки, о. Рыдзая, въ Галиціи.

6. Окружное посланіе епископа Львовскаго, Аѳанасія Шептицкаго, изданное въ половинѣ 1744-го года.

Это посланіе напечатано въ 8-ю долю листа меньшей величины и содержитъ 34 помѣченные кирилловскими числами листа. Оно начинается прямо словами: **АѲАНАСІЙ НА ШЕПТИЦАХЪ ШЕПТИЦКІЙ Бжіею и с: аплскаго пртола блгтію, Архіеппъ Митрополита Кіевскій и всеѧ Россіи, Еппъ, Лвовскій, Галицкій и Каменца Подолскагω, Архімандрита Кіевопечерскій и Оуневскій** и переходитъ послѣ, сообщивъ предварительно **Пречестнымъ Отцемъ Протопресвѵтерωмъ, Честнымъ Пресвѵтерωмъ Парохіалнимъ, Црквей вдовствующихъ Админестраторωмъ** и пр. архіерейское благословеніе, къ поясненію причинъ, по которымъ посланіе издано. Подлежащее поясненіе выражено дословно такъ: **Ѿ начала за призволеніемъ Бжіимъ возведеніа нашего во первыхъ на Еппствѣ Лвовскагω, Галицкагω, и Каменецкаго, посемъ на Митрополіи Кіевской и всеѧ Россіи достоинство, ω семъ наипаче имѣхомъ попеченіе, да въ Протопресвѵтерехъ смотрелнвно бдѣніе, Оуставовъ такъ стыхъ соборωвъ вселенскихъ, и замойскагω, ѩкω и нашихъ діецезалныхъ храненіе; въ Пресвѵтерехъ тиxже Оуставовъ исполненіе, смиреномудріе, кротость трезвеніе, Црквей строе-**

ніє, и҆ чтенію прилежаніє; во всѣхъ вѣрныхъ Паствѣ нашой порученныхъ вещей ко спасенію бл҃гопотребныхъ свидѣніє, и҆ въ добродѣтелнихъ нравахъ душеполезноє оувиднмъ и҆скушеніє. Но понеже съ немалою Ѻ҆тєческагѡ ср҃ца нашего жалостію извѣстихомся, ꙗ҆кѡ сїѧ не по желанію нашему содѣваются, и многы найпаче ѿ Чєстныхъ Пресвѵтерѡвъ невѣждествомъ изданны к соблюденію Оуставовъ. Вимовляюся. Тогѡ ради да посемъ вса сїа, ꙗ҆же на ст҃омъ Сѵнодѣ Замойскомъ, и҆ на щорочны Дїецезалны Протопресвѵтерски соборахъ нашихъ сѫтъ оуставовленна, коемуждо и҆звѣстна будутъ: тажде вса, ꙗ҆же найпаче ѿ Пречестныхъ Протопресвѵтерей, и҆ чєстныхъ Пресвѵтерей хранена быти маютъ; въ кратцѣ собрана, и дїалектѡмъ Рускимъ к лучшему коегождо оуразумѣнію и҆списана, Тѵпомъ и҆здати повелѣхомъ. За симъ поясненіемъ слѣдуютъ на листахъ 2^a^—21^b^ всего прежде **Оуставы ст҃аго Собору Замойскагѡ**, а послѣ на листахъ 21^b^—34^a^ **Оуставы Дїецезалніє**. Первые изъ нихъ содержатъ предписаніе ѡ вѣрѣ Каѳолической, и проповѣданіи слова бж҃їа; ѡ **Сакраментахъ**, и и҆хъ Адмѣнѣстраванію; ѡ **Крещеніи, и҆ Мѵропомазаніи**; ѡ **Тайнѣ Еѵхаристїи** и҆ службѣ, Бж҃ой; ѡ **Покутѣ и҆ Єлеѡпомазаніи**; ѡ **Капланствѣ**; ѡ **Малженствѣ**; ѡ **Протопресвѵтерехъ**; ѡ **Парохахъ, и҆ Парохїахъ**; ѡ **Церквахъ**, и҆ и҆хъ и҆мѣній неразграбленію; ѡ **Сїмоніи** сіестъ **Свѧтокупствѣ**; ѡ **Постахъ, и҆ Свѧтахъ** — вторые же предписанія ѡ Протопресвѵтере и҆ и҆хъ Оурадѣ; ѡ **Парохахъ, и҆ Парохїахъ**; ѡ **Єзаминаторахъ Сѵнодалныхъ**; ѡ **Временахъ Судокъ**. Посланіе оканчивается такимъ образомъ: Сїа вса предписаніє Оуставы да би ѿ селѣ коемуждо Протопресвѵтеру и҆ Пресвѵтеру вѣдоми били, Тѵпомъ изданіє раздати повелѣхомъ. И҆звѣстнѣйшаго же ради оувѣренїа тыжде при обычной Печати Рукою Власною подписуемъ. Данъ въ Львовѣ, Дна д҃, Мц҃а Априллїа. Року Бж҃їа, ҂аѱмд. **А҆ѳанасїй, А҆рхїєп҃пъ Митрополита**. А҆нтѡній Левенскій, А҆п҃лскій и҆ єгѡ Преос҃щенства, А҆ктовъ Надворныхъ Консисторски Митро—

полїта́нскїй и Єппскихъ Пи́саръ. Мѣсто и годъ печати не показаны, но, судя по черенкамъ и соображаясь съ другими, относящимися сюда обстоятельствами, допустить надо, что это посланіе печатано было во Львовѣ, въ такъ называемой Ставропигійской типографіи, въ выше сказанномъ 1744-мъ году.

Описываемый экземпляръ находится въ библіотекѣ «Народнаго Дома» во Львовѣ.

7. Другое изданіе того же посланія.

Кромѣ изданія, выше описаннаго, существуетъ однако еще изданіе того же окружнаго посланія. На первый взглядъ оно почти не отличается отъ предыдущаго, но, всматриваясь въ него ближе, мы не можемъ не убѣдиться, что между предыдущимъ и предлежащимъ здѣсь изданіемъ «посланія» есть и своего рода различія. Вотъ нѣсколько такихъ различій: Въ выше описанномъ изданіи на л. 13ª-мъ напечатано: ѿ ПОКꙊ́ТѢ И̂ ЄЛЕѠПОМАЗА́НІИ, а въ предлежащемъ читаемъ: ѿ ПОКꙊ́ТѢ И̂ ЄЛЕѠПОМАЗАНІ̂И; въ выше описанномъ на листѣ 19ª напечатано: О̂ СІ̂МОНІИ, а въ предлежащемъ на томже мѣстѣ читаемъ: ѡ СІ̂МОНІ̂Й; въ выше описанномъ на листѣ 20ª напечатано: О̂ ПОСТА̂ХЪ, а въ предлежащемъ на томъ же мѣстѣ читаемъ: ѿ ПОСТАХЪ; въ выше описанномъ на л. 22ᵇ напечатано: ꙊСТА́ВЫ ДІЄЦЕЗАЛНІЄ, а въ предлежащемъ на томъ же мѣстѣ читаемъ: ОꙊСТА́ВЫ ДІЄЦЕЗА̂ЛНІЄ; въ выше описанномъ на томъ же листѣ напечатано: ѿ Протопресвѵ́терє̂, а въ предлежащемъ на томже мѣстѣ читаемъ: ѿ Протопресвѵ́терєхъ и т. д. На основаніи всѣхъ тѣхъ и тѣмъ подобныхъ различій мы, слѣдовательно вправѣ утверждать, что окружное посланіе епископа Львовскаго, Афанасія Шептицкаго, вышло въ свѣтъ не разъ, а по крайней мѣрѣ два раза, и что затѣмъ кромѣ перваго существовало и второе онаго изданіе. Которое однако изъ этихъ изданій первое, а которое второе, это при отсутствіи какихъ нибудь сюда относящихся достовѣрныхъ данныхъ, опредѣлить трудно, впрочемъ и не такъ важно. Достаточно знать, что

окружное посланіе епископа Львовскаго, Афанасія Шептицкаго, дождалось двухъ отдѣльныхъ изданій, и что, если первое изъ этихъ изданій, по свидѣтельству конечныхъ словъ самого же посланія, появилось не раньше 9-го апрѣлія 1744-го года, то второе изъ нихъ, судя по тому обстоятельству, что авторъ посланія, епископъ Львовскій Афанасій Шептицкій, дня 11-го декабря 1746-го года уже простился съ этимъ міромъ, могло появиться не позже 11-го декабря сказаннаго 1746-го года. Такимъ образомъ между выходомъ перваго и вторымъ изданіемъ было всего годъ или много два года различія.

Экземпляръ описываемаго изданія, къ сожалѣнію, неполный, ибо содержащій только листъ 9-ый и листы 11-ый по 25-ый, находится въ моей собственной библіотекѣ.

8. Акафистъ непорочному зачатію пресв. дѣвы Богородицы, вышедшій по всей вѣроятности во Львовѣ между 1740-мъ и 1759-мъ годами.

Предлежащій Акафистъ печатанъ въ 12-ую долю листа и содержитъ 46 помѣченныхъ кирилловскими числами страницъ. Выходнаго листа нѣтъ, и книжечка начинается прямо со словъ: **А҃КАѲІСТЪ ѡ Непоро́чномъ зача́тіи Дв҃ы Мт҃ре. Изда́нъ. А҃. К. Ѵ. С. В. В. І҃. Д.** Послѣ этихъ словъ, относительно послѣ этихъ буквъ, изъ которыхъ первыя двѣ означаютъ безъ сомнѣнія имя и фамилію издателя, прочія шесть его достоинства и должны читаться такъ: **Ѵ(нноѵ) С(ватаго) В(асиліа) В(еликаго) І҃(еро) Д(їакономъ)**, — слѣдуетъ самый же акаѳистъ, который, начиная съ стр. 1-ой, продолжается непрерывно, обычнымъ порядкомъ, по стр. 43-юю. На стр. 43-ей по 45-ую мы находимъ **ПѢНІЕ ПОХВА́ЛНОЕ**, начинающееся со словъ: **Тебѐ Дв҃о хва́лимъ. Тебѐ Бг҃ома́теръ исповѣ́дуемъ** и пр., а на стр. 45-ой по 46-ую **Вруче́ніе сама́го себѐ Дв҃ѣ Мр҃іе**, начинающееся со словъ: **Ст҃аѧ Мр҃іе Мт҃и Бг҃а, и҃ Дв҃о; А҃зъ (И҃мкъ:) та̀ ны́нѣ в҃ Гп҃ожу̀, ходата́ицу и҃ покрови́телницу мою̀ и҃збира́ю себѣ̀.** На стр. 46-ой помѣщена впрочемъ еще и краткая молитва, состоящая изъ словъ: **Да**

оублажи́тсѧ. Бꙋди благословéнно ст҃ое и҆ непоро́чное зача́тіе благословéннꙑѧ Дв҃ы МАРІИ, а къ молитвѣ этой прибавлено слѣдующее, служащее какъ нельзя лучше къ опредѣленію уніятскаго происхожденія книжицы примѣчаніе: **Григо́рій ҃еі. Па́па Ро́кꙋ ахка. надавъ, ҃р. лѣтъ ѿпꙋстꙋ, за ко́ждымъ сеѧ моли́товки повторе́ніемъ.**

Мѣсто и годъ печатанія не показаны, но судя по черенкамъ и другимъ обстоятельствамъ, мы едва ошибемся, если скажемъ, что Акаѳистъ, о которомъ идетъ рѣчь, вышелъ изъ Ставропигійской типографіи во Львовѣ между 1740-мъ и 1750-мъ годомъ.

Описанный экземпляръ находится въ моей собственной библіотекѣ.

9. Давида царя псалмы на церковно-славянскомъ и польскомъ языкахъ, Почаевъ 1774-го года.

Эта книга печатана въ 8-ую д. л. и содержитъ I+261 помѣченныхъ кирилловскими числами листовъ.

Л. I[a]: Заглавіе книги, подлинныя слова котораго таковы: **Дави́да Проро́ка и҆ Царѧ̀ Пѣсни̑ рекше ѰАЛМІ́Й со преложе́ніемъ на соо́бщій на́мъ и҆ ѻбы́чный ѧ҆зы́къ, и҆з҆ Вꙋлга́ты давнѡ́ преведе́нныхъ ѱалмѡ́въ: то́ же во оувѣ́домленіе нѣ́которыхъ Славе́нскихъ рече́ній здѣ́шнымъ неꙋдо́бь разꙋмите́лныхъ: къ по́лзꙋ же сі́и благоговѣ́йнѡ чита́ти ѻбыкшимъ. ИЗДА́НИ Въ Ст҃ой Ла́врѣ Поча́евской Ч. С. В. В. Ро́кꙋ Гд҃на ҂аѱ҃од.**

Л. I[b]: **Оувѣща́ніе.** Это **Оувѣща́ніе** поясняетъ читателю причины, по которымъ церковно-славянскій текстъ псалтири не вездѣ сходенъ съ прилагаемымъ польскимъ текстомъ, и гласитъ дословно такъ: **Ѻ҆брѣта́ай по нѣ́которыхъ мѣстахъ несхо́дно бы́ти славе́нскомꙋ по́лское, семꙋ̀ не чꙋди́сѧ, но вѣ́даѧ бꙋ́ди виннꙋ̀ се́гѡ тꙋ̀ю: что̀ на́шъ по седмьдесѧтъ, ѿ є҆вре́йскагѡ на Гре́ческій, Толкѡ́въ є҆́сть прево́дъ сла́венскій: По́лскій же и҆з҆ Ри́мскагѡ, по исправле́нію ст҃а́гѡ І҆ерѡни́ма.**

Л. 1—261: Самая псалтирь, имѣющая надъ церковно-славянскимъ текстомъ надписаніе: **Дв҃да Проро́ка и҆ Царѧ̀ Пѣ́сни**, а надъ польскимъ текстомъ надписаніе: KSIĘSI PSALMOW.

Описываемый экземпляръ находится въ библіотекѣ Народнаго Дома во Львовѣ.

Къ описаннымъ здѣсь, библіографамъ вовсе неизвѣстнымъ произведеніямъ русской церковной печати я позволяю себѣ прибавить еще одну книгу, которая хотя и извѣстна библіографамъ, но по своей величайшей рѣдкости и по другимъ обстоятельствамъ заслуживаетъ быть обстоятельно описанною. Эта книга есть Тріодь цвѣтная, появившаяся въ типографіи Михаила Сліозки, во Львовѣ 1666-го года. Вотъ нѣсколько о ней подробностей[1]):

Тріодь цвѣтная 1666-го года печатана въ листъ обыкновенной величины и содержитъ II + 442 + 1*, затѣмъ[2]) въ совокупности 245 листовъ. Первые II листа и листъ 1* безъ помѣты, прочіе помѣчены кирилловскими числами, идущими непрерывно отъ а҃ — у҃мв. На нижнихъ поляхъ листовъ, по срединѣ, замѣтна кромѣ того другая еще сигнатура, начинающаяся съ буквы а и продолжающаяся по буквы Юю҃г. Книга расположена слѣдующимъ образомъ:

Л. І^а: Заглавная надпись, украшенная изображеніями, заимствованными изъ жизни Христовой, и выраженная дословно такъ: **ТРІѠΔІОN, сѝ є҆́стъ: ТРИПѢСНЕЦЪ. С҃ТОИ ВЕЛИКОИ ПѦТДЕСѦ́ТНИЦИ ѿ Є҆ллинскагѡ и҆зслѣдова́нъ. За прнвѝ: Є҃: Ко҃: Ма҃: и҆ за Бл҃ве́нієм СТА҃РШИХЪ. ВЪ ЛВОВѢ. в'**

---

[1]) Въ изданномъ А. Н. Поповымъ Каталогѣ книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова помѣщено подъ нумеромъ 237-мъ о Тріодѣ цвѣтной 1666-го года всего лишь слѣдующее, до сихъ поръ не дополненное никѣмъ извѣстіе: «Тріодь цвѣтная», напеч. во Львовѣ, въ типографіи Михаила Слезки, 1666-го года., въ листъ 442 л. Книга чрезвычайно рѣдкая. Въ концѣ: Напечатана бысть сія книга глаголемая Тріодь цвѣтная при державѣ короля его милости Казимѣра... въ богоспасаемомъ градѣ Львовѣ, въ типографіи Михаила Сліозки. Второе издадеся въ лѣто отъ създанія міра 7104, а отъ воплощенія Бога слова 1666 г. мѣсяца Декемврія 19 дня.

[2]) У Попова показано всего 442 листа.

Дрꙋкарни Міхаила Сліозкн. в' Рокꙋ, ахзг. Мца, Дек: ѳі. Между упомянутыми изображеніями важны въ особенности слѣдующія два: 1) изображеніе Іисуса и Самаритянки; 2) изображеніе съ подписью: **нѣ з по па.** Въ первомъ изъ нихъ вырѣзаны числа: **а хм**, а во второмъ числа: **ахмг** и буквы: **В Θ Z.**

Л. I^b: Изображеніе св. Іоанна Дамаскина съ надписью греческою вокругъ головы его: **'О А. 'IѠА. ΔΑΜΑСΚΙΝΌС.** Вверху изображенія напечатано двустишіе:

Іωанъ Дамаскинъ теплъ Вѣры поборитель,
Пастыръ словесны овецъ, бѣдны оутѣшитель

а внизу изображенія приведенъ тропарь въ честь святителя, начинающійся словами: **Пѣснописца и честнагω бговѣщателя, цркοвнагω наказателя, и оучителя, и врагом' сопротивоборца Іωанна воспоимъ** и пр. У ногъ св. Іоанна Дамаскина замѣчаются кромѣ того кирилловскія числа, чередующіяся слѣдующимъ образомъ: **а. х. м. в. дз. л. к.**

Л. II^{a—b}: Предисловіе типографа къ читателю, озаглавленное: **ПРАВОСЛАВНОМꙋ И ЛЮБОВНОМꙋ ЧИТАТЕЛЮ. Блгловенія, спнія, здравія и многоденствія ω Вышнаго Десницы. Тѵпографъ оусердне желает'.** Начало: **Таковое оустроеніе имѣаше Скинія Ветхаго Завѣта, Чнтателю блгій: яко нетокмо свѣтилни многими свѣщами исполненъ бѣ тамо** и пр. Конецъ: **Но понеже сія Тріωдь цвѣтная за ωскꙋдѣніем' ея. Блгодатію Жениха Ха, и Млтвами преблгословенныя Влцы нашея Бца, и всѣх' Прпбны Ωцъ наши, Блгословеніем' же в' Бгꙋ зешлого стои Памяти, Бголюбиваго Епкпа Львовского, Аѳанасія Желиборского, з' Тѵпографіи моеи издана бы Второе, Блгодареніе яко перст' Создателю возсилаю, иже блгоизволи начати и совершити, и падъ на лицѐ земля, и повергъ себе пре его Величество съ оумиленіе и слезами, моля ωнего грѣхо прежде прощенія. таже и ω погрѣшеніи в' Книзѣ сей. Изрядиѣе же да преωср: Митрополита и Епископω Православны, здравы долголѣтны, стои своей Црркви дарꙋет', и на прочее спасеное тщаніе. еже не токмо Книги Правилныи. но и**

ѹчитєныи, нєтокмо бєсѣдована нѡѥ єжє къ Бгꙋ, но и яжє Бъ и на бєсєдовати ѡбычє; въ свѣт Тѵпѡ на слꙋжбꙋ свою оустрои. Тєбє жє Чтатєлю блгій молю, да простиши ми погрѣшєнїа чтꙋщє сїю Бгодꙋхновєнꙋю Книгꙋ; аще кїа в нєи ѡбращєши: Такожє и помлишиса ѡ мнѣ ѡкаанно и грѣшномъ Гдꙋ Бгꙋ: да ма и въ прочєє дѣло оукрѣпитъ, и здравїє дарꙋєтъ. Здравствꙋи ѡ Гдѣ :· Всѣхъ блгъ рачитєль и ѡ Хртѣ Брат. Міхаилъ Сліозка.

Л. 1ª—441ᵇ: Стихиры, пѣсни, чтенія, молитвы, синаксары и прочія матеріи, составляющія Тріодь цвѣтную. Начало: **ВЪ ПАТО ШЄСТЫА НЄДИ СТГО ВЄЛИКОГО ПОСТА. НА ВЄЧЄРНИ**, Каѳ: Къ Гдꙋ внєгда скорбѣх и пр.

Л. 442ª: Два слѣдующія другъ за другомъ послѣсловія типографа. Первое изъ этихъ послѣсловій озаглавлено: **СЛОВО КЪ ЧИТАТЄЛЄМЪ** и выражено дословно такъ: Възлюбєныи ѡ Хѣ Братїє, и чєстныи Господїє. Проучитающїи сїю Книгꙋ, аще что ѡбращєтє поползновєно или бєзмѣстно быти, Бга ради молимъ покрийтє простїю и исправитє, якожє васъ оумꙋдри стыи Паракитъ. Насъ жє потрꙋдившихса в дѣлѣ сємъ дшєспситєлномъ блгвєнїа сподобитєса ѡ Вседєржитєла Бга, Єгожє поспѣшєствомъ и сїа Книга Начаса и съвєршиса: Ємꙋжє чтъ слава и дєржава, въ бєзконєчныа вѣки вѣкомъ, **АМИНЬ**. Второе послѣсловіе, сообщающее о времени напечатанія и другихъ обстоятельствахъ книги, выражено слѣдующими словами: Напєчатана бысть сїа Книга, глємаа **ТРЇѠДЪ ЦВѢТНАА**, при Дєржавѣ Королѧ єгѡ Мти **ЇѠАННА КАЗИМЄРА**: за Блвєнїємъ жє Стѣишихъ Патрїархѡвъ, и Прєѡсщєнныхъ Архїєпкопѡвъ: В Бгоспасаємѡмъ Градѣ **ЛВОВѢ**. в Тѵпографїи, Міхаила Сліозки. Второє издаєса. в Лѣто ѡ Създанїа мїра, зрод. А ѡ Въплощєнїа Бга Слова, ,ахѯг. Мца. Дєкабрїа, ді, дна :· Это второе послѣсловіе важно въ особенности потому, что подтверждаетъ въ свою очередь еще разъ то, о чемъ было уже въ предисловіи упомянуто, а именно, что Тріодь цвѣтная 1666-го года была вторымъ той же книги въ той же типографіи изданіемъ. Что же касается до перваго ея у Михаила Сліозки изданія, то это изданіе появилось въ 1642-мъ

году. Ср. Каратаева Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами I, стр. 495, н-ръ 538.

Въ библіографическомъ, а отчасти и въ культурно-историческомъ отношеніи важны въ этой книгѣ впрочемъ еще и нѣкоторыя находящіяся въ ней изображенія, въ числѣ ихъ слѣдующія: 1) на листѣ 14ª воскресеніе Лазаря съ годомъ 1662-мъ внизу; 2) на листѣ 20ª въѣздъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ съ буквами латинскими I и G, означающими безъ сомнѣнія имя и фамилію гравёра, Іоанна Глинскаго; 3) на л. 36ª Іосифъ, бѣгущій отъ Путифары; 4) на л. 48ᵇ пять дѣвицъ мудрыхъ, входящихъ въ чертогъ славы, и пять дѣвицъ буихъ, стучащихся напрасно въ затворенную дверь чертога, съ буквами латинскими I и G внизу, слѣва; 5) на л. 57ᵇ блудница, помазующая ноги Іисусу въ домѣ Симона прокаженнаго, съ слѣдующею припискою внизу изображенія: **Іоа́н Гли́нскій** 1667 18 februa; 6) на л. 98ª распятіе Христово, рѣзанное какимъ то Иліею 1632-го года, какъ это заключать можно изъ слова **Илїа** помѣщеннаго внизу, направо отъ креста, и скорописныхъ буквъ **ахлв**, помѣщенныхъ тамъ же, налѣво отъ креста; 7) на л. 116ª тоже распятіе съ тѣми же подробностями, что̀ и предыдущее; 8) на л. 338ª Вознесеніе Христово съ буквами **ЗКѲ** внизу, слѣва; 9) на л. 387ª Сошествіе св. Духа, совмѣщающее и Матерь Божію, сѣдящую на престолѣ среди раздѣленныхъ на двѣ группы апостоловъ.

Къ числу изображеній, достойныхъ вниманія, принадлежатъ впрочемъ и нѣкоторыя находящіяся въ книгѣ заставки, а именно:

1) Заставка на листѣ 1ª и такая же на л. 418ª. Эта заставка изображаетъ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, держащихъ церковь. Вверху ихъ главъ видна Матерь Божія съ воздѣтыми вверхъ руками и съ младенцемъ Іисусомъ въ складахъ ея одежды. Въ верхнихъ углахъ заставки, но только той, что̀ на л. 418ª, замѣчается кромѣ того по красному крестику.

2) Заставка на л. 29ª. Эта заставка изображаетъ ликъ ангеловъ, съ архангелами Гавріиломъ, Михаиломъ и Рафаиломъ во

главѣ. Упомянутые архангелы снабжены щитами, а щиты ихъ греческою буквою Σ̃ съ титлою надъ нею. Внизу выгравированы буквы **К Ѳ**, но въ обратномъ направленіи, а затѣмъ такъ: **Ѳ Я**,

3) Заставка на л. 70а. Эта заставка изображаетъ тайную вечерю и снабжена внизу буквами **К Ѳ** Z (послѣдняя буква латинская) и числами х҃ м҃. Я полагаю, что буквы **К Ѳ** Z означаютъ имя и фамилію гравера, а числа х҃ м҃ годъ составленія гравюры съ опущеніемъ, конечно, числа ҂а, какъ такого, которое въ данномъ случаѣ разумѣется само собою.

4) Заставка на л. 88а и такая же заставка на листахъ 119b, 123а, 224а и 256а. Эта заставка изображаетъ распятіе Христово съ стоящими возлѣ креста Матерью Божіею и св. Іоанномъ. Внизу, при находящейся у ногъ креста мертвой головѣ, помѣщены буквы **К Ѳ**.

5) Заставка на л. 140а и такая же на л. 170а. Эта заставка раздѣлена на три поля и содержитъ въ среднемъ полѣ Воскресеніе Христово, по латинскому способу представленія; въ полѣ, налѣво отъ зрителя, распятіе Христово; въ полѣ, на право отъ зрителя, сложеніе въ гробъ Христово. Внизу середняго поля, слѣва, вырѣзаны, кромѣ того, молотокъ и замокъ; справа, имя гравера, которое гласитъ: **Ілиа**.

Какъ любопытный библіографическій признакъ, важный именно при опредѣленіи неполныхъ экземпляровъ тріоди цвѣтной отъ 1666-го года, я позволю себѣ отмѣтить впрочемъ и то еще обстоятельство, что на крайнемъ полѣ л. 204а того изданія противу стиха: **Въ беззаконіихъ зачатъ есмъ азъ блудный** и пр., и также противу стиха: **Стрнїа похвалою, и венечною повестїю** и пр. сдѣлано замѣчаніе: **Ты стїхѡ в еллинско нест, ѡбаче оупотребленїа ради ѡставихѡ а҃**.

Описанный экземпляръ находится, начиная съ самаго 1669-го года, въ обладаніи церкви села Святковой въ Галиціи, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ запись, помѣщенная на нижнихъ поляхъ листовъ 1b—21b и разсказывающая дословно, что слѣдуетъ: **Рокоу ѿ нарожьденїа Хва а҃. х҃. ѯ҃. ѳ. сию книгоу, глаголемоую**

триωдь цвѣтьноую, коупи̂ рабь божнї Стефань Борнчько изь жонькою своєю Фенькою за телѣ̂ное здоровиꙗ своє и за спасенїє доушѣ̂ное, то єсть за злотыхъ л҃. и в҃. (другою рукою и другими чернилами: **оу Иωанна Шайдаковича Коробицкого**). **А кто сию книгоу боудеть читати, повинень гс̂пода бг҃а проснти за раба бж҃го книгиꙗ Стефана и за рабоу божню Феньноу и за роднтелю нхь. И дали єи до церкви Сватковско̂ до храмоу ст҃го архистратига Михаила вѣчьными часи. А кто би са важи̂ сию книгоу ѿ церькве Свꙗтьковской ωтдалити...** (слѣдуетъ обычная формула проклинанія). Упомянутое въ этой записи достоинство «князя» должно принять не въ обычномъ, а въ томъ значеніи, какое оно имѣло въ селахъ прикарпатскихъ, основанныхъ на такъ называемомъ волоскомъ правѣ. Ср. объ этомъ предметѣ между прочимъ данныя, сообщенныя мною въ статьѣ Миклошича, Ueber die Wanderungen der Rumunen in den dalmatinischen Alpen und den Karpathen, Wien 1879, стр. 39 слѣд.

Кстати прибавлю еще, что возможностію пользоваться описанною книгою я обязанъ настоящему приходскому священнику Святковой, о. Іосифу Юрчакевичу.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLVI, № 1.

ЧЕТВЕРТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ
ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1888.

5

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1888 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Весселовскій.*

ОТЧЕТЪ

о

ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ

въ 1888 году

(Читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ.)

Въ нынѣшнемъ году, по соисканію пушкинскихъ премій подлежали оцѣнкѣ: два труда въ прозѣ, два сборника стихотвореній и два стихотворные перевода поэтическихъ произведеній.

На основаніи правилъ о названныхъ преміяхъ, къ участію въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ изъ этихъ трудовъ приглашены были Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности три постороннихъ литератора, именно: профессоръ Казанскаго университета Н. Н. Буличъ, приватъ-доцентъ Московскаго университета Алексѣй Н. Веселовскій и извѣстный нашъ критикъ Н. Н. Страховъ.

По полученіи въ назначенный срокъ ожидавшихся рецензій образована была, согласно съ правилами, комиссія, состоявшая, сверхъ четырехъ членовъ Отдѣленія, изъ слѣдующихъ лицъ: К. Н. Бестужева, А. Д. Галахова, графа А. А. Голенищева-Кутузова и Д. В. Григоровича.

По прочтеніи доставленныхъ гг. рецензентами разборовъ и устномъ обсужденіи подлежавшихъ оцѣнкѣ трудовъ, произведена была закрытая баллотировка, давшая слѣдующіе результаты: трудъ Л. Н. Майкова по изданію сочиненій Батюшкова удостоенъ единогласно *полной преміи въ 1000 р.*; сотруднику г. Майкова по составленію примѣчаній въ этомъ изданіи В. И. Саитову присуждена *поощрительная премія въ 300 р.;* автору разсказовъ, изданныхъ подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ», А. П. Чехову *половинная премія въ 500 р.*, и наконецъ переводчикъ Мольерова Тартюфа В. С. Лихачевъ признанъ заслуживающимъ *почетнаго отзыва.*

Послужившіе основаніемъ для рѣшеній комиссіи рецензіи, читанныя въ извлеченіяхъ въ публичномъ засѣданіи 19-го октября, помѣщаются здѣсь въ полномъ видѣ.

I.

Сочиненія К. Н. Батюшкова, изданныя П. Н. Батюшковымъ. Со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Саитовымъ. Томы I—III. Спб. 1887. (Разборъ Н. Н. Булича).

Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго 1887 года, ко дню столѣтняго воспоминанія рожденія Батюшкова, этого симпатичнаго поэта—предшественника Пушкина, появилось такое изданіе его сочиненій, какое по всей справедливости можетъ быть названо лучшимъ памятникомъ его творческой дѣятельности. Три тома въ почтенныхъ и широкихъ размѣрахъ столь извѣстнаго академическаго изданія Державина, обставленные доступною только столицѣ типографскою роскошью, на прекрасной бумагѣ, украшенные портретами поэта и нѣкоторыми рисунками, имѣющими отношеніе къ его личности и къ его произведеніямъ (Спб. 1885—1887), даютъ читателю всѣ произведенія, какія только сохранились въ настоящее время отъ рано погибшаго поэта, все

что удалось собрать до сихъ поръ остававшагося неизвѣстнымъ изъ имъ написаннаго и наконецъ все, что только можетъ служить къ объясненію какъ мало извѣстной до сихъ поръ личности поэта, такъ и его произведеній. Если это монументальное изданіе есть «дань признательности къ дорогой памяти брата», по выраженію издателя, то нельзя не порадоваться, что такая высокая, благородная родственная pietas нашла выраженіе въ дѣлѣ столь близкомъ и дорогомъ для всякаго образованнаго русскаго человѣка, какъ исторія нашей родной словесности. Нельзя не порадоваться глубоко, что это родственное чувство умѣло воспользоваться, для сооруженія прекраснаго памятника признательности, такими достойными научными силами, которыя сумѣли выполнить дѣло изданія такъ, что едва ли можно сдѣлать имъ хотя самый незначительный упрекъ, если не раздѣлять мнѣнія, указывающія на чрезмѣрную роскошь комментарія и на сообщеніе въ печати *всѣхъ*, какія только возможно было собрать, *писемъ* Батюшкова. Мы не раздѣляемъ такихъ мнѣній, особенно по отношенію къ письмамъ: они даютъ возможность наблюдателю со стороны услѣдить совершенно неуловимыя прежде черты характера поэта и подмѣтить особенности его духовнаго міра, ускользавшія отъ вниманія. «Изданіе сочиненій Батюшкова содержитъ въ себѣ *по возможности полное собраніе его произведеній»* (предисловіе издателя), и слова эти надобно понимать такимъ образомъ, что въ него вошло все то, что только возможно было собрать изъ этихъ произведеній при внимательномъ и упорномъ трудѣ редакторовъ. Не попали въ собраніе сочиненій Батюшкова исключительно только такія, которыя никогда не были напечатаны (на нихъ существуютъ только указанія — I, XVIII — и можетъ быть со временемъ они будутъ найдены), или такія, которыя уже погибли вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій жизни поэта (I, XVII). По крайней мѣрѣ въ изданіи нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что остались еще въ рукописи такія произведенія Батюшкова, которыя не могутъ быть напечатаны по тѣмъ или инымъ соображеніямъ. Сравнивая это послѣднее изда-

ніе съ предшествовавшими (1834 и 1850 годовъ), мы находимъ въ немъ 25 стихотвореній, не помѣщенныхъ прежде; изъ нихъ 18 перепечатаны изъ разныхъ періодическихъ изданій и сборниковъ и были извѣстны только лицамъ, спеціально изучавшимъ Батюшкова; семь стихотвореній напечатаны въ первый разъ по вновь открытымъ рукописямъ. Изъ прозаическихъ статей помѣщены въ новомъ собраніи 10 произведеній, большею частью перепечатанныхъ и первоначальная редакція одного, печатаннаго и прежде. Самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для всесторонняго изученія Батюшкова, какъ человѣка и писателя, въ этомъ изданіи является собраніе въ одинъ очень большой томъ всѣхъ писемъ его; изъ нихъ цѣлая половина является въ первый разъ и даетъ, особенно письма къ сестрѣ поэта Александрѣ Николаевнѣ, совершенно новый матеріалъ для изученія Батюшкова. Множество тщательно собранныхъ варіантовъ къ первоначальному печатному тексту, представляютъ возможность изслѣдователю слѣдить за измѣняющимся вмѣстѣ съ временемъ настроеніемъ поэта, за развитіемъ его творчества въ малѣйшихъ подробностяхъ. Такова внѣшняя сторона этого замѣчательнаго изданія.

Если съ этой внѣшней стороны издатель и редакторъ сдѣлали все то, что только возможно было сдѣлать, то и для внутренней исторіи самаго поэта, для его характеристики, для полнаго изученія его творческой дѣятельности въ связи съ историческимъ содержаніемъ времени, для опредѣленія мѣста Батюшкова, какъ выдающагося поэта въ общемъ развитіи русской литературы, настоящее собраніе сочиненій Батюшкова не оставляетъ желать ничего лучшаго. Это изданіе смѣло можно поставить рядомъ съ академическимъ изданіемъ Державина, которое повидимому и послужило ему образцомъ. Нельзя не пожалѣть только, что между этими двумя изданіями легъ промежутокъ времени почти въ четверть вѣка и что въ русскомъ обществѣ такъ рѣдко встрѣчаются осязательныя доказательства той родственной сердечной памяти, которая была поводомъ и

причиною въ настоящее время важнаго явленія въ русской словесности.

Главный и самый существенный трудъ, употребленный на это изданіе, принадлежитъ редактору его Л. Н. Майкову. На этотъ трудъ, сколько мы можемъ судить по словамъ предисловія издателя и по означенію годовъ печатанія на заглавныхъ листахъ всѣхъ трехъ томовъ, посвящено было имъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многоуважаемый редакторъ изданія, столь извѣстный и столь опытный литераторъ, взявшійся, кромѣ того, за трудъ съ полнымъ увлеченіемъ и любовію, снабженный всевозможными пособіями и источниками, которыми такъ богатъ Петербургъ и Императорская Публичная библіотека, долженъ былъ выполнить его достойнымъ образомъ, и дѣйствительно мы получили отъ него полнаго Батюшкова, притомъ до такой степени уясненнаго богатыми комментаріями, что дѣятельность поэта, ея содержаніе и ея значеніе едва ли когда либо потребуютъ новыхъ дополненій. Самымъ главнымъ вкладомъ въ это изданіе является большая вводная статья г. Майкова (I, 1—316) «О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова». Въ ней, въ изящномъ изложеніи, разсказана весьма подробно несчастная судьба русскаго поэта, все его внутреннее развитіе, его отношенія къ событіямъ и людямъ эпохи и опредѣляется въ заключеніе мѣсто и значеніе Батюшкова въ исторіи нашего литературнаго развитія. Позволяемъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на этой капитальной статьѣ.

Сколько-нибудь замѣтный писатель, будь онъ прозаикъ или поэтъ, но если онъ только заслужилъ сочувствіе современниковъ и память въ потомствѣ, является, мы глубоко убѣждены въ томъ, ничѣмъ инымъ, какъ только памятникомъ времени. Неумолимо оставляетъ оно на немъ свой могучій слѣдъ, онъ неразрывно связанъ съ временемъ, какъ растеніе съ условіями почвы и климата; онъ въ состояніи дать читателю только то, что онъ самъ получилъ отъ времени. Конечно появленіе таланта и внутреннія условія творчества составляютъ необъяснимую тайну, но

мы не можемъ отказаться отъ убѣжденія, что даже интензивность и сила этого таланта зависятъ отъ времени и его обстоятельствъ, посреди которыхъ онъ развивается. Думаемъ, что этой мысли не станетъ противорѣчить и самъ уважаемый редакторъ сочиненій Батюшкова. «Нравственное значеніе этихъ войнъ (12-го г. и въ Европѣ) для русскаго общества, говоритъ онъ (1—4), смутное разумѣніе національныхъ задачъ, имъ предшествовавшее, и въ связи съ нимъ *неопредѣленный характеръ нашего просвѣщенія* въ первые годы текущаго столѣтія, а затѣмъ, послѣ торжества надъ Наполеономъ, *крупные успѣхи національнаго сознанія*, и вслѣдъ за ними *нарожденіе новыхъ существеннѣйшихъ вопросовъ въ нашей внутренней жизни*, — находятъ себѣ замѣтное отраженіе въ развитіи образа мыслей Батюшкова». Л. Н. Майковъ дѣлаетъ общее опредѣленіе дѣятельности Батюшкова. По его словамъ «это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и характерныхъ представителей своего времени въ нашемъ отечествѣ». Повидимому эти слова, опредѣляющія историко-литературное значеніе Батюшкова, должны относиться ко второй половинѣ его слишкомъ кратковременной сознательной жизни, къ годамъ послѣ европейскихъ походовъ, ко времени послѣ 1815 года, когда дѣйствительно поэтическій талантъ Батюшкова, на короткое время, лѣтъ на пять или шесть, значительно окрѣпъ. Но едва ли, какъ писатель, онъ можетъ служить типическимъ представителемъ духовныхъ стремленій и общественныхъ ожиданій этой замѣчательной эпохи русской жизни, начало которой совпадаетъ съ возвращеніемъ нашей побѣдоносной арміи изъ Европы въ 1815 году, а конецъ съ окончательнымъ развитіемъ психической болѣзни несчастнаго писателя. Г. Майковъ совершенно вѣрно говоритъ о Батюшковѣ, что онъ «всего болѣе любилъ созерцательную жизнь», что онъ не искалъ практическаго дѣла, но мы не можемъ согласиться съ нимъ, что эта созерцательная жизнь «по преимуществу питаетъ творчество». Послѣднее должно питаться жизнью и временемъ, сочувственнымъ, живымъ отношеніемъ къ нимъ, наблюденіемъ надъ ними, внутреннимъ разви-

тіемъ самого писателя, его образованіемъ: чѣмъ шире послѣднее, тѣмъ шире горизонты его наблюденій, тѣмъ больше явленій захватываетъ онъ. Для Батюшкова выше всего былъ міръ мечты, а не дѣйствительности. Его поэтическая дѣятельность начинается стихотвореніемъ «Мечта» (I, 1—4), написаннымъ имъ, когда ему было шестнадцать лѣтъ. Онъ убѣжденъ, что мы «стократъ счастливы мечтаньемъ скоротечнымъ». Дары мечты для него дороже свѣта, дороже славы; поэтъ считаетъ свою хижину дворцомъ и счастливъ: «онъ мечтаетъ». Конечно это представленіе о мечтѣ выражаетъ юношу, но годы идутъ, а Батюшковъ остается неизмѣняемымъ:

«Что въ истинѣ пустой? Она лишь умъ сушитъ,
Мечта все въ мірѣ золотитъ,
И отъ печали злыя
Мечта намъ щитъ» (I, 26) — повторяетъ онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ. «А дни мечтой позолотимъ» говоритъ онъ Гнѣдичу въ 1809 году (I, 67). «Мечты» для Батюшкова — верхъ счастія; правда для него несносна: ея свѣтъ заставляетъ разстаться съ мечтой (I, 29); мечты устилаютъ ему цвѣтами мрачный путь жизни (I, 87). Замѣчательно, что въ годы наибольшей зрѣлости своего таланта, именно въ 1817 году, Батюшковъ снова передѣлываетъ и распространяетъ свое первоначальное стихотвореніе «Мечта». Этотъ «неба даръ благой», эта «волшебница», эта «посланница небесъ» составляетъ все его счастіе (I, 263—269).

Изучая внимательно обширную и прекрасную біографію Батюшкова, мы невольно приходимъ къ убѣжденію, что случайный даръ поэзіи, выпавшій ему на долю, не могъ пойти иною дорогою, что не откуда было ему взять содержанія для своего поэтическаго творчества, пробудившагося въ немъ рано подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ. Не думаемъ, чтобъ въ дворянской семьѣ Батюшковыхъ даже въ первой половинѣ прошедшаго вѣка существовали «книжные интересы», какъ это доказываетъ біографъ тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣды поэта

воспитывались въ шляхетномъ сухопутномъ корпусѣ (I, 6). Со временъ Петра В. необходимо было учиться дворянину — для службы. Если можетъ-быть отецъ и является «большимъ любителемъ французской литературы и почитателемъ философіи XVIII вѣка», то онъ, какъ это видно изъ изданія, не имѣлъ вовсе вліянія на внутреннее развитіе сына. Съ десятилѣтняго возраста Батюшковъ уже учился въ иностранномъ пансіонѣ въ Петербургѣ. Четырнадцати лѣтъ Батюшковъ уже видитъ напечатаннымъ свой первый переводный литературный опытъ и съ тѣхъ поръ не перестаетъ писать. О содержаніи свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ поэтомъ въ пансіонахъ, кромѣ знанія нѣкоторыхъ европейскихъ языковъ, біографъ не говоритъ. Свѣдѣнія эти были незначительны. Кругъ чтенія Батюшкова, по его словамъ, «былъ очень не великъ», а между тѣмъ все образованіе того времени давалось исключительно чтеніемъ. Поэтому вполнѣ вѣрно подробно развитое въ біографіи Батюшкова указаніе Л. Н. Майкова, что всѣмъ своимъ умственнымъ образованіемъ, содержаніемъ и направленіемъ поэтической дѣятельности, внутреннею работою надъ самимъ собою и «установленіемъ нравственнаго идеала» поэтъ обязанъ былъ родственнику его отца М. Н. Муравьеву, сочиненія котораго и были изданы имъ. Съ пятнадцатилѣтняго возраста въ теченіе пяти лѣтъ Батюшковъ пользуется благотворнымъ вліяніемъ Муравьева, человѣка, «котораго память будетъ мнѣ драгоцѣнна до позднихъ дней жизни и украситъ ихъ горестнымъ и вмѣстѣ сладкимъ воспоминаніемъ протекшаго» (II, 86), какъ онъ самъ говоритъ о немъ. Батюшковъ сознается въ другомъ мѣстѣ, что «онъ обязанъ ему всѣмъ» (III, 305). По прекрасному выраженію біографа Батюшкова — Муравьевъ, бывшій воспитанникъ Московскаго университета, «былъ для Батюшкова своего рода университетомъ» (I, 18). Черезъ Муравьева доходили до него широкія вѣянія университета, нѣкоторое знакомство съ классическою латинскою литературою, очень важное въ томъ отношеніи, что способствовало развитію формы стиха и красотѣ выраженія и наконецъ, любовь къ нѣкоторымъ

поэтамъ итальянскаго возрожденія, знакомство съ которыми составляетъ оригинальную черту поэтической дѣятельности Батюшкова. Муравьевъ былъ конечно дилеттантъ въ литературѣ; сочиненія его, состоятъ большею частію изъ мелкихъ статей чрезвычайно общаго содержанія; въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго, но они даютъ намъ достаточное представленіе о той общей гуманитарной школѣ идей, въ которой воспитывался молодой поэтъ. Въ этихъ статьяхъ не было ничего рѣзкаго, ничего опредѣленнаго; Муравьевъ не былъ послѣдователемъ ни Руссо, ни Вольтера; онъ воспитался почти въ той же литературной школѣ, что и Карамзинъ, хотя былъ старше его шестью годами. Намъ кажется, что сочиненія Батюшкова, особенно прозаическія, не принимая въ расчетъ силу таланта, являются какъ бы продолженіемъ литературной дѣятельности М. Муравьева.

Въ ту пору, когда началась поэтическая дѣятельность Батюшкова, общество, съ воцареніемъ Императора Александра I, нѣсколько оживилось; въ немъ стало замѣчаться нѣкоторое движеніе; появилось нѣсколько журналовъ, до издателей которыхъ доходили слухи о различныхъ реформахъ, предпринимаемыхъ правительствомъ, хотя реформы эти обсуждались гдѣ-то очень далеко, въ самомъ интимномъ кругу, посреди людей, близкихъ къ государю. Основывались университеты въ провинціальныхъ городахъ, но профессорами въ нихъ являлись почти исключительно иностранцы; свои ученые были крайне рѣдки, да и тѣ были весьма мало подготовлены для профессорской дѣятельности. Жизнь и отраженіе ея, литература — были вполнѣ ничтожны. Отношенія ихъ другъ къ другу почти неуловимы и особеннаго оживленія литературы мы не замѣчаемъ. Въ ней еще въ полной силѣ господствовали преданія XVIII вѣка. Новостью въ ея области была развѣ только та «легкая поэзія», о которой Батюшковъ написалъ въ послѣдствіи времени особенную статью. Въ біографіи поэта Л. Н. Майковъ прекрасно объяснилъ возможность появленія этого новаго поэтическаго рода, возникшаго подъ влія-

ніемъ развитія общественной жизни, участія женщинъ и того сентиментализма, который переходилъ къ намъ все же съ европейскаго Запада. Этому роду поэтической дѣятельности Батюшковъ оставался вѣренъ все время, пока писалъ стихи, но онъ выражалъ въ нихъ только самого себя, свое внутреннее настроеніе, а никакъ не общую жизнь. Современность отражается въ нихъ чрезвычайно рѣдко. При этомъ рецензентъ выставляетъ весьма характерное на его взглядъ явленіе, свидѣтельствующее съ своей стороны о ничтожности внутренняго содержанія поэзіи Батюшкова, о пустотѣ тогдашней жизни, что даже его интимныя стихотворенія, которыя должны бы были выражать собственный внутренній міръ поэта, почти всѣ написаны на чужія темы. Батюшковъ беретъ чужое стихотвореніе, изъ римскихъ классиковъ, напр. Горація или Тибулла, изъ французовъ Вольтера, Парни, Грессе или Мильвуа, изъ итальянцевъ— Петрарки, Касти, и передѣлываетъ ихъ по-своему, такъ что многія его стихотворенія суть не что иное, какъ только *вольные переводы* — терминъ весьма хорошо извѣстный въ нашей литературѣ. Надобно удивляться тому внимательному кропотливому труду, съ какимъ біографъ и редакторъ сочиненій Батюшкова слѣдилъ за такими подражательными стихотвореніями его. Укажемъ для примѣра его разборъ III Тибулловой элегіи, передѣланной Батюшковымъ и примѣненной имъ къ обстоятельствамъ собственной жизни (I, 324—325), сравненіе перевода пьесы LIII изъ антологіи съ переложеніемъ Вольтера и греческимъ подлинникомъ (I, 340), стихотвореній «Радость», «Счастливецъ», взятыхъ изъ Касти (I, 343, 344), или «Мои Пенаты», заимствованнаго изъ французскаго поэта Дюси (I, 351—352) и проч. Цѣлью изслѣдователя было показать какіе самостоятельные мотивы прибавилъ Батюшковъ къ чужимъ, заимствованнымъ темамъ.

Въ тѣ годы, когда очень еще молодой Батюшковъ, начавшій служебную дѣятельность подъ начальствомъ своего дяди М. Н. Муравьева, находился подъ его исключительнымъ ум-

ственнымъ вліяніемъ, онъ былъ и членомъ основаннаго въ 1801 году «Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ». Членами его были нѣсколько молодыхъ, начинающихъ петербургскихъ литераторовъ, не очень выдающихся по своимъ талантамъ литературнымъ, но безъ сомнѣнія дышавшихъ уже тѣмъ болѣе свободнымъ для груди воздухомъ, которымъ повѣяло въ русской жизни въ первые годы нашего вѣка, съ воцареніемъ Александра I. Л. Н. Майковъ дѣлаетъ обзоръ дѣятельности этого общества и представляетъ вѣрное о ней сужденіе (I, 37—43), находя по всей справедливости, что въ этомъ обществѣ воспиталась та любовь къ Карамзину, къ новому направленію литературы, имъ указанному, къ реформѣ слога и языка, которая вооружила почти всѣхъ членовъ Вольнаго общества, а вслѣдъ за ними и Батюшкова, на борьбу съ партіей «стараго слога» или «Бесѣдою» съ Шишковымъ во главѣ.

Вполнѣ вѣрно біографъ въ скромной дѣятельности Вольнаго общества, рядомъ съ оттѣнкомъ или струею собственно литературной, видитъ и струю, какъ онъ выражается, «соціально-политическую». Но струя эта была такъ ничтожна, что могла течь только капля по каплѣ: «Члены читали въ своихъ собраніяхъ, говоритъ онъ, переводы изъ Беккаріи, Филанджіери, Мабли, Рейналя, Вольнея и другихъ свободомыслящихъ историковъ и публицистовъ XVIII вѣка, а иногда и свои собственныя статьи на такія темы: о вліяніи просвѣщенія на законы и правленія, о феодальномъ правѣ, о раздѣленіи властей человѣческаго тѣла и т. п. Все это было конечно весьма невинно, да и не могло появляться въ печати, а если и появлялось, то очень скоро задерживалось цензурою, какъ это и было съ книгою самаго дѣятельнаго и самаго привлекательнаго члена общества Пнина, несмотря на всю скромность ея содержанія. Любопытно, что въ стихотвореніи Батюшкова, написанномъ на смерть этого Пнина (1, 31—32) мы не нашли ни малѣйшаго намека на безспорно существовавшія гражданскія убѣжденія его. Со смертью Пнина въ 1805 году дѣятельность общества падаетъ, «соціально-поли-

тическая струя» перестаетъ капать и связи Батюшкова съ обществомъ постепенно прерываются.

Извѣстно, что въ обществѣ этомъ, между молодыми его членами, было распространено глубокое уваженіе къ Радищеву, прощенному императоромъ Александромъ и не только возвращенному изъ деревенской ссылки (изъ Сибири онъ возвращенъ былъ при Павлѣ), но даже занявшему довольно видное служебное положеніе въ Комиссіи составленія законовъ, что служило какъ бы нагляднымъ доказательствомъ нѣкотораго признанія со стороны власти тѣхъ идей его, за которыя онъ такъ жестоко пострадалъ при Екатеринѣ. Это отношеніе власти къ Радищеву и дало, кажется намъ, возможность членамъ общества, между которыми былъ и сынъ Радищева, выразить печатно свое сочувствіе этому писателю по поводу его трагической смерти и даже напечатать въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ главу изъ его знаменитаго «Путешествія» (надобно замѣтить, что глава эта принадлежитъ къ самымъ невиннымъ во всей книгѣ и не даетъ никакого понятія о томъ, что́ составляло главное содержаніе сочиненія Радищева). Мы не станемъ спорить съ біографомъ, что Батюшковъ «до послѣднихъ лѣтъ своей литературной дѣятельности сохранялъ особый интересъ къ этому писателю»; очень можетъ быть, что съ своими литературными сверстниками, для которыхъ Радищевъ былъ окруженъ ореоломъ страданія, онъ и «раздѣлялъ уваженіе къ этому смѣлому представителю освободительныхъ идей XVIII вѣка въ русской литературѣ» (I, 42—43), но нѣтъ никакихъ данныхъ для увѣренности, что Батюшковъ когда-либо раздѣлялъ убѣжденія и взгляды Радищева до желанія практическаго ихъ осуществленія. Ни въ сочиненіяхъ его, ни въ письмахъ мы не найдемъ на это ни малѣйшаго указанія. Правда, князь Вяземскій (Соч. VII, 418) говоритъ, что Батюшковъ, «мало занимавшійся политическими вопросами», написалъ въ 1814 году прекрасное четверостишіе, обращенное къ императору, въ которомъ говорилъ, что его призваніе «довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе

освобожденіемъ русскаго народа». Самъ Вяземскій называетъ это четверостишіе «летучимъ вдохновеніемъ» Батюшкова; очевидно, онъ не придавалъ этому стихотворенію никакого значенія, а потому оно утратилось и не сохранилось въ памяти современниковъ. Идея освобожденія крѣпостныхъ, если только о ней шла рѣчь въ утраченномъ стихотвореніи, была дѣйствительно плодомъ освободительныхъ идей XVIII вѣка, пробивавшихъ застарѣлую кору и проникавшихъ въ нашу затвердѣлую почву, но ни изъ чего не слѣдуетъ, чтобъ поэтъ нашъ былъ воспитанъ этими идеями и сочувствовалъ имъ. Напротивъ, мы находимъ доказательства совершенно противоположнаго. Онъ не вѣрилъ въ идеи, въ силу человѣческаго разума. «Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, говорилъ онъ, въ которомъ человѣческая мудрость недостаточна для обыкновеннаго круга дѣятельности самаго простаго гражданина» (II, 129). Разбирая въ письмѣ къ А. И. Тургеневу столь извѣстное посланіе Жуковскаго къ императору Александру, написанное въ 1814 г. (III, 302) Батюшковъ упрекаетъ Жуковскаго за то, что въ изображеніи историческихъ событій во Франціи со временъ революціи онъ не упомянулъ о главной причинѣ бѣдствій: «Какъ ни слова не сказать о *философахъ, которые приготовили зло*!» Къ этимъ философамъ глубокою ненавистью проникнуты были всѣ практическіе и теоретическіе дѣятели реакціи, начавшейся вслѣдъ за освободительными войнами. Насмѣшливо повторялъ ихъ крики нѣмецкій поэтъ Гейне: «An Allem ist Schuld Jean-Jacques Rousseau, Voltaire und die Guillotine». Нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобъ Батюшковъ думалъ или говорилъ иначе, но онъ вообще былъ далекъ отъ практической жизни и по неподготовленности къ ней и по никогда не покидавшему его эгоизму, и потому что ему дороже была мечта и поэзія, далекая отъ жизни. Наконецъ, сколько мы можемъ судить по подробнымъ объясненіямъ Л. Н. Майкова (I, 88—89), Батюшковъ былъ весьма поверхностно знакомъ даже съ главными по вліянію представителями освободительной философской мысли XVIII вѣка: Вольтеромъ и Руссо.

Такимъ образомъ мы не можемъ себѣ представить, чтобы поэтъ когда-либо думалъ серьезно объ освобожденіи крестьянъ, тѣмъ болѣе, что всѣ жизненные его рессурсы заключались именно въ крѣпостныхъ. Біографъ на деревенскихъ отношеніяхъ Батюшкова останавливается въ началѣ IV главы своего труда (I, 82—86). Изъ приведенныхъ имъ выписокъ изъ его словъ мы имѣемъ полное право вывести заключеніе о совершенно гуманныхъ отношеніяхъ поэта къ своимъ крестьянамъ. Ничего иного, при его мягкой, нѣжной натурѣ, воспитанной въ школѣ Муравьева, смотрѣвшаго на крѣпостныя отношенія какъ на несчастіе, и нельзя ожидать. Батюшковъ «не мудрилъ въ деревенскомъ хозяйствѣ, не отвлекалъ крестьянъ отъ тѣхъ занятій и промысловъ, на которые указывала имъ природа ихъ края, и напротивъ того, осуждалъ затѣи отца устраивать какой-то заводъ въ Даниловскомъ» — говоритъ Л. Н. Майковъ (1,83). Но самая сила вещей была такова, что поэту приходилось путаться въ этихъ отношеніяхъ, почти непонятныхъ намъ теперь, людямъ другой исторической эпохи. Письма поэта къ старшей сестрѣ его, Александрѣ Николаевнѣ, даютъ намъ множество указаній, какъ печальны были эти отношенія. Невольно проникается читатель жалостью къ несчастному поэту, которому приходилось почти непосредственно переходить отъ поэтическихъ идеаловъ къ грязи такой дѣйствительности, съ какою теперь было бы невозможно помириться.

Въ 1807 году, когда поэту было уже 20 лѣтъ, а двѣ сестры были значительно старше его, отецъ вступилъ во второй бракъ, что было весьма непріятно дѣтямъ отъ перваго. Двумъ сестрамъ и брату пришлось существовать съ доходовъ имѣнія, составлявшаго материнское приданое и переселиться въ него, разставшись съ отцомъ. Всѣ хозяйственныя распоряженія и хлопоты тяжелымъ бременемъ легли на старшую сестру и переписка съ нею полна исключительно требованіемъ денегъ. Крестьяне были давно на оброкѣ. Эта болѣе легкая форма крѣпостныхъ отношеній возникла не по доброй волѣ помѣщика, а чисто изъ экономическихъ

соображеній: въ Вологодской губерніи барщина была бы невыгодна помѣщику. Онъ завелъ оброкъ не такъ, какъ герой поэтическаго романа Пушкина:

«Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ»,

не изъ гуманности, а изъ выгоды. Имѣніе было давно заложено, какъ почти у всѣхъ помѣщиковъ и сроки уплаты процентовъ стояли всегда грознымъ призракомъ, и безъ сомнѣнія должны были смущать и эпикурейское наслажденіе жизнью и вдохновеніе творчества, когда оно посѣщало поэта, владѣющаго заложеннымъ въ ломбардъ и сохранную казну имѣніемъ. У Батюшкова былъ вѣчный недостатокъ денегъ. Съ самыхъ первыхъ, напечатанныхъ въ изданіи писемъ, мы читаемъ заботы его о деньгахъ. То Гнѣдичъ выкупаетъ на деньги, взятыя у сестры, заложенные часы поэта (III, 6), то проситъ онъ самъ у сестры триста рублей, несмотря на тутъ же высказываемое имъ убѣжденіе: «вамъ деньги нужнѣе моего» (III, 20); въ слѣдующемъ году уже 500 рублей (III, 28). Особенно настоятельны просьбы о деньгахъ въ 1810 году, когда Батюшковъ жилъ въ Москвѣ и, обращаясь въ высшемъ свѣтѣ столицы и между московскими писателями, долженъ былъ проживать много, хотя, по его словамъ, онъ только убивалъ время (III, 95). «Ты себѣ вообразить не можешь, сколько денегъ я здѣсь издерживаю — куда? Богъ знаетъ! А все безъ пользы, безъ удовольствія. Правда, онъ сознается, что все это «у меня истинно лежитъ на совѣсти», но требованій не прекращаетъ. Они повторяются изъ года въ годъ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, безъ оговорокъ выше приведенныхъ нами, только размѣръ просимой суммы увеличивается. Приходилось конечно, несмотря на гуманность, тревожить крестьянъ оброкомъ и не въ урочное время: «Крайне сожалѣю, пишетъ къ сестрѣ поэтъ, что мужиковъ долженъ я тревожить въ такое трудное время: весной и въ рекрутство! Напиши имъ приказъ поласковѣе» (III, 180). Сошлемся на многія другія

мѣста его писемъ, гдѣ мы читаемъ тѣ же просьбы о деньгахъ, которыя повторяются даже и на службѣ въ Италіи (III, 119, 175, 289, 375, 397, 398, 546). Даже князю Вяземскому Батюшковъ жалуется на безденежье; жалобы эти идутъ изъ деревни, куда онъ повидимому уѣзжалъ при безденежьи, чтобъ собрать деньги: «Чахотка въ карманѣ. Въ виду — ни гроша почти на весь годъ, если не удадутся мнѣ нѣкоторые обороты. А жить надобно, какъ говоритъ Шатобріанъ (III, 427). Обороты эти заключались въ предполагаемомъ изданіи сборника итальянскихъ переводовъ, съ котораго онъ разсчитывалъ выручить двѣ тысячи рублей. При такихъ условіяхъ полученія денегъ въ сроки крайне неопредѣленные, Батюшковъ необходимо долженъ былъ входить въ долги; на силу расплатился съ тѣмъ, который сдѣланъ былъ имъ въ Парижѣ, во время «освободительнаго» похода. Жаль очень, что у насъ нѣтъ ни одного отвѣтнаго письма сестры на всѣ эти безконечныя просьбы брата о деньгахъ. Батюшковъ писалъ къ ней только дѣловыя письма; весьма рѣдко проскользнетъ въ нихъ выраженіе нѣжнаго братскаго чувства. А какой безотвѣтной глубоко преданной натурой, должно быть, была она! Исполняя требованія брата, посылая деньги на его прихотливую жизнь въ столицахъ, на поддержаніе его великосвѣтскихъ связей и отношеній, повидимому она не обмолвилась ни разу укоромъ; иначе братъ отвѣтилъ бы ей въ этомъ смыслѣ или постарался бы оправдаться.

Доходовъ съ материнскаго имѣнія такимъ образомъ никакъ не доставало на жизнь. Женитьба отца и дѣти отъ новаго брака лишали возможности получать что-либо отъ него. «Богъ тому свидѣтель, пишетъ Батюшковъ къ сестрѣ, что я не хочу наслѣдовать послѣ батюшки вовсе не изъ великодушія, но потому, что у него есть дѣти. Я желаю отъ всего сердца, чтобъ они имѣли кусокъ хлѣба и для собственнаго моего спокойствія. Съ тѣмъ, что мы имѣемъ, благодаря Бога не умремъ съ голоду, а лишнее желаніе богатствъ отложимъ въ сторону» (III, 286). Да и дѣла отца были, по словамъ сына, «такъ плохи, такъ безобразны, что

я и сестра, мой вѣрный товарищъ въ горести, съ ума сходимъ. И есть отъ чего. А ты требуешь стиховъ, пишетъ онъ къ другу своему Гнѣдичу. Выть въ стихахъ не умѣю; а другіе писаться не будутъ» (III, 487).

Въ особенности много хлопотъ и огорченій приносило Батюшкову то обстоятельство, что имѣніе было заложено. Все хочется устроить какъ было бы выгоднѣе; то кажется хорошо разсчитаться съ приказомъ и заложить души въ Опекунскій совѣтъ (III, 79); то нужно употреблять много времени «для хожденія по закладной» (Ib. 197); то кажется выгодно «заложить имѣніе въ приказъ Вологодскій на годъ, на сумму въ 3000 рублей, для уплаты въ ломбардъ» (Ib. 363); то закладываются 50 душъ въ ломбардѣ московскомъ, чтобъ уплатить немедленно деньги въ ломбардъ петербургскій (Ib. 377 — 379); то приходится платить лишнія деньги за просрочку уплаты процентовъ (Ib. 441), то находитъ страхъ, что имѣніе опишутъ для продажи. «Дайте мнѣ рѣшительный, Бога ради рѣшительный отвѣтъ! — пишетъ Батюшковъ къ сестрѣ. Если есть еще души не въ закладѣ, то пришлите свидѣтельство, заплатите за него что угодно, но пришлите только немедленно» (Ib. 443). Сколько мучительныхъ помѣщичьихъ волненій долженъ былъ переживать нашъ поэтъ отъ безденежья, особенно въ сроки платежа процентовъ. Приходилось прибѣгать къ экстроардинарнымъ средствамъ для добыванія денегъ. Пустошь, на продажу которой разсчитывалъ поэтъ, не продается или по неимѣнію покупателей, или потому, что очень дешево даютъ за нее, а «деньги весьма нужны въ арміи» (III, 233). Абрамъ Ильичъ не платитъ за Платона и Батюшковъ безпокоится о томъ (Ib. 173). «Прошу немедленно собрать оброкъ и переслать ко мнѣ сюда: у меня ни гроша нѣтъ» — пишетъ онъ сестрѣ. «Другая просьба: проси и умоляй, чтобы продали Захарова; мнѣ этотъ негодяй тягость совершенная, и долги требуютъ безпрестанно» (Ів. 349). Выручаютъ порой и дѣвки. Такъ со старосты Мѣниковой деревни ожидаются за нихъ 150 руб. (Ib. 350). «Нельзя ли выпустить дѣвокъ на волю (конечно за деньги) безъ

разстройки имѣнія» — сообщаетъ онъ также сестрѣ (Ib. 476). Въ другой разъ Батюшковъ «согласенъ отдать Павлу Алексѣевичу столяра за тысячу рублей. Тысячу рублей цѣна настоящая» Ib. 507): это было необходимо, чтобъ уплатить по векселю, и продажу оправдываетъ поэтъ тѣмъ, что продаетъ родственнику. Справедливость требуетъ однако упомянуть, что Батюшковъ заботится о судьбѣ и прокормленіи своихъ крѣпостныхъ стариковъ (по всей вѣроятности дворовыхъ): «Инвалидовъ всѣхъ перевести на Углу, распоряжается онъ чрезъ сестру, къ родственникамъ ихъ, и вотчинѣ кормить по смерть, а я за нихъ ежегодно платить стану, о чемъ посовѣтуюсь со старостою» Люди, домашними услугами которыхъ пользовался Батюшковъ, были крѣпостные, и, какъ это всегда бывало въ то время, поведеніемъ ихъ онъ былъ недоволенъ. Такого рода сѣтованія мы часто встрѣчаемъ въ его письмахъ къ сестрѣ, особенно, когда одинъ слуга захвораетъ, а на его мѣсто нужно выписывать другого изъ деревни и долго пріучать къ его обязанностямъ (III, 30—31): «Митьку на третій день пріѣзда я отдалъ въ рабочій домъ за пьянство. Не медля выбери мнѣ мальчика 15 или 17 лѣтъ, не старѣе, въ кучера и возьми во дворъ, пока я не велю прислать его» (Iв. 285—286). Отправляя, вѣроятно послѣ не достигшаго цѣли исправленія въ рабочемъ домѣ, этого Митьку въ деревню, поэтъ пишетъ сестрѣ: «Заставь его быть при себѣ безотлучно; а если хоть разъ напьется, то, не говоря ни слова, пошли за ушицкимъ старостой и вели отвезти въ Вологду въ рекруты за ушицкую вотчину. Вотъ лучшій способъ избавиться отъ пьяницъ» (Ib. 290). Но и старый слуга его Яковъ, сопровождавшій его въ походахъ финляндскомъ и заграничномъ, оказался не лучше Митьки. «Яковъ сошелъ съ ума отъ пьянства, и я принужденъ былъ посадить его въ рабочій домъ. Съ мальчикомъ однимъ не справлюсь. И онъ поведенія не отличнаго. Приготовьте мнѣ другого мальчика для меня, но хорошаго поведенія и не глупаго» (Ib. 443). Безъ сомнѣнія, Батюшковъ не всегда же былъ недоволенъ своими крѣпостными слугами; иногда они

могли доставлять ему даже эстетическое удовольствіе. Такъ въ 1811 году онъ пишетъ кн. Вяземскому: «Сдѣлай одолженіе, любезный князь, пришли мнѣ музыку на мой романсъ; ты меня очень одолжишь: я ее велю сыграть *моему* музыканту на фаготѣ». (Ib. 155).

Дѣлая эти довольно многочисленныя выписки изъ писемъ нашего поэта, мы должны однако заявить, что не имѣли въ виду никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобъ уяснить себѣ положеніе Батюшкова въ условіяхъ окружавшей его современности. Послѣднее изданіе его сочиненій даетъ для того много матеріаловъ, и странно было бы не воспользоваться ими. Не знаемъ, съ какимъ чувствомъ мягко-сердечный, мечтательный, гуманный поэтъ, какъ онъ рисуется передъ нами въ своихъ правда немногочисленныхъ произведеніяхъ, поэтъ глубокаго и нѣжнаго самоотверженія, для котораго свобода должна была являться отраднымъ представленіемъ, писалъ свои деревенскія, помѣщичьи распоряженія. Намъ онъ представляется очень жалкимъ и нельзя не пожалѣть его въ этихъ затягивающихъ его путяхъ. Какая глубокая бездна между идеалами и дѣйствительностью! Какъ мало послѣдняя давала содержанія для поэтическаго вдохновенія, а между тѣмъ никакой поэтъ не въ состояніи отдѣлаться отъ дѣйствительности: вся сила его таланта только въ ней одной. И приходилось Батюшкову прислушиваться къ чужимъ, весьма отдаленнымъ пѣснямъ, ими вдохновляться, уходя въ созерцаніе образовъ и представленій столь далекихъ отъ насъ итальянскихъ поэтовъ XVI, XVII вѣковъ, которые ничего не говорятъ ни сердцу ни уму, и на чужія темы настроивать свой внутренней міръ, какъ это и дѣлалъ постоянно Батюшковъ. Мы не имѣемъ никакого права винить его за это: онъ только сынъ времени и жизни, его окружавшей. Пусть извинитъ насъ высокоуважаемый біографъ Батюшкова, который и не могъ касаться этого вопроса, но намъ кажется, что даже въ семейныхъ отношеніяхъ поэта сказываются печальныя стороны тѣхъ отношеній, которыя окружали его. Съ старшею сестрою, частью по зимамъ въ Вологдѣ, но больше

всего въ деревнѣ, жила младшая сестра, въ возрастѣ «на выданьи». Заботы о ней ближе всего лежали на обязанности старшаго брата. Безъ сомнѣнія, гуманный поэтъ, для котораго не чужды были освободительныя идеи XVIII вѣка, читавшій Новую Элоизу, былъ на сторонѣ свободы чувства, а между тѣмъ сколько хлопотъ о томъ, чтобъ поскорѣе выдать сестру замужъ, съ видимою цѣлью отъ нея отдѣлаться. «Постарайся *пристроить* ее всѣми силами, проситъ онъ сестру. Не упускай случая, Бога ради, если оный представится. Что разбирать чины и богатство? Былъ бы честный и не совсѣмъ убогій человѣкъ и ей нравился: вотъ главное. Вотъ моя молитва передъ Господомъ! Да будетъ на ней Его святое Провидѣніе и молитвы покойной незабвенной нашей матери» (III, 91—92). «Одна мысль меня безпокоитъ и огорчала даже на походахъ: участь Вареньки. Я назову тотъ день счастливымъ, когда она выйдетъ замужъ, и заклинаю васъ всѣхъ именемъ Неба не пропустить случая» (Ib. 287). Но случай не представляется и Батюшковъ начинаетъ безпокоиться, предполагая, что недостаточно употребляются мѣры для желанной цѣли. Онъ входитъ въ роль комической матери зрѣлой невѣсты: «Я удивляюсь, что никто за Вареньку не сватается. Нѣтъ ли въ томъ и вашей вины? Надобно ласкать людей, надобно со всѣми жить въ мирѣ. Il faut faire des avances. Такъ свѣтъ созданъ; мое замѣчаніе основано на опытности. Надобно внушить и сестрѣ, что ей надобно стараться нравиться. Il faut avoir des formes agréables, стараться угождать въ обществѣ каждому: гордость и хладнокровіе ни къ чему не ведутъ. Надобно болѣе: казаться веселою, снисходительною. Конечно, и у васъ есть женихи, есть хорошіе люди, ибо я не могу вѣрить, чтобъ ихъ не было и въ губернскомъ городѣ. Но мы ихъ или не знаемъ, или чуждаемся» (Ib. 297). Судьба сестры сильно безпокоитъ брата: «Со всѣхъ сторонъ огорченія, а болѣе всѣхъ забота о судьбѣ Вареньки. Боже мой, если бы я могъ быть ей полезенъ хоть чѣмъ-нибудь, если бы Господь услышалъ мою молитву о перемѣнѣ ея участи, но къ лучшему, разумѣется! Но время еще не ушло. Впрочемъ,

то, что у васъ судьбою называется, весьма неразсудительно. Вѣтеръ не заноситъ жениховъ; это извѣстно съ давняго времени: надобно самимъ сдѣлать половину дороги» (Ib. 358). Только въ 1818 году прекратились эти заботы поэта, хотя и тутъ, когда судьба сестры была рѣшена, на него находитъ симнѣніе: «Радуюсь, что дѣло Вареньки будетъ имѣть какой-нибудь конецъ: ихъ дѣло быть счастливыми, наше — не допустить дурачиться и вредить себѣ. Если будутъ счастливы, то я первый порадуюсь отъ души: можетъ быть и будутъ» (Ib. 489).

Жизнь въ деревнѣ, куда Батюшковъ уѣзжалъ, вслѣдствіе безденежья, собирать оброкъ, никогда не приносила ему радости; она нагоняла на него только скуку. Любви къ ней у него не было и онъ не зналъ чѣмъ наполнить въ ней свое время. Во всѣхъ стихотвореніяхъ его мы не найдемъ ни одной картинки, списанной съ родной природы. Какая безконечная разница съ позднѣйшимъ Пушкинымъ, связаннымъ какъ бы органически съ природою русскою, на котораго деревня дѣйствовала и отрезвляющимъ и возбуждающимъ вліяніемъ. Никоимъ образомъ Батюшковъ не могъ бы сказать вмѣстѣ съ Пушкинымъ эти отъ сердца вылившіеся стихи:

«Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины;
Въ глуши звучнѣе голосъ лирный,
Свѣтлѣе творческіе сны».

Напротивъ, для Батюшкова деревня была «безмолвною, дикою пустынею, жилищемъ волковъ и поповъ» (III, 90). Скука одолѣвала его, и въ одномъ изъ писемъ его сохранилось подробное расписаніе ничего недѣланія деревенскаго въ теченіе всѣхъ 24 часовъ сутокъ (Ib. 102—103). Я умираю отъ скуки, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и говорю тихонько самъ себѣ: не приведи Богъ честному человѣку жить въ провинціи» (Ib. 109), а жить необходимо, «пока не соберу тысячи четыре денегъ, pour faire tête à la fortune» (Ib. 134). Время въ деревнѣ идетъ «и скучно

и глупо. Я живу въ лѣсахъ, засыпанъ снѣгомъ, окруженъ попами и раскольниками, заваленъ дѣлами» (Ib. 146). Дѣла эти заключались въ собираніи оброка. И въ деревнѣ онъ только и живетъ мечтою, которая переноситъ его въ Москву и Петербургъ, въ общество знакомыхъ литераторовъ. «Еслибъ зналъ, что́ здѣсь время за вещь, что крылья его свинцовыя, что убить нечѣмъ» — пишетъ онъ Гнѣдичу (Ib. 42). «Въ деревнѣ скучно, грустно и глупо» (Ib. 419). «Жить дома и садить капусту я умѣю, но у меня нѣтъ ни дома, ни капусты: я живу у сестеръ въ гостяхъ, и домашнія дѣла меня замучили, не только меня — и ихъ» (Ib. 438). Въ самомъ дѣлѣ, въ имѣніи, доставшемся ему съ сестрами отъ матери, не было порядочнаго дома, жили въ какомъ-то старомъ флигелѣ, и Батюшковъ, проживая оброкъ своей, конечно въ львиной сравнительно съ сестрами долѣ, самъ выстроить домъ не могъ, а заставлялъ сдѣлать это сестру. «Бога ради строй домъ! Что нужды, что у тебя будетъ долгъ? Ты можешь заложить имѣніе вмѣстѣ съ Варенькой, для уплаты. Какъ жить безъ дома, какъ не имѣть пристанища, какъ не стараться удвоить доходовъ посредствомъ экономіи, покупкою скота и проч. У тебя это было бы занятіемъ. Жить день за день безъ пользы осудительно. Стоитъ только рѣшиться. Ты же имѣешь довольно характера» (Ib. 296). Въ 1815 году, кажется, домъ былъ выстроенъ, съ залогомъ имѣнія или безъ залога — не знаемъ и Батюшковъ обѣщаетъ изъ Каменца-Подольскаго прислать сестрѣ диванъ въ этотъ новый домъ, «если будутъ лишнія деньги» (Ib. 354). Впрочемъ и братъ принималъ нѣкоторую долю участія въ устройствѣ общаго деревенскаго пристанища. «Я убралъ въ саду бесѣдку по моему вкусу, въ первый разъ въ жизни. Это меня такъ веселитъ, что я не отхожу отъ письменнаго столика, и вѣришь-ли? цѣлые часы, цѣлые сутки просиживаю, руки сложа на крестъ — сообщаетъ онъ Гнѣдичу (Ib. 441). Самъ Крыловъ позавидовалъ бы моему положенію, особливо когда я считаю мухъ, которыя садятся ко мнѣ на письменный столъ. Вѣришь ли, что очень трудно отличить одну отъ другой. Такимъ

образомъ созерцаніе природы доставляетъ истинныя, прочныя и паче всего полезныя удовольствія и вящее вожделѣніе (зри Труды Озерецковскаго, ч. 3)». Если въ словахъ этихъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ Гнѣдичъ могъ находить остроумную иронію, то къ стыду нашему мы должны признаться, что теперь никакъ ее не понимаемъ.

Таковы были отношенія поэта къ деревнѣ. Должны были притти другія условія жизни общественной, воспитанія и образованія, чтобъ полюбить ее. Мы конечно не ставимъ этого въ вину Батюшкову: онъ развивался еще въ условіяхъ русскаго XVIII вѣка, хотя его поэтическое творчество значительно ушло отъ нихъ впередъ. Чувствуемъ, что мы увлеклись нѣсколько въ сторону отъ задачи, но желая уяснить себѣ Батюшкова, какъ поэта, мы естественно пожелали познакомиться съ нимъ, какъ съ человѣкомъ въ его житейскихъ отношеніяхъ, а для этого разбираемое нами изданіе представляетъ такъ много новаго, совершенно неизвѣстнаго до сихъ поръ матеріала. Подъ конецъ своей сознательной жизни онъ рѣшился продать свою часть имѣнія, и заботы о продажѣ занимали его до самаго отъѣзда въ Италію. Продажа казалась необходимою для устройства «ломбарднаго дѣла». Жить было не чѣмъ. «Четыреста руб. въ годъ не забавны» (III, 472). Продажа давала поэту и свободу и полагала «конецъ огорченіямъ» (Ib. 475). А какъ разъ въ это время должно было продаваться съ торговъ, за неплатежъ процентовъ, и отцовское имѣніе и естественно желалось помочь (478). Въ деревнѣ случился пожаръ. «Скажи старостѣ, пишетъ онъ сестрѣ, чтобы міромъ помогли погорѣлымъ въ Соболевѣ» (помѣщики, если крестьяне были на барщинѣ, а не на оброкѣ, обыкновенно обстраивали погорѣльцевъ на свой счетъ), «а потомъ я что-нибудь имъ дамъ: этой мой долгъ» (479). Смерть отца, дѣлами котораго занялись опекуны, пріостановившіе продажу, а затѣмъ назначеніе на службу въ миссію въ Неаполь, заставили поэта отказаться отъ намѣренія продать имѣніе, дававшее вѣрный доходъ. «Имѣнія теперь не продамъ: надѣюсь, что крестьяне ис-

правно будутъ платить оброкъ — шесть тысячъ въ годъ» — пишетъ онъ сестрѣ (Ib. 526).

Но какъ ни вѣренъ былъ этотъ доходъ съ оброчныхъ крестьянъ, однако, особенно съ годами, Батюшковъ долженъ былъ смотрѣть и на службу, какъ на доходную статью. Служба была необходимостью въ то время: она давала чины и отличія, слѣдовательно доставляла вѣсъ въ обществѣ; нашему поэту она должна была дать и занятія; литературные труды его были случайны; они не могли избавить его отъ скуки, на которую онъ постоянно жаловался въ своихъ письмахъ. Не даромъ Гнѣдичъ и другіе литературные друзья его упрекали Батюшкова въ праздности. Не станемъ однако останавливаться на служебной карьерѣ Батюшкова. Біографія поэта, написанная Л. Н. Майковымъ, такъ подробно говоритъ о жизни его, о тѣхъ родахъ службы, за которые онъ брался, такое полное представленіе даетъ объ этой сторонѣ его дѣятельности, что все, что мы могли бы сказать, явилось бы повтореніемъ. Но насъ интересуютъ теперь не историческіе факты (въ этомъ отношеніи біографу Батюшкова и книги въ руки), насъ интересуетъ человѣкъ, и для этого чрезвычайно важенъ тотъ же 3-й томъ его сочиненій, заключающій въ себѣ собраніе его писемъ, на который мы уже много разъ ссылались. Онъ и даетъ свѣдѣнія о томъ, какъ самъ Батюшковъ смотрѣлъ на службу. Первая — военная, въ теченіе только двухъ лѣтъ, начатая имъ, когда ему исполнилось только 20 лѣтъ, не удовлетворила его. «Служилъ всегда честно: это засвидѣтельствуетъ тебѣ совѣсть моя» — жалуется онъ Гнѣдичу (III, 50). Служилъ несчастливо: ты самъ знаешь; служилъ изъ креста, и того не получилъ, и упустилъ все, даже время, невозвратное время! Теперь, *съ совершенной пустотой душевной*, пагубной для меня, я рѣшился: если не пойду служить по этой части (это была служба въ иностранной коллегіи, доступная только аристократамъ, невозможная, какъ онъ самъ говоритъ, безъ сильной протекціи), то поѣду путешествовать, хотя бы это стоило десяти тысячъ, что̀ меня разоритъ совершенно; но *гнить въ ничтоже-*

ствѣ не могу». Это было въ 1809 г. и тогда уже поэтъ сталъ мечтать о службѣ въ итальянской миссіи: «я бы согласился и безъ жалованья въ Италію» — говоритъ онъ. «И я что-нибудь да стою, то есть могу быть полезнымъ, ибо знаю языки». Узнавъ въ Москвѣ, что великая княгиня Екатерина Павловна (въ Твери) покровительствуетъ русскимъ писателямъ (Карамзинъ читалъ ей отрывки своей исторіи), онъ разсчитываетъ черезъ нее достигнуть своей цѣли. «Если бъ я съѣздилъ туда съ первою пѣснею Тасса? (переводъ ея впрочемъ не дошелъ до насъ) — пишетъ онъ къ Гнѣдичу. Еслибъ великая княгиня приняла ее милостиво? Еслибъ она дала мнѣ письмо къ министру иностранныхъ дѣлъ, съ тѣмъ чтобъ меня помѣстили на первое открывшееся мѣсто въ иностранной коллегіи? Какъ думаешь?» (72). Извѣстно, что Батюшковъ началъ свою служебную дѣятельность подъ крыломъ дяди Муравьева; служба эта не требовала вовсе труда и поэтъ самъ сознается, что онъ былъ избалованъ ею (67), но никакъ однако не можетъ представить этого труда для себя въ будущемъ. О службѣ онъ много мечтаетъ, надѣется на своихъ друзей, родныхъ, пишетъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, особенно къ тѣмъ, которые упрекаютъ его въ праздности, но большею частью ждетъ счастія, мечтая о немъ, что служебная дѣятельность спадетъ къ нему съ неба (103). По совѣту Гнѣдича Батюшковъ рѣшается наконецъ поступить на службу въ только что открывшуюся тогда Императорскую Публичную библіотеку, директоромъ которой былъ Оленинъ, всегда къ нему расположенный, но боится того, что «тамъ должно работать» (115). Въ то время однако тамъ не работали. Очевидно, служба представлялась Батюшкову какимъ-то лѣкарствомъ отъ пожирающей его скуки и ничего недѣланія, но онъ не могъ ясно представить, что могла дать ему эта служба и что онъ самъ принесетъ ей. Въ то же время онъ пишетъ: «Признаюсь я желалъ бы быть членомъ какого-либо (?) общества, затѣмъ что это пробудило бы мою лѣность, которою я и самъ начинаю гнушаться. Но ни московскіе, ни питерскіе собратія не могутъ имѣть сильнаго влія-

нія на мой духъ: «и тѣ, и другіе вялы, и тѣ, и другіе слѣпотствуютъ во мглѣ» (132—133). Требованія его лично для себя отъ службы не малы; свободу свою онъ не желаетъ продать дешево; тысяча рублей жалованья не соблазнительны, и впереди все мечтается «дипломатика». Ему все кажется, что именно на этой службѣ онъ можетъ быть полезенъ, но гдѣ служить: въ Америкѣ ли, въ Стокгольмѣ ли, въ Испаніи — ему все равно (148—149), только не служить «у министровъ или въ канцеляріяхъ, между челяди, ханжей и подьячихъ». Ему нужно «мѣсто и выгодное и спокойное, гдѣ бы онъ могъ ничего не дѣлать и не кланяться подьячимъ, людямъ ничтожнымъ»; «а служить изъ тысячи рублей жалованья титулярнымъ совѣтникомъ, служить и готовиться къ экзамену» (въ силу указа 6 авг. 1809 г.), подобно Митрофану твердя: «Азъ же есмь червь, а не человѣкъ» и проч., повторять зады и набивать себѣ голову римскимъ кодексомъ, поэтическими подробностями изъ Зябловскаго, аксіомами изъ Эвклида, служить писцомъ, скрибомъ въ столицѣ, гдѣ можно пить, гдѣ я пилъ изъ чаши наслажденій и горестей, радость и печаль, — нѣтъ, нѣтъ, это все свыше меня» (157—158).

Отечественная война скоро заставила его оставить службу въ библіотекѣ, на которой онъ также скучалъ, какъ и въ деревнѣ. Уже въ августѣ 1812 г., когда Наполеонъ шелъ отъ Смоленска къ Москвѣ, Батюшковъ пишетъ изъ Петербурга къ Дашкову: «Я очень скучаю и надѣюсь только на войну: она разсѣетъ мою скуку, ибо шпага побѣдитъ тогу, и я надѣну мундиръ, и я поскачу маршировать, если... если это будетъ возможно» (200). Батюшковъ не разъ жаловался на «бѣдность въ живыхъ ощущеніяхъ»; онъ искалъ ихъ; его натура была такъ же мало глубока и мало содержательна, какъ и жизнь, его окружавшая. Но событія 12 года дали ему очень много этихъ «живыхъ ощущеній». Провожая вдову своего благодѣтеля Е. Ѳ. Муравьеву изъ Москвы въ Нижній, куда бѣжали московскіе изгнанники, Батюшковъ видѣлъ то «море зла», о которомъ онъ писалъ къ Дашкову (I, 151):

«Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары».

Въ эту эпоху онъ усомнился даже въ смыслѣ своихъ прежнихъ стихотвореній и на совѣты Дашкова разсѣять одолѣвающую его скуку бесѣдою съ столь благосклонными ему музами, онъ, какъ гражданинъ, отвѣчалъ:

«Мнѣ пѣть коварныя забавы,
Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ, талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!»

Это былъ дѣйствительно тотъ моментъ, когда талантъ поэта выражалъ общее чувство, когда стихи его звучали глубоко-искренно. Тогда, бросая свою неопредѣленную службу въ Публичной библіотекѣ, Батюшковъ «рѣшился и твердо рѣшился отправиться въ армію, куда и долгъ призываетъ, и разсудокъ, и сердце, сердце, лишенное покоя ужасными происшествіями нашего времени» (205). Въ армію поэта «влечетъ физически», по его словамъ, тамъ онъ надѣется излѣчиться отъ грусти. Въ первый разъ кажется Батюшковъ сталъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью: «Не думай, любезный другъ, чтобъ я по старому *предался моему воображенію*, пишетъ онъ къ Гнѣдичу, нѣтъ, я вижу, разсуждаю и страдаю» (208). Пожаръ и грабежъ Москвы, которые современники приписывали французамъ, совершенно измѣнили взглядъ Батюшкова на этотъ народъ, съ литературою котораго онъ былъ знакомъ лучше чѣмъ съ какою-либо другою. «Мщенія, мщенія! Варвары! Вандалы! И этотъ народъ изверговъ осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи! И мы до того ослѣплены были, что подражали имъ, какъ

обезьяны!» (210). Батюшковъ говоритъ теперь въ своихъ письмахъ почти то же самое, что говорилъ около того же времени Шишковъ въ своихъ запискахъ. Онъ и употребляетъ тѣ же выраженія. «Сердце не лежитъ у меня къ этой сторонѣ, пишетъ онъ только что перейдя французскую границу: революція, всемірная война, пожаръ Москвы и опустошенія Россіи меня навсегда поссорили съ отчизной Генриха IV, великаго Расина и Монтаня» (247). Но это новое, зародившееся въ Батюшковѣ чувство ненависти къ французамъ и нелюбви къ ихъ литературѣ, было, какъ все въ немъ, мимолетнаго свойства, и не было глубоко и сознательно. Такъ на походѣ въ Германіи онъ начинаетъ любить нѣмцевъ, знакомится съ ихъ литературою, «примирился съ Шиллеромъ» (239), «сходитъ съ ума на Фоссовой Луизѣ» (240), читаетъ исключительно нѣмецкія книги. Но прошло четыре года, и вотъ какое мнѣніе высказываетъ онъ о нѣмецкой литературѣ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (1817 г.) по поводу переводовъ Жуковскаго: «Къ чему переводы нѣмецкіе? Добро— философовъ. Но ихъ-то у насъ читать и не будутъ. Что касается до литературы ихъ, собственно литературы, то *я начинаю презирать ее*. (Не сказывай этого). У нихъ все коряченье и судороги» (427). Такъ мѣнялся Батюшковъ, такъ непрочны были его мнѣнія и сужденія, такъ мало было въ немъ сколько-нибудь устойчиваго содержанія. Только что было имъ написано страстное посланіе къ Дашкову, подъ живыми впечатлѣніями московскаго разоренія и толпы бѣглецовъ, видѣнныхъ имъ по Владимиркѣ: онъ собирается въ походъ противъ ненавистнаго врага, сердце его дрожитъ отъ негодованія и однако, въ то же время онъ находитъ возможнымъ писать длинное стихотвореніе, совершенно далекое отъ современности и отъ того, что наполняло его сердце. Батюшковъ пародируетъ «Пѣвца въ станѣ» — Жуковскаго и пишетъ своего «Пѣвца въ Бесѣдѣ Славяноруссовъ, (I, LXXIV), нападая на Шишкова и его партію, состоявшую изъ почти никому неизвѣстныхъ стихотворцевъ. Какъ объяснить эту аномалію — мы не знаемъ, и невольно приходитъ въ голову, что

между стихами Батюшкова и тою жизнью, которая окружала его,—а какъ разъ въ это время жизнь-то именно и приковывала къ себѣ вниманіе: страна такъ тяжело дышала, — не было ничего общаго. Любопытно, что въ эту тяжелую пору, съ мая 1812 по февраль 1813 г., въ письмахъ Батюшкова къ разнымъ лицамъ мы не нашли почти вовсе упоминаній о войнѣ, за то насчитали девять мѣстъ, въ которыхъ довольно подробно говорится о томъ, что дѣлалось въ Бесѣдѣ. Какъ ни внимательно изучаешь этого поэта, предложеннаго намъ въ великолѣпномъ изданіи, — никакъ не можешь уяснить себѣ его натуру и ея содержаніе. Съ усиліемъ ищешь въ трехъ большихъ томахъ черты времени, выразителемъ котораго долженъ быть писатель, и — не находишь. Батюшковъ исключительно занятъ только собою, своими довольно однообразными заботами и огорченіями, и почти на всякомъ шагу противорѣчитъ себѣ. Не станемъ останавливаться на заграничномъ походѣ 1814—1815 годовъ, сдѣланномъ Батюшковымъ. Восьмая глава біографіи подробно говоритъ объ этомъ эпизодѣ жизни поэта. Перечитывая письма его, нельзя не видѣть, что Батюшковъ вполнѣ доволенъ этою заграничною жизнью, несмотря на потерю друга, убитаго подъ Лейпцигомъ. Его, какъ и всѣхъ его современниковъ, окружало множество могучихъ, совершенно неожиданныхъ впечатлѣній. Для него, какъ и для многихъ, казалось, что на знамени нашихъ войскъ ярко написано освобожденіе народовъ отъ самовластія французскаго властителя. Насъ встрѣчали восторженно, какъ освободителей. Съ нашей стороны въ сердцѣ присутствовало и удовлетворенное чувство праведной мести за народную обиду. Батюшковъ поитъ своего коня историческою волною Рейна. Его стихотвореніе «Переходъ черезъ Рейнъ» (I, LXXV) исполнено воспоминаній и образовъ изъ всемірной исторіи. Величавыя тѣни римлянъ, древнихъ германцевъ, рыцарей встаютъ передъ этими «сынами снѣговъ», пришедшихъ издалека «подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и громами». Всѣ эти всемірно-историческія воспоминанія и въ параллель съ ними сознаніе ве-

личія настоящаго «придаютъ душѣ и силу новую и крылья». Въ самомъ дѣлѣ этотъ «освободительный» походъ имѣлъ для тогдашняго, въ особенности для болѣе молодого поколѣнія, глубокое образовательное значеніе. Люди сражались и вмѣстѣ съ тѣмъ учились въ Европѣ. Ея политическія и образовательныя начала дѣйствовали на побѣдителей. Даже Батюшковъ, какъ мы видѣли, учится по-нѣмецки. Онъ забываетъ свою недавнюю ненависть къ французской литературѣ и набожнымъ пилигриммомъ отправляется въ замокъ въ Эльзасѣ, гдѣ ищетъ благоговѣйно слѣдовъ когда-то тамъ жившаго Вольтера. Входъ въ Парижъ— для него «славная минута». Несмотря на «шумъ въ головѣ», Батюшковъ въ длинныхъ письмахъ къ друзьямъ, полный довольства, описываетъ свое пребываніе въ Парижѣ и свои впечатлѣнія. Въ то время люди были въ самомъ дѣлѣ какъ бы въ чаду отъ событій, быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ, могучихъ и подавляющихъ.

Что же принесъ для Батюшкова этотъ эпическій походъ, какъ онъ представлялся ему въ торжественныя минуты? Доволенъ ли онъ своею службою? Каковы были результаты ея для него лично? Повидимому, послѣ восторговъ Парижемъ скоро появилось разочарованіе. Не станемъ останавливаться на любопытныхъ мѣстахъ писемъ его къ Гнѣдичу насчетъ ожидаемыхъ имъ или уже полученныхъ крестовъ (III, 234, 241, 248). Эти награды Батюшковъ считалъ выгодными для штатской службы, если онъ принужденъ будетъ перейти въ нее изъ военной, но ожидаемаго владимирскаго креста онъ не получилъ и въ отставку уволенъ былъ коллежскимъ ассесоромъ, что очень огорчило его (386). Трудно сказать, почему никакой родъ служебной дѣятельности не удавался Батюшкову, но кажется намъ, что главная причина заключалась въ томъ, что онъ ни въ какомъ родѣ службы не проявлялъ того, что составляетъ главное ея требованіе — дѣятельности. Такъ было и на томъ послѣднемъ мѣстѣ, о которомъ онъ такъ горячо мечталъ, въ миссіи въ Неаполѣ. Кажется, что его собственныя требованія лично для себя

отъ службы были велики. Противорѣчія въ желаніяхъ у него на каждомъ шагу. То онъ мечтаетъ о переходѣ изъ армейскаго полка въ гвардію для выгодъ служебныхъ, то, когда это желаніе исполнилось, онъ высказываетъ недовольство. То соблазняется высокимъ положеніемъ: «Я почелъ бы себя счастливымъ быть полезнымъ человѣкомъ *при братѣ нашего царя*, пишетъ онъ въ 1816 году къ Муравьевой, у которой были большія связи (Батюшковъ высказывалъ постоянно убѣжденіе, что безъ протекціи нельзя служить), но не имѣя протекціи, состоянія и дерзости, не осмѣлюсь приносить одно усердіе и объявлять мои требованія: одинъ отказъ и промахъ сдѣлали бы меня несчастнымъ на долго» (368). Между тѣмъ служить надобно, служба для Батюшкова — необходимость: «Мое положеніе безъ службы право не забавно; нельзя ли меня причислить куда-нибудь безъ жалованья по службѣ»? пишетъ онъ Гнѣдичу (419) и просится снова, «какъ блудный сынъ» въ библіотеку, которую онъ оставилъ въ 1813 г. (425). Уваровъ въ 1817 году предлагаетъ Батюшкову мѣсто съ окладомъ жалованья въ двѣ тысячи руб., и поэтъ отказывается: «Благодари Уварова за предложеніе. Умѣю чувствовать снисхожденіе и попечительность его о талантахъ въ землѣ клюквы и брусники. Но я не могу рѣшиться взять мѣсто, и что мнѣ въ двухъ тысячахъ? Корпѣть надъ экстрактами! Потерять послѣднія искры таланта и время, и малое здоровье! Человѣку, который три войны подставлялъ лобъ подъ пули, сидѣть надъ нумерами изъ-за двухъ тысячъ и пить по каплѣ всѣ непріятности канцелярской службы?.. Изъ-за двухъ тысячъ!!!. Но скажу рѣшительно: если обстоятельства занесутъ меня въ Петербургъ, то мѣсто, если можетъ быть такое, немного свойственное, приличное моимъ занятіямъ и охотѣ къ словесности, было бы пріятно» (438). Нерѣшительность, не ясное представленіе о себѣ, о своихъ силахъ и способностяхъ составляютъ все содержаніе безпрерывныхъ письменныхъ заявленій Батюшкова о возможной для него службѣ. Когда друзья его: А. Тургеневъ и Жуковскій убѣдили его написать прямо на имя государя импера-

тора прошеніе о поступленіи на службу въ одно изъ нашихъ посольствъ въ Италіи (самое прошеніе было составлено Жуковскимъ, и Батюшковъ только переписалъ), онъ, пославъ это прошеніе изъ Москвы, самъ уѣхалъ въ Одессу (I, 262), вполнѣ положившись на нихъ: «Вы устроите все къ лучшему: теперь и сердце обѣщаетъ успѣхъ — пишетъ онъ Тургеневу. Какъ хотите, опредѣляйте. Чинъ мнѣ по совѣсти слѣдуетъ (по его расчету онъ долженъ бы былъ быть полковникомъ). Но Богъ съ нимъ, съ чиномъ!.. Лучше для чужихъ краевъ званіе камеръ-юнкера, если можно... *Жалованье всего нужнѣе, и чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше.* Досугъ, свобода: вотъ еще важное дѣло!» (III, 501). Справедливость требуетъ замѣтить, что поэтъ спѣшитъ оговориться предъ своими друзьями относительно нѣкоторыхъ требованій своихъ. «Не потеряйте и вы ко мнѣ уваженія, пишетъ онъ, что я желаю быть названъ камеръ-юнкеромъ: не суетность это, а расчетъ, можетъ быть и вздорный. Это званіе при миссіи дастъ мнѣ нѣкоторое уваженіе, на которое въ маломъ чинѣ я не имѣю права. Въ Италіи это не будетъ для меня смѣшно: здѣсь смѣшно и глупо, ибо я не суетенъ, не знатенъ и не богатъ... я чины не уважаю для себя; я вовсе безъ честолюбія и твердо увѣренъ, что чинъ не украситъ ни прозы моей, ни стиховъ. Еще разъ повторяю: я всѣмъ буду доволенъ; имѣю въ виду одну Италію. Въ этомъ словѣ заключается для меня многое: независимость, здоровье, стихи и проза. Шесть тысячъ или около того жалованья и шесть тысячъ своего дохода дадутъ мнѣ способъ поддержать себя довольно пристойно» (III, 503—504). Условія его будущей службы въ Италіи, даже и въ матеріальномъ отношеніи, были вполнѣ удовлетворительны, не говоря уже о томъ, что Италія была любимою страною его поэтической мечты, хотя, можетъ быть онъ вовсе не имѣлъ яснаго представленія объ этой странѣ, особенно въ политическомъ отношеніи, о современномъ ея положеніи. Италію онъ зналъ по стихамъ Петрарки, Тассо и Аріосто и только передъ самымъ отъѣздомъ онъ проситъ Никиту Муравьева «снарядить его умомъ» и доставить ему сочи-

ненія, касающіяся Италіи, которыхъ даже названія ему неизвѣстны. Но завѣтное желаніе его сердца, долго лелѣемое, наконецъ исполнилось, и тѣмъ не менѣе вмѣсто радости, совершенно понятной и объяснимой при исполненіи желанія, мы читаемъ грустное заявленіе его: «*Я знаю Италію* (?), не побывавъ въ ней, пишетъ онъ къ А. Тургеневу. *Тамъ не найду счастія:* его нигдѣ нѣтъ; увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоцѣнныхъ» (531). Такимъ образомъ Батюшковъ высказываетъ ту же мысль, какую высказалъ почти наканунѣ своей смерти Пушкинъ: «На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля» — но въ этихъ покоѣ и волѣ слышится бодрое сознаніе силы и увѣренность въ могучемъ творчествѣ. Въ чемъ же для Батюшкова состоялъ идеалъ счастія? Что искалъ онъ? Съ грустью должны мы признаться, что какъ внимательно ни перечитывали мы изданіе его сочиненій, но яснаго представленія объ этомъ идеалѣ дать не можемъ.

Мотивъ, до крайности однообразный, но до безконечности повторяемый во всѣхъ многочисленныхъ письмахъ Батюшкова —это—*жалобы на скуку.* Онъ скучаетъ въ Петербургѣ, какъ пишетъ о томъ сестрѣ (III 37): «еслибъ ты зналъ какъ мнѣ скучно» (въ деревнѣ, по письму къ Гнѣдичу (48); «право жить скучно; ничто не утѣшаетъ. Если я проживу еще лѣтъ десять, то сойду съ ума» (51). «Ты спросишь меня: весело ли мнѣ?—пишетъ онъ къ нему же изъ Москвы. Нѣтъ, увѣряю тебя... Да и гдѣ весело быть можетъ?» (71). «Я иногда такъ скучаю, что мѣста отъ грусти сыскать не могу» (оттуда же, 90). «Я живу въ Москвѣ. Живу... нѣтъ, дышу... нѣтъ, веществую, то есть ни то, ни сё. Умираю отъ скуки. Занимайся! Легко сказать!... Дѣло дѣлай!... Да какое?... И книга изъ рукъ выпадаетъ. При томъ же боленъ, чуть дышу. Словомъ, если это состояніе продолжится, то я сойду съ ума» (92—93). И это написано было въ то самое время, когда онъ въ первый разъ былъ въ Москвѣ, перезнакомился съ представителями въ ней литературной дѣятельности, начиная съ Карамзина, и въ длинномъ письмѣ къ Гнѣдичу нѣсколько иронически опи-

сывалъ Москву, ея жизнь и общество. Во время военной службы, во время походовъ мы не встрѣчаемъ однако этихъ вѣчныхъ жалобъ на скуку. Очевидно практическая дѣятельность, физическое передвиженіе и множество новыхъ явленій и впечатлѣній заглушали ихъ. Но какъ только Батюшковъ воротился изъ «освободительнаго» похода, какъ только исчезли живыя впечатлѣнія, снова скука, въ эпическомъ образѣ древней Немезиды, преслѣдуетъ его. «Мы теперь подобны Гомеровымъ воинамъ, разсѣяннымъ по лицу земному, пишетъ онъ къ Жуковскому. Каждаго изъ насъ гонитъ какой-нибудь мститель богъ: кого Марсъ, кого Аполлонъ, кого Венера, кого Фуріи, а меня скука» (III, 303—304). Откуда эта скука, это недовольство жизнью и всѣмъ окружающимъ? Біографъ видитъ въ этихъ чувствахъ отраженіе чужого литературнаго вліянія. Это «смутное состояніе души, порожденное разладомъ между идеаломъ и дѣйствительностью» Батюшковъ «испыталъ не одинъ и не первый изъ людей своего вѣка». Біографъ указываетъ, какъ на прототипъ этихъ безыменныхъ страданій Батюшкова на героя Шатобріанова романа —Рене. Безспорно есть что-то общее въ жалобахъ Рене и Батюшкова, тѣмъ болѣе, что послѣдній просто переводитъ на русскій языкъ излюбленныя фразы Рене о томъ, что въ жизни нѣтъ счастія, о скукѣ, преслѣдующей его вездѣ (un profond sentiment d'ennui) и проч. Но не было ли домашнихъ, внутреннихъ причинъ для того, чтобы Батюшковъ походилъ на Рене? Типъ Рене дѣйствительно носитъ на себѣ печать того Weltschmerz'а, которымъ страдало современное человѣчество, почему и книга Шатобріана сдѣлалась любимымъ чтеніемъ людей того времени. Въ чемъ однако заключался идеалъ Рене — неизвѣстно Онъ самъ говорилъ, что это для него «un bien inconnu, dont l'instinct me poursuit»; отъ этой неизвѣстности, неясности стремленій можетъ-быть и происходило то dégoût de la vie, отъ котораго онъ страдалъ. Но Рене такъ много пережилъ и испыталъ, позади его лежалъ въ развалинахъ цѣлый міръ и кровавая борьба; въ новомъ мірѣ Рене нѣтъ мѣста, а между тѣмъ его самолюбіе

развито до крайнихъ предѣловъ; его скука есть выраженіе самолюбія, не находящаго удовлетворенія. Онъ слишкомъ любитъ себя; онъ ставитъ себя выше окружающихъ; онъ желаетъ слишкомъ многаго, но самъ онъ ничего не приноситъ, ни къ чему себя не обязываетъ. Батюшковъ въ своихъ письмахъ не разъ вводитъ насъ въ свой внутренній міръ, и слова его тѣмъ болѣе интересны, что, являются случайно, записаны необдуманно. И онъ говоритъ о «бездѣйствіи душевномъ», о «какой-то ни къ чему непривязанности» (III, 78). Онъ «потерялъ даже способность наслаждаться», становится «скученъ и лѣнивъ, даже немного мизантропъ». «Есть ли у меня желанія? Есть ли надежда? Я часто себя спрашиваю, и отвѣчаю нѣтъ!» (Ib. 136—137). Правда, Батюшковъ додумывается иногда до убѣжденія, что есть еще утѣшеніе—«исполнять долгъ», но въ чемъ заключается этотъ долгъ—неизвѣстно, на счастіе же онъ «не имѣетъ права» (317—318).—То сознается, и совершенно вѣрно, въ большомъ преобладаніи въ немъ эгоизма (248); то высказываетъ чрезвычайно невысокое мнѣніе о своемъ дарованіи. «Самое маленькое дарованіе мое, которымъ подарила меня судьба, конечно — въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось моимъ мучителемъ. *Я вижу его безполезность для общества и для себя*... Скажи мнѣ, къ чему прибѣгнуть, обращается онъ къ Жуковскому, чѣмъ занять пустоту душевную; скажи мнѣ, какъ могу быть полезенъ обществу, себѣ, друзьямъ?... Писать стихи? Но для того нужна сила душевная, спокойствіе, тысячу надеждъ, тысячу очарованій и въ себѣ, и кругомъ себя, и твое дарованіе безцѣнное» (304). Иногда онъ доказываетъ, что посреди своей «бурной и непостоянной жизни» онъ и не въ состояніи написать что-либо совершенное, «не въ силахъ кончить продолжительнаго дѣла» (448 — 449). О частыхъ жалобахъ на нездоровье, даже изъ Италіи, мы уже не станемъ говорить; ихъ столько же, сколько и на скуку. Но не высоко оцѣнивая свой поэтическій талантъ, онъ ищетъ какъ бы помощи вокругъ себя, проситъ друзей не переставать любить его, дарить его «одобрительной улыбкой дружества», «полелѣять» его (453).

Слишкомъ мало было въ Батюшковѣ внутренняго содержанія и силы душевной, а самолюбіе, развитое пропорціонально размѣрамъ таланта, доставляло ему тѣ страданія, на которыя онъ жаловался. «Я теперь-то чувствую, что *дарованію нужно побужденіе и одобреніе*; бѣда, если самолюбіе заснетъ» (III, 48). Эту мысль поэтъ возводитъ и въ общій принципъ: «Правленіе должно лелѣять и баловать музъ: иначе онѣ будутъ безплодны» (Ib. 268). Видно, Батюшковъ недалеко ушелъ отъ представленій вѣка Людовика XIV.

Нельзя не пожалѣть, что современники Батюшкова, друзья его, а ихъ было у него довольно въ литературныхъ сферахъ, такъ мало оставили о немъ воспоминаній. Это общій недостатокъ времени, безъ сомнѣнія находящійся въ связи съ тѣмъ подчиненнымъ состояніемъ литературы нашей, въ какомъ она находилась въ то время. Даже біографію величайшаго русскаго поэта, Пушкина, нѣсколько позднѣйшаго, чѣмъ Батюшковъ, приходится составлять мозаически, при чемъ свидѣтельства современниковъ весьма недостаточны. Благодаря трудолюбивому біографу поэта, мы имѣемъ о немъ одно, довольно полное свидѣтельство, принадлежащее перу женщины, его современницы, Е. Г. Пушкиной, но оно слишкомъ общаго характера, хотя и изображаетъ поэта въ лучшую пору его жизни (I, 2—3). По этому изображенію Батюшковъ страдалъ «оскорбленнымъ честолюбіемъ», потому что былъ «обойденъ при производствѣ». Такой источникъ внутренняго непріятнаго чувства въ поэтѣ конечно рисуетъ время, но негодованіе Батюшкова могло относиться развѣ къ его батальонному и полковому командирамъ и никакъ не сдѣлаться общимъ характеромъ его міросозерцанія. «Я любила его бесѣду, говоритъ свидѣтельница, *и еще болѣе любила его молчаніе*». Это нѣсколько двусмысленно и конечно не много даетъ для характеристики поэта. Въ многочисленныхъ письмахъ своихъ онъ конечно не молчалъ, но при всѣхъ нашихъ усиліяхъ воспользоваться ими для опредѣленія личности Батюшкова, опасаясь можетъ-быть рѣзкаго и неправильнаго сужденія, мы не въ состояніи уяснить

себѣ противорѣчія его мыслей и сужденій. Невольно приходитъ на мысль, что съ первыхъ молодыхъ лѣтъ его жизни въ немъ уже были зародыши той страшной наслѣдственной болѣзни, которая окружила его мрачною ночью безумія. Но чтобъ услѣдить эти ранніе признаки приближающагося душевнаго недуга, надобно бы было, чтобъ между современниками были тонкіе и развитые психіатры, которые бы наблюдали за нимъ съ заранѣе составленнымъ намѣреніемъ изслѣдованія. Вполнѣ вѣрно почтенный біографъ поэта признаетъ причиною недуга наслѣдственность; всѣ остальныя причины, приводимыя современниками, а въ ихъ числѣ и «оскорбленное самолюбіе», были болѣе или менѣе только поводами, иногда можетъ-быть и вполнѣ ничтожными, которые могли способствовать или ускорить развитіе болѣзни.

Изъ жизни многихъ поэтовъ извѣстно, какое большое мѣсто занимаетъ въ ихъ поэтическомъ творчествѣ *чувство любви*; любовь и поэзія часто сливаются въ одно, и чѣмъ глубже, искреннѣе чувство, тѣмъ реальнѣе и роскошнѣе выраженіе его въ поэтическихъ образахъ. Два раза Батюшковъ переживалъ это чувство, но оба раза оно осталось неудовлетвореннымъ. Въ первый разъ, въ Ригѣ, гдѣ онъ лѣчился отъ раны, когда ему было 20 лѣтъ, можно еще замѣтить по стихамъ его нѣкоторое довольство чувствомъ. Таковы его стихотворенія: «Выздоровленіе» (I, 49), «Посланіе графу Велеурскому (I, 65—66), «Воспоминаніе» (I, 89), но уже въ послѣднемъ чувство отодвинуто въ прошедшее; только окрыленный воспоминаніями, онъ улетаетъ въ глубь этого прошедшаго; предметъ страсти является тѣнью, мечтою. Дальше, въ слѣдующіе годы, эта тѣнь уже не появляется. Біографъ говоритъ, что «самыя условія этой любви» дѣлали бракъ неосуществимымъ», но у насъ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, что онъ думалъ о бракѣ. Просто — то было мимолетное и неглубокое чувство, оставившее самый слабый слѣдъ въ стихахъ. Въ другой разъ мы видимъ нѣчто болѣе серьезное. Но за то и неудовлетворенность этого чувства оставила болѣе глубокій слѣдъ. Повидимому, въ рѣшительную минуту онъ не нашелъ

сочувствія, «ударъ былъ нанесенъ ему прямо въ сердце и тяжело отозвался на всемъ его существѣ» (Біографія, 193). Почему Батюшковъ не нашелъ сочувствія, изъ біографіи не ясно, но сердце любимой дѣвушки было свободно и она только черезъ восемь лѣтъ послѣ исканій поэта вышла замужъ за другого. Эта вторая любовь, повидимому отвергнутая, внушила поэту нѣсколько стихотвореній, полныхъ болѣе глубокаго чувства, и, что любопытно, именно въ это время его стихъ, выраженіе крѣпнутъ, присутствіе таланта становится ощутительнѣе. Таковы его стихотворенія: «Таврида» (I, 221), которую онъ не видалъ еще, но куда зоветъ свою возлюбленную, «Разлука» (223), «Воспоминанія» (226), въ особенности полное тоскою любви, «Мой геній» (230) и «Пѣснь Гаральда Смѣлаго» (238), сдѣлавшаяся впослѣдствіи весьма распространеннымъ и моднымъ романсомъ. Но за то — ни одного реальнаго образа, такъ что нельзя составить яснаго и опредѣленнаго понятія о чувствѣ поэта. Это нераздѣленное чувство легло послѣднею скорбною тѣнью на жизнь поэта. Весьма можетъ быть, что оно было источникомъ религіознаго чувства, которое до тѣхъ поръ не проявлялось въ его стихахъ, хотя и въ этомъ случаѣ онъ беретъ чужіе мотивы. Такова его «Надежда» (I, 233) — явное подражаніе Жуковскому. Съ этого времени въ стихахъ его чаще проявляется желаніе смерти, мечта о гробѣ,

«Когда жъ струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?»

Таково его посланіе «Къ другу» (I, 235), проникнутое тѣмъ же скорбнымъ чувствомъ, передъ которымъ исчезаетъ прахомъ вся радость жизни:

«Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ,
Всѣ дни утратами считаемъ,

На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ
И что жъ?... Ихъ урны обнимаемъ!»

Рядомъ съ этимъ чувствомъ, слышится и сожалѣніе объ утратѣ таланта (I, 273—274) и вмѣстѣ съ тѣмъ то самолюбіе, которое составляло главное свойство внутренняго человѣка въ Батюшковѣ:

«Не можешь, гражданинъ, какъ пальма, дать плода?
Такъ буди съ кипарисомъ сходенъ:
Какъ онъ уединенъ, осанистъ и свободенъ!» (I, 297).

Это отрывокъ одного изъ самыхъ послѣднихъ стихотвореній Батюшкова. Здѣсь любопытно употребленное имъ слово: *гражданинъ*. Въ тѣ годы оно начинало только входить въ употребленіе, особенно между болѣе молодымъ поколѣніемъ. Слово занесено было къ намъ изъ Франціи, и понятіе, соединенное съ нимъ, выражало новое направленіе мысли общественной. Понятіе было плодомъ нашей «освободительной» войны и пребыванія во Франціи. «Болѣе просвѣщенные (офицеры) или тѣ, въ которыхъ таилось особое дарованіе, *успѣвали вынести отсюда новые залоги для своего развитія и дальнѣйшей дѣятельности.* Въ такомъ положеніи оказался и Константинъ Николаевичъ» (слова біографіи, 177). Батюшковъ говорилъ о себѣ: «лучшимъ возвращаюсь»; по біографіи онъ не остался вполнѣ чуждымъ и соціальнымъ вопросамъ. Въ Парижѣ онъ встрѣтился съ Н. Тургеневымъ и «провелъ съ нимъ нѣсколько пріятныхъ дней», но у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ для сужденія о томъ, насколько Батюшковъ раздѣлялъ убѣжденія и мысли о будущемъ отечества, которыя соединяли тогда лучшихъ, болѣе образованныхъ и талантливыхъ представителей молодого поколѣнія. Связей и общенія у него съ ними или не было вовсе, или доказательства ихъ существованія истреблены. Если переводъ извѣстнаго стихотворенія Шиллера «Судьба Одиссея» (I, 193), какъ всѣ переводы и подражанія Батюшкова, имѣетъ, какъ

это вполнѣ вѣрно доказываетъ Л. Н. Майковъ, близкое отношеніе къ его собственному настроенію, то намъ непонятно, почему русскій Одиссей «не позналъ отчизны». Напротивъ, онъ былъ въ полномъ восторгѣ и на родинѣ ничего не измѣнилось, какъ и онъ самъ остался тѣмъ же чѣмъ былъ, нисколько не тронутый новымъ. Этого нельзя не видѣть изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его стихотвореній и изъ отношеній его къ Никитѣ Муравьеву, сыну его благодѣтеля, единственному представителю молодого поколѣнія, знакомому ему съ дѣтства. Л. Н. Майковъ справедливо, по хронологическимъ соображеніямъ, отвергаетъ свидѣтельство Греча, что Батюшковъ, воротясь изъ Неаполя въ 1821 г., «узналъ отъ Никиты Муравьева о существованіи *тайныхъ замысловъ*» (а ихъ и вовсе не существовало до 1825 года, сколько можно судить по историческимъ даннымъ); «можетъ-быть ему и предложено было вступить въ союзъ... Онъ ужаснулся и сошелъ съ ума» (Записки, 406). Батюшковъ очень любилъ Муравьева и очень высокаго былъ о немъ мнѣнія: «Молодой Муравьевъ будетъ украшеніемъ Россіи, писалъ онъ къ Гнѣдичу, если пойдетъ по стопамъ своего отца. Умъ дѣльный, большія способности и сердце своего родителя съ пламенною душою матери: рѣдкое сочетаніе! Дай Богъ ему здоровья и успѣха! (III, 319). «Онъ слишкомъ благородно чувствуетъ», пишетъ онъ къ матери (336, 341); «познакомься покороче съ Муравьевымъ, совѣтуетъ онъ Жуковскому, съ рѣдкимъ человѣкомъ: онъ живой портретъ отца своего во многихъ отношеніяхъ, по сердцу и уму. Жаль, если его страсть къ наукѣ погаснетъ на службѣ: мы еще потеряемъ человѣка» (360). Муравьевъ состоялъ при Жомини и работалъ для него; Батюшковъ не совсѣмъ доволенъ этою сухою наукою, часто безплодною, и совѣтуетъ ему «не все жить въ лагерѣ, танцовать болѣе, выѣзжать, веселиться и писать по-русски» (411). Уваженіе къ молодому Муравьеву, по словамъ поэта въ 1818 г., возрастаетъ у него день ото дня (496). Но говорили ли они о «соціальныхъ вопросахъ»—не знаемъ. Рѣзкое противорѣчіе воззрѣній того и другого выступаетъ въ тѣхъ замѣткахъ

карандашемъ, которыя сдѣланы были Никитою Муравьевымъ на экземплярѣ «Опытовъ» Батюшкова, подаренномъ ему поэтомъ въ 1817 году (II, 444—445, 451, 526—528). Изъ этихъ любопытныхъ примѣчаній нельзя не вывести заключенія, что Муравьевъ нисколько не уважалъ Батюшкова и конечно разошелся съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Трудно судить о политическихъ убѣжденіяхъ поэта: онъ ихъ не высказываетъ; повидимому ихъ и нѣтъ. Если и прежде, до общаго поднятія мысли въ людяхъ, задумывавшихся о положеніи отечества, мы не находимъ ни въ сочиненіяхъ, ни въ письмахъ Батюшкова никакого намека на это положеніе, то и теперь его нѣтъ. Между тѣмъ все невольно обращало умъ въ эту сторону, заставляло его работать: и цѣлый рядъ вполнѣ безцѣльныхъ войнъ въ Европѣ, растратившій наши силы и разрушившій надолго финансы, приведшій насъ къ страшнымъ испытаніямъ войны отечественной, и миръ безъ славы и пользы, и печальное положеніе не устроенной страны. Никита Муравьевъ принадлежалъ къ числу этихъ объ общемъ благѣ задумывающихся людей. Между тѣмъ въ томъ, что̀ напримѣръ Батюшковъ говоритъ въ концѣ своей статьи «Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи» (II, 140—141), мы читаемъ тѣ же мысли, которыя проповѣдывалъ въ то время великій учитель людей, негодовавшій на современное просвѣщеніе и науку — Жозефъ-де-Местръ, мы слышимъ рѣчи приближающейся реакціи, недовольной умственнымъ пробужденіемъ страны.

Мало касались мы въ нашей статьѣ собственно поэтическихъ и вообще литературныхъ произведеній Батюшкова именно потому, что ихъ значеніе, ихъ смыслъ и содержаніе подробно разработаны въ превосходной вступительной статьѣ «О жизни и сочиненіяхъ Батюшкова», принадлежащей редактору. Съ ея положеніями и выводами мы должны вполнѣ согласиться. Рѣдко можно встрѣтить въ нашей наукѣ исторіи литературы такую полную, всестороннюю монографію, посвященную одному изъ главныхъ представителей словесности —

до-Пушкинскаго періода. Если изложеніе фактовъ жизни поэта отличается полнотою, какая только была возможна при существующихъ условіяхъ этой полноты, то и историко-литературное значеніе его произведеній опредѣлено вполнѣ справедливо. Укажемъ, напримѣръ, на преобладающій поэтическій родъ у Батюшкова, на *антологическую поэзію* (poésies fugitives). Содержаніе этого рода стихотвореній у поэта, образцы, которымъ онъ подражалъ и особенности, ему принадлежащія, все это указано и тонко и вѣрно (Біографіи глава VII, 91—100). То же самое слѣдуетъ повторить объ отношеніяхъ Батюшкова къ Арзамасу и касательно значенія этого литературнаго общества (Глава XI, 242—258). Заключительныя страницы біографіи поэта (313—316), представляющія выводы цѣлаго, богатаго фактами изслѣдованія, посвящены опредѣленію значенія Батюшкова въ исторіи нашей поэзіи. Въ нихъ указано отношеніе Батюшкова къ предшествовавшему развитію, какъ по содержанію, такъ и по формѣ поэзіи, и къ послѣдующему. Справедливо смотритъ біографъ на Батюшкова, какъ на предшественника Пушкина и доказываетъ ихъ духовное родство. Не можемъ, къ сожалѣнію, согласиться съ уважаемымъ біографомъ въ томъ слишкомъ теоретическомъ опредѣленіи, что Батюшковъ былъ чистымъ художникомъ въ творчествѣ и за искусствомъ не признавалъ практическихъ цѣлей. Не станемъ говорить о томъ — хорошо это или дурно, но какой же поэтъ, создавая свои образы, думаетъ о практическихъ цѣляхъ своего творчества? Это происходитъ независимо отъ его воли. Быть сознательно чистымъ художникомъ, представителемъ исключительно, такъ называемой, «художественной поэзіи» по нашему мнѣнію невозможно; творить образы внѣ времени и пространства — нельзя. Можетъ-быть мы и ошибаемся, но убѣждены, что главный факторъ въ поэтическомъ творчествѣ — страна, родина поэта и содержаніе ея жизни; художественность — это внѣшнее, хотя и безусловно необходимое условіе поэтическаго созданія. Нѣтъ въ жизни страны возбуждающаго содержанія — творчество поэта уходитъ въ далекую отъ

нея область или въ звуки, выражающіе міръ личныхъ ощущеній, но въ самой полнотѣ этихъ звуковъ слышится уже содержаніе общей жизни. Поэтъ безсознательно долженъ выражать только то, что дано ему жизнью.

Изданіе сочиненій Батюшкова, въ примѣчаніяхъ ко всѣмъ тремъ томамъ его, даетъ такой обширный комментарій къ нимъ, что нельзя не поздравить читателя этой книги. Передъ нами точно изданіе древняго классика, сдѣланное трудолюбивымъ и превосходно знакомымъ съ нимъ нѣмецкимъ профессоромъ XVIII вѣка. Это чрезвычайно важное дополненіе къ біографіи. Для современнаго читателя Батюшковъ уже старый писатель; читать и изучать его будутъ только по профессіи тѣ, которымъ важно знакомство съ исторіей русской поэзіи или съ исторіей страны, выражающейся въ ея литературѣ. Весьма немногія стихотворенія Батюшкова доставляютъ непосредственное эстетическое наслажденіе. Для читателя поэтому необходимы объясненія, а ихъ такъ много, такой любопытный историко-критическій матеріалъ даютъ они, что изучать Батюшкова съ ними теперь легко. Для того однако, чтобы дать такой превосходный комментарій къ сочиненіямъ Батюшкова, необходимы были со стороны составителя не только глубокое знакомство съ сочиненіями самого Батюшкова, но и со всею и современною и предшествовавшею ему литературою, какъ русскою, такъ и обще-европейскою и часто классическою, такъ какъ Батюшковъ заимствовалъ и изъ нея; наконецъ — съ цѣлою эпохою. Это знакомство и обширно и глубоко въ одно время. Со стороны комментатора требовалось глубокое увлеченіе авторомъ, полное углубленіе въ его мысли, желаніе непремѣнно объяснить то, что хотѣлъ онъ сказать. Иногда этотъ комментарій походитъ на тонкую работу ювелира. Приведемъ, между множествомъ такого рода объясненій, напр. одно, сдѣланное къ статьѣ Батюшкова «Путешествіе въ замокъ Сирей» (стр. 72, II, 407—408) по поводу имени Агнесы или другое — объ источникахъ статьи Батюшкова «Мысли», въ первый разъ перепечатанной въ разбираемомъ изданіи (II, 394),

но мы боимся дальнѣйшими указаніями еще болѣе расширить нашу рецензію, и безъ того длинную. Невольно представляется намъ въ лицѣ г. Майкова идеальный комментаторъ эпохи Возрожденія, какъ изображенъ онъ въ извѣстномъ портретѣ Эразма Роттердамскаго, сдѣланномъ кистью Гольбейна, съ тонко сжатыми губами, съ проницательнымъ взоромъ, устремленнымъ въ книгу, съ перомъ въ длинныхъ изящныхъ пальцахъ.

Не говоря о томъ, что каждый европейскій писатель, имя котораго почему-либо встрѣчается въ сочиненіяхъ Батюшкова, непремѣнно, въ краткихъ біографическихъ свѣдѣніяхъ и по отношенію къ нашему поэту, объясненъ въ комментаріяхъ, исторія русской литературы чрезвычайно выигрываетъ отъ сихъ послѣднихъ. Кому не извѣстенъ недостатокъ біографическихъ словарей, которыми она страдаетъ. Словарь митрополита Евгенія давно устарѣлъ; словарь Геннади остановился на буквѣ М; словарикъ г. Андреева — слишкомъ недостаточенъ; трудъ г. Венгерова — весь въ будущемъ. А между тѣмъ, какъ важны и необходимы такія пособія. Всѣ три тома сочиненій Батюшкова, въ примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ къ нимъ, даютъ намъ 75 біографій русскихъ писателей, имена которыхъ, какъ современниковъ Батюшкова, почему-либо упоминаются въ изданіи. Очень много въ свѣдѣніяхъ, вошедшихъ въ эти біографіи, новаго и неизвѣстнаго, добытаго усерднымъ и внимательнымъ разысканіемъ, а извѣстное соединено въ одно цѣлое и снабжено точными библіографическими указаніями. Изъ этихъ 75 біографій 35 принадлежатъ Л. Н. Майкову (изъ нихъ самыя обширныя: кн. Б. В. Голицына, кн. И. М. Долгорукова, Жихарева, И. М. Муравьева-Апостола, Нелединскаго-Мелецкаго, А. М. Пушкина, В. Л. Пушкина). Остальныя 40 біографій составлены г. Саитовымъ. Справедливость требуетъ сказать объ этомъ біографическомъ и библіографическомъ трудѣ г. Саитова, что онъ исполненъ съ большимъ тщаніемъ и доказываетъ въ авторѣ обширныя свѣдѣнія и большую начитанность въ произведеніяхъ писателей, современныхъ Батюшкову, и въ тогдашней жур-

нальной литературѣ. Изъ біографій, составленныхъ г. Саитовымъ, особенною полнотою содержанія отличаются біографіи слѣдующихъ лицъ: Беницкаго, Боброва, Дашкова, Капниста, Лобанова, М. Н. Муравьева, Н. М. Муравьева, Озерова, Н. А. Радищева (сына), А. И. Тургенева, кн. Шаликова и кн. Шаховского. Это совершенно отдѣльный трудъ, годный самъ по себѣ, и мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые упрекаютъ г. Саитова за излишнія длинноты, за цитированные отрывки изъ писемъ Батюшкова, когда можно сослаться на страницы, гдѣ они напечатаны, на иностранные стихи и прозу и пр. (Русская Старина, т. LIV, стр. 545—546). Въ этихъ комментаріяхъ нѣтъ ничего общаго съ тѣми, какими снабдилъ Гарусовъ свое изданіе «Горе отъ Ума». Одно жаль, что для знакомства съ ними надобно покупать три тома сочиненій Батюшкова, а это не всякому по карману.

Соображая въ заключеніе все высказанное мною въ разныхъ частяхъ этой рецензіи съ тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ, которое я вынесъ изъ внимательнаго изученія изданія сочиненій Батюшкова, я пришелъ къ убѣжденію (позволяю себѣ надѣяться, что оно раздѣляется и членами Отдѣленія русскаго языка и словесности), что трудъ Л. Н. Майкова, какъ редактора изданія, долженъ быть признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ и награжденъ полною преміею А. С. Пушкина, размѣръ которой указанъ въ § 4 Положенія объ этихъ преміяхъ.

Комиссія, соглашаясь съ мнѣніемъ рецензента, признала съ своей стороны, что вполнѣ справедливый отзывъ профессора Булича объ участіи г. Саитова въ этомъ трудѣ даетъ ему право на установленную въ правилахъ поощрительную премію.

II.

Въ Сумеркахъ. Разсказы и очерки Н. Чехова. Спб. 1887 г. (Разборъ А. Ө. Бычкова).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали появляться въ разныхъ ежедневныхъ гезетахъ небольшіе разсказы г. Чехова, предметомъ для которыхъ служили явленія обыденной жизни. Эти разсказы, несмотря на то, что наскоро читались и быстро были позабываемы, тѣмъ не менѣе обнаруживали въ авторѣ и наблюдательность и умѣнье живо и естественно передавать подмѣченное, почти исключительно впрочемъ съ цѣлью вызвать улыбку въ читателѣ. Въ 1886 году вышли въ свѣтъ его «Пестрые разсказы». Книга подъ этимъ заглавіемъ содержала въ себѣ разсказы и очерки, частію уже напечатанные, частію новые, въ числѣ которыхъ было нѣсколько очень милыхъ, обратившихъ на себя общее вниманіе. Съ этого времени критики начали усматривать въ г. Чеховѣ большой талантъ. Въ слѣдующемъ 1887 г. явился новый сборникъ г. Чехова, носящій заглавіе: «Въ сумеркахъ. Разсказы и очерки». О достоинствѣ разсказовъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, мнѣ предстоитъ дать отчетъ. Всѣхъ разсказовъ помѣщено въ книгѣ 16-ть. Они, какъ и прежніе, небольшаго объема и въ нихъ точно такъ же виденъ несомнѣнный талантъ въ изображеніи картинъ природы и бытовыхъ сценъ, а иногда даже въ художественной выдержанности характеровъ дѣйствующихъ лицъ, замѣчается искусство нерѣдко одной чертою дополнитъ картину, сообщить читателю то, что происходило между дѣйствующими лицами ранѣе того момента, о которомъ идетъ рѣчь. Но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что дарованіе автора употреблено на такіе незначительныя вещицы, которыя болѣе

или менѣе носятъ слѣды случайности, въ которыхъ чувствуется, что онъ передаетъ то, что попалось ему на глаза, что остановило его вниманіе въ разсказѣ того или другого лица.

Лучшіе по достоинству изъ разсказовъ тѣ, которые имѣютъ сравнительно большій объемъ, именно: «Вѣрочка», «Несчастіе», «Агаѳья» и «Святою ночью».

Содержаніе разсказа «Вѣрочка» самое обыкновенное, весьма часто повторяющееся въ жизни. Молодая дѣвушка Вѣра Гавриловна Кузнецова, дочь предсѣдателя земской управы, человѣка пожилыхъ лѣтъ, полюбила Ивана Александровича Огнева, пріѣхавшаго въ одинъ изъ нашихъ глухихъ уѣздовъ для собиранія статистическихъ свѣдѣній. Огневъ во все время своей командировки и дневалъ и ночевалъ въ усадьбѣ Кузнецова, нерѣдко бесѣдовалъ и совершалъ прогулки съ Вѣрой Гавриловной, не оказывая ей особеннаго вниманія, а между тѣмъ чувство любви къ нему не только заронилось въ грудь дѣвушки, но и постепенно разросталось, хотя оно съ ея стороны не было ничѣмъ обнаруживаемо. Наконецъ наступило время Огневу разстаться съ гостепріимнымъ кровомъ, и вотъ въ послѣднія минуты его пребыванія въ усадьбѣ совершенно неожиданно для него разыгралась исторія. Онъ уже простился съ старикомъ и направился въ городъ, какъ у садовой калитки повстрѣчался съ Вѣрою Гавриловною. «Они пошли по дорогѣ. Деревья не заслоняли простора и можно было видѣть небо и даль. Точно прикрытая вуалью, вся природа пряталась за прозрачную матовую дымку, сквозь которую весело смотрѣла ея красота; туманъ, что погуще и побѣлѣе, неравномѣрно ложился около копенъ и кустовъ, или клочьями бродилъ черезъ дорогу, жался къ землѣ и какъ будто старался не заслонять собой простора. Сквозь дымку видна была вся дорога до лѣса съ темными канавами по бокамъ и съ мелкими кустами, которые росли въ канавахъ и мѣшали бродить туманнымъ клочьямъ. Въ полуверстѣ отъ калитки темнѣла полоса кузнецовскаго лѣса». Долго шли молодые люди молча, если не считать незначительныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, которыми они перебрасы-

вались. Наконецъ они дошли до небольшого узкаго мостика, который находился въ 20 шагахъ отъ лѣса.

«Ну, вотъ и мостикъ! сказалъ Огневъ. Тутъ вамъ поворачивать назадъ... Вѣра остановилась и перевела духъ.

— Давайте посидимъ, сказала она, садясь на одинъ изъ столбиковъ.— Передъ отъѣздомъ, когда прощаются, обыкновенно всѣ садятся.

Огневъ примостился возлѣ нея на своей вязкѣ книгъ и продолжалъ говорить. Своими участливыми вопросами о состояніи ея здоровья и о причинѣ грусти, видимой, на ея лицѣ, Огневъ вызвалъ въ дѣвушкѣ признаніе, что она его любитъ. «Я... я люблю васъ!» и полилась неудержимымъ потокомъ ея горячая рѣчь, такъ долго таившаяся въ умѣ и сердцѣ; а онъ, сдержанный и холодный, нисколько не ожидавшій признаній, полный страха, чтобы не увлечься дѣвушкой, въ отвѣтъ на ея слова забормоталъ: «Я, Вѣра Гавриловна, очень благодаренъ вамъ, хотя чувствую, что ничѣмъ не заслужилъ такого... съ вашей стороны... чувства. Во-вторыхъ, какъ честный человѣкъ, я долженъ сказать, что... счастье основано на равновѣсіи, то-есть когда обѣ стороны ...одинаково любятъ... «Я васъ настолько уважаю, что ...мнѣ больно!»

Этого было достаточно для дѣвушки; она сразу поняла, что въ избранникѣ ея сердца нѣтъ ни искры любви къ ней — и всѣ мечты ея мгновенно разлетѣлись. Вѣра стала вдругъ серьезной, поблѣднѣла, поникла головой, рѣзко повернулась и быстро пошла назадъ къ усадьбѣ.

Огневъ послѣдовалъ за нею; на всѣ его жалкія слова она отвѣчала молчаніемъ, и только у калитки она мелькомъ взглянула на него и, согнувшись, кутаясь въ платокъ, быстро пошла по аллеѣ.

А Огневъ постарался убѣдить себя, что нельзя же насильно полюбить, и только тогда, «когда скрылась Вѣра, ему стало казаться, что онъ потерялъ что-то очень дорогое, близкое, чего уже не найти ему. Онъ чувствовалъ, что съ Вѣрой ускользнула

отъ него часть его молодости и что минуты, которыя онъ такъ безплодно пережилъ, уже болѣе не повторятся».

Но этотъ проблескъ чувства у Огнева продолжался не долго; его быстро смѣнила себялюбивая разсудительность и, отыскивая причину своей холодности къ дѣвушкѣ, онъ незамѣтно дошелъ до города. «Войдя къ себѣ въ комнату, Иванъ Александровичъ опустился на постель и долго, долго глядѣлъ на огонь, потомъ встряхнулъ головой и сталъ укладываться». Вотъ сжатое содержаніе разсказа, изложеннаго авторомъ просто, тепло и психологически вѣрно: онъ сумѣлъ проникнуть въ тайникъ душевныхъ движеній двухъ выведенныхъ имъ дѣйствующихъ лицъ, и надо сказать съ большимъ искусствомъ и въ высшей степени правдоподобно — а въ этомъ заключается мастерство художника — изобразилъ борьбу, которая происходила въ душѣ дѣвушки, пока она не произнесла роковыхъ для нея словъ: «я васъ люблю».

Единственно въ чемъ можно упрекнуть автора, такъ это въ томъ, что онъ совершенно не коснулся отношеній Огнева къ Вѣрѣ Гавриловнѣ, предшествовавшихъ ея признанію, которое такимъ образомъ является совершенною неожиданностію. Вслѣдствіе этого и весь разсказъ представляется эпизодомъ, заимствованнымъ изъ цѣлой бытовой эпопеи, къ которому какъ-то искусственно приставлено вступленіе.

Къ числу удачныхъ психологическихъ этюдовъ можно также причислить «Несчастье». Главными дѣйствующими лицами въ немъ являются Софья Петровна Лубянцова, молодая красивая женщина, и присяжный повѣренный Ильинъ, старинный ея пріятель и сосѣдъ по дачѣ. Ильинъ упорно ухаживаетъ за Лубянцовою; она проситъ его оставить ее въ покоѣ, проситъ остаться друзьями; но всѣ ея доводы, всѣ ея просьбы ни къ чему не приводятъ. Мало по малу Лубянцова, незамѣтно для себя самой, увлекается Ильинымъ, но, желая остаться вѣрною и доброю матерью, ищетъ опоры у мужа, но ее не находитъ. Такимъ образомъ послѣдняя ея надежда рушилась, и она подъ вліяніемъ страсти вышла изъ дома. Непреодолимая сила гнала ее, она за-

дыхалась, сгорала отъ стыда, но то, что толкало ее впередъ, было сильнѣе и стыда ея, и разума, и страха. Ростъ страсти Лубянцовой къ Ильину, борьба между долгомъ и увлеченіемъ подмѣчены и переданы весьма вѣрно.

Нѣжная задушевность и особенная теплота чувства замѣчаются въ разсказѣ «Святою ночью». Содержаніе его не сложно, просто и состоитъ болѣе въ описаніи чѣмъ въ дѣйствіи. Авторъ пожелалъ переправиться черезъ рѣку Голтву въ монастырь, чтобы присутствовать при торжественномъ богослуженіи въ день Пасхи. При переѣздѣ на поромѣ черезъ рѣку, авторъ вступилъ въ разговоръ съ послушникомъ Іеронимомъ, на котораго возложена обязанность перевозчика. Іеронимъ между прочимъ сообщилъ о смерти іеродіакона Николая и въ грустномъ настроеніи отъ этой потери вспоминаетъ съ особенною любовію объ его прекрасныхъ качествахъ и добромъ сердцѣ. Въ числѣ другихъ качествъ покойникъ имѣлъ даръ писать акаѳисты, и въ доказательство этого и трудности ихъ составленія Іеронимъ приводитъ нѣсколько примѣровъ. «Нужно, чтобъ все было стройно, кратко и обстоятельно, говорилъ Іеронимъ. Надо, чтобъ въ каждой строчечкѣ была мягкость, ласковость и нѣжность, чтобъ ни одного слова не было грубаго, жесткаго или несоотвѣтствующаго. Такъ надо писать, чтобъ молящійся сердцемъ радовался и плакалъ, а умомъ содрогался и въ трепетъ приходилъ. Въ Богородичномъ акаѳистѣ есть слова: «Радуйся, высото неудобовосходимая человѣческими помыслы; радуйся, глубино неудобозримая и ангельскима очима!» Въ другомъ мѣстѣ того же акаѳиста сказано: «Радуйся, древо свѣтло плодовитое, отъ него же питаются вѣрніи; радуйся, древо благосѣннолиственное, имъ же покрываются мнози! Древо свѣтлоплодовитое... древо благосѣннолиственное»... Найдетъ же такія слова! Дастъ же Господь такую способность! Для краткости много словъ и мыслей пригонитъ въ одно слово, и какъ это у него все выходитъ плавно и обстоятельно! «Свѣтоподательна свѣтильника сущимъ»... сказалъ въ акаѳистѣ къ Іисусу Сладчайшему. Свѣтоподательна! Слова та-

кого нѣтъ ни въ разговорѣ, ни въ книгахъ, а вѣдь придумалъ же его, нашелъ въ умѣ своемъ!» Никто, надѣюсь, не станетъ отрицать, что такова и должна была быть рѣчь у послушника, проникнутаго благоговѣніемъ къ составителю акаѳистовъ. Изъ этого же разсказа приведу прекрасное описаніе Голтвы и ночи на Великій день: «Въ обыкновенное время Голтва представляетъ изъ себя рѣченку средней руки, молчаливую и задумчивую, кротко блистающую изъ-за густыхъ камышей, теперь же предо мной разстилалось цѣлое озеро. Разгулявшаяся вешняя вода перешагнула оба берега и далеко затопила оба побережья, захвативъ огороды, сѣнокосы и болота, такъ что на водной поверхности не рѣдкость было встрѣтить одиноко торчащіе тополи и кусты, похожіе въ потемкахъ на суровые утесы».

«Было темно... Міръ освѣщался звѣздами, которыя сплошную усыпали все небо. Не помню, когда въ другое время я видѣлъ столько звѣздъ. Ради праздничнаго наряда вышли онѣ на небо всѣ до одной, отъ мала до велика, умытыя, обновленныя, радостныя, и всѣ до одной тихо шевелили своими лучами. Небо отражалось въ водѣ, звѣзды купались въ темной глубинѣ и дрожали вмѣстѣ съ легкой зыбью. Въ воздухѣ было тепло и тихо».

Не дурны также слѣдующіе разсказы, находящіеся въ разсматриваемомъ сборникѣ: «Мечты», въ которомъ дѣйствующими лицами являются не помнящій родства бродяга и двое сотскихъ его сопровождающихъ; «На судѣ» — вѣрный списокъ съ дѣйствительности, къ сожалѣнію какъ-то круто обрывающійся; «Кошмаръ», въ которомъ весьма рельефно очерчена фигура отца Якова, занимающаго мѣсто въ бѣдномъ приходѣ, едва доставляющемъ ему средства, чтобы не умереть съ голода. Находясь въ постоянной борьбѣ съ нуждою, отецъ Яковъ равнодушно выслушиваетъ предложеніе Кунина, молодаго человѣка, вернувшагося изъ Петербурга въ свое Борисово, относительно заведенія церковно-приходской школы, является растеряннымъ отъ желанія скрыть свою бѣдность и вслѣдствіе этого едва не лишается мѣста и черстваго куска хлѣба.

Менѣе удачны разсказы: «Пустой случай», «Событіе» и «Вѣдьма». Въ этомъ послѣднемъ изображена неприглядная жизнь молодой дьячихи, которую мужъ считаетъ за вѣдьму, чѣмъ и объясняетъ поднявшуюся вьюгу и пріѣздъ на ночлегъ сбившейся съ дороги почты, сопровождаемой почталіономъ, радушно принятымъ дьячихой.

Подведу итогъ всему сказанному. Книга подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ» свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ талантѣ г. Чехова; въ разсказахъ, въ ней помѣщенныхъ, много наблюдательности и искренности; выведенныя въ нихъ лица отличаются жизненною правдою; встрѣчаются между разсказами художественно исполненные, но также дѣланные и придуманные («Вѣдьма»), растянутые («Простой случай») и безсодержательные («Событіе»); языкъ живой и правильный, хотя иногда попадаются неточныя и неправильныя выраженія, какъ напримѣръ: на травѣ висятъ тусклыя, недобрыя слезы (стр. 3), прекрасно симулировалъ влюбленнаго (стр. 23), гдѣ бы я могъ сгодиться (стр. 25), и утеряетъ для него навсегда свое реальное значеніе (стр. 83), внутри все сарайно (стр. 103), такова ужъ планида русскаго лица (стр. 134), когда я подъ столомъ пѣшкомъ ходилъ (стр. 146), большая шестиглавая церковь съ поржавленной крышей (стр. 163) и др.

Выше я привелъ нѣсколько прелестныхъ описаній природы; позволяю себѣ присоединить къ нимъ, въ доказательство умѣнья Чехова живописать природу и подмѣчать въ ней разнообразіе явленій, другое описаніе тумана изъ разсказа «Мечты».

«Путники давно уже идутъ, но никакъ не могутъ сойти съ небольшого клочка земли. Впереди ихъ саженъ пять грязной, чернобурой дороги, позади столько же, а дальше, куда ни взглянешь, непроглядная стѣна бѣлаго тумана. Они идутъ, идутъ, но земля все та же, стѣна не ближе, и клочокъ остается клочкомъ. Мелькнетъ бѣлый, угловатый булыжникъ, буеракъ или охапка сѣна, оброненная проѣзжимъ, блеснетъ не надолго большая мутная лужа, а то вдругъ неожиданно впереди покажется тѣнь съ

неопредѣленными очертаніями; чѣмъ ближе къ ней, тѣмъ она меньше и темнѣе, еще ближе — и передъ путниками вырастаетъ погнувшійся верстовой столбъ съ потертой цифрой, или же жалкая березка, мокрая, голая, какъ придорожный нищій. Березка пролепечетъ что-то остатками своихъ желтыхъ листьевъ, одинъ листокъ сорвется и лѣниво полетитъ къ землѣ... А тамъ опять туманъ, грязь, бурая трава по краямъ дороги».

Принимая во вниманіе достоинства сборника разсказовъ г. Чехова, подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ», я, несмотря на нѣкоторые въ нихъ недостатки, мною указанные, считаю его заслуживающимъ почетнаго отзыва и даже поощрительной преміи, если этому не будетъ препятствовать пунктъ *б* § 9 Правилъ.

Комиссія, усматривая изъ этой рецензіи, что разсказы г. Чехова, хотя и не вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ высшей художественной критики, представляютъ однакоже выдающееся явленіе въ нашей современной беллетристической литературѣ, позволяющее надѣяться, что авторъ въ дальнѣйшемъ развитіи своего таланта сумѣетъ избѣжать отмѣченныхъ въ его трудѣ слабыхъ сторонъ, — нашла возможнымъ присудить ему половинную Пушкинскую премію.

III.

Тартюфъ. Комедія Мольера. Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачева. Спб. 1887. (Разборъ Алексѣя Н. Веселовскаго).

Изъ всей группы важнѣйшихъ произведеній Мольера «Тартюффу» особенно посчастливилось въ русской литературѣ; переводы, подражанія и переложенія безостановочно слѣдуютъ одни за другими съ той поры, какъ этой пьесѣ пришлось украсить собой въ прошломъ столѣтіи (въ переводѣ Ивана Кропотова) репертуаръ только что зарождавшагося постояннаго русскаго театра. Одна изъ задачъ переводной работы, — ознакомленіе отечествен-

ной публики хотя бы въ общихъ чертахъ съ лучшими созданіями творчества другихъ народовъ, — въ данномъ случаѣ давно выполнена, и типъ Тартюффа, усвоенный и нашею словесностью, еще болѣе утвердился въ своемъ общечеловѣческомъ значеніи. Но въ то время, какъ переводы мольеровской комедіи, и стихотворные и прозаическіе, осуществляли эту задачу и въ болѣе или менѣе удачной формѣ передавали духъ пьесы, довольно непринужденно относясь къ тому, что считали второстепенными подробностями, изученіе мольеровскаго текста, объясненіе художественныхъ достоинствъ комедіи, ея соціальнаго значенія, ея связей съ личною исторіею автора такъ сильно подвинулись впередъ на Западѣ, что несовершенство «приблизительныхъ» переводовъ и слишкомъ поверхностнаго отношенія къ дѣлу стало особенно ощутительнымъ. Теперь уже недостаточно умѣнья передать въ легкозвучныхъ и остроумныхъ стихахъ довольно схожій силуэтъ знаменитой комедіи. Критика въ правѣ предъявить ея перелагателю сложныя и вѣскія требованія.

Французскій языкъ 17-го вѣка во всей его своеобразности и въ частности языкъ Мольера (къ которому давно есть особые словари Женена, Ливе и др.) достаточно уже изслѣдованы, чтобъ можно было ожидать отъ переводчика вполнѣ точной передачи мольеровской мысли, юмора, оригинальныхъ слоговыхъ пріемовъ. Разнообразные и тонкіе оттѣнки въ діалогѣ, то притворно умиленномъ и смиренномъ въ рѣчахъ Тартюффа, то задорно бойкомъ въ устахъ Дорины, то полномъ достоинства у Эльмиры, то искренно возмущенномъ въ рѣчахъ Клеанта, проявляютъ великое мастерство Мольера въ обрисовкѣ характеровъ,—и критика не удовлетворится однообразнымъ, хотя бы живымъ и комическимъ колоритомъ всѣхъ безъ исключенія рѣчей. Она давно отгадала, въ какихъ мѣстахъ пьесы всего полнѣе выразился замыселъ сатирика, его завѣтныя убѣжденія; она помнитъ, что нѣкоторыя особенно мѣткія изреченія стали всесвѣтными поговорками, что у другихъ выраженій, искусно заимствованныхъ и переработанныхъ, есть цѣлая литературная исторія, дѣлающая ихъ столь же

неприкосновенными, — и потребуетъ точной передачи всѣхъ подобныхъ выдающихся мѣстъ. Она располагаетъ достаточными данными для опредѣленія отношеній пьесы къ современной ей жизни, указывающими, на какія ея стороны, частныя явленія, даже отдѣльныя лица направлена была сатира; точно такъ же раскрытая теперь исторія гоненій, воздвигнутыхъ на пьесу, обозначила въ ней сочтенныя нѣкогда наиболѣе опасными и потому особенно заслуживающія обстоятельной передачи заявленія автора. Для полнаго пониманія «Тартюффа» всѣ эти историческія и общественныя черты столь же важны, какъ и художественныя красоты.

Несомнѣнная трудность сочетанія такого точнаго воспроизведенія пьесы съ прихотливыми требованіями стихотворной формы, конечно, не можетъ быть упущена изъ виду, но и ради нея критика не въ правѣ понизить или ослабить своихъ требованій; она сознаетъ, что и по отношенію къ подобному труду въ правѣ вмѣстить лишь тотъ, кто дѣйствительно вмѣститъ, и что новое переложеніе классическаго произведенія ни для кого не обязательно. Или передъ нами пьеса, потрясшая до основанія современное ей общество и занимающая почетное мѣсто въ лѣтописи просвѣтительнаго движенія, или это — заурядное произведеніе, съ которымъ особыя предосторожности излишни. Что сказали бы мы о переводѣ *Горе отъ ума*, въ которомъ благородный тонъ негодующихъ рѣчей Чацкаго былъ бы низведенъ до водевильной развязности, а заключительный монологъ третьяго акта или протестъ противъ сужденія «временъ очаковскихъ» были выпущены или стушеваны до блѣднаго отпечатка? Между тѣмъ со многими изъ великихъ произведеній Мольера, въ которыя онъ также вложилъ всю свою душу, которыя (какъ именно «Тартюффа») онъ потомъ еще болѣзненнѣе выстрадалъ, обращаются часто нисколько не лучше. Наши переводчики Шекспира уже прониклись убѣжденіемъ въ необходимости постоянныхъ справокъ съ комментаторами и біографами, и ихъ работы значительно выше переложеній Мольера, въ которыхъ еще господствуетъ дилеттантизмъ, недостойный богатой и уважающей себя литературы.

Задача, поставленная себѣ г. Лихачевымъ, была такимъ образомъ далеко не изъ легкихъ. Выступая послѣ многихъ предшественниковъ переводчикомъ «Тартюффа», онъ повидимому не имѣлъ въ виду умножить только число легко читающихся переложеній, но (судя по заботливой передачѣ многихъ мѣстъ) стремился облечь въ возможно болѣе безупречную русскую форму созданіе поэта, сохраняя духъ и сущность комедіи. Анализъ его работы покажетъ, въ какой степени онъ достигъ этой цѣли и выполнилъ выставленныя нами выше требованія исторической и художественной критики.

Очевидно, не послѣднюю заботу составляла выработка непринужденной разговорности слога; цѣль прекрасная, потому что въ подобныхъ случаяхъ у насъ часто встрѣчается какая-то чопорная размѣренность выраженій, какъ будто налагающая отпечатокъ псевдо-классической правильности на діалогъ Мольера, тогда какъ онъ на дѣлѣ гибокъ, свободенъ и рвется на встрѣчу живому народному говору. Въ общемъ эта цѣль достигнута: переводъ читается легко, діалогъ естественно и быстро развивается, что́ особенно пригодно будетъ при сценическомъ исполненіи. Но у этой жизненности и простоты есть, однако, обратная сторона: они развились въ ущербъ отмѣченному уже нами разнообразію оттѣнковъ, и кромѣ того носятъ скорѣе національно-русскій отпечатокъ. Уже въ мольеровскихъ переводахъ г. Минаева замѣтно было такое же стремленіе какъ бы обрусить оригиналъ; средствомъ для этого было выбрано усвоеніе грибоѣдовскаго стиха. Г. Лихачевъ идетъ по тому же пути (вотъ, на выдержку, слова Дамиса: «Ахъ, батюшка! Лишь васъ недоставало! Пожалуйте поближе: есть у насъ новинка свѣжая для васъ»). Иногда, какъ напримѣръ въ рѣчахъ субретки Дорины, этой родной сестры грибоѣдовской Лизы, это и не нарушаетъ правдивости тона, въ другихъ же случаяхъ часто вызываетъ впечатлѣніе, противоположное намѣреніямъ автора. Такъ Клеантъ задуманъ Мольеромъ не только какъ представитель здраваго смысла, потѣшающійся надъ ограниченностью и довѣрчивостью Оргона, и по временамъ вста-

вляющій острое словцо; въ его защиту терпимости мнѣній, въ проводимое имъ тонкое разграниченіе истинной религіозности отъ ханжества, въ его негодованіе на козни лицемѣровъ авторъ намѣренно вложилъ глубокую серьезность убѣжденія, горячность возмущенной душевной порядочности; онъ сдѣлалъ его глашатаемъ новыхъ взглядовъ просвѣщеннаго меньшинства, и прежде всего выразителемъ мнѣній самого поэта. Не даромъ Оргонъ называетъ его строгимъ судьею, un oracle, un Caton dans le siècle où nous sommes» (слова, совсѣмъ не переведенныя г. Лихачевымъ). Въ переводѣ еще удержанъ болѣе достойный тонъ въ положительныхъ заявленіяхъ этого дѣйствующаго лица, хотя (какъ будетъ показано ниже) они почему-то значительно сокращены; въ остальныхъ же частяхъ своихъ роль эта сбивается скорѣе на типъ комическаго резонера, говорящаго колкости или издѣвающагося надъ чужою неумѣлостью:

Къ чему же крайности? И кто же виноватъ,
Что плуту въ руки ты попался?
Согласенъ я, жестоко ты нарвался...
Своей бѣдѣ никто не радъ.
Тартюффа и кляни! При чемъ же здѣсь другіе?

говоритъ Клеантъ. Дамиса онъ старается образумить слѣдующими словами:

Постой, постой! Ты молодъ и горячъ...
Одумайся, поохладись немного—
И кулаки подальше спрячь!
Не тѣ, братъ, времена: за драку взыщутъ строго.

Когда же послѣ такихъ совѣтовъ, какъ будто взятыхъ изъ какой-нибудь комедіи Островскаго, Клеантъ вспоминаетъ о назначеніи своемъ, какъ моралиста, онъ выражается иногда темно и непонятно:

Къ чему? Скажите, ужъ не вы ли
Къ намъ посланы *небеснымъ палачомъ?*

Въ нѣсколько меньшей степени тотъ же недостатокъ,—какое-то пониженіе тона роли, замѣтенъ и въ обрисовкѣ переводчикомъ Эльмиры. Мольеръ хотѣлъ показать въ ней гармонически уравновѣшенную, полную женственности натуру; Эльмира развита не по своей средѣ, вполнѣ подъ стать своему брату Клеанту; она поняла ничтожность мужа, но во имя долга сноситъ его капризы, недовольство свекрови и трудное положеніе молодой мачехи при взрослыхъ дѣтяхъ; на вынужденное кокетство съ Тартюффомъ она идетъ, едва осиливая чувство брезгливости. Ея оговорки передъ сценой послѣдняго объясненія съ лицемѣромъ (актъ IV, сц. 4) живо рисуютъ ея встревоженную стыдливость. Лишь приблизительно переданы въ переводѣ всѣ эти черты характера, и въ разговорѣ Оргона съ Эльмирой незамѣтно коренного различія между ихъ личностями и уровнемъ развитія. Въ складѣ рѣчей Оргона болѣе соотвѣтствія съ подлинникомъ, хотя можно бы пожелать, чтобъ и комизмъ этого упрямаго простака не доходилъ до слишкомъ потѣшной крайности. Съ одной стороны не нужно забывать, что Оргонъ вовсе не первый попавшійся зажиточный мѣщанинъ, замкнутый въ своемъ узкомъ міркѣ: повидимому онъ только что покинулъ службу и своимъ поведеніемъ во время междоусобій обратилъ на себя особое вниманіе короля. Долженъ же быть какой-нибудь оттѣнокъ между нимъ и комическимъ старикомъ италіанской commedia dell'arte! Съ другой стороны въ томъ же характерѣ, который своими проявленіями часто вызываетъ усмѣшку, необходимо оставить какой ни на есть уголокъ чувству набожности, на которое подѣйствовалъ Тартюффъ и тѣмъ плѣнилъ его; усиливая комическія краски, рискуешь сдѣлать непонятнымъ это увлеченіе, на которомъ собственно зиждется вся пьеса.

Въ передачѣ рѣчей самого Тартюффа, конечно, главное вниманіе должно быть обращено на усвоеніе особенностей клерикальнаго *жаргона* семнадцатаго вѣка. Мольеръ не вложилъ въ уста своего героя только вообще сообразныя съ его характеромъ выраженія, а надѣлилъ его всѣми пріемами современнаго піэтизма, цѣломудреннымъ жеманствомъ шайки святошъ, съ ко-

торой боролся, и любимыми словечками іезуитскихъ брошюръ, которыя осмѣивалъ. У Тартюффа не сходятъ съ устъ упоминанія о Небѣ (le Ciel), часто поставленныя въ совершенно неожиданныя и неподходящія сочетанія; онъ вѣчно въ борьбѣ съ грѣхомъ, «умерщвляетъ свою плоть», ссылается на высшія велѣнія, говоритъ о готовности на самозакланіе;—когда же нужно «войти съ Небомъ въ сдѣлку» и оправдать грѣхъ, онъ опять почерпаетъ готовыя сентенціи изъ нравоучительныхъ книгъ отталкивающаго фарисейскаго направленія. Подобно Паскалю, Мольеръ старательно изучилъ ихъ и превосходно подражалъ ихъ слогу. Всѣ эти черты, важныя сами по себѣ, должны быть сохранены въ переводѣ уже потому, что отъ Тартюффа перешли и на его клевретовъ и на невинную его жертву и стали такимъ образомъ отличительнымъ признакомъ цѣлой группы лицъ. Слуга ипокрита говоритъ (по словамъ Дорины) въ томъ же духѣ; судебный приставъ Loyal, очевидно, одинъ изъ членовъ той же всюду развѣтвившейся *кабалы*, является съ медоточивыми извиненіями выгонять Оргона изъ дому; Дорину онъ величаетъ «своею сестрою», точно монахиню; уходя, онъ оставляетъ повѣстку, возглашая «le Ciel vous tienne tous en joie!» Оргонъ также не отстаетъ отъ Тартюффа въ этомъ отношеніи; въ отвѣтъ на отчаянное заявленіе дочери, что она скорѣе пойдетъ въ монастырь, чѣмъ замужъ за постылаго человѣка, онъ рѣшаетъ, что она должна «умертвить плоть свою (mortifier ses sens) этимъ бракомъ.

Переводчикъ далеко не всегда обращалъ вниманіе на этотъ тонкій умыселъ автора. Тамъ, гдѣ клерикальныя ужимки проявлялись у второстепенныхъ лицъ, онъ ихъ не подчеркивалъ; такъ Loyal уходитъ со сцены безъ всякаго ханжеского восклицанія, а появляется на ней съ развязностью опытнаго пристава: «Здорово, душенька! Я съ бариномъ твоимъ увидѣться бъ хотѣлъ», говоритъ онъ. Оргонъ вовсе не упоминаетъ о наказаніи плоти, да и самый глаголъ *mortifier*, пропущенный здѣсь, въ другомъ случаѣ (актъ III, сц. 6) понятъ былъ переводчикомъ въ

смыслѣ полнаго умерщвленія человѣка («паду я мертвый передъ вами» = le Ciel me veut mortifier en cette occasion). Языкъ самого Тартюффа гораздо тщательнѣе отдѣланъ (напримѣръ въ концѣ III акта, гдѣ сцена съ Оргономъ и Дамисомъ очень жива),—но именно тамъ, гдѣ всего выпуклѣе долженъ былъ бы выступить его клерикальный пошибъ, на смѣну его явилась нѣсколько напыщенная риторика или любовная горячность, безъ отличительныхъ чертъ, напоминающихъ о влюбленномъ святошѣ. Въ большинствѣ случаевъ упоминанія о Небѣ выпущены; врядъ ли при этомъ вліяли причины цензурнаго свойства, такъ какъ иногда они оставлены безъ измѣненія. Благодаря этому, когда Эльмира съ укоромъ замѣчаетъ Тартюффу въ отвѣтъ на признаніе въ любви: «А небеса вамъ не страшны? О нихъ *такъ часто* вы твердите», это поражаетъ своимъ противорѣчіемъ дѣйствительности. Съ упоминаніями о Небѣ, часто устраненными и изъ рѣчей другихъ дѣйствующихъ лицъ далеко не клерикальнаго направленія (напр. Дорины, актъ I, сц. 1), отпали и указанія на дорогіе для Тартюффа авторитеты, наприм. на книгу іезуита Рибаданейры «Les fleurs de la vie des saints et des fêtes de toute l'année», изъ которой слуга нашего ханжи, подражая господину, съ негодованіемъ выбросилъ женскій платочекъ (актъ I, сц. 2, стихи 207—210, совсѣмъ не переведенные); весьма скромный намекъ на необходимость пойти на молитву (certain devoir pieux me demande là-haut) замѣненъ неопредѣленнымъ указаніемъ на «священный долгъ», зовущій Тартюффа; Оргонъ не упоминаетъ вовсе о томъ, что при первыхъ своихъ встрѣчахъ съ нимъ въ церкви [1]), лицемѣръ всегда спѣшилъ послѣ обѣдни къ паперти, чтобъ предложить ему святой воды; въ

---

[1]) Осторожность переводчика, быть можетъ, вынужденная, побудила его устранить въ сц. 2-й второго акта даже упоминаніе о хожденіи въ церковь. Оргонъ считаетъ Валера un peu libertin»; je ne remarque pas qu'il hante les églises, говоритъ онъ. Въ переводѣ: онъ «*игрокъ* и вообще... не нашихъ убѣжденій». Замѣтимъ кстати, что слово *libertin* въ 17 вѣкѣ прежде всего означало вольнодумца, на что и указываетъ Оргонъ.

страстномъ признаніи Эльмирѣ (актъ III, сц. 3) Тартюффъ не увѣряетъ ея, что «любовь превозмогла все, и постъ, и молитвы, и слезы». Не говоримъ уже о томъ возгласѣ (O Ciel, pardonne lui la douleur qu'il me donne, или по первоначальной редакціи «pardonne lui comme je lui pardonne, актъ III, сц. 7), въ которомъ еще въ дни Мольера видѣли извращеніе одного изъ прошеній Молитвы Господней. Это мѣсто очень ослаблено въ переводѣ — «Да низпошлетъ ему Господь свое прощенье». Подобно этому и извѣстное вступленіе къ роли Тартюффа, — тѣ слова, которыя онъ произноситъ за сценой своему слугѣ и которыя сразу знакомятъ насъ съ его характеромъ:

Laurent, serrez ma haire avec ma discipline
Et priez que toujours le Ciel vous illumine,
Si l'on vient pour me voir, je vais aux prisonniers
Des aumônes que j'ai partager les deniers,

Это вступленіе передано какимъ-то дѣловымъ тономъ, въ которомъ вовсе не слышится смиренномудріа притворщика:

Я кончилъ, да... спрячь плеть и власяницу
И будь благословенъ! а если спроситъ кто,
Скажи, что я отправился въ темницу
Раздать несчастнымъ кое-что.

Исключеніе составили бы слова *и будь благословенъ*! Но текстъ вовсе не даетъ этого смысла. Тартюффъ совѣтуетъ самому слугѣ молиться о томъ, чтобъ Небо его вразумило, и вовсе не имѣетъ поводовъ призывать благословеніе свыше на его голову.

Изъ наиболѣе выдающихся выраженій, давно завоевавшихъ себѣ міровую славу и, казалось бы, «нá вѣки нерушимыхъ», нѣкоторыя утратили при передачѣ часть своей силы и значенія, или же вовсе опущены.

Et c'est en nous qu'on trouve, acceptant notre coeur,
De l'amour sans scandale et du plaisir sans peur,

говоритъ Тартюффъ отъ лица монаховъ-сластолюбцевъ, и въ его словахъ отражается вліяніе извѣстной 13-й сатиры Матюрена Ренье (*Macette*), въ этомъ мѣстѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ частностяхъ обоихъ любовныхъ объясненій Тартюффа близко сходящейся въ выраженіяхъ съ мольеровскимъ текстомъ. Лишь отдаленный отголосокъ высказанной тутъ мысли слышится въ переводѣ:

Храня себя, мы охраняемъ васъ,
И потому любить безъ страха можно насъ.

То же можно сказать и объ измѣненіи другого столь же важнаго мѣста, — хитроумныхъ разъясненій лицемѣра относительно возможности, сдѣлокъ съ Небомъ». Мольеръ съ замѣчательною для своего времени смѣлостью бичевалъ тутъ со сцены іезуитскую изворотливость въ вопросахъ нравственности, видимо опирался на обширную эрудицію Паскаля, и пользовался его *Lettres d'un provincial* (въ данномъ случаѣ именно седьмымъ письмомъ). Каждое слово имѣетъ важное значеніе и обязательно должно быть переведено:

Le ciel défend, de vrai, certains contentements,
Mais on trouve avec lui des accomodements;
Selon divers besoins il est une science
D'étendre les liens de notre conscience
Et de rectifier le mal de l'action
Par la pureté de notre intention.

De ces secrets, madame, on saura vous instruire, прибавляетъ Тартюффъ, прямо заявляя, что онъ одинъ изъ тѣхъ, что владѣютъ этою таинственною и необыкновенно удобною теоріею морали. Г. Лихачевъ перенесъ лукавые совѣты мольеровскаго героя изъ міра клерикальнаго въ сферу общечеловѣческихъ «грѣшковъ». Въ переводѣ говорится о «высшихъ законахъ, отъ которыхъ на жизненномъ пути мы встрѣчаемъ не малыя препоны», что ихъ нетрудно обойти и что

Для случаевъ такихъ особою сноровкой
Давнымъ-давно владѣетъ *родъ людской*
И грѣшныя дѣла *онъ* очень ловко
Миритъ съ душевной чистотой.

Если число ослабленныхъ переводомъ типическихъ и глубоко содержательныхъ выраженій вообще не велико, часто приходится жалѣть о совершенномъ пропускѣ подобныхъ мѣстъ. Такъ мы не находимъ извѣстнаго оборота, перешедшаго къ Мольеру отъ Ренье (хотя, быть можетъ, употреблявшагося и раньше) и давно ставшаго поговоркой: «elle est prude à son corps défendant»; не встрѣтимъ и взятаго у Паскаля мѣткаго замѣчанія (I актъ, 5 сцена): «leur passion dont on leur sait bon gré veut nous assassiner avec un fer sacré». Въ четвертой сценѣ I акта, когда Оргонъ разспрашиваетъ Дорину о томъ, что дѣлалъ безъ него его гость, и отвѣчаетъ на каждую новость извѣстнымъ восклицаніемъ *le pauvre homme*! Дорина незамѣтно набрасываетъ портретъ Тартюффа. Гэте удивлялся мастерству Мольера, сумѣвшаго познакомить зрителя съ героемъ пьесы, несмотря на то, что онъ появляется лишь съ третьяго акта; упомянутая сцена одна изъ важныхъ именно въ этомъ отношеніи.

Tartuffe? Il se porte à merveille
Gros et gras, le teint frais et la bouche vermeille,

говоритъ Дорина и этимъ даетъ кстати полезное указаніе исполнителямъ роли, вообще нѣсколько склоннымъ изображать Тартюффа изможденнымъ и отталкивающимъ.

Тартюфъ? И спрашивать напрасно...
Ему ли здѣсь живется не прекрасно!

читаемъ въ переводѣ; изображеніе внѣшности лицемѣра совсѣмъ пропало. А Дорина все продолжаетъ:

Il soupa, *lui tout seul*, *devant elle*
Et fort devotement il mangea deux perdrix.

Послѣднія слова безъ причины выпущены, и опять остался только одинъ незначительный фактъ. Но и дальше, по странной случайности все въ той же роли Дорины, вообще переданной весьма удачно, не мало пропусковъ. Такъ во 2-й сценѣ II акта пропущено вошедшее въ поговорку восклицаніе: «Ah! vous êtes dévot, et vous vous emportez!», а во 2-й сценѣ III акта ея выходка противъ Тартюффа, смутившагося при видѣ ея полуобнаженной шеи:

Et je vous verrois nu du haut jusques en bas,
Que toute votre peau ne me tenteroit pas.

Предшествовавшій переводчикъ мольеровской комедіи, г. Минаевъ, нашелъ возможнымъ удержать это мѣсто.

Переходя къ пропускамъ не отдѣльныхъ только выраженій, а болѣе обширныхъ и важныхъ для пониманія пьесы мѣстъ, укажемъ прежде всего на странное исчезновеніе одного лица, если не прямо дѣйствующаго передъ зрителемъ, то все время находящагося отъ него по близости и очень прикосновеннаго къ ходу интриги, — именно слуги Тартюффа, Лорана. Объ немъ идетъ рѣчь съ первой же сцены; по словамъ субретки, онъ тоже, подобно своему господину, проповѣдуетъ между челядью; изъ разсказа Оргона узнаемъ, что при посредствѣ Лорана онъ вошелъ въ сношенія съ Тартюффомъ и развѣдалъ у слуги все касающееся этого святого человѣка; черезъ него (актъ III, сц. 1) Дорина передаетъ Тартюффу приглашеніе Эльмиры и узнаетъ отъ лакея, что въ эту минуту притворщикъ молится; къ Лорану обращается наконецъ и Тартюффъ при первомъ своемъ появленіи на сценѣ, поручая запереть власяницу. Мольеръ, повидимому заимствовавшій характеръ этого слуги изъ новеллы Скаррона, которая считается однимъ изъ источниковъ комедіи, желалъ намекнуть на то, что и хозяинъ и слуга — члены одной и той же шайки, и что они лишь для виду играютъ свои роли повелителя и подчиненнаго. Переводчикъ совершенно пренебрегъ этою частностью плана комедіи; опустивъ даже самое имя Лорана, онъ

послѣдовательно выключалъ все, что связано было въ пьесѣ съ его личностью; остается, напримѣръ, совсѣмъ неизвѣстнымъ, кому даетъ Тартюффъ приказъ о власяницѣ и кого хочетъ благословить.

Рядомъ съ этимъ пропускомъ можетъ показаться маловажнымъ тотъ, который находимъ въ третьей сценѣ 2-го акта, въ разговорѣ опечаленной отцовскимъ упрямствомъ Маріаны съ Дориной, которая сначала подсмѣивается надъ безпомощностью своей барышни, потомъ смягчается и берется помогать влюбленнымъ. Мимоходомъ введена прелестная картинка заснувшей провинціальной глуши, куда, по словамъ Дорины, Тартюффъ непремѣнно увезетъ ея госпожу послѣ свадьбы; въ десяти стихахъ очерченъ этотъ дремлющій мірокъ съ его интересами, увеселеніями, визитами, множествомъ родственныхъ связей, уѣзднымъ «большимъ свѣтомъ». Это мѣсто требовало, конечно, очень осмотрительнаго перевода и справокъ съ подробностями быта того времени. Приведемъ примѣръ:

Vous irez visiter pour votre bienvenue
Madame la baillive et madame l'élue,
Qui d'un siège pliant vous feront honorer.
Là dans le carnaval vous pourrez espérer
Le bal et la grand'bande, à savoir deux musettes
Et parfois Fagotin, et les marionettes.

Всѣ эти подробности сжаты въ слѣдующихъ стихахъ:

Тамъ — имя знатное всѣ двери намъ отворитъ,
Всѣ кумушки радушно примутъ васъ
И сплетнями (?) опутаютъ тотчасъ —
И заживете вы...

Но, постепенно восходя отъ пропусковъ отдѣльныхъ выраженій къ устраненію болѣе значительныхъ частностей комедіи, мы остановимся теперь на вызывающемъ особое недоумѣніе

фактѣ обширныхъ пробѣловъ, выпавшихъ на долю весьма важныхъ сценъ. Пропуски этого рода распадаются на два отдѣла: одинъ изъ нихъ составляютъ болѣе или менѣе щекотливыя мѣста, касающіяся вопросовъ церкви и религіи, другой — такія же неудобныя мѣста, окрашенныя политическимъ содержаніемъ. И тѣхъ и другихъ пропусковъ такъ много и они такъ послѣдовательны, что наводятъ мысль на цензурныя затрудненія, которыя, какъ уже было показано выше, приходилось предполагать и относительно отдѣльныхъ словъ. Если это дѣйствительно вліяло въ данномъ случаѣ, входить въ сужденіе о вызванныхъ тѣмъ пробѣлахъ становится неумѣстно. Переводчикъ въ правѣ сослаться на обстоятельства, не отъ него зависѣвшія. Но, на нашъ взглядъ, изъ возможности такого неблагопріятнаго вліянія вытекаетъ практическое указаніе, которое мы позволяемъ себѣ предложить на усмотрѣніе Второго Отдѣленія Академіи. Въ представляемыхъ для соисканія преміи переводахъ классическихъ произведеній могутъ и впредь встрѣчаться подобные же цензурные пропуски, нарушая цѣльность впечатлѣнія и оцѣнки. Для избѣжанія этого неудобства можно бы требовать отъ переводчиковъ приложенія въ рукописи всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыя нашло нужнымъ выпустить то или другое цензурное вѣдомство (въ настоящемъ случаѣ кромѣ общей цензуры, быть можетъ, и цензура театральная).

Сличеніе перевода г. Лихачева со стороны полноты съ предшествующимъ ему переводомъ г. Минаева показываетъ, однако, что три года назадъ (трудъ г. Минаева появился въ 1884 г. въ Собраніи сочиненій Мольера въ руск. пер., изд. Бакста, книга г. Лихачева помѣчена 1887 годомъ) многія изъ мѣстъ, нынѣ опущенныхъ, считались неопасными. Пришлось бы предположить большую измѣнчивость во взглядахъ цензуры на вопросы, которые въ данномъ случаѣ не имѣютъ никакого соотношенія съ русскою жизнью, не нарушаютъ уваженія къ существующему въ ней порядку, что было бы и странно въ пьесѣ, кончающейся апоѳеозомъ королевской власти. Если же устранить

это предположеніе, останется допустить личное усмотрѣніе переводчика, неумышленно повредившаго завѣтной сущности произведенія.

Въ такомъ неясномъ, двойственномъ свѣтѣ представляется намъ слѣдующій рядъ пропусковъ.

Опущены прежде всего многіе изъ разсужденій Клеанта объ истинной и ложной набожности (актъ I, сцена 6-я), особенно тщательно разработанныя Мольеромъ съ цѣлью сполна высказать его взглядъ на этотъ скользкій вопросъ, предотвратить обвиненія въ кощунствѣ и облегчить появленіе пьесы на сценѣ. Клеантъ горячо беретъ подъ свою защиту истинно набожныхъ людей (voilà mes gens, говоритъ онъ), называетъ даже нѣкоторыхъ по именамъ (подъ которыми въ свое время публика, вѣроятно, легко узнавала подлинныя лица): «regardez Ariston, regardez Périandre, Oronte, Alcidamas» и т. д. Въ противоположность этимъ *vrais dévots* рѣзко очерчены лицемѣры, торгующіе набожностью; здѣсь опять масса превосходныхъ чертъ, украшающихъ комедію (наприм. «brûlants et priants, ils demandent chaque jour, et prêchent la retraite au milieu de la cour») и относимыхъ къ личностямъ изъ придворнаго и церковнаго быта того времени, особенно къ отэнскому епископу Рокетту. Въ переводѣ еще уцѣлѣли нѣкоторыя сатирическія подробности (только что приведенная нами почему-то опущена), за то почти все положительное въ рѣчахъ Клеанта, этого моралиста пьесы, оставлено безъ передачи; благодаря этому въ упомянутой сценѣ перваго акта эти рѣчи сокращены почти на половину (45 стиховъ осталось изъ 85-ти). Въ семнадцатомъ вѣкѣ, правда, сильно возставали и противъ положительныхъ заявленій въ пользу религіи, если они дѣлаются въ театрѣ; древнее воззрѣніе на театръ, какъ на школу грѣха и порока, все еще держалось тогда въ умахъ, и самое смѣшеніе религіозности съ лживымъ духомъ сцены казалось уже оскорбленіемъ вѣры. Врядъ ли можно предположить въ настоящее время вліяніе такихъ соображеній. — Если же урѣзки сдѣланы въ интересахъ большей сценичности пьесы, то

переводчику можно сдѣлать упрекъ въ томъ, что онъ не прибѣгнулъ въ виду этого къ способу, давно уже употребляющемуся на Западѣ (наприм. въ Англіи, гдѣ онъ примѣненъ въ выходящемъ теперь изданіи «The Henry Irving Shakspeare»), — обозначенію чертами, скобками или другими знаками тѣхъ мѣстъ, которыя опускаются при представленіи на сценѣ. Теперь же безъ всякой видимой причины устранены прекрасные стихи, чуждые избитой, прѣсной морали, мысли и образы, имѣющіе положительныя художественныя и нравственныя достоинства.

Урѣзки этого рода идутъ далѣе. Въ 1-й сценѣ V акта, когда во время тревожнаго совѣщанія Клеанта съ Оргономъ опять возобновляется рѣчь объ истинной набожности и добродѣтели, встрѣчаемъ такіе же пропуски. Въ связи съ подробной характеристикой тѣхъ людей, которыхъ дѣйствительно можно назвать вѣрующими, находится и опредѣленіе нравственной порядочности, вытекающее изъ оживленныхъ пререканій между всѣми молодыми обитателями Оргонова дома съ одной стороны и ворчливой, недалекой Пернеллой, безусловно поклоняющеюся Тартюффу (актъ I, сц. 1). Хотя рѣчь идетъ здѣсь всего болѣе объ излишней требовательности свѣтскаго суда и лицемѣріи общества, сурово порицающаго явно то, что оно само съ увлеченіемъ творитъ втайнѣ,—несомнѣнно, что и въ этомъ случаѣ сатира направлена противъ одного изъ оттѣнковъ того же господствующаго порока, ханжества. Въ пылу спора набрасываются портреты цѣломудренныхъ судей и жрицъ свѣтской нравственности, которые смолоду грѣшили, а потомъ, утративъ способность къ тому, превратились въ неумолимыхъ обличителей, «руководимыхъ не благомъ людскимъ, а тайною завистью». Такова Оранта, ярко очерченная Дориной; это несомнѣнно первый эскизъ одного изъ лучшихъ женскихъ характеровъ у Мольера,—Арсинои въ *Мизантропѣ*. Но въ переводѣ нѣтъ ни ея, ни даже такихъ совсѣмъ уже невинныхъ сплетниковъ, какъ «Daphné, notre voisine, et son petit mari», удостоенные не менѣе остроумной характеристики. Нѣтъ именъ, нѣтъ и сущности обличенія. Все сказано сокращенно, въ

двухъ словахъ. По крайней мѣрѣ тутъ уже не могло быть и рѣчи о цензурныхъ соображеніяхъ.

Если они были приняты въ расчетъ въ той группѣ пропущенныхъ мѣстъ, которыя имѣютъ отличительно политическое содержаніе, то объ этомъ столь же можно пожалѣть, какъ и объ устраненіи разсужденій религіознаго свойства. Заднимъ фономъ траги-комическаго происшествія, разыгравшагося въ домѣ Оргона, служитъ только что окончившаяся война фронды. Оргонъ принималъ въ ней участіе, стоя за короля; другъ его Аргасъ принадлежалъ къ мятежной партіи, принужденъ былъ бѣжать и оставилъ Оргону шкатулку съ важными въ политическомъ отношеніи бумагами. Оргонъ неосторожно проговорился объ этомъ Тартюффу, еще неосторожнѣе отдалъ ему шкатулку на сбереженіе, и послѣ разрыва трепещетъ, ожидая доноса и уликъ въ государственномъ преступленіи. Но посланный отъ короля объявляетъ ему прощеніе, въ награду за «прежніе заслуги». Весь пятый актъ комедіи основанъ на этомъ придаточномъ отдѣлѣ сюжета, раскрывающемъ еще одну изъ главныхъ чертъ порочности Тартюффа, прикрывающагося на этотъ разъ рвеніемъ вѣрноподданнаго и не отступающаго передъ завѣдомо ложнымъ доносомъ. Тревога Оргона изъ-за этого обстоятельства чуть не равносильна горю объ утратѣ имущества, безразсудно подареннаго имъ Тартюффу.

Вся эта сторона пьесы стушевалась въ новомъ переводѣ. О междоусобіяхъ и роли Оргона въ нихъ нѣтъ ни слова; отношеніе къ политическимъ событіямъ устранено, и вслѣдствіе этого стала непонятна и сильная боязнь Оргона и внезапное его прощеніе королемъ:

Вотъ видишь ли... Ее на сохраненье
Оставилъ мнѣ одинъ бѣжавшій другъ,
А въ ней бумаги... Ну? Мое-то положенье?
Ты понимаешь? Если вдругъ...

говоритъ какими-то намеками Оргонъ Клеанту, и зритель такъ и

не узнаетъ, *какія* это бумаги (у Мольера—«ce sont des papiers, à ce qu'il m'a pu dire, où sa vie et ses biens se trouvaient engagés»), чѣмъ провинился другъ; исчезло даже его имя. То же измѣненіе произошло и съ сообщеніемъ Валера о томъ, что доносъ уже сдѣланъ (V актъ, 6 сцена). Здѣсь мы узнаемъ, что дѣло идетъ о «d'un criminel d'Etat l'importante cassette, dont, au mépris, dit-il, du devoir d'un sujet, vous avez conservé le coupable secret»; говорится *о данномъ уже* приказѣ арестовать Оргона и о томъ, что Тартюффу *для лучшаго исполненія приказа* поручено сопровождать посланнаго.

Въ русскомъ переводѣ Валеръ говоритъ:

Что сдѣлалъ онъ на васъ доносъ,
Представилъ тамъ *какія-то* бумаги—
И что приказъ уже готовъ
О томъ, чтобъ заключить подъ стражу васъ.

О бѣжавшемъ государственномъ преступникѣ ни слова. Значеніе бумагъ, способныхъ вызвать такую строгость, остается и тутъ неразъясненнымъ, а выпускъ послѣднихъ двухъ стиховъ сдѣлалъ непонятнымъ появленіе въ слѣдующей же сценѣ Тартюффа вмѣстѣ съ exempt de police.

Даже съ завершающею комедію рѣчью Тартюффа произошло не мало измѣненій въ переводѣ, хотя, казалось бы, она всего менѣе должна бы подвергнуться подобной опасности. Искусно ли придумалъ развязку Мольеръ, — объ этомъ мнѣнія могутъ расходиться. Но во всякомъ случаѣ ее слѣдовало передать сполна такою, какъ она была написана поэтомъ. На ней лежитъ живой отпечатокъ времени и условій, среди которыхъ приходилось развиваться литературѣ; она важна также и въ исторіи мытарствъ, вынесенныхъ пьесой. Г. Лихачевъ, однако, сократилъ ее на половину (20 стиховъ вмѣсто 41-го), причемъ отпало и косвенное напоминаніе Людовику XIV о необходимости заступничества за гонимыхъ честныхъ людей, и разсужденія, предвѣщающія теорію прошлаго вѣка о «просвѣщенномъ деспотизмѣ», и мотивы

королевскаго рѣшенія, и приказъ отнять у Тартюффа дарственную запись, и упоминаніе о прежнихъ заслугахъ Оргона. Даже слово *король* всюду заботливо замѣнено совсѣмъ непонятнымъ *принцъ*, составляющимъ буквальную передачу французскаго *prince*, столь же обозначающаго и князя, и государя вообще. Стушевывать здѣсь краски было излишне, и потому, что до сихъ поръ всѣ переводчики отваживались упоминать именно о Людовикѣ XIV, и еще болѣе потому, что исторія «Тартюффа» у всѣхъ передъ глазами, и нѣтъ никакого повода закрывать таинственною завѣсой то, что слишкомъ два вѣка составляетъ достояніе всего образованнаго свѣта.

Сводя къ общимъ выводамъ свои замѣчанія о переводѣ г. Лихачева, мы выразимъ сожалѣніе о томъ, что, несмотря на видимое желаніе переводчика возможно полнѣе и вѣрнѣе передать мольеровскій текстъ, онъ недостаточно изучилъ литературу предмета, не всегда принималъ въ расчетъ указанія надежнѣйшихъ комментаторовъ (особенно Поля Менара), и иногда, какъ было показано, неосторожно нарушалъ связи произведенія съ глубоко обдуманнымъ замысломъ поэта, съ его средой, съ предшествовавшей и современной ему литературой, — тѣ связи, которыя составляютъ живительный нервъ сатирическаго произведенія. Можно пожалѣть также объ указанномъ нами пониженіи тона діалога (не доходящемъ, однако, нигдѣ до вульгарности), и объ излишнемъ обрусеніи слоговыхъ оборотовъ. Вопросъ о пропускахъ былъ бы всего важнѣе при опредѣленіи достоинства перевода, но большая правдоподобность сторонняго вмѣшательства и независящихъ отъ писателя обстоятельствъ парализуетъ это невыгодное впечатлѣніе. Вообще же, сравнительно съ другими переводами «Тартюффа», это все-таки лучшій и вѣрнѣйшій; въ немъ есть довольно обширныя части, — напримѣръ почти весь второй актъ, — противъ которыхъ можно сдѣлать лишь незначительныя возраженія. Въ противоположность немногимъ неудачно выраженнымъ по-русски типическимъ, чисто-мольеровскимъ красотамъ можно бы привести рядъ счастливо и мѣтко

придуманныхъ оборотовъ [1]). При очевидномъ умѣніи г. Лихачева владѣть слогомъ, его переводъ, подвергнувшись нѣсколькимъ легкимъ измѣненіямъ, способенъ былъ бы удовлетворить строгимъ требованіямъ.

Находя, согласно съ этимъ отзывомъ, что трудъ г. Лихачева, несмотря на указанныя въ немъ недостатки, представляетъ и несомнѣнныя достоинства, комиссія опредѣлила удостоить его почетнаго отзыва.

IV.

Этимъ мы, по принятому нами правилу, могли бы и закончить нашъ отчетъ о нынѣшнемъ присужденіи пушкинскихъ премій; но по поводу представленныхъ на бывшій конкурсъ двухъ сборниковъ стихотвореній мы получили, по нашей просьбѣ, отъ Н. Н. Страхова статью, изъ которой, вовсе не касаясь разбора самыхъ этихъ сборниковъ, считаемъ полезнымъ сообщить здѣсь нѣсколько замѣчаній, съ которыми не можемъ не согласиться.

Почтенный авторъ статьи задаетъ себѣ вопросъ: въ какомъ положеніи находится наше стихотворство, тотъ родъ писаній, который называется поэзіею въ тѣсномъ смыслѣ?

Вспоминая послѣднія тридцать лѣтъ, нельзя не подивиться странной судьбѣ стиховъ въ нашей литературѣ. Николаевское время, именно конецъ сороковыхъ и начало пятидесятыхъ годовъ, дало намъ нѣсколько поэтовъ составляющихъ дѣйствительное украшеніе нашей литературы. Изъ нихъ особенно извѣстенъ знаменитый тріумвиратъ Майкова, Полонскаго и Фета, къ нашей

---

[1]) Напримѣръ «Большой соблазнъ — грѣшить въ глазахъ у всѣхъ, Но тайный грѣхъ — какой же это грѣхъ?» (Le scandale du monde est ce qui fait l'offense, Et ce n'est pas pécher que pécher en silence). — «Ну, да! я набоженъ — такъ что жъ? Вѣдь я — и человѣкъ» (Ah! pour être dévot, je n'en suis pas moins homme). — «Завистники умрутъ, но зависть — никогда!» (Les envieux mourront, mais non jamais l'envie). — «Вотъ человѣкъ!... ахъ, что за человѣкъ!... Такой ужъ человѣкъ, какого.... Ну, словомъ, — человѣкъ!» (C'est un homme... qui.... ha!.... un homme.... un homme enfin).

радости здравствующихъ и пишущихъ до сихъ поръ. Объ этихъ поэтахъ и о судьбахъ ихъ поэзіи мы говорить не будемъ; мы хотимъ говорить о новыхъ явленіяхъ въ области поэзіи за эти послѣднія тридцать лѣтъ. Съ 1856 года, когда литература вдругъ необыкновенно расширилась и оживилась, появились, конечно, и новые стихотворцы. Но они неожиданно и незаслуженно потерпѣли очень горькую участь во время этой такъ называемой *зари обновленія*. Тогда въ литературѣ получило силу и съ каждымъ годомъ разрасталось *гражданское направленіе*, то-есть стремленіе возбудить общественную дѣятельность въ Россіи. Внутренняя политика поставлена была главною задачею литературы, и передъ этой задачею должны были отступить на задній планъ всѣ другіе интересы. Явилась *обличительная* литература, и вообще проповѣдывалась теорія, что всякое искусство и писательство, всякая наука и умственная дѣятельность должны имѣть въ виду прямую пользу для общества, а не отвлеченный интересъ самого искусства и науки. Въ силу этого всѣ тогдашнія свѣтила литературы стали подвергаться нападеніямъ; журналистика старалась уронить ихъ авторитетъ въ глазахъ публики и показать ей, что есть заслуги гораздо важнѣе, чѣмъ писаніе художественныхъ произведеній, и что чтеніе такихъ произведеній есть только пустая забава. Стихотворная поэзія была въ особенномъ загонѣ. Стиховъ печаталось много, но это были или какія-нибудь обличенія и воззванія, такъ называемые *гражданскіе мотивы*, или же шутки, пародіи, сатирическія пѣсенки, которыя появлялись въ огромномъ количествѣ. Настоящая поэзія, можно сказать, едва влачила свое существованіе. Но всего хуже пришлось поэтамъ, которые только что выступали и явились въ печати съ первенцами своей музы. Нѣкоторыхъ изъ нихъ вывелъ передъ читателями самъ Н. А. Некрасовъ, человѣкъ съ большимъ вкусомъ и съ искреннею любовію къ литературѣ. Но и такое покровительство имъ не помогло. Вновь выступившіе поэты встрѣчены были цѣлою бурею насмѣшекъ и издѣвательствъ. Въ журналахъ поднялась на нихъ истинная травля, въ которой особенно выдавался В. С. Куроч-

кинъ, человѣкъ не вовсе безъ дарованія, хорошо владѣвшій стихомъ, но не имѣвшій настоящаго вкуса. Молодые люди, встрѣченные этимъ ужаснымъ гамомъ при выступленіи на поэтическое поприще, были сильно поражены. Дѣло дошло до того, что нѣкоторые изъ нихъ, чуть ли не самые даровитые, перестали вовсе писать и печатать, отдались другимъ занятіямъ, и только черезъ пятнадцать или двадцать лѣтъ рѣшились робко вновь явиться передъ читателями. Нужно вспомнить, что значатъ для юноши его стихи, какимъ напряженіемъ и волненіемъ сопровождается его восторгъ и творчество, и мы поймемъ, что для иныхъ тутъ произошло настоящее несчастіе, переворотъ цѣлой жизни.

Событіе, о которомъ мы разсказываемъ, совершилось около 1860. Съ тѣхъ поръ великая строгость относительно стиховъ была такъ сказать объявлена въ приказѣ по русской словесности. Новыхъ стихотворцевъ не появлялось, или же они не смѣли заявлять своихъ думъ и чувствъ, а должны были ограничиваться самыми казенными гражданскими темами, или же шуточными стишками, такъ что никто не замѣчалъ новыхъ именъ, стоявшихъ подъ стихами; да и вообще, читатели почти не обращали вниманія на стихотворенія, помѣшавщіяся по старой привычкѣ въ журналахъ. Въ такомъ положеніи дѣло было почти *двадцать лѣтъ*.

Можно бы думать, что такая строгость составляетъ шагъ къ лучшему. Вообще весь гамъ и шумъ той эпохи, когда отрицалась чистая эстетика и были гонимы писатели не служащіе извѣстному направленію, можно бы истолковать какъ настоятельное требованіе отъ литературы большей серіозности. Въ этомъ смыслѣ мы не можемъ считать безполезнымъ для литературы этотъ періодъ, который въ исторіи нашей словесности кажется придется назвать *нигилистическимъ*. Безъ сомнѣнія, нигилизмъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, имѣлъ большое вліяніе на писателей всевозможныхъ направленій; онъ ихъ возбуждалъ, заставлялъ углублять и расширять свои идеи и воплощать ихъ съ большею силой и строгостью. Но такое дѣйствіе производи-

лось только на крѣпкихъ, а не на слабыхъ или еще неукрѣпившихся. Сильныхъ литературный нигилизмъ возбуждалъ, а слабыхъ онъ подавлялъ, сбивалъ совсѣмъ съ пути, такъ что онъ былъ вреденъ для большинства пишущихъ, а особенно для огромной массы читающихъ.

Вредныя послѣдствія теперь передъ нашими глазами, и ни въ чемъ другомъ они такъ не ясны, какъ въ нашей стихотворной поэзіи. Къ концу семидесятыхъ годовъ, въ эпоху турецкой войны, литературный терроръ уже совершенно затихъ, и стали чаще и свободнѣе появляться въ журналахъ стихотворенія подъ новыми именами, а потомъ показались и сборники этихъ стихотвореній, изданные особыми книгами. Это новое стихотворство стало расти чрезвычайно быстро. Лѣтъ пять тому назадъ оно все еще не бросалось сильно въ глаза; но теперь новые поэты считаются едва ли не сотнями, и мы имѣемъ до полусотни отдѣльныхъ сборниковъ, большею частію появившихся въ послѣдніе годы. Это даже не плеяда, а цѣлая туманность, состоящая изъ мелкихъ звѣздъ, не различимыхъ простымъ взглядомъ. Въ этомъ множествѣ нашлось нѣсколько книгъ имѣвшихъ успѣхъ, раскупленныхъ и вновь изданныхъ, даже иногда нѣсколько разъ. Новые поэты читаются, возбуждаютъ восторги; ихъ стихотворенія затверживаются читателями наизусть, а сами они ревниво слѣдятъ другъ за другомъ, обсуживаютъ и пересуживаютъ чужіе успѣхи. Словомъ, все идетъ обыкновеннымъ порядкомъ, и намъ, повидимому, слѣдовало бы поздравлять себя съ быстрымъ и неожиданнымъ процвѣтаніемъ стихотворства.

Между тѣмъ, если мы станемъ судить по существу, а не по одной видимости, то окажется, что передъ нами такое же плачевное явленіе, какъ и прежній двадцатилѣтній застой въ поэзіи. Оказывается, вообще говоря, что уровень новыхъ поэтовъ очень низокъ, и что они обязаны своимъ успѣхомъ только столь же низкому, или еще болѣе низкому уровню читающей публики, которая очень возросла въ числѣ, но очень упала въ своихъ требованіяхъ. Какъ будто порвалась нить преданія, какъ будто и

писатели и читатели уже забыли, что̀ такое хорошіе стихи, а потому довольствуются такими слабыми произведеніями, съ какими прежде авторъ не смѣлъ бы явиться въ печать, и какіе прежде читатель забраковалъ бы съ первыхъ же строкъ.

Правильно судить о словесномъ художествѣ есть дѣло трудное; многимъ и многимъ вовсе недостаетъ способностей, которыя для этого требуются. Но это не значитъ еще, что область поэзіи есть нѣчто неопредѣленное, что въ сужденіяхъ объ ней простительна всякая произвольность и разнорѣчивость. Существуетъ граница, отдѣляющая истинное творчество отъ всякихъ его подобій, отъ безчисленныхъ искаженій и поддѣлокъ; болѣе или менѣе ясное различеніе этой *границы* — вотъ чего можно желать и требовать отъ критиковъ и читателей художественныхъ произведеній. Приступая ко всякому произведенію, являющемуся подъ именемъ творческаго, мы обыкновенно прежде всего стараемся рѣшить, дѣйствительно ли оно принадлежитъ къ художественной области, и уже потомъ отдаемся его внимательному разсмотрѣнію.

Относительно стиховъ, граница, о которой мы говоримъ, имѣетъ большую опредѣленность и ясность. Стихотворецъ обладающій дѣйствительнымъ дарованіемъ всегда имѣетъ, во-первыхъ, совершенно ясную стихотворную *пѣвучесть* рѣчи, во-вторыхъ, въ самой этой пѣвучести болѣе или менѣе замѣтное своеобразіе, т. е. свой стихотворный *слогъ* и свой стихотворный *языкъ*. Для стиховъ вовсе не достаточно какихъ-нибудь поэтическихъ мыслей и образовъ, а непремѣнно нуженъ этотъ особый даръ рѣчи; иначе настоящихъ стиховъ никакъ не выйдетъ, и лучше тогда писать прозой. Вотъ почему и даровитаго и бездарнаго стихотворца можно узнать часто съ двухъ-трехъ стиховъ.

Это — неизмѣнное, первое условіе. Затѣмъ, для созданія хорошихъ стихотворныхъ произведеній конечно требуются еще и умъ, и чувство, и вкусъ; требуется и образованіе, и ширина взгляда, и даже заботы о точности и правильности самого языка.

Словомъ, особый даръ рѣчи долженъ быть тщательно воздѣланъ и въ эту форму облечено надлежащее содержаніе. Но все-таки даръ формы — conditio sine qua non.

Въ настоящее время, можно сказать, этого не понимаютъ ни стихотворцы, ни читатели. Охотники писать стихи обыкновенно думаютъ, что вся сила въ риѳмахъ, въ соблюденіи правилъ стихосложенія и въ гладкости рѣчи; между тѣмъ, при всемъ этомъ, стихи ихъ остаются *рубленою прозою*, то-есть лишены всякой пѣвучести. Если же авторъ и придаетъ имъ пѣвучесть, то она у него совершенно заемная. Для чуткаго уха она является мертвою, холодною формою, только наложенною на содержаніе, но не слившеюся съ нимъ воедино.

Академія Наукъ, разсматривая представляемыя ей на пушкинскую премію произведенія въ стихахъ, конечно не можетъ не принять въ соображеніе того, въ какомъ положеніи находится у насъ въ настоящее время стихотворство. Еслибы писаніе стиховъ было мало распространено и сборники стихотвореній не пользовались вниманіемъ публики, то можно было бы поощрять преміями людей, которые посвящаютъ себя стихотворству. Можно было бы награждать и слабыя сочиненія въ той надеждѣ, что со временемъ награда вызоветъ и произведенія вполнѣ ея достойныя. Но если стихи пишутся въ великомъ множествѣ и публика съ усердіемъ ихъ читаетъ и раскупаетъ, если притомъ всѣ эти писанія представляютъ только посредственность или стоятъ ниже посредственности, то премія, даваемая за одинъ изъ сборниковъ такихъ писаній, будетъ лишь прямымъ поощреніемъ посредственности. Если стихи плодятся безъ конца только потому, что понизился общій уровень и стихотворства и требованій читателей, то Академія своимъ одобреніемъ очевидно будетъ лишь мѣшать поднятію этого уровня; она узаконитъ его пониженіе, укрѣпитъ его своимъ авторитетомъ. Поэтому присужденіе премій можетъ обратиться во вредъ тому самому дѣлу, для поощренія котораго преміи назначены. Въ такихъ обстоятельствахъ гораздо лучше упорно не давать никому премій за стихи и терпѣливо ждать

пока явится что-нибудь значительно выходящее изъ общаго уровня.

Въ изъявленіе признательности Академіи посторонним гг. рецензентамъ, обязательно принявшимъ на себя разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ представленныхъ на конкурсъ трудовъ, Отдѣленіе, пользуясь дарованнымъ ему правомъ, присудило золотыя пушкинскія медали: Н. Н. Буличу, Алексѣю Н. Веселовскому и Н. Н. Страхову. Въ заключеніе вмѣняемъ себѣ въ особенное удовольствіе выразить нашу искреннюю благодарность гг. литераторамъ, съ полною готовностью оказавшимъ Отдѣленію содѣйствіе въ окончательномъ обсужденіи трудовъ, поступившихъ на соисканіе премій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLVI, № 2.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ за 1888 годъ.

составленный
М. И. Сухомлиновымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1889.

10*

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Мартъ 1889 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

въ 1888 году,

составленный ординарнымъ академикомъ М. И. Сухомлиновымъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи наукъ 29-го декабря 1888 года.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности продолжало въ истекающемъ году ту дѣятельность, которая указана Отдѣленію при самомъ его учрежденіи. Можно сказать болѣе: задача, выпавшая на долю Отдѣленія, намѣчена была еще въ ту пору, когда возникала и устроивалась Академія наукъ. Въ первые годы ея существованія въ средѣ ея образовалось такъ называемое Россійское Собраніе, цѣлью котораго было составленіе русской грамматики и словаря русскаго языка. Къ этой же цѣли стремилась и Россійская Академія, завѣщавшая ее и Отдѣленію русскаго языка и словесности. Россійская Академія передала Отдѣленію болѣе семидесяти тысячъ объясненныхъ словъ, на двадцать буквъ; обработку словъ на остальныя двѣнадцать буквъ приняли на себя члены Отдѣленія и въ числѣ ихъ знаменитый Востоковъ. Спросъ на словарь былъ такъ великъ, что Словарь россійской академіи сдѣлался рѣдчайшею книгою и пріобрѣсти его можно было только «за непомѣрно высокую цѣну». Отзываясь на требованіе общества, Отдѣленіе немедленно приступило къ новому изданію словаря. Рѣшено было вносить въ словарь всѣ слова, употреблявшіяся въ языкѣ въ разныя эпохи его существованія; областныя слова помѣщать въ словарѣ въ такомъ

только случаѣ, если они пополняютъ ощутительный недостатокъ въ языкѣ; изъ иностранныхъ словъ отвергать такія, какія введены прихотью и употребляются не народомъ, а только нѣкоторыми лицами, какъ напримѣръ: *вояжировать*, *компрометировать*, и т. д. Начертавъ планъ для своихъ занятій и главнымъ образомъ для словарныхъ работъ, Отдѣленіе представило его на утвержденіе Общаго собранія Академіи наукъ. Общее собраніе Академіи, одобривъ планъ, заявило, что «каждый членъ Физико-Математическаго Отдѣленія Академіи готовъ содѣйствовать при разсмотрѣніи и повѣркѣ объясненія словъ и выраженій, относящихся къ его наукѣ». Заявленіе это принято съ сочувствіемъ и навсегда сохранится въ лѣтописяхъ Академіи: оно послужило какъ бы залогомъ того единодушія, которое такъ важно для академической жизни вообще.

Впервые приступая къ работамъ по словарю, члены Отдѣленія утверждали, что «самая настоятельная нужда въ словарѣ чувствуема всѣми». Болѣе сорока лѣтъ прошло съ того времени, и теперь слѣдуетъ повторить тоже самое. Главную работу для удовлетворенія этой насущной потребности принялъ на себя неутомимый труженикъ русской науки академикъ Я. К. Гротъ, Предсѣдательствующій въ отдѣленіи русскаго языка и словесности.

Ординарный академикъ Я. К. Гротъ посвящалъ все время, остававшееся у него отъ исполненія обязанностей предсѣдательствующаго, на продолженіе порученнаго ему Отдѣленіемъ труда по приготовленію новаго изданія академическаго словаря. Въ истекшемъ году сдѣланъ важный успѣхъ въ ходѣ этого дѣла введеніемъ новаго пріема записыванія словъ на карточки одинаковаго размѣра, располагаемыя въ строго-алфавитномъ порядкѣ въ особо устроенныхъ для того ящикахъ. Этотъ пріемъ существенно способствуетъ къ упорядоченію и ускоренію работы. Такимъ образомъ вновь переписаны, дополнены и снабжены примѣрами слова на первыя буквы алфавита. Выписками примѣровъ изъ писателей занимались, сверхъ самого академика, преимуще-

ственно г. Шейнъ, почтенный собиратель памятниковъ народной словесности, и г. Симони, недавно окончившій курсъ въ здѣшнемъ университетѣ. Г. Шейнъ принялъ на себя между прочимъ извлеченіе примѣровъ изъ сочиненій Печерскаго (Мельникова) и Серг. Тимоѳ. Аксакова, а г. Симони—изъ Исторіи Карамзина. Приготовительною работою по дополненію прежняго изданія словаря занимались, какъ и въ прошломъ году, молодые ученые Пѣтуховъ и Смирновъ, изъ которыхъ первый въ настоящее время трудится уже надъ буквою *П*, а второй надъ буквою *С*. Чтобы по возможности приблизить начало появленія словаря, предполагается издавать его выпусками и въ наступающемъ году приступить къ печатанію.

Кромѣ того, подъ наблюденіемъ академика Я. К. Грота:

1) Изданы въ нынѣшнемъ году 43-й и 44-й томы Сборника Второго Отдѣленія Академіи наукъ.

2) Печаталась въ русскомъ переводѣ г. Паландера біографія жившаго въ прошломъ столѣтіи академика Лаксмана, составленная профессоромъ Гельсингфорсскаго университета Лагусомъ.

3) Печатались сочиненія профессора Котляревскаго.

4) Составленъ указатель ко всѣмъ изданіямъ какъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, такъ и Россійской Академіи, который также будетъ напечатанъ.

Первый томъ описанія Черногоріи П. А. Ровинскаго оконченъ печатаніемъ и будетъ выпущенъ, какъ скоро получится изготовляемая въ Генеральномъ штабѣ карта этой страны.

Ординарный академикъ Ѳ. И. Буслаевъ напечаталъ:

1) Седьмымъ изданіемъ свой *Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою*, и

2) Третьимъ изданіемъ *Русскую хрестоматію. Памятники древней русской литературы и народной словесности*, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями и съ словаремъ.

По поводу седьмаго изданія Учебной грамматики Ѳ. И. Бу-

слаевъ говоритъ, что онъ «не только исправилъ ее и дополнилъ, какъ значится въ заглавіи, но и переработалъ съ первой страницы до послѣдней, между прочимъ внесши въ нее все существенное и необходимое изъ книги: «Русское правописаніе», составленной академикомъ Я. К. Гротомъ по порученію Второго Отдѣленія Академіи наукъ». Свидѣтельство такого филолога, какъ Ѳ. И. Буслаевъ, имѣетъ неоспоримое значеніе для вѣрной и безпристрастной оцѣнки труда академика Грота.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе научной дѣятельности академика Ѳ. И. Буслаева. Отдѣленіе русскаго языка и словесности привѣтствовало своего глубокоуважаемаго сочлена, труды котораго занимаютъ высокое мѣсто въ русской литературѣ и наукѣ. Съ полною справедливостью можно и должно сказать, что «велики заслуги Ѳ. И. Буслаева въ дѣлѣ преподаванія родного слова и изслѣдованія памятниковъ древней нашей письменности и русскаго искусства. Вооруженный талантомъ и знаніемъ, онъ въ той и другой области проложилъ новые пути, признанные единственно вѣрными и обязательными для всѣхъ, вступающихъ на то же поприще». Какъ доблестный труженикъ на научномъ поприщѣ, освѣтившій путь для молодыхъ поколѣній, Ѳ. И. Буслаевъ можетъ сказать со всею искренностью великаго учителя:

«Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка».

Сверхъ работъ по грамматикѣ и словарю, въ кругъ занятій Второго Отдѣленія, указанныхъ учредительнымъ актомъ, входятъ: изслѣдованія въ области исторіи русской словесности, а также и русской исторіи, и изученіе славянскихъ нарѣчій относительно къ языку русскому.

Одну изъ самыхъ важныхъ эпохъ въ исторіи умственной и общественной жизни Россіи составляетъ эпоха Петра Великаго. Для всесторонняго изученія и справедливой оцѣнки личности и дѣятельности Петра Великаго предпринято изданіе «такого

собранія его писемъ и бумагъ, которое совмѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ подъ пера монарха, посвятившаго всю жизнь возвеличенію горячо любимой имъ Россіи», и при этомъ выражена надежда, что «когда собраніе писемъ и бумагъ Петра Великаго будетъ довершено, образъ великаго монарха предстанетъ передъ безпристрастнымъ потомствомъ въ полномъ величіи». Послужить этой прекрасной цѣли, для достиженія которой требуется много энергіи, самаго упорнаго труда и обширныхъ, разностороннихъ знаній, принялъ на себя нашъ сочленъ по Отдѣленію А. Ѳ. Бычковъ.

Въ истекающемъ году ординарный академикъ А. Ѳ. Бычковъ занятъ былъ приготовленіемъ къ изданію второго тома писемъ и бумагъ Петра Великаго, къ печатанію котораго и приступилъ. Сверхъ писемъ, въ которыхъ проявляется заботливость монарха о внутреннемъ преуспѣяніи государства, въ этотъ томъ войдетъ нѣсколько документовъ, освѣщающихъ наши политическія отношенія къ сосѣдственнымъ государствамъ. Не менѣе любопытны письма, заключающія въ себѣ распоряженія относительно покоренія Нотебурга (Орѣшка) и подробная реляція, отправленная государемъ о взятіи этой крѣпости. «Зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ — писалъ по случаю ея покоренія Петръ Великій, — однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ». Во многихъ письмахъ, посланныхъ государемъ къ своимъ сподвижникамъ, выражается живая радость по случаю взятія Ніеншанца и побѣды, одержанной надъ шведскимъ генераломъ Кроніортомъ. Въ примѣчаніяхъ къ этому тому, по примѣру перваго, будетъ дано мѣсто отвѣтнымъ письмамъ разныхъ лицъ государю; многія изъ этихъ писемъ заключаютъ въ себѣ лобопытныя данныя, впервые имѣющія появиться въ свѣтъ.

Подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Бычкова продолжалось печатаніе Словаря древняго русскаго языка покойнаго академика И. И. Срезневскаго и второго тома Бѣлорусскаго сборника П. В. Шейна.

По порученію Отдѣленія А. Ѳ. Бычковъ написалъ разборъ

книги Ан. П. Чехова подъ названіемъ: «Въ сумеркахъ», представленной на соисканіе Пушкинской преміи.

Тѣмъ-же академикомъ напечатанъ найденный имъ отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина» Пушкина, именно Путешествіе по Россіи, сличенный съ черновыми рукописями поэта, хранящимися въ Румянцовскомъ музеѣ.

При изслѣдованіи памятниковъ русской литературы, существенный вопросъ заключается въ опредѣленіи ихъ самостоятельности и отношенія ихъ къ тѣмъ иностраннымъ произведеніямъ, съ которыми они находятся въ большей или меньшей связи. Твердыя, незыблемыя основы для подобнаго рода изслѣдованій положены Востоковымъ въ его классическомъ описаніи рукописей Румянцовскаго музея. Въ краткихъ, но драгоцѣнныхъ для науки замѣчаніяхъ Востоковъ указываетъ на источники описываемыхъ памятниковъ, опираясь на данныя, представляемыя языкомъ рукописей. Выясненіе литературной исторіи памятниковъ нашей старинной словесности имѣетъ въ виду въ своихъ научныхъ работахъ и сочленъ нашъ А. Н. Веселовскій.

Изслѣдованія и статьи ординарнаго академика А. Н. Веселовскаго, появившіяся въ истекающемъ году, помѣщены въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, русскихъ и иностранныхъ: въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности, въ Журналѣ министерства Народнаго Просвѣщенія, въ Вѣстникѣ Европы, въ Arhiv für slavische philologie, въ Giornale storico della litteratura, и др.

Въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности академикъ А. Н. Веселовскій помѣстилъ продолженіе своихъ изслѣдованій «Изъ исторіи романа и повѣсти». Сводя въ одинъ отдѣлъ повѣсти, дошедшія до насъ въ бѣлорусскомъ пересказѣ, въ рукописи XVI столѣтія, и давая имъ названіе славяно-романскихъ, А. Н. Веселовскій говоритъ: «Мѣсто, занимаемое ими въ исторіи развитія славянской повѣсти вообще, со включеніемъ русской, приходится между византійскимъ вліяніемъ, обусловив-

шимъ древній составъ юго-славянской литературы, и позднимъ западнымъ. Въ славянскую среду наши повѣсти вносили свѣдѣнія о чуждомъ ей обиходѣ рыцарства и его особомъ нравственномъ кодексѣ. Первый усваивался внѣшнимъ образомъ; многое показываетъ, что иныя его черты были неясны и понимались въ половину». По замѣчанію академика А. Н. Веселовскаго, «поэзія любви и красоты отразилась въ славяно-романской повѣсти блѣдными силуэтами; въ длинной вереницѣ приключеній и турнировъ, храбрыхъ рыцарей и влюбленныхъ царевенъ, мы, безъ помощи западныхъ оригиналовъ, не нашли-бы на комъ остановить глаза и не сказали бы: вотъ она! Такова судьба всѣхъ первыхъ откровеній: ихъ заслуга въ починѣ, а не въ завершеніи; въ этомъ и заключается интересъ славяно-романскихъ повѣстей». Установивши такую точку зрѣнія, авторъ остается вѣренъ ей въ изслѣдованіи и цѣлаго и частей. Онъ съ необычайною тщательностію слѣдитъ за каждою фразою, за каждымъ словомъ, даже за каждою буквою (какъ напримѣръ въ собственныхъ именахъ), сравнивая русскія повѣсти съ иностранными, и доводитъ свое сравненіе до самыхъ мельчайшихъ подробностей съ цѣлію уяснить происхожденіе и литературную судьбу изучаемаго памятника. Въ трудѣ, о которомъ идетъ рѣчь, академикъ А. Н. Веселовскій строго-научнымъ образомъ разсматриваетъ южно-славянскую повѣсть о Троѣ и бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ; къ изслѣдованію приложенъ текстъ повѣстей. Ученый изслѣдователь приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Насколько переводы вѣрно сохранили намъ свои подлинники, объ этомъ судить трудно; подлинника Троянской повѣсти мы не знаемъ; бѣлорусскій Тристанъ не встрѣтился пока въ этомъ видѣ ни въ одномъ западномъ пересказѣ, и если бѣлорусскій Бово часто дословно переведенъ съ итальянскаго, то великорусскій Бова королевичъ, также перешедшій къ намъ черезъ сербскія руки, представляетъ отличія, не находящіяся ни въ одной итальянской версіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не принадлежащія русской народной передѣлкѣ. Вѣроятно, не только переводили, но и усвояли, передѣлывая: на

почвѣ этого сербскаго усвоенія и выросла наша русская сказка о Бовѣ. Сербскій подлинникъ бѣлорусской повѣсти не найденъ; романическая исторія Бовы проникла къ южнымъ славянамъ, сколько пока извѣстно, въ хорватскомъ переводѣ. Особая популярность досталась на долю Бовѣ на Руси; повѣсть почему-то понравилась: объясненіе лежитъ въ случайностяхъ народнаго вкуса или въ томъ, что намъ представляется случайностью. Языкъ всѣхъ трехъ повѣстей — бѣлорусскій шестнадцатаго вѣка. Это даетъ нашимъ текстамъ особое значеніе для изученія литературнаго бѣлорусскаго языка, для котораго мы принуждены были еще недавно ограничиваться матеріаломъ, представляемымъ Библіей Скорины, Литовскимъ статутомъ, лютеранскимъ катехизисомъ, хрониками, актами и т. п. Въ послѣднее время число бѣлорусскихъ памятниковъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется болѣе и болѣе значеніе бѣлорусской письменности въ обще-русскомъ литературномъ развитіи», и т. д.

Ординарный академикъ И. В. Ягичъ, находящійся къ сожалѣнію вдали отъ насъ, продолжалъ свои изслѣдованія въ области славянской филологіи и преимущественно церковно-славянскаго языка, судьбы котораго такъ тѣсно и неразрывно связаны съ судьбами языка русскаго. Только самое короткое время уважаемый сочленъ нашъ провелъ въ этомъ году въ нашей академической средѣ; но не смотря на свое пребываніе и ученую дѣятельность за границей, онъ принималъ участіе въ трудахъ Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Въ настоящее время печатается второй томъ весьма важнаго въ научномъ отношеніи труда академика И. В. Ягича: «Источники для исторіи славянской филологіи». Въ первомъ томѣ помѣщены письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ; во второмъ — письма Копитара къ Ганкѣ и другимъ славянскимъ ученымъ, письма Караджича къ Копитару, Добровскаго къ Метелкѣ, Кеппена къ Добровскому и т. д.

Академикъ И. В. Ягичъ началъ печатать свой новый трудъ подъ названіемъ: «Разсужденія южно-славянской и русской ста-

рины о церковно-славянскомъ языкѣ». Здѣсь помѣщены памятники, относящіеся къ началу славянской письменности и къ борьбѣ за славянскую письменность; разсужденіе Іоанна, экзарха болгарскаго, о славянскомъ языкѣ; статья «о восьми частяхъ слова»; «книга Константина философа и грамматика о письменехъ», и др. Академикомъ И. В. Ягичемъ впервые указаны греческіе источники статьи черноризца Храбра, пользовавшейся большимъ почетомъ у нашихъ книжниковъ, доказательствомъ чему служатъ многочисленные списки и разнообразныя передѣлки ея. Весьма любопытна для исторіи славянской филологіи статья «о восьми частяхъ слова», встрѣчающаяся во многихъ рукописяхъ и приписываемая «всѣми и повсюду» Іоанну, экзарху болгарскому. Только Горскій и Невоструевъ видѣли въ ней произведеніе древне-сербской письменности XIII—XIV столѣтія. Подвергнувъ замѣчательную статью самому подробному научному разбору, нашъ сочленъ отвергаетъ общепринятое мнѣніе и высказываетъ слѣдующее: «Статья о восьми частяхъ слова составлена по очень позднимъ греческимъ образцамъ гдѣ нибудь въ Сербіи въ теченіи XIV вѣка, скорѣе въ началѣ или въ первой половинѣ этого столѣтія, чѣмъ позднѣе. Изъ сербскихъ списковъ она перешла съ обыкновенною передѣлкою въ болгарскіе, въ особенности въ молдовалахійскіе списки, которые въ свою очередь послужили источникомъ для распространенія этой статьи въ литературѣ русской». Самое видное мѣсто въ напечатанной части труда занимаютъ изслѣдованія академика И. В. Ягича, посвященныя сочиненію Константина, философа и грамматика, жившаго въ первой половинѣ XV столѣтія въ Сербіи, при дворѣ сербскаго деспота Стефана Лазаревича. Этотъ замѣчательный памятникъ впервые издается въ его полномъ объемѣ, а пояснительный анализъ ученаго изслѣдователя придаетъ особенную цѣну изданію.

Академикомъ И. В. Ягичемъ составленъ обширный научный разборъ (помѣщенный въ Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ) труда г. Стасова: «Славяно-русскій и восточный орнаментъ».

По порученію Отдѣленія, И. В. Ягичъ написалъ, также

весьма обширный, разборъ книги профессора А. И. Соболевскаго: «Лекціи по исторіи русскаго языка», представленной на соисканіе преміи графа Д. А. Толстого.

За границею академикъ И. В. Ягичъ ведетъ по прежнему редакцію журнала, посвященнаго славянской филологіи и пользующагося вполнѣ заслуженною извѣстностью въ ученомъ мірѣ.

Въ истекающемъ году отпечатанъ пятый томъ «Матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи наукъ», издаваемыхъ по мысли г. президента академіи графа Д. А. Толстого. Новый томъ академическаго изданія заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній какъ для исторіи Академіи наукъ, такъ и для характеристики умственной и общественной жизни того времени. Мы находимъ здѣсь извѣстія: о трудахъ и предпріятіяхъ академиковъ и другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ движеніи русской литературы и науки; о лекціяхъ, читанныхъ профессорами и адъюнктами Академіи наукъ; о сочиненіяхъ, представляемыхъ на судъ Академіи, и т. д.

Историкъ Татищевъ писалъ въ Академію наукъ: «По доброходству моему ко отечеству и предпочтенію академіи, изыскивая отъ древнихъ гисторей, такожъ натуральныхъ и хитростныхъ диковинокъ, якоже нѣколико древнихъ, немалою цѣною покупая книги, въ академію всегда отдавалъ. Но понеже черезъ весь годъ не токмо авизъ-календарей и другихъ новоизданныхъ при академіи книгъ и ландкартъ, но и отповѣди на прежде посланные не получалъ, того ради и собранное нынѣ послать удержался. Токмо посылаю при семъ одну въ морѣ пойманную весьма странную рыбу, которая видомъ подобна бы севрюгѣ, но ротъ у нея не въ томъ мѣстѣ и перья нѣтъ. . . . Не безызвѣстно же академіи, что чрезъ 22 года трудился, а древней русской гисторіи одну часть нынѣ совсѣмъ оканчиваю; токмо какъ я обѣщался нѣкоторымъ знатнымъ благодѣтелямъ, оную переведши на французскій языкъ, вскорѣ по напечатаніи русской отдать: токмо я опасаюсь, чтобъ переводчикъ не погрѣшилъ, а паче, что я, не зная французскаго языка, то и погрѣшности усмотрѣть не могу.

И для того разсудилъ лучше на нѣмецкій перевести, для котораго прошу, чтобъ академія трудъ свой приложила такого переводчика сыскать. И какъ скоро она переведена будетъ, то русскую для печатанія немедленно поручу».

Подобно тому, какъ ученый Татищевъ, занимаясь отечественною исторіею, не оставался чуждъ и области естественныхъ наукъ, члены нашей академіи, читая лекціи въ академическомъ университетѣ, не ограничивались одною своею спеціальностію. Въ объявленіи о лекціяхъ на 1742 годъ говорится:

«Христлибъ Эрготтъ Геллертъ, адъюнктъ академіи, читать будетъ логику и метафизику Волфову, порядкомъ Тиммиговымъ, публично, а приватно охотниковъ обучать намѣренъ въ физикѣ и математикѣ».

«Михайла Ломоносовъ, адъюнктъ академіи, руководство къ географіи физической, чрезъ господина Крафта сочиненное, публично толковать будетъ, а приватно охотникамъ наставленіе давать намѣренъ въ химіи и исторіи натуральной о минералахъ; такожъ обучать въ стихотворствѣ и штилѣ россійскаго языка».

Потребность въ изученіи иностранныхъ языковъ вызывала составленіе словарей, и въ академію неоднократно обращались съ просьбою разсмотрѣть и напечатать тотъ или другой словарь. Бывшій учитель екатеринбургской латинской школы Киріакъ Кондратовичъ выражаетъ, въ своей челобитной, желаніе «быть профессоромъ лексиконовъ при академіи наукъ, латино-россійскаго и россійско-латинскаго». Кондратовичъ былъ почтеннымъ, добросовѣстнымъ труженикомъ, и пользовался такимъ уваженіемъ, что его называли даже однимъ изъ «преобразователей нашей словесности въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка». Но академіи приходилось иногда имѣть дѣло съ людьми, вовсе не приготовленными къ научнымъ работамъ и не смотря на то желавшимъ во что бы то ни стало добиться напечатанія трудовъ своихъ. Правительствующій сенатъ, склоняясь на настойчивыя просьбы Іогана Людвига Эгера, предписалъ академіи наукъ разсмотрѣть и въ чемъ нужно исправить составленный просите-

лемъ русско-нѣмецкій лексиконъ. Эгеръ увѣрялъ, что составленный имъ лексиконъ «приведенъ въ всевозможное совершенство» какъ по выбору «изъ разныхъ славенскихъ и россійскихъ книгъ, такъ по прилежному испытанію и провѣдыванію употребляемыхъ въ россійскомъ народѣ старинныхъ и новѣйшихъ рѣчей» и т. д. На дѣлѣ оказалось совершенно иное. Академики Ададуровъ и Таубертъ, разсмотрѣвши словарь, заявили, что отъ него «не токмо великой, но весьма никакой пользы ожидать не можно»: авторъ «вымышлялъ отъ себя» небывалыя слова, какъ напримѣръ: *аэрошествовать*, *алалакать*, *муръ*, *злоключимство*, и т. п.; о незнаніи имъ русскаго языка свидѣтельствуютъ слѣдующія фразы: *она на другую мыза включена*, вмѣсто: *она приписана къ другой мызѣ*; *никто остановки въ ходъ не приключилось*, вмѣсто: *никакой остановки въ пути не произошло*, и т. п.

Въ «Матеріалахъ» находится не мало чертъ, рисующихъ тогдашнее состояніе образованности, вкусъ читателей того времени, и т. п. Принцессою Анною брауншвейгъ-люнебургскою взяты для чтенія изъ библіотеки: Будіевъ Гисторическій лексиконъ; Житіе императора Петра Великаго, Гибнерова изданія; Торжествующая любовь; Теофрастовы характеры; Овидіевы метаморфозы. Фельдмаршаломъ Минихомъ взяты для чтенія изъ библіотеки: книга Винтера о лошадяхъ и книга Гоберга: Деревенское и увеселительное житіе. Особенный спросъ былъ на слѣдующія книги: Табель о рангахъ; Военный уставъ съ процессами; Ерусалимская исторія; Пуфендорфовы книги о должности человѣка-гражданина; Квинта Курція Исторія о Александрѣ Великомъ; Троянская война; Эзопа притчи, и др. Академія наукъ, представляя сенату, что всѣ эти книги распроданы до послѣдняго экземпляра, а между тѣмъ «народъ съ охотою купить ихъ желаетъ, а академія наукъ, по силѣ полученныхъ указовъ, безъ апробаціи сената вновь печатать не смѣетъ», просила о разрѣшеніи напечатать ихъ и «въ продажу производить». За то много хлопотъ было съ другими книгами, накопившимися въ академической книжной лавкѣ: на русскія книги только изрѣдка находи-

лись покупатели, а иностранныхъ почти никто не покупалъ. Не зная, чѣмъ помочь бѣдѣ, придумали наконецъ весьма оригинальное средство — просили «учинить милостивое учрежденіе», состоящее въ томъ, чтобы:

1) Всѣ таможни и судебныя мѣста обязательно покупали не только уложеніе и тарифы, но и художественныя, историческія, нравоучительныя и всѣ безъ исключенія книги, изданныя на русскомъ языкѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.

2) Губернаторамъ, вице-губернаторамъ, совѣтникамъ, асессорамъ, генераламъ, штабъ-офицерамъ и т. д. вмѣнить въ обязанность, чтобы изъ каждой сотни получаемаго ими жалованья они непремѣнно употребляли пять или шесть рублей на покупку книгъ «для собственнаго чтенія и полезнаго наставленія дѣтямъ своимъ».

3) Купцамъ вмѣнить въ обязанность покупать изъ академіи книгъ «по препорціи своего торгу»: такая мѣра тѣмъ удобнѣе, что русское купечество очень любитъ читать историческія и нравоучительныя книги.

4) Что же касается до огромнаго количества лежащихъ въ академической лавкѣ книгъ на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и на другихъ европейскихъ языкахъ, то постановить, чтобы Рига, Ревель, Дерптъ и другіе города покупали эти книги для тамошнихъ школъ, дворянства и духовенства.

На долю нашей академіи выпадали тяжелыя времена, когда ей приходилось вести самую упорную борьбу за существованіе. Общее разстройство экономическихъ и финансовыхъ дѣлъ отразилось самымъ яркимъ образомъ на судьбѣ академіи. Члены академіи терпѣли крайнюю нужду: имъ по цѣлымъ годамъ не выдавали жалованья, вслѣдствіе чего они должны были дѣлать долги и платить проценты. Жалованье выдавалось большею частью не деньгами, а книгами. Студентъ Протасовъ, будущій академикъ, просилъ, при наступленіи зимы, о выдачѣ ему жалованья за *прошлый* годъ, чтобы сшить себѣ теплое платье: ему выдали Описаніе тріумфальныхъ воротъ и еще нѣсколько книгъ изъ

академической книжной лавки. Лица, служившія при академіи, «брали въ зачетъ заслуженнаго жалованья книгами по указной цѣнѣ, а продавали оныя книги съ великимъ урономъ, а именно: у каждаго рубля по двадцати и по тридцати копеекъ съ накладомъ. И для ежедневнаго пропитанія брали у разныхъ купцовъ муку до выдачи жалованья, съ наддачею на каждый куль по три́дцати и по сорока копеекъ».

Самыми печальными красками изображаетъ Тредьяковскій свое безвыходное положеніе. Напомнивъ, что онъ, покинувъ родину, получилъ образованіе въ парижскомъ университетѣ, куда «отправился своею охотою и куда добрелъ пѣшкомъ изъ самыя Голландіи», Тредьяковскій горько жалуется на свои «въ деньгахъ самыя нужнѣйшія обстоятельства». Онъ говоритъ: «не имѣя ни двора, ни кола», но «имѣя уже жену и содержа бѣдную сестру мою, а съ нею сына ея и дочь, я впалъ въ бѣдность и въ долги, а слѣдовательно въ горесть и печаль».

Ломоносовъ также долженъ былъ терпѣть самую крайнюю нужду. Онъ писалъ въ академію наукъ: «Почти за цѣлый годъ я жалованья отъ академіи не получалъ, и оттого пришелъ въ крайнюю скудость. А нынѣ я нахожусь боленъ и при томъ не токмо лѣкарства, но и дневной пищи себѣ купить на что не имѣю, и денегъ взаймы достать нигдѣ не могу» Жалованья Ломоносову, по званію адъюнкта, слѣдовало получить триста шестьдесятъ рублей. Послѣдовала резолюція: «За неимѣніемъ въ казнѣ денегъ выдать Ломоносову пять рублевъ.»

Неприглядная сторона тогдашнихъ общественныхъ порядковъ оставила свои слѣды и въ академической жизни. Лица, находившіяся на государственной службѣ въ академіи, подвергались столкновеніямъ и опасностямъ, угрожавшимъ каждому, кому суждено было жить и служить во времена бироновщины. Чтобы вѣрнѣе достигнуть недоброй цѣли и нанести тяжкій ударъ ненавистному противнику, пытались обвинять его въ государственномъ преступленіи, при чемъ нерѣдко дѣлали изъ мухи слона. Какъ ни очевидны на нашъ взлядъ такого рода преувели-

ченія, но въ ту пору смотрѣли на дѣло совершенно иначе, и только счастливая случайность отклоняла суровую кару, замѣняя ее исправительными мѣрами, иногда весьма наивными. Шумахеръ обвинялъ академика Делиля въ томъ, что онъ составляетъ научные проекты съ предосудительными цѣлями: «хотя прожектъ о размѣриваніи земли самъ собою и небезполезенъ, однакожъ Делиль при томъ больше смотрѣлъ на требованное имъ двойное жалованье и генералъ-маіорскій рангъ, нежели на исправленіе географіи. Профессора Гейнсіуса отлучилъ онъ, Делиль, насильнымъ образомъ отъ обсерваторіи по одной жалюзіи и опасаясь, чтобъ усмотрѣлъ его коварства. Надлежитъ почти думать, не подкупленъ ли онъ отъ кого, чтобъ академію опровергнуть и тѣмъ причинить вредъ и безславіе государству». Въ свою очередь Шумахеръ подвергся обвиненію въ томъ, что онъ «установленіе блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго испровергъ, и тщался злоумышленно науки искоренить, и супостатамъ отечества россійскаго всѣ академическія тайны сообщалъ». Обвинитель, переводчикъ Горлицкій, не могъ представить точныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ всему этому, а такъ какъ по указамъ о фискальной должности, несправедливый обвинитель подлежитъ такому же наказанію, какому подвергся бы обвиняемый, то Горлицкаго приговорили къ смертной казни. Но принимая во вниманіе его лѣта и семейныя обстоятельства, порѣшили замѣнить смертную казнь ссылкою въ Оренбургъ на вѣчное житье, съ тѣмъ, чтобы онъ тамъ преподавалъ философію: «а что онъ, Горлицкій, философскую науку нѣсколько и забылъ, однакожъ можетъ еще, будучи на свободѣ, младыхъ людей въ Оренбургѣ обучать, и отъ того хотя малая польза отъ него будетъ».

Въ литературѣ изданіе «Матеріаловъ» встрѣчено сочувственно, и это сочувствіе выразилось не только словомъ, но и дѣломъ: въ повременныхъ изданіяхъ появилось нѣсколько весьма дѣльныхъ статей, составленныхъ на основаніи «Матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ».

Кругъ занятій Отдѣленія расширяется все болѣе и болѣе; между прочимъ увеличивается число премій, присужденіе которыхъ возлагается на Отдѣленіе. Отчетъ о присужденіи премій графа Д. А. Толстого будетъ сегодня прочитанъ академикомъ Я. К. Гротомъ.

Представивъ бѣглый очеркъ дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ истекающемъ году, упомяну въ заключеніе объ одномъ обстоятельствѣ, весьма счастливомъ для Отдѣленія сравнительно съ цѣлымъ рядомъ предшествующихъ годовъ. Уже въ отчетѣ за первый годъ существованія Отдѣленія подробно говорилось о потеряхъ, понесенныхъ Отдѣленіемъ въ самое короткое время. Съ тѣхъ поръ едва ли не каждый годъ составители отчетовъ поставляемы были въ печальную необходимость «начавъ за здравіе, сводить за упокой». Настоящій годъ составляетъ отрадное исключеніе: въ теченіе его Отдѣленіе не лишилось ни одного ни изъ дѣйствительныхъ своихъ членовъ, ни изъ членовъ-корреспондентовъ. Дай Богъ, чтобы подобное заявленіе повторялось какъ можно чаще въ годовыхъ отчетахъ по каждому изъ Отдѣленій дорогой для всѣхъ насъ Академіи.

ТРЕТЬЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

ПРЕМІЙ ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО.

Отчетъ, читанный въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1888 года предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Я. К. Гротомъ.

Въ 1883 году учреждены при Императорской Академіи Наукъ, съ Высочайшаго соизволенія, преміи имени графа Д. А. Толстого, выдаваемыя ежегодно по очереди однимъ изъ трехъ Отдѣленій Академіи. Въ нынѣшнемъ году присужденіе премій нашего Президента въ первый разъ выпадаетъ на долю Отдѣленія русскаго языка и словесности. На соисканіе ихъ было представлено шесть сочиненій. За устраненіемъ двухъ изъ нихъ, какъ не подходящихъ подъ правила объ этихъ преміяхъ, остальныя, относящіяся къ области русской литературы и славянской филологіи, подвергнуты были внимательному разсмотрѣнію, и по соображеніи относительнаго достоинства этихъ трудовъ, слѣдующіе три, согласно съ § 6-мъ правилъ, удостоены:

Первой почетной золотой медали напечатанное въ Москвѣ Львомъ Ив. Поливановымъ въ 5-ти томахъ, для семьи и школы, критическое изданіе сочиненій Пушкина съ объясненіями.

11

Такъ какъ одновременно съ поступленіемъ этого изданія на конкурсъ появилась въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія обширная критическая статья нашего члена-корреспондента К. Н. Бестужева-Рюмина о трудѣ г. Поливанова, то Отдѣленіе, въ силу § 15-го правилъ о преміяхъ графа Д. А. Толстого, сочло полезнымъ пригласить г. Бестужева къ участію въ обсужденіи помянутаго изданія и не могло не согласиться съ весьма основательными замѣчаніями его рецензіи.

Изданіе Л. И. Поливанова предназначается для употребленія въ семьѣ и школѣ. Такое изданіе должно отличаться тщательнымъ выборомъ; оттого въ представленномъ на премію изданіи встрѣчаются не только пропуски цѣлыхъ произведеній, помѣщеніе которыхъ неудобно въ политическомъ или въ нравственномъ отношеніи, но и отдѣльныхъ отрывковъ. При помощи изданія г. Поливанова воспитанники учебныхъ заведеній гораздо полнѣе ознакомятся съ Пушкинымъ, чѣмъ могли бы узнать его, читая хрестоматіи. Изданіе исполнено такъ, что самая строгая мать семейства, самая строгая школа дадутъ его въ руки дѣтямъ или воспитанникамъ. Отнынѣ Пушкинъ почти въ полномъ видѣ долженъ стать настольною книгой еще на школьной скамьѣ.

Выборъ произведеній — только первое достоинство изданія г. Поливанова; имъ оно вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Но у него есть другія достоинства, дѣлающія его необходимымъ даже для взрослыхъ любителей русской литературы: оно представляетъ текстъ, свѣренный со старыми изданіями Пушкина, а иногда издатель прибѣгалъ и къ пособію рукописей. Оно снабжено обширнымъ комментаріемъ, въ которомъ указана связь, если она существуетъ, между произведеніемъ и жизнью поэта, сообщены свѣдѣнія о лицахъ, къ которымъ обращено то или другое произведеніе или которымъ оно посвящено, указаны произведенія иностранныхъ поэтовъ, имѣвшихъ вліяніе въ томъ или другомъ случаѣ на Пушкина, при чемъ приводятся отрывки изъ этихъ произведеній. Если Пушкинъ переводилъ, то издатель сообщаетъ оригиналъ, иногда въ подлинникѣ и переводѣ, иногда только въ

переводѣ, и выписываетъ вполнѣ или въ сокращеніи отзывы критиковъ, какъ современныхъ Пушкину, такъ и послѣдующихъ поколѣній. Сверхъ того г. Поливановъ даетъ и историческій комментарій. Представляя такой богатый матеріалъ для пониманія Пушкина, это изданіе становится настольною книгою всѣхъ, начинающихъ изучать Пушкина, исходною точкою новыхъ изысканій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и справочною книгою для тѣхъ, кто уже углубился въ это изученіе.

Изданіе свое г. Поливановъ распредѣлилъ по главнымъ родамъ литературныхъ произведеній: въ первомъ томѣ—лирика, во второмъ — поэмы, сказки и т. п., въ третьемъ — драмы, въ четвертомъ — романы и повѣсти, въ пятомъ — проза (т. е. критическія, историческія и автобіографическія статьи) и выдержки изъ писемъ, а также дополненія и поправки къ первымъ томамъ. Лирику издатель расположилъ хронологически, разбивъ весь томъ на отдѣлы, соотвѣтствующіе событіямъ внутренней и внѣшней жизни автора. Каждому отдѣлу предшествуетъ краткій очеркъ жизни поэта за данный періодъ и обозрѣніе его литературной дѣятельности.

Въ виду выдающихся достоинствъ, отличающихъ изданіе г. Поливанова, Отдѣленіе признало этотъ трудъ заслуживающимъ высшей награды, установленной въ § 4-мъ правилъ о преміяхъ нашего Президента.

Второй почетной медали имени графа Д. А. Толстого удостоенъ трудъ профессора С.-Петербургскаго университета А. И. Соболевскаго: «Лекціи по исторіи русскаго языка». Подробный разборъ этой книги, составленный, по порученію Отдѣленія, академикомъ И. В. Ягичемъ, будетъ напечатанъ въ Сборникѣ нашего Отдѣленія; здѣсь же достаточно привести сущность его содержанія. Во введеніи критикъ останавливается на такихъ трудахъ русскихъ ученыхъ, въ которыхъ заключаются первые начатки исторіи родного языка, особенно на замѣчательныхъ для своего времени, но и теперь еще не вполнѣ потерявшихъ свою цѣну «Мысляхъ» покойнаго академика И. И.

Срезневскаго. Два главныхъ положенія «Мыслей» отвергнуты позднѣйшими успѣхами науки: мнимая близость, чуть ли не тожество, древне-русскаго языка со старославянскимъ и отсутствіе будто бы нарѣчій въ древне-русскомъ языкѣ раньше XIII вѣка. Напомнивъ потомъ вкратцѣ заслуги, съ одной стороны, ученыхъ спеціалистовъ-филологовъ: П. Лавровскаго, А. Потебни, М. Колосова, съ другой значеніе различныхъ этнографическихъ предпріятій и изданій, въ числѣ ихъ дѣятельность Вл. Ив. Даля, критикъ опредѣляетъ цѣль исторіи русскаго языка сообразно со стремленіями новѣйшаго времени. Наука теперь уже не довольствуется собираніемъ новыхъ матеріаловъ, хотя она и въ этомъ отношеніи дорожитъ драгоцѣнными пособіями Востокова, Буслаева и другихъ, и настаиваетъ на безостановочномъ продолженіи этой дѣятельности. Новѣйшіе изслѣдователи имѣютъ въ виду примѣненіе данныхъ, почерпаемыхъ изъ древне-русскихъ памятниковъ для исторіи языка, къ особенностямъ современныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ; они пытаются свести прошлое и современное въ одно органическое цѣлое, и такимъ образомъ положить прочное основаніе для исторической діалектологіи. Отправляясь отъ безпорно вѣрнаго предположенія, что главнѣйшія черты нынѣшнихъ русскихъ нарѣчій существовали съ незапамятныхъ временъ и поэтому могли отражаться также въ памятникахъ древне-русской письменности, наука старается, при помощи этой руководящей мысли, внести свѣтъ въ богатый, но на первыхъ порахъ нѣсколько хаотическій матеріалъ, изъ котораго она заимствуетъ свои данныя.

Въ этихъ стремленіяхъ новѣйшаго времени принимаетъ выдающееся участіе профессоръ А. И. Соболевскій. Уже первый трудъ молодого ученаго, появившійся въ 1881-мъ году, «Изслѣдованія въ области русской грамматики», обратилъ на себя вниманіе современной науки, какъ многообѣщающее начало, доказывавшее обширную начитанность въ памятникахъ древне-русскаго языка и немалую сообразительность, хотя не вполнѣ свободную отъ увлеченій. Еще большее значеніе имѣетъ второе со-

чиненіе профессора «Очерки изъ исторіи русскаго языка», изданное въ 1884 году. Критикъ называетъ эти «Очерки» драгоцѣннымъ вкладомъ въ будущую исторію русскаго языка: они превосходны по методу изслѣдованія, будучи построены почти исключительно на внимательномъ изученіи и сличеніи рукописей. Нужна была немалая доля наблюдательности для того, чтобы по памятникамъ возстановить типы древне-русскаго языка, отличительныя черты которыхъ въ большей или меньшей мѣрѣ произошли отъ вліянія окружавшей ихъ живой среды. Хотя бы впослѣдствіи и оказалось, что не всѣ опредѣленія автора точны, научныя достоинства «Очерковъ» отъ этого не пострадаютъ.

Послѣдній трудъ А. И. Соболевскаго, подлежащій нашей оцѣнкѣ, носитъ заглавіе «Лекціи по исторіи русскаго языка». «Лекціи» эти, какъ въ свое время «Мысли» Срезневскаго, конечно далеко не то, что̀ мы разумѣемъ подъ историческою грамматикою или же исторіею языка. Ни для той, ни для другой въ отношеніи къ русскому языку время еще не настало: слишкомъ мало имѣется предварительныхъ изслѣдованій; но подъ отдѣльныя части грамматики можно и теперь уже подвести историческую почву, на которой явленія современнаго языка пріобрѣтаютъ больше освѣщенія и смысла. Этой-то цѣлью задался авторъ «Лекцій», читанныхъ имъ въ университетѣ св. Владимира. Это курсъ университетскаго преподаванія, въ который, сообразно съ уровнемъ слушателей, попало кое-что элементарное рядомъ съ подробностями очень специальными. Это — нѣчто среднее между исторіею языка и историческою грамматикою. Въ изложеніи предмета руководящею нитью послужилъ порядокъ, указанный грамматикою. Послѣ общаго введенія и перечня источниковъ излагаются то звуковыя, то формальныя особенности древне-русскаго языка. Обѣимъ частямъ (звукамъ и формамъ) предпослана общая характеристика языка русскаго въ средѣ славянскихъ нарѣчій, а также краткій очеркъ древне-русскихъ говоровъ. Поэтому, несмотря на многіе пробѣлы и несовершенства, подробно указанные критикомъ, онъ въ заключеніи приходитъ къ убѣжденію,

что сочиненіе профессора Соболевскаго — очень отрадное явленіе въ русской филологической литературѣ, вполнѣ заслуживающее признанія и поощренія.

Въ своемъ послѣднемъ трудѣ авторъ обнаружилъ полное знакомство со всѣмъ тѣмъ, что́ до сихъ поръ сдѣлано въ этой области, виденъ даже, несмотря на очень небольшой промежутокъ времени между «Очерками» и изданіемъ «Лекцій», положительный поворотъ къ лучшему, въ сравненіи съ прежними трудами автора: болѣе осторожное взвѣшиваніе всѣхъ доказательствъ pro и contra, уступчивость въ пользу чужихъ взглядовъ, гдѣ они оказались болѣе основательными, наконецъ полная объективность и сдержанность въ тонѣ, какъ и подобаетъ сочиненію, излагающему очень сложные вопросы русской старины. Поэтому, сводя всѣ частныя о немъ замѣчанія къ общему выводу, нельзя не признать, что трудъ профессора Соболевскаго служитъ къ обогащенію русской филологической литературы.

Наконецъ, третья награда имени графа Д. А. Толстого, *денежная премія*, присуждена въ половинномъ размѣрѣ 400 р. инспектору народныхъ училищъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ г. Степовичу, за сочиненіе «Очеркъ исторіи чешской литературы». Этотъ трудъ разсмотрѣнъ Отдѣленіемъ при участіи профессора Пражскаго университета Гебауэра. Ученый критикъ остановился подробно на каждомъ изъ трехъ отдѣловъ этого сочиненія, озаглавленныхъ: 1) Древняя пора, 2) Средняя пора и 3) Новая пора. Въ двухъ первыхъ періодахъ, а отчасти и въ третьемъ, авторъ руководствовался трудами другихъ историковъ чешской литературы, особенно Тифтрунка. Молодому русскому изслѣдователю было не подъ силу справиться съ огромнымъ матеріаломъ, какой представляетъ необыкновенно богатая по количеству произведеній, но по качеству большею частью весьма не блестящая литература съ XV столѣтія до середины нынѣшняго вѣка, и потому онъ вынужденъ былъ, въ большей половинѣ «Очерка», почерпать свои свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, при чемъ выборъ его весьма удачно палъ главнымъ образомъ на Тиф-

трунка, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не избѣгъ повторенія и нѣкоторыхъ недостатковъ и невѣрностей, какіе мы находимъ у Тифтрунка. Такъ напр. авторъ напрасно причисляетъ хронику Далимила къ произведеніямъ поэзіи: хотя она и написана въ риѳмованныхъ стихахъ, но по содержанію это вовсе не эпосъ, и ее слѣдовало помѣстить въ разрядъ прозаическихъ произведеній.

Въ среднемъ періодѣ статья о іезуитской литературѣ основана уже на собственномъ изученіи г. Степовича, но вполнѣ самостоятельнымъ является онъ особенно въ третьемъ отдѣлѣ, именно начиная съ главы, въ которой оцѣниваются поэтическія произведенія Коллара, Челяковскаго, Воцеля, Тыля и др. Такова же глава: «Космополитическое направленіе въ чешской поэзіи», гдѣ разсматривается и характеризуется новая чешская литература съ 1848 года. Свое знакомство съ этимъ періодомъ г. Степовичъ доказалъ уже и прежде въ монографіяхъ, на которыя онъ въ новомъ трудѣ и ссылается. Здѣсь онъ говоритъ какъ знатокъ и судитъ какъ наблюдатель, который хотя и издали слѣдилъ за развитіемъ новѣйшей чешской литературы, но смотритъ на нее безпристрастно и здраво. Его сужденія часто весьма замѣчательны. Можетъ быть, ихъ одобрятъ далеко не всѣ чешскіе литераторы и историки, но многіе конечно уже теперь встрѣтятъ его взгляды сочувственно, а въ недалекомъ будущемъ мнѣнія г. Степовича должны сдѣлаться господствующими въ средѣ мыслящей чешской публики. Онъ весьма справедливо находитъ, что чешская поэзія съ 1848 года, вообще говоря, страдаетъ двумя недостатками: она оторвана отъ родной почвы и лишена реальности. Возрожденіе ея можетъ совершиться только посредствомъ изученія народнаго быта и вообще жизни всего славянства. Число новыхъ чешскихъ поэтовъ огромно для націи, считающей не болѣе пяти милліоновъ душъ, но они являются съ блескомъ только въ своемъ тѣсномъ кругу. Если же на нихъ смотрѣть не съ одной чешской точки зрѣнія, а съ общеславянской и европейской, то значеніе ихъ чрезвычайно умалится. Весьма немногіе между ними составляютъ исключеніе.

На основаніи такого отзыва чешскаго ученаго, Отдѣленіе признало справедливымъ увѣнчать преміею сочиненіе г. Степовича, тѣмъ болѣе, что оно, будучи спеціально посвящено разсмотрѣнію одной изъ славянскихъ литературъ, составляетъ первую въ своемъ родѣ попытку на русскомъ языкѣ и можетъ своимъ примѣромъ вызвать и другіе труды съ подобною же задачей относительно прочихъ славянскихъ національностей.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLVI, № 3.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ
ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НИКОЛАЙ ФИЛИППОВИЧЪ ПАВЛОВЪ

(1805—1864.)

С. И. ПОНОМАРЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1889.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Августъ 1889 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. С. Веселовскій.*

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НИКОЛАЙ ФИЛИППОВИЧЪ ПАВЛОВЪ

(1805—1864)

(С. И. ПОНОМАРЕВА).

„Три повѣсти г. Павлова очень замѣчательны и имѣли успѣхъ, вполнѣ заслуженный... Талантъ Павлова выше его произведеній".

Пушкинъ (1835).

„Н. Павловъ... получилъ съ перваго раза право на почетное мѣсто между нашими прозаическими писателями". *Гоголь* (1846).

29-го марта настоящаго года исполнилось *двадцатипятилѣтіе* со дня кончины Н. Ф. Павлова. Одаренный блестящимъ и разностороннимъ талантомъ, который въ немъ безспорно признавали и друзья и враги, онъ былъ въ свое время драматургомъ, беллетристомъ, переводчикомъ, поэтомъ, критикомъ и публицистомъ; его цѣнили такіе люди, какъ Пушкинъ, Гоголь, кн. Вяземскій, Тютчевъ, С. Аксаковъ, Хомяковъ, Плетневъ, Шевыревъ, Самаринъ, Григорьевъ; на вечерахъ у него собирались почти всѣ московскіе литераторы и многіе профессора; повѣсти его переведены на иностранные языки: а между тѣмъ въ наше время онъ менѣе извѣстенъ, чѣмъ напр. Марлинскій, менѣе оцѣненъ, чѣмъ Бенедиктовъ... Причина этому заключается отчасти въ томъ, что доселѣ не было и нѣтъ *полнаго* собранія его произве-

деній (а что было издано, то давно уже стало рѣдкостію), отчасти въ томъ, что онъ сдѣлалъ гораздо меньше, чѣмъ могъ. Въ литературѣ нашей уже было замѣчено, что въ немъ не хватало крѣпкой любви къ труду, выдержки, стойкости; онъ работалъ порывами, работалъ какъ поэтъ, по вдохновенію; въ свѣтлую минуту создастъ что-нибудь яркое, всѣ о немъ заговорятъ, зашумятъ, — а онъ уже опять замолкъ, и долго не слышно отъ него ни слова. Кромѣ того, по какому-то капризу судьбы, онъ и въ литературной дѣятельности своей и въ жизни принадлежалъ къ разряду неудачниковъ, которыхъ такъ много у насъ на Руси. Въ ранней молодости онъ сдѣлался было актеромъ, даже танцовалъ въ балетѣ — не повезло; сдѣлалъ доброе, честное дѣло, — и былъ удаленъ отъ мѣста службы; издалъ сборникъ истинно-замѣчательныхъ повѣстей — подверглись запрещенію; за то, что читалъ запрещенныя книги на иностранныхъ языкахъ — сосланъ въ Пермь; началъ издавать газету («Наше Время») — не пошла; всѣхъ принималъ радушно — и нажилъ много враговъ; умеръ послѣ долгой и томительной болѣзни — и почти никто объ немъ и не вспомнилъ... А иные, къ сожалѣнію, печатно укоряли его, и при жизни и по смерти, въ нѣкоторыхъ темныхъ сторонахъ характера, что онъ былъ либералъ на словахъ, жестокъ на дѣлѣ, пускался въ спекуляціи, вѣчно былъ въ долгахъ, сильно игралъ въ карты, былъ космополитомъ, не имѣющимъ отечества, часто мѣнялъ галстуки, а еще чаще убѣжденія, между тѣмъ говорилъ смѣло и рѣшительно... Въ какой мѣрѣ правда всё это — Богъ вѣдаетъ... Дѣло біографіи — разъяснить всѣ важнѣйшія обстоятельства его жизни и характера. При этомъ біографъ, конечно, не забудетъ прекрасныхъ словъ Грановскаго: «*Тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живого чувства любви къ ближнему*»; біографъ вспомнитъ слова Дружинина: «*Прежде чѣмъ осуждать, нельзя ли извинить человѣка*»; біографу скажетъ самъ Павловъ: «*въ порокахъ и преступленіяхъ христіанскіе мыслители любятъ открывать ту сторону, которая сберегаетъ на отверженномъ человѣкѣ боже-*

ственныя черты и даетъ ему доступъ къ самому чистому сердцу. Нѣтъ преступленій цѣльныхъ, нѣтъ преступленій безъ доли заблужденія... Неужели помиловать ближняго, не выставить его недостатковъ, ошибокъ, прегрѣшеній — стыдно, а путаться въ чужія дѣла, безъ всякой надежды поправить ихъ — хорошо»? Біографъ наконецъ не забудетъ и англійскую поговорку: *«если обращаться съ каждымъ по заслугамъ, то кто же избавится отъ пощечины?...»*

Жизнь нашихъ писателей вообще мало извѣстна публикѣ, а Павлова и того меньше. Помянемъ же его теперь хотя одной свѣтлой чертой, которую разсказалъ когда-то Герценъ. Дѣло происходило въ 40-хъ годахъ. Печально-извѣстный графъ Толстой-Американецъ былъ сердитъ на какого-то мѣщанина, поймалъ его какъ-то у себя въ домѣ, связалъ по рукамъ и ногамъ и вырвалъ у него зубъ... Мѣщанинъ подалъ просьбу. Толстой задарилъ полицейскихъ, задарилъ судъ, и мѣщанина посадили въ острогъ за ложный извѣтъ. Въ это время Н. Ф. Павловъ служилъ въ тюремномъ комитетѣ. Мѣщанинъ разсказалъ ему дѣло, Павловъ поднялъ его. Толстой струхнулъ не на шутку, дѣло клонилось явнымъ образомъ къ его осужденію; но... графъ Орловъ написалъ князю Щербатову (тогдашнему генералъ-губернатору) секретное отношеніе, въ которомъ совѣтовалъ ему дѣло затушить, чтобъ не дать такого прямого торжества низшему сословію надъ высшимъ. Н. Ф. Павлова графъ Орловъ совѣтовалъ удалить отъ такого мѣста»...

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»...

Неудачи преслѣдовали Павлова и по смерти. Всѣ признавали въ немъ крупное дарованіе, — и чуть не одна «Сѣверная Пчела» напечатала некрологъ его, и никто не позаботился издать собраніе его произведеній. Правда, заходила какъ-то рѣчь объ изданіи ихъ, но вотъ прошло уже 25 лѣтъ со дня смерти его, а собранія нѣтъ какъ нѣтъ. Мы даже не имѣемъ полнаго перечня его сочиненій, и кажется, нѣкоторыя изъ нихъ едва ли кому извѣстны. Предоставляя другимъ, ближе насъ стоящимъ къ дѣлу,

разсказать біографію Павлова и собрать его произведенія, мы съ своей стороны почтимъ двадцать пятую годовщину его хотя нѣсколькими матеріалами для изданія его сочиненій, для его біографіи, для оцѣнки его дѣятельности. Не все, конечно, удалось намъ собрать; не все, вѣроятно, даже изъ этихъ произведеній можетъ войти въ собраніе ихъ; но всѣ виды его литературной дѣятельности—и стихи и проза, и повѣсти и критика, и переводы и публицистика—могутъ занять законное мѣсто въ сборникѣ избранныхъ его произведеній, и это будетъ хорошая, разносторонне-хорошая книжка въ нашей литературѣ. Пусть мало сдѣлалъ Н. Ф. Павловъ, тѣмъ легче собрать его труды, тѣмъ болѣе надо сохранить ихъ отъ совершеннаго забвенія. «Хорошо тому, кто добро дѣлаетъ; еще лучше тому, кто добро помнитъ».

I. Хронологическій списокъ его сочиненій.

1825 *).

1) Марія Стюартъ, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ (Шиллера), переводъ въ стихахъ съ французской передѣлки. М. въ тип. Семена, 8°, 100 стр. Отрывокъ изъ нея былъ напечатанъ нѣсколько раньше — въ альманахѣ Булгарина «Русская Талія» на 1825 г. Представлена на московскомъ театрѣ 27 ноября 1825 года.

2) Пѣснь магометанина, стих. Моск. Телеграфъ, 1825, ч. IV, стр. 232.

1826.

3) Элегія, стих., Моск. Телеграфъ 1826, томъ IX, стр. 153—154.

---

*) Въ «Лѣтописи русскаго театра, П. Арапова (Спб. 1861, с. 299) встрѣчаемъ переводъ съ франц. Ник. Павлова: «Ночь въ замкѣ Палюцци, или изгнанникъ флорентинскій, историческая драма»; но это — другого Павлова И. Ф., и переводъ относится къ 1820 году, когда Николаю Филипповичу было только 15 лѣтъ.

828.

4) А. Ѳ. Дмитріевой, стих., Моск. Телеграфъ 1828, ч. XXII, стр. 519.

1829.

5) На отъѣздъ въ Италію княгини З. А. Волконской, стих., Моск. Телегр. 1829, ч. XXV, с. 177.

6) Червонецъ, стих., Моск. Телегр., ч. XXV, стр. 339.

1830.

7) Куплеты изъ водевиля «Щедрый», Московск. Вѣстн. 1830, ч. 1, стр. 131—132.

8) Отрывокъ изъ комедіи водевиля «Старъ и Молодъ», Радуга, альманахъ на 1830 годъ. (Вѣроятно, объ этомъ водевилѣ писалъ С. Т. Аксаковъ Шевыреву: «Н. Ф. Павловъ перевелъ водевиль «*Старый мужъ*», и нѣкоторые куплеты недурны (Р. Архивъ 1878, II, 50). Это была пора увлеченія театромъ; водевили тогда писали г. Шевыревъ и И. Кирѣевскій.

9) Генріеттѣ Зоннтагъ, стих., Моск. Вѣстникъ 1830, ч. IV, Смѣсь, стр. 94—95.

1831.

10) «*Нѣтъ, ты не поняла поэта,*
И не понять тебѣ его» — стих. упоминается въ Стихотвореніяхъ графини Растопчиной, Спб. 1857, ч. 1, стр. 80.

1832.

11) На другой день послѣ преставленія свѣта, или комета 1832 года, водевиль, куплеты изъ него, Молва, 1832, № 8, стр. 29 (представл. 29 янв.).

12) Къ.... «*Не вѣрь ты вѣрности земной*, стих., Молва 1832, № 27, стр. 105.

13) К. Б. Чичериной, стих., Молва 1832, № 52, стр. 205.

14) Эпиграмма. Молва, № 69, стр. 273 (подп. Н. П.).

1835 *).

15 — 17) Три повѣсти (Именины. Аукціонъ. Ятаганъ) М. 1835. 8⁰ (Во 2-й книгѣ Московскаго Наблюдателя за 1835 годъ явилась новая повѣсть его «Маскарадъ», изданная потомъ вмѣстѣ съ другими въ 1839 г.).

1838.

18) Геній міра, стих. Московск. Наблюд. № 1.

1839.

19 — 21) Новыя повѣсти (Маскарадъ. — Демонъ. — Милліонъ). Спб. 1839, 8⁰, 116 стр.

22) Венеціянскій купецъ, драма Шекспира, переводъ съ англійскаго, прозою. Отечеств. Записки 1839, т. V, № 9, стр. 255—347.

1840.

23) Куплеты, пѣтые княгинею З. А. Волконскою въ Москвѣ, на вечерѣ г. Соймонова, Утренняя Заря на 1840 годъ, стр. 305.

24) Романсъ: «*Она безгрѣшныхъ сновидѣній*» (1834), Утр. Заря на 1840, стр. 430.

1844.

25) «*Иной, всю жизнь отдавъ заботамъ*», стих. (на Вигеля), напечатано въ первый разъ въ Вѣстникѣ Европы 1871, № 9, стр. 45; потомъ въ Русск. Архивѣ 1875, II, 110.

(Въ октябрѣ этого года Хомяковъ писалъ Самарину, что «Павловъ сильно принимается за литературный интересъ» (Русск. Архивъ 1879, № 11, стр. 311); мы не знаемъ точно, въ чемъ дѣло; вѣроятно, здѣсь разумѣются эпиграммы Павлова на Вигеля, Булгарина и другихъ. Графиня Растопчина писала

*) Въ 1833 году былъ игранъ водевиль «Астрономическія бредни», соч. И. Ф. Павлова.

позже, что Павловъ не разъ наполнялъ Москву *безыменными* стихами. (Русская Старина, 1885, № 3, стр. 692).

1845.

26) Эпиграмма на Булгарина, Москвитянинъ, № 2; перепеч. въ Соч. Бѣлинскаго X, 286, въ Русск. Архивѣ 1882, кн. 4, стр. 303.

1847.

27) Письма къ Гоголю (по поводу его книги «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями»), Моск. Вѣдом. 1847, письма первое, второе и четвертое, третье не было напечатано; перепеч. въ Современникѣ 1847, т. III, № 5, Смѣсь, стр. 1 — 16; т. IV, № 8. Смѣсь, стр. 88 — 93.

1849.

28) Томасъ Эвансъ (англичанинъ - педагогъ). Некрологъ. Москвитян., книга III, Моск. Лѣтоп., стр. 71 — 78.

1850-хъ годовъ.

29) «*Не говори ни да, ни нѣтъ*», стих.; не знаемъ, гдѣ помѣщено.

1851.

30) Въ 1851 году былъ изданъ Н. В. Сушковымъ «Раутъ», литературный сборникъ; въ немъ, на III стр. оглавленія, встрѣчаемъ слѣдующее примѣчаніе: «Къ сожалѣнію, мы не можемъ воспользоваться прекрасною статьею Н. Ф. Павлова. Она запоздала... Утѣшимъ однакоже читателей: занимательная статья, въ которой столько печальныхъ истинъ о литературѣ вообще, будетъ позже напечатана въ одномъ изъ современныхъ изданій»... Что́ это за статья—не знаемъ. Не о ней ли будетъ итти рѣчь и далѣе, подъ 1858 годомъ?

1852.

31) Посланіе Хомякову (на день рожденія его) Русск. Архивъ 1877, I, 264.

1856.

32—38) Семь стихотвореній (1854—1855): Канарейкѣ; Сѣверъ; Замѣтка; Ива; Ангелъ; Возрожденіе; Пѣснь Сафо — всѣ въ Русск. Вѣстникѣ 1856, т. II, № 6, стр. 169—172.

39) Благотворитель, стих. Русск. Вѣст., т. III, № 9, стр. 142.

40) Чиновникъ, комедія графа Соллогуба (разборъ), Русск. Вѣстн., III т., № 11, стр. 494—511 и т. IV, № 14, стр. 385—418. Отд. изданіе. М. 1857, 8⁰, 104 стр.

41) *Не говори, что сердцу больно*, стих. (1853), Русск. Вѣстн., т. III, № 11, стр. 512; перепеч. въ Русск. Архивѣ 1869, № 2, стр. 364 (см. тамъ же, стр. 372).

42) Рѣчь на обѣдѣ литераторовъ, сент. 3-го, 1856 г., Русск. Вѣстн., т. V, № 18, Соврем. Лѣт., стр. 166—167.

1857.

43) *Оставь меня*, стих., изъ Байрона, Молва 1857, № 13, стр. 149; перепеч. въ соч. Байрона, изд. Гербеля 1874 г. I, 38.

44) Біографъ-оріенталистъ (В. В. Григорьевъ, писавшій о Грановскомъ), Русск. Вѣстн. 1857, т. VIII, № 6, стр. 211—254. Отд. изданіе, М. 1857, 8⁰, 44 стр.

45) Рѣчь на обѣдѣ литераторовъ 28 декаб. 1857 г., Русск. Вѣстн., т. XII, № 24, Соврем. Лѣтоп. стр. 206—207.

1858.

46) Вотяки и г. Дюма, Русск. Вѣстн., т. XVI, № 16, стр. 697—716.

47) Вопросъ о евреяхъ и «Иллюстрація», Русск. Вѣстникъ, т. XVIII, № 21, Соврем. Лѣтоп., стр. 125—129.

48) 26 апрѣля 1858 года, въ засѣданіи Общества Любителей Русск. Словесности была читана статья Н. Ф. Павлова «О несправедливыхъ нападеніяхъ на литературу», но гдѣ она напечатана — не знаемъ. И не та же ли это статья, о которой говорилъ Сушковъ въ 1851 г. (см. здѣсь № 30)?

1859.

49) Италіянскій вопросъ, Русск. Вѣстникъ 1859, т. 22, кн. 13, стр. 71 — 90.

50) Рѣчь императора французовъ, Русск. Вѣстникъ, т. XXII, № 13, Соврем. Лѣтоп., стр. 105.

51) Нѣсколько словъ о мирѣ (между Франціею и Австріею) Моск. Вѣдомости 1859, № 160.

52) Изъ Московскихъ Записокъ, Русск. Вѣстникъ, кн. 15, стр. 473 (Вѣроятно, объ этой статьѣ говорятъ Библіограф. Записки (1859, № 20, стр. 669): «извѣстный авторъ «Ятагана» и грозной обличительной статьи противъ злонравнаго будошника— Н. Ф. Павловъ»... и т. д.).

53) Письмо къ редактору, Русск. Вѣстникъ, кн. 24, Совр. Лѣтоп., стр. 342 (о редакціи Спб. Вѣдом.).

54) Нѣсколько словъ о Д. М. Щепкинѣ, при книгѣ: «Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія», М. 1859. 8°, стр. V — XVIII.

1860 — 1863.

— Наше Время, газета политическая и литературная, съ 17 января 1860 года, въ 1860 и 1861 годахъ *еженедѣльная*, по воскресеньямъ, въ два печатныхъ листа большого формата; съ 1862 года — *ежедневная*, кромѣ дней слѣдующихъ за праздниками и табельными днями, въ листъ; подъ редакціею Н. Ф. Павлова. Прекратилась на 126 № 1863 года. Изъ нея извѣстны намъ только слѣдующія статьи самого редактора:

55) Гроза, драма А. Н. Островскаго (разборъ), Наше Время 1860, №№ 1 и 4.

56) Нѣсколько словъ о генералъ-адъютантѣ Ростовцевѣ, 1860, № 5 (перепеч. въ Нижегор. Губ. Вѣдом. № 8, въ Казанскихъ Губ. Вѣдом. № 9).

57) Письмо изъ С.-Петербурга, по поводу возраженія Евгеніи Туръ на статью Русской Женщины (объ Е. Н. Стаховой, въ повѣсти Тургенева «На канунѣ») Наше Время 1860, № 17.

58) Исторія Моск. Практич. Академіи Коммерческихъ Наукъ, соч. Ив. Глѣбова, М. 1860 (разборъ), Наше Время 1861, № 1.

59) 19-е февраля 1861 г., Наше время 1861, № 9.

60) А. П. Ермоловъ, Наше Время 1861, № 14.

61) Еще о юбилеѣ князя Вяземскаго и о великосвѣтскихъ людяхъ, Наше Время, 1861, № 18.

62) Г-нъ Чернышевскій и его время (историческій очеркъ), Наше Время 1861, № 27 (28?).

63) Полемика съ Катковымъ, по поводу печатанія казенныхъ объявленій), 1862, № 231.

1863 — 1864.

64) Русскія Вѣдомости, съ 3 сентября 1863 г., три раза въ недѣлю, №№ 1—52, въ 4° — То же, 1864, съ 1 января по 30 марта.

29 марта 1864 г. Павловъ скончался.

1868.

65) Отрывокъ изъ неоконченной повѣсти и изъ рукописи, оставшихся послѣ Н. Ф. Павлова, Петерб. Газета 1868 г., №№ 50 и 57.

II. Указатель статей о его жизни и сочиненіяхъ.

(въ хронологическомъ порядкѣ).

1826.

1) Моск. Телеграфъ, ч. VII, стр. 165 — 167 (о его трагедіи «Марія Стюартъ»).

1835.

2) Библіотека для чтенія, т. IX, Литер. Лѣтопись, стр. 5—8 (о его повѣстяхъ).

3) Молва, 1835, № 4 (о томъ же).

4) Московск. Наблюдатель, ч. 1, стр. 120 — 130, статья С. П. Шевырева (о томъ же).

5) О предыдущей статьѣ Шевырева, Сочиненія Бѣлинскаго, II, 86 — 90.

6) Телескопъ 1835 №№ 7—8, статья Бѣлинскаго, перепеч. въ его Сочиненіяхъ I, 200—204. (О повѣстяхъ Павлова).

1839.

7) Литер. Прибавленія къ Русск. Инвалиду, № 24, стр. 468 (о Новыхъ повѣстяхъ Павлова).

8) Отеч. Записки 1839, № 11, стр. 105 — 118, рецензія А. Краевскаго, по словамъ Бѣлинскаго (книга Пыпина о Бѣлинскомъ, 1876, II, 35).

9) Сынъ Отечества, т. 11, стр. 44 — 48.

10) Сѣверн. Пчела, № 285.

1840.

11) Чтенія о русскомъ языкѣ, Н. Греча, Спб. 1840, ч. 2-я, стр. 340.

12) Современникъ 1840, т. 17, № 1, стр. 61—63, первой нумераціи; перепеч. въ Сочин. Плетнева, т. II, стр. 285.

1843.

13) Romanciers Russes. Pouschkine et Pawloff, par P. de Julvécourt. Corbeil. 1843. 8° XIII et. 307 pag. (Библ. Записки 1859, № 4, стр. 117, § 69; Прилож. къ соч. Пушкина, сост. Гр. Геннади, Спб. 1860, стр. 115, § 7).

1847.

14) Біографія и характеристика его, съ портретомъ, Iahrbücher für Slav. Litter. 1847, № 1. Перепечатано во 2 томѣ Russlands Novellén dichten, von Wolfsohn, Leipzig. 1848. Здѣсь же переведены четыре его повѣсти.

15) Отзывъ Бѣлинскаго о письмахъ Павлова къ Гоголю — въ книгѣ Пыпина «Бѣлинскій». Спб. 1876, ч. 2,

стр. 282. Отзывъ сдѣланъ въ частномъ письмѣ къ Боткину, приведемъ изъ него нѣсколько строкъ: «*Статья Н. Ф. Павлова — образецъ мастерства писать. Я перечелъ ее нѣсколько разъ, и съ каждымъ разомъ она кажется мнѣ все лучше и лучше. Сколько ума, какая послѣдовательность, какъ все ровно и цѣло; дочитывая конецъ, ясно помнишь начало и середину. Словомъ, — чудо, а не статья!*» И Бѣлинскій изъявилъ желаніе, чтобы Николай Филипповичъ позволилъ перепечатать его статью въ Современникѣ. Позволеніе было дано. Другой отзывъ Бѣлинскаго о тѣхъ же письмахъ встрѣчаемъ въ Современникѣ 1848, № 3, критика, стр. 46; Перепеч. въ Сочин. Бѣлинскаго, т. XI, стр. 435.

1849.

16) Столѣтіе русск. словесности, Н. Мизко. Одесса, 16°, стр. 327.

1856.

17) Отеч. Записки, т. 108, стр. 72—75 (по поводу его статей о комедіи гр. Соллогуба «Чиновникъ»).

1857.

18) Сынъ Отечества, № 16 (по тому же поводу).

19) Сочиненія Гоголя, изд. Кулиша, т. VI, стр. 276, 300, 401, 410, 431; см. еще т. III, 498. Отзывы Гоголя всѣ относятся къ сороковымъ годамъ.

20) (Противъ Павлова, въ защиту В. Григорьева) Фельетонистъ-оріенталистъ, статья П. С. Савельева, Молва 1857, №№ 4, 10 и 11, и отдѣльною брошюрой.

21) (Въ томъ же родѣ) статья Е. Радушина, Молва 1857, № 12, приб. стр. 141—148.

22) Посланіе къ П. С. Савельеву, Моск. Вѣдом. 1857, №№ 57 и 58, Н. Челышевскаго (собирательный псевдонимъ А. А. Котляревскаго, Н. А. Любимова и Н. А. Попова).

23) Замѣтка В., Моск. Вѣдом. № 58 (противъ Савельев

1859.

24) О газетѣ его «Наше Время», Русск. Вѣстникъ 1859, т. XXII, Совр. Лѣтоп., стр. 195.

1860.

25) О его бурной рецензіи на «Грозу» Островскаго, Библіотека для Чтен. 1860, №№ 1 и 3, П. В. Анненкова; перепеч. въ «Воспоминаніяхъ П. В. Анненкова. Спб. 1879, кн. 2, стр. 222—243.

26) О томъ же, Драмат. Сборникъ, № 3, стр. 1—16, стат. А. М. «Грустная мысль среди бури, поднятой «Нашимъ Временемъ».

27) О томъ же — въ статьѣ Добролюбова о «Грозѣ», Соврем. 1860, № 10, перепеч. въ Сочиненіяхъ Добролюбова, изд. 1862, т. III, стр. 443, 449, 452—454.

28) О его газетѣ, стих. Соврем. 1860, № 3, Свистокъ IV, стр. 26; перепеч. въ Сочиненіяхъ Добролюбова, 1862, т. IV, стр. 467.

1861.

29) По поводу статьи Павлова объ Исторіи Московской Практич. Академіи Коммерч. Наукъ. Акціонеръ 1861, № 9, ст. Н. Саз—ова.

30) Былое и Думы, 1861, кн. 1, стр. 324 (черта изъ жизни Н. Ф. Павлова).

1862.

31) Очерки русск. литературы, Кенига, Спб. 1862, стр. 166—169 (о его повѣстяхъ).

32) О его газетѣ «Наше Время», — Сѣверная Пчела, 1862, № 96.

33) Нѣсколько словъ по поводу одного ироническаго слова, Русск. Вѣстникъ 1862, № 3, стр. 463—469 (полемика съ Нашимъ Временемъ).

34) Полемика его съ Катковымъ, Гудокъ 1862, стр. 351.

35) Пародія на его стихотвореніе «*Не говори, что сердцу больно*, Гудокъ 1862, № 45, стр. 359, Абрама Подхалимова.

36) (Рядъ сатирическихъ выходокъ противъ Н. Ф. Павлова въ «Искрѣ» и «Гудкѣ» трудно указать; ограничимся однимъ годомъ «Гудка» 1862 г., стр. 3, 15, 29, 34, 35, 38, 79, 83, 159, 199, 304, 335, 354.

1863.

37) Думы и пѣсни Д. Д. Минаева, Спб. 1863, т. 1, стр. 138, 176, 306 (сатир. выходки).

38) С.-Петерб. Вѣдомости 1863, № 102, (о его газетѣ).

39) Диссонансы, стих. Б. Адамантова, М. 1863. стр. 83, 84, 109, 120 — 124. (Это лучшая изъ сатиръ на Павлова).

40) Современникъ 1863, № 4; Свистокъ 9, стр. 51—53 и 78—80.

1864.

41) Некрологъ Н. Ф. Павлова, Русск. Вѣдомости 1864, марта 31.

42) — Сѣв. Пчела 1864, № 107, И. Арсеньева, и отдѣльно: «Н. Ф. Павловъ, М. 1864», 16°, 15 стр.

43) — Иллюстр. Газета 1864, т. 13, № 15, стр. 239.

44) — Книжный Вѣстникъ 1864, стр. 146.

45) Стихотвореніе С. А. Соболевскаго, по случаю кончины Н. Ф. Павлова (рукописное).

46) Другое стихотв. Соболевскаго, гораздо болѣе раннее, въ Литер. Воспоминаніяхъ Панаева, 1876, стр. 241.

1866.

47) Русск. Архивъ 1866, № 4, стр. 574—575, краткая замѣтка Г. Н. Геннади.

1869.

48) Стихотворенія В. Курочкина, Спб. 1869, т. 2, стр. 25—41 (по поводу полемики его съ Катковымъ о казенныхъ объявленіяхъ; см. еще тамъ же, стр. 104, 171, 172, 187).

1873.

49) Русскіе поэты, изд. Гербеля, 1873, стр. 351—353; второе изданіе, 1880, стр. 360 — 362. Третье изданіе 1888, подъ ред. П. Полеваго.

1875.

50) Этюдъ изъ литературы тридцатыхъ годовъ (исторія о Трехъ повѣстяхъ его), Древняя и Новая Россія 1875, № 1, стр. 55—65, М. И. Сухомлинова; перепечатано въ Изслѣдованіяхъ М. И. Сухомлинова, Спб. 1889, т. II.

51) Русск. Архивъ 1875, кн. II, стр. 110, нѣсколько словъ о Павловѣ П. Бартенева.

52) Письмо къ нему Гоголя, Русская Старина 1875, № 12, стр. 673—674.

1876.

53) Литературныя Воспоминанія И. Панаева, Спб. 1876, стр. 202, 214—216, 236—245, 376—377.

34) Объ отношеніяхъ Бѣлинскаго и Павлова—въ книгѣ Пыпина о Бѣлинскомъ, Спб. 1876, т. I, стр. 207, 209; томъ 2, стр. 32, 35.

55) Сочиненія А. А. Григорьева, Спб. 1876, т. I, стр. 18, 36, 38, 39, 41 и 261 (о его повѣстяхъ).

56) Aus Halb-Asien. Culturbilder von K. E. Franzos. Leipzig 1876. Послѣдняя статья въ этой книжкѣ имѣетъ предметомъ Н. Ф. Павлова, его характеръ и литературную дѣятельность (Р. Архивъ 1877, I, 448).

1879.

57) Отзывъ Тютчева о его повѣстяхъ, Р. Архивъ 1879, № 5, стр. 122—123.

1880.

58) Объ отношеніяхъ его къ Нащокину, Р. Старина 1880, № 12, стр. 992—993, и 1881 г. № 8, стр. 600, въ статьяхъ Н. Куликова.

1882.

59) Русск. Архивъ 1882, № 5, стр. 95, краткое примѣчаніе Н. П. Барсукова.

1883.

60) Сочиненія князя Вяземскаго, Спб. 1883, т. VIII, стр. 74, 80, 289, 290 (въ слѣд. томахъ — мелочи).

1885.

61) Въ сатирѣ графинѣ Растопчиной «Домъ сумасшедшихъ» (написанной 1858 г.), Р. Старина 1885, № 3, стр. 691—692, строфы 50—54; см. еще стр. 702, 706, 709.

1887.

62) Сочиненія Пушкина, изд. Литер. Фонда, 1887, т. V, стр. 283—284 (о повѣстяхъ Павлова); томъ VII, стр. 248, 269 (отношенія его къ Нащокину), стр. 404 (къ Апрѣлеву).

---

63) На три пьесы его есть музыка:

а) Романсъ, 1840, изъ Утренной Зари; въ музыкѣ онъ извѣстенъ по стихамъ, оканчивающимъ каждый его куплетъ: «*Не называй ее небесной*»; музыка Глинки. (Р. Старина 1870, изд. 3-е, т. I, стр. 394).

б) *Не говори, что сердцу больно*, изъ Русскаго Вѣстника 1856 г. (Р. Стар. 1870, изд. 3, т. II, стр. 420).

в) *Не говори ни да, ни нѣтъ*, музыка Верстовскаго (объ этомъ нужна справка въ Худож. Листкѣ 1857, № 17).

---

64) Изъ портретовъ Н. Ф. Павлова извѣстны намъ только въ карикатурѣ — въ Искрѣ» 1862 № 1-й и на особомъ листѣ къ «Занозѣ» 1863, приложеніе къ № 9-му, рисунокъ П. Бореля.

Въ заключеніе прочтемъ хотя нѣсколько строкъ самого Н. Ф. Павлова и для этого возьмемъ самыя коротенькія пьесы. Вотъ его переводъ изъ Байрона:

«Оставь меня».

«Оставь меня!... меня печаль тревожитъ;
«Душа мучительныхъ раскаяній полна—
«И вотъ она ужъ вынести не можетъ
«Всего того, что вынесла она.

«Оставь меня!... Безумствуя, тоскуя,
«Какъ бредомъ, пламенный, тобой исполненъ я—
«И все что чувствую, чего желать могу я,
«Все въ этомъ возгласѣ: «Оставь, оставь меня!»

Но ни чѣмъ лучше не можемъ мы помянуть Н. Ф. Павлова, какъ рѣчью, сказанною имъ 3-го сентября 1856 года, на обѣдѣ литераторовъ, скоро послѣ коронованія Царя-Освободителя; вотъ эта рѣчь, навѣянная коронаціоннымъ манифестомъ:

«Господа, въ два дня, въ двухъ нумерахъ газетъ, сколько плодотворныхъ впечатлѣній! Съ Петра Великаго вы не назовете никакой эпохи въ нашей исторіи, гдѣ бъ такъ много было сдѣлано въ такое немногое время. Конечно, это не оглушительный громъ оружія, не побѣдный кликъ на развалинахъ чужого жилища, — это подвиги, болѣе согласные съ требованіемъ вѣка, у нихъ болѣе правъ на благословеніе народа, въ нихъ болѣе человѣческаго, христіанскаго значенія. Благоговѣйные помыслы о предержащей власти, сохранившей и возвеличившей Россію, есть святой долгъ, налагаемый и оправдываемый самимъ пытливымъ разумомъ; но счастливо время, въ которое исполненіе долга сливается съ желаніями сердца, но радостно жить, если не разберешь, что̀ велитъ долгъ и что̀ внушаетъ любовь. Скажите, разобралиль

вы, чѣмъ недавно, чувствомъ долга или чувствомъ любви, билось ваше сердце, когда глаза ваши, застилаемые докучною слезой, останавливались невольно на трехъ незабываемыхъ словахъ: *отмѣнить*, *простить*, *возвратить*. И какъ счастливы были вы, зная, что ужъ этихъ словъ никто на землѣ отмѣнить не можетъ! Шекспиръ называетъ скипетръ знакомъ временного могущества, а милосердіе принадлежностью самого Бога. Въ исторіи много примѣровъ милосердія, но всегда ли излѣчивалось разомъ столько ранъ, но вездѣ ли съ такимъ всеобъемлющимъ человѣколюбіемъ отгадывались разнообразныя боли человѣческаго сердца? Воображеніе не въ силахъ обнять эту массу страданій, этихъ людей всѣхъ сословій, всѣхъ вѣръ, всѣхъ народностей, которыхъ лучи милосердія отыщутъ въ глухихъ, неизвѣстныхъ мѣстностяхъ, на необъятныхъ пространствахъ».

«Поднимемъ-те же, господа, веселые надеждой, отъ всей души, отъ всего сердца, наши бокалы во здравіе и во славу Того, чье Высокое Имя начертано нетлѣнными буквами подъ словами: *отмѣнить*, *простить*, *возвратить*; за кого въ эту минуту бѣжитъ еврей изъ грязной корчмы въ шумную синагогу молиться своему Іеговѣ; о комъ увѣчный солдатъ, бѣдная солдатка шлютъ теплыя молитвы христіанскому Богу, судорожно сжимая въ объятіяхъ возвращеннаго имъ сына; кто насъ и нашихъ братій по крови, разрозненныхъ съ нами исторіей, соединяетъ въ одно свѣтлое, радостное, благодарное чувство; кто открываетъ намъ широкій путь къ просвѣщенію; кто повелѣлъ растворить двери университетовъ; кто снялъ преграды къ сближенію народовъ, къ обмѣну разныхъ образованностей; Кто не забылъ въ пустыняхъ Сибири ни согрѣшившихъ отцовъ, ни безгрѣшныхъ дѣтей; кто въ просвѣщенной благости вспомнилъ всѣхъ и всё не отъ избытка даровъ милосердія, какими располагаетъ его могущество, а отъ той нѣжной заботливости, отъ того всепонимающаго чувства христіанской любви, которое останется на страницахъ исторіи!»

Эти сердечныя слова да будутъ лучшею поминкою и по вѣчно-памятномъ Царѣ-Освободителѣ, которому въ этомъ году настала уже девятая годовщина... Пусть проходятъ годы, но «всегда время—отдавать справедливость заслугѣ, благодарнымъ быть — всегда время».

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLVI, № 4.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ
ПО
ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА
И. В. ЯГИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1889.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюль 1889 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ поручило мнѣ, какъ своему члену, написать разборъ труда профессора А. И. Соболевскаго, появившагося въ свѣтъ въ прошломъ году въ Кіевѣ, подъ заглавіемъ „Лекціи по исторіи русскаго языка" и представленнаго въ академію на соисканіе преміи имени графа Д. А. Толстаго. Всегда готовый поддерживать научные интересы этого высшаго ученаго учрежденія, я тѣмъ охотнѣе взялъ на себя порученіе его, что трудъ профессора Соболевскаго, вполнѣ заслуживающій внимательнаго разбора, затрогиваетъ предметъ, которому я и самъ посвятилъ не мало времени въ бытность мою профессоромъ Императорскаго с.-петербургскаго университета. Такимъ образомъ и у меня нашлось подъ рукою не мало матеріаловъ, которыми я считалъ возможнымъ отчасти восполнить пробѣлы разбираемыхъ здѣсь „лекцій", отчасти выставить и оправдать свои особые взгляды.

Глубоко запали мнѣ въ душу тѣ незабвенные годы, когда я передъ многочисленною авдиторіею русской молодежи читалъ лекціи о русскомъ языкѣ, старомъ и новомъ, какъ въ университетѣ такъ на высшихъ женскихъ курсахъ; съ тронутымъ сердцемъ вспоминаю также отношеніе ея ко мнѣ, всегда полное вниманія и довѣрія. Пусть эти „критическія замѣтки“ будутъ выраженіемъ моей благодарной памяти за прошлое, пожеланія же еще болѣе блестящихъ успѣховъ моему преемнику.

И. В. Ягичъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ вышелъ первый трудъ, имѣющій прямое отношеніе къ исторіи русскаго языка. Это было не систематическое изложеніе въ видѣ знаменитой исторической грамматики Якова Гримма, не было также нѣчто похожее на «исторію нѣмецкаго языка», написанную тѣмъ же Гриммомъ, лѣтъ тридцать спустя послѣ его грамматики. Это были пока только «Мысли» объ исторіи русскаго языка, предварительныя соображенія И. И. Срезневскаго[1]). Предметъ, затронутый въ этихъ «Мысляхъ», заключалъ въ себѣ столько любопытныхъ и важныхъ вопросовъ по отношенію къ русской старинѣ, что талантливому, молодому тогда еще профессору, обладавшему, какъ извѣстно, большимъ остроуміемъ и немалою долею краснорѣчія, не трудно было, и не входя въ подробности, представить читателю нѣсколько очень живо написанныхъ картинъ изъ жизни языка вообще, изъ взаимныхъ отношеній между славянскими нарѣчіями и наконецъ изъ

[1]) «Мысли объ исторіи русскаго языка Измаила Срезневскаго, доктора славяно-русской филологіи, экстраординарнаго профессора Императорскаго Санктпетербургскаго Университета» напечатаны какъ приложеніе къ «Годичному торжественному акту въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ, бывшему 8 Февраля 1849 года» С.-Пбгъ 1849, на стр. 61—186. «Дополнительныя примѣчанія» обнимаютъ стр. 187—280.

историческихъ судебъ русскаго языка. «Мысли» И. И. Срезневскаго, надо полагать, читались съ тѣмъ большимъ интересомъ[1]), чѣмъ рѣже появлялись въ русской литературѣ подобнаго рода общія разсужденія о языкѣ, о ходѣ и развитіи его въ связи съ исторіею народа.

Книжка И. И. Срезневскаго и до сихъ поръ не потеряла своей прелести. Вторая глава ея «о первоначальномъ образованіи языковъ» отличается поэтичностью изложенія, взамѣнъ положительныхъ данныхъ являются яркія краски разсказа. Но и третья глава, рисующая типъ русскаго праязыка, и часть пятой, въ которой излагается «общій ходъ» измѣненій въ русскомъ языкѣ, выдерживаютъ съ нѣкоторыми поправками критику нашего времени. Менѣе всего удовлетворяютъ насъ теперь два главныхъ положенія, легшія въ основаніе разсужденій нашего незабвеннаго академика. Первое положеніе гласитъ, что въ началѣ исторической жизни русскаго народа господствовало еще полное единство русскаго языка, такъ что «части народа отличались болѣе мѣстными нравами, обычаями, степенью образованности, чѣмъ строемъ и составомъ языка» (стр. 96), и что «русскій языкъ X — XIV вѣка, точно такъ же какъ и другія славянскія нарѣчія этого времени, былъ въ состояніи переходномъ» (ib. 90). Тутъ не все ясно. Какъ мы должны понимать единство языка и въ то же время переходное состояніе его? Когда же это переходное состояніе началось. Почему мы знаемъ, что не было его и раньше X—XIV вѣка? Такая же неопредѣленность замѣтна въ отзывахъ И. И. Срезневскаго объ отношеніи языка русскаго къ церковнославянскому. Онъ говоритъ, что русскій языкъ «въ первобытномъ своемъ состояніи ближе всего подходитъ къ нарѣчію старославянскому и вмѣстѣ съ нимъ всего болѣе сохранялъ черты первообразнаго общаго славянскаго строя» (стр. 89) и что онъ «къ старославянскому былъ

---

[1]) «Мысли» И. И. Срезневскаго были перепечатаны въ Библіотекѣ для Чтенія 1849 года, но безъ «Дополнительныхъ примѣчаній».

гораздо ближе всѣхъ другихъ нарѣчій славянскихъ и по составу и по строю» (стр. 153), что русскій народъ, когда онъ обратился къ христіанству, «нашелъ уже всѣ книги, необходимыя для богослуженія и для поученія въ вѣрѣ, на нарѣчіи, отличавшемся отъ его народнаго нарѣчія очень немногимъ» (стр. 98), и все-таки въ томъ же сочиненіи допускается существованіе въ древней Россіи двухъ отдѣльныхъ языковъ «собственно народнаго» и языка «книгъ и людей, образуемыхъ книгами» (стр. 96). Трудно согласить эти положенія. Если бы въ IX — X вѣкѣ между церковнославянскимъ и русскимъ языками существовала дѣйствительно такая поразительная близость, какую изображалъ здѣсь покойный академикъ, то нѣтъ сомнѣнія, при громадномъ вліяніи языка церковнаго на общественную и государственную жизнь древней Россіи, вмѣсто дѣйствительнаго дуализма развилось бы и образовалось скорѣе полное единство, одинъ языкъ не то литературный, не то народный. Существованіе же наоборотъ двухъ языковъ, вѣрно подмѣченное И. И. Срезневскимъ, свидѣтельствуетъ лишь о невѣрности посылокъ его. Слишкомъ большой, чуть ли не до полнаго единства доходившей близости между обоими языками не было, но не было и того идеальнаго единства русскаго языка, о которомъ думалъ И. И. Срезневскій. Напротивъ, существовали нарѣчія и говоры съ переходами другъ въ друга, иногда еле замѣтными, иногда довольно рѣзкими, въ особенности если сопоставить рядомъ противоположные концы. Что же касается быстраго распространенія церковнославянскаго языка у славянъ, конечно не у всѣхъ, какъ неточно выражался авторъ «Мыслей», — то причина этому заключалась вовсе не въ томъ, какъ онъ говоритъ, что проповѣдники «могли проповѣдывать на своемъ мѣстномъ нарѣчіи всюду куда ни заходили, оставаясь всюду совершенно понятными» (стр. 153), а въ различныхъ бытовыхъ и культурно-политическихъ условіяхъ; самъ же языкъ былъ только относительно близокъ и понятенъ, именно въ сравненіи съ окружавшими славянъ и навязывавшими имъ свое господство чужими языками:

нѣмецкимъ, латинскимъ и греческимъ. На счетъ совершеннаго пониманія всѣми и всюду не надо слишкомъ увлекаться и преувеличивать дѣйствительность.

И второе главное положеніе «Мыслей» объ исторіи русскаго языка въ настоящее время должно быть отвергнуто. Если не было полнаго единства русскаго языка въ X столѣтіи, если не было очень близкаго отношенія къ нему языка церковнаго, то нѣтъ разумной причины относить «образованіе книжнаго языка русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ» (стр. 155) только къ XIII — XIV вѣку. Невѣрно было бы говорить о XIV столѣтіи какъ той эпохѣ, въ которую впервые «элементъ народный уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ» (стр. 156); еще же менѣе позволительно было бы считать это позднее время — XIII — XIV вѣка — началомъ образованія мѣстныхъ нарѣчій, великорусскаго и малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльныхъ. Нѣсколько лѣтъ позже И. И. Срезневскій считалъ, правда, возможнымъ допустить болѣе раннее существованіе говоровъ, но не нарѣчій (Изв. V, 68), но и отъ этой оговорки вопросъ не выигрываетъ. Провести границу между говоромъ и нарѣчіемъ всегда было и будетъ очень трудно. Если считать нарѣчіе по отношенію къ говорамъ болѣе крупною единицею, обособленной множествомъ одинаковыхъ, но характерныхъ отступленій, то можно бы спросить, не будетъ ли слишкомъ рано постановить даже XIII — XIV вѣкъ какъ крайній предѣлъ для сложившагося будто бы уже окончательно полнаго различія между нарѣчіемъ великорусскимъ и малорусскимъ? Развѣ слѣдующіе вѣка, XV — XVII, протекли безслѣдно, не затронувъ больше этого отношенія? едва ли!

Послѣдователи И. И. Срезневскаго развивали его мысли далѣе. Самый выдающійся изъ нихъ, П. А. Лавровскій, коснувшись въ подробномъ изслѣдованіи языка сѣвернорусскихъ памятниковъ [1]), сдѣлалъ уже маленькую уступку: онъ призналъ

---

[1]) О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. С.-Пбгъ 1852.

существованіе новгородскихъ особенностей древнерусскаго языка уже задолго до XIV столѣтія. Такимъ образомъ теоріи о первоначальномъ единствѣ нанесенъ первый ударъ. Разнообразіе въ иныхъ чертахъ языка стали допускать по крайней мѣрѣ по отношенію къ сѣверу, но все еще указывали какъ на фактъ не подлежащій сомнѣнію, что до XIV столѣтія въ письменныхъ памятникахъ «не обнаруживается того раздѣленія на два нарѣчія, великорусское и малорусское, какое мы встрѣчаемъ впослѣдствіи и въ настоящее время». Само собою наблюденіе это вѣрно: до XIV столѣтія дѣйствительно не было, да и въ XIV столѣтіи еще не могло быть въ языкѣ древнерусской письменности того различія, какое выходитъ наружу въ позднѣйшее время, но оттуда выведено совсѣмъ невѣрное заключеніе, что вообще никакого различія не было. При этомъ умозаключеніи упущены изъ виду слѣдующія обстоятельства: вопервыхъ, отыскивая слѣды русскаго языка, чѣмъ дальше пробираемся въ старину, тѣмъ слабѣе замѣтно въ памятникахъ древнерусской письменности присутствіе и участіе элемента народнаго; въ особенности же на югѣ Россіи, гдѣ духовное просвѣщеніе поддерживало болѣе тѣсныя сношенія съ Константинополемъ и южными славянами, господство чистаго церковнаго языка продолжало быть сильнѣе и сознательнѣе, чѣмъ на далекомъ сѣверѣ, завязавшемъ очень рано сношенія съ западнымъ иноземствомъ. Вовторыхъ, вслѣдствіе тяжелой судьбы, постигшей югъ Россіи, число южнорусскихъ памятниковъ, сохранившихся, несравненно меньше чѣмъ сѣвернорусскихъ, да и тѣ памятники, о южнорусскомъ происхожденіи которыхъ можно догадываться, по большей части сохранились въ спискахъ, не то передѣлкахъ, неюжныхъ. Наконецъ въ то время, когда вопросъ о старобытности русскихъ нарѣчій выступилъ впервые въ русской литературѣ какъ предметъ достойный серьезнаго изслѣдованія, памятниковъ древней письменности было издано еще очень не много, да и то ограниченное число не было подвергнуто тщательному анализу; въ особенности же относительно южно- или малорусскаго нарѣчія не была сдѣлана хоть бы такая попытка

историческаго анализа, какая по отношенію къ сѣверу представлена въ сочиненіи П. Лавровскаго.

При такихъ условіяхъ извѣстная полемика пятидесятыхъ годовъ—между Погодинымъ и Максимовичемъ—оказалась нѣсколько преждевременною; она не выяснила спорнаго вопроса, потому что вращалась на почвѣ не филологическихъ аргументовъ, а личныхъ впечатлѣній. Однакожъ и этотъ споръ имѣлъ свою хорошую сторону: онъ указалъ на пробѣлы въ свѣдѣніяхъ какъ по исторіи языка, такъ и по отношенію къ живымъ нарѣчіямъ. Въ то время этнографическое изслѣдованіе западныхъ окраинъ Россіи доставило уже довольно богатый и для діалектологіи очень важный матеріалъ, научная разработка котораго была на очереди. Съ другой же стороны явился Вл. Даль со своимъ словаремъ, со своею характеристикою живыхъ нарѣчій или говоровъ великорусскихъ. Заслуги Даля оцѣнены по достоинству со стороны нашей академіи, по этому теперь уже не повредитъ его памяти откровенное признаніе, что нерасположеніе въ немъ этнографа къ филологу и грамматику не было въ прокъ его изслѣдованіямъ по великорусскимъ говорамъ. Вотъ какъ онъ самъ отозвался о себѣ въ сравненіи съ Максимовичемъ: «онъ (Максимовичъ) владѣетъ завидною способностью схватывать по немногимъ даннымъ отличительные признаки нарѣчій и подводить ихъ подъ грамматическія правила; у меня данныхъ много, есть замѣтки и образцы нарѣчій почти всѣхъ уѣздовъ, не только каждой губерніи; я рѣдко затрудняюсь узнать по говору родину крестьянина, не только по четыремъ главнымъ нарѣчіямъ, но и нѣсколько ближе или точнѣе, *но я не сумѣю привести примѣтъ этихъ подъ общія грамматическія правила*».

Чего недоставало Далю, по его собственному признанію, тѣмъ въ высокой степени владѣлъ глубокомысленный изслѣдователь русскаго языка и выдающійся діалектологъ, профессоръ А. А. Потебня. Его статьи «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка» (1866) и «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи» (1871) представляютъ собою поворотъ къ чисто научному направленію

въ изслѣдованіяхъ діалектологическихъ. По его стопамъ шелъ также незабвенный труженикъ въ этой области М. Колосовъ. Въ своемъ послѣднемъ трудѣ, вышедшемъ лѣтъ десять тому назадъ, онъ подвелъ итоги своимъ и чужимъ діалектологическимъ разысканіямъ въ очень полезномъ сочиненіи: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» (Варшава, 1878). Но Колосовъ сдѣлалъ уже раньше шагъ впередъ также по исторіи русскаго языка. На основаніи матеріаловъ, доставленныхъ ему изданіями Востокова, Срезневскаго, Буслаева и другихъ, онъ составилъ въ 1872 году «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка». Эту небольшую книжечку можно назвать первымъ опытомъ, сдѣланнымъ въ мало изслѣдованной области, въ исторической грамматикѣ русскаго языка, такъ какъ изданное уже раньше сочиненіе Ѳ. И. Буслаева (историческая грамматика) касалась болѣе церковнославянскаго языка на почвѣ русской, чѣмъ древнерусскаго, затрогивала болѣе особенности нынѣшнихъ народныхъ говоровъ, чѣмъ проявленіе ихъ же въ древнерусскихъ памятникахъ. Колосовъ взялся за дѣло съ очень скромными средствами. Не располагая другимъ запасомъ кромѣ того, что было издано, не имѣя возможности восполнить пробѣлы или хоть бы провѣрить то, что возбуждало сомнѣніе, по подлинникамъ, хранящимся въ богатыхъ собраніяхъ рукописей, въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ сдѣлалъ все-таки очень много, исполнилъ свою скромную задачу очень добросовѣстно. Онъ изобразилъ въ своемъ сочиненіи не исторію русскаго языка съ XI по XV вѣкъ — такъ далеко его желанія не простирались — а только главныя особенности въ звукахъ и формахъ того языка, который, судя по памятникамъ, былъ употребляемъ въ древнерусской письменности съ XI по XV вѣкъ. Выводы изслѣдованія сгруппированы, довольно механически, по столѣтіямъ, и при немногочисленности и неполнотѣ источниковъ не отличались конечно полнотою. Все содержаніе книжки производитъ впечатлѣніе отрывочности, нуждающейся въ поправкахъ и дополненіяхъ. Но этого мало. Въ сочиненіи Колосова кромѣ того не принято

въ расчетъ нѣсколько важныхъ вопросовъ, которые въ настоящей исторіи языка никакъ не должны быть обойдены. Объ одномъ изъ нихъ самъ авторъ упомянулъ въ предисловіи къ своей книжкѣ (на стр. VIII), о времени раздѣленія русскаго языка на два главныя нарѣчія, о чемъ онъ отозвался нѣсколько самонадѣянно такъ: отвѣтить рѣшительно на этотъ вопросъ «мы не считаемъ возможнымъ со стороны кого бы то ни было». Допустимъ, что удачные отвѣты на столь сложные вопросы даются дѣйствительно не такъ легко, но это не избавляетъ изслѣдователя отъ обязанности войти въ обсужденіе вопроса: попытками, хоть бы не сразу достигающими цѣли, прокладывается мало по малу дорога къ раскрытію истины. Впрочемъ это не единственный вопросъ, отъ обсужденія котораго уклонился Колосовъ. Еще важнѣе, пожалуй, то, что у него источники, по которымъ дѣлается характеристика языка, не распредѣлены по мѣсту происхожденія; нужды нѣтъ, точно ли оно извѣстно или же опредѣляется только гадательно. Много неточностей прокрадывается такимъ образомъ въ выводы. Наблюденія надъ памятниками ведутся абсолютно и безусловно, добытые результаты распространяются на всю область русскаго языка, какъ будто бы всѣ особенности, отмѣченныя въ томъ или другомъ памятникѣ, непремѣнно выражали качества общія всѣмъ нарѣчіямъ и говорамъ русскаго языка. По моему это самый существенный недостатокъ сочиненія Колосова. Онъ намъ показываетъ, въ какомъ состояніи находилась исторія русскаго языка въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

Дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области должны были двигаться не въ одномъ только направленіи: желательно было не только прибавленіе новыхъ матеріаловъ (изданія текстовъ, разборовъ отдѣльныхъ памятниковъ), но также болѣе обдуманное примѣненіе ихъ къ стоящимъ на очереди вопросамъ. Исторіи русскаго языка предстояла задача съ подобающею осторожностью вникнуть глубже въ вопросъ объ отношеніи языка письменныхъ памятниковъ къ языку живому народа своего времени, съ точ-

нымъ по возможности опредѣленіемъ той области русской земли, изъ которой тотъ или другой памятникъ, та или другая группа ихъ вышла, и тѣхъ чертъ или особенностей, которыя, судя по памятникамъ, каждой отдѣльной области свойственны. Эта нелегкая задача выпала на долю новѣйшихъ изслѣдованій, въ ряду которыхъ видное мѣсто занимаютъ труды профессора А. И. Соболевскаго, къ оцѣнкѣ которыхъ я теперь и приступаю.

I.

Уже первый трудъ молодого ученаго «Изслѣдованія въ области русской грамматики» (Варшава, 1881) отличался нѣкоторыми достоинствами, которыя сразу обратили на него вниманіе критики: обширное знакомство съ памятниками древнерусской письменности, богатая сообразительность, хотя въ то же время и нѣкоторая смѣлость въ попыткахъ объясненія разныхъ сторонъ русской грамматики, которыхъ нельзя всегда назвать удачными, — смѣлость извинительная усердіемъ или увлеченіемъ молодости. Хотя далеко не со всѣмъ можно было согласиться, что тутъ предложено авторомъ — отъ иныхъ объясненій, должно быть, онъ и самъ уже отказался, — но нѣкоторыя части труда явились дѣйствительно новымъ вкладомъ, внесеннымъ въ будущую историческую грамматику русскаго языка. Напр. разборъ окончанія род. пад. един. ч. ж. рода на *ѣ*, и такихъ же окончаній имен. и вин. падежей мн. ч., если и не можетъ имѣть притязанія на окончательное рѣшеніе этого вопроса, все-же впервые вывелъ эти окончанія изъ тьмы забвенія.

Гораздо важнѣе былъ слѣдующій трудъ А. И. Соболевскаго: «Очерки изъ исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1884). Я

позволю себѣ на этомъ сочиненіи нѣсколько подробнѣе остановиться, отчасти потому, что считаю его главнымъ трудомъ автора и дѣйствительнымъ обогащеніемъ нашихъ свѣдѣній по исторіи русскаго языка, отчасти же и потому, что съ нѣкоторыми выводами я несогласенъ, а такъ какъ они безъ существеннаго измѣненія вошли и въ новѣйшее сочиненіе автора, о которомъ рѣчь впереди, то кстати будетъ подвергнуть ихъ разбору здѣсь по поводу сочиненія, въ которомъ они впервые высказаны. «Очерки» А. И. Соболевскаго задались похвальною цѣлью внести въ хаотическую массу памятниковъ древнерусской письменности, описанныхъ и неописанныхъ, нѣкоторый порядокъ, провести извѣстную сортировку ихъ, и на основаніи этого выдѣлить нѣсколько типовъ. Попытки подобнаго рода были уже раньше его сдѣланы другими. Какъ извѣстно, типъ новгородскій давно уже опредѣленъ П. Лавровскимъ. Указанія на типъ южнорусскій имѣются въ изслѣдованіяхъ Буслаева, Потебни, Житецкаго. Въ особенности же важною я считаю статью Ал. Шахматова, напечатанную въ моемъ «Архивѣ» [1]), гдѣ впервые затронутъ вопросъ о примѣненіи примѣтъ древнерусскихъ памятниковъ къ опредѣленію древнерусскихъ нарѣчій и объ отношеніи отдѣльныхъ памятниковъ къ этимъ примѣтамъ. На одну не мало важную примѣту, переходъ окончанія *ть* въ *ти*, здѣсь даже впервые указано какъ на признакъ южнаго происхожденія памятника. Итакъ желаніе осмыслить различныя данныя древнерусскихъ рукописей, привязавъ ихъ къ почвѣ русскихъ нарѣчій, замѣтно уже раньше появленія «Очерковъ». Несмотря на все то, сочиненіе профессора Соболевскаго сдѣлало значительный шагъ впередъ, оно расширило рамку наблюденій, внесло новыя примѣты въ характеристику древнерусскихъ памятниковъ, освѣтило историческій фонъ удачнымъ сопоставленіемъ древнерусскаго употребленія буквы *ѣ* съ нѣкоторыми звуковыми особенностями нынѣшняго малорус-

---

[1]) Archiv für slavische Philologie B. VII «Beiträge zur russischen Grammatik» von Al. Schachmatoff, стр. 57—77.

скаго нарѣчія. Изучивъ около пятнадцати рукописей, отчасти доселѣ мало извѣстныхъ, сопоставивъ ихъ и открывъ въ нихъ много общаго въ пріемахъ правописанія по отношенію къ звукамъ и формамъ, авторъ построилъ на этомъ основаніи типъ «галицко-волынскаго» нарѣчія XII—XIV вѣковъ. Вотъ результатъ добытый имъ въ первой части «Очерковъ». Но я считаю только часть этого результата не подлежащею возраженіямъ. Только тамъ, гдѣ рядомъ съ особеннымъ употребленіемъ буквы *ѣ* вм. *е*, напоминающимъ случаи нынѣшняго малорусскаго *і* (изъ протяжнаго *е*), имѣются еще другія замѣчательныя особенности, какъ напр. замѣна начальнаго *въ* чрезъ *у* и наоборотъ, замѣна сочетанія *жд* черезъ *жч*, переходъ окончанія *тъ* передъ *и* въ *ти* —въ этакомъ случаѣ нѣтъ повидимому причины сомнѣваться въ томъ, что тѣ памятники дѣйствительно принадлежатъ не только къ одной и той же группѣ, а также стояли подъ вліяніемъ одного и того же древнерусскаго нарѣчія. Придерживаясь начала a potiori fit denominatio, можно согласиться съ авторомъ и въ выбранномъ имъ названіи для этого нарѣчія: пусть оно будетъ «галицко-волынское», такъ какъ иныя рукописи этой группы несомнѣнно указываютъ на предѣлы Галиціи и Волыни какъ на мѣсто ихъ происхожденія. Но гдѣ нѣтъ всѣхъ выше приведенныхъ примѣтъ, а есть только одно особенное употребленіе *ѣ* вм. *е* (какъ напр. въ Добриловомъ евангеліи или въ Хутынскомъ служебникѣ), тамъ принадлежность памятника къ галицко-волынской области подлежитъ для меня ещс большому сомнѣнію. Не хочу утверждать, что эти памятники сѣверные — отсутствіе въ нихъ главнѣйшей новгородской примѣты, смѣшенія *ц* съ *ч*, рядомъ съ одною положительною чертою, отзывающеюся чѣмъ-то южнорусскимъ, не допускаетъ считать ихъ новгородскими — но въ то же время не могу согласиться съ мнѣніемъ, что всѣ эти памятники, и знающіе не только *ѣ* вм. *е*, но также еще *в* вм. *у*, *жч* вм. *жд*, *ти* вм. *тъ*, и не знающіе послѣднихъ замѣнъ, представляютъ одинъ и тотъ же типъ «галицко-волынскій». Мнѣ кажется необходимымъ въ этой постановкѣ сдѣлать маленькую по-

правку. Надо будетъ или замѣнить названіе «галицко-волынскій типъ» болѣе широкимъ терминомъ «южнорусскій типъ», или же изъ «галицко-волынскаго типа» нѣкоторые памятники выдѣлить и постановить для нихъ особую группу. Прошу только сопоставить особенности волынскаго Ефрема Сирина или Вѣнскаго октоиха съ Хутынскимъ служебникомъ или хоть бы съ Добриловымъ евангеліемъ; врядъ ли можно допустить, что всѣ эти памятники произведеніе одной школы; трудно также повѣрить, что въ нихъ отразилось вліяніе той же мѣстности, того же народнаго элемента. Конечно правильности нашихъ выводовъ сильно мѣшаетъ важный въ исторіи русскаго языка факторъ — случайность. Надо вѣдь допустить, что признаки народныхъ нарѣчій въ иныхъ памятникахъ случайно совсѣмъ отсутствуютъ, въ другихъ же ихъ очень мало присущихъ, въ третьихъ довольно много. О каждомъ отдѣльномъ памятникѣ надо бы, такъ сказать, предварительно рѣшить вопросъ, къ какому разряду онъ принадлежитъ: къ разряду ли памятниковъ строго сохраняющихъ книжное преданіе или же къ памятникамъ по отношенію къ церковному языку невнимательнымъ, уступающимъ много мѣста вліянію живого народнаго нарѣчія. Отъ этого общаго характера памятника существенно зависитъ сила аргументовъ, почерпаемыхъ изъ него. Такъ напр. зная, что Остромирово евангеліе памятникъ новгородскій, хотя въ немъ нѣтъ ни одного случая самой главной примѣты новгородскаго нарѣчія, смѣшенія *ц* съ *ч*, я никакъ не могу раздѣлять мнѣніе тѣхъ, кто хочетъ Мстиславово или Юрьевское евангеліе непремѣнно сдѣлать южнымъ, на основаніи только отсутствія той же примѣты. Оба памятника представляютъ собою тщательное сохраненіе церковнославянскихъ пріемовъ правописанія; поэтому не удивительно, что въ нихъ нѣтъ чертъ діалектическихъ, нѣтъ сѣверныхъ, но нѣтъ и южныхъ. Я говорю такъ, насколько можно судить по отрывкамъ этихъ не вполнѣ еще изданныхъ памятниковъ. Другое дѣло такой памятникъ какъ Добрилово евангеліе. Оно очевидно не стѣснялось дѣлать большія уступки живому нарѣчію. И вотъ въ немъ все-таки нѣтъ или почти нѣтъ ни

одного примѣра смѣшенія *в* съ *у*, нѣтъ *жч* вм. *жд*, — двухъ очень выдающихся чертъ «галицко-волынскаго» типа. Какъ это понимать? Можно конечно и здѣсь прибѣгнуть къ прежнему аргументу — случайности, но при такомъ «развязномъ» памятникѣ не совсѣмъ удобно ссылаться на случайность; лучше будетъ, я полагаю, выводить изъ него такое заключеніе, что отсутствіе въ немъ примѣровъ для замѣны *в* черезъ *у* и наоборотъ, или замѣны *жд* черезъ *жч*, свидѣтельствуетъ лишь о особенномъ характерѣ народнаго говора, вліявшаго на этотъ памятникъ; тотъ же не могъ отпечатлѣться на памятникѣ тѣмъ, чего въ немъ не было, т. е. повидимому не было перехода *в* въ *у*, и вѣроятно не было также *жч* вм. *жд*, хотя насчетъ этой послѣдней примѣты я еще нѣсколько колеблюсь, не допустить ли ее все-таки нѣсколько дальше на юговостокъ, т. е. въ область Кіевскую. Кажется, что такихъ памятниковъ въ древнерусской письменности существовало не малое число. Къ нимъ я причисляю Изборникъ Святослава 1073 г. — по крайней мѣрѣ ради перехода *тъ* въ *ти*; — сборникъ Успенскаго собора — тоже ради *ти* вм. *тъ*; — сборникъ Вяземскаго, въ которомъ житіе св. Савы, — ради *ѣ* вм. *е*, *ти* изъ *тъ*; — служебникъ Хутынскій, Типографское евангеліе № 7, Прологъ Погодинскій № 60, Ирмолой Погодинскій № 55, и т. д. Куда намъ помѣстить подобные памятники? Въ группу галицко-волынскую по видимому такъ же мало, какъ въ новгородскую. Такъ какъ эти памятники все-таки ближе примыкаютъ къ галицко-волынскимъ, чѣмъ къ новгородскимъ, обнаруживая то *и* вм. *ѣ*, то южнорусское употребленіе *ѣ* вм. *е*, то *ти* вм. *тъ*, изрѣдка даже *жч* вм. *жд*, то я не прочь видѣть въ нихъ типъ кіевскій, т. е. южнорусскій восточный говоръ, соприкасавшійся кое въ чемъ уже съ центральнымъ великорусскимъ, къ которому здѣсь находился естественный переходъ. Такимъ образомъ мы избѣгаемъ фальшивое положеніе, въ которомъ должны очутиться тѣ, кто толкуетъ о нарѣчіи Галиціи и Волыни и при этомъ молчаніемъ обходитъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ находящійся Кіевъ.

Профессоръ Соболевскій говоритъ о своихъ пятнадцати рукописяхъ: «ни одна изъ описанныхъ нами выше рукописей не имѣетъ никакого отношенія ни къ Кіеву, ни къ ближайшимъ къ Кіеву мѣстамъ». Едва ли это такъ. Нѣтъ, конечно, прямого указанія на Кіевъ, но не о всѣхъ можно утверждать также противоположное, т. е. что онѣ уже непремѣнно некіевскія. Выходитъ такъ, что приблизительно двѣ трети его матеріала или источниковъ несомнѣнно рукописи галицко-волынскія, послѣдняя же треть (Добрилово евангеліе, Типографское евангеліе № 7, Ирмолой В. И. Григоровича, Хутынскій служебникъ, Часословъ XIV вѣка), не раздѣляющая всѣхъ особенностей «галицко-волынскаго» типа, по моему представляетъ особенную южнорусскую отрасль, которую я такъ и назову восточной или кіевской, имѣя въ виду естественное отношеніе этихъ рукописей съ одной стороны къ древнѣйшимъ кіевскимъ памятникамъ (Изборнику Святослава 1073 г.), съ другой къ вышеупомянутымъ галицко-волынскимъ. Профессоръ Соболевскій отстаиваетъ свой взглядъ указаніемъ на то обстоятельство, что памятники XII — XV вѣковъ, которые съ большею или меньшею достовѣрностью могутъ быть признаваемы за писанные въ Кіевѣ, не имѣютъ въ своемъ правописаніи главной изъ особенностей, отмѣченныхъ въ Добриловомъ евангеліи и проч.— систематическаго употребленія *ѣ* вм. *е*. Противъ этого аргумента можно возразить вопервыхъ то, что памятниковъ навѣрно писанныхъ въ Кіевѣ мѣстными жителями мы почти не знаемъ. Этого мнѣнія и самъ авторъ, смягчившій въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи (на стр. 15) рѣзкость прежнихъ выраженій, относительно кіевскихъ старинъ, въ слѣдующее изреченіе: «достовѣрные памятники кіевскаго говора имѣются только за XI-й и отчасти за XII-й вѣкъ; далѣе мы почти теряемъ слѣды этого говора». Мнѣ же кажется, что мы снова откроемъ потерянный слѣдъ кіевской старины, какъ скоро повнимательнѣе всмотримся въ такъ названную «галицко-волынскую» группу и выдѣлимъ изъ нея то, что туда не идетъ. Вовторыхъ же спрашивается, вправѣ ли мы придавать такое исключительное значеніе особенному «системати-

ческому» употребленію *ѣ* вм. *е*, что «галицко-волынскій» типъ безъ него и немыслимъ? Если считать галицкое евангеліе 1144 г. памятникомъ «галицко-волынскимъ», въ чемъ трудно сомнѣваться (см. мои соображенія въ «Четырехъ статьяхъ» на стр. 85—98), то видно въ немъ постепенное развитіе типа, не обнаружившаго сразу всѣ признаки, между прочимъ и замѣна *е* черезъ *ѣ* тутъ еще не существуетъ. Точно такъ было бы, какъ мнѣ кажется, преждевременно теперь уже, пока еще исторія русскаго языка очень мало разработана, отрицать существованіе «систематическаго» употребленія *ѣ* вм. *е* въ памятникахъ кіевскихъ, по той только причинѣ, что этого нѣтъ въ изборникѣ 1073 года. Чего не было въ концѣ XI столѣтія, могло существовать въ концѣ XII-го. Съ этими знаменательными признаками вообще большая бѣда. Вопервыхъ ихъ пока отыскано очень немного, — не всѣми воспользовался даже профессоръ Соболевскій, напр. онъ не обратилъ вниманія на форму «скербь» — примѣту южнорусскаго памятника; — вовторыхъ же они не выступаютъ послѣдовательно, то нѣтъ одного, то нѣтъ другого, то преобладаетъ одинъ, то другой, однимъ словомъ — они сбиваютъ насъ съ толку. Смотря по тому, которому изъ нихъ дать предпочтеніе, воззрѣнія наши по неволѣ расходятся. У автора «Очерковъ» на первомъ планѣ конечно выдвинутое имъ особенное, скажемъ южнорусское, употребленіе буквы *ѣ*; поэтому онъ не много заботится о томъ, что памятники, подогнанные имъ подъ одну мѣрку, не совпадаютъ относительно нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ; въ угоду своему *ѣ* онъ предпочелъ лучше исключить изъ своего канона галицкое евангеліе 1144 года, чѣмъ нарушить стройность системы. Кто наоборотъ придаетъ значеніе такимъ признакамъ, какъ смѣшеніе начальнаго *в* съ *у*, какъ замѣна *жд* черезъ *жч*, и только рядомъ съ этимъ также употребленію *ѣ* — для того вопросъ становится иначе. Я напр., не отрицая важности примѣты, выдвинутой профессоромъ Соболевскимъ, нахожу все-таки очень знаменательнымъ также смѣшеніе *в* съ *у*. Мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы отсутствіе этой черты въ такихъ рукописяхъ, которыя знаютъ

«южнорусское» *ѣ*, которыя знаютъ *жч* и *ти* (вм. *ть*), обозначало что другое, какъ вѣрное отраженіе особенности говора, не знавшаго этой черты. Я согласенъ съ Соболевскимъ, когда онъ на стр. 88 своего новѣйшаго сочиненія говоритъ, что «въ древнихъ памятникахъ кіевскихъ *у* изъ *в* нѣтъ»; по крайней мѣрѣ и мнѣ кажется, что этотъ переходъ въ Кіевскихъ памятникахъ стараго типа не былъ распространенъ. Но какъ разъ это соображеніе заставляетъ меня думать, что памятники, располагающіе впрочемъ всѣми чертами «галицко-волынскаго» типа (употреблю терминъ «Очерковъ»), не смѣшивающіе же *в* съ *у* — должны быть вынуты изъ «галицко-волынской» среды, и перенесены на почву другую, сосѣдственную, ближе къ тому типу русскаго языка, который не зналъ и не знаетъ этой смѣны, стало быть дальше на востокъ — въ землю Кіевскую и Черниговскую древней Россіи. Чѣмъ дальше я изучаю памятники, тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, что это такъ. Вотъ напр. въ скоромъ времени предстоитъ изданіе замѣчательнаго памятника древнерусской письменности подъ редакціею профессора И. В. Помяловскаго. Благодаря его любезности, я могъ уже познакомиться съ большею частью текста этого памятника и засвидѣтельствовать фактъ, что «Житіе св. Савы», въ рукописи пергаменной, принадлежавшей прежде князьямъ Вяземскимъ и подаренной покойнымъ княземъ Павломъ Петровичемъ Императорскому Обществу Любителей Древней Письменности, заключаетъ въ себѣ текстъ южнорусскаго извода, со всѣми прочими особенностями «галицко-волынскаго типа», только безъ смѣшенія *у* съ *в*. Тутъ имѣется большое число примѣровъ «южнорусскаго *ѣ* (напр. камѣниѥ 125. 177. 501, корѣниѥ 37. 59. 87. 177, весѣлиѥ 231. 385, много другихъ существительныхъ на -ѣниѥ: гонѣниѥ, молѣниѥ, извѣщѣниѥ, смѧтѣниѥ, срѣтѣниѥ, хоулѣниѥ, послоужѣниѥ, осоужѣниꙗ, наслажѣниꙗ, исъшѣниѥ, знамѣниѥ, ꙗвлѣниѥ, поклонѣниѥ, погыбѣниѥ, оуклонѣниѥ, приложѣниѥ, падѣниѥ, оуспѣниѥ, и т. д.; потомъ: вѣльблоудъ 461—463, зѣмныхъ 73, зѣмноѥ 209, зѣлиѥ 237, сѣдьло 235, осѣдьлати 127, срѣбро

289. 387. 453, трѣтьюю 463, трѣтиємоу 419; словѣсную 3, камѣньноє 51, сєкѣрьнѣи 83, сєкѣрьскꙑи 75. 195, сѣлнаꙗ 345, насѣльникъ 183. 267. 289. 329. 333, защититѣль 511, слоужитѣль 425, свидѣтѣльствоують 491, матѣжь 327. 331, дъщѣрь 365; нѣмь 11. 47. 49 и т. д., нѣи 27. 67. 85. 119. 151. 229 и т. д, сѣмь 77. 99. 131. 135 и т. д., сѣи 325. 327. 333 и т. д., всѣи 485, чѣмь 89, нашѣмь 5. 101. 251. 277 и т. д., нашѣи 267; часто нѣ); имѣется также жч (изрѣдка): побѣжченоу 41, дъжча 345, одъжчивъ 409, бездожьчьємь 375. 378 (но также дождь 383, дъждю 465, бездождию 345), ижченахꙋ 499, ижченоуть 311, ражчегъсѧ 311; встрѣчается ти (вм. ть): дондеже ꙗвити и бъ 169, да поустити и 239, изѣсти и 259, молахоути и 391; а также ꙑ - и: да бꙑ пошлꙑ и съ собою 91; попадается характерная форма слова скербь: скербемъ 145. 507, скербѧщема 45, и несомнѣнно южное ꙗблыко 19. 25. Всѣ эти примѣты слишкомъ громко говорятъ, что текстъ писанъ на югѣ Россіи, но смѣшенія в съ у въ немъ мнѣ не встрѣтилось, за исключеніемъ примѣра оупрашаше єго 381 (и въ галицкомъ ев. 1444 года только этотъ примѣръ и есть, сл. Чет. стат. 88). Не указываетъ ли эта отрицательная черта памятника на другую среду его происхожденія, чѣмъ та, которая повліяла напр. на нынѣшній списокъ кіевской и волынской лѣтописи слѣдующими примѣрами: у сь лѣто (возлѣ: к се лѣто), у своꙗ си (возлѣ: въ своꙗ си), не въспѣша вм. не успѣша, владикъ, владившисѧ, возлѣ: уладити, и т. д.

Кромѣ «галицко-волынскаго» типа авторъ «Очерковъ» попытался еще уловить черты нарѣчія или говора Псковской области. Онъ подобралъ до десяти памятниковъ, принадлежащихъ этой области. Потомъ недавно сдѣлана имъ же попытка опредѣлить смоленско-полоцкій говоръ. Какъ бы ни неполными выходили первыя попытки подобнаго рода, мы принимаемъ ихъ съ радостью. Надо вѣдь наконецъ приступить къ дѣлу серьезно. Конечно и кой-кто другой занимался подобными вопросами уже раньше — укажу на свои лекціи, — но всѣ мы охотно уступаемъ автору

«Очерковъ» ту заслугу, что онъ смѣло рѣшился поставить эти вопросы въ филологической литературѣ на очередь, не испугавшись незаконченности своихъ наблюденій.

II.

Новѣйшій трудъ профессора А. И. Соболевскаго, представленный имъ на премію, касается тѣхъ же вопросовъ. Онъ озаглавленъ: «Лекціи по исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1888); его значеніе, въ сравненіи съ предыдущими, не столько чисто научное, сколько дидактическое. Это курсъ университетскаго преподаванія, въ который сообразно съ уровнемъ слушателей попало кое-что элементарное рядомъ съ подробностями очень спеціальными. Это еще не «исторія», и также не «историческая грамматика» русскаго языка, а нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ. Въ изложеніи предмета руководящею нитью послужилъ порядокъ, указанный грамматикою. Послѣ общаго введенія и перечня источниковъ излагаются то звуковыя, то формальныя особенности древнерусскаго языка. Обѣимъ частямъ (звукамъ и формамъ) предпослана общая характеристика языка русскаго въ средѣ славянскихъ нарѣчій, а также краткій очеркъ древнерусскихъ говоровъ. Съ этой очень незамысловатой системою изложенія я вполнѣ согласенъ, такъ какъ и самъ придерживался ея въ своихъ лекціяхъ въ послѣднее время, между тѣмъ какъ прежде, подражая Колосову, я излагалъ предметъ хронологически, но потомъ убѣдился, что удобнѣе такъ, оставаясь въ рамкѣ грамматики. Я долженъ только замѣтить, что у меня общая характеристика русскаго языка нарисована нѣсколько иначе. Мнѣ казалось, да и теперь еще кажется необходимымъ, приступая къ

исторіи русскаго языка, опредѣлить прежде всего, что́ такое русскій языкъ. А для этого хочется выставить на первый планъ все то, что этому языку даетъ отпечатокъ органическаго цѣлаго и что обособляетъ его по отношенію къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Поэтому тѣ черты русскаго языка, которыя онъ раздѣляетъ съ нѣкоторыми другими славянскими нарѣчіями, напр. потеря носовыхъ гласныхъ, отсутствіе *д* передъ *л*, *н*, мягкое *л* послѣ губныхъ вм. *j* — по моему не могутъ для него имѣть такое значеніе, какъ то, что ему исключительно свойственно, напр. русское полногласіе или замѣна сочетанія *dj* черезъ *ж*. И у профессора Соболевскаго выступали бы «главныя звуковыя особенности» русскаго языка гораздо рельефнѣе, если бы онъ началъ изложеніе именно съ тѣхъ исключительныхъ чертъ русскаго языка, значитъ съ полногласія, съ перехода ъ — ь въ *о* — *е*, ѫ — ѭ въ *я* — *у*, *dj* — *tj* въ *ж* — *ч*, и т. д. Напирать на совокупность отличительныхъ чертъ русскаго языка тѣмъ важнѣе, что дѣйствительно еще до сихъ поръ въ различныхъ сочиненіяхъ высказываются сбивчивыя воззрѣнія на взаимныя отношенія русскихъ нарѣчій между собою и къ остальнымъ славянскимъ нарѣчіямъ. Такими приговорами, какъ «эти лица дѣлаютъ крупную ошибку» (стр. 2), ошибочныя мнѣнія не исправляются, въ особенности когда они опираются на авторитетъ лицъ громкой извѣстности въ славянской наукѣ. Надо было показать, что даже наиболѣе удаленные другъ отъ друга говоры или нарѣчія русскія по научной классификаціи представляютъ цѣлый рядъ характерныхъ чертъ, общихъ всѣмъ нарѣчіямъ этого языка, въ различіе отъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій или языковъ. Авторъ замѣчаетъ справедливо, что «первое полногласіе въ главной части своихъ явленій свойственно исключительно русскому языку и составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ его особенностей» (стр. 26), но почему онъ самъ умаляетъ значеніе этой «самой важной» особенности, излагая ее только надъ пятымъ пунктомъ? Нужно ли нарочно прибавить, что при всѣхъ чертахъ единства русскаго языка, выводимыхъ научной классификаціею, все-же

остается большой просторъ и для различій, совокупность которыхъ можетъ тому или другому нарѣчію придать особое значеніе. Научное изложеніе такого нарѣчія рядомъ съ другимъ, выдвинутымъ исторической судьбою въ общій литературный языкъ, обусловлено потребностями практическаго свойства. Нѣтъ причины удивляться, еще же менѣе быть недовольнымъ тѣмъ, что въ сравнительной грамматикѣ Миклошича возлѣ русскаго языка рядомъ излагается также малорусское нарѣчіе. Его отношеніе къ русскому языку этимъ не измѣняется, въ сравнительную грамматику оно попало несомнѣнно потому, что на западной окраинѣ русскаго народа та часть малороссовъ, которая живетъ въ предѣлахъ Галиціи, пользуется своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, какъ органомъ мѣстной литературы.

Выразивъ желаніе, чтобы авторъ при новомъ изданіи передѣлалъ эту главу своихъ лекцій, соотвѣтственно выше упомянутымъ замѣчаніямъ, укажу еще на нѣкоторыя объясненія, съ которыми не могу согласиться. На стр. 21 приведены исключенія будто бы изъ правила, по которому церковнославянскому жд (вм. *dj*) соотвѣтствуетъ *ж*: «досаждать, обиждать, прохлаждаться, пригождаться, урождай». Согласенъ, что эти формы не церковнославянскія, а народныя русскія; но для объясненія слѣдовало прибавить, что тутъ видна комбинаторная аналогія: изъ существующихъ рядомъ словъ: «обида, обидный, обидѣть» съ одной и «обижать» съ другой стороны народъ образовалъ комбинаторную форму «обиждать», и т. д. Къ формамъ прилагательныхъ на -ущій, -ящій, *щ* которыхъ авторъ хотѣлъ бы выводить изъ *stj*, укажу на соотвѣтствующую параллель чешскаго языка, гдѣ имѣются многочисленныя прилагательныя на -*úcí* (ср. статью Гебауера въ Filol. listy 1887. XIV. 360—372). Чешское окончаніе -*úcí* конечно не допускаетъ словопроизводства, предлагаемаго въ «лекціяхъ»; относительно предпочтенія церковнославянскаго щ передъ русскимъ *ч* можно сослаться на сербскія аналогіи, какъ: «лѐтӯштӣ нѐмӯштӣ», но настоящей причинѣ этого предпочтенія я не умѣю догадаться. Не вѣрится мнѣ также,

чтобы существующія въ русскомъ языкѣ формы «младъ, сладокъ, мразъ» или «время, трѣзвъ» и т. д. происхожденіемъ своимъ обязаны были какимъ либо другимъ факторамъ, помимо вліянія церковнославянскаго языка. Отдѣльные случаи съ *ло*, *ро* вм. *оло* — *оро* принадлежатъ западнорусскимъ говорамъ и вѣроятно полонизмы въ родѣ слова «строгъ», но въ формѣ «время» не вижу надобности искать польскаго сочетанія, такъ какъ здѣсь несравненно ближе вліяніе церковной формы. Прилагательное «плохъ» не совпадаетъ этимологически съ «полохъ», «плахъ», а «трѣба», «потрѣба» должно быть церковныя формы. Если слово «упрекъ» не различнаго происхожденія отъ «поперекъ», такъ оно осталось въ церковнославянской формѣ вслѣдствіе ствоего отвлеченнаго значенія.

Къ случаямъ «перваго полногласія» отнесены также русскія формы съ *о*: «лодья, ровный, розъ» и т. д. Едва ли это такъ. Гдѣ нѣтъ формы «олодья», не можетъ быть рѣчи о полногласіи; слово же «ровьнъ» уже потому не принадлежитъ сюда, что въ зендскомъ языкѣ существуетъ съ краткимъ *а* слово «ravan»: долина, равнина; тамъ же есть и ravanh, объясняющее наше «ровесьникъ». Гласная *о* менѣе нуждается здѣсь въ объясненіи, чѣмъ *а* формы церковной и южнославянской «равьнъ». Спрашивается, не на сторонѣ ли послѣднихъ нарѣчій здѣсь отступленіе отъ правильной вокализаціи, происшедшее подъ вліяніемъ перехода or, ol со согласною въ ra, la со согласною? Въ послѣднее время Миклошичъ не производитъ уже частички «раз» отъ «рѣзати», а отъ коренного «орз-», стало быть и здѣсь «роз-» болѣе оправдано, чѣмъ южнославянское «раз-». Для «роз-» можно бы по аналогіи съ «без-», «из-» довольствоваться корнемъ *er*, существующимъ въ литовскомъ глаголѣ ìrti, дальше ardýti, слав. «орити». У Соболевскаго не указана форма «розвѣ», встрѣчающаяся въ древнерусскихъ памятникахъ, напр. въ словѣ Ипполита о антихр. 19. 37.

Относительно примѣровъ какъ «молоко», при общеславянскомъ *мелко, надо было сослаться на извѣстную наклонность русскаго языка къ сочетанію ол(ъл), гдѣ этимологія предполагаетъ

el (ьл): «молоко» образовалось изъ melko такимъ же движеніемъ вокализма, какимъ изъ vьlkъ вышло «вълкъ — волкъ». Напрасно Соболевскій говоритъ (на стр. 29), что здѣсь русскій языкъ «сохранилъ» ър, ъл; если бы о сохраненіи дѣло шло, то русскій языкъ долженъ бы произносить и писать «вьлкъ — велкъ». Такіе случаи, единичные, какъ «долото», не должны служить образцомъ для всѣхъ русскихъ словъ съ *оло*; здѣсь дѣйствительно и чешскій языкъ имѣетъ форму dláto и польскій dłóto, стало быть уже для общаго славянскаго надо предположить двойную форму dełto и dołto (при суффиксахъ -тъ, -то бываютъ такіе случаи, сл. «мостъ» при «метѫ», «тенето» и «тоното», «хоботъ» при «ошибь» и т. д.).

Не вижу надобности вносить въ «главныя звуковыя особенности» совокупнаго русскаго языка такъ называемое «второе полногласіе», значеніе котораго въ лекціяхъ сильно преувеличено. Не отрицая второго полногласія для нынѣшняго русскаго языка, какъ діалектической черты нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ говоровъ, я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что въ древнерусской письменности всякое удвоеніе слабой гласной при слоговомъ р или л выражало звуковые оттѣнки. Если бы въ написаніи Остромирова евангелія «скъръбь» или «мълъвѧще» дѣйствительно отражалось произношеніе двухъ слабыхъ гласныхъ одинакого достоинства, скажемъ двухъ очень краткихъ, нѣсколько закрытыхъ о, то мы ожидали бы по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ памятникахъ, положимъ въ тѣхъ, которые любятъ этотъ орѳографическій пріемъ, нѣкоторую послѣдовательность, чего уже никакъ нельзя сказать, такъ какъ одно и то же слово въ томъ же памятникѣ пишется и такъ и сякъ [1]). Потомъ же, съ конца XII сто-

---

[1]) Я указывалъ въ моихъ лекціяхъ на такіе факты, что въ одномъ и томъ же памятникѣ, при участіи различныхъ писцовъ, господствуютъ различные пріемы (для примѣра приведу изборникъ 1073 года, слова Григорія по списку Импер. публ. библіотеки XI в., Успенскій сборникъ XII в.). Кромѣ того я сравнивалъ памятники того же содержанія и той же мѣстности, гдѣ несмотря на все то видна въ пріемахъ разница сообразно съ личнымъ расположеніемъ писавшаго. Для примѣра я взялъ минею 1096 г. и минею праздничную Импер. публ. библ. XI—XII вѣка. Оба памятника — новгородской области, и все-таки

лѣтія, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ слабая гласная передъ плавною замѣнялась уже и въ письмѣ (въ устномъ произношеніи несомнѣнно гораздо раньше) гласною о или е, мы ожидали бы въ замѣнъ прежнихъ формъ «скърьбь», «мълъкѧще» переходъ обѣихъ слабыхъ гласныхъ въ полныя, т. е. такія формы, какъ «скоробь», «моловѧще». Такихъ формъ нѣтъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, обусловленныхъ по большей части накопленіемъ согласныхъ въ слѣдующемъ слогѣ, такъ напр. при «черный», «чернець» въ косвенныхъ падежахъ вм. «черньца» встрѣчается и «чернеца» и «черенца», при «торжокъ» въ косв. падежахъ возлѣ «торжка», «торжкꙋ» также «торожка», «торожкꙋ», при «волга» возлѣ «поволжие» также «поволожье». Это «второе» полногласіе въ сущности совпадаетъ съ общею наклонностью облегчить слишкомъ сложныя сочетанія согласныхъ внесеніемъ гласной, какъ напр. «огонь» при «огнь», «огнѧ», «дологъ» при «долга», «остеръ» вм. остръ и т. д. Старый языкъ былъ въ этомъ отношеніи подвижнѣе и гибче нынѣшняго: при именит. «розчетъ» въ старину говорилось «по розочтꙋ» (моск. грам. 1388. 1389).

Кто съ Соболевскимъ ищетъ слѣда второго полногласія въ мягкомъ произношеніи слова «верхъ» какъ «верьхъ», долженъ будетъ допустить, что и въ польскомъ языкѣ существовало когда-то полногласіе, потому что и тутъ до сихъ поръ произносится wierzch, такихъ же словъ прежде было еще больше.

Не могу похвалить автора «лекцій» за то упорство, съ какимъ онъ все-еще продолжаетъ отрицать знаменательность одной черты русскаго языка, допускаемую всѣми; я говорю о началь-

---

первый изъ нихъ пишетъ стълъпъ, кърьмило, кърьмьникоу, търъжство, немълъчьно, второй же: стълпъ, кърмило, кърмильникоу, тържьство, немълчьно; первый пишетъ: дьрьжитъ, ѡтвьрьгъша, мьрьтвьци, оумьрьщвеныѧ, отъвьрьзѣмъ, пьрьваго, второй же: дьржимъ, отъвьргъша, мьртвци, оумьрщвеныѧ, отъвьрзѣмъ, пьрваго и т. д. Наконецъ я обращалъ вниманіе на палеографическій пріемъ древнихъ памятниковъ, по которому прерывая слово и перенося часть его въ слѣдующую строку, любили въ концѣ предыдущей строки послѣ согласной ставить еще ъ или ь. Многіе примѣры такъ называемаго второго полногласія обязаны своимъ существованіемъ именно этой случайности.

номъ *о* въ иныхъ словахъ русскаго языка, взамѣнъ общеславянскаго ѥ. Не буду повторять того, что сказано мною уже давно въ «Архивѣ», гдѣ нарочно приведено нѣсколько примѣровъ съ начальнымъ *о* изъ другихъ славянскихъ нарѣчій: но что изъ этого слѣдуетъ? теряетъ ли отъ этого весь вопросъ значеніе для характеристики русскаго языка? Ни чуть не бывало. Если бы не было другихъ примѣровъ, а только слѣдующіе три: «одинъ», «озеро», «олень» при общеславянскихъ «єдинъ», «єзеро», «єлень» (є пусть обозначаетъ извѣстную долю мягкости, не доходившей еще до ѥ) — я думаю, и этого сопоставленія было бы достаточно для доказательства, что тутъ русскій языкъ расходится со всѣми остальными славянскими нарѣчіями, а больше намъ и не нужно. Параллели, приводимыя авторомъ теперь уже второй разъ изъ нѣкоторыхъ говоровъ греческаго языка, полезны, пожалуй, и могутъ пригодиться для освященія фактовъ русскаго языка, но ими нисколько не устраняется значеніе самого факта для русскаго языка. Не греческій же языкъ повліялъ на образованіе русскихъ формъ «одинъ», «озеро», «олень»! Что же касается личныхъ именъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, то не надо забывать, что въ южнославянскихъ памятникахъ только съ трудомъ можно подыскать тотъ или другой примѣръ съ начальнымъ о вм. є (есть же и наоборотъ съ ѥ вм. о), тогда какъ въ русскомъ языкѣ, въ особенности народномъ, такихъ словъ довольно много, причемъ замѣчательно вотъ что: судя по письменнымъ памятникамъ, «народныя» формы съ о попадаются не сразу, а мало по малу; потребовалось не мало времени, пока произошла передѣлка этихъ словъ на народный ладъ. Не отрицаю, что иныя формы греческихъ словъ у южныхъ славянъ сложились подъ вліяніемъ простонароднаго греческаго произношенія, но такихъ словъ вообще могло быть очень мало; для нашего же случая какъ разъ различіе между южнославянскимъ и русскимъ произношеніемъ тѣхъ же словъ доказываетъ, что русское начальное о вм. є (ѥ) обязано своимъ существованіемъ не грекамъ и не южнымъ славянамъ, а самому себѣ. Если

бы произношеніе подходящихъ сюда словъ съ начальнымъ **о** вм. **є**, заимствовано было отъ грековъ южными славянами, или хоть бы самими русскими, но сообразно съ произношеніемъ тѣхъ, оно непремѣнно должно бы развернуться съ полной силой уже на страницахъ древнѣйшихъ памятниковъ.

Ни малѣйшей убѣдительности не нахожу въ аргументаціи профессора Соболевскаго въ пользу существованія носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ, въ то время, когда были заимствованы слова «**варѧгъ**», «**кълбѧгъ**», «**соудъ**», «**оугринъ**» (на стр. 20). Въ формахъ съ **ѧ** и **оу** я вижу только доказательство, что русскій языкъ вслѣдствіе своей чуткости, свойственной каждому языку въ ранніи эпохи его, не могъ вынести сочетаній ing, ung, und, а замѣнилъ ихъ по своему — и больше ничего.

Очень коротенькою и мало содержательною вышла слѣдующая глава «о главныхъ звуковыхъ особенностяхъ древнерусскихъ говоровъ» (33 — 37). Читая эти нѣсколько страницъ, чувствуешь какъ все это еще шатко, неопредѣленно, какъ не далеко еще ушла наука въ этой области. Заботливость автора объ исторіи русскихъ нарѣчій заслуживаетъ полнаго признанія, только напрасно онъ ломаетъ себѣ голову даже о говорѣ «тмутороканской земли» (стр. 15)! Я не беру серьезно также попытку его упрочить слабые проблески прочихъ древнерусскихъ говоровъ за кой-какими племенами древней Руси, перечисляемыми въ первоначальной лѣтописи. Это сопоставленіе только своего рода игра въ Кривичи, Дреговичи, и т. д.

Примѣтъ діалектическаго значенія и безъ того очень мало, а указанія на попадающееся иногда смѣшеніе *в* съ *у* я все-таки не встрѣтилъ, какъ будто бы оно въ самомъ дѣлѣ ничего не доказывало! По отношенію къ говору «Полянъ» авторъ и здѣсь крайне молчаливъ, несговорчивъ. «Можно думать, говоритъ онъ, что этотъ говоръ имѣлъ изрѣдка замѣну **ѣ** черезъ **и**». Вотъ и все. Мнѣ же сдается, что какъ разъ замѣны **ѣ** черезъ **и** въ древнѣйшее время Кіевская земля еще не знала. Въ житіи св. Савы, о которомъ была рѣчь выше, гдѣ есть и «южно-

русское» ѣ и жч и ти (вм. ть), замѣны ѣ черезъ и еще нѣтъ, зато есть случаи, гдѣ ѣ передается черезъ ε. Не придаю большого значенія формамъ, какъ «делеса» 47. 169, «делесъ» 101, «делесы» 27. 79. 99. 183, или «телесныя» 133. 145. «телеснымь» 137 — это могли быть не народныя формы, а церковнославянскія—но тутъ же мы читаемъ «старешимь» 43, «севера» 119, 431, «наместѣхъ» 365, «изеденъ» (вм. изѣденъ) 169, «въскоре» 431, «кѣде» (οἶδα) 383, 439, «сповѣде» 469. Какъ хотите, примѣры эти не говорятъ въ пользу ѣ = и. Взамѣнъ этой черты, довольно сомнительной, лучше указать на переходъ «ть-и» въ «ти-и», о которомъ самъ авторъ теперь уже допускаетъ, что эта «ассимиляція» существовала «преимущественно въ кіевскомъ говорѣ».

Я сказалъ уже, что при опредѣленіи діалектическихъ различій иныя формы словъ выступаютъ какъ отличительныя черты. Въ начинающей только что развиваться исторической діалектологіи не слѣдуетъ пренебрегать и такими мелочами. Я постоянно указывалъ въ своихъ лекціяхъ на форму слова «скербь», она нашла широкое распространеніе, если не исключительно, такъ по крайней мѣрѣ преимущественно въ южнорусскихъ памятникахъ [1]). Я обращалъ вниманіе также на форму слова «сесьць», попадающуюся тоже преимущественно въ южнорусскихъ памятникахъ (сл. напр. въ погодинскомъ прологѣ № 60: сесцѣ имъ мечемь

[1]) Пока еще не выходило наружу ε, писалось ь въ этомъ словѣ: «скрьбьныихъ» 1073. 100 а. «сбьрбни», «скьрби» въ типогр. минеѣ № 195 (не новгородской, сл. въ моемъ изданіи 066. 080), «скрьби» въ типогр. минеѣ № 203 (не новгородской, сл. въ моемъ изданіи 358), «не скрьби», «о скьрьбѣхъ» усп. сб. XII в. (въ библ. листахъ А. Попова I. 16. 17); скьрбить, скьрби патер. син. XI—XII в. у Срезн. малоиз. пам. № 82. Сличи примѣры съ ер изъ Добрилова евангелія у Соболевскаго, Очерки 4, изъ типогр. ев. 7, тамъ же 9 (съ ьр), изъ типогр. ев. 6, тамъ же (съ ер), изъ вѣнскаго октоиха «скерби» 26 б. 83 б., «скербящихъ» 42; изъ гал. ев. 1266—1300 у Соболевскаго 23, Срезн. малоизв. пам. № 69; изъ Ефрема Сирина волынскаго у Соболевскаго 56, изъ Поликарп. ев. тамъ же 37; изъ пролога Погодинскаго № 60 (южнаго происхожденія) «скерби» 4 б; изъ Троицк. сборника XIV в. у Тихонравова пам. отреч. лит. I. 22. 23 «скербьно», «скюрбно».

оурѣзаша). Недавно я наткнулся на случай подобнаго рода въ житіи св. Савы: «никакоже врѣженъ бешью» (μηδὲν βλαβεὶς τὸ σύνολον), гдѣ «бешью» стоитъ вм. «бошью»; впрочемъ это слово пишется съ ь также въ новгородскомъ памятникѣ, сл. въ Р. достопам. II. 197: бьхъма. Давно уже указывается также на форму «свѣдительство», свойственную преимущественно южнорусскимъ памятникамъ. За этими и другими подобнаго рода формами (припомнимъ выше приведенное «ıаблъıко» и примѣры у Соболевскаго на страницѣ 52: «дрыва» и т. д.), знаменательными для происхожденія памятниковъ, надо зорко слѣдить; иныя изъ нихъ потомъ вышли изъ своихъ первоначальныхъ предѣловъ и съ того времени конечно перестали имѣть значеніе діалектическихъ примѣтъ. Такъ напр. свѣдительство сдѣлалось потомъ очень распространеннымъ словомъ; точно такъ «сесь» первоначально выступаетъ только въ южныхъ и югозападныхъ памятникахъ, но потомъ встрѣчается также въ московскихъ грамотахъ.

Перехожу къ главѣ пятой, тоже очень небольшой. Она толкуетъ о звукахъ древнерусскаго языка вообще, т. е. о физіологическихъ свойствахъ гласныхъ и согласныхъ. Если уже говорить объ этихъ свойствахъ отдѣльно, то было бы полезно разработать эту главу подробнѣе. Напр. для опредѣленія звукового значенія буквы ъ кстати было бы воспользоваться многочисленными описками въ древнерусскихъ текстахъ, смѣшивающими то о съ ъ, то ъ съ о. Очень часто выходитъ такъ, что писецъ написалъ было о, но спохватившись тотчасъ же передѣлалъ о въ ъ. Иногда же, наоборотъ, осталось ъ для этимологическаго о, сл. напр. «къньць» мин. 1096 г. 39 а., «ръгъ сп҃сениꙗ» пс. XI в. Срезн. № 42. Вполнѣ соглашаюсь, даже еще рѣшительнѣе, чѣмъ сказано на стр. 45, настаиваю и я на томъ, что ъ уже въ XI столѣтіи не было вездѣ выраженіемъ звука, а иногда только знакомъ; но если такъ, то желательно было бы поближе коснуться вопроса, гдѣ ъ-ь уже въ первое время исторической, намъ доступной, жизни русскаго языка представляли только знаки, твердый

и мягкій. Переносить пріемы новаго языка на языкъ XIII—XIV, или даже XI—XII вѣка, было бы нѣсколько поспѣшно. Примѣры, какъ въ изб. 1073 «золобоу», или въ жит. Ѳедосія «золодѣи», или въ грамотѣ Мстислава 1130 г. «изоостанеть», въ словахъ Григ. бог. «изо обоѭ» 154 β, или въ житіи св. Савы «безо оуспѣха» 507, или «отоимуть», «подоиметь» въ моск. грамотахъ 1327. 1362. 1388 годовъ и т. д., свидѣтельствуютъ о бывшей тогда еще бóльшей чуткости языка по отношенію къ слабымъ гласнымъ, чѣмъ нынѣ.

Я вполнѣ согласенъ и давно уже самъ излагалъ, что древнерусское є не было нынѣшнее малорусское или южнославянское твердое *е*, а скорѣе великорусское мягкое *е* (приблизительно); иныя слова, судя по древнѣйшимъ памятникамъ, встарину произносились еще съ чистымъ є, какъ «єда», «єдъва», «єзеро», «єи», «єтеръ», на это указалъ уже Козловскій въ Изслѣдованіяхъ о языкѣ Остр. евангелія 18; но тамъ же упомянуто, что въ Остр. евангеліи чаще пишется «ѥще» чѣмъ «єще», стало быть про это слово нельзя съ положительностью утверждать, что оно тогда произносилось «эще». Жаль, что Соболевскій не воспользовался замѣчаніемъ того же Козловскаго (тамъ же на стр. 29), по которому «во всемъ Остромировомъ евангеліи нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ бы было написано ѥ послѣ р». Это замѣчаніе имѣетъ силу и для разныхъ другихъ памятниковъ. Такъ въ Евгеніевской псалтыри пишутъ лѥ, нѥ, но только «море», «съмирен҄ыѩ», «съмѣренъыихъ»; въ Чудовской псалтыри употребляется знакъ смягченія для сочетанія л҄е, н҄е, но слогъ ре пишется безъ знака; въ Путятиной минеѣ при правильномъ лѥ, нѥ (напр. «банѥѭ» 14, «съгнѥтенъ» 12, «селѥнию» 15 и т. д.) пишется «море», «заре», «боуреѭ» и т. д. Я полагаю, что между «боурꙗ» и «боурею» или «озарꙗти» и «зарею» существовало приблизительно такое же отношеніе, какъ между «отьцю», «сьрдьцю» и «отьца», «сьрдьца», т. е. іотація или мягкость слышалась въ различныхъ сочетаніяхъ въ различной степени. Сличи нынѣшнее малорусское мо̄рэ — моря.

Гдѣ о ѣ рѣчь идетъ, я считалъ бы не лишнимъ напомнить, что эта буква подчасъ передавала по южнославянскому книжному преданію звукъ ꙗ. Въ Остромировомъ евангеліи читаемъ «славлѣаше», «срамлѣѭ сѧ» или «вышьнѣаго», «послѣдьнѣꙗ» и т. д., гдѣ лѣ, нѣ передаютъ сочетаніе *ля*, *ня*. Эту мелочь надо имѣть въ виду для вѣрной оцѣнки такихъ формъ, какъ въ Остром. евангеліи «покажѣте сѧ» (сличи тамъ же «съвѧжате»), или «ищѣте» рядомъ съ «ищате» (Козловскій, Изслѣд. 84).

Предполагая, что когда-то существовала разница между единственнымъ числомъ иже и множественнымъ числомъ иже, приблизительно такая же, какъ между и въ «имѫ» и «възимаѭ» — только первое и выходитъ въ извѣстныхъ случаяхъ наружу какъ ь: «въ-нь», «въз-ьмѫ» — я думаю, что «богатъи» (ὁ πλούσιος) никогда не произносилось «богатъјі», какъ это поясняетъ г. Соболевскій (на стр. 45); по моему только въ множ. числѣ «богатии» (οἱ πλούσιοι) можно бы пояснить черезъ «богатији», а въ «богатыи» конечное и уже издавна было ј, чѣмъ и объясняется окончаніе ъи или ои. Сочетаніе ъ + и переходило въ ъи (уі, не ујі), и внутри слова въ ы (ср. «въи истовъихъ» ἐν τοῖς καιρίοις Григ. богосл. 29 γ, «въі іконѣ» мин. 1096. 35б или «къзъіграимъ» мин. 1097. 79а); сочетаніе же ъ + й оставалось ъй или переходило въ ой. Я не вижу теперь больше достаточной причины считать окончаніе ой въ прилагательномъ именительнаго падежа заимствованіемъ изъ церковнославянскаго (стр. 159). Изрѣдка такія формы попадаются уже въ памятникахъ XI вѣка: «день соудьнои» Евг. псалт. $160_в$, «да не хвалить сѧ сильнои» ib $164_в$, «възьметь сѧ нечьстивои» $164_б$; «тѣлообразнои видъ» мин. 1096. $36_а$ и т. д.

III.

Въ двухъ слѣдующихъ главахъ излагается «исторія» звуковъ: гласныхъ на стр. 45—80, согласныхъ на стр. 81—104. Эта часть лекцій должна бы объемомъ и содержательностью превышать всѣ остальныя, въ ней мы желали бы видѣть центръ тяжести всего изслѣдованія. Признаюсь откровенно, обѣ главы не произвели на меня такого впечатлѣнія. Это скорѣе сухое извлеченіе, безъ системы, изъ несуществующаго пока еще цѣлаго, чѣмъ плавное изложеніе. Здѣсь какъ-то особенно замѣтна спѣшность труда. Прочтя эти двѣ главы, въ которыхъ должна быть изложена многовѣковая судьба русскихъ звуковъ, то продолжающихъ свое существованіе до сихъ поръ, то смѣнявшихся въ теченіе столѣтій, по неволѣ спрашиваешь, дѣйствительно ли здѣсь изложена «исторія звуковъ русскаго языка»? не заключается ли въ ней ничего болѣе важнаго, чѣмъ то, что содержатъ эти двѣ главы? Или же все это можетъ быть и важно, но разсказано какъ-то не важно, не увлекательно!

Авторъ отчасти самъ ослабилъ эфектъ своего изложенія не совсѣмъ удачнымъ распредѣленіемъ матеріала и вопросовъ, подвергнутыхъ изслѣдованію. Такъ онъ началъ (на стр. 45) исторію гласныхъ съ «исчезновенія глухихъ», а черезъ нѣсколько страницъ (на стр. 51) рѣчь идетъ о «переходѣ глухихъ въ чистыя». Но не идутъ ли «исчезновеніе» и возобновленіе глухихъ, или лучше, слабыхъ гласныхъ по большей части рука объ руку, такъ что между обоими явленіями существуетъ взаимодѣйствіе? Нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что разница между ъ въ «сънъ» и между ъ въ «съна» становилась тѣмъ болѣе замѣтною, чѣмъ болѣе улетучивалась слоговая дѣятельность второго ъ въ «сънъ». Итакъ — исчезновеніе и возобновленіе слабыхъ гласныхъ, это только различные фазисы одного и того же событія, важнаго въ исторіи славян-

скихъ нарѣчій настолько, что стоитъ остановиться на подробномъ разборѣ причинъ его. У профессора Соболевскаго говорится только, «что во второй половинѣ XI вѣка какъ въ многихъ случаяхъ глухіе, такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и конечное и исчезли изъ произношенія и перестали слышаться въ живомъ говорѣ». Но почему перестали слышаться, что могло вызвать это прекращеніе жизни одного звука въ словѣ, объ этомъ не говорится прямо, только косвеннымъ образомъ мы узнаемъ, что тутъ причастно было — удареніе. Но играло ли оно главную роль или только мимоходомъ вліяло — этотъ вопросъ такъ и остался невыясненнымъ. Не сказано также ничего о томъ, на сколько былъ уже самими «глухими» подготовляемъ этотъ послѣдній шагъ языка — исчезновеніе ихъ? не затронутъ вопросъ о томъ, было ли звуковое и слоговое значеніе «глухихъ» во всѣхъ положеніяхъ слова одинаково? Повидимому нѣтъ, въ этомъ я вполнѣ убѣжденъ. Я уже намекнулъ, что полное равенство обѣихъ гласныхъ въ словѣ «сънъ» заходитъ далеко за предѣлы историческаго существованія отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій. Не для всѣхъ былъ ъ или ь одинъ и тотъ же звукъ уже тогда, когда создавалась церковно-славянская письменность. Если бы основателямъ древнеславянской письменности пришлось прислушиваться къ древнѣйшему произношенію слова «сънъ» у предковъ нынѣшнихъ русскихъ славянъ, въ теченіе IX — X вѣка, я убѣжденъ, они не остановились бы на правописаніи «сънъ», а придумали бы разницу между первымъ и вторымъ ъ. Авторъ полагаетъ (стр. 51), «что переходъ ъ и ь въ о, е произошелъ не одновременно съ исчезновеніемъ ъ и ь»; я согласенъ съ этимъ относительно стоявшихъ въ концѣ словъ неслоговыхъ ъ, ь, исчезнувшихъ въ смыслѣ слоговой службы дѣйствительно уже издавна; но несомнѣнно также то, что слоговое ъ уже въ XI столѣтіи очень незначительно различалось отъ обыкновеннаго о, какъ свидѣтельствуютъ многочисленныя описки древнихъ рукописей, гдѣ писцамъ постоянно приходилось передѣлывать о въ ъ, чтобы попасть въ тонъ и въ правописаніе церковнославянскаго, литературнаго

языка. Внятнѣе произносилась, должно быть, звуковая окраска гласной ь, ее легче было различать отъ чистаго е и отъ чистаго и. Это былъ звукъ среднiй между *е* и *и*. Поэтому попадаются сплошь да рядомъ замѣны ь то черезъ е, то черезъ и. Напр. «въ дене» Евг. псалт., «алефесова», «келесиа», «несоуменьнъимь разоумъмь» 1096, «срдценѣи очи», «питателеницю», «къ съпасенѣи стьзи» мин. праздн. XII в. 30. 45, «кесемоу» жит. Бор. Гл. XII в., «кожедо» жит. св. Савы 375, «побѣдоносеци» ib. 521, «виси» Остр. ев., «питицами», «различинъ» изб. 1073. 20—21, 94 d, «ноцинжѭ» Григ. бог. 3a, «нечистикмь» ж. Б. и Гл., «обицiимь» жит. св. Савы 479. Близость гласныхъ ь и е засвидѣтельствована также противоположною замѣною: зват. пад. «родительниць» (вм. — це), «кольсница» мин. 1096. 4 б. 25 б, «проповѣдатьль», «родитьль» мин. праздн. 11 а. 18 а и т. д.

Множествомъ примѣровъ легко доказать, что въ древнерусскомъ языкѣ слабая гласная ь не всегда тамъ исчезала и тамъ переходила въ е, гдѣ въ нынѣшнемъ языкѣ, въ особенности литературномъ. Гибкость языка распространилась встарину дальше чѣмъ нынѣ. Авторъ коснулся этого вопроса лишь слегка (на стр. 47), и не совсѣмъ точно. Нельзя, я думаю, утверждать, что формы «жерца» и «жреца» шли рядомъ; рядомъ шли долгое время чуть ли не исключительно «жрець» и «жерца» и т. д., форма же «жреца» — явленiе позднѣйшее, вызванное влiянiемъ установившагося уже прочно именительнаго падежа «жрець». Слово напр. «чтець» въ старину (скажемъ въ XIII столѣтiи) въ косвенныхъ падежахъ переходило въ «четца» (Истор. библ. VI. 105); слово «игрець» въ косвенныхъ падежахъ склонялось «игрьца», еще не полное «игреца» (ibid. 104. 107). Нынѣшнiя формы названiй городовъ «Смоленскъ», «Полоцкъ» — это послѣднiе выводы изъ косвенныхъ падежей «Смоленска», «Полотьска» вм. болѣе древнихъ именительныхъ «Смолнескъ» пск. лѣт. II. 17, «Полтескъ» ипат. лѣт. 412, пск. лѣт. II. 2. 8 (сл. ипат. 412 «Полотьска» и т. д.). Разница между стариннымъ и модернымъ языкомъ видна иногда и внутри слова, такъ вм. нынѣшняго

«менѣе» въ старину писалось также «мне»: «не мне» Ист. библ. VI. 92; возлѣ «день», косв. пад. «дни» и т. д. существовала также форма «денью»: «тою денью» Истор. библ. 17. 44. Тогда еще писалось и говорилось «льжаю» рядомъ съ «легчаю» ib. 58. 62, говорилось «конь не потокнеться» Паис. сб. Срезн. 274, говорилось «тъкомо» (возлѣ «токмо») златостр. 150 а, и т. д.

Рядомъ съ исчезновеніемъ глухихъ авторъ вычисляетъ «слѣдствія» этого факта. Первымъ «слѣдствіемъ» онъ считаетъ «возникновеніе новыхъ глухихъ» (стр. 48). Такъ, безъ оговорки, это изреченіе поражаетъ. Для того ли глухія исчезли, чтобы взамѣнъ ихъ появились опять новыя глухія?! У первоначальныхъ глухихъ было этимологическое значеніе, это были когда-то полныя гласныя, сдѣлавшіяся «глухими» только послѣ продолжительнаго постепеннаго ослабѣванія, обусловленнаго положеніемъ этихъ гласныхъ, чаще всего въ концѣ слова, но иногда и внутри, въ неударяемыхъ, безъ полной гласной легко произносимыхъ звуковыхъ сочетаніяхъ. Новыя глухія, какъ разъ наоборотъ, понадобились именно тамъ, гдѣ вслѣдствіе исчезнувшей этимологической гласной, принявшей наконецъ видъ очень незначительной глухой, образовалось накопленіе согласныхъ, неудобно произносимое. Чтобы извести эти накопленія, явились новыя, вспомогательныя гласныя, не имѣющія уже никакого отношенія къ первоначальнымъ глухимъ. О нихъ было бы лучше говорить отдѣльно, это такъ называемыя «сварабактическія» гласныя, въ родѣ «манотьы» новгор. требн. XIV в. 54 (изд. Общ. Л. Д. П.) или «харотью», »харотьыхъ» панд. ник. черног. XIII в. Понятіе удобопроизносимости — конечно очень перемѣнчиво, смотря по мѣсту и времени; поэтому существовали также двойныя формы. При обыкновенномъ «семь» (septem), существовавшемъ уже въ XI вѣкѣ, имѣется также «седьмь» слова Ипполита 52. 53. 54.

Вторымъ «слѣдствіемъ» исчезновенія глухихъ приводится «удлиненіе *о* и *е*» (стр. 48—9). И противъ этого положенія можно бы очень много возражать, напр. спросить бы, почему это дѣйствіе не распространяется на остальныя гласныя, а только на

о и *е*? почему даже на *о* и *е* не всегда, а только въ извѣстныхъ случаяхъ? Какъ бы то ни было, исчезновеніе глухихъ находится съ удлиненіемъ *о* и *е* только въ очень отдаленномъ сношеніи.

Менѣе всего понятнымъ для меня становится третье слѣдствіе исчезновенія глухихъ въ томъ видѣ, какъ оно представлено въ лекціяхъ профессора Соболевскаго (стр. 50): образовались-де «плавныя гласныя»! Это для меня, а вѣроятно и для многихъ другихъ, нѣчто совсѣмъ новое и неслыханное. Къ счастію или къ сожалѣнію, какъ хотите, изумленіе прекращается, какъ скоро, читая дальше, наталкиваемся на слѣдующее изреченіе: «во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ плавный гласный, по всей вѣроятности, не составлялъ слога и произносился какъ польскій r въ krwi». Ну такъ и есть, авторъ, значитъ, только подшутилъ надъ нашею любознательностью, слогового *р* въ древнерусскомъ языкѣ не было.

Съ исчезновеніемъ глухихъ на ряду ставится еще исчезновеніе «чистаго и въ концѣ и иногда въ срединѣ словъ» (стр. 45). Едва ли это сопоставленіе справедливо, меня оно нисколько не удовлетворяетъ. Прежде всего нѣтъ основанія говорить, что въ произношеніи напр. дательнаго падежа «моей» (два слога) вм. бывшаго когда-то «моеи» (три слога) исчезло и. Тутъ нѣтъ исчезновенія, и только сгустилось или осѣло въ *й* (і въ ị, j) — явленіе напоминающее не исчезновеніе, а только сокращеніе неударяемаго и въ концѣ слова послѣ согласныхъ въ ь («дати: дать», «буди — будь»). Трудно сказать, съ какого времени произошло это сокращеніе, потому что въ письмѣ оно не отразилось. Ссылка на примѣры, какъ «мо» вм. «мой», «свои» вм. «своий» неубѣдительна, это безъ сомнѣнія простыя описки [1]). Скорѣе можно указать на

[1]) Авторъ вообще не рѣдко прибѣгаетъ къ несомнѣннымъ опискамъ, придавая имъ не случайное значеніе. Какъ можно напр. единственному примѣру «гратань» (вм. гртань, стр. 32) придать значеніе чего-то загадочнаго, трудно объяснимаго, гдѣ описка очевидна? На вышеприведенный примѣръ похожа въ житіи св. Савы слѣдующая описка: «ваше державѣ» 333, или въ актахъ юрид. стр. 110: въ нижно (вм. нижной) Кехтѣ.

случаи смѣшенія и съ є въ концѣ слова, какъ на доказательство, что произношеніе гласной колебалось между краткимъ и и є, слышалось не то и, не то є, т. е. именно й: «трєє дворць» вм. «трєй дворьць», дательный падежъ «моужьскоє дчери», «чюжєє женѣ», мѣстный падежъ «к ъиноє земли», именительный падежъ «попъ новгороцкоє» — примѣры изъ грамоты 1263 года, изданной Куникомъ-Напіерскимъ, № 5.

Переходу *е* въ *о* (такъ ли, не лучше ли *е* въ *ё*?) посвящено нѣсколько страницъ, но изложеніе страдаетъ на мой взглядъ сбивчивостью. Оно начинается съ перечня, конечно не полнаго, но все-таки значительнаго числа случаевъ этого перехода, почерпнутыхъ изъ древнерусскихъ памятниковъ, причемъ не различаются явленія, общія всей старинѣ, съ извѣстнаго времени, отъ чертъ діалектическихъ; потомъ оно переходитъ къ современному языку, гдѣ опять нѣтъ строгаго различія между общимъ и діалектическимъ; наконецъ оно снова поворачиваетъ въ старину, къ исторіи языка. Не лучше было бы начать съ не подлежащихъ сомнѣнію фактовъ нынѣшняго языка, по всѣмъ нарѣчіямъ и говорамъ его; потомъ же, перейдя съ общеизвѣстнаго современнаго къ мало извѣстному прошлому, поставить такіе вопросы: 1° какіе факты нынѣшняго языка находятъ себѣ подтвержденія въ старомъ языкѣ и съ какого времени? 2° не попадаются ли въ памятникахъ древней письменности и такіе случаи перехода *е* въ *о* (*е* въ *ё*), которымъ въ современномъ языкѣ нѣтъ подтвержденія, по крайней мѣрѣ нѣтъ ихъ въ той же области? какіе это случаи и какъ объяснить ихъ?

Отправляясь такимъ путемъ къ наблюденію, мы замѣчаемъ, что извѣстная черта нынѣшняго южнорусскаго нарѣчія, наклонность его къ слогамъ *чо*, *жо*, *шо* внутри словъ, при общерусскомъ *че*, *же*, *ше* (напр. «*чоло*, *жона*, *пшоно*»), черта которую съ нимъ раздѣляютъ также бѣлорусское и южновеликорусское нарѣчія (только что въ послѣднихъ неударяемое *о* слышится какъ *а*, и переходъ не ограничивается сочетаніями *ча*, *жа*, *ша*), въ древнерусскихъ памятникахъ раньше четырнадцатаго столѣтія

не появляется въ коренныхъ слогахъ, — примѣръ изъ изборника 1073 года, 179 d «чоловѣка» безспорно описка — но зато въ окончаніяхъ падежей, иногда даже лицъ, примѣры сочетаній жо, що, цо, уже съ конца XII столѣтія не рѣдкость, и они не ограничиваются какою либо одною мѣстностью или областью языка, а встрѣчаются повсюду, какъ въ памятникахъ южно- и западно-русскихъ, такъ и сѣверныхъ (хотя въ послѣднихъ примѣровъ все-таки, кажется, меньше). Самые ранніе примѣры у Соболевскаго отмѣчены изъ слова Ипполита объ антихристѣ, памятника несомнѣнно не новгородскаго (выразительныхъ признаковъ южнорусскаго происхожденія въ немъ тоже нѣтъ); я нашелъ тамъ же только слѣдующіе: «блажонъ 99, раздѣлившомъ 40, държащомъ 104 и кънязомъ 24». Въ тѣхъ же размѣрахъ существуетъ этотъ переходъ въ замѣчательномъ житіи св. Савы: дат. мн. ч. «вълѣзоущомъ» 275, «смоущающомъ» 327 и «оуражонъ» 501. Ни одного примѣра въ родѣ «чоло», «жона» здѣсь еще нѣтъ. По памятникамъ они впервые являются въ той области, которую заселяетъ бѣлорусское племя, въ грамотахъ Смоленска. Такъ называемая «Смоленская правда» — договоръ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ — сохранилась въ многихъ одновременныхъ спискахъ, которые сводятся къ двумъ редакціямъ: къ первой редакціи принадлежатъ списки *A*, *B*, *C* (по означенію Куника), ко второй *D*, *E*, *F*; — во главѣ первой кладутъ обыкновенно списокъ *A*, во главѣ же второй списокъ *D*. Оба они пергаменные, приблизительно около 1229 — 1230 года написанные. Замѣчательно, что въ спискахъ первой редакціи нѣтъ примѣровъ для интересующаго насъ перехода, но зато въ спискѣ *D* мы встрѣчаемъ не только такіе случаи: «оутвьржонъ, должонъ, неразроушонъ, соужона, старейшомоу, коупцомъ, немцомъ» (5 разъ), не только въ концѣ слова въ открытомъ слогѣ: «тажо, ожо, ужо», но также въ коренномъ слогѣ внутри слова: «съ жоною, оу своей жоны». Кто не видитъ въ этихъ примѣрахъ первообразъ нынѣшняго бѣлорусскаго произношенія: жана́, жано́ю, жаны́, и параллели къ

нынѣшнему «выша-нижа» (вм. выше-ниже)?—Въ спискахъ E, F той же редакціи примѣровъ съ о опять нѣтъ. Это свидѣтельствуетъ только о хрупкости источниковъ для исторіи русскаго языка. Прочія грамоты той же области (Смоленскъ—Витебскъ—Полоцкъ) изъ болѣе поздняго времени (конца XIII, первой половины XIV столѣтія) подтверждаютъ эти данныя множествомъ дальнѣйшихъ примѣровъ: Смоленскъ-Рига 1287—1297 (Русск. лив. акты № 35) «чоловѣка». См. Р. 1284 (ib. № 37) «немьцомъ», Витебскъ-Рига ок. 1300 (ib. № 49): кнажо (28 разъ!), жо (4 раза), ажо (3 раза), шолъ, пошолъ, пришолъ, пришодъ, емшо, хочомь, отъ отчовъ (вм. «оу чомь» у Куника напечатано «оу томь»); Полоцкъ-Рига 1396 (у Смирнова № 73): чоловитье, нашого, нашом.

Всѣ эти примѣры, вмѣстѣ съ указанными у Соболевскаго (на стр. 52—52), свидѣтельствуютъ о томъ, что такіе переходы допускались только послѣ небныхъ (шипящихъ и свистящихъ) согласныхъ. Какъ же понимать то обстоятельство, что нѣтъ о при другихъ согласныхъ? Можно бы, пожалуй, думать, что подобные переходы послѣ другихъ согласныхъ слишкомъ далеко отступали бы отъ преданія церковнославянскаго языка и что уже произносили «пёро», но еще писали «перо». Мнѣ кажется однакожъ, что аргументація подобнаго рода не внушала бы довѣрія. Правдоподобнѣе во всякомъ случаѣ допустить, что въ то время народное произношеніе любило переходъ въ о пока еще только при небныхъ согласныхъ. Это тѣмъ менѣе удивительно, когда знаемъ, что малорусское нарѣчіе въ сущности и до сихъ поръ ограничивается этимъ случаемъ перехода *е* въ *о*. Въ немъ произносится съ удареніемъ и безъ ударенія: чоло́, чоловíкъ, чоти́рі, вчора́-учора́, бичова́, ма́чоха, жона́, жолу́докъ, бджола́-бчола́, пшоно́, шолуди́вий, щока́ и т. д., но въ то же время съ чистымъ *е*: ледъ, ре́бра, де́шево, те́плий, те́санний, оде́жа, зеле́ний, дале́ко, несе́, веде́шь, пече́нний; ове́съ, козе́лъ, песъ, вере́вка, легкій, сте́жка, те́ща и т. д.

Нельзя съ положительностью отвѣчать, были ли сочетанія

выше приведенныхъ примѣровъ XIII вѣка чо, жо, шо, що еще мягкими или уже твердыми по нынѣшнему произношенію. Соболевскій приводитъ изъ Галицкаго евангелія 1266 года примѣръ очень сомнительнаго свойства «морю жю» (стр. 53) — если тамъ нѣтъ ни одного примѣра для жо, такъ и этотъ единственный жю, въ особенности послѣ слова «морю», не что другое, какъ описка; — потомъ изъ Луцкаго евангелія два примѣра: «ѧдущю, пиющю» — но ничего не говоритъ, какъ онъ понимаетъ это ю. Мнѣ кажется возможнымъ допустить, что сочетанія чо, жо, що нѣкоторое время могли еще быть мягкими и что формы «ѧдущю, пиющю», за неимѣніемъ другого графическаго средства, выражали произношеніе «ѧдущё, пиющё». Впрочемъ примѣровъ у меня для этого факта слишкомъ мало, чтобы можно было дѣлать прочные выводы. Въ галицкихъ грамотахъ конца XIV и первой половины XV столѣтія я отмѣтилъ себѣ по изданію Я. Головацкаго слѣдующіе: по нюи 1359, на своюи котнинѣ 1398, на своюмъ селѣ 1398, своюи женѣ 1393, у нашюмъ дворѣ 1407, по божьюмъ порожѣнъѣ 1393, Василюкъ с҃инъ 1366, грошюкъ 1378, оу Шюльжичюкъ 1366 (род. мн. ч.), чтюнъ 1398, 1440, по нюмъ 1422, — не берусь рѣшить, произносилось ли въ этихъ случаяхъ еще *ё* или уже *ю*. Примѣръ «дали юсмы» (въ грамотѣ 1398 г. Наук. сборн. I, 195) могъ бы говорить въ пользу *ё*. Замѣчательно, во всякомъ случаѣ, что въ древнѣйшихъ памятникахъ (включительно до конца XIV в.) нѣтъ ни одного не подлежащаго сомнѣнію примѣра съ у, а есть только указанные съ ю, или же съ о, такіе: чотири 1388, чоръторышскыи 1403, чортковичь 1404, ничого 1421, 1428, 1442, корчокьемъ 1424, чоботомъ 1445, почоншы 1458—9, нашого 1403, нашомоу 1438, въ нашомъ дворѣ 1430, и т. д.

Насъ не поражаютъ эти формы ни въ смоленско-витебско-полоцкихъ (бѣлорусскихъ), ни въ галицкихъ (южнорусскихъ) грамотахъ, но мы не ожидали бы ихъ въ грамотахъ московскихъ XIV—XV вѣка, гдѣ кромѣ двухъ примѣровъ изъ духовной Ивана

Калиты, приведенныхъ у Соболевскаго (на стр. 53), еще такіе попадаются: «старѣишому», «молодшому», «по душовнои грамотѣ» (1428), «меншому», «нятцовъ твоихъ», «молодшого» (1433), «старешому», «молоцшого», «молоцшою», «кашого», «о кашомъ добрѣ», «пригожо», «Ржову», «грамотѣ по душовнои», «въ нашо нелюбье» (1440), «старожилцовъ», «инокняжцомъ» (тамъ же и «старожилцамъ») 1449 у Иванова. Примѣровъ этихъ впрочемъ очень не много въ сравненіи съ множествомъ другихъ, обнаруживающихъ правильное е; поэтому нужно считать ихъ или случайно занесенною стихіею, должно быть подъ вліяніемъ кіевской письменности, или же временнымъ вторженіемъ одной новой черты языка въ область, въ которой она не могла удержаться.

Въ современномъ языкѣ говорится не только «поня́ва», а также «понёва»; если у Срезневскаго, Пам. русск. языка 151, вѣрно напечатано «поновою прѣпоысаса» (изъ Постной Тріоди XI вѣка), это былъ бы одинъ изъ очень раннихъ примѣровъ передачи произношенія *ё* черезъ о, но какъ-то не вѣрится, что это такъ, сл. у Срезн. тамъ же 185 обыкновенное: «понявоу». Примѣры, приводимые у Соболевскаго на стр. 54, нуждаются въ болѣе подробномъ изслѣдованіи. Не убѣдилъ меня авторъ въ правдоподобности объясненія «журавль», «муравей» посредствомъ аналогіи съ «журить» и «мурава» (стр. 59).

IV.

Какъ произносилось ѣ въ древнерусскомъ языкѣ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ проф. Соболевскій двумя главами своихъ лекцій: «Отожествленіе *ѣ* съ *е*» (стр. 59—62), и «переходъ *ѣ*

въ *і*» (стр. 62—63). Суть ихъ заключается въ слѣдующемъ. Первый пунктъ гласитъ, что на сѣверѣ Руси, въ частности въ Новгородѣ, во второй половинѣ XII в. «различіе между є и ѣ было очень слабо, гораздо слабѣе чѣмъ на югѣ Руси», и что «въ говорахъ сѣвернорусскихъ (сѣверно—и южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ), приблизительно въ концѣ XII вѣка, произошло болѣе или менѣе полное отожествленіе этихъ двухъ звуковъ, т. е. ѣ стало звучать какъ є». Второй пунктъ говоритъ, что «древній ѣ, сохранившись въ галицко-волынскомъ говорѣ XII в. какъ отдѣльный звукъ и не отожествившись съ є, сталъ мало по малу суживаться и приближаться къ древнему и». Въ этихъ отзывахъ автора о ѣ видно стремленіе выдѣлить «галицко-волынское» нарѣчіе изъ общей среды и для современнаго «икающаго» характера его найти историческую подкладку въ XII—XIII вѣкѣ. По моему это стремленіе, какъ бы оно ни было оправдано, рушится на данныхъ древнерусской письменности. Какими средствами доказать, что въ галицко-волынскомъ говорѣ ѣ сохранилось еще въ XII вѣкѣ какъ отдѣльный звукъ, въ противоположность сѣверному ѣ? Въ южнорусскихъ памятникахъ, какъ разъ тѣхъ, на основаніи которыхъ созданъ авторомъ «галицко-волынскій типъ» — примѣровъ смѣшенія є съ ѣ довольно много, кажется не многимъ менѣе, чѣмъ въ памятникахъ сѣверныхъ, новгородскихъ и неновгородскихъ. Сошлюсь на матеріалъ, собранный въ «Очеркахъ» проф. Соболевскаго на стр. 6—7, 10, 15, 18, 24 и т. д. Съ другой стороны не приняты въ разсчетъ сѣвернорусскіе, въ частности новгородскіе, примѣры съ и вм. ѣ, послѣ конца XII-го вѣка, когда уже по словамъ Соболевскаго должно было произойти «полное отожествленіе» обоихъ звуковъ ѣ и є! Въ доказательство приведу изъ требника Новгородскаго XIV вѣка (смѣшивающаго ч съ ц), изданнаго Имп. Обществомъ Л. Д. П., такіе примѣры: «свѣдиніи твоихъ» 83 рядомъ съ «прилипихсѧ свидении твоихъ» 83, «на листи свѣтлѣ» 108, «в ризу нетлиникы» 54, «наслидникомъ быти» 59, «руци твои» 89, «пьркию» ib., «оустни мои» 61 и т. д. Или изъ

Новгородской палеи XIV в. (у Тихонравова I): «всихъ» 104, «видихъ» 103, «оувидити» 106, «видикше» 108 (новгородская: «сконцания» 98, «концанию» 99, «цетвертомъ» 104). Изъ Сильвестровскаго сборника (у Тихонравова II): видилъ 78, видивъ ib., (у Срезневскаго): видити XIV, всимъ 3. Срезневскій характеризуетъ этотъ сборникъ такъ: «довольно часто смѣшаны ч и ц, довольно часто смѣшаны ѣ и и» (VIII).

Примѣры подобнаго рода показываютъ, что и на сѣверѣ по крайней мѣрѣ не вездѣ такъ скоро ѣ стало звучать какъ е, какъ могло бы казаться по словамъ проф. Соболевскаго. По рукописямъ, конечно, не мудрено доказать полное совпаденіе е съ ѣ; рукописи, смѣшивающія безжалостно е съ ѣ, существуютъ не только между новгородскими, но также между неновгородскими. Одной замѣчательной рукописью подобнаго рода восполнены мною пробѣлы текста минейскаго 1096—1097 года. Рукопись перешла изъ Софійскаго собора въ Новгородѣ въ библіотеку духовной академіи въ С.-Петербургѣ. Несмотря на значительный объемъ ея, нѣтъ ни одного примѣра новгородскаго смѣшенія ц съ ч, напротивъ, въ ней замѣтны кой-какія черты, напоминающія памятники южнорусскіе стараго типа (XI—XII в.). По примѣрамъ, какъ «пѣщь» 5, 11, «чюдѣсъ» 17, 20, «словѣсьна» 24, «словѣсьнааго» 23, легко бы предаться обману, что въ ней ѣ значенія «южнорусскаго»; но вчитавшись дальше въ рукопись, мы замѣчаемъ полнѣйшее смѣшеніе ѣ съ е; съ одной стороны: «привѣде» 12, 13, «потѣкоша» 36, «тѣчааше» 9, «тѣкоущиихъ» 26, «попѣче ся» 11, «вѣличьствия» «вѣликааго» 26, «бѣсѣдами», «бѣсѣдоую» 23, «вѣтъхааго» 23, «тѣплотою» 9, «дѣсницею» 9, «боудѣши» 23, «словѣси» 21, «чюдѣса» 9, «кръвѣ» 30, «вънидѣ» 6, «преидѣ» 31, «погребѣ» 16, и т. д.; съ другой стороны: «отъ бедъ» 10 б, «верою» ib., «обрете» 16, «крепость» 7, 18, «слепотоу» 138, «наследьие» 16, «наследовавъ» 25, «река» 35, «веньць» 11, «веньценосьць» 17, «целомоудрыя» 16, «железо» 14, «на гневъ» 23, «оузьревъ» 13, «одолевъ» ib., «повелениемь» 27, «нетьление» 20, «техъ» 139, «темь же» 12. 17, «вьсемъ» 8,

«вьсехъ» 16, 139, «инемъ» 3, «единеми» 13, «мве» 17, «силе твоки» 15, «въ роуце 26, 74, «къ вере» 14, «въ череве» 24, и т. д. Было бы, можетъ быть, поспѣшно изъ этихъ данныхъ выводить заключеніе, что въ живомъ произношеніи того лица, которое писало эту рукопись, ѣ вполнѣ совпадало съ е, но большаго разстоянія, рѣзкой звуковой разницы, кажется, дѣйствительно не было. Къ такому результату впрочемъ сводится изслѣдованіе какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ рукописей XI—XII вѣка; въ тѣхъ и другихъ примѣры смѣшенія ѣ съ е не уступаютъ числу примѣровъ съ замѣною ѣ черезъ и. Стало быть по памятникамъ древнерусской письменности выходитъ наружу, что народное живое ѣ въ то время въ громадномъ большинствѣ случаевъ и мѣстностей произносилось какъ закрытое е, суженный же звукъ его и (вм. ѣ) имѣлъ тогда еще лишь ограниченное діалектическое значеніе, не обхватывалъ широкаго пространства на югѣ Россіи, очень можетъ быть не больше, если даже не меньше, чѣмъ на сѣверѣ.

Вопросъ о значеніи ѣ въ древнерусской письменности не такъ простъ, какъ хотѣлось бы этого для примиренія исторіи языка съ данными современныхъ нарѣчій. Съ самаго начала письменности выступилъ факторъ, сильно осложнившій дѣло и произведшій большую путаницу. Это было церковнославянское ѣ, съ которымъ надо было сообразоваться: оно вошло въ письменность и какъ знакъ и какъ звукъ. Поэтому въ исторіи языка вм. одного возникаютъ два вопроса, различные другъ отъ друга: вопросъ, какъ произносился въ живомъ древнерусскомъ языкѣ, во всѣхъ областяхъ его, звукъ обозначаемый по принятой графикѣ буквою ѣ? и второй вопросъ, какъ произносили въ древнерусскомъ литературномъ языкѣ (т. е. языкѣ церковномъ съ примѣсью элементовъ народныхъ) по преданію и книжному обученію знакъ ѣ?

Въ древнерусской письменности можно отыскать нѣсколько текстовъ нецерковнаго содержанія, отличающихся очень правильнымъ употребленіемъ ѣ. Къ такимъ принадлежитъ древнѣй-

шая часть новгородскихъ грамотъ, древнѣйшія духовныя московскихъ князей, иныя двинскія купчія и третья часть первой новгородской лѣтописи—все памятники XIV вѣка. На основаніи этого матеріала сдѣланъ былъ такой выводъ, что въ древнерусской письменности главнымъ образомъ церковные тексты невнимательно относились къ различію между ɛ и ѣ, причина же этой невнимательности будто бы заключалась въ церковномъ, не народномъ, произношеніи ѣ какъ ɛ, которое «могло казаться ближе къ русскому ɛ, нежели къ русскому ѣ» и поэтому русскими переписчиками по искусственному произношенію церковнославянскаго ѣ какъ ɛ дѣлались постоянныя описки. Мысль эта принадлежитъ А. А. Шахматову, по мнѣнію котораго совпаденіе ɛ съ ѣ произошло только въ послѣдніе вѣка исторіи русскаго языка. Въ остроумномъ соображеніи А. А. Шахматова есть нѣкоторое преувеличеніе, но есть также доля правды. Онъ напрасно обвиняетъ церковные памятники огуломъ въ неумѣніи различать ѣ отъ ɛ. Къ текстамъ точнымъ въ этомъ отношеніи надо причислить не только иныя оригинальныя сочиненія древнерусской письменности, но также многія церковнославянскія, сохранившіяся въ русскихъ спискахъ XI—XII—XIII вѣковъ. Къ точнымъ памятникамъ принадлежитъ напр. сборникъ Успенскаго собора въ Москвѣ XII вѣка или Слово Ипполита объ антихристѣ, изданное Невоструевымъ, тоже XII вѣка, и т. д. Кому обязаны эти памятники своею точностью? Чутью ли народнаго языка, какъ выходило бы по выше упомянутому мнѣнію? Но въ такомъ случаѣ нужно бы допустить, что это чутье, въ высокой степени развитое для однихъ памятниковъ, для другихъ какъ бы совсѣмъ не существовало; надо бы допустить, что оно было сильнѣе развито въ первое время, въ древнѣйшихъ памятникахъ, чѣмъ потомъ, когда вообще народный элементъ въ письменности смѣлѣе выходилъ наружу. Съ этимъ согласиться нельзя. Неравномѣрность древнерусскихъ памятниковъ въ употребленіи ѣ зависѣла отъ степени вниманія писцовъ, отъ ихъ начитанности, отъ силы привычки и преданія. Однакожъ въ соображеніи нашего моло-

дого ученаго, какъ я сказалъ, доля правды. Нельзя не согласиться съ нимъ въ томъ, что въ церковнославянскихъ текстахъ буква ѣ произносилась, должно быть, какъ звукъ очень похожій, если не даже вполнѣ совпадавшій съ є. Только при этомъ предположеніи становится понятнымъ, почему въ иныхъ памятникахъ, рядомъ съ и вм. ѣ, имѣется также не малое число примѣровъ съ є вм. ѣ. Въ такихъ случаяхъ, я полагаю, черезъ и вм. ѣ передавалось произношеніе болѣе народное, тогда какъ смѣшеніе є съ ѣ отражало произношеніе церковно-литературное, выученное, школьное.

Особый случай отступленія отъ церковнославянскаго правописанія представляютъ древнерусскіе памятники, почти всѣ, не исключая даже самыхъ точныхъ по отношенію къ ѣ, — въ сочетаніяхъ рѣ, лѣ, соотвѣтствующихъ русскимъ полногласнымъ формамъ. Тутъ всѣ они пишутъ съ изумительною послѣдовательностью -рє,-лє вм. церковнаго -рѣ,-лѣ. Этого не объяснишь ни подражаніемъ церковнославянскому правописанію, потому что его какъ разъ тутъ нѣтъ, ни чутьемъ народнаго языка, который требовалъ полногласной формы. Причина кроется въ чемъ либо другомъ. Я высказалъ въ моихъ лекціяхъ такую догадку, не писали ли русскіе писцы здѣсь є потому, что думали, что прє (такъ произносили они церковное прѣ) не что другое, какъ сокращеніе народной, полногласной формы перє? Повторяю догадку здѣсь за неимѣніемъ другого болѣе убѣдительнаго объясненія. Такъ какъ проф. Соболевскій этого пункта вовсе не коснулся въ своихъ лекціяхъ, то не лишнимъ будетъ однимъ-двумя примѣрами дать настоящее освѣщеніе этому факту. Примѣры правильнаго употребленія ѣ въ сочетаніяхъ рѣ, лѣ (= русское ерє, єлє, оло) принадлежатъ въ древнерусской письменности къ рѣдкостямъ. Такія замѣчательныя рѣдкости въ этомъ отношеніи Остромирово евангеліе, или Изборникъ Святослава (хотя въ немъ уже [1]) имѣется: «облєцѣмы сѧ» 54, «на срєдоу» 78 c, «по срєдоу»,

[1]) Есть даже въ Изборникѣ 1073 ѥ вм. ѣ въ словѣ «гнѥвъ» 28 c.

«отъ средꙑ» 109 d, «къ средоу» 196 c), или Путятина минея. Въ минеяхъ 1095—7 года отступленія въ нашемъ случаѣ уже очень часты; вотъ напр. «предасть» 025, «предъ очима» ib., «преже» 028, «стрегоущиимъ» 027, «без вреда» 081, «предъ» 3, «извлече, облекостася» 57, «преже» 46, «древо» 113, 117, «жребиемь» 24, «по средѣ» 29, «истреби» 23, «преславьное» 285, «преподобьне» ib., «престолъ» 353, «жребии» 376, «въ чревѣ» ib., «требоующиимъ» 352 и т. д. Слово Ипполита на счетъ точности въ употребленіи ѣ — памятникъ образцовый, но и здѣсь пишутся подходящіе сюда примѣры правильно съ е: «пре», «предъ», «преже» 76, «небреже» 64, «время, времени» 62, «времеьхъ» 29, 63, «вредить» 85, «вретищема» 63, «древа» 58, «жребя» 15, 18, «млеко» 15, «потребьно» 2 — исключеніемъ является лишь «плѣню» 23 (ожидали бы «плевю»). Изъ нецерковныхъ памятниковъ укажемъ на третью часть первой новгородской лѣтописи, памятникъ тоже образцовый по отношенію къ ѣ. И здѣсь пишутся съ е такіе примѣры: «прелесть» 238, «преже» 242, 243, 246, 253 и т. д. «пред, напред» 244—5, «предаі» 307, «преложю, преставися» 302, «преступають, преднее» 290, «чресъ» 293, «къ среду, средокр҇тьную» 248 и т. д. Послѣдовательность правописанія въ этихъ случаяхъ имѣетъ тѣмъ больше значенія, если сопоставить рядомъ такія формы, какъ «грѣхъ», «крѣпко», «прѣщение» 282, гдѣ опять постоянно пишется ѣ. И здѣсь дѣлаетъ исключеніе слово «плѣнити» со своимъ ѣ вм. ожидаемаго е: «плѣниша» 239, «поплѣни» 282.

Буква ѣ, получивъ право гражданства въ древнерусской письменности, существуя рядомъ съ ближайшимъ по родству знакомъ е, прилаживалась въ отдѣльныхъ случаяхъ къ особымъ функціямъ, которыя можно назвать чисто русскими. Одна такая функція, которую я выше обозначилъ выраженіемъ «южнорусскаго употребленія ѣ», была уже предметомъ спеціальнаго изслѣдованія проф. Соболевскаго въ «Очеркахъ». Возраженія Шимановскаго, въ частностяхъ не лишенныя основанія, въ существенномъ не достигли цѣли: нельзя съ нимъ согласиться,

что ѣ «галицковолынскихъ» памятниковъ равнялось іотованному є. Скорѣе можно допустить, что это ѣ былъ узко-закрытый, по большей части подъ удареніемъ стоявшій, поэтому можетъ быть нѣсколько протяжный звукъ є (приблизительно французское é). Если принять его въ этомъ значеніи, то становится понятнымъ еще нѣсколько другихъ случаевъ особаго русскаго примѣненія буквы ѣ, о которыхъ говорилъ А. Шахматовъ въ изслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ, на стр. 149—152. Стоитъ обратить вниманіе на то, что такое подъ удареніемъ стоящее ѣ (вм. є) очень часто предшествуетъ согласнымъ плавнымъ, напр. «Тфѣрь», «Корѣла», «Єлефѣрии», «серегѣрьскыи» и т. д. (изъ Новгор. лѣтописи). Припомнимъ себѣ польскіе глаголы: umierać, zbierać, pościerać, rozpościerać, которыми лучше объясняются малорусскія формы «умірати, збірати», чѣмъ мнимою аналогіею съ «літати» (стр. 63).

Отдѣльные случаи *и* вм. *ѣ* встрѣчаются сплошь да рядомъ по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, къ числу такихъ одиночекъ принадлежитъ «сидѣть» вм. «сѣдѣть», и «дитя» вм. «дѣтя». У глагола «сидѣть» [1]) можно догадываться, что *с* было причиною перехода сочетанія сѣ въ си; слогъ си произносится менѣе мягко чѣмъ сѣ, оттого и въ южнорусскомъ нарѣчіи «сидіти», не «сідіти»; чешскій языкъ еще менѣе сочувствуетъ слогу «ṣĕ», лужицко-сербскій вовсе не выноситъ мягкаго s [2]). Къ слову «дитя» могу указать на параллель, правда нѣсколько отдаленную: у кайкавскихъ хорватовъ, произносящихъ обычное *ѣ* какъ *e*, все-же слышится уже давно «divojka» (не devojka), хотя только «devica». Въ древнерусской письменности имѣется примѣръ оборотной замѣны коренного и черезъ ѣ, въ глаголѣ «стричи» (стрищи): «пострѣщиса» жит. Өеод. 5_4, «острѣщи» 6_3. Съ ѣ встрѣчалось мнѣ это слово чаще, въ памятникахъ не смѣшивающихъ впро-

[1]) У меня отмѣченъ примѣръ «Ѡсидѫ» въ Московской грамотѣ 1449 года, у Иванова подъ № 17.

[2]) Сл. въ русск. языкѣ «сажень» вм. «сяжень» (уже въ XV, см. Калачовъ ак. юр. I, 440).

чемъ ѣ съ и. Замѣчательно, что Миклошичъ приводитъ случаи этого слова съ ѣ также изъ южнославянскихъ памятниковъ. Вмѣсто стараго «извисть»— такъ въ южнославянскихъ и русскихъ памятникахъ (напр. «извистью бѣлити» лавр. лѣт.$_2$ 390, «извистию маза» I новгор. лѣт. 53) — нынѣ говорятъ и пишутъ «известь». Точно такъ пишутъ нынѣ «кружево», въ старое же время писали — «круживо»: «круживы златыми ошитъ» ипат. лѣт. 541, «со кружикомъ» ib. 604, «круживо кованое золотое» грам. 1685 года (Калач. II, стр. 26); въ основаніи лежитъ нѣмецкое «krause» (ср. Гриммовъ словарь, V. 2095), повидимому слово получило славянское окончаніе — иво.

Къ «отожествленію *ы* и *и*» (стр. 63—64), не представляющему никакихъ особенно важныхъ данныхъ, прибавлю только, что смѣшеніе ы съ и изрѣдка попадается уже въ памятникахъ очень древнихъ, но трудно придавать такимъ единичнымъ примѣрамъ значеніе. Въ неновгородской софійской минеѣ XI—XII в. я нашелъ «възвишающа», примѣръ внушающій нѣсколько больше довѣрія, чѣмъ «нечьстывыихъ» тамъ же, гдѣ первое ы могло явиться по опискѣ подъ вліяніемъ ы слѣдующаго слога. Въ словѣ Ипполита объ антихристѣ, памятникѣ тоже южномъ, видно такое же смѣшеніе ы съ и въ «лысти бо рече желѣзнѣ» 37 въ сравненіи съ 41: «лысты желѣзнѣ»; слово «лыстъ», судя по формѣ двойственнаго числа «лысты», склонялось по ъ/*и*-склоненію. Для галицкихъ грамотъ XIV—XV вѣка знаменательны такіе примѣры: «кобилъ» 1393 г., «не винимаючи» 1409 г., «с ouлaдикою» 1422 г., и на оборотъ: «грыкенъ» 1427 г., «со млыны» 1438 г. Что касается колебанія между *ри* и *ры* (стр. 64), то оно несомнѣнно обусловлено плавною *р*, не любящей, какъ извѣстно, мягкости во многихъ западныхъ малорусскихъ говорахъ и почти повсюду въ бѣлорусскомъ нарѣчіи (ср. на стр. 97).

Говоря о смѣшеніи *ы* съ *и* и ихъ совпаденіи въ одномъ твердомъ (южнославянскомъ) *и* для малороссовъ, слѣдовало коснуться помѣстнаго произношенія гласной *ы* какъ *э*. Оно мнѣ извѣстно по прислушиванію къ произношенію церковнославянскаго ы

буковинскими русскими студентами; у нихъ слышится твердое и грубое *э*. Вѣроятно то же самое существуетъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, въ формахъ приводимыхъ у Шейна: «конь воронэй», «князь молодэй» 471, «святэй Микола» 77, «другэй мѣсичка» 53. Нѣчто похожее на эту черту находимъ въ псковской лѣтописи (второй) въ такихъ примѣрахъ: «въ Новеи городокъ» 22, «нѣмецкеи городокъ», «Опоцкеи, городицкеи» 32. Окончаніе «-кеи» могло бы быть результатомъ вліянія мягкости, слышной на сѣверѣ иногда даже въ именит. падежѣ «-ке» вм. «-ко», но «новеи» (если только не описка или опечатка) очень напоминаетъ окончаніе бѣлорусское «*эй*».

«Переходъ *е* въ *а*» (на стр. 65—66) не совсѣмъ точно озаглавленъ, въ перечисляемыхъ случаяхъ *е* переходитъ не въ *а*, а въ *я*; поэтому было бы лучше изложить подходящія сюда явленія въ ближайшей связи съ переходомъ *е* въ *ё*. Вся трудность вопроса заключается въ томъ, когда и подъ какими условіями происходитъ переходъ *е* въ *я* вм. ожидаемаго *ё*. Повидимому здѣсь надо различать нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, каждый изъ нихъ могъ быть вызванъ особенными причинами. Легчше всего поддаются объясненію примѣры различныхъ несклоняемыхъ формъ (нарѣчій) на ѣ, гдѣ въ концѣ слова ударяемое ѣ переходитъ въ *я*: «окромя́, нельзя́». Родоначальникомъ этихъ окончаній я считаю такъ называемое дѣепричастіе на *я*. Нельзя отрицать перехода ударяемаго *е* въ *я* въ такихъ примѣрахъ: «есмѧ́», «естѧ́», «менѧ́», «тебѧ́». Для «есмѧ» я не вижу лучшаго объясненія, какъ допустить переходъ изъ «есме» (сл. статью А. Шахматова въ моемъ «Архивѣ» VII, 68), по моему проф. Соболевскій напрасно избѣгаетъ это сопоставленіе (на стр. 114). Въ московскихъ грамотахъ 14-го вѣка употребляется еще постоянно род. винит. падежъ «мене», «тебе-тобе», «себе-собе» (напр. «мене» 1368, № 28, стр. 46, «отъ мене» 1341, № 23, стр. 37, 1356, № 25, стр. 40, № 26, стр. 43, 1362, № 27, стр. 44, «безъ мене» 1362, № 27, стр. 44, «тобе брата» 1362, № 27, стр. 44, «тобе кормити» ib. 45, «отъ тобе» 1341,

№ 23, стр. 37, 1362, № 27, стр. 45, 1368, № 28, стр. 46, 48, «у тобе» ib. 47, 1362, № 27, стр. 45, «передъ тебе» 1368, № 28, стр. 48, «на тебе» ib. 46, «на тобе» ib. 47, «безъ тобе» 1341, № 23, стр. 36, 1362, № 27, стр. 44, «отъ собе» 1362, № 27, стр. 45, «межи собе» 1341, № 23, стр. 37, «межи себе» 1368, № 28, стр. 48), но въ 15-мъ столѣтіи въ тѣхъ же оборотахъ чередуются уже формы «мене» съ «меня», «тебе-тобе» съ «тебя-тобя», «себе-собе» съ «себя-собя»: въ грамотѣ 1410 года, № 40, стр. 76: «промежы собя», а на стр. 77, «промежи себе», въ гр. 1428 года № 43—44 стр. 86, 89 «меня», 87 «тебя» (два раза), 88 «тобя»; въ грам. 1433, № 46 «тобе» 93 (три раза), 1433 года № 47 «мене» (94—95) нѣсколько разъ; 1433, № 48 «мене» два раза, «меня» разъ 96, «тобя» два раза 97, «тебя» 98, въ грамотѣ 1433, № 49—50 встрѣчается «мене» пять разъ, «меня» четыре раза, «тебе» два раза, «тобе» четыре раза, «тобя» три раза. Вмѣсто обыкновеннаго «боле» я читаю въ двинской грамотѣ XV вѣка (ак. юр. 110) «боля». Гораздо позже выступаютъ формы «князья́» и т. д., но уже въ московскихъ грамотахъ XIV вѣка находимъ фразу «по всимъ попьямъ» № 21, 22 (стр. 32, 34), какъ будто бы множ. число собирательнаго «попье»: «попья» къ ед. числу «попъ».

Если разсматривать переходъ *е* въ *я* какъ чисто звуковое явленіе, безъ содѣйствія посторонняго фактора, неразгаданнымъ остается притоворѣчіе между переходомъ *е* въ *я* и *е* въ *ё*, почему; «бѣльё, житьё», а «князья́, мужья́»? Не руководился ли языкъ здѣсь въ звуковыхъ переходахъ не только чисто физіологическими причинами, а также вліяніемъ важной категоріи числа? Не перешло ли въ «мужья́» и т. д. *е* въ *я* какъ разъ потому, что это были формы множественнаго числа, въ которомъ языкъ могъ согласиться на окончаніе *а*, потому что оно было ему знакомо со словъ средняго рода, между тѣмъ какъ *ё* (jo) втянуло бы эти формы въ категорію словъ единственнаго числа? Какъ же объяснить тогда формы единствен. числа «меня», «тебя»? Тутъ, мнѣ кажется, втихомолку вліяла аналогія неисчезнувшаго сразу

винительнаго падежа «мѧ, тѧ». Нынѣшнія формы мн. числа «деревья», «каменья» перешли рядомъ съ «бра́тья», «господа́» и т. д. въ множ. число изъ собирательнаго значенія единственнаго числа, конечно тоже подъ сильнымъ вліяніемъ категоріи числа; собирательное слово какъ заключающее въ себѣ множество, перешло въ силу категоріи числа изъ единственнаго въ множ. число. Обязанность исторіи языка состоитъ именно въ томъ, чтобы опредѣлить по возможности точно время этого перехода. Въ грамотахъ 14—16 столѣтій мы находимъ еще склоненіе собирательныхъ по старинному, въ ед. числѣ: въ грам. 1518 года (акты юрид., стр. 165) при ед. числѣ «на пни», для мн. числа сказано: «а на пенье грани кладены»; въ грам. начала XVI вѣка (тамъ же, стр. 166): «а которое деревье ...на томъ деревьи»; въ сборникѣ XV—XVI в. рум. муз. № 358 (бѣлорусскомъ): «овы на колье посажа» (Бусл. ист. христ. 702), «на кольи» ib. 704 (или «на колѣхъ»). Въ акт. арх. эксп. I, № 187, стр. 164 (1539 г.): «бивъ кнутьемъ». Въ московскихъ духовныхъ грамотахъ XIV — XV вѣка, гдѣ о драгоцѣнной утвари рѣчь идетъ, употребляется постоянно «каменье» въ единственномъ числѣ, въ смыслѣ драгоцѣнныхъ камневъ. Въ томъ только случаѣ, если предшествовало числительное, могло уже въ XV столѣтіи собирательное имя переходить въ множ. число; въ грамотѣ 1483 года, № 233 (въ актахъ юрид.) читаемъ: «четыре стожьѧ» (вм. «четыре стози» или «четыре стога», отъ собирательнаго «стожье»). Извѣстное мѣсто ипатской лѣтописи «начаша мертви падати, акы сноповье» 584 — представляетъ, должно быть, существительное собирательное средняго рода.

Слова проф. Соболевскаго «великорусскіе говоры не знаютъ перехода ударяемаго *е* въ *а*» (стр. 65) высказаны м. б. слишкомъ рѣзко и рѣшительно, но и мнѣ кажется, что малорусское «камiння» и великорусское «каменья» развились самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Въ связи съ довольно поздними формами «дворяня» вм. «дворяне» — онѣ появляются съ конца XV столѣтія, сл. напр. въ грамотѣ 1529 года (акт. юрид., № 264):

«которые крестьѧна» — могли бы имѣть нѣкоторое значеніе именительные падежи мн. числа ипатской лѣтописи очень часто оканчивающіеся на ѣ: «боѧрѣ» 581, 583, 591 и т. д., «татарѣ» 522, 523, «гражанѣ» 522, «измаилтѧнѣ» 518, «галичанѣ» 506, 514, 521, «берестьѧнѣ» 587, «козлѧнѣ» 520, «холъмлѧнѣ» 583, «боровѣ» 584, «царевѣ» 592, «лѧховѣ» 582, 584, «сыновѣ» 600, «татаровѣ» 563, 588 и т. д. Не хочу этимъ сказать, что въ правописаніи съ ѣ кроется прямо зародышъ позднѣйшаго *я*, но если наклонность къ написанію ѣ въ выше приведенныхъ примѣрахъ не дѣло случайное — припомнимъ еще изъ московской грамоты 1368 года, относящейся довольно чутко къ разницѣ между є и ѣ: «боѧрѣ» 47, 48 — то можно бы изъ упомянутыхъ примѣровъ выводить заключеніе, что уже тогда существовало особенное произношеніе гласной є въ концѣ выше упомянутыхъ словъ; можетъ быть это окончаніе уже тогда не совпадало съ обыкновеннымъ є, а слышалось, нѣсколько протяжнѣе, широкое ē; такимъ образомъ изъ «татаровѣ» могло образоваться «татаровѧ»: «одново брата убили татаровѧ за другово брата» (Вост. опис. рук. Рум. муз. 492); сл. именит. падежъ мн. ч. «рыболовє» áкт. арх. эксп. № 142, стр. 113 (1506 г.) и «рыболовѧ» тамъ же стр. 332, № 286 (1574 г).

«Переходъ *а* въ *е*» (стр. 66—68) разсказываетъ кой-о-чемъ мало вѣроятномъ. Въ сущности нѣкоторое значеніе имѣетъ только переходъ неударяемаго *я* въ *е*, слѣды котораго могли бы быть доказаны по памятникамъ, по крайней мѣрѣ съ XV столѣтія. Уже въ кіевской псалтыри 1397 года (если можно положиться на отрывокъ, напечатанный у Срезневскаго) находимъ: «прозєбаѧ» 268, «заєцємь» 269; въ маргаритѣ 1499 г. (опис. рук. синод. II, 2, 124) «заєцъ избѣгши ис тенета»; въ грамотѣ 1478 года (Русск. лив. акты 233): «тисеча летъ», и въ московской грамотѣ 1481 г. (I, 267) «въ тысєчю рублевъ». Даже такой сильно распространенный примѣръ, какъ «слышевъ» въ московскихъ грамотахъ вм. «слышавъ» (сл. грам. 1388 года, стр. 55 «что ты слышевъ» 2 раза, 1389, стр. 62, 1428, стр. 86, 88 и

т. д.) и нерѣдко повторяющіяся формы «лошедь», «рухледь» — не обратили на себя вниманія автора, вспомнившаго на стр. 71 о «ястребъ» вм. «астрябъ», но забывшаго указать на «зайца» черезъ «заеца» вм. «заяца». Сличи также «на поесницѣ» Калач. I. 522 (*е* вм. *я*). Припомнимъ еще разницу между нынѣшнимъ «нынче» и старымъ «нынѣча» или даже «нонѣча», напр. въ моск. грамотѣ № 33 (1388 года). Одну часть относящихся сюда случаевъ читатель «лекцій» найдетъ, не знаю почему, подъ главою толкующей объ «аканьѣ» (на стр. 70). Но какое отношеніе къ «аканью» имѣетъ «кнежа́» вм. «княжа́» или «паметь» вм. «память»?!

V.

Глава «аканье» (69—73) толкуетъ о разнообразныхъ явленіяхъ, по большей части не подходящихъ подъ это заглавіе. Если бы авторъ подъ «аканьемъ» хотѣлъ вкратцѣ охарактеризовать «московскій говоръ», то и это хорошее намѣреніе попало бы здѣсь не въ свое мѣсто. Если же онъ всѣ явленія русскаго языка, вызванныя по его выраженію «ослабленіемъ мускульнаго усилія при произношеніи» подводитъ подъ «аканье», то я позволю себѣ это опредѣленіе назвать не вполнѣ удачнымъ. Предоставляю физіологамъ рѣшить вопросъ, произошло ли дѣйствительно произношеніе *о* какъ *а* отъ «ослабленія мускульнаго усилія». Я знаю только[1]), что для гласной *а* хочется бо̀льшаго отверстія рта, чѣмъ для *о*; сомнѣваюсь, чтобы это болѣе широкое раскрытіе губъ доказывало «ослабленіе мускульнаго усилія»? Сомнѣваюсь также, чтобы тѣ явленія, о которыхъ здѣсь какъ о признакахъ «аканья» рѣчь идетъ, свойственны были исключительно акающимъ нарѣчіямъ

[1]) В. Даль говоритъ объ окающихъ, что они строятъ губы кувшиномъ, акающихъ же называетъ зѣворотыми и полоротыми. Наблюденіе это и по физіологіи — вѣрно.

русскаго языка. Быстрота произношенія неударяемыхъ слоговъ и въ связи съ ней нѣкоторая неопредѣленность гласныхъ всѣхъ этихъ слоговъ въ сравненіи съ преобладающею силою и значеніемъ ударяемаго слога и гласной его—эта замѣчательная черта русскаго языка не зависитъ только отъ «аканья», т. е. отъ произношенія неударяемаго *о* какъ *а*, она стоитъ въ связи съ преобладаніемъ ударенія въ русскомъ языкѣ, распространяется гораздо дальше аканья, обнимаетъ не только бѣлорусское и южновеликорусское нарѣчія, но также сѣверновеликорусское окающее, уступающее развѣ только въ произношеніи буквы *о* тѣмъ двумъ. Въ доказательство приведу изъ олонецкихъ былинъ: «жанихъ», «жаланный»; изъ образцовъ у Колосова: «красавицъ хорошій», «завтрешній день», «мизинець» и «мезинець» и т. д. Я нахожу и въ этихъ примѣрахъ доказательство быстраго произношенія, вслѣдствіе чего гласныя неударяемыхъ слоговъ, не доходящія до полнаго развитія, склонны къ переходамъ, или лучше сказать, производятъ на прислушивающагося къ произношенію и записывающаго не по привычкѣ, а по впечатлѣніямъ слуха, впечатлѣніе то того, то другого звука. То же самое легко подтвердить большимъ количествомъ примѣровъ изъ древнерусской письменности, памятниками не только акающихъ, но также окающихъ областей. Напр. въ грамотѣ сѣверной, напечатанной у Куника-Напіерскаго № 16: «ѡроужеѥмь»; въ первой новгородской лѣтописи рядомъ «да плеци» и «да плече», стр. 170 фотолитогр. изданія; въ той же лѣтописи пишутъ «троицкои» и «троецкои»; въ ипатской лѣтописи, стр. 81 «истеннаго», 424 «черноризиць»; въ новгородскомъ требникѣ XIV-го вѣка: «ремениць»; примѣръ «виликое» въ новгор. кормчей 1283 года (Срезн. 238) можетъ быть описка; въ палеѣ новгородской XIV вѣка (по отрывкамъ у Тихонравова, Пам. Отреч. лит. I): «внеде» 96, «патреарсѣ» 101, какъ настоящее время: «покаитеса, разгнѣваите» 124; въ грамотѣ 1300 года, Витебской, Срезн. 240: «своие» (вм. своее); въ грамотѣ новгор. XV вѣка (акты юрид., № 260): «тыи села досташетца» (вм. -шатца), «не въступатци» (вм. -ца); въ двинской грамотѣ

XIV—XV в. (тамъ же, № 71): «Єванъ» (вм. «Иванъ», можетъ быть впрочемъ вм. «Іованъ», какъ Іерданъ вм. Іорданъ?), «Илеѣино» вм. Иліинъ, «одирнь» возлѣ одернь, одерень; въ грамотѣ 1491 г. (сѣверной ак. юр. 13): «на ребинку» (вм. «рябинку»), «тридцеть» (вм. «тридцать»), «не вереме намъ было» (вм. «верема»); въ грамотѣ 1503 года (ак. юр. 19): «спусте на третей день» (вм. «спуста»), въ грам. 1498—1505 г. (ак. юр. 14—15): «отъ великаго повѣтрея», въ грамотѣ Вишерской (тамъ же, стр. 415): «отъ Вѣшере» рядомъ съ «изъ Вѣшеры»; въ грамотѣ 1509 г. (область рѣки Устомы): «лѣсы и земля княжо Семеновы жы» (вм. «же») ак. юр. 164; въ гр. 1568 г. (ib. 126) «кузнеца» (вм. «кузница»); въ рук. троиц. серг. лавры XVI в. (Тихонравовъ. Отреч. кн. II 392) «пенье гнеетъ»; въ грамотѣ Устюжской 1622 года (тамъ же, 398): «по мирскую улицы» рядомъ съ «улицу», и т. д.

Примѣровъ вообще не такъ много, какъ бы можно ожидать по образцамъ нынѣшняго физіологическаго записыванія, но это доказываетъ только или извѣстную начитанность со стороны писцовъ, силу установившейся привычки, или же большую опредѣленность и внятность тогдашняго произношенія. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, эту сторону древнерусскаго вокализма надо было изложить полнѣе и не подводить всѣхъ отдѣльныхъ явленій подъ общее начало «аканья». Скажу кстати, что на примѣръ «домачадець» (стр. 69) нельзя указывать какъ на доказательство аканья; это слово писалось съ а уже въ церковнославянскомъ языкѣ. Зато изъ сѣверныхъ грамотъ, гдѣ оканье выходитъ изъ предѣловъ этимологіи, можно было привести нѣсколько случаевъ, характеризующихъ большую наклонность нарѣчія къ гласной о, какъ напр. «оть» вм. обыкновеннаго «ать»: въ новг. лѣтоп. I. 27 (стар. изд.): «оть поидемъ», въ грамотѣ новгородца Климента (Срезн. малоизв. пам. № 35) читаемъ: дайте ми четверть, ѡть не боудеть голодна»; сл. также «ѡче начнеши» (вм. обыкновеннаго «аче») въ кормч. новг. XIII в. Ист. библ. VI, 123. Къ примѣрамъ же, вошедшимъ въ употребленіе въ нынѣшнемъ правописаніи по

московскому произношенію съ *а* (какъ «калачъ» вм. «колачъ»), прибавимъ еще слово «баранъ» вм. формы съ о «боранъ», какъ писалось въ старину; въ домостроѣ «боранъ» (но тамъ же «бораний» и «бараний»); акт. юр. быт. Калач. I. 103 (—1462 г.): «боран», акт. арх. эксп. 1596 г., стр. 453: «десять борановъ»; «поромъ» рекомендуетъ нынѣ академическое руководство вмѣсто вошедшаго въ употребленіе «паромъ», встарину тоже писалось черезъ *о*: «въ поромъ выходитъ» акт. юр. 1585 г. (стр. 251); вм. «канатъ» въ старину писали «конатъ»: «конатъ тянути» акт. юрид. 330 (1642 г.). Возлѣ обще принятой формы суда́къ для названія рыбы имѣется еще и теперь въ простанородномъ языкѣ форма судо́къ; изъ преданій старины я могу засвидѣтельствовать только это послѣднее произношеніе: «сто судоковъ» акт. арх. эксп. I, № 66, стр. 49 (о. 1460 г.). Точно такъ встарину писали только «знахорь», сл. акт. юр. № 4, стр. 7 (до 1490 г. Калач. I. 170. Описка ли «до нога» вм. «до нага» Калач. I. 194 (1547 г.)?

VI.

Продолжительныхъ кропотливыхъ изслѣдованій хочется для того, чтобы со временемъ всѣ особенности древнерусскихъ нарѣчій или говоровъ вышли наружу; пока мы подбираемъ только камешки и укладываемъ ихъ въ родѣ мозаики въ картину, которой намѣчены до сихъ поръ только главныя очертанія. Большая часть явленій, о которыхъ рѣчь шла въ предыдущихъ замѣткахъ, разсѣяна по памятникамъ на подобіе пятнышекъ, недостаточныхъ для опредѣленія характера цѣлаго типа. Кто не чувствуетъ, насколько мелокъ и хрупокъ матеріалъ, которымъ мы поневолѣ должны пользоваться для постройки зданія!? да и въ достаточномъ количествѣ онъ не попадается. Такъ-то мы почти и не выходимъ изъ недоумѣній; наталкиваясь постоянно на пробѣлы, мы прибѣгаемъ къ догадкамъ, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ. Но мнѣ кажется, что въ главѣ, толкующей «о мелкихъ явленіяхъ

въ исторіи гласныхъ» (стр. 73—74), число догадокъ увеличилось нѣсколькими ненужными соображеніями. Новгородскому говору приписывается какое-то особое чередованіе и съ є на основаніи такихъ примѣровъ, какъ «творицѧ», «прегрешиню», «бещисть». По моему «творицѧ» написано просто потому, что въ подлинникѣ, съ котораго списано, стояло «творѣцѧ», и «прегрешиню» или «бещисть» по той же причинѣ; я убѣжденъ, что невѣрно выводить отсюда для живого языка произношеніе «чисть» рядомъ съ «честь». Въ доказательство же, что встарину нерѣдко передавали окончаніе *ѣць* черезъ *ѣць* (ударяемое и вслѣдствіе мягкости слѣдующей согласной узко, нѣсколько закрыто, произносимое *е*), приведу изъ ипатской лѣтописи: «конѣць» 399, «сыновѣць» 407, «Ростокѣць» 409, «младенѣць» 415, «творѣць» 431 и т. д.; тамъ же «чѣсть» 404. Какъ въ ипатской лѣтописи не будемъ вслѣдствіе этого искать новгородскихъ элементовъ, такъ и въ написаніяхъ «творицѧ» и т. д. не нужно придавать слишкомъ много значенія единичнымъ примѣрамъ, совпадающимъ съ указаннымъ орѳографическимъ пріемомъ ипатской лѣтописи. Очень сомнительно также предположеніе, что примѣры возвратнаго мѣстоимѣнія *си* (см. *ся*) непремѣнно вызваны тѣми очень немногочисленными случаями, гдѣ уже въ церковномъ языкѣ писалось *си* (стр. 74). Не лучше ли допустить переходъ неударяемаго *ся* въ гласную, вслѣдствіе ея неопредѣленности трудно уловимую, такъ что произношеніе иногда было похоже на *си*? Трудно согласиться съ авторомъ, когда онъ на основаніи примѣра «забувена», найденнаго, кажется, только разъ, дѣлаетъ выводъ, что тогда уже говорили и «булъ» (стр. 74).

VII.

Въ статьѣ «Отпаденіе и выпаденіе чистыхъ гласныхъ» (стр. 74—78) поражаетъ безцеремонность, съ которою проповѣды-

вается «исчезновеніе ѣ» въ род. падежѣ ед. ч. ж. р. прилагательныхъ и мѣстоименій, какъ «доброѣ», «тоѣ»; изъ «доброѣ», «тоѣ» образовалось-де нынѣшнее «доброй, той» такимъ образомъ, что прежде всего *ѣ* исчезло, а послѣ исчезновенія его осталось j: «доброj, тоj». Съ этимъ мало вѣроятнымъ, грубо механическимъ объясненіемъ соперничаетъ развѣ только догадка автора, что найденные имъ нѣсколько примѣровъ, какъ «сило» (вм. силой), «молитво» (вм. молитвой), «мно» (вм. мной), доказываютъ будто бы непривычку писцовъ передавать въ письмѣ новыя формы «силой, молитвой, мной»! Не проще ли подозрѣвать въ упомянутыхъ примѣрахъ описки? а вмѣсто исчезновенія ѣ я предпочитаю придерживаться такого взгляда, что неударяемое *ѣ*, въ концѣ слова послѣ гласныхъ *о-е-ы*, въ произношеніи ослабѣвало и слышалось сначала какъ очень краткое *е-и*, потомъ же изъ сочетаній *ое-ои* вышло *ой*, при чемъ доля вліянія на этотъ послѣдній ходъ къ сокращенію принадлежала, должно быть, дательному падежу того же рода и числа. Примѣры съ *е* вм. *ѣ* попадаются довольно рано, напр. въ смоленской грамотѣ 1230 года (у Срезн. 224): «оу вольное женъı», «ис которое земле»; въ такой же грамотѣ 1284 года (тамъ же 238): «грамотъı сее»; въ витебской грамотѣ 1300 года (тамъ же 240—1): «своие братье», «вашее братие», «безъ виньное винъı», «тое обидъı», «всякое неправдъı». Еще больше значенія имѣютъ московскія грамоты: «бабъı нашее куплю» 1328 года, гос. грам. I, 35, «володимерьское волости» 1355 года I, 38, «оу моее княгини» ib., «ис тамги ис московское» 1356 года I, 40, «ис коломеньское» ib. Рядомъ съ окончаніемъ *ое* попадается, сначала изрѣдка, потомъ же все чаще также окончаніе *ои*: въ смоленской правдѣ 1230 года по списку F. § 11: «оу своеи женъı»; въ русской правдѣ по синодальному списку: «оу которои татьбъı» (Мроч. Дрозд. 56); «пьрвои женъı» (ib. 60), «ѡдинои м҃три» (род. падежъ, рядомъ съ «двою моужю»); въ грамотѣ новгородской 1270 года: «изъ инои волости новгородьскои», «разве ратнои вести» (Шахм. 242), «ѿ своеи братии» Напьер. № 9 (1301 года), «изъıинои волости» 1327 года (Шахм. 262).

Въ московскихъ грамотахъ древнѣйшихъ *ое* еще не переходило въ *ои*, но уже въ XIV вѣкѣ встрѣчается *ии* вм. *ие* или *иѣ*: «не будетъ на немъ милости божии» 1389 года I, 61 (тамъ же «у большиѣ братьи»), «безъ всякии хитрости» (тамъ же на стр. 64, но на стр. 57 «безъ всякые хитрости»); въ грамотахъ XV столѣтія: «из моеи отчины» 1449 года, Иван. № 17, «грамоты моеи» 1451 года, Иван. № 19, «из моеи отчины» 1472 года ib. № 23. Колебаніе между *е* и *и* въ концѣ слова, въ открытомъ слогѣ, послѣ гласной, видно также въ другихъ примѣрахъ, гдѣ *е-и* не сократилось въ *й*: «поклажеи» и «поклажее» въ грамотѣ московской 1433 года I, 104; рядомъ съ «которыѣ бояре» 1388 года I, 57 имѣется «которыи бояре» 1389 года I, 63. Окончанія эти потомъ стали различать по роду, *ыи* вошло въ употребленіе для мужескаго, *ыѣ* и *ые* для женскаго и средняго рода; напр. въ московской грамотѣ 1341 года I, 36: «которыи люди», гр. 1388 года I. 56, и 1389 I, 63 «которыи суды», гр. 1388 года I, 56 «которыи слуги», гр. 1389 года I, 63 «черныи люди»; напротивъ: «которыѣ деревни» 1389 года I, 60, («села) которыѣ тягли» 1389 года I, 59 и т. д., но это правило не безъ исключенія: гр. 1356 года I, 39, «численыѣ люди», «купленыѣ бортници», или «иныи которыи пошлины» акт. археогр. I, 2 (1361 — 1364), «горныи орамыи земли» двинс. грам. XV века (акт. юрид. № 71, 4).

Переходъ формы «вѣдѣ» въ «вѣдь» состоялся тоже не прямымъ исчезновеніемъ *ѣ*, а сокращеніемъ «вѣдѣ» черезъ «вѣде-вѣди» въ «вѣдь». Сокращеніе неударяемаго *е* или *и* въ концѣ слова, въ открытомъ слогѣ, можетъ быть засвидѣтельствовано не только вышеупомянутымъ случаемъ перехода *ои* въ *ой*, но еще такими примѣрами, какъ окончаніе неопредѣленнаго наклоненія *ть* (вм. *ти*), окончаніе нѣкоторыхъ нарѣчій или падежей, употребляемыхъ въ качествѣ несклоняемыхъ оборотовъ, и т. д. Проф. Соболевскій не хотѣлъ бы *ть* неопредѣленнаго наклоненія выводить изъ *ти* (стр. 117 и 181), но хоть бы и произошло нѣкоторое вліяніе на это сокращеніе со стороны дости-

гательнаго *тъ*, — впрочемъ это еще вопросъ, можетъ быть скорѣе сокращенное окончаніе неопредѣленнаго *ть* ускорило смѣшеніе съ нимъ, слѣдовательно и потерю достигательнаго — все таки необходимо допустить, что окончаніе *ть* относится къ полному *ти* неопредѣленнаго наклоненія точно такъ, какъ напр. «домовь» къ «домови» или «доловь» къ «долови» (см. примѣры въ грамотѣ 1230 г. у Срезн. стр. 224, госуд. грам. I, 52, псков. лѣтоп. I, 181 и т. д.) или какъ частица «будь» въ «ни будь» къ полному «буди» (полная форма оставалась очень долго въ употребленіи, сл. напр. «кто ни буди» акт. археогр. I, № 5, 1361—5 г., «какова крѣпость ни буди» акт. юрид. 151, 1567 года), или какъ нынѣшняя частица «де» къ прежнему «деи» («деи») встрѣчающемуся въ грамотахъ очень часто: «а лежать деи тѣ пустоши», «лѣсомъ деи поросши» 1478 года Иван. № 23, «что деи выменили» 1483 года ib. № 25, «въ тѣ деи въ ихъ лѣсы» 1485 года ib. № 26, «ижь дѣи нашее братьи много выбегло» русск. лив. акты 242, XV в., «ино дѣи кнѧзь поимавъ ихъ держитъ» ib., но въ грам. 1642 года, Ив. № 66: «въ коломенскомъ де уѣзде», наконецъ какъ «мать» и «дочь» къ прежнему «мати», «дочи» (ср. напр. форму «мати» въ москов. грамотахъ I, 80, 83 и т. д., «дочи» въ двинск. грамотѣ XIV—XV в. акт. юр. № 71, стр. 112, ипат. лѣт. 538).

Параллельно съ «вѣдь» изъ «вѣдѣ» идутъ «прочь», «опрочь» изъ «проче», «опроче» (въ москов. грамотахъ чередуются «опроче» и «опрочь»), «лишь» изъ «лише» (сл. «лише» въ смоленской правдѣ § 19), «ужь» изъ «уже», «ижь» изъ «иже». Для сокращенія безразлично, оканчивается ли первоначальная форма слова на *ѣ* или *е* или *и*. Поэтому и форма «хотя́» предполагаетъ переходъ въ «хоть» черезъ «хо́тѧ-хо́те-хо́ти»; «хоти» изъ «хо́тѧ» напоминаетъ «си» изъ «сѧ», сокращенію «си» въ «сь» соотвѣтствуетъ форма «хоть» изъ «хоти», полную форму «хоти» можно засвидѣтельствовать: «хоти до десѧти сводовъ» акт. арх. эксп. I № 150 стр. 121 (1509 г.). Укажу еще на примѣръ «бышь» вм. «быша» черезъ «быше», въ грамотѣ 1300 года (у Срезневскаго 240)

читаемъ: «какъ то бышь иние людие боялися», «то wни бышь на тя не жаловали».

Переходъ изъ *ю* въ *й* состоялся тоже посредствомъ произношенія неударяемаго въ концѣ слова стоящаго открытаго *ю* какъ *и*=*е*, такъ что изъ полнаго *ою*, *ею* посредствомъ *ои-еи* образовалось *ой-ей*. Къ примѣрамъ перехода *ю* въ *и* послѣ согласной прибавлю еще «межи» вм. «межю». Въ русскихъ памятникахъ окончаніе *и* въ этомъ словѣ («межи») — явленіе очень любимое, см. «межи симь» въ монаст. уставѣ XII в. Срезн. 185; въ новг. лѣтописи I, 59, 100: «межи собою»; въ московскихъ грамотахъ съ конца XIV вѣка пишутъ уже «межы»: «межы насъ» гр. 1371 года № 31; изъ «межи» или по твердому произношенію «межы» сокращеніемъ выходитъ «межъ», изъ «промежи»: «промежъ». Въ смоленской правдѣ (1220—1230) въ рукописи А. (самой старшей) «промьжю», въ В. С. «промежи», тамъ же А. «мьжю», D. «межю»: В. С. F. «межи», Е. «мѣжи» и т. д.

Къ примѣрамъ отпаденія гласной въ концѣ слова можно бы причислить еще «покамѣстъ» вм. прежняго «покамѣста» («покамѣста и монастырь стоитъ» грам. 1367 года, акт. юр. № 125), но здѣсь сокращеніе произошло должно быть въ соотвѣтствіе выраженію «до тѣхъ мѣстъ». Въ «обаполъ» (грам. лит. 1387 года у Срезн. 267) вѣроятно произошло сокращеніе изъ «обаполы», по аналогіи съ «об онъ полъ».

Есть примѣры выпаденія гласныхъ съ предшествующимъ сокращеніемъ. Изъ «колико», «толико» вышло «колько», «только»: новгор. гр. 1327 года: «колько боудеть далъ» Шахм. 262; изъ «алюбо» образовалось «альбо»: «хто коли сюю грамоту видить алюбо слышить» грам. 1387 г. литовская, у Срезн. 266, «любо братъ, алюбо иныє которые люди» ib., «русинъ алюбо руска» гр. 1349 года Смирн. стр. 59, «продати, алюбо кому дати, алюбо къ монастырю придати» гр. 1492 года Смирн. 100, — напротивъ: «рѣкою Нѣмномъ альбо сухимъ путемъ» грам. 1576 года Смирн. 122. Изъ «дѣля», употребляемаго въ грамотахъ XIV—XV вѣковъ, образовалось «для», несомнѣнно

посредствомъ промежуточнаго *«дела», *«дьла». Изъ бывшаго «нынѣча» вышло черезъ «нынеча» и «нынича» (въ моск. грамотѣ 1433 года, гос. гр. I, № 49—50: «что ми са еси нынеча отступилъ», «что ти са есмь нынича отступилъ») нынѣшнее «нынча, нынче». Формы «старшій», «старшина» вышли изъ «старѣиший, старѣишина» посредствомъ «старишій, старишина, старишинство»: въ московской грамотѣ 1389 года I, 61 «старишему», тамъ же I, 58 «на старишии путь», въ гр. 1433 года I, № 49, стр. 100: «въ старишиньствѣ».

Не думаю, что бы случаи добавочнаго *и* въ началѣ нѣкоторыхъ звуковыхъ сочетаній могли быть объяснены простымъ смѣшеніемъ двухъ различныхъ предлоговъ «из» и «съ», какъ это кажется проф. Соболевскому на стр. 77. Наклонность языка къ такому *и*, должно быть, предшествовала упомянутому смѣшенію двухъ предлоговъ. Примѣры, попадающіеся въ грамотахъ юго-западнаго края: «при воєводѣ илвовскомъ» (1371 года), «воєвода ілвовъскъıи» (1400 года), «илвовского мѣста» (сучав. грам. 1407 — 1434 годовъ), свидѣтельствуютъ о томъ, что это *и* является и помимо предлога «ис», хотя послѣдній случай самый обыкновенный; сл. «ис королемъ» 1340 года, «ислюбѹемъ», «исполна», «ѹчинити исправу ис нимь» тамъ же; «поити ис татары» 1349 года Смирн. 59.

Проф. Соболевскій полагаетъ, что примѣръ «рьку» не имѣетъ ничего общаго съ прочими случаями сокращенія, и потомъ выпаденія гласной внутри слова. По моему это не совсѣмъ вѣрно. Указаніе на чешскій языкъ, гдѣ тоже имѣется «řku» не заключаетъ еще въ себѣ доказательства, что *ъ* въ настоящемъ времени глагола «реку» относится къ «древнѣйшей обще-славянской эпохѣ». Если бы это было такъ, то мы ожидали бы во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, стало быть и южно-славянскихъ, формы, производимыя изъ «рькж», какъ мы дѣйствительно находимъ въ сербскомъ мрȇм, трȇм (и та̏рȇм). Формы «рку», «ркомый» и т. д., встрѣчающіяся въ древнорусскихъ памятникахъ очень часто, развились подъ вліяніемъ аналогіи повелительнаго

наклоненія, какъ въ русскомъ такъ и въ чешскомъ языкѣ, но въ каждомъ самостоятельно. Къ глаголу «рьку» можно прибавить также иныя формы глагола «жещи—жегу»: и здѣсь языкъ русскій чаще сокращаетъ коренное *е* въ *ь*, чѣмъ церковнославянскій.

Вмѣсто «пуговица» встарину писали правильнѣе пугвица (сл. Калач. юр. б. I. 563); нынѣшняя форма слова образовалась, должно быть, подъ вліяніемъ параллельной формы пуговка.

Къ очень коротенькой замѣткѣ относительно стяженія гласныхъ (на стр. 79) прибавимъ слѣдующее. Авторъ относится черезъ-чуръ скептически ко всѣмъ примѣрамъ стяженія, найденнымъ имъ въ памятникахъ. Допустимъ, что примѣры его дѣйствительно не заслуживаютъ большого довѣрія, но есть вѣдь другіе, вполнѣ убѣдительные. Въ московской грамотѣ 1433 года (гос. грам. I, № 49—50, стр. 104) два раза написано «сказывашь»: «а что сказывашь занялъ еси», «на кабалахъ, сказывашь, то серебро еси подписалъ». Повтореніе той же формы ставитъ ее выше всякихъ подозрѣній; какъ вставка, въ родѣ «бишь» (т. е. баишь), она легче всего поддавалась сокращенію, такъ что «сказывашь» можетъ быть не настоящее стяженіе, а сокращеніе быстро произносимаго: сказываешь: сказывайшь: сказывашь. У автора не указанъ ни одинъ примѣръ употребленія словъ «инъ», «ини», «ино» въ смыслѣ и значеніи «и онъ», «и они», «и оно» во второй части сложнаго предложенія или періода. Мнѣ кажется, что здѣсь «инъ» дѣйствительно образовалось, хоть и не стяженіемъ изъ «и онъ», такъ выпаденіемъ *о* какъ менѣе важной гласной, чѣмъ союзъ *и*: «а си грамота аже будетъ князю нелюба, инъ отошлетъ» № 31 стр. 53, 1371 года, «а будетъ князь.. съ литвою въ любви, ино и Олегъ.. въ любви» № 32 р. 54, 1381 года; «а послати ми къ своимъ намѣстникомъ, ини исправу учинять» № 33 стр. 56, 1388 года, «а тѣ (т. е. земли) хто взможетъ выкупити, инѣ выкупятъ; а не взмогутъ, инѣ потянутъ къ чернымъ людемъ» ib. «а потомъ ина дасть (sc. княгини)» № 39, 1406 года.

VIII.

«Исторія согласныхъ звуковъ» (стр. 80 — 104) построена по той же мало удовлетворяющей системѣ, какъ исторія гласныхъ. Намъ пришлось бы повторить нѣкоторыя возраженія, сдѣланныя уже выше (см. на стр. 30—31), если бы захотѣли войти въ подробности. Изложеніе касается сначала «слѣдствій исчезновенія глухихъ», они представлены въ столь обширныхъ размѣрахъ, что почти всѣ звуковыя перемѣны, относящіяся къ согласнымъ, вытекаютъ изъ одной этой причины. Нельзя дѣйствительно отрицать, что «исчезновеніе глухихъ» отозвалось въ языкѣ, не сразу, а мало по малу, длиннымъ рядомъ сближеній между согласными, состоявшихся послѣ паденія бывшихъ перегородокъ. Но только не многія изъ этихъ сближеній водворились въ языкѣ какъ общее правило не только для устнаго произношенія, а также для передачи въ письмѣ (напр. «здравъ — здоровъ»); въ большинствѣ случаевъ сближеніе ограничивалось устнымъ произношеніемъ, въ письмѣ же мелькаютъ слѣды его лишь какъ ускользнувшія отъ вниманія писцовъ исключенія. Казалось бы, оба эти случая не должно смѣшивать; но у автора различіе между примѣрами какъ «здоровъ» (вм. бывшаго «съдоровъ, сдоровъ») и «з дѣтьми, з голода» (вм. съ дѣтьми, съ голода) не проводится. Въ живомъ произношеніи языкъ подчиняется физіологическимъ законамъ, которые и въ наиболѣе усовершенствованномъ фонетическомъ правописаніи могутъ быть лишь отчасти выражены. Въ древнерусской письменности историческое уваженіе преданія было сильно развито; правда, что историческая переимчивость такимъ образомъ застилала многія физіологическія особенности древне-русскихъ нарѣчій, но не надо вѣдь забывать, что этотъ недостатокъ, чувствительный для филологовъ, окупался той громадною услугою, которую онъ сослужилъ идеѣ народнаго единства. Живучесть же этой идеи не въ малой степени зависѣла отъ единства культурно-

религіознаго, въ которомъ языкъ всегда игралъ видную роль. Итакъ историкъ языка безъ ропота беретъ на себя кропотливый трудъ отыскивать слѣды древнерусскаго произношенія по немногочисленнымъ, лишь случайно и для самого писца незамѣтно ускользнувшимъ отступленіямъ отъ литературнаго преданія. По этому конечно и я не отрицаю значенія для исторіи древнерусскаго произношенія такихъ не очень многочисленныхъ «описокъ», какъ «тъчеръ» — «тъчери» лавр. лѣт. 74, «лотка» (вм. «лодка») акт. юр. № 18, стр. 37 (1530 г.) или «за хрептомъ» ibid. стр. 275 (1512 г.), или «дорошкою» акт. юр. кал. I, 49, и т. д.

Нельзя сказать, чтобы въ лекціяхъ проф. Соболевскаго было много сдѣлано для достиженія этой цѣли. Подъ заглавіемъ «ассимиляція и диссимиляція» приводится нѣсколько заурядныхъ примѣровъ, вовсе не исчерпывающихъ предмета. Напримѣръ переходъ безгласнаго *с* въ голосовое *з* вовсе не такъ важенъ передъ *б*, *г*, *д*, какъ передъ гласными, и передъ *л*, *р*, *м*, *в*, гдѣ онъ указываетъ на различія нарѣчій. Въ великорусскомъ нарѣчіи говорится «сверхъ». въ малорусскомъ «зверхъ»; это такая же разница какъ въ этомъ же пунктѣ между нарѣчіемъ сербохорватскимъ и словенскимъ. Въ «лекціяхъ» по исторіи русскаго языка о ней говорится не здѣсь, какъ ожидали бы, а вкратцѣ намекъ сдѣланъ на нее на стр. 77, между тѣмъ какъ о предлогѣ «одъ» вм. отъ упомянуто именно здѣсь, на стр. 82. Эта непослѣдовательность автора можетъ произвести невѣрное впечатлѣніе, какъ будто бы оба явленія не были однородны. О переходѣ звука *к* въ *х* говорится два раза отдѣльно, тогда какъ было бы лучше подвести примѣры «хто» вм. «кто» и «мяхкій» вм. «мягкій» подъ одну группу. Для прилагательнаго «лехкій» не указано даже ни одного примѣра; приведемъ хоть бы слѣдующій, изъ одной литовской грамоты 1456 года: «абыхомъ имъ мыта полехчили», въ рязанской кормчей 7а читаемъ: «ѡблекчаємъ». Стоило также рядомъ съ «хто» указать на «лахти», напр. въ Домостроѣ («лахти свои оутверждаетъ на веретено») или «ѿ лохти» Тихонр. пам. отреч. II. 359, и даже въ предлогѣ: «что х тому селцю и к

деревне потѧгло» въ акт. Калач. I, 449 (1479 — 1556). Гдѣ о переходѣ *к* въ *г* рѣчь идетъ, не слѣдовало обойти молчаніемъ предлогъ «поперегъ» (вм. «поперекъ»), встрѣчающійся уже въ одной юго-западной грамотѣ 1340 года; сл. также акт. юр. № 11 стр. 23 (1504 г.): «поперегъ рѣчки», тамъ же № 19 (1532 г. стр. 39) «поперегъ полѧ», № 150 стр. 167 (1554 г.) «поперегъ болотца». Появленіе звука *г* здѣсь объясняется, должно быть, такъ же какъ *з* въ «через» вм. «черес» («через берестие», «через дорогычинъ» и рядомъ «чересъ мелникъ» грам. лит. кн. 1341 г. Смирн. № 54), т. е. число случаевъ, гдѣ подаваясь вліянію существительныхъ, съ голосовыми согласными въ началѣ, состоялось уподобленіе стоявшей въ концѣ предлога согласной, переходомъ безгласной въ голосовую, увеличилось на столько, что говорящіе и пишущіе привыкли послѣднюю форму предлога считатч нормальной. Я убѣжденъ, что и слово «четвергъ» не образовалось суффиксомъ *гъ*, какъ иные полагаютъ, а вышло изъ косвенныхъ падежей, гдѣ сначала произносилось «четвьртъка», потомъ «четверка́», и наконецъ «четверга́» [1]); изъ косвенныхъ падежей вынутъ по аналогіи именительный «четвергъ» вм. «четвертокъ». Въ памятникахъ XV вѣка попадаются еще обѣ формы: въ грамотѣ югозап. 1422 года «четвертокъ», въ такой же 1426 года «четвергъ».

Къ различнымъ переходамъ, выходящимъ наружу при сочетаніяхъ съ небными, шипящими, согласными не прибавленъ часто встрѣчающійся случай замѣны *ш* звукомъ *ч* послѣ зубныхъ согласныхъ, на чемъ основано нынѣшнее правописаніе «ветчина» вм. прежняго «ветшина», о которомъ я обширно распространился въ моемъ «Архивѣ» IX, 314. Сличи въ акт. юр. 126 «ветчаны», тамъ же 249 «молодчихъ», тамъ же 47 «покрадчи», тамъ же 30 «залетчи» вм. «залѣзши», и «перелѣзчи» вм. «перелѣзши», акт. арх. эксп. I, 389 «прочетчи», «ѣдчи» Кал. I. 195. Тамъ же

[1]) Мягкость *р* видна изъ такого примѣра: «четвьртъкъ» мон. уст. XII в. Ср. 184.; въ кормчей XIII в. пишутъ рядомъ «четвергъ» и «четверкъ» Ист. библ. VI. 122, 123.

мною объяснено также нынѣшнее «богаче» вм. «богатче» (изъ «богатше»). Не упомянутъ также случай перехода группы *скъ* въ *ще* (вм. *сць*), засвидѣтельствованный витебскою грамотою около 1300 г. (у Срезн. стр. 240 — 241): «оу Витебьцѥ», «оу Смоленьцѥ»; сл. «щеголь», вм. «сцѣглъ», (серб. цѝглӣ); *щ* послѣ зубныхъ упрощается въ *ч*: «шестеры ворота тчанные» (вм. дщанные, акт. юр. Кал. I. 225, 1561 г.), «поручикъ» писалось прежде «порутчикъ» (акт. юр. Кал. I. 263, 1646 г.) вм. «поручщикъ»; *ч* передъ *н* слышится какъ *ш* въ нынѣшнемъ «конечно» и т. д., поэтому въ акт. юр. № 259, 1551 г. «останошнему взять останошной и жеребей»[1]), сл. Срезн. м. п. № 27: «клюшникъ»; Калач. I. 283 «обышныхъ», 293 «пушешная», 361 «урошные», 520 «мелнишного».

Переходъ *тс* въ *ц* не совсѣмъ то, что переходъ *жс*, *шс* и *чс* въ *с*, *ц*; въ первомъ случаѣ собственно и нѣтъ утраты звука, такъ какъ *тс* слилось въ одинъ звукъ *ц*; напротивъ въ *жс*, *шс* и *чс* (т. е. *тшс*) мы замѣчаемъ утрату шипящей согласной, уступившей передъ свистящей. Къ примѣрамъ, приведеннымъ на стр. 81, прибавлю еще: «съ онѣскіе (вм. онѣжскіе) стороны» акт. юр. 127, «мускіи» (вм. мужскій) акт. Калач. I, 57.

Наоборотъ въ «шести» *ш* поглощаетъ *с* и образуетъ косвенные падежи «шти» (вм. шьсти), сл. у Собол. стр. 51 или въ псков. лѣт. I, 302 «шти лѣтъ», Калач. I. 86 «со шти сотъ».

Къ случаямъ выпаденія согласныхъ можно бы прибавить еще много различныхъ примѣровъ. Между прочими обращаетъ на себя вниманіе число «седмь», существующее въ формѣ «семь» уже въ древнѣйшихъ памятникахъ: въ остр. ев. 19 а «въ годинѫ семѫѭ», въ изб. 1073 года 196 d «дьнии семь», мин. 1096, стр. 71: семаго събора», въ гал. ев. 1144 г. «семь» (Бусл. Хр., стр. 45, Амфил.), въ надписи 1161 года «семию съборъ»; въ син.

[1]) Нигдѣ я не наткнулся въ «лекціяхъ» на замѣчательный новгородизмъ «сторовъ» вм. «здоровъ»: «придоша сторови» новг. лѣт. I, фотолит. 25, 101, «придоша сторови вси» ib. 72, 76, «сами сторови вси воротишася» 87. И въ лужицкосербскомъ языкѣ говорится «strowy».

патерикѣ (Срезн. свѣд. м. п. № 82, стр. 51) «часъ семыи», усп. соб. сб. «семое небо», «семаго небесе» Библ. м. I. 16, 17. Ср. въ моск. грамотѣ 1389 года: «полъ сема рубля» Г. Гр. I. 61. Выпаденіе *д* въ словѣ «горазно» встрѣчается гораздо раньше, чѣмъ указано въ лекціяхъ, а именно въ послѣсловіи Остромирова евангелія: «горазнѣю». Стоило указать также на выпаденіе *г* въ нынѣшнемъ малорусскомъ «зозуля» и «зазуля», бѣлор. «зязуля» вм. «зегзуля» при старомъ «зегзица» въ словѣ о П. Игор. изд. Потебни 134—135, и въ глаголѣ «разгнѣвати»: «разнѣвавъ же ся бъ» изб. 1073, 145 с., «азъ ражнѣвахъ ся» 99 а, сл. у Срезн. малоизв. пам. № 32 (стр. 28): «ражнѣва ся», житіе Савы 313 «разнѣвавъ ся». Это выпаденіе, случавшееся только иногда, напоминаетъ нынѣшнюю особенность русскаго языка не произносить *г* передъ *н* въ: «двинуть, тянуть»; на повѣрку выходитъ, что уже въ XIII вѣкѣ такое *г* выпадало: «вамъ потянути» Шахм. 244 (гр. новг. 1294—1301), но не всегда: «не тягнеть» Шахм. 250, «тягноуло» ib. 251; ср. въ моск. гр. 1388 г. I. стр. 56: «конѣчя потянуть», акт. юр. Калач. I. 91 «потянуть», ib. 112 «не тянут» (1471 г.).

Если припомнимъ примѣръ «обязать», то конечно каждому понятно, что тутъ изъ сочетанія *бв* вышло *б*; но не мѣшало бы указать на подобнаго же рода примѣръ въ глаголѣ «обестити» (лучше «обѣстити»), вм. об-вѣстити: «и ѡбестилъ ся тобе» витебск. грам. ок. 1300 у Срезн. стр. 241, русколив. акт. стр. 27, сл. въ грамотѣ смоленской 1229—30 г. по рукописи D. E. F: «нъ переже обестити (vl. ѡбѣстити) емоу» русск. лив. акт. 435. Укажу еще на особенный случай выпаденія *в* въ слѣдующемъ примѣрѣ: «съ верми» акт. юр. 123, (вм. «бервми»).

Замѣчу кстати, что мнѣ не кажется правдоподобнымъ производство глагола «очнуться» изъ «очхнуться», я думаю, что «очнуться» вышло изъ «очутнуться» — «очунуться», съ послѣднимъ сличи глаголъ «съчюнутися» или «съцюнутися» въ Истор. библ. VI. 837.

Не упомянуто объ одномъ нѣсколько загадочномъ случаѣ

вставки согласной. Уже въ Остром. евангеліи 103 а читаемъ «змлиѭ», Востоковъ сдѣлалъ справедливое замѣчаніе въ словоуказателѣ, что «змлиꙗ» не есть описка, ибо оно встрѣчается и въ другихъ древнихъ рукописяхъ. Дѣйствительно могу указать по крайней мѣрѣ на слѣдующій примѣръ у Срезневскаго, стр. 196: «плѣзеть акы змлиꙗ» (изъ Златоструя XII вѣка).

Въ особенности же можно было ожидать, что авторъ не забудетъ или здѣсь, гдѣ о вставкѣ согласныхъ рѣчь идетъ (стр. 83), или тамъ, гдѣ разсказывается о переходѣ *в* въ *у* и наоборотъ, разъяснить интересный случай согласной *в* въ оборотахъ: «вотчина», «вудѣлъ» и «вопчій». Такъ какъ эти примѣры попадаются въ московскихъ грамотахъ, то нѣтъ другого болѣе естественнаго объясненія для *в*, какъ сказать, что это формы, сросшіяся изъ существительнаго или прилагательнаго и предлога *въ*, т. е. изъ именительнаго «отчина» вышло въ винит. падежѣ «в-отчину» и въ мѣстномъ «в-отчинѣ»; изъ «удѣлъ»: винит. падежъ «в-удѣлъ», мѣстный падежъ «в-удѣлѣ». Потомъ же привыкшіе къ оборотамъ «в-отчину», «в-отчинѣ», и «в-удѣлъ», «в-удѣлѣ», вынули отсюда новый именит. падежъ «вотчина», «вудѣлъ». Этотъ ходъ развитія можно доказать примѣрами: въ древнѣйшихъ моск. грамотахъ читаемъ «своꙗ отчина» № 27 стр. 44, 1362 г., № 35 стр. 63, 1389 г., «отчиноу» № 22 стр. 33, 1328 г., № 25 стр. 39, 1356 г., № 26 стр. 41, 1358 г., № 31 стр. 52, 1371 г., № 34 стр. 58, 1389 г., «отчинꙑ» № 31 стр. 52, 1371 г., № 34 стр. 60, 1389 г., «отчиною» № 34 стр. 59, 1389 г.; первый же примѣръ съ *в* какъ разъ мѣстный падежъ, съ пропускомъ даже предлога *въ*, который чувствовался еще въ словѣ, начинающемся съ *в*: «что буди судилъ когда въ великомъ княженьѣ и вотчинѣ въ своеи на Москвѣ« № 24 стр. 38, 1353 г.; въ грамотѣ № 29, 1371 года, пишутъ уже: «въ вотчину», «въ моеи вотчинѣ», «на своеи вотчинѣ», «вотчинꙑ моее» (2 раза) стр. 49—50. Потомъ уже чередуются примѣры съ *в* съ примѣрами безъ *в*, напр. въ грамотѣ № 38, 1405 года: «въ вотчину» (5 разъ), «вотчинꙑ» (3 раза), № 39, 1406 г.: «отчиною», № 41, 1423 г. «своею

вотчиною» (2 раза), № 43—44, въ первой половинѣ постоянно «отчину», «отчинъı», «отчинѣ», «отчиною», только разъ «въ вотчину»; во второй же половинѣ постоянно съ *в*, только разъ «съ отчиною» и т. д. То же самое повторяется при словѣ «удѣлъ»: въ древнѣйшихъ грамотахъ еще безъ *в*: «твои удѣлъ» № 23 стр. 36, 1341 г., «въ удѣлъ» № 29, стр. 49, 1371 г., «въ твои удѣлъ» № 27 стр. 44, 45, 1362 г., «въ твоемь удѣлѣ» № 23 стр. 36, 1341 г., № 27 стр. 44, 1362 г., № 33 стр. 56, 1388 г., и т. д., «удѣла» № 33 стр. 56, 1388 г., № 34 стр. 58, 1389 г., ib. стр. 59, ib. стр. 60 и т. д.; первый примѣръ съ *в* опять какъ разъ при предлогѣ *въ*: «въ вудѣлъ» № 35 стр. 63, 1389 г., «въ вудѣлѣ» ib. 63, 64 (но рядомъ еще: «въ нашихъ удѣлѣхъ», «съ удѣла»). И это слово потомъ чередуется съ *в* и безъ *в*: въ грамотѣ № 38, 1405 г. «въ вудѣлъ» рядомъ съ «въ удѣлъ» и «удѣла»; № 43 стр. 87, 1428 г. «въ вудѣлехъ», № 46, 1433 г. «въ тотъ удѣлъ», № 49 стр. 100, 1433 г. «въ вотчину и въ вудѣлъ». Стоитъ привести еще слѣдующій примѣръ № 54—55, 1434 г. «въ вотчину и въ вудѣлъ удѣлъ дяди нашего», изъ котораго видно, на сколько оборотъ «в-удѣлъ» сталъ — постоянной формулою. Такимъ же путемъ изъ «опричь» (№ 35 стр. 64, 1389 г. или № 43 стр. 87, 1428 г.) образовался оборотъ «вопришнину» № 39 стр. 73, 1406 г. (можно бы читать также «в опришнину»). Что касается до «опричь», то вѣроятно здѣсь совпали два различныя выраженія въ одной средней формѣ: «опроче», «опрочь» и «оприсно» («оприсно того же села» № 54—55 стр. 113, 1434 г. значитъ то же самое, что въ другихъ примѣрахъ «опрочь»). Рядомъ съ «ольха» попадается также «вольха»: «на двѣ олхи да съ волхъ на ель» акт. юр. 136 (№ 103, 1540 г.), сл. также въ двинской грамотѣ (акт. юр. № 71) XIV—XV в.: «Вонъчифора» рядомъ съ «Онъчифоръ», «Выгната» (вм. «Игната»), «у Вонъдроникова» рядомъ съ «Ондронъ» стр. 110—111.

О вставочномъ *н*, вызванномъ предлогами *съ* и *въ* при глаголѣ «яти», можно было еще кое-что сказать для поясненія формъ, бывшихъ въ употребленіи встарину. Укажу на существительное

«натець», согласная н котораго стоитъ въ связи съ чутьемъ языка для происхожденія этого слова изъ сложныхъ глаголовъ, оканчивающихся на — «нять», моск. гр. № 44, стр. 87, 89: «хто будетъ натцевъ изниманъ», № 35 стр. 64, 1389 г. «натцевъ намъ отпущати». Встарину писалось еще только «съимаюшь» XIII в. Ист. библ. VI, 52, «отымуть» или «отоимуть» (моск. гр. 1327. 1328), «отоимати» (1362), «подоиметь» (1380), «вымалъ» (1389), и конечно: «выметься» акт. юр. 273.

Не подъ «отвердѣніемъ шипящихъ» (на стр. 94), а подъ заглавіемъ «вставка согласныхъ» (къ стр. 83—84) надо было коснуться такихъ примѣровъ, какъ «ищьло» вм. «изшьло», потому что «ищьло» образовалось изъ «из-шьло», «ис-шьло», «иш-шьло» посредствомъ вставочнаго *т*: «иш-т-шьло», послѣднее упростилось въ «иштьло», какъ раж-д-женѫ» (изъ «раж-женѫ», «раз-женѫ») въ «рожденѫ». Въ Остром. евангеліи встрѣчается два раза «ищьдъше», «ищъдъше», въ минеѣ 1096 г. октябрской, стр. 20, 22: «рацибе». Параллельное упрощеніе сочетанія видно въ «въщьто» вм. «въз чьто» въ усп. сб. XII в. Библ. матер. I. 29.

IX.

Смягченіе и отвердѣніе согласныхъ излагается въ двухъ различныхъ мѣстахъ (на стр. 84—86 и опять на стр. 90—97); все это можно было соединить въ одно цѣлое, распредѣлить лучше и обставить отдѣльные случаи убѣдительнѣе. Но по моему не совсѣмъ точно говорить вездѣ о отвердѣніи согласной, гдѣ вм. прежняго ь встрѣчается въ письмѣ ъ. Въ такихъ примѣрахъ какъ «снѣдъно» вм. «снѣдьно» (стр. 84) вообще д никогда и не было мягкимъ. Лучше было бы сказать, что здѣсь ь исчезло гораздо раньше, чѣмъ оно могло бы подѣйствовать смягченіемъ на предыдущую согласную. Такое исчезновеніе гласной ь безъ вліянія на предыдущую согласную зависитъ конечно прежде всего

отъ качества ея: другое дѣло *л* передъ *ь*, а другое *т*, *д*, *н*, *б*, *в*, *м*, *с*, *з*, и иногда даже *р* передъ тѣмъ же *ь*. Еще до сихъ поръ слышится (съ небольшими исключеніями) «сильный», «вольный», «больной» и т. д., тогда какъ несомнѣнно уже давно говорилось «смутный», «голодный», «дробный», «ровный», «темный», «смирный», «красный», «грозный». Въ синод. кормч. 1282—3 года: «по ѡтнѣ смрти» Срезн. 237; въ моск. гр. 1341 г. «у отня гроба», ипат. 422 «отнь слуга», ипат. 433 «днина»; «въдовицамъ» изб. 1076 Срезн. 144 а, «въдова» въ жит. Θеодосія XII в. значитъ то же самое, что «вдова». Уже въ церковнослав. языкѣ писалось въ неопредѣленномъ наклоненіи «зъдати» вм. этимологически оправданнаго «зьдати», поэтому и мин. 1096, стр. 41. 4: «назъда», въ изборникѣ 1076 г. съзъданомоу» Срезн. 141 а, и въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ «зодчій». Сохраненіе или востановленіе мягкости зависитъ также отъ характера слѣдующаго слога, напр. при суффиксѣ *ьба* замѣтно большое расположеніе къ мягкости: «свадьба», «ходьба», «косьба», «борьба»; поэтому и «волъжба» (вм. «волшьба», сл. «волшебникъ»): «се есть твоимъ волъжбамъ поспѣшникъ» XVI в. Тихонр. II. 118.

Можно жалѣть, что правописаніе древнихъ памятниковъ, передающее слоговое *р* иногда черезъ *ерь*, гдѣ *ь* обозначаетъ конечно мягкость плавной, не принято во вниманіе для опредѣленія случаевъ мягкости: «перьстъı» добр. ев. 1164 г. Бусл. хр. 59, «перьстѣ» прол. 1262 г. у Погод. табл. 13 въ снимкѣ, «перьстень» Срезн. мал. пам. № 31, XII в.; «горсть перьсти» XVI в. Бусл. хр. 742, «оскьверьнишa» сб. XII в. Срезн. 186; «дерьжаву», «дерьзну» сильв. сб. XIV в. Срезн. сказ. о Бор. и Гл. 39, «перьсехъ» патер. 1432 г., «въ терньи» гал. ев. Срезн. м. п. № 69, «стерьгающе», «прискерьбна» ib., «прозерьливъıма», «ѿверьже», «верьтепъ», «ис перьва» ник. черн. XII—XIII в. Срезн. м. п. № 55, «недѣлѣ керьбнъıѩ» Ист. библ. VI. 97, «перьвое» ib. 119 (XIII в.), «держи» жит. Сав. 237, «взверьзи» ib. 249, «ис церьнигова» новг. лѣт. I. 116, «съвѣрьши» 118; «перьвии» лавр. лѣтоп. 19 (6370 г.), «очерьвлена» ib. 79 (6488 г.), «дерь-

жить» ипат. 541, «дѣржахуся» ib. 406, «дерьзнувъ» ib. 436, «свѣрьзи» ib. 401, даже «корьзномь» ип. 401, какъ въ евангеліи 1266 года (галицкомъ) часто «на литорьгии» и т. д. Здѣсь можно дѣйствительно говорить о секундарномъ смягченіи согласной *р*, сличить же объемъ подобныхъ случаевъ по древнимъ памятникамъ съ нынѣшнимъ произношеніемъ становится насущной потребностью въ исторіи русскаго языка.

Мягкость окончанія творительнаго подежа единственнаго числа исчезла въ произношеніи должно быть очень рано, т. е. вѣроятно уже въ XI—XII вѣкахъ трудно было отличать ее. Правда, въ памятникахъ этого ранняго времени различіе между *мь* творительнаго ед. ч. и *мъ* дательнаго мн. ч. выдержано еще довольно послѣдовательно, но на меня оно не производитъ впечатлѣніе факта, взятаго изъ живого языка, а скорѣе кажется соображеніемъ теоретическимъ, подражаніемъ привычкѣ и преданію, водворившемуся рядомъ съ прочими данными церковнослав. языка. На эту мысль наводятъ меня довольно многочисленныя отступленія даже въ такихъ памятникахъ, въ которыхъ впрочемъ нельзя говорить о строгомъ соблюденіи церковнославянскихъ орѳографическихъ пріемовъ. Оказывается, что писцы очень часто путали окончаніе дат. падежа *омъ* съ окончаніемъ творительнаго *ъмь* (сл. Козловскій, Изслѣд. о языкѣ Остр. ев. 118); иногда писали въ твор. падежѣ *ъмъ*, и на оборотъ въ дательномъ *омь*[1]); особенно часто употреблялось въ прилагательныхъ окончаніе ꙑимъ безразлично какъ для дательнаго падежа мн. числа, такъ для творительнаго ед. числа. Для послѣдняго случая укажу на многочисленные примѣры въ минеѣ 1095 г.; по моему изданію сл. 064.20, 090.1, 094.1, 0100.15, 0101.19, 0106.13, 0114.14, 0116.21, 0127.8, 0129.5, 0135.9 и т. д.

---

[1]) Дательный мн. числа «народъмъ моуташтемъся» изб. 1073, 97с можно считать правильной формой основы ъ/u, но тамъ же 105 а «ратьникъмъ въслѣдоуѥть» — смѣшеніе дательнаго мн. ч. съ творительнымъ ед. ч.; а въ доказательство окончанія *ъмъ* для этого падежа, приведу оттуда же примѣръ: «соудъмъ правьдьнъімъ божиѥмъ бъівати» (κρίσει δικαίᾳ).

Хорошо сдѣлалъ авторъ, что отнесъ къ случаямъ «отвердѣнія согласныхъ» также окончаніе 3-го лица ед. и мн. числа на *тъ* вм. старшаго *ть*. Безполезно мудрствовать, какъ это дѣлаютъ лингвисты, не имѣющіе понятія объ исторіи русскаго языка, гдѣ фактъ на лицо; отъ проф. Соболевскаго можно было ожидать лучшаго, и онъ оправдалъ наши ожиданія, признавъ фактъ фактомъ, пріобрѣтающимъ нѣкототорое объясненіе параллельными явленіями. Самые ранніе примѣры пренебреженія окончаніемъ *ть* являются въ возвратныхъ глаголахъ въ видѣ формъ оканчивающихся на *-тся*; пропускъ гласной *ь* въ этомъ случаѣ встрѣчается уже въ памятникахъ XIII вѣка.

Къ стариннымъ случаямъ отвердѣнія принадлежитъ союзъ «донде» или «дондеже» вмѣсто «доньдеже» (изъ до-идеже). Въ остром. ев. пишется еще съ *ь*, но уже въ изборникѣ 1073 г. 152 с: «донъдеже», въ минеяхъ 1095—7: «донде» 083.8, «донъдеже» 135.14, «дондеже» (vl. донъдеже) 402.3. Несочувствіе *н* мягкости выходитъ наружу въ такихъ словообразованіяхъ, какъ «сонмъ», «сонмище», въ прилагательныхъ: «деревенскій» (при «деревня»), «конскій» (при «конь»), «свинскій», «свинство» «лонскіи» (при «свинья», серб. «свињски», «свињство», «лањски»). Для твердаго окончанія *-нъ* въ родительномъ падежѣ мн. числа существительныхъ ж. р. на *-ня* у меня отмѣченъ примѣръ съ конца XV столѣтія: акт. юрид. № 6 (о. 1490 г.) стр. 12 «вашихъ деревенъ», сл. ib. № 81 (1541 г.) стр. 123 «семь саженъ», ib. № 19 (1532 г.) стр. 40: «земель и поженъ», ib. № 191 (1601 г.) «поженъ» (отъ «пожня»), сл. также уменьшительное «поженка» ib. № 83 (1550 г.). По всей вѣроятности не чисто русскимъ словомъ считалось «надро» (вм. «нѣдро», «нядро»), примѣръ котораго «въ надрѣхъ» читаемъ въ одномъ памятникѣ XV вѣка: Истор. библ. VI. 864.

Не указанъ въ лекціяхъ примѣръ отвердѣнія окончанія «ѕа» (собственно ꙁа) въ словѣ «польза»: въ Остр. еванг. род. падежъ ед. ч. еще только «польꙁꙗ» (или «польꙁѧ»), Марк. V. 26 въ реймск. ев. «польꙁѣ», но въ галицк. ев. 1144 г. уже «польꙁы»

(точно такъ Іо. VI. 63); поэтому и въ глаголѣ вм. прежняго «польѕевати» галицкое ев. пишетъ Марк. VII. 17: «пользовалъ кси» (точно такъ Матѳ. XV. 5). Въ житіи Ѳеодосія XII в. 1d тоже: «испълнь бо кстъ пользы»; въ вопросахъ Кирика, по списку XIII вѣка: нѣсть ти пользы» (Истор. библ. VI. 61). Параллельное существительное «стьѕа» осталось мягкаго окончанія, поэтому гал. ев. Матѳ. III. 3, Марк. I. 3, Лук. III. 4, пишетъ «стьзѧ»; въ южнославянскихъ (напр. дечанскомъ, карпинскомъ) пишутъ уже въ XIII столѣтіи «стьꙁы».

Говоря о случаяхъ отвердѣнія мягкаго *с*, авторъ полагаетъ (на стр. 95), что нарѣчіе «отсуду» древнихъ памятниковъ не имѣетъ никакой родственной связи съ нынѣшнимъ «сюда, сюды». Это отрицаніе уже черезчуръ строго и конечно не оправдано. Въ тожествѣ формъ «сюда, сюды» съ церковнославянскимъ «сѫдоу» нельзя сомнѣваться, какъ нельзя было бы отрицать, что церковнославянское «въсѫдоу» и русское «всюду» — одно и то же. Русскія мягкія формы, мнѣ кажется, даже правильнѣе церковнославянскихъ, пренебрегшихъ мягкостью. Вообще мѣстоименія «сь» и «вьсь (весь)» сохранили только въ русскомъ языкѣ правильную мягкость, между тѣмъ какъ въ южнослав. нарѣчіяхъ *с* сдѣлалось твердымъ, въ польскомъ же и чешскомъ языкахъ перешло даже въ *š* вм. *ś*. Поэтому въ южнослав. нарѣчіяхъ, въ числѣ ихъ также въ церковнославянскомъ, говорятъ «всакъ», въ польскомъ и чешскомъ «však», и только въ русскомъ осталась правильная форма «всякъ». Формы «сюда, всюду, всякъ» — одинаковы.

Не нравится мнѣ стилизація автора, когда онъ говоритъ, что «въ русскомъ языкѣ находилось и находится нѣсколько словъ, имѣющихъ въ корнѣ то твердое то мягкое *р*», (стр. 95). Примѣръ «нерѧдити» вм. «нерадити» доказываетъ только, что не понимая слова «нерадити» (или «неродити») простонародное словотолкованіе сблизило его съ «рядъ», «рядити»; нынѣшнія слова «неряха», «неряшливъ» не имѣютъ ничего общаго со старымъ глаголомъ «радити», они производятся естественнѣе отъ слова «рядъ», «порядокъ». Точно такъ я полагаю, что «рушити» пе-

решло въ «рюшити» лишь подъ вліяніемъ глагола «рютити». При частомъ колебаніи мягкаго *р* съ твердымъ легко образовались такія неправильныя формы въ простонародіи, какъ «гряница» или «крясть» вм. граница, красть, но вездѣ видна причина такого смѣшенія. Нынѣшнее «дюжій» образовалось безспорно подъ вліяніемъ нерусскаго слова «дюжина», а «стюденъ» можетъ быть обязано своею мягкостью слову противоположнаго значенія «теплыи». Колебанію *у* съ *ю* въ словѣ «блудити» конечно причина въ глаголѣ «блюсти».

Къ случаямъ смягченія свистящей согласной съ переходомъ ея въ соотвѣтствующую шипящую я прибавлю еще два слова. Одно изъ нихъ общеизвѣстное «чечевица», образовавшееся изъ «сочевица» ассимиляціею перваго слога ко второму. И въ чешскомъ языкѣ рядомъ съ «sočovice» существуютъ формы «šošovice», «čečovice» и «šocovice». Встарину писали (въ XIII в.) еще только «сочевица», сл. вопр. Кир. въ Истор. библ. VI. 32. Второе слово, соотвѣтствующее старославянскому «слѣма», въ древнерусск. памятникахъ сначала было «солома», но потомъ вышло «шолома»: «взидоша на шолома» ипат. 429, «ѣдуще по шоломени» ib. Въ словѣ о Полку Игоревѣ: «о руская земле, уже за шеломянемъ еси» (сл. толкованіе Огоновскаго стр. 50, Потебни 47). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что на образованіе этой формы повліяло слово «шоломъ», соотвѣтствующее церковнославянскому «шлѣмъ»: «соима шоломъ» ипат. 433, «шоломъ ихъ какъ солнцю восходящю» 540.

X.

Двѣ выдающіяся черты древнерусскаго консонантизма, мягкость *ш*, *щ*, *ж*, *жд*, *ч* и свистящей *ц*, и постепенное отвердѣніе ихъ, потомъ переходъ глубокогортаннаго твердаго произношенія сочетаній кы, гы, хы въ небномягкія сочетанія *ки*, *ги*, *хи* —

обѣ эти черты заслуживаютъ болѣе подробнаго разбора, чѣмъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ, посвященныхъ имъ въ лекціяхъ. Кажется, не трудно доказать, что въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности — не всѣхъ, но многихъ изъ нихъ — пока еще почти исключительно господствовали всѣ пріемы церковнославянскаго языка, мягкость выше упомянутыхъ звуковъ высказывалась гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ въ современныхъ имъ памятникахъ южнославянскихъ. Стало быть это болѣе сильное проявленіе мягкости должно отнести на счетъ не церковнославянскаго языка, а живой среды русской. Оставимъ въ сторонѣ очень распространенную мягкость въ сочетаніяхъ съ ю; ограничимся лишь нѣсколькими примѣрами сочетаній съ ѩ (гдѣ ѩ не соотвѣствуетъ носовому звуку), мало употребительныхъ въ южнославянской письменности: «въ одежахъ овьчахъ» изб. 1073 181 b, «прѣображѭѥмъ сѧ» 9 a, «жесточають» 140 b, «ноужда ѥ» 13 d, «пораждаѫ» 9 a, «моужа погоубить жена любодѣица» 170 a, «часъ» 153 a, «отълоучаися» 183 b, оумакъчаша» ib., «приближаѭть ми сѧ» 184 a; «клѫчарь» изб. 1076 Срезн. 144 a, «мълчаниѥ» ib., «чаѩти» 145 a, «величаниꙗ» 144 b, «поучати» 142 a, «прилежати» 144 b, «троужатися» 144 a, «подражати» 144 b, «дьржати» 145 a, «въздрьжаниѥ» 144 a, «оудьржаниѥмь» 144 a, «послоушати» 144 b. 145 b., «отъвраштатиса» 144 b, «обраштаюштѫсѧ» 144 b, «крьштати сѧ» 144 b, «чл҃ѣка боѩштаса... и слоужашта» 144 a, «пра҃оцѧ нашего» 142 b, «срд҃цѧ своѥго» 142 a, «бес конца» 145 b, «немьрьцаѩ» 143 a, «въдовицамъ» 144 a, приницати» 144 б.

Подробныя изслѣдованія должны провѣрить и подтвердить или устранить мое предположеніе, высказанное уже въ «Четырехъ статьяхъ» на стр. 91, «что послѣ шипящихъ и мягкихъ свистящихъ іотованная гласная чаще ставится въ памятникахъ южнорусскихъ или неновгородскихъ, чѣмъ въ новгородскихъ, хотя она и имъ не чужда». Наблюденіе это мнѣ и теперь еще кажется точнымъ, но съ оговоркою, что имѣются южнорусскіе памятники и безъ этой наклонности, т. е. воздерживающіеся отъ

нея, какъ напримѣръ изъ собранія рукописей князя П. П. Вяземскаго житіе св. Саввы. Этотъ великолѣпный памятникъ южнорусской, можетъ быть прямо кіевской родины, соблюдаетъ мягкость шипящихъ только въ сочетаніяхъ съ *ю*, это же дѣлаетъ въ первой половинѣ рукописи съ удивительною послѣдовательностью «матежю» 25, «оуношю» 33, «чюжа» 77, «къ лицю» 107, «оумершюю» 115, «черньцю» 133, «хлѣбницю» 149. 181, «межю» 151, «мажющаса» 167, «оусобицю» 175, «старьцю» 185, «шепъчющіа» 185, «кощюно—» 187, «Агапицю» 189, «заповѣдь старчю» 223, «старцю» 223, «дшю» 229, «плищю» 273. Эта точность соблюдается, покудова «Воронъ псалъ» (до стр. 288); дальше ужъ этой послѣдовательности нѣтъ. А если уже въ одной рукописи замѣтны различные орѳографическіе пріемы, то тѣмъ паче необходима чрезвычайная осторожность при выводахъ, дѣлаемыхъ на основаніи многихъ памятниковъ, мало изслѣдованныхъ.

Самые ранніе случаи отвердѣнія шипящихъ выходятъ наружу въ окончаніяхъ словъ; вопросъ только въ томъ, были ли такіе примѣры, какъ въ рукоп. синод. библ. XIII в. (поученія Константина пресвитера) «съвьрьшонъ», «крьщонъ», «кромѣ жонъ» (опис. рук. синод. библ. II. 2. 434) съ самаго начала — сочетанія твердыя? Въ этомъ можно сомнѣваться, имѣя въ виду множество примѣровъ изъ тѣхъ же памятниковъ, гдѣ точно соблюдается мягкость. Напримѣръ въ грамотѣ смоленскорижской 1284 — 1297 года (р. лив. акты № 34) читаемъ: «чоловека», «чоловѣка», но въ то же время: «рижаны», «жалобилиса», «тажа» (именит. ед. ч.), «концати». Или въ витебской грамотѣ около 1300 г. (р. лив. ак. № 49) пишутъ: «жо», «княжо» «хочомъ», «отъ отчовъ», «шодъ», «шолъ», но въ то же время «если не чювали», «горожанъ», «дѣржалъ», «жалобою», «жаловали»; написаніе «слышъышь», тамъ же, я причисляю къ опискамъ, потому чтъ ъ и ы послѣ шипящихъ тогда еще не писались, это встрѣчается не раньше второй половины XIV столѣтія. На югозападныхъ окраинахъ Россіи мягкость продолжалась и по пись-

менньмъ памятникамъ гораздо дольше: въ гал. грамотѣ 1393 г. «о дѣлницю» (рядомъ съ «пришодъши»), гр. гал. 1398 г. «свѣдчю», «нашю», въ грам. 1400 г. «жаворонковича», «держалъ» «границами», гр. 1403 г. «криницю», гр. 1404: «прислꙋшаеть», «держаніє», «осꙋжаемъ», «печати»; гр. 1407: «радцами», «мѣстьчаны», «львовчане», «держати», «печать» и т. д. (по изданію Головацкаго въ «Науковомъ Сборникѣ»).

Переходъ произношенія кꙑ, гꙑ, хꙑ вѣ *ки*, *ги*, *хи* начался очень рано, у Соболевскаго указано довольно много примѣровъ изъ XII вѣка. Едва ли будетъ слишкомъ смѣло, если скажемъ, что въ живомъ произношеніи уже въ XI вѣкѣ происходило то, что въ письмѣ стало проявляться лишь нѣсколько позже. По крайней мѣрѣ примѣры падежнаго окончанія на *-кѣ*, *-скѣ*, появляющіеся уже въ XI столѣтіи (сл. Собол. лекціи на стр. 150), сильно располагаютъ въ пользу предположенія, что въ то же время, когда говорилось «золобѣ женьскѣ» 1073. 174 d, или «на воскѣ не ю начрьтанѣ» григор. богосл. 188 γ, не произносилось уже кꙑ, гꙑ, хꙑ существенно различно отъ нынѣшняго произношенія этихъ сочетаній. Ожидали бы первыя появленія сочетаній *ки*, *ги*, *хи* въ памятникахъ южнорусскихъ, гдѣ вообще гортанное произношеніе звука ꙑ раньше начало уступать обыкновенному немягкому *и*. Матеріалъ, собранный въ «лекціяхъ» (на стр. 90 — 91), какъ будто подтверждаетъ это предположеніе; впрочемъ это можетъ быть простая случайность, потому что другіе памятники, тоже несомнѣнно южнорусскіе, раньше конца XII вѣка этого перехода вовсе не знаютъ. Для примѣра сошлюсь опять на житіе св. Саввы, гдѣ ꙑ и и строго отличаются въ первой части рукописи, хотя тутъ же пишется «скитьскии оц҃и» 137 (вм. «скитьстии»); только во второй части (со страницы 289) попадаются нѣкоторые примѣры съ *и*: «халкидоньскии» 303. 313. 315. 335, «антиохиискии» 331, «великии черноризець» 371.

Профессоръ Соболевскій отнесъ примѣры окончанія на *-кѣ* въ склоненіи къ случаямъ вліянія однихъ падежей на другіе (на стр. 145—150); точно такъ примѣры повелительнаго наклоненія на *-ги*,

-*ки* къ аналогическимъ явленіямъ при спряженіи (стр. 178—9). Я съ этимъ не вполнѣ согласенъ. Исторія этихъ формъ доказываетъ наглядно, что съ одной аналогіею падежей не справишься. Самые ранніе примѣры сочетанія *кѣ* (вм. *цѣ*) принадлежатъ спеціальному случаю, когда сочетанію *кѣ* предшествуетъ согласная *с*; стало быть *с* полныхъ сочетаній «ска - скъ - скы - скоу» явилось первою помѣхою переходу сочетанія *скѣ* въ *сцѣ*, *ски* въ *сци* (или въ *стѣ* - *сти*). Этотъ отдѣльный случай не можетъ быть названъ чисто морфологическимъ, хотя конечно аналогія и тутъ приняла свою долю участія, но она стояла на второмъ планѣ, она подвернулась тогда, когда уже понадобился выходъ изъ неудобнаго сочетанія. Нелюбовь же къ сочетанію *сцѣ* видна не только въ окончаніяхъ падежей (въ житіи Кондрата «дъстѣ» старою рукою исправлено въ «дъскѣ», «въ чьрньчьскѣмь житии» ж. Ѳ. 16 с., «въ кдиномь селѣ монастырьскѣ» 25 d, «въ числительскѣмь чиноу» корм. XIII в. Бусл. хр. 377, «въ печерьскемъ монастыри» новг. лѣт. I. 57, «въ неревьскемь коньци» ib. 75, «на ламскемь волоце» 82, «апостольскѣи цр҃кви» син. патер. (Срезн. № 82, стр. 51), но также въ корнѣ слова: «раскѣпилася бяше» читаемъ въ прологѣ около 1350 г. Срезн. 260, въ лавр. лѣтоп. 173 (фотолит. 119): «сима же тепенома и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ», въ ип. лѣт. стр. 207 «пободоста и оскѣпомъ», ib. 512 «оскѣпищю исѣчену»; въ рум. палеѣ 1494 г. (Пам. стар. лит. III 56): «роскѣлю дети мои». Все это доказываетъ, что главная причина для возстановленія сочетанія *скѣ* заключалась не настолько въ аналогической притягательности прочихъ падежей, насколько въ отвращеніи къ -*сц*. Только такимъ образомъ становится понятнымъ, почему при -*скѣ* долго еще писали -*цѣ*, -*зѣ*, напр. въ смоленской правдѣ 1229 г.: «Смольнѣскѣ» сп. А., «Смоленске» сп. С. D. Е., но въ то же время во всѣхъ спискахъ «оу Ризѣ», «на березѣ» (или «березе»).

Аналогія сочетаній -*скѣ*, -*ски* потянула мало по малу за собою всю прочую массу примѣровъ, но этотъ поворотъ къ гортанной происходилъ здѣсь медленно, такъ что въ XIV и XV вѣ-

кахъ, судя по различнымъ памятникамъ, писалось еще то и другое рядомъ. Сначала было чаще старое: въ москов. грамотахъ читаемъ: «въ тамзѣ» 1356, «по згадцѣ» 1362, «сносѣ» 1406, «въ бѣжицкомь версѣ» ib., «на Волзѣ» 1423, «на поруцѣ» (часто); но въ новгородской грамотѣ 1314 г. уже «на городкѣ» Шахм. 257, въ новгор. лѣтописи I. 256 (фотогр. изд.) «по Лугѣ»; въ двинскихъ грамотахъ XIV — XV вѣк.: «на рѣки», «въ путикѣхъ», «по рѣчкѣ», «въ хмельникѣхъ», «на томъ участки», (акт. юр. № 71), «въ томъ борьке» гр. конца XIV в. Иван. № 8, «при посадникѣ» новгор. еванг. 1463 г. (Погод. табл. II. 10), «къ рѣкѣ» ак. юр. № 11, стр. 22 (1504 г.), но «по дензѣ» акт. юр. Калач. I. 103 (1445—62), «на Волоцѣ» (ib. 105, 1462—4), «по рѣцѣ» (ib. 129, 1423 г.), «в соснязѣ», «в рѣцѣ», «в Волзѣ» (ib. 443—4, 1432—1443 г.), «по дорозѣ» акт. юр. № 7 стр. 13 (1491 г.); въ Ефремѣ Svиринѣ 1377 г. (академическомъ): «Владычкѣ». Перевѣсъ въ сторону возстановленія *к*, *г* (вм. прежнихъ ц, з) былъ значительно поддержанъ, кромѣ общаго вліянія аналогіи всѣхъ прочихъ падежей, еще смѣшеніемъ именительнаго падежа множ. числа съ винительнымъ, вслѣдствіе чего -ци, -зи, -си и здѣсь вышло изъ употребленія. Въ грамотѣ № 17 у Иванова (московской 1449 г.) читаемъ еще по старому «намѣстници мои», но въ грамотѣ № 18 (тамъ же, изъ того же времени) является уже въ качествѣ именит. падежа «всѣ пошлинникы».

Опаснымъ считаю ссылаться для мягкости гортанныхъ на единичные примѣры, какъ «кюръ» вм. «куръ» (gallus), или «кюю» вм. кою (Собол. стр. 92); рискуемъ придать значеніе случайнымъ опискамъ. Но на формахъ, подобныхъ примѣру «колке» (вм. колько), можно было остановиться нѣсколько подробнѣе, подобрать въ одно такіе случаи, какъ «на Волхевьци» грам. хут. 1192 г., въ двин. грамотахъ именит. пад. «Савке», въ новг. лѣтописи «останьке» и т. д. Замѣчу кстати, что не считаю правдоподобнымъ объясненіе нынѣшняго мѣстнаго (южнорусскаго) оборота «въ госці», «аналогіею съ двойными формами» окончаній на *-сѣ* и *-стѣ* (изъ

-скъ). Объясненіе это предложено Соболевскимъ (на стр. 93). Но какъ могло влiять то, что давно уже стало исчезать въ языкѣ?

XI.

Не захотѣвъ усмотрѣть въ переходѣ *в* въ *у*, и наоборотъ, черту діалектическую, авторъ внесъ данныя этого перехода въ исторію согласныхъ (на стр. 87—89). Съ этимъ можно, пожалуй, согласиться, потому что въ исторіи консонантизма во всякомъ случаѣ объ этомъ должна быть рѣчь; но мнѣ кажется, собственныя слова автора свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ переходъ все-таки и для исторической діалектологіи многознаменателенъ, что онъ дѣйствительно характеризуетъ юго- и сѣверозападные говоры или нарѣчія русскаго языка. Вѣдь въ концѣ концовъ надо же допустить, что этотъ переходъ значительнымъ количествомъ примѣровъ ознаменовалъ себя только въ смоленскихъ, витебскихъ, полоцкихъ и псковскихъ, потомъ же въ галицко-волынскихъ грамотахъ и текстахъ, происходящихъ изъ этихъ областей. Стало быть это все-таки черта діалектологическая, нужды нѣтъ, что она свойственна не одному только говору или нарѣчію. Физіологически это явленіе объясняется конечно тѣмъ, что настоящей разницы между *v* и *u* не было, оба звука совпали въ среднемъ u̯ (или v); предпочтеніе же той или другой передачи этого звука въ письмѣ (черезъ въ—в или ѹ—ѵ)—по видимому было не совсѣмъ случайное. Отъ подробнаго изслѣдованія вопроса можно ожидать, что оно установитъ, на сколько возможно, подъ какими условіями обыкновеннѣе происходилъ переходъ *в* въ *у*, подъ какими же, наоборотъ, *у* въ *в*. Бо́льшая наклонность къ тому или другому, можетъ быть, стоитъ въ связи даже съ различіями говоровъ. По матеріалу, которой у меня подъ рукою, оказывается

какъ будто бы въ сѣверозападныхъ (бѣлорусскихъ) памятникахъ чаще стоитъ *у* вмѣсто *въ*, въ южнорусскихъ же къ этому еще присоединяется довольно частое *в* вмѣсто *у*. Такъ уже въ смоленской правдѣ (1229 г.) по списку А читаемъ: «ѹздоумалъ», «оу Ризѣ» или «оу Ризе» (часто), «оу Роусе», «оу Смольнѣскѣ» или «оу Смольнеске», «оузати», «оу дъıбоу», «оу погрѣбъ», «оу железа оусадить», «оу дълго», «оу холъпство», «оу верхъ», «оу низъ», «оу мьсто», «оу городъ», «оусхочеть», «наоуспать», «оу томь», «оу Рускои земли», «оу латинескои цр҃кви», «оу тѣхъ вълъсти», Въ полоцкой грамотѣ (ок. 1300, у Срезневскаго 240 и слѣд.): «оу Витьбескъ», «оу Смольнескъ», «оузалъ», «оу честь», «оу разбоинниковоу клеть», «оу клети», «оу дворе», «оу рать ити», «оу пироу», «оу борзѣ», «оу томь»; сл. также «оу пудньıи рѣмѣнь» 1330 г., «оузати» 1330. 1405, «оу рѹскои земли» 1330, «оу Ригоу» 1330. Въ литовской грамотѣ 1387 г. (у Срезневскаго 266): «оузалъ оу свои руки», «оу славоу», «оу сии вѣкъ и оу будущии», «оу низъ», «оу верхъ», «оусıакии доходъ», «оу литовьскои земли», «оу Полтескъ не оуступатися», «оусемь», «оусемъ», «оусехъ», «оусеми», «оусею», «оусее», «оусю», «оуся», «оуси», «оусякии».

Въ южнорусскихъ текстахъ попадаются конечно также примѣры: «оукоупѣ», «оузати», «оустокъ», «оускрича», «оулѣсти оу корабль» (изъ гал. ев. XIII в.) «оудасть ю оу монастырь», «оуспрнıати», «оу свѣтѣ» (изъ гал. Ефр. Сир. XIII в.); но здѣсь вдобавокъ находимъ еще довольно часто *в* вм. *у*: «въмрете», «въмъıся», «въмолю», «въготоваю», во-въстѣхъ», «въ въшею вашею» (изъ гал. ев.), «во вѫжасѣ», «вничьжи», «повчахъся», даже «ото-вности» (вм. «отъ оуности»); въ вѣнскомъ октоихѣ: «вътроба», «вчѣньемъ», «навчі», «на вдеса», «во въспѣнье». Грамоты южнорусскія чаще пишутъ *у* вм. *въ*, чѣмъ *в* вм. *у*, но можетъ быть это предпочтеніе происходило подъ вліяніемъ оффиціальнаго литовско-русскаго языка. Все же есть *в* вм. *у* тоже въ грамотахъ галицкихъ (хотя изрѣдка): «вжиткове», «вжитки», «вжити тѣхъ вжитковъ», «въ кго брата», «въ ихъ сн҃овца» (гал.

грам. 1371 г. наук. сборн. I. 187—8), «безъ одв8к8п8 (гал. гр. 1400, ib. 199), «оувъ озера» (гал. гр. 1400, ib. 200), «ани вкажеть» (гал. гр. 1401, ib. II, 37), «вчинили» (гал. гр. 1422, ib. 52, сл. «ѐчиниша» ипат. 188); «враждника», «вказали», «врочища» (гр. 1421 г. ib. III. 135—6).

Въ позднѣйшее время (въ XVI столѣтіи) видна въ бѣлорусскомъ нарѣчіи наклонность къ смѣшенію *в* съ *у* не только съ перевѣсомъ въ сторону *у*, но также съ *в* вм. *у*; послѣднее встрѣчается довольно часто. Въ такомъ видѣ выходитъ наружу языкъ бѣлорусскаго познанскаго сборника, по изданію А. Н. Веселовскаго. Здѣсь мы сплошь да рядомъ встрѣчаемъ «вже», «вдарыли», «вчынити», «на вмѣ» «вмомъ», «вчы», «навчыш», «вмерлое», «в него» и т. д. и въ то же время: «у реку», «у глубокомъ виру», «у сороме», «узявшы», «ушла в ложницу», «узречем», «усхочеш», «узрадовалося», и т. д. Въ особенности стоитъ указать на *ув* передъ гласными: «ув-одну комору», «ув-окно», «ув-огонь», «ув-одной дуброве», «ув-ыную землю», «ув-очы», «ув-одномъ человецэ», «ув-острове», «ув-островъ», «ув-угле», «ув-ыную цэрков»; изрѣдка: «увошолъ», «вов покои». Слич. въ ипатской лѣтописи 425: «не увтягли», ib. 423: «во вчаны» (вм. обыкновеннаго «учаны»), или въ галицкомъ Ефремѣ Cиринѣ: «оувъ молитвахъ». «оувъ спасеніи».

Проф. Соболевскій слишкомъ рѣшительно объявляетъ (на стр. 88), что «въ древнихъ памятникахъ кіевскихъ *у* изъ *в* нѣтъ». Какъ сказано мною выше (на стр. 16), я согласенъ только отчасти. Судя по памятникамъ, которые съ нѣкоторою достовѣрностью могутъ быть причислены къ кіевскимъ, переходъ *в* въ *у* здѣсь не былъ повидимому очень распространенъ, но онъ замѣтенъ все-таки и здѣсь, по крайней мѣрѣ въ такихъ небольшихъ размѣрахъ, въ какихъ въ памятникахъ новгородскихъ, и если отъ вниманія автора не ускользнули тѣ нѣсколько примѣровъ новгородскихъ, то онъ не пропустилъ бы привести и доказательства «кіевскія», если бы принципіально не отрицалъ ихъ. Я выхожу съ другой точки зрѣнія, поэтому позволю себѣ дополнить

наблюденія его примѣрами «кіевскими». Во первыхъ въ изборникѣ 1073 форма «оуселкная» вѣроятно не что другое, какъ замѣна въ звукомъ оу на южнорусскій ладъ («оуселенѫѭ» 9 d, «оуселкнѣи всеи зьрашти» 48c, «оуселеноуѫ на средоу изведеть» 78c); такимъ же образомъ замѣненъ, кажется, глаголъ «въселитися» въ изб. 1073, 37b: «въшедъше оуселатьса», хотя этотъ примѣръ менѣе убѣдителенъ. Сличи также «въчиненъı» 95 c. 97 c. или «наоутинъ» 252 c.[1]). Съ нѣкоторою натяжкою можно всѣ эти примѣры истолковать какъ преданіе церковнославянское, безъ участія въ нихъ южнорусскаго элемента (такъ проф. Соболевскій въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, II, стр. 353); но я даю предпочтеніе догадкѣ, что по крайней мѣрѣ въ «оуселкная» и «въчиненъı», незамѣтно промелькнула черта южнорусская. Въ очень небольшомъ количествѣ примѣровъ видна эта черта и въ другомъ кіевскомъ памятникѣ (по моему мнѣнію), въ житіи св. Саввы (по изд. проф. Помяловскаго): «оу долго врема» 221, «въ что въблечемса» (вм. «облечемса», вѣроятно слышалось въ произношеніи «оублечемъ са», что напоминаетъ въ изб. 1073 г. «оусквьрнимъса» 28 d, «оучистивъшеса» 38 b[2]) и «оупрашаше» 381. Замѣчательно, что и этотъ памятникъ раздѣляетъ съ обоими сборниками, 1073 и 1076 года, не часто встрѣчающуюся особенность писать «въгодно» вм. «оугодно»: «помыслы бобъгоднъıꙗ» 27, въ изб. 1073 г. «въгодьно» 35 b. 82 a, «въгодіть» 85 c, «въгодити» 91 c и 1076, 74 a. Ссылка на южнославянскіе примѣры, гдѣ изрѣдка встрѣчается дѣйствительно «въгодьнъ», не можетъ еще устранить мысль, что это совпаденіе трехъ памятниковъ южнорусскихъ не случайное. Въ такомъ же видѣ представляется мнѣ также совпаденіе обоихъ сборниковъ относительно колебанія между «въчинити», и оучинити», между «въселити» и «оуселити».

---

[1]) Форма «наоугинъ» читается также въ первой новгородской лѣтописи I. 242 (фотол. изд.).

[2]) «оучиститн» равняется южнослав. «оучиштати», находящемуся въ глаголитѣ Клоцовомъ (См. Микл. Lex. pal.).

Къ этому переходу *у* въ *в* и наоборотъ можно было прибавить еще краткое указаніе на особенность югозападнаго нарѣчія снабжать начальное *о*, когда оно вслѣдствіе долготы (или позиціи) черезъ *ō* - *у* - перешло наконецъ въ *і*, въ началѣ согласною *в*: «вівця». Примѣры, какъ въ гал. ев. 1266 г. «за воовьца» 150 б, «о одежахъ воовчихъ» 30 б и т. д., доказываютъ, что приставка согласной *в* восходитъ къ очень раннему времени. Нѣсколько примѣровъ вошло съ *в* въ общее употребленіе: восемь, вострый, вотъ (сл. «отъ стои оу тебе» Срезн. малоизв. пам. № 32, стр. 28, еще безъ *в*). Встарину языкъ любилъ такое же *в* и внутри слова: «Левонтии» грамот. XIV в. Срезн. № 29, «легивонъ» поликарп. ев. 1307 г., «Ларивонъ посадникъ» Пск. лѣтоп. I. 197, «св. Геворгіи» гр. дв. по сп. XV в. (акт. арх. эксп. I. № 4).

Если надпись на чарѣ Владимира Давыдовича черниговскаго, которую археологи относятъ къ 1151 году, подлинна, тогда можно бы уже съ нея привести примѣръ слова «ѡсподарѧ» безъ *г*!

Что же касается диссимиляціи плавныхъ (стр. 97—8), то эта наклонность общеславянская. Къ примѣрамъ, приводимымъ въ лекціяхъ, прибавлю изъ Срезнев. малоизв. пам. № 31: «халтулареви» (греч. χαρτουλάριος); въ житіи св. Саввы въ послѣсловіи: «попъ поломонарь» (παραμονάριος), стр. 533; въ рязанской кормчей: «авлириана» 7 б, «авлириɪаноу» 7 с, въ еванг. XIV в. у Срезн. м. п. № 20 «Фрола», въ грам. галицкой 1398 г. «Хролъ», въ грамотѣ 1401 г. «валътромѣа». Не упомянуто современное слово «крилосъ» рядомъ съ «клиросъ» («крилошаны югозап. г. 1366 г.); сл. также нынѣшнее польско-бѣлорусское «folwark— фольварокъ» (Vorwerk). Можетъ быть нѣчто похожее на эту диссимиляцію существуетъ также въ двухъ иностранныхъ словахъ, гдѣ первое изъ двухъ *м* перешло въ *б*: «бохъмитъ» лавр. лѣтоп. подъ 986 г. (эта форма встрѣчается уже въ южнослав. памятникахъ, напр. въ берлинскомъ сборникѣ XIII в.) и «бусурманинъ» (сл. «долгъ бесерменьскъıи» моск. грам. 1388 г.) вм. «мусульманинъ». Наконецъ можно было ожидать указанія на

замѣну согласной *н* въ началѣ именъ личныхъ согласною *м*, не знаю точно по какой аналогіи это совершилось: «Микꙋлою» ев. новг. 1362 г. посл., «Микитоу» новг. лѣт. I. 81, «Микитѣ» Срезн. м. п. № 20. 27, и т. д. Вспомнимъ еще старое «жьнчюгъ»-«женчюгъ» при нынѣшнемъ «жемчугъ» и «тамга» при «деньга».

Возстановленіе этимологическаго правописанія, обусловленное тѣмъ обстоятельствомъ, что литературнымъ языкомъ умѣли писать лишь люди начитанные въ церковной литературѣ, — вызывало конечно много неправильныхъ толкованій, которымъ и подчинялись писатели. Такъ напр. если въ Паисіевомъ сборникѣ написано «робчюща», «робчете» черезъ б (Срезн. 274), то это правописаніе придумано подъ вліяніемъ невѣрнаго словопроизводства отъ «робъ». Такъ должно быть сѣверновеликорусское «охвочь», «охвота» развилось не безъ участія глагола «хватить». Уже въ ипат. лѣт. 423 читаемъ: «ꙋохвотишася ѣхати»; въ палеѣ рум. муз. 1494 г. «ѡхвочь еси» Пам. ст. р. л. III. 57. Здѣсь конечно *хв* могло существовать не только въ правописаніи, но и въ дѣйствительномъ произношеніи. Несомнѣннымъ произношеніемъ отзывается бѣлорусское «борздо» (въ познанскомъ сборникѣ очень часто: «борздо ростꙋчи» 9, «поведали борздо» 15, и т. д.), но какъ образовалось это слово вм. ожидаемаго «борзо» или м. б. «бордзо»? Изъ современнаго языка приводятъ «барджджѣй» (сравнит. степень = бръже), въ словарѣ Носовича и у Шейна (№ 90, сл. Карскаго Обзоръ, стр. 77), что тоже указываетъ на «барздый» какъ положительную степень.

Этимъ оканчиваются мои замѣтки по исторіи звуковъ русскаго языка. Придерживаясь порядка, въ какомъ изложенъ предметъ въ лекціяхъ проф. Соболевскаго, я старался кой въ чемъ пополнить изложеніе его данными изъ матеріаловъ, накопившихся у меня въ теченіе лѣтъ; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ наши взгляды на иныя явленія древнерусскаго языка расходятся, я предложилъ свои толкованія. Я далекъ, конечно, отъ мысли, что мои объясненія вездѣ лучше, что непремѣнно вездѣ такъ,

какъ я объясняю; въ предметѣ столь неудовлетворительно до сихъ поръ изслѣдованномъ, недосмотры неизбѣжны.

XII.

Перехожу ко второй части «лекцій»: къ исторіи формъ русскаго языка. И здѣсь прежде всего вынуты «главныя формальныя особенности русскаго языка» (стр. 105—119), главнымъ образомъ по отношенію къ церковнославянскому языку. Такими «не существовавшими въ церковнослав. языкѣ» формами считаются: 1) род. пад. ед. ч. и имен. и вин. пад. мн. ч. на *ѣ* вм. церковнославянскаго окончанія ѧ; 2) формы косвенныхъ падежей «членныхъ именъ прилагательныхъ», напр. род. пад. на *-ого*, дат. падежъ на *-ому;* 3) мѣстоименіе «тобѣ — тебе» какъ дат. и мѣстный пад.; 4) второе лицо глагола на *-шь;* 5) третье лицо ед. и мн. ч. на *-ть;* 6) первое лицо мн. ч. на *-ме* и *-мо;* 7) имперфектъ на *-яхъ;* 8) давнопрошедшее, состоящее изъ «былъ есмь» и причастія на *-лъ;* 9) причастіе наст. врем. на *-а;* 10) неопредѣленное на *-ть;* 11) еще нѣсколько особенностей. Этимъ конечно перечислены не всѣ формальныя особенности русскаго языка, ихъ гораздо больше: но прочія не упомянуты, должно быть, потому что развивались мало по малу, не выступая сразу въ древнѣйшихъ памятникахъ. Напр. несомнѣнною формальною особенностью русскаго языка надо признать совпаденіе существительныхъ всѣхъ родовъ въ окончаніяхъ мн. ч. на *-амъ*, *-ами*, *-ахъ;* по характеру происхожденія это такая же особенность, какъ окончаніе имперфекта на *-яхъ* (вм. *-ѣхъ*), разница только во времени; имперфектъ на *-яхъ* существовалъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, упомянутаго же совпаденія всѣхъ родовъ въ одинаковыхъ окончаніяхъ тутъ еще нѣтъ. Но если соображаться съ хронологическими причинами и исключать изъ формальныхъ

особенностей всѣ черты русскаго склоненія и спраженія, не выступившія уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, то надо будетъ, какъ мнѣ кажется, изъ перечня, сдѣланнаго выше, кое что вычеркнуть, напр. пунктъ 4. 8, можетъ быть также 6. и 10.

Не желая казаться придирчивымъ, беру главныя формальныя особенности, какъ онѣ изложены въ лекціяхъ, чтобы сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Трудно вѣрить, что сложное склоненіе прилагательныхъ образовалось двумя различными путями, какъ полагаетъ проф. Соболевскій, анализируя форму «доброго» происхожденіемъ изъ «добръ + его» (стр. 107), тогда какъ «добраго» вышло безспорно изъ «добра + его». Не говоря ужъ о томъ, что «добръ + его» едва ли могло бы дать «доброго», но хоть бы и могло, самое предположеніе, что сложное склоненіе прилагательныхъ основано на двухъ различныхъ принципахъ образованія, что формы его колебались между тѣмъ и другимъ принципомъ, заключаетъ въ себѣ столь мало правдоподобнаго, что безъ особенной нужды не должно прибѣгать къ такому объясненію. Не вижу причины отступать отъ обыкновеннаго толкованія формъ «доброго», «добросѣ», «доброи», «добромъ», какъ аналогій къ склоненію мѣстоименія «того», «тоѣ», «тои» «томь». Взглянувъ такъ на эти формы, мы легко поймемъ существованіе въ иныхъ падежахъ обѣихъ формъ рядомъ: старой, по настоящему сложной, «добраго», «добрыѣ», «добрѣи», «добрѣмь», и новой, аналогической: «доброго», «доброѣ», «доброй», «добромь». Проф. Соболевскій не затрудняется заявить, что «добраго» въ историческое время вѣроятно совсѣмъ и не существовало, но допускаетъ формы «добрыѣ» возлѣ «доброѣ», «добрѣмь» возлѣ «добромь»; мнѣ же сдается, если бы живая русская рѣчь уже въ XI столѣтіи не знала формы «добраго», то памятники этого времени отнеслись бы и къ родительному падежу точно такъ, какъ къ дательному, т. е. если бы и не отвергли совсѣмъ формы на *-аго*, такъ по крайней мѣрѣ рядомъ съ ней писали бы также *-ого*. По исключительному употребленію окончанія *-аго* можно догадываться, что эта форма въ XI вѣкѣ еще существовала, даже

преобладала передъ окончаніемъ *-ого*, не вошедшимъ тогда еще въ употребленіе въ такихъ размѣрахъ, какъ въ дательномъ падежѣ окончаніе *-ому*. Почему же раньше произошло вліяніе дательнаго «*тому*» на форму прилагательнаго на «*-уму*», чѣмъ родительнаго «*того*» на форму прилагательнаго на «*-аго*» — это не поддается нашему объясненію. Замѣчательно, что и въ двойственномъ числѣ «тою» уже въ древнѣйшее время притянуло къ себѣ форму прилагательнаго, преобразовавъ «доброую» въ «доброю», между тѣмъ какъ въ винительномъ падежѣ ед. числа держится «добрую» еще до сихъ поръ.

Не знаю, должны ли мы удовлетвориться объясненіемъ, что попадающіеся иногда въ древнѣйшихъ памятникахъ примѣры дат. падежа на «-оомоу» и «-еомоу» и «-оумоу» не что иное, какъ подражаніе формамъ церковнославянскимъ съ двумя оу (стр. 109)? Пожалуй, удвоеніе *о* могло дѣйствительно произойти подъ вліяніемъ церковнаго двойного *у* (напр. въ мин. праздн. XI—XII в. 36 б «къ божьствьноомоу», «явленоомоу» ib. 32 б, въ послѣсловіи мстислав. евангелія: «бл҃говѣрьноуоумоу и хрьстолюбивоѡмоу и бг҃мь чьстимооумоу»); точно такъ «оуомоу» или «ооумоу» могли быть лишь комбинаціею двухъ окончаній: церковной и народной (напр. въ томъ же послѣсловіи: «новъгородьскоуоумоу» или въ изб. 1073. 99 с: «правьдивооумоу соудоу»). Но что намъ сказать о формѣ на «еомоу»? какъ понимать напр. изб. 1073, 13 d «къ вѧщьшеомоу»? Если уже приходилось искусственно соединять народное съ церковнымъ, не слѣдовало ли писать «*еуму*» вм. «*еому*»? Поэтому можетъ возникнуть вопросъ, не представляетъ ли это «*еому*» по отношенію къ церковнославянскому «*ууму*» извѣстный моментъ переходнаго развитія? на пути отъ «*ууму*» или «*уму*» къ «*ему*» не могъ ли языкъ на нѣкоторое время остановиться на «*ому*» и «*еому*» также послѣ мягкихъ согласныхъ? Въ сборникѣ успенск. собора попадаются примѣры «обладающомоу», «почивающомоу» рядомъ съ «могоущоуоумоу». Если послѣдняя форма несомнѣнно церковнославянская, то и первая можетъ быть не простая выдумка писцовъ, а

отраженіе живой рѣчи того времени, когда переходъ съ *уму* въ *ему* черезъ *ому* захватывалъ на время также мягкое окончаніе.

Гдѣ о двойств. числѣ прилагательныхъ на *ою* (вм. *ую*) рѣчь идетъ, можно было указать на оборотное явленіе, на форму «двоу» вм. ожидаемаго «двою». Я считаю «двоу» формою русскою, въ противоположность церковнославянскому «дъвою»; «двоу» поддалось вліянію аналогіи съ формою «десятоу». Уже въ словахъ Григорія богослова 359γ читаемъ: «дъвѫ десятоу»; въ новг. гр. 1305—8: «въ двоу носадоу» Шахм. 252, 254; «дву жеребьевъ» моск. гр. 1356 г. (но также «двою жеребьевъ» ib. 1389 г.); такъ еще въ XV и XVI столѣтіи: «въ тѣхъ дву селѣхъ» грам. моск. 1406 г.; «с тѣх дву варниць» гр. моск. 1451 г. Ив. № 19, «дву бояриновъ» ib. 1434 г. (гос. грам. I, № 54, стр. 115), «отъ дву ямъ» 1565 г. Ив. № 40, «въ дву варницахъ» 1610 г. Ив. № 52, «изъ дву колодязеи» 1602. 1610 Ив. № 51. 52, «дв8 саженъ» 1554 г. Бусл. хр. 762, «дву старцовъ» 1613 г. Бусл. 1012, и т. д. Не знаю, можно ли будетъ доказать, что нѣкоторое время при «дву» для родительнаго падежа употреблялось «двухъ» для мѣстнаго, какъ напр. «о двухъ оглоблях» Бусл. хр. 1218 (Котошихинъ); или же явилось «двухъ» сразу для обоихъ падежей, по аналогіи конечно мѣстоименій и прилагательныхъ на *-хъ*? Въ памятникахъ XV—XVI вѣка я замѣчаю еще и для предложнаго падежа господство формы дву: «на дву двору» «пришедъ въ дву сту» ипат. 585, «о дву подахъ», «да четыре црены, на дву соль варить» акт. юр. № 85, стр. 126 (1568 г.), «на дву хлѣбахъ» тамъ же № 86 (1568 г.), «на дву щербетѣхъ», «на дву подклѣтахъ» тамъ же № 90 (1578 г.), «въ дву полѣхъ» ibid. № 228 (1557 г.) Какъ же объяснить югозападное «двохъ», напр. «подъ виною двохъ тысечы» грам. югозап. 1507 г., № 42? Должно быть не замѣною окончанія *ю* въ «двою» окончаніемъ *хъ*, а скорѣе аналогіею прочихъ числительныхъ «трёхъ» и даже «трохъ», «чотырёхъ» или «чотырохъ» и т. д. Когда изъ «дву» образовалось «двухъ», не могло устоять прежнее «обою», а подъ вліяніемъ прилагательныхъ перешло въ «обоихъ»: «судьи обо-

нхъ истцевъ» (рядомъ съ «оба истьца» и «между дву овиновъ») акт. юр. № 7 (1491 г.), «съ обоихъ исцовъ» грам. 1566 г. Ив. № 45. Форма «обоихъ», не имѣетъ такимъ образомъ ничего общаго съ числительнымъ дистрибутивнымъ «обои». Прибавлю еще, что форма «двума», «трема» откуда вышло *двумя*, *тремя*, встарину не ограничивалась творительнымъ падежемъ, а употреблялась также для дательнаго: «нашимъ намѣстникомъ двума стрѣлцема» грам. югозап. 1445 г. Петруш. № 50, «къ трема березамъ», «къ трема осинамъ» ак. юр. № 8, стр. 16 (1498—1505 г.), «къ ихъ же пятма варницамъ» ibid. № 170, стр. 191 (1551 г.); сравни еще «и пушкаремъ и затинщикамъ трицатьма шсми чловѣкшвъ» Иван. № 47 (1593 г.). Однакожъ уже въ московской грамотѣ 1341 года «молодшимъ двумъ».

Относительно формъ «тебе», «себе», въ значеніи дательнаго и мѣстнаго падежей, вмѣсто ожидаемаго «тебѣ», «себѣ», необходимо согласиться съ проф. Соболевскимъ въ томъ, «что ихъ конечное *е* нельзя объяснять смѣшеніемъ звуковъ *ѣ* и *е*» (стр. 111), но онъ не обратилъ вниманія читателей на два важныя обстоятельства: вопервыхъ окончаніе на *е* существуетъ только въ такомъ случаѣ, если гласная *е* остается также внутри мѣстоименія, въ первомъ, основномъ слогѣ, т. е. встрѣчаются лишь дательныя «тебе», «себе»; вовторыхъ же народныя формы дательнаго падежа, съ гласной *о* въ корнѣ, «тобѣ», «собѣ» не обнаруживаютъ подобной же замѣны *ѣ* черезъ *е*. Къ примѣрамъ, приведеннымъ для поясненія въ лекціяхъ, прибавлю еще изъ слова св. Ипполита объ антихристѣ, памятника замѣчательнаго строгимъ различіемъ между *ѣ* и *е:* дат. «себе» 28, «къ себе» 18. 61. 85. 86, «въ себе» 5. 51. 87; дат. «тебе» 51, «в тебе» 61. Въ житіи св. Саввы соблюдается точно такая разница: «въ собѣ» 17, «собѣ» 221, но «тебе» 123, «себе» 225. 439. Изъ этихъ данныхъ я вывожу, что форма «тобѣ», «собѣ» считалась настоящимъ дательнымъ или мѣстнымъ падежемъ, тогда какъ на «тебе», «себе» смотрѣли какъ на родительный падежъ, поэтому и писали здѣсь *е* наперекоръ церковнославянскому преданію. Упорное отступле-

ніе отъ церковнославянскаго правописанія, когда надо было передать дательный падежъ не по своему, народному, напоминаетъ подобный же случій съ *ре*, *ле* (вм. *рѣ*, *лѣ*) взамѣнъ народнаго *ере*, *оло*. Въ доказательство, что и на «тебѣ», «себѣ» смотрѣли какъ на родительный падежъ, можно бы привести случаи, правда, не очень часто встрѣчающіеся, гдѣ эти формы такъ и стоятъ въ качествѣ родительнаго падежа: «себѣ» мин. 1096. 8, «ис «тебѣ» ib. 60. Дательный падежъ «тобѣ», «собѣ» характеризуетъ нынѣшнее южнорусское нарѣчіе, отчасти также бѣлорусское. Появленіе этихъ формъ въ древнерусскихъ памятникахъ южныхъ не поражаетъ; но въ новгородскихъ оно нѣсколько неожиданно. Въ Остром. евангеліи этихъ формъ еще нѣтъ, въ минеяхъ 1096—7 онѣ довольно рѣдки. Не доказываетъ ли этотъ фактъ, что формы «тобѣ», «собѣ» — преимущественно южнорусскія, распространившіяся на сѣверъ болѣе путемъ литературнаго вліянія, чѣмъ народной среды? Въ московскихъ грамотахъ XIV в. имѣется даже родительный падежъ: «безъ тобе» (1341), «отъ тобе» (1362), «отъ собе» (ib.), «у тобе» (ib.).

XIII.

Не могу вѣрить, что всѣ безчисленные примѣры второго лица ед. ч. на *-ши*, встрѣчающіеся въ древнѣйшихъ памятникахъ XI—XII вѣка, представляютъ исключительно только передачу церковнославянской формы, которой въ жизни языка соотвѣтствовало будто бы уже тогда окончаніе на *-шь*. Благодаря тому обстоятельству, что теперь уже немалое число памятниковъ XI — XII вѣковъ доступно изслѣдованію и внимательному изученію, наше представленіе о степени самостоятельности этихъ памятниковъ по отношенію къ языку литературнаго преданія пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ болѣе точный и опредѣленный

смыслъ. Мы теперь уже не изумляемся надъ 3 лицомъ ед. числа то на *-тъ*, то на *-е* безъ *-тъ*, если намъ скажутъ, что это формы русскія, мы принимаемъ ихъ какъ откликъ живой рѣчи; насъ не удивляетъ 1-ое лицо мн. ч. на *-мы*, *-ме*, если скажутъ, что эти окончанія отражаютъ собою примѣсь живого языка къ литературному; отступленіе древнерусскихъ памятниковъ отъ церковнослав. языка въ нѣкоторыхъ особенностяхъ повелительнаго или неопредѣленнаго наклоненія или имперфекта мы не затрудняемся ипричислить тоже къ несомнѣннмъ отраженіямъ живой русской рѣчи. Однимъ словомъ, число русскихъ формъ въ древнѣйшихъ памятникахъ при болѣе внимательномъ изученіи увеличивается. Поэтому конечно насъ не удивило бы, если бы уже въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣтили второе лицо ед. ч. на *-шь*. Но ни одного такого примѣра до сихъ поръ не удалось найти. Не имѣетъ ли эта отрицательная сторона, въ виду столь многочисленныхъ положительныхъ данныхъ, никакого значенія? Кажется, не слишкомъ смѣлый будетъ выводъ, если скажемъ, что въ древнѣйшихъ памятникахъ нѣтъ второго лица на *-шь* просто потому, что въ живой рѣчи того времени, если можетъ быть отчасти тогда уже употребляли сокращенное окончаніе *-шь*, все-таки не чуждались еще окончанія на *-ши*, бывшаго вѣроятно тогда еще въ общемъ употребленіи. Второе лицо не какая нибудь рѣдкость въ языкѣ, оно не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы отвращать отъ употребленія живой народной формы, по крайней мѣрѣ иногда, изрѣдка. Если же несмотря на все то въ древнѣйшихъ памятникахъ нѣтъ ея въ другомъ видѣ, какъ съ окончаніемъ на *-ши*, значитъ, другого окончанія тогда еще не знали, или же то другое тогда только что начало мало по малу выступать. Объ этомъ вопросѣ очень разумно разсуждалъ уже пять лѣтъ тому назадъ нашъ молодой ученый А. Шахматовъ въ 7-омъ томѣ моего журнала, на стр. 63—66; аргументы его кажутся мнѣ и теперь неотразимыми.

Къ окончаніямъ имперфекта на *-шеть* и *-хуть* замѣчу, что моя догадка относительно появленія этихъ формъ на югѣ и рас-

пространенія ихъ оттуда дальше на сѣверъ и по всей древнерусской письменности (ср. Четыре крит. палеогр. статьи, стр. 94—96) ссылкою на нѣсколько сѣвернорусскихъ памятниковъ (Лекціи, стр. 113) вовсе не устраняется. Я и самъ это зналъ и не отрицалъ существованія такихъ формъ въ сѣвернорусскихъ текстахъ; но я затронулъ моимъ предположеніемъ одинъ изъ очень интересныхъ, доселѣ не изслѣдованныхъ вопросовъ, насколько развитіе древнерусской письменности шло подъ взаимнымъ вліяніемъ одной области на другую, одного центра на другой? Въ письменности, возникшей на основаніи чисто народнаго языка, подражательность не играетъ столь важной роли, какъ въ письменности поддерживаемой нѣсколько искусственно, индувидуальнымъ заучиваніемъ не то формъ, не то словъ литературнаго языка. Въ Россіи встарину не ограничивались только списываніемъ южнославянскихъ подлинниковъ; какъ извѣстно, шла также довольно оживленная, оригинальная дѣятельность на языкѣ не чисто народномъ, а смѣшанномъ, на половину церковномъ, на половину народномъ. Желаніе было писать языкомъ литературнымъ, оно достигалось не иначе какъ внимательнымъ чтеніемъ существовавшихъ образцовъ и подражаніемъ имъ. Принадлежали ли формы имперфекта на *-шеть*, *-хуть* къ такому достоянію древнерусскаго литературнаго языка, которое почерпалось изъ вѣчно живого родника народной рѣчи, или же оно наслѣдовалось посредствомъ изученія и подражанія — вотъ въ чемъ вопросъ. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ послѣднее и въ доказательство, какъ далеко распростиралась подражательность, укажу на аористъ съ *ть*: «не могошать ихъ удержати» ипат. 421.

Для 1-го лица мн. числа мнѣ встрѣтился примѣръ «есме» уже въ праздничной минеѣ XI — XII вѣка (новгородской): «имьже питоми есме вѣрьнии... имьже съставлени есме и живемъ» 84а. Это продолжалось въ новгородской письменности въ теченіе слѣдующихъ столѣтій, какъ доказываютъ примѣры, приведенные у Соболевскаго (на стр. 114), сличи также въ новгор. прологѣ ок. половины XIV вѣка: «кажеми есме» (Срезн. 259); или въ

палеѣ XIV в. (Тихонр. отреч., кн. I. 107): «кємє кланѧющисѧ», «кємє вси» ib. 135; въ тактиконѣ 1397 года (новгор. рукоп.) 5 б. «ꙗко приселници єсмє зде». Это окончаніе стоитъ по всей вѣроятности въ близкомъ сношеніи съ «кємъ», оно напоминаетъ намъ въ грамотѣ хутынской формы «вѣдале» «Варламе» вм. окончанія на -ъ, и нѣкоторые другіе случаи именительнаго падежа на -*е* вм. -ъ, встрѣчающіеся тоже въ новгородскихъ грамотахъ (сл. Archiv für slav. Phil. VII. 60); не знаю, можно ли сказать, что на образованіе этого (см. на стр. 48), «кємє» вліяла форма второго лица «кєтє». Но русское «єсмє» развилось, какъ кажется, независимо отъ болгарскаго или чешскаго окончанія *ме*. Изъ русскаго *ме* (съ удареніемъ) вышло *мя* (єсмѧ), о чемъ была уже рѣчь.

Не умѣю навѣрно сказать, потому что недостаетъ точныхъ данныхъ для этого, не превышаетъ ли число формъ на мꙑ въ первомъ лицѣ мн. числа то количество ихъ, которое существовало въ церковнославянскихъ текстахъ, чтобы оттуда могло послужить образцомъ для памятниковъ древнерусской письменности. По даннымъ, собраннымъ Видеманномъ (Beiträge zur altbulg. Conjugation, S. 8), въ древнѣйшихъ южнославянскихъ памятникахъ примѣровъ на мꙑ вообще очень немного, если исключить Супрасльскій сборникъ, представляющій около 20 случаевъ. Сравнимъ ли съ этими данными памятники древнерусской письменности, то увидимъ тотъ-часъ же, что здѣсь число примѣровъ значительно возвышается. Въ одномъ изборникѣ 1073 года, если сосчитать всѣ примѣры, вышло бы, я полагаю, гораздо большее число ихъ, чѣмъ во всѣхъ южнославянскихъ текстахъ вмѣстѣ; уже на первыхъ 60 листахъ (включая сюда 78—81) мы читаемъ: «вѣмꙑ», 6 с, «не оумьремꙑ» 6 d, «имамꙑ» 6 d, «обрѧштемꙑ» 12 b, «сътворимꙑ» 17 с, «обонѧкмꙑ» 17 с, «пꙑтаємꙑ» 18 с, «трѣбоукмꙑ» 18 d, «прорицахомꙑ» 32 а, «поживемꙑ» 33 а, «разоумѣхомꙑ» 33 a bis, «оупразнимꙑ сѧ» 38 а, «печемꙑ сѧ» 49 b, «пришахомꙑ» 79 а, «наказаємꙑ сѧ» 51 d, «облецѣмꙑ сѧ» 54 b, «поплачѣмꙑ» 57 с, «расоудимꙑ» 60 с, «бѫдемꙑ и мꙑ» 32 d и «кємъмꙑ» 32 а,

(можно читать «юсмъ мы», но тогда «мы» противъ греческаго текста лишнее). Какое значеніе имѣетъ этотъ фактъ? Значитъ ли это частое употребленіе окончанія мы, что уже въ предполагаемомъ южнославянскомъ подлинникѣ изборника была очень сильно развита та черта, которую въ умѣренныхъ размѣрахъ можно наблюдать въ Супрасльскомъ сборникѣ? или же въ этой особенности памятника, какъ и въ очень частомъ отбрасываніи окончанія ть у 3 лица, проявилась черта живого языка русскаго? Если принять послѣднее толкованіе, то оно наводитъ насъ на мысль, что можетъ быть тогда еще и не было южнорусскаго окончанія мо, а было только мъ и мъı; развивавшееся же потомъ, для достиженія соразмѣрности между первымъ и вторымъ лицомъ въ числѣ слоговъ, окончаніе мо[1]) могло вытѣснить не только окончаніе мъ, изъ котораго оно вышло, а также бывшее когда-то мы.

Относительно имперфекта на *яхъ* вм. церковнославянскаго ѣхъ мое мнѣніе нѣсколько расходится съ толкованіемъ, предложеннымъ въ лекціяхъ (на стр. 114—115). Я не нахожу большого различія въ томъ, оканчивается ли имперфектъ на *яхъ* или *яахъ*; если бы формы «идѧаше», «сѣдѧаше» могли быть названы исключительно книжными, чуждыми живому русскому языку, то я не вижу причины не считать такими же также формы «идѧхъ» и «сѣдѧше». Особенность древнерусскаго имперфекта состояла не въ томъ, что онъ не принималъ двухслогового окончанія *яахъ*, а въ томъ, что безъ различія всѣ четыре разряда глаголовъ (I—IV) оканчивались на *яхъ*, при чемъ не обращалось вниманія на предыдущую согласную, не допускавшую въ первоначальныхъ сочетаніяхъ непосредственной мягкости. Эти «древнерусскія» формы имперфекта несомнѣнно явленіе позднѣйшее, аналогическое, развившееся подъ вліяніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ

---

[1]) Въ русскомъ языкѣ *мо* могло быть совсѣмъ не того происхожденія, какъ сербское *мо*, а выйти просто изъ ударяемаго *мъ*. Примѣръ, приведенный у Срезн. 154 с. изъ тріоди постной XI вѣка, «къ тебе прибѣгаемо» надо отнести къ нерѣдкимъ случаямъ описокъ, гдѣ вм. *ъ* по недосмотру написано *о*.

ахъ или *яхъ* было издавна въ употребленіи. Итакъ примѣры: «боудꙗше», «придꙗше», «коупꙗше», «ходꙗше», «мыслꙗше», «чьстꙗхоу» — они взяты мною изъ житія Ѳеодосія по списку усп. собора XII в. — не тѣмъ русскіе, что не оканчиваются на «ꙗше», «ꙗхоу» — а тѣмъ, что не оканчиваются на ѣхъ или ѣахъ, и тѣмъ, что коренная согласная осталась неизмѣненною въ сочетаніи «ходꙗше» вм. церковнославянскаго «хожаше», въ «чьстꙗхоу» вм. «чьщахоу», въ «коупꙗше», вм. «коуплꙗше», въ «мыслꙗше» вм. «мышлꙗше». Между примѣрами «ходꙗше» жит. Ѳед. 37 a и «исходꙗхоуть» ib. 34 d существенной разницы нѣтъ, обѣ формы «древнерусскія», между тѣмъ какъ «хожаше», ib. 34 d — форма церковнославянская. Точно такъ «ведеше сꙗ» ib. 5 b — форма церковнославянская, не потому, конечно, что нѣтъ въ ней удвоенія гласной передъ ше, а потому что гласною выступаетъ е (взамѣнъ ѣ) вмѣсто ожидаемаго по пріему русскому ꙗ; на оборотъ «отпоустꙗаше» 24 d я назову формою русскою, несмотря на окончаніе ꙗше, потому что церковнославянскою могла бы быть только форма «отпоущааше». Форму «имѣаше», на которую указывается, поддерживало настоящее время «имѣеть»; при настоящемъ «имамъ» въ имперфектѣ было бы «имꙗше» или «имꙗаше»: «иногда же имꙗшетъ же б҃жии градъ патриарха» син. патер. Срезн. м. п. № 82 стр. 69; «имꙗхоути и» ж. Ѳед. усп. сб. XII в. 11 c.

Трудно придавать значеніе изрѣдка встрѣчающимся формамъ 2 лица дв. и мн. ч. на шьта, шьте; примѣровъ вообще такъ мало, что нельзя не видѣть въ нихъ стремленія сблизить окончаніе шета-шете съ окончаніемъ ста-сте. Не будь окончанія шьта, шьте, а только шта-ште, то можно бы сказать, что обыкновенное ста-сте подъ вліяніемъ единст. числа ше преобразовалось въ шта-ште. Такъ объясняется чешское *šta-šte*, не имѣющее впрочемъ ничего общаго съ древнерусскими примѣрами, и встрѣчающееся только въ болѣе позднихъ памятникахъ (при обыкновенномъ *sta-ste*).

О причастіи настоящаго времени на *а* авторъ разсуждаетъ два раза: на стр. 116—117 и на стр. 182—3. На второмъ мѣстѣ вѣрно изложено, что нынѣшнее «идя» преобразовалось изъ прежняго «ида», подъ вліяніемъ аналогіи съ «бія», «зная», вытѣснившей наконецъ прежнюю форму «ида» вполнѣ. Не сказано только, чего можно было ожидать на стр. 116—117, какъ образовалось это «ида» въ свою очередь вм. церковнославянскаго «иды». Окончаніе *а* и отношеніе его къ *ы* автору не совсѣмъ ясны. Я бы этому удивлялся, если бы не была упущена изъ виду параллель съ подобнымъ же явленіемъ въ языкѣ сербскомъ. Но такъ какъ указывается только на чешское «jda», «jsa», «řka», обойдены же молчаніемъ древнесербскія формы «моге», «иде», «кове» (сл. Даничић, Историја облика, стр. 348), то не удивительно, что ни словомъ не упомянуто единственно возможное объясненіе этихъ формъ на *а*. Дѣло въ томъ, что полнѣйшій параллелизмъ между древнесербскимъ «моге» и древнерусскимъ «мога» или древнечешскимъ «moha» ясно свидѣтельствуетъ о связи гласныхъ *е*—*а* съ носовымъ ѧ. О происхожденіи *а* въ «мога» можно бы только тогда сомнѣваться, если бы и въ древнесербскомъ языкѣ существовала форма «мога»; но какъ скоро древнерусскому *а* въ данномъ случаѣ соотвѣтствуетъ сербское *е*, то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что «мога-моге» образовались изъ «могы» на подобіе «пѧть-петь» (изъ пѧть), т. е. по анологіи причастія «дѣлаѧ-дѣлаѥ» изъ «дѣлаѩ». Твердость окончанія, сохранившаяся во всѣхъ косвенныхъ падежахъ въ качествѣ гласной *у* съ предыдущей твердой согласной, не позволяла именительному падежу въ русск. языкѣ сразу поддаться полному смягченію, т. е. прямому переходу старославянскаго ы въ *я*, сначала выступила наружу средняя форма съ *а* (безъ смягченія), т. е. сближеніе между твердыми и мягкими ограничивалось въ первое время въ именит. падежѣ ед. ч. м. р. одной гласной *а*, она же была то мягкая («знаѩ» «биѩ» или «быѩ»), то твердая («ида» «мога»). Твердость слога была и въ чешскомъ языкѣ причиною появленія гласной *а* вм. *ie*: «jsa» или «jda» на-

поминаетъ чешское «pátý», «maso». Ссылка на ѣ родительнаго падежа вм. ѧ не подходитъ.

Проф. Соболевскій говоритъ о двухъ формахъ супина въ церковнославянскомъ языкѣ, на тъ и на ть (стр. 117). Едва-ли это вѣрно. Существующая форма на шть, напр. въ «облешть» и т. д., еще не доказываетъ суффикса ть, такъ какъ и «*облегтъ» могло дать «*облеjтъ», «*облетjъ», «облешть». Для супина необходимо и въ древнерусскомъ языкѣ, на ряду со всѣми прочими славянскими нарѣчіями, остановиться на одномъ только окончаніи тъ, относительно котораго достаточное число примѣровъ приведено на стр. 181. Это не мѣшаетъ, конечно, допустить, что въ древнерусскомъ языкѣ очень рано неопредѣленное наклоненіе стало вводить языкъ въ заблужденіе, заставляя его (но сначала вообще довольно рѣдко) вм. окончанія на тъ примѣнять окончаніе на ть; послѣднее случилося тѣмъ легче, что, какъ мы знаемъ, и въ неопредѣленномъ наклоненіи уже древнѣйшіе памятники обнаруживаютъ случаи сокращенія на ть. Эта возможность смѣшенія и была причиною, что въ концѣ концовъ обѣ формы совпали въ одномъ окончаніи ть. Иногда и при этомъ окончаніи все же чувствуется еще сила и дѣйствіе супина въ оборотѣ синтактическомъ. Такъ въ грамотѣ рижсковитебской, писанной около 1300, читается: «ѡнъ шолъ с темь члвкомъ соли вѣсить» (Ср. 241, по изданію Куника: «весить»). Здѣсь не было бы достаточной причины для родительнаго падежа «соли» (рѣчь идетъ о опредѣленномъ количествѣ: «мехъ соли»), если бы въ формѣ «вѣсить» не чувствовалась сила супина, несмотря на мягкое окончаніе, точно такъ, какъ напр. въ «пригвоздитъ крта» жит. Никон. 24 б (при твердомъ окончаніи). Сличи такой же примѣръ: «поидоша воевать заноровья» Псков. лѣт. I, 187 и даже: «поѣхаше селъ нѣмецкихъ воевати» (вм. воеватъ») ib., или акт. юр. № 21 (1541 г.): «пріѣжали... тое жонки и дѣвки имать», «сѣна косити» Кал. I. 230.

Маленькая неточность ускользнула у автора, когда онъ говоритъ, что сербскій и словинскій языки знаютъ только формы на *ти*. Нисколько!

Не помнится, чтобы я читалъ въ лекціяхъ, указаніе на то, какъ форма неопредѣленнаго иныхъ глаголовъ отступаетъ въ русскомъ языкѣ отъ церковнославянскаго. Это касается такихъ глаголовъ какъ «отверзоу», «чьтоу», «цвьтоу», гдѣ по старинному въ неопредѣленномъ наклоненіи гласная являлась въ протяжномъ видѣ: «отврѣсти», «чисти», «цвисти», въ русскомъ же языкѣ уже очень рано неопредѣленное поддалось вліянію настоящаго времени: «отверсти», «чести», цвести», напр. «повелѣ отъврьсти» ж. Θеод. 15b, «ицѣсти» (вм. ицѣисти) паис. сб. Ср. 274, «приде почертъ» (вм. почереть) гал. ев. XIII в. Сборн. XV. 435, точно такъ въ еванг. 1393 г. «почертъ воды»; въ грамотѣ 1229 года по списку *A*: «того почьсти за лихии моужь» (руск. лив. акт. 442), въ спискахъ *B. C*: «почисти»; «розчестисѧ» моск. гр. 1433 (г. гр. I. 101); «грамоту велѣлъ чести» костр. гр. 1490 г. (акт. арх. эксп. № 4, стр. 7), «чести» пск. суд. гр. § 25.

Неопредѣленное «ити» переходитъ въ «итти»; правописаніе колеблется между «итти» и «идти». Проф. Соболевскій указываетъ на примѣры XIV в. съ д передъ ти; я же могу указать на примѣры съ т передъ ти: «итьти» моск. гр. 1434 г. (г. гр. I. 109), 1434 ((ib. 117, 2 раза), 1436 (ib. 121, 4 раза) и т. д.; «итьти» 1554 г. Бусл. хр. 763, «изытти» XVI в. Тихонр. отреч. I. 8, «снитти» ib. 12; «итти» пск. суд. грам. § 70, «итти прочь» 1560 г. Калач. II. 551, и у Котошихина «итти». Не отрицаю конечно возможности объясненія, предлагаемаго проф. Соболевскимъ, но тогда, кажется, надо бы ожидать исключительно только «идти» и «итти», вм. «идьти», «итьти», которыхъ ъ такимъ образомъ остается не объяснимымъ. Я предпочитаю думать, что на образованіе неопредѣленнаго «итьти» вліяли формы «найти», «пойти», «сойти» и т. д.; мягкость слога, предыдущаго окончанію ти, въ этихъ формахъ, вызвала и въ простомъ «ити» форму «ijti», давшую «итьти» приблизительно такъ, какъ «веселіе» въ малорусскомъ нарѣчіи даетъ «весільле», или такъ, какъ въ сербскомъ языкѣ рядомъ съ «пóħи», «нáħи» образовалось «ѝħи». Изъ «итьти» развилось потомъ «итти»

(какъ изъ «будьто» вышло «будто») и даже «поитти», напр. въ гр. № 20 акт. юр. «по межамъ поитти» (1534).

Проф. Соболевскій ставитъ гадательно вопросъ, не стоитъ ли русская форма *мя* въ «тѣмя» вм. обыкновеннаго «тѣмъ» въ связи съ сербскимъ окончаніемъ *ме*, производимымъ имъ же изъ *мя* (стр. 118)? Мнѣ кажется, что тутъ между сербскимъ и русскимъ языками ничего общаго нѣтъ. Всѣ діалектическія формы прилагательныхъ и мѣстоименій на *мя* развились несомнѣнно подъ вліяніемъ числительныхъ «двумя», «тремя», «четырьмя», образовавшихся изъ «двума», «треми» «четырьми» (обѣ послѣднія формы также «трема», «четырьма», конечно по аналогіи съ «двума», сличи даже «пѧтма»: «пѧтма варницамъ» 1551 г. ак. юр. 191). Весь вопросъ въ томъ, какъ образовалось «двумя» изъ «двума»? Соглашаюсь съ давно уже предложеннымъ объясненіемъ проф. Лескина, что «двумя-тремя» произошло изъ взаимнаго вліянія другъ на друга обѣихъ формъ «двума-треми». Параллели къ этому переходу имѣются въ «гостя» изъ «гости», въ «тебя» изъ «тебе» (гдѣ какъ сказано вѣроятно вліяла также форма «тѧ»).

Относительно формы «ксми» надо было непремѣнно прибавить, что она явленіе довольно позднее, выступившее въ то время, когда уже этотъ глаголъ сталъ выходить изъ употребленія. Несомнѣнно «ксми» образовалось подъ вліяніямъ «кси».

XIV.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, отрывочность которыхъ обусловлена мало удовлетворительнымъ порядкомъ изложенія въ лекціяхъ, перехожу къ исторіи формъ склоненія и спряженія. Первымъ (склоненію) посвящено 42, послѣднимъ 32 страницы. Въ такомъ небольшомъ объемѣ нельзя было, конечно, подробно

изложить судьбу древнерусскаго склоненія и спряженія; надо было ограничиться лишь общими чертами. Дѣйствительно, изложеніе проф. Соболевскаго не въ уровень извѣстнымъ трудамъ Даничича по сербскому, Калины по польскому языку, и въ новѣйшее время Облака по словенскому нарѣчію. Оно уступаетъ имъ и полнотою и систематичностью. Примѣровъ приводится очень мало, такъ сказать только для того, чтобы намѣтить ходъ развитія. На черты діалектическія, насколько онѣ высказывались и въ этихъ данныхъ, указано только мимоходомъ и не всегда, напр. при родительномъ падежѣ ед. ч. на *у* не сказано, что и онъ въ извѣстныя столѣтія характеризуетъ языкъ русскій сѣверозападныхъ окраинъ. Едва ли можно удачнымъ назвать обозначеніе всѣхъ главнѣйшихъ отступленій древнерусскаго склоненія отъ обще-славянскаго словами «смѣшеніе основъ». Ни о какомъ смѣшеніи основъ тутъ и рѣчи быть не можетъ. Развѣ напр. смѣшеніе основъ въ томъ, что уже въ изборникѣ 1073 г. читаемъ «отъ льноу»? Не вѣрнѣе ли было бы сказать такъ: въ извѣстное время существовалъ родительный падежъ ед. ч. существительныхъ мужескаго рода, оканчивавшихся въ именительномъ падежѣ безъ различія на ъ, съ двумя окончаніями: на *а* и на *у*. Древнерусскій языкъ унаслѣдовалъ оба эти окончанія; не желая же отказаться отъ одного, какого либо, изъ нихъ, какъ это сдѣлалъ напр. языкъ сербскій, онъ сталъ около окончанія на *у* группировать преимущественно существительныя одно- и двухсложныя, по большей части въ оборотахъ съ предлогами, существительныя выражающія обыкновенно матерію, мѣстность и т. п. То же самое повторилось въ дательномъ падежѣ, только что здѣсь языкъ распорядился двумя окончаніями *у* и *ови* нѣсколько иначе: второе отводилось главнымъ образомъ существительнымъ, выражающимъ названія лицъ или личныя имена. Какъ извѣстно, форма род. падежа на *у* сохранилась до сихъ поръ, тогда какъ окончаніе дательнаго на *ови* со временемъ (за исключеніемъ малорусскаго нарѣчія) исчезло. Итакъ не только о «смѣшеніи основъ», а также о «потерѣ падежей» слѣдовало бы говорить.

Прибавимъ къ этому родительный падежъ «гостя» вм. прежняго «гости»; здѣсь строго говоря нельзя толковать ни о «смѣшеніи», потому что нѣтъ рядомъ двухъ окончаній, которыя могли бы смѣшиваться; нельзя говорить ни о «потерѣ» падежа, потому что окончаніе род. падежа на *и* еще до сихъ поръ существуетъ, но только для словъ женскаго рода и для одного лишь слова мужескаго рода «путь». Стало быть перемѣна (преобразованіе падежей), случившаяся здѣсь, произошла подъ вліяніемъ рода; она же опять коснулась вовсе не «основъ», а извѣстныхъ падежей. Дательный падежъ «мѣстамъ» вмѣсто прежняго «мѣстомъ» тоже не можетъ быть названъ результатомъ смѣшенія основъ на *о* съ основою на *а*, потому что и здѣсь переходъ коснулся не основы, а готоваго падежа, да и причина перехода окончанія *омъ* въ *амъ* по всей вѣроятности заключалась не въ словахъ женск. рода, оканчивавшихся издавна на *амъ*, а въ именительномъ падежѣ мн. числа словъ средняго рода на *а*. Судя по параллельнымъ явленіямъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, кажется, и въ русскомъ языкѣ окончаніе на *амъ - ахъ* вм. *омъ - ѣхъ* (*охъ*) стало входить въ употребленіе прежде всего у словъ средняго рода. Можно ли наконецъ въ самомъ дѣлѣ говорить о «смѣшеніи твердыхъ и мягкихъ основъ на *о*» изъ-за одной формы мѣстнаго падежа на *ѣ* (солнцѣ), вытѣснившей окончаніе на *и*? Вѣдь *ѣ* тоже не твердый звукъ, не произносилось же «солнцо» или «солнцомъ»! Не лучше ли и здѣсь говорить лишь о преобладаніи одного изъ обоихъ окончаній, существовавшихъ прежде для одного и того же падежа, такъ что мягкость или твердость тутъ была не при чемъ. Обратное явленіе, т. е. вліяніе мягкихъ основъ на твердыя, авторъ замѣтилъ сначала «въ винительномъ падежѣ множ. числа» (стр. 128) и черезъ нѣсколько страницъ (на стр. 131) опять не только въ винительномъ мн. ч., но также въ родительномъ ж. р. ед. ч. Не слѣдовало ли подвести всѣ эти однородные случаи подъ одинъ уголъ зрѣнія?

Возраженія мои клонятся къ тому, чтобы убѣдить автора, во второмъ изданіи «лекцій» излагать судьбу русскаго склоненія по

очереди падежей: взаимное вліяніе различныхъ окончаній того же падежа другъ на друга, смѣна одного падежа другимъ или смѣшеніе ихъ между собою, наконецъ вліяніе рода на преобразованіе склоненія — всѣ эти качества древнерусскаго склоненія выступили бы гораздо нагляднѣе при изложеніи предмета въ другомъ порядкѣ, чѣмъ нынѣ.

XV.

Къ именительному падежу ед. ч. замѣчу, что нигдѣ не изложено, какъ далеко можно по памятникамъ прослѣдить формы «мати», «дчи» (дочи). Нѣсколько примѣровъ приведено мною выше (на стр. 59), сл. также въ грамотѣ 1508 г. акт. юр. № 13 «мати моа», въ двинск. грамотѣ XV (акт. юр. 112): «его дочи Ѳедора», Кал. юр. б. I. 548 (1459 г.) «дочи». Относительно формы «церкви» (или «церкві»: «азыческаꙗ церкві» у Кирилла Туровскаго) авторъ какъ будто бы колеблется, не признать ли ему ее фактически существовавшей въ жизни народа (стр. 138). Напрасно. Это такая же литературная выдумка, какъ «есми», которую могли поддерживать еще и южнославянскіе тексты, гдѣ въ XII—XIII столѣтій тоже иногда попадается именительный падежъ «цръкви» (напр. въ болонской псалтыри). Къ именительному существительныхъ на *-ыни* укажу на примѣръ, доказывающій существованіе формы въ простонародномъ текстѣ еще въ XVII столѣтіи; въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ (ПДП. 1879 I. стр. 79) читаемъ: «государыни»; къ словамъ же на *ья* (вм. церковнослав. *ии*) прибавлю еще «лодья» изъ смоленской правды по спискамъ D. E. F. (р. лив. акты, 441).

На вопросъ, какъ долго существовалъ звательный падежъ, не даютъ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта и объясненія примѣры приводимые на стр. 136. Не можетъ быть, кажется, сом-

нѣнія въ томъ, что такіе звательные, какъ «брате», «господине» держались долго: «господине княѕь великии» читаемъ въ московской грамотѣ 1405 года (гос. гр. I. 71), гдѣ второе слово уже въ формѣ именительнаго, тогда какъ въ витебскорижской около 1300 г. имѣется еще и зват. падежъ «княже» и даже «княжо». Въ судной грамотѣ псковской XV вѣка находимъ: «азъ брате тобѣ заплатилъ», «оу мене, господо, тѣи приставы не бывали». Ипатская лѣтопись различаетъ еще звательный на *е* отъ звательнаго на *у*: «брате и свату» 467, «вы намъ сыну всегда надоби» 300. Къ примѣрамъ звательнаго «братиꙗ» припомнимъ себѣ изъ грамоты 1130 года звательный падежъ: «братиѣ», гдѣ *ѣ* вѣроятно еще выражало звукъ ꙗ.

Въ виду довольно ранняго исчезновенія звательнаго падежа можно сильно сомнѣваться въ вѣрности объясненія (на стр. 137), предлагаемаго проф. Соболевскимъ, на счетъ новгородскихъ формъ «останъке», «иванке», «посаднике», которыя будто изображаютъ звательный падежъ! Какой звательный падежъ можетъ быть «посаднике»? не ожидали ли бы «посадниче» въ родѣ малорусскаго «козаче»? Удивляюсь, что авторъ послѣ очень разумнаго разсужденія, посвященнаго этимъ фактамъ въ статьѣ Шахматова, напечатанной въ моемъ «Архивѣ» VII 60 и слѣд., все еще продолжаетъ настаивать на своемъ звательномъ падежѣ!

Окончаніе род. падежа на *у*, какъ уже сказано выше, въ большинствѣ случаевъ ограничивается краткими одно- или двухсложными существительными, напр.: «со мху» ак. юр. 1504, стр. 22, «съ году на годъ», ib. 1532, стр. 40, «сроку» ib. 38, «съ дѣлу» ib. 40, «мошку» ib. 46, «лому» 1555, стр. 169, «мужественаго поту своего» ипат. 436, «съ бою того» Бусл. хр. 701 (XV в.), уже въ жит. Ѳеод. 22 d: «ѿ бою». Въ московской грамотѣ 1402 г. «того полону», въ югозападныхъ грамотахъ: «оба полъ Богу» 1376, «до дрꙋгого рокꙋ» 1386, «того листꙋ» 1409, «краковского рѣзꙋ» 1424, «ѿ бродꙋ» 1430; въ литовскихъ грамотахъ: «до мостꙋ» 1375 (сл. «отъ мостку» 1555 ак. юр.

168), «казателевого закону» ib., «ризького весу» 1405 (рус. лив. ак. 120). Здѣсь можно припомнить также «съ молоду» псковск. лѣт. I. 297, существующее до сихъ поръ, и замѣну двойственнаго числа «два года» въ «два году» акт. юр. № 13 (1508 г.), Кал. I. 190, № 62 (около 1501 г.). Еще безъ перехода въ новое склоненіе употреблена въ родит. падежѣ форма «без ремени» въ москов. грамотѣ 1389 г. (г. гр. I. 61), сл. «ѿ камени» XV в. (Бусл. хр. 700), «на одномъ корени» ак. юр. 1534 (р. 46), 1555 г. (стр. 168). Стоитъ упомянуть, что по той же аналогіи существовалъ также род. падежъ «пни»: «до осинового пни», «отъ того пни», «со пни» ак. юр. 1518, № 147, «у того пни» ib. 1554, стр. 167 (въ род. мн. ч. «у тѣхъ пней», но дат. ед. ч. «къ олховому пню» ib.). Къ этому колебанію языкъ былъ приведенъ формами род. падежа «гостя» и «гости», дательнаго «гостю», «гости» и даже «гостеви». Отъ существительныхъ «путь» и «тать» встрѣчается въ смоленской правдѣ родительный падежъ на *е* (въ изданіи Куника русско-лив. акты; по спискамъ D. E): «не боронити имъ того поуте» (въ спискѣ F: «пути того»), «иметь тате» (въ спискахъ A. B. C. F «татя»). Относительно «тате» можно полагать, что здѣсь *е* стоитъ вм. *я*, поэтому, должно быть, и «путе» стоитъ вм. «путя», формы засвидѣтельствованной въ бѣлорусскомъ нарѣчіи (сл. Владиміровъ, др. Фр. Скорина, стр. 278). Какъ понимать въ псковской второй лѣтописи 40: «крове христіаньскыя»? остатокъ ли это старины? Сличи еще род. падежъ «дяди» въ моск. грам. 1362 г. № 27, и «мѣсяци» въ акт. юр. 1529 г. № 237 (это вѣроятно простая описка вм. мѣсяца). Нынѣшнее произношеніе нарѣчія сегодни (вм. сегодня), которое иные осуждаютъ какъ «фабричное», основано на историческихъ правахъ, сл. «до Дмитреева дни» акт. юр. № 179, стр. 197 (1577 г.), «съ Єгорьева дни» ibid. стр. 198 (1585 г.); «сегодни» Калач. I. 193 (1547 г.), «тогожъ дни» ibid. I. 234.

Уже у проф. Соболевскаге указано на замѣчательное количество примѣровъ на *ови — еви* въ дательномъ падежѣ ед. ч. Такъ какъ этой формы въ нынѣшнемъ великорусскомъ нарѣчіи

нѣтъ — она свойственна югу и юго-западу Россіи — то опять возникаетъ вопросъ, не обязанъ ли древнерусскій литературный языкъ — чисто народнаго мы и такъ не знаемъ — широкимъ распространеніемъ этой формы по всѣмъ памятникамъ какъ юга, такъ и сѣвера, зарожденію русско-славянской письменности именно на югѣ? другими словами, не есть ли дательный падежъ на *ови* — *еви* въ древнерусскомъ языкѣ — черта южнорусская? Я оставляю и этотъ вопросъ пока безъ окончательнаго отвѣта, будучи убѣжденъ, что дальнѣйшія изслѣдованія не обойдутъ его молчаніемъ.

Къ примѣрамъ, приводимымъ въ лекціяхъ (на стр. 121—122), прибавимъ еще такіе изъ ипатской лѣтописи, какъ: «зятеви», «тестеви», «медведеви»; или «гостеви» грам. смол. 1284 г., вит.-рижск. 1300, въ югозападныхъ грамотахъ: «Волъчкови» 1393, «Осташкови» 1386, «Клюсови» 1400, «Юркови» 1424, «Клѣсови» 1430; въ литовско-русскихъ грамотахъ: «королеви» 1340, «Василеви» 1383, «бискупови» 1399 — 1429 и т. д.

Что въ домостроѣ читаемъ: «подастъ телесе здравіе», «свекрове камка», здѣсь *е* замѣняетъ обыкновенное окончаніе *ѣ*, которое не въ свое мѣсто попало также въ «по отцѣ и по матерѣ» ак. юр. 1568 г., стр. 148.

Смѣшеніе родительнаго съ дательнымъ (мѣстнымъ), о которомъ говорится на стр. 143—144, по моимъ примѣрамъ встрѣчается преимущественно въ сѣверозападной области (напр. въ Псковѣ): «отъ великои рѣцѣ» псков. лѣт. II. 18, «съ дорозѣ» II. 41, «изъ него руцѣ» ib., «отъ Бурковѣ лавици» ib. 31, «отъ Куклинѣ лавици» 32, «по конецъ Враговкѣ улици» ib. (я принимаю здѣсь *ци* какъ окончаніе дат. падежа), «отъ Великои рѣкѣ» ib. 42 (ожидали бы «рѣцѣ»), напротивъ въ двин. гр. ак. юр. 112 (XV в.) «отъ рѣкѣ» вѣроятно *ѣ* родительный мягкаго окончанія вм. «рѣкы», сл. ibid. 271, «отъ рѣкѣ и до озера» (новг. XV в.); наоборотъ: «въ сжтѣи Троицы» пск. лѣт. I. 180, «жены слѣпои отверзе очи» ib. 302. Примѣры, какъ «на Крому отъ Псковѣ» пск. лѣт. II. 22. 23. 31 или «паче первыя воинѣ» ib. 37 могутъ быть также родительными падежами на *ѣ* вм. *ы*, хотя эта черта

преимущественно свойственна новгород. говору какъ въ род. ед., такъ въ винит. множ. числа: «половину отцинѣ» ак. юр. 119, «въ викѣ» ib. 111 (двин. грам. XV вѣка).

Для винительнаго падежа не лишнимъ считаю упомянуть постоянный оборотъ «на конь» въ вит. грам. 1300, въ грамотахъ московскихъ 1341 года, пск. суд. гр. § 110, пск. лѣт. I. 247 и т. д., сл. также «даите вы мнѣ конь» витебск. гр. 1300, въ новгородской грамотѣ 1301 г. «проводити сии гость» (но это можетъ быть также «nominativus cum infinitivo»), сл. лавр. лѣт. 237 «чтите гость»; въ грам. витебской 1300: «далъ жо есиприставъ», въ пол. вит. 1405 г. «надѣючеся на богъ» (рус. лив. акт., стр. 120).

Окончаніе мѣстнаго падежа на *у* подчиняется отчасти тѣмъ же условіямъ, какія выставлены выше для родительнаго падежа на *у*, напр. «на бору» жит. Б. Гл. по сп. XII в., «на низу» нов. гр. 1327 г. (Шахм. 263), двин. гр. XV в. акт. юр. 111, «на лѣсу» гр. 1526 г. ак. юр. 121, «у ставу» юж. гр. 1366 г., «на стану» пол. гр. 1330 г. (р. лив. а. 54), «въ стану» двинск. гр. 1501 г. ак. юр. 125, 1543 г. стр. 190, ипат. лѣт., «на броду» моск. гр. 1577 г. стр. 191, «на холму» лавр. лѣт. 221. 225, «на суду» пск. суд. гр., «на миру» пол. гр. ок. 1400, «во всякомъ весу» ib. 1405 (р. лив. а. 104. 119), «въ обчемъ ѣзу» ак. юр. № 19, стр. 40 (1532 г.), «на найму» ib., «на углу» ib. 55 (1571) и т. д. Уже съ давнихъ временъ тяготѣли къ *у* также существительныя, оканчивавшіяся на гортанную согласную, чтобы такимъ образомъ избѣжать переходъ ея въ свистящую, пока языкъ такъ сказать не вполнѣ еще освоился съ сочетаніемъ *кѣ*, *гѣ*, *хѣ*. Большинство примѣровъ, приводимыхъ въ лекціяхъ (на стр. 122), подходитъ подъ это условіе, сл. также въ моск. грамотѣ 1327—8 г. «на червчатѣ шолку», или въ двинской грамотѣ XV в. (ак. юр. 115) «на писку», въ гр. 1510 г. ак. юр. № 14 «въ семъ списку», ib. 1518, № 16 «въ томъ списку», ib. 1530, № 18: «въ суднomъ списку», ib. 1534 г. № 20 «въ иску», «на островку» ib. 1568 г. № 85, стр. 126, «на томъ берегу» ib. 127, «въ долгу» № 126, стр. 152.

Преобладаніе окончанія *ѣ*, показавшагося языку должно быть болѣе выразительнымъ, чѣмъ окончаніе *и*, могло дѣйствительно начаться очень рано, хотя нельзя всѣмъ примѣрамъ довѣрять. Къ упомянутому на стр. 128 прибавлю еще изъ минеи 1097 г. стр. 310 «въ тисѣмь пристанище». Замѣчательно, что и праздн. минея Импер. публ. библ. XI—XII в. пишетъ на л. 123 б точно такъ! Мѣстный ли это падежъ или же переписчики ошибочно поняли «пристанище» въ смыслѣ именительнаго? Для полной убѣдительности хотѣлось бы встрѣтить форму «пристанищѣ», чего однакожъ, насколько я знаю, нѣтъ. Итакъ, хотя можно допустить, что единичные примѣры преобладающаго окончанія на *ѣ* появлялись уже въ XI — XII столѣтіяхъ, все-таки не подлежитъ сомнѣнію и тотъ фактъ, что еще въ XIV столѣтіи вообще умѣли различать *ѣ* отъ *и* по старому, напр. въ жит. Ниф. Ростовскаго 1219 г. читаемъ: «при князи при Василцѣ при сн҃оу Костантиновѣ», «въ дворци пречюднѣ». Въ московскихъ грамотахъ второй половины XIV и въ началѣ XV столѣтія пишутъ рядомъ по старому и по новому: 1341 г. гр. «братьѣ», но еще «отци»; 1353 г. «княгинѣ», «въ Переславлѣ», «на Кержачѣ», «въ княженьѣ«, но еще «на князи»; 1356 г. «здоровьѣ», «на Рокшѣ» и уже «по своемь отцѣ».

Въ псковской суд. грамотѣ § 107 «по томъ времяне» можетъ быть остатокъ старины, если *е* не замѣнило *ѣ*, какъ это случилось въ «дочерѣ» юр. Кал. I. 33 (1669 г.), «по матерѣ» акт. юр. стр. 148 (1568 г.), «весь въ кровѣ» акт. юр. 109 (1678 г.).

Судьба именительнаго и винительнаго падежей множ. ч. изображена въ лекціяхъ не такъ, чтобы легко было получить точное понятіе о всѣхъ фазисахъ ихъ. Преданіе первоначальныхъ формъ, совпадавшихъ повидимому съ церковнославянскими, было нарушено съ одной стороны вторженіемъ винительнаго въ область именительнаго и происшедшимъ оттуда смѣшеніемъ обоихъ падежей, съ другой стороны расширеніемъ области окончанія *ове*. Первое теченіе совершилось въ предѣлахъ всѣхъ нарѣчій

русскаго языка, послѣднее ограничивалось западной и югозападной полосою его. Это — самый общій выводъ, который можно сдѣлать на основаніи данныхъ, разбросанныхъ въ лекціяхъ по различнымъ мѣстамъ (сл. стр. 139 — 140 и стр. 122 — 123). Относительно многихъ подробностей остаемся въ недоумѣніи. Такъ напр. если въ московск. грам. 1327—8 г. читаемъ «мои люди коупленни», то здѣсь несомнѣнный имен. падежъ въ формѣ «мои» и «коупленни», «люди» же можетъ быть винительный, но также новый именительный, образовавшійся по аналогіи обыкновеннаго, именительнаго на *и*, подобно тому какъ въ сербскомъ языкѣ, гдѣ вообще именительный не уступилъ винительному, все-таки вм. «людие» рано вошла въ употребленіе форма «люди». Не такъ ли было и въ русскомъ языкѣ? Или же въ москов. грамотѣ 1402 г. «тотъ именуетъ три князи крестьяньские» — здѣсь «три» и «крестьяньские» формы винительнаго, а «князи» форма именительнаго, но могла бы быть также форма винительнаго падежа, если считать «князи» новымъ винительнымъ, образовавшимся по аналогіи съ «люди», формою существовавшей еще въ XV — XVI вѣку: «на ваши люди» моск. гр. № 60 (1440 г.), стр. 131[1]). Настоящій именительный падежъ въ значеніи винительнаго виденъ въ примѣрѣ грамоты 1423 г. «волостели свои и тиуни и доводщики судитъ княгини сама». Здѣсь «волостели» и «тиуни» именительные падежи, «доводщики» по формѣ можетъ быть или винительнымъ (ки вм. кы) или именительнымъ (ки вм. ци). Послѣдній случай не подлежитъ сомнѣнію въ такихъ примѣрахъ: «на конюси свое» новг. лѣт. I. 194, «послались обои исцы на послуси» акт. юр. № 13 (1508 г.). Наоборотъ, винительный въ качествѣ именительнаго: «всѣ старцѣ» акт. юр. № 62 (1501 г.). Именительный множ. ч. на *е* — «бояре» — употребляется также какъ винительный «въ бояре» (напр. въ грамотѣ московской 1341 года).

---

[1]) Поэтому въ гр. 1508 г. (акт. юр. № 13, стр. 27) не слѣдуетъ читать: «велѣлъ Дмитрею нщей... оправити», потому что «нщеи» не родительный, а винит. падежъ множ. числа.

Изъ «болѩре» вышло «болѩра», едва ли подъ вліяніемъ собирательныхъ на ьѩ, какъ полагаетъ авторъ (на стр. 154), а по той же причинѣ, которая вызвала «есма», «еста» изъ «есме», есте» (см. выше на стр. 48—51). Я полагаю, что формы на *я:* «боѩра», «христьѩна» и т. д. раньше попадаются на страницахъ древнерусскихъ памятниковъ, чѣмъ тѣ, которыя по толкованію, предлагаемому въ лекціяхъ, должны были послужить для нихъ образцомъ. Форму «боѩра» я могу засвидѣтельствовать подлинными памятниками XV вѣка: «кн͠зи и боѩра» 1462—1466 г. Калач. юр. б. І. 107, «кн͠зи и мои боѩра» 1479 г. Кал. юр. быт. I. 79. Вообще взаимное вліяніе формъ именительнаго падежа мн. ч. еще не вполнѣ выяснено. Я напримѣръ не могу удовлетвориться толкованіемъ (на стр. 154), что именительный «погреба́», «города́», «дома́», «рога́» и т. д. образовался по образцу «господа́». Это объясненіе уже потому мало удовлетворяетъ меня, что слово «господа́» обозначаетъ собирательное живыхъ существъ, тогда какъ приводимыя существительныя на *-а́* выражаютъ множественность предметовъ. Съ другой стороны подлежитъ сомнѣнію также догадка (тамъ же), что «сыновья́», «сватовья́», «кумовья́» образовались по образцу «бра́тья». Этому сопоставленію мѣшаетъ уже различіе ударенія, а также различіе род. падежа множ. числа: «бра́тьевъ», «сыновéй». Ближе во всякомъ случаѣ было бы указать на параллель съ формами «князья́», «мужья́». Но какъ образовалось «князья́» и «мужья́». Проф. Соболевскій указываетъ на форму собирательнаго ед. числа жен. рода «кнѧжьѩ» и думаетъ, что нынѣшнее «князья́» не что другое, какъ та же самая форма, понятая въ смыслѣ мн. числа, подобно тому, какъ «братьѩ» безъ малѣйшей перемѣны формы только въ синтактическомъ отношеніи перенесено изъ един. числа въ множественное (стр. 152). Но и противъ этого соображенія можно возражать. Нѣтъ причины, кажется, полагать, что старинное «кнѧжьѩ» въ ед. числѣ имѣло удареніе на послѣднемъ слогѣ; скорѣе можно утверждать, что произносилось «кнѧ́жьѩ», по аналогіи съ «бра́тьѩ», (сл. «бра́тъ-бра́та» и «кня́зь-кня́зя»). Въ такомъ случаѣ ожи-

дали бы и для множеств. числа произношеніе «кня́жья» — род. пад. «кня́жьевъ», по аналогіи« бра́тья-бра́тьевъ». Напротивъ, «князья́», а также «мужья́» образовались вѣроятно не перенесеніемъ собирательной формы изъ ед. ч. въ множ. число, а скорѣе изъ предполагаемаго именительнаго множ. числа «*князье́», «*мужье́» переходомъ ударяемаго, въ концѣ слова стоящаго *é* въ *я;* точно такъ «сыновья́» образовалось изъ «сынове», но не безъ участія въ образованіи этой формы другихъ уже готовыхъ примѣровъ на *-ья.* Примѣры именительнаго мн. ч. «князье́», «мужье́» могутъ быть и для древнерусскихъ памятниковъ засвидѣтельствованы, по крайней мѣрѣ такими близко подходящими параллелями: «стражіе стражаху» новг. лѣт. I, 33, «и сташа дньк зли» ibid. 30, «звѣрье дивни» лавр. 131. По аналогіи этихъ существительныхъ могли образоваться также формы именит. падеж. «князье», «мужье»; онѣ существовали, по крайней мѣрѣ, въ церковнослав. языкѣ[1]) (сл. Миклошичъ-Брандтъ, стр. 750), а въ особенности сильно распространены въ нынѣшнемъ словенскомъ нарѣчіи (сл. Миклошичъ-Брандтъ 172. 805). Такой же переходъ въ именительный на *іе* былъ извѣстенъ также старочешскому языку (Gebauer, Staroč. sklonění substantiv kmene-o, str. 10 — 15) и старопольскому (Kalina, стр. 77). Поэтому очень можетъ быть, что онъ не былъ чуждъ также древнерусскому языку, только что здѣсь-то онъ не успѣлъ обнаружиться раньше, чѣмъ тогда, когда уже ударяемое *ье́* перешло въ *ья.*

Миклошичъ и Брандтъ предпочитаютъ всѣ формы на *я* («бра́тья» «бато́жья» рядомъ съ «кумовья́» и «хозя́ева») разсматривать какъ собирательныя, и потому первоначально единственнаго числа (сл. Микл.-Брандтъ на стр. 412). Но едва ли этотъ на видъ болѣе простой способъ объясненія въ данномъ случаѣ самый вѣрный. Я согласенъ, что «бато́жья» или «кли́нья» или «кло́чья», «коло́сья», «поло́зья», «у́голья» дѣйствительно лишь

---

1) Поэтому встрѣчаются также въ русскихъ спискахъ церковныхъ текстовъ, напр. въ тактиконѣ 1397 года я отмѣтилъ себѣ съ листа 4-го «мужье».

собирательныя формы, перенесенныя по чутью внутренняго значенія въ множественное число. Но кто не видитъ разницы между этими словами и такими существительными какъ «князья́», «кумовья́», «друзья́», «сыновья́», «деверья́», «свекровья́»! Одна изъ этихъ формъ, «друзья́», просто по фонетическимъ причинамъ не можетъ быть собирательнымъ ед. числа; сообразно съ «кло́чья», «бато́жья», «су́чья» и т. д. ожидали бы «дру́жья». Я затрудняюсь даже допустить, чтобы форма «Татарва́» могла быть что другое, какъ собирательное, образовавшееся изъ «Тата́рове», «татаро́вя» — «татаровья́», съ которымъ по ударенію снова совпало «татаровя́» — «татарва́». Что языкъ не остановился на формѣ «татаров ья́», тому я нахожу причину въ значеніи слова. Для названій не то мѣстъ, не то народовъ, русскій языкъ любитъ существительныя собирательныя женскаго рода ед. ч., сл. «**Мерꙗ**», «**Моурома**», «**Полꙗ**» и т. д. или въ пск. лѣт. I. 182: «**Поганаꙗ Латина**». Какъ въ послѣднемъ примѣрѣ «**Лати́на**» образовалось изъ «**Лати́нѧ**» вм. «**Лати́не**» (имен. ед. ч. было бы «**Лати́нинъ**»), какъ «Ла́яна» (= жители деревни Ла́и) замѣнило форму «*Ла́яня» (вм. «Ла́яне» сл. Микл.-Брандтъ, I. 411, прим. 3), точно такъ «татарва́» вышло изъ «татаровя́», «татарова́». Можетъ быть такимъ же образомъ изъ «листвье́» (вм. «ли́ствіе») образовалось «листва́», но здѣсь скорѣе вліяла аналогія такихъ словъ, какъ «мурава́». Форма «хозя́ева» вышла изъ *«хозя́евя» (вм. «хозя́еве») точно такъ, какъ «боя́ра» изъ «боя́ря» (вм. «боя́ре»), какъ «мѣща́на» изъ «мѣща́ня» (вм. «мѣща́не»)—стало быть и здѣсь нѣтъ надобности говорить о переходѣ собирательной формы слова изъ единственнаго въ множ. число.

Труднѣе найти точку отправленія для многочисленныхъ именительныхъ на *а́* безъ предъидущаго смягченія. Какъ я сказалъ, не вѣрится, чтобы одно слово «**господа́**» могло сдѣлаться коноводомъ для всѣхъ тѣхъ существительныхъ, по большей части значеніемъ своимъ не укладывающихся въ рамку слова «**господа́**». Развѣ можно допустить, что «**господа́**», род. пад. «**госпо́дъ**», по-

тянуло за собою: берегá-берегóвъ, бокá-бокóвъ, вечерá-вечерóвъ и т. д.? Не думаю. Допустить это можно развѣ для такихъ словъ, какъ «лѣ́карь», «пи́сарь», «учи́тель», которыхъ я́ и безъ того легко объясняется изъ консонантическихъ формъ «лѣкаре́», «писаре́», «учителе́», формъ возможныхъ и для древнерусскаго языка, въ доказательство чего укажу на примѣръ изъ псковской судной грамоты: «а только тѣ приставе рекутъ то слово» (Влад. Будан. Христ. I. 149, § 57). Но для именительныхъ «берегá», «городá», «лѣсá» и т. д. повидимому и этихъ примѣровъ мало. Кажется, эти формы, довольно позднія, стали входить въ у́потребленіе только тогда, когда въ трехъ косвенныхъ падежахъ уже установились окончанія *áмъ*, *áми*, *áхъ*. Вѣроятно это преобладаніе окончанія, начинающагося съ *á*, на которомъ было удареніе, хотя и не вызвало, но по крайней мѣрѣ значительно поддерживало и для именительнаго ударяемое *á*. И такъ скажемъ, вслѣдствіе трехъ падежей «берегáмъ», «берегáми», «берегáхъ» вышло наружу также для именительнаго «берегá». Нельзя однакожъ утверждать, что упомянутыхъ трехъ падежей было достаточно для воспроизведенія именительнаго на *а*; въ такомъ случаѣ примѣровъ именительнаго на *á* было бы гораздо больше. Что же мы видимъ? Мы замѣчаемъ условія, сильно ограничивающія окончаніе *á*. Подробно и внимательно распространяется о нихъ Я. К. Гротъ въ Фил. Разысканіяхъ[3] I. 441—они доказываютъ, что окончаніе на *á* зависитъ еще и отъ различныхъ другихъ факторовъ, кромѣ помянутыхъ трехъ косвенныхъ падежей. Самымъ важнымъ изъ этихъ условій я считаю неударяемость окончанія въ род. падежѣ ед. числа. Разница же между «гóлоса» и «голосá», «пóгреба» и «погребá», «óкорока» и «окорокá» напоминаетъ очень живо такое же различіе у существительныхъ средняго рода: «слóва» и «словá», «пóля» и «поля́», «мóря» и «моря́», «зéркала» и «зеркалá», «дéрева» и «деревá». Спрашивается, не дѣйствовала ли тутъ въ самомъ дѣлѣ аналогія окончанія средняго рода на *á*? Но это дѣйствіе я бы во всякомъ случаѣ распространилъ только на слова, обозна-

чающія конкретные предметы, какъ: бока́, глаза́, дома́, лѣса́, рога́, хлѣва́, берега́, вертела́, волоса́, вѣера́, города́, жолоба́, жернова́, колокола́, короба́, кузова́, образа́, острова́, погреба́, полога́, пояса́, тормоза́, терема́, черепа́; и на такія слова, которыхъ абстрактное значеніе можетъ перейти въ конкретное: года́, вѣка́, края́, цвѣта́, голоса́, вечера́, холода́, откупа́, промысла́ и т. д. Напротивъ для словъ, обозначающихъ живыя существа, какъ: конюха́, повара́, пристава́, сторожа́, перепела́, тетерева́, и для всѣхъ иностранныхъ словъ такого же значенія, какъ: доктора́, мастера́, цензора́, профессора́ — ближе и естественнѣе думать, что они развивались подъ вліяніемъ формъ: учителя́, писаря́ и т. д.

Да извинитъ читатель эту растянутость, свидѣтельствующую лишь о томъ, что нѣтъ еще достаточно подобранныхъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія вопроса. Дѣйствительно въ лекціяхъ не указано, съ какихъ поръ попадаются примѣры на *а́*; у меня по рукописи XV вѣка (1470 — 7, Уч. Зап. V. 61) отмѣчено «роукава же ризъ ихъ широци», но это можетъ быть еще двойственное число, какъ вообще въ этомъ словѣ форма «рукава» вѣроятно остатокъ дв. числа. Въ грамотѣ 1568 г. (юр. акт. 126) пишутъ: «жернова новые запасные», въ грамотѣ 1628 г. (у Иванова № 62): «на колоколне колокола».

Въ родительномъ падежѣ множ. числа хотѣлось бы нѣсколько подробнѣе узнать объ отношеніи между окончаніями мягкихъ основъ *евъ*, *овъ* и *ей*. Повидимому «рублевъ» («рублевъ» гр. 1388 г., «стѡ рѹблевъ»? гр. 1510 г.) и даже «рубловъ» (ак. юр. стр. 111. 260) старше чѣмъ «рублей», но уже въ гр. 1388 г. (гос. гр. I. 56) читаемъ «закладнии не держати» рядомъ съ «закладневъ», встрѣчающимся въ гр. 1362 г. стр. 44. Ср. также «сто лещовъ» ак. арх. эксп. I. № 66 (около 1460 г.). Старый род. падежъ сохранился не только въ «ис конь», «пятьдесятъ конь» моск. гр. 1353 г. (гос. гр. I. стр. 38 сл. «коневъ» 1432—43 г. Калач. I. 92), но также въ «мимо своихъ дядь» ак. юр. 1508 г. № 13, стр. 25. Существительное муж. рода

«жеребьи» пишутъ уже очень рано въ род. мн. ч. «жеребьевъ» (напр. въ гр. 1356. 1389 г. и т. д.), но «остожье», какъ существительное средняго рода, остается пока еще по старому: «шесть остожей» ак. юр. 124 (1550 г.), сегодня же говорится «деревьѐвъ».

Гораздо лучше и удовлетворительнѣе изложена въ лекціяхъ судьба дательнаго падежа множ. числа (на стр. 126—127) рядомъ съ предложнымъ и творительнымъ. Но и здѣсь хотѣлось бы еще узнать кой-какія подробности. Авторъ не высказалъ на словахъ того, что явствуетъ изъ приводимыхъ имъ примѣровъ: совпаденіе всѣхъ родовъ существительнаго въ окончаніяхъ *амъ*, *ахъ*, *ами* началось съ дательнаго падежа, за дательнымъ послѣдовалъ предложный, послѣдній же, поддавшійся той аналогіи, былъ творительный падежъ. Кажется, не трудно это доказать и подтвердить примѣрами, что ходъ развитія новыхъ формъ дѣйствительно шелъ въ этой очереди. Легче всего было дательному падежу перейти изъ *омъ-емъ* въ *амъ*; переходъ изъ *о* въ *а* вообще самый близкій. Кромѣ того, я полагаю, и для русскаго языка не подлежитъ сомнѣнію, что первыя стали переходить въ окончаніе на *амъ* слова средняго рода, для которыхъ уже въ именительномъ падежѣ предшествовало образцомъ окончаніе на *а*; при именительномъ «сѣла» легко было дательному «сѣломъ» перейти въ «сѣламъ», при «ловищіа» образовалось «ловищіамъ» (вм. «ловищемъ», что тогда уже переходило въ «ловищомъ») и т. д. Существительныя мужескаго рода, совпадавшія прежде въ окончаніи дательнаго падежа съ среднимъ родомъ, примкнули тотчасъ же къ нимъ и по отношенію къ новому окончанію *амъ*. Если же все это происходило такъ, какъ здѣсь изображено, тогда не нужно даже говорить о «смѣшеніи основъ на *о*, *ъ*, *ь* и на *а*»; никакаго «смѣшенія основъ» не было, а просто дательный и предложный передѣлали свое окончаніе подъ вліяніемъ именительнаго падежа, причемъ языкъ находилъ нѣкоторую поддержку въ существовавшихъ конкретныхъ «формахъ» (не «основахъ») женскаго рода на *амъ*, *ахъ*.

Древнѣйшій примѣръ дательнаго муж. рода на *амъ* попадается уже въ XIII столѣтіи, если вѣрно напечатано у Срезневскаго послѣсловіе матигорскаго паремейника 1271 года: «написахъ книгы сиꙗ азъ попъ стго дмитрьꙗ съ сынмь своимъ *матигорьцамъ*». Зато еще въ XVI вѣкѣ существовали такія формы: «холопемъ и боꙗромъ и мѹжикомъ» 1578 г.

Предполагая, что дательный падежъ мн. ч. былъ коноводомъ въ этомъ преобразованіи нѣсколькихъ формъ множ. числа, я опираюсь на данныя древнерусскаго языка, доказывающія, какъ мнѣ кажется, что мѣстному падежу труднѣе было уступить аналогіи, чѣмъ дательному, что въ то время, когда въ дательномъ падежѣ уже преобладало окончаніе *амъ*, въ мѣстномъ еще происходила борьба стараго съ новымъ, выходили наружу даже формы не старыя и не новыя, а какія-то среднія, какъ доказательство, что языкъ былъ уже выдвинутъ изъ старой колеи, но на новую попалъ не сразу. Мы читаемъ въ двинской грамотѣ (акт. юр. № 71, VI. стр. 111) «тремъ селамъ» и рядомъ «на тихъ трехъ селѣхъ» (но также «въ ловищахъ» рядомъ съ «въ хмелникѣхъ»); тамъ же VIII (стр. 112): «ловищамъ» и рядомъ «на всихъ угодьѣхъ»; тамъ же XV (стр. 114): «по малымъ озеркамъ», XVIII: «у перевѣсищахъ» рядомъ съ «въ ручьѣхъ; тамъ же № 75 (1494 года): «къ пустошамъ», «дѣтꙗмъ» (чаще въ это время еще «дѣтемъ»), но «на пустошѣхъ». Въ грам. 1555 г. (Калач. юр. б. I. 82—83): «къ селищамъ», «въ селищахъ», но также «въ полехъ». Въ одномъ послѣсловіи 1380 г. (у Срезн. 266) примѣръ «о людьскыхъ тꙗжестѣхъ» представляетъ такую же среднюю форму. Сл. въ полоцк. гр. 1409 г. «на конехъ». Въ тактиконѣ 1397 года читаемъ уже «о раздорахъ» 6ª (именит. «раздоръ» ib.) [1]) Въ толк. еванг. 1441 г. (сѣверномъ):

---

[1]) Примѣръ «при первыхъ князꙗхъ», приводимый въ русско-ливонскихъ актахъ на стр. 13, принадлежалъ бы къ древнѣйшимъ примѣрамъ, еще изъ XIII столѣтія, но—вопервыхъ грамота сохранилась въ спискѣ съ конца XIV столѣтія, вовторыхъ же въ подлинникѣ написано «при первыхъ кнꙗхъ», что еще не даетъ полнаго права читать «князꙗхъ».

«по селахъ своих ходящимъ», 103б, «въ градѣх и селах» ib. 104а Въ домостроѣ существуютъ рядомъ «в коробѣхъ» и «в коробьяхъ», рядомъ «в мешечкахъ» и «в сундукехъ».

Говоря о колебаніяхъ, замѣчаемыхъ въ окончаніи мѣстнаго падежа множ. числа, нельзя обойти молчаніемъ формъ на *охъ*. Кажется, онѣ встрѣчаются преимущественно въ западнорусскихъ текстахъ XV и XVI столѣтія, напоминаютъ же собою наклонность древнепольскаго языка къ этому окончанію. Въ псковской судной грамотѣ читаемъ: «на приказникохъ» § 14; въ ипатской лѣтописи[2] 590: «в ляхохъ», часто у Скорины: «домохъ, станохъ, мехохъ, рядохъ, языкохъ» и т. д. (Владиміровъ, стр. 283). Съ этими народными формами западнорусскаго нарѣчія (или хоть бы только книжными, но проникшими въ письменность не изъ церковнославянскаго языка, а скорѣе изъ польскаго) не слѣдуетъ смѣшивать формы церковнославянскія на *охъ*, которыя занесены въ письменность въ этотъ позднѣйшій періодъ времени по образцу южнославянскихъ текстовъ того времени, въ которыхъ мѣстный на *охъ* встрѣчался не рѣдко. Такъ мы читаемъ въ одномъ церковномъ (апокрифическомъ) текстѣ XV вѣка «по мѣстохъ» (Тихонр. отреч. кн. II. 371), въ одномъ текстѣ XVI вѣка «ѡ началникохъ» (Бусл. ист. хр. 730).

Послѣдній, примкнувшій къ аналогіи, о которой рѣчь идетъ, былъ творительный падежъ; примѣры окончанія *ами* встрѣчаются изрѣдка уже въ XIV и XV столѣтіи: «съ полями» западр. грам. 1883 г., «зъ лугами», ib. «копьями изводоша», Бусл. ист. хр. 706, «орамыми землями и пожнѣми и ловищи *и хмельниками*» двин. грам. XV в. (ак. юр. 111), «съ сѣнными наволокы и съ бобровыми ловищи и съ полѣшими *лѣсами* и съ *путиками*» ib. 115, «землями и пожнями и *ловищами* и всѣми *угодьями*» ак. юр. 39 (1532 г.). Старыя формы оставались долго въ употребленіи, въ особенности *ьми* не легко и не скоро поддалось общей аналогіи. Въ грамотахъ 13—14 вѣка часто попадаются формы: «мужьми», «коньми». Съ тѣхъ поръ, какъ окончаніе *ами* стало брать верхъ для всѣхъ существительныхъ

безъ различія, окончаніе же на *ы* еще не прекратило существованія, языкъ началъ терять чутье для различія обоихъ окончаній. Такимъ образомъ могли появиться мимоходомъ и такія формы, какъ: «съ двѣма комнаты» ак. юр. 1568 г. стр. 126; или въ псковской грамотѣ «подъ полубы» (вм. «полубами»).

XVI.

Въ склоненіи мѣстоименій есть формы, о происхожденіи которыхъ можно сомнѣваться и предлагать различныя объясненія. Авторъ лекцій (на стр. 133—4) не затрудняется объяснять род. падежъ «меня», «тебя», «себя» вліяніемъ существительныхъ мужескаго рода. По его мнѣнію «меня́» образовалось по образцу родительнаго «коня́». Не считаю возможнымъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Склоненіе личныхъ мѣстоименій не обнаруживаетъ никакихъ точекъ соприкосновенія со существительными мужескаго рода. Дательный падежъ на *ѣ* и творительный на *ою* напоминаютъ скорѣе склоненіе существительныхъ женскаго рода на *-а* (жен*ѣ*, жен*ою*). Формы «меня, тебя, себя» должны быть объясняемы иначе, т. е. по моему онѣ вышли, какъ уже сказано выше на стр. 49, изъ «мене́», тебе́, «себе́». Что же касается формъ «менѣ», «тебѣ», «себѣ» въ качествѣ родительнаго падежа — примѣровъ не очень много, но все же столько, что они должны обратить на себя вниманіе — эти формы могли бы дѣйствительно состояться подъ вліяніемъ стариннаго окончанія родительнаго падежа женскаго рода на *ѣ* («доушѣ»), если бы этому толкованію, предлагаемому проф. Соболевскимъ, не мѣшало то важное обстоятельство, что склоненіе мѣстоименій, какъ видно изъ обоихъ выше приведенныхъ окончаній *ѣ* и *ою*, не примыкаетъ къ существительнымъ женскаго рода съ мягкою согласною, съ мягкими окончаніями. Какъ скоро въ дательномъ падежѣ существуетъ

«мнѣ, товѣ, совѣ», въ творительномъ же «мною, товою, собою», трудно допустить, чтобы въ родительномъ падежѣ на преобразованіе окончанія могли вліять слова типа «душа», вмѣсто типа «жена». Другими словами, допустивъ съ авторомъ «лекцій» вліяніе существительныхъ женскаго рода на образованіе родительнаго падежа ед. ч. мѣстоименій личныхъ, мы непремѣнно ожидали бы не «менѣ», «тебѣ», «себѣ», а «мены», «тебы», «себы». Поэтому для объясненія этихъ формъ надо искать другихъ причинъ. Сказать ли, что въ окончаніи *ѣ* просто отразилось вліяніе дательнаго падежа? Припомнимъ себѣ, что и въ дательномъ падежѣ существуетъ такое же колебаніе между окончаніями *е* и *ѣ* («товѣ — тебе»). Но возможно еще и другое соображеніе. Я указалъ выше (см. стр. 51) на примѣры употребленія буквы *ѣ* въ такихъ случаяхъ, гдѣ потомъ народное произношеніе изъ прежняго *е* образовало звукъ *я* («болꙗре — болꙗрꙗ»). Спрашивается, не передавали ли очень многочисленные формы именительнаго падежа мн. ч. на *ѣ*, а также и упомянутыя родительнаго «менѣ, тебѣ, себѣ» именно это переходное состояніе между *е* и *я*?

Мѣстоименіе перваго лица ед. числа «азъ» чередовалось уже въ XII столѣтіи съ народною формою слова *я* (ꙗ). Въ грамотѣ 1130 года (Мстислава и Всеволода) читаемъ рядомъ: «азъ мьстиславъ», «ꙗзъ далъ» и по народному «а се ꙗ всеволодъ». Причина отпаденія согласной *з* (по произношенію иногда *с*) въ лекціяхъ Соболевскаго не указана. Я нахожу ее въ аналогіи мѣстоименія перваго лица съ одной стороны съ «ты», съ другой стороны съ косвенными падежами тѣхъ же мѣстоименій (перваго и второго лица). Произношеніе формы «азъ», съ консонантическимъ окончаніемъ, не находило опоры нигдѣ въ ближайшей области подходящихъ сюда словъ; всѣ формы оканчивались чистыми гласными (ты, мнѣ, мене, менꙗ, мною). Вотъ по моему причина, почему языкъ пожертвовалъ согласною также въ формѣ «азъ». Помнится, какъ въ моемъ родномъ городкѣ дразнили произносившихъ по словенски «*яз*» (вм. обыкновеннаго «*я*»), прибавляя въ насмѣшку «*тиз*» (т. е. «ты» второго лица съ такимъ

же *з*), желая этимъ какъ будто сказать, кто произноситъ «*яз*», тотъ долженъ произносить и «*тиз*». Я вижу въ этой психологической чертѣ самое наглядное доказательство для того, что дѣйствительно «ты» могло повлять на «азъ» или «ıазъ» и передѣлать его въ «ıа» (я).

Относительно именительнаго падежа множ. числа мѣстоименій оканчивающихся на *ѣ* («тѣ», «онѣ», «всѣ») авторъ не высказался опредѣленно; онъ говоритъ только, что это окончаніе состоялось «подобно именамъ» (на стр. 134). Стало быть — подобно именамъ женскаго рода съ мягкимъ окончаніемъ (напр. «душѣ»)? Такъ ли? Вотъ съ этимъ объясненіемъ я никакъ не могъ бы согласиться. Не подлежитъ, думаю, ни малѣйшему сомнѣнію, что «тѣ» — выводъ языка, сдѣланный для именительнаго падежа изъ совокупности косвенныхъ падежей, обнаруживающихъ всегда передъ окончаніемъ основу формъ «тѣ». Какъ въ «тѣхъ», «тѣмъ», «тѣми» всѣ роды безъ различія совпадали въ одной формѣ, точно такъ и для именительнаго новообразованная форма «тѣ» совмѣстила въ себѣ всѣ роды безъ различія. Число примѣровъ, приводимыхъ въ лекціяхъ, можно бы увеличить множествомъ другихъ, изъ грамотъ XIV и XV вѣковъ, но они не даютъ ничего новаго. Прибавлю только, что основа «тѣ» такъ крѣпко засѣла въ языкѣ, что на основаніи ея развились нѣкоторыя новыя формы: въ грамотѣ 1462—1505 г. (у Калачева юр. быт. I, 170) читаемъ нѣсколько разъ «тѣе земли», «на тѣе земли»; даже въ единственномъ числѣ «тѣю деревнею», «тѣю землею» (въ грамотѣ 1473 г. ак. юр. № 411).

Впрочемъ въ склоненіи мѣстоименія «тъ» видно также вліяніе склоненія обыкновенныхъ прилагательныхъ. Когда въ именительномъ мн. числа пишутъ «тии людье» грам. витеб. риж. о. 1300, или «тие люди» рус. лив. акт. стр. 13, или «тіи люди», «тіи люде» грам. галицкая у Головацкаго № 1 (1375 года), или же въ винительномъ «тые люди», «тые коне», грам. вит. р. о. 1300 г., «тые люди дали есмо» гал. гр. 1375 г. ib. № 5, «оу тыи часы» гр. 1388 г. ib. № 8—9, нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь вліяли формы

прилагательнаго склоненія. Это вліяніе распространилось также на косвенные падежи множ. числа. Мы читаемъ преимущественно въ югозападныхъ и сѣверозападныхъ памятникахъ: «кнѧзь тыихъ» р. лив. акт. 13, «тымъ мнихомъ» 1375 г. Голов. гал. гр. № 5, «отъ тыхъ мѧсопоустъ» ib. № 8—9 (1388 г.), «тыми же колоколы» рус. лив. ак. 1407 г., «тыхъ имении» югозап. гр. 1438 г. № 20, «къ тымъ селомъ» ib., «къ тымъ имѣньѧмъ» ib., «во всихъ тыхъ имѣньѧхъ» 1442 г. № 25, «о тыхъ имѣньѧхъ» ib. № 39 (1503 г.), «на тыхъ мостѣхъ» ib. № 55 (1510 года). Изрѣдка попадаются такія же формы въ грамотахъ новгородскихъ и московскихъ: «ис тыхъ селъ» новг. гр. 1327 г., «с тыхъ», «тыхъ» ib. 1373 г., «къ тымъ свободамъ» ib. 1305 г., «тыми волостми» моск. гр. 1328 г. № 25, «тыми», «тымъ» ib., «у тыхъ людии» 1353, № 24, «ис тыхъ мѣстъ» 1356 г. № 25. Это двоякое склоненіе стоитъ въ связи съ двоякимъ именительнымъ падежомъ ед. числа. Старинное «тъ» могло остаться не тронутымъ въ своемъ окончаніи, принявъ изъ косвенныхъ падежей лишь слогъ «то» для подпоры: получился именительный падежъ «тотъ» (напр. «тътъ товаръ» смол. гр. 1229 г., «тотъ въ сто, а тотъ потѧгнеть» новг. гр. 1270 г. Шахм. 243, «тотъ дастъ Фветъ» Срезн. 263). Къ этому именительному принадлежитъ правильное старинное склоненіе. Но «тъ» могло также, поддавшись вліянію прилагательныхъ, передѣлать именительный падежъ изъ «тъ» въ «тъи», «тыи», «той». Форма «тыи» встрѣчается дѣйствительно иногда въ грамотахъ новгородскихъ (въ грам. 1305 и 1327 гг.), но гораздо чаще въ грамотахъ западно-русскихъ, напр. въ витебско-рижской о. 1300 г. «тъи товаръ», «тъи конь», въ галицкой 1375 г. «тои млинъ», ib. 1401 г. «тои рокъ». Въ грамотахъ южно-русскихъ попадаются, какъ еще нынѣ въ языкѣ южно-русскомъ, обѣ формы рядомъ: напр. у Головацкаго, въ грамотахъ отпечатанныхъ въ Науковомъ сборникѣ, пишутъ: «тъи листъ» № 1 (1350), «на тои день» № 8—9 (1388), «оу тъжь днь» № 13 (1398), «тъи листъ» № 20 (1400), «тои слюбъ» № 23 (1388), «на тои рокъ» № 24

(1401) и т. д., но тамъ же рядомъ: «тотъ миръ», «тотъ ѿповѣсть», «тотъ истиньнъıи» № 1, «тотъ обьѣздилъ» № 4 (1371), «на тотъ рокъ» № 7 (1386), «на тотъ листъ» № 8—9, «тотъ зъıскалъ», «тотъ стратилъ» № 24 (1401).

При существовавшей формѣ «тъıи», «тои» простая послѣдовательность заставляла языкъ итти еще дальше, онъ образовалъ для женскаго рода форму «таꙗ», для средняго «тое»: «таꙗ ѡбида» гр. 1300, «таꙗ околица» лит. гр. 1387. Срезн. 267, «оуся таꙗ волость» ib., «тая половина» грам. 1403 г. у Голов. № 26, «тое ѡзеро» ib. № 19 (1392—1429), «тое село» лит. гр. 1387; для винительнаго падежа ж. р. форму «тую»: «про тую жалобу» р. лив. а. 1284, «тȣю жь правдȣ» гр. 1350 г. Голов. № 1, «тȣю земьлю», «оу тȣю землю» ib. № 26 (1403), «оусю тую дань» лит. гр. 1387 г.; для винительнаго средняго рода множ. числа «таꙗ»: «оу таꙗ ловишча» ib. № 18 (1392), «оуся таꙗ села» лит. гр. 1387 г.

Для винительнаго падежа ж. р. ед. ч. существуетъ также форма «тое», она появляется довольно поздно, кажется, не раньше XVI вѣка, ср. напр. «тое кабалу», «тое свою отчину» кал. I. 197, 199 (1547 г.), «на тое деревню» ак. юр. № 183, стр. 198 (1585 г.), «тое пустошь» кал. I. 75 (1593 г.); это «тое» конечно не что другое какъ родительный падежъ ж. р., колебавшійся уже давно между «тоѣ» и «тое». Какъ это случилось, что это *е* произносится *ё* вм. ожидаемаго *я*? Проф. Соболевскій думаетъ (стр. 57), что здѣсь, по всей вѣроятности, оказали вліяніе формы средняго рода на *о* — моё, твоё, своё. Едва ли это такъ. Аналогическія вліянія происходятъ обыкновенно внутри рода или внутри падежа. Поэтому мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что здѣсь на родительный падежъ ж. рода вліялъ родительный же падежъ м. рода, т. е. что *тоё* поддалось вліянію произношенія *того́*, или, лучше сказать, *его́* вліяло на *её*.

Что касается формъ множ. числа съ основнымъ *и* вм. ожидаемаго *ѣ* въ такихъ памятникахъ, какъ новгородскія, московскія, двинскія грамоты, то мнѣ сдается, что здѣсь вліяніе про-

исходило не съ окончаній мягкихъ на твердыя, а съ именительнаго падежа на косвенные. Мы присутствуемъ такъ сказать при борьбѣ именительнаго падежа съ косвенными, при борьбѣ для существованія. Именительный падежъ «ти», «вси» напрягаетъ свои силы и на время притягиваетъ къ себѣ даже косвенные падежи: «тимъ», «тихъ», «тими»; «всимъ», «всихъ», «всими», но силы его вскорѣ истощаются и онъ самъ уходитъ со сцены, уступивъ мѣсто новой формѣ, свидѣтельствующей о перевѣсѣ косвенныхъ падежей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ двинскихъ грамотъ XV вѣка, въ актахъ юридическихъ № 71: «тими землями» IV, «всимъ тимъ сябрамъ» V, «тихъ селъ», «тихъ земель», «на тихъ трехъ селѣхъ», «ти три села», «на ти земли» VI, «на всихъ угодьѣхъ» VIII, «со всимъ володѣньемъ», «со всими угодьи» X. Въ доказательство, что здѣсь формы вліяли другъ на друга, можно привести примѣръ ib. XI. «цѣмъ владѣлъ... тѣмъ владѣти», гдѣ подъ вліяніемъ формы «тѣмъ» вышло даже «цѣмъ».

Гдѣ о мѣстоименіяхъ рѣчь идетъ, не лишне было бы упомянуть словомъ о параллелизмѣ между *тотъ* — *той* и *сесь* — *сей*. Форма «сесь» существуетъ преимущественно въ юго-западныхъ текстахъ: «на сесь листъ» гал. грам. 1398 г. № 13 у Голов., «на сесь нашь листъ» ib. № 26 (1403 г.); въ юго-зап. актахъ: «сесь мои записъ» № 48 (1508), «сесь нашь листъ» ib. № 59 (1512). Примѣръ «такоже и сесь сложилъ» Бусл. ист. хр. 750 — выходитъ уже изъ рамки юго-западнаго края, сл. также у Кал. I. 187 «сесь списокъ», то же самое ак. юр. 28. Я нашелъ также «сеси»: «кто на сеси листъ позритъ» грам. 1421 г. у Голов. № 32. Въ той же грамотѣ читается также довольно рѣдкая форма «тонъ»: «а тонъ листъ далъ панъ Васко». Винительный падежъ ж. рода мѣстоименія «сь» въ церковно-славянскомъ языкѣ былъ «сиѭ» — «сьѭ», въ русскомъ «сю» и даже «сюю»: «сюю грамоту» читаемъ въ литовско-русской гр. 1387 г. рядомъ съ «сю грамоту» Срезн. 266. 267, «сю кабалу» Кал. I. 201 (1547 г.). Есть также «сее» (радомъ съ «тое»): «сее грамоту» ак. арх. эксп. I.

380[б]. Въ грамотѣ полоцкой 1264 г. «сую грамоту» теряетъ значеніе потому, что тамъ же есть также «сию». Именительный ж. рода «сѧ»: «грамота сѧ» русско-лив. ак. 131 (1407 г.); сл. ак. арх. эксп. I. 389[а]. Средняго рода мн. числа: «по сѧ мѣста» Кал. I. 222 (1561 г.).

Авторъ приписываетъ мѣстоименію «тотъ» значеніе члена уже для древне-русскаго языка (стр. 158). Приводимые примѣры мало убѣдительны. Въ сущности мѣстоименіе не лишняя прибавка, оно выдвигаетъ существительное какъ нѣчто читателю уже знакомое, съ нарочнымъ указаніемъ на него. Обыкновенно о такомъ словѣ, снабженномъ мѣстоименіемъ, заходила уже рѣчь въ предыдущемъ. Въ примѣрѣ изъ лѣтописи сказано: «смердовъ жалуете и ихъ конии», поэтому въ продолженіи разсказа можно было прибавить: «начнетъ смердъ тотъ орати лошадью тою». Точно такъ во второмъ примѣрѣ: «въшедша два лѧха на увозъ... лѧха та ловѧшета его». Подобныхъ примѣровъ очень много. Въ этомъ смыслѣ написалъ также Аблесимовъ, на котораго авторъ ссылается: «коней ищу... а кони-та, кони-та какіе добрые были». Вся разница въ томъ — и за это указаніе мы признательны автору — что встарину мѣстоименіе еще склонялось, въ новомъ же языкѣ остались лишь нѣкоторыя формы его, преимущественно *то.* Если же говорить о употребленіи мѣстоименія въ качествѣ члена, отчего не указать на то «тотъ», которое въ русскомъ языкѣ служитъ опорою для существительнаго, имѣющаго возлѣ себя относительное предложеніе? Вѣдь и въ этомъ случаѣ мѣстоименіе играетъ роль члена, такъ какъ, судя по другимъ языкамъ, безъ него можно обойтись. Примѣры такой прибавки мѣстоименія имѣются уже въ старомъ языкѣ, напр. въ грамотѣ витебско-рижской о. 1300 г. читаемъ: «а имуть ть того чловѣка, кто разбои оучинилъ», «про тую дѣтину, что товаръ его былъ съ разбоиниковъымъ товаромъ», «тъи товаръ ѡтдаи, что еси взѧлъ».

XVII.

Относительно склоненія прилагательныхъ и причастій надо будетъ въ слѣдующихъ изданіяхъ кое-что прибавить. Напримѣръ, желательно бы увидѣть по примѣрамъ, какъ долго въ старомъ языкѣ именное склоненіе прилагательныхъ продолжало существовать на ряду съ формами сложными. Встарину писали: «поясъ золотъ» моск. гр. 1328, стр. 32, «поясъ великии золотъ ib. 1356, стр. 40, «ковшъ великии золотъ» ib., «чечакъ золотъ» ib., «дати ти путъ чистъ» моск. гр. 1368, стр. 48 «блюдо серебрьно» ib. 1328, стр. 32, рядомъ съ «блюдо великое» ib., «шапка золота» ib. 1356, стр. 40, «сабля золота» ib. рядомъ съ «шапка золотая» 1328, стр. 32, «чепь золоту колчату» 1356, стр. 40, рядомъ съ «коробочку золотую» 1328, стр. 32, «поясъ сердониченъ» 1328, стр. 31, рядомъ съ «кожухъ черленыи» ib. 32, «на червчатѣ шолку» рядомъ съ «въ великомъ свертцѣ» ib.; сл. «по чепи по золотѣ», «по поясу по золоту» ib. 1356, стр. 40. Въ актахъ юрид. № 103 (1540 г.): «ель же на поклапую» рядомъ съ «ель поклапу» стр. 136, ib. № 104 (1556): «земля добра» рядомъ съ «земля средняя» стр. 138; «сушило велико» ib. № 86, 126 (1568 г.). Въ ипат. лѣтописи 473: «созда церковь камену» рядомъ съ «святи церковь каменую». Сл. еще Кал. I. 548 (раньше 1459 г.): «лошакъ рыжъ, лысъ, ib. 573: «меринъ карь, кобыла бура», ib. 540 «мерина темносѣра, да мерина рыжа, да кобылу карю, да кобылу чалу».

Такая же свобода существовала въ выборѣ формы для прилагательнаго въ аппозиціи: «ожерелье на цкахъ, на золотыхъ, разрушано съ яхонты и зъ жемчуги» моск. гр. 1509 г. стр. 406; «приде Лестько к Белзу, убѣженъ Александромъ» ипат. 487; «кто на пиръ придетъ пити незванъ» ак. арх. эксп. I, № 143, стр. 115а.

Потеря именнаго склоненія у причастія настоящаго и прошедшаго времени, о которой на стр. 156—7 рѣчь, не можетъ

быть названа особенностью древне-русскаго языка по отношенію ко всѣмъ примѣрамъ, приводимымъ авторомъ: иные изъ нихъ несомнѣнно существовали уже въ южно-славянскихъ подлинникахъ. Отъ вниманія автора несомнѣнно не ускользнула попытка профессора Іо. Шмидта объяснить формы на *-и* при дательномъ самостоятельномъ ед. числа какъ остатокъ консонантическаго окончанія этого падежа (K. Z. XXVI, 369, 370). По моему съ почтеннымъ лингвистомъ нельзя согласиться, но наблюденіе его доказываетъ многочисленность отступленій отъ правильнаго употребленія причастія въ дательномъ падежѣ, замѣну его окончаніемъ на *-и* или на *-е*. Если бы объясненіе Шмидта было вѣрно, мы ожидали бы какъ остатокъ консонантическаго дательнаго только окончаніе на *-и*, но какъ извѣстно, въ старинныхъ текстахъ это окончаніе чередуется съ окончаніемъ на *-е*. Колебаніе же между *и* и *е* могло произойти оттого, что въ именительномъ множ. числа употреблялись оба окончанія, для окончанія *и* кромѣ того напрашивался въ единственномъ числѣ именительный ж. рода. Раньше другихъ пошатнулся конечно дательный самостоятельный, напр. въ первой новгор. лѣтописи (фототип. изд. стр. 77) читаемъ: «кн҃зю же очютивъше» (вм. очютивъшю), или же тамъ же на стр. 215: «фоминѣ не исходяче»; въ особенности въ множ. числѣ чутье для правильной именной формы утратилось очень рано, ее стали замѣнять формою сложною, напр. «слющимъ послы межи собою о мирѣ, Олговичемъ же и Половцемъ не дадущимъ миритися... стоящимъ же имъ до вечера» ипат. 301. Гдѣ не было нарочно выраженнаго дательнаго имени или мѣстоименія, тамъ и причастіе покидало форму дательнаго, довольствуясь окончаніемъ на *и*: «повелѣ имъ ездячи воевати» ипат. 468, «не погнетши пчелъ меду не ѣдятъ» ib. 509, «назадъ ѣдучи приставаютъ къ берегу» акт. арх. эксп. I, № 263, стр. 293 (1563 г.), сл. ib. № 65 (о. 1460) «кому будетъ стати ѣдучи». Есть также примѣры на *е*: «тѣмъ поудъ изверяче оучинити, а дроугъи ковати изверивше тѣмь» смол. грам. 1330 г., рядомъ съ «правити емоу поемъши дѣтьскъи». Замѣна винительнаго падежа

номинальнаго склоненія тѣмъ же окончаніемъ на *и* видна также въ примѣрахъ, подобныхъ слѣдующему: «видѣвъши же кнагини его примъши мнискыи чинъ» ипат. 472. Позднѣйшимъ шагомъ, кажется, была утрата чутья для разницы числа, напр. «ѡже буду не исправи, исправа чтите» еванг. синод. 1357 г., «радуетса заецъ избѣгши ис тенета» маргар. 1499 г. послѣсл., «Некрасъ живучи въ той отчинѣ да тѣ деревни запустошилъ» Кал. I. 219 (1576 г.), ibid. 176 (1534 г.): «мена не жалуа а наровачи игумену да велѣлъ». «не ходя на судъ помирились» акт. арх. эксп. I, № 263 (1563 г. стр. 292), и наоборотъ «везучи дорогою беречи не учну» ак. юр. № 200 (1655), или тамъ же, стр. 164 (1559 г.): «вы бъ тѣхъ разбоиниковъ имали жъ да обыскавъ и доведчи на нихъ и пытавъ накрѣпко казнили».

Остатокъ стариннаго винительнаго падежа имен. склоненія сохранился въ оборотѣ «влѣжачь»: ак. юр. № 61 стр. 102 (1676 г.).

Не понимаю, почему авторъ (стр. 157) называетъ форму «видя», «увидѣвъ» — старою, окончаніе же *и* въ «идучи», «видѣвши» — формою новою? Я не вижу для этого названія ни малѣйшей причины въ исторіи рус. языка. Вѣдь формы «видя» или «увидѣвъ» настолько же новы для существительнаго женск. рода или мн. чис., на сколько стары формы «идучи», «видѣвши», если онѣ относятся къ существительнымъ женскаго рода или множ. числа! Ново развѣ то, что языкъ уже не отмѣчаетъ разницы рода или числа, и давая предпочтеніе той или другой формѣ, руководится соображеніями другого свойства. Такъ напр. форму на *чи* любитъ простонародный и, подражая ему, книжный языкъ въ концѣ предложенія: «взяться за дѣло *умѣючи*» Тург., «ступилъ... переваливаясь какъ бы *крадучись*» id., «сердце изныло на родителей нашихъ *глядючи*» id. Точно такъ форма на *ши* становится все болѣе правиломъ у глаголовъ возвратныхъ: «она стосковалась не *простившись* со мною какъ слѣдуетъ» Аксак. сем. хр., «старикъ долго ходилъ *задумавшись*» ib., «они станутъ тосковать *разставшись* съ семействомъ» ib; «*поднявшись* съ ночлега, мы

имѣли возможность не заѣхать въ село», ib. «не *дождавшись* охлажденія, уходилъ отъ меня» Гонч., «*обувшись*, *взявъ* ружье и осторожно *отворивъ* дверь... вышелъ на улицу» Турген., «сидѣлъ *сгорбившись* ib., «уже *промотавшись*, онъ въ п. не порывался» Гонч., «*повертѣвшись* около себя опять улеглась» ib., «*закутавшись* въ плащъ, погрузилася въ мечты» ib., «*проснувшись* на ранней зарѣ, Левинъ попробовалъ будить товарищей» Толст. Невозвратные глаголы употребляютъ безъ различія формы на *-въ* или на *-вши*, хотя и здѣсь второе окончаніе кажется выразительнѣе, поэтому дается предпочтеніе ему, когда оно выставлено въ концѣ: «жутко умирать *не полюбивши*» Тург. У глаголовъ перваго разряда длинныя формы на *-ши* уже потому почти исключительно въ употребленіи, что короткія совпадали бы съ причастіемъ другого рода: «*протекши* болѣе двухъ тысячъ пяти верстъ, впадаетъ въ Касп. море» («протекъ» совпадало бы съ церковносл. «протеклъ») Пушк., «*зажегши* свой лагерь, пошелъ обратно» («зажегъ» совпадало бы съ церковнославянскимъ «зажеглъ») id., «строевую службу онъ прошелъ, *протерши* лямку» Гонч. («протеръ» совпадало бы съ церковнославянскимъ «протерлъ»), «она сидѣла *подпершись*» Толст.

Къ примѣрамъ особеннаго употребленія несклоняемой сравнительной степени прибавляю форму «больши» возлѣ «боле»; значитъ встарину языкъ останавливался пока еще на одной изъ правильныхъ формъ именительнаго падежа, такими же были «боле» изъ средняго, «больши» изъ женскаго рода: «которая деревня болши пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню болши корму и поборовъ положатъ» ак. арх. эксп. I. № 150, стр. 121 а, «больши того» ак. юр. № 70, стр. 109 (1678 г.), «а болши того есми денегъ у нихъ не имывалъ» Кал. I. 176 (1534 г.), «верьсты по двѣ и по три и болши» ib. 211 (1547 г.).

Говоря о судьбѣ формъ прилагательныхъ на *-ги* и *-ыи* (стр. 159—160), профессоръ Соболевскій употребляетъ такія выраженія, по которымъ можно бы вывести заключеніе, что формы

на *-ой*, *-ей* водворились въ великорусское нарѣчіе лишь въ теченіе XV столѣтія, вытѣснивъ мало по малу бывшія раньше въ употребленіи окончанія *-ый* и *-ий*. Можетъ быть это въ самомъ дѣлѣ такъ и было въ литературномъ языкѣ. Но вѣдь цѣль изслѣдованія въ родѣ «лекцій» не довольствуется изложеніемъ фактовъ, она стремится изъ-за написаннаго слова глубже вникнуть въ характеръ народнаго произношенія. Дорожа этой высокою, хотя трудно достижимою цѣлью, мы должны и въ данномъ случаѣ поставить вопросъ прямо: слѣдуетъ ли окончанія *-ой*, *-ей* признать въ великорусскомъ нарѣчіи чертою сравнительно новою, или же они существовали въ живомъ языкѣ уже давно, но долгое время были покрыты слоемъ формъ литературныхъ? Я склоняюсь въ сторону послѣдняго мнѣнія, и какъ уже сказано выше (на стр. 29), считаю возможнымъ допустить, что въ примѣрахъ «тѣлообразнои видъ» мин. 1096 г. 36а, «нестере чюдьнои» ib. 107а, «вѣчьнои животъ» мин. 1097, 4б, или «нощьнои вранъ», «истиньнои» пс. толст. XII в. (Лавр. 29) мелькаютъ раннiе слѣды народнаго произношенія. Что же побуждало писцовъ замѣнять въ этихъ примѣрахъ окончаніе *-ꙑи* окончаніемъ *-ои*, если не желаніе поддѣлаться подъ народное произношеніе? Можетъ быть даже не что другое какъ привычка произносить окончаніе именительнаго падежа на *ой* вводила иногда въ заблужденіе относительно косвенныхъ падежей въ такихъ примѣрахъ: «болѣзньноихъ» мин. 1097, 9а, «неистьлѣньноихъ» ib. 14б.? Впрочемъ подобныхъ примѣровъ очень немного. Изъ раннихъ случаевъ окончанія *-ои* приведу изъ послѣсловія евангелія 1339 года (у Срезн. малоизв. пам. № 86): «кнѧзь великои».

Въ женскомъ родѣ слова «третій» ожидали бы по аналогіи съ «перваѧ», «втораѧ» форму «третьѧѧ», вмѣсто чего нынѣ пишемъ *третья*. Въ старомъ языкѣ можно встрѣтить также полную форму: «да третьꙗꙗ вервь» акт. юрид. 1544 г. стр. 123б, № 81.

Окончаніе родительнаго падежа прилагательныхъ на *во* (вм. *го*) объясняется авторомъ изъ произношенія *ho* переходомъ согласной *h* въ *в* (на стр. 90). Объясненіе это не хуже другихъ

попытокъ, но пока не засвидѣтельствованы формы въ родѣ «доброо», какъ напр. засвидѣтельствованы слова «осподарь» (двин. гр. 1397, моск. грам. I. 117) или «великою княинею» (моск. гр. I. 147), любознательность наша остается и впредь неудовлетворенною. Столь замѣчательный фактъ русскаго языка заслуживалъ освѣщенія нѣсколькими примѣрами. Сказано же только на словахъ, что «формы съ *в* встрѣчаются уже въ московскихъ и сѣвернорусскихъ актахъ XV в.». Мнѣ встрѣтилось дѣйствительно въ одной подмосковной грамотѣ, относимой къ 1462—1466 г., но сохранившейся въ «современномъ спискѣ»: «волосново члвка», «в правово» (Калач. юр. б. I. № 31, стр. 107), потомъ же въ подлинной грамотѣ московской 1445—1446 г. Троиц. Серг. мон. «в правово» (тамъ же I. 97) и въ грам. Бѣлозерскому Кириллову монастырю 1471 г. «переж сево», «ни ставленово», «въ волостново», «манастырьсково» тамъ же № 31, стр. 113. Изъ XVI в.: «старово розводу» гр. моск. 1566 г. у Иванова № 41, (тамъ же № 65 (1630 г.): «да подячево Ондрея». Много примѣровъ даетъ домострой по списку XVI вѣка: «князя молодово», «новобрачново», «ветшаново», «зеленово», «тово і токо» «коліке ис чево будетъ» и т. д. Въ сказкѣ о Бовѣ королевичѣ по списку XVII в. (въ изданіи О. Д. П. 1879, I): накормите прохожева старца 66, «лутчева повара ушибъ» ib., «инова государя» 1613 г. Бусл. 1008, «ево друзи» 1665 Тихонр. II. 437.

Кому угодно довольствоваться объясненіемъ этихъ формъ путемъ перехода *г* черезъ *h* въ *в*, тотъ съ удовольствіемъ будетъ указывать на «повост» (вм. погостъ) какъ произношеніе Вятской губерніи, на «восподь», «восударыня» тамъ же, на «благородіе», «вербовой лис(т)» въ Екатерин. губерніи.

XVIII.

Прибавимъ наконецъ нѣсколько замѣчаній къ послѣдней, десятой, главѣ, излагающей «исторію формъ спряженія» (стр. 163—194). Авторъ начинаетъ съ потери имперфекта, полагая что эта потеря могла произойти въ самое раннее время. Но такъ какъ выше (на стр. 96—97) сказано, что уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ имперфектъ формою своею значительно отступалъ отъ правильно образованной церковнославянской—то надо допустить, что въ первое время древнерусской письменности имперфектъ еще существовалъ и въ народномъ употребленіи, только формы его были, конечно, лишь терпимы, нисколько же не принадлежали къ любимымъ средствамъ народнаго выраженія. Мнѣ кажется, положеніе имперфекта въ древнерусскомъ языкѣ было нѣсколько похоже на состояніе нынѣшняго сербскаго языка, въ которомъ имперфектъ уже совсѣмъ вымираетъ, но въ литературномъ языкѣ онъ употребляется еще довольно часто и это употребленіе вовсе не обусловлено знакомствомъ писателей съ церковнымъ языкомъ, а вытекаетъ изъ живого чутья. Точно такъ, должно быть, и въ древнерусскомъ языкѣ формы имперфекта уже охотно обходились, но если иногда писали ихъ, то не потому только, что выучивались имъ изъ церковныхъ книгъ, а потому, что черпали изъ не пересохшаго еще родника живой рѣчи. Такое впечатлѣніе производятъ на меня многочисленные случаи имперфекта въ разныхъ текстахъ русскаго происхожденія, напр. въ житіи Ѳеодосія, написанномъ Несторомъ, въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, и т. д. Такіе примѣры, какъ въ Лавр. лѣт. 11: «си же (Обри) воевахꙋ на словѣнѣх... и насилье творѧхꙋ женамъ дулѣпьскимъ· аще поѣхати бꙋдѧше ѡбърину, не дадѧше въпрѧчи конѧ ни вола, но велѧше въпрѧчи...» или тамъ же, стр. 180: «и тако изидѧше из монастырѧ, взимаѧ мало коврїжекъ въшедъ в печерꙋ и затворѧше двери печерѣ и засыпаше перстью... аще ли бꙋдѧше нꙋжьное

шрудье, то шконцемъ малъі беседоваше», или тамъ же, 184: «аще кого видяше в помышленьи, обличаше и в таінѣ и наказаше блюстися аще которыи братъ оумышляше ити из манастыря и оузряше и, пришедъ к нему обличаше мысль его и оутѣшаше брата· аще к нему что речаше, сбудяшется старче слово», или тамъ же: «изидяше ис цркви шедъ въ кѣлью и оуспяше и не възвратяшется в црквь до шпѣтья. аще ли вержаше на другаго и не прилняше к нему цвѣтокъ, стояше... дондеже шпоюху оутреню и тогда изидяше в кѣлью свою», или въ 1-й новгор. лѣтописи: «оже купляху по ногатѣ хлѣбъ» 6631 (такъ часто), «ядяхоу люди листъ липовъ» 6636 (и это часто), «чадо свое всажаше въ ладью» ib., «стражье стрежаху день и нощь» 6644, «по вся дни загарашеся, не смѣяху людье жировати въ домъхъ, нъ по полю живяхуть» 6702, «вожаше съ собою посадника» 6704, «жаляху по немъ... и радоваху ся» ib., «дѣти своѣ даяхуть одьрень» 6723 — и т. д. — многочисленные примѣры подобнаго рода производятъ на меня, повторяю, впечатлѣніе чуткаго отношенія къ живой народной рѣчи. Для подражанія языку церковнославянскому заключается въ этихъ и подобныхъ оборотахъ слишкомъ много самостоятельности и оригинальности, но и неправильность не доходитъ еще до тѣхъ размѣровъ, какіе видны въ формахъ XV — XVI столѣтія. Поэтому, мнѣ кажется, можно считать несомнѣннымъ, что формы имперфекта, въ древнерусскомъ языкѣ X—XIII вѣка жили еще въ памяти народа, хотя съ кой-какими измѣненіями противъ церковнославянскаго языка. Едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что на большомъ пространствѣ русскаго языка потеря имперфекта произошла не въ одно и то же время, но я не считаю возможнымъ, при нынѣшнемъ состояніи нашихъ изслѣдованій по исторіи русскаго языка, съ точностью опредѣлить или указать, съ какого конца эта потеря началась. Можно догадываться, что на сѣверозападной окраинѣ, но пока это такъ и остается простой догадкой.

Основательно возражаетъ авторъ противъ «бишь» какъ им-

перфекта; съ объясненіемъ, предложеннымъ покойнымъ Шлейхеромъ, нельзя согласиться. Но не знаю, почему не сказано, какъ другіе объясняютъ это «бишь»? Кажется, съ производствомъ частицы «бишь» изъ «баишь» (отъ глагола «баить») можно согласиться.

Аористъ могъ гораздо долѣе существовать въ живой рѣчи русской, чѣмъ имперфектъ, судя по тому, что въ нынѣшнемъ сербскомъ языкѣ аористъ находится еще въ общемъ употребленіи, тогда какъ имперфектъ, какъ сказано, уже вымираетъ. Нельзя однакожъ утверждать, что всѣ формы древнерусскаго аориста вполнѣ совпадаютъ съ церковнославянскими. Отступленія замѣтны уже въ памятникахъ XIII—XIV вѣковъ. Къ примѣрамъ, вычисленнымъ въ лекціяхъ на стр. 165, прибавимъ еще тотъ-другой. Прежде всего отмѣтимъ отсутствіе окончанія *тъ* въ третьемъ лицѣ ед. числа такихъ примѣровъ, какъ «поча кнѧжити» 1283—4 Срезн. 237, «нача» 1350 Срезн. 259, «приꙗ» о. 1350 Ср. 260, «възѧ» ib. 233, «из-д-роукы изѧ кмоу мечь» жит. Ник. Срезн. мал. пам. № 32, «почѧ оубывати с҃лнцѧ» новг. лѣт. I. 20, «възѧ новыи търгъ» ib. 40, «и приꙗ слы всѧ» ib. 43, «поꙗ дъчерь» ib. 79. Чередованіе въ послѣднемъ глаголѣ двухъ основъ, неопредѣленнаго наклоненія «поꙗти» съ настоящимъ временемъ «поиму», заставило языкъ образовать иногда аористъ изъ основы, свойственной только настоящему времени, и вотъ появились такія формы аориста: «дроугыꙗ изма роукама» новг. лѣт. I, 31, «и ту ꙗ изма, и посла пълкы, изма жены и дѣти, а градъ ихъ зажеже» ib. 150, «изма дворѧнѣ», ib., «осѣкы ихъ възьма» ib. 156, «а дроугыꙗ измаша» ib. 73, «многы побиша а инъıхъ измаша» 167, «поути заꙗша и сълы изьмаша» 68, «измаша кънѧзѧ» 232, «и дани поима по всѣмоу върхоу... и ꙁа волокомь възьма дань» ib. 115 (сличи напротивъ «воротивъшесѧ възꙗшѧ всю дань» 71), «не идѧ къ городоу поима дары» 172, «поима около озера сѣна» 212, «оубиша ихъ м҃., а жены ихъ и дѣти поимаша» ib. 124 (сл. «възꙗшѧ дѣти ихъ» 14), «поимаша слоужьбьное еуг҃лие» 140,

«дворъ зажьгоша а житиѥ ихъ поимаша» 148, «на инѣхъ серебро поимаша» 150. Форму «поимаша» можно читать какъ «поимаша» и какъ «поймаша», потому что существуютъ рядомъ «изимаша» и «изьмаша» ib. 64, сл. «изима» 230. Такъ «съима» ib. 6. 7 вѣроятно произносилось *сойма*, не *соима*, т. е. *съима*, сл. «переимаша» ib. 21. 59. И въ простомъ глаголѣ рядомъ съ «яша» встрѣчаемъ также «имаша» съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ различія въ значеніи; послѣдняя форма стоитъ въ связи нестолько съ «имати—имаѭ», сколько съ настоящимъ временемъ «имѫ — иметь»: «възяша на разграблениѥ домы ихъ... имаша на нихъ нѣ съ полоуторы тысяце грвнъ» 36, «възяша оу него... такоже и оу инѣхъ имаша» 42, «имаша искоупъ кнѧзи» 239. Къ этому аористу примкнуло наконецъ также неопредѣленное наклоненіе «поимати»— хотя въ новгор. лѣтописи еще правильно «поѩти», напр. 218 — со значеніемъ совершеннаго вида, оттуда и причастія «поимавъ» (читай: *поймавъ*) или «измавъ»: «а новгородьце измавъ всеволодъ... дьржаше оу себе» 115 — 116, «измавъ ѥ вся посла» 165, «ано тамо имано вячьшиѥ моужь» ib., «поиде къ торожкоу поимавъ старейшиѥ моужи» 168. И съ окончаніемъ настоящаго времени: «поимя съ собою» 105. 161.

Такъ какъ аористъ былъ живучее имперфекта, то не удивительно встрѣтить иногда форму аориста тамъ, гдѣ ожидали бы имперфектъ, напр. въ той же новгородской лѣтописи (фотол. изд.) стр. 22: «вода бяше велика въ волховѣ а снѣгъ лежа до ѩковля дни» (вм. «лежаше»); ib. 38 «и стоѩ всѣ лѣто осмьнька великаѩ по ꙁ. резан» (вм. «стоѩше»); или же аористы отъ основъ несовершеннаго и многократнаго вида, которые болѣе свойственны формамъ имперфекта, въ новг. лѣт. 61—62 читаемъ «кнѧгыню въпоустиша въ манастырь стыѩ варвары а дроужиноу ѥго въ погрѣбъ въсажаша» (ожидали бы «въсадиша», напротивъ примѣръ на стр. 24 «оць и мти чадо своѥ въсажаше» можно понять какъ 3-е лицо ед. ч. имперфекта, поэтому и не нужно съ проф. Соболевскимъ, на стр. 165, предполагать здѣсь смѣшеніе окон-

чаній имперфекта и аориста[1]); ibid. 202 «много оуимаша и не могоша кго оумолити» (здѣсь было бы лучше «оуимахоу»); тамъ же «повоквaша около тържкоу бещисла и не догонѧша тържкоу» (ожидали бы по крайней мѣрѣ «не догониша», какъ 190 «съгониша»), ibid. 204: «съзва вл҃дкоу антонига и посадника иванка и всѣ новгородце и запраша братик своки и всѣхъ новгородьць» (и здѣсь ожидали бы «запрашаше», т. е. «молѩше»).

Примѣрами, приводимыми въ лекціяхъ (стр. 165—6), конечно еще не исчерпаны всѣ странности въ употребленіи аориста. Количество ихъ безчисленное, начиная съ смѣшенія основъ, примѣры котораго указаны выше — сравни тамъ же 29. 97 «роубоша» при неопредѣленномъ «роубити» или въ текстѣ XVI в. (Тихонр. отреч. пам. I. 10) «аз же листвие берох» — и кончая съ полнѣйшею потерею чутья для различія лицъ, что конечно встрѣчается не раньше XVII столѣтія: яко слышахъ азъ, распалихся сердце мое Тихонр. I. 4 (XVII в.), благословенъ господь Богъ вышнiи иже научиша тебѣ с нашего ученига мудрости» сем. мудр. I. 12 (изд. О. Л. Д. П.), введе его въ свои полаты и посади его подле себя и смотриша на него ibid. 14, жена его ключі украдоша и хожаше к ыному юноше ibid. 33, «от конскаго ржания град трясяхуся (ск. о Бовѣ кор. XVII в. П. Д. П. 1879. I. 50), и т. д.

Смѣшеніе 3-го лица ед. числа въ значеніи аориста прибавкою окончанія *ть* съ настоящимъ временемъ въ значеніи будущаго я могъ бы засвидѣтельствовать однимъ примѣромъ уже первой новгородской лѣтописи, на стр. 11: «аще кто изъ істьбы вылѣзеть, напрасно оубькнъ бываше», хотя здѣсь не немыслимо также будущее время въ такомъ смыслѣ: сколько разъ ни кто выйдетъ. Примѣръ, приводимый въ лекціяхъ «родить» (на стр. 165) изъ евангелія 1355 г., нельзя назвать надежнымъ потому, что точно такъ пишутъ «родитъ» вм. «роди» уже южнославян-

[1]) Въ другомъ примѣрѣ изъ той же лѣтописи, стр. 130: «и вся мѣста обискаша а из бъчькъ гвоздꙑ вынимаша, и видеше водоу текоущю, идоша прочь» несомнѣнно надо исправить «видеше» въ «видѣвъше».

скіе тексты (ср. Мар. ев. стр. 3. 17). Замѣтимъ кстати, что и Кириллъ Туровскій употребилъ для аориста «оумреть» 34, «поможеть» 50.

Еще обращу вниманіе на одну особенность древнерусскаго аориста, характеризующую его по отношенію къ старославянскому. Какъ извѣстно, въ древнѣйшихъ памятникахъ южнославянскихъ имѣются аористы «пожръхъ» и болѣе употребительное «пожрѣхъ», «оумръхъ» и болѣе употребительное «оумрѣхъ» и т. д. (см. Миклошичъ-Брандтъ 134, Wiedemann, Beiträge 92—93, 103). Въ древнерусскихъ памятникахъ, насколько они не передаютъ буквально формы церковнославянскія, преобладаетъ аористъ перваго типа, если рѣшимся отожествить «оумьрохъ» съ церковнославянскимъ «оумръхъ», если же не лучше будетъ, сказать, что это аористъ новѣйшаго типа на *-охъ*: «оумьре» (vl. оумре) мин. 1096, 010. 17, «оумре онтонъ» новг. лѣт. I. 49, «измьроша» ib. 24, «измроша» ib. 127, «оумроша» еванг. 1393 г., «простьре» тріод. постн. Ср. 151.

XIX.

Взамѣнъ аориста и имперфекта русскій языкъ сталъ очень рано, уже въ первыя столѣтія древнерусской письменности, употреблять причастіе прошедшаго времени на *-лъ* со вспомогательнымъ «есмь» и безъ него. Объ этомъ излагается въ лекціяхъ на стр. 169—172, гдѣ достаточнымъ количествомъ примѣровъ освѣщенъ фактъ, что при 3-мъ лицѣ ед. числа глаголъ «есть» могъ отсутствовать уже въ древнѣйшее время, начиная съ надписи на тмутороканскомъ камнѣ и такихъ коротенькихъ записей въ различныхъ рукописяхъ, какъ «Лавра псалъ» (мин. типогр. библ. за апрѣль), «городѣнъ пьсалъ» 1096, «завидъ псалъ» ев. 1097, «оугриньць ѱалъ» (юр. ев. 1119), «а писалъ

юкило» 1232 г. сл. отмѣтку «чи кдѣ дѣтина помалъ, Ѿць ѱалъ до сюду» парем. 1271 г. Вѣрно указано въ лекціяхъ также, что и для перваго лица могло отсутствовать «есмь», но лишь при нарочной прибавкѣ мѣстоименія «азъ» или «ѧ»: «и юзъ далъ роукою своею» читаемъ уже въ грамотѣ 1130 г. рядомъ съ «азъ... повелѣлъ есмь» и «се ю Всеволодъ далъ есмь». Нѣсколько позже, т. е. не раньше конца XIII столѣтія, попадаются уже и второе лицо ед. и мн. числа и первое лицо мн. ч. безъ «еси», «есте» и «есмы»: въ грамотѣ витебскорижской около 1300 г. (Ср. 240—241) читаемъ: «мы вашее братие не ѡбидѣли ни грабили товара... аже ты его товаръ оузѧлъ... то ты ему не далъ... а ты ему велелъ продати... ты кнѧжо тые коне ѡбиз-релъ ты его хотелъ безъ измены... тоть ты реклъ кнѧжо». Но рядомъ съ этими примѣрами въ той же грамотѣ еще чаще прибавляется «еси»: «еси товаръ Ѿюлъ... ты его ѡковалъ еси и дѣржалъ его еси... а товара еси Ѿюлъ... кнѧже то еси неправду дѣлалъ, забылъ еси... шолъ еси, товаръ еси взѧлъ, и то поималъ еси, тоть еси неправду дѣлалъ, что еси взѧлъ, оу чемь то еси неправду дѣюлъ, то еси неправою думою думалъ, и велелъ еси, ажо еси свое крт҃ное целование забылъ, оулюбилъ еси, ты кнѧжо давалъ еси, далъ жо еси, не дослужилъ сѧ еси, что еси самъ давалъ». Точно такъ и къ первому лицу мн. ч. прибавляется еще чаще «есме»: «както есме не чювали... приготовили сѧ есме были и рекли есме... какъ то есме не чювали».

Проф. Соболевскій отзывается (на стр. 172) о сложномъ прошедшемъ времени такъ: «мы не имѣемъ возможности опредѣлить съ точностью, когда исчезли эти формы; но въ актахъ XVI—XVII в. мы еще встрѣчаемъ полныя формы 1-го и 2-го лицъ прошедшаго сложнаго». Эти слова, передающія вѣрно фактическую сторону, способны вызвать возраженіе по отношенію къ дѣйствительному смыслу приводимыхъ фактовъ. Неужели авторъ лекцій считаетъ такіе примѣры какъ «далъ есми» отраженіемъ живой народной рѣчи? неужели онъ вѣритъ въ дѣйствительность формы 1-го лица «есми»? На стр. 118 онъ оставилъ благоразумно этотъ

вопросъ нерѣшеннымъ, сказавъ только, что «есми» «мы находимъ... въ памятникахъ XIV вѣка и слѣдующихъ, какъ сѣверно-, такъ и западно- и южнорусскихъ, между прочимъ въ грамотѣ Андрея Полоцкаго до 1399 года». Примѣры XIV вѣка еще такъ рѣдки, что стоило перечислить ихъ. На грамоту Андрея Полоцкаго трудно ссылаться, потому что она сохранилась только въ спискахъ: да хоть бы и придать значеніе подлинности нѣсколькимъ примѣрамъ съ конца XIV вѣка, какъ напр. въ грамотѣ о. 1400, гдѣ читаемъ «положилъ есми», «придалъ есми» (Срезн. обозр.[2] 290) — въ грамотѣ полоцкой 1396-го года: «иж позволй есми» теряетъ значеніе уже потому, что тамъ же написано еще «писана быти» — все-таки эти примѣры, если взглянуть на нихъ критически, теряютъ значеніе уже потому, что въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ, начиная съ конца XIV столѣтія, всплываетъ наружу «есми», во всѣхъ древнѣйшихъ текстахъ писалось еще только «есмь». Въ грамотахъ московскихъ 14-го вѣка постоянно писали: «есмь роздѣлъ оучинилъ», «далъ есмь» (1328 г.), «велѣлъ есмь», «положилъ есмь» (1353 г.), «писалъ есмь» (1371 г.) и т. д., только въ 15-мъ столѣтіи, да и это сначала въ спискахъ, начинаетъ появляться «есми»: «что есми съ тобою одинъ человѣкъ» 1433 г. № 48 (стр. 96), «а со князем есми любовь взялъ» ib. 97, «а что есми посылалъ» ib. 98, въ грам. 1434 г. (тоже въ копіи № 51, стр. 103): «есми далъ», въ подлинникѣ, въ двухъ грамотахъ 1434 года, № 54—55 (стр. 107—112): «далъ ти есми», «а что еще въ цѣлованье будучи есми съ тобою, не додалъ ти есми», ibid. № 60 (стр. 131, 1440 г.): «далъ есми вамъ ко очину», «што ся былъ есми отъступилъ». Такъ въ одной рязанской грамотѣ 1356 г. читаемъ «далъ есмь», «есмъ выехалъ», «есмъ оучинилъ» и даже съ причастіемъ на *въ*: «возрѣвъ есмь», «сгадавъ есмь», а въ рязанской же грамотѣ великой княгини Анны (1464—1501) пишутъ «пожаловала есми». Всѣмъ этимъ примѣрамъ я не придаю больше значенія, чѣмъ пресловутому сербскому изъ XIV столѣтія, на который авторъ не пропустилъ сослаться!

Въ памятникахъ, употребляющихъ еще имперфектъ, передается также давнопрошедшее время чрезъ причастіе со вспомогательнымъ глаголамъ «бѧхъ-бѧше», напр. въ новгород. лѣт. I, 79 «оумьрлъ бѧше», «тоу бо бѧхоу въішли соуждальци пълкомь» ib. 86. Съ исчезновеніемъ имперфекта долженъ былъ выйти изъ употребленія и этотъ синтактическій оборотъ; форму «бѧхъ-бѧше» замѣнило причастіе «былъ», опять съ глаголомъ «есмь» или же безъ него: въ выше упомянутой грамотѣ витебско-рижской: «приготовили сѧ есме были», или въ грамотѣ новгородской 1270 года (Шахм. 242): «а что былъ отъялъ братъ твои», въ смол. рижской грамотѣ около 1300 (Куникъ, Нап. № 8): «како есте были въ л(юбъ)ви», въ московской грамотѣ 1388 г. (С. Г. Гр., № 33, стр. 56): «а что ти сѧ есмъ былъ отступилъ дани въ Растовцѣ». Гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ это сдѣлано на стр. 166, надо было заявить, что нынѣшнее вставочное *было* вынулось изъ указаннаго оборота давнопрошедшаго времени. Параллель къ этому замѣчательному синтактическому развитію представляетъ вставочное *будетъ* или *буде*, подобный же остатокъ синтактическаго оборота причастія на *-лъ* со вспомогательнымъ глаголомъ *буду*, о которомъ говорится на стр. 167—168. Напрасно авторъ возражаетъ противъ названія этого оборота сослагательнымъ будущимъ; вѣдь названіе грамматической формы не должно обнимать всѣ случаи синтактическаго употребленія ея; для большинства же славянскихъ нарѣчій, въ томъ случаѣ и древнерусскаго языка, этотъ оборотъ представляетъ дѣйствительно не что другое какъ сослагательное будущее. Если въ грамотѣ о. 1300 г. (Срезн. 240) написано: «будуть тобе кнѧжо лишии людье тую думу повѣдали... то есть тобе кнѧжо достоино аже бы тыє люди казнилъ», то здѣсь конечно рѣчь идетъ о событіи прошломъ, уже совершившемся, но написавшій изреченіе «будуть повѣдали» взглянулъ на этотъ фактъ съ своей точки зрѣнія какъ на нѣчто подлежащее еще повѣркѣ, какъ будто бы прибавляя отъ себя: «если окажется, что тебѣ повѣдали». Въ такомъ смыслѣ нужно понять всѣ завѣренія старыхъ записей:

«аще кде... боудоу криво написалъ» прол. 1262 г., «аще кде боудоу изъгроубилъ» 1307 г. Ср. 242, «гдѣ буду не исправилъ или описался» 1369 Ср. 264, «кдѣ боудоу не дописалъ или преписалъ» 1370 Ср. 265. Сл. также Калач. I. 90 (1391—1425): «што емоу далъ... или што боудет к тѣмъ поустошем потягло иныхъ земль», въ грамотѣ 1427 года (Ср. м. п. № 54): «мѣста потягли будутъ к литвѣ... а подать будуть давали, ино имъ и ничеча тягнути». Настоящимъ будущимъ сослагательнымъ становится этотъ оборотъ, коль скоро главное предложеніе содержитъ въ себѣ будущее время; къ числу такихъ формъ принадлежитъ, конечно, также неопредѣленное наклоненіе въ значеніи повелительнаго, напр. «а коуны имати на нихъ оу истцевъ своихъ, оу кого боудеть кто коупилъ» новг. гр. (1307—1308, Шахм. 249), «взяти имоу коуны, колико боудеть далъ по исправѣ» ib. (1305—1308 Шахм. 251), «кто боудеть коупилъ... кто боудеть даромь отъялъ,.. а то поидеть бес коунъ к новоугородоу» ib. (1325—1327, Шахм. 262). Въ смоленской правдѣ о. 1230 г. (Срезн. 223—224): «аже оубьють моужа вольного, тъ выдати разбоиникы, колико то ихъ боудѣтъ было»; (р. лив. акты, стр. 420—443): «а боудеть переже на неи не было сорома» § 12, «аже боудеть на неи первѣе соромъ былъ» ib., «што боудетъ имъ соулилъ наима, черес то имъ боле не взяти» § 37 по редакціи D. E. F. (въ A. B. C.: «что имъ посоулишь, то даи а болѣ не даи»). Сущность новаго оборота заключается въ томъ, что «будетъ» прекращаетъ дополнять причастіе какъ вспомогательный глаголъ и присоединяется къ предложенію въ родѣ самостоятельной вставки, вліяющей на глаголъ въ значеніи: *пусть будетъ* или *положимъ*, что равняется союзу *если*. Въ грамотѣ № 52 у Калачова, акты юр. быта (стр. 222, 1561 г.) читаемъ: «азъ господине того не вѣдаю, кому будетъ Некрасъ являлъ и гдѣ у него записано». Здѣсь можно будетъ отнести къ причастію «являлъ», но также считать самостоятельною вставкою. Такое же двусмысленное положеніе занимаетъ будетъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: «изъ лавокъ денги и платье и сукна и вся-

кой товаръ кралъ ли, и будетъ кралъ, и кто съ нимъ товарищи были». Кал. I. 268 (1647 г.). Самостоятельное положеніе вставочнаго будетъ виднѣе тамъ, гдѣ главнымъ глаголомъ предложенія состоитъ не причастіе на *-лъ*, а настоящее время: «та будетъ пожилина росолная лежитъ пуста» грам. 1578 г. у Иванова № 42, «а будетъ наши земли... намъ очиститца» 1686 г. ib. № 70, «кто будетъ роду его тое вотчину похочетъ выкупить, и ему та вотчина выкупать» Кал. I. 87 (1625 г.), «и бȣде вы не здадите моего изменника» о Бовѣ корол. XVII в. ПДП. I, 64, «а буде кто изъ тое вотчины возметъ крестьянина, а я не очищу, и мнѣ дать крестьянина» Кал. I, 484 (1692), «а буде кто станетъ въ тѣхъ людей вступатца, и мнѣ очищать отъ крѣпостей» ib. 487 (1695).

Выраженію *буде* вполнѣ соотвѣтствуетъ нынѣшнее *если*, старшее *есть*: «а есть де бы кто къ нему подкинулъ, и онъ де бы челобитье свое записалъ» Кал. I, 519 (1680 г.).

XX.

Указывая на разные способы передачи будущаго сложнаго (на стр. 168—169), проф. Соболевскій находитъ, что передача черезъ «начьноу» съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ была очень рѣдка. Кажется, это не такъ; число примѣровъ съ начну, почну, учну, не меньше чѣмъ примѣровъ будущаго сложнаго съ хочу и неопредѣленнымъ: «а почьнѣть ся кто ѿ нихъ просити» смол. правда 1230 г. Ср. 224, «а кто почне наступати на ти земли, ино очищивати ти земли Онцифору» двин. гр. XIV—XV в. (юр. ак. № 71, стр. 111), «а кто почнетъ настоупать, ино спасъ на него» Кал. I, 441 (XV в.), въ новгород. грам. 1317 г. (Шахм. 259): «а въ которого чл҃вка почнутъ ѡкупа(ти) села, ѡкупити кму и доброк и худок»; въ акт. юр. б. Калач. I. № 15, стр. 35

(1673 г.): «а кои нынѣ крестьяна... живутъ и... учнутъ жить», «которые въ тѣхъ деревняхъ живутъ и впередъ на пустошахъ учнутъ жити» ib. 55 (1612 г.), «всѣмъ крестьяномъ, которые въ тѣхъ деревняхъ живутъ и впередъ учнутъ жити» ib. 74 (1588 г.). Эта фраза «учнутъ жити» повторяется часто (сл. Кал. I. 83: 1555 г. и т. д.); взамѣнъ ея въ другихъ, кажется, болѣе древнихъ грамотахъ, читаемъ «иму»: напр. въ московской 1388 г.: «коли имоу слати» стр. 56 — «а хто имет жити людеи старожилцек, и тѣмъ людемъ... ни котораѧ дань» Кал. I. № 30 (стр. 78, 1443 года), «кто оу них имет жити» ib. 91 (1443); сл. тамъ же I. 92 (1433 г.), 104 (1463). Сличи также Кал. I. 101 (1449 г.) «коли... оучнут соль продавати», «учнетъ судити», «учнутъ искати»; ib. 443 (1443): «оучнут ловити», а въ грамотѣ смол. 1230 г. (Срезн. 224—225): «имоуть сѧ бити», «тътъ ли еметь хътрити». Такое же разнообразіе и въ прошедшемъ времени: ib. 253 (1620 г.) «учалъ говорити» Кал. I, 184 (1534 г.): рядомъ съ «искати сталъ», «отвѣчать не стали» Кал. ib. 185, а въ галицкой грамотѣ 1401 г. «тожъ емꙋ ѧлъ ѿтповѣдати» (Голов. Наук. Сборн. 1866. I. 37).

Судьба сослагательнаго наклоненія со вспомогательною частицею *бы*, превратившеюся въ неизмѣняемое словечко изъ бывшаго когда-то аориста «бъхъ-бъша», изложена на стр. 166—167. Не вполнѣ точнымъ нахожу выраженіе автора, будто «старая форма сослагательнаго наклоненія стала превращаться въ форму прошедшаго сложнаго съ неизмѣняемою частицею *бы*». Не о прошедшемъ сложномъ рѣчь идетъ, а о измѣненіи которому подвергалась форма вспомогательнаго глагола бъхъ. Примѣры, приводимые самимъ авторомъ, доказываютъ, что это такъ. Развѣ въ примѣрахъ «любили бы мѧ бъсте», «грѣха бы не быша имѣли», «знали бы бысте и отца», «аще бы быша силы былы бы» и т. д. можно говорить о прошедшемъ сложномъ съ прибавкою *бы?* Не лучше ли сказать, что 3-е лицо ед. числа *бы*, вслѣдствіе частаго употребленія его рядомъ съ союзомъ *а*, *аще*, примкнуло къ этимъ союзамъ какъ нѣчто нераздѣльное, причемъ «бъхомъ»,

«бѫсте», «бѫша» сначала еще не опускались, а все-таки оставались въ предложеніи настоящими выразителями условности и заодно указателями лицъ. Только во второмъ лицѣ, сначала лишь множественнаго числа, вмѣсто «аще бы бысте» вошло въ обычай писать также «аще бы есте». Происхожденіе этого оборота мнѣ представляется такъ: когда чутье для правильнаго употребленія глаголовъ «есмь» и «быхъ» начало колебаться, на форму *бысте* стали смотрѣть какъ на сложившуюся изъ *бы* и *есте*, поэтому при выставленномъ уже *бы* рядомъ съ союзомъ *аще* (или *а* или *что*) вм. повторенія полнаго *бысте* довольствовались формою *есте*, какъ мнимымъ сокращеніемъ полнаго *бысте*. Примѣровъ для *бы есте* и даже *бы естя* — количество громадное, начиная съ XIV столѣтія; два примѣра изъ московской грамоты 1353 года приведены у Соболевскаго — по образцу же множ. числа развился потомъ, гораздо позднѣе, и для единственнаго числа оборотъ *бы еси*: «аще бы еси хотѣлъ избавити, избавилъ бы еси» читаю въ одномъ прологѣ XVI вѣка, гдѣ конечно *еси* такая же вставка книжной мудрости, какъ во всѣхъ прочихъ случаяхъ; ср. «во истинꙋ былъ бы еси на сѣм конѣ» Бусл. хр. 703 (XV в.), «и со княгинами бы еси поговорилъ» ib. 755 (1533 г.). Въ грам. 1649 г. (Кал. I. 271): «и ты бъ... сыскалъ бы еси», въ сказаніи о семи мудрецахъ I. 10: «прошу у тебя, что[б] еси посла[л] посла своего». Встарину не знали такихъ цвѣтковъ краснорѣчія, напр. въ грамотѣ о. 1300 (Срезн. 241) писали: «аще бы ты оу своемь слове стоялъ а нашю братию проводилъ бы, мы быхомъ не поминали».

XXI.

Къ изложенію того, что называется «Исторіею формъ настоящаго времени» (на стр. 172 — 176), позволю себѣ прибавить слѣдующее. Я былъ изумленъ, прочтя у автора (на стр. 173),

что онъ считаетъ 2-е лицо ед. числа глаголовъ дашь, ѣшь — повелительнымъ наклоненіемъ. Мнѣ до сихъ поръ казалось самымъ естественнымъ дѣйствіемъ аналогіи 2-го лица всѣхъ прочихъ глаголовъ, что и даси, ѣси, черезъ дась, ѣсь, перешло въ дашь, ѣшь. Да и единственный примѣръ, приводимый авторомъ изъ псалтыри XIV в. «до избытка ѣши» не говоритъ въ пользу его толкованія потому, что «ѣши» ужъ никакъ не указываетъ на повелительное наклоненіе. Но формы дадимъ—дадите, ѣдимъ — ѣдите, не повелительное ли это наклоненіе? Допустимъ, что это такъ, хотя легко представить себѣ, что бывшія (дадятъ) и существующія до сихъ поръ (ѣдятъ) окончанія 3-го лица легко могли, по анологіи съ прочими глаголами, вполнѣ независимо отъ повелительнаго наклоненія, развить новыя формы для 1-го и 2-го лица мн. ч.: дадимъ—дадите, ѣдимъ—ѣдите (по образцу родятъ—родимъ—родите).—Это объясненіе тѣмъ вѣроятнѣе, что дадите—ѣдите для повелительнаго вовсе не употребительны, по предложенному же въ лекціяхъ объясненію выходитъ страннымъ, что формы повелительнаго наклоненія, на дѣлѣ не существующія, могли вытѣснить формы настоящаго времени. — Но повторяю, хоть бы и допустить, что нынѣшнее дадимъ — ѣдимъ формы стариннаго повелительнаго наклоненія, слѣдуетъ ли оттуда, что и дашь—ѣшь должны быть формы повелительнаго наклоненія? По моему вовсе нѣтъ. Поэтому я буду и впередъ смотрѣть на ѣшь, дашь, какъ на аналогическія формы настоящаго времени, пока мнѣ не укажутъ хоть бы на одинъ примѣръ съ окончаніемъ *жь* въ значеніи настоящаго времени. Не имѣю примѣровъ, да и у Соболевскаго нѣтъ ихъ, для настоящаго времени: ѣдимъ — ѣдите, дадимъ — дадите; — въ концѣ XIII столѣтія еще писали «даси» («или того не даси» рижск. гр. о. 1300 Срезн. 241) и мн. ч. «мы правдоу дамъı» гр. смол. 1284—1297, «мъı не дамъı ни продамъı» ibid. Ср. 241; повелительное «даи» существовало уже въ XIV столѣтіи: «а еуаглие даи емоу» Срезн. м. п. № 20, «даите» ib. № 35; но для множ. числа повелительнаго наклоненія могу засвидѣтельствовать новыя формы уже примѣ-

ромъ XIV вѣка: «мы же, братіе, ꙗжьмы» Бусл. хр. 498. Вмѣсто нынѣшняго совпаденія повелительной формы «ѣшь», съ нястоящимъ «ѣшь» встарину различали то отъ другого: «не ꙗжъ всꙗкоꙗ нечистоты» мин. XVI в. ОЛДП. № 11. 168; «дай свою дочь за меня с любви, а не дашъ с любви» Бов. кор. XVII в. ПДП. 1879 I. 54.

Какъ изъ даси вышло дашь, такъ изъ хощи—извѣстной формы желательно-повелительнаго наклоненія—вм. хощь развилось хошь по той же аналогіи обыкновеннаго окончанія второго лица на *шь*: «ты въ кабалѣ послухъ, а вотчину хошь выкупать назадъ»? Кал. I. 190 (1534 г.), «не могла яз Бовы прелстить хошь его повѣсь, хошь его на колъ посади» Бов. кор. ПДП. 1879 I. 63. Встарину было «хощи»: «не хощи приꙗти» Срезн. 193 (около 1200), «въсхощи въздьржанию» ефр. сир. XIII—XIV в. Къ единственному «хощи» принадлежитъ правильное множ. число желательнаго наклоненія «хотимъ», вошедшее въ новомъ языкѣ въ общее употребленіе. Простонародный языкъ, а также древніе памятники, знаютъ множ. число дѣйствительнаго настоящаго времени: «мы хочомъ бу̃ жаловатисꙗ» грам. пол. 1300 г. Срезн. 241, «ижь хочемъ» югозап. гр. 1389 г., «хочютъ» грам. пол. вит. 1407 г.

Относительно глагола «дышать» было бы достаточно указать автору на Я. К. Грота (Русск. правоп.[4] 30, Филол. Разыск.[3] II. 322). Лучше всего умѣетъ соблюдать это различіе нарѣчіе словенское, въ которомъ dišati—dišim—diši значитъ: распространять запахъ, а dihati—dišem: дыхать; первый глаголъ ставитъ удареніе на послѣдній слогъ: dišîm, dišîš, dišî, второй на предпослѣдній: dîšem, dîšes, dîše.

Для правильнаго настоящаго времени «слову» вм. нынѣшняго слыву укажу на примѣры, отмѣченные у меня: «што руськаꙗ земля словеть полочьскаꙗ» вит. пол. грам. 1264 г., «деревнꙗ на которои вы стоите, словетъ Борозовскаꙗ» акт. юр. № 19 (стр. 41, 1532 г.). Къ случаямъ же утраты правильнаго настоящаго времени прибавлю гнать—гоню (вм. жену).

Окончаніе 3-го лица ед. числа безъ -ть вовсе не такъ рѣдко, какъ могло бы показаться, судя по словамъ проф. Соболевскаго. Для меня «само собою» *не* «разумѣется», что многочисленныя формы безъ -ть въ изборникѣ Святослава принадлежатъ не русскому, а церковнославянскому языку. Это надо было доказать. Да и самъ проф. Соболевскій не считаетъ этого вопроса столь простымъ и легкимъ, какъ казалось бы по его слегка брошенной формулѣ «само собою разумѣется». Вѣдь и онъ прибавляетъ многозначительную оговорку, окончательно разрушающую его увѣренность. Онъ говоритъ, что если не всѣ, то многія формы могутъ быть считаемы за принадлежащія не русскому, а церковнославянскому языку (стр. 175). Но если многія формы — церковнославянскія, то хотѣлось бы узнать, какія же все-таки русскія? Авторъ допускаетъ и самъ, что 3-е лицо единст. числа безъ -ть особенно часто попадается въ галицко-волынскихъ памятникахъ. Не будетъ ли кстати по отношенію къ этой особенности признать также изборникъ Святослава близкимъ родственникомъ галицко-волынскихъ памятниковъ? Во всякомъ случаѣ этотъ довольно важный вопросъ нуждается въ болѣе подробномъ разборѣ и изслѣдованіи. Не вдаваясь въ перечисленіе примѣровъ изъ изборника 1073 или 1076 годовъ, напомню только, что и въ словѣ Ипполита объ Антихристѣ, памятникѣ, отличающемся впрочемъ замѣчательною выдержанностью церковнославянскаго языка, все-же попадаются примѣры безъ -ть: «боудȣ видѣли» 6, «хощє» 67, «да почьтє» 73, «да нє можє» ib., «нє поѣдаю ли землю ихъ ини, нє держа ли ю ромєи» 44, «да положи єжє има» 54. Въ торжественникѣ XII вѣка, въ которомъ чудо св. Николая (Срезн. м. п. № 32), нѣсколько разъ читаемъ «є» (вм. «єсть») и также: «отъ стои оу тєбє» (стр. 28). Въ житіи св. Савы только «что пророкъ вѣщаѥ» 209, «да будє бєс троуда» 229, «ꙗкожє ѥ лѣпо» 253, «что ти є» 455.

Въ обозрѣніи формъ повелительнаго наклоненія не все излагается въ такомъ видѣ, чтобы дѣйствительные историческіе про-

цессы выходили вполнѣ ясно наружу. Во главѣ всѣхъ отступленій древнерусскаго повелительнаго отъ церковнославянскаго я бы поставилъ то, что было главною причиною ихъ, т. е. рѣшительное вліяніе 2-го лица ед. числа на 2-е лицо мн. числа. Начиная уже съ Остромирова евангелія, какъ хорошо указано на стр. 178, постоянно повторяются примѣры уравненія 2-го лица множественнаго числа 2-му лицу ед. числа, такъ что вся разница заключалась только въ прибавкѣ къ единственному числу окончанія -те для множественнаго числа. Напрасно авторъ увѣряетъ (стр. 178), что «старыя формы на -ѣмъ, -ѣте были еще въ полномъ употребленіи въ сѣверно- и зап.-русскихъ говорахъ въ XIII—XIV в.». Я съ этимъ не могу согласиться въ виду такихъ фактовъ, какъ у Срезн. м. п. № 32 (XII в.) «съ великою вѣрою поидивѣ», «идивѣ» стр. 26, въ грамотѣ смоленско-рижской о. 1297 (Кун. Нап. № 3): «какъ то мозите стояти», или въ гр. новгор. XIII в. (Срезн. м. п. № 35): «възмите», въ двинской грамотѣ XIV в. «станите на судъ» (ib. № 29), въ минеѣ новгородской 1369 года «не клѣните», въ грамотѣ новгородской послѣ 1300 (Срезн. 242): «томоу вѣры имите», въ грамотѣ витебско-рижской около 1300 г. (Ср. 241): «се мы готови, поедимъ», въ послѣсловіи одного новгородскаго евангелія 1232 года (Срезн. обзор.[2] стр. 106) «кде боудоу помялъ ся, чтите исправливаюче». Даже въ новгородской лѣтописи I. 158: «и мы поидимъ». Наконецъ въ сѣверныхъ двинскихъ грамотахъ XIV—XV вѣка читаемъ: «постерегите» акт. юр. 430, «возмите», 432, «не двиньте», «не обидьте», «постерегите» ib. Не хочу этимъ отрицать, что иногда оставались формы на *-ѣте* по церковнослав. преданію, но это лишь остатки литературной формы. Какъ извѣстно, на сокращеніе окончанія *и* въ *ь* въ современномъ языкѣ вліяетъ удареніе, падающее на предыдущій слогъ; встарину быть можетъ случаевъ съ удареніемъ на *й* было больше, чѣмъ нынѣ. Сл. напр. у Кал. I. 217 (1555 г.): «поѣди господине за нами, и мы тебѣ укажемъ», произносилось несомнѣнно «поѣдй».

Въ южнорусскихъ говорахъ сохранилась разница между «веди» и «ведѣте», между «неси» и «несѣте» до сихъ поръ въ степени мягкости: веди, неси—ведіте, несіте; эта разница проведена тамъ же и для глаголовъ III[б] и IV-го класса: гори, хвали—горіте, хваліте, гдѣ конечно горіте хваліте формы аналогическія, поддавшіяся подъ образецъ повелительныхъ ведіте, пніте, мріте, двигніте. Сюда, должно быть, относятся также примѣры, приводимые авторомъ изъ разныхъ южнорусскихъ памятниковъ: «отвалѣте», «хранѣтеса», «творѣте», «молѣтеса». Но съ этими примѣрами не должно смѣшивать встрѣчающіяся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ формы «ищѣте», «покажѣте», «вжжѣте», ѣ которыхъ чередуется съ а («ищате», «покажате», «вжжате»). Въ послѣднихъ примѣрахъ нѣтъ повидимому ничего діалектическаго-русскаго, это скорѣе рабское подражаніе формамъ, занесеннымъ въ древнерусскую письменность съ юга. Не всегда легко рѣшить, принадлежитъ ли форма на -ѣте къ старымъ (т. е. южнославянскимъ) или новымъ (южнорусскимъ). Напр. въ житіи св. Савы, памятникѣ, какъ уже сказано, несомнѣнно южнорусскомъ, можно бы «възищѣте» стр. 169 считать новизною южнорусскою, но такъ какъ здѣсь во всѣхъ прочихъ случаяхъ строго выдержана разница между -ите и -ѣте (напр. «идѣте», но «помолчите» ib.), то можетъ быть здѣсь и форма «възищѣте» такая же, какъ въ прочихъ древнѣйшихъ памятникахъ (напр. въ Остром. ев.).

Къ примѣрамъ, доказывающимъ силу и способность старинного языка отдѣлить возвратное мѣстоименіе отъ своего глагола (на стр. 180), прибавлю нѣсколько ихъ изъ грамотъ, отличающихся свѣжестью народной рѣчи XVI вѣка: «а ты са на тѣхъ шлешь ли?.. на тѣхъ са, господине, шлюжъ» Кал. I, 177 (1534 г.), «истецъ и понатые со кнꙗземъ Юрьемъ за поле поимали жъ са» ib. I, 195, «на дѣло шлешь ли са» ib. 204 (1547 г.), «и кнꙗзь Юрьи съ ними за поле поималъ же сь» ib. 209. Какъ и нынѣ, сокращалось возвратное мѣстоименіе изъ са въ сь, если предыдущее слово оканчивалось гласною, напр.

акт. юр. № 20 (1534 г.): «шлемсѧ господине», «шлюсь господине», «на поле битись», «на поле битьсѧ».

О неопредѣленномъ наклоненіи и причастіяхъ была уже рѣчь выше. Къ формамъ существительнаго глагола прибавлю очень рѣдко попадающуюся сокращенную «есь»: «у кого есь то серебро заимовалъ» моск. гр. 1433 г. (I. стр. 104).

XXII.

Профессоръ Соболевскій заканчиваетъ свои лекціи главою XI объ удареніи, съ общими разсужденіями которой я согласенъ, не знаю только, почему онъ къ ударенію хроматическому причисляетъ лишь языки санскритскій, греческій и латинскій, какъ будто бы литовскій и славянскій не принадлежали къ тому же числу языковъ съ удареніемъ хроматическимъ. Или развѣ не сохранилась до сихъ поръ музыкальность ударенія въ высокой степени въ языкѣ сербскомъ? Она существуетъ также въ языкѣ чешскомъ, съ ограниченіемъ однакожъ только на долгіе слоги. Въ словенскомъ же нарѣчіи, напротивъ, все болѣе преобладаетъ безцвѣтная экспираторность, взявшая верхъ также въ языкѣ болгарскомъ и русскомъ. Но съ такими общими разсужденіями далеко не уйдешь. Пора взяться за изслѣдованіе ударенія по частямъ. Въ лекціяхъ по исторіи русскаго языка рѣчь конечно можетъ быть лишь объ удареніи, встрѣчаемомъ въ рукописяхъ, но какъ разъ на эту сторону вопроса еще никто не обратилъ вниманія. Удареніе древнерусскихъ рукописей, гдѣ оно появляется съ конца XIV и начала XV столѣтія и потомъ переходитъ въ старопечатныя книги, надо будетъ изучать въ связи съ рукописями южнославянскими съ одной, и съ произношеніемъ живой

русской рѣчи съ другой стороны. Въ первомъ отношеніи сдѣлано пока еще очень немного. Но и въ послѣднемъ далеко не все. Пока еще и пособій, облегчающихъ изученіе современнаго русскаго ударенія, не очень-то много. Нельзя не отозваться съ особенною признательностью о нѣкоторыхъ новѣйшихъ попыткахъ напечатать тексты простонародныхъ говоровъ съ удареніями. Къ такимъ принадлежитъ тоже прекрасное изданіе сочиненій Квитки, вышедшее подъ редакціею профессора А. А. Потебни. Неотразимый научный аксіомъ о принадлежности всѣхъ нарѣчій русскаго языка къ одному цѣлому по отношенію къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ беретъ одинъ изъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ въ пользу свою какъ разъ изъ совпаденія всѣхъ русскихъ нарѣчій въ одинаковомъ удареніи.

Этимъ кончаются и мои замѣтки. Не воображаю себѣ, что ими предметъ исчерпанъ, хоть бы въ скромныхъ размѣрахъ, намѣченныхъ ему въ «лекціяхъ». Собственно говоря, и авторъ и рецензентъ вращаются пока преимущественно въ старшихъ столѣтіяхъ русскаго языка, приблизительно до конца XV столѣтія. Позднѣйшія столѣтія внесли въ ихъ анализъ лишь очень немногое. Историческое развитіе русскаго языка, какъ онъ двигался въ продолженіе многихъ столѣтій своей письменными памятниками ознаменованной жизни, изображено здѣсь еще въ очень неполномъ видѣ. Изъ каждаго огородка по цвѣточку, выходитъ пестрый составъ, который все-таки не можетъ замѣнить впечатлѣній живого цѣлаго. Дѣйствительно, по этимъ отрывкамъ, очутившимся вмѣстѣ иногда чисто случайно, нельзя составить себѣ точное представленіе о судьбахъ, постигшихъ русскій языкъ въ различныя эпохи его жизни. Гдѣ, когда и какъ развертывалось богатство его въ словахъ и формахъ, его оригинальность въ синтактическихъ оборотахъ, его плавное теченіе народной рѣчи съ особенною силою и удачею, гдѣ ли и когда убывало этихъ качествъ его и по какимъ причинамъ — обо всемъ этомъ мы такъ и не узнаемъ ничего удовлетворительнаго изъ этихъ лекцій и другихъ подобнаго рода обозрѣній. Даже нынѣшній литературный языкъ, этотъ

продуктъ и наслоеніе многовѣковой жизни и работы всѣхъ частей русскаго народа, сложившійся при участіи какъ церковнославянскаго языка, такъ и всѣхъ живыхъ нарѣчій, это «великое зерцало» воспріимчивости русскаго духа — и онъ останется неразгаданнымъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ раскрыты и оцѣнены всѣ факторы, принявшіе участіе въ созданіи различныхъ типовъ этого языка въ теченіе столѣтій.

Особенно важнымъ я считаю въ исторіи русскаго языка одинъ моментъ, на которомъ и остановлюсь двумя словами. Я имѣю въ виду поворотъ къ архаистическому направленію, совершившійся въ теченіе XV столѣтія въ церковнославянскомъ языкѣ, какъ органѣ древнерусской литературы. Безъ правильной оцѣнки его становится непонятнымъ то большое количество славянскихъ элементовъ, словъ и оборотовъ, которое до сихъ поръ существуетъ въ русскомъ литературномъ языкѣ. Было бы ошибочно думать, что всѣ «славянизмы» нынѣшняго литературнаго языка русскаго восходятъ къ очень ранней эпохѣ. Напротивъ, по памятникамъ древнерусской письменности XII—XIV столѣтій можно прослѣдить и убѣдиться, что уже тогда въ очень внушительныхъ размѣрахъ церковнославянскій языкъ сталъ «русѣть», уступая медленно, но безостановочно, то въ звукахъ и формахъ, то въ синтактическихъ оборотахъ, вліянію окружавшей его народной среды. Но вотъ наступила эпоха реакціи, подъ гнетомъ тяжелыхъ временъ, постигшихъ Россію, пустилъ глубокіе корни аскетизмъ и отшельничество, возобновились и ожили прерванныя на нѣкоторое время сношенія съ центрами грекославянской духовной жизни на югѣ, съ царствующимъ градомъ Константинополемъ, съ святой горой Аѳономъ, съ Іерусалимомъ. Навѣстить эти мѣста, почерпнуть новую силу вѣры и поученія, стало завѣтной мечтой русскихъ монаховъ и безмолвствующихъ отшельниковъ. Оттуда получались опять книги, которыми дорожили болѣе чѣмъ обыкновенными дома сготовленными русскими изводами. Стефанъ Новгородецъ прямо говоритъ, что изъ студійскаго монастыря посылали въ Русь много книгъ: уставъ, тріодь и иныя книги. По сви-

дѣтельству одной рукописи (Р. М. № 360) въ Константинополѣ былъ въ 1392 году списанъ русскимъ монахомъ сборникъ повѣстей и поученій (изъ патериковъ и прологовъ); въ 1421 списали тамъ же «убогій Евсевій и непотребный Ефремъ» творенія св. Іоанна Лѣствичника, въ 1431 году какой-то «смиренный инокъ Аѳанасій русинъ» списалъ опять сборникъ различныхъ житій и похвальныхъ словъ въ одномъ монастырѣ на Аѳонѣ (Опис. сл. рук. библ. св. Троицкой Серг. лав. № 746 (III, стр. 141). Но дорожили, не только книгами, полученными съ юга, или же свѣренными съ южнослав. подлинниками, а также людей пріѣзжихъ съ юга принимали съ большимъ почетомъ. Достаточно указать на митрополита Кипріяна, на Григорія Дзамблака, на Пахомія Логоѳета.

Стеченіе этихъ обстоятельствъ сильно повліяло на церковнославянскій языкъ древнерусской письменности, оно дало ему другое направленіе, оторвало его отъ слишкомъ близкаго общенія съ народною средою, вмѣсто оборотовъ простонародной рѣчи водворило пышную витіеватость византійскую. Даже на внѣшнихъ признакахъ графики отразилась эта эпоха реакціи; въ памятникахъ церковной письменности этого времени неожиданно стали снова появляться юсы и на болгарскій ладъ смѣшанное ихъ употребленіе, начали входить въ моду знаки ꙅ и ꙁ, на сербскій ладъ писалось иногда ь послѣ твердыхъ согласныхъ, и т. д. Но эта реформація церковнославянскаго языка захватила только сѣверовосточную и центральную Россію, московское государство; сѣверозападная же часть Россіи, великое княжество Литовское, въ этомъ движеніи участвовало гораздо слабѣе, здѣсь авторитетъ церковнославянскаго языка уступалъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ то простонародной стихіи, то культурному вліянію польскому. Такимъ образомъ отселѣ выступили на сцену два русскихъ языка: одинъ московскій русскославянскій, другой литовскій русскославянскій; стройнѣе, правильнѣе, какъ мнѣ кажется, двигался первый, въ которомъ принимали участіе только два фактора, русскій и церковнославянскій; пестрѣе, шероховатѣе

шло развитіе второго, въ которомъ помимо церковнославянскаго фона участвовала примѣсь бѣлорусская и примѣсь южнорусская, да кромѣ того на всемъ этомъ тяготѣлъ языкъ польскій. Исторія русскаго языка должна съ полною справедливостью отнестись и къ этому второму двигателю культурныхъ интересовъ; не малая задача выпала на долю его, которую онъ исполнялъ при довольно неблагопріятныхъ условіяхъ съ большимъ усердіемъ.

I. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

II. УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТА.

А. Русскій языкъ вообще.

Б. Звуки.

а) *Гласныя.*

б) *Согласныя.*

в) *Сочетаніе гласныхъ съ согласными.*

В. Формы.

Г. Слова.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLVI, № 5.

ПЯТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1889.

24*

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Октябрь 1889 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Весселовскій.*

ПЯТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

Отчетъ, читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ предсѣдательствующимъ во II-мъ Отдѣленіи, вице-президентомъ Академіи Я. К. Гротомъ 20 октября 1889 года.

При видѣ сегодняшняго почтеннаго собранія, мы невольно чувствуемъ опасеніе, что оно не будетъ удовлетворено нашимъ отчетомъ, такъ какъ комиссія, постановившая приговоръ надъ представленными на конкурсъ литературными трудами, признала возможнымъ выразить свое одобреніе, и то лишь въ умѣренной степени, только двумъ соискателямъ. Причиною тому — весьма категорически выраженныя въ правилахъ о Пушкинскихъ преміяхъ требованія.

Въ нынѣшнемъ году на конкурсъ явилось 7 соискателей съ 9-ю трудами, изъ которыхъ два стихотворные, именно финская эпопея «Калевала» въ переводѣ Л. П. Бѣльскаго и «Донъ-Жуанъ» Байрона въ переводѣ П. А. Козлова.

Эти-то два поэтическіе перевода и признаны заслуживающими: первый — преміи въ 300 рублей, а второй — почетнаго отзыва.

Комиссія, которой предлежало произнести окончательное заключеніе о представленныхъ на преміи трудахъ, состояла, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Академіи, изъ пяти членовъ Отдѣленія и слѣдующихъ приглашенныхъ имъ

лицъ: П. И. Вейнберга, гр. А. А. Голенищева-Кутузова, Д. В. Григоровича, Г. П. Данилевскаго, А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго.

I.

Такъ какъ разсмотрѣніе «Калевалы» безусловно требовало основательнаго знанія финскаго языка, то разборъ перевода этой поэмы былъ порученъ доценту Гельсингфорсскаго университета г. Крону. Но прежде сообщенія этого разбора я считаю необходимымъ ознакомить просвѣщенныхъ слушателей съ содержаніемъ знаменитаго финскаго эпоса. Это — собраніе народныхъ пѣсенъ или, какъ называютъ ихъ сами финны, — *рунъ* миѳическаго содержанія, происхожденіе которыхъ относится къ весьма отдаленному, доисторическому времени, когда единственными сосѣдями финновъ были лапландцы. Большинство этихъ рунъ сохранилось въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, искони населенныхъ финнами, особенно въ Архангельской. Около 1830 года ихъ началъ собирать, странствуя пѣшкомъ, человѣкъ, вышедшій самъ изъ народа, но получившій на родинѣ университетское образованіе, одаренный необычайною энергіей и неутомимымъ трудолюбіемъ, провинціальный врачъ Илья Ленротъ, только недавно умершій. Сперва онъ считалъ эти пѣсни отдѣльными произведеніями народной фантазіи, но вскорѣ замѣтилъ между ними связь и мало-по-малу составилъ изъ нихъ цѣлый обширный эпосъ, который собирателемъ раздѣленъ на руны и изданъ въ 1835 году подъ заглавіемъ: *Калевала*. Названіе это по финскому словообразованію значитъ *страна Ка́левы*, а *Калева* есть имя отца героевъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ, такъ что подъ словомъ Калевала должно разумѣть собственно Финляндію. Такимъ образомъ этотъ финскій эпосъ принадлежитъ къ одному разряду съ обѣими поэмами Гомера и наглядно объясняетъ намъ ихъ происхожденіе. Сущность содержанія его составляетъ вражда между двумя народами, какъ у Гомера между греками и троянцами. Въ Калевѣ враждуютъ финны съ лопа-

рями, жителями страны *Пóхіолы*. Поводомъ ко взаимной враждѣ было сватовство финскихъ героевъ за прекрасную невѣсту на Сѣверѣ и предложенная женихамъ задача — достать какое-то волшебное сокровище, которое находится во владѣніи Пóхіолы, а потомъ увозится финнами, но на обратномъ пути ихъ въ отечество разбивается. Это невѣдомое сокровище носитъ названіе *Сампо*, значеніе котораго до сихъ поръ еще вполнѣ не объяснено. По описаніямъ, часто повторяющимся въ поэмѣ, видно только, что это — искусно сдѣланное орудіе, пестрое, съ красивою крышей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Сампо растетъ какъ трава или дерево; корни его укрѣплены на 9 саженъ глубины въ одной скалѣ въ Похіолѣ; одинъ корень идетъ въ землю, другой въ воду, третій въ «гору родины». По наиболѣе распространенному мнѣнію, подъ Сампо надо разумѣть мельницу. Въ тотъ же день, какъ оно было сковано, пошло оно молоть съ самаго разсвѣта, и смололо хлѣба три короба: одинъ на расходъ, другой на продажу, третій въ прокъ. Сказки о такой мельницѣ, говоритъ Яковъ Гриммъ, ходили у всѣхъ германскихъ народовъ. Сампо было всѣмъ желанное сокровище, которое обѣщало обладателю всякаго рода благополучіе.

Главными лицами въ поэмѣ являются, со стороны финновъ: пѣснопѣвецъ Вейнемейненъ, его братъ, вѣщій кузнецъ, повелитель вѣтровъ Ильмариненъ и веселый искатель приключеній Лемминкейненъ, который, по замѣчанію г. Бѣльскаго, сродни героямъ русскихъ былинъ Чурилѣ Пленковичу и Алешѣ Поповичу, какъ опасному волокитѣ.

У жителей мрачной Похіолы главную роль въ «Калевалѣ» играетъ злая старуха Лоухи, съ своею дочерью, въ которую влюбляется Лемминкейненъ. Главнаго выразителя міровоззрѣнія финновъ мы видимъ въ Вейнемейненѣ, мудромъ старцѣ и вмѣстѣ искуснѣйшемъ чародѣѣ, которому слово и пѣніе служатъ всесильнымъ орудіемъ власти. Въ немъ олицетворяется поэтическій даръ финновъ, ихъ вѣра въ могущество слова, ихъ уваженіе къ знанію и мудрости, какъ первымъ условіямъ господства.

Въ «Калевалѣ» безпрестанно встрѣчаются мрачныя заклинательныя пѣсни; оружіе замѣняется по большей части колдовствомъ посредствомъ пѣнія. Вейн-нъ и братъ его Ильм-нъ рѣшаются ѣхать въ Похіолу и, во что бы то ни стало, овладѣть Сампо. Дорогою къ нимъ пристаетъ третій товарищъ, весельчакъ Лемминкейненъ. Ихъ лодка плыветъ по морю на хребтѣ огромной щуки, которую потомъ Вейнемейненъ убиваетъ, и ея зубы подаютъ ему мысль сдѣлать арфу, или, какъ называютъ ее финны, кáнтелу. Какъ скоро она была готова, всѣ пробуютъ играть на ней, но никому не удается извлечь изъ нея настоящихъ звуковъ. Тогда берется за струны самъ Вейнемейненъ и поетъ всемогущія пѣсни. Онъ становится вторымъ Орфеемъ: цѣлыми стаями стремятся къ нему звѣри, птицы и рыбы; герои, слушая его, заливаются слезами; у самого Вейнемейнена онѣ текутъ по лицу рѣкою, падаютъ въ море и превращаются тамъ въ драгоцѣнные камни.

«Калевала» богата своеобразными вымыслами фантазіи еще младенческаго народа, близкаго къ природѣ, съ которою его связываетъ живое сочувствіе; но рядомъ съ истинными красотами поэзіи въ Калевалѣ много и темнаго, таинственно-дикаго, много чудовищныхъ образовъ, лишенныхъ всякаго правдоподобія, напр. когда описывается быкъ, который такъ огроменъ, что отъ одного рога его до другого ласточка летѣла цѣлый день; одна нога его въ Олонцѣ, другая въ Норвегіи, третья на Иматрѣ, четвертая у моря Лапландскаго.

Долго Калевала оставалась малоизвѣстною въ литературномъ мірѣ внѣ Финляндіи. Только лѣтъ черезъ десять послѣ ея появленія на финскомъ языкѣ, съ нею ознакомился знаменитый германскій филологъ Яковъ Гриммъ, который, признавъ въ этомъ произведеніи одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ народныхъ эпосовъ, написалъ о немъ довольно обширное изслѣдованіе. Эта статья и обратила на Калевалу вниманіе ученыхъ и много способствовала къ распространенію ея извѣстности. Но еще прежде того о ней говорилось въ русской литературѣ и сообщены были извлеченія, сперва въ Журналѣ Мин. Народн. Просв., а потомъ

въ Современникѣ Плетнева, гдѣ въ 1840 г. появляется подробный обзоръ всего содержанія поэмы, съ стихотворнымъ переводомъ большого отрывка изъ 29-й пѣсни. Позднѣе Калевала была переведена стихами на шведскій языкъ Кастрéномъ, а на нѣмецкій — нашимъ покойнымъ академикомъ Шифнеромъ. Въ новѣйшее время было напечатано на русскомъ языкѣ, особою книгой, прозаическое изложеніе Калевалы, составленное г. Гранстремомъ.

Затѣмъ въ Москвѣ, подъ руководствомъ профессора Буслаева, Калевалу переводили находившіеся тамъ для изученія русскаго языка молодые финляндцы: покойный Лундаль и г. Гельгренъ (Hellgren). Послѣдній издалъ нѣкоторыя части своего стихотворнаго перевода. Наконецъ въ прошломъ году напечатанъ и представленъ на Пушкинскую премію посвященный Ѳ. И. Буслаеву переводъ въ стихахъ г. Бѣльскаго.

Чтобы ознакомить почтенное собраніе съ достоинствами этого перевода, я намѣренъ привести изъ него небольшой отрывокъ, но прежде сообщу нѣсколько строкъ изъ предисловія г. Бѣльскаго, чтобы указать на нѣкоторыя особенности внѣшней стороны подлинника. Это, во 1-хъ, почти постоянное сопоставленіе синонимовъ въ двухъ рядомъ стоящихъ стихахъ, напр. въ одномъ стихѣ: *дѣва*, въ слѣдующемъ: *дѣвица, дѣвушка;* во 2-хъ, синонимическое повтореніе стиха, напр.:

Если ты вернешь заклятье,
Злой свой заговоръ воротишь...

въ 3-хъ, это стремленіе почти синонимически разнообразить два рядомъ стоящіе стиха повлекло за собой странное смѣшеніе чиселъ: если въ первомъ стихѣ указывается какое-либо число предметовъ, то въ слѣдующемъ эти предметы, оставаясь въ томъ же числѣ, называются въ числѣ бóльшемъ:

Шесть онъ зернышекъ находитъ,
Семь сѣмянъ онъ поднимаетъ...

или еще болѣе странное сопоставленіе:

На шестую ночь скончалась,
На осьмую умерла бы.

Въ переводѣ сохранены эти странности. Излагая въ своемъ послѣсловіи трудности перевода съ финскаго языка на русскій, г. Бѣльскій справедливо указываетъ на рѣзкое различіе обоихъ языковъ какъ въ грамматическомъ строѣ, такъ и въ фонетическомъ составѣ словъ, которыя въ финскомъ языкѣ всегда носятъ главное удареніе на начальномъ слогѣ.

Стихъ Калевалы въ подлинникѣ силлабическій, не риѳмованный; этотъ размѣръ, невозможный въ русскомъ языкѣ и превращающійся у переводчиковъ, по необходимости, въ четырехстопный хорей, составляетъ одно изъ главныхъ затрудненій въ соблюденіи точной передачи текста.

Въ Калевалѣ такое множество мѣстъ, исполненныхъ поэтической правды и прелести, что трудно остановиться на которомъ-нибудь изъ нихъ, чтобы дать понятіе о достоинствѣ цѣлаго. Одна изъ своеобразнѣйшихъ рунъ — 41-я, въ которой изображается игра Вейнемейнена на изготовленной имъ кантелѣ, и мы избираемъ ее тѣмъ болѣе, что по сравнительной краткости своей она можетъ быть приведена почти вся.

Вотъ играетъ Вейнемейненъ —
Не осталось звѣря въ лѣсѣ,
Изо всѣхъ четвероногихъ,
Звѣря съ длинными ногами,
Что бъ не шелъ туда́ послушать
И ликуя подивиться.
Бѣлка весело цѣплялась,
Съ вѣтки прыгала на вѣтку;
Подбѣжали горностаи,
Возлѣ изгороди сѣли;
Лось запрыгалъ на полянѣ;
Даже радовались рыси.

Волкъ проснулся на болотѣ;
На песчаникѣ поднялся,
Самъ медвѣдь въ еловыхъ вѣткахъ
Средь густыхъ зеленыхъ сосенъ
Волкъ бѣжитъ черезъ болота,
А медвѣдь черезъ дубраву
И садится у забора,
У калитки онъ усѣлся;
Повалилъ заборъ на камни
На песокъ свалилъ калитку
На сосну тогда влѣзаетъ,
Лѣзетъ онъ тогда на елку,
Чтобы ту игру послушать,
Чтобы радуясь дивиться.
Всѣ, и юноши, и дѣвы
Влѣзли на гору повыше,
Чтобы ту игру послушать.
И сама хозяйка лѣса,
Эта мудрая старуха,
Вышла въ синенькихъ чулочкахъ,
Подвязавъ ихъ краснымъ бантомъ;
На наростъ березы сѣла,
На изгибъ ольхи зеленой,
Чтобы кантеле послушать,
Чтобъ услышать эти звуки.
Всѣ воздушныя летуньи
Запорхали, прилетѣли,
Прилетѣли и усѣлись,
Чтобъ услышать эти звуки,
Чтобы радуясь дивиться.
Вотъ орелъ услышалъ дома
Эти звуки по Суоми;
Онъ птенцовъ въ гнѣздѣ оставилъ,
Самъ собравшись улетаетъ,

Прямо къ кантеле героя
Гдѣ игралъ самъ Вейнемейненъ.
Съ высоты орелъ спустился,
Изъ-за тучъ спустился ястребъ,
Изъ потоковъ вышли утки,
Вышли лебеди изъ топей,
Даже зяблики малютки
Съ сотней чижичковъ слетѣлись,
Съ ними жáворонки съ поля,
Цѣлой тысячей летѣли,
На плечахъ садились старца.
Такъ игралъ отецъ почтенный,
Восхищалъ всѣхъ Вейнемейненъ.
Даже дочери творенья,
Дѣвы воздуха явились,
И дивяся восторгались,
Слыша кантеле звучанье,
И одна въ воздушномъ сгибѣ
На небесномъ сводѣ сѣла,
А на облакѣ другая
На краю сіяла красномъ.
Ахто, этотъ царь потоковъ,
Съ травяной брадою старецъ,
Выплылъ тоже на поверхность,
На цвѣткѣ морскомъ онъ выплылъ.
Слышитъ дивные тѣ звуки,
Говоритъ слова такія:
«Не слыхалъ нигдѣ я раньше
Ничего, что бъ такъ звучало,
Какъ играетъ Вейнемейненъ,
Этотъ вѣчный заклинатель».
Наконецъ воды хозяйка,
Вся покрытая травою,
Поднялась изъ глуби моря,

Выплываетъ осторожно,
Проползла въ тростникъ прибрежный
И на рифѣ тамъ усѣлась,
Чтобъ послушать эти звуки,
Вейнемейнена напѣвы.
Звуки чудно раздавались,
И игра была прекрасна.
Задремала водъ хозяйка,
И заснувши наклонилась
Наверху скалы пестрѣвшей,
На краю большого камня.
Старый вѣрный Вейнемейненъ
День играетъ и другой день;
Не осталося героя,
Никого изъ этихъ храбрыхъ,
Не осталось тамъ ни мужа,
Ни жены, носящей косы,
Кто бъ отъ той игры не плакалъ,
Чье не тронулось бы сердце.
Плачутъ юные и старцы,
Плачутъ люди холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
Плачутъ также и дѣвицы,
Плачутъ дѣвочки малютки.
Такъ чудесны эти звуки,
Такъ играетъ дивно старецъ.
Плачетъ старый Вейнемейненъ,
Слезы катятся обильно,
Изъ очей сбѣгаютъ капли,
Тѣ жемчужины стекаютъ;
Ячменя онѣ крупнѣе,
Больше ягодки болотной,

Покруглѣй яйца тетерьки,
Головы касатки больше.
Изъ очей водица каплетъ,
Сильно каплями сбѣгаетъ
И на челюсти стремится,
По щекамъ бѣжитъ прекраснымъ,
А со щекъ она сбѣгаетъ
На широкій подбородокъ,
Съ подбородка же стремится
По груди высокой старца,
А съ груди высокой старца
На крѣпчайшія колѣни,
А съ колѣнъ крѣпчайшихъ этихъ
На подъемъ ноги высокой,
А съ ноги высокой старца
Ужъ на землю подъ ногами,
Черезъ пять катится куртокъ,
Шесть златистыхъ подпоясокъ,
Да чрезъ семь рубашекъ синихъ,
Черезъ восемь штукъ кафтановъ.
Такъ роняетъ Вейнемейненъ
Водяныя капли старый
На морское побережье,
А съ морского побережья
Въ глубину воды блестящей,
На чернѣющую тину.
Молвитъ старый Вейнемейненъ,
Говоритъ слова такія:
«Нѣтъ ли здѣсь межъ молодежью,
Между юными толпами,
Въ этомъ племени обширномъ,
Изъ сыновъ кто не найдется ль,
Кто бъ собралъ мнѣ эти слезы,
Изъ глубокихъ водъ блестящихъ?»

Отвѣчали молодые,
Такъ ему сказали старцы:
«Нѣту здѣсь межъ молодежью,
Между юными толпами,
Въ этомъ племени обширномъ,
Изъ сыновъ здѣсь не найдется,
Кто бъ собралъ тебѣ тѣ слезы
Изъ глубокихъ водъ блестящихъ».
Молвитъ старый Вейнемейненъ,
Говоритъ слова такія:
«Кто мои достанетъ слезы,
Водяныя вынетъ капли
Изъ глубокихъ водъ блестящихъ,
Дамъ тому изъ перьевъ платье».
Подошелъ, закаркавъ, воронъ.
Молвитъ старый Вейнемейненъ:
«Принеси мнѣ, воронъ, слезы
Изъ глубокихъ водъ блестящихъ,
Дамъ тебѣ изъ перьевъ платье».
Не досталъ въ водѣ слезъ воронъ.
Утка синяя то слышитъ,
Утка синяя подходитъ.
Молвилъ старый Вейнемейненъ:
«Утка синяя, ты часто
Въ глубину уходишь съ клювомъ,
Любишь свѣжую водицу —
Собери пойди мнѣ слезы
Изъ глубокихъ водъ блестящихъ;
Будетъ славная награда:
Дамъ тебѣ изъ перьевъ платье».
Собирать уходитъ утка,
Вейнемейненовы слезы
Изъ глубокихъ водъ блестящихъ.
Тамъ на черномъ, темномъ илѣ

Собрала по морю слезы,
Принесла ихъ въ руки Вейно
Слезы видъ другой имѣли
И прекрасно измѣнились:
Заблестѣли, точно жемчугъ,
Голубымъ сверкали блескомъ,
Чтобъ царю служить украсой,
Вѣчной мощному утѣхой.

Относительно вѣрности и точности перевода Калевалы г. Кронъ далъ слѣдующій отзывъ.

«Доцентъ Л. П. Бѣльскій составилъ свой переводъ просто и свободно, не обременяя его излишними прибавками; въ общемъ онъ сумѣлъ хорошо передать незатѣйливую красоту оригинала. Жаль только, что тонкое оттѣненіе словъ, особенно ономатопоэтическихъ, изобилующихъ въ финскомъ языкѣ, иногда пропадаетъ въ переводѣ.

Такъ напр. въ рунѣ IV, стихъ 8 и 13[1]) «цвѣтущій» братъ и дѣвушка съ тонкимъ подоломъ оба получаютъ прозвище: «молодой» или «младой»[2]). Также въ рунѣ IV, ст. 140 «малинѣ» дается общее названіе «ягоды». Въ р. IV, 253—254 старикъ «спотыкающійся о свои носки и падающій черезъ сухую вѣтвь», просто называется «хилымъ и дряхлымъ». — Въ р. IV, 362 вмѣсто «пристани въ родной бухтѣ» употребляется выраженіе: «вода здѣшняя». — Въ р. IV, 441 поэтичная картина: «матери, не качайте въ люлькѣ» и т. д. въ переводѣ совсѣмъ исчезла: «не принуждайте дочерей къ браку». — Въ р. XLI, 190 о слезахъ Вейнемейнена говорятъ, что онѣ «больше ягодки болотной... головы касатки больше», хотя въ оригиналѣ употребляются два

---

1) Къ сожалѣнію въ переводѣ упущена нумерація стиховъ, столь нужная для цитатовъ.

2) Странно, что переводчикъ не обращаетъ вниманія на переводъ Гельгрена, знакомый ему, какъ видно изъ предисловія, гдѣ всѣ мѣста, означенныя въ рунѣ IV, переведены совершенно вѣрно.

разныхъ слова «herkeämmät, päreämmät», точнѣе опредѣляющіе синонимы обыкновеннаго слова «suuremmat».

Очевидно переводчикъ постарался по возможности вѣрно передать и такія слова, которыя менѣе въ употребленіи, и смыслъ которыхъ темнѣе. Однакоже укажемъ на нѣкоторыя невѣрности.

Въ р. I, 164 вмѣсто «мать воды», выраженіе, встрѣчающееся потомъ, сказано «дѣва водяная». — Въ р. IV, 25 «haahen hal-jakka», т. е. судномъ привезенная, стало быть иностранная ткань, переводится «лучшее платье». — Въ р. IV, 202, вмѣсто «волны въ ведрѣ» мы читаемъ: «волна воды текучей». — Въ р. IV, 207—208 слова «застывшій снѣгъ зимою, вода въ ключѣ холодномъ» передаютъ совершенно невѣрную мысль, такъ какъ душа несчастнаго сравнивается съ весеннимъ, грязнымъ снѣгомъ и стоячей, черной водою. — Въ р. IV, 215—216 «черноты лучше... ночи не яснѣе» переводъ совсѣмъ произвольный, такъ какъ въ оригиналѣ «деготь» и «уголь» составляютъ предметъ сравненія. — Въ р. XI, 119 «murti mustoa haventa» не значитъ «кудри черныя теребитъ», но «онъ кусалъ свою черную бороду». — Въ р. XXIII, 21 «veran nukka» переводится «платочекъ пестрый», когда это слово обозначаетъ шершавую изнанку платка.

Еще больше, чѣмъ эти невѣрно понятыя слова, вредятъ нѣкоторыя грамматическія недоразумѣнія, затемняющія красоту мысли.

Въ р. IV, 157 «tulin kukkana kotihin» передается «я въ цвѣтахъ домой вернулась», вмѣсто «какъ цвѣтокъ». — Въ р. IV, 228—230 слова: «Слезы матери родимой, Отъ отца слеза пожалуй, И едва ль слеза отъ брата» не передаютъ градаціи въ оригиналѣ: мало — меньше — ничего. — Въ р. IV, 285—289 просьба: «Перестань, отецъ, ты плакать» очень не кстати замѣняетъ горькую жалобу: «отецъ меня не оплакиваетъ». Переводчикъ повидимому здѣсь смѣшалъ отрицательную настоящую форму «ei itke» съ отрицательной повелительной «älä itke». — Еще болѣе странно выходитъ въ р. IV, 515—516: «Локоть мой тогда старѣетъ, Кисть руки ослабѣваетъ»; ошибка лежитъ

въ смѣшеніи родительнаго и винительнаго падежей. «Kyynärän ikä kuluvi, vaaksan varsi vanhenevi», т. е. «мои лѣта проходятъ на локоть, мой станъ старѣетъ на пядень». — Въ р. XXXVI, 281—284, въ словахъ: «Но ты, мать моя, не слышишь, какъ глазами говорю я, какъ горюю я бровями» весь смыслъ извращенъ неподходящимъ переводомъ финскаго «adessivus» на русскій «instrumentalis». Куллерво находится на могилѣ своей матери, стало быть онъ стоитъ на ея глазахъ и пр. — Въ р. XLI, 129 мы читаемъ: «рыбы въ камыши уткнулись грудью», вмѣсто «грудь о грудь», т. е. рядомъ.

Я позволяю себѣ мимоходомъ замѣтить, что «Ahti» и «Ahto» слѣдовало бы писать Ахто и Ахти, а не Ато, Ати, потому что буква *h* произносится такъ же какъ и въ нѣмецкомъ словѣ *acht*.

Наконецъ, что касается «алфавитнаго указателя личныхъ именъ съ объясненіями», то свѣдѣнія могли бы легко быть почерпаны изъ болѣе новыхъ источниковъ, какъ напр. изъ послѣдняго финскаго изданія Калевалы.

Всѣ помянутыя ошибки такъ рѣдки однакожъ, что онѣ никоимъ образомъ не мѣшаютъ наслажденію читателя. Вообще можно прочесть цѣлыя сотни строкъ, не находя никакихъ ошибокъ, заслуживающихъ вниманія. И такъ какъ переводчикъ сумѣлъ схватить духъ оригинала и ловко передалъ трудности эпическаго языка, даже съ помощью часто встрѣчающихся цезуръ, совладѣлъ съ размѣромъ Калевалы, я долженъ засвидѣтельствовать, что переводъ весьма удаченъ и, по моему мнѣнію, заслуживаетъ награды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заключаетъ рецензентъ я позволяю себѣ выразить свою радость по поводу того, что благодаря такому отличному посреднику наша народная эпопея стала доступною русскому обществу».

II.

Приступая къ изложенію содержанія доставленной профессоромъ Н. И. Стороженкомъ рецензіи Донъ-Жуана Байрона въ переводѣ г. **Козлова**, напечатанномъ въ двухъ то-

махъ, я долженъ замѣтить, что критикъ остановился преимущественно на поразившихъ его недостаткахъ, рѣдко указывая на достоинства, которыя, по его мнѣнію, почувствуетъ и оцѣнитъ самъ читатель.

Вышедшимъ недавно переводомъ Донъ-Жуана—такъ начинаетъ г. Стороженко — достойнымъ образомъ завершается рядъ попытокъ усвоить русской литературѣ геніальное произведеніе англійскаго поэта. Не говоря уже объ отрывкахъ изъ Донъ-Жуана и переводахъ отдѣльныхъ пѣсенъ поэмы, начавшихъ появляться въ русскихъ журналахъ уже въ тридцатыхъ годахъ, мы имѣли три полныхъ перевода Д. Жуана: два стихотворныхъ — Любича-Романовича (С.-Петербургъ, 1847 г. 2 тома) и Минаева (первоначально печатавшійся въ *Современникѣ* за 1865 — 66 г. и потомъ вошедшій во второй томъ извѣстнаго изданія г. Гербеля *Байронъ въ переводахъ русскихъ поэтовъ*) и одинъ прозаическій г. Соколовскаго. Первый изъ нихъ, названный самимъ переводчикомъ вольнымъ, не передаетъ ни буквы, ни духа подлинника, не говоря уже о томъ, что онъ сдѣланъ стихами, которыя Валеріанъ Майковъ назвалъ колючими; переводъ, г. Минаева, мѣстами очень поэтическій, такъ далекъ отъ подлинника, что г. Гербель не счелъ возможнымъ перепечатать его во второмъ изданіи своего «Байрона» и поручилъ г. Соколовскому перевести Д. Жуана прозою.

Къ счастью, неудачная попытка г. Минаева не только не охладила, но даже окрылила рвеніе переводчиковъ: въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1880 г. появился прекрасный переводъ нѣсколькихъ пѣсенъ Д. Жуана (2-я, 3-я и 73-я стансы четвертой пѣсни), принадлежащій маститому переводчику Данте Д. Е. Мину; наконецъ, въ нынѣшнемъ году является новый стихотворный переводъ всего Д. Жуана размѣромъ подлинника, сдѣланный П. А. Козловымъ.

Переводъ Д. Жуана стихами, да къ тому же размѣромъ подлинника представляетъ почти неодолимыя трудности. Гэте, переведшій въ 1821 г. (въ изданіи Kunst und Alterthum) въ

видѣ опыта нѣсколько стансовъ изъ первой пѣсни Д. Жуана, находилъ, что переводчикамъ будетъ труднѣе всего передать шутливый и ироническій тонъ подлинника, потому что нѣмецкая поэзія не обладаетъ такимъ выработаннымъ комическимъ стилемъ, какъ поэзія англійская. Но есть трудность другого рода, едва-ли легче одолимая — это постоянная перемѣна тона. Удалившись въ добровольное изгнаніе, раззочарованный въ жизни и людяхъ, преслѣдуемый клеветой общества и яростными нападками реакціонной прессы, Байронъ мстилъ современному ему обществу, издѣваясь надъ всѣмъ, передъ чѣмъ оно преклонялось; отсюда его злыя выходки противъ брака, формальной нравственности, общественнаго мнѣнія, реакціонной школы поэтовъ, во главѣ которой стояли Уордсвортъ и Соути и т. п. Повидимому Байронъ, какъ впослѣдствіи Гейне, находилъ особое удовольствіе издѣваться надъ своими несообразительными читателями; поднявши ихъ на крыльяхъ поэзіи въ свѣтлую высь идеальнаго міра, онъ неожиданно мѣнялъ тонъ и охлаждалъ ихъ восторги какой-нибудь злой шуткой или цинической остротой. Эта особенность байроновскаго стиля, почти незамѣтная въ его юношескихъ поэмахъ, достигаетъ своего высшаго развитія въ Д. Жуанѣ, и эту-то особенность постоянно долженъ имѣть въ виду переводчикъ; всякое смягченіе въ этомъ отношеніи неизбѣжно отзовется невѣрностью тона. Если мы прибавимъ къ этому самый языкъ поэта, нигдѣ не достигающій такой энергіи, сжатости и лаконизма, то мы поймемъ съ какими трудностями приходилось бороться переводчику, желавшему во что бы то ни стало сохранить размѣръ подлинника и байроновскія октавы.

Каждый изъ переводчиковъ Донъ-Жуана имѣлъ свой взглядъ на свою задачу. Одни старались перевести какъ можно ближе къ подлиннику, жертвуя для этого самой стихотворной формой; такъ поступали французскіе переводчики Д. Жуана Paulin Páris и Amédée Pichot, а изъ русскихъ г. Соколовскій, которые предпочли перевести поэму Байрона прозой; другіе, напротивъ того, отправляясь отъ мысли, нѣкогда блестяще разви-

той А. В. Шлегелемъ, что поэта непремѣнно нужно переводить языкомъ поэтовъ, переводили стихами, стараясь воспроизвести поэзію подлинника и жертвуя для риѳмы близостью; такъ понималъ свою задачу г. Минаевъ, переводъ котораго скорѣе можно назвать фантазіей на байроновскіе мотивы, чѣмъ переводомъ; наконецъ третьи посмотрѣли на свою задачу нѣсколько иначе: усматривая тайну впечатлѣнія, производимаго Д. Жуаномъ въ самомъ размѣрѣ подлинника, они старались переводить размѣромъ подлинника и сохранить байроновскую октаву; такъ поступалъ между прочимъ покойный Минъ. Хотя г. Козловъ и не изложилъ своего profession de foi, какъ переводчика, но переводъ его доказываетъ, что именно такъ смотрѣлъ онъ на свою задачу. Мы ничего не имѣли бы противъ этого взгляда, если бы близость къ подлиннику и вѣрность его духу была для переводчика такъ же обязательной какъ соблюденіе байроновской октавы съ ея неизмѣннымъ риѳмованнымъ двустишіемъ въ концѣ.

Чтобы преодолѣть исчисленныя нами неизбѣжныя при переводѣ Д.-Жуана трудности, нужно не только обладать поэтическимъ чувствомъ и хорошо владѣть стихомъ, нужно вчитаться въ поэта, усвоить себѣ его стихъ, его поэтическую манеру, такъ сказать, сжиться съ нимъ. Вотъ почему первыя пѣсни Д.-Жуана вышли у г. Козлова вообще слабѣе послѣднихъ; вотъ почему въ нихъ встрѣчается больше случаевъ принесенія содержанія въ жертву формѣ. Борьбу нашего переводчика съ подлинникомъ лучше всего можно прослѣдить на первой пѣсни, гдѣ онъ еще пробовалъ свои силы и набивалъ руку.

Во второй стансѣ первой пѣсни Байронъ, ища героя для своей поэмы, перечисляетъ англійскихъ полководцевъ, бывшихъ предметами праздныхъ толковъ и глазѣнья уличной толпы:

Узнавъ хвалу людей, враговъ нападки,
Они прошли, какъ мимолетный сонъ,
Какъ «девять поросятъ единой матки»,
Видѣнья Банко.

Прочтя эти стихи, читатель можетъ вообразить, что сподвижникъ Макбета Банко въ самомъ дѣлѣ имѣлъ такое странное и некрасивое видѣнье, но при сличеніи съ подлинникомъ окажется, что это видѣнье — плодъ недоразумѣнія переводчика.

Въ подлинникѣ сказано:

Each in their turn like Banquo's monarchs stalk
Followers of Fame nine farrow of that sow:

Здѣсь Байронъ очевидно намекаетъ на извѣстную сцену въ трагедіи Шекспира (актъ IV, сцена I), гдѣ въ силу заклинанія вѣдьмъ проходятъ передъ Макбетомъ, пришедшимъ узнать свою судьбу, восемь королей, потомковъ Банко и онъ самъ; для того, чтобъ ихъ вызвать, Геката велитъ бросить въ волшебный котелъ кровь свиньи, пожравшей девять своихъ поросятъ и жиръ убійцы, покончившаго свои дни на висѣлицѣ. Случайное соотвѣтствіе числа поросятъ числу королей и числу знаменитыхъ полководцевъ и подсказало Байрону шекспировское выраженіе: «nine farrow of that sow», въ которомъ переводчику почудился намекъ на небывалое видѣніе Банко.

Характеризируя мать Донъ-Жуана, поэтъ между прочимъ замѣчаетъ, что ея серьезныя изреченія были возвышенны до темноты — выраженіе, не совсѣмъ удачно переведенное г. Козловымъ:

Она такъ мысли *возносила*,
Что рѣчь ея была темна подъ часъ.

Употребленіе выраженій, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго языка умѣстно въ величавой и торжественной рѣчи; въ поэмѣ же Байрона, слогъ которой отличается необыкновенной простотой, они звучатъ рѣзкимъ диссонансомъ.

Продолжая ту же характеристику, Байронъ въ XIV стансѣ говоритъ:

She liked the English and the Hebrew tongue
And said there was analogy between'em,
She proved it some how out of sacred song,
But I must leave the proof to those who've seen'em.

Она любила англійскій и еврейскій языки и увѣряла, будто между ними существуетъ какое-то сходство. Мнѣніе свое она поддерживала цитатами изъ священныхъ книгъ, но я предоставляю рѣшеніе этого вопроса людямъ, болѣе съ ними знакомымъ[1]).

Г. Козловъ переводитъ:

Цитируя слова священныхъ книгъ,
Она всегда отстаивала мнѣнье,
Что съ англійскимъ еврейскій схожъ языкъ;
Пускай отброситъ тотъ свои сомнѣнья,
Кто въ тайники завѣтныхъ строкъ проникъ.

Чтó переводчикъ хотѣлъ сказать этими двумя стихами, мы не беремся угадать, такъ какъ не можемъ проникнуть въ тайники его намѣреній; одно знаемъ, что эти стихи не имѣютъ ничего общаго съ подлинникомъ.

Погоня за риѳмой своенравной — общая участь поэтовъ. Байронъ въ одномъ мѣстѣ Донъ-Жуана (пѣснь IX, станса 74) называетъ риѳму могучимъ пароходомъ, заставляющимъ стихи плыть даже противъ теченія здраваго смысла. Хотя г. Козловъ и хорошо владѣетъ стихомъ, но и ему не рѣдко приходится послѣ безплодныхъ поисковъ за риѳмой приносить въ жертву ей вѣрность подлиннику и замѣнять одно выраженіе другимъ, прямо ему противоположнымъ, только потому, что къ первому трудно было подыскать подходящую риѳму.

1) Отрывки изъ Донъ Жуана мы всюду приводимъ по прозаическому переводу г. Соколовскаго, позволяя себѣ исправлять его въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда онъ, по нашему мнѣнію, не вполнѣ точно передаетъ мысль подлинника.

Въ стансѣ XXIX первой пѣсни читаемъ:

Она жъ на все глядѣла съ *равнодушьемъ*
И это свѣтъ считалъ великодушьемъ.

Между тѣмъ какъ въ подлинникѣ ясно сказано, что жена отца Д. Жуана донья Инеса:

Saw his (т. е. мужа) agonies with such *sublimity*
That all the world exclaimed: what magnanimity!

Не говоря уже о неуклюжести самой риѳмы, замѣна *величаваго спокойствія* равнодушіемъ совершенно искажаетъ мысль поэта.

Въ другомъ мѣстѣ переводчикъ для риѳмы замѣнилъ байроновскую черту въ характеристикѣ Юліи (въ стансѣ LXI) чертою своего собственнаго изобрѣтенія; въ подлинникѣ говорится, что Юлія была очень граціозна (she, in sooth, possessed an air and grace by no means common), а г. Козловъ увѣряетъ, что она была очень восторженна:

Дышала въ ней восторженность живая.

Въ слѣдующей строфѣ своенравной риѳмѣ принесена переводчикомъ въ жертву острота подлинника. Сказавъ, что Юлія вышла замужъ за пятидесятилѣтняго старика, поэтъ прибавляетъ: «мужей такого рода на свѣтѣ довольно, но я думаю, что вмѣсто одного пятидесятилѣтняго лучше бы имѣть двухъ двадцатипятилѣтнихъ, особенно въ южныхъ странахъ».

Въ переводѣ г. Козлова соль подлинника исчезла:

Пятидесяти лѣтъ былъ мужъ у ней...
(Слѣпой судьбы печальная услуга!)
Ей лучше бъ взять двухъ молодыхъ мужей,
Чтобъ замѣнить почтенныхъ лѣтъ супруга.

Въ LXXX стансѣ въ интересѣ риѳмы — и прибавимъ довольно пошлой — г. Козловъ самовольно измѣняетъ естествен-

ный ходъ любовныхъ отношеній и ставитъ въ концѣ то, что обыкновенно происходитъ въ самомъ началѣ:

Любовь такая дѣвственно-чиста;
Ей можно предаваться безъ *опаски*,
Сначала ручку, а затѣмъ уста
Цѣлуютъ нѣжно, *робко строятъ глазки* и т. д.

Нечего и говорить, что о глазкахъ нѣтъ и помину въ подлинникѣ: они введены переводчикомъ единственно для риѳмы.

Весьма характеристическій примѣръ безцеремоннаго обращенія риѳмы съ подлинникомъ представляетъ стансъ LV.

Инеса добродѣтельная зналась
Лишь только съ тѣмъ, кто *правдой* былъ богатъ;
Къ ней часто донна Джулія являлась.
Назвавъ ее звѣздой, о ней наврядъ
Понятье дамъ. Съ ней красота сроднялась,
Какъ съ моремъ соль, съ цвѣтами ароматъ,
Съ Венерой поясъ, съ Купидономъ стрѣлы;
(Послѣднія сравненія слишкомъ смѣлы).

Всякому, кто читалъ предшествующія стансы, гдѣ мастерски очерчена мать Донъ-Жуана, покажется страннымъ, чтобы такая святоша и лицемѣрка могла искать сближенія съ правдивыми и прямыми натурами, и еще болѣе страннымъ, чтобъ Байронъ могъ считать слишкомъ смѣлыми такія избитыя сравненія, какъ поясъ Венеры и стрѣлы Купидона. По счастью, ничего подобнаго не находится въ подлинникѣ: тамъ, напротивъ того, мы читаемъ, что донья Инеса знакомилась — какъ и слѣдовало ожидать — только съ особами, отличавшимися скромностью и благочестіемъ (all selected for discretion and devotion), что Байронъ считалъ приведенныя выше сравненія избитыми и пошлыми (trite and stupid). Все это придумано переводчикомъ для риѳмы, а послѣдній стихъ кромѣ того съ тѣмъ, чтобъ сохранить особен-

ность байроновской октавы, всегда оканчивающейся риѳмованнымъ двустишіемъ. Извѣстно, что Шекспиръ любилъ заканчивать такимъ образомъ самыя эффектныя сцены своихъ драмъ. Эта особенность безспорно придаетъ байроновской октавѣ оригинальный эффектъ и весьма желательно сохранить ее и въ переводѣ, конечно подъ условіемъ, чтобъ не приносить ей въ жертву — какъ въ данномъ случаѣ сдѣлалъ г. Козловъ — вѣрность подлиннику, которая всегда должна стоять на первомъ планѣ.

Задумавъ перевести Донъ-Жуана размѣромъ подлинника, съ соблюденіемъ особенностей байроновской октавы, г. Козловъ добровольно связалъ себя по рукамъ и ногамъ. Если принять въ соображеніе, что байроновская октава заключаетъ въ себѣ среднимъ числомъ отъ 60—65 словъ (не говоря о принятыхъ въ англійскомъ поэтическомъ языкѣ сокращеніяхъ), тогда какъ октава переводчика — только отъ 40 до 50, то можно заранѣе предсказать, что г. Козлову никогда не угнаться за подлинникомъ, никогда не вмѣстить въ свою сравнительно узкую строфу все богатое содержаніе байроновской октавы. Все, что можно сдѣлать въ данномъ случаѣ — это, не гоняясь за близостью и полнотой, стараться передать — насколько позволяетъ требованіе всесильной риѳмы, — сущность, эссенцію и букетъ подлинника. Такъ и поступаетъ г. Козловъ, и нужно удивляться искусству, съ какимъ онъ въ большинствѣ случаевъ разрѣшаетъ эту трудную задачу. Приведу для примѣра CXIV стансу, гдѣ описывается чудная лѣтняя ночь:

Въ тотъ сладкій часъ, когда природа спитъ,
Одѣтая волшебнымъ блескомъ ночи,
Когда луна деревья серебритъ,
И звѣзды, какъ безчисленныя очи,
Глядятъ съ небесъ на этотъ чудный видъ,
Душѣ съ собою справиться нѣтъ мочи;
Она собой владѣть перестаетъ,
Но не покой ей этотъ мигъ даетъ.

Вотъ это мѣсто въ прозаическомъ переводѣ г. Соколовскаго, весьма близкомъ къ подлиннику: «Часъ этотъ заключаетъ въ себѣ какое-то опасное безмолвіе, какую-то тишину, которая заставляетъ душу раскрываться, но лишаетъ ее способности самообладанія. Серебряный свѣтъ луны, озаряя деревья и башни, проливая красоту и нѣгу на все, дѣйствуетъ также на сердце, возбуждая въ немъ сладкое томленье, которое никакъ не можетъ назваться желаніемъ покоя».

Сравненіе съ подлинникомъ показываетъ, что за исключеніемъ «сладкаго томленья (loving languor»), переводчикъ не упустилъ ни одной существенной черты въ описаніи ночи и ея вліянія на сердце людей. Но лишь только поэтъ начинаетъ рисовать мелкими штрихами и вдается въ подробности, строфа переводчика дѣлается узкой въ сравненіи со строфой подлинника, переводчикъ принимается сокращать подлинникъ, замѣнять картину краткимъ описаніемъ, опускать характерныя черты, и въ результатѣ получается блѣдная и сокращенная копія, которая не производитъ и половины впечатлѣнія подлинника. Возьмемъ для примѣра стансу С первой пѣсни:

Отцовъ недальновидныхъ иногда
Случается, что дочери проводятъ
И достигаютъ цѣли безъ труда.
Что толку въ томъ, что съ дочерей не сводятъ
Родные глазъ? Случится ли бѣда,
Отцы въ негодованіе приходятъ
И, не виня оплошности своей,
Готовы проклинать своихъ дѣтей.

Насколько эта станса блѣднѣе, суше и бѣднѣе содержаніемъ, покажетъ сравненіе ея съ прозаическимъ переводомъ г. Соколовскаго: «Родители также по временамъ бываютъ близоруки. Глядя глазами рыси, они никогда не видятъ того, что уже давно подмѣтилъ съ злобной радостью свѣтъ, кто любовница у юнаго Гопфуля или любовникъ у миссъ Фанни. Но вдругъ какой-нибудь

несчастный случай открываетъ имъ все; ихъ двадцатилѣтніе планы разрушены, все перевернуто вверхъ дномъ: мамаша плачетъ, папаша проклинаетъ день своего рожденія и удивляется, на какой чортъ онъ произвелъ на свѣтъ такихъ наслѣдниковъ».

Бываютъ случаи — и ихъ не мало — когда вслѣдствіе сокращеній переводчика получается неясность. Таковы заключительные стихи CVIII стансы:

Не жди любви, какъ стукнетъ пятьдесятъ —
Тогда гиней полсотни просто кладъ.

Въ подлинникѣ:

At fifty love for love is rare, 't is true,
But then, no doubt, it equally as true is
A good deal may be bought for fifty Louis.

По-русски: «Справедливо, что въ пятьдесятъ лѣтъ трудно ждать любви за любовь, но безъ сомнѣнія не менѣе справедливо, что суррогатъ ея можно купить за пятьдесятъ луидоровъ». Очевидно, что здѣсь неясность произошла отъ того, что три стиха подлинника переданы по-русски двумя.

Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи другой примѣръ (Пѣснь IV, ст. XVII). Описывая любовь Гаиде и Д. Жуана, поэтъ восклицаетъ: «Дивная и столь же рѣдкая привязанность! Они любили другъ друга этой любовью, въ которой хочетъ потеряться сама душа, когда жизнь насъ утомляетъ, когда мы изнемогаемъ отъ всего, что видимъ и слышимъ въ этомъ старомъ мірѣ: отъ интригъ, пошлыхъ приключеній, страстишекъ, свадебъ, похищеній, въ которыхъ факелъ Гименея освѣщаетъ только позоръ лишней проститутки, позоръ, неизвѣстный только одному мужу»!

Всѣ старанія талантливаго переводчика передать эту пламенную стансу близко къ подлиннику не увѣнчались успѣхомъ; ее пришлось поневолѣ сокращать, а въ сокращеніи она утратила половину своей поэзіи.

Въ ихъ жилахъ кровь струилась *жгучей лавой*;
Любовь ихъ жгла огнемъ своихъ лучей;
Такой любви не знаетъ свѣтъ лукавый,
Что поражаетъ пошлостью своей;
Гдѣ поле для интригъ, гдѣ *жалки* нравы,
Гдѣ часто освѣщаетъ Гименей
Позоръ блудницы избраннаго круга,
Позоръ лишь скрытый для ея супруга.

Если приведенныя стансы Байрона теряютъ въ переводѣ г. Козлова половину своего глубокаго содержанія и своей поэзіи, то виной тому не одно несовершенство перевода, а обиліе содержанія въ англійской октавѣ, которая только въ немногихъ случаяхъ можетъ быть удачно передана меньшей по объему русской октавой. По нашему мнѣнію, единственное средство помочь горю — это перевести Донъ-Жуана десятистрочными стансами, съ тѣмъ, чтобы онѣ, подобно байроновскимъ октавамъ, заканчивались риѳмованнымъ двустишіемъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи два лишніе стиха, русскіе переводчики могли бы смѣлѣе вступить въ борьбу съ подлинникомъ, борьбу, которая при существующихъ условіяхъ всегда окажется неравной...

Къ недостаткамъ перевода первой пѣсни Донъ-Жуана слѣдуетъ отнести невѣрный тонъ, который взялъ переводчикъ въ описаніи любви Донъ-Жуана и Юліи. Упуcтивъ изъ виду, что Донъ-Жуанъ любилъ Юлію робкой и поэтической любовью шестнадцатилѣтняго юноши, переводчикъ то и дѣло употребляетъ выраженіе *сладострастье* (ст. XCIV), *клокотаніе страсти* (ст. XCV), *клокотаніе крови* (ст. CXII), о которыхъ нѣтъ и помину въ подлинникѣ. Равнымъ образомъ и Юлія является у него болѣе страстной и смѣлой, чѣмъ у Байрона; въ подлинникѣ она не сразу отдается нахлынувшей страсти и разсѣянный видъ ея обличаетъ борьбу съ мыслью, которой она не можетъ подавить (ст. CX); въ русскомъ же переводѣ говорится, что

Она его съ любовью созерцала,
Вся отдаваясь страсти мололой.

Въ переводѣ второй, третьей и четвертой пѣсней г. Козлову пришлось вступить въ борьбу съ такимъ талантливымъ и опытнымъ переводчикомъ, какъ покойный Д. Е. Минъ. Борьба эта ведется имъ съ перемѣннымъ успѣхомъ; есть стихи и цѣлыя строфы, которые удались г. Козлову лучше чѣмъ г. Мину, и наоборотъ.

Возьмемъ напримѣръ первые четыре стиха XV стансы второй пѣсни:

Don Juan had got many things to leave
His mother and a mistress and no wife,
So that he had much better cause to grieve,
Than many persons more advanced in life.

Г. Козловъ:

А Донъ-Жуанъ и съ матерью и съ милой
Разстался (не съ законною женой)!
Поэтому понятно, что уныло
Прощался онъ съ родимой стороной.

Г. Минъ:

А Донъ-Жуанъ покинулъ все: и мать
И милую (хоть не жену), на горе;
И такъ имѣлъ онъ больше правъ страдать
Чѣмъ кто иной пускающiйся въ море.

Здѣсь первые два стиха лучше переведены г. Козловымъ, не позабывшимъ отмѣтить, что въ глазахъ поэта разлука съ законной женой не могла принести столько горя какъ разлука съ милой; эта иронiя совершенно пропала у г. Мина, въ переводѣ котораго поэтъ повидимому удивлялся, что можно такъ горевать за незаконной женой, но за то два послѣднiе стиха переведены у Мина ближе къ подлиннику. Первые четыре стиха слѣдующей строфы вышли у г. Козлова лучше, главнымъ образомъ потому, что онъ правильно перевелъ *weeping Muse* эпите-

томъ *слезливая муза*, тогда какъ г. Минъ употребилъ въ этомъ случаѣ слово *капризный* только для того, чтобъ оно могло риѳмовать съ *отчизной*, и наоборотъ, смерть пьянаго камердинера Педро, угодившаго съ пьяныхъ глазъ, вмѣсто баркаса, въ океанъ, передана у г. Мина лучше. Г. Мину удалось придумать подходящій эпитетъ для англійскаго a wine-and watery grave

And so he found a wine-and watery grave.
(Ст. LVII).

Былъ взятъ онъ винно-водяной могилой,

оставленнаго безъ перевода г. Козловымъ, потому что нельзя же считать переводомъ не совсѣмъ понятный стихъ:

И утонувъ, вино водой разбавилъ.

Прилагая къ обоимъ переводчикамъ поэтическій критерій, можно сказать, что мѣста описательныя и драматическія лучше удаются г. Козлову, тогда какъ мѣста лирическія и описанія, требующія энергіи и сжатости выраженія, лучше выходятъ у г. Мина. Вотъ почему въ переводѣ прелестнаго эпизода о пребываніи Д.-Жуана на островѣ Пирата переводчики поочередно вырываютъ другъ у друга пальму первенства, пока она окончательно не остается въ рукѣ г. Мина, достигшаго въ переводѣ знаменитой пѣсни странствующаго поэта (въ III пѣсни) поразительной энергіи выраженія.

Не лишено интереса сопоставить двѣ строфы этой пѣсни въ переводѣ обоихъ переводчиковъ.

Г. Козловъ:

6.

Отрадно и то, что средь звона оковъ
Не въ силахъ мириться я съ рабскою долей...
Мнѣ больно и стыдно глядѣть на рабовъ;
Геройскаго духа не видно въ нихъ болѣ;
Поэтъ! не пробудишь ихъ лирой своей:
О Греціи плача, за грековъ краснѣй!

7.

Но краска стыда, но слеза или вздохъ
Помогутъ ли? Предки борьбою кровавой
Спасались отъ бѣдъ. О могила! хоть трёхъ
Верни намъ спартанцевъ, увѣнчанныхъ славой, —
И, полны надеждъ, вдохновенья и силъ,
Сроднимся мы съ громомъ другихъ Ѳермопилъ!

Г. Минъ:

6.

Нѣтъ, я горжусь и тѣмъ, что въ вѣкъ
Позора, горькой укоризны,
Могу еще, какъ древній грекъ,
Краснѣть за срамъ моей отчизны;
Краснѣть за грековъ въ тишинѣ
И плакать о родной странѣ.

7.

Но какъ же плакать и краснѣть
Въ странѣ героевъ богоравныхъ?
Земля, отдай намъ только треть,
Одну лишь треть спартанцевъ славныхъ!
О, пусть возстанутъ изъ могилъ
Для славы новыхъ Ѳермопилъ!

Если принять за критеріумъ сравненія впечатлѣніе, которое производятъ эти чудныя строфы въ переводѣ обоихъ поэтовъ, несомнѣнно, что переводъ г. Мина далеко оставитъ за собой переводъ г. Козлова, чему не мало способствуетъ употребленный г. Миномъ четырехстопный ямбъ, который порывистѣе и энергичнѣе волнообразнаго размѣра г. Козлова. Кстати замѣтимъ, что самъ Байронъ измѣнилъ въ этомъ случаѣ своему обычному размѣру и чтобъ придать болѣе жизни и движенія пѣсни поэта, изложилъ ее короткими стихами.

По мѣрѣ того, какъ г. Козловъ входитъ въ свой трудъ,

сживается съ манерой поэта, переводъ его становится лучше, ошибки противъ стиля рѣже. Пятая пѣснь, которой такъ восхищался Шелли, находя, что всякое слово въ ней носитъ на себѣ печать безсмертія, и шестая, въ которыхъ описывается продажа Д.-Жуана въ рабство и его пребываніе въ гаремѣ султана, переведены г. Козловымъ весьма удовлетворительно. Впрочемъ и въ нихъ попадаются неточности и неловкости, которыя слѣдуетъ отмѣтить. Такъ въ LV стансѣ V пѣсни въ описаніи гарема находятся такіе стихи:

Да кое-гдѣ изъ за портьеръ порой
Выглядывали женскія головки,
Что новизна смущала *обстановки.*

Слово *обстановка*, очевидно, вставлено сюда для риѳмы, ибо новизна обстановки не могла смутить султанскихъ женъ, постоянно жившихъ въ этой обстановкѣ; недоумѣніе читателя разрѣшается справкой съ подлинникомъ, гдѣ сказано что султанскія жены выглядывали изъ за портьеръ, удивляясь необычному для нихъ шуму. Въ CIX ст. той же пѣсни въ характеристику Гюльбеи вставлены переводчикомъ черты, о которыхъ ничего не знаетъ подлинникъ:

Въ ней гордость охлаждала сердца пылъ,
Рабы могли итти за нею слѣдомъ,
Но рабства гнетъ ей былъ самой невѣдомъ.

Вмѣсто этой тирады, въ подлинникѣ просто говорится, что въ ней кое-чего недоставало (въ смыслѣ женственности?), что она скорѣе готова была повелѣвать, чѣмъ уступать» (As if she rather ordered, than was granting).

Въ CXXXIX ст. встрѣчается странный стихъ:

Потомъ дать негру *порку въ знакъ привѣта,*

между тѣмъ какъ въ подлинникѣ сказано только: to sentence tha lash to Baba (имя негра).

Прекрасно переведенъ г. Козловымъ штурмъ Измаила— этотъ перлъ батальной поэтической живописи, составляющій содержаніе VII и VIII пѣсней. Приводимъ для примѣра извѣстную характеристику Суворова, мастерски переданную г. Козловымъ:

Молясь, остря, весь преданный причудамъ,
То ловкій шутъ, то демонъ, то герой,
Суворовъ былъ необъяснимымъ чудомъ.
За всѣмъ слѣдя, онъ планъ готовилъ свой
И ничего не оставлялъ подъ спудомъ.
Какъ арлекинъ, носясь передъ толпой,
Онъ міръ дивилъ то шуткой, то погромомъ
И былъ сегодня Марсомъ, завтра— Момомъ.

А вотъ еще прелестная станса, въ которой описывается смерть татарскаго хана, потерявшаго въ бою всѣхъ своихъ сыновей и пронзеннаго казачьей пикой:

Игрою увлеченъ воображенья,
Почувствовавъ въ груди конецъ копья,
Онъ прошепталъ «Аллахъ!» и въ то жъ мгновенье
Предъ нимъ сверкнула вѣчности заря,
И рай предъ нимъ, какъ свѣтлое видѣнье,
Предсталъ огнями яркими горя.
Пророки, дѣвы, ангелы, святые
Ему явились, свѣтомъ облитые. (Пѣснь VIII, ст. CXV).

Вообще вся вторая половина поэмы переведена удовлетворительнѣе, чѣмъ первая: стихъ течетъ плавнѣе, стиль выдержанъ лучше. Но чѣмъ она лучше въ цѣломъ, тѣмъ непріятнѣе дѣйствуетъ присутствіе прежнихъ погрѣшностей, отъ которыхъ и здѣсь не могъ освободиться г. Козловъ, хотя во всякомъ случаѣ онѣ находятся въ гораздо меньшемъ количествѣ. Укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ.

Въ LXXI стансѣ седьмой пѣсни отвѣтъ Джонсона Суворову совершенно переиначенъ переводчикомъ, по всей вѣроят-

ности для того, чтобъ заключить октаву эффектнымъ двустишіемъ. «Я знаю — говоритъ Джонсонъ — что ничто такъ не смущаетъ сердце героя въ битвѣ, какъ мысль объ оставленной семьѣ». Этотъ отвѣтъ превращается подъ рукой переводчика въ слѣдующую сентенцію:

Когда жена, какъ шмель, жужжитъ надъ ухомъ,
Храбрѣйшій воинъ можетъ падать духомъ.

Въ XXIII стансѣ девятой пѣсни Байронъ называетъ Петербургъ столицей неучей (boors), цивилизованныхъ Петромъ В., которые до сихъ поръ показали себя болѣе храбрыми, чѣмъ умными. Изъ патріотическихъ или ритмическихъ соображеній, но только г. Козловъ совершенно уничтожаетъ эту нелестную для насъ характеристику:

Герой моей поэмы (вашъ онъ тоже,
Надѣюсь я) отправленъ въ Петроградъ,
Что создалъ Петръ Великій, силы множа,
Чтобъ тьмою не былъ край его объятъ.

Въ LIX стансѣ X пѣсни, вслѣдствіе дурной разстановки словъ и необходимости сокращенія въ интересѣ риѳмы, прекрасная мысль поэта искажена до неузнаваемости. Вспоминая о Наполеонѣ I, Байронъ восклицаетъ: «И такой славы суждено было быть похороненной подъ снѣгомъ! Впрочемъ, если вы хотите согрѣться, проѣзжая черезъ Польшу, произнесите имя Косцюшка, которое можетъ, подобно Геклѣ, выбрасывать пламя среди льдовъ и снѣговъ». Въ переводѣ г. Козлова вышло что-то совсѣмъ непонятное:

Кто видѣлъ Польши свѣтлыя картины,
Тотъ знаетъ, что рождаетъ пламя ледъ,
Какъ только о Косцюшкѣ рѣчь зайдетъ.

Но все это еще не такъ важно. Гораздо важнѣе тѣ неточности и искаженія, которыя касаются задушевныхъ убѣжденій

поэта. Одну изъ оригинальныхъ чертъ поэмы Байрона, названной самимъ творцомъ эпосомъ новѣйшихъ временъ, составляетъ ея, такъ несвойственная эпосу, субъективность. Поэтъ пользуется всякимъ случаемъ, всякимъ подходящимъ жизненнымъ фактомъ, чтобъ по поводу его въ великолѣпныхъ лирическихъ отступленіяхъ раскрыть передъ читателемъ свою душу, высказать свои литературныя симпатіи, свои религіозныя, соціальныя, философскія и политическія убѣжденія. Вотъ почему при переводѣ этихъ мѣстъ нужно соблюдать особую точность. Нужно отдать справедливость г. Козлову, что онъ не мало потрудился въ этомъ отношеніи; большинство лирическихъ отступленій передано имъ красиво и точно; вспомнимъ, напримѣръ, хоть взглядъ Байрона на войну и военную славу, мастерски переданный г. Козловымъ:

Слезу страданья осушить съ любовью
Славнѣе, чѣмъ весь міръ забрызгать кровью.
(Пѣснь VIII, ст. III).

Но есть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ переводчикъ не справился съ своей задачей и приписалъ Байрону мысли, которыхъ онъ не раздѣлялъ.

Въ XXV и XXVI стансахъ IX пѣсни, особенно богатой лирическими отступленіями, Байронъ изложилъ сущность своихъ политическихъ убѣжденій, благодаря которымъ онъ въ свое время стоялъ одиноко среди политическихъ партій. Первая станса переведена г. Козловымъ удовлетворительно, но во второй онъ сдѣлалъ измѣненіе, вольное или невольное, но во всякомъ случаѣ не желательное. «Я хотѣлъ бы—говоритъ поэтъ—чтобы люди были одинаково свободны, какъ отъ тиранніи народа, такъ и отъ тиранніи королей, какъ отъ васъ, такъ и отъ меня. У г. Козлова напротивъ того Байронъ выставляется только противникомъ демагоговъ:

. . . . Зову свободу,
Но къ демагогамъ не пристану я,

Чтобъ равныя права имѣли всѣ мы,
Веду борьбу.

Когда знаешь, что Байронъ былъ поклонникомъ скептической философіи, хотя и сознавалъ ея недостатки, становится совершенно понятнымъ его заявленіе, что хотя и пріятно (It is a pleasant voyage) странствовать съ Пиррономъ по океану умозрѣнія, но вѣдь можетъ случиться, что туго натянутые паруса опрокинутъ лодку и т. д. Г. Козлову, неизвѣстно зачѣмъ, понадобилось смягчить и эту мысль:

Съ Пиррономъ мнѣ скитаться не съ руки,
По безднѣ мысли плавать безразлично,
Опасности отъ бурь тамъ велики и т. д.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о внѣшней формѣ перевода, о лексическомъ составѣ слога г. Козлова и объ его стихѣ. Къ нѣкоторымъ словамъ переводчикъ безспорно питаетъ какое-то трудно объяснимое пристрастіе. Особой симпатіей его, напр., пользуется эпитетъ *унылый* — наслѣдіе туманнаго романтизма — которое г. Козловъ употребляетъ и кстати и не кстати, въ большинствѣ случаевъ тамъ, гдѣ его на это не уполномочиваетъ подлинникъ. Вмѣсто *одинокій* крикъ пловца (a solitary shriek), онъ пишетъ *унылый* (пѣснь II, ст. LXIII); Гаиде склоняется надъ полумертвымъ Донъ-Жуаномъ *уныло* (въ подлинникѣ сказано просто: It was bending close over his); Лондонъ онъ называетъ *унылымъ* и страшнымъ городомъ (пѣснь X, ст. LXXXII — въ подлинникѣ нѣтъ ни того, ни другого эпитета); даже рѣзкій звукъ взводимаго курка (въ подлинникѣ quick jar) почему-то кажется ему *унылымъ* (пѣснь IV, ст. XLI). Неизвѣстно также почему г. Козловъ не разъ употребляетъ некрасивое слово *исчадье* (томъ I, стр. 186, и т. II, стр. 154 и т. д.) и избитый эпитетъ *жалкій*, въ выраженіяхъ *жалкій свѣтъ* (пѣсня I, ст. XIX), *жалкіе нравы* (пѣсня IV, ст. XVII). Мы тоже не особенно рекомендовали бы поэту упо-

треблять въ переводѣ иностранныхъ произведеній такія народныя слова и выраженія, которыя не получили еще пока права гражданства въ поэтическомъ языкѣ, напр. *безъ опаски*, *сердце билось шибко*, *кремень* въ смыслѣ человѣка твердаго характера. Повидимому, нѣтъ ничего дурного въ словѣ *кремень*, а между тѣмъ употребленное г. Козловымъ въ потрясающей сценѣ объясненія Гаиде съ своимъ отцомъ оно производитъ почти комическое впечатлѣніе:

Ты глухъ къ мольбамъ, ты жалость гонишь прочь,
Но если ты кремень — кремень и дочь (пѣсня IV, ст. XLII).

Что до стиха г. Козлова, то онъ въ большинствѣ случаевъ плавенъ и гибокъ, хотя нѣсколько вялъ. Нужно отдать справедливость г. Козлову, что онъ только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ глагольнымъ риѳмамъ, всегда готовымъ выручить поэтовъ, но къ сожалѣнію онъ не прочь прибѣгать къ помощи частицъ *ли*, *то*, *бы* и т. д., которыя не мало вредятъ благозвучію его стиха. Кромѣ того не мало вредитъ стиху г. Козлова неразборчивое употребленіе риѳмъ. Съ трудомъ вѣрится, чтобы у поэта, такъ владѣющаго стихомъ, какъ г. Козловъ, можно было встрѣтить жалкія и неуклюжія риѳмы въ родѣ *трясяся — мяса*, *моралистовъ — неистовъ*, *вѣще — зловѣщій*, *мечтательствъ — обстоятельствъ* и т. д. Иногда въ угоду риѳмѣ переводчикъ совершаетъ ужасныя вещи, заставляетъ поэта рвать на части любимыхъ женщинъ[1]), присоединяетъ къ Англіи цѣлыя страны

---

1) Пѣснь II, ст. CLXV:

Покинувъ свѣтъ, гдѣ я былъ моднымъ львомъ,
Не помню дамъ (мои остыли страсти!),
Съ которыми я прежде былъ знакомъ,
Забылъ и тѣхъ, которыхъ *рвалъ на части*.

Въ подлинникѣ это выражено пословицей:

Where I line other dogs have had my day,

соотвѣтствующей французскому выраженію: «j'aï eu mes beaux jours aussi» и русскому: «были и у меня красные дни».

(пѣснь I, ст. CXXXII), не щадитъ падежей, насилуетъ склоненія (пѣснь II, ст. CXCVI, стихъ 8; пѣснь X, ст. LIII, стихъ 2 и т. п.).

Указанные нами недостатки перевода г. Козлова не умаляютъ его значенія, тѣмъ болѣе, что они съ избыткомъ уравновѣшиваются многими положительными достоинствами, о которыхъ мы не распространялись, такъ какъ они чувствуются всякимъ читателемъ. Какъ произведеніе художественное, въ которое поэтъ-переводчикъ положилъ столько таланта, труда и любви, переводъ Донъ-Жуана, сдѣланный г. Козловымъ, заслуживаетъ, по моему мнѣнію, почетнаго отзыва или даже половинной Пушкинской преміи».

Мнѣ остается дополнить разборъ проф. Стороженка приведеніемъ такого отрывка изъ разсмотрѣннаго имъ труда, который могъ бы дать понятіе объ общемъ характерѣ перевода г. Козлова. Беру начало той самой пѣсни (VII), которую наиболѣе похвалилъ рецензентъ и которая представляетъ для насъ особенный интересъ описаніемъ взятія Измаила.

Любовь и слава — шаткія опоры...
О нихъ твердятъ, но рѣдко предъ собой
Мы видимъ ихъ; онѣ, какъ метеоры,
Проносятся, плѣняя насъ красой;
Мы тщетно обращаемъ къ небу взоры,
Чтобъ видѣть ихъ, и путь свой ледяной,
Мгновенье озарённый ихъ лучами,
Мы продолжаемъ, скованы цѣпями.

Какъ жизнь, разнообразенъ мой романъ;
Съ нимъ сходенъ свѣтъ полярнаго сіянья,
Ласкающаго лёдъ далёкихъ странъ.
Не всё жъ свои оплакивать страданья,
И такъ какъ жизнь — лишь горестный обманъ,
Чтó можетъ привести въ негодованье,

И выставка пустая, то не грѣхъ
Дарить всему на свѣтѣ только смѣхъ.

И что-жъ? *Меня*, творца поэмы этой,
Со всѣхъ сторонъ озлобленно язвятъ
За то, что я не вѣрю правдѣ свѣта
И зло во всёмъ какъ будто видѣть радъ;
Безжалостно на части рвутъ поэта...
Я не пойму, чего они хотятъ:
О томъ же Данте говорилъ со стономъ
И Сервантесъ съ премудрымъ Соломономъ.

Земную жизнь не цѣнятъ высоко
Платонъ, Свифтъ, Лютеръ, Тилотсонъ и Весли,
Руссо, Макіавель, Ла-Рошфукó...
Меня и ихъ винить возможно ль, если
Съ судьбою намъ мириться не легко?
Коль правы мы, отвѣтъ за это несть ли?
Къ тому жъ, ни вамъ, ни мнѣ не разрѣшить,
Чтó лучше: вѣкъ окончить, или жить.

Сократъ сказалъ, что наши всѣ познанья
Лишь шаткость ихъ доказываютъ намъ;
Поэтому имѣемъ основанье
Всѣхъ мудрецовъ приравнивать къ osламъ;
Великій Ньютонъ, тайны міозданья
Открывшій людямъ, сознаётся самъ,
Что къ правдѣ путь для смертныхъ не проложенъ
И что предъ ней онъ жалокъ и ничтоженъ.

Екклезіастъ гласитъ: «всё суета»;
Духовные отцы не разъ на дѣлѣ
Доказывали намъ, что не мечта
Подобный взглядъ. Поэты часто пѣли
О томъ, что жизнь ничтожна и пуста,
И мудрецы согласны съ ними. Мнѣ ли

Поэтому, во избѣжанье ссоръ,
Скрывать о жизни строгій приговоръ!

О, люди или псы! (За честь считайте,
Что мною вы со псами сравнены!
Вы хуже ихъ!) Въ моей поэмѣ, знайте,
Что по заслугамъ вы оцѣнены;
На Музу, сколько вамъ угодно, лайте;
Ей ваши крики вовсе не страшны,
Какъ волчій вой лунѣ. Всё Муза свѣтитъ
И вашей злобы даже не замѣтитъ.

«Я вдохновлёнъ любовью и войной».
(Цитата не вѣрна; боясь споровъ,
Въ томъ сознаюсь, но смыслъ ея такой.)
И вотъ съ обоихъ не свожу я взоровъ,
И васъ прошу послѣдовать за мной
Въ тотъ городъ осаждённый, чтó Суворовъ
Со всѣхъ сторонъ искусно обложилъ.
Какъ альдермэнъ мозги [1]), онъ кровь любилъ.

Построенный на отмели Дуная,
Въ восточномъ стилѣ, городъ Измаилъ
Стоялъ, весь лѣвый берегъ защищая,
И крѣпостью перворазрядной былъ,
Но крѣпость ту постигла участь злая:
Разбивъ враговъ, её Суворовъ срылъ.
Вёрстъ шесть считалось крѣпостного вала;
Она жъ отъ моря въ ста верстахъ стояла.

Предмѣстье помѣщалось съ нею въ рядъ
Хотя фортификаціи законы
Такъ размѣщать построекъ не велятъ.
Въ защиту стѣнъ какой-то грекъ учёный

1) Marrow — англійское національное блюдо изъ бычачьихъ мозговъ.

Возвёлъ искусно массу палисадъ
И тѣмъ ослабилъ средства обороны.
Онъ ими наносилъ лишь вредъ себѣ,
Врагамъ давая перевѣсъ въ стрѣльбѣ.

Хочу воспѣть, войны и славы богъ,
Я храбрыхъ русскихъ, къ приступу готовыхъ!
Я былъ бы радъ, коль описать бы могъ
Дѣла людей, въ цивилизацьи новыхъ.
Ахиллъ, въ крови отъ головы до ногъ,
Не могъ страшнѣе быть бойцовъ суровыхъ,
Чьи имена полны слоговъ такихъ,
Что невозможно выговорить ихъ.

Поэтому имёнъ прервалъ я нить,
Которыхъ даже молвить трудъ чертовскій;
Подумайте: легко ль въ стихи вклеить
Фамиліи на: *ишкинъ*, *ускинъ*, *овскій!*
Всё жъ объ иныхъ я долженъ говорить.
Шихматовъ, Шереметевъ, Разумовскій,
Куракинъ, Мусинъ-Пушкинъ были тамъ,
Погибель и позоръ суля врагамъ.

То были люди чести и совѣта,
Которымъ былъ извѣстенъ къ славѣ путь;
Ни муфтіевъ они, ни Магомета,
Конечно, не страшилися ничуть
И были бы готовы — вѣрно это
Ихъ шкурой барабаны обтянуть,
Явися вдругъ нужда въ телячьей кожѣ,
Иль, при покупкѣ, стань она дороже.

Мы сожалѣемъ, что правила о Пушкинскихъ преміяхъ не позволили комиссіи быть щедрѣе въ раздачѣ ихъ на нынѣшнемъ конкурсѣ. Къ строгости въ оцѣнкѣ представляемыхъ на эти

преміи произведеній обязываетъ судей самое имя того, въ чью память они учреждены. Нельзя не признать, что между подлежавшими нашему разсмотрѣнію трудами были такіе, которые отличались весьма существенными достоинствами, но представляя и крупные недостатки, они не могли соединить въ свою пользу требуемаго положеніемъ числа голосовъ. Академія высоко цѣнитъ ту обязательную готовность, съ какою приглашенные ею литераторы приняли участіе въ обсужденіи внесенныхъ на конкурсъ трудовъ, и въ изъявленіе своей благодарности присудила золотыя пушкинскія медали слѣдующимъ лицамъ: доценту Крону, профессору Стороженку, Я. П. Полонскому и Л. И. Поливанову.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLVI, № 6.

РАЗЫСКАНІЯ
ВЪ
ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.
XI—XVII.

Академика А. Н. Веселовскаго.

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1889.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1889 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

XI.

ДУАЛИСТИЧЕСКІЯ ПОВѢРЬЯ О МІРОЗДАНІИ.

(Посвящается Вл. Вл. Каллашу.)

Извѣстный эпизодъ великорусскаго духовнаго стиха о Голубиной книгѣ, источники котораго давно указаны, представляетъ рядъ отвѣтовъ на вопросы: откуда взялся у насъ свѣтъ, солнце и мѣсяцъ, звѣзды и громы, роса и дробенъ дождикъ и т. п. Все это отъ Господа: отъ очей, лица, ризъ, слезъ, думъ Божіихъ и т. п. За этимъ слѣдуетъ вопросъ о созданіи человѣка, примыкающій по плану къ апокрифической статьѣ о сотвореніи Адама изъ восьми частей. Отвѣтъ, сохранившійся лишь въ нѣсколькихъ записяхъ стиха, совпадаетъ вообще, за вычетомъ образности, съ библейскимъ представленіемъ: тѣло отъ персти (кости отъ камня, тѣлеса отъ сырой земли, кровь отъ черна моря), но

> У насъ умъ-разумъ самого Христа,
> Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ.

Рядомъ съ этимъ монотеистическимъ взглядомъ на космо- и антропогонію сохранился среди славянскихъ народностей и другой, дуалистическій. Отраженіе его давно усматривали въ слѣдующей галицкой колядкѣ:

> Коли не было з-нещада світа;
> (Колись-то было з початку світа)
> Подуй-же, подуй, Господи,
> Изъ Святымъ Духомъ по земли'

Тогди не было неба, ни земли
Ано лемъ было синое море,
А средъ моря зеленый явіръ (два дубойки),
На яворойку два (s. Б; А—три) голубойки,
Два (А. три) голубойки радойку радятъ,
Радойку радятъ, якъ світъ сновати.
«Та спустиме ся на дно до моря
(Вынесеме си дрібного піску,
Дрібного піску, синёго каміньця;
Дрібный пісочокъ посіеме мы,
Сині каменець подунеме мы (А. Золотый камінь посіеме мы):
Зъ дрібного піску — чорна землиця,
Студена водиця, зелена травиця;
Зъ синёго камінця — синее небо)
Світле сонейко, ясенъ місячокъ....
Ясна зірниця, дрібны звіздойки [1])

Какъ въ одномъ варіантѣ этой колядки являются три, а не два голубя, такъ въ другомъ удержана та-же тройственность, но вмѣсто голубей выведены въ томъ-же актѣ Христосъ и ап. Петръ и Павелъ [2]):

Якъ то було спрежде віка,
Зачатье світа,
Выгравало синее море,
На синёму морі
Стаяло три явори,
На тіхъ яворахъ
Три крислечки,
На першому криелі
Самъ Господь седить,

[1]) Головацкій, Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, Т. II, стр. 5, № 7, Сяноцкаго округа = А; Костомаровъ, Объ историческомъ значеніи Русск. нар. поэзіи, Харьковъ 1843, 66 (изъ тѣхъ же мѣстъ) = Б. Сл. Nowosielski, Dziennik Warszawski 1854 № 99 (Сл. Kolberg, Pokucie I, стр. 348—9). Текстъ сообщается по Потебнѣ, Объясненія малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, II Колядки и щедровки, стр. 738—9 (заимствованное изъ Б поставлено въ скобки). См. ту-же колядку у Шафарика, Narodopis, 1842, стр. 157 (= А.).

[2]) Nowosielski, Lud ukraiński II 103—104.

На другимъ крислі
Святый Петро,
На третимъ крислі
Святый Павло.
Рече Господь до Святого Петра:
«Порни, Петре, на дно въ море,
Достань, Петре, жовтого піску,
Та посій по всёму світу,
Сотвори, Петре,
Небо и землю,
Небо съ звіздами,
Землю зъ квітами.
Петро порнувъ и дна не доставъ,
И піску не взявъ,
И світа не сіявъ,
Не сотворивъ Петро
Ни неба, ни земли,
Ни неба зъ звіздами,
Ни земли зъ квітами.

Также неудачно ныряетъ ап. Павелъ.

Порнувъ самъ Господь на дно въ море,
Доставъ Господь жовтого піску,
Та посіявъ по всёму світу,
Сотворивъ самъ Господь
Небо и землю,
Небо зъ звіздами,
Землю зъ квітами.

Колядкой о двухъ голубяхъ началъ Эрбенъ [1]) свой небольшой сборникъ славянскихъ разсказовъ о созданіи свѣта. Съ тѣхъ поръ свѣдѣнія о нихъ настолько расширились и обогатились [2]), что представляется любопытной задачей — пересмотрѣть ихъ въ

[1]) Erben, Bajé slovanská o stvoření světa, въ Časopis Musea královstvi českého 1866, стр. 35 слѣд.

[2]) Сл. библіографію въ моихъ Славянскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 164, прим. 1; Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, 2-e Aufl., стр. 782, прим. 1. Частныя указанія сл. въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ.

совокупности въ виду вопросовъ, поднимаемыхъ самымъ повѣрьемъ. Эрбенъ считалъ его исконнымъ славянскимъ [1]); онъ-же, О. Миллеръ [2]) и Афанасьевъ [3]) даютъ ему непосредственно миѳологическое объясненіе; Кастренъ [4]) склоненъ былъ предположить, по поводу аналогическихъ восточно-финскихъ повѣрій, что они могли быть заимствованы изъ Библіи; другіе (въ томъ числѣ и я) [5]) усматривали въ славянскихъ легендахъ отраженіе богомильскаго ученія, приписывавшаго сотвореніе міра совокупному творчеству Бога и дьявола. Проф. Юлій Кронъ [6]), недавно пересмотрѣвшій этотъ вопросъ по поводу космогоническаго миѳа Калевалы, склоняется къ тому, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ финско-угорскимъ, даже урало-алтайскимъ древнимъ повѣрьемъ: именно на востокѣ, среди финскихъ и, спеціальнѣе, волжскихъ племенъ оно сохранилось въ большей цѣлостности, хотя не безъ вліянія христіанскихъ элементовъ; славяне переняли его и удержали въ менѣе ясныхъ очертаніяхъ, напр. сербы. — Еще не познакомившись съ работой покойнаго Крона, любезно доставленный мнѣ въ корректурныхъ листахъ его сыномъ Карломъ Кроломъ, доцентомъ Гельсингфорсскаго университета, я пришелъ къ аналогическимъ заключеніямъ: о возможныхъ финскихъ основахъ распространеннаго среди славянъ космогоническаго миѳа. Въ подробностяхъ изслѣдованія, равно какъ и въ его выводахъ я расхожусь съ почтеннымъ фольклористомъ, такъ безвременно похищеннымъ у науки.

На первый разъ устранимъ кажущееся разногласіе воззрѣнія: народный (финскій, славянскій)—или захожій, богомильско-христіанскій миѳъ. Одинъ взглядъ не исключаетъ другого, какъ ни противоположными они представляются. Богомильство не было самостоятельнымъ религіознымъ толкомъ, его дуализмъ

---

[1]) Erben, l. c. стр. 45.

[2]) Опытъ истор. обозрѣнія русск. словесности, I 37.

[3]) Поэт. воззрѣнія Славянъ на природу, II 460 слѣд.

[4]) Castren, Finsk Mythologi, стр. 300.

[5]) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ стр. 164.

[6]) J. Krohn, Finska litteraturens historia I, стр. 175.

восходитъ къ ученію манихеевъ и павликіанъ, его миѳъ о мірозданіи напоминаетъ древне-иранскія представленія о совмѣстномъ, враждебномъ другъ другу творчествѣ Ормузда и Аримана[1]), но *внѣшнія* формы миѳа могли быть мѣстныя, народныя. Были-ли онѣ исконно-славянскими? Этническій составъ населенія балканскаго полуострова, гдѣ развилась и долго гнѣздилась ересь, не исключаютъ предположенія, что въ его космогоническихъ преданіяхъ сохранились слѣды другого, можетъ быть, не арійскаго міросозерцанія. Но это лишь одна изъ многихъ возможностей, осложняющихъ рѣшеніе вопроса. Встрѣчая дуалистическія легенды о созданіи міра на почвѣ Россіи мы можемъ двоиться въ объясненіи ихъ сходства, напр. съ болгарскими: можемъ говорить о пра- или до-славянскомъ вѣрованіи, одинаково или сходно отразившемся тамъ и здѣсь, но съ такимъ же правомъ о воздѣйствіи на народную фантазію тѣхъ отреченныхъ легендъ въ духѣ богомильства, которыя, явившись на славянскомъ югѣ выраженіемъ еретическаго вѣроученія, распространились и далѣе вмѣстѣ съ памятниками южно-славянской церковно-учительной письменности. Та-же двойственность рѣшенія, и еще болѣе принципіальная, представляется и въ слѣдующемъ: дуалистическія сказки о мірозданіи записаны были у нашихъ инородцевъ; откуда взялись онѣ? Мы сообщимъ ихъ прежде чѣмъ привести славянскіе апокрифы того-же содержанія и народныя къ нимъ параллели.

I.

Горные *черемисы* казанскаго края[2]) вѣрятъ въ два главныхъ и собезначальныхъ божества: благое Юма и злое Кереметь, ко-

---

[1]) Сл. A. Darmesteter, Essais orientaux: Les cosmogonies ariennes, стр. 171 слѣд.

[2]) Сл. Казанская губернія Лаптева, стр. 485; Этнографическій Сборникъ, 1858, IV, 210—211; тамъ-же, V, 41 (выписка изъ Вятскихъ вѣдомостей); Знаменскій, Горные Черемисы Казанскаго края, Вѣстникъ Европы 1867, Дек. стр. 48—9; сл. ib. 40, 43 (сотвореніи земли Юмой), 51—52; Бехтеревъ, Вотяки, Вѣстн. Евр. 1880, Сент. 168—9. Сл. Ermans Archiv. f. wissenschaftliche Kunde v. Russland, XVII B. 1-es Heft (1858), стр. 387—8 (перев. статьи Вишневскаго въ Вѣстн. Имп. Геогр. Общества).

торый является младшимъ братомъ перваго, но также вѣченъ, какъ и онъ. При началѣ міра Кереметь хотѣлъ дѣлать тоже, что и Юма, но по безсилію могъ только портить созданное старѣйшимъ братомъ. Когда Юма пожелалъ сотворить сушу, онъ приказалъ Кереметн, который плавалъ по морю въ видѣ селезня, достать изъ подъ воды горсть земли; Кереметь досталъ, но отдавая принесенную землю, часть ея удержалъ во рту. Юма дунулъ на горсть земли и велѣлъ ей покрыть собою воды; воля его тотчасъ исполнилась. Тогда и Кереметь сталъ выплевывать утаенную часть земли, и гдѣ плевалъ, тамъ возникали горы и скалы. Затѣмъ Юма принялся высѣкать молотомъ искры изъ камня — и полетѣли *сакчи* (шукчіи); Кереметь подсматривалъ за нимъ въ это время, и когда Юма уснулъ, онъ также сталъ высѣкать искры, и полетѣли его собственные сакчи — *шайтаны*. Такъ объясняется происхожденіе добрыхъ и злыхъ духовъ; послѣдніе, сверженные съ неба, распредѣлились по разнымъ частямъ міра и объявились мѣстными кереметями, водяными шайтанами, яръ-вадышами (озерными водяными) и т. п.—Къ этому пристраивается разсказъ о сотвореніи Юмой тѣла перваго человѣка и попыткѣ Кереметя испортить его. Воспользовавшись тѣмъ, что Юма ходилъ на небо за душой человѣку, Кереметь оплевалъ его тѣло съ ногъ до головы, такъ что Юма и вычистить уже не могъ, а просто взялъ да выворотилъ на-изнанку, отчего внутренность человѣка осталась поганою. Тутъ же Юма проклялъ и собаку, которая приставлена была караулить человѣка, за то, что она, не стерпя холода, напущеннаго Кереметемъ, соблазнилась на шубу, которую онъ ей посулилъ, и допустила его до человѣка. Кереметь далъ ей шерсть, а до того она была голая.

Отъ нищихъ калѣкъ, поющихъ свои стихи по деревнямъ, отъ раскольниковъ, живущихъ около черемисскихъ деревень въ Козмодемьянскомъ и Васильевскомъ уѣздахъ, черемисы заимствовали много апокрифическихъ сказаній, которыми они охотно воспоминаютъ свою скудную мифологію, говоритъ (l. c. стр. 48)

г. Знаменскій. Изъ такого источника могла зайдти къ нимъ и дуалистическая сказка о мірозданіи, въ уровень съ дуализмомъ ихъ собственной миѳологіи, впрочемъ, слабо развитомъ (l. c. стр. 51). Повѣрку этого взгляда могли бы дать сходные разсказы, записанные у луговыхъ черемисовъ, почти не тронутыхъ христіанствомъ и русской цивилизаціей (l. c. стр. 30).

По сказаніямъ *Мордвы* [1]) верховный Богъ, Чамъ-Пасъ [2]) сотворилъ всё видимое и невидимое; отъ него происходитъ одно только добро, но чтобы люди не забывались, онъ попустилъ Шайтану [3]) сотворить злыхъ духовъ и посадилъ ихъ въ болотахъ и омутахъ. Шайтанъ, представитель злого начала, является созданіемъ Чамъ-Паса, точно также какъ и Анге-Патяй (мать богиня), доброе божество, источникъ жизни, чадородія и плодородія на землѣ. Она родила четырехъ боговъ и четырехъ богинь, желала какъ можно скорѣе наполнить весь міръ добрыми божествами, чтобы, не говоря уже о людяхъ, при каждомъ деревцѣ, при каждой травкѣ присутствовалъ добрый духъ, который бы охранялъ созданія Чамъ-Паса отъ козней Шайтана. Она обратилась съ просьбой объ этомъ къ отцу своему; Чамъ-Пасъ далъ ей огниво, сынъ ея, Нишки-Пасъ (богъ неба, солнца, огня и свѣта), принесъ ей кремней. Анге-Патяй стала ударять огниво о кремень, и сколько при этомъ вышло искръ, столько явилось добрыхъ духовъ ӧзаисовъ. Шайтанъ увидалъ, что дѣлаетъ Анге-Патяй, взялъ изъ земли два кремня (огнива ему негдѣ было взять, ибо оно получено было матерью боговъ отъ Чамъ-Паса) и также сталъ высѣкать огонь. Сколько вылетѣло искръ, столько произошло и злыхъ духовъ. И до сихъ поръ Анге-Патяй и

---

[1]) Сл. Мельниковъ, Очерки Мордвы, Русскій Вѣстникъ 1867, т. 71-й, стр. 218; 222; 224; 219—221; 228—233.

[2]) Иначе: Пасъ (у Эрзи), либо Шкабо-васъ или Шкай (у Мокши. Сл. Н. Смирновъ, Мордовское населеніе Пензенской губерніи, Пенз. эпарх. вѣдомости 1874 г. № 3, стр. 97), Вярдя — шкай (Древн. и Нов. Россія, 1881, Мартъ, Дубасовъ, Истор. извѣстія о Мордвѣ, населяющей Тамбовскую губернію, стр. 593).

[3]) Иначе: Мастеръ-Пасъ. Сл. Смирновъ, l. c. 98.

Шайтанъ высѣкаютъ огонь, и отъ этого съ каждымъ днемъ умножаются какъ добрые, такъ и злые духи.

Другіе разсказы противополагаютъ, въ дѣлѣ творенія, Шайтана самому Чамъ-Пасу. Однажды, когда ничего еще не было на свѣтѣ, кромѣ одной воды, плылъ Чамъ-Пасъ на камнѣ и размышлялъ самъ съ собою, какъ сотворить видимый міръ. Нѣтъ у меня ни брата, ни товарища, съ кѣмъ-бы я могъ посовѣтоваться; при этихъ словахъ онъ плюнулъ съ досады въ море. Слюна обратилась въ огромный бугоръ и поплыла за нимъ; Чамъ-Пасъ ударилъ по немъ жезломъ, изъ него выскочилъ Шайтанъ и сказалъ: Ты жалѣешь, Господи, что нѣтъ у тебя ни брата, ни товарища, съ кѣмъ бы тебѣ подумать и посовѣтоваться о сотвореніи міра; я, пожалуй, радъ быть твоимъ братомъ. Чамъ-Пасъ обрадовался и сказалъ: «Ну, хорошо, будь мнѣ хоть не братомъ а товарищемъ. Давай творить землю. Изъ чего же мы её сдѣлаемъ? Вѣдь кромѣ воды нѣтъ ничего». Шайтанъ молчитъ, не знаетъ изъ чего землю сдѣлать. «Нырни, товарищъ, въ море-окіанъ, на днѣ есть песокъ, принеси его немного, изъ него и сдѣлаемъ землю». — А я только что хотѣлъ это самое сказать, братецъ, перебилъ Шайтанъ, потому что не хотѣлъ показать Чамъ-Пасу, что тотъ выше его и знаетъ больше, и все называлъ его братцемъ, хотя Чамъ-Пасъ взялъ его только въ товарищи. «Такъ ступай же на дно, принеси песку, да смотри, какъ станешь брать песокъ, помяни имя мое». Шайтанъ погрузился на дно, но по гордости не захотѣлъ помянуть имя Чамъ-Паса, а помянулъ свое; тогда изъ-подъ дна морскаго вышло пламя и обожгло его, и онъ не могъ взять ни одной песчинки. Обожженный вынырнулъ онъ на поверхность моря, говоритъ Чамъ-Пасу о своей неудачѣ; тотъ велитъ ему спуститься снова, но и на этотъ разъ тотъ-же неуспѣхъ. Въ третій разъ спустился Шайтанъ и боясь, чтобы пламя совсѣмъ его не спалило, помянулъ имя Чамъ-Паса и безъ всякой помѣхи набралъ полонъ ротъ песку. Вынырнувъ на поверхность моря, онъ отдалъ песокъ Чамъ-Пасу, но часть его утаилъ у себя за щекой; думаетъ: пусть братъ мой творитъ

свою землю, а я сотворю свою. Чамъ-Пасъ сталъ разбрасывать по морю песокъ, и онъ, увеличиваясь, дѣлался землею; но по мѣрѣ того выростали и песчинки, оставшіяся за щекой у Шайтана; отъ того голова у него разрослась въ огромную гору. Отъ нестерпимой боли Шайтанъ заревѣлъ и покаялся Чамъ-Пасу, что утаилъ часть земли; Чамъ-Пасъ ударилъ его жезломъ по головѣ и велѣлъ выплевывать песокъ; тотъ дѣлалъ это такъ сильно, что жидкая, еще не окрѣпшая земля отъ того поколебалась, отчего произошли ямы, овраги и долины, а изъ песку, который онъ извергъ, образовались бугры, холмы и горы. «Не можешь ты быть мнѣ товарищемъ, говоритъ ему Чамъ-Пасъ: ты золъ, а я добръ, будь-же ты проклятъ и ступай подъ дно морское, въ преисподнюю, въ тотъ самый огонь, что опалилъ тебя за гордость; сиди тамъ и мучься на вѣки вѣковъ». По другимъ мордовскимъ сказаніямъ проклятіе Шайтана вызвано его гордыней: онъ пожелалъ стать на мѣсто творца: «Чамъ-Пасъ, сказалъ онъ ему, ты уже старъ, тебѣ пора на покой, а я молодъ; такъ сиди ты на своемъ мѣстѣ и спи, а я одинъ буду управлять міромъ, который мы сотворили».

Разгнѣванный на Чамъ-Паса Шайтанъ старается испортить всё доброе, имъ созданное: такъ на чистое, голубое небо онъ набросалъ черныхъ тучъ; Чамъ-Пасъ не очистилъ неба отъ тучъ, но вложилъ въ него плодотворный дождь. Онъ создалъ рѣки съ гладкою, свѣтлою поверхостью; Шайтанъ напустилъ на нихъ вѣтры и произвелъ на нихъ волненія, но Чамъ-Пасъ построилъ барку, сдѣлалъ руль и весла, сшилъ парусъ и научилъ людей судоходству. Когда Чамъ-Пасъ захотѣлъ сотворить сушу, а воды въ это время были уже созданы, то увидалъ, что Шайтанъ въ видѣ утки плаваетъ по морю. Чамъ-Пасъ велѣлъ ему нырнуть на морское дно и достать оттуда немного земли. Шайтанъ нырнулъ, досталъ земли, но отдалъ Чамъ-Пасу не всю, немного удержавъ у себя во рту. Чамъ-Пасъ изъ принесенной со дна моря земли сотворилъ сушу, и она вышла гладкая, ровная; Шайтанъ набросалъ на нее оставшейся у него во рту

земли, отчего образовались горы, камни, овраги, но Чамъ-Пасъ исправилъ эту порчу, положивъ въ горы золота, серебра, желѣза и драгоцѣнныхъ камней. Изъ накиданныхъ Шайтаномъ каменьевъ онъ научилъ людей дѣлать мельничные жернова, а овраги наполнилъ водою, отчего произошло множество рѣчекъ. Чамъ-Пасъ создалъ землю, покрытую прекрасными деревьями, Шайтанъ поднялъ бурю, которая повалила ихъ множество; оставшіеся отъ того пустыя мѣсто Чамъ-Пасъ обратилъ въ пашни и луга и научилъ людей землепашеству и сѣнокошенію. Когда онъ слѣпилъ человѣка изъ глины и ушелъ на нѣкоторое время въ другое мѣсто для соторенія души, онъ приставилъ собаку караулить тѣло, чтобы Шайтанъ не испортилъ его. А собака была прежде животное чистое и на ней шерсти не было. Шайтанъ напустилъ страшный морозъ, такъ что собака едва не замерзла; онъ предложилъ ей одѣть её шерстью и за то допустить къ тѣлу еще бездушнаго человѣка. Та согласилась. Шайтанъ оплевалъ всего человѣка, отъ чего произошли болѣзни; потомъ сталъ вдыхать въ него свое злое дыханіе. Чамъ-Пасъ прогналъ Шайтана, собакѣ велѣлъ навсегда носить нечистую шерсть, а тѣло человѣка выворотилъ на изнанку, но болѣзни, происшедшія отъ Шайтановой слюны, все-таки остались въ немъ. Потомъ, вдунувъ въ человѣка доброе свое дыханіе, оставилъ его. Оттого въ человѣкѣ и остались наклонности и къ добру и къ злу; оттуда предложеніе Шайтана Чамъ-Пасу: въ человѣкѣ половина души моей, половина твоей; раздѣлимъ всѣхъ людей пополамъ, пусть одни будутъ твои, другіе мои. Чамъ-Пасъ прогналъ Шайтана, а чтобы люди не стали его добычей, одарилъ ихъ разумомъ, научилъ различать хорошее отъ дурного. Шайтанъ съ досады сталъ творить свои созданія: злыхъ духовъ и болѣзни, такихъже злыхъ духовъ, которыхъ напустилъ на людей.

Иначе разсказываютъ, что человѣка хотѣлъ сотворить не Чамъ-Пасъ, а Шайтанъ: собралъ глины, песку и земли отъ семидесяти семи странъ свѣта, но слѣпить благообразное тѣло не могъ: то слѣпитъ свиньей, то собакой, то гадомъ; а ему хо-

тѣлось сотворить человѣка по образу и подобію Божію. Позвавъ птичку-мышь онъ сказалъ ей: Лети ты на небо, тамъ у Чамъ-Паса полотенце виситъ; когда онъ въ баню ходитъ, тѣмъ полотенцемъ обтирается; виситъ оно у него на гвоздикѣ, заберись ты въ одинъ конецъ полотенца, свей гнѣздо, разведи дѣтей, чтобъ одинъ конецъ полотенца сталъ тяжелѣй и упалъ-бы ко мнѣ на землю. Летучая мышь такъ и сдѣлала; Шайтанъ обтеръ полотенцемъ слѣпленнаго имъ человѣка, который получилъ образъ и подобіе Божіе, но вложить въ него живую душу онъ не могъ. Когда Господь оживилъ его, Шайтанъ вступаетъ съ нимъ въ споръ: и на его долю изъ человѣка надобно что-нибудь ему дать. Рѣшили такъ: образъ и подобіе отъ моего полотенца, сказалъ Чамъ-Пасъ, и душа моя, а тѣло пусть будетъ твое. А птичку-мышь Чамъ-Пасъ наказалъ за службу Шайтану: отнялъ у нея крылья и приставилъ голый хвостъ, такъ-же какъ у Шайтана, и далъ такія-же лапы, какъ и у него.

Присоединимъ къ этому мордовское сказаніе о грѣхопаденіи первыхъ людей. Они находились въ блаженномъ состояніи, всѣ были богаты, и имущество у всѣхъ было ровное. Чамъ-Пасъ послалъ имъ для управленія сына своего Нишки-Паса, который жилъ на землѣ въ образѣ человѣка и помогалъ людямъ во всемъ, научая ихъ добру; не было между ними ни ссоръ ни вражды, пока Шайтанъ не явился къ одному старику и не подалъ ему вѣтку одного неизвѣстнаго дотолѣ растенія: пусть посадитъ его, только не сказываетъ Нишки-Пасу. Выросъ хмѣль; снова явился Шайтанъ, научилъ старика дѣлать пиво и медъ, а изъ муки курить вино. Отъ этого произошло пьянство, явились вражды и ссоры; Нишки-Паса, увѣщевавшаго отстать отъ вина, лишили начальства, и, по наущенію Шайтана, убили до смерти, но онъ всталъ и вознесся на небо, сказавъ убійцамъ своимъ: Не хотѣли вы со мной въ добрѣ жить, теперь безъ меня вамъ будетъ хуже. Тотчасъ-же солнце стало свѣтить и грѣть въ семь разъ меньше, зима стала въ семь разъ суровѣе, земля стала требовать усиленнаго удобренія и труда, да и то давала урожаи небольшіе, а

временами и вовсе не стала хлѣба родить; скота осталась самая малость. Тогда, чтобы держать между людьми порядокъ, Чамъ-Пасъ назначилъ надъ ними царей, князей, судей и другихъ начальниковъ и далъ имъ власть такую, что за дурныя дѣла они сажаютъ въ тюрьму, бьютъ крутомъ и плетьми и казнятъ смертью [1]).

Слѣдующія легенды представляютъ варіанты сообщенныхъ.

Сперва не было земли, повсемѣстно разливались воды. Однажды Вярдя-шкай плылъ въ лодкѣ и плюнулъ въ воду, отчего произошелъ злой духъ въ видѣ птицы. — Слѣдуетъ знакомый намъ разсказъ о сотвореніи земли; изъ земли, которую извергъ демонъ, образовались горы. По сотвореніи міра, богъ заключаетъ съ демономъ условіе, что живые люди будутъ принадлежать богу, мертвые—злому духу. Но такъ какъ по дѣйствію послѣдняго люди стали постоянно умирать, то Вярдя-шкай вынужденъ былъ принять мѣры къ освобожденію рода человѣческаго отъ напрасной смерти. Съ этою цѣлью одинъ изъ его приближенныхъ поступилъ въ услуженіе къ демону и похитилъ у него условіе, заключенное съ Вярдя-Шкаемъ, которое хранилось на днѣ моря, въ одномъ камнѣ. — У перваго человѣка, котораго Богъ помѣстилъ въ раю, кожа была твердая, роговая; демонъ прокрался въ рай, обольстилъ собаку обѣщаніемъ покрыть её шерстью, а человѣка оплевалъ, кромѣ оконечностей пальцевъ на рукахъ и ногахъ. Въ остальномъ разсказъ тотъ-же; такъ въ эпизодѣ о происхожденіи злыхъ духовъ: Вярдя-шкай ударяетъ одинъ камень о другой, вылетаютъ боги; демонъ дѣлаетъ то-же — и вы-

[1]) Сл. сходныя сказанія вотяковъ о Кылдысинѣ у Первухина, Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. I Древняя религія вотяковъ по ея слѣдамъ въ современныхъ преданіяхъ. Вятка 1888 (перепечатано изъ Вятскихъ губерн. Вѣдомостей 1888 г.), стр. 7 и слѣд. По Чувашскимъ сказаніямъ сынъ верховнаго бога, отвѣчающій мордовскому Нишки-Пасу, также убитъ людьми по наущенію Шайтана; чтобы скрыть преступленіе они сожгли тѣло убитаго, а прахъ развѣяли по вѣтру; но тамъ гдѣ палъ этотъ прахъ, выросли деревья, а съ ними возродился и сынъ бога — во множествѣ враждебныхъ человѣку существъ—кереметей. Сл. Смирновъ, l. c. № 5, стр. 166—7.

летаютъ подобные ему духи; когда Вярдя-шкай это замѣтилъ, произнесъ заклятіе, и изъ камня, вмѣсто духовъ, начали вылетать огненныя искры [1]).

Въ другой легендѣ [2]), также начинающейся на безбрежной поверхности водъ съ нырянія гоголя — злого духа, онъ спрашиваетъ Господа, какая ему будетъ за то награда отъ него и будущаго творенія. Господь отвѣчаетъ: Люди, которыхъ я сотворю изъ земли, будутъ тебя поминать при въѣздѣ на гору, а меня при спускахъ. Злой духъ остался доволенъ этимъ дѣлежемъ. Вотъ почему люди поминаютъ его недобрымъ словомъ, взбираясь на крутизну, а подъ гору ѣдутъ легко, приговаривая: Ну, съ Богомъ!

Соотвѣтствующія преданія *вотяковъ* [3]) сохранили лишь эпизоды того-же вѣрованія, съ своеобразной разработкой. Ихъ Инмаръ, богъ благой и правосудный, и Шайтанъ или Кереметь [4]), представитель зла, родные братья; первоначально оба они были боги добрые, но поссорившись съ братомъ, Кереметь сталъ злымъ, хотя равносильнымъ Инмару, которому люди, растенія и животныя обязаны своимъ существованіемъ. Перваго человѣка Инмаръ сотворилъ изъ красной глины и поселилъ въ раю, плодами котораго онъ питался. Однажды, когда Инмаръ послалъ Кереметя осмотрѣть землю, всё-ли сотворенное на ней хорошо, тотъ нашелъ все благополучнымъ: скучалъ одинъ лишь человѣкъ. Узнавъ объ этомъ Инмаръ велѣлъ младшему брату научить человѣка дѣлать кумышку — напитокъ, имѣющій свойство разгонять скуку. Это не развеселило человѣка, но когда Кереметь вторично донесъ о томъ Инмару, тотъ не повѣрилъ ему, разсер-

---

[1]) П. Дубасовъ, l. c., стр. 593—4.

[2]) К. Митропольскій, Мордва, міровоззрѣніе ихъ, нравы и обычаи, Мірское Слово 1877, № 3, стр. 18—19.

[3]) Бехтеревъ, l. c., стр. 150—2. Сл. Островскій, Вотяки Казанской губерніи (Труды общества естествоиспытателей при имп. казанскомъ университетѣ, т. IV, № 1), стр. 35.

[4]) Иначе: *Лутъ*. Сл. Миропольскій, Крещеные вотяки Казанскаго уѣзда (Казань, 1876 г.).

дился и упрекнулъ во лжи, а озлобленный Кереметь плюнулъ ему въ лицо. Оттого между ними вѣчная ссора. Когда послѣ того самъ Инмаръ пошелъ осматривать свои творенія и спросилъ человѣка о причинѣ его скуки, онъ отвѣтилъ, что ему необходима жена. Инмаръ исполнилъ его желаніе, но воспретилъ въ теченіе года пить кумышку, которую успѣлъ осквернить Кереметь; и жену онъ сдѣлалъ любопытною и пронырливою — на зло брату. Тогда Инмаръ проклялъ меньшаго брата, который продолжалъ мстить, производя безпорядокъ на землѣ и вводя человѣка въ грѣхи; такъ онъ понудилъ первую жену преступить повелѣніе Инмара — не прикасаться къ кумышкѣ: по своему любопытству она открыла чашку, отпила изъ нея и поднесла мужу; съ тѣхъ поръ люди стали грѣшными и смертными, потому что Кереметь посадилъ въ чашку съ кумышкой смерть. Они были выгнаны изъ рая и лишились благословенія плодиться и множиться. Послѣ первой неудачи Инмаръ сотворилъ нѣсколько паръ мужей и женъ изъ красной глины, а для охраны ихъ отъ Кереметн приставилъ къ каждой парѣ по огромному черному псу; оттого собака въ почетѣ у вотяковъ, она изъ всѣхъ животныхъ самое приближенное къ Инмару, знаетъ всё, что дѣлаетъ онъ и Кереметь, и прогоняетъ послѣдняго отъ человѣка.—Рядомъ съ этой легендой разсказывается и другая, совершенно тождественная съ черемисской и мордовской: о собакѣ, поставленной сторожить тѣло человѣка и прельщенной дьяволомъ, который обѣщалъ ей шерсть, а человѣка оплевалъ, послѣ чего Инмаръ вывернулъ его на-изнанку [1]). Сл. еше преданіе, записанное у вотяковъ елабужскаго уѣзда: семь братьевъ били молотомъ по скалѣ и отбивали осколки; каждый осколокъ обращался въ человѣка; младшій братъ вмѣсто того, чтобы при ударѣ говорить: Господи благослови!, приговаривалъ: Будь проклятъ! Изъ его осколковъ вышли нечистые духи [2]).

---

[1]) Первухинъ, l. c., стр. 3—4, 84.
[2]) Потанинъ, Очерки Сѣверо-Западной Монголіи, вып. IV, стр. 800.

Сообщаемыя далѣе свѣдѣнія о космогоническомъ миѳѣ у *Вогуловъ* я заимствую изъ упомянутой выше книги Крона [1]). Я выбираю лишь нѣкоторыя черты въ соотвѣтствіи съ сообщенными миѳами. Первая пара людей, спущенныхъ съ неба, носилась по морю на клочкѣ суши вышиною не болѣе какъ съ хижину. Надоѣло это блужданіе сыну первой жены, Elem-pi; въ образѣ бѣлки онъ взобрался на небо, чтобы попросить помощи Бога, Numi Taarom. Тотъ велѣлъ ему опуститься на морское дно въ видѣ утки и лутка́ и взять тамъ ила, необходимаго для сотворенія земли. Въ первый разъ это ему не удалось, во второй онъ вынесъ три пригоршни илу; изъ одной онъ создалъ рѣки и ручьи, изъ другой озера, изъ третьей лѣса и луга. — По другому сказанію Numi Taarom сотворилъ въ началѣ нѣсколькихъ исполиновъ, которые и прозвались сыновьями Numi Taarom'а. У каждаго вогульскаго племени есть свой покровитель, одинъ изъ сыновей Numi Taarom'а, но общій всѣмъ — младшій его сынъ Sarnju-ater (золотой вождь) или Lunt-ater, такъ названный потому, что онъ летаетъ въ образѣ дикаго гуся (иначе: ворона). Krohn полагаетъ, что это одно лицо съ Elem-pi, спустившимся въ море въ видѣ утки. — У сибирскихъ маньзовъ, которыхъ г. Гондатти [2]) считаетъ тождественными съ древними юграми и вогулами, доживающими въ числѣ нѣсколькихъ семей въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, эти преданія разсказываются нѣсколько иначе: Корсъ торумъ создалъ небо, землю, воду, огонь, солнце, луну и звѣзды, причемъ земля была создана плоской, сверху прикрытой небомъ, а съ краевъ окруженной водою. Въ началѣ вода все покрывала; тогда Корсъ Торумъ велѣлъ *лули*, птицѣ, отлично ныряющей, достать со дна моря немного земли; она три раза ныряла, но первые два безполезно, только въ третій разъ захватила немного песку, поперхнулась, и онъ разлетѣлся въ разныя стороны, лишь

---

[1]) l. c. 165—7.

[2]) Гондатти, Слѣды язычества у инородцевъ сѣверо-западной Сибири. Москва 1888, стр. 4 и 45 слѣд.

одинъ небольшой комочекъ остался на мѣстѣ, у самой-же изъ горла пошла отъ натуги кровь, которая запачкала ей немного голову, отчего у нея и до сихъ поръ голова красная. Тогда прилетѣла гагара, стала смѣяться надъ лулой: ей-ли, такой небольшой птицѣ, доставать изъ-подъ воды землю? Нырнула сама два раза, но оба безуспѣшно, а на третій выплыла замертво. Лули, чтобы дать ей вздохнуть, положила ея голову къ себѣ на спину, запачкала при этомъ ей зобъ кровью (у гагары и до сихъ поръ онъ красный) и привела ее въ чувство. Когда та оправилась, она и говоритъ: Спасибо, никогда этого не забуду; будь ты съ этихъ поръ старшей, а я тебя буду во всемъ слушаться. Послѣ этого они улетѣли, и гагара стала считаться младшей, а лули старшей сестрой. На другой день изъ комочка, который вынесла лули, сдѣлалась земля такой величины, что на нее можно было поставить одну ногу; затѣмъ она стала дѣлаться всё больше и больше, такъ что птица въ первый разъ могла облетѣть её въ то время, въ какое поспѣваетъ котелъ, во второй — до полудня съ восхода солнца, а въ третій — уже приходилось летѣть цѣлыхъ три дня. Затѣмъ земля достигла своей обыкновенной величины, хотя и теперь еще она по немногу увеличивается; умаляетъ ея ростъ *витъ куль*, исключительно питающійся землею, да лѣсные пожары. Вмѣстѣ съ этимъ созданы были и богатыри, которые сильно воевали между собою, главнымъ образомъ изъ-за женщинъ, и много проливали крови. Нуми торумъ, сынъ Корсъ-Торума, покаралъ ихъ за то пожаромъ и потопомъ, послѣ чего приступилъ къ творенью новыхъ существъ: вырѣзалъ изъ лиственницы два бревна, придалъ имъ форму человѣка, и чтобы прикрѣпить голову, которая падала на грудь, воткнулъ между грудью и шеей гвоздь; затѣмъ поставилъ на ноги спиной къ себѣ, дунулъ, и куклы ожили, свиснули, убѣжали въ лѣсъ и сдѣлались мэнквами, т. е. лѣшими. Приступивъ во второй разъ къ творенію, Нуми взялъ лиственичную сердцевину, сдѣлалъ изъ нея нѣчто въ родѣ остововъ, оплелъ ихъ лиственичными-же корнями, поставилъ лицомъ къ себѣ, дунулъ, и они ожили; и такимъ

образомъ появились первые люди, совершенно подобные теперешнимъ, только мохнатые. Нуми разрѣшилъ имъ ходить вездѣ, гдѣ только захочется, позволилъ ѣсть все, за исключеніемъ голубики мэкнвъ пиль ивъ; послѣ этого онъ поднялся на небо отдыхать отъ трудовъ своихъ. Чрезъ нѣсколько времени захотѣлось ему посмотрѣть, что дѣлаютъ на землѣ новые ея поселенцы. Спустился внизъ, смотритъ вездѣ и нигдѣ ихъ не находитъ; кричитъ — никто не отзывается; наконецъ увидѣлъ ихъ спрятанными подъ кустами, велѣлъ вылѣзть оттуда: оказалось, что, ослушавшись повелѣнія Нуми, они поѣли запрещенныхъ ягодъ, волосы у нихъ всѣ вылѣзли, они стали зябнуть, оттого и забрались въ кусты. Они разсыпались отъ дуновенія Нуми, который въ третій разъ приступилъ къ сотворенію людей: взялъ тальнику, сплелъ изъ него нѣчто въ родѣ скелетовъ, обмазалъ глиною, поставилъ передъ собою, дунулъ на нихъ, и появились люди, положившіе начало человѣческому роду. Вмѣстѣ съ ними онъ сотворилъ изъ сосновыхъ сучьевъ оленей, рыбъ, птицъ и звѣрей [1]), показалъ людямъ всѣ рыболовные и звѣроловные снаряды, какъ ихъ дѣлать и какъ ими пользоваться; устройство лодки, лыжъ, нарты и дома; велѣлъ пріучать дѣтей къ охотѣ за звѣремъ, птицей и рыбой, и передать затѣмъ все то, что они слышали отъ него; послѣ этого онъ поднялся на небо и сталъ отдыхать, довольный теперь своимъ твореніемъ.

Разсказываютъ-ли *Самоѣды* знакомую намъ легенду о мірозданіи — я не знаю. По ихъ преданію Нумъ сотворилъ землю,

[1]) Сл. слѣдующее преданіе о созданіи людей изъ стружекъ и искръ: мстя за смерть отца, какой-то богатырь начинаетъ истреблять всё живое, не только людей, но и звѣрей, птицъ и рыбъ. Его уговариваютъ родные, велитъ отстать отъ бойни великанъ старикъ, явившійся съ неба; богатырь не унимается. Перебилъ много, а народу все не уменьшается, потому что Нуми распорядился, чтобы два небесныхъ кузнеца ковали желѣзную полосу, а два плотника стругали деревянную, и чтобы изъ искръ и изъ стружекъ дѣлались люди. Бьетъ богатырь день, бьетъ другой, третій, и все не устаетъ; тогда Нуми самъ спустился на землю, дунулъ на него, и онъ полетѣлъ на небо, гдѣ и превратился въ зорю, а такъ какъ онъ былъ весь въ крови, то оттого и заря всегда бываетъ красною l. c. 56.

воды, рыбъ и птицъ, растенія и животныхъ, наконецъ собаку и самоѣда; оба они были голые. Собака стерегла человѣка отъ дьявола, завидовавшаго его счастью на землѣ; разъ, когда человѣкъ спалъ, дьяволъ напустилъ сильный холодъ и соблазнилъ собаку обѣщаніемъ шерсти: погладилъ её рукою, шерсть на ней выросла — и она позволила дьяволу приблизиться къ спящему; онъ плюнулъ на него, отчего тѣло покрылось прыщами (оспой). Началъ онъ послѣ хворать, терпѣть отъ холода; собака не стала беречь его, звѣри, прежде шедшіе къ нему на зовъ, бѣгали отъ него; пришлось подниматься на хитрости и ловушки, чтобы промышлять ихъ. Сжалившись надъ человѣкомъ Нумъ далъ ему женщину [1]). — Рядомъ съ этимъ отрывкомъ цѣльнаго преданія — другой, помѣстившійся въ легендѣ о потопѣ [2]): я имѣю въ виду эпизодъ о ныряніи: разсказываютъ, что семь человѣкъ, спасавшіеся въ лодкѣ, подняты были водою подъ самое небо, такъ что не могли вставать не согнувшись подъ небеснымъ сводомъ. Увидѣвъ, что имъ приходится плохо, они попросили гагару отыскать имъ нѣсколько земли; гагара нырнула въ воду и черезъ семь дней вынесла нѣсколько земли съ пескомъ и травою. Бросивъ всѣ эти вещи въ воду, люди начали просить Нуа (=Нума) устроить имъ землю; послѣ того пошла вода на убыль, обозначились деревья и лодка стала на сушу.

Въ *тюркскомъ* сказаніи, записанномъ на Алтаѣ [3]), Шифнеръ усмотрѣлъ соединеніе староиранскихъ элементовъ съ буддійскимъ, проводникомъ котораго были монголы, и христіанскимъ, привнесенномъ русской культурой. Слѣды буддизма въ

---

[1]) Кушелевскій, Сѣверный полюсъ и земля Ялмалъ (СПБ. 1868), стр. 116 слѣд.

[2]) Третьяковъ, Туруханскій край, его природа и жители (СПБ. 1871), стр. 201—2.

[3]) Сл. Radloff, Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der dsungarischen Steppe, I Abtheilung. Proben der Volkslitteratur. Uebersetzung, I Theil (1866 г.), стр. 175 слѣд. и предисловіе Шифнера, стр. X. Та-же легенда пересказана г. Радловымъ въ Восточномъ Обозрѣніи 1882 г. № 7, стр. 11—12, въ статьѣ: Миѳологія и міросозерцаніе жителей Алтая.

именахъ собственныхъ несомнѣнны; что до иранства, то, по отношенію къ дуалистическому характеру легенды, оно настолько-же обусловило и богомильское міровозрѣніе и его миѳъ о мірозданіи. Что касается до русскаго элемента, то въ данномъ случаѣ онъ явился-бы проводникомъ не столько христіанскаго, сколько спеціально отреченнаго, и именно богомильскаго содержанія.

Алтайскій разсказъ слѣдующій:

Прежде чѣмъ создана была земля, была одна лишь вода: не было ни неба, ни солнца, ни луны; лишь Господь носился въ воздухѣ, а вмѣстѣ съ нимъ одинъ человѣкъ, оба въ образѣ черныхъ гусей. Господь ни о чемъ не думалъ, а тотъ человѣкъ поднялъ вѣтеръ, взволновалъ воду и брызнулъ ею въ лицо Господа: онъ хотѣлъ подняться выше его, а самъ упалъ въ воду и сталъ молить: Спаси меня, Боже! По слову Господа онъ поднялся изъ воды. Тогда Господь сказалъ: Да будетъ твердый камень; на этомъ камнѣ, вышедшемъ со дна моря, усѣлся тотъ человѣкъ. По повелѣнію Божію онъ спускается въ море и выноситъ оттуда горсть земли, которую Господь бросилъ на поверхность воды со словами: Да будетъ земля; и земля явилась. Когда Богъ снова послалъ того человѣка на морское дно съ тѣмъ-же порученіемъ, онъ захватилъ двѣ горсти: одну запихалъ въ ротъ, чтобы тайкомъ отъ Бога и до него сотворить землю, другую отдалъ Богу. Богъ посѣялъ пригоршню, отчего земля стала толще, а во рту у того человѣка она такъ принялась рости, что едва не задушила его. Онъ побѣжалъ въ сторону отъ Бога; оглянулся, а Богъ около него. Задыхаясь онъ взмолился къ нему о спасеніи. Что ты затѣялъ? спросилъ его Господь. Не думалъ-ли ты, что утаишь передо мной землю во рту? И зачѣмъ утаилъ ты её? — Я хотѣлъ сотворить сушь. — Выплюни землю. — Тотъ человѣкъ принялся выплевывать, отчего и произошли болотныя кочки. Теперь ты во грѣхѣ, говоритъ ему Господь: ты хотѣлъ сдѣлать мнѣ зло, и народъ, тебѣ подчиненный, будетъ такого-же помысла, а мой народъ будетъ свѣтлыхъ

помысловъ: онъ узритъ солнце и свѣтъ, меня назовутъ истиннымъ Курбистаномъ [1]), твое-же имя будетъ Эрликъ; человѣкъ, уберегшійся отъ грѣха, будетъ моимъ. — Стояло тамъ одно дерево у рѣки, безъ вѣтвей; некрасиво одно дерево безъ вѣтвей, говоритъ Господь: да будутъ на немъ девять вѣтокъ, у корня (развѣтвленія? am Fusse) девяти вѣтокъ да произойдутъ девять человѣкъ, отъ нихъ девять народовъ. — Когда пришелъ Эрликъ, услышалъ незнакомый ему шумъ и говоръ. Откуда это? спросилъ онъ. Ты повелитель, и я повелитель, отвѣчалъ Господь: эти люди — мой народъ. Эрликъ проситъ Бога отдать ихъ ему, но Господь отказываетъ. Тогда Эрликъ идетъ, чтобы посмотрѣть на Божье созданіе: видитъ людей, звѣрей и птицъ и прочее живущее. Какъ создалъ всё это Господь? спрашиваетъ онъ себя; какъ мнѣ овладѣть имъ, и чѣмъ кормится этотъ народъ? — Подойдя, онъ увидѣлъ что они питаются плодами лишь съ одной стороны дерева; человѣкъ объясняетъ ему: Господь сказалъ намъ: питайтесь плодами съ пяти вѣтокъ, что̀ на востокъ, а съ другихъ четырехъ ни берите ничего; сказавъ это, онъ удалился на небо, а у дерева оставилъ собаку и змѣю, не велѣлъ имъ пускать человѣка къ запретной сторонѣ дерева, а собакѣ заказалъ: Если придетъ дьяволъ, укуси его. — Дьяволъ идетъ къ дереву, начинаетъ убѣждать Töröngöi'я (= Адама), что запретъ Господа основанъ не на истинѣ, а на лжи; вселяется въ змѣю, усыпивъ её; взобравшись на дерево и отвѣдавъ плода, онъ убѣждаетъ отвѣдать и Töröngöi'я, и когда тотъ не поддался, уговариваетъ Edji (= Евву). Она поѣла и Töröngöi'ю вложила въ ротъ. Тутъ съ нихъ спали волосы, они почувствовали стыдъ и спрятались за деревьями; когда

[1]) По объясненію Шифнера = Ormazd (Churmustu), котораго Сойоны передѣлали въ Kurbustu. Оттуда-же и названіе, какое въ нашемъ сказаніи дается дьяволу: *Kärmös*. Сл., впрочемъ, *Кереметь* волжскихъ финновъ: татарское слово, въ свою очередь восходящее, какъ полагаютъ, къ арабскому haram или harem. — Въ варьянтѣ легенды, напечатанной ак. Радловымъ въ Вост. Обозр. 1882, № 7, стр. 11, Тенгере-Кайраканъ — *творецъ* земли и *перваго человѣка*. который выряетъ по его приказанію, проклятъ за ослушаніе и названъ Ерликомъ.

явился Господь, Tӧrӧngӧi свалилъ вину на Edji, она на змѣю. Змѣя извиняется: дьяволъ вошелъ въ неё, когда она погружена была въ сонъ; собака тѣмъ, что онъ былъ ей невидимъ. Господь проклялъ змѣю, обѣщаетъ низвергнуть Эрлика подъ три земныхъ пласта, въ страну мрака, гдѣ нѣтъ ни солнца, ни мѣсяца; послѣдовавъ совѣту дьявола, люди стали ему подвластны и не узрятъ свѣта Божія; они будутъ отнынѣ плодиться отъ себя, и Господь не станетъ имъ болѣе подавать пищи. Удаляясь, Господь обѣщаетъ послать людямъ Mai-tere [1]): онъ научитъ ихъ, какъ добывать и изготовлять пищу. Когда явился Mai-tere, Эрликъ проситъ его: Помоли за меня Бога, я бы желалъ взойти на небо, по сторону Господа. Mai-tere преклоняется предъ Господомъ въ теченіе 62-хъ лѣтъ, и Богъ соглашается внять Эрлику, если онъ не будетъ ни враждовать съ нимъ, ни чинить зла людямъ. Явившись къ Господу, Эрликъ проситъ его благословенія: онъ хочетъ создать свое небо. Господь благословляетъ его, и Эрликъ сотворилъ небо, гдѣ его дьяволы размножились. Жилъ въ то время человѣкъ божій, Mandy-Schire [2]), подумалъ про себя: Наши люди живутъ на землѣ, люди Эрлика на небѣ; это неладно. Пошелъ онъ воевать съ Эрликомъ, а тотъ обратилъ его въ бѣгство, поразивъ огнемъ. Mandy-Schire жалуется Богу: онъ хотѣлъ свергнуть съ неба народъ Эрлика, но у него не хватило силы. «Нѣтъ никого сильнѣе меня, отвѣтилъ Господь, но Эрликъ теперь тебя сильнѣе; его время еще не пришло, когда придетъ—я скажу тебѣ». Долгое время прожилъ Mandy-Schire спокойно и снова явился къ Господу: его день пришелъ. Сегодня ты будешь силенъ, съ тобой будетъ мое благословеніе, говоритъ ему Богъ.—Но у меня нѣтъ ни ружья, ни колчана (съ стрѣлами), ни копья, ни меча, одна лишь красная рука.—Господь даетъ ему копье, которымъ онъ и разрушаетъ небо Эрлика и всё свергаетъ внизъ: изъ обломковъ произошли скалы, камни, горы; такъ исказилась ровная земля, созданная Богомъ; народъ Эрлика также

[1]) По объясненію Шифнера = буддійскій bodhisattwa: *Maitreja*.

[2]) По объясненію Шифнера — другой bodhisattwa: Mandshuçrî.

попадалъ на землю, кто куда: одни въ воду, другіе въ лѣсъ или на камни — и всѣ умерли. — Ты разрушилъ мое небо, говоритъ Богу Эрликъ, дай мнѣ земли: хоть одно поле, пять саженей, хоть столько, сколько пришлось подъ концемъ палки, которую Эрликъ воткнулъ въ землю. Когда Господь согласился на послѣднюю просьбу, Эрликъ принимается строить на этомъ крохотномъ клочкѣ земли новое небо, но Господь отсылаетъ его подъ землю: тамъ постройся, въ глубинѣ ада, и да горитъ сверху неугасимый огонь; никогда болѣе ты не увидишь ни солнца, ни мѣсяца. Эрликъ надѣется, что подъ его властью будутъ всѣ умершіе, но Господь не согласенъ.—Что-же мнѣ дѣлать одному безъ подданныхъ?—Дѣлай, что хочешь, можешъ самъ создать себѣ людей.— Эрликъ испрашиваетъ на это благословеніе божіе, сдѣлалъ мѣхъ, положилъ полосу, сталъ бить молотомъ: изъ подъ молота выскочили поочередно лягушка, змѣя, медвѣдь, кабанъ, Almys (волосатый демонъ), Schulumys (демонъ) и верблюдъ. Господь бросаетъ всѣ его орудія въ огонь: изъ мѣха вышла женщина, изъ полосы и молота мужчина. Господь плюнулъ на женщину, и она обратилась въ цаплю (Kordoi), перомъ которой не оперить стрѣлы, мяса не ѣстъ и собака, которая дѣлаетъ вонючими болота; плюнулъ на мужчину, и онъ обратился крысой (jalbon), съ длинными ногами и безъ рукъ, сидящую въ дому, грызущую старыя подошвы.

Удаляясь на небо Господь оставляетъ людей на попеченіе Schal-Jime [1]), Mandy-Schire, Japkara [2]) и Podo-Sünkü [3]). У каждаго свои обязанности: Podo-Sünkü пусть утверждаетъ солнце и мѣсяцъ, Mandy-Schire охраняетъ землю и небо и сражается съ Эрликомъ. Ему даются и другіе завѣты: если кого онъ сочтетъ

---

[1]) По толкованію Шифнера — иранскій Jima.

[2]) По объясненію Шифнера, можетъ быть, Dipaṁkara.

[3]) Можетъ быть: Tsonkhapa, извѣстный буддійскій реформаторъ, или Buddha—*Çâkjamuni*. Объ отношеніи послѣдняго къ мѣсяцу см. Pallas, Mongolische Völkerschaften II, стр. 41 и мое изслѣдованіе: Croissans-Crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, приложеніе къ XXXIX-му т. Зап. Имп. Ак. Наукъ, № 4, стр. 18 слѣд.

злымъ, пусть не отвергаетъ (тотчасъ-же); если правитель дуренъ или хорошъ, пусть не считаетъ всѣхъ подданныхъ таковыми же, какъ онъ; пусть наставляетъ людей на всякое добро, научитъ ихъ ловить рыбу удой и сѣтями, стрѣлять бѣлокъ, пасти скотъ. Всему этому и научилъ людей Mandy-Schire, пока не удалился на небо.

Я привелъ in extenso алтайскую сказку, не ограничиваясь ея космогоническимъ и антропогоническимъ эпизодами. Именно взятая въ цѣломъ она убѣдительна по вопросу о своихъ источникахъ: ея Эрликъ — Сатанаилъ богомильской легенды, Mandy-Schire, не взирая на свое буддійское прозвище, архангелъ Михаилъ. Къ представленію Ерлика нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ собралъ недавно г. Потанинъ [1]). У алтайцевъ, черневыхъ татаръ и монголовъ, говоритъ онъ, Ерликъ считается властителемъ надъ міромъ усопшихъ душъ, но монгольскія сказанія говорятъ, что Ерликъ-ханъ царствовалъ прежде насильно гдѣ-то въ горнемъ мірѣ, но былъ побѣжденъ божествомъ Ямандагà, послѣ чего наименованъ властителемъ нижняго міра. Алтайское преданіе представляетъ его съ змѣей въ рукѣ вмѣсто плети; алтайская пѣсня зоветъ вино напиткомъ Ерлика; къ нему ѣдетъ богатырь Иренъ-Шайнъ доставать джиракы, винокуренный снарядъ; призываніе изображаетъ Ерлика румянолицымъ, какъ бы богомъ веселія. Можно догадываться, что ему приписываютъ изобрѣтеніе вина, какъ въ мордовской (и вотяцкой), въ русскихъ и румынскихъ легендахъ о началѣ винокуренія и въ богомильскомъ вѣрованіи — вино отъ дьявола. Къ источникамъ подобнаго рода, скорѣе, чѣмъ къ мусульманскому преданію восходитъ, по всей вѣроятности, и названіе Ерликъ — ада, отецъ Ерликъ, т. е. или первый человѣкъ, какимъ считаютъ его кузнецкіе татары, или творецъ его. Объ его участіи въ сотвореніи міра и человѣка разсказывается слѣдующее: Есть на небѣ Ульгень; у него семь сыновей: Яжи-

[1]) Г. Н. Потанинъ, Очерки сѣверо-западной Монголіи, IV: Матеріалы этнографическіе, стр. 692—3 прим. 44 (къ стр. 71) и стр. 218—223, 797 слѣд.

ганъ, Каршитъ, Бахтаганъ, Кара, Кушканъ, Каанымъ и Яикъ; у Ерлика также семь сыновей: Баатыръ, Керей, Ельтекъ, Тэбиръ-ханъ, Абраганъ (Ябаша черневыхъ татаръ и Карашъ алтайцевъ). Когда не было ни неба, ни земли, а была только вода, Ульгень спустился къ водѣ, чтобы сотворить землю. Думалъ, думалъ, и не знаетъ какъ начать. Въ это время къ Ульгеню подошелъ человѣкъ; Ульгень спросилъ его: «Ты кто?» — Я тоже пришелъ сотворить землю, отвѣтилъ тотъ. Ульгень осердился и сказалъ: «Я не могу сотворить, гдѣ-же тебѣ?» А человѣкъ ему въ отвѣтъ: Я сейчасъ найду, изъ чего сотворить землю.—«Откуда же ты возмешь такую вещь, изъ которой можно сотворить землю?», спросилъ Ульгень. — Ты не сердись, а я знаю, откуда её достать, сказалъ тотъ. Ульгень сказалъ: «Я сердиться не буду, если можешь достать эту вещь, то скорѣй доставай». Человѣкъ сказалъ Ульгеню: Если не будешь сердиться, то я достану — и тутъ же нырнулъ въ воду. На днѣ воды онъ нашелъ гору, оторвалъ отъ нея кусокъ земли и набилъ ею свой ротъ. Вылѣзши изъ воды, человѣкъ выплюнулъ землю въ пригоршню Ульгеня. Ульгень бросилъ эту землю, и стала земля только изъ дерна; у человѣка же между зубами осталось немного земли; онъ плюнулъ, и сдѣлалась согра, т. е. кочковатое и болотное мѣсто. Ульгень и говоритъ человѣку: «Зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ? землю надо гладкою сотворить». Тутъ онъ осердился, сталъ ругать человѣка; а у того человѣка была палка, на которую онъ опершись стоялъ и слушалъ, пока богъ его ругалъ. Наконецъ Ульгень сказалъ: «Пусть тебя не будетъ на этой землѣ!» Тотъ выслушалъ и говоритъ Ульгеню: Дай мнѣ хоть столько мѣста, сколько занимаетъ конецъ моей палки! Ульгень сказалъ: «И этого не дамъ». Человѣкъ стоитъ и плачетъ. Тогда Ульгень съ сердцемъ сказалъ: «Ну возьми это мѣсто! Что ты изъ него сдѣлаешь?» При этихъ словахъ тотъ человѣкъ провалился сквозь мѣсто, которое выпросилъ, и его не стало. — Теперь Ульгень сталъ думать, какъ сотворить зерно. Прилетѣла къ Ульгеню ласточка, у ней во рту было зерно, она и разсѣяла его по землѣ.

Потомъ Ульгень сотворилъ лѣсъ и всё, что есть на землѣ. Сотвореннаго было очень много, плоды такъ и вѣсились. Потомъ Ульгень вздумалъ создать человѣка. Тѣло онъ сотворилъ изъ земли, кости изъ камней; потомъ сотворилъ женщину изъ ребра и положилъ ихъ двоихъ на землю. Только душу не могъ вложить въ человѣка. Потомъ сотворилъ собаку живую, но безъ шерсти. Затѣмъ онъ задумался и ушелъ: то-ли такъ ушелъ, то-ли душу искать, а собаку оставилъ караулить тѣла двухъ человѣкъ. Неизвѣстно, откуда явился человѣкъ, имя ему Ерликъ (это былъ тотъ самый, который провалился въ дыру). Собака начала лаять на него и не пускать къ тѣламъ. Ерликъ говоритъ ей: «Я пришелъ сотворить тебѣ шерсть и вложить въ тѣла душу». — Если такъ, сказала собака, то иди и дѣлай. Ерликъ говоритъ собакѣ: «Съѣшь то, что я тебѣ дамъ». Потомъ испражнился, и собака съѣла его испражненіе; оттого у нея выросла шерсть. Потомъ Ерликъ сломилъ дудку, вложилъ её въ заднепроходное отверстіе человѣку и дунулъ. Тѣла ожили, и Ерликъ исчезъ. Ульгень воротился къ тѣламъ и думаетъ: «Вотъ человѣкъ, который провалился, обманулъ меня и вмѣшался въ мое дѣло». Сѣлъ Ульгень и не знаетъ, что дѣлать: то-ли истребить эти тѣла и новыя сотворить, потому что Ерликъ вложилъ въ нихъ худую душу, то-ли такъ оставить? Когда Ульгень сидѣлъ и думалъ, къ нему прискакала лягушка и говоритъ: Зачѣмъ истреблять ихъ? Пусть себѣ живутъ: которые умираютъ, пусть умираютъ, которые живутъ, пусть живутъ. — Ульгень послушался и оставилъ людей жить. Потомъ Ульгень сталъ думать, изъ чего бы сотворить огонь, потому что люди были нагіе. Лягушка говоритъ Ульгеню: На горѣ есть камни, а на березѣ губа. — Ульгень догадался, взялъ губу, сдѣлалъ трутъ, затѣмъ взялъ два камня и добылъ огонь. Потомъ Ульгень сказалъ людямъ: «Всѣ плоды ѣшьте, только съ одного дерева не ѣшьте плодовъ», и неизвѣстно куда ушелъ. По наущенію Ерлика люди ослушались, и какъ только отвѣдали запретныхъ плодовъ, какъ почувствовали, что они нагіе; имъ стало стыдно, и они разбѣжались въ разныя стороны.

Когда вернулся Ульгень, они вышли на его зовъ, прикрывшись листьями. «Я не велѣлъ ѣсть плода съ этого дерева, говоритъ имъ Ульгень; зачѣмъ вы ѣли? Теперь сами добывайте себѣ хлѣбъ и одежду». Послѣ того онъ сотворилъ другихъ животныхъ. У перваго человѣка Адама родились 9 сыновей и 9 дочерей; отъ нихъ и пошли люди. — Съ однимъ эпизодомъ приведенной легенды сл. сказаніе чернолѣсскихъ татаръ [1]): великій Pajana сотворилъ тѣло человѣка, и пока ходилъ къ Кудаю за душою, Ерликъ соблазнилъ собаку, сторожившую тѣло, обѣщаніемъ золотой шерсти. Ерликъ оплевалъ человѣка, Кудай вывернулъ его на-изнанку, отчего слюна оказалась внутри; а собака наказана тѣмъ, что человѣкъ можетъ съ нею дѣлать, что хочетъ, бить ее и убивать беззапретно.

Слѣдующій варіантъ того-же сказанія приноситъ новыя подробности, значеніе которыхъ выяснится далѣе, но идея дуализма подверглась въ немъ дальнѣйшему разложенію. Сначала было небо да вода, земли еще не было. Очурманы жилъ на небѣ, ему и присѣсть было негдѣ. Затѣявъ создать землю, онъ сталъ искать себѣ товарища, нашелъ Чаганъ-Шукуты, и вмѣстѣ стали спускаться на воду. Завидѣвъ ихъ, лягушка унырнула въ воду; посланный товарищемъ, Чаганъ-Шукуты вытащилъ её изъ глубины и положилъ на воду брюхомъ вверхъ. Я сяду на брюхо лягушки, говоритъ Очурманы, а ты нырни и достань со дна, что тебѣ попадется; только въ водѣ поминай меня, а то тебѣ своею силою ничего не сдѣлать. Чаганъ-Шукуты вынесъ охапку жидкой земли; «кабы не я, не достать бы тебѣ земли», сказалъ онъ Очурманы, и лишь только выговорилъ это, какъ земля вывалилась у него изъ рукъ и упала въ воду. Спустившись во второй разъ и нацарапавъ пригоршни твердой земли, Чаганъ-Шукуты донесъ её, приговаривая, какъ ему было наказано: Не я тебя беру, не я тебя несу, а Очурманы. Очурманы велѣлъ посыпать эту землю на лягушку, самъ сѣлъ и товарища посадилъ съ собою;

---

[1]) Radloff, l. c. I, 285.

лягушки не стало видно, а видна была земля и притомъ столько, сколько они двое заняли мѣста. Посидѣли они и задремали, а потомъ и заснули. Тутъ явился Шулмусъ, смотритъ, что это два человѣка лежатъ на землѣ, а лишней земли подъ ними нѣтъ, подошелъ и думаетъ: «Взять ихъ и бросить вмѣстѣ съ землею въ воду». Пока óнъ брался за край земли, взглянулъ, воды уже нѣтъ; онъ поспѣшно схватилъ ихъ обоихъ и бѣгомъ понесъ, чтобы добѣжать до края земли и бросить ихъ въ воду; но пока онъ бѣжалъ, земля всё росла; бѣжалъ онъ, изъ силъ выбился, а воды всё не видать; бросилъ онъ ношу и успѣлъ убѣжать, пока еще не проснулся Очурманы, который говоритъ товарищу: Когда насъ Курюмесь хотѣлъ бросить въ воду и утопить, земля насъ защитила. — Сотворивъ землю и отдохнувъ, Очурманы съ товарищемъ стали ходить по землѣ; «я выдумалъ, а ты мнѣ помощникъ, говоритъ Очурманы; теперь давай дѣлить на землѣ живое». Сотворили они тѣло человѣка изъ земли, пошли искать ему душу, а чтобы дьяволъ его не укралъ, приставили караульщикомъ собаку, которую сотворили безъ шерсти. Дьяволъ прельщаетъ её обѣщаніемъ шерсти и корма, если она подпуститъ его къ тѣлу; пошепталъ что то, и она стала съ шерстью; стала просить ѣсть; вотъ твой хозяинъ тебя накормитъ, отвѣчалъ діаволъ. Подойдя къ тѣлу человѣка, онъ зажегъ пряжу, дымъ вдунулъ ему въ носъ, и человѣкъ сталъ ходить. Когда вернулся Очурманы съ товарищемъ, удивились: Мы тебя сотворили, кто-жъ тебѣ далъ душу? — А я какъ знаю, отвѣчалъ человѣкъ; вы-ли или кто другой меня сотворилъ?—Создавъ человѣка и женщину, Очурманы сказалъ товарищу: «Теперь всему сотворенному нуженъ правитель. Ты хоть мнѣ помогалъ, но самъ ты ничего не выдумалъ». Чаганъ-Шукуту обидѣлся и сказалъ: «Еслибъ не я, ты-бы ничего ни сдѣлалъ». Слово за слово, и поругались; хотѣли было драться, но Очурманы сказалъ: «Постой, мы поставимъ чашку съ водой и сядемъ подлѣ чашки одинъ противъ другого; на чьей сторонѣ выростетъ въ чашкѣ цвѣтокъ, тому и быть богомъ и править землею». Въ это время явился Шулмусъ, говоритъ,

что его позабыли: «Если бы не я, такъ земли бы не было. Давайте же и мнѣ пай изъ сотвореннаго». Долго они спорили и ругались, наконецъ, посовѣтовавшись съ товарищемъ, Очурманы сказалъ Шулмусу: «Вотъ твой пай; сколько есть земли подъ оконечностію твоей палки, то и возьми». Тотъ осердился, ткнулъ палкой въ землю, выдернулъ её, и оттуда полѣзли черви, змѣи и прочіе гады [1]). Послѣ того Очурманы съ товарищемъ налили въ чашку воды, сѣли и стали дожидаться, на чьей сторонѣ выростетъ цвѣтокъ. Пока сидѣли, оба задремали. Чаганъ-Шукуты проснулся напередъ, посмотрѣлъ однимъ глазкомъ на товарища, видитъ, что тотъ еще не открылъ глазъ, взялъ да и сорвалъ цвѣтокъ и положилъ на свой край блюда. Проснулся Очурманы, посмотрѣлъ, видитъ, что цвѣтокъ на сторонѣ Чаганъ-Шукуты, а корень на его сторонѣ, догадался въ чемъ дѣло и сказалъ: «Вотъ мы, боги, воруемъ другъ у друга, значитъ, и люди будутъ такіе же воры, все сотворенное будетъ въ постоянной ссорѣ и враждѣ, а люди и животныя будутъ стараться истреблять другъ друга». Обидѣлся Очурманы и вознесся на небо [2]).

---

[1]) Такъ и въ одной вотяцкой легендѣ, которую слѣдуетъ присоединить къ сообщеннымъ выше (стр. 13—14): когда послѣ потопа Инмаръ пожелалъ вновь создать міръ, онъ послалъ одного изъ оставшихся людей добыть земли. Тотъ два раза отказывался и лишь въ третій досталъ. Тогда Инмаръ послалъ его и еще другого человѣка сѣять землю. Первый ходилъ днемъ, поэтому сѣялъ ровно, и у него выростали долины, луга, равнины, а у ходившаго ночью выходили горы, пропасти и овраги. Когда появилась вновь земля, Инмаръ спросилъ человѣка, сколько ему ея надо, чтобъ жить. Тотъ запросилъ половину; Инмаръ земли далъ, а за жадность наказалъ: приказалъ воткнуть въ землю колъ, а затѣмъ вынуть его; изъ образовавшагося отверстія вышли всевозможные гады. — Человѣкъ замѣнилъ въ этомъ разсказѣ Кереметя или Луда. Сл. Богаевскаго, Очеркъ быта сарапульскихъ вотяковъ, оттискъ изъ Сборника матеріаловъ по этнографіи, изд. В. Миллеромъ, стр. 18, 16.

[2]) Монгольская легенда, сообщенная мнѣ Г. И. Потанинымъ, совпадаетъ съ послѣднимъ эпизодомъ разсказанной въ текстѣ. Земля прежде была гладкая, людей на ней не было, были только двѣ сестры, солнце и луна. Солнце и говоритъ мѣсяцу: Ты ходи днемъ, я буду ночью. Мѣсяцъ ей на это: Нѣтъ! днемъ будетъ много людей, мнѣ будетъ стыдно ходить! Согласились, что солнце станетъ ходить днемъ, и печалились, что земля гладкая, покрытая водою, и нѣтъ кочки, гдѣ-бы поселиться человѣку. Богъ Шакчжи-тоба (= Шакья-муни, Будда) сотворилъ мужчину и женщину, женщина родила

По сказанію иркутскихъ *бурятовъ* [1]) въ началѣ было одно безпредѣльное море, на днѣ котораго лежали черноземъ и глина. Захотѣвши сотворить міръ, Богъ велѣлъ бѣлой гагарѣ нырнуть и достать глину со дна океана. Нурнувъ, гагара вынесла на носу красную глину и черноземъ. Она разбросала ихъ во всѣ стороны, отчего образовалась земная поверхность и начала производить всѣ роды растеній. Такъ какъ земля лежитъ на поверхности моря, то её поддерживаетъ на своемъ боку огромная рыба; когда она поворачивается съ боку-на бокъ, происходитъ землетрясеніе. — Сотворивъ человѣка, Богъ положилъ его въ свѣтлой комнатѣ, самъ поднялся на небо за душою, а сторожить у комнаты поставилъ собаку, которая сотворена была голою, тогда какъ человѣкъ былъ мохнатъ. Вѣрная повелѣнію Господа, собака не пускала къ человѣку дьявола, пока онъ не поднялъ бурю, которая её отогнала. Тогда дьяволъ вошелъ и наплевалъ на тѣло человѣка, вслѣдствіе чего оно лишилось волосъ и сдѣлалось смертнымъ; а собаку Богъ наказалъ, покрывъ её шерстью.

«гудзё» (брюшина); богъ разрѣзалъ его и выпустилъ оттуда множество маленькихъ дѣтей, которымъ велѣлъ разойтись и жить по разнымъ частямъ земли. Потомъ Шакчжи-тоба и Майдари стали ждать: у кого въ чашкѣ выростетъ цвѣтокъ. Выросъ онъ у перваго, но Майдари вырылъ его, перемѣстилъ въ свою чашку и говоритъ: Смотри, у меня цвѣтокъ выросъ. Шакчжитоба былъ богъ съ доброй душой, онъ сказалъ: Хорошо, пусть будетъ твой вѣкъ, но люди твоего вѣка будутъ лгать и воровать. (Зап. отъ монгола Очира въ южномъ Ордосѣ, на границѣ застѣннаго Китая).—Кстати приведу тангутское космогоническое преданіе (зап. въ Амдо, области, пограничной съ Тибетомъ, отъ Ами-Салува, тангута изъ окрестностей монастыря Лабрана), также сообщенное мнѣ г. Потанинымъ: богиня Анѐ-гомà Чжамỳ, задумавъ создать міръ, позвала богиню Нчжигмỳ, дала ей подолъ земли и сказала: Нужно создать землю, животныхъ и людей. Землю нужно сдѣлать ровною и гладкою, чтобы не было на ней горъ, людей всѣхъ равными, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Иди, разсѣй эту землю, приговаривая: Гдѣ горамъ быть, чтобы не было горъ, кому богатымъ быть, не быть богатымъ, кому бѣднымъ — не быть бѣднымъ. Нчжигмỳ обрадовалась, что ей поручили сотворить землю и людей, и такъ заторопилась, что произнесла приговоры какъ разъ наоборотъ. Оттого земля вышла гористая, а люди не равные.

[1]) Шашкинъ, Шаманство въ Сибири, Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1864 г. кн. II, стр. 30 и 33. Сл. тамъ же стр. 31 и 33: тунгузскія преданія о мірозданіи.

Кончимъ *якутскими* варіантами тѣхъ же миѳовъ [1]). Творецъ создалъ землю ровною и гладкою; тогда явился злой духъ и сталъ её топить и царапать, чтобы её уничтожить; отъ этого образовались горы, долины и рѣки. Или разсказываютъ, будто онъ разорвалъ землю такъ, что она треснула, но творецъ сказалъ ей: Это тебѣ не повредитъ, рости, только, рости. Она и стала рости; такъ образовались большія рѣки и даже моря изъ возроставшихъ трещинъ, а между ними выросла твердь земли. За тѣмъ творецъ построилъ огромный каменный домъ, поставилъ въ нихъ каменныя статуи и приставилъ человѣка къ нимъ сторожемъ. Ежедневно злой духъ старался подкупить человѣка и добиться входа въ домъ. Наконецъ ему удалось достигнуть своего намѣренія, когда онъ пообѣщалъ человѣку подарить ему пестрый нарядъ, какой онъ пожелаетъ, не знающій ни износа, ни починки. Получивъ доступъ въ домъ, злой духъ запачкалъ статуи каломъ и всякими другими испражненіями. Творецъ пришелъ, увидѣлъ случившееся и далъ сторожу, чего тотъ пожелалъ, обративъ его въ собаку; статуи-же выворотилъ на изнанку, такъ что наружная ихъ сторона пришлась во внутрь. Съ тѣхъ поръ люди внутри полны грязи и кала. Потомъ творецъ вдохнулъ жизнь въ эти статуи и четыремъ изъ нихъ далъ женъ. Неженатые стали жаловаться на свою судьбу, но не были услышаны; такъ произошло прелюбодѣяніе. Между тѣмъ подросли четыре дочери четырехъ женщинъ. Изъ нихъ три были выданы замужъ за холостыхъ, осталась одна женщина неудовлетворенною и жаловалась на судьбу свою. Творецъ увѣщалъ ее, но она предалась разврату; тогда онъ посадилъ ее на раздвоившуюся вершину ели, и она вросла въ нее, но все-таки восклицала, что не въ состояніи терпѣть. Тогда творецъ отпустилъ ее, и она продолжала жить по прежнему.

Слѣдующій якутскій же пересказъ отличается сильной христіанской окраской. На небѣ, вмѣстѣ съ своею матерью, жилъ

[1]) Миддендорфъ, Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, ч. II, стр. 820—1; Третьяковъ, l. c., стр. 207—3.

Іисусъ Христосъ; при немъ находился товарищъ и совѣтникъ Николай чудотворецъ, а служителями были семь ангеловъ. Подъ небомъ была вода. Матерь Божія предположила создать землю. Не имѣя на то нужныхъ матеріаловъ, она сотворила гагару съ бѣлымъ носомъ и утку, названную Улункусъ. Выславъ на воду этихъ птицъ, Она велѣла имъ нырнуть и достать со дна моря комокъ земли. Если вы исполните мою просьбу, сказала Она, то я дамъ вамъ такое проворство, какого не будетъ имѣть ни одна птица. Первою изъ воды явилась утка и выбросила изо рта кусокъ земли. Прибывшая затѣмъ гагара объявила, что она, заблудившись въ морѣ, земли не нашла; но Матерь Божія замѣтила однакожъ, что у гагары полонъ ротъ набитъ землею. Разсердившись на такой обманъ, она сказала гагарѣ: Лукавая птица, не я ли дала тебѣ противъ утки и силъ больше и носъ длиннѣе, и назвала тебя святымъ именемъ, а ты меня обманула, пожалѣвъ море? За тѣмъ Матерь Божія прокляла гагару, прибавивъ: Отнынѣ ты, какъ послѣдняя гадина, будешь во всеобщемъ призрѣніи, станешь жить не на святой землѣ, а на водѣ и питаться всякою дрянью. Послѣ этого Матерь Божія изъ принесенной земли сдѣлала шарикъ и, освятивъ его, спустила въ море. Не утонулъ этотъ шарикъ, не унесли и не разбили его волны, остался онъ на одномъ мѣстѣ и какъ пловучій островъ началъ увеличиваться, пока наконецъ изъ него не образовалась большая земля. Увидѣла Матерь Божія землю, порадовалась и задумала населить её людьми; взяла Она песку и создала изъ него двухъ мужчинъ и одну женщину. Вскорѣ съ женщиною слюбился одинъ изъ мущинъ и у нихъ родилась дочь, которая, возмужавъ, сдѣлалась женою другого мужа. Родители ея узнали объ этомъ лишь по рожденію у дочери ихъ ребенка женскаго пола. Матерь Божія обвѣнчала послѣднюю чету, но молодая женщина вскорѣ умерла. Тогда Матерь Божія вновь сотворила изъ песку двухъ мужчинъ, изъ коихъ одинъ и женился на подросшей дѣвочкѣ-сироткѣ. Но и этотъ бракъ оказался несчастливъ: мужъ померъ. Не хорошо, подумала Матерь Божія, и въ третій разъ создала

мужчину и женщину; отъ нихъ впослѣдствіи родился сынъ, который, возмужавъ, и женился на вдовѣ. Послѣ этого прекратилась между людьми безвременная смертность, и у каждой четы народилось по семи человѣкъ дѣтей, отъ которыхъ пошли колѣна и народы.

Всѣ эти преданія, записанныя среди инородческихъ элементовъ русскаго населенія [1]), оказываются, какъ увидимъ далѣе, сходными, нерѣдко буквально, съ разсказами русскими и болгарскими и съ старой повѣстью о мірозданіи, распространенной въ рукописяхъ и популярной среди нашихъ раскольниковъ. Раскольничья колонизація могла занести ее на окраины русской земли, гдѣ она могла быть перенята и усвоена инородцами; но возможно и другое предположеніе, уже ранѣе намѣченное нами: что напр. черемисская, мордовская и т. д.—и южнославянская легенды принадлежали первично одной и той-же полосѣ развитія и религіознаго міросозерцанія, богомилы лишь внесли въ кругъ своихъ дуалистическихъ миѳовъ, можетъ быть, не славянское преданіе, отвѣчавшее ихъ цѣлямъ, а черемисы и алтайцы получили обратно свой старый космогоническій миѳъ въ освѣщеніи христіанской ереси и апокрифовъ. Слѣды ихъ вліянія на столько ясны, что на ихъ указаніи едва-ли стоитъ останавливаться. Отмѣтимъ-лишь въ одной изъ мордовскихъ легендъ эпизодъ о «рукописаніи Адама» [2]), о древѣ познанія, о винѣ, какъ изобрѣтеніи дьявола (морд., вотяцк., монг.) и т. д.

---

[1]) Не въ нашихъ цѣляхъ лежало распространить сравненіе на сходные миѳы не-европейскихъ народовъ. Отмѣтимъ мимоходомъ лишь слѣдующій, приведенный проф. Сумцовымъ (Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ, Кіевская Старина 1887, Іюнь-Іюль, стр. 235, съ ссылкой на Reville, Les religions des peuples non civilisés, I, стр. 282): по религіозно-миѳическимъ представленіямъ Чипеваи первоначально была только вода. Великій духъ Виска приказалъ бобру спуститься въ воду и принести со дна моря немного земли на поверхность. Бобръ опустился, но земли не досталъ. Мускусная мышь обнаружила бóльшую ловкость и принесла немного тины. Тогда Виска дохнулъ на эту тину или на илъ, и послѣдній разросся до громадныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ отъ дыханія Виски произошла земля.

[2]) Тихонравовъ, Пам. отр. русск. лит. I, 4, 12, 300; Порфирьевъ, Апокр. сказ. по солов. ркп., стр. 40, 41. Сл. Nowosielski, Lud Ukraiński, I, 8—9.

Такъ или иначе, исконно-славянскій характеръ дуалистическаго миѳа о мірозданіи долженъ быть оставленъ подъ сильнымъ сомнѣніемъ. Что именно богомилы воспользовались имъ—на это есть факты, точно также какъ существуютъ несомнѣнныя свидѣтельства тому, что среди славянскаго населенія они или, точнѣе, создавшаяся у нихъ отреченная космогоническая повѣсть, содѣйствовала его распространенію. Для запада мы такихъ показаній не имѣемъ: мнѣ по крайней мѣрѣ не извѣстно ни одно записанное тамъ сказаніе, которое отвѣчало-бы содержанію нашихъ и южнославянскихъ. Фактъ, на первый взглядъ необъяснимый, но тѣмъ не менѣе находящій объясненіе. Южнославянская легенда о мірозданіи была выраженіемъ умѣреннаго дуализма, господствовавшаго среди богомиловъ сербскихъ и отчасти босанскихъ, у итальянскихъ патареновъ (кромѣ албанскихъ) и французскихъ катаровъ (за исключеніемъ тулузскихъ) [1]: два творческихъ начала сосуществуютъ въ мірѣ, доброе и злое, но первое видимо преобладаетъ, ограничивая самостоятельность второго, ему подчиненнаго, отъ него отпадшаго. Такое воззрѣніе и выражавшія его легенды легко усваивались въ христіанской средѣ, смягчавшей ихъ крайности. Среди крайнихъ дуалистовъ, какими были напр. тулузскіе катары, космогоническій миѳъ долженъ былъ отличаться другимъ, болѣе рѣзкимъ характеромъ, вызывать большее вниманіе господствующей церкви и преслѣдованія, отъ которыхъ не устоялъ. Замѣтимъ, кстати, что на западѣ эти преслѣдованія были устойчивѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ на востокѣ, и что альбигойскія войны рано пресѣкли распространеніе ереси, которая на балканскомъ полуостровѣ продолжала существовать до XIV и даже до XV столѣтія. Сказаннаго достаточно для объясненія неравномѣрной жизненности дуалистическаго преданія въ народѣ тамъ и здѣсь. Это, разумѣется, не исключаетъ возможности, что въ той или другой чертѣ дуалистическій миѳъ сохранился кое-гдѣ и въ западныхъ повѣрьяхъ.

---

[1]) Rački, Bogomili i patareni 170—1.

Я считаю по прежнему вѣроятнымъ, что распространенныя сказки о Правдѣ и Кривдѣ, о неравномъ дѣлежѣ, относятся къ числу усвоенныхъ богомилами: онѣ отвѣчала ихъ воззрѣнію, подѣлившему небо и землю между добрымъ и злымъ началомъ [1]). Далѣе мы увидимъ, что и нѣкоторыя преданія о созданіи звѣрей относятся, по всей вѣроятности, къ ихъ космогоническому миѳу. Выхваченные изъ связи цѣлаго толка, отторженные отъ системы, отдѣльные мотивы могли безъ-зазора просуществовать до насъ въ видѣ сказки и притчи. Говоря такимъ образомъ, я не поднимаю на-ново вопроса, уже поставленнаго мною выше (стр. 5) по поводу богомильской космогонической легенды: богомильство, какъ поздняя ересь, питалось и древними вѣроученіями и готовыми миѳами, почему легко выразить предположеніе, что многое, что въ послѣдней области мы считаемъ богомильскимъ, въ сущности сказывалось и распространялось ранѣе обособленія самой секты. Но эта секта была пропагандирующая, любила апокрифы и заподозрѣна была въ приверженности къ «баснямъ». Ея вліяніе на распространеніе космогоническаго сказанія въ православной славянской средѣ несомнѣнно; мы только обобщаемъ этотъ фактъ, перенося его предположительно на другія области, охваченныя еретическимъ движеніемъ. Оправданіе гипотезы — въ объясненіи нѣкоторыхъ, хотя-бы и второстепенныхъ данныхъ, стоявшихъ дотолѣ въ сторонѣ и внезапно освѣщающихся въ связи съ цикломъ аналогическихъ явленій. Повѣрку гипотезы мы предоставляемъ другимъ, ставя её въ зависимость отъ накопленія новаго, недоступнаго намъ матеріала [2]).

---

[1]) Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ стр. 95.

[2]) Уже во время печатанія этой статьи В. В. Каллашъ доставилъ мнѣ слѣдующій вотяцкій варьянтъ легенды о мірозданіи, записанный г. Богаевскимъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, отъ вотяка Лаврентія въ деревнѣ Новый Сентячь. Въ началѣ всего была одна вода; какое-то существо, имѣвшее при себѣ «посылку» (посыльнаго?), жило въ то время. Задумавъ сотворить землю, оно спустило своего «посылку» подъ воду въ большой бутыли, къ которой былъ привязанъ ремень. Спускали, спускали, а ремень все надо подвязывать. Наконецъ «посылка» дошелъ до рака. «Куда идешь?» — Искать

II.

Распорядокъ слѣдующаго изложенія не предвзятый, не руководящійся какимъ-нибудь изъ высказанныхъ выше взглядовъ на происхожденіе и народное или литературное значеніе космогоническаго миѳа, подлежащаго нашему разбору. Мы начинаемъ съ древнихъ свидѣтельствъ о немъ и съ раннихъ записей. Наиболѣе полный разсказъ принадлежитъ Евѳимію Зигабену[1]): Λέγουσι (т. е. богомилы) τὸν δαίμονα τὸν παρὰ τοῦ Σωτῆρος ὀνομασθέντα Σατανᾶν υἱὸν καὶ αὐτὸν εἶναι τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς, ὀνομαζόμενον Σαταναὴλ, καὶ πρῶτον τοῦ Υἱοῦ καὶ Λόγου, καὶ ἰσχυρότερον, ἅτε πρωτότοκον, ὡς εἶναι τούτους ἀδελφοὺς ἀλλήλων. Εἶναι δὲ τὸν Σαταναὴλ οἰκονόμον, καὶ δευτερεύοντα τοῦ Πατρὸς, τὴν αὐτὴν αὐτῷ περικείμενον καὶ μορφὴν, καὶ στολὴν, καὶ ἐν δεξιᾷ αὐτοῦ καθήμενον ἐπὶ θρόνου, καὶ τῆς μετ' αὐτὸν εὐθὺς τιμῆς ἀξιούμενον, ὑφ' ἧς μεθυσθέντα καὶ εἰς ἀπόνοιαν ἐπαρθέντα μελετῆσαι ἀποστασίαν, καὶ ποτε δραξάμενον καιροῦ καθεῖναι πεῖράν τισι τῶν λειτουργικῶν δυνάμεων, εἰ βούλοιντο κουφιζόμεναι τοῦ βάρους τῆς λειτουργίας ἀκολουθῆσαι τούτῳ καὶ συγκατεξαναστῆναι τοῦ Πατρός. — Они поддались его увѣщанію и Господь свергнулъ ихъ съ неба. Λέγουσι τὸν Σαταναὴλ ἄνωθεν ῥιφέντα καὶ μὴ δυνάμενον τοῖς ὕδασιν ἐφιζάνειν· Ἡ γῆ γὰρ, φησὶν, ἦν ἀόρατος καὶ ἀκατασκεύαστος· ἐπείπερ ἔτι καὶ τὴν θείαν περιέκειτο μορφὴν καὶ στολὴν, καὶ τὴν δημιουργικὴν ἐκέκτητο δύναμιν, συγκαλέσαι τὰς συγκαταπεσούσας αὐτῷ δυνάμεις, καὶ θάρσος αὐταῖς ἐμβαλεῖν, καὶ εἰπεῖν, ὡς· Ἐπεὶ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν ὁ Θεὸς ἐποίησεν.... ποιήσω κἀγὼ δεύτερον οὐρανὸν, ὡς δεύτερος

землю. — «Какую землю? Я сто двадцать лѣтъ живу здѣсь и никакой земли не знаю». Но «посылка» достаетъ её и набилъ себѣ ею полонъ ротъ. Когда онъ вернулся, главное существо говоритъ ему: Брызни этой землей, такъ чтобы у тебя во рту не осталось ни песчинки. Тому и стало любопытно: а что если оставить одну? Онъ такъ и сдѣлалъ: брызнулъ, и появилась гладкая земля, а песчинка во рту стала рости, и онъ не въ силахъ отъ нея освободиться. Главное существо велитъ ему скорѣе бросить её; отъ этого выросли горы и всякія неровности.

[1]) Euthymii Zigabeni, Panoplia Dogmatica, tit. XXVII, §§ 6—7. Сл. Rački, l. c., стр. 169 слѣд.

Θεός, καὶ τὰ ἑξῆς ἀκολούθως, καὶ εἶπε· Γενηθήτω στερέωμα, καὶ ἐγένετο, γενηθήτω τάδε καὶ τάδε, καὶ γεγόνασιν ἅπαντα. Καὶ κατακοσμήσας μὲν τὸν δεύτερον οὐρανὸν περιελὼν δὲ τὸ ὕδωρ ἀπὸ προσώπου τῆς γῆς καὶ τάξας ἐν οἷς ἐδοκίμασε τόποις, ... καὶ καλλωπίσας αὐτὴν καὶ καθωραΐσας, καὶ τὰ ἐκ γῆς πάντα φυόμενα δημιουργήσας, καὶ τὰ ζῶα, καὶ εἴ τι ἕτερον, ἀπεκλήρωσε ταύτην ἑαυτῷ τε καὶ ταῖς ἀποστατικαῖς δυνάμεσιν οἰκητήριον. Ἔπειτα πλάσας τὸ σῶμα τοῦ Ἀδὰμ ἀπὸ γῆς ὕδατι φυραθείσης, ἔστησεν ὀρθὸν, ἀφ' οὗ καταρρεύσασά τις νοτὶς ἐπὶ τὸν δεξιὸν πόδα, καὶ διὰ τοῦ μεγάλου δακτύλου χυθεῖσα κατὰ τοῦ ἐδάφους ἑλικοειδῶς ἐρρύη, καὶ σχῆμα ὄφεως ἀπετέλεσεν. Αθροίσας δὲ τὸ ἐν ἑαυτῷ πνεῦμα ὁ Σαταναὴλ ἐνέπνευσε τῷ πλασθέντι σώματι ζωὴν, τὸ δὲ ἐξ αὐτοῦ πνεῦμα διὰ χαυνότητα καταῤῥυὲν ἐπὶ τὸν δεξιὸν ὁμοίως πόδα, καὶ διὰ τοῦ μεγάλου δακτύλου χυθὲν εἰς τὴν ἑλικοειδῆ ῥανίδα κατέσκηψεν. Ἡ δὲ παραυτίκα ζωοποιηθεῖσα, καὶ ἀποτμηθεῖσα τοῦ δακτύλου γέγονεν ὄφις, καὶ εἵρπυσε. Διὰ τοῦτο γὰρ καὶ φρόνιμον αὐτὸν γενέσθαι, καὶ νουνεχῆ, ὡς τοῦ ἐμφυσήματος τοῦ Σαταναὴλ εἰς ψυχὴν αὐτῷ καταστάντος, ὅπερ ἰδὼν ὁ καινὸς οὗτος δημιουργὸς, καὶ γνοὺς, ὅτι μάτην πονεῖ, διεπρεσβεύσατο πρὸς τὸν ἀγαθὸν Πατέρα, καὶ παρεκάλεσε πεμφθῆναι παρ' αὐτοῦ πνοὴν, ἐπαγγειλάμενος κοινὸν εἶναι τὸν ἄνθρωπον, εἰ ζωοποιηθῇ, καὶ ἀπὸ τοῦ γένους αὐτοῦ πληροῦσθαι τοὺς ἐν οὐρανῷ τόπους τῶν ἀποῤῥιφέντων ἀγγέλων. Τὸν δὲ Θεὸν ὡς ἀγαθὸν ἐπινεῦσαι καὶ ἐμφυσῆσαι τῷ παρὰ τοῦ Σαταναὴλ πλασθέντι πνεῦμα ζωῆς, καὶ γενέσθαι παραυτίκα τὸν ἄνθρωπον εἰς ψυχὴν ζῶσαν λαμπρύνασαν τὸ σῶμα, καὶ πολλαῖς αὐτὸ καταφαιδρύνασαν χάρισιν. Слѣдуетъ далѣе разсказъ о сотвореніи Еввы и о зависти Сатанаила, который, вселившись въ тѣло змѣи, обольщаетъ Евву; отъ него она родитъ Каина и Каломену. За это Господь наказалъ его, отнявъ ἀπ' αὐτοῦ τὴν θείαν αὐτίκα καὶ στολὴν καὶ μορφὴν καὶ τὴν δημιουργικὴν, ὡς εἴρηται, δύναμιν καὶ τὴν τοῦ Θεοῦ προσηγορίαν. Θεὸν γὰρ ἄχρι τότε καὶ αὐτὸν ὀνομάζεσθαι. Καὶ γυμνωθέντα τούτων ἁπάντων σκοτεινὸν γενέσθαι καὶ δυσειδῆ. Τὸν δ' ἀγαθὸν Πατέρα μέχρι τούτου στήσαντα τὴν ὀργὴν, ἀφεῖναι τοῦτον κοσμοκράτορα καὶ κύριον, ὧν αὐτὸς ἐδημιούργησε, πεσὼν ἄνωθεν.

Изъ отрывочнаго разсказа Зигабена отмѣтимъ слѣдующее, что пригодится намъ при дальнѣйшемъ разборѣ: Сатанаилъ и Богъ-Сынъ — братья; творчество перваго неба и земли приписано Богу Отцу; лишь послѣ паденія своего Сатанаилъ пытается создать новое небо, освобождаетъ землю изъ подъ водъ, производитъ звѣрей и растительность. Его участіе въ дѣлѣ сотворенія человѣка ограничивается тѣломъ, которое онъ не въ состояніи оживить; вмѣсто того ему удается только создать змѣю. Его роль въ дуалистической космогоніи уже принижена: онъ не равносиленъ Богу-отцу, хотя считается сильнѣе брата-Христа; Евѳимій Зигабенъ зоветъ его иронически: Καινός .... δημιουργός; въ Liber S. Joannis онъ названъ: imitator Dei.

Разбирая эту книгу, болгарскую по происхожденію (secretum Haereticorum de Concorezio, portatum de Bulgaria a Nazario, suo episcopo) [1]), я ограничусь общей схемой, чтобы имѣть возможность воспользоваться отдѣльными эпизодами при анализѣ соотвѣтствующей славянской статьи. Планъ Liber даетъ бесѣда ап. Іоанна съ Христомъ за трапезой. Первый спрашиваетъ: «Domine, antequam Satanas caderet, in qua gloria persistebat apud patrem tuum? Et dixit mihi: In tali gloria erat, quod ordinabat virtutes caelorum; ego autem sedebam apud patrem meum. Ipse erat ordinans omnem imitatorem patris (? вѣроятно: omnia, et imitator) et descendebat de coelo in infimum et ascendebat ab infimis usque ad thronum invisibilis patris, et observabat gloriam quae erat moventis coelos, et cogitavit sedem suam ponere super nubes coelorum et volebat altissimo similis esse». Онъ спускается до огня въ преисподней, и вернувшись, «introivit ad angelum aëris et ad eum, qui super aquas erat, et dixit eis: Haec omnia mea sunt; si audieretis me, ponam sedem meam in nubibus et ero similis altissimo et tollens aquas de superiori firmamento isto caetera loca maris congregabo, et post hoc non erit aqua super faciem universae terrae, et regnabo vobiscum in secula

---

[1]) Thilo, Codex apocryphus novi testamenti, p. 884 прим. 1.

seculorum»[1]). Сатанаилъ свергнутъ за свою гордыню, увлекъ съ собою «cum cauda tertiam partem angelorum dei». «Et descendens Satanas in firmamentum hoc nullam requiem potuit facere sibi nec iis qui cum eo erant. Et rogavit patrem dicens: Patientiam habe in me, et omnia reddam tibi. Et misertus ei pater, et dedit ei requiem et his qui cum eo erant, quodcunque vellet, usque ad septem dies. Тогда началось творчество Сатанаила: онъ поднимаетъ небо изъ подъ воды, творитъ солнце, луну и звѣзды; fecit angelos ministros suos secundum ordinem formae altissimi et praecepto invisibilis patris tonitrua, pluvias, grandines et nives; emisit angelos ministros suos super ea et praecepit terrae, ut produceret omne altile et omne reptile et arbores et herbas, et praecepit mari, ut produceret pisces et aves coeli. Онъ сотворилъ изъ глины (corpus luteum) тѣла Адама и Еввы, повелѣвъ двумъ ангеламъ третьяго и второго неба войти въ нихъ. Онъ велѣлъ имъ смѣшаться, но они не умѣли сотворить грѣха; тогда онъ поднялся на хитрость: создалъ рай и ввелъ туда первыхъ людей; «et plantavit diabolus arundinem in medio paradisi, et ita celavit ingenium suum diabolus nequam, ut ipsi non cognoscerent deceptionem ejus. Et intrabat et loquebatur ad eos dicens: De omni fructu, qui est in paradiso, comedite, de fructu vero scientiae boni et mali nolite comedere. Verumtamen introivit diabolus in serpentem nequam et seduxit angelum, qui erat in forma mulieris, et effudit frater ejus (sc. Adam) concupiscentiam peccatorum et fecit concupiscentiam suam cum Eva in cantu (cute?) serpentis.

Это представленіе о созданіи человѣка, раздѣляемое и катарами и босанскими еретиками[2]), значительно разнится отъ сооб-

---

[1]) Сатана уговариваетъ ангеловъ не платить Господу должнаго, а менѣе слѣдуемаго: тенденціозное толкованіе извѣстной притчи въ Евангеліи отъ Луки, о которой говоритъ и Зигабенъ l. c. tit. XXVII, § 6. Сл. Thilo l. c. p. 886—7, прим. 1.

[2]) Сл. Thilo, l. c. стр. 889, прим. 4; Rački, l. c. 178, 175.

щаемаго Зигабеномъ: въ Lib. Johannis дьяволъ творитъ тѣло изъ глины, такъ и у Зигабена; но тамъ Сатанаилъ вселяетъ въ тѣло ангельскую душу, здѣсь самъ Господь оживляетъ духомъ своимъ созданную демономъ плоть, и участіе Сатаны оканчивается его неудачей — и сотвореніемъ змѣи. Славянскій апокрифъ представляетъ здѣсь, какъ увидимъ, то характерное отличіе, что участію Сатаны даются другія границы и другое освѣщеніе: онъ хочетъ завѣдомо испортить *созданіе* Божіе, *искажая* тѣло человѣка. Авторъ Liber S. Johannis, кажется, зналъ легенду, сходную съ апокрифомъ, но лишь въ чертѣ, приписывающей Господу созданіе человѣческаго тѣла; эту легенду онъ отрицаетъ, какъ ложную. Отвѣчая на вопросъ апостола, Христосъ говоритъ ему: «Audi, Johannes, dilecte patris mei, insipientes homines ita dicunt in praevaricatione patrem meum corpora lutea fabricare; sed spiritu sancto omnes virtutes coelorum fecit, et sancti propter praevaricationem inventi sunt habentes corpora lutea mortalia, et ideo morti traditi sunt». Невѣжественные люди говорили, стало быть, что Господь создалъ людямъ тѣло отъ персти; на самомъ дѣлѣ, грѣхопаденіе было причиной того, что люди явились съ тѣлами отъ персти, т. е. смертными. — Какъ соединялъ авторъ это преданіе объ антропогоніи съ предыдущимъ, по которому Сатана былъ и творцемъ плоти отъ персти и подателемъ духа (отъ ангела) — я не знаю. Представленію, что тѣла прародителей до грѣхопаденія были иныя, чѣмъ послѣ того, отвѣчаютъ въ извѣстной мѣрѣ народныя преданія: будто тѣло человѣка первоначально было покрыто роговою оболочкою и т. д. [1]).

---

[1]) Сл. Терещенко, Бытъ русскаго народа V, 48—9; Шейковскій, Бытъ Подолянъ, т. I, вып. 2, стр. 26; Rulikowski, Opis posada Wasylkowskiego, 177; Nowosielski, Lud Ukraiński I, 5—6; Чубинскій, Труды I, стр. 145—6; Е. Барсовъ, Народныя преданія о міротвореніи, Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. россійскихъ при Москов. Университетѣ 1886, кн. IV, Матеріалы историко-этнографическіе, стр. 6. Сл. выше, стр. 12—13, мордовское преданіе о мірозданіи.

Бесѣды Козьмы пресвитера [1]) не даетъ подробностей для космогоническаго миѳа болгарскихъ богомиловъ. Они говорили: «яко нѣсть Богъ сотворилъ небесе, ни земля, ни всѣхъ сихъ видимыхъ», дьявола прозывали властелиномъ и княземъ твари Божіей, «глаголюще: по діаволи воли суще вся, небо, солнце, звѣзды, воздухъ, земля, человѣка, церкви, кресты и вся Божіа дьяволу предаютъ и просто вся движущіяся на земли, и съдушная и бездушная, дьяволомъ зовуть». «Слышаще бо въ евангеліи Господа рекша притчю о двою сыну, Христа убо творять старѣйшаго сына, меньшаго же, еже есть заблудилъ отца, діявола мѣнять, и сами и мамону прозваша, и того творца нарицаютъ и строителя земныхъ веществъ и того повелѣвша человѣкомъ жены поимати и мясо ясти и вино пити».

Къ этимъ свидѣтельствамъ примыкаетъ славянская статья, съ эпизодомъ, очевидно, богомильскаго происхожденія, къ сожалѣнію еще не изданная и не разобранная критически. Щаповъ [2]) сообщилъ ея отрывокъ по извлеченіямъ, сдѣланнымъ проф. Григоровичемъ изъ одной Слепченской рукописи; на другую рукопись Григоровича (изданную нынѣ г. Мочульскимъ), позднѣйшаго письма, ссылается въ своихъ сообщеніяхъ и проф. Буслаевъ [3]); Пыпинъ пользовался статьей также въ новомъ спискѣ, гдѣ она озаглавлена *«Свитокъ божественныхъ книгъ»* [4]); въ рукописяхъ, изъ которыхъ проф. Лавровскій сообщилъ Ербену [5]) космогоническій эпизодъ, она надписана — въ одной: *Сказаніе о созданіи міра*, какъ и въ новомъ спискѣ, обязательно доставленномъ мнѣ проф. Порфирьевымъ, и въ ва-

---

[1]) Сл. Православный Собесѣдникъ 1864 г., ч. I, стр. 493 и ч. II, стр. 97, 100, 101, 108, 198.

[2]) Щаповъ, Очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія, Журн. Мин. Нар. Просв. 1863, Мартъ 91.

[3]) Очерки, I, 615 слѣд.

[4]) Пыпинъ, Ложныя и отреченныя книги русской старины (Русское Слово 1862, Февраль стр. 52 слѣд.); Пыпинъ и Спасовичъ, Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, 2 изд. I, стр. 79—80.

[5]) l. с. 38.

ріантѣ у Щапова [1]); въ другой, съ содержаніемъ которой познакомилъ насъ Щаповъ [2]): *Христовъ дневникъ*; въ экземплярѣ, принадлежащемъ Археологическому музею при кіевской Академіи Наукъ № 135 (поступ. отъ Е. Барсова): *Слово о зачатіи неба и земли и всея вселенныя.* Одинъ изъ текстовъ проф. Григоровича (XVIII в., вывезенъ изъ Чебоксаръ) былъ напечатанъ г. Мочульскимъ [3]), нач. «Трудолубивыхъ мужей и бголюбивыхъ списано изъ божественныхъ книгъ Василія великаго, Григория богослова, Іоанна Дамаскина о преславныхъ преніихъ невѣдомыхъ вещей». Болѣе древній текстъ сказанія изданъ былъ ранѣе того Е. Барсовымъ; онъ озаглавленъ: *Ѡ тиверіадскомъ морѣ* [4]). Изъ предисловія къ этому изданію мы узнаемъ еще объ одномъ спискѣ (XVIII в.) той-же статьи, находящемся въ собраніи Е. В. Барсова: *О бытіи неба и земли.* — Отдѣльными частями наша статья вошла въ нѣкоторые изводы «Бесѣды трехъ святителей» [5]).

Содержаніе ея компилятивное, напоминающее извѣстный сводъ апокрифовъ, носящій имя болгарскаго попа Іереміи (Слово о моисеовомь извитѣмь дрѣвѣ), начинается съ разсказа о мірозданіи, сверженіи сатаны, твореніи первыхъ людей, переходя къ грѣхопаденію прародителей, изгнанію ихъ изъ рая и покаянію, убійству Авеля и искупительной жертвѣ Христа. Апокрифическое содержаніе, наполняющее эти рамки, разнообразится по спискамъ: такъ повѣсть о «морѣ тиверіадскомъ», изданная Е. Барсовымъ, и списокъ проф. Порфирьева вводятъ обильно

---

[1]) Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древне-русскихъ народныхъ сказаніяхъ о мірѣ. Православный Собесѣдникъ 1861 г., часть II, стр. 261 слѣд.

[2]) l. c. стр. 263—5.

[3]) Мочульскій, Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. Варшава 1887, стр. 237 слѣд.

[4]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. 1886, II, Матеріалы историко-литературные стр. 5—8.

[5]) Сл. напр. у Порфирьева, Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, стр. 87—9, изъ статьи: Повѣсть стго Андрѣя со Епифаниемъ о *вопросѣхъ и отвѣтехъ.*

мотивы изъ крестныхъ сказаній: хожденіе Сиѳа въ рай и легенду о разбойникахъ, сторожившихъ крестное древо, извѣстную, кромѣ того, лишь изъ Іереміиной компиляціи. Но списки, судя по немногимъ, доступнымъ мнѣ въ текстѣ и извлеченіяхъ, расходятся еще и въ другомъ отношеніи: одни, которые мы обозначимъ названіемъ *Свитка божественныхъ книгъ* (списокъ Пыпина, Григоровича; Археол. Муз. при Кіевск. дух. Академіи) начинаются съ разсказа объ единоличномъ творчествѣ Господа, лишь впослѣдствіи переходя къ противопоставленію, въ творческомъ актѣ, Бога и Сатанаила; другіе открываются прямо послѣднимъ эпизодомъ, какъ напр. сказаніе о тиверіадскомъ морѣ (Барсовъ, Порфирьевъ; Сказаніе о созданіи міра и Христовъ дневникъ). Слѣдующія сопоставленія разъяснятъ отношенія обоихъ текстовъ между собою.

Въ *Свиткѣ* божественныхъ книгъ (по чебоксарской рукоп. Григоровича) разсказъ начинается такимъ образомъ: «Прежде земли бысть Господь Саваоѳь въ трехъ комарѣхъ на воздусѣхъ въ велелѣпоте, безначальный царь, невѣдомъ, таинъ, присносущный, несозданный, несказанный, нерожденный, незачатый, вмѣстный и невидимый и неосязаемый, безсмертный и безплотный. И тогда бысть свѣтъ отъ лица Господня Саваоѳа седмерицею свѣта сего свѣтлѣе, ризы его быша бѣлыи яко свѣтъ свѣтозарный отъ лица Господня. И сидѣлъ Господь Саваоѳь в трехъ коморехъ на воздусѣхъ на престолѣ превыспренняя славы, и помысли себя Господь Саваоѳъ безначальный отецъ, тако оᵀргнулъ отъ сердца и родилъ возлюбленнаго сына божія Господа нашего Иисуса Христа, из-вустъ своихъ духъ свои святыи изъпусти на него видѣ ѡ голубяте образѣ. Сѣми треми комарами прообразова Господь троичный и безначальный сынъ и отецъ и съвятый духъ, на тѣхъ трехъ комарехъ безначальный крестъ, и тотъ крестъ прообразова Господь Богъ распятие сына своего Иисуса Назарянина иудейска.... Не бысть тогда неба, ни земли, ни моря, ни ангелъ, ни архангелъ, ни херувимъ, ни серафимъ, ни рѣкъ, ни езеръ, ни кладезей, ни источникъ, ни человѣкъ, ни горъ, ни

облакь, ни звѣздъ, ни свѣту, ни звѣрей, ни птицъ, ни вертепъ, ни зарей: тогда была тма и бездны и темнота, не бысть тогда ни дня, ни нощи, ни вѣковъ, ни часовъ. Тогда бысть себе безсмертный безначальный сынъ божій Іисусъ Христосъ, сотвори словомъ повелѣниемъ отца своего небеснаго всю тварь небесную, видимую и невидимую. И како рече Господь, тако сотворилося и создалося духомъ святымъ отъ оустъ его премудрыхъ. И рече Господь: Буди небо хрустальное на столпѣхъ желѣзныхъ на седмидесяти тмахъ тысящь, и будите озера и облаки и звѣзды и свѣтъ, и вѣтръ дунулъ изъ нѣдръ своихъ, раи на востоцѣ насади, и востокъ и западъ и сѣверъ и югъ, ангелъ [1]) сидитъ на востоцѣ въ велелѣпоте превыспреняя славы своея; седмъ небесъ словомъ сотвори Господь, мразъ отъ лица господня исхо̃шъ, а громъ — гласъ господень въ колесницѣ огненной утвержденъ, а молнія слово господне изо устъ божиихъ исходитъ, а солнце отъ нутренія ризы господни, понеже Господь по лицу своему утреся, а луна ѡтъ лица.—И рече Господь: Буди тма столповъ на воздусѣхъ; и тако сотворилося словомъ господнимъ, а столпы недвижимыя желѣзныя отъ начала вѣка сего, и буди на тѣхъ столпѣхъ камень недвижимый, а на камени земля, а подъ землею адъ недвижимыи и весь мѣденъ, и вереи желѣзныя и врата мѣдныя и-желѣзныя, а подъ адомъ тартаръ, дна нѣтъ. И рече Господь: Буди надъ адомъ т'ма столповъ мѣдныхъ и на столпахъ камень, а на камени земля. Господь словомъ камень и кремень сотвори. И рече Господь: Буди на земли море тивириадское, вода соленая. Первая земля на воздусѣхъ сотворена и утверждена, вторая земля на аде, а на той земли море, а у того моря тивириадскаго брегу нѣтъ». Здѣсь примыкаетъ разсказъ, съ котораго начинается повѣсть о «тиверіадскомъ морѣ».

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ приведеннаго сказанія. Оно, очевидно, спутано въ эпизодѣ о созданіи земли: говорится о двухъ земляхъ, изъ которыхъ одна утверждена на

---

[1]) Въ спискѣ Пыпина: Богъ.

адѣ, на ней море; другая «на воздусѣхъ», но о ней не было рѣчи. Въ статьѣ о «тиверіадскомъ морѣ» Господь творитъ землю на морѣ, такъ далѣе и въ Свиткѣ: это и есть вторая земля; первая, очевидно, покоится на адѣ; послѣдовательность такая: *камень*, поддерживающій *первую землю*, подъ нимъ *адъ* и тартаръ; на землѣ *море* (тиверіадское), на которомъ Господь и творитъ *вторую землю*. Это, съ нѣкоторыми оттѣнками, послѣдовательность космогоническихъ отрывковъ, встрѣчающихся въ славянскихъ спискахъ, въ богомильскомъ Liber Johannis и цѣломъ рядѣ западныхъ Вопросовъ и Отвѣтовъ [1]); Свитокъ не забылъ, какъ увидимъ, и гигантскихъ рыбъ, но не знаетъ міроваго дерева. Сл. апокрифъ «Отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ»: «Въпрос: Да скажи ми що дрьжить землю? Рече: Вода висока. Да що дрьжитъ воду? Ѡтвѣтъ: Камень плосень вельми. Да что дрьжить камень? Рече: Камень дрьжить .д. китовы златы. Да что дрьжить китове златы? Рече: Рѣка ѡгньн'наа. Да что дрьжить того ѡгнꙗ? Рече: Други огнь еже ѥсть пожечь того ѡгнꙗ .в. чести. Да что дрьжить того огнꙗ? Рече: Доубь желѣзный, ѥже єсть прьво посаждень ѡть въсего же кореніе, на силе божіеи стоить». Существенно тоже находимъ въ «Словѣ о небеси и земли»: «Отъ чеса бысть земля? Отъ тины водные. Что дрьжить землю? Вода». Далѣе: камень; вмѣсто китовъ — «брави четворо, крилати. А брави четире что дрьжить? Огнь отнудуже бане истечють. А огнь что дрьжить? Други огнь горчаиши того .ві. крать. А ть огнь что подьдрьжить? Дубъ прьво всѣхь насаждень, а кореніе дуба того стоить на силѣ божіе, Господь-же и сила божіа зачела и конца не имать». Въ болгарскомъ спискѣ Бесѣды трехъ святителей прошлаго столѣтія [2]), снова являются «.д. китове златни», подъ ними огненная рѣка, подъ которой «други огнь погорешь .ві. чета», а его держитъ «железень дапь, да то е наинапреть посадень, а корену му стоꙗть на сила божіа». —

---

[1]) Тихонравовъ, Пам. отр. русск. лит. II, стр. 443; Jagić въ Archiv f. slav. Philol. I, стр. 95, 127—8; R. Koehler ib. 335—6.

[2]) Изд. Novaković, Starine VI, стр. 48.

R. Köhler (l. c.) указалъ на рядъ западныхъ параллелей къ приведенной славянской статьѣ. Въ діалогѣ между Адріаномъ и Епиктетомъ на вопросъ: «Quid sustinet terram?» отвѣчаютъ: Aqua.

Quid sustinet aquam? Petra.

Quid sustinet petram? Quatuor animalia (толкуются иносказательно: четыре евангелиста).

Quid sustinet illa quatuor animalia?

Ignis.

Quid sustinet ignem? Abissus.

Quid sustinet abissum?

Arbor quae ab initio posita est, ipse est Dominus Jesus Christus. И здѣсь иносказаніе взяло верхъ надъ реальнымъ образомъ: въ Historia de la donzella Theodor дерево толкуется какъ «el arbol que fue plantado en el parayso, que la rayz del yva en et infierno ante de la pasion de Jhesu Cristo», что подтверждаетъ и провансальская статья, гдѣ дерево, поддерживающее пропасть, райское: на немъ живутъ патріархи и пророки. Славянскіе тексты, очевидно, разумѣютъ то-же; выраженіе: «кже єсть дрьво посаждень (т. е. доубь), *ѡтъ въсего же кореніе*», я сближаю съ разсказомъ Григорія о крестномъ древѣ: когда Господь насаждалъ рай, Сатанаилъ похищалъ *отъ всѣхъ сѣмянъ* и сѣялъ ихъ посреди рая. «Рече Гдь: Ту бу^д азь и тело мое и будеть тебѣ на прогнаніе. Изьшь^дши же вьнь Сатанаиль и рече: Гй, б^слвы елико насадихѡ^м. Бъ рече: Тоу есмь азь посрѣ^д рая. Ег^да иде Сатанаиль да видить дрѣво свое кже насади, то^гда почрьнѣнь бы діяволь, и дрѣво его из^гна из^ рая» [1]). «Имать отъ всѣхь саждений дрѣвныхь вьсприято на себѣ и отъ всѣкого снѣдения и плода», говорится о райскомъ древѣ въ преніи Панагіота съ Азимитомъ [2]). — Сопоставляя провансальскіе Вопросы и Отвѣты съ Historia de la donzella Theodor, мы получаемъ новое подтвержденіе параллели между крестнымъ деревомъ хри-

---

[1]) Сл. Разысканія X, стр. 370—1.

[2]) См. мой очеркъ древне-русск. повѣсти въ Ист. русск. лит. Галахова I, стр. 469.

стіанскихъ легендъ и образомъ сѣвернаго Иггдразила, одинъ изъ корней котораго также спускается въ Niflheim = infierno [1]). Вспомнимъ индійскія представленія о мірѣ, какъ «древѣ Брагмы» (açvattha = ficus religiosa): его корни на высотѣ, вѣтви спускаются внизъ, на немъ покоятся міры; ὑπόπτερος δρῦς Ферекида, на которомъ Зевсъ распростеръ небо, землю и океанъ [2]); металлическое міровое дерево-сосну Айно и т. п. [3]).

Собранныя указанія подтверждаются эпизодомъ богомильскаго Liber S. Johannis [4]) и съ своей стороны вносятъ въ него нѣкоторыя исправленія. Надо помнить, что эпизодъ этотъ введенъ за разсказомъ о сотвореніи *второй* земли; послѣдовательность начинается, стало быть, съ воды = моря, покрывающаго первую землю = камень; она покоится на двухъ гигантскихъ рыбахъ «Et transcendens (Satanas) invenit universam faciem terrae coopertam aquis. Et transcendens subtus terram invenit duos pisces, jacentes super aquas, et erant sicut boves juncti ad arandum, tenentes totam terram invisibilis patris praecepto ab occasu usque ad solis ortum. Et cum descendisset, invenit nubes pendentes, tenentes pelagum maris. Et cum descendisset deorsum, invenit suum *ossop*, quod est genus ignis, et postea non potuit descendere deorsum propter flammam ignis ardentis». Текстъ въ концѣ едва-ли не испорченъ: рыбы являются возлежащими super aquas = pelagum maris. Подъ aquas разумѣется, быть можетъ, рѣка огненная славянской статьи, на которой покоятся киты; въ такомъ случаѣ ossop = genus ignis будетъ «други огнь еже ѥсть пожечь того огнꙗ .в. чести», «горчайши того .ві. кратъ», «погорешь .ві҃. чета».

Къ разобранному выше разсказу Свитка примыкаетъ, какъ уже сказано выше, эпизодъ о «тиверіадскомъ морѣ». Тиверіад-

---

[1]) Разысканія IV, стр. 60, 66—7.

[2]) Darmesteter l. c., стр. 148, 168; сл. 179—180.

[3]) См. Academy 1888 г. № 862, стр. 305—6: Aino Hymns. Сл. J. Krohn, Finska litteraturens historia I, стр. 201 слѣд. (Den stora eken).

[4]) Thilo, l. c., p. 886.

ское море показатель моря вообще. Въ одномъ спискѣ Вопросовъ и Отвѣтовъ на вопросъ: «колико ѐ горъ [и] велики^{х} моръ?» дается такая отповѣдь: «.ві. горъ аравитьскы^{х}; . . . . а моръ велики^{х} .ві., а всѣмъ горамъ мати Өа[во]рьскаꙗ, а моремъ тивир[и]ядьское море» [1]).

Соотвѣтствіе сказанія о тиверіадскомъ морѣ съ Свиткомъ по (ркп. Григоровича) легко уяснить себѣ изъ слѣдующаго сопоставленія:

Свитокъ: «первая земля на воздусѣхъ сотворена и утверждена, вторая земля на аде, а на той земли море, а у того моря тивириадскаго брегу нѣтъ. И с'ниде Господь по воздуху на море тивириадское и узрѣ Господь плавающа на томъ море тивириадъскомъ гоголя» и т. д.

Сказаніе о тивериадскомъ морѣ: «Егда не бысть неба ни земли, и тогда бысть одно море тивириадское, а береговъ оу него не было; и сниде Г^{с}дь по воздуху на море тивириадское й видѣ Гдь на мори гоголꙗ пловуща, а тотъ гоголь Сотанаилъ, заросъ во [п]єніи морской. И рече Г^{с}дь Сотанаилу, аки не вѣдаꙗ его: Кто єси? И рече Сотанаилъ: Азъ єсми Богъ. А менꙗ како наречеши? И ѡтвѣща Сотанаилъ: А ты Богъ богомъ и Господь господемъ. Аще бы Сотанаилъ не то слово рекъ Господу, и Господь бы єго тутъ же искоренилъ на мори тивириадскомъ. И рече Господь: Сотонаиле! Понырисꙗ въ море и вынеси мнѣ земли и кремень. Сотонаилъ же послуша Господа и понырисꙗ въ море и вынеси земли и кремень. *(И взꙗ Господь землю и песокъ, разсꙑꙗ по морю тивириадскому и рече: Буди на море землꙗ толъста и пространна)* [2]). И възꙗ Господь оу Сотонаила кремень и преломи его на полы, и въ правой рукѣ оставь Господь оу себꙗ, а въ лѣвой ѡтдалъ Господь Сотонаилу. И взꙗ Господь посохъ и нача бити кремень и рече: Вылѣти из него кремени аггели и архангели по образу моему и по подобію и безплотніи.

---

[1]) Мочульскій l. c. 114.

[2]) Поставленнаго въ скобки нѣтъ въ ркп. Григоровича.

И почали ѡтъ того кремени вылѣтати силы огненъныѧ, и сотвори Господь аггелы и архаггелы и всѧ девѧть чиновъ. И виде Сотонаилъ, что сотворилъ Господь, и почалъ тотъ кремень бити, что далъ ему Господь изъ лѣвыѧ руки, и почали оу Сотонаилу вылѣтати аггелы его сотонаиловы, себе сотвори силу великую. И сотвори Господь [Сотонаила] началникомъ надо всѣми чиньми аггельскими». Въ Свиткѣ (ркп. Григоровича) созданіе ангеловъ и бѣсовъ разсказано иначе и сотвореніе (второй) земли помѣщается уже послѣ того: «И оудари Господь жезломъ по каменю и рече Господь: Будите ангели по образу моему, сильни, безплотнии и безсмертныи, совершайте хотѣние мое в вышнихъ. И сотвори Богъ отъ криле огненныхъ Михаила архангела и Гаврила, Іеурия и Михаила парафлама, помогая херувимы, серафимы, ангели, архангели; а жезлъ былъ стальной укладной, чѣмъ оудари Господь нашъ Иисусъ Христосъ, и съ камени вылетели ангели словомъ повелѣнія Господня, Михаилъ архангелъ и Гаврилъ, небеснаго царя воеводы; Сатана-же набилъ изъ каменя бесовную безчисленную силу боговъ плотныхъ. И рече Господь: Будите тридесятъ три кита на море тивиріадскомъ на водахъ, и буди на тѣхъ китѣхъ земля, и *разсѣя Господь землю на нихъ: буди земля толста, широка и пространна;* и прорасте древеса и травы и цвѣты, горы и холмы и источники и езера и рѣки. И сотвори Господь отъ земли зверей и скоты и рыбы въ водахъ и птасицы, летящия по воздухоу, и сотвори день и нощъ и гады, пресмыкающяся по земли, а китомъ тѣмъ повелѣ пищу Господь ангеломъ отъ рая приносити, на нихже утверждена земля и не подвизается ни въ которую сторону».

Изъ дальнѣйшаго разсказа, общаго той и другой рецензіи, отмѣтимъ лишь непосредственно слѣдующее: гордыня сатаны, его сверженіе и созданіе Адама Христомъ «ѡтъ седми частей: ѡтъ земли тѣло, ѡтъ камени кости, ѡтъ морѧ кровь, ѡтъ слнца очи, ѡтъ ѡблака мысли, ѡтъ ветра дыханіе, ѡтъ ѡгнѧ теплота. И поиде Господь на небеса ко ѡтцу своему по дшу Адама, Сотона же, не вѣдаѧ что сотворити ему, истыка тѣло адамово

персты; и пріиде Господь къ своему созданію к тѣлу адамову и виде тѣло истыкано все, и рече Господь: О діаволе, како еси смѣлъ надъ моимъ созданіемъ тако сотвори[ти]? И отвѣща діаволъ: Господи, аще тѧ кой чл҃вкъ чьгънетъ (Сказ. о тивер. морѣ; у Григоровича: забудетъ тѧ), что заболилъ, и тотъ да тебѧ помѧнетъ. И Господь повороти Адама внутръ ранами; и ѡттоле зачатсѧ болѣзнь, Сотана сотворилъ: аще оу кого заболитъ, и тотъ да воздохнетъ, охъ, охъ, Господи помилуй».

Этимъ эпизодомъ сказанія о тиверіадскомъ морѣ[1]), тождественнымъ въ общихъ чертахъ съ соотвѣтствующимъ эпизодомъ Свитка, мы заключимъ наши извлеченія изъ славянской космогонической повѣсти, чтобы предложить по ея поводу нѣсколько общихъ заключеній.

Мы уже сказали (сл. стр. 33), что космогоническій миѳъ, выраженный въ ней, отличается замѣтно-смягченнымъ характеромъ дуализма, и что эта смягченность могла отвѣчать воззрѣніямъ того толка, среди котораго вращался самый миѳъ. Можетъ быть, мы вправѣ присоединить къ этому и еще объясненіе: вліяніе христіанской передѣлки. Въ Liber Johannis, болгарскій источникъ котораго несомнѣненъ, Сатанаилъ является совопросникомъ Господа, хотя ему и неравномѣрнымъ; ему приписано созданіе второй земли (по его желанію она вышла изъ воды), солнца и свѣтилъ. Въ славянской статьѣ всё это совершается мановеніемъ Божіимъ, и лишь сотвореніе злыхъ духовъ принадлежитъ сатанѣ. Въ созданіи человѣка онъ участвуетъ страдательно, портитъ его: позднее искаженіе мотива, намѣченнаго у Зигабена, гдѣ сатана пытается, но неудачно, оживить человѣка, какъ въ крестной легендѣ у Григорія онъ насаждаетъ райское древо, но себѣ во вредъ. Съ точки зрѣнія христіанской эти неудачныя попытки творчества сложились въ типъ: дьявола, какъ simia Dei; сл. imi-

[1]) Сл. Сказаніе како сотвори Богъ Адама (Пам. старинн. русск. лит. III, стр. 12 слѣд.). Начинается съ разсказа о сотвореніи Адама отъ восьми частей; слѣдуетъ эпизодъ о діаволѣ, осквернившемъ тѣло перваго человѣка — и о собакѣ.

tater Dei въ Liber S. Johannis; за передѣлками богомильской дуалистической легенды мы вправѣ предположить другое основное воззрѣніе, затемненное лишь впослѣдствіи: представленіе дьявола, какъ дѣйствительнаго творца всего видимаго и плотскаго. Liber Johannis говоритъ о созданіи имъ земли и свѣтилъ, животнаго и растительнаго міровъ; въ народныхъ легендахъ, которыя мы далѣе сопоставимъ съ славянской статьей, разобранной выше, его творчество понято у̓же, но въ богомильскомъ же смыслѣ; если въ сказкахъ ему приписывается созданіе вредныхъ животныхъ, напр. волка, то понятіе вреда здѣсь, можетъ быть, позднее, навѣянное христіанскимъ взглядомъ на дьявола, а въ началѣ дѣло шло просто о созданіи звѣрей и всего живущаго и прозябающаго — «княземъ міра сего».

Дѣлаю здѣсь эти замѣтки, между прочимъ, въ виду слѣдующаго: если въ народныхъ космогоническихъ легендахъ дуалистическаго направленія иные мотивы разсказа покрываются содержаніемъ отреченнаго «Свитка», другіе разнятся отъ него, но развиваютъ тѣ-же идеи, мы въ правѣ поставить вопросъ: чѣмъ объяснить эту разницу? Тѣмъ-ли, что народныя легенды восходятъ къ болѣе полному преданію, чѣмъ случайно сохранившееся намъ, какъ завѣдомо богомильское? или эти преданія стоятъ по ту сторону богомильства, — возможность уже предусмотрѣнная нами выше, въ началѣ этого изслѣдованія (сл. стр. 5); либо, наконецъ, въ тѣхъ лишнихъ подробностяхъ, которыя являются въ легендахъ, слѣдуетъ видѣть самостоятельное, логическо-поэтическое развитіе основъ, намѣченныхъ краткими чертами въ древнемъ миѳѣ? Примѣромъ мнѣ послужитъ преданіе, записанное въ одной рукописи пермской семинаріи, извѣстное также у томскихъ старообрядцевъ, подъ названіемъ «Христовъ дневникъ» [1]). Когда не было ни неба, ни земли, было одно море тиверіадское. На этомъ морѣ плавалъ гоголь. Богъ велѣлъ гоголю достать со дна моря два камня. Гоголь досталъ, Богъ началъ бить камень о

[1]) Щаповъ, Смѣсь, l. c. стр. 260—1.

камень: отъ искръ, вылетавшихъ изъ камня, явились ангелы. Гоголь также угарилъ камень о камень, и у него явились свои ангелы — десятый чинъ, его собственные. Далѣе гоголь этотъ снесъ яйцо, на этомъ яйцѣ отразился Богъ — второе лицо. Богъ велѣлъ гоголю принести пять земель, гоголь принесъ, и изъ нихъ Богъ сотворилъ человѣка. Сотворивши человѣка, Богъ скрылся; дъяволъ-гоголь воспользовался этимъ случаемъ и сотворилъ людей уродливыми. Оттого гнѣвъ Бога на Сатанаила, который побѣжденъ, а на мѣсто его вождемъ небеснаго воинства сталъ Михаилъ.

Образъ Сатанаила-гоголя, неизвѣстный ни Зигабену, ни Liber Johannis, встрѣтился намъ въ инородческихъ преданіяхъ, мы увидимъ его въ русскихъ народныхъ пересказахъ легенды. Какъ объяснить появленіе самаго образа? Не въ связи-ли съ представленіемъ безбрежнаго моря, къ которому пріуроченъ космогоническій миѳъ? Въ Liber Johannis сатана спускается къ землѣ et invenit universam faciem terrae coopertam (т. е. aquis); у Зигабена его творчество и начинается потому, что онъ не могъ удержаться на водахъ: μὴ δυνάμενον τοῖς ὕδασιν ἐφιζάνειν (Panoplia dogmatica tit. XXVII, 7). Его и представили себѣ въ образѣ водной птицы: селезня, гоголя, что повело за собой, въ нѣкоторыхъ пересказахъ, къ представленію Господа также гоголемъ. Сл. двухъ гусей въ алтайской сказкѣ, двухъ голубей въ галицкой колядкѣ. Но, можетъ быть, мы и не вправѣ вмѣнить развитіе образа позднѣйшей стадіи легенды Отвѣтъ на это сомнѣніе мы пытаемся представить далѣе

III.

Переходя къ обозрѣнію народныхъ славянскихъ миѳовъ о мірозданіи мы напередъ должны сознаться, что отдѣленіе ихъ отъ предыдущихъ не принципіальное, а хронологическое: между «Свиткомъ божественныхъ книгъ» и «Дневникомъ Христа» съ одной стороны и рядомъ соотвѣтствующихъ сказокъ разница во

времени и въ степени народнаго усвоенія; русскія легенды, записанныв у раскольниковъ стоятъ на перепутьи между Свиткомъ и сказкой и могутъ быть отнесены съ одинаковымъ правомъ въ группу литературныхъ фактовъ, разсмотрѣнныхъ выше, или народныхъ, къ обзору которыхъ мы обращаемся. Начнемъ съ *болгарскаго* сказанія [1]).

Испървенъ земѩ и хора нѣмало. На 'сѣкѫдѣ біло вода. Имало само Господь и діаволъ, кои-то живѣѩли тогава наедно.

Ѥдинъ пѫть Господь рекълъ діаволу: Хаид' да направимъ земѭ и хора. — «Да направимъ, отговорилъ діаволъ-тъ, ами отъ дѣ да земемъ пръсть?» — Подъ водѫ-тѫ има пръсть, рекълъ Господь на діаволъ-тъ; влѣзь та извади малко.—«Добрѣ», отговорилъ діаволъ-тъ.—Прѣди да са пуснешъ ама, казалъ Господь діаволу, кажи: Съ божѭ силѫ и съ моѭ! Тогава ти̇ ште стигнешь дъно и ште намѣришь пръсть! — Діаволъ-тъ са пуснѫлъ, нъ не рекълъ пръво: «съ божѭ силѫ и съ моѭ!», ами: «съ моѭ и божѭ силѫ!» Затова и не стигнѫлъ дъно. На второй-тъ пѫть пакъ тъй направилъ и па̀къ дъно не стигнѫлъ. На третий-тъ пѫть вече казалъ: «съ божѭ силѫ и съ моѭ!» и тогава стигнѫлъ дъно, и съ нокти си закачилъ малко пръсть. Неѭ пръсть Господь ѭ турилъ подъ водѫ-тѫ и станѫло малко земѩ. Діаволъ-тъ, като видѣлъ това, намислилъ хитрость такъвѫ: поканилъ Господа да спіѫтъ, та като заспи Господь, да го бутне въ водѫ-тѫ, и да остане самъ той и да са прослави, какво-то той ужъ да ѥ направилъ земѭ-тѫ. Господь знаѩлъ това, но лѣгнѫлъ и са прѣсторилъ, че спи. Тогава діаволъ-тъ става, зима Господѩ на рѫцѣ и тръгнува кѫдѣ водѫ-тѫ, за да го хвърли; той върви кѫдѣ водѫ-тѫ, а земѩ-та расте. Като не стигнѫлъ водѫ, обърнѫлъ са пакъ на другѫ странѫ, нъ па̀къ до водѫ-тѫ не стигнѫлъ. Тогава се обърнѫлъ и на третѭ странѫ, і, като не стигнѫлъ па̀къ водѫ-тѫ, турилъ Господѩ на земѭ-тѫ, па

---

[1]) **Обштъ Трудъ 1868 г. II, стр. 73—8; Драгомановъ, Мал. нар. преданія и разсказы, стр. 429 и слѣд. Сл. Вазовъ и Величковъ, Болг. христоматія, стр. 46—9.**

лѣгнѫлъ и той. Като поспалъ малко, румнѫло му, че останѫла оште и четвърта страна; зима Господꙑ и го понасꙑ кѫдѣ водѫ-тѫ, но 'се пакъ не стигнѫлъ до неѭ. Тогава діаволъ-тъ разбужда Господа: «Стани, Господи, да благословимъ земѭ-тѫ, вижь, колко тꙑ пораснѫ, додѣ нꙑ спахме!» — Кога-то ма тѝ носи на всѣ четире страни, за да ма хвърлишь въ водѫ-тѫ, и направи кръстъ въ мене, азъ благословихъ земѭ-тѫ, казва Господь.—Діаволъ-тъ са разсърдилъ за това, оставилъ Господꙑ и побѣгнѫлъ отъ него». Оставшись одинъ, Господь недоумѣваетъ, какъ ему остановить ростъ земли; пришлось обратиться за совѣтомъ къ нечистому: Господь посылаетъ къ нему «ангела-воина», а затѣмъ пчелу, имъ созданную (въ связи съ этимъ разсказывается о сотвореніи дьяволомъ козы), которая должна подслушать, что скажетъ діаволъ. «Ехъ, глупавъ Господь!, говоритъ онъ; не знай, да земе ѥдинъ прѫтъ па да кръстоса на 'сѣ четире страны и да каже: Стига толкова земꙑ!» Когда Господь перекрестилъ ёе, земля перестала расти. Затѣмъ онъ создалъ изъ персти людей и, когда они стали размножаться и умирать, «повикалъ діаволъ-тъ и го поканилъ, да живѣѭтъ наѥдно». На томъ согласились, чтобы живущіе были Господни, мертвые во власти діавола [1]).

---

[1]) Очень вѣроятно, что въ легендѣ о происхожденіи піянцевъ (Сл. Верковича, Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. XIII, вып. I, Труды Этнографическаго отдѣла, кн. 3, вып. I, стр. 9—10) отразились черты дуалистическаго миѳа. Родоначальникъ Піянцевъ—Пій (что, будто-бы, означаетъ красный) былъ старшимъ сыномъ Бога, братомъ солнца. Онъ научилъ свой родъ прежде всего садить виноградники и приготовлять вино, дабы они веселились и забывали свои заботы и труды. Пій ненавидѣлъ своего брата-солнце, потому что оно родилось болѣе свѣтлымъ, чѣмъ онъ. Разъ Пій такъ поссорился съ братомъ, что Богъ, боясь за солнце, поставилъ его на высотѣ, чтобы Пій не могъ достать его, а солнцу повелѣлъ свѣтить Пію не постоянно, а на половину. Чтобы помочь себѣ Пій изобрѣлъ огонь; когда, по прошествіи многихъ лѣтъ, онъ покаялся, Богъ пожаловалъ его луною, дочерью солнца, дабы она свѣтила ему, когда отецъ того не дѣлалъ. Прошло много лѣтъ, и Пій изобрѣлъ желѣзо, изъ котораго онъ сдѣлалъ огненныя орудія, чтобы истребить все, что Богъ подарилъ землѣ, которая

Въ *словинской* сказкѣ [1]) дуализмъ болгарской исчезъ, но подробности легенды указываютъ ясно, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ-же древнимъ сказаніемъ.

Въ началѣ не было ничего кромѣ Бога; онъ покоился, и его сонъ длился вѣчно; но было положено, что онъ проснется. Когда онъ пробудился, сталъ озираться, и куда ни глянетъ, всюду загорается звѣзда. И сталъ Господь дивиться тому, что создалъ своими очами. Онъ пошелъ; идетъ дальше и дальше, но конца не видитъ, подъ нимъ одно море. Тогда онъ спустился въ него, дошолъ до дна, и когда поднялся снова, подъ его ногтемъ забилась песчинка. Она выпала и осталась на морской поверхности: это и есть наша земля.

У словаковъ существуетъ обрывокъ такого сказанія [2]): въ началѣ свѣта Господь летѣлъ въ высотѣ, неся землю въ платѣ (v zástere), и гдѣ сыпалъ, тамъ появлялись равнины, горы и долы плодородные. Діаволъ гнался за нимъ, чтобы получить и свою долю; не получивъ её, разорвалъ платъ, и изъ него повыпадали однѣ скалы, отчего голы и безплодны вершины Татръ.

Въ *Галиціи и Буковинѣ* [3]) разсказываютъ, что въ началѣ вѣковъ было только небо да море; по морю плавалъ Богъ въ лодкѣ и встрѣтилъ большую, густую пѣну, въ которой лежалъ чертъ. «Кто ты?» спросилъ его Господь.—Возьми меня къ себѣ въ лодку, тогда скажу. — «Ну ступай!», сказалъ Господь, и вслѣдъ за тѣмъ послышался отвѣтъ: Я чертъ! Хорошо, еслибъ была твердая земля, гдѣ-бы отдохнуть намъ, говоритъ онъ. —

была его женою. Богъ, внимая просьбамъ земли, чтобъ онъ излечилъ ея раны, выпустилъ воды и вѣтры, а Пія заперъ въ пещеру надъ стопами земли. Съ тѣхъ поръ поколѣніе Пія разсѣялось по землѣ, ища своего родоначальника.

[1]) Сл. Krek l. c. 783 и библіографію въ прим. 3: J. Trdina, въ V. Pacel, Neven VI, 60, 61; K. J. Erben, Čas. Česk. Mus. XL. 39; онъ-же: Vybrané báje и т. д. p. 1; онъ-же: Slovnik naučny VIII, 603[b]; Dobšinský, Úvahy o slovenských povestiach. Vydala Matica Slovenská, 1872 p. 39.

[2]) Dobšinský, l. c., 38—9.

[3]) Zeitschrift für deutsche Mythologie I, 178—80 (изъ Буковины); Erben, Čitanka 143—4; Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія, II, 460—1.

«Опустись на дно морское, набери тамъ во имя мое горсть песку и принеси: Я изъ него сдѣлаю землю». Чертъ опустился, набралъ песку въ обѣ горсти, и примолвилъ: Беру тебя во имя мое. Когда онъ вышелъ на поверхность воды—въ горстяхъ не осталось ни зернушка. Погрузившись вторично, онъ набралъ песку во имя Божіе, и когда вернулся, песку у него осталось только за ногтями. Богъ взялъ этотъ песокъ, посыпалъ по водѣ и сотворилъ землю, ни больше, ни меньше, какъ сколько нужно было, чтобы имъ обоимъ улечься рядомъ: Богъ къ востоку, а чертъ къ западу. Когда черту показалось, что Богъ заснулъ, нечистый сталъ толкать его, чтобы онъ упалъ въ море и потонулъ; но земля тотчасъ-же далеко разширилась къ востоку. Увидя это, дьяволъ началъ толкать Бога къ западу, а потомъ къ югу и сѣверу: во всѣ эти стороны земля раздавалась широко и далеко. Потомъ Богъ всталъ и пошелъ на небо, а чертъ по пятамъ за нимъ; услышалъ, что ангелы славили Бога въ пѣсняхъ, и захотѣлъ создать себѣ столько-же подданныхъ духовъ; для этого обмылъ свое лицо и руки водою, брызнулъ ею назадъ отъ себя и сотворилъ столько чертей, что ангеламъ не доставало уже мѣста на небесахъ. Богъ приказалъ Ильѣ громовнику напустить на нихъ громъ и молнію; вмѣстѣ съ великимъ дождемъ попадали съ неба и черти.

Въ Россіи космогоническія сказанія этого рода записаны были не разъ. Мы передаемъ ихъ въ порядкѣ мѣстности, гдѣ они были собраны. Открывая перечень варіантомъ Терещенка (Происхожденіе горъ) [1], я предполагаю, что онъ записанъ былъ гдѣ нибудь *на югѣ Руси*.

Въ началѣ свѣта Богъ позвалъ черта и велѣлъ ему нырнуть въ бездну водную, чтобы достать оттуда горсть земли: онъ хочетъ создать землю. Ладно, думаетъ сатана, и я то-же сдѣлаю: нырнулъ, досталъ земли, и ею-же набилъ ротъ. Когда принесъ онъ её Богу, самъ не говоритъ ни слова, ибо ротъ былъ у него

[1]) Терещенко, Бытъ русскаго народа V (1848 г.), стр. 44—5 въ примѣчаніяхъ.

набитъ. Господь куда ни броситъ землю, то она и является — такая ровная, ровная, что на одномъ концѣ видно, что дѣлается на другомъ. Сатана смотритъ, смотритъ; хотѣлъ что то сказать и поперхнулся; а Богъ спросилъ его: чего онъ хочетъ? Чертъ закашлялся и побѣжалъ отъ испугу; громъ и молнія поражаютъ его на бѣгу; гдѣ онъ приляжетъ, тамъ выдвинутся пригорки и горы, гдѣ кашлянетъ, тамъ выростетъ гора; гдѣ привскочетъ, тамъ высунется поднебесная гора.

Сходно у Руликовскаго: Господь посылаетъ дьявола достать со дна морскаго горсть песку. На что? спрашиваетъ онъ.— Не спрашивай, а когда будешь брать песокъ, скажи: Господи благослови! Два раза нырялъ дьяволъ, но разсердившись на то, что Господь не удовлетворилъ его любопытства, ничего не вынесъ. Тогда Господь говоритъ ему, что изъ того песку онъ сотворитъ землю и людей. Это понравилось черту и, спустившись еще разъ, онъ не забылъ и себя: набилъ ротъ пескомъ, чтобы обмануть Бога и себѣ сотворить землю. Когда Господь посѣялъ песокъ, и земля стала рости на водахъ, она принялась рости и во рту черта; онъ сталъ выплевывать её, и на болотахъ и озерахъ поднялись кочки (wyspy). Оттого на нихъ (kępach) охотно живетъ дьяволъ [1]).

Его дальнѣйшее творчество — неумѣлое подражаніе Богу: онъ видѣлъ украдкой, какъ Богъ сотворилъ человѣка изъ глины и оживилъ его духомъ своимъ. Дьяволъ также принимается за дѣло, лѣпитъ изъ глины, и дѣло, какъ будто, ему удается; будутъ и у меня слуги, будетъ кому мнѣ кланяться! Но оживить свое созданіе онъ не можетъ: отъ его дуновенія оно разсыпалось въ прахъ [2]).

Одинъ разсказъ у Чубинскаго [3]) начинается такъ: «Колысь

---

[1]) Rulikovski, Opis powiatu wasilkowskiego. Warszava 1857, стр. 169—170; Novosielski, Lud Ukraiński I, (Wilno, 1857) стр. 2—3, заимствовалъ соотвѣтствующій разсказъ у Руликовскаго, не ссылаясь на него.

[2]) Novosielski l. c. стр. 9—10.

[3]) Труды, т. II, отд. I, № 96, стр. 359—60.

не було ни землі, ни неба, а было все вода». Летая надъ водою. Господь видитъ: что-то плыветъ, точно головешка, безъ рукъ и безъ ногъ. Это плылъ Сатанаилъ. Господь велѣлъ ему нырнуть и достать земли со словами: «Берысь, землє, во имя Боже». Два раза это ему не удавалось, ибо онъ упомянулъ свое имя вмѣсто Божія; на третій разъ досталъ, отдалъ землю Богу и говоритъ: Будемъ теперь сѣять. И начали они сѣять: «де упала земля купкою, то тамъ стала гора, де попадала рівненько, то тамъ сталы поля рівны, а де протынулы шматокъ воды и не покрылы землю, то тамъ стало озеро. Ото посіявши, Богъ перехрестывъ землю та й полетівъ на небо. О-такъ-то явилась земля». Космогоническій антагонизмъ здѣсь забытъ.

Въ легендѣ, записанной въ ольгопольскомъ уѣздѣ [1]), дѣйствующими лицами является Христосъ и ап. Петръ: они «не маючы що робыты, сыділы и нудылыся». Боже, говоритъ *апостолъ* св. Петръ, «єднакъ не маєшъ що робыты, чего хоць теперъ зробы світъ». Хорошо, только надо позвать черта, чтобъ онъ досталъ изъ моря песку и синяго камня. Когда чертъ явился, Христосъ велитъ его полѣзть въ воду и схватить, что́ потрафится, приговаривая: Не я беру, а Богъ беретъ. Чертъ приговариваетъ, какъ разъ наоборотъ, и возвращается съ пустыми руками; въ третій разъ онъ приноситъ песку и синій камень, изъ которыхъ Господь творитъ свѣтъ; оставалось его «перехрыстыты». Какъ это сдѣлать? — Я знаю, говоритъ Петръ, велитъ черту везти себя до воды, за что обѣщаетъ «ёму наробыты помошныківъ». Чертъ везетъ Петра, искрестилъ весь свѣтъ поперекъ, а до воды не довезъ: такъ «перехрыстылы» они весь свѣтъ. Тогда Петръ научаетъ дьявола, какъ надѣлать себѣ помощниковъ: пусть встанетъ рано въ субботу, возьметъ воды, да и брызнетъ назадъ себя; сколько брызговъ, столько и чертей. Такъ дьяволъ и сдѣлалъ: съ тѣхъ поръ на свѣтѣ становится горьше и горьше, а чертей рождается больше и больше.

---

[1]) Чубинскій, Труды, I 142—3.

Вѣроятно изъ легенды подобнаго типа, гдѣ рядомъ съ Господомъ явился и св. Петръ, вышелъ приведенный выше (стр. 2—3) пѣсенный варіантъ Новосельскаго, гдѣ дьявола нѣтъ, а товарищами Бога въ твореніи названы ап. Петръ и Павелъ. Петръ ныряетъ неудачно, какъ Сатанаилъ древняго сказанія, и какъ онъ препирался съ Господомъ, такъ и ап. Петръ въ колядкѣ, разумѣется, съ измѣнившимся характеромъ пренія: Господь и ап. Петръ заспорили, купаясь въ криницѣ, что больше: земля или небо? Господь говоритъ, что земля, и когда ангелы смѣряли небо и землю, оказалось что такъ: небо ровное, а на землѣ

Горы и долины,
Горы и долины да и полонины [1]).

О сотвореніи чертей существуетъ нѣсколько разсказовъ, подобныхъ ольгопольскому и приведенному выше (стр. 55) буковинскому. Богъ сказалъ черту, чтобы онъ омочилъ палецъ въ морѣ и бросилъ-бы каплю воды за себя, не осматриваясь; чертъ ослушался, оглянулся, и увидѣлъ подобныхъ себѣ. Сталъ онъ дальше продолжать тотъ же опытъ, и чертей явилось безчисленное множество [2]). — Когда небо было готово, но не было еще земли, а только вода въ видѣ пѣны, «сатаналюцыперъ» пищалъ въ этой пѣнѣ. Богъ освободилъ его, взялъ съ собою на небо, самъ сѣялъ землю, а черту позволилъ сѣять камни, которые такъ скоро росли, что чуть не доставали вершинами неба. Чертъ выдумалъ такой способъ: умывалъ руки и трясъ ими назадъ себя: отъ этого народилось множество чертей [3]). — «Чорт сперва був у Бога первим апостолом та все ходив за ним та підглядав; як став Бог мир строїть — і він собі. От Бог його и прогнав, а він все таки за ним ходе. «Чого ти за мною ходиш? — Зроби мені, Боже, товариша. — «Піди до моря

---

[1]) Сл. Головацкій, l. c., II стр. 32; Чубинскій, l. c., III стр. 307. Сл. мои Разысканія III стр. 237.

[2]) Чуб. I 191.

[3]) Ib. 191; сл. 185.

та плюхни од себе води, та тобі і буде товариш». От прийшов він, хлюпнув, дивиться, стоить такий як і він; давай він тоді плюхкать, вже до біса наробів, а Бог і побачив яка їх отара. Годі тобі, кає. Тоді він вже і перестав [1]).

Въ одной легендѣ черти произошли по неосторожности Адама: ему одному скучно въ раю, Господь и думаетъ дать ему пріятеля—это лучше, чѣмъ жена. Велитъ Адаму омочить росою мезинный палецъ и отряхнуть передъ собою: явится пріятель; только гляди не отряхивай позади себя. Адамъ забылся что-ли или почему-либо другому, только омочилъ въ росу всю пятерню, да и тряхнулъ ею позади себя: явилось пять чертей; давай мочить лапы, да трясти позади себя. Такъ ихъ умножилось, что небо трещало; Господь велитъ ангеламъ повыгонять ихъ съ неба [2]).

Слѣдующія легенды, не знающія разсказаннаго нами эпизода о созданіи чертей, разнообразно передаютъ общее содержаніе миѳа.

«Першо не було ны неба, ны земли, була тылькы тьма и вода змішана зъ землею, такъ неначе кваша, а Богъ летавъ святымъ духомъ по-надъ водою, котора шуміла піною. Отъ, разъ Богъ ходыть по воді да дыхнувъ на ту піну и сказавъ: Нехай буди янголъ». Этому ангелу-Сатанаилу Господь даетъ два крыла и велитъ летать, какъ и онъ; но онъ не можетъ; тогда Господь далъ ему «еще двоє крылъ» и «ще двое»; Сатанаилъ очутился шестикрылымъ серафимомъ; тогда Богъ сотворилъ свѣтъ и далъ ангелу мечъ; на второй день сотворилъ небо, на третій велѣлъ ангелу достать изъ моря частичку земли во имя Божіе. Слѣдуетъ извѣстный намъ эпизодъ ны́рянія и неудача ослушавшагося черта; когда земля стала у него рости за губою, онъ взмолился, и Господь велѣлъ ему плевать: пока онъ выплевывалъ землю, изъ его рта летѣли такіе, какъ и онъ, черти, а какъ сталъ плевать

---

[1]) Драгомановъ, Малор. нар. преданія и разсказы стр. 42.
[2]) Драгомановъ, l. c. 91.

чистою слюною, то вылетѣли ангелы, краше его самого. «Теперъ трошкы оддышмо, да підемъ на небо», говоритъ Господь; пока онъ и свѣтлые ангелы спятъ, Сатанаилъ со своими хочетъ покидать и Бога и ангеловъ въ воду; носились они съ ними на всѣ четыре стороны, до воды не дошли; земля въ это время разрослась, а дьяволы уснули отъ усталости. Господь съ свѣтлыми ангелами побросалъ ихъ воду, а самъ пошелъ на небеса; здѣсь онъ однимъ ангеламъ далъ по шести крылъ — это серафимы, другимъ, архангеламъ, далъ по трое: одного назвалъ Гавріиломъ, другого Михаиломъ; такъ всѣхъ и поназывалъ. Затѣмъ сотворилъ солнце, мѣсяцъ и зорю. — Это было въ четвертый день; въ пятый создалъ двухъ великихъ рыбъ, чтобы поддерживали землю, а малыхъ пустилъ въ воду, чтобы разводились. «Потымъ зробывъ пташкы та й попускавъ, щобъ літалы и плодылысь» [1]).

Менѣе библейскихъ воспоминаній въ легендѣ, записанной въ Подольской губерніи г. Руданскимъ и давно извѣстной по сообщенію ак. Сухомлинова въ Основѣ [2]).

«Ото як задумав Господь сотворити світ, то й говоритъ до найстаршого ангела, Сатанаїла: А що, каже, Архангеле мій, ходім творити світ! — То ходімо, Боже, каже Сатанаїл. — Ото вони і пішли над море; а море таке темне, сказано, безодне! Ото Бог и каже до Сатанаїла: Бачиш, каже, оттую безодню? — Бачу, Боже. — Іди-ж, каже, у тую безодню на саме дно та дістань мене жменю піску. Та гляди, каже, як будеш брати, то скажи про себе: Бере тебе, земле, на име Господне?» Слѣдуетъ двойное, безуспѣшное ныряніе Сатанаила; «не хитри, Сатанаїле, каже Господь, іди знову та не приточуй свого имя!» Когда Господь ходитъ по морю, разсѣвая землю, Сатанаилъ облизалъ руку, въ которой несъ песокъ: «хоч трохи, думає, сховаю для себе, а потім, думає собі, и землю збудую, а Господь разсіяв. — А що, каже, Сатанаїле, нема більше піску? — А нема, Боже! —

---

[1]) Чубинскій, I 143—4.

[2]) Драгомановъ, l. c. стр. 89—91=Основа VI, 59—60.

То тра благословити! каже Господь». Отъ благословенія Божія ростетъ земля, бухнетъ и во рту Сатанаила. «Той і зачав плевати та харкати; і де він плював, то там выростали гори, а де харкав, то там скали. От через шо то у нас і земля не рівна! Воно ще кажуть, що ніби то ті скали та гори, Богъ знає, доки-б росли, а то Петро, та Павло як закляли їх, то вони вже й не ростуть».—Пока Господь почиваетъ, Сатанаилъ пытается бросить его въ море, носилъ его во всѣ четыре стороны, но до воды не добѣжалъ: «звісно, земля уже так разрослася, шо въ саме небо уперла краями, тай де вже там тєє море». Когда потомъ Сатанаилъ будитъ Господа, чтобъ освятить землю, Онъ говоритъ ему, что уже сдѣлалъ это: «Освятив я еї сеї ночі на всі чотирі боки!»

Остановимся еще на двухъ преданіяхъ, записанныхъ г. Свидницкимъ [1]). Задумалъ Богъ сотворить свѣтъ, собралъ ангеловъ да и посылаетъ ихъ достать изъ подъ воды сѣмянъ (насіння) земли. Ныряли они, ныряли, но до дна не достали, ибо они были легче воды. Откуда ни возьмись явился сатана. Здорово, Боже! говоритъ. — Чого тобі треба? — Хочешь, я достану тебѣ земли?—Добре.—А что мнѣ за то?—Дамъ тебѣ пекло.—Згода, сказалъ сатана и бухнулъ въ воду. Долго было не видать его, ангелы подумали, что онъ погибъ: Туда ему и дорога! А онъ выплылъ и вынесъ сѣмянъ земныхъ. Богъ посѣялъ землю, а пекло съ той поры осталось за злымъ духомъ.

Ближе къ апокрифу другая легенда, слышанная г. Свидницкимъ: затѣявъ сотворить свѣтъ, Господь посылаетъ сатану на дно моря, чтобъ онъ вынесъ земли на ногтями; принесенную землю сѣетъ самъ сатана, но она разсыпается у него на водѣ, ибо онъ сѣетъ её въ свое имя, а не въ Божіе. Не ростетъ земля, докладываетъ онъ Господу. — Поди и скажи, какъ я велѣлъ, увидишь, что земля выростетъ. — Скажу, какъ Богъ повелѣлъ,

---

[1]) Е. Барсовъ, Народныя преданія о міротвореніи. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. 1886 IV, Смѣсь, стр. 3—5.

но украду немножко сѣмянъ, а послѣ, увидѣвъ, какъ земля будетъ рости во имя Божіе, посѣю въ другомъ мѣстѣ и создамъ свѣтъ для себя. Тогда Богъ здѣсь, а я тамъ «будемъ богувати». Спустившись еще разъ въ море, онъ съ этой цѣлью и спряталъ земли себѣ въ ротъ, а другую посѣялъ во имя Божіе. Стала земля рости: «ажъ кипить, такъ росте», но ростетъ она и во рту у злого духа. Онъ пытается выковырять её когтями, но не успѣваетъ; понесся подъ-небеса, а земля такъ и «верне» ему изо рта; ужь цѣлыя горы наблевалъ, а земля все ростетъ да ростетъ. Взмолился онъ къ Богу, Господь и поблагословилъ: «Годи земле рости». Земля и перестала рости, но осталась покрытой горами; а Богъ сѣялы её «рівненько». Потому то теперь «де степъ широкій, то Божа земля, а де горы, та ярі, то чортова земля».

Отдѣльныя легенды дополняютъ сообщенныя нами, развивая далѣе разсказъ о міризданіи въ уровень съ апокрифомъ, иногда удаляясь отъ него.

Создавши землю, Богъ принялся за созданіе человѣка, и создавъ прекрасное тѣло, оставилъ его полежать нѣкоторое время, чтобы оно сдѣлалось способнымъ принять въ себя душу, а самъ отошелъ. Приходитъ сатана, смотритъ, что создалъ Богъ, видитъ, что лежитъ человѣкъ прекрасный, чистый—да и пригорюнился. «Постоявши, сумный, подумавши, взявъ та й облювавъ чоловика. — Що се добраго ти наробивъ? упрекаетъ его Богъ.— А що-жъ, отвѣчаетъ сатана, ты-жъ на що сотворивъ его такого хорошаго? Бувши такимъ вінъ би й незгадавъ, що я есть на світі. А такъ колысь и мене згадае». Видитъ Богъ, что сатана напакостилъ, но дѣлать нечего: что однажды Богъ дѣлаетъ, того ужь не передѣлываетъ. Но и оставить человѣка облеваннымъ Господь не хотѣлъ, а потому «взявъ та й вывернувъ его» облеваннымъ внутрь. И теперь наше тѣло на выворотъ: что было снаружи, то теперь внутри, со всѣмъ тѣмъ, что сатана наблевалъ; и всѣ болѣзни изнутри начинаются» [1]).

---

[1]) Барсовъ, l. c. стр. 5; сл. Чубинскій, I 145.

Къ этому присоединяется слѣдующее преданіе: «Зліпив Бог чоловіка з глини и поставив сохнуть, а собаці наказав, щоб стерегла, та сам і пішов. От собака стерегла, стерегла, змерзла і заснула, а собака тоді була гола, біз шерсті. А ішов чорт, побачив чоловіка, розідрав на двоє ёму груди і нахаркав туди, зложив, як було, і поставив. От приходе Бог, вдунув в чоловіка безсмертну душу, а чоловік і захаркав. Бог тоді на собаку: Як же ти не встерегла? — А я, каже, Боже, змерзла та заснула, а дай мени шерсти, то тоді вірно стерегтиму. Тоді Бог взяв і дав їй шерсть, а чоловік так і оставсь на віки з харкотиннями» [1]).

Если этотъ разсказъ привязывается къ апокрифу, то слѣдующій [2]) стоитъ внѣ его, хотя несомнѣнно на столь-же древней почвѣ. Когда Господь сотворилъ человѣка, то дьяволъ пожелалъ и себѣ сдѣлать такого-же. Принялся за работу, но у него, вмѣсто человѣка, вышелъ волкъ. Чтобъ оживить его, бѣсъ сказалъ: «гужя Бога», но волкъ не двигался. Затѣмъ Богъ сказалъ волку: «гужя ёго», волкъ тотчасъ сорвался и побѣжалъ за дьяволомъ, а чортъ ушелъ и хотѣлъ взлѣзть на дерево, но волкъ догналъ его и схватилъ за ногу. Изъ раны потекла кровь и заструилась по дереву, а то дерево была ольха. Потому и теперь это дерево красно.

Одинъ изъ малорусскихъ варіантовъ космогонической легенды [3]) называетъ Сатанаила идоломъ: «З Богом заспорився идол. Идол став казати: Землю, яку ти зробив, таку саму і я проізведу». Слѣдуетъ обычный разсказъ о ныряніи, безъ извѣстной подробности о происхожденіи горъ: «шо Бог создав, те рівне, чисте», что идолъ, то «гори і всяки викрутаси». Такъ и во всемъ, что онъ ни дѣлалъ. «Заспорив идол ще з Богом: Бог посіє овес, то овес, а в идола, якъ посіє овес, то родить осот. Бог создає корову, корова так і виходить, а идол хоче зробити корову, а виходить коза». Дополненіемъ этой легенды служитъ

---

1) Драгомановъ, l. c. стр. 1.

2) Чубинскій, I стр. 145.

3) Драгомановъ, l. c., 15—16.

разсказъ о дѣлежѣ свѣта: всѣхъ Господь надѣлилъ, не явился лишь чёртъ, опоздалъ и плачетъ, что ему ничего не досталось. Господь, сжалившись, даетъ ему овесъ, пусть распишется. Чортъ бѣжитъ полемъ и, чтобы не забыть, всё кричитъ: овесъ, овесъ, овесъ! Подслушалъ человѣкъ, какой прекрасный злакъ Богъ сулилъ черту; дай, говоритъ, его испугаю — да какъ крикнетъ: А куда! Чортъ съ переполоху забылъ про овесъ, «а *куди* ёму за *кукіль* здалось»; бѣжитъ и кричитъ: куколь, куколь, куколь! Оттого и зовется куколь — чортова земля [1]).

Г. Данилевскій [2]) слышалъ легенду о мірозданіи на Днѣпрѣ: главный, вѣрный ангелъ два раза ныряетъ; въ первый ничего не досталъ, очень глубоко, во второй вынесъ илу, и Господь началъ сѣять землю. Куда на восходъ солнца ни кинетъ, тамъ становятся горы, долины, поля, и на тѣхъ поляхъ, горахъ и долинахъ выростали травы, деревья и зацвѣли цвѣты. Богъ оглянулся и видитъ, у ангела распухла губа. — Что это у тебя? — Ошкрябнулся, Господи, какъ нырялъ. — Стало благословляться на на свѣтъ, взошло и покатилось по небу солнце; былъ первый на свѣтѣ день. Оглянулся Богъ передъ вечеромъ и видитъ, ангелъ изъ за губы то-же вынимаетъ что-то и кидаетъ на западъ солнца, и изъ того киданья также становятся долины, горы и поля, только безъ травы, безъ цвѣтовъ и деревьевъ, голыя, какъ въ позднюю осень, пустыя и точно проклятыя. — Что это ты дѣлаешь позади

---

[1]) l. c. 14—15. Сл. Kolberg, Lud, serya VII, cz. III, стр. 6, прим. *: падая съ неба Люциферъ спросилъ архангела: «każ ja będę siał? Michał powiada: na pustkach. — Cóż ja będę siał? Michal odpowiada: owies. — Alisći diabeł Lucyper przesłyszał i, zamiast owies, myślał że oset; więc téż odtąd na wieki sieje oset cedźkaj — i to jego żniwo. Сл. еще Чубинскій, l. c. I, 79: однажды чертъ, встрѣтивъ Спасителя, началъ просить Его отдать ему въ распоряженіе гречиху и овесъ на томъ основаніи, что онъ пособлялъ Богу творить міръ. Господь исполнилъ его просьбу. Чертъ, не поблагодаривши Бога, побѣжалъ. Онъ неожиданно встрѣтилъ волка, испугался и на вопросъ волка, чего такъ скачетъ, позабылъ о полученномъ подаркѣ и сказалъ: «мынi Богъ давъ очеретъ и осетъ»; оттого черти ими теперь и владѣютъ.

[2]) Г. П. Данилевскій, Сторія о Господѣ и о землѣ, Истор. Вѣстникъ, 1888, Дек. стр. 732.

меня? спрашиваетъ Господь. Тотъ молчитъ. — Признайся, ты укралъ илу или утаилъ отъ меня? — Ангелъ клянется, что не кралъ и не утаилъ. — Ну будь же ты не моимъ первымъ и вѣрнымъ ангеломъ, а сатанаиломъ, и чтобъ тебѣ отъ сего часу опочину не было до конца вѣка и земли. — Богъ полетѣлъ выше и дальше, на восходъ солнца, а сатана низомъ, на западъ. Отъ божьяго сѣянья стали добрые люди и земли, а отъ дьяволова злые и всякая неправда и грѣхи. Съ тѣхъ поръ сатана съ своими подпомощниками больше и держится надъ водою, въ омутахъ, у мельницъ и переправъ; водяные—то все его дѣти.

Бѣлорусскій разсказъ «о сотвореніи болотъ» [1]) также ограничиваетея эпизодомъ мірозданія. «Перши-нá-перши булá одна тольки выда; на ей кой-коли ходзивъ Богъ. Вотъ тольки разъ ёнъ идзетъ, ажны видить: плуветь выдынэй пузыръ. Во й кажить Богъ: Стой!—Пузыръ остановился. Кажить Богъ: Лопни! Пузыръ лопнувъ, зъ яго выскычивъ чертъ и кажить: Што табѣ нáдо, Божýхна? Тогды Богъ кажить: «Нáда-бъ було здѣлыть што пытвирдѣй, а то нявдóба ходить». Господь посылаетъ его достать изъ воды кусокъ земли; чертъ набралъ её въ подолъ и за щеку напихалъ. Богъ посѣялъ землю и говоритъ: «што-бъ пы зямлѣ пырасли дзарёва и трава». Стали онѣ рости на землѣ, стали рости и во рту черта: раздуло его, нельзя ему ни пить ни ѣсть. Долго онъ крѣпился, да не въ моготу, а тутъ и Богъ идетъ. Пустился онъ бѣжать и плевать; гдѣ наплевалъ, тамъ «стала выдиная земля съ диривями и травой».

Обзоръ *великорусскихъ* легендъ мы начнемъ съ варіантовъ Якушкина.

Сталъ Господи міръ творить, гдѣ народу жить. Распустилъ онъ море-окіянъ; надо землю сѣять. Прибѣжалъ лукавый чертъ да и говоритъ Господу: «ты, Господи, все творишь: весь міръ сотворилъ, окіянъ-море напустилъ, дай мнѣ хоть землю посѣять!»—Сѣй, сказалъ Господи. Сѣялъ, сѣялъ лукавый — ника-

[1]) Шейнъ, Бѣлор. народныя пѣсни, стр. 428—429.

кого толку!—«Опускайся ты, лукавый, сказалъ Господи, на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли». Два раза вымывало у него изъ горсти землю, на третій по божьему велѣнью осталась за ногтемъ песчиночка. «Богъ взялъ ту песчиночку и насѣялъ всю землю, съ травами, съ лѣсами, со всякими для человѣка угодьями. Будемъ съ тобой, Господи, родными братьями, сказалъ лукавый Господу: ты будешь меньшой братъ, я большой.— Господи усмѣхнулся. — Будемъ, Господи, братьями ровными.— Господи усмѣхнулся опять. — Ну, Господи, ты будешь старшій братъ, я меньшой. — Возьми, говоритъ Господи, возьми меня за ручку повыше локотка: нажми ты ручку ту изъ всей силы. Лукавый взялъ Господа за ручку выше локотка; жалъ ручку изо всѣхъ силъ; усталъ отъ натуги, а Господи стоитъ да только усмѣхается. Тутъ Господь только взялъ лукаваго за руку; лукавый такъ и присѣлъ. Господи наложилъ на лукаваго крестное знаменіе, лукавый и убѣжалъ въ преисподнюю [1]). — Въ связи съ этимъ стоитъ разсказъ о созданіи Адама и Еввы [2]). Господь пустилъ ихъ жить въ раю, «а къ воротамъ райскимъ приставилъ собаку, звѣря чистаго: по всему раю ходила». Онъ велитъ собакѣ не пускать лукаваго—какъ бы онъ не опоганилъ его людей, а лукавый бросилъ ей кусокъ хлѣба, она и пропустила его. Чертъ оплевалъ Адама и Евву, Господь «выворотилъ» ихъ: не обтирать же ихъ, не марать рукъ въ чортовы слюны; оттого и слюна погана. А собакѣ Богъ сказалъ: «Была ты, собака, чистый звѣрь, ходила по всему пресвѣтлому раю; отнынѣ будь ты песъ — нечистый звѣрь: въ избу тебя грѣхъ пускать, коли въ церковь вбѣжишь — церковь снова святить. Съ тѣхъ поръ не собака зовется, а песъ: по шерсти погана, а по нутру чиста».

Въ легендѣ о Ноѣ праведномъ [3]) — Ной замѣнилъ Адама; Господь приставилъ собаку, тогда еще голую, стеречь его; чертъ соблазнилъ её—шубой на руки и на ноги. Далѣе разсказъ

---

[1]) Буслаевъ, Оч. I 437.
[2]) l. c. 438.
[3]) Аѳанасьевъ, Нар. русск. легенды № 14.

тотъ же; а собакѣ Господь сказалъ: «Штобъ ты цирковныва звону ни слыхала, у Божій храмъ ни хадила». — И далѣе, въ эпизодѣ о грѣхопаденіи, Ной является въ роли Адама, но легенда о мірозданіи отнесена къ творенію земли — послѣ потопа [1]): дьяволъ спрятался въ ковчегъ въ образѣ мыши, выходитъ изъ него послѣднимъ и говоритъ: «Вотъ, Госпыди, хотѣлъ мине утапить; вѣдь я вóтанъ! я тибе большой братъ!». Слѣдуетъ, какъ у Якушкина, проба силы, послѣ чего дьяволъ признаетъ себя меньшимъ братомъ и по повелѣнію Господа лѣзетъ въ море, чтобы достать горсть земли. Ырянье разсказано съ обычными подробностями, но одна (творчество дьявола) забыта: чертъ прячетъ себѣ за щеку земли, чтобы сдѣлать себѣ то-же, что сдѣлаетъ Господь. Господь сѣетъ землю, а дьяволъ говоритъ ему: «Пасажали мы бѣлый свѣтъ; можеть, тибе будуть хвалити, мине поминати; я и тѣмъ буду даволинъ».

Среди псковскихъ раскольниковъ также существуетъ извѣстный намъ разсказъ о мірозданіи: Богъ и чертъ, нырянье; чертъ не произноситъ заповѣдныхъ словъ: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, почему на первый разъ и не досталъ земли; во второй онъ набилъ себѣ ею ротъ. Господь сѣетъ землю, оттого образовались три части свѣта, но и часть, находившаяся во рту у черта, стала рости; онъ извергнулъ её, отчего произошли болота, степи и пустыри. Сотворивъ изъ глины тѣло человѣка, Господь положилъ его на землю, и пока самъ ходилъ за душею, сторожить человѣка оставилъ собаку. Приходитъ чертъ; собака не поддалась его ласкамъ и угрозамъ и укусила его въ икру, но онъ напустилъ на неё такой холодъ, что она окоченѣла, а человѣка чертъ оплевалъ, отчего у насъ всякія болѣзни и недуги. Вернувшись, Господь не пожелалъ пересоздавать тѣло, ибо усмотрѣлъ, что и недуги необходимы; а собакѣ далъ шубу, чтобы въ другой разъ сторожила лучше [2]).

---

[1]) Сл. выше, стр. 18, самоѣдское преданіе о потопѣ.

[2]) Russwurm въ Zeitschrift. f. deutsche Mythologie, IV, 157—8.

Въ заонежскомъ преданіи, сообщеннымъ Рыбниковымъ [1]), снова является на сцену знакомый намъ образъ «гоголя». Разсказывается такимъ образомъ: «По досюльному окіянъ-морю плавало два гоголя: одинъ бѣлъ-гоголь, а другой черенъ-гоголь. И тыми двумя гоголями плавали самъ Господь Вседержитель и Сатана. По Божію повелѣнію, по Богородицину благословенію, Сатана вздынулъ со дна моря горсть земли. Изъ той горсти Господь-то сотворилъ ровныя мѣста и путистыя поля, а Сатана надѣлалъ непроходимыхъ пропастей, щильевъ и высокихъ горъ. И ударилъ Господь молоткомъ въ камень и создалъ силы небесныя; ударилъ Сатана въ камень молоткомъ и создалъ свое воинство. И пошла между воинствами великая война: по началу одолѣвала было рать Сатаны, но подъ конецъ взяла верхъ сила небесная. И сверзилъ Михайла архангелъ съ небеси сатанино воинство, и попадало оно на землю въ разныя мѣста: которые пали въ лѣса, стали лѣсовиками, которые въ воду — водяниками, которые въ домъ—домовиками; иные упали въ бани и сдѣлались банниками, иные во дворахъ — дворовиками, а иные въ ригахъ — ригачниками». — Сл. туже подробность въ Сказаніи о тиверіадскомъ морѣ: «коево гдѣ огнь засталъ, иново въ горахъ, иныхъ въ пропастѣхъ, по воздуху летащихъ, а иныхъ рукою или ногою блага (блата?) плаваетъ: гдѣ коево засталъ, тутъ и до сего дни пребываетъ».

Другой сѣверно-русскій пересказъ того же преданія сообщенъ былъ Е. Барсовымъ въ его статьѣ: Сѣверныя сказанія о Лембояхъ и удѣльницахъ [2]) и въ замѣткѣ, откуда мы выше заимствовали малорусскія легенды, записанныя Свидницкимъ [3]).

Было время, когда не было ни земли, ни неба, а была одна вода. И спустился Саваоѳъ на землю и спросилъ: Кто здѣ е? И откликнулся сатана и рекъ: Я здѣ е. И спросилъ Саваоѳъ сатану: Есть ли гдѣ земля, не видалъ-ли?

---

[1]) День 1862 г., 52; Пѣсни собр. П. П. Рыбниковымъ, IV, стр. 219—220.
[2]) Труды Этнограф. Отд. Имп. Общ. естествознанія кн. III, вып. I, стр. 87.
[3]) Чтенія 1886, IV, стр. 1—2.

Есть на днѣ моря, отвѣчалъ сатана.—Сходи-же на дно моря и достань земли.

Обернулся сатана гоголемъ, нырнулъ на дно морское и въ ротъ земли напихалъ. Но поколь оттоль воздымался, водой размыло землю, и онъ вынырнулъ ни съ чѣмъ.

Саваоѳъ послалъ его другожды. Но и на другой разъ то-же случилось. Стыдно стало сатанѣ, а Саваоѳъ его укоряетъ и говоритъ: Немощенъ братъ ты. Иди въ третій разъ, да вотъ на днѣ морскомъ увидишь икону-дѣву съ младенцемъ, на камени стоящу; благословись у младеня и тогда возьми земли.

Нырнулъ сатана въ третій разъ: сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему Саваоѳъ и принесъ земли. Саваоѳъ эту землю и разсѣялъ въ восточную сторону, и стала чудная, прекрасная земля. И спросилъ Саваоѳъ сатану: Вся-ли тутъ земля? Вся, сказалъ сатана, а самъ держитъ частицу за щекой. А земля за щекой стала рости — прибывать, а щеку стало раздувать. Видитъ сатана, что не обмануть ему Саваоѳа: взялъ да разсѣялъ ту землю въ сѣверную сторону, и стала тутъ земля холодная, каменистая и нехлѣбородная.

И задумалъ Саваоѳъ создать себѣ полкъ воиновъ, далъ сатанѣ молотъ въ руки и велѣлъ бить въ каменную гору правой рукой, а самъ пошелъ на востокъ рай насаждать. Боговъ товарищъ началъ молотомъ въ камень бить, изъ каменя воины свѣтлы начали выскакивать да на востокъ Богу кланяться; билъ до того, что рука устала, попробовалъ бить лѣвой рукой. Лишь только ударилъ, выскочилъ черный чертъ да и поклонился молотобойцу. Смекнулъ сатана, въ чемъ дѣло, да и давай лѣвой рукой колотить; до того билъ, что чуть-чуть со свѣтлыми полками не сравнялся. Той порой Саваоѳъ дѣло свое сдѣлалъ и пришелъ къ сатанѣ. Пришелъ и видитъ дѣло плохо; что дѣлать? Взялъ скорѣй, зааминилъ. Перестали выскакивать силы нечистыя, а сталъ выскакивать только огонь, какъ и теперь бываетъ при ударѣ желѣзомъ о камень. Возгордился сатана и задумалъ *раздѣлиться* съ товарищемъ; но тотъ не то и говоритъ: сталъ

хвастаться силы богачествомъ. Пошло на раздоръ: Саваоѳъ построилъ небо, а сатана другое, выше того; Саваоѳъ построилъ еще небо, а сатана выше того. Сдѣлали они по семи небесъ, а сатана всё выше забирается. Зааминилъ скорѣе Саваоѳъ и велѣлъ Михаилу архангелу столкнуть сатану на землю со всѣми его небесами и со всей его силой невидимой. Пошелъ архангелъ Михаилъ, а тотъ и на версту не допустилъ его къ себѣ. Саваоѳъ послалъ его другожды, но сатана отогналъ его еще дальше. Сталъ посылать его Саваоѳъ третій разъ, но онъ отвѣчалъ: Боюсь, Господи, опалитъ. Тогда Саваоѳъ сказалъ Михаилу архангелу: Опустись ты на землю къ Черному морю, увидишь на берегу икону, дѣву съ младенцемъ; благословись у младеня и ступай на сатану. Сдѣлалъ архангелъ по слову Господню, столкнулъ сатану съ неба, спровергъ небеса и всю силу его, и валилось сатанинской силы, аки мелкаго дождя, шесть недѣль. Много пало её на землю, а больше того осталось на воздусѣхъ. — Сл. разсказъ Свитка (по ркп. Григоровича): причтенный «въ архангелы» сатана возгордися «въ себѣ помышляя: Сотворю себѣ престолъ надъ звѣздами на воздусѣхъ. Господь же проразумѣ мысль его лукавую и посла архангела Михаила, повелѣ сатану сверггнути съ небеси. Михаилъ архангелъ удари сатану жезломъ, и попали [его] огнь отъ сатаны. Михаилъ архангелъ прииде ко Господу Саваоѳу и рече: Огнь мя палитъ отъ сатаны. И Господь Михаила постриже въ чернцы и положи на его схиму со кресты простыми, знамение Христа сына Божія. Михаилъ архангелъ иде и удари сатану жезломъ и сверже его съ небеси на землю во адову кромѣшную со всѣми его бесовскими силами, и паде бѣсъ съ небеси три дни и три нощи, что капли дождевыя шло силы бесовския во адъ кромѣшный. И Господь рече: Аминь, аминь, аминь. Небеса затворишася и висяще бѣсы держими по воздуху повелѣниемъ божиимъ падаютъ на землю отъ искреннея десницы вышняго божія промысла и сокрушаются на землы».

Пошехонское сказаніе, недавно сообщенное г. Деруно-

вымъ [1]) отличается особымъ литературнымъ складомъ, необъяснимымъ ни качествами народнаго стиха, ни особенностями рукописнаго пересказа. Господь говоритъ Сатанаилу: «Любимѣйшій мой духъ, Сатанаиле, опустись ты въ воды глубины неизмѣримыя, за тридевять поприщъ, въ тридесятомъ возьми на днѣ водномъ земли пригоршни, вынеси ю на поверхность воды: посѣю, да будетъ твердь земная». Дважды нырялъ Сатанаилъ, воздымая сильную бурю, но вода выполаскивала землю изъ пригоршней. «Сатанаиле, духъ мой возлюбленный», говоритъ Господь, «приди ко мнѣ, попроси со смиреніемъ и кротостію у меня благословенія на такое дѣло великое. Съ нимъ достанешь и вынесешь землю на поверхность водную». Получивъ благословеніе, Сатанаилъ досталъ земли, которую Господь, летая, посѣялъ о десную и о шую. «За полетами Господними возставала твердь земная и дѣлалась прекрасною, ровною равниною; засинѣла голубая твердь небесная, засіяло солце, засверкали звѣзды, заходили тучи и заблистала молонья». Господь радуется, силы небесныя славословятъ его; только гордый Сатанаилъ стоитъ поодаль: «Мнѣ за сіе придите и воздайте хвалы: мои труды». Трижды призывалъ его Господь на поклоненіе себѣ и наконецъ сказалъ съ гнѣвомъ: «Отойди отъ меня, сатана гордый». Вмѣстѣ съ нимъ отошла и девятая часть небесныхъ силъ, зашумѣла, полетѣла: «гдѣ пролетитъ да хлопнетъ крылами — дѣлаются на землѣ провалы, выступаютъ моря водныя; гдѣ пуститъ изъ себя воду — тамъ бѣгутъ рѣки и ручьи; гдѣ крошитъ изъ себя калъ — тамъ дѣлаются камни; гдѣ топнетъ ногой — тамъ выдвигаются горы; гдѣ пуститъ изъ себя дыханіе — тамъ изъ земли пышетъ поломя». Господь посылаетъ противъ Сатаны юнаго Миху, котораго переименовалъ Михаиломъ, «архистратигомъ, воеводою всѣхъ небесныхъ силъ»; далъ ему «огненное

[1]) Труды Этнографическаго отдѣла Имп. Общ. любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи, книга IX: Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. I (Москва 1889): Изъ русской народной космогоніи 120—121.

копье, мечъ кладенецъ, броню булатную, на головушку надѣлъ шлемъ духовный съ перьями изъ павлина и благословилъ правою рукою». Происходитъ страшная битва; «и побѣдилъ юный архистратигъ Михаилъ сатану и всю силу его, сверзилъ въ преисподнюю землю».

Заключимъ наше обозрѣніе двумя легендами, записанными на окраинахъ Россіи. Первая изъ юго-западной части томской губерніи [1]): Богъ послалъ черта достать земли со дна морскаго; чортъ три раза нырялъ, но не могъ вынести земли: сколько ни захватитъ въ руку, на обратномъ пути водой всё и вымоетъ; только подъ ногтями осталось немного. Богъ взялъ у него землю изъ подъ ногтей и сотворилъ изъ нея землю; тогда чертъ сталъ *спорить* съ нимъ и сказалъ: Развѣ я для того доставалъ землю? И хотѣлъ онъ собрать всю землю и снова бросить въ воду, но собрать-то уже и не могъ: побѣжитъ за ней, а она всё дальше и дальше уходитъ отъ него, да такъ расширилась, что теперь конца-краю ей нѣтъ.

Слѣдующій разсказъ о происхожденіи горъ записанъ со словъ казака въ станицѣ Разшеватской, Кавказскаго уѣзда, Кубанской области.

Когда Богъ добылъ себѣ сѣмянъ земли, то дьяволъ какимъ-то образомъ успѣлъ украсть нѣсколько этихъ сѣмянъ и себѣ. Для того, чтобы не потерять ихъ и скрыть слѣды своего воровства, онъ всѣ уворованныя сѣмена положилъ себѣ за щеку. Когда Богъ посѣялъ землю и сѣмена начали быстро рости, то къ ужасу нечистаго духа, пустили ростки и сѣмена, находившіяся у него за щекою; при этомъ они настолько быстро росли, что стали препятствовать дьяволу даже жевать пищу. Чтобы избавиться отъ этого несчастія, дьяволъ началъ своей лапой вытаскивать кусочки земли изъ-за щеки и бросать въ разныхъ мѣстахъ: куда попалъ большой кусокъ, тамъ выросла большая

---

[1]) **Потанинъ**, Юго-западная часть томской губерніи въ этнографическомъ отношеніи, Этнограф. Сборникъ VI, 122.

гора, а куда маленькій — тамъ образовался курганъ или небольшая возвышенность. Однако, какъ ни старался дьяволъ поскорѣе выбросить изо рта всю землю, онъ не успѣлъ исполнить этого, потому что сѣмена быстро росли; пришлось разорвать щеку, чтобы освободиться отъ земли. Вотъ почему и рисуется дьяволъ съ открытыми зубами [1]).

Изъ *польскихъ* легендъ я могъ выбрать лишь немногое, отвѣчающее той или другой подробности нашего миѳа. Въ началѣ было небо, гдѣ властвовалъ предвѣчный Богъ свѣта; съ нимъ, но пониже его, князь тьмы. Первой сотворилъ Господь воду, которая подошла подъ небесныя палаты; освятивъ её и омочивъ въ ней кропило, Господь покропилъ на право и на лѣво: на право явились ангелы, на лѣво духи тьмы. По повелѣнію Божію вода опала; Господь основываетъ на ней землю, положивъ на крестъ двѣ великанскихъ рыбы и бросивъ на ихъ хребты крошку, какъ-бы зерно песку [2]).

Очень вѣроятно, что и въ польскомъ folk-lore'ѣ найдутся сказанія, ближе отвѣчающія русскимъ и *литовско-латышскимъ*. Сообщеніемъ слѣдующей литовской легенды я обязанъ любезности Э. А. Вольтера [3]). Богъ ходилъ надъ водою вмѣстѣ съ чертомъ, недобрымъ. Богъ велѣлъ ему нырнуть въ воду и вынести земли во рту или въ рукѣ, но онъ изъ жадности наполнилъ ею себѣ уши, носъ, глаза и т. д. Богъ побранилъ его за это, сталъ считать ни во что и причислилъ къ недобрымъ. Землю, вынесенную чертомъ, онъ разсыпалъ по водѣ, и сдѣлалась земля.— Въ началѣ міра, когда Богъ собирался творить ангеловъ, онъ, держа въ рукахъ кремень съ кресивомъ, выбилъ изъ кресива искры: сколько искръ полетѣло, столько стало ангеловъ. Чортъ принялся дѣлать то-же, но живыхъ не творилъ; человѣка, имъ

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. Управленія Кавказскаго учебнаго округа, III, Отдѣлъ 2, стр. 98.

[2]) Kolberg, Lud, serya VII, cz. III, стр. 3—6.

[3]) Записано въ Россіенскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи со словъ В. Бакутиса, родомъ изъ деревни Сербенты, Россіенскаго прихода.

созданнаго, потому и прозвали «бездушникомъ», что души у него не было.

Латышскія повѣрья [1]) воспроизводятъ эпизоды сообщенныхъ выше. Слѣдующее напоминаетъ мордовскую легенду (сл. выше стр. 13): Богъ устроилъ дороги ровныя, прямыя, а дьяволъ посовѣтовалъ ему сдѣлать ихъ гористыми: проѣзжіе станутъ насъ поминать, Бога будутъ призывать, взбираясь на гору, а спускаясь говорить: Чортъ возьми, конямъ ни сдержать повозки.— Интересенъ варьянтъ о созданіи волка: Господь сотворилъ животныхъ, дьяволъ — волка, но оживить его не могъ, а не хотѣлось ему, чтобы волкъ могъ сказать: Богъ меня создалъ. Принялся онъ ему дуть въ носъ, уши и задъ, говоря: Дьяволъ тебя сотворилъ! Ничто не помогало: Надо было рѣшиться, и онъ тихонько сказалъ волку на ухо: Господь тебя создалъ! Волкъ сорвался и убѣжалъ въ лѣсъ; и теперь онъ еще не знаетъ, кого ему держаться: Бога или дьявола; потому онъ и не выходитъ изъ лѣса.

Я приберегъ къ концу космогоническія сказанія, собранныя Феккенштедтомъ, въ виду сомнѣній, возбужденныхъ ими въ критикѣ [2]). По одной легендѣ, когда Господь пожелалъ создать землю, онъ созвалъ ангеловъ: каждый изъ нихъ долженъ былъ доставить къ постройкѣ по песчинкѣ, а Господь положилъ камни въ основаніе земли; но Artes, которому былъ порученъ надзоръ за этимъ дѣломъ, утаилъ песчинку ангела мира (Eintracht). Оттого земля вышла не прочной; въ началѣ она была ровная и гладкая, но отъ колебаній и сотрясеній приняла настоящій видъ. И впослѣдствіи, когда Господь создалъ людей и животныхъ,

---

[1]) Revue des traditions populaires II: Henri Zincièm — Wissendorff, Légendes mythologiques lettonnes, стр. 481 слѣд., №№ IX и X.

[2]) Veckenstedt, Die Mythen, Sagen und Legenden der Żamaiten (Litauer), I, стр. 214 слѣд. passim; 234—5; сл. II, 252, 260, 272. Сообщая далѣе нѣсколько свѣдѣній изъ сборника Феккенштедта, я имѣю въ виду и сдѣланныя противъ него оговорки. Сл. Отчетъ Э. А. Вольтера въ Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1886 г. (т. 22) стр. 328 и 329.

ссоры и вражды между ними были слѣдствіемъ того же похищенія. Господь велѣлъ всѣмъ ангеламъ спуститься на землю и поискать въ ея основахъ причинъ такого нестроенія. Всѣ они нашли свои песчинки на мѣстѣ и вернулись къ Богу; не нашелъ своей части лишь ангелъ мира. Тутъ догадались, что похищеніе совершилъ Artes; Господь проявилъ свой гнѣвъ на него въ громѣ и молніи; отправились къ Artes'у, обыскали его, но ничего не нашли. Всѣ несовершенства на землѣ и среди людей происходятъ отъ обмана Artes'а; оттого всякій разъ, когда Господь видитъ неправду или раздоръ, онъ идетъ къ похитителю искать утаенной песчинки, а на небѣ въ то время бываетъ гроза.

Artes отвѣчаетъ Сатанаилу знакомыхъ намъ космогоническихъ легендъ. По другому литовскому преданію Господь сотворилъ землю, св. Духа и черта; они вмѣстѣ жили на землѣ, но діаволъ не любилъ Господа, держался въ сторонѣ отъ него, и когда Господь сотворилъ изъ глины тѣло перваго человѣка и удалился на три дня, дьяволъ разбилъ созданное. Господу пришлось склеить его кое-какъ, и лишь когда человѣкъ оживленъ былъ духомъ жизни, его тѣло получило снова тотъ видъ, какое имѣло прежде, чѣмъ попасть въ руки нечистаго. — Отмѣтимъ въ заключеніе разсказы о двойственномъ твореніи: Христосъ создалъ птицъ и рыбъ, св. Петръ четвероногихъ, дьяволъ червей и всякую нечисть; либо ап. Петръ и чертъ творятъ въ запуски: у перваго выходитъ овца, у втораго коза.

Иначе разсказывается, что всё видимое — твореніе Zeste, первозданнаго, двуполаго существа; однажды Algis (Lasicki: Algis angelus est summorum deorum = Михаилъ?) не пустилъ его, по волѣ Перуна, въ заповѣдное мѣсто божьяго сада, отразивъ его громомъ и молніей. Разгнѣванный Zeste рѣшилъ создать себѣ собственное мѣстопребываніе: онъ разорвалъ свою одежду и бросилъ её вмѣстѣ съ золотымъ вѣнцомъ и другими украшеніями. Изъ синяго сукна стало небо, изъ серебрянаго платья—звѣзды, вѣнецъ сталъ солнцемъ, шитый нагрудникъ — мѣсяцемъ, другія

украшенія — землею. На ней онъ водворился: ангелы, исполины и карлики и люди, небо, земля и море — его твореніе.

IV.

Одно и тоже древнее сказаніе, неравномѣрно тронутое духомъ монотеизма, лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ легендъ. Общія очертанія тѣ-же, что въ религіяхъ Индіи и Греціи: въ началѣ была одна вода (Darmsteter l. c. 142, 150); вездѣ сцена міротворенія перенесена къ морю и на немъ совершается. Интересна подробность, что земля сѣется и что дьяволъ также тщится украсть отъ его сѣмянъ, какъ въ крестной легендѣ у Григорія отъ сѣмянъ райскаго дерева; вспомнимъ, что въ міросозерцаніи отреченной статьи, которую мы привели (стр. 44—46) въ объясненіе Свитка, на этомъ деревѣ покоится и земля и преисподняя. Совмѣстное творчество добраго и злого началъ понято, какъ *споръ* о *богуваньи*, въ которомъ злое начало утратило прежній характеръ равноправности: дьяволъ хочетъ назваться *братомъ* Богу, даже меньшимъ, но оказывается безсильнымъ; онъ творитъ, но подражая и не успѣвая, либо старается испортить сотворенное. Интереснѣе другое пониманіе отношеній, сохранившееся въ сѣверно-русскомъ пересказѣ: Сатана хочетъ *раздѣлиться* съ Саваоѳомъ, и оба соперничаютъ другъ другомъ, созидая небеса, одно выше другого, какъ въ другихъ легендахъ они дѣлятъ между собою живыхъ и мертвыхъ. Этотъ мотивъ *раздѣленія*, отразившій болѣе древнее представленіе *отдѣльности*, сохранился, быть можетъ, и въ своеобразномъ сюжетѣ южнославянскихъ пѣсенъ о *дѣлежѣ земли и неба* между святыми, при чемъ каждому достается область, находящаяся подъ его руководствомъ (сл. Караџић Срб. Пj. II, № 1 и 2; Петрановичъ № 1; Миладиновы Бѫлг. нар. пѣсни № 30 и 53 и др.). Если въ данномъ случаѣ наше предположеніе о дуалистической подкладкѣ указанныхъ пѣсенъ можетъ показаться сомнительнымъ, ибо нѣтъ принципіальной противоположности дѣлящихъ началъ, то для слѣ-

дующаго цикла сказокъ это сомнѣніе устраняется, ибо противоположность существуетъ. Я разумѣю распространенный циклъ сказанія о Правдѣ и Кривдѣ [1]) и смежный съ нимъ о неровномъ дѣлежѣ [2]). Обыкновенно, дѣло идетъ о дѣлежѣ работы на полѣ и ожидаемой жатвы между звѣрями (лиса и медвѣдь, лиса и коза и т. д.), изъ которыхъ одинъ оказывается одураченнымъ, одѣленнымъ; либо вмѣсто животныхъ выступаютъ: баба и чертъ, святой (св. Іоаннъ, св. Петръ, св. Криспинъ и др.) и дьяволъ, и роль простака предоставлена дьяволу. Я полагаю, что это освѣщеніе, разработанное въ комическомъ типѣ средневѣковаго бѣса, слѣдуетъ понять въ связи съ его христіанизованнымъ представленіемъ въ апокрифѣ и народныхъ легендахъ о мірозданіи: и здѣсь онъ уже не творецъ равносильный Богу, а его неумѣлый совопросникъ, пытающійся сотворить землю, человѣка, небеса, но въ результатѣ одураченный и наказанный [3]). Интересно отмѣтить, что звѣрь, выступающій въ сказкѣ о дѣлежѣ въ роли дьявола: волкъ и коза, представятся намъ далѣе именно его созданіями.

---

[1]) Сл. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 91 слѣд. и прим. 2 на стр. 93—94, прим. 3 на стр. 94. Указанную тамъ литературу сказки можно-бы теперь значительно пополнить. Сл. между прочимъ Cosquin, Contes pop. de Lorraine I, № VII и прим. и мой отчетъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCL, отд. 2, стр. 296; Pitrè, Novelle pop. toscane № XXIII и прим.; Clouston, Popular tales and fictions, I, стр. 249 слѣд., 464—5; Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ I, вып. 3 (Сказки), № 72.

[2]) Сл. Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 94 и прим. 1 и 2. Сл. еще (Keightley) Mythologie der Feen u. Elfen übers. von. O. L. B. Wolff, 1-er Theil, стр. 196—8 (съ ссылкой на сходный разсказъ у Rabelais); Veckenstedt, l. c. I, 285—6; Carnoy, Littérature orale de la Picardie p. 62 слѣд. (Saint Crispin et le diable); Sébillot, Traditions et superstitions de la Haute Bretagne I, 326 слѣд.; Revue des trad. pop. II, 486; III, 166; Сборн. свѣдѣній о Терской области, вып. I, стр. 260—1; Рудченко, Нар. южно-русскія сказки I, № 29; Романовъ, l. c. № 75 и далѣе малорусскую легенду о спорѣ мыши и воробья. Библіографическія сопоставленія у Колмачевскаго, Животный эпосъ на западѣ, стр. 111 слѣд. и K. Krohn'a, Bär (wolf) und Fuchs. Eine nordische Tiermärchenkette. Helsingfors 1888, p. 97 и слѣд.

[3]) Сл. выше стр. 64 и прим. 2, малорусскую и польскія легенды — и литовскія въ Rev. d. trad. pop. II, стр. 482 слѣд., №№ I, II, III.

Какъ сказки о дѣлежѣ могли служить выраженіемъ дуалистическихъ идей, такъ въ другихъ отразиться тѣ или другія подробности космогоническаго миѳа, лишь въ общихъ чертахъ намѣченнаго въ славянской апокрифической статьѣ и ея народныхъ отраженіяхъ. Дьяволъ былъ творцемъ всего видимаго, плотскаго, матеріальнаго, и это представленіе было разработано въ отдѣльныхъ разсказахъ, значеніе которыхъ мы можемъ разглядѣть подъ ихъ христіанской оболочкой.

Начнемъ съ легенды о дьяволѣ, какъ творцѣ солнца.

Сербы разсказываютъ (Караџић, Срб. нар. припов., стр. 114), что когда дьяволы отошли отъ Бога и ушли на землю, взяли съ собою и солнце, которое ихъ повелитель носилъ съ собою, воткнувъ его на свое копье. Земля жалуется Богу, что она сгораетъ отъ солнца, и Господь послалъ архангела: пусть попытается отнять похищенное свѣтило. Архангелъ спустился на землю и притоварищился къ сатанѣ; тотъ понялъ, чего онъ хочетъ, и былъ на сторожѣ. Ходили они вмѣстѣ, и когда разъ, придя къ морю, хотѣли выкупаться, дьяволъ воткнулъ копье съ солнцемъ въ землю. Стали они купаться, архангелъ и говоритъ: Станемъ-ка нырять, посмотримъ, кто нырнетъ глубже. — Ну ныряй! отвѣчаетъ дьяволъ. Архангелъ нырнулъ и вынесъ въ зубахъ морскаго песку. Теперь была очередь за дьяволомъ, но тотъ боялся, какъ-бы архангелъ не унесъ у него солнца, плюнулъ на землю и оттого произошла — сорока: её онъ и оставилъ сторожить солнце, пока самъ не принесетъ песку со дна моря. Когда дьяволъ погрузился, архангелъ сотворилъ надъ моремъ знаменіе креста, отчего море покрылось льдомъ въ девять локтей толщиною; схватилъ солнце и полетѣлъ на небо. Въ это время сорока защекотала; услышавъ это, бѣсъ понялъ въ чемъ дѣло и поспѣшилъ вынырнуть; видитъ — море заложено льдомъ и ему нѣтъ выходу; снова спустившись на дно, онъ схватилъ камень, пробилъ имъ ледъ и пустился догонять архангела. Уже тотъ вступалъ одною ногою на небо, когда сатана схватилъ его за другую и когтями вырвалъ изъ-подъ ступни большой кусокъ мяса. Ра-

неный архангелъ принесъ солнце къ Господу, а самъ плачется: Что я теперь стану дѣлать? А Богъ и говоритъ ему: Я устрою, чтобъ у всѣхъ людей нога была подъ низомъ такая-же, какъ и у тебя. Съ тѣхъ поръ у всѣхъ насъ ложбина или впадина на ступнѣ.

Тотъ-же самый мотивъ разработанъ въ одной черногорской пѣснѣ (Караџић, Срб. нар. пjесме II, № 17, стр. 81 слѣд. и прим.; Безсоновъ, Калики I, стр. 601 слѣд.), только вмѣсто дьявола — царь Дукліянъ, т. е. Діоклетіанъ, типъ отверженнаго грѣшника, пособника, сына сатаны[1]); вмѣсто архангела—Иванъ Креститель. Оба они — братья названые, пьютъ вино на припекѣ у синяго моря. Иванъ предлагаетъ поиграть: онъ — яблокомъ, царь «коруномъ». Яблоко угодило въ море, а Иванъ сѣтуетъ; царь обѣщается достать его—только не унеси моего вѣнца, говоритъ онъ. Иванъ клянется, но когда царь нырнулъ, полетѣлъ на небеса, спрашиваетъ Господа: Поклятьcя-ли мнѣ тобою криво, унести-ли вѣнецъ у царя? Господь отвѣчаетъ: Поклянись мною (?) три раза криво, только не моги клясться моимъ именемъ. Иванъ слетѣлъ къ морю, Дукліянъ вынесъ въ зубахъ яблоко; снова начинается игра и опять яблоко попало въ море. Царь отправляется за нимъ и вторично беретъ съ Ивана извѣстную клятву; вѣнецъ бросилъ подъ шапку, оставилъ при немъ птицу зловѣщую. На этотъ разъ Иванъ заледенилъ море двѣнадцатью льдами, а самъ съ золотымъ вѣнцомъ полетѣлъ къ небу. По карканью птицы царь догадывается о похищеніи: три льда проломилъ головою, другіе малымъ камнемъ со дна моря — «одъ хиляде окахъ»; развернулъ крылья, догналъ Ивана у небесныхъ вратъ, за правую ухватилъ его ногу, что прихватилъ, то и оторвалъ. Иванъ свѣтлое солнце принесъ на небо, жалуется Господу, что его изувѣчили; а Господь говоритъ: Не бойся, я сдѣлаю такъ всякому.

Проф. Дриновъ издалъ недавно, по рукописи Бончова,

---

[1]) Сл. Разысканія VIII, 265; сл. мой отчетъ о сборникѣ г-жи Кремницъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXXV, отд. 2, стр. 222.

другой болгарскій варіантъ этого сказанія [1]). Въ началѣ у дьявола была одинаковая сила съ Богомъ, который давалъ ему много работы. А вотъ какъ онъ сталъ дьяволомъ: однажды Господь расхаживалъ по горамъ и доламъ и радовался; только не было у другаря, съ кѣмъ бы провести время. «Веднѫж като са разхождал, мернѫла му са сянката и той я викнѫл: Стани друже! И сянката са исправила пред него, като чивяк: но то не было чивяк, ами дявол». Господь дружится съ нимъ, хочетъ его наградить; дьяволъ предлагаетъ ему подѣлиться свѣтомъ: Богу небо и живые люди, дьяволу пусть будетъ принадлежать земля и умершіе. По его требованію Господь даетъ ему на то рукописаніе. Когда прародители были изгнаны изъ рая и принялись за пахоту, дьяволъ запретилъ имъ это, ибо они не спросились хозяина. Пожалѣлъ Господь о данной имъ записи, а когда впослѣдствіи дьяволъ заодно началъ мучать и грѣшныхъ и праведныхъ, Богъ рѣшилъ отнять у него власть и послалъ ангела: пусть похититъ у него рукописаніе. Нечистый полюбилъ ангела, но записи ему не показывалъ. Однажды, когда они шли мимо озера, ангелъ спрашиваетъ діавола: можетъ-ли онъ достать со дна горсть песку? Я то могу, а ты не можешь, хотя сильнѣе и хитрѣе меня. Ангелъ нырнулъ и досталъ песку; ныряетъ и дьяволъ, но три раза возвращается съ полупути: у него въ платьѣ за пазухою осталось рукописаніе, онъ и боится, какъ-бы не нашелъ его другарь. Увѣрившись, что у него нѣтъ злаго умысла, онъ спустился на самое дно, но вынырнуть ему было тяжелѣе, чѣмъ легкому ангелу, который и воспользовался тѣмъ временемъ, похитилъ запись и понесся на небо. Дьяволъ за нимъ, догналъ его у входа, но ему удалось лишь схватить его за ногу и вырвать кусокъ тѣла изъ подъ ступни. Ангелъ явился передъ Господа съ рукописаніемъ, хромая на лѣвую ногу и плачась. «Нѣма ништо, рекал дядо Господ, аз щтѫ да напра́ва на сичките хора

---

[1]) Периодическо Списание, кн. VIII, стр. 124 слѣд. Указаніемъ на этотъ текстъ я обязанъ П. А. Сырку.

така, и теб не ште да е срамота. Отъ онова время е остало да ни сѫ стапалáта вдѣлбнати».

Въ параллель къ этимъ легендамъ приведемъ соотвѣтствующую малорусскую [1]): «Давно це було. Тоди ни людей, ни земли, ни дерева, ни птыци и ни якои ще живои твари не було на сьвити.... Ото-жъ тоди була скризь вода, а надъ нею перше небо, на котримъ живъ Богъ и два іого прислужники: Мишка та Гришка..... А на самому неби, тамъ де теперъ живе Божа Мати, живъ Сатанаилъ, и все Господови перечивъ. Що не схоче Господь зробити, то винъ, лукавый цей Сатанаилъ, визьме та и помишае, не дасть таки, проклятый, зробити. Ото и задумавъ Господь Богъ, яко-бы то іому стребити Сатанаила, та не такъ то конче стребити, якъ видняти ризу іого, у котри, мовлявь, уся сила сатанаилова седила. — Отъ одного разу Сатанаилъ роздягся, положивъ ризу свою на камени и став плавати на мори, бо дуже любивъ, проклятущий, купатись, а Господь седить на свому неби та дивиться. Отъ и заспоривъ Господь Богъ зъ Сатанаиломъ: Чи достанешъ, Господь каже, дна морского? а Сатанаилъ каже: Ба доставу. Отъ Сатанаилъ почавъ пробувати та поринати, а Господь прикликавъ Мишку, та й звеливъ іому, шобъ злетивъ на море, та якъ пирне Сатанаилъ, то шобъ почавъ дмухати на море. Такечки и зробити. Сатанаилъ пирнувъ у перве, а Мишка почавъ дмухати на воду — море тако и знялось корою, замерзло. Сатанаилъ выпирнувъ, та головою и пробивъ ліодъ. Отъ Господь и каже: «А, ну, поринай, каже, у друге!» Бо умова у ихъ, бачите, була до тріохъ разъ шобъ поринати». Такъ повторилось во второй и въ третій разъ; самъ Господь помогаетъ дуть на море, и «море такимъ товстымъ ліодомъ взялось, шо Сатанаилъ якъ випирнувъ, то и не змигъ уже пробити головою ліоду, а Гришка тимъ часомъ ухопивъ его ризу та и ставъ утикати зъ нею на небо. Сатанаилъ же побачивши, шо зъ нимъ не жартують, мерщій

---

[1]) Кіевская старина, 1887 г., Май, Олтаржевскій, Изъ народныхъ вѣрованій, стр. 196—197. Легенда слышана отъ старика крестьянина, бывавшаго и въ кубанскихъ степяхъ и въ Одессѣ и въ Бессарабіи.

почавъ прохукувать лiодъ; прохукавъ дирку тай погнався за Гришкою и уже ставъ доганяти iого, бо у Гришки було двое крылъ, а у Сатанаила цилыхъ шестеро. Коли тутъ де не взявся Мишка, та мечемь и одчухравъ Сатанаилови крыла. Отъ Сатанаилъ упавъ у море, а рызу iого Мишка зъ Гришкою принесли до Бога. И у ци сами рызи писля Iсусъ-Христосъ на крести мучився, а зъ Мишки та Гришки Господь зробивъ архангеливъ Михаила та Гаврiила».

Варьянтъ съ Полѣсья, напечатанный И. Трусѣвичемъ [1]) соединяетъ моментъ нырянія — при мірозданіи — съ моментомъ второй болгарской сказки: рукописаніе. То-же водное пространство въ началѣ и ныряніе ангела, чтобы достать «жменю» песку; Господь взялъ принесенную землю въ руку, дунулъ на неё и бросилъ въ море: такъ стала земля, которую держала на спинѣ исполинская рыба Малимонъ (или двѣ рыбы, лежащія крестъ на крестъ); отъ ея движенія и происходитъ землетрясеніе. Ангелъ также пожелалъ сотворить себѣ свой міръ, бросилъ землю, припрятанную имъ за ногтями; оттуда холмы и горы. — Господь сотворилъ человѣка изъ глины и оживилъ духомъ своимъ; ангелъ пытается сдѣлать то-же, но оживить не въ силахъ; то-же дѣлаютъ за нимъ и другіе; въ наказаніе за то Господь обратилъ ихъ въ дьяволовъ и сбросилъ съ неба.—Прародители были такіе сильные, что когда ступали по камнямъ, оставляли въ нихъ слѣдъ; послѣ грѣхопаденія, наоборотъ, камни вдавлялись въ ногу: оттого у насъ впадина на подошвѣ.—Чертъ запретилъ Адаму пахать и сѣять, ибо онъ владыка земли, и дозволилъ лишь подъ условіемъ, что тотъ запишетъ за нимъ всѣхъ своихъ дѣтей. Получивъ запись Адама онъ вложилъ её въ камень и бросилъ въ море. Что ты сдѣлалъ? говоритъ Адаму Господь; ты погубилъ всѣхъ людей, которые произойдутъ отъ тебя. Спустившись на дно моря Господь досталъ запись и вернулъ ее Адаму. Желая отмстить Богу чертъ заказалъ кузнецу цѣпь, чтобы оковать ею Господа.

---

[1]) Кіевлянинъ 1866 № 44: Космогоническія преданія жителей Полѣсья. Этимъ указаніямъ, какъ и многими другими, я обязанъ В. В. Каллашу.

Кузнецъ предлагаетъ нечистому испытать на себѣ крѣпость цѣпи: оковалъ ему шею, прикрѣпилъ къ столбу, да такъ и оставилъ, ибо цѣпи нельзя было перервать. Такъ Господь одержалъ побѣду надъ адомъ.

Передъ нами своеобразная христіанская перелицовка богомильскаго преданія о мірозданіи. Правда послѣдній моментъ затемненъ, или, скорѣе, замѣненъ въ черногорской пѣснѣ другимъ: игрою; но осталось въ сербской и болгарской сказкѣ характерное вынесеніе песку и проглядываютъ древнія черты въ смѣшеніи этого момента съ другимъ, апокрифическимъ: о рукописаніи, данномъ Адаму, которое надо достать со дна моря (болгарскій и полѣсскій варьянты), вмѣсто чего одинъ малорусскій говоритъ о ризѣ Сатанаила. — Рядомъ съ дьяволомъ Сатанаиломъ — Діоклетіаномъ является то архангелъ, то Иванъ; первый могъ-бы дать поводъ сблизить его съ Михаиломъ апокрифа, но такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ легендой о мірозданіи, то, очевидно, онъ замѣнилъ Бога. Подъ Иваномъ пѣсня разумѣетъ и называетъ Крестителя, что не отвѣчаетъ богомильскому взгляду на него: по ихъ ученію онъ еще принадлежитъ ветхому завѣту, онъ—«*прѣдтеча царю великаго слънца, Антихриста*» [1]), если не правильнѣе другое чтеніе: «Іоанна же Предтечю и *зарю* великааго Солнца безчествуютъ, антихристова предтечю наричюще и» [2]). Іоаннъ Креститель можетъ быть лишь поздней замѣной Апостола; что это такъ—станетъ очевиднымъ впослѣдствіи. Отмѣтимъ пока, что въ пѣснѣ онъ братъ названый Діоклетіану, т. е. діаволу, какъ и въ богомильскомъ представленіи Богъ и діаволъ совмѣстники, равноправные братья. — Важнѣе другая подробность: Иванъ похищаетъ у Дукліана его *золотой вѣнецъ*, оказывающійся впослѣдствіи «*свѣтлымъ солнцемъ*»; въ сербской сказкѣ солнце похищено дьяволомъ, какъ въ румынской колядкѣ [3])

---

[1]) Косьма пресвитеръ у Rački, Bogomili i Patareni, стр. 178.

[2]) Православный Собесѣдникъ, 1864 ч. II, стр. 90.

[3]) Разысканія VII, стр. 263—4, VIII, 325—6 и прим. Сл. Veckenstedt, l. c. I, стр. 237—8.

Іюдой, и дѣло идетъ объ обратномъ его добываніи. По моему мнѣнію мы имѣемъ здѣсь дѣло съ позднѣйшей перелицовкой другого мотива; вѣнецъ солнце, очевидно, принадлежитъ Дукліану—дьяволу, имъ созданъ. Черногорская пѣсня, въ данномъ случаѣ, поддерживается богомильскимъ Liber Johannis, исправляя его въ свою очередь. Здѣсь разсказывается слѣдующее: по сверженіи своемъ съ неба, descendens Satanas in firmamentum hoc nullam requiem potuit facere sibi nec iis, qui cum eo erant. Et rogavit patrem dicens: Patientiam habe in me, et omnia reddam tibi. Et misertus ei pater, et dedit ei requiem et his qui cum eo erant, quodcunque vellet, usque ad septem dies. Et sic sedit in firmamento et praecepit angelo qui erat super aërem et qui erat super aquas, et elevaverunt terram sursum, et apparuit arida; *et accepit coronam angeli, qui erat super aquas, et de medietate fecit lumen lunae et de medietate lumen solis* (ркп. stellarum), *et de lapidibus fecit omnes militias stellarum.* Слѣдуетъ разсказъ о сотвореніи имъ всего видимаго. — Thilo [1]) читаетъ въ послѣдней фразѣ: angelus вм. angeli, а о medietas говоритъ: videtur esse τόπος μεσότητος Valentinianorum et quae in eo est materia subtilior. Замѣтка Бонакурса о катарахъ [2]): ipsum diavolum credunt esse solem—и черногорская пѣсня о Дукліанѣ оправдываютъ наше измѣненіе текста (solis вм. stellarum), указывающее вмѣстѣ съ тѣмъ и на настоящій его смыслъ, не требующій никакихъ другихъ поправокъ: Сатана творитъ солнце (и луну) изъ двухъ половинъ [3]) вѣнца ангела, что надъ водами; звѣзды — драгоцѣнные камни этого вѣнца. Это объясняетъ и вѣнецъ Дукліана, т. е. сатаны: онъ отвѣчаетъ вѣнцу «ангела надъ водами» и синему камню со дна моря галицкой

---

[1]) Codex apocryphus novi testamenti, стр. 887—888 и прим. 3.

[2]) Vita haereticorum s. manifestatio haeresis Catharorum у D'Achéry, Spicilegii Vet. Script t. I, стр. 209.

[3]) Сл. Archiv f. lat. Lexicographie III 458 слѣд. (Wölfflin): medietas, встрѣчающееся съ конца II вѣка у лат. писателей въ значеніи μεσότης, употребляется Палладіемъ, Вегеціемъ, Амміаномъ и др., въ смыслѣ *половины*; такъ позднѣе (съ нач. 6-го вѣка) въ Италіи и во Франціи.

колядки, изъ котораго сотворено солнце и мѣсяцъ и дробныя звѣзды. Я полагаю, что эта космогоническая идея выражена въ черногорской пѣснѣ еще и другимъ параллельнымъ образомъ: яблокомъ, угодившимъ въ море; припомнимъ, что и сербская сказка предполагаетъ сходный символъ, говоря о солнцѣ, воткнутомъ на копье. Подъ яблокомъ слѣдуетъ разумѣть, быть можетъ, глазное яблоко, глазъ: въ «Свиткѣ» (ркп. Григоровича) говорится, что «солнце отъ нутренія ризы Господни, понеже Господь по лицу своему утреся, а луна отъ лица»; въ болгарскомъ спискѣ Бесѣды трехъ святителей (изд. Новаковичемъ) объясненіе другое: «Кога-то сотвори Богь небо и землѭ, тогда помисли, како да сотвори чловека, и какь ште да се распне и на смрьть да са предаде, и когда смисли Богь за своѭ-та смерть, тогда сльза паде изь око Господне, и *отъ таѭ сльза нарече Богь сльнце и мѣсець*». Въ духовномъ стихѣ о Голубиной книгѣ солнце отъ *лица* Божія (вар. отъ грудей), мѣсяцъ отъ грудей, лица, *очей* Божіихъ; звѣзды отъ ризъ, но и отъ *очей* (сл. выше стр. 54 словинское преданіе); зоря отъ *очей*, но и отъ ризъ. — Яблоко (глазъ-солнце), попадающее въ море, откуда его надо достать, можетъ быть, лишь дублетъ къ задачѣ: достать солнце-вѣнецъ демона. То и другое въ его власти, какъ имъ созданное; позже говорили: похищенное; основой образа могло быть наблюденіе надъ солнцемъ (и другими свѣтилами), отражающимися въ морѣ, таящимися въ немъ [1]). Такъ объясняется и параллельный миѳъ о солнцѣ-глазѣ Одина, данномъ имъ въ залогъ великану Мимиру, который держитъ его въ своемъ родникѣ—морѣ, Mimis-brunnr (Völuspá, строфы 27—9 ed. Sijmons), подъ міровымъ деревомъ. Въ этомъ Mimis-brunnr видѣли небо = небесный океанъ, съ его единственнымъ глазомъ солнцемъ; съ этой точки зрѣнія понятны объясненія, предложенныя Гриммомъ (D. Myth. 4-е изд. стр. 314 слѣд.) и Вигфуссономъ (Dict., a. v. Mimir) именъ,

[1]) Сл. Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde V, i, стр. 102 и для слѣдующаго весь комментарій къ 13-й (по его тексту) строфѣ Völuspá, l. c., стр. 99 слѣд.

сложныхъ съ mimir: hregg-mimir (hregg: буря съ дождемъ) и vett-mimir: названіе двухъ изъ девяти небесъ сѣверной миѳологіи (сл. Müllenhoff, l. c., стр. 105); послѣднее Vigfusson толкуетъ: верхнее небо, Гриммъ: дающее влагу (vaeta: humor), ибо и sökk-mimir (mimir глубины; иначе Vigfusson: sky of the Inferno?), названіе одного исполина, возвращаетъ насъ къ представленію глубины, моря, какъ и Mims-synis, сыны Мимира, являющіеся въ разсказѣ о грядущемъ концѣ міра: взыграли сыны Мимира (Völuspá, 46 ed. Sijmons), т. е. волны, какъ переводили обыкновенно; Vigfusson и здѣсь объясняетъ предположительно: вѣтры [1]).

Мимиръ — представитель досвѣтной, космической мудрости, утаенной отъ боговъ, въ извѣстномъ смыслѣ имъ враждебной; чтобы причаститься этой мудрости Одинъ, будто-бы, и отдалъ Мимиру свой глазъ (сл. Gylfaginning c. XV). На сколько эта редакція миѳа сохранила его древнія очертанія — остается вопросомъ: выраженіе о глазѣ Одина = солнцѣ, какъ о залогѣ Одина (veð Valföður), отзывается кеннингомъ въ манерѣ скальдовъ; оно могло быть отвлечено отъ миѳа, но и миѳъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ разсказывается, могъ сложиться въ соотвѣтствіи съ кеннингомъ.

Этимологически слово Mimir загадочно. Я. Гриммъ сближалъ его съ англос. mimor, meomor, gemimer (memoriter notus), mimerian (memoria tenere), нижненѣм. mîmeren (phantasieren), съ другой стороны съ именами, какъ Mime (кузнецъ въ Битерольфѣ), Mîmilo, Mîmedrût [2]); въ сравненіе идетъ и кентавръ

---

[1]) Такъ въ словарѣ. Въ Corpus poet. boreale I, стр. 198: The sons of Mimi are astir; II, стр. 626 и прим. на стр. 651, въ гипотически возстановленномъ текстѣ Völuspá, онъ печатаетъ: leika Mims...., но не переводитъ этого мѣста. Сл. Müllenhoff, l. c., стр. 107: Sǫckmimir = riesischer Geist der Tiefe; стр. 141: Mîms synir = die einzelnen Quellen und Gewässer ... oder ihre Wellen.

[2]) Сл. у Саксона Грамматика: Miming—лѣсной духъ, обладатель чудеснаго меча и запястья, умножающаго сокровища. О мечѣ Mimінc сл. Müllenhoff, Zeugn. und Excurse, Zs. f. deutsches Alterthum XII, 365—6, 360, 277; сл. Deutsche Alterthumskunde l. c., стр. 105—6.

Μίμας. Въ позднѣйшей замѣткѣ Гриммъ отказался отъ сближенія Mime съ Mimir'омъ, ибо въ первомъ вѣроятно ï. Еслибы, по повѣркѣ, оно оказалось-бы таковымъ и въ послѣднемъ, то англосаксонскія параллели могли-бы послужить къ разъясненію общаго имъ корня: mim, можетъ быть, съ первичнымъ смысломъ: удерживать, задерживать, потомъ уже: удерживать въ памяти, запоминать [1]). Mimir былъ-бы удерживающимъ, — какъ похититель солнца и какъ противоположность къ движущемуся, бурному: Oðinn родственъ съ Óðr, гот. wôds = δαιμονιζόμενος, mad, frantic; либо съ Óðr: mind, wit, soul, sense. Въ Мимирѣ и Одинѣ мы получили бы, такимъ образомъ, противоположность двухъ творческихъ началъ, не исключающую совмѣстность дѣятельности: Одинъ научается у Мимира, онъ его другъ (Mimsvinr) — какъ и въ дуалистическомъ миѳѣ о мірозданіи богъ и Сатанаилъ стоятъ другъ къ другу близко, либо братья.—Замѣтимъ еще, что новое поколѣніе людей, послѣ гибели міра, произойдетъ отъ Líf и Lífþrasir, спрятавшихся въ древѣ Hoddmimir'a, т. е. Мимира сокровищъ, драгоцѣнностей (Vafþruðnismál 45; Gylfaginning 53).

Если Müllenhoff, [2]) усматриваетъ въ Mimir'ѣ «einen.... mit der höchsten Gottheit verbündeten, fürsorgenden Geist, den Denker», говоря, что «durch seine Verbindung mit dem Himmelsgott ist er ein wesentlicher Theil der Vorsehung selbst» — то такое философское пониманіе едва-ли лежало въ основахъ древняго миѳа.

Другихъ слѣдовъ дуализма въ сѣверной космогоніи намъ придется коснуться еще далѣе.

V.

Пока вернемся еще разъ къ содержанію сербской сказки и черногорской пѣсни, чтобы выяснить въ нихъ нѣсколько забытыхъ, очевидно богомильскихъ подробностей. Уже было замѣчено,

---

[1]) Этой попыткой толкованія я обязанъ Ѳ. А. Брауну.

[2]) l. c., стр. 105, 106.

что, противопоставленный Дукліану-дьяволу, Іоаннъ могъ быть въ древнемъ преданіи только апостоломъ, богословомъ, не Крестителемъ. Къ этому предположенію ведетъ насъ не только особое уваженіе, которымъ пользовался среди богомиловъ именно Іоаннъ богословъ [1]), но и слѣдующее апокрифическое слово объ Антихристѣ [2]) и ап. Іоаннѣ, упредившее планъ разобранныхъ выше сказки и пѣсни. И здѣсь мы присутствуемъ при преніи добраго и злого начала, Ивана и Антихриста (= Сатаны, Дукліана), который приводится въ связь съ *солнечнымъ градомъ*; вспомнимъ *солнце-вѣнецъ* Дукліана. Преніе въ апокрифѣ отнесено къ концу дней; какъ и въ пѣснѣ, Иванъ летитъ на небеса, Антихристъ слѣдомъ за нимъ; можетъ быть, мотивъ чудесъ, совершенныхъ Антихристомъ, стоитъ въ извѣстной связи съ богомильскимъ представленіемъ о дьяволѣ — творцѣ.

Разсказъ начинается съ чудеснаго рожденія Антихриста; не изъ подобнаго-ли источника заимствовалъ сходнее сказаніе интерполированный текстъ Меѳодіевскихъ откровеній? [3]). Антихристъ творитъ чудеса; Іоаннъ богословъ, являющійся его совопросникомъ въ согласіи съ нѣкоторыми памятниками [4]), сходитъ съ небесъ и препирается съ «дьяволомъ», который не въ состояніи оживитъ камни; Іоаннъ молится, «и тогда каменіе живо боудеть, и потечеть вьсе каменіе. Богословь же ѡбратить се горѣ на небеса, и видѣвь тои тогда Ан'тихристь поидеть вьслѣдь ѥго. И рече Іѡан'нь богословь кь Богоу: Владыко, како можеши трьпѣти, ꙗко хоштешь діаволь вьзлѣсти к тебѣ? И рече Богь: Не брѣзи ѥго, да вьзлѣзеть толикои, и пакы на землю спаднеть. И иде

---

[1]) Проф. Дриновъ, Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ дебрскихъ славянъ, Спб. (1888), стр. 35—6, видитъ въ замѣнѣ ап. Іоанномъ ап. Петра въ извѣстной легендѣ о грѣшной матери, отпечатокъ богомильскихъ предилекцій. О другихъ слѣдахъ культа ап. Іоанна среди южныхъ славянъ я скажу при другомъ случаѣ.

[2]) Starine XVI: Novaković, Priča o Antihristu (по ркп. нар. библіотеки въ Бѣлградѣ), стр. 81 слѣд.

[3]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, II, стр. 72.

[4]) Сл. мои Разысканія VIII, 336.

духь дьяволовь до врать небесныихь. И срѣштоуть аггелы .і., и сьврьгуть кго на землю, и слѣтить и паднѣ прѣдь сльньчныимь градомь. Градь же тьи вьсь злать, иже кстъ градь тьи испльнкнь вьсего гада ѕміина. И ѕміи кдинь ѡблѣжить вьсь градь, и ѡпашь же дрьжить вь оустѣхь оу вратѣхь града. Ѥже и ѕміи тьи вьсталь то туи, и лѣжить противь изьбрало ти, а градь тьи кстъ въ ширину .зі. пьпришть, дльжинѣ и ширинѣ толико». Тогда явится Илія пророкъ и станетъ бороться съ Антихристомъ.

Солнечный градъ, очевидно, Вавилонъ средневѣковыхъ сказаній, нашей Повѣсти о вавилонскомъ царствѣ и гностическаго эпизода въ житіи свв. Кирика и Улиты, на который я снова обратилъ вниманіе въ моемъ отчетѣ о книгѣ Гастера [1]). Онъ встрѣтился мнѣ въ одномъ славянскомъ спискѣ житія; Dillmann [2]) пересказываетъ его по сирійскому и арабскому текстамъ, вмѣняя его (стр. 348) подлиннику, отмѣченному уже въ индексѣ папы Геласія (495—496 г.) и, вѣроятно, отличавшемуся болѣе яркимъ гностическо-манихейскимъ колоритомъ, чѣмъ его позднѣйшіе, очищенные пересказы.

Въ славянскомъ житіи Кирика и Улиту—сбираются бросить въ котелъ съ кипящей смолою, масломъ и воскомъ; Улита колеблется, но сынъ поддерживаетъ её напоминаніемъ помощи Божіей, избавившей «отъ пещи» Ананію, Азарію и Мисаила и пророка Даніила изъ львинаго рва, и далѣе говоритъ: «Не вѣсы-ли, мати моа, егда Маѯіміанъ црь повелѣ наю вълoжити въ корабь и сточить наю ѡтъ свое земле? Беху бо тамо ѕвѣріе мноѕи, не можеть езыкь члвчь ни исчесты, и ехидни аспидь; бѣше бо ту змеи великы, ѡпашь его досезаше до оусть его и посрѣд его

[1]) Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. 1888, Мартъ, стр. 4 слѣд. Къ указанной тамъ литературѣ сл. еще Kolberg, Lud, serya VII, cz. 3, стр. 24—5 и прим. (Сивиллы въ Вавилонѣ) и Rev. des traditions pop. IV, № 2: David Fitzgerald, De quelques légendes celtiques стр. 85 (къ образу змѣя, облегающаго городъ и т. п.).

[2]) Ueber die apocryphen Märtyrergeschichten des Cyriacus und Julitta, въ Sitzungsberichte d. kgl. preuss. Akad. der W. zu Berlin, XVIII—XXIII.

блато ѡбьстоаше миноующи .н҃. дн҃и. И гризешѣ травѣ и трьстіе и хотѣху наю пожрѣти ѕвѣріе тіи, нь Богъ спасе наю и избави насъ ѡтъ звѣри лютыхъ. Не вѣси ли, маты моа: егда придоховѣ кь Вавулону градоу и ѡбрѣтоховѣ его пуста, и бѣху ту зверіе мноѕи, и ны единь кь намь не прикоснусе? Не вѣси ли, маты моа, ꙗко егда придоховѣ на рѣцѣ Мадиамли, та бо ѥсть рѣка исходеще ѡтъ бездны и с пекломь течеть размесь, тоу же рѣку не можеть ни единь чл҃вкь прѣити, нь божіемь повелѣниемь въ суб[оту] прѣходить [1]), и тогда придуть вьси ѕверіе, тем'же ѥсть камень зелѥль, — а ми прѣидоховѣ въ дн҃ь четврътокь повелѣніемь божіемь».

Вотъ соотвѣтствующій отрывокъ сирійскаго житія (Dillmann, стр. 346—7), напомнившій Дильманну отреченныя Дѣянія апостола Θомы, особливо ихъ гностическій гимнъ. «Стоя въ котлѣ, св. Киріакъ началъ на своемъ языкѣ читать молитву, содержаніе которой въ переводѣ такое: Се врата Господа, въ которыя вступаютъ праведные! И снова сказалъ онъ: Когда я молился, мать моя сдѣлала мнѣ одежду (στολή) и украсила её жемчугомъ; мать моя—церковь, жемчугъ—божественныя словеса, наставленіе св. Духа. Съ знаменіемъ эпистоліи св. Духа (съ посланіемъ св. Духа, какъ знаменіемъ?) я былъ посланъ въ мрачный градъ, гдѣ не было ни одного луча свѣта, ни солнца, ни луны, ни мѣсяца. Когда я прибылъ въ градъ . . . ., я нашелъ тамъ онокентавровъ и гиппокентавровъ и волшебницу Lmntaus (или Lmntaos) и множество демоновъ: они хотѣли уничтожить меня, но эпистолія ихъ отогнала. Затѣмъ я прибылъ въ Вавилонъ, къ рѣкѣ, нарицаемой страшной (Tauspis или Taospis), черезъ которую люди могутъ переправится лишь въ субботу, ибо и ей повелѣно покоиться въ первый день недѣли. Въ той рѣкѣ есть нѣчто, истекающее изъ глубины, и все это песокъ, ни одинъ человѣкъ не въ состояніи увидѣть воды той рѣки. Когда я пе-

---

[1]) Сл. преданія о рѣкѣ Сабатіонѣ въ моемъ изслѣдованіи: Изъ исторіи романа и повѣсти вып. I, стр. 286 прим. 2 и 292, прим. 1.

реправился черезъ рѣку, я прибылъ въ тотъ городъ, море собранія (море Квіа и Кбіа), и нашелъ тамъ змѣй и ехиднъ и многочисленную рать демоновъ, великихъ драконовъ и царя всѣхъ земныхъ пресмыкающихся, опашь котораго засунута въ его пасть [1]), а передъ лицемъ его лежитъ путь ехиднъ; у него зубы, что острыя иглы, ребра мѣдныя, хребетъ желѣзный, когти что когти орла, пасть какъ острый вертелъ; пищей ему служитъ папирусъ и кожа воловъ; изъ его ноздрей исходитъ духъ, подобный дыму, а когда онъ раскрываетъ пасть, въ теченіи семи дней проглатываетъ воды Іордана, и ни одна капля не упадаетъ изо рта. Это тотъ змѣй, который совратилъ вожделѣніями ангеловъ съ высоты; змѣй, соблазнившій перваго Адама и изгнавшій его изъ рая (формула: «это змѣй» повторяется нѣсколько разъ къ ряду, съ такими же библейскими воспоминаніями). Когда онъ узрѣлъ меня, онъ хотѣлъ меня проглотить, но письмо заткнуло ему пасть. Тогда явился Спаситель, сжегъ великаго змѣя, отогналъ отъ меня сонмище демона, собралъ все, что осталось отъ израильской рати и выслалъ ихъ въ тотъ градъ; и они казались единоплеменными. А есть въ томъ градѣ знаменіе: порогъ и врата изъ желѣза, въ 300 исполинскихъ аршиновъ высотою (Второзаконіе 3, 11 Pesch.); говорятъ, что въ послѣдніе дни то желѣзо и порогъ будутъ стоптаны ногами проходящихъ, такъ что отъ желѣза ничего не останется на томъ мѣстѣ для идущаго вокругъ пути живыхъ. Когда я прибылъ въ городъ царства (stadt des Reiches), я окончилъ мои молитвы».

Связь этого эпизода изъ житія свв. Кирика и Улиты съ соотвѣтствующимъ отрывкомъ апокрифа — несомнѣнна: вездѣ одинъ и тотъ же образъ чудовищнаго змѣя, и этотъ змѣй — Сатана, Антихристъ. Вавилонъ житія — и нашей повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ — отвѣчаетъ «солнечному граду» апокрифа, куда сверженъ Антихристъ, но гдѣ онъ въ сущности пребываетъ,

---

[1]) Dillman, l. c. стр. 347, прим. 2. Сл. сходный образъ въ отреченныхъ Дѣяніяхъ ап. Ѳомы: οὗ ἡ οὐρὰ ἔγκειται τῷ ἰδίῳ στόματι

ибо онъ создатель солнца (Lib. S. Johannis); вѣнецъ Дукліана есть отраженіе этого своеобразнаго представленія Люцифера. Въ нашей Повѣсти о вавилонскомъ царствѣ апокалипсическія черты этого сказанія объ Антихристѣ уступили мѣсто сказочной фантасмагоріи; тѣмъ интереснѣе совпаденіе нѣкоторыхъ его подробностей съ чертами сирійскаго житія. Въ послѣднемъ драконъ, облегающій городъ, — демонъ, «царь пресмыкающихся»: у него хвостъ сошелся съ пастью, ребра мѣдныя, хребетъ желѣзный, изъ ноздрей выходитъ дымъ. Въ повѣсти онъ обратился въ какую-то подѣлку Навуходоносора и оживаетъ лишь впослѣдствіи, какъ оживаютъ, на пагубу всѣмъ, зміи, начертанные на вавилонской утвари и оружіи: своеобразная перелицовка апокалипсической данной — объ антихристовомъ начертаніи, о печати змія. Разсказывается, что Навуходоносоръ велѣлъ сотворить вокругъ города «змій великъ, во главу бы зміеву въѣздъ въ градъ»; «глава бы зміева во вратѣхъ градныхъ съ хоботомъ свилась»; и «повелѣ во вратѣхъ градныхъ, въ главѣ зміевѣ по обѣ стороны рѣшетки мѣдныя подѣлати, и за тѣ рѣшетки повелѣ уголія навозити; и какъ во время посольскаго приходу, егда послы пріидутъ отъ великихъ царей и великихъ кралей, и тогда Навходоносоръ царь вавилонскій повелитъ грознымъ своимъ воеводамъ за градомъ на полѣ, на двадцати верстахъ до града, полки великіе урядити и по полкамъ знамена львовы, и во всѣхъ полкахъ набаты и накры и многогласныя трубы. Егда же послы поидутъ въскрозь великіе полки, тогда во всѣхъ полкахъ ударити повелѣ воеводы во всѣ набаты и накры и во многогласныя трубы, и тогда послы весело буяше идучи. А како близъ вратъ градныхъ пріидутъ, и тогда триста кузнецовъ начнутъ въ мѣхи дути разжегши уголье, и тогда дымъ и искры; а какъ выидутъ послы во врата въ главу зміеву, и тогда огнь и поломя опалятъ пословъ. И тогда послы ужасти великія исполнятся и пришедъ къ великому царю Навходоносору поклонятся».

Если эпизодъ о вавилонскомъ змѣѣ и царствѣ входитъ въ

составъ житія о Кирикѣ и Улитѣ и принадлежитъ по замыслу не къ объективно-повѣствовательнымъ, а къ легендарно-апокрифическимъ мотивамъ, то намъ важно отмѣтить мнѣніе Дильмана: о его гностическо-манихейскомъ колоритѣ. Это указываетъ на кругъ идей, въ которыхъ вращались богомилы: именно такого рода апокрифы могли быть у нихъ въ ходу и отразиться впослѣдствіи въ южно-славянской народной пѣснѣ, легендѣ — и повѣсти. Этимъ я ставлю вопросъ о южнославянскомъ происхожденіи «Повѣсти о вавилонскомъ царствѣ», найденной до сихъ поръ лишь въ русскихъ спискахъ: въ основѣ его тотъ-же апокрифъ, но въ позднѣйшой стадіи свего литературнаго примѣненія; и здѣсь данныя апокрифа развились въ схему повѣсти, какъ талмудическіе разсказы о Соломонѣ перешли въ романтическое сказаніе объ увозѣ его жены. Христіанскіе и апокрифическіе сюжеты спускались въ кругъ свѣтскаго чтенія, какъ, наоборотъ, христіанизировались свѣтскіе мотивы [1]); и тѣ и другіе питали народную поэзію.

Я имѣю въ виду черногорскую пѣсню объ Иванѣ и Дукліанѣ, въ которой предложу еще одинъ комментарій.

Гоняясь за Иваномъ Дукліанъ-дьяволъ отхватилъ у него часть ноги подъ ступнею; оттого будто бы у всѣхъ людей подъ ногою выемъ; полѣсская легенда (сл. выше, стр. 82) объясняетъ это иначе. Мы, очевидно, имѣемъ дѣло, съ одной изъ такъ называемыхъ légendes des origines, отвѣчающихъ какимъ нибудь разсказамъ, традиціоннымъ или нѣтъ, на вопросы: откуда у того или другого звѣря, птицы та или другая повадка, цвѣтъ перьевъ, форма ушей и хвоста и т. п.? отчего короткія уши у верблюда

---

[1]) Въ сербской Александріи, въ эпизодѣ о взятіи Аѳинъ, говорится: «и *врата великаа Аріева леда* падоше се». Проф. Дестунисъ предложилъ очень вѣроятную догадку, что Аріева леда—переводъ Ἄρεως πάγος (сл. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 181). Сл. Сборникъ Импер. Публ. библ. XVI вѣка, № XCI (Погодин. № 1287) л. 170: «Въ Афинѣхъ пред идолскою црковью лежаше *камень* велив, на немже *Арій* оучаше людіи, и оученіем его мнози ѡмрачиша, и сам *са ѡмрази* и тог ради нарекоша камен той *Аріев ледъ*».

и медвѣдя? [1]) отчего у сокола крылья какъ-будто окарнаны [2]), у человѣка — впадина подъ мышкой [3]), впадина подъ ступней? Отчего хромъ чертъ? На послѣдній вопросъ отвѣчаетъ рядъ сказокъ, записанныхъ въ Болгаріи, у хорватовъ, грековъ, албанцевъ, малороссовъ и эстонцевъ [4]). Общее содержаніе такое: когда Господь сотворилъ человѣка изъ земли, дьяволъ также принялся за творчество и слѣпилъ волка, но не въ состояніи былъ оживить его — какъ и въ разсказѣ у Зигабена онъ не въ силахъ вдохнуть духъ жизни въ первозданнаго человѣка. Какъ и тамъ, Господь является на помощь: оживилъ волка, а тотъ тотчасъ сорвался и побѣжалъ за дьяволомъ; дьяволъ отъ него, полѣзъ на дерево, но волкъ догналъ его и откусилъ пяты; съ тѣхъ поръ чертъ — безпятый, какъ по сѣверному миѳу (Gylfaginning 50) у лосося тонкій хвостъ съ тѣхъ поръ, какъ Торъ схватилъ Локи, принявшаго образъ этой рыбы.

Всё это — отрывки зоогонической сказки, входившей въ кругъ древнихъ легендъ о дьяволѣ — творцѣ. Уже въ разсказѣ Зигабена ему приписано созданіе змѣи; въ эстонскомъ преданіи онъ также творитъ змѣю (изъ песку; сл. соотвѣтствующія черты у Зигабена) и жабу; въ финскомъ змѣя произошла отъ плевка Syöjätär (= Шайтанъ Мордвы, Кереметь черемисовъ) въ морскія волны, которыя растянули его, а злой духъ его ожи-

---

[1]) Сл. мои Замѣтки по литературѣ и народной словесности I, стр. 54. Сл. Колмачевскій, l. c. стр. 81 слѣд.; Чубинскій, Труды I, стр. 52; Mélusine II № 23 (сказка о лисѣ и медвѣдѣ = волкѣ, объясняющая, почему у медвѣдя хвостъ коротокъ. Инд. изъ Америки).

[2]) Сл. разсказъ Hervararsaga'ѣ. Сл. мои Мелкія замѣтки къ былинамъ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCLVII, отд. 2, стр. 81.

[3]) Сл. мои: Противорѣчія итальянскаго возрожденія, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCLIV, отд. 2, стр. 336. О подобныхъ légendes des origines слич. мой отчетъ о книгѣ Marianu въ Журн. Мин. Нар. Просв , ч. CCXLIV, отд. 2, стр. 216 слѣд. и отдѣлъ Les pourquoi въ Revue des trad. pop. II, стр. 433 слѣд., стр. 491 слѣд.; III, стр. 25 слѣд., 97 слѣд., 156 слѣд., 262 слѣд., 616—617.

[4]) Сл. мои Разысканія VIII, стр. 328—332, 458—9; Шапкаревъ, Болгарски народни приказки и вѣрования № 7-й; Драгомановъ, Малорусск. нар. преданія и разсказы, стр. 43, 59; Заря 1883 г., стр. 250; Рудченко I, 72.

вилъ [1]); въ малорусскомъ чертъ слѣпилъ изъ глины такого большаго волка, что его пришлось острогать: изъ стружекъ понадѣлались шершни, оводы, мухи, комары [2]); болгарскія [3]), русская [4]), нѣмецкая и литовская (сл. выше, стр. 75) — сотвореніе козы или козла; въ чтеніе отъ Адама (Вопросы и отвѣты, сл. Jagić, Prilozi, стр. 43) дьяволомъ созданы медвѣдь [5]), вѣшки и волкодлаки; въ легендѣ у Терещенка (V, 45) — ракъ; въ Сициліи онъ является творцемъ нетопыря (taddarita), который и носитъ его образъ [6]). Такъ вѣроятно и въ приведенномъ выше (сл. стр. 11) мордовскомъ сказаніи гдѣ Шайтанъ пытается сдѣлать тѣло человѣка, но у него выходитъ то свинья, то собака, то гадъ, пока птичка-мышь не принесла ему полотенце Чамъ-Паса. — Если въ Малороссіи и Польшѣ (сл. выше, стр. 64 и прим.) куколь или осетъ достались черту (имъ созданы?), то въ сѣверной Ютландіи и Даніи «овсомъ Локи» зовется родъ вреднаго злака: polytrichum commune, avena fatua, rhinatus christa galli [7]). — Бразильскіе негры разсказываютъ, что когда изъ подражанія Господу дьяволъ принялся за созданіе человѣка, онъ слѣпилъ изъ глины — негра [8]). Въ Бретани его зовутъ подражателемъ Бога (le singe de Dieu); двойственность творчества простирается на цѣлый рядъ предметовъ и явленій, изъ числа которыхъ мы выберемъ самыя показательныя:

---

1) Сл. Krohn, l. c., 171.

2) Чубинскій, Труды I, стр. 52.

3) Драгомановъ, Малор. Нар. преданія и разсказы, стр. 431 (въ болгарскомъ сказаніи о сотвореніи міра); сл. Krauss, Sagen u. Märchen der Südslaven I, № 29.

4) Садовниковъ, Сказки самарскаго края № 82, стр. 251.

5) У черемисовъ медвѣдь поставленъ въ самое близкое отношеніе къ Кереметю, который въ его образѣ показывается людямъ. Сл. Знаменскій, l. c. стр. 50.

6) Pitrè, Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane v. XVIII: Fiabe e leggende, № CXXIII. Чехи считаютъ мышь созданіемъ черта.

7) Weinhold, Die Sagen von Loki, Zs. f. deutsch. Alterthum VII, стр. 85; Maurer, Isländische Volkssagen, стр. 1.

8) Girard de Rialle, L'origine des Nègres, Rev. des traditions populaires II, 41.

Богъ	сотворилъ	человѣка,	дьяволъ	женщину и обезьяну.
»	»	корову,	»	козу.
»	»	быка,	»	козла.
»	»	овцу,	»	волка.
»	»	собаку,	»	волка, лису.
»	»	голубя,	»	сороку.
»	»	ласточку,	»	летучую мышь.
»	»	пчелу,	»	осу, муху.
»	»	розу,	»	шиповникъ.
»	»	пшеницу, рожь,	»	осоку, плевелъ.
»	»	овесъ,	»	avena fatua.
»	»	землю,	»	воду, чтобы потопить ее.
»	»	солнце,	»	мѣсяцъ.
»	»	день,	»	ночь [1]).

Во всѣхъ этихъ разсказахъ и повѣрьяхъ творчество дьявола отличается отрицательнымъ характеромъ, который въ христіанскихъ пересказахъ долженъ былъ принять особый оттѣнокъ: дьяволъ творитъ вредныхъ животныхъ по преимуществу, въ совопросничествѣ съ богомъ, творцемъ всего благого [2]). Эта идея совопросничества въ актѣ творенія, ясно выраженная въ богомильскомъ апокрифѣ, даетъ особое значеніе мотиву, указанному мною въ одной бретонской легендѣ и въ эпизодѣ Roman du Renart. Въ первой разсказывается, что Господь, ударивъ тростью по очагу, создалъ корову; женщина повторяетъ ударъ, отъ котораго является огромный волкъ, пожирающій корову. Въ первой браншѣ романа о Renart всѣ вредные звѣри, между прочимъ, и волкъ, выходятъ изъ моря по мановенію Еввы, полезные — по знаку Адама. Всюду сопоставлены, подъ разными именами, до-

---

1) G. Le Calvez, Les oeuvres de Dieu et celles du Diable, l. c. I, 202—3.

2) Интересно согласіе преданій относительно созданія Богомъ пчелы — въ болгарской — и мордовской (Нишки-пасъ) легендахъ. Такъ у русскихъ и чувашей разсказывается о происхожденіи пчелы изъ пупка великаго Бога (чуваши), изъ пупка Христа во время его страданія на крестѣ. Сл. Магнитскій, Матерьялы къ объясненію старой чувашской вѣры, стр. 251 и прим. 1.

брое и злое начала, по этимъ категоріямъ располагается и все созданное. Что дѣлаетъ эти сказки особенно интересными въ связи съ идеей, которую мы преслѣдуемъ, это не категорія созданнаго, а актъ совмѣстнаго творчества, вызвавшій ихъ къ жизни.

Въ связи съ этими сказками стоитъ эпизодъ алтайской легенды, записанной Радловымъ (сл. выше стр. 22), къ которой мы позволимъ себѣ вернуться. Эрликъ, желая сотворить себѣ людей, подданныхъ, становится кузнецомъ: изъ подъ его молота выскакиваютъ другъ за другомъ лягушка, змѣя, медвѣдь, кабанъ, два демона и верблюдъ. Господь отвѣчаетъ ему такимъ-же актомъ творчества, но въ проявленіи его категоріи добра и зла, очевидно, забыты: Богъ бросаетъ въ огонь всѣ орудія Эрлика, изъ мѣха вышла женщина, изъ полосы и молота мущина, обращающіеся, когда Господь плюнулъ на нихъ, въ цаплю и крысу.

Алтайское сказаніе освѣщаетъ намъ въ свою очередь нѣкоторыя подробности Калевалы, позволяетъ, по крайней мѣрѣ, предложить по ихъ поводу, нѣсколько вопросовъ. Что въ Калевалѣ сопоставлены, иногда и не совсѣмъ удачно, понятія и представленія, не гармонирующія другъ съ другомъ, извѣстно всякому, кто знакомъ съ происхожденіемъ этого своднаго эпоса. Именно въ легендахъ о міротвореніи противорѣчія замѣчаются особенно рѣзко. Въ первой рунѣ разсказывается о дѣвѣ воздуха, Ильматаръ, спустившейся на море и оплодотворенной вѣтромъ. На ея колѣнѣ утка снесла семь яицъ, шесть золотыхъ, одно желѣзное; они скатились, но

Не погибли яйца въ тинѣ
И куски во влагѣ моря,
Но прекрасно измѣнились,
Превратились всѣ обломки:
Изъ яйца, изъ нижней части,
Вышла мать-земля сырая;
Изъ яйца, изъ верхней части,
Сталъ высокій сводъ небесный;

Изъ желтка, изъ верхней части,
Солнце свѣтлое явилось;
Изъ бѣлка, изъ верхной части,
Ясный мѣсяцъ появился;
Изъ яйца, изъ пестрой части,
Звѣзды сдѣлались на небѣ;
Изъ яйца, изъ темной части,
Тучи въ воздухѣ явились [1]).

Затѣмъ сама Ильматаръ начинаетъ творить на морѣ [2]).

Только руку простирала,
Воздвигала тотчасъ мысы;
Гдѣ ногою становилась,
Вырывала рыбамъ ямы;
Гдѣ-же вовсе погружалась,
Глуби глубже становились.
Гдѣ земли касалась бокомъ,
Ровный берегъ тамъ являлся;
Гдѣ земли ногой касалась,
Тамъ лососьи тони стали;
Гдѣ главою приближалась,
Бухты малыя являлись.
Отплыла отъ сушц дальше,
На волнахъ остановилась,
Созидала скалы въ морѣ
И подводные утесы,
Чтобъ суда тамъ разбивались,
Чтобы люди погибали.
Ужь утесы создалися,
Скалы въ морѣ основались,
Ужъ столбы вѣтровъ воздвиглись.
Создалися словомъ страны,
Ярко камни запестрѣли,
И наморщились утесы—

не рождался лишь сынъ Ильматаръ, Вейнемейненъ (Vaïnä:

[1]) Калевала, переводъ Л. П. Бѣльскаго, Пантеонъ Литературы 1888, Генварь, стр. 21.
[2]) l. c. 22.

стоячая, тихая вода), продолжающій потомъ эти подвиги устроенія—по отношенію къ человѣку, не къ космосу.

Такъ во второмъ текстѣ Калевалы; въ первомъ изданіи, поддержанномъ въ этомъ случаѣ согласіемъ всѣхъ извѣстныхъ намъ по записи народныхъ пѣсенъ [1]), самъ Вейнемейненъ является деміургомъ: онъ носится по волнамъ моря и гдѣ подниметъ голову, тамъ по его слову поднимается островъ, куда простретъ руку, протянется мысъ, гдѣ коснется ногой морскаго дна, тамъ станетъ глубь для рыбы и т. д. На его-то колѣнѣ, выставившемся изъ воды, точно холмъ, покрытый травою, орлица снесла семь яицъ и происходитъ дальнѣйшее творчество, приписанное въ предъидущемъ варьянтѣ Ильматаръ. — По еще третьему разнорѣчію орелъ, вернувшись къ гнѣзду и найдя свои яйца разбитыми, творитъ изъ нихъ міръ [2]).

Krohn [3]) указываетъ на пѣсни, записанныя въ Ингерманландіи, въ нѣкоторыхъ областяхъ сѣверной Финляндіи и у эстовъ, съ тѣмъ же образомъ птицы (ласточки, орла) и яицъ, изъ частей которыхъ происходитъ твореніе всего видимаго; деміурга нѣтъ, его появленіе характеризуетъ космогоническія сказанія сѣверныхъ финновъ. Такимъ является, какъ мы видѣли, Вейнемейненъ, но, рядомъ съ нимъ, начиная съ седьмой руны Калевалы, и Ильмариненъ. Когда хозяйка Похьолы сулитъ Вейнемейнену руку своей дочери подъ условіемъ, чтобы онъ сковалъ ей Сампо, тотъ отказывается, обѣщаясь прислать вмѣсто себя Ильмаринена:

Онъ кузнецъ, и первый въ мірѣ,
Первый мастеръ онъ въ искуствѣ,
Вѣдь онъ выковалъ ужь небо,
Крышу воздухъ сковалъ онъ,
Такъ что нѣтъ слѣдовъ оковки,
И слѣдовъ клещей не видно [4]).

---

[1]) Krohn, l. c. стр. 154.

[2]) Castrén's Vorlesungen über die finnische Mythologie, übersetzt von A. Schiefner, стр. 287—9.

[3]) l. c. 161—3.

[4]) Бѣльскій, l. c. Февраль 1888, стр. 83.

Сл. руну 49-ую (Ильмариненъ о себѣ):

Никакого нѣтъ тутъ чуда,
Что кузнецъ я, и хорошій,
Если выковалъ я небо,
Кровлю воздуха устроилъ [1])—

что, какъ видно, въ совершенномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что о созданіи неба сказано было въ 1-й рунѣ. Въ другомъ мѣстѣ говорится (49 руна): когда хозяйка Похьолы похитила солнце и мѣсяцъ, Ильмариненъ попытался сковать то и другое изъ золота и серебра,

Кверху снесъ ихъ осторожно,
Высоко онъ ихъ поставилъ,
На сосну отнесъ онъ мѣсяцъ,
На вершину ели солнце;
. . . .
Но сіять не хочетъ мѣсяцъ,
И свѣтить не хочетъ солнце [2]).

Въ связи съ этимъ эпизодомъ стоитъ другой (руна 10): Ильмариненъ не слушаетъ уговоровъ Вейнемейнена и не хочетъ ѣхать въ Похьолу ковать Сампо; Вейнемейненъ поднимается на хитрость: увлекаетъ Ильмаринена разсказомъ о видѣнномъ имъ чудѣ:

Есть сосна съ главой цвѣтущей
И съ вѣтвями золотыми
На краю поляны Осмо:
На вершинѣ свѣтитъ мѣсяцъ
И Медвѣдица на вѣткахъ [3]).

Всё это Вейнемейненъ сдѣлалъ своимъ волшебствомъ; Ильмариненъ соблазняется, идетъ посмотрѣть на диво, полѣзъ доста-

[1]) l. c., Декабрь 1888, стр. 580.
[2]) l. c. 573.
[3]) l. c. Февраль, стр. 108—109. По наблюденіямъ Крона въ пѣсенномъ оригиналѣ Лёнрота на вершинѣ сосны являлись куница и бѣлка; Лёнротъ замѣнилъ ихъ мѣсяцемъ и звѣздами, и замѣнилъ удачно, въ стилѣ преданія.

вать мѣсяцъ и звѣзды, а въ это время, чарами Вейнемейнена, поднялся вѣтеръ и унесъ кузнеца въ морозную Похьолу.

Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительно-космическимъ миѳомъ, лишь приложеннымъ позднѣйшею эпическою пѣснею къ другимъ цѣлямъ. Въ началѣ Ильмариненъ въ самомъ дѣлѣ сковалъ, вмѣстѣ съ небомъ, и солнце и мѣсяцъ. Такъ въ эстонскомъ миѳѣ, гдѣ Wanna issa, пребывавшій въ своемъ высокомъ небѣ, въ покоѣ, освѣщенномъ солнцемъ (позднѣйшая уступка идеѣ единобожія), творитъ героевъ, между прочимъ Wannemuine и Ilmarine [1]), и пока они спятъ, созидаетъ свѣтъ; во время его сна они довершаютъ его: Ильмариненъ выковалъ изъ стали и распростеръ надъ землею сводъ неба, прикрѣпилъ къ нему свѣтлыя звѣзды и мѣсяцъ — и солнце, взятое изъ покоя Wanna issa'ы, устроивъ такъ его механизмъ, что оно опускалось и поднималось.

Варьянтомъ этого космогоническаго миѳа представляется мнѣ разсказъ о томъ, какъ Ильмариненъ сковалъ Сампо: чудесную мельницу, которая молола муку, соль и деньги, одну мѣру на потребу, другую для продажи, третью про запасъ (руна 10). Отъ Сампо изобиліе:

Отчего не жить Похьолѣ,
Если Сампо есть въ Похьолѣ?
Тамъ паханье, тамъ посѣвы,
Тамъ различныя растенья,
Неизмѣнныя тамъ блага (руна 38) [2])

Когда позднѣе Вейнемейненъ съ товарищами похитили Сампо, хозяйка Похьолы нагнала ихъ въ образѣ орла, схватила Сампо и бросила въ море. Чудесная мельница разбилась въ куски:

Потонули тѣ обломки,
Тѣ куски большіе Сампо,

---

[1]) Castrén, l. c. 294—6. Сл. Krohn, l. c. 170: въ лапландскихъ эпическихъ пѣсняхъ Ilmaratsche = Ilmarinen называется первымъ слугою отца, властителя міра.

[2]) Бѣльскій, l. c. Октябрь 1888, стр. 466.

Въ глубинѣ потоковъ синихъ,
Въ темной тинѣ дна морского;
Тамъ отъ нихъ въ водѣ богатство
И сокровища у Ато....
Полегли куски другіе,
Тѣ обломки, что поменьше,
На хребтѣ морей синѣвшихъ,
На волнахъ морей широкихъ,
Чтобъ морской качалъ ихъ вѣтеръ,
Колыхало-бъ ихъ теченье.

Тѣ осколки понесло къ берегу; видитъ это Вейнемейненъ,

Онъ обрадовался очень,
Говорилъ слова такія:
«Вотъ отсюда выйдетъ сѣмя,
Неизмѣнныхъ благъ начало,
И паханье, и посѣвы,
И различныя растенья,
И блескъ мѣсяца отсюда,
Благодѣтельный свѣтъ солнца
На большихъ поляхъ Суоми,
На родныхъ моихъ полянахъ (руна 43) [1]).

Сампо, несомнѣнно, символъ природной производительности и плодородія; Ильмариненъ не только создатель тверди съ его свѣтилами, но и податель земныхъ благъ.

По свидѣтельству Крона народныя пѣсни поютъ про кованіе Сампо кратко, не болѣе, какъ въ четырехъ стихахъ; Лёнротъ развилъ этотъ эпизодъ подробностями, заимствованными изъ сообщаемаго далѣе разсказа о кованіи жены, и внесъ нѣкоторыя произвольныя поправки, не мѣняющія впрочемъ стиля цѣлаго. Такъ онъ замѣнилъ мечъ народной пѣсни лукомъ и присоединилъ въ концѣ явленіе плуга; получился рядъ образовъ, символизующихъ стадіи историческаго развитія: отъ охоты (лукъ) и рыболовства (челнокъ) къ скотоводству (корова) и пахотѣ (плугъ).

---

[1]) l. c. Ноябрь стр. 514—515.

Народъ не знаетъ такой послѣдовательности и рефлексіи. Всё это надо имѣть въ виду при чтеніи слѣдующаго эпизода 10-й руны Калевалы [1]).

Ильмариненъ работаетъ, смотритъ на дно горнила, что выходитъ:

Лукъ изъ пламени явился
Съ блескомъ мѣсяца златого,
Серебромъ концы блестѣли,
Рукоятка пестрой мѣдью.
Былъ по виду лукъ прекрасенъ,
Но имѣлъ дурное свойство:
Каждый день просилъ онъ жертвы,
А по праздникамъ и вдвое.

Лукъ брошенъ въ пламя, и снова началась работа. На другой день

Изъ огня челнокъ тамъ вышелъ,
Вышла лодка темной краски:
Златомъ бортъ ея украшенъ,
И уключины изъ мѣди.
Былъ челнокъ прекрасенъ съ виду,
Но имѣлъ дурное свойство:
Самъ собою шелъ въ сраженье,
Безъ нужды стремился въ битву.

На третій день

Изъ огня корова вышла,
У нея рога златые,
Среди лба у ней созвѣздье,
Между рогъ сіялъ кругъ солнца.
Хороша корова съ виду,
Но у ней дурное свойство:
Спитъ средь лѣса постоянно,
Молоко пускаетъ въ землю.

Въ четвертый разъ

Изъ огня тамъ плугъ выходитъ,
У него сошникъ изъ злата,

---

[1]) l. с. Февраль 114—116.

Стержень плуга былъ изъ мѣди,
И серебряная ручка.
Съ виду былъ тотъ плугъ прекрасенъ,
Но имѣлъ дурное свойство:
Онъ пахалъ поля чужія,
Бороздилъ онъ лучшій выгонъ.

Лишь послѣ этихъ подѣлокъ выходитъ изъ горнила сокровище — Сампо.

Сл. разсказъ 37-й руны о томъ, какъ Ильмариненъ, потерявъ жену, принялся ковать себѣ новую изъ золота и серебра. Здѣсь мы вступаемъ въ дѣйствительную параллель съ алтайской сказкой [1]):

Взялъ онъ золота изъ моря,
Серебра въ морскихъ теченьяхъ,
Сгромоздилъ деревья въ кучу,
Тридцать разъ за ними ѣздилъ;
Сжегъ деревья эти въ угли,
Наложилъ углей въ горнило.
Взялъ онъ собранное злато,
Серебра онъ взялъ обломокъ
Въ ростъ осенняго ягненка
Или зимняго зайченка.
Бросилъ золото, чтобъ плавить,
Серебро въ горнило бросилъ,
Раздувать мѣхи поставилъ
Слугъ, работниковъ поденныхъ.
Раздуваютъ сильно слуги
И мѣха они качаютъ;
Руки ихъ безъ рукавичекъ,
Плечи вовсе не покрыты.
Самъ кователь Ильмариненъ
Поворачиваетъ угли,
Чтобъ изъ золота фигуру,
Изъ сребра невѣсту сдѣлать.

---

[1]) Сл. l. c., 1888 г. Сентябрь стр. 453 слѣд. Сл. тотъ-же сюжетъ, но съ сокращеніемъ подробностей, въ Finnische Märchen übers. v. Emmy Schreck (1887) № 1, стр. 3 слѣд.

Слуги плохо раздуваютъ
И мѣхи качаютъ слабо.
Самъ ковател Ильмариненъ
Раздувать мѣхи подходитъ:
Разъ качнулъ, качнулъ другой разъ,
И потомъ, при третьемъ разѣ,
Посмотрѣлъ на дно горнила,
На краю горящей печки:
Что выходитъ изъ горнила,
Что въ огнѣ тамъ происходитъ?
Вотъ овца изъ печи вышла,
Побѣжала изъ горнила;
Шерсть изъ злата и изъ мѣди,
Изъ сребра есть также шерстка,
Чтобы всѣ довольны были,—
Ильмариненъ недоволенъ.

Бросивъ въ печь овцу, онъ снова принимается за работу:

Изъ огня бѣжитъ жеребчикъ
И къ мѣхамъ онъ подбѣгаетъ
Златогривый, среброглавый,
А копытца всѣ изъ мѣди.

Снова недоволенъ Ильмариненъ:

Я жены лишь ждалъ изъ злата,
Изъ сребра себѣ супруги.

Жеребчикъ брошенъ въ горнило; по третьему разу

Изъ горнила вышла дѣва
Съ золотыми волосами
И съ серебряной головкой,
Съ превосходнымъ, чуднымъ станомъ,
Такъ что прочимъ стало страшно —
Ильмариневу не страшно.
Сталъ трудиться Ильмариненъ,
Самъ кузнецъ, надъ той фигурой;
Онъ ковалъ не спавши ночи,
Днемъ ковалъ безъ остановки,
Ноги сдѣлалъ этой дѣвѣ,
Ноги сдѣлалъ ей и руки;

Но нога идти не можетъ
И рука не обнимаетъ.
Онъ куетъ дѣвицѣ уши,
Но онѣ не могутъ слышать;
Онъ уста искусно сдѣлалъ,
И глаза ей, какъ живые;
Но уста безъ словъ остались
И глаза безъ блеска чувства.
И промолвилъ Ильмариненъ:
«Хороша была-бы дѣва,
Еслибъ рѣчью обладала,
Языкомъ одушевленнымъ».

Ночью на брачномъ ложѣ, съ того бока, гдѣ лежитъ молодая,

Только холодъ пронимаетъ,
Лишь морозъ проходитъ страшный,

и Ильмариненъ бросаетъ красавицу по уговору Вейнемейнена.

Сравненіе съ алтайской легендой указываетъ на настоящее значеніе финской: она была, первоначально, такого-же космогоническаго характера. Ильмариненъ — творецъ всего видимаго, плотскаго, прозябающаго; Вейнемейненъ вѣщій мудрецъ и пѣвецъ, представитель человѣческой культуры—*братъ* Ильмаринена по первому своду Калевалы: они отъ одной матери, одна и та-же утка ихъ лелѣяла; Вейнемейненъ родился ночью, Ильмариненъ на слѣдующій день [1]). Они не совопросники: сватаніе обоихъ за дочь хозяйки Похьолы едва-ли указываетъ на идею забытаго миѳологическаго соперничества, а народныя пѣсни не знаютъ и различія въ пріемахъ творчества, представляя Вейнемейнена такимъ-же ковачемъ, какъ и Ильмариненъ: онъ куетъ жену, Сампо и т. д. [2]). Для меня важно въ первомъ составѣ Калевалы

---

[1]) Castrén, Vorlesungen, стр. 284—5. Второе изданіе Калевалы эти подробности затушевало.

[2]) Сл. Krohn, l. c. стр. 150, 212; 254, 255—61, 288 и 188—9: о творческомъ актѣ, понятомъ, какъ кованье, у скандинавовъ и литовцевъ.

представленіе *двухъ* братьевъ творцевъ; финскія пѣсни подскажутъ остальное. Въ архангельской губерніи поется: Вейнемейненъ ѣдетъ по морю на конѣ въ Похьолу; косоглазый лапландецъ, питавшій къ нему древнюю вражду, стрѣляетъ въ него; стрѣла угодила въ коня Вейнемейнена, а самъ онъ упалъ въ море. Здѣсь на его колѣно спускается утка, снесла яйцо—и происходитъ знакомый намъ актъ творенія[1]). — Лёнротъ разъединилъ оба эпизода: стрѣльбы и міроздания, ибо «древняя» вражда лапландца — до міроздания казалась ему нелогичной. Въ эпизодѣ стрѣльбы лапландецъ названъ у него (въ 6-й рунѣ) Joukahainen'омъ; если онъ тождественъ съ Joukamoinen'омъ, братомъ Вейнемейнена и Ильмаринена — одной народной пѣсни[2]), то къ идеѣ *досвѣтной вражды* присоединяется и *братство*. Важнѣе слѣдующее: въ 3-й рунѣ Калевалы Юкагайненъ вызываетъ Вейнемейнена на состязаніе пѣснями и вѣщей мудростью; онъ хвалится:

Помню древность я сѣдую,
Какъ тогда вспахалъ я море
И копалъ морскія глуби;
Рыбамъ вырылъ я пещеры,
Опустилъ я дно морское,
Распростеръ тогда озера,
Горы на горы металъ я,
Накидалъ большія скалы.
Я шестымъ былъ человѣкомъ,
Богатырь седьмой считался:
Сотворилъ я эту землю,
Заключилъ въ границы воздухъ,
Утвердилъ я столбъ воздушный
И построилъ сводъ небесный,
Я направилъ ясный мѣсяцъ,
Солнце свѣтлое поставилъ,
И Медвѣдицу на небѣ,
Звѣзды по небу разсыпалъ.

---

[1]) l. c., стр. 153.
[2]) l. c. стр. 260—1.

Молвилъ старый Вейнемейненъ:
Лжешь ты выше всякой мѣры;
Никогда при томъ ты не былъ,
. . . .
И тебя тамъ не видали [1]).

Вейнемейненъ устраняетъ заявленіе Юкагайнена, какъ хвастовство; но это, быть можетъ, точка зрѣнія позднѣйшей пѣсни, не удаляющая возможности болѣе древняго пониманія. Напомнимъ *досвѣтную вражду* лапландца, Юкагайнена, къ *брату*, его похвальбу *творчествомъ*, сцену послѣдняго, пріуроченную къ *морю* — и мы получили цѣлый рядъ подробностей, отвѣчающихъ дуалистической сказкѣ о мірозданіи. Отмѣтимъ еще, что въ міросозерцаніи финскаго эпоса Лапландія тождественна съ Похвьлой, мрачной и морозной страной, враждебной Вейнемейнену и вмѣстѣ съ тѣмъ владѣющей сокровищемъ производительности — Сампо. Аналогія дуалистическихъ легендъ, возведенныхъ къ ихъ прототипу, объясняетъ это кажущееся противорѣчіе [2]): Сатанаилъ, представитель мрачнаго, плотскаго начала, вмѣстѣ съ тѣмъ творецъ всего сущаго. — Ко всѣмъ этимъ совпаденіямъ присоединяется и образъ *птицы*. Я имѣю въ виду замѣтку Krohn'a [3]) по поводу того разсказа о мірозданіи, гдѣ дѣйствующими лицами являются (Ilmatar =) Вейнемейненъ и какая-то птица; части ея яйца и даютъ матеріалъ для творчества. Образъ птицы, говоритъ Кронъ, повелъ къ представленію яйца и открылъ этимъ путемъ доступъ въ финское сказаніе литовскаго повѣрья о міровомъ яйцѣ. Исконно-финскимъ (urfinnisch) остается, — такимъ образомъ, образъ птицы, помощницы творца; Калевала сохранила память и о знакомомъ намъ эпизодѣ «ырянія», именно въ той

[1]) Бѣльскій, l. c. Январь 1888 г., стр. 39—40.
[2]) Иное объясненіе у Krohn'a, l. c., стр. 228—9.
[3]) J. Krohn, Die Entstehung der einheitlichen Epen im allgemeinen, въ Zs. für Völkerpsychologie XVII, 63—4; онъ же: Finska litteraturens historia I, стр. 178—179; 171. Иное объясненіе у Castrén'a, l. c. 289 слѣд. Сл. еще Darmesteter, l. c. 143, 144, 158, 175—6.

чертѣ, что синяя утка, по мановенію Вейнемейнена, спускается въ море, чтобы достать оттуда — слезы вѣщаго пѣвца и деміурга (руна 41). — Мы опять пришли къ птицѣ-гоголю богомильской легенды; разсказъ «Христова Дневника» (сл. выше, стр. 50—1) по рукописи пермской семинаріи заставляетъ этого гоголя — снесть и яйцо; хотя этому акту далѣе не дается, повидимому, космогоническаго значенія, но совпаденіе съ Калевалой во всякомъ случаѣ интересно. Въ слѣдующей легендѣ, записанной Кулишемъ (Записки о Южной Руси, II 31—2), яйцо снесенное птицей, несомнѣнно космическаго характера, хотя и здѣсь это представленіе не развито. Отмѣтимъ мимоходомъ элементъ спора и дѣлежа, на значеніе котораго въ отраженіяхъ нашего миѳа мы указывали ранѣе. «Коли́сь-то, ще за пе́рваго віка, за стари́хъ людѐй, ми́ша да горобе́ць да засіяли про́со. Якъ пожа́ли вони́ про́со, то почали́ діли́тьця, да й не помири́лись. Ось ста́ли би́тьця и ста́ла збиратьця уся́ка пти́ця и вся́кі звірі. Якъ ста́ли би́тьця, якъ ста́ли би́тьця, то пти́ця и поду́жала звірівъ. Да хочъ поду́жала, а таки́ й сама́ поби́лася. Тілько одна́ пти́ця ви́нялась, що доби́ла усіхъ звірівъ. Уже́ й та пти́ця вмори́лась да й сіла на тако́му висо́кому де́реві». Мимо дерева проходилъ мужикъ. Онъ накормилъ птицу, отдавъ ей своего быка, и отнесъ её въ лѣсъ, гдѣ она жила. Въ благодарность за такую услугу, птица «ви́несла́ ёму ца́рствечко въ золото́му яе́чку.... А вінъ и росчини́въ посередъ шля́ху: ажъ тутъ відтиль я́рмарокъ таки́й, що Бо́же храни́!» Насилу мужикъ собралъ его и закрылъ яйцо.

Яйцо въ «Христовомъ Дневникѣ» и малорусской легендѣ исключаютъ гипотезу литовскаго вліянія на финскій миѳъ; древнимъ, во всякомъ случаѣ остается образъ птицы — творца: онъ встрѣчается уже въ Свиткѣ (гоголь), въ мордовской (утка), вогульской (утка), черемисской (селезень), самоѣдской (гагара), алтайской (гусь), бурятской и якутской (гагара) и онежскихъ (гоголь) сказкахъ; болгарскія и южнорусскія легенды его не знаютъ, но галицкая колядка о голубкахъ (сл. выше стр. 1—2)

восполняетъ здѣсь недочеты преданія. Принадлежала-ли эта образность финскотюркскимъ элементамъ болгарской народности? Дуализмъ ростовскихъ кудесниковъ, о которыхъ говоритъ наша лѣтопись (П. С. Р. Л. I, 76), не есть-ли въ основѣ финскій, подновленный богомильствомъ? «Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, говорили они, отеръся ветъхомъ и верже съ небесе на землю; и распрѣся Сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка? И сотвори дьяволъ человѣка, а Богъ душю въ не вложи». Это, въ основѣ, богомильское ученіе; значеніе ветоши, брошенной на землю, не объяснено; припомнимъ одну подробность «Свитка»: солнце отъ нутренія ризы Господни, «понеже Господь по лицу своему утреся». На тождество лѣтописнаго разсказа съ мордовской легендой, приведенной выше (стр. 10—11), указалъ уже Мельниковъ [1]).

Перенесемъ еще разъ добытые нами результаты сравненія, на почву сѣверной миѳологіи. Она также знаетъ мотивъ кованья въ непосредственной близи съ созданіемъ: боги состроили кузницу, подѣлали себѣ снарядъ и куютъ; не было у нихъ недостатка въ золотѣ (Völuspa 7—8, ed. Sijmons); слѣдуетъ непосредственно разсказъ о созданіи дверговъ (9 слѣд.) и оживленіи первой людской пары (17—18). Я отношу къ тѣмъ-же представленіямъ разсказъ Skáldskaparmál XXXV: Локи остригъ изъ злорадства волосы Сифъ, жены Тора и спасается тѣмъ, что достаетъ отъ ковалей, черныхъ альфовъ, сыновей Ívald'а, золотыя кудри, прирастающіе и растущіе на головѣ, какъ настоящіе. Тѣ-же альфы сковали ему Skíðblaðnir и копье Одина, Gungnir. Ковачами являются два брата, Brokkr и Eitrir; въ текстѣ, очевидно, неясно выражена подробность, что всѣ указанныя подѣлки принадлежатъ первому, ибо непонятно, почему Локи бьется объ закладъ съ Броккомъ о своей головѣ, что его брату не сдѣлать такихъ-же диковинокъ. Eitrir принимается за работу, велитъ брату всё время раздувать мѣха, пока онъ не вынетъ изъ горнила, что

---

[1]) l. c., стр. 231 прим. и стр. 249.

туда положилъ. Другъ за другомъ выходятъ: золотошерстый кабанъ, перстень Draupnir и молотъ — Miölnir, ставшій впослѣдствіи молотомъ Тора. Локи старается помѣшать дѣлу, являясь назойливой мухой, которая садится на Брокка и кусаетъ его, чтобы побудить пріостановить работу. Два раза это не удается, удалось на третій: оттого у молота Тора рукоятка вышла короткая. Локи проигралъ, но спасается отъ смерти, ибо когда Броккъ хочетъ отрѣзать ему голову, заявляетъ, что повиненъ головой, — не шеей.

Снова передъ нами миѳъ, уже встрѣчавшійся намъ въ сказаніяхъ дуалистическаго характера, какъ выражающій актъ творчества. Въ сѣверномъ разсказѣ этотъ моментъ не выраженъ можетъ быть, потому, что перенесенъ въ другую сферу дѣйствующихъ лицъ; но мы отмѣтимъ въ немъ участіе Локи и еще разъ вернемся къ вопросу о слѣдахъ дуализма въ сѣверной космогоніи.

Въ стихотворной Эддѣ въ созданіи человѣка участвуютъ три бога: Oðinn, Hoenir и Löðurr; одинъ даетъ ему önd — дыханіе жизни, Hoenir — óð: разумъ, душу, Löðurr — lá ok litu góða; lá, lae переводятъ: craft, art, skill; litr = countenance, complexion; взятые вмѣстѣ оба признака сводятся къ тѣлу [1]). Это распредѣленіе творчества, напоминавшее Vigfusson'у (Dict, a. v. óðr) платонова Протагора, примыкаетъ къ старому ученію о трихотоміи человѣческаго существа. По взгляду Платона, сообщенному Филономъ, человѣкъ состоитъ изъ трехъ частей: духа, души и тѣла. Въ 1-мъ посланіи къ Солунянамъ 5, 23 ап. Павелъ выражаетъ желаніе, чтобы Богъ освятилъ ихъ тѣло, душу и духъ; въ посланіи къ Евреямъ 4, 3 онъ говоритъ объ отдѣленіи души и духа черезъ λόγος. Юстинъ мученикъ разсматриваетъ тѣло, какъ жилище души, а душу, какъ жилище духа;

---

[1]) Въ Снорровой Эддѣ, гдѣ мѣсто Hoenir'a и Löður'a являются Vili и Vé, Одинъ даетъ önd (или: önd ok líf), второй líf (или: vit ok hroering: разумъ и движеніе), третій heyrn ok sýn (или: ásjónu, mál ok heyrn ok sjón: внѣшній видъ, рѣчь, слухъ и зрѣніе).

Таціанъ различаетъ душу и духъ, какъ низшее и высшее: въ духѣ образъ божій и подобіе; человѣкъ черезъ λόγος пріобрѣлъ безсмертіе, такъ какъ получилъ часть Божества; но онъ смертенъ, когда духъ выйдетъ изъ него. Душа смертна и уничтожается вмѣстѣ съ тѣломъ, такъ какъ она истины не знаетъ и возстанетъ съ тѣломъ при концѣ міра. Въ началѣ духъ живетъ съ душею, и когда послѣдняя не слѣдуетъ за духомъ, онъ её оставляетъ; только у праведниковъ есть духъ Божій. — По Оригену человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа. Дѣйствительный образъ Божій есть λόγος: до тѣхъ поръ, пока человѣческая душа была въ чистомъ духовномъ состояніи, она оставалась въ общеніи съ Богомъ, была образомъ Λόγος'а. Тѣла были одушевлены низшей душей, которая находится въ крови и у всѣхъ животныхъ дѣйствуетъ какъ жизненная сила. Надъ этой низшей душей въ человѣкѣ стоитъ разумная душа — духъ, который и есть собственно, человѣкъ [1]).

Представленія сѣверной космогоніи такія-же трихотомистическія; но вопросъ въ томъ: на сколько они могли заслонить болѣе древнее, дуалистическое? Извѣстно, что въ сѣверномъ Олимпѣ сошлись два сонма боговъ, различныхъ по происхожденію: Азы и Ваны; относительно послѣднихъ было высказано предположеніе, что они принадлежатъ финской (Vanir — и Вейнемейненъ) или даже славянской народности. Между тѣми и другими была распря, кончившаяся примиреніемъ и обмѣномъ заложниковъ: отъ Азовъ пошелъ заложникомъ Hoenir (Gylfaginning XXIII), Азы говорили, что онъ достоинъ власти и дали ему въ совѣтодатели мудрѣйшаго изъ людей, Мимира (Ynglingasaga, c. IV). Hoenir, одинъ изъ творцевъ въ космогонической сказкѣ, явился такимъ образомъ уже на почвѣ синкретическаго вѣрованія, смѣшавшаго Азовъ съ Ванами; въ связи съ Одиномъ и Локи онъ выступаетъ еще въ разсказѣ о похищеніи яблоковъ Идуны (Gylfaginning 26, Bragaraeður 56) и о заклятіи клада Нифлунговъ (Reginsmál, введеніе;

[1]) Мочульскій, l. c., стр. 74—5 съ ссылкой на Engelhardt I, 278. Сл. Racki, l. c., стр. 175 (ученіе западныхъ катаровъ).

Skalðskaparmál 39, Völsungasaga XIV). Его кеннинги: товарищъ, пріятель Одина; но и skjóti-áss — быстрый, долгоногій (langi fótr), властитель ила (aurkonungr. Сл. Skalðskaparmál 14). Всё это идетъ къ этимологіи, предложенной Вигфуссономъ, но имъ не обоснованной [1]): Hoenir — κύκνος. Κύ—κν—ος отъ √ qan, откуда лат. cano, греч. κανάζω, древнеир. canim, canaim — пою; гот. hana, дрврн. нѣм. hano, аглс. hana, древнесѣв. hani въ связи съ древневерхненѣм. huon, древнесакс. hōn, древнесѣв. hóns (plur. tantum). Герм. формы указываютъ на глаголъ *hanan *hōn; Hoenir (основа прагерм. *hōnja), стоящій еще на высшей степени Ablaut'а, значитъ собственно: *пѣвецъ:* эпитетъ, идущій къ птицѣ, лебедю или другой водной — быстрой и долгоногой; оттуда одинъ изъ эпитетовъ бога-творца, властителя «ила». Это не птица-ли творецъ древняго финскаго миѳа? Hoenir могъ являться впервые въ какой-нибудь космогонической легендѣ знакомаго намъ дуалистическаго типа; тройное число творцевъ въ сѣверномъ разсказѣ получилось, быть можетъ, вслѣдствіе сплоченія двухъ аналогическихъ миѳовъ того-же содержанія За вычетомъ Hoenir'а мы придемъ къ Löður'у (löðr, lauðr = пѣна?) или Lóður'у (= *Vlóðurr, инд. vṛtraḥ, демонъ лѣтняго жара) и его *другу* (vinr Lóðurs) [2]) Одину. Въ Löður'ѣ видятъ Локи; выше указано на его появленіе въ союзѣ съ Одиномъ и Hoenir'омъ; въ связи съ творчествомъ Löður'а получаетъ смыслъ и роль Локи въ разсказѣ о соперничествѣ Брокка и Эйтрира. Локи, первоначально, представитель исполинской мощи и мудрости гдѣ-то въ другомъ мірѣ, Útgarðr: Útgarðaloki; воспринятый въ сонмъ Азовъ (Ásaloki), онъ остается столь-же мудрымъ, но въ освѣщеніи хитрой находчивости, чаще злобы и коварства: онъ — пособникъ йотуновъ въ похищеніи молодильныхъ яблоковъ Идуны (Gylfaginning XXVI; Bragaraeður 56), въ покушеніи украсть Фрею, а съ нею вмѣстѣ солнце и мѣсяцъ съ неба (Gylfaginning XLII, Olaf Tryggva-

[1]) Corpus poet. boreale I, стр. CII.

[2]) Сл. Vigfusson Dict. a. v. Lóðurr; Noreen, Tidskrift for Philologi, нова серія, IV, стр. 28 слѣд.

sonss. 2, 17). Напомнимъ глазъ Одина = солнце во власти у Мимира и эпитеты Одина: Mimsvinr и vinr Lödurs. На этой степени пониманія Локи могъ быть сближенъ по типу, какъ сближался по имени, съ Люциферомъ христіанскаго преданія. Первичнаго значенія его имени и предложенныхъ для него объясненій я не касаюсь. Вейнгольдъ[1]) призналъ въ немъ и огненное — и водное начало, сближая названіе чудовищнаго волка Fenrir'a, сына Локи и его отраженія, съ сѣв. fen, готск. fani — πηλός.

Не на почвѣ космогоническаго разсказа мы встрѣчаемъ въ сѣверной миѳологіи извѣстный враждебный дуализмъ Одина и Митотина, Одина и Оллера—Ullr'a (Saxo Gramm. 43 слѣд.; 129 слѣд.). Ullr характеризуется какъ отличный бѣгунъ на конькахъ (öndráss) и стрѣлокъ изъ лука (bogaáss); то и другое принадлежитъ къ характеристикѣ финна; эпизодъ Ketils-saga'и, сближенный недавно [2]) съ разсказомъ объ Одинѣ и Ullr'ѣ, ставитъ на мѣсто послѣдняго — финскаго короля Gusi [3]). — Если въ Ynglingasaga'ѣ (c. 3) [4]) вмѣсто Ullr'a являются, въ аналогической легендѣ, братья Одина, Vili и Vé, то это служитъ намъ къ освященію того разсказа о мірозданіи, который въ Снорровой Эддѣ отвѣчаетъ знакомому намъ космогоническому миѳу Эдды стихотворной: творцами выступаютъ Oðinn, Vili и Vé; вмѣсто двухъ послѣднихъ легко представить себѣ на болѣе древней стадіи развитія какое-нибудь *одно* лицо.

---

1) Weinhold, Die Sagen von Loki, Zs. f. deutsches Alterthum VII, 8.

2) F. Detter, Der Finnenkönig Gusi, Zs. f. d. Alterthum, XXXII, 449 слѣд.

3) Въ Örvaroddssaga'ѣ c. 4 Гриммъ даритъ Одду три стрѣлы, называемыя Gusisnautar (дары Gusi); онѣ оперены золотомъ, сами летятъ съ тетивы и къ ней возвращаются, такъ что ихъ нечего искать; ихъ отнялъ Ketillr haengr у короля Финновъ Гуси; онѣ поражаютъ всякаго, въ кого направлены, ибо это — подѣлка дверговъ.

4) Сл. Lokasenna, 26.

Разборъ легендъ о міpoзданіи важенъ мнѣ не только по своимъ результатамъ, еслибы они оказались заслуживающими вниманія, но и по отношенію къ нѣкоторымъ общимъ вопросамъ. Одинъ касается сѣверной миѳологіи и ея изученія. За послѣдніе годы оно сдѣлало значительные успѣхи: данныя сѣверныхъ миѳовъ точнѣе выдѣляются изъ обще-германскихъ и не даютъ болѣе рѣшающихъ аналогій къ освѣщенію послѣднихъ; особенности мѣстнаго развитія, хронологія наслоеній, значеніе эпохи викинговъ и христіанскихъ вліяній — понимаются яснѣе. Но, можетъ быть, анализу, предстоитъ пойти и далѣе: Азы и Ваны открываютъ въ составѣ сѣвернаго миѳа два теченія, изъ которыхъ одно ведетъ изслѣдователя за предѣлы спеціально-германскаго преданія къ чуждой этнической основѣ. Мотивы сѣверныхъ повѣрій и разсказовъ открываются въ содержаніи Калевалы; важнѣе обратный вопросъ: о значеніи «ваническаго» элемента въ міросозерцаніи Эдды. Это и даетъ въ моихъ глазахъ особый интересъ вопросу о сохранившихся въ немъ слѣдахъ космогоническаго дуализма. Другой вопросъ касается метода вообще. Объясняя сходство миѳовъ, сказокъ, эпическихъ сюжетовъ у разныхъ народовъ, изслѣдователи расходятся обыкновенно по двумъ противоположнымъ направленіямъ: сходство либо объясняется изъ общихъ основъ, къ которымъ предположительно возводятся сходныя сказанія, либо гипотезой, что одно изъ нихъ заимствовало свое содержаніе изъ другого. Въ сущности, ни одна изъ этихъ теорій въ отдѣльности не приложима, да онѣ и мыслимы лишь совмѣстно, ибо заимствованіе предполагаетъ въ воспринимающемъ не пустое мѣсто, а встрѣчныя теченія, сходное направленіе мышленія, аналогическіе образы фантазіи. Теорія «заимствованія» вызываетъ, такимъ образомъ, теорію «основъ», и обратно; анализъ каждаго факта изъ области folklore'а долженъ одинаково обращаться на ту и другую сторону вопроса въ виду возможности, что взаимное передвиженіе миѳа, сказки, пѣсни могло повторяться не однажды и всякій разъ при новыхъ условіяхъ какъ усвояющей среды, такъ и усваиваемаго мате-

ріала. Германскіе эпическіе мотивы легли въ основу французскихъ Chansons de geste и снова перешли черезъ Рейнъ — поэмами феодальнаго и рыцарскаго пошиба. Вмѣсто этой окраски я предполагаю христіанско-богомильскую въ тѣхъ легендахъ, которыя, направясь съ сѣвера на югъ, снова обратились на сѣверъ, совершивъ одно изъ тѣхъ круговращеній, которыхъ путь трудно услѣдить, но которыя изслѣдователь всегда обязанъ имѣть въ виду, какъ возможныя.

XII.

БЕЗРАЗЛИЧНЫЕ И ОБОЮДНЫЕ ВЪ ЖИТІИ ВАСИЛІЯ НОВАГО И НАРОДНОЙ ЭСХАТОЛОГІИ.

Эсхатологію я принимаю въ широкомъ смыслѣ этого слова: представленія о конечныхъ судьбахъ міра, о связанной съ этимъ участи человѣчества — и загробной долѣ каждаго человѣка до послѣдняго счета на страшномъ судѣ. Всѣ эти вопросы, волновавшіе средневѣковое общество, отражались въ его легендѣ и поэзіи, въ которыхъ интересно подѣлить долю своего и чужаго, представленія христіанства и—условія народнаго вѣрованія, сдѣлавшія возможнымъ ихъ усвоеніе. Усвоеніе это было неравномѣрное, и не трудно, въ частностяхъ, разгадать его причины. Вопросъ о конечныхъ судьбахъ міра могъ сложиться въ средѣ съ богатымъ историческимъ и культурнымъ прошлымъ; чѣмъ оно сложнѣе, чѣмъ больше оно поставило вопросовъ, тѣмъ страстнѣе желаніе усмотрѣть ихъ разрѣшеніе въ будущемъ. Христіанство воспринято было и окрѣпло въ такой именно средѣ, полной разочарованій и гоненій, которыхъ не вѣдали полудикіе народы сѣвера. Ихъ эсхатологія могла отвѣчать вообще на вопросъ о катастрофѣ, имѣющей постигнуть видимый міръ, но не могла имѣть историческої подкладки Апокалипсиса. Его толковали и надъ нимъ задумывались немногіе избранные; его данныя разрабатывали по еретическимъ и политическимъ тенденціямъ; собственно въ народѣ

онъ интересы не возбуждалъ. Такъ объясняется и оправдывается мнѣніе Сахарова, что не смотря на распространенность въ древней Руси сочиненій и сказаній объ Антихристѣ и о кончинѣ міра и видимое вліяніе ихъ на воззрѣнія русскаго народа, народныхъ стиховъ, возникшихъ подъ ихъ наитіемъ, почти нѣтъ. Кромѣ небольшихъ отрывковъ, внушенныхъ «Вопросами Іоанна Богослова Господу», мы встрѣчаемъ лишь краткія замѣчанія о томъ, что «вѣкъ нашъ скончевается», «приходитъ къ намъ время последнее», «это время будетъ антихристово», «будетъ его царства полчетверта лѣта», «снидутъ пророци Божіи», «сойдетъ Илія, Божій пророкъ, и Онохъ, Божій пророкъ» и т. п.[1]). Къ образамъ эсхатологической борьбы фантазія не была, очевидно, приготовлена и не внесла въ нихъ ничего новаго, своего; даже извѣстная подробность духовнаго стиха, что земля загорится отъ крови Ильи, сраженнаго врагомъ, оказывается взятой не изъ народнаго миѳа, а изъ какой нибудь неизвѣстной намъ статьи эсхатологическаго содержанія[2]).

То-же слѣдуетъ сказать и о представленіяхъ, связанныхъ съ идеей страшнаго суда, конечной участи праведныхъ и грѣшниковъ — въ раю или аду. И здѣсь фантазія европейскихъ народовъ представила, если не tabula rasa, то едва загрунтованное полотно, образы и краски дали христіанскія картины страшнаго суда и соотвѣтствуюшія легендарныя и апокрифическія статьи, въ родѣ Хожденія Богородицы по мукамъ, Видѣнія ап. Павла и популярныхъ на Руси Откровеній Меѳодія, Слова Палладія мниха и Житія Василія Новаго. Зависимость русскихъ духовныхъ стиховъ отъ этихъ и тому подобныхъ памятниковъ не указываетъ на встрѣчную дѣятельность народнаго воображенія. Воспринявъ ихъ содержаніе, оно почти ихъ не переработало: описаніе райскихъ блаженствъ блѣдно, потому что оно блѣдно и полно общихъ декоративныхъ мѣстъ и въ ихъ христіанскихъ изображеніяхъ,

---

[1]) Сахаровъ, Эсхатологическія сказанія въ древне-русской письменности, стр. 148; сл. стр. 247.

[2]) Сл. мои Разысканія VIII, стр. 340 и слѣд.

напр. въ житіи Андрея Юродиваго; муки народнаго ада также однообразны и также схематически распредѣлены, какъ въ навѣявшей ихъ церковной или отреченной легендѣ. Если здѣсь можно говорить о какомъ-нибудь усвоеніи, то развѣ въ самомъ внѣшнемъ значеніи этого слова: наказанія и характеристика грѣшниковъ популяризировались, и сочетались на ново черты, иначе распредѣленныя въ источникахъ. Такъ напр. въ стихѣ, начинающемся словами: Воскреснетъ Богъ и вознесется рука его (Безсоновъ, Калѣки, вып. V, №№ 497; сл. 499, 500): здѣсь іереямъ-священникамъ и судіямъ неправеднымъ

Погреба имъ будутъ глыбокіе,
Мразы имъ будутъ лютые.

Далѣе описываются: «котлы мѣдные, огни разноличные, змѣи сосущіе — мужамъ беззаконникамъ и женамъ беззаконницамъ; смола кипучая и скрежетаніе зубное и плачъ непрестанный — глумотворцамъ и пересмѣшникамъ; вытягиваніе языковъ и повѣшеніе за языки на удахъ желѣзныхъ—клеветникамъ и злоязычникамъ; гады горькіе и смрады всякіе — пьяницамъ и картежникамъ; повѣшенье за хребты надъ каменными плитами и на гвоздье желѣзное — плясунамъ и волынщикамъ; червь неусыпающій—сребролюбцамъ и грабителямъ» [1]).

Иначе ставится вопросъ объ отношеніи своего и чужого въ народныхъ представленіяхъ о временной участи каждаго за-гробомъ до наступленія послѣдняго суда. Въ этой области эсхатологическихъ интересовъ народное вѣрованіе сложилось въ опредѣленныя формы быта и обряда: усопшіе, «родители», т. е. старшіе въ родѣ, продолжали и на томъ свѣтѣ жить прежней матеріальной жизнью; у нихъ «домовина» [2]), ихъ кормятъ на поминкахъ, ждутъ ихъ посѣщенія и ходятъ къ нимъ на погостъ, «на гостебище» и

---

1) Сл. Сахарова, l. c., стр. 242—3.

2) Къ параллелизму: домъ—домовина сл. старонѣм. hûs = домъ и старосѣв. haugr—могильный курганъ, оба отъ корня huh: гнуть, выводить сводомъ; первичный домъ былъ такой-же курганной пещерой, какъ и haugr. Сл. Laistner, Über den Butzenmann, Zs. f. deutsch. Alterth. XXXII, стр. 152.

т. п. [1]). Это представленіе, свойственное не однимъ только индоевропейскимъ народамъ на извѣстной степени развитія [2]), не разрывало связи между живыми и мертвыми: одинъ и тотъ-же *родъ* жилъ на землѣ и подъ нею, отжившіе не покидали живущихъ, пеклись объ нихъ, опредѣляли ихъ судьбу, то, что имъ на роду написано; они — старшіе, предки, окружены въ свою очередь суевѣрнымъ культомъ потомковъ.

Въ эту цѣльность живыхъ и мертвыхъ христіанство внесло элементъ раздвоенія — разграниченіемъ души и тѣла, идеей грѣха и воздаянія, грознымъ образомъ смерти, побѣждающей жизнь, ангеловъ, препирающихся изъ-за души съ духами тьмы. Оба круга идей сошлись въ синкретическомъ двоевѣріи, въ которомъ трудно бываетъ разглядѣть составныя части и поводы смѣшенія. Языческому или христіанско-апокрифическому повѣрью принадлежатъ напр. народныя представленія о потокѣ, который предстоитъ переплыть или перейти умершему, о лающихъ псахъ, охраняющихъ загробный путь, о платѣ перевощику, перевозящему души? [3]). Когда, съ другой стороны, сѣверно-русскія причитанія говорятъ о смерти:

Хоть не дальняя дорожка — безъизвѣстная,
Не лѣсныи перелѣски — мутарсливыи [4]),

и покойника представляютъ себѣ удалившимся то на солнце, то на мѣсяцъ, то въ лѣсахъ и водахъ, за горами толкучими, въ облакахъ и синихъ моряхъ и т. д. [5]) — невольно является во-

---

[1]) Сл. мои: Die russischen Todtenklagen, Russ. Revue, 2-er Jahrg, 12 Heft, стр. 3 слѣд., 18 слѣд. отдѣльнаго оттиска.

[2]) О загробныхъ представленіяхъ у финскихъ народностей сл. Castrén, Vorlesungen über finnische Mythologie, übers. v. Schiefner, стр. 126 слѣд. О поминкахъ и угощеніи покойниковъ у Черемисовъ сл. Знаменскій, Горные черемисы Казанскаго края, Вѣстн. Евр. 1867, Дек. стр. 64—5, 69—70 слѣд.

[3]) Сл. Разысканія VI, 35. Къ вѣрованію, что загробный міръ отдѣленъ отъ насъ рѣкою, потокомъ сл. матеріалъ, указанный Mannhardt'омъ, Germ. Mythen, Register, a. v. Totenstrom.

[4]) Е. Барсовъ, Причитанья сѣвернаго края I, № 1, стр. 4—5.

[5]) l. c., № I, 33; VIII, 16; IV, 61, 72; IX, 131; XIV, 211; XIII, 191, 197.

просъ, не отразилось-ли въ реторикѣ похороннаго плача — христіанское представленіе о странствованіяхъ души по «мутарсливой» дорожкѣ, т. е. по мытарствамъ?

Ученіе о мытарствахъ, издавно принятое церковью [1]), распространилась у насъ, главнымъ образомъ благодаря популярности житія Василія Новаго, извѣстнаго на Руси съ XII вѣка [2]), если Авраамію Смоленскому принадлежитъ «Слово о небесныхъ силахъ», очевидно составившееся подъ его вліяніемъ. Житіе это даетъ намъ поводъ разобрать одинъ забытый эпизодъ средневѣковой и народно-сказочной эсхатологіи; но и вообще оно интересно, какъ своимъ составомъ, такъ и разнообразіемъ поднимаемыхъ имъ вопросовъ. Русскіе изслѣдователи (Буслаевъ, Сахаровъ l. c. стр. 166 слѣд. и passim, и др.) не разъ касались его, но, можетъ быть, изъ него можно извлечь и большее на пользу средневѣковой эсхатологіи и современныхъ ей взглядовъ на нравственность, на категоріи грѣховъ. Прежде, чѣмъ перейти къ спеціальной задачѣ этого изслѣдованія, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ текстѣ, подавшемъ ему матерьялъ.

Житіе Василія Новаго († 944), написанное ученикомъ его, мнихомъ Григоріемъ, извѣстно въ двухъ редакціяхъ. Одна, подробная, представлена ркп. Москв. Синод. библіотеки № 249 (по каталогу Маттея № 236), XVII в.; Inc. Ὁ θειότατος καὶ προφητικώτατος Δαυίδ [3]); текстъ, напечатанный болландистами (AASS. Martii, t. III, Прил. стр. 20 слѣд.), не что иное, какъ механическое сокращеніе этого подлинника, опустившее эпизоды

---

[1]) Сл. Ефрема Сирина, Слово на почившихъ о Христѣ (Твор. Св. отц. XV, стр. 269); Св. Макарія Великаго, О двоякомъ состояніи умершихъ изъ сей жизни (Христ. Чт. 1828, XXXI, 113—114); Іоанна Златоуста, Бес. на Еванг. Матѳ. LIII, т. II, стр. 414; Слово Кирилла Александрійскаго объ Исходѣ души; житія Антонія Великаго, св. Іоанна Милостиваго и др. Сл. библіографію у Сахарова, l. c. стр. 166 и прим. 1.

[2]) Сахаровъ, l. c., стр. 189.

[3]) Сл. далѣе Приложеніе 1. Отрывки напечатаннаго въ немъ греческаго текста были просмотрѣны проф. Г. С. Дестунисомъ и В. К. Ернштедтомъ, которымъ приношу благодарность за предложенныя ими исправленія.

Хожденія Θеодоры и Видѣнія Григорія и разсказанныя между тѣмъ и другимъ чудеса и видѣнія. Другая греческая редакція, сохранившаяся въ ркп. той-же Синодальной библ. XVI в. № 250 (№ 237 по кат. Маттеи; Inc.: Τῆς ἀκαταλήπτου Θεοῦ περὶ τὸ βρότειον γένος ὑπεραγάθου φιλανθρωπίας καὶ ἀγαθότητος и т. д.), представляетъ отчасти стилистическую переработку подробнаго текста: удержано Хожденіе и Видѣніе, но изъ чудесъ опущены разсказанные въ нашемъ изданіи на стр. 55—57 (Τούτων οὕτως — εἰς τέλος ἐξέβη), 60—62 (Οἱ δὲ τοῦ οἴκου — δι' οὗ ἐσώθη τοῦ πικροῦ ἐκείνου θανάτου), 63 (Οἱ δὲ προρρηθέντες) — 76. Зависимость этого текста отъ подробнаго доказывается опущеніемъ, въ которомъ повиненъ и редакторъ текста болландистовъ: нѣтъ чуда съ Іоанномъ, котораго хотѣла отравить его раба (сл. у насъ стр. 69 слѣд.), что не помѣшало ни тому, ни другому перескащику сослаться именно на это чудо въ разсказѣ о погребеніи святого. Сл. въ нашемъ изданіи стр. 81 (выписка изъ AASS.) и въ Син. ркп. № 250, л. 210 v.: ἀλλ' οὐκ εἴασεν αὐτὸν τοῦτο εἰς ἔργον ἀγάγειν Ἰωάννης ἐκεῖνος, οὗ πάλαι ἀνωτάτω τῶν λόγων ἐν τοῖς τοῦ ὁσίου ἡμῶν πατρὸς μερικοῖς θαύμασιν ἀπεμνημονεύσαμεν, ὃν ὁ ὅσιος ἡμῶν πατὴρ ἀπὸ τῆς ἰδίας δούλης ἐπιγενομένης αὐτῷ δαιμονικῆς μάστιγος καὶ περιεργίας παραδόξως ἐρρύσατο (f. 211 r.) καὶ ὑγιῆ ἀπέδειξεν. — Отъ текстовъ, отвѣчавшихъ, судя по началу, типамъ греч. Син. №№ 249 и 250, пошли два пересказа житія, помѣщенные въ Макарьевскихъ Минеяхъ подъ 26 Марта (л. 633 слѣд., л. 748 слѣд.); типу греч. син. № 250 принадлежитъ житіе по ркп. XIV—V в., извлеченія изъ которой были сообщены мнѣ И. А. Шляпкинымъ [1]).

---

[1]) Въ числѣ греческихъ рукописей на Аθонѣ, описанныхъ Ламбромъ (Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ Ἁγίου Ὄρους ἑλληνικῶν κωδίκων ὑπὸ Σπυριδῶνος Π. Λάμπρου, τ. Α', μέρος Α'. Ἐν Ἀθήναις 1888) есть два списка житія Василія Новаго: № 572, XV и частью XVIII в. (Βίος καὶ πολιτεία καὶ θαυμάτων διήγησις τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου τοῦ Νέου, συγγραφεῖσα παρὰ τοῦ μαθητοῦ αὐτοῦ Γρηγορίου) и № 719 (пис. въ Апрѣлѣ 1826 г.); кромѣ того въ № 751, § 1 несомнѣнно сохранились отрывки житія. Сл. начало: .... γνησίως ἐπευφραίνετο καὶ φησὶ πρός με· Κύρε μου, Γρηγόριε, τί τε τοῖς ὧδε ἀποκατέστης; μὴ

Для слѣдующаго пересказа мы пользуемся славянскимъ текстомъ.

О житіи угодника сказано кратко, и въ сущности не оно возбуждало главный интересъ. Примикурій Константинъ приставилъ въ услуженіе святому свою кормилицу, Θеодору; она умираетъ, а Григорій, желая знать, какая участь постигла её за гробомъ, удостоился по молитвѣ своего наставника узрѣть въ видѣніи Θеодору и услышать отъ нея разсказъ о разлученіи души отъ тѣла и о пройденныхъ ею мытарствахъ. Когда она умирала, у ея одра явились демоны въ образѣ страшныхъ эθіоповъ и свѣтоносные ангелы, пререкаясь другъ съ другомъ о ея душѣ. Въ слѣдующемъ образѣ смерти есть черты, перешедшія въ нѣкоторыя редакціи нашего Пренія Живота со Смертію [1]): «И вотъ пришла смерть, какъ левъ рыкая, образомъ зѣло страшна, подобія аки-бы человѣческаго, но тѣла отнюдь не имуща, отъ единыхъ точію костей человѣческихъ составлена. Ношаше же различныя орудія къ мученію: мечи, стрѣлы, копія, барды, косы, серпы, рожны, пилы, сѣкиры, теслы, оскорды и удицы, и иная нѣкая незнаемая». Ангелы велятъ смерти поскорѣе отрѣшить душу отъ узъ плоти. — «И абіе приступльше ко мнѣ, взя малый оскордъ и нача отсецати первѣе ноги мои, потомъ руки, таже иными орудіи иныя вся уды моя разслабѣваше, члены отъ составовъ раздѣляющи. И не имѣхъ рукъ, ни ногъ, и всё тѣло мое омертвѣ, ни можахъ двигнутися прочее; таже взя теслу и отсѣче главу мою, и къ тому не можахъ подвигнути главы, чужда бо ми есть; по сихъ всѣхъ сотвори въ чаши нѣкое раствореніе и ко

ἀπέθανες καὶ ἀπὸ τοῦ ματαίου ἐκείνου κόσμου ἠλευθερώθης καὶ πρὸς τὴν ἀνέσπερον ταύτην διαγωγὴν καὶ μακαρίαν μονὴν κατήντησας (сл. нашъ текстъ стр. 13). Fin.: Οὕτω δύναταί τις πολυτρόπως τὴν ἐλεημοσύνην ἐργάζεσθαι, ἧς καὶ ἡμεῖς, ἀδελφοὶ, ἐργάται γενέσθαι σπουδάσωμεν καὶ ἐρασταὶ θερμότατοι αὐτῆς εὑρεθῆναι ἐν τῇ φοβερᾷ καὶ ἀτελευτήτῳ ἡμέρᾳ τῆς κρίσεως, ὡς ἂν τοῦ θείου νυμφῶνος καὶ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν ἀξιωθῶμεν μετὰ πάντων τῶν ἁγίων ἐν αὐτῷ Χριστῷ τῷ Θεῷ ἡμῶν, ᾧ πρέπει πᾶσα δόξα, τιμὴ καὶ προσκύνησις σὺν τῷ ἀνάρχῳ Πατρὶ, τῷ παναγίῳ καὶ ζωοποιῷ Πνεύματι νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων ἀμήν.

[1]) Сл. И. Жданова, Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, Приложенія № 2, стр. 203, 204.

устомъ моимъ придѣвши, нуждею напои мя. Тольже бѣ горько напоеніе то, яко не могущи стерпѣти, душа моя содрогнуся и изскочи отъ тѣла яко оторжена нуждею» [1]). Отмѣтимъ образъ смерти, напаяющей умирающаго какимъ-то зельемъ, какъ комментарій къ выраженію: пить смертную чашу.

Освобожденную душу держатъ ангелы, и снова приступаютъ къ нимъ демоны, выставляя на видъ грѣхи усопшей, тогда какъ ангелы припоминаютъ ея добрыя дѣла. Тогда явился внезапно преподобный Василій, вручилъ ангеламъ «мѣшецъ» или «ковчежецъ» и сказалъ: «егда хо́щета мытарьства на въздоусѣ миновати, йскупоуита ю̑ в҆землюще ѡт сего, хо́тѧщїи срѣсти до́лги ѡт лоукавых доуховъ. Се же соут в҆ мѣшьцѣ ѡт йзѡ́билїа ѡт троудовъ й потовъ събран҆на даровавъ ей̑, ѡтиде» (ркп. XIV—V в.). Этими «трудами» Василія ангелы откупаютъ душу Өеодоры на мытарствахъ, когда оказывается недочетъ въ ея собственныхъ добрыхъ дѣлахъ. Чудесный садъ, который показываетъ Григорію Өеодора, также насажденъ трудами и подвигами святого, ибо онъ постился, бодрствовалъ, молился, лежалъ на голой землѣ, претерпѣвалъ зной и холодъ, питался въ пустынѣ много лѣтъ быліемъ ради спасенія многихъ душъ — ибо терпящимъ во временной жизни болѣзни и скорби ради Господа и исполняющимъ его святыя заповѣди здѣсь отъ Бога готовится, въ награду и утѣшеніе за труды, веселіе на безконечныя вѣки, по слову Давида: Труды рукъ своихъ снѣси (Псалм. 127, 2).

---

[1]) Вотъ соотвѣтствующій эпизодъ по ркп. XIV—V в.: «й приде оу̑бѡ̀ внезаапоу смр҃ть, видѣніе еѧ ӑко левъ ревы, желѣза вьсѧкоѧ носѧ, меча, ножи, серьпы, пилы, секиры, ѿскорды, рожны, оу̑ды, стрѣлы, теслы, брадвы, ими же козньми дїиствоует различныѩ ѿбразы и е̂диною смр҃ти всѣх. Сїѧ смиренаѧ моѧ дш҃а видѣвши страхом вельми възгроздисѧ. Рекоста оу̑бѡ̀ къ смр҃ти ѿна свѣтлая юноши: Что стоиши? разрѣши съоу̑зы и приди посреди, не имать бо ѧжести многи грѣховныѩ. Ѿна же пристоупльши малым ѿскордьцем начатъ ъсѣцати нози мои й потом роуцѣ й всѧ съставы й члѣны разслабив҆ши и йсерза дванадесѧт ног҆теи моих й а̂бїе ѿмерьтвѣ все тѣло мое й ѡттоудоу ни оукоу ймѣх ни ногу, ѡттоудоу не можах двигноутисѧ никакоже. Й потом рїимъ тесло ѡтсѣче выю мою й к томоу не могох двигноути главою, й посем алїѩвши чашю, что же бѣ не разоумѣх, й вдасть ми испити чашю. Тако ми са̑ толь бѣ гор҆ко, ѩко въ тъй ча̑ ѡттор҆же ми дш҃ю, й въскорѣ выскочи йс тѣла».

Эти труды Василія и помогаютъ Θеодорѣ тамъ, гдѣ обвиненія демоновъ являются состоятельными и элементъ личной грѣховности разрываетъ, оживляя её, отвлеченную схему грѣховъ. Празднословіе, пьянство, объяденіе и блудъ — вотъ чѣмъ грѣшила Θеодора, какъ и Данте очищается въ Пургаторіи отъ гордыни и lussuria.

Мытарства расположены въ воздушномъ пространствѣ, каждое изъ нихъ отдано особому грѣху, и на его стражѣ стоятъ демоны, вѣдающіе и испытующіе въ немъ грѣшную душу. Въ разсказѣ Θеодоры ихъ 21; ихъ 20 въ Словѣ о небесныхъ силахъ, въ очевидной зависимости отъ житія Василія Новаго:

Житіе:		Слово:
1. Оклеветаніе (осмѣяніе)	καταλαλιᾶ	оболганіе (ложь)
2. Поруганіе	λοιδορία	оклеветаніе.
3. Зависть	φθόνος	зависть.
4. Ложь	ψεῦδος	гнѣвъ.
5. Гнѣвъ и ярость	θυμός καὶ ὀργὴ	ярость съ гнѣвомъ.
6. Гордость и высокомѣріе	ὑπερηφανεία	гордость.
7. Празднословіе и сквернословіе	μωρολονια	срамословіе и плясаніе
8. Лихва (коварство) и лесть	τόκου καὶ δόλου	рѣзоиманіе и ограбленіе.
9. Неправда и тщеславіе	τῆς ἀχηδίας καὶ τῆς κενοδοξίας	тщеславіе.
10. Сребролюбіе	φιλάργυρία	златолюбіе и сребролюбіе.
11. Піанство	πολυοινοποσίας καὶ μέθης	пьянство и запойство.
12. Злопомнѣніе	μνησικακία	злопоминаніе.
13. Обаяніе	τῶν ἐπαοιδῶν	чародѣйство и волхвованіе

14. Объяденіе и чревоугодіе	γαστριμαργία	объяденіе и раннее яденіе и питіе.
15. Идолослуженіе	εἰδωλολατρεία	всякая ересь («вѣра въ встрѣчю, въ чохъ, въ полазъ и птичій грай, ворожю, и еже басни баютъ и въ гусли гудутъ»).
16. Мужеложство и дѣтоскверненіе	ἀνδρομανία καὶ παιδοφθορία	прелюбодѣяніе.
17. Любодѣяніе	μοιχεία	убійство.
18. Разбой	φόνος	татьба.
19. Татьба	κλοπὴ	блудъ.
20. Блудъ	πορνεία	скупость и немилосердіе.
21. Немилосердіе и жестокосердіе	ἀσπλαγχνία καὶ σκληροκαρδία	

Зависимость Слова отъ Житія въ схемѣ грѣховъ несомнѣнна; разница представляется въ первыхъ четырехъ №№ и легко объяснима: замѣнивъ оклеветаніе (№ 1 Житія) оболганіемъ, ложью, подвинувъ оклеветаніе на второе мѣсто, Слово раздѣлило № 5 Житія: гнѣвъ и ярость на два своихъ №№ 4 и 5, ибо ложь (№ 4 Житія) уже была предвосхищена его № 1. Далѣе опущенъ № 16 (мужеложство), чѣмъ и объясняется, при совпаденіи дальнѣйшихъ №№, почему мытарствъ оказалось всего 20.

Внутренняго, логическаго распорядка въ послѣдовательности и группировкѣ грѣховъ, въ родѣ извѣстной у Григорія Нисскаго, мы не видимъ. Это, впрочемъ, общая характеристика загробныхъ видѣній и откровеній, за исключеніемъ Божественной Комедіи, сознательно проведшей въ Аду Аристотельскую и Цицероновскую схему пороковъ, въ Чистилищѣ — церковное ученіе о семи смертныхъ грѣхахъ. Не смотря на это именно къ объясненію Дантовскихъ воззрѣній и образности Мытарства Өеодоры даютъ

не безъинтересный матеріалъ. Особливо 8-е мытарство вызываетъ попытку сравнительнаго комментарія.

Содержательное, по отношенію къ степенямъ караемой грѣховности, распредѣленіе Дантовскаго Ада извѣстно изъ объясненія Виргилія въ XI-й пѣснѣ: до седьмаго круга караются проступки, которые можно объединить понятіемъ невоздержности, incontinenza; Witte называетъ ихъ Schwachheitssünden; они легче слѣдующихъ, ибо

incontinenza
Men Die offende e men biasimo accatta
(Inf. XI, 83—4),

а въ Аду, чѣмъ тяжелѣе категорія грѣховности, тѣмъ ближе они къ центру. Для распредѣленія ихъ въ 7-мъ и слѣд. кругахъ Данте воспользовался указаніемъ Цицерона (De offic. I, 13: duobus modis fit injuria: aut vi aut fraude), которыя такъ толкуетъ Виргилій (Inf. XI, 22 слѣд.): «Всякое зло, преслѣдуемее небомъ, всегда имѣетъ своей конечной цѣлью обиду; нанося вредъ другимъ лицамъ, она проявляется либо въ видѣ простаго *насилія* (forza=vis), либо въ видѣ *обмана* (frode). Но такъ какъ обманъ—это зло, зарождающееся только вь людяхъ, а не въ животныхъ, то оно болѣе гнѣвитъ Бога, и за этотъ грѣхъ обманщики (frodolenti) подвергаются тягчайшему наказанію». Оттого насильникамъ (violenti) отведенъ 7-й, обманщикамъ 8-й кругъ; тягчайшій видъ обмана, предательство, карается въ самомъ центрѣ ада, гдѣ томится и Луциферъ.

Таково объясненіе Виргилія. Припомнимъ по какому поводу оно дается: поэты готовятся вступить въ 7-й кругъ; спускъ будетъ медленный, и Виргилій коротаетъ время, толкуя своему спутнику дальнѣйшее распредѣленіе грѣховъ по категоріямъ насилія и обмана. Данте спрашиваетъ его: какому опредѣленію отвѣчаютъ грѣхи, караемые въ областяхъ, ими пройденныхъ (Inf. XI, 70 слѣд.)—и Виргилій отвѣчаетъ ему, разъясняя, что такое incontinenza. Данте перечисляетъ по этому поводу гнѣвныхъ,

грѣшившихъ плотскою страстью, скупыхъ и расточительныхъ: грѣхи, наказуемые во 2-мъ по 5-й кругъ, хотя ихъ послѣдовательность въ перечнѣ не та, какая была на дѣлѣ (плотская страсть, чревоугодіе, скупость и расточительность, гнѣвъ). Это объясняется требованіемъ стиха; важнѣе умолчаніе еретиковъ, томящихся въ гробахъ 6-го круга: они также подходятъ подъ понятіе incontinenza, ихъ грѣхъ въ невоздержности мысли, не въ злой волѣ или обманѣ — точка зрѣнія, характерная для Данте — догматика.—Другихъ вопросовъ Данте мы не ожидаемъ: пройденное объяснено, слѣдующее разъяснится, наконецъ общій планъ будущаго пути и встрѣчъ уже данъ Виргиліемъ. Онъ говоритъ (Inf. XI, 31 слѣд.) о 7-мъ кругѣ, что въ первомъ его ярусѣ они найдутъ насильниковъ противъ ближняго, во второмъ насильниковъ противъ самихъ себя (самоубійцы), въ третьемъ насильниковъ противъ Бога (кощуны) и природы (содомиты)—и ростовщиковъ (Caorsa). Именно послѣдніе и вызываютъ неожиданный вопросъ Данте (Inf. XI, 94 слѣд.): онъ проситъ объясненія, недоумѣвая, какимъ образомъ ростовщики явились въ этой связи. Виргилій отвѣчаетъ хитросплетеніемъ [1]): какъ природа — истеченіе божественнаго разума и художества, такъ искусство — ученикъ природы; если оно идетъ противъ нея, оно является насиліемъ. Таково искусство ростовщиковъ.

Я назвалъ вопросъ Данте неожиданнымъ; ставя его особо, задолго до своей встрѣчи съ насильниками искусства въ XVII пѣснѣ Ада, онъ, быть можетъ, оставилъ намъ свидѣтельство собственныхъ колебаній и недоумѣній, поднимавшихся въ немъ, когда онъ строилъ планъ своей грѣховной лѣствицы. То-же недоумѣніе я усматриваю и далѣе — въ строеніи XVI и XVII пѣсенъ: поэты посѣтили ярусъ насильниковъ противъ природы; готовясь идти далѣе, Виргилій вызываетъ изъ пропасти чудовищнаго Геріона, символъ обмана и лицемѣрія, съ тѣмъ, чтобы онъ перенесъ ихъ въ 8-й кругъ, гдѣ именно карается обманъ. Слѣ-

---

[1]) L'argomento non è de' più diretti, говоритъ Tommaseo

дуетъ явленіе и описаніе Геріона XVI 130—XVII 1 слѣд.; онъ вынырнулъ изъ глубины пропасти и остановился въ уровень съ ея краемъ; путники дѣлаютъ обходъ по краю, избѣгая песчаной равнины и огненнаго дождя. Уже подойдя къ Геріону Данте видитъ въ сторонѣ, на концѣ седьмаго круга, какихъ то сидѣвшихъ тамъ людей; если ты хочешь всё осмотрѣть въ этомъ кругѣ, говоритъ Виргилій, подойди къ нимъ и побесѣдуй, но не долго, пока я уговорю чудовище ссудить намъ свои крѣпкія плечи. — Данте идетъ и бесѣдуетъ съ ростовщиками.

Они выдѣлены изъ числа другихъ насильниковъ 7-го круга явленіемъ Геріона, олицетворяющаго обманъ, поставлены какъ-то особо, въ сторонѣ, на самомъ краю пропасти, внизу которой караются обманщики. Это распредѣленіе, быть можетъ, не случайно. Григорій Нисскій (сл. канонич. посланіе его къ Литоїю еп. Мелитинскому, прав. 6) помѣщаетъ лихву въ категорію *любостяжанія* вмѣстѣ съ татьбой и разбоемъ, гробокопательствомъ и святотатствомъ. «Предисловіе къ великому покаянію» соединяетъ, какъ двѣ матицы всякому злу, неправедное стяжаніе съ пьянствомъ; первое хуже: пьяница проспится, а отъ неправеднаго богатства нельзя проспаться; рѣзы и наклады хуже воровства; не должно допускать такихъ людей до покаянія, пока не возвратятъ *неправеднаго стяжанія*. Съ другой стороны декреталіи сводятъ подъ однимъ титуломъ лихву не только съ поджогомъ, разбоемъ и татьбой, но и съ *crimen falsi*, тогда какъ Poenitentiale Valicellianum I представляетъ обратный порядокъ, говоря сначала (§§ 47—52) о *crimen falsi* и затѣмъ переходя къ *usura* (§§ 54—5) [1]). Сходно въ Хожденіи Ѳеодоры: 8-ое мытарство соединяетъ въ себѣ грѣхи *лихвы и обмана: τόκου καὶ δόλου*, слав. лихва и лесть (или коварство). Отнеся своихъ ростовщиковъ къ границѣ области, гдѣ карается обманъ, Данте могъ имѣть въ виду такой именно взглядъ и, соединивъ его съ своимъ, измѣнилъ пріему, которому обыкновенно слѣдуетъ въ

[1]) Schmitz, Die Bussbücher und die Bussdisciplin der Kirche, стр. 270 и слѣд.; сл. прим. къ § 54.

распредѣленіи грѣховъ, караемыхъ въ аду, отъ болѣе легкихъ къ болѣе тяжелымъ. Здѣсь наоборотъ: въ началѣ грѣховность представляется *восходящею* отъ насилія противъ ближняго и себя къ насилію противъ Бога, затѣмъ линія ломается и идетъ внизъ: отъ насилія противъ Бога къ насилію противъ природы — и искусства. Оно явилось послѣднимъ, потому, быть можетъ, что приводило — къ пропасти обмана.

14-е мытарство Ѳеодоры еще разъ обращаетъ насъ къ Данте: демоны объяденія язображаются παχεῖς καὶ πίονες; они *лаютъ* на Ѳеодору, какъ надъ golosi третьяго адскаго круга (Inf. c. VI, 13—14) Церберъ

По песьи лаетъ пастію тройной
На грѣшный родъ, увязшій въ тинѣ грязной.
Онъ съ толстымъ чревомъ, съ сальной бородой,
Съ когтьми на лапахъ, съ красными глазами,
Хватаетъ злыхъ, рветъ кожу съ нихъ долой.

17-е мытарство любодѣянія отдѣльно отъ блуда (№ 20) разбоемъ и татьбой; послѣдніе отнесены, какъ мы видѣли, у Григорія Нисскаго, вмѣстѣ съ лихвой, къ категоріи любостяжанія, тогда какъ любодѣяніе и блудъ входятъ въ психологическую группу грѣховъ вожделѣнія. По поводу блуда проводится въ нашемъ текстѣ взглядъ на различную степень вмѣняемости одного и того-же проступка, смотря по отношенію его къ таинству. Демоны укоряютъ Ѳеодору въ прелюбодѣяніи, ангелы защищаютъ ее. Вотъ разсказъ Ѳеодоры: «преже ӗг^{д}а не работа^{х} ӗще ст҃ому нашемоу ѡ^{т}цю (т. е. Василію), имѣ^{х} подруга ӗгоже бѣ ми предала г҃жа моа, й жива^{х} с ни^{м}, падо^{х}же са нѣког^{д}а ѡ^{т} него с другыми юношами; сего ра^{ди} (діаволы) много на ма клеветаху. Гл҃аста же и^{м} водащи ма анг҃ла, ꙗко си раба бѣ, ни ѡ^{т} ӗрѣꙗ бл҃гослoвиса, ни въ ц҃ркви г҃ни вѣнчаса с муже^{м}, ӗго же вза^{т}, да не прелюбодѣаніе боудеть сицевѣ грѣси, но̏ паче блоу^{д} сіа подобае^{т} гл҃ти. Ѡ̆ни же противу вопіа̀хоу гл҃ще: нѣ̑ ли вторыи ра^{б} б҃оу стажавыи ӗго, искупивыи ӗго сребро^{м} г҃нь ѥго? Сіа оўбѡ̀ оў вл^{д}кы

своѐго съчетасѧ мужем, подобно е҇ прелюбодѣа́нїе гл҃ти грѣх еѧ̀, а̀ не блоуд» (ркп. XIV—V в.). Бракъ Өеодоры, какъ рабы, былъ не церковный, потому и ея грѣхъ попадаетъ, не смотря на логику дьяволовъ, въ болѣе легкую и, прибавимъ, широкую категорію. О мытарствѣ, его испытующемъ, говорится: «сего мытарьства мало дш҃ь миноует бес пакости, понеже соует'ныи миръ ѡт соущих в нем питанїи блудолюбивъ е҇ и сластолюбив, того ради множаишаѧ ѡт него сїи долоу ѡттер'зают и̓ въ а̓дѣ заключают.... к' томоу и̓бо так хвалитсѧ кн҃зь мытарьства сего гл҃а, ꙗ̓ко азъ е̓дин наполнѧю родство[1]) ѡ̓гненоє дш҃ь чл҃ческых ѡт сего моѐго рѐства» (ib.). Это напоминаетъ намъ распорядокъ загробнаго міра у Данте, располагающаго грѣхи въ Аду по нисходящей линіи, отъ болѣе легкихъ къ болѣе тяжкимъ, въ Чистилищѣ въ обратномъ движеніи, отъ болѣе тяжкихъ къ болѣе простительнымъ. Послѣднихъ больше; оттого адскія жилища и идутъ, съуживаясь конусомъ къ центру земли; чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе грѣховности, но уменьшается и количество ея представителей. Самый населенный кругъ Ада есть вмѣстѣ съ тѣмъ его первый: въ немъ карается плотская страсть, т. е. блудъ; въ чистилищѣ, наоборотъ, ему отведена послѣдняя терраса у верха горы, послѣ чего мы вступаемъ въ видѣніе—земнаго рая. Такъ въ сущности и въ разсказѣ Өеодоры: ея 20-ое мытарство отдѣлено отъ «небесныхъ вратъ» лишь мытарствомъ «немилосердія»; мнихъ Григорій помѣстилъ его здѣсь, согласно съ тѣмъ особымъ значеніемъ, какое дается милосердію и милостыни въ продолженіи всего житія: это его нервъ, его центръ; набожный панегиристъ не разъ обращается къ восхваленію спасительной силы милостыни [2]); пройдя второе мытарство Өеодора спрашиваетъ ангеловъ: знаютъ-ли люди, что ожидаетъ ихъ по смерти? «Знаютъ отвѣтили они, но пресыщеніе и мірскія удовольствія не позволяютъ имъ помнить о томъ. Божественное Писаніе говоритъ, что

[1]) Родство = γέεννα, спутанное съ γενεή; такъ въ другомъ мѣстѣ: «ихже (демоновъ) видѣнїе гор'ши родства ѡгненаго».

[2]) Сл. AASS. l. c., стр. 25 § 25 и стр. 32 § 59 (въ ркп. подробнѣе).

особенно хорошо будетъ подающимъ милостыню, которая больше другихъ добродѣтелей можетъ оказать здѣсь помощи. Пусть же день и ночь занимаются люди добрыми дѣлами, они избавятся отъ тяжкихъ бѣдъ и вѣчныхъ мученій». Сходно въ поученіи при 11-мъ мытарствѣ. Всё это приготовляетъ насъ въ послѣдней части житія къ поэтическому олицетворенію Милостыни, какъ она представилась Григорію въ видѣніи страшнаго суда, всё спасающей и всё искупающей, стоящей превыше поста и самобичеванія, какъ и въ русскомъ поученіи говорится: «Нѣтъ пользы, если будемъ поститься, а отъ жестокаго сердца не воздержимся. Кто не ѣстъ мяса, воздерживается отъ питія, а убогихъ не милуетъ, тотъ хуже скота. Кто на голой землѣ легаетъ всю ночь, не спя молится, а убогихъ не милуетъ, и тотъ не лучше скота. Аще кто дастъ село монастырю, то на пагубу души своей, аще ли на раздѣлъ убогимъ, на спасеніе души. Милостыня выше приноса въ церковь. Не утворяй церкви, видя скорбящаго брата: живой храмъ выше, истовѣе церкви. У церкви можно украсть твой даръ, а у алчнаго и ночью самъ дьяволъ дара твоего украсть не можетъ» [1]). Взглядъ, напоминающій намъ легенду, разсказанную объ александрійскомъ архіепископѣ Іоаннѣ Милостивомъ [2]),

---

[1]) Отчетъ о рефератѣ проф. Тихонравова въ засѣданіи отдѣла этнографіи, состоящаго при Имп. Общ. любителей естествознанія 9 Февраля 1875 г. (Моск. Вѣдомости, 15 Февраля 1875 г., № 44: Засѣданіе отдѣла Этнографіи, 9 Февраля).

[2]) Сл. H. Gelzer, Ein griechischer Volksschriftsteller des 7 Jahrhunderts въ Sybel's Hist. Zeitschrift, 61 Band, I Heft, стр. 16. Интересно отмѣтить, что одно изъ благотвореній Іоанна Милостиваго перенесено въ Повѣстяхъ Пафнутія Боровскаго (сл. наше Приложеніе 2-е) — на Іоанна Калиту. Однажды какой-то богатый иностранецъ захотѣлъ испытать доброту архіепископа, и когда Іоаннъ собирался посѣтить больницу, подошелъ къ нему, одѣтый въ рубище, и попросилъ милостыни. Ему подали шесть золотыхъ. Черезъ три дня онъ явился въ другой одеждѣ и снова проситъ; Іоаннъ снова велѣлъ дать ему шесть золотыхъ; когда нищій удалился, казначей шепнулъ архіепископу, что тотъ человѣкъ уже во второй разъ получилъ милостыню; а Іоаннъ какъ будто и не слышитъ. Когда въ третій разъ подошелъ тотъ-же нищій, казначей кивнулъ архіепископу, давая ему понять, что это всё тотъ-же; а тотъ говоритъ: Подай ему двѣнадцать золотыхъ, дабы онъ не былъ мнѣ Христомъ и не ввелъ меня въ искушеніе.

постоянную проповѣдь милостыни въ Патерикахъ, въ народномъ стихѣ о Лазарѣ и въ другомъ, внушающемъ:

Души спасти — постомъ и молитвою,
Въ рай войтить — святой милостыней.

(Безсоновъ, вып. V, №№ 504; сл. 506, 510—512, 515).

Миновавъ мытарства Ѳеодора приходитъ къ небеснымъ вратамъ, гдѣ видитъ обители святыхъ и лоно Авраамово. Ангелы водятъ её потомъ и по мукамъ, гдѣ она слышитъ вопли и рыданіе грѣшниковъ, послѣ чего она приведена была для успокоенія въ обитель преподобнаго Василія, въ 40-й день, когда Василій на землѣ творилъ по ней память.

За разсказомъ Ѳеодоры слѣдуютъ въ житіи чудеса и видѣнія святого и далѣе откровеніе страшнаго суда, бывшее самому списателю житія по слѣдующему поводу: на Григорія напало сомнѣніе касательно правоты христіанской вѣры; вѣра іудейская начала казаться ему именно тою вѣрою, которая угодна Богу, праведна, потому что Авраамъ у іудеевъ праведенъ, Моисей далъ имъ законъ, котораго они и теперь держатся. Свои сомнѣнія онъ передалъ блаженному Василію, который вразумилъ его, а такъ какъ у Григорія еще остались колебанія, помолился по его просьбѣ, чтобы Господь открылъ ему въ сонномъ видѣніи состояніе въ загробной жизни людей всѣхъ вѣръ и всѣхъ исповѣданій.

Излагать это видѣніе въ связи я не буду, такъ какъ оно подробно было разсказано г. Сахаровымъ [1]) и будетъ издано нами особо. Укажу на перечень именъ языческихъ божествъ; на категоріи грѣшниковъ, гдѣ являются рядомъ: «гудецъ и смычникъ и свирѣльникъ и клятвенникъ и мертвыми волхвуя» — и «богомилинъ» [2]). Послѣдними на судъ явились отметники и гонители; ангелы ввергли ихъ въ тартаръ, откуда слышенъ былъ ихъ вопль

---

[1]) l. c., стр. 170 и слѣд.

[2]) Съ осужденіемъ гудцевъ и т. п. сл. слѣдующую подробность житія: «яко особаго бѣса имать властелинъ иподромію и на позорищи ему оугожаютъ».

и стоны. Изъ общаго крика выдѣлялся одинъ голосъ: онъ то ревѣлъ, то стоналъ, то скрежеталъ зубами, наконецъ обратился къ самому Распятому: «О люте, о люте, о распятый сокровенный Боже, купно же и человѣче! Не азъ единъ, но мнози о тебѣ прельстишася и не разумѣша Твоего вочеловѣченія, страстей твоихъ, и отвергошася Тебя, якоже и азъ.... И се нынѣ вижду, яко Ты единъ Вышній, Господь Іисусъ Христосъ въ славу Богу и Отцу.... О горе тѣмъ, иже Тебя истиннаго Бога не увидѣша и Твоего плотскаго смотрѣнія не пріяша и не вѣроваша Тебѣ и не крестишася.... О люте мнѣ, яко злѣ погибаю въ пламени семъ до конца снѣдающа мя. О благодѣтельная смерть! Смерть, гдѣ еси, дабы нынѣ пришедше избавила мя еси отъ горькія сія болѣзни....» Кто это такъ горько мучится? спрашиваетъ Григорій у своего ангела путеводителя. — Это Діоклетіанъ мучитель, гонитель христіанства. «Здѣсь совершился конецъ суду Божію», говоритъ Григорій, «ангелы затворили страшныя муки въ преисподнихъ земли».

Образъ Діоклетіана въ тартарѣ, стонами котораго заключается картина страшнаго суда и «затворены страшныя муки», не лишенъ нѣкоторой грандіозности. Это не Діоклетіанъ мучитель, а Діоклетіанъ — Дукліанъ южнославянскаго (и, можетъ быть, среднегреческаго) преданія, отождествившаго его съ дьяволомъ — Антихристомъ. На стѣнописи монастыря на Саламинѣ, изображающей страшный судъ, онъ также помѣщенъ въ числѣ другихъ грѣшниковъ [1]). Видѣніе Григорія выдѣляетъ его особо: онъ какъ бы въ центрѣ преисподней, какъ Люциферъ Дантовскаго Ада. Только Діоклетіанъ мучится въ пламени, Люциферъ въ ледяномъ озерѣ, которое самъ морозитъ вѣяніемъ своихъ гигантскихъ крыльевъ: представленіе тартара, знакомое и нашей старинѣ. Въ словѣ Кирилла Александрійскаго объ исходѣ души читаемъ: «боюся тартара (τάρταρον), зане не причастенъ есть

---

[1]) Сл. Покровскаго, Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства, Труды VI археологич. съѣзда въ Одессѣ, т. III, стр. 316.

теплоты». Такъ и въ апокрифическомъ сказаніи о явленіи ангела преп. Макарію Египетскому: «а се есть червь неусыпаемый, а се есть глаголемый тартаръ – зима несъгрѣема и мразъ лютъ» [1]).

Видѣніе Григорія, вызванное его религіозными сомнѣніями, раскрыло ему загробную участь людей «всѣхъ вѣръ и всѣхъ исповѣданій». Этотъ моментъ сомнѣнія намъ и интересенъ: онъ-то, можетъ быть, и заставилъ списателя задуматься надъ другими вопросами, связанными съ идеями суда и возмездія. Діоклетіанъ осужденъ; но что будетъ съ язычниками милостивыми и добродѣтельными, не познавшими истиннаго Бога не по косности, а по невозможности познать его? Что будетъ съ тѣми, которые не удовлетворили въ полной мѣрѣ божественной справедливости, но и не заслужили окончательнаго осужденія? Отвѣтъ на эти вопросы даютъ два эпизода житія Василія; оба принадлежатъ перу Григорія. Я объединилъ ихъ однимъ общимъ названіемъ: безразличные и обоюдные.

I.

По христіанскому представленію, упрочившемуся въ средніе вѣка на западѣ, существовало три постоянныхъ мѣста пребыванія для отжившихъ: кромѣ рая и ада—еще и «лоно Авраамово», sinus Abrahae, иначе limbus patrum, въ которомъ обрѣтались ветхозавѣтные святые, лишенные лицезрѣнія Божія вслѣдствіе первороднаго грѣха и жившіе надеждою спасенія, пока Іисусъ Христосъ не ввелъ ихъ въ свою славу. Въ связи съ этимъ «лимбомъ отцовъ» стоитъ и особое мѣсто пребыванія для некрещенныхъ младенцевъ, на которое св. Ѳома Аквинскій перенесъ то же названіе: limbus infantum или puerorum. Въ представленіи св. Ѳомы адъ находится въ центрѣ земли, надъ нимъ чистилище, далѣе limbus infantum и, наконецъ, sinus Abrahae, которое пред-

---

[1]) Древности, Труды Моск. Археол. Общ. Т. 1. Матеріалы для археологич. словаря a. v. тартаръ, стр. 74—5.

ставляется, такимъ образомъ, стоящимъ ближе всего къ райскимъ селеніямъ. Древнія живописныя изображенія помѣщаютъ его въ раю, въ символическомъ образѣ: Авраамъ съ праведною душою или душами на лонѣ, вокругъ него нѣсколько другихъ душъ въ видѣ дѣтей [1]). Въ житіи Василія Новаго († 944 или 952), писанномъ его ученикомъ, мнихомъ Григоріемъ, Θеодора видитъ въ раю, въ числѣ другихъ святыхъ обителей, и лоно Авраамово, и то, что мы могли бы назвать — limbus infantum. «И приведоша мя въ нѣдра Авраама патріарха (ркп. XIV—V в.: в' пазоухоу), вся показующе; бѣ же исполнь славы и радости духовныя и благовонныхъ цвѣтецъ и мура и шипокъ и араматъ; бяху же тамъ и палаты различны, токмо духомъ божіимъ устроены. И тамо видѣхъ множество безчисленно младенецъ ликующихъ и веселящихся радостно окрестъ его. И вопросихъ водящихъ мя ангелъ: Что есть сицевый соборъ святоносныхъ силъ младенецъ ликующихъ окрестъ святолѣпнаго сего старца? И рѣша ми: Се есть патріархъ Авраамъ, и си еже слышала еси нѣдра Авраамля, и сій соборъ — христіанстіи младенцы соуть, разрѣшившеся отъ плоти нескверніи».

Въ этомъ лонѣ Авраамовѣ покоится и нищій въ притчѣ о Лазарѣ (Лук. XVI, 22 и др.); всюду разумѣется то состояніе блаженства, котораго сподобились ветхозавѣтные праведники, когда Христосъ извлекъ ихъ изъ ада и, приведя въ рай, передалъ арх. Михаилу (Ниководимово евангеліе). Въ раю знаетъ ихъ и отреченный Апокалипсисъ ап. Павла и другіе тому подобные памятники; въ повѣсти объ Іосифѣ Аримаθейскомъ [2]) Христосъ говоритъ праведному разбойнику: «Ты одинъ вселишься въ рай, и никто изъ первосозданныхъ не внидетъ въ него тѣломъ,

---

[1]) Такъ въ миніатюрѣ Hortus Deliciarum; на фрескахъ Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода (1199 года), Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ (исполненныя первоначально въ концѣ XII в., онѣ были реставрированы русскими мастерами въ XV—XVI вв.), Успенскаго собора тамъ-же и др. Указанія эти заимствованы изъ труда проф. Покровскаго l. c.

[2]) См. Tischendorf, Evangelia apocrypha, стр. 435.

ты единъ до втораго и страшнаго моего пришествія»; въ видѣніи Альберика Авель, Авраамъ, Лазарь и праведный разбойникъ одни лишь и обитаютъ въ раю, другіе святые поселены вокругъ и удостоятся принятія въ него лишь по второмъ пришествіи Христа.

Такимъ образомъ древній «лимбъ отцовъ» у предѣловъ ада опустѣлъ [1]), и средневѣковая фантазія принялась населять его новыми жильцами: душами дѣтей, умершихъ до крещенія, и тѣнями добродѣтельныхъ язычниковъ. Населеніе совершилось не вдругъ. Видѣніе страшнаго суда мнихомъ Григоріемъ, составляющее часть житія Василія Новаго, указывало дѣтямъ, умершимъ до крещенія, такую конечную участь: такъ какъ въ нихъ не было никакого зла, но не видно было и Божьей благодати, то, воззрѣвъ на нихъ, Господь разгнѣвался не на нихъ, а на ихъ родителей, не просвѣтившихъ ихъ святымъ крещеніемъ, и повелѣлъ имъ дать мѣсто покойное на полуднѣ, «и мало нѣкія вѣчныя жизни наслажденіе, обаче да не видятъ лица Господня». У Альберика дѣтскія души очищаются въ первой долинѣ ада, полной огня и жгучихъ паровъ; Данте помѣщаетъ такихъ младенцевъ въ первомъ кругѣ своего Ада, то-есть, въ лимбѣ (сл. Inf. IV, 30, 35; Par. XXXII, 83), какъ въ Энеидѣ (VI, 426 слѣд.), тотчасъ за адскою рѣкой, при вступленіи въ область, охраняемую Церберомъ:

continuo auditae voces, vagitus et ingens,
infantumque animae flentes in *limine primo*:

---

[1]) Къ представленію лимба интересно отмѣтить слѣдующее: въ латинскихъ Діалогахъ между Адріаномъ и Эпитектомъ земля представляется покоющеюся на камнѣ, камень поддерживаютъ quatuor animalia, подъ ними огонь; огонь держитъ abissus, а преисподнюю поддерживаетъ arbor, quae ab initio posita est. Въ соотвѣтствующемъ отрывкѣ испанской народной книги, Historia de la donzella Theodor, это то древо, которое посажено было въ раю, а корень его, до смерти Спасителя, спускался въ самый адъ. Провансальскіе Діалоги называютъ это дерево райскимъ, на немъ патріархи и пророки, оно держитъ небо и море и весь свѣтъ. Такимъ образомъ ветхозавѣтные праведники оказываются въ аду (abissus) и вмѣстѣ, при (на?) райскомъ деревѣ. Сл. выше, стр. 45—6.

quos dulcis vitae exsortes, et ab ubere raptos
abstulit atra dies et funere mersit acerbo [1]).

За ними слѣдуютъ неповинно осужденные на смерть, самоубійцы и погибшіе отъ несчастной любви; далѣе герои. У Данте порядокъ нѣсколько иной: въ лимбѣ дѣти и герои древности — добродѣтельные язычники: во второмъ кругѣ Ада — Паоло и Франческа, поэтическіе показатели цѣлаго ряда другихъ, увлеченныхъ ко грѣху любовью.

Добродѣтельные язычники въ Дантовскомъ лимбѣ также являются результатомъ постепеннаго пріуроченія. Въ хожденіи ап. Павла по мукамъ [2]) они еще въ аду: апостолу представляются въ числѣ другихъ грѣшниковъ, между содомитами и женами, наказанными за вытравленіе плода, другіе мужи и жены, облеченные въ свѣтлыя ризы, но незрячіе очами; они погружены въ пропасти огненной. Ангелъ объясняетъ: это — язычники, творившіе милость, но не познавшіе Бога; потому они и принимаютъ безпрестанную муку. — Болѣе гуманное отношеніе къ нимъ мы встрѣчаемъ у Діонисія Ареопагита (ed. Corderius I, 608—609): св. Карпу представляются въ видѣніи два язычника, проклятые имъ, ибо они учинили соблазнъ въ его паствѣ. Они стоятъ на краю пропасти, полной гадовъ; онъ хочетъ столкнуть ихъ туда и уже простеръ руку, но остановленъ Христомъ являющимся съ небесъ и говорящимъ ему: Порази меня, ибо я готовъ еще разъ умереть за человѣчество. Стало быть и для доблестныхъ язычниковъ возможно было, если не спасеніе, то извѣстное смягченіе участи: пребываніе не въ тартарѣ, а въ лимбѣ. Метхгильда Магдебургская отводитъ имъ верхнія части ада, гдѣ мученія меньше;

---

[1]) Въ древнегреческомъ повѣрьи дѣти, умершія преждевременно, носятся по ночамъ въ свитѣ Гекаты вмѣстѣ съ тѣми, которые скончались безъ потомства и не извѣдавъ любви.

[2]) Тихонравовъ, Пам. отреч. русск. литературы, II, стр. 53. Ни въ греческомъ текстѣ Апокалипсиса ап. Павла (Apocalypses apocryphae ed. Tischendorf, стр. 60—61), ни въ сирійскомъ (P. Zingerle въ Heidenheim's Vierteljahrsschrift 4-ter B., стр. 139—183) этого эпизода нѣтъ.

за ними слѣдуютъ евреи, далѣе — невѣрные христіане [1]. Данте также помѣщаетъ въ первомъ адскомъ кругѣ, то-есть въ лимбѣ, добродѣтельныхъ язычниковъ: рядомъ съ поэтами и философами древности — Аверроэса и Саладина, женщинъ, мущинъ и дѣтей. Что̀ ихъ соединяетъ въ этой юдоли скорби — это не грѣхъ: они не согрѣшили, но, родившись до явленія Спасителя, не могли сподобиться ни крещенія, ни вѣры въ истиннаго Бога. Въ этомъ ихъ единственная, не личная вина; въ сущности, они стоятъ внѣ опредѣленія грѣха или добродѣтели — въ христіанскомъ пониманіи этихъ словъ, и въ этомъ смыслѣ безразличны. Толкуя дантовскій стихъ Inf. IV, v. 45:

Conobbi che in quel limbo eran sospesi,

древніе комментаторы объясняли, что эти люди не осуждены и не спасены. Данте не даетъ имъ матеріальнаго наказанія, но за то другое, пожалуй, болѣе страшное: они живутъ страстнымъ желаніемъ, но безъ надежды лицезрѣть Господа, Inf. IV, v. 42:

Che senza speme viviamo in disio.

Сл. Inf. IX, v. 18:

Che sol per pena ha la speranza cionca.

Данте удостоилъ рая души праведныхъ язычниковъ, Траяна и Рифея, окружилъ такимъ благоговѣніемъ образы доблестныхъ мужей древности, пребывающихъ въ лимбѣ, что казалась несовмѣстной съ такимъ отношеніемъ поэта примѣненная къ нимъ кара: безнадежнаго желанія. И вотъ явилась попытка: внести въ приведенные выше стихи смыслъ, долженствовавшій помирить ихъ съ гуманными воззрѣніями Данте, или скорѣе, его почитателей. Сколари усмотрѣлъ въ состояніи безнадежнаго желанія такое настроеніе духа, которое не равносильно отчаянію: все дѣло въ психологическомъ его толкованіи: надо представить себѣ

---

[1] Preger, Geschichte der deutschen Mystik, I, 104.

въ тѣхъ душахъ такую силу желанія, которая удаляла бы отъ нихъ приводящую въ отчаяніе мысль о безконечномъ лишеніи, и, вмѣстѣ, столь робкую надежду, чтобы увѣренность въ будущемъ блаженствѣ не доводила желанія до страстнаго его предвкушенія. Иначе и реальнѣе понялъ состояніе sospeso, то-есть стоящаго, поставленнаго по срединѣ, въ колебаніи, другой комментаторъ Божественной комедіи, Ломбарди: это не расторженность духа между желаніемъ и надеждой, не состояніе «нерѣшенаго» между блаженствомъ и наказаніемъ; оно понимается какъ временное— въ виду окончательнаго приговора на послѣднемъ судѣ, когда нерѣшеное рѣшится и души праведныхъ язычниковъ населятъ обновленную землю. Blanc также склоненъ понять выраженіе sospeso въ томъ смыслѣ, что Данте хотѣлъ имъ указать на лучшую участь, ожидающую въ будущемъ временныхъ обитателей лимба; иначе, какъ объяснить себѣ обѣщаніе Беатриче Виргилію, Inf. II, v. 73—74: когда я буду предстоять передъ Господомъ, я часто буду хвалить тебя?

Quando sarò dinanzi al Signor mio
Di te mi loderò sovente a lui.

Виргилію также естественно было очутиться въ средневѣковомъ раю, какъ Траяну извѣстной легенды о Григоріѣ Великомъ: въ IV-й эклогѣ Виргилія средневѣковые люди вычитывали пророчество о рожденіи Спасителя; онъ былъ типомъ мудраго, вѣщаго язычника, пріуготовленный сосудъ христіанства, еслибъ онъ былъ взысканъ его откровеніемъ; въ Мантуѣ до XV вѣка пѣлся въ церкви гимнъ: будто бы ап. Павелъ пролилъ слезы надъ гробницей Марона: «какимъ бы (христіаниномъ) я учинилъ тебя, еслибъ засталъ тебя въ живыхъ, о величайшій изъ поэтовъ». Далѣе можно было идти въ направленіи, указанномъ ирландскою легендой о св. Кадокѣ (V вѣка [1]): однажды онъ гулялъ

---

[1]) Hersart de la Villemarqué, La légende celtique et la poésie des cloîtres en Irlande, en Cambrie et en Bretagne (Paris, 1864): XIV. La légende de st. Kadok.

по морскому берегу въ обществѣ св. Гильды, держа подъ мышкой книгу Виргилія, по которой имѣлъ обыкновеніе обучать мальчиковъ въ школѣ. Онъ плакалъ и, на вопросъ св. Гильды, отвѣчалъ, что проливаетъ слезы о Виргиліи, вѣроятно, обреченномъ на вѣчныя муки. Гильда подтверждаетъ это предположеніе; въ это время порывъ вѣтра выхватилъ книгу изъ-подъ рукъ святого и унесъ ее въ море. Тогда св. Кадокъ даетъ завѣтъ: не ѣсть и не пить, пока ему не будетъ открыто, какая участь ожидаетъ на томъ свѣтѣ тѣхъ, которые на землѣ пѣли, какъ поютъ ангелы на небѣ. Во снѣ онъ слышитъ голосъ, просящій — молиться за него, а на другой день находитъ въ пойманной имъ лососѣ утраченную книгу. Виргилій, очевидно, былъ спасенъ [1]).

Представленіе о загробной участи праведныхъ язычниковъ, стало быть, колебалось между св. Гильдой и Кадокомъ, строгимъ

---

[1]) Древнія славянскія представленія о Виргиліи отражаютъ сравнительно позднюю стадію въ развитии его легендарнаго типа на западѣ: это — Виргилій магъ и волшебникъ. Сл. Jagić, Die südslavischen Volkssagen von dem Grabancijaš diyak und ihre Erklärung въ Archiv f. slav. Philologie, II, 437—481 и 743; ib. IV, стр. 611 сл.: Asboth, Der Garabonczás diak nach der Volksüberlieferung der Magyaren. Виргилій, какъ провозвѣстникъ Христа, извѣстенъ намъ изъ старопечатныхъ (XVII в.) Чудесъ Пресвятой Богородицы, извлеченія изъ которыхъ (по дефектному экземпляру библ. Кіево-Печерской Лавры, отд. VII, № 7) любезно доставлены были намъ Вл. Вл. Каллашемъ. Вмѣстѣ съ «чудомъ» о Виргиліи приведу и слѣдующее за нимъ, касающееся христіанскаго пророчества Овидія:

Чу̑да пре̑стои Бц̑и межи пога́нами.

Чу̑до тре̑теѐ, л. н̑а (стр. 2).

Вѣргѣлїушъ поéта бýдучи поганúномъ невѣ́ръным, чы ѿ злóгѡ дýха научéнъный, написáлъ ѿ пре̑чтой Дв̑ѣ и ѡ ц̑ртвіи Хв̑омъ такіи словà: ˜Южъ вертáетсѧ и̑ Дв̑ца, вертаютъсѧ сатурнѡвы цáрства.
(съ боку: ʼЕглогъ д̑).

Чу̑до че̑тве̑ртоѐ л. н̑в (стр. 1).

ʼОвѣ́дїушъ Вѣршопúсецъ, бýдучи поганúномъ на выгнáню межѝ Сармáтами, написáлъ ѿ Пре̑стой Бц̑и Вѣ́рши, въ котóрыхъ Бг̑инею е̑й называетъ, мóвячи:

> Вѣ́ръ томý що ѧ̑ мовлю, въ тымъ тѧ оу̑певнѧ́ю,
> Же въ Сармáцкой краúнѣ ѿ тымъ дóбре знáю,
> Зъ н̑ба сѧ тýтъ зъявило чýдо, повѣдáютъ
> Презъ Богúню, котрýю всѣ тýтъ выславлѧ́ютъ.

(съ ооку: ˜Овѣ́дїушъ де По̑: кни̑: а̑. ˜Елег. в̑. до Маѯима).

рѣшеніемъ догмы и вожделѣніями человѣческаго милосердія. Видѣніе мниха Григорія (въ житіи Василія Новаго) склонилось въ послѣднюю сторону: въ числѣ праведниковъ, входящихъ «въ радость Господа», за Адамомъ, Авелемъ и др., является новый сонмъ: «И по симъ пріиде малъ ликъ, лица же ихъ бяху красна, бѣла и румяна; сіи же бѣху иже преже пришествія Христова отъ языкъ, не ищуще закона, но дѣлы законъ исполняюще и идоломъ не поклонившеся, но цѣломудренни быша и милостивы и Бога чтуще; и симъ повелѣ (Господь) внити, и того ради сподобитися сея радости неизреченныя».

Не такого мнѣнія былъ Данте — не взирая на желаніе его комментаторовъ: его Виргилій далекъ отъ христіанскаго освѣщенія ирландской легенды; онъ — вдохновенный учитель, поэтъ и мудрецъ, но его руководства хватаетъ лишь до границъ откровенной истины. Онъ самъ обрѣтается въ лимбѣ, между желаніемъ и надеждой; его мѣсто въ аду, какъ учило и хожденіе ап. Павла, но онъ и всѣ великіе иновѣрцы лимба являются въ такомъ симпатичномъ и вмѣстѣ грустномъ освѣщеніи, что оно искупаетъ, не отмѣняя его, строгій приговоръ догмата. И это не шагъ назадъ въ пониманіи древности, а прогрессъ; гуманистическая ея идеализація взяла перевѣсъ надъ христіанской: содержаніе языческой мысли и поэзіи цѣнится въ нихъ самихъ, въ ихъ цѣляхъ и человѣческихъ задачахъ, не по идеѣ прообразованія, спасавшей для новой культуры завѣты древней — поскольку послѣдняя, казалось, предвѣщала первую; Виргилія поэта — въ вдохновенномъ пѣвцѣ IV эклоги.

II.

Если обитатели лимба стоятъ нерѣшеные, внѣ опредѣленія грѣха и заслуги, то въ преддверіи къ Дантовскому Аду мы встрѣчаемся съ другимъ, подобнымъ же типомъ. На этотъ разъ опредѣленіе существуетъ, ибо мы имѣемъ дѣло съ грѣшниками, которымъ оно было открыто и вмѣнено; ихъ грѣхъ не въ невѣдѣніи, а въ колебаніи между завѣтами добра и зла, въ нравствен-

ной нерѣшительности. Это, въ самомъ дѣлѣ, безразличные и обоюдные; не безусловно грѣшные, но и не добродѣтельные; въ смыслѣ примѣненнаго къ нимъ наказанія они такіе же нерѣшеные, какъ грѣшившіе по невѣдѣнію.

По современному нидерландскому повѣрью [1]), когда женщина умираетъ въ родахъ, ея душа стремится къ небу, гдѣ ее не принимаютъ за грѣхи, адъ также отрицается ея, ибо она достаточно искупила содѣянное ею — своими страданіями. Она и мечется между небомъ и землей: такъ объясняется явленіе вихря. — Это лишь частная разработка древняго мотива, не усвоеннаго церковнымъ догматомъ, но оставившаго слѣды въ апокрифической легендѣ и искусствѣ. Въ сирійскомъ и греческомъ текстахъ Апокалипсиса ап. Павла (Tischendorf, l. c., 52—53; Zingerle, l. c., 159—160) онъ видитъ *передъ* вратами Господняго града нѣсколько людей, стоявшихъ и плакавшихъ подъ безплодными деревьями (*καὶ συνέκοπτον αὐτοῖς τὰ δένδρα*) и не имѣвшихъ возможности вступить въ божій градъ. Это постники и молитвенники, грѣшные самомнѣніемъ и гордыней. Какъ они поставлены въ преддверіи блаженства, такъ другіе грѣшники такого же обоюднаго типа помѣщены въ *самомъ началѣ адской области*, ихъ ноги въ огненной рѣкѣ: это тѣ, которые при жизни не были ни праведными, ни грѣшниками (Zing., стр. 164; въ греч. этого нѣтъ), «*ни тепли ни студени*», какъ сказано о нихъ въ старо-славянскомъ текстѣ (Тихонравовъ, l. c., стр. 49), и въ нѣсколько иныхъ образахъ, въ ново-болгарской переработкѣ апокрифа: на рѣкѣ, гдѣ мучатся грѣшники, апостолу видится «единъ машь, че са весели и пее *нито у праведни-те нито у грешни-те*». На землѣ онъ проводилъ жизнь «на пусто и на лудо», «не зло не добро», не приносилъ Богу ни поста, ни милостыни, ни поклоновъ, вотъ почему онъ и помѣщенъ «ни ва грешни, ни в праведни» (Novakovic, Starine, IV, стр. 39). Сюда же относится эпизодъ апокрифическаго разсказа объ Авраамѣ, котораго мнѣ пришлось коснуться

[1]) Wolf, Niederländische Sagen, № 519.

при другомъ случаѣ (Разысканія, VI, 34): Авраамъ перенесенъ на «окіанъ», гдѣ поглядѣвъ «выспрь», онъ видитъ двое вратъ: однѣ малыя, другія великія, тѣ ведутъ «въ животъ», эти въ пагубу. Ангелы вгоняютъ въ послѣднія семь душъ; всѣ онѣ оказались грѣшными, «раз҆вѣ ю҆же дрѣжаще анг҃лъ дш҃ю въ рукоу своѐю, ѻ҆брѣте бо ѐѧ҆ грѣх точе̑ съ пра́вдами ѐѧ҆, да не ѡ҆стави ѐа҆, ни въведе ѐѧ҆ в покои, но҆ въведе ю҆ ѐже ѐ посред» (Тихоправовъ, l. c., I, 84—85). Въ одномъ текстѣ этой статьи такая душа изображена женой, ставшей *посреди обоихъ вратъ*, «и ни въ едина врата въходащи». — Если повѣсть о Тундалѣ отводитъ особое мѣстопребываніе душамъ тѣхъ, которые были mali sed non valde и тѣмъ boni non valde, qui de inferni cruciatibus erepti *nondum* merentur sanctorum consortio conjungi—то разумѣется какое-то *переходное* состояніе, подобное чистилищному. Въ видѣніи Баронта (Acta Sanctorum, 25 Mart. III, 564—574) грѣшники подобнаго рода помѣщены въ аду: такъ какъ въ жизни они дѣлали нѣчто доброе, то каждый день въ шестомъ часу они освѣжаются обоняніемъ райской манны, придающей имъ новыя силы. Въ видѣніи Григорія (въ житіи Василія Новаго) этимъ грѣшникамъ отвѣчаетъ особый типъ милостивыхъ блудниковъ: они выдѣлены изъ числа другихъ осужденныхъ, ихъ «одѣяніе яко мгла, лица ихъ бяху яко черныхъ человѣкъ, овогда усрамляхуся, овогда же просвѣщахуся, отъ рукъ же ихъ десныхъ капаше масло чисто яко злато, отъ лѣвыхъ же яко суровая смола. Ихъ же видѣ Господь остави и отврати лицо свое отъ нихъ; и абіе пришедше суровіи ангелы влечаху ихъ съ нуждею, они же обращахуся, часто вопіюще, къ Господу: Пощади насъ, милостивый Боже! И видяшеся Господь милосердуя и гнѣваяся на нихъ. И се внезапу сниде отроковица съ небесе, красна зѣло и препрославленна, и служаху ей ангели, и пришедше ста предъ Господомъ и поклонися о соньмѣ ономъ, и скоро постиже немилостивыхъ ангелъ и глаголаше имъ: Живо лице Отца иже есть на небесѣхъ, и единороднаго Сына его и Святаго Духа, яко не имать мучитися сонмъ сей. Познавше же ангели, кто есть та, и рѣша

къ ней: Вѣмы, кто ты еси, яко ты еси возлюбленная Богомъ Милостыня, и никто же инъ паче тебе имать дерзновеніе, но мы не можемъ преслушати Судіи. Она же рече: Вѣмъ и азъ сице, но молихся о нихъ много, и повелѣ ми возвратити васъ съ нами. Тіи же возвратишася и сташа предъ лицомъ Судіи, трепещуще яко листвіе. И абіе глагола къ нимъ Судія: Яко милостыни вашея ради огня вѣчнаго избавляю вы, блуда же ради и инѣхъ нечистотъ и страстей въ царство мое не внидете и благихъ моихъ не насладитеся и радости святыхъ не узрите. И повелѣ дать имъ *мѣсто на сѣверѣ, да будутъ потребныхъ скудни*».

Милостивымъ блудникамъ Григоріева видѣнія, говоритъ проф. Буслаевъ [1]), отвѣчаетъ въ русскихъ изображеніяхъ страшнаго суда образъ блудника, привязаннаго между адомъ и раемъ къ столбу, съ надписью: «Что стонеши, человѣче, и позираеши на рай и на муку? Блуда бо ради лишенъ бысть блаженнаго рая, а милостыни ради лишенъ вѣчныя муки» [2]).—Источникомъ этого представленія, замѣнившаго страну на сѣверѣ между адомъ и раемъ, могъ быть разсказъ въ родѣ сообщеннаго Амартоломъ, извѣстный и въ русскихъ пересказахъ [3]). Былъ въ Константинополѣ при Львѣ Исаврѣ († 741) человѣкъ очень сильный и знаменитый, весьма богатый, крайне нищелюбивый и милостивый, но по дѣйствію лукаваго имѣлъ страсть блуда. По его внезапной смерти было стязаніе о судьбѣ этого человѣка у патріарха Германа и знаменитыхъ епископовъ; одни говорили: писано: искупленіе души человѣка его богатство—онъ давалъ милостыню отъ своихъ и праведныхъ трудовъ, а не отъ чужихъ или неправедныхъ; другіе же возражали, что рабъ Божій долженъ быть

---

[1]) Буслаевъ, Очерки II, стр. 139—141, 135. Сл. Сахаровъ, Эсхатологическія сказанія въ древней русской письменности, стр. 143—180.

[2]) Сл. Ровинскій, Русск. нар. картинки, № 1007; Покровскій, l. c. стр. 323 (миніатура XVII в.).

[3]) Терновскій, Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, I, стр. 90—91; Покровскій, l. c., стр. 380. Сл. Лѣтовникъ Георгія мниха въ изданіи Общества любителей древней русской письменности вып. III, л. 337.

во всемъ совершенъ и непороченъ, ибо писано: «аще кто весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же въ единомъ, бысть всѣмъ повиненъ»; и еще: «въ чемъ застану, сужу тебя, говоритъ Богъ». Патріархъ заповѣдалъ постъ и молитву и предложилъ по всѣмъ монастырямъ и жилищамъ отшельниковъ просить Бога, да откроетъ имъ судьбу того человѣка. Одному боголюбивому мужу было видѣніе, которое онъ и разсказалъ всенародно: онъ видѣлъ «такое мѣсто, съ правой стороны котораго рай неизреченной красоты, съ лѣвой печь, пламень которой восходилъ до облаковъ, а покойный богачъ стоитъ между раемъ и оною страшною печью и много и горько стенаетъ, смотря на рай. И вотъ, когда онъ стеналъ и сокрушался, какой-то свѣтоносный мужъ сталъ около и говоритъ: «Что всуе стенаешь, человѣче? Вотъ ради своей милостыни ты избавился отъ геенны, а за преданность скверному и нечистому блуду лишенъ царства небеснаго».

Въ одной изъ «Повѣстей отца нашего Пафнутія Боровскаго» [1]) тотъ же мотивъ своеобразно разработанъ — въ приложеніи къ милостивому язычнику. Дѣло было во время мора 1427 года: съ его описанія, чрезвычайно интереснаго въ культурномъ отношеніи, и начинаются повѣсти, какъ въ Декамеронѣ съ описанія чумы, только вмѣсто игривыхъ новеллъ слѣдуютъ — видѣнія. Нѣкая инокиня, обмершая въ ту пору и потомъ очнувшаяся, разсказываетъ, что и кого она видѣла въ раю и въ аду и — въ мѣстѣ по срединѣ. Отойдя отъ рая, «и мѣста мучнаго не дошедъ, и видѣ ѡдръ и на немъ пса лежаща, одѣѧна шубою со-

---

[1]) По рукописи Волоколамской библіотеки, нынѣ Московской дух. Академіи № $\frac{164}{580}$, л. 575 об.—577 л. Сборникъ въ небольшую осьмушку, писанъ Вассіаномъ, ученикомъ старца Фатѣя, ученика Касьяна Босаго; перечень статей сборника въ описи рукописей Волоколамскаго монастыря, Чтенія въ Общ. исторіи и древностей 1881 г. кн. 3-я. За эти свѣдѣнія и за предоставленіе мнѣ списка рѣдкихъ повѣстей приношу мою искреннюю благодарность Н. С. Тихонравову. По другому списку (библ. Троицкой Лавры, XVI в.) повѣсти были напечатаны въ IV-мъ приложеніи къ рѣчи проф. И. Некрасова, О современныхъ задачахъ изученія древне-русской литературы (Одесса, 1869); я пользовался ими и въ ркп. Синодальной библ., № 927, л. 30 лиц. и слѣд., по которой онѣ и напечатаны въ нашемъ Приложеніи 2.

боліею. Ѡнаже въпроси водащаго еа, глагола: Что єсть сіе? Ѡнже рече: Се есть щерьбетьника сего горанинъ милостивый и добродѣтельный; неизреченныа ради его милостыни избави его Богъ ѡтъ муки, и ꙗко не потщися стажати истинную вѣру и не породиса водою и духомъ, недостоинъ бысть внити въ рай по Господню словеси: Иже не родитса водою и духомъ, не внидетъ въ царство небесное. Толико жъ бѣ милостивъ, всѣхъ искупаа ѡто всакиа бѣды и ѡтъ долгу, и пускаше и по ѡрдамъ посылаа и плененыа христианы искупуа пущаше, и не токмо человѣки, но и птица, отъ ouловившихъ искупуа, пускаше. Показа же Господь по человѣческому ѡбычаю зловѣріа ради его въ песіемъ ѡбразѣ, милостыни же честное многоцѣнною шубою ѡбъꙗви, еюже покрываемъ избавленіе вѣчныа муки назнамена: тамо бо и невѣрныхъ душа не песіимъ ѡбразѣ будутъ, ниже шубами покрываютса, но ꙗкоже рѣхъ, псомъ зловѣріе его ѡбъяви, шубою же честное милостыни. Виждь ми величество Милостыни, ꙗко и невѣрнымъ помогаетъ!»

Буслаевъ сравниваетъ съ образомъ одинокаго грѣшника у столба фигуру Соломона, возстающаго изъ могилы въ страшномъ судѣ Орканьи: онъ дѣйствительно, отвѣчаетъ тому спеціальному пониманію нравственной обоюдности, которая выражается въ сочетаніи милостыни и блуда; житіе Василія Новаго присоединяетъ къ этому иныя нечистоты и страсти; повѣсть Пафнутія вводитъ моментъ язычества. Обоюдность какъ бы расширяется, такимъ образомъ, къ общему понятію человѣка, стоящаго между наказаніемъ и блаженствомъ, потому что колебался между грѣхомъ и добродѣтелью.

Западная легенда типически олицетворила такихъ сознательно-нерѣшительныхъ въ образѣ ангеловъ, которые при паденіи Люцифера продолжали ему повиноваться, но не погрѣшили, подобно ему, гордыней. Оттого они не спасены, но и не наказаны, какъ павшіе ангелы, а только лишены лицезрѣнія Божія. Ихъ представляли себѣ въ образѣ птицъ, населяющихъ свой особый рай; въ теченіе всего года они блуждаютъ, какъ духи, и

лишь о Пасхѣ получаютъ птичій образъ и спускаются на островъ св. Брандана, чтобы пѣснопѣніемъ возблагодарить Господа за его милосердіе. Какъ они не умѣли сдѣлать выбора между добромъ и зломъ, такъ и въ своемъ превращеніи они живутъ и на сушѣ, и на морѣ, отдаваясь теченію волнъ, ловя рыбу и ничего не поимая, взывая къ Богу: Остави намъ владыко, и помилуй насъ, Господи, мы бо согрѣшихомъ пачи всея твари», какъ читается въ легендѣ о св. Макаріи римскомъ [1]).

Какъ сложилось это зооморфическое представленіе безразличныхъ ангеловъ? Въ основѣ, очевидно, представленіе райской птицы — но вмѣстѣ и души, которую средневѣковыя легенды любили изображать въ такомъ именно образѣ, знакомомъ уже Египтянамъ. У нихъ птица — душа является съ человѣческимъ лицомъ, какъ въ эпизодахъ псевдокаллисѳенова романа — и въ русскихъ миніатюрахъ, гдѣ райскія птицы Алконостъ и Сиринъ изображены до пояса дѣвушкой, съ распущенными волосами, съ вѣнкомъ и нимбомъ, а отъ пояса до ногъ въ видѣ пернатомъ [2]).

Вольфраму von Eschenbach также знакомо представленіе ангеловъ,

die newederhalp gestuonden
dô strîten begunden
Lucifer und Trinitas

(Parzival 471, 15 слѣд.). Они осуждены у него спуститься на землю и быть хранителями Граля; простилъ-ли ихъ Господь, или осудилъ, не знаю; коли на то была Его воля, онъ снова призвалъ ихъ къ себѣ. Такъ понимаю я Parz. 471, 23 слѣд.:

ich enweiz op got ûf sie verkôs,
ode ob ers fürbaz verlôs.
was daz sîn reht, er nam se wider.

(Сл. l. с. 454, 26). Въ другомъ мѣстѣ (798, 11 слѣд.) Воль-

---

[1]) См. мое изслѣдованіе: Изъ исторіи романа и повѣсти, I, стр. 270—271, 309, 317 и слѣд. и Zimmer, Keltische Beiträge II: Brendans Meerfahrt, въ Zs. f. deutsches Alterth. XXXIII, стр. 139—140 (§ 14), 156—157 (§ 10), 162—163 (§§ 18—19), 190—1 (§§ 9, 10, 12, 13), 195 (§ 25), 213 (§ 5).

[2]) Покровскій, l. с., стр. 351 и слѣд.

фрамъ пытается рѣшить этотъ вопросъ, но путается въ противорѣчіяхъ: тѣ ангелы пребывали при Гралѣ, ожидая Божьяго милосердія; рѣшенія Господа неизмѣнны: Онъ всегда ратуетъ противъ нихъ (er strîtet iemer wider sie), и кто хочетъ заслужить передъ нимъ, долженъ поступать такъ же, ибо они погибли на вѣки:

swer sîns lônes iht wil tragn,
der muoz denselben widersagn:
êweclîch sint si verlorn.

Данте, не знающій птичьихъ образовъ легенды, какъ и Вольфрамъ, съумѣлъ выйти изъ его противорѣчій, придержавшись, быть можетъ, древней локализаціи безразличныхъ: нерѣшительные ангелы населяютъ преддверіе къ его аду. Это тѣ, которые

non furon ribelli
Nè fur fedeli a Dio, ma per sè foro.
Cacciarli i ciel per non esser men belli,
Nè lo profondo Inferno gli riceve
Chè alcuna gloria i rei avrebber d'elli
(Inf. III, v. 38 слѣд.)

(«которые не возмутились противъ Господа, но и не пребыли вѣрными ему, а стояли по себѣ. Небеса отринули ихъ, чтобы не поступиться своей красой, а глубокій адъ ихъ не принялъ, ибо грѣшникамъ была бы отъ нихъ нѣкая слава»).

Интересно для свѣтскаго, политически-дѣятельнаго взгляда Данте то обобщеніе, которому подвергся у него завѣщанный преданіемъ обоюдный нравственный типъ. Полу-грѣшные, полуправедные ангелы попали въ общій сонмъ людей безразличныхъ не только передъ широкими принципами добра и зла, но и практически-нерѣшительныхъ, трусливыхъ, робкихъ духомъ передъ требованіями дѣла; тотъ «печальный родъ», что

Жилъ безъ хулы и славы бытія (Inf. III, v. 35—36),

не угодивъ ни Богу, ни его супротивникамъ (ibid., v. 63). При жизни эти «несчастные, никогда (въ сущности) не жившіе» (ibid.,

v. 64 слѣд.), не рѣшались откровенно двинуться за тѣмъ или другимъ знаменемъ; теперь они осуждены вѣчно и безъ устали стремиться за быстро движущимся стягомъ, нагіе, кусаемые мухами и осами, обливаясь кровью и слезами, которыми у ихъ ногъ питаются гадкіе черви. «У нихъ нѣтъ надежды на смерть», толкуетъ Данте Виргилій, — «ихъ слѣпая жизнь на столько презренна, что они завидуютъ всякой другой участи. На свѣтѣ нѣтъ ихъ памяти: Милосердіе и Правосудіе гнушаются ими. Не будемъ говорить о нихъ: посмотри на нихъ и пройди мимо»:

Non ragioniam di lor, ma guarda e passa.

Данте наказалъ Паоло и Франческу, но онъ видимо растроганъ, человѣчески заинтересованъ ихъ участью, ихъ грѣхомъ, и лишается чувствъ, услышавъ ихъ разсказъ о себѣ. Мимо трусовъ и безразличныхъ онъ проходитъ съ презрѣніемъ, онъ суровѣе къ нимъ, чѣмъ мнихъ Григорій, у котораго Господь то гнѣвается, то милосердуетъ при видѣ такихъ же грѣшниковъ; Милостыня и Правосудіе противопоставлены, но первая перемогаетъ. И въ этомъ случаѣ, какъ въ вопросѣ о судьбѣ праведныхъ язычниковъ, Данте вышелъ изъ предѣловъ и міросозерцанія легенды: тамъ — подъ вліяніемъ классическихъ симпатій, здѣсь подъ давленіемъ живой политической среды, воспитавшей въ немъ перваго гражданина Италіи, того, кто въ преддверіи къ своему аду покаралъ общественное безразличіе, въ его нѣдрахъ—политическое предательство въ лицѣ Брута и Кассія.

Такъ преобразились въ Дантовскомъ пониманіи древнія представленія о загробной участи безразличныхъ и обоюдныхъ. Въ христіанскомъ преданіи этотъ типъ безвыходной, *устойчивой* участи едва намѣченъ, можетъ быть, потому, что отдалъ черты на выработку другихъ: представленія *о движеніи* по мытарствамъ, ведущимъ въ адъ или рай, *о переходномъ* состояніи чистилища, пріуготовляющемъ къ вѣчному блаженству. Естественно предположить, что въ дошедшихъ до насъ древнихъ и современныхъ народныхъ сказаніяхъ сохранился кое-гдѣ, подъ новою

окраской, болѣе древній образъ обоюдныхъ, устойчиво-наказанныхъ грѣшниковъ. Критеріемъ для приблизительнаго выдѣленія такого именно типа изъ связи съ остальными можетъ служить, кромѣ мотива нравственной обоюдности, смѣшенія добра со зломъ, еще и колебаніе въ пріуроченіи: то къ раю, то къ аду, или гдѣ-то по рединѣ, на землѣ, гдѣ эти полугрѣшники отбываютъ свое наказаніе. Здѣсь и могъ привязаться къ нимъ тотъ моментъ движенія, который увлекъ ихъ въ другую сферу представленій.

Нѣсколько примѣровъ послужатъ къ уясненію сказаннаго.

Крестьянинъ въ старо-французскомъ fabliau: Du vilain qui conquist paradis par plait [1]), въ основѣ, обоюдный грѣшникъ, нынѣ полупонятный въ шуточной обработкѣ разсказа. Когда онъ умеръ, при выходѣ его души изъ тѣла не было ни ангеловъ, ни дьяволовъ и никого, кто приказалъ бы ему что-либо или о чемъ спросилъ (Ne troeve qui riens li demant — Ne nule chose li coumant). Очевидно, знакомое намъ положеніе человѣка, котораго не хочетъ принять къ себѣ ни рай, ни адъ, ибо онъ не цѣльный ни по грѣхамъ, ни по заслугамъ. Видитъ, архангелъ Михаилъ несетъ въ рай ликующую душу; вслѣдъ за нимъ входитъ туда и крестьянинъ и тамъ и остается, уличивъ всѣхъ святыхъ, что за каждымъ изъ нихъ считается въ жизни какой-нибудь грѣхъ. Грѣшилъ, очевидно, и онъ, но онъ же питалъ и одѣвалъ нищихъ, отъ Бога никогда не отрекался и никого не убивалъ. Въ старонѣмецкомъ пересказѣ этого фабліо впечатлѣніе двойственности, обоюдности еще усилено, но также въ формахъ комизма: когда умеръ мельникъ, попы двухъ сосѣднихъ приходовъ начали спорить, кому его погребсти; одинъ умный человѣкъ совѣтуетъ имъ — положиться на осла: взвалить на него покойника, и куда оселъ пойдетъ съ нимъ, въ той церкви и похоронить. Оселъ остановился у висѣлицы; тутъ и схоронили тѣло мельника, а

---

[1]) Anatole de Montaiglon et Gaston Raynaud, Recueil général et complet des Fabliaux, t. III, № LXXXI; Ad. von Keller, Erzählungen aus altdeutschen Handschriften, стр. 97 слѣд.; сл. мой отдѣлъ о повѣстяхъ въ Ист. русск. лит. Галахова, I, стр. 497—500.

душу схватилъ бѣсъ и понесъ въ адъ. Но здѣсь рѣшили, чтобъ усилить муку грѣшника, показать ему напередъ райскія селенія, блаженства которыхъ онъ лишился на вѣки. Мельника несетъ туда старый, глупый бѣсъ, несетъ его, по уговорамъ, все выше и выше, пока мельнику не удалось спрыгнуть прямо въ рай. Бѣсъ начинаетъ требовать своей жертвы, а мельникъ препирается съ святыми, вступаетъ въ разговоръ съ Богородицей и Христомъ, которому говоритъ, что разъ въ жизни и онъ подалъ, во имя его, старый мѣшокъ. Господь велитъ тотчасъ же принести его и отдать жертвователю — но тотъ разостлалъ его у райскихъ вратъ и усѣлся на немъ. Я сижу на своемъ, говоритъ онъ, и стою на своемъ правѣ. Такъ онъ и остался въ раю.

Я едва ли ошибаюсь, придавая особое значеніе нѣкоторымъ чертамъ этой легенды: грѣшника не хоронятъ ни въ той, ни въ другой церкви, а посрединѣ, несутъ въ адъ, а напередъ показываютъ ему райскую обитель. Онъ — грѣшникъ, какъ вообще мельникъ народнаго разсказа, но разъ въ жизни подалъ милостыню; ему мѣсто было первоначально не въ аду и не въ раю, а тамъ, гдѣ поставленъ милостивый блудникъ Григорьева видѣнія. Интересно въ этомъ отношеніи начало русской повѣсти о бражникѣ, воспроизводящей основныя черты и содержаніе приведенныхъ французской и нѣмецкой. «Бысть нѣкій бражникъ и зѣло много вина пилъ во всѣ дни живота своего, а всякимъ ковшомъ Господа Бога прославлялъ и часто въ нощи Богу молился. И повелѣ Господь взять бражникову душу и поставить *ю у вратъ святаго рая*»[1]). Если онъ, какъ и его сверстники въ другихъ варіантахъ смѣхотворнаго разсказа, попадаютъ въ рай, то это

---

[1]) Въ одной древне-русской легендѣ монахъ, погрѣшившій гордынею, видитъ сонъ: будто онъ стоитъ передъ престоломъ Божіимъ, ангелы говорятъ о его дѣвственности, постничествѣ и молитвѣ, бѣсы уличаютъ въ гордости и непослушаніи. Господь велитъ поставить его *у дверей* царствія Божія, чтобы онъ всѣмъ проходящимъ кланялся до земли, прося себѣ прощенія. Сл. Сахарова, Апокрифическія и легендарныя сказанія о пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древней Руси (оттискъ изъ Христ. Чтенія 1888 г., № 11—12, стр. 127).

лежало въ цѣляхъ самаго разсказа; по требованію строгаго догмата ему мѣсто въ аду, ибо писано: «аще кто весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же въ единомъ, бысть всѣмъ повиненъ». Такъ грѣшная мать въ распространенной легендѣ о святомъ Петрѣ попадаетъ въ адъ, хотя въ жизни совершила одно доброе дѣло: она была богата и скупа, но однажды подала милостыню луковичнымъ стеблемъ или листомъ пырея. На этомъ-то стеблѣ или листѣ и пытается сынъ вытянуть ее изъ пекла, но она оборвалась, такъ много уцѣпилось за нее грѣшныхъ душъ [1]).

Легенда о крестьянинѣ-мельникѣ-бражникѣ встрѣчается въ

---

[1]) Сл. мое Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши, стр. 40 и прим. 1; Ortoli, Les contes populaires de l'île de Corse, стр. 235—237, № XXIX; Baechtold, Einundzwanzig Fabeln, Schwänke und Erzählungen des XV Jhrts, Germania XXIII, 3, стр. 270—1 (St. Petrus und der Holzhacker); болгарскія (Миладиновы, стр. 47—48, 50—51, 56) и сербскія пѣсни (Караджичъ, I, 208), въ которыхъ вмѣсто ап. Петра является иногда ап. Іоаннъ. Сл. Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ, стр. 86 и 123 и замѣтки М. Дринова, Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ дебрскихъ славянъ. Спб. 1888, стр. 35—36. — Въ черемисскомъ варьянтѣ этого разсказа (Казанскій, Горные черемисы казанскаго края, Вѣстн. Европы 1867, Дек, стр. 56) *лукъ* замѣненъ *лукою:* мужикъ въ гостяхъ у Бога, смотритъ, преступая его наказъ, въ окно избы: изъ одного видитъ адъ, изъ другого рай свѣтлый, изъ третьяго *рай потемнѣе,* изъ четвертаго землю. Въ аду такая сцена: человѣкъ хочетъ вытащить *лукою* друга изъ ада, но не можетъ; подаетъ луку, а другъ его и сорвался. Господь впослѣдствіи объясняетъ мужику: человѣкъ, который не можетъ вытащить друга, подарилъ ему только луку, а надобно дарить возжи и кушакъ. — Монгольская легенда о скупомъ богачѣ разсказываетъ, что когда пророкъ Моисей, принявъ видъ нищаго, попросилъ у него милостыни, онъ не пожелалъ дать ему больше, чѣмъ пучекъ конскаго волоса. За это Господь повелѣлъ землѣ поглотить его, но онъ не дошелъ до ея основанія: пучекъ волосъ, поданный имъ пророку, поддерживаетъ его на серединѣ между поверхностью земли и адомъ. Сл. Потанинъ, Очерки сѣверо-западной Монголіи, вып. II, примѣчанія, стр. 36, прим. 25. Иначе въ легендѣ объ Іудѣ: онъ подверженъ адскимъ мученіямъ, но два добрыхъ дѣла, совершенныхъ имъ въ жизни, облегчаютъ его участь. Св. Бранданъ встрѣчаетъ его стоящимъ на скалѣ среди бушующаго моря, онъ держится за столбъ, иначе волны унесли-бы его. Это въ воздаяніе за мостъ и плотину, устроенныя имъ въ мѣстѣ, гдѣ прежде на переправѣ погибали люди; его лицо повязано платомъ, что не даетъ ему захлебнуться: этотъ платъ, купленный имъ на деньги, утаенныя отъ милостыни, онъ когда-то подалъ бѣдному. Сл. Franc. Michel, Le voyage merveilleux de Saint Brandan, стр. 59, 70—1.

цѣломъ рядѣ народныхъ пересказовъ, большею частью въ смѣшеніи съ постороннимъ мотивомъ: трехъ желаній, которыя исполняетъ бѣдняку (игроку, солдату, кузнецу, мельнику, монаху и т. п.) І. Христосъ или ап. Петръ въ награду за его гостепріимство или милосердіе. При помощи одного изъ полученныхъ такимъ образомъ даровъ (кресло, ранецъ, карты и т. п.) бѣднякъ обманываетъ смерть, связываетъ чорта, и онъ же даетъ ему поводъ пробраться въ рай: въ этомъ моментѣ сказка разобраннаго типа сливается съ сказкой о трехъ желаніяхъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не коснемся послѣдняго момента, ограничиваясь лишь содержаніемъ, общимъ обѣимъ группамъ разсказовъ [1]).

Во Франціи герой сказки носитъ имя Misère, при немъ собака Pauvreté (Carnoy, стр. 78 слѣд., Sébillot, Contes, № LII); либо Sans-Souci (Luzel, Légendes, стр. 311 слѣд.). По ремеслу

---

[1]) Къ литературѣ сл.: Br. Grimm, Kinder—und Hausmärchen, №№ 81 и 82 и примѣчанія къ № 82; Bäckström, Svenska Folkböcker, II, смр. 224 и слѣд.; Champfleury, De la littérature populaire en France. Recherches sur les origines et les variations de la légende du bonhomme Misère (Paris. 1869; повторено въ его Historie de l'imagerie populaire. Paris. 1869, стр. 105—188) и отчетъ R. Koehler'а въ Jahrb. f. rom. u. engl. Literatur, V 23—25; см. тамъ-же стр. 4—5, примѣчанія R. Koehler'а къ Cenac Moncaut, Contes pop. de la Gascogne: Le sac de la Ramée.—De Gubernatis, Le novelline di Santo Stefano di Calcinaja (Torino, 1869), №№ 32 и 33; G. Widter, A. Wolf u. R. Koehler, Volksmärchen aus Venetien въ Jahrb. f. rom. u. engl. Liter., VII, 121 слѣд. и примѣч. къ стр. 128; Pitrè, Fiabe, novelle e racconti pop. siciliani, № CXXV и прим. (сл. томъ IV, прим. на стр. 439—440); Finamore, Novelle pop. abruzzesi (Pitrè, Archivio, IV, стр. 480 слѣд., №№ XII и XIII); Krauss, Sagen u. Märchen der Südslaven, II, №№ 125 и 126; Leskien und Brugmann, Lit. Volkslieder u. Märchen, прим. къ № 17, стр. 559 слѣд.—Ortoli, l. c., стр. 235—237, № XXIX; Carnoy, Littérature orale de la Picardie, стр. 67 и слѣд. и варіанты; Luzel, Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne, t. I, стр. 311 слѣд. (см. библіографическія примѣчанія на стр. 334); Sébillot, Littérature orale de la Haute-Bretagne, стр. 207—208; его-же: Contes pop. de la Haute-Bretagne t. II, № LII; его-же: Contes des provinces de France, № 24 (стр. 149—153); Arnaudin, Contes pop. recueillis dans la Grande Lande, le Born, les Petites Landes et le Marensin (Bordeaux 1887), № 1: Le Forgeron Misère; Percy, Reliques of ancient english Poetry, III, p. 145 (The wanton wife of Bath); Janss Kemp, Danske folkeeventyr (Kjöbevhavn, 1879), стр. III слѣд.: Hvordan Stefens sjael kom i himmerig.

онъ былъ мельникомъ, велѣлъ похоронить себя съ четверикомъ (quart) и, добравшись до райскихъ дверей, улучилъ минуту, когда онѣ распахнулись передъ другимъ, чтобы невзначай войдти и самому, катя передъ собою свою мѣру, на которую и садится: я сижу на своемъ добрѣ, говоритъ онъ (Sébillot, Litt. orale, p. 207—208). Въ другихъ случаяхъ онъ ссылается на то, что вѣтеръ унесъ его шапку въ рай, или самъ забрасываетъ ее туда и, войдя, располагается на ней (Carnoy, стр. 139 слѣд.; Luzel, Légendes, I, стр. 311 слѣд.; Widter, Wolf u. Koehler, l. c., стр. 127—128, Grimm, l. c., III, стр. 139); вмѣсто шапки является иногда колода картъ (Grimm, l. c., III, стр. 133), ранецъ (l. c., стр. 134), фартукъ (l. c., стр. 136, 138, 139); либо герой сказки проситъ позволенія поставить въ раю хоть свои башмаки, а затѣмъ, когда у райскихъ вратъ ап. Петра смѣнилъ св. Антоній, входитъ и самъ, ссылаясь на то, что онъ посыльный ап. Петра, вонъ и его башмаки стоятъ (Ortoli, l. c. стр. 219, № XXVII); или онъ говоритъ, что у него монетка закатилась за райскую подворотню, и самъ идетъ, чтобъ достать ее. Оказывается, что хотя при жизни онъ и грѣшилъ, за то каждый день молился св. Бернарду (Ortoli, l. c.), Богородицѣ (Finamore, l. c., № XIII), либо былъ добрымъ человѣкомъ, но скрылъ убійство сосѣда, совершенное имъ въ запальчивости (Carnoy, l. c., стр. 139 слѣд.), подавалъ милостыню отъ своего богатства (Grimm, III, стр. 139) — и усаживается въ раю на плащѣ, который когда-то подалъ бѣдняку (l. c., стр. 141). Его не пускаютъ ни въ адъ, ни въ чистилище, ни въ рай; ему удается остаться въ раю, но иногда онъ тамъ не уживается, и его изгоняютъ (Ortoli, l. c.; Carnoy, стр. 67 слѣд.; Sébillot, Contes, l. c.), и его и теперь еще можно встрѣтить на землѣ, иронически кончаетъ сказка, имѣя въ виду прозвище Misère и вмѣстѣ съ тѣмъ случайно возвращаясь къ старому пониманію легенды, легшей въ ея основу: именно въ этой легендѣ грѣшники, подобные нашимъ, должны были находиться гдѣ-нибудь между адомъ и раемъ, какъ въ одной нѣмецкой сказкѣ (Grimm, III, стр. 139)

разобраннаго типа и въ сказаніяхъ о ландскнехтахъ [1]): дьяволы не хотятъ принять ихъ у себя, ибо они носятъ красный крестъ въ своемъ знамени, а апостолъ Петръ не пускаетъ ихъ, потому что они были кровожадны, обирали народъ и кощунствовали. Тогда ихъ капитанъ такъ принимается стыдить ап. Петра его предательствомъ Спасителя, что тотъ покраснѣлъ со стыда и отводитъ грѣшникамъ деревню Beiteinweil («подожди немного») между небомъ и адомъ: тамъ они живутъ, играютъ и столуютъ. Въ соотвѣтствующей фацеціи у Бебеля и ея подражаніяхъ они попадаютъ въ рай.

Этотъ моментъ упрековъ, обращенныхъ къ святымъ [2]), возвращаетъ насъ къ мотивамъ старой новеллы о крестьянинѣ-мельникѣ-бражникѣ, еще не осложненной мотивомъ «желаній». Къ этой новеллѣ примыкаетъ и одна нѣмецкая, которую я съ умысломъ отдѣлилъ отъ другихъ, ибо она представляетъ особенности, до сихъ поръ не встрѣтившіяся намъ и открывающія новую перспективу въ исторіи древнихъ представленій объ «обоюдныхъ». Дѣло идетъ о старомъ шванкѣ, героемъ котораго является извощикъ Hans Pfriem; если онъ тожественъ съ Niclas Pfriem'омъ, упоминаемымъ на ряду съ Claus Narr въ одномъ сатирическомъ листкѣ 1524 года, то популярность его довольно старая. Bolte (l. c.) издалъ по рукописи второй половины XVI вѣка разсказъ о немъ и указалъ на стихотворную его версію, выразивъ предположеніе, что оба восходятъ къ одному болѣе древнему, печатному оригиналу. Имъ или какимъ-нибудь устнымъ пересказомъ воспользовался Martinus Hayneccius для драматической обра-

---

[1]) См. Grimm, l. c., III, стр. 143; Wendunmuth von Hans Wilhelm Kirchhof, ed. H. Oesterley, I, стр. 136 и 138 и V, стр. 39 (примѣчанія). Къ указанной тамъ библіографіи сл. добавленія Johannes Bolte, Das Märchen von Hans Pfriem въ Zeitschrift f. deutsche Philologie, XX, стр. 335.

[2]) Сл. его своеобразное примѣненіе у Arnason'a, Islenzkar þjödsögur v. II, стр. 39 слѣд.: Богородица не впускаетъ въ рай душу грѣшника, доставленную его женою, и слышитъ такой упрекъ: Развѣ не помнишь ты, что ты не могла указать, кто былъ отцемъ твоего ребенка? И Богородица спѣшитъ затворить райскія двери.

ботки того же сюжета, въ которомъ В. Гриммъ, едва ли основательно, заподозрѣлъ миѳическую основу[1]). Въ 1581 году явилась: Hansoframea sive Momoscopus, comoedia nova M. Martini Haynеccii Born. Lipsiae. MDLXXXI, которую самъ же авторъ передѣлалъ по нѣмецки[2]). Въ предисловіи онъ разсказываетъ и старую сказку, изъ которой заимствовалъ содержаніе своей комедіи и которая такъ полюбилась Лютеру, что онъ сослался на нее въ своей проповѣди на 15-ую главу перваго посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ. Какъ онъ, такъ и другіе ея пересказчики въ XVI вѣкѣ видѣли въ ея протагонистѣ готовый примѣръ для вразумленія людей, назойливо полагающихъ, что они могутъ своимъ умомъ постигнуть тайны Божія. Эта точка зрѣнія и повела, вѣроятно, къ измѣненію древняго типа нравственной двуличности: вмѣсто него является человѣкъ не злой, но безпокойно придирчивый, всюду и не впопадъ лѣзущій съ совѣтомъ, ибо все оказывается не по немъ, и онъ все знаетъ лучше. Оттого въ раю сдѣлали напередъ распоряженіе не впускать его туда по смерти, а онъ все-таки пробрался туда, и его оставляютъ, ибо онъ обѣщаетъ вести себя покойно и не мѣшаться не въ свое дѣло. Между тѣмъ то, что онъ видитъ въ раю, сразу начинаетъ волновать его, возбуждая духъ противорѣчія: онъ видитъ людей или дѣвушекъ, наливающихъ воду въ дырявую бочку, откуда вода стекала; людей, несущихъ бревно на плечахъ поперекъ узкаго прохода, когда удобнѣе было бы нести его вдоль; наконецъ погрязшую въ лужѣ телѣгу, къ которой возница припрегъ лошадей, чтобы вывезти ее, но такъ, что одна пара приходилась спереди, другая сзади. На этотъ разъ Pfriem не выдержалъ: развѣ такъ вытаскиваютъ повозку? вступается онъ. Такъ онъ нарушилъ обѣтъ — невмѣшательства, и Господь посылаетъ къ нему св.

---

[1]) W. Grimm, Die Himmelstürmer въ Zeitschrift für deutsche Mythologie, II, стр. 2—7; повторено въ Kleinere Schriften, т. IV, стр. 342—6.

[2]) См. новое изданіе текста въ Neudrucke deutscher Litteraturwerke des XVI u. XVII Jahrhunderts № 36: Hans Pfriem oder Meister Kecks. Komödie von Meister Hayneccius. Abdruck der ersten Ausgabe (1582). Halle a. S. 1882,

Петра, чтобы выпроводить его изъ рая. Pfriem начинаетъ стыдить его, какъ въ пересказанныхъ выше старо-французской и нѣмецкой новеллахъ, вступаетъ въ препирательство и съ другими святыми, которыхъ посылаютъ къ нему съ тою же цѣлью, и остается на своемъ мѣстѣ. Не зная, какъ къ нему приступиться, къ нему направляютъ — невинныхъ младенцевъ, избіенныхъ Иродомъ: за ними нѣтъ никакого проступка, ихъ не уличить, они и выпроводятъ его изъ рая. Но онъ и тутъ нашелся: влѣзъ на райское дерево, сталъ отряхать яблоки, а дѣтей пригласилъ кушать; тѣ развлеклись и забыли зачѣмъ были посланы. У Deulins, Contes d'un buveur de bière (5-e éd. Paris. 1873, стр. 189), подобное разсказывается о мельникѣ въ раю, также препирающемся со святыми и также отводящемъ «невинныхъ младенцевъ», которыхъ угощаетъ пирожками.

Изъ какого-нибудь изданія XVI или XVII вѣка почерпнулъ свой разсказъ о Pfriem'ѣ Ludvig Aurbacher, Ein Voksbüchlein (1827 г.); его текстомъ воспользовалась Neueste Kinderbibliothek (Hildburghausen, 1827), II, 143 слѣд., откуда онъ попалъ и въ сборникъ Гриммовъ (Kinder und Hausmärchen, № 178: Meister Pfriem). Въ послѣднемъ Pfriem является портнымъ, у Aurbacher'а онъ по прежнему извощикъ. Вѣроятно, Aurbacher'у принадлежатъ и нѣкоторыя другія измѣненія противъ знакомой намъ древней редакціи сказанія. Такъ райскія видѣнія Pfriem'а происходятъ у него не на яву, а въ сновидѣніи; препирательства съ святыми нѣтъ; видѣніямъ дается толкованіе: такъ по поводу второго (бревно, которое несутъ поперекъ) говорится, что это то самое бревно (евангельской притчи), которое мы не видимъ у себя въ глазу, тогда какъ усматриваемъ лучинку въ глазу ближняго. Третье видѣніе, заставившее мейстера Pfriem'а недоумѣвать, разсказано такимъ образомъ: телѣга оказывается нагруженной «добрыми намѣреніями»; этого одного было недостаточно возницѣ, чтобы попасть на надлежащій путь, но ему все-таки удалось втащить свою повозку — и вотъ являются два ангела и припрягаютъ къ ней по парѣ крылатыхъ коней съ той и съ дру-

гой стороны. Когда Pfriem не воздержался отъ замѣчанія, одинъ изъ ангеловъ выпроводилъ его изъ райскихъ вратъ; обернувшись, онъ еще успѣлъ увидѣть, какъ крылатые кони понесли повозку въ высоту. Тутъ онъ проснулся.

III.

Что особенно остановило мое вниманіе въ сказкѣ о Pfriem'ѣ— это странный характеръ видѣній, представляющихся ему въ раю. Именно въ раю они не у мѣста: они скорѣе отвѣчаютъ старымъ представленіямъ объ участи обоюдныхъ, какъ они отразились въ цѣломъ рядѣ аллегорическихъ видѣній и въ эпизодѣ загадочныхъ «встрѣчъ» народныхъ сказокъ [1]).

Въ житіи св. Арсенія, написанномъ св. Ѳеодоромъ Студитомъ († 826), и соотвѣтственно ему въ прологѣ подъ 3-мъ Декабря, разсказывается, что святому бысть гласъ: Иди и смотри дѣла человѣческія. Онъ видитъ эѳіопа, рубившаго дрова и взвалившаго на плечи вязанку: она ему не подъ силу, а онъ все увеличиваетъ ношу (это тотъ, кто кается въ грѣхахъ и продолжаетъ грѣшить); человѣка, черпавшаго воду изъ колодца въ разбитый сосудъ, изъ котораго вода выливалась назадъ (это человѣкъ, подающій милостыню, но теряющій ея плодъ, ибо продолжаетъ грѣшить [2]); наконецъ двухъ юношей, ѣхавшихъ верхомъ рядомъ

---

[1]) Я полагаю вѣроятнымъ, на основаніи изучаемыхъ далѣе сказокъ, что нѣсколько необычныхъ видѣній въ коптскомъ Апокалипсисѣ Софоніи, сохранившемся лишь въ отрывкахъ, относятся къ представленіямъ объ обоюдныхъ: Софоній водитъ двухъ человѣкъ, шествующихъ, какъ одинъ (съ однимъ лицомъ: μονοπροσῶπος?), двухъ женщинъ, моловшихъ у одной мельницы. Сл. Stern, Die Apocalypse des Sophonias, въ Zeitscrift f. ägyptische Sprache u. Alterthumskunde, 1886 г., XXIV Jahrg., p. 119. Сл. Sólarlióđ 57—8: sínum mönnum svipvísar konur — móln mold til matar.

[2]) Въ одной старофранцузской легендѣ и ея италіанскомъ пересказѣ отшельникъ возлагаетъ на грѣшника искусъ: наполнить сосудъ водою и принесть ему; но сосудъ не наполняется, пока въ него не капнула слеза покаянія. Сл. Zambrini, Dodici conti morali d'anonimo senese въ Scelta di curiosità letterarie, № IX, conto settimo, и R. Koehler въ Zeitschrift f. rom. Philol., I, стр. 368

другъ съ другомъ: предъ ними бревно, положенное поперекъ сѣделъ; они хотятъ проѣхать такимъ образомъ въ ворота святилища, но не могутъ и принуждены остановиться передъ храмомъ. Это — гордые люди, у которыхъ дьяволъ отнимаетъ смиреніе, почему они и не уступаютъ другъ другу на узкомъ пути спасенія и такъ и остаются — у входа въ царствіе небесное [1]).

Сличите съ аллегоріей Пролога и тому подобными иносказательными видѣніями нашей Палеи, Вопросовъ и Отвѣтовъ, Сновъ Шахаиши и т. п. [2]) эпизодъ сказки-легенды, типически пред-

---

[1]) Сл. Acta Sanctorum Jul., t. IV, стр. 626 E, cap. 3, § 19: Καθημένου οὖν αὐτοῦ εἰς τὸ κέλλιον ἦλθα φωνὴ λέγουσα αὐτῷ· Δεῦρο, δείξω σοι τὰ ἔργα τῶν ἀνθρώπων. καὶ ἀναστὰς ἐξῆλθεν καὶ ἀπήνεγκεν αὐτὸν εἰς τόπον τινὰ καὶ ἔδειξεν αὐτῷ αἰθιόπα κόπτοντα ξύλα καὶ ποιοῦντα φορτίον μέγα, ἐπείραζε δὲ βαστάσαι αὐτὸ καὶ οὐκ ἠδύνατο, καὶ ἀντὶ τοῦ ἆραι ἐξ αὐτοῦ ἀπελθὼν πάλιν ἔκοπτε ξύλα καὶ προσετίθη τῷ φορτίῳ. Καὶ προβὰς ὀλίγον ἔδειξεν αὐτῷ τινα ἱστάμενον ἐπὶ λάκκου καὶ ἀντλοῦντα ὕδωρ ἐξ αὐτοῦ καὶ μεταβάλλοντα εἰς δεξαμένην τετρυπημένην καὶ τὸ αὐτὸ ὕδωρ ἐκχεύουσαν. Καὶ πάλιν λέγει αὐτῷ· Δεῦρο, δείξω σοι. Καὶ θεωρεῖ ἱερὸν καὶ δύο ἄνδρας καθημένους ἵπποις καὶ βαστάζοντας ξύλον πλαγίως ἕνα κατὰ τοῦ ἑνός· ἤθελον διὰ τῆς πύλης τοῦ ἱεροῦ εἰςελθεῖν καὶ οὐκ ἠδύναντο διὰ τὸ εἶναι τὸ ξύλον αὐτῶν πλάγιον. οὐκ ἐταπείνωσε δὲ αὐτὸν ὁ εἷς ὀπίσω τοῦ ἄλλου ἐνέγκαι τὸ ξύλον ἐπ' εὐθείας καὶ διὰ τοῦτο ἔμειναν ἔξω τῆς πύλης. Сл. Буслаевъ, Очерки, I, стр. 449, библіографію легенды у Oesterley, Gesta Romanorum, с. 165, въ примѣчаніи, и у Bolte, l. c., стр. 334. Въ одномъ прикладѣ у Stricker'а одинъ человѣкъ, жившій въ цѣляхъ покаянія у пустынника, усомнился въ Божьемъ промыслѣ надъ міромъ; пустынникъ велитъ ему ступить себѣ на правую ногу, послѣ чего ему представляются знакомыя намъ видѣнія, которыя и толкуются.

[2]) Сл. мое Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши, стр. 4 слѣд., стр. 39 слѣд. Къ указанной тамъ литературѣ легенды можно прибавить: Трусѣвичъ, Космогоническія преданія жителей Полѣсья (Кіевлянинъ 1866 г., № 44, стр. 170); Кайтаказовъ, Сказанія о нартахъ въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. 7, отд. 2, № 1, стр. 3 слѣд. (надъ огнемъ три котла, средній пустой, крайніе полны мяса и такъ кипятъ, что куски выбрасываются изъ одного въ другой, не попадая въ средній. Толкованіе: скоро богатые только богатымъ будутъ оказывать помощь, бѣдный будетъ умирать съ голода. — Собака спитъ, щенки брешутъ изъ ея чрева. Толкованіе: скоро младшіе будутъ поступать, какъ сами хотятъ, не спрашивая старшихъ); Fauche, Mahabharata, I, 79—89; Gesta Romanorum, ed. Oesterley, № 164: Habetur in quodam libro de colloquio Petri ad Jhesum: Vidi aliquando quinque viros quos quidem freneticos arbitrabar; vidi unum comedentem arenam maris ita avide, quod per utramque partem oris exiret (толкованіе: possumus intelligere virum avarum); alium vidi stantem super foveam sulphuream et pice plenam, de qua fetor intolerabilis exibat, qui toto nisu nitebatur fetorem illum in os suum haurire

ставляемой «Христовымъ братцемъ» сборника Аѳанасьева. Христосъ показываетъ человѣку, подавшему ему милостыню, когда онъ явился къ нему въ образѣ нищаго, либо похристосовался или побратался съ нимъ — рай и адъ, и еще одну область испытаній, которую сказка поняла по своему. Тамъ дѣвицы изъ колодца въ колодецъ воду переливаютъ: при жизни онѣ въ молоко (вино) воду мѣшали; въ избѣ бѣгаетъ человѣкъ изъ угла въ уголъ и кричитъ: Охъ, тѣсно! охъ, тѣсно! Это за то, что онъ не обогрѣвалъ и не поилъ странниковъ; или стоитъ въ водѣ человѣкъ по самыя уста и кричитъ: Охъ, пить хочу! Ѳхъ, пить хочу! При жизни онъ не поилъ жаждущихъ.

Тоже въ осетинской сказкѣ [1]) о мальчикѣ, котораго коны (духи) унесли въ загробный міръ еще питомцемъ. Когда верхомъ на лошади онъ отправляется къ мертвымъ, у него на пути такія

(толкованіе: talis comparatur gulosis et luxuriosis); tertium vidi in ardente fornace jacentem cui tantus calor sufficere non valebat, unde nitebatur capere scintillas de fornace volantes (толкованіе: comparatur illis qui divitiis et honoribus ceteris se preponunt, sed et hoc non eis sufficit); quartum vidi, qui supra pinaculum templi sedebat, ut ventum caperet, et semper os apertum habebat ut ventus per eum transiret (= hypocrite); quintum vidi, per omnia et singula membra sua quicquid potuit in os suum capere, devorabat et alios continuo deridebat (это тѣ, qui omnia bona opera virorum ecclesiasticorum et doctorum sacrorum, qui zelatores sunt sacre doctrine, detrahunt). Сл. Scala coeli, 80[b] и Симеона Полоцкаго Обѣдъ душевный, Предисловіе къ читателю л. b: «Сицевыя (которые болѣе заботятся о тѣлѣ, чѣмъ о душѣ) нѣкто отъ учителей, даромъ премудрости украшенный, юроды именуетъ и повѣствуетъ, яко видѣ въ мірѣ семъ пять мужъ юродивыхъ: перваго устнама надменныма морскій ядуща песокъ; втораго при жупелномъ стояща езерѣ и смрадное тщашеся глотати воскуреніе; третіяго лежаща на пещи и огненныя искры завистно отверстыма пріемлюща устнама; четвертаго на крылѣ церковномъ стояща, легкаго воздуха вѣяніе отверзенныма устама глотающа и аще мало влетати являшася, вѣяломъ воздухъ себѣ пригоняща и аки весь аеръ поглотити чающа; пятаго особь стояща, овымъ ругающася, но и самого обруганіа достойнаго, ибо самъ свое тѣло излиха завистнѣ ссаше, ово руцѣ, ово нози, ово прочія уды. Иже убо аще беспрестанно ядоша, обаче насытитися немогуще, гладъ лютый страдаша и яко сушило сосхоша, яко неприличнымъ брашномъ питаху душы своя. Тѣмъ же въ праву глаголати о себѣ оное пророка слово могоша: Изсше сердце мое, яко забыхъ снѣсти хлѣбъ мой».

[1]) Вс. Миллеръ, Осетинскіе этюды, часть I, стр. 109 слѣд.: Посвященіе коня.

встрѣчи: женщина зашиваетъ трещины земли, канатъ у нея ниткой, переводина иголкой, ступа наперсткомъ; на землѣ она была распутна [1]). Другая длинною веревкой яйцо обвязываетъ, и ей на это веревки не хватаетъ; это вотъ отъ чего: когда сосѣдская курица у ней неслась, она утаивала яйцы. Еще одна женщина сидитъ среди сотни грядъ, держитъ грязный заступъ въ рукѣ, и нѣтъ у ней пользы даже отъ одной гряды: это отъ того, что на землѣ свой животъ наполняла, близкимъ не помогала, сосѣда не любила, о домочадцахъ не заботилась. Та же вина искупается и слѣдующимъ далѣе наказаніемъ: женщина доитъ сотни коровъ, и нѣтъ ей доходу ни отъ одной коровы. Переплетаясь съ двумя послѣдними видѣніями, идутъ другія, противоположныя: женщина сидитъ между двухъ грядъ, а получаетъ со ста и держитъ въ рукахъ золотой заступъ; другая доитъ двухъ коровъ, а получаетъ, какъ отъ сотни. Это толкуется въ смыслѣ награды за милосердіе къ ближнимъ. Подобный параллелизмъ встрѣчается и далѣе: мужчина и женщина спятъ спиною другъ къ другу подъ бычьей шкурой, ея не хватаетъ имъ, и они тянутъ ее туда и сюда другъ у друга (на землѣ они другъ друга не любили), тогда какъ слѣдующей далѣе парочкѣ хватаетъ съ избыткомъ заячьей шкурки. Неправедные судьи засѣдаютъ и на томъ свѣтѣ: въ ихъ рукахъ ольховыя палки, сидятъ они на ольховыхъ скамеечкахъ, передъ ними ольховые столы, на нихъ накинуты большія шубы, на головахъ войлочныя шляпы съ полями вверхъ, покрыты они вшами и гнидью. За ними — видѣніе праведныхъ судей, указывающихъ покойнику, куда ему ѣхать: нижній путь — сожигающій путь, верхній путь — отнимающій видъ, поѣзжай по среднему, къ мосту изъ стрѣлочнаго дерева, изъ колкаго дерева, изъ карагульника и гибкаго тростника; молодой конь пугливъ, молодой всадникъ боязливъ; не бойся, ударь коня

---

[1]) Сл. подобный же образъ великанши Эмегены въ одной сказкѣ пятигорскихъ татаръ, въ Матеріалахъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. 1881 г. I, отд. 2, стр. 8—10; чорта въ сказкѣ у Трейланда (Латышскія народныя сказки. Москва 1887, стр. 6—7).

и будешь на той сторонѣ въ виду райскаго кургана.—Мальчики выбѣгаютъ на встрѣчу пришельцу изъ молочнаго озера: онъ одаряетъ ихъ яблоками (см. сказку о Pfriem'ѣ), а златокудрый мальчикъ направляется впереди его, дверь рая отворяется ему съ трескомъ, и съ шумомъ встаютъ ему на встрѣчу люди.— На сколько древенъ въ этомъ разсказѣ параллелизмъ наказаній и наградъ — судить не могу; награды во всякомъ случаѣ выключаютъ представленіе рая, ибо онъ впереди; наказанія не адскія, ибо на то «сожигающій путь».

Въ татарской сказкѣ, записанной Кастреномъ [1]), дѣвушка Кубайко идетъ въ адъ искать своего убитаго брата. По дорогѣ ей встрѣчи: старуха, безостановочно переливавшая молоко изъ одного кувшина въ другой (при жизни она подмѣшивала воду въ молоко, теперь она осуждена на вѣки извлекать воду изъ молока) [2]); далѣе плотная лошадь, коротко привязанная среди песчаной степи, и худой конь, свободно гуляющій на привязи среди роскошной травы (настоящее толкованіе этихъ видѣній забыто; вмѣсто него другое: что мудрый человѣкъ съумѣетъ выхолить свою лошадь безъ травы и воды, тогда какъ неразумному это не удается и на прекрасномъ лугу). Слѣдующія видѣнія едва ли не ошибочно перенесены уже въ область ада: мужчина и женщина подъ покровомъ, сшитымъ изъ девяти овечьихъ шкуръ, котораго имъ не хватаетъ, а въ другомъ покоѣ мужъ и жена, довольствующіеся и одной шкуркой. Первые при жизни ссорились другъ съ другомъ; вторые служатъ примѣромъ сосѣднимъ грѣшникамъ, ко-

---

[1]) Сл. Castrén, Vorlesungen über die finnische Mythologie, стр. 147 слѣд., Revue celtique, II, стр. 307 слѣд.: Luzel, La femme du Soleil, p. 307. Сл. сходную чувашскую сказку у Магнитскаго, Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры, стр. 191—193.

[2]) Въ буддійской жатакѣ, разсказывающей о странствованіяхъ царя Неми по путямъ грѣшниковъ и добродѣтельныхъ, онъ видитъ въ аду: «многоводная течетъ рѣка, у береговъ не глубокая, съ прекрасными спусками; жаромъ палимые люди пьютъ, и питье напившихся становится мякиною». При жизни они чистые злаки мѣшали съ мякиной и давали покупщику. Сл. Минаевъ, Индѣйскія сказки, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CLXXXIV, отд. 2, стр. 318.

торые, при видѣ ихъ мира и согласія, чувствуютъ себя еще болѣе несчастными.

Тотъ же эпизодъ «встрѣчъ» знакомъ цѣлому ряду европейскихъ сказокъ; нѣкоторые образы въ нихъ повторяются, какъ типическіе, толкованіе колеблется между представленіемъ о возмездіи и аллегоріей, какъ въ видѣніи Пролога, и кое-гдѣ примѣшиваются идеи чистилища и рая.

Въ гасконской сказкѣ у Bladé (Contes pop. de la Gascogne, t. I, стр. 166 слѣд.) Господь посылаетъ младшаго сына одного бѣдняка съ письмомъ къ своей Матери. Встрѣчи: тощій скотъ на прекрасномъ лугу (это «les mauvaises herbettes», объясняетъ позднѣе Богородица), тучный на тощемъ пастбищѣ («les bonnes herbettes»); два сталкивающихся камешка (то ссорятся между собою братья бѣдняка); въ лѣсу птицы летятъ путнику на встрѣчу (= ангелы). Такое же хожденіе въ рай съ посланіемъ встрѣчается и въ бретонской сказкѣ (Luzel, Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne, II, стр. 225 слѣд.); встрѣчи: тучныя коровы на тощемъ лугу (— бѣдняки, довольствующіеся своею участью на землѣ) и тощія, больныя, понурыя среди роскошной травы: когда одна изъ нихъ обнаруживаетъ желаніе попастись, всѣ остальныя бросаются на нее и мѣшаютъ ѣсть (— ненасытные богачи, желающіе все захватить другъ передъ другомъ). Далѣе: пирующіе и пляшущіе юноши и дѣвушки приглашаютъ путника повеселиться съ ними (— демоны-искусители); изгородь изъ колючаго терновника, сквозь который ему приходится пробираться (чистилище); дѣти, взбирающіяся въ гору и скатывающіяся внизъ: путникъ беретъ двухъ изъ нихъ на плечи, третьяго за руку, и ведетъ ихъ. Это дѣти, умершія до крещенія. Въ одномъ варіантѣ этой сказки (l. c., стр. 247—249) послѣдовательность такая: видѣнія ада, чистилища — и встрѣчи нашего типа. Человѣкъ лежитъ и воитъ: у него одинъ палецъ въ огнѣ, и онъ не можетъ вынуть его; вскорѣ и все его тѣло угодитъ туда же; это грѣшникъ, осужденный на адскія мученія. Далѣе: человѣкъ на кострѣ изъ горящихъ угольевъ улыбается, взирая на небо

(— чистилище); видѣніе тучныхъ и тощихъ коровъ (объясненіе то же, что и въ предыдущемъ варіантѣ); двѣ скалы по сторонамъ дороги сталкиваются другъ съ другомъ, такъ что летятъ искры и осколки (— враждующіе братья). Пересказы другой бретонской сказки (Luzel, Contes populaires de la Basse-Bretagne, t. I, стр. 3 слѣд.) разнообразятся подробностями. Въ одномъ встрѣчи такія: тучныя и тощія коровы (—милостивые и скупые при жизни), двѣ бодающіяся козы (—два вора, любившіе ссору и распрю); въ другомъ первыя видѣнія тѣ же (— бѣдные и богатые), вмѣсто послѣдняго дерущіеся вороны (— ссорившіеся супруги); третій приноситъ новые образы: три стаи птицъ спускаются поочередно на лавровый кустъ и, посидѣвъ на немъ, уносятъ каждая въ своемъ клювѣ по листку; первая стая уронила листья неподалеку отъ куста, вторая подальше, и лишь третья унесла ихъ съ собою (толкуется въ приложеніи къ людямъ, неравномѣрно уносящимъ съ собою изъ церкви слышанное ими слово Божіе). Сл. наши Вопросы и Отвѣты: Вопросъ: Стоитъ древо посредѣ великаго полѧ і всѧкимъ вѣтвиемъ изукрашено, і прилетаютъ на то древо ізо многихъ странъ многіѧ птіцы і садѧтца на то древо і с того древа вѣтвие ломаютъ і во своѧ страны разносѧтъ, і с того древа вѣтвие не умалѧетца ї не убываетъ никогда же, во своя сосуды полагаютъ ї вѣчно не оскудѣваютъ?—Толкъ: свѧтаѧ цр҃ковь [1]).

Эпизодъ «встрѣчъ», разобранный нами, приводитъ къ нѣкоторымъ обобщеніямъ. Онѣ на пути къ раю или аду, но не принадлежатъ ни той, ни другой области; образно выражаютъ сущность совершеннаго грѣшниками проступка; идея наказанія главнымъ образомъ въ лишеніи — какъ и въ видѣніи Григорія, обоюдные осуждены на лишеніе всего потребнаго: грѣшники льютъ воду въ бездонные сосуды, коровы ходятъ тощія въ густой травѣ, просторъ является тѣснотою, широкаго одѣяла не

[1]) Къ сказкамъ нашего типа сл. еще Maurer, Isländische Volksagen, стр. 197—201.

хватаетъ для двухъ, сто грядъ не даютъ того, что приноситъ одна гряда и т. д. Съ этой точки зрѣнія я смотрю теперь и на одно изъ видѣній Альберика, которое истолковывалъ раньше — аллегоріей церкви, отошедшей отъ чистоты своего божественнаго призванія [1]). Аллегорическій смыслъ могъ быть подсказанъ позже, какъ кое-гдѣ въ сказкахъ и въ видѣніи Арсенія: въ основѣ лежитъ легенда объ обоюдныхъ. И здѣсь дѣло идетъ не о раѣ и не о чистилищѣ; съ высоты неба въ одной изъ земныхъ областей Альберику видится слѣдующее: опустѣлый городъ, разрушенный храмъ, толпы дѣтей быстро проходятъ мимо, гонимыя людьми мрачнаго вида — демонами. Они хотѣли бы остановиться, войдти въ церковь, положить на себя знаменіе креста, но не могутъ; обнаженная женщина съ распущенными волосами и двумя зажженными свѣчами въ рукахъ пытается сдѣлать то же самое — и не въ силахъ. А изъ города въ это время слышатся вопли. Это — наказаніе его нечестивымъ жителямъ, не чтившимъ церковь, приходившимъ въ нее не для того, чтобъ молиться и слышать Слово Божіе, но чтобъ затѣвать ссоры. Женщина была властительницею города, ничего не подававшая ни бѣднымъ, ни на Божій храмъ; въ рукахъ у нея зажженныя свѣчи; при жизни у нея ихъ было множество, но она не ставила ихъ передъ образами. Какъ-то случилось ей отдать нищему башмаки, за то Богъ и облегчилъ ей ея наказаніе, и она обута, хотя совсѣмъ нагая: ея распущенные волосы жгутъ ее огнемъ. И здѣсь все наказаніе въ лишеніи, подвергающіеся ему — знакомые намъ обоюдные: они ходили въ церковь, но затѣвали ссоры, были немилостивы, но совершили одно какое-нибудь доброе дѣло; мѣсто дѣйствія не въ раю и не въ аду, а гдѣ-то на землѣ, и нѣтъ еще идеи движенія; эти грѣшники неподвижны.

Но вотъ является новый моментъ. Въ сказкахъ типа «Христова братца» люди, разнообразно томящіеся на пути, нерѣдко

---

[1]) Сл. Данте и символическая поэзія католичества, Вѣстникъ Европы 1866 г. Декабрь, стр. 188—189.

обращаются къ прохожему, направляющемуся къ Христу, волхву, солнцу, Усуду-судьбѣ, Дѣду-всевѣду и т. п., съ просьбой — спросить о нихъ: долго ли имъ мучиться и почему имъ выдалась такая именно участь? Прохожій приноситъ отвѣтъ: оказывается, что тѣ люди (часто и звѣри, деревья и т. п.) чѣмъ нибудь провинились и отбываютъ за то наказаніе. Такъ въ варіантахъ одной бретонской сказки у Luzel (Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne, t. I, стр. 249—251 и 252—253): герой отправляется къ Богу, по дорогѣ встрѣчи: два дерева сталкиваются другъ съ другомъ и пропускаютъ его подъ условіемъ — *спросить* у Господа, почему они осуждены такъ биться вотъ уже 600 лѣтъ (при жизни это были ссорившіеся братья или супруги); старуха сидитъ и прядетъ, заслоняя путь, и также дозволяетъ ему пройдти, если онъ спроситъ и о ней, находящейся въ этомъ положеніи въ теченіи 600 лѣтъ (она нарушала работой воскресный покой); далѣе перевозчикъ, 900 лѣтъ къ ряду перевозящій путниковъ черезъ Чермное море — и та же просьба. Послѣдняя встрѣча: стадо ягнятъ, рѣзвящихся, но блеющихъ какъ-то печально. Это — дѣти, умершія до крещенія; деревья-братья освободятся отъ наказанія, когда раздавятъ кого-нибудь, столкнувшись между собою; старуха — когда убьетъ кого-нибудь веретеномъ или прялкой; перевозчикъ—когда кто нибудь займетъ его мѣсто. Всѣ эти отвѣты Господа путникъ и передаетъ на обратномъ пути по принадлежности, но лишь когда опасность для него лично миновалась (сл. Luzel, Contes pop. de la Basse-Bretagne t. I, стр. 259 слѣд.: La princesse du Palais enchanté). Въ литовской сказкѣ у Шлейхера (Litauische Märchen, Sprichworte etc. gesammelt u. übersetzt v. Aug. Schleicher, стр. 71 слѣд.) рыбаку, посланному съ порученіемъ на тотъ свѣтъ, встрѣчается на берегу моря китъ: его спина поросла ивнякомъ; долго ли ему терпѣть такую напасть? (это наказаніе за многія бѣды, учиненныя имъ людямъ); двѣ дѣвушки ссорятся изъ за яблока (онѣ спорили изъ-за жениха и отравили его); двѣ женщины переливаютъ воду изъ одного колодца въ другой, не исчерпывая перваго и не на-

полняя втораго (при жизни онѣ были страшными вѣдьмами); тощія и тучныя коровы (скупые и милостивые); человѣкъ стоитъ, но подпирается не палкой, а частоколомъ (онъ портилъ молодыя деревья въ лѣсу). Всѣ обращаются къ путнику съ просьбой — спросить и о нихъ. Киргизская сказка (Radloff, Proben der Volkslitteratur der türk. Stämme Süd-Sibiriens, IV, стр. 373 слѣд.) посылаетъ сироту съ порученіемъ къ ангелу, вращающему солнце; встрѣчи: старуха собираетъ золу (скупая); косарь велитъ спросить: почему его сѣно всегда вянетъ? (онъ кралъ чужое сѣно); щука лежитъ мостомъ черезъ море, почему ей такая доля? (она поглотила корабельщиковъ); муэззинъ велитъ спросить: какое ему уготовано мѣсто въ раю? (онъ будетъ въ аду, ибо, читая молитвы, помышляетъ о райской наградѣ); двое пьяницъ — о томъ, гдѣ имъ быть въ аду? (они будутъ въ раю, ибо хотя и пьютъ, но потомъ каются). Сл. еще Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VII, отд. 2: Татарскія сказки, сообщ. А. Калашевъ, № V (Шейдулла), стр. 125 слѣд.

Этотъ эпизодъ «встрѣчъ и спросовъ» отдалъ свои образы сказочному мотиву «трудныхъ, не исполнимыхъ порученій», которыя возлагаютъ на героя. Сл., напримѣръ, сказки о Маркѣ Богатомъ у Аѳанасьева, № 173 и прим.; Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, т. I, губернія Могилевская, вып. 3: Сказки, стр. 198 слѣд. (Василь удовинъ сынъ, богатаго Марочки зять); Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края, № 86 (Марко Богатый). Какъ общее мѣсто въ сказкахъ другаго типа: Труды этногр.-стат. эксп. въ Западно-русскій край и т. д. Юго-Западный отдѣлъ, Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. II, стр. 11 слѣд. (Про хлопца сироту); стр. 290 слѣд. (Тремъ—сынъ Борисъ); Караджичъ, Прип. 89; Škult. a Dobš., Slov. poh. 125 и т. д. Сл. Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія, III, стр. 390—391, прим.

Не претендуя на полноту указаній на другіе варіанты этого сюжета, остановлюсь на старой повѣсти, напечатанной Даничи-

чемъ по рукописи начала XVI вѣка [1]): служитель Немврода, отправляясь къ волхву, чтобъ узнать о своей долѣ, встрѣчаетъ дѣвицу, сидящую на пути: «сотвори любовь, выпроси и за ме», говоритъ она ему, — «ꙗко есмь дѣвица .н. лѣтъ и никто прошаетъ ме въ женоу себе; а на вьсако женьско хытра есьмь и достоина есьмь моужу домъ дрьжати». Далѣе сидятъ на дорогѣ четыре мужа, просятъ прохожаго: «се ми братія есмы, а се .н. лѣтъ блоудимъ по полоу семоу и не можемъ поути оправити». Служитель приноситъ имъ отвѣтъ волхва: та дѣвица дѣйствительно мудра и полна достоинствъ, но горделива; когда одинъ юноша попросилъ ее себѣ въ жены, она отвѣчала отказомъ, ибо считала его ниже себя; она и терпитъ за гордость, «доньдеже дроугъ ек ꙗвит се». А тѣ мужи плутають по полю, «ꙗко вси ровни соуть и дроугъ дроуга прѣрѣкують»; будутъ такъ плутать, пока не поставятъ надъ собою бо́льшаго. Испытанія ихъ и дѣвицы прекращаются, когда послѣдняя становится женою служителя Немврода, а мужи ставятъ его надъ собою на̀большимъ.

Въ такой постановкѣ легенда о людяхъ полугрѣшныхъ и полудостойныхъ способна была прійдти въ движеніе, вывести своихъ протагонистовъ изъ безвыходнаго положенія между карой и наградой. Здѣсь и привязался къ ней мотивъ чистилища, параллельно выразившійся въ буддійскомъ представленіи о претахъ, тогда какъ подобные имъ грѣшники, находящіеся въ парсійскомъ Hamêstagân'ѣ, неподвижны. Я пришелъ въ мѣсто, гдѣ увидѣлъ нѣсколько душъ, обрѣтавшихся въ одномъ и томъ же положеніи, разсказываетъ Vîrâf; кто они и зачѣмъ они здѣсь? Благочестивый Srôsh и Atarô объясняютъ ему: это мѣсто зовется Hamêstagân (вѣчно недвижимое), а это души тѣхъ, которыхъ добрыя дѣла уравновѣшивались съ грѣхами. Повѣдай свѣту: пусть скупость и нерадѣніе не мѣшаютъ вамъ творить нетрудныя добрыя дѣла, ибо у кого они, хотя на малую долю, уравновѣшиваютъ грѣхи,

---

[1]) Сл. мое Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши, стр. 41, прим. I, и соотвѣтствующій текстъ Даничича.

тотъ пойдетъ въ небо; коли на оборотъ, то въ адъ; тѣ же, у которыхъ то и другое равно, останутся въ Hamêstagân'ѣ — до воскресенія. Ихъ наказаніе въ холодѣ или въ жарѣ, зависящихъ отъ измѣненій атмосферы; другихъ невзгодъ они не испытываютъ [1]).

Таковы «безразличные» у Григорія, съ тою разницею, что ихъ осужденіе—вѣчно.

Иначе поставлены индійскіе преты [2]). Это—умершіе (pareta), не удостоившіеся блаженства, но и не заслужившіе наказанія въ аду, ибо они на половину были добродѣтельны, на половину порочны; ихъ грѣхъ опредѣляется, какъ эгоизмъ (mâtsarya) во всѣхъ его проявленіяхъ: скупость, неохота и небреженіе въ преподаваніи закона, зависть и т. п. Какъ у мниха Григорія грѣшники подобнаго рода лишены всего потребнаго, такъ и въ буддійскомъ вѣрованіи ихъ главное наказаніе въ лишеніяхъ: они пребываютъ въ голодѣ и жаждѣ, хотя пища и питье передъ ихъ глазами (сл. соотвѣтствующій эпизодъ въ сказкахъ) [3]); у иныхъ тѣло золотое, лицо, что у свиньи, ибо они при жизни злословили, какъ и въ видѣніи страшнаго суда у Григорія нѣкоторые грѣшники δοραὶ χοίρων ἐπὶ τὰ πρόσωπα ἐκέκτηντο; или они помѣщены въ роскошномъ дворцѣ, но наги, прикрыты лишь волосами, потому что были скупы, какъ женщина въ видѣніи Альберика. Мѣсто пребыванія претовъ, pretalôka, точно не опредѣлено: lokântara niraya, другое названіе ихъ обители, означаетъ соб-

---

[1]) The book of Arda Viraf, ed. M. Haug, assisted by E. W. West, стр. 157. Сл. статьи Bartholomae въ Zeitschrift der deutschen morgenl. Gesellschaft, XXXV, 157; de Harlez, ibid., XXXVI, стр. 627 слѣд. и Roth, ibid., XXXVII, стр. 223 слѣд.

[2]) Сообщеніемъ слѣдующихъ далѣе свѣдѣній я обязанъ И. П. Минаеву; сл. также Journal Asiatique, 8-e série, t. III, № 1: Léon Feer, Études bouddhiques. Comment on devient preta, стр. 109 слѣд.; его-же: Le séjour des morts selon les Indiens et selon les Grecs, въ Revue de l'hist. des religions, t. XVIII, № 3, стр. 299, 300, 308—9.

[3]) Такъ въ бурятской легендѣ у Потанина, l. c., IV, стр. 134 умершій шаманъ наказанъ за свою скупость тѣмъ, что прикованъ къ дереву: передъ нимъ поставлены яства и напитки, но онъ не можетъ достать ихъ.

ственно: Niraya, лежащая между двухъ міровъ; но претовъ видятъ и *на землѣ*, они живутъ на деревьяхъ, и есть указаніе, что ихъ помѣщали и *на сѣверѣ* (въ Гималаѣ)—гдѣ у мниха Григорія помѣщены безразличные. Ихъ участь можетъ облегчить милостыня и молитва (сл. въ сказкахъ мотивъ спроса, за которымъ, въ повѣсти у Даничича, слѣдуетъ и измѣненіе участи); у мниха Григорія за нихъ предстательствуетъ олицетворенная Милостыня, и намъ остается лишь упомянуть о значеніи милостыни и поминальной обѣдни для облегченія участи грѣшниковъ, испытуемыхъ въ чистилищѣ, и молящихъ:

ch'altri preghi
Sì che s'avacci' lor divenir sante

(Purg. VI, v. 26—27: молящихъ о молитвѣ за нихъ, дабы они скорѣе удостоились святости) и восходящихъ по уступамъ къ земному раю на верху чистилищной горы, содрагающейся при каждомъ актѣ спасенія (Purg. XXI, v. 31 и слѣд.).

Если безразличные у Данте напомнили намъ буддійскихъ претовъ, то чистилищную гору Божественной комедіи давно сближали съ индійскимъ Máha-meru, съ ея уступами и раемъ Индры на вершинѣ [1]). И какъ надъ чистилищемъ вьются въ высотѣ круги небесъ до эмпирея, гдѣ Данте (Purg. XXX, v. 61 и слѣд.) созерцаетъ символическую рѣку свѣта, обращающуюся въ гигантскую бѣлую розу, со всѣмъ «святымъ воинствомъ» (Purg. XXXI, v. 2) на ея лепесткахъ, и видѣніе кончается образнымъ откровеніемъ божественной тайны — такъ китайскому буддисту VI вѣка видѣлся образъ Амиты (= Будды), обнимавшій небо, съ сіяніемъ вокругъ него, изъ котораго выглядывали лики святыхъ, а затѣмъ рѣка свѣта, падавшая съ высоты и раздѣляв-

---

[1]) The Journal of the royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. New series, t. IV, v. 2 (1870): Some account of the Senbyu Pagoda at Mengun near the Burmese Capital in a Memorandum by capt. E. H. Sladen, Political agent at Mandale; with remarks on the Subject by Col. Henry Yule, C. B., стр. 415 и прим.

шаяся впослѣдствіи на четырнадцать рукавовъ. — Совпаденіе образности случайное, но открывающее одну изъ глухихъ перспективъ въ исторіи христіанской символики, какъ легенда объ «обоюдныхъ» открыла намъ таковую же въ исторіи воззрѣній на нравственную вмѣняемость.

Божественной Комедіи, давшей поводъ къ предыдущему сообщенію, я еще коснусь въ одномъ изъ слѣдующихъ экскурсовъ: неисчерпаемый источникъ христіанскихъ и классическихъ легендъ, она долго будетъ привлекать изслѣдователей, ибо матерьяла сравненія съ каждымъ днемъ открывается болѣе, и вся опасность въ томъ, какъ-бы комментарій не переросъ толкуемаго и въ исторической перспективѣ преданія не затерялся величавый обликъ поэта, его личный идеальный вкладъ въ образы прошлаго. Я нагромоздилъ матеріалъ сравненій, кое-гдѣ иначе понялъ уже истолкованное [1]) и поневолѣ кончаю выраженіемъ — того-же опасенія.

---

[1]) Съ нашимъ комментаріемъ эпизода о ростовщикахъ (выше стр. 217 и слѣд.) сл. Benvenutus de Imola, Com. super Dantis Comoediam (sumtibus G. Warren Vernon cur. J. Ph. Lacaita, I, стр. 568): Et hic nota, lector, quod multi dubitant et mirantur quod Dantes superius numeravit usurarios inter violentos, nunc autem post descriptionem fraudis revertitur ad descriptionem poenae praedictorum. Certe autor utitur *magna arte* ad manifestandum vitium istorum violentorum contra artem; nam per hoc autor dat intelligi quod foeneratores peccant per violentiam, ... et per fraudulentiam, qua utuntur multiplici fraude negando saepe tempus, numerum, pacta, instrumenta, scripturam, et ita de multis; ideo bene posuit eos in extremitate arenae propinquos Gerioni, quia participant de utraque culpa.

XIII.

СУДЬБА-ДОЛЯ

ВЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЯХЪ СЛАВЯНЪ.

Загробная судьба человѣка опредѣляется содержаніемъ его земнаго подвига: праведные получатъ вознагражденіе, грѣшники будутъ наказаны. Въ жизни такой соразмѣрности часто не видно: злые нерѣдко преуспѣваютъ, добродѣтель въ загонѣ. Съ христіанской точки зрѣнія эта неравномѣрность объясняется Божіимъ попущеніемъ или испытаніемъ: она временная и имѣетъ окончательно уравновѣситься за-гробомъ. Въ практической жизни, еще не просвѣщенной христіанствомъ или не обращающейся къ его синтезу для разрѣшенія своихъ противорѣчій, такое рѣшеніе не подсказывается естественно и не успокоиваетъ. Понятіе судьбы объясняло дѣло проще, минуя вопросъ о вмѣняемости: человѣкъ счастливъ или нѣтъ, потому что такъ ему *прирождено*, *суждено*, *на роду написано*, ни вѣсть откуда *навѣяно*. Всѣ эти понятія входятъ въ представленіе народной славянской Доли, Срећи и ихъ фантастическихъ образовъ. Образы колеблющіеся, представленіе сложное, объединившее разнородные элементы прирожденности и случайности, непререкаемости и свободной воли, которая можетъ измѣнить Долю. Матерьяловъ для объяс-

ненія славянскаго вѣрованія въ нее собрано и приведено въ порядокъ довольно много; мой очеркъ, являясь послѣ аналогическихъ работъ Аѳанасьева [1]), Потебни [2]) и Крауса [3]), пытается внести въ разнообразную смѣсь суевѣрій, выражающихъ понятіе судьбы, идею историческаго генезиса. На сколько мое построеніе апріорно, судить не мнѣ; во всякомъ случаѣ какъ оно, такъ и предыдущія разысканія въ этой области достаточно уяснили, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать показанія Прокопія (Bell. Got. III, 14, ed. Bonn. p. 334, 335), что славяне не знаютъ судьбы. Вотъ его слова: Εἱμαρμένην δὲ οὔτε ἴσασιν, οὔτε ἄλλως ὁμολογοῦσιν ἔν γε ἀνθρώποις ῥοπήν τινα ἔχειν, ἀλλ' ἐπειδὰν αὐτοῖς ἐν ποσὶν ἤδη ὁ θάνατος εἴη, ἢ νόσῳ ἁλοῦσιν ἢ ἐς πόλεμον καθισταμένοις, ἐπαγγέλλονται μὲν, ἢν διαφύγωσι, θυσίαν τῷ θεῷ ἀντὶ τῆς ψυχῆς αὐτίκα ποιήσειν, διαφυγόντες δὲ φύουσιν ὅπερ ὑπέσχοντο, καὶ οἴονται τὴν σωτηρίαν ταύτης δὲ τῆς θυσίας αὐτοῖς ἐωνῆσθαι.

Славяне могли не знать, и дѣйствительно не знали εἱμαρμένη, абстрактный фатумъ, о которомъ говоритъ Прокопій: ихъ представленія судьбы были личныя, частныя, родовыя, рѣдко доходившія даже до такой неясной абстракціи, какую видимъ напр. въ Усудѣ сербской сказки. Не зная фатума, они знали Долю, Срѣчу и цѣлый сонмъ подобныхъ существъ, служившихъ конкретнымъ выраженіемъ одной идеи.

I.

Доля прежде всего *прирождена*. Она дается матерью:

Уродила мене мати въ зеленій діброві,
Та не дала мені мати ні щастя ні долі

---

[1]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія Славянъ на природу III, гл. XXV.

[2]) Потебня, О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ, Древности, Труды московскаго археолог. общества, т. I, стр. 153 слѣд.

[3]) Krauss, Sreća. Glück und Schicksal im Volksglauben der Südslaven. (Wien. 1886), гдѣ указана предъидущая литература.

(Метл. 108 у Потебни, l. c. 189); сл. Головацкій, Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, I, стр. 134, № 5: лишь ми було, моя мати, щастье, долю дати. Въ латышской пѣсенкѣ мать и доля упоминаются раздѣльно: Спасибо *Деклѣ*, спасибо *Лаймѣ* [1]), Спасибо моей маменькѣ, Я выросла и проживу, Господской риги не увидѣвъ (Вольтеръ, Латышск. Сборникъ, стр. 131). Въ сѣверно-русскихъ причитаніяхъ молодецъ жалуется, что родители надѣлили его горькой участью, засѣяли въ пятницу, и родился онъ въ такой же несчастный день, среду:

Знать, не участью-таланомъ награждали,
Знать, великіимъ безчастьемъ надѣляли [2]).

Но и счастье также прирождается: нашему выраженію «въ сорочкѣ родился» отвѣчаетъ цѣлый рядъ тождественныхъ повѣрій о pileus naturalis, secundinae, сербск. sretna košuljica, нѣм. Wehmutterhaüblein и др. — и французская поговорка: être né coiffé, польск. w czerku urodził; голл. родиться въ шлемѣ. По исландскому повѣрью въ fylgja'ѣ (= pileus naturalis) пребываетъ духъ охранитель, либо и часть души ребенка, почему бабки боятся ее испортить и закапываютъ подъ порогомъ, черезъ который переступитъ родильница. Кто нечаянно выброситъ или сожжетъ фильгью, отниметъ у ребенка его духа́ хранителя [3]).

Къ матери, какъ подательницѣ жизненной доли, обращены жалобы Добрыни, что родила она его безчастнымъ, несчастнымъ, неталаннымъ. У Рыбникова I, № 27 эти жалобы разработаны особенно картинно:

«Свѣтъ ты государыня, родна моя матушка́,
Ты честна вдова Офимья Александровна!
Ты безчаснаго спородила Добрынюшку!
Лучше-бы ты спородила Добрынюшку

[1]) Декла и Лайма — богини судьбы. Сл. далѣе, стр. 186—7.
[2]) Е. Барсовъ, Причитанія сѣвернаго края I, I, стр. 8; сл. стр. 10.
[3]) Krauss, l. c. 158—60; Grimm, D. Myth. 828—9; Mannhardt, Germanische Mythen 306.

Бѣлымъ камешкомъ горючіимъ,
Ты выстала на Скатъ-гору высокую,
Ты бы бросила въ Кіянъ-море глубокое:
Тамъ лежалъ-бы этотъ камешекъ вѣкъ по вѣку,
Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.
Нѣтъ, такъ бы спородила Добрынюшку
На гору Сарачинскую деревинкою,
Не для красы, не для угожества,
А для ради пріѣзда богатырскаго:
Ко этому бы ко деревцу
Съѣзжалися русскіе могучіе богатыри,
И стояла-бы эта деревиночка вѣкъ по вѣку,
Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.
Още нѣтъ, такъ бы Добрынюшку спородила
Во славную во матушку Нѣпру рѣку,
Во Нѣпру рѣку да гоголинкою.
Стояла бы тамъ эта гоголиночка вѣкъ по вѣку,
Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости».
Говорила честна вдова и заплакала:
— Ай же ты, свѣтъ мое чадо милое,
Молодой Добрынюшка Никитинецъ!
Есть-бы знала надъ тобою невзгодушку,
Тобя возрастомъ бы Добрынюшку спородила
Во стараго казака въ Илью Муромца;
А силушкой Добрынюшку спородила
Во славнаго Самсона во богатыря;
Тобя бы смѣлостью Добрынюшку спородила
Во смѣлаго богатыря Алешеньку Поповича;
Красотою бы спородила Добрынюшку
Во славнаго во князя во Владиміра.—

Обыкновенно типомъ красы-басы является въ подобныхъ же перечняхъ другихъ варьянтовъ — Осипъ прекрасный (Рыбн. I № 25, II № 7; Гильф. № 26, 93, 168; Кир. II стр. 31 № 1), «прекрасный Іосип» малорусской народной легенды, гдѣ у Давида три сына: одинъ наикрасивѣйшій, другой наисильнѣйшій, третій наиразумнѣйшій: Іосифъ, Самсонъ и Соломонъ [1]). Не въ

[1]) Драгомановъ, Малорус. народн. преданія и разсказы, стр. 98.

этомъ-ли, библейскомъ смыслѣ, является Самсонъ въ перечнѣ нашей пѣсни? Другіе варьянты предлагаютъ вмѣсто него Святогора (Кир. II, стр. 31 № 1; Рыбник., I, № 25), третьи Илью-Муромца (Рыбн. II, № 7; Гильф. № 93), или Самсона и Илью:

Я спородила-бы тебя
Силушкой да во стараго козáка Илью Муромца,
Я могутушкой бы спородила
Во Самсона во богатыря. (Гильф. № 26).

Въ нашемъ варьянтѣ Илья отличенъ отъ другихъ «возрастомъ», чего я объяснить не умѣю, иначе *«таланомъ-участью»* (Кир. II № 1, стр. 31; Рыбн. I № 25), что̀, впрочемъ, приписывается и Владиміру:

Я рада-бы тебя спородити
Счасками въ стольно-Кіевскаго князя Владиміра,

(Рыбн. I № 23 = Гильф. № 93); иначе:

Таланомъ-бы, родитель, спородила
Во тыихъ купцовъ во заморскіихъ. (Гильф. № 168).

Подъ таланомъ-участью Ильи слѣдуетъ разумѣть не вообще удачу, а тотъ особый таланъ-долю, по которой ему суждено не быть убиту въ бою.

Какъ въ приведенныхъ примѣрахъ доля связывается съ отцомъ-матерью и актомъ рожденія, такъ въ другихъ выступаетъ идея обусловленности *родомъ*, дѣдами, предками. Бытовая форма рода древнѣе личной семьи; понятіе о долѣ выработалось впервые въ отношеніяхъ рода, въ связи съ культомъ предковъ, незримыхъ блюстителей домашняго очага и наростающаго поколѣнія. Долю давалъ *Родъ*, которому въ старину у славянъ клали требы, какъ теперь угощаютъ замѣнившаго его дѣдушку домоваго, также пребывающаго у очага, въ печи, подобно Горю, Нуждѣ, Кручинѣ, Злыднямъ—другимъ олицетвореніямъ русской Доли[1]).

[1]) Аѳанасьевъ, П. В. III 405. О культѣ предковъ-пенатовъ у южныхъ Славянъ сл. Krauss, Sitte und Brauch der Südslaven, стр. 51 слѣд. и замѣчанія

Слѣдующее причитаніе бѣлорусской молодой имѣетъ въ виду такой именно образъ Доли, подательницы счастливой судьбы:

Таткова нивка, да не улекайся,
Радзила при мнѣ, радзи и безъ мяне!
Добрая доля, да иди за мной
Зъ печи пламенемъ, зъ хаты каминомъ [1]).

Такъ кланяется своему очагу, выходя изъ отцовскаго дома, невѣста въ Эпирѣ, и ея первый поклонъ въ домѣ мужа обращенъ также къ очагу (’στιά); покой, гдѣ онъ помѣщенъ, центръ домашняго культа, мѣсто, гдѣ лежитъ до своего очищенія родильница, знаменательно называется Μάννα, т. е. мать [2]).

Рядомъ съ дѣдомъ, родомъ (домовымъ) — мать-Рожаница: какъ и Роду, ей молились клали требы, ставили трапезу [3]), «трапезы котѣйныя», «хлѣбы и сыры и медъ», каши, какъ и греческимъ мойрамъ, приходящимъ одарить новорожденнаго долею, ставятъ хлѣбы (κουλούρια), медъ и плоды [4]). Преобладаетъ, впрочемъ, при единственномъ Родѣ, множественное *Рожаницы;* «бабы каши варятъ на *собраніе* рожаницамъ» (Слово Христолюбца); *Рожаница* встрѣчается лишь въ Вопрошаніяхъ Кирика и въ варьянтахъ къ чтенію изъ пророчества Исайи въ Паремейникахъ и къ слову Христолюбца. Не произошло-ли это подъ вліяніемъ

Богишича стр. 51 прим. 1.—Сл. еще Lippert, Der Seelenkult in seinen Beziehungen zur althebräischen Religion; его же: Die Religionen der europäischen Culturvölker (Berlin, 1881), особенно стр. 122 слѣд.; Caland, Ueber Totenverehrung bei einigen indogorm. Völkern (Amsterdam 1888).

[1]) Потебня, l. c. 168.

[2]) Contis, Moeurs et coutumes de l'Epire et particulièrement du bourg de Vissani, въ Mélusine IV, № 6, p. 122, 124, 125.

[3]) Тексты о Родѣ и Рожаницахъ см. у Срезневскаго, Роженицы, Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, кн. II, пол. I, стр. 99 слѣд.; у Тихонравова, Лѣтописи IV, Смѣсь, стр. 89 слѣд. и Krek'a, Einleitung in die slav. Literaturgeschichte, 2 Aufl. стр. 384—5, прим. 1 и стр. 407 прим. 1. Сл. Срезневскій, Свѣд и Зам. № LVI, стр. 34: А что рожданицы краютъ хлѣбъ и сыръ и медъ .... гѡре пїющим и ꙗдущим *рожданичь* (Дубенскій сборн.: ѡт Левгитика).

[4]) Πολίτης, Μελέτη ἐπὶ τοῦ βίου τῶν νεωτέρων Ἑλλήνων II 211 слѣд.

позднѣйшаго сближенія Рожаницы съ Богородицей, приведшаго и къ другому отождествленію: Рода съ Рождествомъ?[1]) Сл. далѣе рожданицу какъ переводъ греч.: τύχη и γενεαλογία.

Родъ и при немъ—Рожаницы объяснились мнѣ въ связи съ отношеніями *общинно-родоваго брака.* «Родъ—производитель, совокупность мужскихъ членовъ племени, сообща владѣющаго Рожаницами, матерями новаго поколѣнія», сказалъ я по другому поводу. Вѣрованіе въ миѳическихъ Рожаницъ, дѣвъ судьбы, опредѣляющихъ долю новорожденнаго, явилось на субстратѣ дѣйствительныхъ бытовыхъ отношеній. Не Родъ, а Рожаницы выступаютъ въ значеніи одаряющихъ счастливой или несчастной долей—не потому-ли, что въ условіяхъ общинно-родоваго брака связь новорожденныхъ съ цѣлымъ родомъ была, по необходимости, менѣе тѣсна, чѣмъ съ извѣстной рожаницей?[2]). Укажу по этому поводу на вотяцкіе воршуды; это родовыя божества; ихъ отношеніе къ судьбѣ дано въ самомъ имени: скрытая, таинственная доля; отдѣльные вотяцкіе роды обозначаются прибавленіемъ къ общему понятію воршудъ имени родоначальницы, переходящему по женской линіи; входя въ новый родъ невѣстка сохраняетъ покровительство воршуднаго божества своей матери, но послѣ свадьбы съ особыми обрядами сопричисляется къ вор-

[1]) Въ ркп. Московск. Син. библ. № 954 читаемъ: «мнящеся чсть творяще гсжи *Бци,* ставѧще трѧпезоу кроупичьными хлѣбы и сыры и чѣрпала наполняюще вина доброводьнаго и творѧще трепарь *Ржьствоу,* и подавающе дроугъ дроугу ядять и пьють и мнѧтся добро творѧще и хвалоу тѣмъ въздающе владычици чистии, еи же есть бсчьстиѥ и хоула, виною рекше Рожьства». Сл. Сборн. Новгор. Соф. библ. XV в. № 1262: Се буди всѣмъ вѣдомо, яко Нестории ѥретикъ наоучи *тряпѣзоу* класти *рожа(ни)цную,* мьнѧ *Бцю* члкородицю»; Слово Григорія Богослова по ркп. Новг. Соф. библ. № 1295: «Черевоу работни попове оуставиша трепарь прикладати *Ржства Бци* къ *рожаничьнѣ* трѧпязѣ, отклады дѣюче». Но въ Словѣ христолюбца по ркп. XV вѣка рядомъ съ Богородицей снова являются *рожаницы:* «не тако же простотою злѣ служимъ, нъ смѣшаемъ съ идольскою тряпезою *прѣстыя Бци съ рожаницями*» (Тихонравовъ, Лѣт. IV. 86, 88, 101, 94—5). Сл. Тихонравовъ, Пам. Отр. русск. лит. II, стр. 304 (Худые намоканунцы): аще кто кртитъ в-ю трѧпезу роду и роженицамъ трепаремъ стыѧ бца и то ѥсть и пиетъ, да боудетъ проклѧтъ.

[2]) Сл. мой отчетъ о сборникѣ Чубинскаго (22-е присужденіе наградъ гр. Уварова), стр. 60.

шуду семьи, куда вошла, получаетъ право молиться передъ семейнымъ воршудскимъ коробомъ, хотя призываетъ при этомъ соотвѣтствующее божество своего рода [1]).

Древнія свидѣтельства о культѣ Роду и Рожаницамъ даютъ мало указаній на ихъ отношеніе къ идеѣ прирожденной доли. Только въ Паремейникѣ 1271 г., въ Чтеніи отъ Исайи, варьянты текста даютъ поводъ соединить съ тѣмъ или другимъ словомъ понятіе τύχη, fortuna: «готовающеи рожаницамъ (вар. рожаници, родоу, бѣсоу) трапезу и испольнающе дѣмонови (вар. *рожденицамъ)* чьрпаниѥ» = ἑτοιμάζοντες τῷ δαιμονίῳ τράπεζαν καὶ πληροῦντες τῇ τύχῃ κέρασμα; у Іеронима: *fortunae* [2]). Замѣтимъ, что τύχη должно было также повести къ представленію единичной рожаницы; въ русскихъ азбовникахъ онѣ снова во множественномъ числѣ — но въ связи съ идеей судьбы: «Рожденицы — свято дня рожденія младенца, въ кой же день кто родится, той нравъ *и осудъ* пріиметъ» [3]).

Эта роль рожаницъ, какъ подательницъ доли, вполнѣ освѣщается славянскими и хорватскими повѣрьями о роженицахъ, какъ дѣвахъ судьбы, давшими поводъ перенести это воззрѣніе на старослав. рожденицу: εἱμαρμένη. Хорутанскіе словенцы вѣрятъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ себѣ звѣзду и свою Роjеницу на землѣ [4]). Если о роjеницахъ говорится, что они *предрекаютъ*, *назначаютъ* судьбу новорожденному, то это, какъ увидимъ далѣе, лишь позднѣйшее освѣщеніе болѣе древняго факта: прирожденности.

Родъ и рожаница входятъ, такимъ образомъ, въ общій культъ предковъ, «родителей», русалокъ, вилъ [5]) и т. п. Ихъ отношенія

---

[1]) Первухинъ, Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. I: Древняя религія вотяковъ по ея слѣдамъ въ современныхъ преданіяхъ. Вятка 1888 (перепечатано изъ Губ. Вятск. Вѣдом. 1888 г.), стр. 18 слѣд., 36—7, 52.

[2]) Срезневскій, l. c. 109.

[3]) l. c. 105.

[4]) l. c. 107.

[5]) Сл. далѣе гл. XIV и XV.

къ міру manium и вмѣстѣ къ представленію доли освѣщаются рядомъ аналогическихъ повѣрій и образовъ, въ которыхъ идея рода, отжившаго и нарождающагося, въ разной мѣрѣ соприкасается съ идеями судьбы. Извѣстенъ совмѣстный культъ *Афродиты* и мойръ; она старшая изъ мойръ, говорится въ одной надписи изъ Аѳинъ; богиня любви, производительной силы и, вмѣстѣ, въ Дельфійскомъ культѣ, ἐπιτυμβία. — Ей сродни Νέμεσις; въ Смирнѣ существовалъ культъ многихъ Νεμέσεις, крылатыхъ демоновъ, вѣдавшихъ дѣла любви, естественное зарожденіе и гибель всѣхъ вещей. Немезидѣ молились гетэры, она изображается на гробницахъ Аттики и восточной Беотіи, и въ ея честь отбывались Νεμέσεια, праздникъ въ память усопшихъ [1]); вмѣстѣ съ тѣмъ она богиня судьбы, распредѣляющая по заслугамъ добрую или злую долю. Оттуда въ римской миѳологіи ея отношеніе къ фатамъ, которыхъ ученіе этрусковъ помѣщало въ 13-й области неба; сл. въ надписи: Dis manibus fatorum arbitris [2]). — *Эринніи* [3]), первоначально, рожаницы: имъ молились о ниспосланіи потомства, но у нихъ есть отношеніе и къ міру умершихъ; онѣ — дѣвы судьбы, блюстительницы родоваго долга, вмѣняющаго потомкамъ учиненное предками. Особенная, этическая разработка ихъ типа, преимущественно у трагиковъ, дала новое значеніе эринніямъ — и эвменидамъ: въ сущности тѣ и другія могли быть простѣйшимъ выраженіемъ доброй или злой прирожденной доли. Вѣроятно предположеніе, что первоначально онѣ были такія-же маны, какъ *керы*, другой образъ для той-же фаталистической идеи, но преимущественно смертной, несчастной доли; оттуда ихъ сопоставленіе съ эринніями; представлеіе свѣтлой κῆρ, въ противоположность къ темной, является лишь въ позднее время. Важно ихъ отождествленіе съ ψυχαί. Къ аттическимъ анѳестеріямъ, кончавшимся жертвой хѳоническому Гермесу и душамъ

---

[1]) Schroeder, Griechische Götter und Heroen, 1-es Heft., стр. 58—59, 43—4.

[2]) Roscher, Mythologisches Lexicon, a. v. Fatus.

[3]) Roscher, l. c., a. v. Erinys §§ 4 и 5; Lippert, Die Religionen der europäischen Culturvölker, стр. 367.

усопшихъ, примыкалъ обрядъ «изгнанія душъ». Имъ, тайно присутствовавшимъ; кричали: θύραζε, κῆρες, οὐκ ἔτ' Ἀνθεστήρια, что такъ объясняется Дидимомъ у Фотія I, p. 286 №b: ὡς κατὰ τὴν πόλιν τοῖς Ἀνθεστηρίοις τῶν ψυχῶν περιερχομένων [1]).—Римскіе *genii* и *junones*, по Арнобію (III, 41) — defunctorum animae и, вмѣстѣ съ тѣмъ, духи-покровители человѣка: у каждаго мужчины свой genius, у женщины своя juno; наклонности того или другого лица опредѣляются его геніемъ; но это понятіе и обобщается: говорили о genius generis nostri parens (Labernius Non. Marc. p. 119), что отвѣчаетъ нашему «роду», тогда какъ junones въ надписи у Fabretti (Inscriptiones p. 74), — души умершихъ, несомнѣнно, наши рожаницы: форма juno, могла подставиться, по аналогіи съ Juno, вмѣсто какого нибудь производнаго отъ $\sqrt{}$ gen (сл. genius).

Германскіе повѣрья даютъ рядъ аналогій къ приведеннымъ. На связь идеи судьбы съ представленіемъ міра душъ и усопшихъ указалъ уже Маннгардтъ [2]), но въ нѣмецкихъ преданіяхъ она выражена слабо и уясняется лишь рядомъ мелкихъ наведеній, на которыхъ я не останавливаюсь. Три Маріи, монахини, дѣвы = дѣвы судьбы являются въ дѣтскихъ пѣсенкахъ [3]) и народныхъ повѣрьяхъ [4]); онѣ даютъ долю при рожденіи, бракѣ и смерти человѣка; уже Буркгардтъ Вормсскій обличалъ вѣрованіе ut illae, quae a vulgo Parcae vocantur, ipsae vel sint vel possint hoc facere quod creduntur, id est dum aliquis homo nascitur et tunc valeant illum designare ad hoc quod velint [5]). Двѣ изъ нихъ бѣлыя, добрыя, одна черная, злая; ихъ народное названіе: Heilrätinnen обнимаетъ ихъ вообще, эвфемистически, какъ названіе Эвменидъ, но могло отвѣчать въ началѣ лишь понятію доброй доли. Weisse

---

[1]) Crusius, Keren, въ Allgemeine Encyclopädie.

[2]) Mannhardt, Germanische Mythen, стр. 243 слѣд.; 541 слѣд.

[3]) l. c. 524 слѣд.; сл. 703 слѣд.

[4]) l. c., стр. 640 слѣд.; сл. 539—40, 631—2, 633—4, 637.

[5]) Сл. Poenitentiale Arundel § 83: «Qui mensam praeparaverit in famulatu parcarum, 11 annos peniteat». См. Schmidt, Die Bussbücher und die Bussdisciplin der Kirche, стр. 460.

Frauen, dames blanches германо-романскаго, ban-shee ирландскаго [1]) повѣрья выражаютъ одной стороной понятіе судьбы, простирающейся на родъ; они блюдутъ за нимъ, являясь въ минуты опасности, угрожающей кому нибудь изъ ея представителей. Это, очевидно, рожаница, но въ широкомъ смыслѣ generis parens.

Развитѣе и послѣдовательнѣе является идея судьбы въ старосѣверной миѳологіи. Я остановлюсь для начала на представленіи dîsir: по мнѣнію Вигфуссона [2]) онѣ были первоначально женскими родовыми манами, которымъ приносили жертву, ставили трапезу (Dîsablot) зимой и въ пору жатвы, ихъ молили объ урожаѣ; какъ древнія матери рода, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и рожаницы (къ нимъ взываютъ при родахъ, Sigrðrífumál, 9) — и дѣвы судьбы: у каждаго человѣка есть своя dîs, сопровождающая его въ теченіе всей жизни; о человѣкѣ потерянномъ говорятъ, что дизы его оставили (сл. Atlamál 26). Впослѣдствіи это понятіе обобщилось: dîsir обозначаетъ норнъ (Sigurðarkv. 24; Hamðismál 29), dîs — вообще демоническое существо женскаго рода безо всякаго отношенія къ культу предковъ. Отмѣтимъ особое значеніе dîs: сестра; dîsir — собирательное понятіе, какъ южнослав. rојеницы, судицы, западныя феи и норны, греческія мойры, являющіяся втроемъ нарицать судьбу новорожденному [3]).

---

[1]) Сообщеніе проф. Gaidoz'a.

[2]) Vigfusson, Corpus poeticum boreale I, 419, 405; сл. I, стр. 40, v. 59 слѣд.—Dictionary a. v. dîs.

[3]) Dîsir = manes ведетъ меня къ вопросу: въ сѣв. языкѣ рядомъ съ kynγένος, φυλή отмѣчаютъ независимое отъ него kyn = чудо, диво. Не развились-ли въ словахъ, сложенныхъ съ kynja, присущее имъ понятіе дива — изъ понятія рода, прирожденнаго, фатальнаго? Kynja-sótt, kynja-meinn = странная, загадочная болѣзнь; Kynja-menn = fairies, goblins. «Ту зиму прозвали диковинной, kynja-vetr, говорится въ сагѣ о Гудмундѣ Добромъ, ибо объявились разныя чудесныя знаменіи: видать было два солнца и показывались блуждающіе, толпами альфы (= души умершихъ) и другіе kynja-menn» (Sturlunga-Saga etc. ed. G. Vigfusson, I, стр. 93, § 4), пугала, напоминающія мнѣ изреченіе нашего Даніила Заточника: что дѣти бѣгаютъ *Рода.* Въ сагѣ о Гудмундѣ Dýri (l. c., стр. 128, § 1; сл. l. c. Hrafns saga ok Þorvaldz, § 14, p. 178) жена Тейти, въ то время отсутствовавшаго, прислуживая гостямъ, видитъ въ числѣ ихъ—и своего мужа; присмотрѣлась еще разъ, и странное видѣніе, kynlegleikar, исчезло, но вскорѣ пришла вѣсть о смерти Тейта: на это указывало видѣніе двойника, fylgja.

Если вѣрованіе въ dîsir отнесло насъ къ культу предковъ, то повѣрье о fylgja'ѣ связывается двойственнымъ значеніемъ слова съ актомъ рожденія—и прирожденной судьбы. Съ однимъ значеніемъ fylgja = secundinae, pileus naturalis мы уже познакомились (сл. выше стр. 175); другое: духъ хранитель (fylgja = φύλασσα, φυλακίς)[1]) человѣка или цѣлаго рода (kynfylgja, aettarfylgja), представляемый существомъ женскаго рода, являющійся нерѣдко въ образѣ животнаго (птицы, коня, лисы, волка, льва, бѣлаго медвѣдя, кабана, зайца, быка, козы) или и самого человѣка, за которымъ слѣдуетъ невидимо, которому помогаетъ въ бою, вѣщаетъ его судьбу; лишь передъ смертью человѣкъ видитъ гибель своего хранителя. Fylgja, стало быть, доля, участь; твоя fylgja не устоитъ противъ его fylgja'и, говорится въ сагахъ [2]); представленіе нѣсколькихъ фильгій, добрыхъ и злыхъ, состоящихъ при одномъ человѣкѣ и увлекающихъ его въ разныя стороны, едва-ли принадлежитъ къ древнимъ. — Другое выраженіе для того-же представленія, hamingja, также связано съ представленіемъ кожи, сорочки = hamr, нѣм. Hemd: тоже духъ хранитель, въ образѣ животныхъ или женщины; въ моментъ смерти онъ оставляетъ умирающаго, чтобы перейти на его сына, дочь или родича [3]). Черта интересная по отношенію къ *родовой* наслѣдственности доли; мы уже видѣли, что fylgja также бываетъ прикрѣплена къ цѣлымъ *родамъ*.—Тотъ же *родовой* мотивъ объясняетъ битвы *вѣдогоней* или *jедогоней* (словенское vjetrogonja) съ сербскими. О вѣдогоняхъ, говоритъ Поповъ [4]), «мнѣ удалось слышать два различныя сказанія. По одному изъ нихъ вѣдогони суть духи людей и животныхъ. Каждый человѣкъ имѣетъ своего вѣдогоня, и особенно люди, родившіеся въ *рубашкѣ*. Этотъ вѣдогоня, когда спитъ человѣкъ или животное, выходитъ изъ него и бережетъ

---

[1]) Сл. Laistner, Ueber den Butzenmann, Zs. f. deutsches Alterthum XXXII, стр. 191.

[2]) Потебня, l. c. стр. 172; Mannhardt, Germ. Mythen 306—7; 572—3; Vigfusson, Diction, a. v. fylgja.

[3]) Vigfusson, Diction, a. v.

[4]) Потебня, стр. 176—7; Krauss, l. c. 19—21.

его имущество отъ воровъ и его самого отъ нападенія другихъ вѣдогоней и всякого колдовства. Часто эти вѣдогони дерутся между собою, и если кто изъ нихъ будетъ убитъ, то человѣкъ или животное умираетъ во снѣ. Если воинъ умретъ передъ битвою, то говорятъ, что вѣдогоня его дрался съ врагами и убитъ. Прибрежные жители говорятъ, что вѣдогони пристаютъ съ итальянскаго берега и дерутся съ туземными. Другіе разсказывали мнѣ, что вѣдогони суть не иное что, какъ домашніе духи, оберегающіе жилища и имущества каждаго отъ нападенія воровъ и и другихъ вѣдогоней. Когда вѣтеръ срываетъ листья съ деревъ и колеблясь они несутся по воздуху — говорятъ: дерутся вѣдогони».

Рожаница-fylgja — прирожденная человѣку, унаслѣдованная имъ отъ рода судьба; идея ея неотъемлемости, неизбѣжности, въ какихъ-бы формахъ и на какой-бы стадіи развитія самого понятія она ни выразилась, дана implicite въ этой точкѣ ея отправленія. Услѣдить дальнѣйшія измѣненія понятія и соотвѣтствующаго ему образа можно только путемъ логическихъ и психологическихъ наведеній, ибо мы имѣемъ дѣло съ народно-бытовымъ матерьяломъ, наслоившимся во времени, въ которомъ логика развитія подчинялась случайности постороннихъ вліяній, захожая, христіанская легенда даетъ формы для выраженія древнѣйшаго бытоваго содержанія и каждый образъ, при анализѣ, разлагается на части, принадлежащіе разнымъ періодамъ мысли и вѣрованія. Воинственныя валькиріи сѣвера и славянскіе вилы не только дѣвы судьбы, но и фильгьи, сложившіяся въ особый типъ, въ глуби котораго затерялось ихъ бытовое отношеніе къ культу манъ [1]).

Первымъ поводомъ къ развитію идеи судьбы отъ представленія ея прирожденности къ болѣе свободному пониманію могло явиться образное представленіе рожаницъ-фильгій: онѣ состоятъ при человѣкѣ, но имъ и молятся, и ставятъ трапезу; тогда какъ

---

[1]) Сл. далѣе гл. XV.

наузы, амулеты продолжаютъ выражать естественную связь родильной сорочки, fylgja'и и т. п., рожаницы обособились въ отдѣльныя демоническія существа, и ихъ роль въ судьбѣ человѣка опредѣляется ихъ антропоморфизмомъ; онѣ *даютъ* ему его *долю*, *часть*, *участь*, въ жизни, отмѣриваютъ *таланъ* (τάλαντον), и этотъ актъ понимается какъ приговоръ, который они изрекаютъ (*рокъ*, нарокъ), какъ ихъ *судъ* и рядъ, судьба. Отсюда новый рядъ представленій [1]): 1) болг. *урисницы*, орисници, уресици = греч. ὁρίζοντες, confirmatrices, definientes, constituentes; рум. дѣвы судьбы, ursitele, отразили, быть можетъ въ своей латинской основѣ (ordiri, orsus) вліяніе греч. ὁρίζοντες. Сл. греч. μοῖρα отъ √ smar: удѣлять, получать въ удѣлъ (сл. μέρος, μόρος, εἱμαρμένη); πεπρωμένη (μοῖρα) отъ √ par: удѣлять; Νέμεσις отъ √ nem: удѣлять. Сѣверно-русскія удѣльницы [2]), можетъ быть, тѣ-же μοῖραι—рожаницы, но ихъ типъ развился въ сторону демонизма: черныя, съ распущенными волосами, онѣ преждевременно вынимаютъ младенцевъ изъ утробы, уродуютъ ихъ, мучатъ родильницъ, производятъ родимецъ. Литовская Лаума также похищаетъ, подмѣниваетъ ребятъ, но она присутствуетъ и при ихъ рожденіи; она=Lucina, dea partus, но вмѣстѣ даетъ счастье или несчастье. У Латышей Лайма пріурочена къ банѣ, священному мѣсту родильницы; если она подстелетъ ей свою простыню, то роды будутъ счастливы. Она главнымъ образомъ — Fortuna; подобно Деклѣ, богинѣ преимущественно дѣвичьей судьбы, обѣ даютъ долю, почему вмѣстѣ и упоминаются въ пѣсняхъ, Декла чаще въ значеніи злой доли:

Охъ Деклиня, охъ Лайминя,
Ты не одинаково дѣлала:

---

[1]) Сл. Потебня, l. c. стр. 153—4, 156, 189 слѣд.; Krauss, l. c. стр. 39 слѣд., 120 слѣд.; мои Die russischen Todtenklagen въ Russ. Revue, 2 Jahrg., 12 H., стр. 24—5, 30.

[2]) Е. Барсовъ, Сѣверныя сказанія о лембояхъ и удѣльницахъ, Труды Этногр. Отд. имп. Общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, кн. 3, вып. I, стр. 88.

Одному назначала легкія вѣка,
Другихъ ты заставила горько плакать [1]).

Laima—*опредѣляющая* (лит. lemti: fest bestimmen, beschliessen [2]); Декла по Ульману: Schicksalsgöttin, die den Geburten präsidiert, отъ √ deht: legen, setzen, saugen an der Mutterbrust. 2) болг. *наржчници* = нарекающія судьбу; 3) чешск. словацк. *Sudičky*, Sudice, луж. Sudzicke, т. е. присуждающія, тогда какъ хорут. Sojenica, Sujenica, по мнѣнію Потебни, можетъ означать не судящая, а сужденная, опредѣленная высшимъ существомъ; сл. еще серб. Sudnice, Sugjenice, хорв. Sudjenice, Sujenice. Можетъ быть, нечего и предполагать здѣсь отношеніе къ высшему существу: рядомъ съ присуждающей могло явиться образное представленіе *присужденной* (судьбы), какъ въ параллель съ нарекающими (наржчници) — *нареченное*, *изреченное* (судьбой); народно-римскіе *Fatus*, *Fata*, отвѣчавшіе отвлеченному представленію fata (мн. сред. рода) = *изреченія*, *нароки* боговъ. Къ фатамъ взывали при рожденіи ребенка, они опредѣляли его судьбу, число лѣтъ и кончину; въ народной фантазіи это отвлеченіе приняло конкретный характеръ: Fatus, Fata, множ. fati, fatae; выраженія: fatis masculis, fatus meus, fatus tuus указываютъ на ихъ пониманіе, какъ божественныхъ существъ, привязанныхъ къ человѣку, руководящихъ и направляющихъ его судьбу. Надписи, въ которыхъ говорится о fatis, не даютъ возможности различить, разумѣются-ли отвлеченныя fata, или личныя fatae; на одной фрескѣ изъ поздней поры язычества въ римскихъ катакомбахъ изображены fata divina: двѣ женскія закутанныя фигуры, между ними бородатая, также закутанная: можетъ быть— Fatus. Интересно отмѣтить обычную троичность фатъ: tria fata;

---

[1]) Э. А. Вольтеръ, Матеріалы по этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи (въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отдѣленію Этнографіи). Благодаря любезности автора я могъ пользоваться этимъ изданіемъ въ корректурныхъ листахъ.

[2]) Сл. Aug. Leskien, Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen (Abhandlungen der phil. histor. Classe der kön. sächs. Gesellsch. d. Wiss. Lpz. 1884, стр. 333).

объ ихъ статуяхъ въ Римѣ на форумѣ близь храма Януса говоритъ Прокопій; оттуда названіе форума либо части его: in Tribus Fatis; эти tria fata отождествляли съ статуями трехъ сивиллъ, о которыхъ упоминаетъ Плиній[1]).—Романскія фаты, феи, алб. φατίτε (Hahn, Albanesische Studien, 148), лишь продолжаютъ народно-римскую традицію: это такое-же олицетвореніе рока, какъ сѣверно-русская Судина, Судьбина: антропоморфическій образъ судьбы, преимущественно несчастной (сл. старофранц. destinée = mauvaise action, malheur), тогда какъ таланъ является чаще въ значеніи евфемистическомъ. Грозный образъ Судины хорошо знакомъ по сѣверно-русскимъ причитаніямъ:

Знать Судинушка по бережку ходила,
Страшно-ужасно голосомъ водила,
Въ длани судинушка плескала,
До суженыхъ головъ да добералась....

Ихъ судинушка головъ да повзыскала.

Переходъ отъ понятія *рожаницы* къ представленію *судицы* даютъ хорватскія и словенскія повѣрья, гдѣ оба обозначенія сосуществуютъ при одной и той-же роли: слов. Rojenice и Sojenice, хорв. Rodjenice—и Sudjenice, Sujenice. Первыхъ мы уже видѣли въ значеніи прирожденныхъ человѣку, но онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и судятъ ему долю: чуть родится ребенокъ, три или двѣ роjеницы входятъ въ избу и нарекаютъ судьбу новорожденному; по повѣрью Истріанъ онѣ живутъ въ пещерахъ и по трое приходятъ къ людямъ помогать имъ въ работахъ; имъ приносятъ въ пещеры хлѣбъ и кладутъ у входа[2]). Въ сказкахъ у Валявца Sojenice чередуются съ Рожденицами и Вилами (Valjavec, Narodne pripovjedke, стр. 56—57, 76 слѣд.); о рожденицахъ говорится, что они su.... došle *sudit* deteta. Обыкновенно ихъ *три* [3]), но иногда и болѣе: одѣтыя въ

---

[1]) Roscher, l. c. a. v. Fatuus, Fatus-Fata.
[2]) Срезневскій, l. c. 107—108.
[3]) Krauss, l. c., стр. 123, прим. 264, съ ссылкой на Krauss, Sagen und

бѣлое, онѣ приходятъ въ полночь въ комнату родильницы, гдѣ имъ выставляютъ восковую свѣчу, хлѣбъ и соль; подойдя къ колыбели ребенка, онѣ пророчатъ, сколько ему жить, какою смертью умереть, на комъ жениться, будетъ-ли онъ богатъ или бѣденъ и т. п. Если имъ не приготовили «трапезы», онѣ сердятся; приговоръ произносится обыкновенно такимъ образомъ, что сначала изрекаетъ его одна, вторая измѣняетъ нареченное въ хорошую или дурную сторону, третья произноситъ окончательное рѣшеніе. Въ одной сказкѣ у Валявца (стр. 83—5) одна рожденица присуждаетъ ребенку, что онъ будетъ солдатомъ, начальникомъ королевскаго войска и застрѣленъ изъ ружья; другая—что онъ по тринадцатому году будетъ повѣшенъ; третья, что онъ утонетъ, когда ему минетъ семь лѣтъ, семь дней, семь часовъ и семь минутъ (сл. l. с., стр. 85 и 90). Это и сбылось. Въ другой сказкѣ того-же собранія двѣ вилы одарили новорожденную чудесными дарами, третья, злая, дала ей шкатулку, въ которой было написано, что дитя будетъ прекрасно, но рано погибнетъ. Дѣйствительно, когда наступило время выдавать дѣвушку замужъ, злая вила ударила её волшебнымъ прутомъ, и она окаменѣла (l. с стр. 56—57). Въ той чертѣ, что рѣшеніе остается за послѣдней сужденицей—вилой, нельзя, вмѣстѣ съ Краусомъ, усмотрѣть что-либо спеціально-славянское: таже эпическая черта въ судоговореніи встрѣчается и въ не-славянскихъ сказкахъ [1]), и приговоры фей также капризно чередуются, какъ вѣщанія хорватскихъ судныхъ дѣвъ или болгарскихъ наречницъ (у Миладиновыхъ № 17, стр. 17) [2]) надъ сыномъ Момирицы.

Пжрва велитъ, ай да го земиме;
Втора велитъ, да го не земаме,

Märchen d. Südslaven II № 88, p. 179, № 105, p. 218 слѣд.; Preller, Gr. Myth. 3 Aufl. 1872, I, p. 434; Grimm D. Myth. 376—88.

[1]) Сл. Krek, l. c., p. 660 прим. 1; Grimm, D. Myth. 380.

[2]) Сл. болгарскую сказку у Шапкарева, стр. 134 = Revue des trad. pop. II, стр. 377—9 (Dozon).

Дури да сѣ дѣте сторитъ,
Дете сторитъ до седумъ година;
Трекя велитъ, нека расте дете,
Да се сторитъ юнакъ за жененьє
Ке му свуршѣтъ 'уба'а не'еста,
Ке му свуршѣтъ и ке ѭ земеетъ;
Ко ке одѣтъ въ цѫрковъ на венчаньє,
Тога юнака да си го земиме.

«Кога дете-то сѣ рожатъ, тая вечеръ идатъ три жени, кои нарѫчватъ колку и како ке живетъ родено-то, и що ке нарѫчитъ третья-та, това ке бидить. Тіе три жени сѣ викаетъ нарѫчници» [1]).

Такъ вѣщаютъ втроемъ и болгарскія урисници; относящуюся сюда сказку мы приводимъ далѣе; можетъ быть, въ связи съ ихъ двоящимся рѣшеніемъ находится преданіе, что есть три добрыхъ и три злыхъ урисницы, несогласныя и ведущія между собою борьбу. Въ первую ночь послѣ родовъ онѣ являются въ домъ родильницы, вѣщая младенцу его судьбу; показываясь взрослому, онѣ предупреждаютъ его о грозящей ему опасности; всегда юныя и прекрасныя онѣ живутъ на небесахъ [2]).

Въ румынской сказкѣ типа нашего Василія Безчастнаго одинъ богачъ, приставъ на ночлегъ къ бѣдняку, у котораго въ ту ночь родился сынъ, видитъ трехъ ursitoare и слышитъ ихъ приговоръ ребенку. Онъ будетъ несчастливъ (nenorocit) и утонетъ, говоритъ одна; другая пророчитъ ему смерть въ огнѣ; нѣтъ, вѣщаетъ третья, онъ будетъ удачливъ (foarte cu noroc) и завладѣетъ состояніемъ этого богача. Богачъ покупаетъ ребенка, дважды пытается извести его, но нарокъ судицъ исполняется и бѣднякъ становится подъ конецъ зятемъ и наслѣдникомъ своего гонителя [3]).

---

[1]) Сл. Миладиновы l. c. стр. 525.

[2]) Аѳанасьевъ, П. В. III, 343.

[3]) Puterea ursitei, сказка, напечатанная въ фельетонѣ румынскаго журнала Tribuna 1888, № 196 (30 Авг.). Сообщеніе П. А. Сырку.

Изъ соотвѣтствующихъ свидѣтельствъ о греческихъ μοῖραι [1]) укажемъ на извѣстный миѳъ о Мелеагрѣ (Apollodor. I, 8, 2—3; Hygin. Fab. 171) и воспроизводящее её новѣйшее преданіе Эпира: одна мать услышала на третій день послѣ родинъ, какъ μοῖραι бесѣдовали около огня и положили, что новорожденный умретъ, какъ скоро погаснетъ такая-то головня въ печи. Когда μοῖραι ушли, мать схватила головню и спрятала ее въ сундукъ; впослѣдствіи, желая провѣрить, вѣренъ-ли приговоръ наречницъ, она бросила головню въ огонь; когда она сгорѣла, умеръ и ребенокъ [2]). Новое преданіе забыло характерную черту древняго, — общее мѣсто этого рода сказокъ: въ миѳѣ о Мелеагрѣ третья наречница, Ἀλθαία, выдѣлялась своимъ приговоромъ отъ другихъ, она-то и прячетъ головню, обходя такимъ образомъ рѣшеніе своихъ сверстницъ.

Свидѣтельства о таковыхъ-же рѣшеніяхъ романскихъ фей [3]) восходятъ къ старо-французскому эпосу. Оберонъ [4]) разсказываетъ о себѣ, что когда онъ родился,

3499 Fees i vinrent ma mere revider.
Une en i ot qui n'ot mie son gré,
Si me donna tel don que vous veés,
Que jou seroie petis nains bocérés;
. . . .
3505 Quant ele vit qu'ensi m'ot atorné,
A se parole me vaut puis amender;
Si me donna tel don que vous verés,
Que jou seroie li plus biaus hom carnés
Qui onqes fust en après Damedé!

---

[1]) Сл. B. Schmidt, Volksleben der Neugrischen I, стр. 210—20; сл. его-же: Griech. Märchen, Sagen und Volkslieder, три первые №№ сказокъ.

[2]) Contis, Moeurs et coutumes de l'Épire l. c., p. 122.

[3]) Сл. Аѳан. l. c. III, 347—8. О феяхъ сл. A. Maury, Les fées du moyen âge и свидѣтельства, собранныя Fr. Michel'емъ въ его Floriant et Florete (Roxburghe Club 1873, note 14). Сл. J. de Wal, De Moedergodinne, eene oudheidenkundig — mythologische Verhandeling.

[4]) Сл. Huon de Bordeaux ed. Guessard et Grandmaison v. 3497 слѣд.

Слѣдующія двѣ феи одаряютъ его даромъ всевѣдѣнія и всеисполнимаго желанія; необычно, съ точки зрѣнія сказочной практики, что злая фея высказывается первая и сама смягчаетъ свое рѣшеніе. Романъ о Brun de la Montagne [3]) стоитъ въ этомъ отношеніи на сторонѣ сказокъ: когда Brun родился, отецъ его сзываетъ своихъ бароновъ,

81 Car il couvient l'enfans porter tout erramment
Où les feés repairent, sachiez certainement,
Por destinée avoir au Dieu commandement.

Четыре рыцаря отвозятъ его въ лѣсъ подъ дерево къ источнику, гдѣ обыкновенно сходились феи; отойдя въ сторону они слышатъ голоса: это феи приближались съ пѣніемъ. Они принимаются нарекать; первая говоритъ

948 ma voulenté m'amaine
Afin quil ait de moi courtoisie si saine
Que s'onneurs acroistra ainz que passe quinzaine,
Si c'om en parlera jusqu'à l'iave de Saine.

Дары второй феи:

957 Je li otroy qu'il ait en lui toutes biautés,
Et avec ce qu'il soit en tout si doctrinés,
C'on puist dire partout qu'à bonne eure fu nés;
Et avec ce, qu'il soit en tous fais d'armes tés,
Que de toute proesce il soit plus redoubtés
En guerres, en tournois, en tout fais esprovés
Et de toutes gens soit plainnement honnorés.

Третья фея, старшая надъ другими (mestresse), оскорбленная тѣмъ, что тѣ предварили её своими дарами и вѣщаніями, измѣняетъ ихъ приговоръ къ худшему:

972 Et en despis de vous tés est li miens arens
Que cil enfes, qui ci est devant nous presens,
Soit mendïant d'amie en ses jones jouvens,

---

[1]) Brun de la Montagne ed. Paul Meyer. Paris 1875.

Et que de lui amer n'ait la dame talens
A cui fera premiers auscuns acointemens.
Comment qu'il soit par vous noble courtois et gens,
Il avra en amour et paines et tourmens.

Показателемъ нѣмецкихъ представленій того-же рода можетъ служить извѣстная сказка о Dornröschen (Grimm D. M. II, 253) [1]), гдѣ наречницъ (weisse Frauen) является 13, тринадцатая—злая. Но я предпочитаю остановиться на старосѣверныхъ nornir: онѣ помощницы при родахъ (Fáfnismál 12, 13); на фарейскихъ островахъ первая трапеза, отъ которой вкушаетъ родильница, до сихъ поръ зовется Nôrna greytur=каша Норнъ [2]); онѣ являются къ новорожденнему at skapa aldr, нарицаютъ судьбу (raða orlogum manna), однимъ хорошую, безбѣдную жизнь, другимъ ни имѣнья, ни славы, смотря по тому, добрыя онѣ или злыя; отмѣтимъ эпитетъ добрыхъ норнъ: vel aettaðar=хорошаго *роду* (Gylfaginning XV). Какъ онѣ надѣляютъ дѣтей смертныхъ вообще (Völuspá: þaer lif kuru alda börnum), напр. ребенка Helgi (Helgakviða Hundingsbana I, 2—4), такъ въ сагѣ о Норнагестѣ онѣ выступаютъ въ разсказѣ на столько сходнымъ съ миѳомъ о Мелеагрѣ, что высказано было предположеніе о зависимости перваго отъ второго [3]). Ихъ три; онѣ названы völvur — и норнами, но ихъ пониманіе спустилось къ значенію вѣщихъ женъ. Въ то время ходили по странѣ вёльвы, которыхъ звали вѣщими же-

[1]) Аѳанасьевъ, l. c. III, 352—3. Сл. Mannhardt, l. c. 611—12, 632. Интересную параллель представляетъ армянская сказка о Чыплыгѣ (Сборн. матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VII, отд. 2: Армянскія сказки, зап. въ шемахинскомъ уѣздѣ бакинской губ., сообщ. Н. Калашевъ, № 6): жена бѣдняка готовиться родить; подлетаютъ три голубя; одинъ говоритъ: Я у беременной приму дитя; другой: Я дамъ ей богатство и т. д.; третій: Новорожденное дитя будетъ дѣвочкой; когда она будетъ смѣяться, изо рта у нея будутъ падать розы, когда плакать, то жемчуги изъ глазъ; подъ ногами станутъ являться золотые кирпичи, волосы будутъ золотые. Я ей дамъ серьги; когда она сниметъ ихъ съ ушей, превратится въ покойницу, а когда повѣсятъ на нее серьги, она оживетъ.

[2]) Mannhardt, l. c. 588.

[3]) Wackernagel, Das Lebenslicht, Zs. f. d. Alterth. XII, 280—1.

нами, и прорицали людямъ ихъ судьбу, разсказываетъ Норнагестъ; оттого ихъ зазывали къ себѣ, угощали и одаряли при разставаніи. Такъ сдѣлалъ и мой отецъ; онѣ пришли къ нему съ толпой народа и должны были наречь мнѣ долю. Я лежалъ въ колыбели, когда имъ пришлось вѣщать обо мнѣ; надо мною горѣли двѣ свѣчи (жертва судицамъ?). Онѣ говорили обо мнѣ и сказали, что я буду счастливѣйшимъ и бо́льшимъ человѣкомъ, чѣмъ мои прародители или сыновья другихъ именитыхъ людей въ странѣ, и сказали всё, что со мной станется. Младшей норнѣ показалось, что она почтена менѣе двухъ другихъ, ибо у нея не попросили столь-же важныхъ вѣщаній; къ тому-же толпа негодяевъ сшибла её съ ея сѣдалища, такъ что она упала на-земь. Оттого она сильно разсердилась и велѣла другимъ прекратить благія обо мнѣ прорицанія: ибо я рѣшаю, сказала она, что ему прожить не дольше, какъ прогоритъ свѣча, около него зажженная. Тогда старшая вёльва потушила свѣчу и, отдавъ моей матери, велѣла хранить её и не зажигать до конца моей жизни. Послѣ этого вѣщія жены удалились, щедро одаренныя, уводя съ собою связанной младшую норну [1]).

Старосѣверныя nornir, нарекающія судьбу ребенку, представляютъ такое-же развитіе понятія сравнительно съ fylgja'ей, какъ слав. наречницы, судицы по отношенію къ рожаницѣ [2]). Интересно, въ смыслѣ связи норнъ съ болѣе древнимъ представленіемъ рожаницы, ихъ названіе: hamingjur (= фильгьи), Vafþrúðnismál 49, если оно дѣйствительно къ нимъ относится (сл. Mannhardt, l. c. 573 и выше стр. 184).

Множественное число рожаницъ (судицъ, орисницъ, наречницъ), норнъ мы объяснили древней бытовой чертой (сл. выше стр. 179); ихъ троичность—излюбленная эпическая подробность; сл. Aeschyli Prometheus 515: μοῖραι τρίμορφοι μνήμονές τ' ἐρινύες;

---

[1]) Die prosaische Edda im Auszuge nebst Võlsungasaga u. Nornagestsþáttr, ed. E. Wilken, стр. 259—60, § XI.

[2]) О норнахъ и валькиріяхъ сл. Vigfusson, Corp. poet. bor. II, 468—469; Mannhardt, l. c., стр. 541 слѣд.

трехъ лаумъ въ литовской сказкѣ у Veckenstedt'а (l. c. II № 91 и 102), трехъ лаймъ въ одной латышской пѣснѣ (Magasin der lett. lit. Gesellschaft 14, 2, стр. 103); трехъ urme въ повѣрьяхъ семиградскихъ и южно-венгерскихъ цыганъ (Wlislocki, Zauber u. Besprechungsformeln d. transilvanischen u. südungarischen Zigeuner. Budapest, 1888, стр. 7—8, 27, 29, 36); fata, matres, matronae, являющіяся въ тройственномъ числѣ на надписяхъ Галліи и береговъ Рейна, не обусловлены, такимъ образомъ, кельтскою предилекціею къ тріадѣ. Между нами есть добрыя и злыя, евмениды и ериннія; мы знаемъ что греческое представленіе своеобразно поняло и развило эту двойственность (сл. выше стр. 181); важно, въ смыслѣ развитія идеи судьбы, появленіе *нѣсколькихъ* рожаницъ при колыбели *одного* человѣка. Не одна рожаница опредѣляетъ его долю, тождественна съ нею, прирождена ему: рожаницы не только антроморфизировались, но и обобщились въ носительницъ судьбы, отвязанной отъ древнихъ личныхъ отношеній. Оттого ихъ нѣсколько, односторонняя идея прирожденности ослабѣла передъ возможностью того или другого рѣшенія, но когда оно сдѣлано, непререкаемость вступаетъ въ свои права: быть такъ, какъ сказала послѣдняя рожаница, судица, именно *третья*, какъ-бы уравновѣшивающая крайности предыдущихъ приговоровъ. Не здѣсь-ли объясненіе *троичности*[1]), выразившейся позднѣе, въ той-же сферѣ представленій, образомъ вѣсовъ и обобщеніемъ αἶσα'ы?—И на этой стадіи развитія, къ которой народное сознаніе могло прійти внѣ постороннихъ, напр. христіанскихъ вліяній, доля, сужденная человѣку, должна была являться съ прежнимъ характеромъ неизбѣжности, неотъемлемости. Ея не избыть; эта идея выражается цѣлымъ рядомъ пѣсенныхъ и сказочныхъ образовъ и присловій[2]); коекакія формы ея выраженія могли быть подсказаны позднѣйшими литературными, но дѣло не въ нихъ, а въ содержаніи сознанія, въ постановкѣ идеи судьбы Именно къ тѣмъ періодамъ ея раз-

¹) Сл. еще объясненіе троичности у Mannhardt'а, l. c. 593—4.

²) Сл. Аѳан. П. В. III, стр. 369 слѣд., 396 слѣд.

витія, которые мы можемъ отмѣтить именами *рожаницы* и *судицы*, относятся многочисленныя представленія о неотвязной долѣ или недолѣ.

Еще бо я не радзилася,
Лиха доля прицапилася;
Еще бо я въ пелюшкахъ лежала,
Лиха доля за ноженьки дзержала;
Еще бо я коло лавки хадзила,
Лиха доля за рученьки вадзила.

Какъ въ бѣлорусской пѣснѣ, такъ и въ сѣверно-русскихъ причитаніяхъ недоля не покидаетъ человѣка въ теченіи всей его жизни·

Ужъ какое то зло великое безсчастьицо
Впереди меня злодійно снаряжалося,
На судимую сторонушку справлялося,
Во большомъ углу безсчастьицо садилося,
Впереди да сѣло безсчастье яснымъ соколомъ,
Позади оно летѣло чернымъ ворономъ;
Впереди оно безсчастье не укатится,
Посторóнь онó злодійно не откатится;
Кругомъ около злодійно ухватилося,
За могучія оно да мои плечушки [1]).

Въ нестатейномъ, знать, дворишкѣ, гдѣ родилася,
Зло-безсчастье тутъ велико устоялося,
Впереди оно злодійно дожидалося;
Скрозь неражи пеленочки разно-мокрыя
Зло-безчастье тутъ ко мнѣ да пробиралося,
Кругомъ наоколь ремней да обвивалося,
Во дырявой люльченкѣ знать со мной оно качалося,
Вдвое-втрое тутъ злодійно накачалося;
Впереди оно безсчастье не укатится,
Позади оно злодійно не останется [2]).

---

[1]) Барсовъ, l. c. I, стр. 8.
[2]) Ib., стр. 63.

Ужъ какъ этое злодійное безсчастьице
Впереди да въ Божью церковь приходило,
Впереди да райскихъ дверей становилось,
Подъ златымъ оно вѣнцомъ да принасѣло
На буйную мою оно головушку
Ужъ какъ этое злодійное безсчастьице
Кругъ налоя впереди да обскочило,
Впереди да въ путь дорожку снаряжалось,
На судимую сторонушку скатилось;
За дубовый столъ безсчастье собиралося,
Во почёстной во большой уголъ садилося,
За праву руку безсчастье ухватилося [1]).

Такъ развивается въ поэтическомъ климаксѣ отчаяніе сербской дѣвушки:

Sam djevojka u svačem nesretna,
ja bosiljak, meni pelen niče.

—

Da se jadna za zelen bor hvatim.
i on bi se zelen osušio.

—

Da privati za zelenu jelu,
i njojzi bi usahnulo deblo [2]).

– - и вдовы въ сѣверно-русской заплачкѣ:

Нонь я дольщица великоей кручинушки,
Половинщица злодійной я обидушки;
Мнѣ куды съ горя горюшѣ подѣватися?
Разсадить-ли мнѣ обиду по темнымъ лѣсамъ?
Уже тутъ моей обидушкѣ не мѣстечко,
Какъ посохнутъ вси кудрявы деревиночки.
Мнѣ разсѣять-ли обиду по чистымъ полямъ?
Уже тутъ моей обидушкѣ не мѣстечко
Задернятъ да вси распашисты полосушки;
Мнѣ спустить-ли то обиду во быстру рѣку?
Загрузить-ли мнѣ обиду во озерышкѣ?
Уже тутъ моей обидушкѣ не мѣстечко,

---

[1]) Ib., стр. 276—7.
[2]) Krauss, l. c. 184—5 прим.

Заболотѣетъ вода да во быстрой рѣченькѣ,
Заволочится травой мало озерышко [1]).

Эти образы дали поводъ русской пѣснѣ своеобразно разработать старый мотивъ состязанія въ превращеніяхъ [2]): состязаются не волшебники, не любовники, мѣняя поочередно образы, дабы избѣжать или настичь другъ друга, а человѣкъ и неотступное отъ него горе:

Въ воскресеньицо матушка замужъ отдала,
Къ понедѣльнику Горе привязалося.
«Ужъ ты матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣватися?
Я пойду съ горя во темны лѣса».
Горе въ слѣдъ бѣжитъ, само говоритъ:
— Я лѣса срублю, тебя доступлю. —

Молодая хочетъ убѣжать отъ Горя «во чисты поля», «во зелены луга», «во высокъ теремъ», «во круты горы»; а Горе въ отвѣтъ: «Я поля прижну, тебя доступлю», «я луга скошу», «я теремъ зажгу», «я червомъ совьюсь, горы выточу, Горы выточу, тебя доступлю«. Когда молодая обнаруживаетъ желаніе пойти «во сыру землю»,

Горе въ слѣдъ идетъ
Со тупицами, вострыми заступами,
Устоялося, разсмѣялося:
— Ужь ты дочь моя родная!
Ты умѣла горюшко повыгоревать [3]).

---

[1]) Барсовъ, l. c., стр. 17 и тамъ-же въ прим. ** рыбниковскій варьянтъ. Сл. еще стр. 167 (Сквозь окошечко виднѣвѣетъ Кручинушка — Сквозь другое выглядаетъ зла Обидушка).

[2]) Сл. Разысканія VI, 67—78 и прим. стр. 430—2; мой отчетъ: Новыя книги по нар. словесности въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXLIV, отд. 2, стр. 175; Rodriguez Marin, Cantos españoles № 2253 и далѣе, notas 338 и слѣд.; Child, The english and scottish pop. ballads II, № 44; Revue des traditions pop. I, № 4 (G. Paris, P. Sébillot, S. Tiersot: Les Transformations); ib. № 5.

[3]) Рыбниковъ, Пѣсни I, № 83.

То-же въ пѣснѣ о молодцѣ и Горѣ:

Молодецъ вѣдь отъ Горя во чисто поле,
Во чисто поле сѣрымъ заюшкомъ,
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ, тенета несетъ,
Тенета несетъ всё шелковыя:
«Ужь ты стой, не ушелъ добрый молодецъ!»
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуды,
Молодецъ вѣдь отъ Горя во быстру рѣку,
Во быстру-рѣку рыбой-щукою,
А за нимъ Горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ, невода несетъ [1]).

Или молодецъ обернется яснымъ соколомъ, Горе слѣдомъ за нимъ чернымъ ворономъ [2]); или

молодецъ-то со Горюшка да на синё море,
Еще Горе вслѣдъ да гоголёмъ пловетъ,
И гоголёмъ пловетъ да выговариваетъ:
— И ты постой-ко-сь не ушелъ да добрый молодецъ,
И не на часъ я къ тебѣ Горе привязалося [3]).

Та-же идея роковой, суженой доли выразилась въ народныхъ сказкахъ, въ примѣненіи къ различнымъ жизненнымъ положеніямъ. Однимъ родителямъ предсказано было, что ихъ сынъ будетъ убитъ молніей; во избѣжаніе этого они велѣли построить крѣпкую каменную башню, куда и помѣстили мальчика. Поднялась буря, и молнія убила ребенка; такъ исполнился нарокъ судицъ [4]). Одной царевнѣ нарекли, что она умретъ отъ укушенія змѣи, царь бережетъ её въ стеклянномъ теремѣ, но когда наступилъ «суђен дан», царевна пожелала винограду и была укушена ядовитой змѣйкой, скрывавшейся въ кисти [5]). Къ приведеннымъ

[1]) Ib. № 84.
[2]) Ib. №№ 85, 86; Гильфердингъ, № 90.
[3]) Гильфердингъ, № 177.
[4]) Krauss, l. c. стр. 132.
[5]) Аѳанасьевъ, П. В. III, 336 съ ссылкой на Караджича, Српск. рјечникъ 724.

выше (стр. 189) сказкамъ изъ собранія Валявца присоединимъ еще двѣ. Въ одной изъ нихъ (стр. 85—6) Sojenice пророчатъ новорожденному: одна говоритъ, что когда ему будетъ семнадцать лѣтъ, онъ будетъ растерзанъ звѣремъ; другая говоритъ, что онъ будетъ солдатомъ и умретъ на службѣ; третья, что онъ утонетъ на двѣнадцатомъ году. Это и исполняется: прислуживая въ церкви, мальчикъ попалъ головою въ сосудъ съ святой водой и захлебнулся [1]). Тождественная греческая сказка разсказывается на Наксосѣ [2]). Въ другой хорватской (Valjavec стр. 89—90) сужденицы вѣщаютъ, одна, что новорожденный будетъ солдатомъ, другая, что генераломъ, третья, что когда ему будетъ 22 года, онъ убьетъ отца своего и мать. Узнавъ объ этомъ вѣщаніи, юноша, избѣгая грѣха, пошелъ въ лѣсъ и тамъ сжегъ себя на кострѣ; одна женщина нашла его сердце въ пеплѣ: оно еще дышало, и отъ его дыханія та женщина понесла; ея сынъ и становится убійцей своихъ — первыхъ родителей.

Это вводитъ насъ въ особый рядъ легендъ, извѣстный изъ сербской пѣсни о Находѣ Симеунѣ (Караджичъ II, 68—75): о ребенкѣ, которому предсказано было, что онъ убьетъ отца и смѣшается съ матерью [3]) — и это пророчество оправдывается, какъ и другое, также-же нашедшее выраженіе въ группѣ сказокъ: о бѣдномъ мальчикѣ, которому суждено счастье (Василій Безчастный нашихъ сказокъ), великая участь (Константинъ Великій); его пытаются извести, не разъ посылаютъ на гибель, но его выноситъ его доля, и онъ женится на дочери своего гонителя, что̀ и было ему суждено [4]). Не даромъ женихъ и невѣста

---

[1]) Сл. Аѳанасьевъ, l. c. III, 339—340.

[2]) Πολίτης l. c. II, 222—3; сл. также разсказъ изъ Passow'a, Carmina Graeciae recentioris 620.

[3]) Сл. мою статью: Андрей Критскій и сказаніе объ апостолѣ Андреѣ, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXXIX, Іюнь, стр. 231 слѣд. Къ литературѣ легенды сл. Seelisch, Die Gregoriuslegende въ Zs. f. deutsche Philologie XIX, p. 385 слѣд.; Archivio delle trad. popolari V, 95—6 (св. Сильвестръ-кровосмѣситель въ сказаніи изъ Абруццъ).

[4]) Сл. Мой Dit de l'empereur Coustant въ Romania № 22 и Мелкія Замѣтки къ былинамъ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCLXIII, отд. 2, стр. 41 слѣд.;

называются *сужеными*. Кому на комъ жениться — это дѣло судьбы:

N'jesam ovgje sama došla
Več po putu i sugjenju,

говорится въ сербской пѣснѣ; а болгарская поетъ:

Koja ti e *sudženica*
Samà če ti u dvorŭ dojde.

Сл. малорусскія:

Хотяй-же вінъ зарученый, якъ говорятъ люде,
А коли вінъ *сужений*, то вінъ моімъ буде.

Не разлучить ні батько, ні мати,
Ні чужая чужина,
Коли *судилася* дружина [1]).

«Сужена-ряжена не объѣдешь въ кузовѣ», «сужена-ряжена не обойдешь и на конѣ не объѣдешь», говорятъ пословицы; въ сѣверно-русскихъ причитаніяхъ «судимой сторонушкой» зовется сторона, домъ мужа, куда направляется молодая; бракъ и смерть объединяются у насъ понятіемъ *суда* Божьяго [2]); греческая поговорка присоединяетъ къ нимъ и рожденье: это τὰ τρία κακὰ τῆς μοῖρας [3]). И какъ при рожденіи ребенка ставили трапезу рожденицамъ-судицамъ, такъ дѣвичьи пиры съ гаданьемъ о суженомъ, въ сущности, тѣ-же трапезы μοῖραι'мъ-судицамъ, подательницамъ брачной доли. У насъ извѣстенъ такой дѣвичій праздникъ 1-го Ноября, въ день Кузьмы и Демьяна [4]), кующихъ эту долю;

Владимировъ, Къ изслѣдованію о Великомъ Зерцалѣ, стр. 48 слѣд.; Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, изд. при Дашковскомъ этнограф. музеѣ, вып. II, стр. 181—4; Clouston, Popular tales and fictions II, 458 слѣд.; Романовъ, Бѣлор. сборникъ I, вып. 3, № 81.

[1]) Krauss, l. c. 124, 125; Сл. Valjavec, O rodjenicach i sudjenicah, p. 53; Потебня, l. c. 189.

[2]) Аѳанасьевъ, l. c. III, 372, 373.

[3]) Πολίτης l. c. II, 235.

[4]) Терещенко, Бытъ русск. нар. VI, 62.

то-же совершается въ день св. Екатерины (25-го Ноября) въ Греціи и на Руси: у насъ дѣвушки варятъ кашу изъ пшена и мака, приговаривая: «Доля, ходи до мене вечеряти» [1]); на островѣ Милосѣ [2]), въ праздникъ той-же святой, онѣ пекутъ пирогъ (πλακοῦντα) изъ муки и соли, занятой у трехъ женщинъ, состоящихъ въ первомъ бракѣ, и ѣдя его, взываютъ къ св. Екатеринѣ — и μοῖραι'мъ, пребывающимъ у источника, обложеннаго мраморомъ и золотомъ, гдѣ онѣ купаются, перевивая волосы серебрянымъ шнуромъ: пусть пошлютъ имъ счастливую долю:

Ἅγια μου Κατερίνα μου,
Ντετόρου θυγατέρα,
ἄμε 'ς τὴν ἄρουλα 'ς τὴν κάρουλα
ς 'τὴ μαρμαροχρυσοπηγή,
ποῦναι ἡ Μοίραις τῶν Μοιρῶν
καὶ λούγονται καὶ νίβγονται
κ 'ασημοκορδονίζονται
κ 'ἄν-κι' ἐμένη ἡ δίκη μου
κι' ἄν εἶναι ἄξια καὶ καλὴ
'πές της κ' ἄρχῃ νὰ μ' εὑρῇ.

Пѣсенную иллюстрацію къ представленію брака, какъ Божія суда, предлагаетъ извѣстная побывальщина о Святогорѣ (Рыбн. I, стр. 39—41 прим.; III стр. 3 слѣд.). И не только по отношенію къ браку, но и къ смерти, какъ суду. Ему суждено жениться на дѣвушкѣ, тридцать лѣтъ лежавшей во гноищѣ; если вѣрно мое толкованіе побывальщины о немъ и его женѣ [3]), къ этому пророчеству присоединялось и другое: жена будетъ ему невѣрна. Онъ дѣлаетъ всё, чтобъ отвратить исполненіе этого вѣщанія, но безуспѣшно: онъ женится на суженой и не минуетъ ни ея измѣны, ни смерти, написанной ему на роду. Вмѣстѣ съ Ильей онъ наѣзжаетъ въ сѣверныхъ горахъ на великій гробъ:

---

[1]) Чубинскій, III, 257.

[2]) Πολίτης II, 226—9.

[3]) Сл. мой отчетъ о книгѣ Жданова, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXXI, Февраль, стр. 372 слѣд.

На томъ гробу подпись подписана:
«Кому суждено въ гробу лежать,
Тотъ въ него и ляжетъ».

Ложится сначала Илья, но гробъ слишкомъ великъ для него; онъ пришелся по Святогору: «видно *судьбина* поискала меня», говоритъ онъ.

Фаталистическая сказка о женитьбѣ Святогора стоитъ не одиноко. Такъ въ Болгаріи разсказываютъ: однажды какой-то путешественникъ остановился ночевать въ домѣ, гдѣ хозяйка родила дѣвочку. Въ полночь, когда всѣ уснули—только не спалъ проѣзжій — явились урисницы; первая сказала, что дѣвочка должна прожить 50 лѣтъ; вторая, что она будетъ терпѣть бѣдность; третья, что на тридцатомъ году она сильно заболѣетъ, но черезъ четыре мѣсяца выздоровѣетъ; наконецъ, четвертая сказала, что она выйдетъ замужъ за этого самого путешественника, которому тогда уже было тридцать лѣтъ отъ роду. Въ досадѣ онъ схватилъ ребенка, выбросилъ вонъ и потихоньку удалился. По утру нашли окровавленную дѣвочку у забора; жизнь ея была спасена, но остался небольшой знакъ на спинѣ. Прошло двадцать лѣтъ; тотъ-же самый путешественникъ, проживая въ другомъ городѣ, пріискалъ себѣ невѣсту, сосватался и повѣнчался; замѣтивъ у жены знакъ на спинѣ, онъ разспросилъ её и узналъ, что судьбы своей не минуешь [1]).

Сличите сходный разсказъ, записанный въ пермской губерніи: искалъ одинъ человѣкъ себѣ невѣсту. Пришелъ разъ въ церковь. Старикъ одинъ говоритъ ему: Чего ты ищешь? — Невѣсту.— Взялъ его за руку, подвелъ къ нищимъ и указалъ на горбатую нищую: Вотъ, говоритъ, твоя судьба; не обойдешь, не объѣдешь. Постой-же, думаетъ мужикъ, я засѣку нищую. Нища эта жила въ богадѣльнѣ; вотъ онъ ночью пріѣхалъ туда, выкликалъ горбунью, хватилъ её тесакомъ, а самъ ушелъ скоро. Думаетъ дорогой: Засѣкъ теперь нищу, вотъ и судьба моя!

---

[1]) Аѳанасьевъ, П. В. III, 344.

Однако горбунья отъ удара тесака не умерла, а стала красивой дѣвкой и поступила въ кухарки къ одному офицеру. Назначенный ей судьбою женихъ встрѣтился съ нею и присватался. Она согласилась. Когда молодые пошли въ баню, мужъ увидѣлъ у нея рубцы, разспросилъ ее и узналъ, что она именно та самая, которую онъ покушался убить [1]).

На Литвѣ разсказывается слѣдующее: какой-то графъ принужденъ былъ переночевать въ харчевнѣ, гдѣ въ тотъ день у хозяина родилась дочка. Ночью пришли три лаумы. Одна говоритъ, нарекая судьбу новорожденной: Тебѣ пробьютъ голову, и въ томъ самомъ мѣстѣ никогда не будутъ рости волосы; другая: Ты десять лѣтъ будешь болѣть, затѣмъ выздоровѣешь и станешь красавицей; третья: Ты бѣдна, но станешь богатой, ибо на тебѣ женится тотъ графъ. Графъ ударилъ её молотомъ по головѣ и оставилъ за мертво. По прошествіи 15 лѣтъ онъ женился на ней и призналъ свою суженую по впадинѣ на головѣ [2]). Въ латышскомъ варьянтѣ [3]) та-же тема разработана нѣсколько иначе, и вмѣсто трехъ лаумъ является одна лайма, богиня счастья, судьбы, отождествляемая съ Богородицей (какъ и наша рожаница. Сл. выше стр. 179 и прим.). Тоже содержаніе въ греческой сказкѣ [4]) о купцѣ, подслушавшемъ на ночлегѣ, какъ три мойры судили только что родившейся дѣвочкѣ — быть ей женою пріѣзжаго. Онъ выбрасываетъ её за окно, гдѣ она попадаетъ на колъ, но излечена и становится женою купца, узнающаго въ ней свою суженую по ранѣ на боку.

Ближе къ нашей побывальщинѣ слѣдующее сказаніе закавказскихъ татаръ [5]). Заблудившись въ лѣсу на охотѣ, царевичъ

---

[1]) Пермскій Сборникъ, кн. II, отд. 2, стр. 166; сл. Ждановъ, Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 143.

[2]) Veckenstedt, l. c. II, 94—5.

[3]) Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, изд. при Дашковскомъ этнограф. музеѣ, вып. II, стр. 9.

[4]) B. Schmidt, Griech. Märchen, Sagen u. Volkslieder, № 2, стр. 67—8.

[5]) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія кавказскаго учебнаго округа, вып. 6-й (1888), отд. 4-й: Захаровъ, Народныя сказки закавказскихъ татаръ, № 2.

набрелъ въ лѣсу на маленькій домикъ, гдѣ какой-то старикъ одной рукой перебиралъ длинныя черныя четки, другою-же перелистывалъ лежавшую передъ нимъ большую книгу, въ которую по временамъ что-то записывалъ тростниковымъ перомъ. Старикъ пріютилъ царевича, но долго не соглашался удовлетворить его любопытству: что̀ это онъ дѣлаетъ съ книгой? Оказалось, что онъ записываетъ въ неё судьбу людей, кому что ею опредѣлено; царевичу она предназначаетъ жениться на дочери бѣднаго пастуха, которая вотъ уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ неизлечимой болѣзнью и въ настоящее время лежитъ больная въ хижинѣ своего отца. Царевичъ не повѣрилъ глупому предсказанію и, повернувшись спиною къ старику, стремительно вышелъ отъ него. Цѣлый день пробродилъ онъ въ лѣсу; къ вечеру тропинка вывела его на поле, и онъ поѣхалъ по направленію свѣтившагося вдали огонька. Передъ ветхой хижиной сидѣлъ на землѣ какой-то оборванецъ и чинилъ лапти; онъ оказался пастухомъ и предлагаетъ царевичу переночевать у него, если онъ не побрезгаетъ хижиной, гдѣ спитъ его больная дочь: она страдаетъ неизлечимой болѣзнью и вѣчно лежитъ не двигаясь. Царевичу тотчасъ-же представилось, что это и есть его суженая; ночью онъ подошелъ къ дѣвушкѣ, со всей силой ударилъ её кинжаломъ, положилъ у трупа мѣшокъ съ червонцами и, выйдя изъ хижины, скрылся въ темнотѣ. Дѣвушка страдала водянкой; животъ ея былъ вздутъ такъ, что она не могла ни встать, ни сѣсть, ни ходить; ударъ кинжала прорѣзалъ ей животъ, откуда вытекла вода, смѣшанная съ кровью, и дѣвушка выздоровѣла. На деньги, оставленныя царевичемъ, она переселилась съ родителями въ городъ и стала красавицей. Однажды царевичъ увидѣлъ её, стоявшую на крыльцѣ дома, прекрасную и молодую, точно говорившую солнцу: Ты не выходи, я уже вышла [1]). Онъ влюбился въ нее и проситъ у отца согласія на бракъ: не то онъ бросится съ высокой горы. Свадьба сыграна; однажды молодая

[1]) Объ относящемся сюда кругѣ метафоръ сл. мои Разысканія VIII, 297—299.

съ матерью и сестрами мужа пошла въ баню; онѣ замѣтили на животѣ своей невѣстки глубокій шрамъ и сказали о томъ царевичу. Онъ разспросилъ жену и, узнавъ въ ней дочь пастуха, воскликнулъ: Правда, что все то, что написано въ книгѣ судебъ, должно исполниться и ни одинъ человѣкъ не уйдетъ отъ своей судьбы.

Иначе разработанъ этотъ мотивъ въ слѣдующей сванетской сказкѣ [1]): ѣдетъ однажды молодой князь по селу, видитъ, что подъ навѣсомъ сакли сидитъ дѣвушка, худая, блѣдная, въ поношенномъ платьѣ, и прядетъ шерсть; съ малолѣтства ноги отказываются служить ей. Между тѣмъ князю сердце подсказываетъ: Вотъ твоя судьба, возьми ее въ домъ! Онъ дѣлаетъ предложеніе дѣвушкѣ; надо было долго убѣждать ее и ея недоумѣвавшую мать въ серьозности его намѣреній. За ужиномъ на свадьбѣ взглядъ князя неразъ встрѣчался съ взглядами оскорбленныхъ его выборомъ красавицъ сосѣдокъ, точно говорившихъ ему: И какъ-же это ты, молодецъ, промѣнялъ насъ на эту калѣку! Задумался князь, взяло его раскаяніе; когда молодыхъ отправили въ брачную комнату, онъ, подъ предлогомъ посмотрѣть гостей, вышелъ изъ спальни и пустился вскачь въ непроглядную даль. Уже второй день мчался онъ по лѣсу; наконецъ, выбившись изъ силъ, легъ подъ деревомъ и заснулъ. И вотъ онъ видитъ сонъ: стоитъ онъ въ сумеркахъ на террасѣ своего дома; вдругъ синее небо освѣтилось какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ, облака спустились къ горамъ и сравняли ихъ вершины, образовавъ на нихъ розовую, волнообразную поверхность. Какая-то сила перенесла его туда; видитъ онъ свѣсившіеся съ неба вѣсы и ангеловъ въ блестящихъ бѣлыхъ одеждахъ; по сторонамъ стоятъ группами дѣвушки и парни, всѣ въ праздничныхъ платьяхъ. Раздается тихое пѣніе, ангелы подводятъ къ вѣсамъ дѣвушекъ и молодыхъ людей и сажаютъ ихъ на чашки. Одинъ изъ ангеловъ слѣдитъ за стрѣлкой коромысла вѣсовъ: перетянетъ чашка

[1]) Сборникъ матерьяловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VII, отд. 2, стр. 93—5.

парня—сидящая на другой чашкѣ дѣвушка замѣняется другою; придутъ вѣсы въ равновѣсіе, ангелы соединяютъ руки суженыхъ и отправляютъ на землю. Дошла очередь до князя; вдругъ рядомъ съ нимъ, на другой чашкѣ вѣсовъ, какъ изъ земли выросла его безногая жена. Коромысло стало горизонтально, вѣсы пришли въ равновѣсіе — и онъ проснулся. Перекрестился князь, дивясь этому видѣнію, бодро вскочилъ на своего коня и примчался домой. И зажили молодые супруги счастливо, до глубокой старости.

Представленіе *вѣсовъ*, уравновѣшивающихъ доли ангелы, стоящіе при нихъ — принадлежатъ, быть можетъ, уже христіанскому міросозерцанію; *книга судьбы* въ татарской легендѣ также относитъ насъ къ иному кругу фаталистическихъ образовъ, которые мы разсмотримъ далѣе. Въ нашей побывальщинѣ вмѣсто того является образъ кузнеца, кующаго три тонкихъ волоса и отвѣчающаго на вопросъ богатыря, что онъ куетъ «судьбину, кому на комъ жениться». Такъ куютъ, въ русскомъ повѣрьи, брачную долю свв. Кузьма и Демьянъ:

А святые Кузьма и Дзимянъ,
Скуй намъ свадзибку!
Солучи, Божа, гэтыхъ дзѣтокъ:
Одного роженаго, другаго суженаго

(Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, стр. 297). Къ тому же представленію относятся и южнославянскія выраженія:

Kome bog nije dao sreće kovač mu je ne skova.

—

Zlatu će se kujundžija naći,
a meni će moj sudjenik doći [1]).

Дѣло идетъ не о какомъ либо своеобразномъ пониманіи судьбы ковачемъ, а о поэтической разработкѣ бытоваго мотива, присущаго древнему понятію рожаницы. Я исхожу при этомъ изъ

---

[1]) Krauss, стр. 183, 125.

двойственнаго представленія сѣверной fylgja'и: прирожденной судьбы — и родильной сорочки, естественной *связи*, какъ-бы видимо передававшей человѣку родовое наслѣдіе доли. Рядомъ съ переходомъ рожаницы къ болѣе общему значенію дѣвы судьбы, судицы, совершалось, независимо отъ этого процесса, обобщеніе соотвѣтствующаго вещественнаго символа: идея *связи* осталась, но она дается, *навязывается* на счастье, не унаслѣдуется. Въ *шапочкѣ* Фортуна́та, одареннаго Фортуной — счастливой долей, въ шапочкѣ Сельды (der Saelden huot) [1]) отразилось, въ новомъ освѣщеніи, ста́рое вѣрованіе въ родильную сорочку, Glückshaube, pileus naturalis, приносящіе счастье. Выше (стр. 185—6) мы отмѣтили такое-же значеніе *наузовъ*, Angebinde, ligatura [2]), навязываемыхъ на ребенка на счастье бабами-чародѣйками, заступившими мѣсто рожаницъ-судицъ. Софійская лѣтопись подъ 1044 годомъ разсказываетъ о Всеславѣ: «матери бо родивши его, бѣ ему на главѣ знамя язвѣно, яма на главѣ его; рекоша волсви матери его: се язвено, навяжи на-нь, да носить е (наузу) до живота своего на себѣ». Извѣстны обличенія Святославова сборника противъ тѣхъ, кто призываетъ чародѣевъ и налагаетъ «облишьная писанія на выя дѣтьмъ»; сл. въ Иловицкой Кормчей: «ѡ наоузѣхь рекше оузлѣхъ» (περὶ.... περιάπτων), «оузлы» (τὰ λεγόμενα φυλακτήρια) [3]); по свидѣтельству Слова о злыхъ дусѣхъ, приписаннаго Св. Кириллу, такимъ накладываніемъ наузовъ занимались бабы чародѣицы; царская окружная грамота 1648-го года не велитъ призывать ихъ къ малымъ дѣтямъ, какъ и въ Болгаріи осуждались жены «кои завезуютъ зверове.... и деца малечка».

Простѣйшимъ выраженіемъ идеи родовой *связи*-доли былъ образъ *нити*, сербск. жица: счастіе, среча навязывается, какъ нить:

---

[1]) Grimm, D. Myth. 828.

[2]) Сл. l. c., 1125—1127; Аѳанасьевъ, l. c. въ указателѣ a. v. наузы и III, стр. 358; Mannhardt, l. c. 674 слѣд.; ἅμματα у Пахомія Русана.

[3]) Jagić, Opisi II, стр. 130.

Одвила се златна жица од ведра неба,
Савила се првијенцу око клобука;
То не была златна жица од ведра неба,
Веħ то была добра среħа од мила Бога

(Караџиħ, Срп. пјес. I, 38, 54, 57, 58). Иначе:

Извила се златна жица врхом из мора,
Савила се ђеверима око молитве [1]).

Интересенъ варьянтъ одной сербской свадебной здравицы, гдѣ золотая нить спускается *«изъ рожанства луга»*, что, можетъ быть, стоитъ въ связи съ представленіемъ древнихъ рожаницъ [2]), если, впрочемъ, мы не имѣемъ здѣсь дѣла съ — испорченнымъ варьянтомъ. Въ одной сербской пѣснѣ вила

Uze strěle u *rožana luka*

и убила Милоша [3]).

Въ нѣмецкихъ дѣтскихъ пѣсенкахъ *золотая лента,* либо Windelband, Sîdelband приносится—изъ Engelland, Heenland [4]). Словено-хорватскія повѣрья (Valjavec, l. c., стр. 56, 57) знаютъ вилъ въ роли рожденицъ или сужденицъ, нарицающихъ судьбу дѣвочкѣ, спускающихся съ неба, чтобы научить людей своей вѣщей мудрости. И здѣсь знаменательно знакомое намъ представленіе—нити: въ каждую пятницу передъ новымъ мѣсяцемъ «Vila s neba doleti, da uči ženske kako trěba lěčiti i ljudem hasniti. Ove žene moraju poći s raspletenimi vlasi u zeleni lug, ondě se dvě od njih zajedno s Vilom uzapnu na kojegodar staro drvo, te slušajuci Vilu moraju predivo jesti, da si bole zapamte, šta ih Vila uči; kad se nauće, postanu vilenice. Ove dvě ženske na drvu,

---

1) Караџиħ, Рјечн. s. v. молитва.

2) Сл. Потебня, О нѣкоторыхъ символахъ въ слав. нар. поэзіи, стр. 121, 122.

3) Kukuljević-Sakcinsky, Vila, въ Arkiv za povestnicu jugoslovensku I, стр. 92.

4) Mannhardt, l. c., 681, 688.

kao i sve ostale stušateljice izpod drva, stoje u savezu kroz jednu nit od prediva, koju u ruci drže, pa dok Vila govori, moradu zajedno presti, ili kak puk veli, trgati predivo [1]).

Образъ нити — связи повелъ далѣе къ естественному обобщенію нити, *пряжи:* дѣвы судьбы, парки и норны, феи, лаумы, валькиріи, μοῖραι явились прядущими — нити жизни [2]); напомнимъ лишь грандіозный образъ, открывающій Helgakviđa'у Hundingsbana'у I (Сл. Völunđarkv. 1: örlǫg drýgja — dýrt lín spunnu); сѣверныя выраженія: örlög-simu, örlög-þaettir; Beówulf 698: vîgspêda geviofu: нити, ткань судьбы, какъ и сербы говорятъ: Nesreća (Nevolja) tanko prede; тако ми Срећа напредовала.

Въ бракѣ нити судьбы *связывались;* оттуда символъ связи, перевязыванія платкомъ, ручникомъ въ обиходѣ малорусской свадьбы; одна свадебная пѣсня поетъ о дѣвушкѣ,

Що звъязали изъ Ивасемъ біли руки [3]).

Въ одной малорусской сказкѣ, которую мы приведемъ далѣе, такимъ образомъ сплетаются два лыка; сл. sors отъ √ svar — связывать: судьба, какъ навязанное, consors — связанный съ другимъ, супругъ. Сл. латышскую пѣсенку у Вольтера (l. c. 131):

Декла путы связывала
Сидя у подгорья;
Прививала хорошую матушкину дѣвицу
Къ отцовскому сыну шалопаю.

Но возможенъ былъ и другой образъ: двѣ жизненныя нити — волоса *сковываются*, свариваются нераздѣльно. Оттуда образъ ковача — и имя Кузьмы по созвучію съ кузней. Въ побывальщинѣ о Святогорѣ три волоса замѣнили, очевидно, болѣе древнее и естественное представленіе: первоначально ихъ было два.

---

1) Kukuljević-Sakcinsky, l. c. 89—90.

2) Сл. Аѳанасьевъ, П. В., III, 328—330, 344, 346—348, 350—1, 353—4, 411; Срезневскій, Рожаницы, l. c., 118—119; Veckenstedt, l. c., II, 97 слѣд.

3) Сл. мой отчетъ о сборникѣ Чубинскаго, l. c., стр. 55.

II.

Новымъ моментомъ въ развитіи идеи судьбы явился мотивъ, устранившій представленіе унаслѣдованности и неотмѣняемости: моментъ случая, неожиданности, счастья или недоли, навѣянныхъ со стороны, ни вѣсть откуда. Вдова сѣверно-русскихъ заплачекъ благодаритъ «отцевъ-поповъ духовныхъ», что они пришли къ ней:

Кручинушки моей не убоялися,
Обидушки моей не устрашилися;
Кручина отъ меня да не отшатнется,
Обидушка къ вамъ да не привяжется [1]).

Къ ней она привязалась:

Съ окіянъ-моря напасть-ли, моря синяго,
Аль съ холодной съ подсиверной сторонушки,
Аль съ темныхъ лѣсовъ незгодушка дремучіихъ [2]).

Можетъ быть, сосѣди позавидовали ея счастью,

Чорны вороны таланъ, знать, пріограяли,
Видно, участь ту собаки пріоблаяли [3]).

Сл. старонѣмецкія представленія: «Unheil mir über den wec schreit gelîch einem hunde»; «wen nâch gelücke grôs unheil anbellet» [4]). Я не останавливаюсь пока на этихъ образахъ, напоминающихъ животныя метаморфозы фильгьи и вѣрованія въ встрѣчу (Thierangang) [5]), полазъ и грай, augurium [6]). Меня интересуетъ здѣсь развитіе понятія: идея случая, участи, имъ неожиданно созданной, шла въ разрѣзъ съ строгой причинностью унаслѣдо-

---

[1]) Барсовъ, l. c., I, стр. 110.
[2]) Ib. стр. 209—10.
[3]) Ib. стр. 7; сл. стр. 177.
[4]) Grimm, D. Myth. 832.
[5]) l. c. 1072 слѣд.
[6]) Оттуда boneür, maleür. Krauss, l. c., стр. 136 объясняетъ: bonne heure, male heure!

ванной, нареченной доли, не устраняя ее, но соединяясь съ нею своеобразно и выходя такимъ образомъ къ болѣе широкому обобщенію понятія. Русскія и южнославянскія повѣрья представляютъ въ этомъ отношеніи любопытное разнорѣчіе: понятіе случайности, навѣянности явилось, какъ видно, и у насъ, но торжествующимъ осталось названіе древней *доли* = μοῖρα, εἱμαρμένη, съ тою разницею, что она стала теперь отмѣнимой; отъ нея можно уйти, уберечься: идея, немыслимая на точкѣ зрѣнія прирожденности, сужденности и, очевидно, развивавшаяся въ связи съ моментомъ случая. У сербовъ подборъ былъ обратный: преобладаетъ, для представленія судьбы, выраженіе случайности; *срећа*, собственно, встрѣча, т. е. то, что встрѣтилось, набѣжало ненарокомъ; она и обобщается въ понятіе судьбы, счастья (Срећа) или недоли (Несрећа), какъ и сербск. намјера, намер: на что человѣкъ набрелъ, наткнулся, случай = евр. miqreh, лат. eventus, фр. aventure (=adventura): то что *придетъ*, случится; итал. ventura: случай и *счастье*, срећа, въ противоположности къ sventura=несрећа; лат. fors, fortuna (√ bhar: нести, приносить), συμφορά — собственно, случай, наносная доля, въ противоположности къ sors (судьба привязанная отъ рожденія) и fatum. Сл. противопоставленіе fortuna и fatum у Marc. Cap. 2, 89 и Исидора (Roscher, l. c., a. v. fatum) и въ Иловицкой Кормчей: «иже въ *полоучай* вѣроут' и вь родословиѥ рекше вь *рожданици*» = καὶ εἱμαρμένην καὶ γενεαλογίας; у митрополита Даніила: случай, *полученіе* (получай) и рожденіе; въ Домостроѣ: «въ *получая* вѣруютъ и въ *родословіе*, рекше въ рожаницы» (Аѳан., П. В. III, 323). *Рожденица* = прирожденная судьба, *полоучай* (случай), очевидно, срѣча [1]).

Какъ случайное, навѣянное, Срећа отмѣнима, но такъ какъ понятіе судьбы и здѣсь прошло черезъ стадіи прирожденности,

---

[1]) Jagić, Opisi i izvodi II, стр. 139; сл. Кормчую 1284 г., Лѣт. зан. археограф. комм. 1861, I, 29—и въ 7-мъ Словѣ Григорія Богослова (XIII Словъ Григорія Богослова, изд. Будиловичемъ, стр. 195, столб. 1) переводъ изъ Еврипидова Ореста: μὴ ὀνειδίζω τὰς τύχας = не кори прилоучаи.

нареченности, Среħа отразила въ себѣ частями и эти, болѣе древнія представленія. Доля и Среħа являются, такимъ образомъ, понятіями смѣшанными, только что смѣшеніе стараго и новаго въ нихъ не равномѣрно, на что указываетъ и разница обозначенія.

Старослав. сѫшта, сербск. среħа, хорв. sretja, srića, словен. sreća, хорут. srenča (мадьяр. szerencse, рум. strînšte и streašte; оттуда малор. serenče) означаетъ собственно встрѣчу, occursus, ἀπάντημα, συνάντημα (сл. кака ми сряща быть = πόθεν ἄρα μοι συνήντησεν) [1]). Слѣды такого конкретнаго пониманія, удержавшагося при понятіи Среħа'и — судьбы, не принадлежатъ исключительно поэтическо-этимологической игрѣ созвучіями. Сл. слѣдующіе примѣры:

ja urani rano u nedjelu
ne bi li me kaja *sreća srela*,
kaja sreća jelen jȁ košuta.
Ne srete me jelen ni košuta,
već me srete lijepa djevojka.

—

dobra ga je *sreća susritnula*.

—

sretni tvoji puti bili
i u putu dobra sreća.

Сл. малорус. Бодай тя, сыну, три недолі споткалю.

Встрѣча, случай предполагаетъ нѣчто неожиданное, неопредѣленное по своему исходу, aventure; можетъ быть, грозящее опасностью: «заложити свою главѫ на сращоу» въ Троянской притчѣ — то-же, что se mettre en aventure; сл. въ славянской вставкѣ въ 10-мъ Словѣ Григорія Богослова: «овъ сърѣтеним сѫмьнитьсꙗ» (Будиловичъ, l. c., стр. 243, столб. 2). Но встрѣчи бываютъ счастливыя или нѣтъ: «срѣще глаголюще ови зли, ови добры» [2]); «злоу, доброу сращоу имать», «лиха стрѣча» [3]), что

---

1) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки № LXXXVII (Житіе Андрея Юродиваго), стр. 176.

2) Miclosich, Lexicon a. v. сѫшта (изъ Номоканона XVI в.).

3) l. c.: Miscell. Шафарика XIV в.; Сборн. XV в.

готовитъ насъ къ олицетворенію Сречи; сл. съряща, сряща = συμφορά, calamitas [1]). Та или другая встрѣча, случай, примѣта можетъ быть истолкована къ лиху или добру; на этомъ основано старое вѣрованіе и особые пріемы гаданія: Константинъ Багрянородный (De Cer. 467, 9) говоритъ о βιβλίον συναντηματικόν = встрѣчникѣ, собраніи примѣтъ и «встрѣчъ», по которымъ судили о военныхъ удачахъ или неудачахъ; сл. въ индексахъ: «путникъ книга, въ ней же есть писано о встрѣчахъ коби всякія еретическія; слѣпца стрѣтить» [2]). Церковь обличала относящіяся сюда суевѣрія: «на срѣщоу смотрите», «сращомь вѣруютъ», «въ стрѣчю вѣровати» [3]); «трубами, гоусльми, скоморохи, пласаниемь, лжами, сращами, волхвованиемъ» [4]); «оузьлникъ, смываки чл҃вкы, въ птищь грай вѣроуѩ, и баснемъ сказатель, скриваки вь-срѣтени врѣдь лица или ногоу или птице или гады забаваѩ» = περικαθαίρων, οἰωνιστὴς, συμβολοδείκτης, παλμῶν ἑρμηνεὺς, φυλαττόμενος ἐν συναντήσει λώβας ὄψεως ἢ ὀρνίθων ἢ γαλῶν ἢ ἐπιφωνήσεων ἢ παραχροαμάτων [5]); «срѣщоу створити оть птиць» [6]); «вѣруютъ въ стрѣчю, въ чехъ, въ полазъ и въ птичьи грай» (Слово о небесныхъ силахъ, сл. Пам. росс. словесности XII вѣка, стр. 95); «ни

---

[1]) Сл. Востоковъ, Словарь, а. v. сърѧшта (Златоструй XII и XVI вв.).

[2]) Тихонравовъ, Пам. отр. русск. лит. I, стр. IX, № 92; Срећковић, Ист. српск. народа I, стр. 459 прим. (изъ сборн. пештской патріархіи). Сл. Слова ст҃го ѿц҃а нш҃го Кирила ѡ҇ злых ѡ҇ невѣрных чл҃вцех, Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. XLII, стр. 14: во п'тицы вѣрують, в дятлы и в' желны и в' вороны ї в' сїницы; коли г'дѣ хощеть поити, которыѧ прїдуть и попають нам, то мы послушеем птиц тѣх, добро ли или лїха; аще поиграють по нш҃ей мысли, то мы себѣ гл҃им ӣ рекше гл҃юще: добро ли нам п'тицы се говорѧть. О чл҃вци ѡ҇каян'ницы! не Бг҃ъ лї нам п'тицы сѣ указа? п'тиць е҇си пытаешь, гдѣ хощешь поити; что сътворитсѧ, то мы начнем дружине своеи повѣдати: поч'то мы не воротили҃? не без лбе нам птахи не велѣли поити, а мы не послушахом.... Аще г'дѣ им поити, то они вѣрують в с'трѣчю ӣ в чох, а нам же г'дѣ поити на долгыи пут, то мы слушаем стых кни҃ во стых црькват во всѧ дни» и т. д.

[3]) Miclosich, l. c. a. v.; Срезневскій, Свѣдѣнія и Замѣтки LVI, стр. 312 (Дубенскій Сборникъ).

[4]) Востоковъ, Miclosich l. c. (Измарагдъ 1509 г.).

[5]) Jagić, Opisi i izvodi II, стр. 133 (Кормчая 1262 г.).

[6]) Miclosich, l. c. a. v.

в стрѣчю ни в полазъ ни въ чех вѣровати» [1]); «вѣровати... въ устряцю» (вар. въ стрячю), . . . птиции чарове (вар. въ птичь грай)» [2]); «се бо не погански ли живемъ аще усрѣсти вѣрующе» [3]).

Это даетъ особое значеніе привѣтствію, съ которымъ у западныхъ болгаръ, въ Черногоріи и Далмаціи обращаются къ путнику: Dobra sreća! Едва-ли это означаетъ, какъ думаетъ Краусъ, добрую встрѣчу въ обычномъ значеніи слова; мы сказали-бы счастливая — въ связи съ старымъ вѣрованіемъ въ сречу = ventura. Её не только «встрѣчаютъ», но она является и дѣйствующимъ лицомъ; здѣсь мы вступаемъ на почву современныхъ южнославянскихъ вѣрованій и олицетворенія: Среча спѣшитъ, бросается на помощь герою, на встрѣчу его врагу; худая, жалкая, черная встрѣча-доля, ведущая къ обобщенію Несреħа'и, какъ недоли.

Puca šarka živi oganj daje
al Ivanu *sreća priskočila*
pa mu ništa naudila nije.

—

Tadara je turcima loša sreća *priskočila* [4]).

Отмѣтимъ выраженія: Среча *нашла* на дѣвушку, явилась къ ней во время (zadobila), либо красавица *досталась* кому-нибудь «u sreći» (dopala); Среча *приноситъ* ребенку въ колыбели хорошіе сны; *namjera* je starca *nanijela*, или *namijer* ga i *sreća* nan'jela; среħице се наносили [5]). Пожеланія, чтобы Среча или Несреча ввѣкъ была съ тѣмъ или другимъ и т. п., не даютъ повода заключить вмѣстѣ съ Krauss'омъ [6]), что Среча являлась съ значеніемъ духа-хранителя, Tutela, *прирожденнаго* человѣку,

---

[1]) Востоковъ, l. c. a. v. полазъ (Измарагдъ 1509 г.).

[2]) Тихонравовъ, Лѣтописи IV, 106.

[3]) Лаврент. Л², 165—6.

[4]) Krauss, l. c., p. 41, 47, 49—50, 73, 75; сл. 74 слѣд. и Потебня l. c. 158.

[5]) Krauss, ib. 55, 54, 57, 63, 45, 46; Потебня, 160.

[6]) l. c., стр. 62. Сл. сопоставленія у Валявца, O Sudjenicah p. 61.

хотя такое пониманіе доли должно было войти, неяркою, впрочемъ, чертою, и въ ея образъ, какъ напр. въ сербской пѣснѣ, гдѣ вилы говорятъ юнаку о его народившейся «Сречѣ»:

Ovamo svraćaj, junače;
tvoja se srića rodila,
suncěnom zrakom povila,
misecom sjajnim gojila [1]).

Въ уровень съ пониманіемъ Срећи, какъ случая, навѣянной, со стороны пришедшей доли, стоятъ преданія о томъ, что отъ нея можно отдѣлаться, освободиться. Русскія сказки о Долѣ и аналогическія нѣмецкія отвѣчаютъ тому же пониманію случайной, не прирожденной судьбы. Одному новорожденному рожденицы предсказали, что когда ему наступитъ одиннадцатый годъ, онъ повѣсится. Родители наставили его при каждомъ дѣлѣ приговаривать: Во имя Божіе! Когда его часъ наступилъ, онъ пошелъ въ лѣсъ, идетъ и говоритъ: Пойду, повѣшусь во имя Божіе! Три раза онъ пытался повѣситься, приговаривая тѣ-же слова, и всякій разъ обрывалась веревка. Такъ прошелъ «сужденый» часъ, и мальчикъ остался въ живыхъ [2]). Въ латышской сказкѣ [3]) Лайма предсказала царевичу смерть отъ Perkons'а; въ предупрежденіе этого царь велѣлъ построить желѣзный склепъ. Когда насталъ роковой день, разразилась гроза, но царевичъ, не смотря на просьбу отца, пошелъ не въ склепъ, а на гору. Склепъ разбило, а юношу Perkons пощадилъ за то, что онъ не пытался отъ него скрыться. Въ Сербіи разсказывается объ одномъ царѣ, которому суждено было внезапно умереть въ пору высшаго его величія. Такъ объявилъ царю какой-то нищій; одна изъ сужденицъ сказала, что если найдется человѣкъ, который уступитъ царю пятнадцать лѣтъ изъ своей жизни, царь процарствуетъ еще столько же лѣтъ. Объ этомъ объявили по всей

[1]) Krauss, l. c., стр. 58.
[2]) Valjavec, O Sudjenicah, стр. 56.
[3]) Revue de traditions populaires, III, стр. 118: Henri Zinciëm-Wissendorff, Légendes mythologiques lettonnes, № XII.

странѣ, обѣщая богатую награду тому, кто бы рѣшился пожертвовать частью своей жизни. Долгое время никто не отзывался, пока не явился какой-то солдатъ, движимый любовью къ своей матери, жившей въ нищетѣ [1]). По другой версіи точно также продолжена была жизнь мужа его женой, согласившейся умереть вмѣсто него [2]). Интересна греческая сказка о μοῖρα'ѣ, измѣнившей жалкую долю дѣвушки въ счастливую: одна старуха велитъ бездольной пойти къ темной, отвѣсной скалѣ и попросить свою мойру, чтобы она нарекла ей на ново ея участь (ῥιζικόν); пусть возметъ съ собой неквашеный хлѣбецъ и скажетъ: Мойра моя, нареки мнѣ, я принесла тебѣ вкусное кушанье. Тогда явится черная старуха и спроситъ: чего ей надобно. Узнавъ, за чѣмъ она пришла, она удалится, и явится μοῖρα; она велитъ тебѣ подойти, но ты закляни её, чтобъ она тебя не пожрала, и поднеси ей хлѣбецъ. Какъ поѣстъ, смилуется и исправитъ твою долю. Только не клади соли въ хлѣбецъ, иначе μοῖρα ослѣпнетъ, не будетъ въ состояніи ходить по горамъ и свалится: тогда либо ты умрешь, или тебя постигнутъ разныя несчастія. Дѣвушка сдѣлала, какъ ей было заказано — и нашла новую долю: вышла за богатаго, только осталась бездѣтной, ибо μοῖρα не дѣлаетъ человѣка окончательно счастливымъ [3]). Въ другихъ греческихъ сказкахъ [4]) сестра устраняетъ несчастную долю брата, нареченную ему мойрами, мачеха обходитъ хитростью судьбу, назначенную ея падчерицѣ.

Доказательнѣе, въ смыслѣ сравненія съ другими аналогическими сказаніями, слѣдующія южнославянскія. Въ Босніи разсказываютъ про одного парня, что онъ убилъ свою Sreća'у, потому что она плохо ему служила, ему не везло. Другая босняц-

---

[1]) Сл. легенду о Соломонѣ у Драгоманова, Малор. нар. преданія и повѣрья, стр. 100.

[2]) Krauss, l. c., стр. 132.

[3]) Πολίτης l. c. 224—5. По ученію этруссковъ fata могли быть отсрочены на 10 лѣтъ. Roscher l. c., s. v. fatum.

[4]) B. Schmidt, Griechische Märchen, Sagen u. Volkslieder, № 3, стр. 68—70; сл. прим. на стр. 223 къ № 3.

кая сказка говоритъ о богатомъ дядѣ и бѣдномъ племянникѣ, скитавшемся по свѣту; когда однажды племянникъ зашелъ къ дядѣ, тотъ предложилъ ему остаться у него: онъ его устроитъ и женитъ. Юноша согласился. Разъ дядя засыпалъ скоту соли и пошелъ домой; случайно вышелъ и племянникъ, видитъ: стоитъ на полянѣ дѣвушка и загоняетъ платкомъ скотъ къ мѣсту, гдѣ свалена была соль. Я Среча твоего дяди, отвѣчаетъ она на вопросъ юноши. А гдѣ же моя Среча? спрашиваетъ онъ въ свою очередь. — Она спитъ вотъ подъ тѣмъ терновымъ кустомъ. — Молодецъ дѣйствительно находитъ спящую и убиваетъ её ударомъ полѣна; я убилъ свою Сречу, говоритъ онъ, вернувшись, дядиной Сречѣ: что мнѣ теперь дѣлать? — Пойди туда, гдѣ люди божіе строятъ водяную мельницу: они тебѣ и скажутъ и т. д, [1]).

Сходное преданіе разсказывается въ Сербіи. Жили-были два брата общимъ хозяйствомъ, преуспѣвавшимъ со дня на день. Одинъ братъ ничего не дѣлалъ, шляясь день-деньской; другой неустанно работалъ. Непріятно ему было видѣть, что братъ ничего не дѣлаетъ, онъ и предложилъ ему разстаться и хозяйничать порознь. Такъ и сдѣлали; но съ тѣхъ поръ трудолюбивому брату ни въ чемъ не везло и подъ конецъ онъ совсѣмъ разорился. Пойду я, посмотрю, какъ живется брату, говоритъ онъ. Идетъ и видитъ по дорогѣ стадо овецъ, при нихъ дѣвушка-красавица, прявшая золотую пряжу. Кому принадлежатъ эти овцы? спрашиваетъ онъ. Да тому же, кому и я: я Среча твоего брата. А гдѣ же моя Среча?—Она далеко отсюда.—Онъ отправляется искать ее, но напередъ зашелъ къ брату, который, увидавъ его босымъ, подарилъ ему пару постоловъ. Съ кускомъ хлѣба въ мѣшкѣ и палкой молодецъ идетъ куда глаза глядятъ, пока не нашелъ въ одномъ лѣсу грязную старуху, спавшую подъ дубомъ. Онъ ударилъ её палкою, она едва открыла глаза и промолвила: Счастье твое, что я спала, не то не добыть-бы тебѣ и этихъ постоловъ.—Кто ты?—Я твоя Среча [2]).—Какъ здѣсь съ Сречей,

[1]) Krauss, l. c., 66—7.

[2]) Караџић, Срб. ск. № 13. Krauss, l. c., стр. 67—9.

такъ расправляется въ русской сказкѣ (Аѳан. № 172) мужикъ съ своимъ счастьемъ: пока его братъ пьетъ, гуляетъ, ничего не дѣлаетъ, его счастье за него пашетъ, потому что у счастливаго «талан невсыпущій» [1]), какъ въ греческой сказкѣ [2]) мойры, надѣлившія дѣвушку лѣнью, прядутъ за неё и дѣлаютъ её счастливой, а о нѣмецкой Saelde говорилось, что она бдитъ, пока покровительствуемый ею человѣкъ покоится: dîn Saelde wachet; Недоля спитъ: ich waen sîn Saelde slâfe. Такъ и въ нашей сказкѣ: Доля несчастнаго лежитъ подъ кустомъ въ красной рубашкѣ, ни днемъ, ни ночью ничего не дѣлаетъ, только спитъ. Подкравшись къ своему Счастью — Горю, мужикъ вытянулъ его пó боку палкой изъ всей силы — и оно обѣщаетъ помочь ему: пусть только броситъ крестьянское дѣло, къ которому оно непривычно, и займется торговлей: Я купеческія дѣла всякія знаю. Какъ сталъ мужикъ собираться въ городъ торговать, Горе плачется, что его покидаютъ; Нѣтъ, милое, я тебя съ собою возьму, а здѣсь не покину, отвѣчаетъ тотъ, велитъ Горю влѣзть въ сундукъ, заперъ его тремя замками, да и зарылъ въ землю. Сбывъ Горе, онъ въ городѣ расторговался и разбогатѣлъ; провѣдалъ о томъ удачливый братъ, спрашиваетъ, какъ это онъ ухитрился изъ нищаго богачемъ стать. — Я свое Горе въ сундукъ заперъ да въ землю зарылъ въ деревнѣ, на старомъ дворѣ. — Позавидовалъ удачливый братнину счастью, вырылъ сундукъ, выпустилъ Горе и говоритъ: Ступай къ моему брату, раззори его до послѣдней нитки!—Нѣтъ, лучше я къ тебѣ пристану: ты добрый человѣкъ, ты меня на свѣтъ выпустилъ, а тотъ лиходѣй въ землю упряталъ. Привязалось Горе къ завистливому брату и раззорило его до конца.

Таковъ типъ сказки, развивающейся въ цѣломъ радѣ варьянтовъ [3]): дѣйствующія лица — два брата, удачливый и безчаст-

---

[1]) Драгомановъ, Нар. мал. пред. и повѣрья, стр. 184.

[2]) B. Schmidt, l. c., № I, стр. 65—66.

[3]) Сл. у Аѳанасьева еще № 171 и прим. къ №№ 171—172; Драгомановъ, l. c. стр. 413—414 и прим.; Чубинскій, Малорусскія сказки, Отд. I, №№ 110—112; Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ I, вып. 3 (Сказки) №№ 67 и 68.

ный; Горе, Нужа или Злыдни — все олицетворенія Недоли; бездольный освобождается отъ нея, спуская её въ яму и закрывъ камнемъ, либо бросая въ рѣку съ жерновами, въ прорубь — въ корчагѣ или бочкѣ; защемивъ Злыдней въ деревѣ или спрятавъ ихъ въ рожкѣ подъ мельничный валъ. Какъ Горе, такъ и Злыдни не хотятъ отстать отъ человѣка, просятся съ нимъ на новоселье: мы отъ тебя не отстанемъ, говорятъ Злыдни; такъ говоритъ и Unsaelde у Реймара бездольному, который, желая избыть её, оставилъ родину и идетъ въ чужіе края—а Unsaelde тутъ какъ тутъ и объясняетъ ему:

> Swaz du geliefe, daz selbe ich rande,
> ûf dînem halse was mîn gemach.

Въ другомъ нѣмецкомъ-же сказаніи рыцарь также освобождается отъ нея, какъ молодецъ отъ Злыдней—Горя: въ лѣсу онъ видитъ надъ собой на деревѣ какое-то странное существо, которое похваляется: ich bin dîn Ungelücke. Онъ приглашаетъ его сойти и раздѣлить его скудную трапезу, но тотчасъ-же схватываетъ и забиваетъ въ дупло. Съ тѣхъ поръ ему повезло; узнавъ, какимъ образомъ онъ отдѣлался отъ своей Недоли, какой-то завистникъ выпускаетъ её изъ заключенія, но она тотчасъ привязывается къ предателю, осѣдлавъ его шею [1]).

То обстоятельство, что Среча сербскихъ сказокъ спитъ въ лѣсу, за кустомъ, навело Крауса [2]) на предположеніе, что первоначально она была тождественна съ духами лѣса, дерева. Горе русской сказки также лежитъ подъ кустомъ, Unsaelde гнѣздится на деревѣ; въ сѣверно-русскихъ причитаніяхъ злая судьбина навѣяна изъ лѣсовъ дремучихъ — но хорватскія и хорутанскія рожденицы живутъ въ пещерахъ [3]), μοῖραι въ горахъ [4]), и ихъ можно-бы съ такимъ-же основаніемъ признать существами

---

[1]) Grimm D. M., 832—3.
[2]) l. c., стр. 69.
[3]) Valjavec, O Sudjenicah, 57.
[4]) Πολίτης, l. c., 209—10.

горными, какъ въ норнахъ и валькиріяхъ раскрывали (Mannhardt и др.) ихъ древнее отношеніе къ влагѣ [1]). Носительницъ тайной, неисповѣдимой судьбы естественно было удалить подальше отъ людей, окружить тайной; рѣшающимъ могло явиться представленіе судьбы, какъ преимущественно несчастной, недоли: сл. μοῖρα— участь, но чаще злая участь; συμφορά — случай, но главнымъ образомъ, несчастный; συνάντημα = встрѣча, случайное происшествіе, но Исх. 9, 14: казни; напомнимъ и карающее значеніе Немезиды (сл. выше стр. 181) и т. д. Такія олицетворенія поневолѣ принимали демоническій оттѣнокъ: ихъ представляли себѣ въ лѣсу, въ болотѣ—и въ этомъ окруженіи мыслимо воздѣйствіе на нихъ другихъ фантастическихъ образовъ, обусловленныхъ иными источниками народной миѳологіи. Необходимо помнить, что представленіе доли-сречи — сложное, допускающее объясненіе той или другой подробности не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ моментовъ развитія. Когда разсказывается, что Кручина-Доля даритъ человѣку утку, несущую золотыя яицы, μοῖρα-τύχη руководитъ героемъ греческихъ сказокъ [2]) и т. п. — мы можемъ поставить вопросъ: идетъ-ли тутъ дѣло о Долѣ-*Сречѣ*, или развитіе понятія судьбы остановилось на олицетвореніи *прирожденной* Доли, и ея подарки не что иное, какъ поэтическая разработка, вызванная этимъ олицетвореніемъ. Подобный вопросъ поднимается и по поводу слѣдующаго: извѣстно древнее зооморфическое представленіе души въ образѣ мыши [3]); въ одной малорусской легендѣ она является олицетвореніемъ Доли. Душа и Доля въ одномъ и томъ-же образѣ указываетъ на ту стадію развитія въ идеѣ судьбы, когда она понималась, какъ прирожденная, какъ fylgja; между тѣмъ легенда, въ которой этотъ образъ является, входитъ въ разрядъ только что разобранныхъ: о Не-

---

[1]) Къ этимологіи norn'ы сл. Heinzel въ Zs. für deutsch. Alterthum, B. XXX, стр. 274.

[2]) Сл. Аѳанасьева, Ск. № 114^{b} и т. IV, стр. 231—2; Чубинскій, II, Отд. I, № 127; Hahn, Griechische und albanesische Märchen, Sachverzeichniss a. v. Möre.

[3]) Сл. мой отчетъ о брошюрѣ Прато, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXIV, Ноябрь, стр. 164—5; Mannhardt. l. c. 79 прим. 6.

долѣ, которую можно сбыть, замѣнить Долей. Были два брата, богатый и бѣдный. Когда богатый справлялъ пиръ, бѣдный пришелъ къ нему попросить кусокъ хлѣба. Богатый отказалъ: Ступай, говоритъ, лучше стереги свой хлѣбъ, чтобы скотъ стоговъ не подъѣдалъ. Тотъ пошелъ, сѣлъ подъ своими двумя стожками и видитъ, что мышь всё таскаетъ колосья изъ его стоговъ да въ богачевы носитъ. Поймалъ онъ эту мышь и давай её сѣчь. «Такъ мнѣ приказано, говоритъ мышь, я твоего брата счастье». У этой мыши бѣднякъ узнаетъ, что его собственное счастье не здѣсь, а ажъ въ десятомъ селѣ. «Тамъ сгорѣла корчма; выпроси у пана это корчмище; онъ тебѣ дастъ». Бѣднякъ такъ и сдѣлалъ, нашелъ на корчмищѣ кладъ и разбогатѣлъ [1]). Замѣтимъ, что въ одномъ варьянтѣ этой сказки доля является не мышью, а разубранной барыней.

Къ наиболѣе сложнымъ образамъ Доли-Сречи относится представленіе нѣмецкой Saelde. Гриммъ [2]) собралъ для нея множество указаній; мой выборъ изъ нихъ и послѣдовательность, въ которой я ихъ привожу, опредѣлены предыдущимъ изложеніемъ, хотя въ данномъ случаѣ вопросъ запутанъ — литературными вліяніями: Saelde попала въ руки поэтовъ, разработавшихъ ея образъ по типу классической Fortuna'ы, и въ томъ, что они сообщаютъ о ней, не всегда легко отличить метафору отъ народнаго образа. Когда говорится: «ich bin ouch in frô *Saeldens schôz* geleit» — я склоненъ видѣть въ этомъ черту древняго представленія рожаницы, какъ выше (стр. 208) мы связали Saelden huot съ fylgja=pileus naturalis. Выраженіе: thiu Sâlida in thar gaganta (eis occurrit) относитъ насъ, наоборотъ къ представленію Сречи, aventure; что она то бдитъ, то спитъ, указываетъ на обобщеніе: это—Доля и Недоля вмѣстѣ, возведенныя къ идеѣ Фортуны, которая то улыбается, то сердится, бѣжитъ, оставляетъ человѣка. Она отъ

---

[1]) Потебня, l. c. 171 (Игн. зъ Никл. Каз. 71); Драгомановъ, l. c. 410—413; ib. 182—184; сл. Чубинскій, I, стр. 216; II, отд. I, № 128; Аѳанасьевъ, Ск. № 172, стр. 107 прим.

[2]) Grimm, D. Myth. стр. 822 слѣд.

Бога (got wîse mich der Saelden wege; got wil uns Saelde lâzen wahsen) — и у ней колесо древней богини. Съ подобными христіанскими и классическими мотивами, вторгшимися въ представленіе славянской судьбы, мы познакомимся далѣе. Сл. въ сербской Александріи слова Дарія: «кмоу же бози соупротив'лмють се, томоу чьсть на безьчьстіе (вар. срића на несрићу) прѣмѣноукть се»; «честь (вар. срића) тихомь лицемь кь мнѣ обрапштати се начеть» [1]).

III.

Когда къ представленію прирожденной доли примѣшалась идея случайности, доли навѣянной со стороны, но и отводимой, самое понятіе судьбы должно было расшириться по разнымъ направленіямъ. Долю можно было измѣнить, добиться другой; въ одной малорусской пѣснѣ, гдѣ казакъ жалуется на свою долю, она отвѣчаетъ ему: Не я виновата, а воля; сл. русскія пословицы: во всемъ доля, да воли ни въ чемъ; своя волюшка доводитъ до горькой долюшки [2]). Если Нужда Слова о полку Игоревѣ=Нужа, Недоля нашихъ сказокъ, то и тамъ тоже противоположеніе, поддержанное рядомъ другихъ: «тьма свѣтъ покрыла», хула вознеслась надъ хвалой—и «уже трѣсну Нужда на Волю»: злая Доля переяла волю; «а мы уже, дружина, жядьни веселия!» — Воля выводитъ къ освобожденію отъ гнета фаталистическаго преданія: былины о Святогорѣ, взысканномъ своей судьбиной въ женитьбѣ и смерти, стоятъ еще на точкѣ зрѣнія фатализма, пѣсни объ Ильѣ представляютъ, несомнѣнно, болѣе свободное пониманіе, особливо былины «о трехъ поѣздкахъ»: на распутьѣ написано, что кто поѣдетъ по одной дорогѣ, тому убиту быть, кто по другой—женату быть, кто по третьей—казну добыть. На Ильѣ ни одно изъ этихъ вѣщаній не оправдывается [3]).

---

[1]) Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти, I, стр. 243, 245.

[2]) О. Миллеръ, Илья Муромецъ стр. 779—80, прим. 44.

[3]) Сл. мой отчетъ о Ждановѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXXI, Февраль, стр. 379.

Говоря о болѣе свободномъ пониманіи, я не столько оттѣняю моментъ воли, свободнаго рѣшенія, сколько менѣе яркую и послѣдовательную разработку идеи сужденности. Въ сущности и судьба Ильи опредѣлена заранѣе: если онъ не убитъ въ одной изъ трехъ поѣздокъ, то потому, что такъ ему не суждено. Выражается это такимъ образомъ:

На бою-то Ильѣ смерть не написана.
(Рыбниковъ I, № 12, сл. № 15)

Написано было у Святыхъ Отцевъ,
Удумано было у Апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому.
(Кирѣев. I, № 1, стр. 51).

Соловниковъ стрѣляетъ въ него, но не убилъ:

Да тутъ Ильюшкѣ не къ суду пришло
(Рыбниковъ II, 14),

т. е. смерть не была ему суждена. Рядомъ съ этимъ древнимъ пониманіемъ судьбы — суда, другое, уже встрѣтившееся намъ въ одной татарской легендѣ (сл. выше стр. 204 слѣд.): доля гдѣ-то записана. Къ книгѣ судьбы мы еще вернемся; не въ ней-ли стояло, вмѣстѣ съ рѣшеніемъ, что Ильѣ не быть убиту въ бою, и другія два, давшія мотивъ для пѣсни о трехъ поѣздкахъ? Илья представился-бы намъ тогда въ такомъ же освѣщеніи фатализма, какъ и Святогоръ: онъ избѣгаетъ опасностей, потому что онѣ ему не наречены, не написаны; въ этомъ смыслѣ онъ и подновилъ надпись на камнѣ при распутьѣ, грозившую проѣзжему той или другой невзгодой:

Старую-то подпись поддалбливалъ,
Да подписывалъ подпись онъ новую:
«Во дороженьку, вить, ѣздилъ — убитъ не былъ;
А во другую я ѣздилъ — жонатъ не былъ».

«Какъ въ тую дорожку ѣздилъ — богатъ не былъ».
(Кирѣев. I, № 2, стр. 89; Рыбн. II, № 62).

Сербская сказка о двухъ братьяхъ и двухъ доляхъ, разо-

бранная нами выше, даетъ намъ поводъ прослѣдить еще далѣе развитіе идеи судьбы. Самостоятельное или нѣтъ — рѣшить трудно. Первое мыслимо логически, внѣ постороннихъ ученій и воздѣйствій: именно идея случайной, встрѣчной доли или недоли, ненарокомъ привязывающейся къ человѣку, могла вызвать не только представленіе ея демоническимъ существомъ, но и вопросъ, почему она такъ неравномѣрно распредѣляется между людьми, отчего одному везетъ, другому нѣтъ, откуда или отъ кого выходитъ выборъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, обнявшимъ, вмѣстѣ съ сречей-случаемъ, и болѣе древнее представленіе прирожденной доли, могъ явиться таинственный образъ сербскаго Усуда, правящаго Сречей и Несречей[1]). Krauss[2]) предполагаетъ его сложившимся подъ семитическими, во всякомъ случаѣ восточными и при томъ поздними вліяніями; едва-ли это объясненіе приложимо и къ соотвѣтствующему образу малорусской сказки, гдѣ роль Усуда играетъ старуха - судьба или Богъ. Можетъ быть, слѣдуетъ допустить тамъ и здѣсь встрѣчныя теченія христіанскихъ идей и народныхъ фаталистическихъ образовъ, стоявшихъ на пути къ аналогическимъ обобщеніямъ.

Объ Усудѣ въ упомянутой сербской сказкѣ разсказывается слѣдующее: когда молодецъ ударилъ старуху, спавшую подъ ду-

---

[1]) Шагомъ къ обобщенію въ развитіи идеи судьбы представляется сказка у Аѳанасьева № 202. бѣднякъ встрѣчаетъ двухъ паннъ, Счастье и Несчастье, и жалуется имъ на свою недолю. Одаримъ мы его, говорятъ онѣ. Коли онъ твой говоритъ Счастье, то ты его и надари. Дали онѣ ему десять рублей, но онъ ихъ спряталъ въ горшокъ съ щелокомъ—а жена, не зная того, отдала его сосѣдкѣ. Въ другой разъ онѣ дали ему двадцать рублей; онъ схоронилъ ихъ въ мякинѣ, которую та-же сосѣдка выпросила у жены бѣдняка. Третій подарокъ — два гроша: на нихъ онъ купилъ рыбку, другую дали ему даромъ. Принесъ онъ ихъ домой; проѣзжалъ попъ черезъ село, мужикъ отворилъ ему ворота и смѣется.— Чего ты смѣешься?—А у меня рыбка такая: кто посмотритъ на нее, того смѣхъ возьметъ. Попъ далъ мужику за ту рыбку пару воловъ, пару коней и много жита. «И такъ мужикъ знашоу своё счасцё у двухъ грошахъ». Здѣсь счастье и несчастье не привязаны къ человѣку и не навѣяны ему; то и другое ему на пути, и не ими опредѣляется его доля. Это — выходъ къ идеѣ Судьбы. Сл. въ прим. Аѳанасьева къ этой сказкѣ арабскую изъ Тысячи и одной ночи: Кожіа Гассанъ Алгаббала (Аѳ. Ск. IV, стр. 486—7) и Clouston, l. c., стр. 400 слѣд.

[2]) Krauss, l. c., 95, 107 слѣд.

бомъ, она объявила себя его Сречей, данной ему Усудомъ. Безчастный идетъ къ Усуду спросить о причинѣ своей бѣдности. На пути, узнавъ о цѣли его странствованія, другіе къ нему обращаются съ просьбой — вывѣдать отъ Усуда, почему у нихъ то или другое не ладится. Далѣе пустынникъ показываетъ ему путь и научаетъ его дѣлать, не говоря ни слова, все, что будетъ дѣлать Усудъ. Безчастный застаетъ Усуда въ царскихъ палатахъ, окруженнаго толпою слугъ. Усудъ ужинаетъ, ужинаетъ и онъ; Усудъ ложится спать, ложится и онъ. Около полночи слышатся страшный гулъ и чей-то голосъ: О Усудъ, Усудъ, родилось сегодня столько-то душъ: дай имъ, что хочешь.—Усудъ всталъ, открылъ сундукъ съ деньгами и сталъ разсыпать по комнатѣ одни дукаты, говоря: Какъ мнѣ сегодня, такъ и имъ до вѣка. Въ слѣдующіе дни домъ Усуда все уменьшался, и все окружающее его измѣнялось къ худшему. Наконецъ онъ съ гостемъ очутился въ бѣдной избушкѣ. Съ утра взялъ онъ заступъ и сталъ копать землю; по его примѣру, гость — тоже. Только вечеромъ Усудъ досталъ кусокъ хлѣба, отломилъ половину и далъ гостю. Ночью послышался голосъ, какъ и въ тѣ дни. Усудъ вмѣсто отвѣта отворилъ сундукъ и сталъ разсыпать по полу одни черепки, между которыми изрѣдка попадалась мелкая поденщицкая денежка. Тутъ завершился кругъ: на утро хижина стала опять царскимъ дворцемъ. Тогда Усудъ, узнавши, что привело гостя, сказалъ: Ты родился въ бѣдную ночь и вѣкъ останешься бѣднякомъ, а братъ твой и его дочь Милица въ счастливую. Ты возьми къ себѣ эту Милицу и обо всемъ, что не добудешь, говори, что это не твое, а ея. Такъ безчастный и сдѣлалъ. Однажды, когда онъ обозрѣвалъ свои прекрасныя поля, онъ отвѣтилъ, забывшись, на вопросъ прохожаго, чьи они: Это мои. Откуда ни возьмись огонь, охватившій жатву, но тотчасъ-же прекратившійся, когда безчастный, погнавшись за странникомъ, закричалъ ему: Не мои это поля, а Милицыны. Съ той поры онъ жилъ съ Милицей счастливо [1]).

---

[1]) Караџић, Приповетки 89; Valjavec, 236—7; Потебня, 190—191; Krauss, 96—9. Сл. Аѳанасьевъ, П. В., III, стр. 410, прим. 2.

Въ одномъ сербскомъ же варьянтѣ этой сказки, приведенномъ Krauss'омъ [1]), у одного царя три сына: старшіе счастливые (dobre sreće), младшій бездольный. Познавъ это, отецъ еще при жизни раздѣлилъ свое царство между двумя старшими, а младшему далъ большую сумму денегъ, чтобы было ему, чѣмъ существовать. Онъ пошелъ странствовать, пока не пришелъ въ иное царство; здѣсь онъ встрѣтилъ бѣднаго корабельщика, съ трудомъ перебивавшагося доставкой и продажей лѣса. Царевичъ сжалился надъ нимъ, далъ ему денегъ, чтобы ему можно было расторговаться и поправиться; бѣднякъ накупилъ товаровъ, нагрузилъ корабль, но его разбило бурей. Еще разъ царевичъ помогаетъ бѣдняку, но результатъ тотъ же; на третій разъ корабельщикъ рѣшительно отказывается отъ помощи бездольнаго: пусть деньги остаются при немъ; ему, бѣдняку, онѣ приносятъ несчастье, и онъ предпочитаетъ нищету страху и опасностямъ. Царевичъ, еще разъ убѣдившійся въ своей недолѣ, идетъ, погруженный въ мысли, пока не очутился въ лѣсу, у полуразвалившейся избушки, среди которой тускло тлѣла головня и стоялъ горшокъ съ пищей. Къ вечеру явился туда старикъ, съ бородой по поясъ; онъ молчалъ, царевичъ не проронилъ ни слова; поужинавъ, оба улеглись спать. На разсвѣтѣ старикъ поднялся и ушелъ, а царевичъ остался. Вечеромъ снова пришелъ старикъ, посмотрѣлъ на головню: она принялась горѣть. На третій день повторилось то же, но головня на этотъ разъ ярко разгорѣлась. Послѣ ужина старикъ прервалъ молчаніе: Счастье твое, что ты молчалъ, иначе ты до сихъ поръ не обрѣлъ-бы покоя, говоритъ онъ царевичу. Головня, тлѣвшая въ первый вечеръ, похожа на твою сречу; разгорѣвшаяся головня — сreча твоего брата; теперь ступай и, какъ женишься, не говори, что пріобрѣтенное тобой принадлежитъ тебѣ: говори, что женѣ.—Конецъ сказки тотъ-же, что въ предыдущей: царевичъ женится на царевнѣ и живетъ счастливо; прослышалъ о томъ отецъ, пріѣхалъ къ сыну, и по неосторож-

---

[1]) Krauss, l. c., стр. 100 слѣд.

ному слову бездольнаго запылала жатва, которую онъ назвалъ своею. Отецъ беретъ его къ себѣ вмѣстѣ съ снохой; съ тѣхъ поръ ему жилось хорошо. Не даромъ говаривалъ ему отецъ: Кто бездоленъ, не избудетъ недоли.

Можетъ быть, ту же таинственную фигуру Усуда слѣдуетъ предположить въ старикѣ одной хорватской сказки [1]), гдѣ молодецъ идетъ искать свою сречу; на кладбищѣ онъ бьетъ палкой по дерну и травѣ и нашелъ среди могилъ какое-то невиданное имъ существо: онъ ударилъ палкой возлѣ него и спросилъ: Ты моя среча или несреча? Та отвѣчала: Еслибъ ты меня ударилъ, я была бы тебѣ несречей, а теперь буду сречей — и она совѣтуетъ ему пойти къ какому то старику, у котораго посреди дома большой горшокъ съ дукатами; пусть беретъ сколько хочетъ, лишь бы не произносилъ ни одного слова.

Въ малорусской сказкѣ, въ такомъ же эпизодѣ о роздачѣ доли или недоли, является, вмѣсто Усуда, старуха-судьба, живущая попремѣнно то какъ нищая, то въ богатствѣ. Каждую ночь подъ окномъ ея слышится голосъ: Столько-то родилось мальчиковъ и столько-то дѣвочекъ. Какая ихъ судьба? — Та, что у меня сегодня [2]). — Въ варьянтѣ этой сказки [3]) ясна чисто-внѣшняя замѣна усуда-судьбы—Господомъ: одинъ бездольный парень ночуетъ въ недостроенной хатѣ; ночью приходятъ «два священника, въ золотых ризах; запалили свічечку, винули проскурку, — закусюють». То были Господь и св. Петръ. Прилетаетъ ангелъ: «Господи, народилась дитина, яке ти ёму щастя дариш?—А яке? кае: дарую ёму таке щастя, въ якому це я сёгодня». На другую ночь пришли тѣ же двое, «так собі, не бідні й не богаті»; на третью они явились двумя старцами. Всякій разъ являлся ангелъ и слышалась та же отповѣдь Господа; тогда молодецъ взмолился къ нему: пусть и ему дастъ долю. Господь велитъ ему присвататься къ одной богатой, но некрасивой дѣвкѣ

---

[1]) Krauss, l. c., 69 прим. 151.

[2]) Аѳанасьевъ П. В., III, стр. 392.

[3]) Драгомановъ, l. c., стр. 123—124.

на селѣ, по имени Дробѣ, и «як будеш хазяïном і будуть в тебе питать: чиє се? кажи: Дробене». Развязка та же, что въ сказкѣ объ Усудѣ.

Безъ этой развязки то-же сказывается въ Малороссіи иначе: купецъ совѣтуетъ сыну присвататься къ такой-то богатой дѣвкѣ, а сынъ хочетъ напередъ пойти по свѣту, можетъ быть, подберетъ себѣ еще болѣе красивую. Въ лѣсу, въ хатѣ, онъ находитъ старика: «а то бувъ не дідъ, а щастья»; въ хатѣ три кресла: золотое, серебряное и мѣдное. «Якъ я сыжду, каже дідъ, на золотымъ, да хто тоді вродытця, до щастлывый; а якъ сыжду на срібномъ, до тільки трохи щастлывый, а якъ на мідномъ, до несчастлывый». Оказывается, что и парень и та богатая дѣвка родились, когда дѣдъ сидѣлъ на мѣдномъ креслѣ; а ты женись на той, что родилась, когда я сидѣлъ на серебряномъ: она теперь у жидовъ воду носитъ. Парень женится на ней, не смотря на смѣхъ и слезы отца. Поѣхала она покупать товару, да привезла уголья; «Дурне дурнымъ! брехавъ мой дідъ, що вона щаслыва», говоритъ мужъ; на другой день уголья оказались червонцами [1]).

Сказка объ Усудѣ даетъ поводъ къ нѣсколькимъ замѣчаніямъ.

Когда бездольный молодецъ идетъ искать Усуда, другіе, очевидно, тоже бездольные, встрѣчающіеся ему на пути, просятъ его замолвить и о нихъ слово, узнать, почему у нихъ такая, а не иная судьба. Сказки этого рода разобраны нами выше (гл. XII, стр. 166 слѣд.), какъ матерьялъ народныхъ представленій о загробной участи безразличныхъ; Усуду сербской сказки отвѣчаетъ въ нихъ: солнце, волхвъ, дѣдъ-всевѣдъ, Богъ; съ точки зрѣнія христіанизованныхъ представленій онъ также завѣдываетъ Сречей, какъ и Усудъ.

Эпизодъ о Милицѣ-дѣвушкѣ съ прирожденной долей входитъ въ цѣлый рядъ сказаній, разсмотрѣнныхъ нами по другому поводу [2])

---

[1]) Чубинскій, II, отд. I, № 126.

[2]) Сл. мои Южнорусскія былины, вып. II, стр. 388, слѣд.; Мелкія замѣтки

и не по отношенію къ вопросу, нынѣ занимающему насъ. Дѣло идетъ объ отношеніи прирожденной недоли къ чужому счастью, къ которому можетъ пріобщиться бездольный: доля жены становятся для него Сречей. Таково въ сербскомъ разсказѣ отношеніе молодца къ Милицѣ; то же въ русскихъ и малорусскихъ сказкахъ о Данилѣ Безсчастномъ, Горянинѣ, Данилѣ-дворянинѣ [1]), безсчастномъ царевичѣ Василіи, бездольномъ купеческомъ сынѣ, Иванѣ Безсчастномъ. Они такъ и родились «бездольными», что-бы они не начали, имъ ни въ чемъ «счастья» нѣтъ; одному такому бездольному царь велитъ приложить печать ко лбу, «ни подати, ни пошлины съ него не спрашивать и, куда бы онъ ни явился, накормить его, напоить его, на ночлегъ пустить, но больше однѣхъ сутокъ нигдѣ не держать». Другая сказка о безсчастномъ разработываетъ мотивъ Декамерона (X, 1): Данилѣ ни въ чемъ не везетъ, не спорится у него дѣло и въ царской дворнѣ, куда помѣстилъ его царь. Взялъ царь, насыпалъ три бочки, одну золотомъ, другую углемъ, третью пескомъ, и говоритъ Данилѣ: коли выберешь золото, быть тебѣ царемъ, коли уголь — ковалемъ, а если песокъ, то ты взаправду несчастный: бери себѣ коня и сбрую и уходи изъ моего царства. Данила выбралъ себѣ бочку съ пескомъ [2]). — Эта-то прирожденная недоля

къ былинамъ, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXLII, Декабрь. стр. 166 слѣд.; Романовъ, Бѣлор. сборникъ I, вып. 3, № 86 (Нещастный Егоръ).

[1]) Въ моихъ Южнорусскихъ былинахъ, вып. II, стр. 396—7, я выразилъ мнѣніе, что имя, которое даетъ себѣ Добрыня въ одной пѣснѣ объ обманномъ сватовствѣ Алеши Поповича: Данило Заморнинъ, т. е. Заморянинъ, могло быть навѣяно сказкой-побывальщиной о Данилѣ Безсчастномъ. Эпитетъ: Заморнинъ также находитъ себѣ параллель: какъ Добрыня уѣзжаетъ на извѣстное число лѣтъ, по истеченіи которыхъ дозволяетъ женѣ выйти замужъ, такъ и Морингеръ нѣмецкой пѣсни (Uhland, Volkslieder, № 298) ѣдетъ въ Святую Землю на семь лѣтъ, и жена обязана ждать его. Тотъ и другой возвращаются, когда жены готовились вступить въ новый бракъ: Добрыня въ видѣ скомороха, Moringer въ одеждѣ паломника; оба узнаны по перстню, Добрыня называетъ себя Заморнинымъ, Moringer искаженіе meringer = marinaro (Vogt въ Paul und Braune's Beiträge, XII 437).

[2]) Въ сербской сказкѣ у Vrčevića (Narodne pripovjetke, Narodna biblioteka XXIII, U Dubrovniku 1887, стр. 143) добрые люди хотѣли-бы помочь бездоль-

встрѣчается съ долей дѣвушки, на которой женится безчастный: Милицы въ сербской сказкѣ, Настасьи, Елены и др. въ нашихъ. Ея доля становится его—*Сречей*. Въ русской сказкѣ дядя даетъ бездольному сто рублей, пусть купитъ себѣ товару; какой-то старикъ берется надѣлить его товаромъ невиданнымъ и показываетъ ему въ саду за золотой рѣшеткой дѣвушку-красавицу. Два раза отказывается Иванъ отъ предложенія, но потомъ беретъ таки дѣвушку: «*Знать судьба моя такова!*» Въ другой сказкѣ Иванъ Несчастный проситъ царя разсудить, почему у него счастья нѣтъ: али онъ уродился не какъ другіе люди? Царь созвалъ бояръ; не додумались они до отвѣта; а царевна говоритъ: «А я такъ думаю, батюшка: коли его женить, то можетъ и ему Господь пошлетъ *иную долю*». Разгнѣванный царь велитъ ей самой пойти за-мужъ за бездольнаго; всюду, вслѣдъ за бракомъ, измѣняется и его доля (Сл. Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и повѣрья, стр. 292—4).

Нѣкоторыя подробности русскихъ сказокъ вызываютъ вопросъ: какъ понять образъ дѣвушки, приносящей счастье бездольному молодцу? Что это: просто-ли дѣвушка, одаренная долей, или въ ней позволено разглядѣть черты другого рода, олицетвореніе дѣйствительной Сречи, какъ представляетъ ее себѣ сербское повѣрье: юной красавицы, прядущей золотыя нити? Рядомъ съ ней Несреча: грязная, съ всклокоченными волосами и маленькими слезящими глазами, приземистая и скуластая, день деньской скитающаяся точно въ полуснѣ; кому она встрѣтится, тому грозитъ бѣда [1]). Въ красавицѣ, выходящей за бездольнаго нашихъ

ному, но онъ говоритъ имъ, что это ни къ чему ни поведетъ: ko se pod nesretnu zvijezdu rodi, nesreća će ga od povoja do pokrova jednako pratiti. Одинъ человѣкъ хочетъ испытать, такъ-ли это: велитъ сыну положить мѣшокъ съ деньгами на перекресткѣ по пути, по которому долженъ былъ идти бездольный, а самому притаиться. Бѣднякъ подошелъ къ распутью, закурилъ трубку и направился далѣе; парень кричитъ ему: Кумъ, а кумъ! Ты потерялъ кошелекъ, пока набивалъ трубку! — Не я, а кто нибудь болѣе меня счастливый; а коли я бы потерялъ, никогда бы не нашелъ.

[1]) Krauss, l. c., 65, 61—2.

сказокъ, видимо сошлись два образа и два пониманія: она работящая, мудрая дѣвушка — и вѣщая, являющаяся въ образѣ лебедя, располагающая сверхъестественными силами, читающая въ «волшебной книгѣ»; она проворная рукодѣльница, или это рукодѣлье, коверъ, чудесныя постройки дѣлаютъ за нее другіе: стоитъ ей платкомъ махнуть, кошелемъ тряхнуть. Заглохшій ли это образъ русской Сречи—или аггломеративный, сложившійся на почвѣ захожей сказки? Общій характеръ русскихъ народныхъ представленій о судьбѣ, какъ прирожденной долѣ, говоритъ скорѣе за вторую возможность. Русскія повѣрья знаютъ бѣдовиковъ, бездольныхъ, но и счастливцевъ, переносящихъ удачу въ домъ, гдѣ они поселяются. Такъ въ одной мордовской сказкѣ, очевидно заимствованной у русскихъ, дѣвушка Уцяскай (= Счастье) приноситъ удачу въ домъ бездольнаго Виртина: съ тѣхъ поръ, какъ она у него поселилась, у него всякое дѣло стало спориться; когда онъ взялъ «Счастье» за себя, они стали жить еще лучше. Возвращаясь домой съ добычей, онъ говоритъ: «Жена Счастье, это на твое счастье попалось». А братьевъ дѣвушки, жены которыхъ хотѣли извести её, оно оставило[1]).—У одного купца не было дѣтей; сталъ онъ Богу молиться, нищихъ одѣлять, мостъ построилъ черезъ болото на пользу всего люда православнаго. Какъ построилъ мостъ, посылаетъ прикащика Ѳедора: сядь подъ мостъ да послушай, что будутъ люди про меня сказывать: будутъ ли благословлять или карать станутъ? Идутъ по мосту три святыхъ старца и говорятъ: Чѣмъ наградить того, кто этотъ мостъ построилъ? Пусть у него народится счастливый сынъ: что́ не скажетъ, то и сбудется, чего не пожелаетъ, то и дастъ Господь.— Прикащикъ ничего не сказалъ хозяину о томъ, что слышалъ, а когда у купца родился мальчикъ, выкралъ его, отдалъ на сторону вскормить, за тѣмъ отошелъ отъ купца и взялъ мальчика къ себѣ. Что прикажетъ ему: Пожелай того и того-то, всё тотчасъ готово. Однажды онъ говоритъ мальчику: Попроси у Бога, чтобъ

[1]) Образцы мордовской народной словесности, вып. II, стр. 185.

здѣсь новое царство стало, чтобъ отъ самого этого мѣста до дворца государева хрустальный мостъ повисъ и явился богатый городъ съ бѣлокаменными палатами, церквами и теремами и чтобъ царевна вышла за меня замужъ. Такъ всё и сдѣлалось. Откуда у тебя всё это богатство взялось? спрашиваетъ какъ-то жена у Ѳедора. Всё богатство мое и сила — отъ этого мальчика, отвѣчалъ онъ и разсказалъ, какъ онъ его отъ купца унесъ. Услышалъ это мальчикъ, забившійся и плакавшій въ темномъ углу, вышелъ и сказалъ: По моему прошенью, по Божьему изволенью, будь ты, негодяй, собакою. Ѳедоръ обернулся собакою, и мальчикъ повелъ его къ отцу на желѣзной цѣпи [1]).

Подобныя сказки извѣстны у чеховъ, хорутанъ и нѣмцевъ [2]); греки знаютъ такихъ счастливцевъ и зовутъ ихъ καλοπόδαροι, у нихъ, говорятъ, καλὸν ποδαρικόν; у неудачливыхъ и бездольныхъ, κακοπόδαροι, наоборотъ κακὸ ποδαρικό: имъ ни въ чемъ не везетъ, они будутъ у моря и воды не найдутъ (καὶ εἰς τὴν θάλασσαν ἂν 'πᾶνε, κ' ἐκεῖ νερὸ δὲν θαὔρουνε); на Критѣ греки и мусульмане запираютъ передъ нами двери перваго числа мѣсяца, особливо въ первый день года, а καλοπόδαροι охотно зазываютъ къ себѣ и одаряютъ. Политъ [3]) припоминаетъ по этому поводу излюбленное для древнихъ рабовъ названіе καλοπόδας, толкуемое схоліастомъ къ Аристофану: καλλιοιωνίστους, — и собственныя имена въ родѣ Ἀγαθόπους, Καληποδιή и т. п. Я предпочитаю остановиться на слѣдущей подробности: въ день новаго года стараются, чтобы καλοπόδαρος *первый* вошелъ въ домъ, какъ въ Сербіи полажайникомъ зовется первый посѣтитель въ день рождества, приносящій сречу, а въ части южной Россіи полазниками тѣ, «що перші по обистю переходят» на праздникъ Введенія, св. Николая (6 Дек.), зачатіе св. Анны (9 Дек.) и Рождества [4]). Полажайникъ, полазникъ, очевидно, тождественны съ καλοπόδαρος; указъ царя

---

1) Аѳанасьевъ, Сказки, № 143.

2) Сл. прим. у Аѳанасьева, IV, стр. 335—8.

3) l. c., стр. 232, слѣд.

4) И. Галько, Нар. Звичаи.... под Збручемъ, Львовъ 1862, II, 13.

Алексѣя Михайловича, приведенный въ памяти верхотурскаго воеводы (13 Дек. 7158 г.), соединяетъ въ одномъ запретѣ вѣрованіе «въ встрѣчю и въ полазъ»: полазъ, какъ особый видъ желанной сречи.

IV.

Въ предыдущемъ изложеніи мы съ умысломъ не касались одного теченія, которое должно было рано отразиться на развитіи народныхъ фаталистическихъ идей: я разумѣю теченіе литературно-христіанское. Я не увѣренъ, что и въ фактахъ до сихъ поръ разобранныхъ, которые мы старались построить самостоятельно-генетически, не считаясь съ литературными и христіанскими вліяніями, ихъ воздѣйствіе не сказалось такъ или иначе, намѣчая путь естественнаго развитія, помогая формулировать то или другое обобщеніе судьбы, стоящей надъ вопросами личной доли, распредѣляющей её. Такое обобщеніе мыслимо всюду, какъ естественный результатъ развитія; его существованіе предполагаетъ напр. обычай жребія [1]), который можетъ выпасть такъ или иначе: это—обобщеніе Сречи. Такъ надъ μοῖρα'ой выработалось понятіе αἶσα'ы: судьбы, ровно распредѣляющей ($\sqrt{}$ visva = равный; αἶσα = ἡ ἴση) свои удѣлы; она въ рукахъ боговъ, Зевса: Διὸς αἶσα.

До сихъ поръ мы не рѣшались выдѣлить изъ общаго процесса то, что могло-бы быть вмѣнено неосязаемому вліянію литературы и христіанства. Слѣды осязаемаго на виду.

Славяне могли рано познакомиться съ литературой византійскихъ колядниковъ, громниковъ, трепетниковъ и т. п.; часть обличеній, направленныхъ противъ вѣрованія въ стрѣчу, полазъ, чохъ, грай и т. п., имѣла въ виду какъ эти привитыя литературой суевѣрія, такъ и встрѣчныя имъ, народныя, съ которыми они смѣшивались. Когда въ народныхъ малорусскихъ и сѣвернорусскихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ выраженіе:

---

[1]) Сл. между прочимъ, Аѳанасьевъ П. В. III, 382 слѣд.

Породыла мене маты *въ несчастну годину;*

или:

Мы съ тобой, да свѣтъ спорядная сусѣдушка,
Во *безчастный* день *во пятницу* засіяны,
Въ *безталанный* день *во середу* вспорожены;

и наоборотъ:

Щасьливой годиноньки
Казакъ уродився [1])

— мы невольно обращаемся къ вліянію такихъ статей, какъ «о часахъ добрыхъ и злыхъ», «о дняхъ добрыхъ и злыхъ» [2]) — несомнѣнно подарившихъ насъ однимъ изъ олицетвореній русской недоли=Злыдни. Сл. Слово Кирилла философа Словенскаго: говорится о пьяницѣ: «Недостатки у него дома сидятъ, а раны у него по плечамъ лежатъ, туга и скорбь по бедрамъ гладомъ позваниваютъ, убожіе у него въ калитѣ гнѣздо свило, привязалася къ нему злая лѣность, какъ милая жена, а сонъ, какъ отецъ, а оханіе, какъ любая чада, а *Злыдни* на него смотрятъ, уловляютъ его, какъ свинію.... отъ пьянства Охъ и убожіе зело привязуется» [3]).

Славяне вѣровали въ *родъ*, въ прирожденную долю; грекоримская древность выработала въ пору упадка аналогическое вѣрованіе въ прирожденную γένεσις, *genitura*. Нѣтъ ни Бога, ни провидѣнія, но все подвержено судьбѣ (ἀλλὰ γενέσει τὰ πάντα ὑπόκειται), говоритъ въ Климентинахъ старикъ Фаустъ ап. Петру; молишься ли ты или нѣтъ, τὰ ἐκ τῆς γενέσεως πάσχειν ἀνάγκην

---

[1]) Аѳанасьевъ П. В. III, 395, 414; Барсовъ, l. c., I, стр. 10.

[2]) Тихонравовъ, Пам. отр. русск. литер. II, стр. 382 слѣд. Сл. Krauss, l. c. 135 слѣд. (Die gute u. die böse Stunde), стр. 146 (Die Tagwählerei). Относительно пятницы, какъ несчастнаго или счастливаго дня, сл. сопоставленія (которыя легко было-бы удвоить) въ моихъ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды II, IV, стр. 354 слѣд.

[3]) Арх. Варлаама Описаніе Сборника XV столѣтія Кирилло-Бѣлоз. монастыря, въ Уч. Зап. II отд. Имп. Ак. Наукъ, кн. V, приложеніе стр. 64—5. Въ варьянтѣ, напечатанномъ г. Пѣтуховымъ (Къ вопросу о Кириллахъ авторахъ въ древней русск. лит., Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. XLII, стр. 21 слѣд.), этого эпизода нѣтъ.

ἔχεις; отъ судьбы (τὴν πεπρωμένην) не уйдешь. Позднѣе, когда это изреченіе Фауста оказалось невѣрнымъ по отношенію къ нему самому, апостолъ спрашиваетъ его: что-же твоя вѣра въ γένεσις? (οὐκοῦν ἔργῳ πέπεισαι νῦν, ὅτι οὐ συνέστηκεν τὰ κατὰ τὴν γένεσιν;), противопоставляя ей вѣру въ божественный промыселъ [1]).

Классическое вѣрованіе, удержавшееся и въ христіанскую пору, какъ запретное суевѣріе, получило мѣсто въ литературѣ церковныхъ обличеній: обличали вѣру въ γένεσις, *genitura*, *nascentia*, gaburt, giburt, gaburdia [2]); λεγόντων εἶναι εἱμαρμένην, ἥνπέρ καὶ γένεσιν καλοῦσι (житіе св. Синклитикіи); nullus sibi proponat fatum vel fortunam aut genesin, quod vulgo nascentia dicitur, ut dicat: qualem nascentia attulit, taliter erit, quia Deus omnes homines vult salvos fieri et ad agnitionem veritatis venire [3]). Какъ γένεσις, такъ и равносильное ей εἱμαρμένη переводились церковнославянскимъ *рожденіе;* εἰ Θεός, οὐ γένεσις: аще Богъ есть, нѣсть рожденія; εἰ γένεσις, οὐ νόμος, εἰ δὲ νόμος, οὐ γένεσις: аще рожденіе, то не законъ, аще законъ, то не рожденіе (Іоанна Златоуста περὶ εἱμαρμένης); иначе *родословіе* или *рожаница:* «вѣроут' и вь *родословик* рекше вь *рождаництѣ*» = γενεαλογίας [4]).

Роду и рожаницѣ народнаго повѣрія шли на встрѣчу *рожденіе и рожаница* литературнаго преданія; еще одно значеніе *рожаницы = планета* не выводитъ насъ изъ сферы того-же взаимодѣйствія. «Рожаницами еллин'стіи наричютъ звѣздословцы седмь звѣздъ, глаголемыхъ планиты, и хто въ кую планиту родится, то по той планите любопрятся пред'возвѣщати нравъ мла-

---

[1]) Сл. изъ Исторіи романа и повѣсти вып. I, стр. 44—5.

[2]) Ducange Gloss. Med. et Inf. Graec. a. v. γένεσις; id. Gloss. med. et inf. latinitatis a. v. genesis; сл. Аѳанасьевъ П. В., III, 388.

[3]) Caspari, Eine Augustin fälschlich beigelegte Homilia de sacrilegiis. Christiania, 1886, p. 19.

[4]) Jagić, Opisi, II, стр. 139 и Лѣтопись занятій археогр. коммиссіи 1861, I, 29 (Кормчая 1284 г.); Домострой.

денца или къ коимъ похотемъ естествомъ уклонителенъ будетъ»[1]). Гаданіе о рожденіи, о прирожденной судьбѣ по звѣздамъ перешло къ славянамъ изъ византійской астрологической практики, въ переводныхъ трактахъ: Астрономія, Зодій, Звѣздочетецъ, Рожденица[2]); самый пріемъ гаданія означался въ старину *«рождьственное вльшевение»* («родозрительное упражненіе» у Максима Грека), которому Немвродъ научилъ персовъ, а отъ нихъ научившись эллины «начеше рождаемых под звѣзднымъ двїзаниѥм приношати»[3]). Сл. обличенія митрополита Даніила: «случай, полученіе и *рожденіе по звѣздословію*»—и Домостроя: «въ получая вѣруютъ, и *въ родословіи, рекше въ рожаницы, и въ обаяніе по звѣздословію*»[4]). «Они нарицаются идолопоклонници, които гледатъ на звѣзди», говорится въ одной болгарской проповѣди XVIII вѣка.

Какъ совершалось это обаяніе — о томъ славянскіе и русскіе читатели могли составить себѣ понятіе по греко-сербской Александріи, воспроизведшей эпизодъ Псевдокаллисѳенова романа о рожденіи Александра[5]); сл. также старофранцузскіе разсказы о Константинѣ Великомъ[6]). Человѣкъ будетъ счаст-

---

[1]) Срезневскій, l. c., стр. 105; о культѣ звѣздъ сл. Аѳанасьевъ, П. В., III, стр. 320 слѣд.

[2]) Сл. Jagić, Opisi II, 131 (изъ Иловицкой кормчей): рожденіе и чьсть звѣздочьтиѥ нарицаѥт' се иже суть и книгы глѣмыѥ *рожденице;* вь родословиѥ рекше *рожданице.*

[3]) Срезневскій, l. c., 106 прим. Сл. иной текстъ у Порфирьева, Апокриф. сказанія и т. д. по ркп. Соловецкой библіотеки, стр. 249: «Невродь.... наоучивъ ѧ звѣздозакóнію и звѣздословію и нбнымъ двизаніемъ ѡгражающимся, якѡ и что имъ хощетъ быти. ѡт тѣхъ елини рождествословию (γενεθλιαλογίαν) наоучившеся, начаша бывающимъ ѡт звѣздъ двизаніа нарицати, не тóчию звѣздозакóніа и звѣздословіа и влъшвеніа» и т. д.

[4]) Аѳанасьевъ, П. В., III 323.

[5]) Изъ исторіи романа и повѣсти I, 144—7.

[6]) Сл. мой Dit de l'empereur Coustant, Romania № 22. Интересно, что въ «Гисторіи о гішпанскомъ князѣ Фрідорѣ» (болѣе извѣстной подъ заглавіемъ: Францеля Венеціана) звѣздочетцы, призванные предсказать судьбу ребенка по чудеснымъ знаменіямъ на немъ, названы «аристотелями»: «Князь же Ѳридоръ призва къ себѣ въ домъ мудрыхъ аристотелей» (л. 275 об.); они смотрятъ «по кругу небесному и планетамъ и здвиженія стихіи» (l. c.) Ркп. проф. Тихонравова № 324.

ливъ или нѣтъ, смотря по тому, подъ какой звѣздой, въ какомъ сочетаніи планетъ онъ родился. Артемидоръ (Onirocrition libri V, ed. Hercher, l. IV, c. 59, p. 238) опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые добрые и злые сны ставили въ зависимость отъ «рода» и «звѣздъ: ὅτι οἱ ὄνειροι κατὰ γένεσιν τὴν ἑκάστου θεωροῦνται, καὶ οἱ ἀγαθοὶ καὶ οἱ κακοί. λέγουσι γὰρ ὅτι οἱ ἀγαθοποιοί τῶν ἀστέρων, ὅταν μὴ δύνωνται ἀγαθόν τι ποιῆσαι, διά γε τῶν ὀνείρων εὐφραίνουσιν, οἱ δὲ κακοποιοὶ τῶν ἀστέρων, ὅταν μὴ δύνωνται κακόν τι ποιῆσαι, διά γε τῶν ὀνείρων ἐκταράσσουσι καὶ φοβοῦσιν».

Такъ учила захожая астрологія; но то-же вѣрованіе о связи человѣческой доли съ звѣздами распространено широко и въ народномъ суевѣріи; сл. напр. франц. desastreux; пров. benastruc, malastruc = счастливый, несчастный, находящійся подъ вліяніемъ благопріятнаго или дурнаго astrum. и т. п. И здѣсь, какъ въ представленіи о родѣ и родословіи, народное теченіе могло встрѣтиться съ литературнымъ — и помирились-бы противорѣчія у Крауса[1]): по его мнѣнію культъ звѣздъ существовалъ у южныхъ славянъ еще до выселенія ихъ съ сѣвера; въ другой разъ онъ оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ: принадлежитъ-ли этотъ культъ, общій германцамъ и славянамъ, арійскому періоду, или его слѣдуетъ объяснить воздѣйствіемъ классическаго — и семитическаго вѣрованій.

Изъ встрѣчныхъ народныхъ повѣрій о звѣздахъ по отношенію къ долѣ человѣка, ими обусловленной, отмѣтимъ слѣдующія[2]): звѣзды — души людей, говорится въ Mainjo-i-Khard (ed. West 49, 22); отцы, т. е. маны, души усопшихъ, выводятъ, по индійскому вѣрованію, утреннюю зарю на небо, охраняютъ пути солнца, украшаютъ ночное небо звѣздами; на десятый день по рожденіи ребенка приносятъ жертву звѣздѣ, подъ которой онъ

---

1) l. c. стр. 109 слѣд.; сл. 110—111, 114 слѣд.; 118.

2) Krauss, l. c., 111—113, 109—110; Аѳанасьевъ, l. c., стр. 323 слѣд.; Grimm, D. Myth., 684 слѣд.; мой отчетъ о Чубинскомъ, Труды и т. д., l. c., стр. 11.

родился. Вѣрованіе, что души — звѣзды, встрѣчается уже у Аристофана:

οὐκ ἦν ἄρ᾽ οὐδ᾽ ἃ λέγουσι κατὰ τὴν ἀέρα,
ὡς ἀστέρες γιγνόμεθ᾽ ὅταν τις ἀποθάνῃ.

Связь звѣздъ съ душами знакома и германцамъ. «Cavete, fratres, ab eis qui mentiuntur, quod quando quisque nascitur, stella sua secum nascitur, qua fatum ejus constituitur, sumentes in erroris sui argumentum, quod hic in scriptura sacra dicitur «stella ejus». У всякаго человѣка своя на небѣ звѣзда, говорятъ трансильванскіе саксы: если звѣзда упадетъ, умретъ и человѣкъ. Тоже вѣрованіе существуетъ и въ Сербіи; не слѣдуетъ смотрѣть на звѣздное небо, не то увидишь свою звѣзду и умрешь. Кто родился подъ несчастной звѣздой, того весь вѣкъ преслѣдуетъ недоля, говорятъ болгары. У бѣлоруссовъ сохраняется преданіе, что всякій человѣкъ имѣетъ свою зирку, являющуюся на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, какъ у хорутанъ каждый рождающійся получаетъ свою рожаницу на землѣ, свою звѣзду (= рожаницу) на небѣ. Сл. еще малорусскія представленія о звѣздахъ: звѣзды — души усопшихъ людей, отличившихся доброю, непорочною жизнью на землѣ, грѣшныя души, которыхъ Господь поставилъ на небо «покутувать гріхы свої», души менѣе грѣшныя свѣтятъ ярче, болѣе грѣшныя — тусклѣе; звѣзды — души живущихъ людей: сколько звѣздъ на небѣ, столько людей на землѣ; какъ только кто рождается, Богъ зажигаетъ свѣчу и ставитъ её на облакахъ; если человѣкъ живетъ на землѣ не зазорно, его свѣча горитъ яснымъ, чистымъ свѣтомъ, если безпорядочно, то тусклымъ и т. п. — Аналогическія вѣрованія существуютъ и у литовцевъ [1]).

Въ этихъ повѣрьяхъ, распространенныхъ отъ Индіи и Ирана до славянъ и германцевъ, мы отмѣтимъ особо одну черту: связь звѣзды, опредѣляющей долю человѣка, который подъ нею ро-

---

[1]) Veckenstedt, l. c., I, 238—9.

дился, съ душами; индійское вѣрованіе говоритъ о манахъ, душахъ предковъ, отцахъ, русск. дѣдахъ. Наши рожаницы, олицетворенія прирожденной судьбы, тѣ-же дѣды, предки; оба представленія сливаются, и вопросъ о постороннемъ, ненародномъ источникѣ звѣзднаго культа въ связи съ идеей судьбы является несущественнымъ: одно вѣрованіе, еслибъ оно было занесеннымъ, могло только подновить другое. Подѣлить одно отъ другого въ конкректномъ составѣ современнаго и средневѣковаго суевѣрія едва-ли когда-либо удастся: нѣмецкое вѣрованіе въ родимую звѣзду опиралось, по словамъ древняго обличителя, на слово священнаго писанія; въ старой записи XV—XVI вв. Родъ является съ чертами народнаго суевѣрія и астрологическаго, полупонятаго преданія о γένεσις — родѣ и рожаницѣ — звѣздѣ, при чемъ преобладаетъ, по моему мнѣнію, послѣдній моментъ, не отзвукъ какого-нибудь языческаго повѣрья въ происхожденіе людей — изъ камней: «Вседръжитель, иже единъ бесмертенъ и непогибающихъ творецъ, дуну бо ему (человѣку) на лице духъ жизни, и бысть человѣкъ въ душю живу: то ти не Родъ, сѣдя на вздусѣ, мечеть на землю груды—и въ томъ ражаются дѣти.... Всѣмъ бо есть творецъ Богъ, а не Родъ [1]). Сл. Златоустово: εἰ Θεὸς οὐ γένεσις.

Литературнымъ, безъ сомнѣнія, представляется образъ *книги судьбы*, уже встрѣчавшійся намъ. Римляне знали fata scribunda; ихъ парки, какъ и этрусскія божества судьбы, записываютъ её [2]); не изъ классическаго ли источника пошло сходное нѣмецкое представленіе? Древніе греки его не знали, по новогреческія μοῖραι не только опредѣляютъ, но и записываютъ всё, что приключится новорожденному [3]) — на его лбу (κουτέλο) или носу (γραφίματα τῶν μοιρῶν); оттуда выраженія: ἔτσι μοῦ ἦταν γραφτὸ, ἦτον γραφτό μου; μοιρογράφισμα, или просто γραφτό, γραμμένο = судьба; и рядъ присловій: ὅ τι μέλλει δὲ ξεμέλλει, κι' ὅ τι γράφει

[1]) Аѳанасьевъ, l. c., III, 474—5.
[2]) Roscher, l. c., a. v. Fata scribunda.
[3]) Πολίτης, l. c., 211.

δὲ ξεγράφει; τὰ γράφει Μοῖρα, δὲ ξεγράφει χεῖρα; τἄχει ἡ Μοῖρα μου γραμμένα, δὲν παρέρχεται κανένα; τἄχ' ἡ Μοῖρα 'ς τὸ χαρτί, πελέκι δὲν τὰ κόβει [1]). Въ книгѣ судьбы пишетъ и старикъ татарской сказки, которую мы привлекли къ сравненію съ побывальщиной о Святогорѣ (сл. выше, стр. 204 слѣд.), и писаря Сянь торумъ или Калтысъ торумъ сибирскихъ маньзовъ: она слѣдитъ за родами и назначаетъ, кому сколько жить, кому быть бѣднымъ или богатымъ [2]). Сюда-же относится русское выраженіе: на роду написано, т. е. въ книгѣ судебъ, родословія. Такъ Ильѣ написано не быть убиту въ бою, и притомъ написано у Святыхъ Отцевъ и Апостоловъ: очевидно, не глосса пѣвца, а понятное съ христіанской точки зрѣнія перенесеніе рѣшеній судьбы — на Бога какъ, и у Грековъ долю записываютъ не только μοῖρα, но и Богъ: Ποῦ γράψ' ὁ Θιὸς ξεβράκωτο, ποτὲ βρακὶ δὲ βάνει [3]). Краусъ [4]) утверждаетъ, что южнымъ славянамъ незнакомъ образъ пишущихъ сужденицъ, да и не мыслимъ, ибо письмо не было извѣстно славянамъ до введенія христіанства. Въ пѣсняхъ Александровскаго цикла, собранныхъ Верковичемъ и потому подозрительныхъ, этотъ образъ встрѣчается: говорится о «ризницахъ» (= орисницахъ), написавшихъ ему судьбу, когда онъ еще не родился: что онъ исходитъ всю землю, погубитъ всѣхъ королей и будетъ первымъ царемъ на землѣ; либо у его отца Филиппа нѣтъ дѣтей, и Господь, внявъ его молитвѣ, посылаетъ Юду-Самовилу: пусть пойдетъ въ золотую пещеру, гдѣ сидятъ три Юды-Самовилы

И писуватъ касмете ту на люде ту.

При помощи золотыхъ камней, которые даетъ ей Богъ, она наводитъ на нихъ сонъ, которымъ и пользуется, чтобы замѣ-

---

[1]) l. c., 217—19.

[2]) Гондатти, Слѣды язычества у инородцевъ сѣверо-западной Сибири, стр. 27.

[3]) Πολίτης, l. c., 219.

[4]) l. c., 134.

нить въ книгѣ судебъ рѣшеніе о бездѣтности Филиппа — другимъ [1]). Тур. kysmet = судьба прошло къ болгарамъ (касметъ-ksmet) и сербамъ (kišmet, kašmet, krsmet) [2]); вмѣстѣ съ словомъ могло пойти въ обращеніе и представленіе о книгѣ судьбы, fata scribunda [3]); пишущія орисницы принадлежатъ во всякомъ случаѣ тому же литературному теченію, какъ черемисскій вуй-Юма, записывающій при рожденіи судьбу человѣка, при которомъ онъ состоитъ [4]), какъ и судьба Ильи оказывается записанной у Святыхъ Отцевъ, у Апостоловъ.

Записывающія судьбу юды-самовилы снова обращаютъ меня къ предложенной мною народной этимологіи: самовилы — сивиллы [5]), мудрой и вѣщей, знающей судьбы; ее легче всего можно было представить себѣ въ связи съ fata scribunda. Посредствующей формой между Самовилой и Сивиллой я призналъ Šembilja'ю словенской легенды, гдѣ она является сестрою Соломона; въ неаполитанской сказкѣ она названа Scibilia, т. е. Сивиллой [6]).

Возвращаясь къ старому сближенію, я желалъ лишь указать на возможное вліяніе классическаго имени и представленія на народный образъ, не углубляясь въ его всесторонній анализъ, въ которомъ несомнѣнно произошла масса смѣшеній и перенесеній. На одно изъ нихъ мы укажемъ далѣе (см. гл. XV).

До сихъ поръ мы имѣли въ виду литературное вліяніе на народное представленіе судьбы, не касаясь особливо вопроса о томъ, какъ помирилась идея доли и сречи съ христіанскимъ ученіемъ о Богѣ и промыслѣ.

Въ сербской народной поэзіи отмѣтимъ сопоставленіе Бога и Сречи, внѣ всякихъ отношеній сподчиненія:

---

[1]) Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, 479, 482.

[2]) Krauss, 91.

[3]) Ib. 133—134.

[4]) Знаменскій, Горные Черемисы Казанскаго края, Вѣстн. Европы 1867, Дек. стр. 44—5.

[5]) Šembilja-Sibylla, въ Arch. f. slav. Philologie, VIII, стр. 330.

[6]) Сл. мою замѣтку: La soeur dé Salomon, въ Mélusine, t. IV, № 12.

Сусрела вас добра срећа и Господин Бог.

—

С вама дошла свака срећа и сам Господ Бог.

—

Ако би ти Бог и Срећа дала.

—

Bog mi dao a sreća donjela.

—

Odnese me Bog i sreća Jovu pred dvore.

—

Ako li te Bog i sreća najde.

—

Al Tadiji Bog i sreća bila.

—

Dobra sreća i Bog nam je dao.

—

Ako Bog da i sudeno bidit.

Невѣстѣ жениха посылаетъ Господь, Срећа и родители, какъ и въ латышской пѣсенкѣ поется:

Приходи Боже, приходи Доля,
На крестины ребенка.

Сл. противоположеніе Божьей воли и доли.

Ой Боже мой милосерный, чи то твоя воля?
Чи въ світі така друга, йно моя доля?
— Не нарікай, доню, на Божую волю,
Тільво, доню, ти нарікай на лихую долю [1]),

Другую точку зрѣнія представляютъ выраженія: Среча отъ Бога, Богъ даетъ долю [2]).

Bogboguje i dijeli pravdu,
meni dobru sreću udjelio.

—

[1]) Потебня, 187—8, Krauss, 78, 83, 85, 86, 87—88, 92; Аѳанасьевъ, III, 411; Латышскій сборникъ Вольтера, стр. 141.

[2]) Krauss, стр. 77, 83, 90, 91, 179, 180; Потебня, l. c., стр. 188 и Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ II: Колядки и щедровки, стр. 93—4, 155; Аѳанасьевъ, l. c., III, 376, 379.

nije l Bog da i sreća od Boga.

—

ako Bog da i sreća od Boga.

—

Ой їде Маруся на посадъ,
Зостріча її Господь самъ
Изъ долею щасливою,
Изъ доброю годпною.

—

Найкрасшому дитятоньку бог долі не дае.

—

Ой вийди, пане господарочку,
Кличе тя Господь на порадочку,
Дарує тобі три долі въ полі:
Першая доля — щастя здоровля,
Другая доля — воли корови,
Третяя доля — жито пшениця.

Въ бѣлорусской волочебной пѣснѣ Богъ даетъ долю, панъ коня, царь дочку:

А зъ долею далевацъ будзешъ.

—

Богъ дастъ долю и въ чистимъ поли.
Леженъ лежить, а Богъ для него долю держить.
Счастливому таланъ отъ Бога данъ.
Богъ не гуляетъ, а добро перемѣряетъ, одному даетъ, у другого отнимаетъ.

Velike su od Boga sudbine;
sve će biti što imade biti
i kako je Bogom naregjeno.

—

To je tako od Boga sugjeno.

—

Taku ni bilo kasmet od Boga.

—

Dava otac prćiju a gospodin Bog sreću.

Въ одной малорусской колядкѣ дѣвушка идетъ черезъ рѣчку, по кедровой кладѣ; ей на встрѣчу три ангела, говорятъ: помой руки и лицо: уздриш *долейку* в чистій водиці,

Ой уздришъ Бога по конець стола,
Пресвяту Діву посередъ стола,
Сина Божого въ еї ручейкахъ
Усі святіи а по застилью.

На этой стадіи пониманія Богъ, дающій Сречу, явился на мѣсто древняго Усуда. Такъ въ группѣ сказокъ, упомянутыхъ нами выше (стр. 166 слѣд.), въ сказкахъ типа Василія Безсчастнаго (Аѳ. П. В. III, 337)—и въ слѣдующей сербской [1]). Одинъ бѣднякъ (siromašak) бьется съ нуждой; не зная, что предпринять, онъ рѣшается наняться въ бурлаки, что̀ тянутъ на лямкѣ судно. Здѣсь ему повезло; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сталъ рулевымъ. Однажды онъ провѣщился товарищамъ: Далъ бы Господь, чтобъ стать мнѣ капитаномъ морскаго судна! — А куда же дѣвать стараго капитана? спросилъ его хозяинъ корабля.—Съ него будетъ, онъ довольно разжился.— Надоѣло рулевому его дѣло и онъ пошелъ искать другой доли (potraži drugu sreću). По дорогѣ, хозяинъ дома, гдѣ онъ переночевалъ, узнавъ отъ него, что онъ идетъ просить Бога о лучшей долѣ, проситъ замолвить слово и за него. Во второй разъ бѣднякъ остановился, не зная того, у того самого капитана, который разбогатѣлъ по волѣ Божіей. Когда онъ узналъ о цѣли путешествія бѣдняка, то сказалъ ему улыбаясь: У меня денегъ больше, чѣмъ надобно; коли увидишь Господа, попроси его отъ меня, чтобы онъ больше мнѣ не давалъ. — Когда бѣднякъ пришелъ къ Богу, онъ показалъ ему въ раю, на столѣ, множество свѣчей: Тѣ, что горятъ свѣтлѣе — это люди, родившіеся въ счастливый день; тѣ, что тусклѣе, точно плачутъ,— люди, явившіеся на свѣтъ въ несчастный день. А гдѣ моя среча? — Вонъ лежитъ за колодой. — Не добившись своей сречи и вернувшись къ капитану, бѣднякъ говоритъ ему: Я передалъ твою просьбу, а Господь отвѣтилъ, что онъ намѣренъ обогатить тебя еще болѣе. Обрадованный этимъ, капитанъ наполнилъ виномъ деревянную кружку, чтобы выпить за здоровье

[1]) Krauss, 104 слѣд.

гостей; когда онъ подымалъ ее, она обратилась въ золотую. — Прійдя къ первому хозяину, бѣднякъ и ему сообщаетъ Божью отповѣдь: Господь сказалъ, что отниметъ у тебя и эту сермягу ибо твоя среча, какъ и моя, лежатъ за колодой. — Коли такъ, такъ не видать Богу моей сермяги! Съ этими словами хозяинъ скинулъ съ себя одежу и бросилъ въ огонь. Такъ Господь взялъ у него и сермягу, ибо противъ его воли ничего не сдѣлаешь.

Какъ видно, внесеніе-христіанскаго Бога въ область понятій Сречи и Доли нисколько не измѣнило древняго представленія судьбы. Оно осталось личнымъ и капризнымъ; и Доля и Среча поступились не своимъ характеромъ, а лишь внѣшнею самостоятельностью, подчинившись велѣніямъ Бога = Усуда.

Когда міросозерцаніе христіанства, не одни лишь его имена и образы, проникло въ содержаніе языческаго фатализма, идея судьбы поступилась своею косностью передъ идеями промысла и вмѣняемости. Личная доля или недоля человѣка не капризъ рожденія или случая, а дѣло высшаго, таинственнаго устроенія не одного, а всѣхъ къ общему благу; съ другой стороны доля и недоля не только даются, но и заслуживаются: своя волюшка доводитъ до горькой долюшки.

Остановимся на народномъ выраженіи идеи промысла. Сербская легенда [1]) и тождественная съ нею литовская [2]), разсказываютъ: Однажды, когда Господь и ап. Петръ странствовали по землѣ, они встрѣтили парня и спросили его: Куда ведетъ та дорога? Тотъ поднялъ ногу и указалъ, сказавъ: Туда! Далѣе они обращаются съ такимъ-же вопросомъ къ дѣвушкѣ; она тотчасъ же привскочила и показала имъ путь. Дѣвушка заслуживаетъ счастливой доли, говоритъ апостолъ; а Господь ему въ отвѣтъ:— Да вотъ — доли того парня, что поднялъ ногу. — Но она заслу-

---

[1]) Krauss, l. c., 169—170 (съ ссылкой на его-же: Sagen und Märchen der Südslaven II, p. 338, № 137).

[2]) Veckenstedt, Die Mythen, Sagen und Legenden der Žamaiten I, стр. 284—5.

живаетъ лучшаго! —Такъ ужь положено: чтобы лучшія смѣшивались съ худшими, отвѣтилъ Господь.

Поясненіемъ этого разсказа служитъ слѣдующій бѣлорусскій [1]).

Пославъ разъ Богъ святыхъ угодничкоў своихъ, Пятницу ды Субботу, поглядзѣць, што на свѣцѣ робицця ды дзѣицця. Вотъ и пошли святые угодники рано ранёхонька, ище сонца куды ни усходзила. Идуць яны, идуць, ажно имъ на дорозѣ дзирявушка попалася; заглянули яны у першую хату, ажно, глянь, дзѣўка большая, пригожая, здоровая ужу и ўстала и помылася и почесалася и Богу помолилася и короў подоила, хату подмела, печку затопила ды й, покуль горшки варуцця, сѣла на пирадку и прадзець. Подзивилися угодничи на працавитую дзѣўку и пошли дальши, прошли дзяреўню, вышли на поле, у поли яще пусцёхонька, ни души, тольки на однэй ниўки молодзець молодэй, пригожій, ужь знаць даўно орець, зъ яго и зъ коня ажно ужо потъ ліецца; подзивилися зноў угодничи на молойца. «И коли эта ёнъ тольки успѣў выспацьца и уже стольки наораў?» Подзивилися, подзивилися ды й пошли дальше. Ишли яны, ишли, ужо и сонца ўзыйшло, по дорогѣ стали людзи попадацьця, то съ сохами, то съ боронами, глядзяць, зноў дзяревушка стоиць. Стали яны у хаты заглядываць, да ужь мало идзѣ людзи видны, развѣ старухи: мужики на поляхъ, бабы на городы; тольки глядзяць, у водной хаткѣ дзѣўка большая, тоўстая, тольки што ище вочи продзёрла, сядзиць на полу ды зиваиць, ды поцягиваицця, коса ўся ў перій, ажно глѣдзѣць процйўно. Поглядзѣли святые угодничи, подзивувалися ды й пошли дальше. Пройшли дзяреўню и вышли на поля, глѣдзяць подъ кустомъ ляжиць молодзець, ляжиць ды й спиць, ажно храпиць на ўсю голову. Кола яго кобылка ў сохѣ стоиць, траўку щиплець, знаць якъ выіхали, такъ ничого и ни робили, и ниўка ня почата. Поглядзѣли, поглядзѣли святые угодничи, плюнули ды й пошли дальше. Пришли яны

---

[1]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, II, V, стр. 220—222.

къ Господу Богу, и спрашиваиць у ихъ Богъ: «Ну, што, мои угодничкі, Пятница ды Суббота, што вы тамъ добраго на земли видзѣли, што чуяли?» И стали угоднички разсказываць про дзѣвокъ ды про молойцеў и говоруць Господу: «Вотъ, Боже, по нашему жоницъ ды добраго молойца ды й съ доброй дзѣўкой, а ляниваго съ лянивой: были-бы дзвѣ пары якъ разъ, одзинъ у одного». А Господь возьми ды й скажи имъ такъ: «Дураки вы, дураки, якъ я погляжу, колибъ я такъ дзѣлаў, ды й такъ злучаў, якъ вы говорицця, людзи и про мяне и про васъ бы забыли. Рыбацяги бъ ўсё сами поподзѣлали и Богъ бы имъ николи ня понадобиўся, а лянивый ды глупый и подаўна ня успомнюць, а вотъ якъ злучу я разумнаго зъ глупой, а глупую ды й съ разумнымъ, и пойдуць яны у мяне божкаць ды божкаць. Поглядзиць, поглядзиць разумный мужикъ на глупую жонку, во и скажиць: Божинька мой, Божинька, лучше бъ я ци утопиўся ци удавиўся, чымъ я зъ тобой ожениўся. Прибъець разумный мужикъ глупую жонку, станиць она плакаць ды причитываць: Послухай ка якъ Божинька ды Божинька; што слоўцо скажець, и Божиньку успомянець и святыхъ угодничкоў назовець; а сдзѣлай я по вашему, по глупому, людзямъ бы ня Богъ, ня святии ня надо были».

Приведемъ еще малорусскую сказку, разработавшую ту-же тему въ приложеніи къ древней идеѣ судьбы-доли, какъ связи, науза (сл. выше стр. 207 слѣд.). Въ лѣсу казакъ встрѣчаетъ старика, св. Николу, который «вязавъ лыки — једно добре, а друге кепьске». Эти лыка означаютъ «людьскую долю.—«А чого вы вяжете једно лыко добре, а друге кепьске?» спрашиваетъ казакъ. «Бо такъ треба; бо и люды таки на свити: есть добриї и недобриї, то треба ихъ такъ винчаты, щобъ были злы з добрыми, а добры со злыми.—А то для чого?—Для того, бо якъ бы сы звинчалы сами злы, то воны бы не моглы въ свити житы, а якъ бы сы повинчалы добры, обое робучиї, то воны-бъ з великого добра забылы Бога» [1]).

---

[1]) Аѳанасьевъ, П. В., III, 373—4; Сказки, IV, стр. 425.

Таковъ народный отвѣтъ на вопросъ о неисповѣдимости путей божіихъ: отвѣтъ реалистическій, если сравнить его съ мистическимъ колоритомъ раввинской легенды и ея христіанской перелицовки въ повѣсти объ Ангелѣ и Пустынникѣ, давшей матерьялъ Вольтерову Zadig'у [1]). Народныя легенды о хожденіи святыхъ по землѣ отвѣтили и этому настроенію: Господь награждаетъ скупого богача и отнимаетъ послѣднюю корову у бѣдной старухи, не пожалѣвшей ап. Петру куска хлѣба, потому что такой «талан» и такая «доля» богача, «але все його щастя буде на сім світі», бѣдную вдову ждетъ награда по смерти [2]).

Другое христіанское пониманіе идеи доли, или скорѣе недоли, является въ тѣхъ случаяхъ, когда о ней говорятъ, какъ о заслуженной, ниспосланной по грѣхамъ. Въ русской повѣсти XVII в. о Горѣ и Злосчастіи мы встрѣчаемся съ знакомыми намъ темами русской пѣсни: о молодцѣ-бражникѣ и привязавшейся къ нему недолѣ; но эта недоля мотивирована внутренне: отпуская сына въ люди, мать и отецъ наставляютъ его на добрыя дѣла, не ходить въ пиры и братчины, не знаться съ костырями, корчемниками и головами кабацкими:

Ино зло племя человѣческо:
Вначалѣ пошло непокорливо,
Къ отцову ученію зазорливо,
Къ своей матери непокорливо.

А молодецъ былъ «не совершенъ разумомъ»: стыдно было ему отцу покориться, матери поклониться, хотѣлось жить, какъ ему любо. За это и привязывается къ нему Горе-Злочастье; въ

---

[1]) См. Gaston Paris, La poésie au moyen âge. Leçons et lectures стр. 151 слѣд.; Études juives VIII, 64; Clouston, l. c., I, стр. 20 слѣд.; варьянты въ Mélusine II, 444—445; Kolberg, Lud, ser. XIV, sz. 6, стр. 166—7; R. Koehler, прим. къ Grünbaum, Jüdisch-deutsche Chrestomathie, стр. 215—218 въ Anzeiger f. deutsches Alterth. u. deutsche Litter. IX, стр. 403—4; Islenzk aefintyri ed. Gering. № 100; Владиміровъ, Къ изслѣдованію о Великомъ зерцалѣ, стр. 70, къ гл. 48.

[2]) Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и повѣрья, стр. 110—114.

минуты раздумья, когда на пиру добрые люди спрашиваютъ его, почему онъ скорбитъ, не радостенъ, не пьетъ, не ѣстъ и ничѣмъ не похваляется, онъ отвѣчаетъ:

Государи, вы, люди добрые,
Скажу я вамъ про свою нужду великую,
Про свое ослушаніе родительское:
. . . .
Язъ какъ принялся за питье за пьяное,
Ослушался язъ отца своего и матери,
Благословеніе мое отъ нихъ миновалося,
Господь Богъ на меня разгнѣвался [1]).

Та же идея вмѣняемости выражена въ сѣверно-русской заплачкѣ дѣвушки по отцѣ и братѣ, утонувшихъ въ Онежскомъ озерѣ [2]). Они сами причина своей недоли — смерти, хотя весь ихъ грѣхъ—въ опущеніи внѣшняго, обрядоваго этикета: выѣзжая на лодкѣ, они

Съ сусѣдями безсчастны не простилися,
Милосердому Владыкѣ не молилися,
Воску ярова свѣщей не затопляли,

Оттого ихъ повзыскала «судинушка», добралась до ихъ головъ. Судьба Василія Буслаева въ былинѣ о немъ представляется въ томъ же освѣщеніи. Онъ не вѣритъ болѣе ни въ долю, ни въ встрѣчу, а въ свою волю и силу; выходъ изъ фаталистическаго міросозерцанія къ самознанію личности прекрасно выраженъ въ варьянтѣ Кирши Данилова (№ XVIII): молодецъ не вѣритъ «ни въ сонъ, ни въ чохъ», а лишь «въ свой червленый вязъ». Здѣсь вступало въ свои права міросозерцаніе христіанства: личная воля не освобождаетъ молодца, наоборотъ, ведетъ его къ грѣху, ибо не знаетъ себѣ границъ въ христіанскихъ заповѣдяхъ смиренія, послушанія. Мальчикомъ Василій буянитъ; выросши, дерется съ

---

[1]) Сл. мой очеркъ исторіи русской повѣсти въ 1-мъ т. Исторіи русской литературы Галахова, стр. 475, 476.

[2]) Е. Барсовъ, Причитанія I, 252.

новгородцами, убиваетъ брата крестоваго, не щадитъ и своего крестоваго батюшки. Отпуская его съ дружиною въ Іерусалимъ, мать напутствуетъ его словами:

Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василій Буслаевичъ!
То коли ты поѣдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго,
А и не носи Василья сыра земля.

(Кир. V, № 4, стр. 25).

Она велитъ ему не купаться въ Іорданѣ «нагимъ тѣломъ», ибо тамъ купался самъ Исусъ Христосъ (Рыбн. I, № 60). Самое путешествіе въ Іерусалимъ представляется въ одномъ варьянтѣ (Кир., l. c.) дѣломъ покаянія:

Съ молоду было много граблено,
Подъ старость надо душа спасти.

Едва-ли это не шаржъ пѣвца, какъ и наказы матери о разбоѣ: такъ могла быть понята позднѣе незнающая мѣры отвага древняго новгородскаго удальца, переходящая въ глумленіе надъ святыней: онъ купается нагимъ тѣломъ въ Іорданѣ [1]); находитъ на горѣ человѣческій черепъ — несомнѣнно Адамову голову — и пихаетъ его ногою (голова вѣщаетъ ему кончину), скачетъ черезъ заповѣдный (сіонскій или ѳаворскій) камень — и убивается до смерти [2]). — Благословеніе — или проклятіе — матери, вызванное поступками сына, является христіанской перелицовкой древняго мотива о матери, какъ подательницы жизненной доли (сл. выше стр. 175): ея благословеніе приноситъ счастье, проклятіе

---

[1]) На внѣшнее перенесеніе этого запрета въ былины о Добрынѣ (Сл. Гильфердингъ, стр. 163 слѣд., Рыбн., I, 121 и др.) обратилъ вниманіе О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 427 прим.

[2]) Сл. мои Разысканія, III, стр. 3, 44—5.

тяготѣетъ, какъ рокъ. Разсказы на эту тему извѣстны. Въ поэмѣ о Дигенисѣ мать, подъ угрозой проклятія, проситъ своихъ сыновей, особливо Константина, достать ей дочь, похищенную эмиромъ: Не бойся смерти, бойся моего проклятія, говоритъ она (v. 325 μὴν φοβηθῇς τὸν θάνατον παρὰ μητρὸς κατάραν; v. 326 μητρὸς κατάραν φύλαγε) — и сынъ исполняетъ ея желаніе, какъ въ новогреческой балладѣ о братѣ-мертвецѣ мать обѣщаетъ проклясть сына, если онъ не доставитъ ей дочь, отданную въ замужство на чужбину—и онъ встаетъ изъ мертвыхъ, покоряясь ея велѣнію.

Въ этомъ представленіи идея прирожденной судьбы сплотилась съ идеей личной вмѣняемости; въ Словѣ о Полку Игоревѣ, гдѣ Обида является съ значеніемъ Недоли, какъ иногда въ сѣвернорусскихъ причитаніяхъ, понятіе ея заслуженности расширилось: не одинъ молодецъ навлекаетъ на себя несчастіе, а вся русская земля платится за грѣхъ своихъ князей. Стоитъ только замѣнить въ приводимыхъ далѣе отрывкахъ названіе Обиды — Недолей и вспомнить противоположенія доли или недоли прирожденной и — заслуженной, вмѣненной. «Въстала Обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крилы на синемъ море, у Дону плещучи, убуди жирня времена. Усобица князем на поганыя погыбе». Неволя встала въ русской землѣ, плещетъ крыльями у синяго моря, на Дону, возбуждая память о счастливыхъ временахъ (или : прогоняя счастливыя времена : упуди)[1]), когда, прибавимъ мы, среди князей было согласіе и они побѣдоносно отражали враговъ, тогда какъ теперь князья ссорятся, ихъ гибель въ усобицахъ; оттого и встала Недоля: они заслужили ее, она имъ не прирождена: «не было оно *Обидѣ порождено* (русское храброе гнѣздо) ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый половчине»[2]). Сл. въ Задонщинѣ: «*не въ обидѣ* єсми были по

---

[1]) Потебня, Слово о Полку Игоревѣ, 71.

[2]) Сл. мои Todtenklagen, l. c., стр. 29, прим. 39.

роженію (κατὰ γένεσιν) ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому сему Мамаю» [1]).

Еще шире понимается значеніе Недоли-Судьбины въ одномъ грандіозномъ сѣвернорусскомъ причитаніи [2]). И здѣсь остается та же идея—заслуженности, но объектомъ является не личность, не русская земля, а человѣчество вообще; вопросъ о людской недолѣ понятъ какъ вопросъ о началѣ зла, грѣха на землѣ.

Злая Судьбина существуетъ съ начала свѣта, но пока люди были добродѣтельны и не дѣлали другъ другу зла, она страшилась ихъ и старалась отъ нихъ спрятаться.

Во темны лѣса отъ нихъ горе кидалося,
Но тутъ было горюшку не мѣстечко:
Въ осинѣ горькой листье разшумѣлося,
Того злое это горе устрашилося;
На высоки эти щели горе бросалось,
Но и тутъ было горюшку не мѣстечко:
Съ того щелье кременисто порастрескалось,
Огонь пламя изо горъ да объявилося;
Уже тутъ злое горюшко кидалося
Въ Окіянъ сине славно оно морюшко,
Подъ колодинку оно тамъ запихалося;
Окіянъ море съ того не сволновалось,
Вода съ пескомъ на днѣ не помутилась.
Прошло времячка съ того да не со много,
Въ Окіянъ морѣ ловцы вдругъ пригодилися;
Пошили оны маленьки кораблики,
Повязали оны неводы шелковыи,

---

[1]) **Потебня**, l. c., стр. 38. Кстати объ Обидѣ Слова о П. И.: въ Троянской притчѣ три богини, являющіяся на Пелееву свадьбу, названы вилами пророчицами; не позвана была вмѣстѣ съ другими Discordia, ибо она «гдѣ идѣше, все сваду строаше»; съ ея появленіемъ возникаетъ распря — сѣмя троянской усобицы. «Вилы пророчицы» указываютъ, что старая легенда представилась славянскому перескащику въ чертахъ народнаго суевѣрія: три вилы-судицы и четвертая злая, судъ которой рѣшаетъ ходъ будущаго. *Дѣва Обида*, вступившая на *троянскую землю*, напоминаетъ Диевошькордію старославянской повѣсти, возбудившую *троянскую распрю*.

[2]) **Е. Барсовъ**, l. c., I, стр. 289—291.

Проволоки оны клали-то пеньковыи,
Оны плутивца тутъ клали все дубовыи;
Чего нá слыхѣ то вѣкъ было не слыхано,
Чего нá виду то вѣкъ было не видано,
Какъ въ досюльны времена да въ прежни годышки
Въ Окіянъ-морѣ ловцы да не бывали,
Изловили тутъ свѣжу оны рыбоньку,
Подняли во малой во корабличекъ:
Точно хвостъ да какъ у рыбы — лебединой,
Голова у ей въ родѣ какъ козлиная;
Сдивовалися ловцы рыбы незнамой;
Пораздумались ловцы да добры молодцы:
По примѣтамъ эта рыба да какъ щучина;
Поскорешеньку ко бережку кидалися,
На дубовой доскѣ рыбу пластали,
Раскололи какъ уловку свѣжу рыбоньку:
Много множество песку у ей проглотано,
Были сглонуты ключи да золоченыи;
Тутъ пошли эти ловцы да добры молодцы
Во деревенку свою да во селеніе;
Всѣмъ сусѣдямъ разсказалися,
Показали имъ ключи да золоченыи;
Тутъ ключи стали ловцы да примѣнять:
Прилагали ключи ко Божіимъ церквамъ,
По церковнымъ замкамъ ключи не ладятся.
По уличкамъ пошли они рядовымъ,
По купцамъ пошли они торговымъ,
И по лавочкамъ ключи не пригодилися.
Тутъ пошли эты ловцы да добры молодцы,
По тюрьмамъ пошли заключевнымъ:
Въ подземельныя норы ключь поладился,
Гдѣ сидѣло это горюшко велико;
Потихошеньку замокъ хоть отмыкали,
Безъ молитовки, знать, двери отворяли;
Не поспѣли тутъ ловцы—добры молодцы,
Отпереть двери дубовыя,
Съ подземелья злое горе разомъ бросилось,
Чернымъ ворономъ въ чисто поле слетѣло;
На чистомъ полѣ горюшко садилося
И само тутъ злодійно восхвалялося,

Што тоска буде крестьянамъ неудольная:
Подъѣдать стало удалыхъ, добрыхъ молодцевъ,
Много прибрало семейныхъ головушекъ,
Овдовило честныхъ, мужнихъ—молодыихъ женъ,
Обсиротило сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ;
Уже такъ да это горе расплодилося,
По чисту полю горюшко катилося,
Стужей—инеемъ оно да тамъ садилося,
Надъ зеленымъ лугомъ становилося,
Частымъ дождичкомъ оно да розсыпалося;
Съ того моръ пошелъ на малую скотинушку,
Съ того зябель на сдовольны эти хлѣбушки;
Непріятности во добрыхъ пошли людушкахъ.

Такъ началась на землѣ недоля.

Преданіе это замѣчательно въ разныхъ отношеніяхъ. Зло или злая судьбина собезначальна свѣту, что относитъ насъ къ богомильской сказкѣ о мірозданіи; даже мѣсто дѣйствія одно и тоже: на морѣ гоголемъ объявляется въ сказкѣ Сатанаилъ, на днѣ моря скрывается и злая Судьбина [1]). Но существуя издавна въ мірѣ, она не существуетъ для человѣка, пока онъ самъ не отдастся ей; древность зла не ведетъ къ понятію его прирожденности и человѣческой невмѣняемости, какъ у дуалистовъ [2]); пока люди были добродѣтельны, зло отъ нихъ пряталось. Появленіе на морѣ невиданнаго дива-корабля, прилаживаніе золотаго ключа, выражаютъ, быть можетъ, идею библейскаго разсказа о грѣхопаденіи: что человѣкъ сталъ испытывать запретное, протянулъ руку къ познанію добра и зла. Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи держится ближе Библіи:

. . . . въ началѣ вѣка сего тлѣннаго,
Сотворилъ [Богъ] небо и землю,

---

[1]) Потебня, Слово о Полку Игоревѣ, стр. 98, сравниваетъ заговоръ: Кидма — кидалась *Тоска* (отъ семи старцевъ).... и нигдѣ Тоску не укрыли; кинулась Тоска на островъ на Буянъ, *на море на Окіянъ*, подъ дубъ мокрицкой.

[2]) Сл. Rački, Bogomili i Patareni, стр. 176.

Сотворилъ Богъ Адама и Евву,
Повелѣлъ имъ жить въ святомъ раю,
Далъ имъ заповѣдь божественну:
Не повелѣлъ вкушати плода винограднаго
Отъ едемскаго древа великаго.

Они преступили заповѣдь — оттуда на землѣ Горе-Злосчастіе; фантастическій образъ, въ которомъ смѣшались народныя представленія о прирожденной или навязанной недолѣ — и образъ христіанско-библейскаго демона-искусителя, нападающаго на человѣка, когда, преступивъ заповѣдь, онъ самъ отдается вліянію грѣха. Но есть въ этомъ сложномъ образѣ, перешедшемъ въ оборотъ народнаго демонизма, и еще одна родовая черта, обусловленная на столько же складомъ русской жизни, на сколько старыми вѣрованіями, которыя она воскресила: прародители позарились на виноградное древо въ раю; чортъ русской сказки, недавно пересказанной гр. Толстымъ, изобрѣлъ хмѣльное питье, первый сталъ курить водку: хмѣль и водка замѣнили лозу райскаго дерева, но осталось представленіе о связи демона съ виномъ, орудіемъ грѣхопаденія; представленіе богомильское: «вино и жена ѡтъ діавола кстаа», говорили они [1]). Любопытно, что у монголовъ, знающихъ дуалистическую сказку о созданіи міра Богомъ и Ерликомъ, т. е. діаволомъ, послѣднему приписывается и изобрѣтеніе вина (сл. выше стр. 23; сл. стр. 11, 13—14: мордовское и вотяцкое сказанія). Всё это можетъ объяснить, помимо соображеній чисто мѣстнаго характера, русское представленіе Горя — демономъ хмѣля, демоническимъ бражникомъ, который можетъ оборачиваться и кречетомъ и ястребомъ и выжлокомъ, но любитъ являться и самимъ собой, «лычкомъ связанное, подпоясанное».

Такимъ же сложнымъ характеромъ, наслѣдіемъ скрещивавшихся историческихъ вліяній, отличаются вообще антропоморфическія представленія Доли, Сречи и сродныхъ имъ существъ.

---

[1]) Сл. Разысканія X, стр. 396 слѣд. и Мой отчетъ о книгѣ пр. Соколова, въ Ж. Мин. Нар. Просв. Іюль. 1888, стр. 465—466.

Съ образами Сречи и Несречи мы уже познакомились (сл. выше стр. 231); характернаго, кромѣ пряжи (при Сречѣ) они ничего не представляютъ; вспомнимъ еще пишущихъ въ книгѣ судьбы Юдъ-Самовилъ. Русская фантазія не отстала отъ южно-славянской: рядомъ съ Горемъ-Злосчастьемъ или просто Горемъ, сложные элементы котораго извѣстны, являются въ сказкахъ Нужа и Злыдни: пластически понятые Злые дни византійской гадальной статьи; Обида и Судина-Судьбина. Если удачливая дѣвушка русскихъ сказокъ, дѣлающая счастливымъ бездольнаго молодца, принадлежитъ не странствующему мотиву, а народному представленію Сречи (сл. выше стр. 229 слѣд.), то ея имя въ *одномъ* варьянтѣ: Лебедь бѣлая можетъ напомнить лебединыя крылья Обиды въ Словѣ о Полку Игоревѣ, и я теперь болѣе склоненъ дать этому образу реальное, не одно лишь реторическое значеніе[1]).—Другіе образы русской Доли или Недоли не отличаются яркостью. Исключеніе составляетъ одна малорусская сказка о двухъ женщинахъ: одна была «гарна», другая «погана». Онѣ побранились; одна и говоритъ: хоть я и «погана», за то «моя доля хороша». Хочешь, я покажу тебѣ твою и свою долю? «Піди-ж ти до дому и навари вечерять въ здоровихъ відернихъ горшкахъ, звари борщу и каши, а я тежъ наварю, та й понесемъ долямъ, то побачимъ и твою и мою». Пошли онѣ на распутье, поставила «погана жінка» свои горшечки, «развъязала їхъ, зверху положила чистеньку ложечку, одойшла трохи одъ хреста, та й каже:

Доле, доле, иди до мене вечеряти».

По третьему зову «приходит панич, да такий то хороший, ... попробував борщу.... дали каші, положив ложку сверху, завернув в рушничек гроші и незнать де й дівсь».—Другая женщина не успѣла закричать по третьему разу, какъ поднялся вѣтеръ и буря: «приходить Доля гарної жінки, да такаж-то препогана,

---

[1]) Сл. Мой отчетъ о Вс. Миллерѣ, Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ, въ Ж. Мин. Нар. Просв., ч. CXCII, Августъ, стр. 275—7.

обірвана, кудлата, да ще й с хвостом, виїла, виїла все з горшків, поперекидала їх, та й пішла собі» [1]).

Румынская сказка [2]) начинается почти также, какъ и малорусская, но развиваетъ сюжетъ и далѣе. Когда у одного царя родился тринадцатый ребенокъ — дочь, въ его царствѣ настала злая година: болѣзни, вражда, саранча; причина несчастія — въ дѣвочкѣ, говоритъ одинъ мудрый старикъ и по его совѣту её изгоняютъ изъ страны. Въ одномъ городѣ она нанимается въ услуженіе въ домъ, гдѣ все роскошно и богато, а хозяйка—черная губастая арабка, съ ртомъ до ушей, такая противная, что дѣвушка не удержалась и плюнула ей прямо въ ротъ. Арабка была добрая: Я дурна, говоритъ она дѣвушкѣ, да нарокъ (доля) мой красивъ, а ты, хотя и красавица, да нарокъ у тебя дуренъ. Побѣжденная такой добротой, дѣвушка бросилась на колѣни, попросила прощенія и всё о себѣ разсказала. Арабка обѣщаетъ ей показать свой нарокъ: въ комнатѣ приготовили столъ съ отборными явствами и напитками; спрятавшись подъ кровать, дѣвушка видитъ вечеромъ, какъ пришелъ молодецъ красивый и стройный, хоть сквозь колечко продѣнь, отвѣдалъ всего понемногу и ушелъ. Это—нарокъ арабки. А коли хочешь видѣть твой нарокъ, говоритъ арабка, приготовь на другую ночь ѣды, да побольше: три коровы, три боченка вина; придетъ толстый, оборванный, засаленный, нечесанный парень, какъ собака набросится на ѣду и напьется пьянъ — это твой нарокъ; когда онъ заснетъ, ты вынь у него изъ кармана клубокъ краснаго шелка и не отдавай ему, какія-бы сокровища онъ тебѣ не предлагалъ. Такъ всё и случилось. Спустя нѣкоторое время пошелъ кличъ по городу, что у невѣсты царевича не хватило шелку для сорочки; не найдется-ли у кого подходящаго? Арабка велитъ дѣвушкѣ пойти и попросить за свой клубокъ, что онъ вытянетъ. Положили его на вѣсы, и

[1]) Чубинскій, II, отд. 1-й, № 129.

[2]) Dimitru Stancescu, Basme culese din popor cu introducere de Dr. M Gaster. Bucureşti, 1885, стр. 33 слѣд. (сообщ. П. А. Сырку).

сколько ни клали денегъ на другую чашку, клубокъ все перевѣшивалъ; не уравновѣсились вѣсы и тогда, когда самъ царевичъ сталъ на нихъ. Я принадлежу дѣвушкѣ, рѣшаетъ онъ, и женится на ней; она и приглянулась ему болѣе, чѣмъ его невѣста.

Можно быть уродомъ и счастливымъ; дуракомъ и съ долей. Удачливость нашего Емелюшки не воздаяніе за его нравственную чистоту, а его дурацкое счастье. Красавица румынской сказки — бездольная; какъ въ другихъ извѣстныхъ намъ разсказахъ, она силой добываетъ свою долю [1]) — нить, улаживающуюся въ брачную сорочку. Это — два волоса святогоровой побывальщины, два лыка малорусской легенды, свариваю́щихся, сплетающихся въ одной брачной долѣ.

Сравненія этихъ южнославянскихъ и русскихъ олицетвореній приводитъ къ наблюденію, дополняющему уже сдѣланное нами (см. стр. 211—212). Русской *долѣ* мы противопоставили южнославянскую *сречу:* судьбѣ прирожденной, сужденной, судьбу случайно навѣянную, встрѣченную. Второе представленіе свободнѣе перваго, первое архаистичнѣе и коснѣе, ощущается какъ гнетъ— въ формѣ недоли. Не это-ли ощущеніе гнета, связанности, накопило въ фантазіи русскаго народа преимущественно отрицательные образы: Горя, Обиды, Кручины, Нужи; дало самому пониманію Судьбы-Судины, Судьбины, отвлеченному по существу, конкретное значеніе: Злой Судьбы, Недоли? Сл. такое-же пессимистическое развитіе понятій fatum'а (смерть), Немезиды, Эриній. — И здѣсь сербская среча представляетъ обратный процессъ: въ началѣ просто встрѣча, встрѣчный случай, случайная судьба, она перешла къ значенію счастливой судьбы, счастья; уже отъ нея отвлекается понятіе противоположное: Несреħа — Недоля. Судина и Среча принадлежатъ во всякомъ случаѣ двумъ исключающимъ другъ друга міросозерцаніямъ, разнообразно помирившимся въ славянскомъ представленіи судьбы. И не въ одномъ

[1]) Сл. выше стр. 217 слѣд. Какъ въ румынской сказкѣ дѣвушка отнимаетъ у Нарока клубокъ, такъ въ одной малорусской у Чубинскаго парень вырываетъ у своей Доли перстень и съ тѣхъ поръ разбогатѣлъ.

славянскомъ: sors и fors, μοῖρα и τύχη точно также отличаются содержаніемъ идеи. Отличіе обусловлено исторіей, ростомъ мысли, вездѣ болѣе или менѣе прошедшей по тѣмъ же стезямъ; но оно можетъ также являться показателемъ народно-культурныхъ особей, смотря по тому, какое изъ возможныхъ опредѣленій судьбы восторжествовало не только въ словарѣ, но и въ сознаніи той или другой народности. Доля русской сказки и aventure рыцарскаго романа одинаково подлежатъ историческому и народно-культурному опредѣленію; первому—причудливый образъ Τύχη, незнакомой Гомеру, являющейся у Пиндара сильнѣйшей изъ мойръ и затѣмъ предстающей въ поздне-греческую пору, у комедіографовъ и романистовъ, капризной богиней слѣпаго случая, царящаго безраздѣльно надъ людьми и богами [1]).

---

[1]) Сл. Rohde, Der griechischen Roman, Register s. v. τύχη.

XIV.

ГЕНВАРСКІЯ РУСАЛІИ И ГОТСКІЯ ИГРЫ ВЪ ВИЗАНТІИ.

Говоря въ предыдущей главѣ о связи идеи судьбы, въ родовой стадіи ея развитія, съ культомъ манъ, я коснулся мимоходомъ нѣсколькихъ образовъ народнаго суевѣрія, аналогическихъ съ разобранными мною: русалокъ, вилъ и валькирій (сл. стр. 180 и 185). Русалки — маны выходили изъ границъ моего изслѣдованія: идея судьбы развита въ нихъ слабо, почему я и выдѣлилъ ихъ въ особый отдѣлъ, воспроизводящій, съ измѣненіями и поправками, мою замѣтку о генварскихъ русаліяхъ въ Македоніи [1]). Вилы и Валькиріи выключены были изъ общаго обзора по другому поводу: по моему мнѣнію онѣ и маны, и дѣвы судьбы, какъ рожаницы, керы, junones и т. д., и могли бы идти объ руку съ ними, — еслибъ мой взглядъ на ихъ коренное значеніе не былъ новшествомъ, еще ожидающимъ критики, и не потребовалъ съ моей стороны нѣкоторой подробности изложенія, неумѣстной въ очеркѣ, посвященномъ вопросу болѣе общаго характера.

Начну съ русалокъ.

Римскій праздникъ весеннихъ поминокъ, dies rosae, rosalia [2]), сохранился въ христіанскомъ переживаніи подъ названіемъ

---

1) Сл. Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXLI, отд. 2, стр. 1 слѣд.

2) О нихъ см. Miklosich, Die Rusalien, Sitzungsber. d. Wien. Ak. 46 B. 1864, p. 386—405; Tomaschek, Ueber Brumalia u. Rosalia, ib. 68 B. 1868, p. 369 sqq.

русалій. Наименованіе это встрѣчается впервые въ толкованіи Вальсамона (конца XII в.) на 62-й канонъ Трулльскаго собора, какъ названіе древняго праздника, отбываемаго въ деревняхъ *по пасхѣ:* τὰ λεγόμενα Ρουσάλια τὰ μετὰ τὸ ἅγιον Πάσχα ὑπὸ κακῆς συνηθείας ἐν ταῖς ἔξω χώραις γινόμενα. По сообщенію Димитрія Хоматіана, епископа Ахридскаго (XIII в. нач.), русаліи (Ρουσάλια) праздновались *въ недѣлю по пятидесятницѣ* жителями Молискской темы [1]): σύνταγμα γίνεσθαι νεωτέρων καὶ τὰς κατὰ χώραν κώμας αὐτοὺς περιέρχεσθαι καὶ παιγνίοις τισὶ καὶ ὀρχήμασι καὶ βεβακχευμένοις ἅλμασι καὶ σκηνικαῖς ἀσχημοσύναις ἐγκαλεῖσθαι δῶρα παρὰ τῶν ἐνοικούντων εἰς κέρδος αὐτῶν. Аравантинъ (Ἀραβαντινός, Χρονογραφία τῆς Ἠπείρου, t. II, p. 191) такъ описываетъ русаліи въ эпирской Паргѣ: τὴν καλουμένην ἑορτὴν Ῥοζαλίαν ἢ Ῥουσάλια, διαρκοῦσαν ἀπὸ τῆς ά μέχρι τῆς ή Μαΐου, ὅτε ὁ λαὸς ἐκλέγων πολίτην τινὰ ὡς ἀρχηγὸν εὐθύμει διὰ διαφόρων κωμικῶν σκηνῶν· μεταξὺ δὲ τούτων ἐκρότει καὶ πλάστην τινα μάχην, σχηματιζομένων δύο στρατιωτικῶν σωμάτων, τοῦ μὲν χριστιανικοῦ, τοῦ δὲ ὀθωμανικοῦ ἀρχηγουμένου ὑπὸ πλαστοῦ Πασσᾶ, ὅστις συνελαμβάνετο αἰχμάλωτος μετὰ τὴν γενομένην ἐν τῇ τελευταίᾳ ἡμέρᾳ τῆς ἑορτῆς ψευδομάχην· ἐν τῷ μεταξὺ δὲ τῶν ὀκτὼ ἡμερῶν οἱ Ῥουσαλιῶται Πάργιοι εἰσέπραττον τὸ τελωνιακὸν δικαίωμα παντὸς ἐμπορεύματος εἰσαγωγῆς ἢ ἐξαγωγῆς, καὶ τὸ ἐφήρμοζον εἰς δαπάνην τῶν ἐν τῇ πανηγύρει γενομένων ἐντρυφήσεων καὶ προπαρασκευῶν. Воображаемая борьба христіанъ съ османами не что иное, какъ новая перелицевка стараго драматическаго пренія между лѣтомъ и зимой, которую представляетъ паша, поступающійся въ концѣ распри своей свободой и жизнью, замѣчаетъ Томашекъ [2]).

Съ празднованіемъ въ Паргѣ необходимо сблизить тотъ же обрядъ, совершаемый въ албанскихъ колоніяхъ Калабріи въ первые три дня Пасхи [3]). Старое названіе праздника, rusalet =

---

[1]) Въ моихъ Разысканіяхъ, вып. IV, гл. VII, стр. 208 напечатано ошибочно: Молизской. О положеніи Молиска см. Tomaschek, l. c., p. 372, 373.

[2]) l. c., p. 371.

[3]) О нихъ см. мою замѣтку: Новости по изученію италіанской литературы,

русалія, теперь полу-забытое, уступило мѣсто другому: pieizit или vecchiarelli. Главная роль въ обрядѣ принадлежитъ парнямъ, одѣтымъ въ военный костюмъ восточнаго стиля, и женщинамъ, которыя, сплетясь руками, исполняютъ древній народный танецъ (vala), двигаясь по улицамъ, заходя и въ дома. Тѣ и другія пляшутъ подъ звуки пѣсенъ, исполняемыхъ антифонически, старыхъ воинственныхъ пѣсенъ, восходящихъ къ XV вѣку, къ памяти о подвигахъ Скандербега, Константина и др. Группой юношей, pieizit, руководитъ старикъ, не ряженый, толпой женщинъ — юноша; къ нимъ присоединяются еще ряженые, съ лицами, вымазанными мѣломъ, мукой или сажей, одѣтые въ козьи шкуры, съ колокольцами и погремушками у пояса; въ рукахъ у нихъ разнаго рода кухонная утварь, руки замараны сажей: прохожіе испытываютъ то и другое на себѣ и не сердятся на злыя шутки и прибаутки, столь же традиціонныя въ этомъ обрядѣ, какъ и музыкальный инструментъ, родъ свирѣли, сдѣланной изъ коры фиговаго дерева; подъ звуки этой свирѣли медленно движутся pieizit, прежде чѣмъ пуститься въ пляску. Періодъ rusalet открывается въ полночь съ великой субботы на Христовъ день, когда по греческому обычаю колоколъ возвѣститъ о Христовомъ Воскресеніи. И вотъ, въ то время, какъ съ одной стороны группы набожныхъ поютъ подъ окнами спящихъ «Христосъ воскресе!» (Χριστὸς ἀνέστη), другіе пляшутъ по деревнѣ, приглашая повеселиться: «Сегодня, красавица, воскресенье, Христово воскресенье. Проснитесь же, юноши, и пойте, проснитесь дѣвушки и начинайте плясать! Кто не успѣлъ принарядиться въ праздничное платье, пусть остается дома спать». Во вторникъ вечеромъ праздникъ кончается грустною пѣсней: «На будущій годъ, объ это время, одни изъ насъ еще будутъ въ живыхъ, другихъ не будетъ; но хоть и малые числомъ, мы не посрамимъ нашихъ товарищей».

Ж. М. Н. Пр. 1884 г., Іюнь, стр. 436—437. См. De Rada, Rapsodie d'un poema albanese, raccolte nelle colonie del Napoletano, p. 91: отрывокъ русальскихъ пѣсенъ (Canti delle Russalle); обрядъ, совершавшійся на Пасхѣ, сохранился лишь въ деревнѣ Casal-Nuovo, въ Базиликатѣ.

Тамъ, гдѣ до сихъ поръ удержалось имя и празднество русалій, онѣ обыкновенно являются пріуроченными къ Духову и Троицыну днямъ [1]), когда, по греческому повѣрью, именно между Пасхой и Пятидесятницей, душамъ умершихъ дозволено возвращаться на землю [2]). Такъ у *румынъ:* rusale, rusáli = pentecôte; mauvaises fées [3]); у *албанцевъ:* rsciài, rrsciài = pentecoste (вм. ršali); въ *церк.-слав. языкѣ:* на роусалию = εἰς τὴν ἁγίαν πεντηκοστὴν (гомилія Іоанна пресвитера экзарха, по сербск.-слав. рукописи XIII в.), на русаліяхъ, въ сѫботѫ русальнѫ (Сав. книга 130, 131, 147); у *сербовъ:* rusalje, rusalji = *pentecoste* (Ragusa, Bocche di Cattaro); у *словинцевъ:* risale = *pentecoste;* risalček, risalšček, risalščak = maius mensis; у *чеховъ:* rusadla, rusadlé = pentecoste; у *словаковъ:* rusadljé, rusadla = то же; въ Муранскомъ статутѣ 1585 года упоминаются: rusadly, rusadelné svátky, съ тѣмъ же значеніемъ и характеристикой: nepořádné tance, obzvláště na rusadelné svátky podle starého obyčeje krále staveti etc. (Světozor, 1855. 44). То же въ актахъ Щитницкаго евангелическаго собора 1591 года: na rusadlnie swiatky podle starjeho obyčege králow staweti, tance wywázeti, do starje kožuchy se obláčeti i gakžkolwěk se blázniti pod štraffanjm zakazáno bude [4]). — Обычай выбирать «rusadelného král'a» сохранялся еще до прошлаго столѣтія у восточныхъ словаковъ (Gemer, Spiš, Šariš) и мадьяровъ: «Bartholomaeides v diele: Notitia Comitatus Gömöriensis, str. 443, pripomina, že tu mládež každej obce vyvolila zpomedzi sebä najhodnejšieho za král'a a k boku jeho celú súdobnú osobnost: prísažných i snad kata ešte a hajdúchov. Skutočna sprava obce a moc stutočného richtára v nej akoby na tento deň zotretá bola bývala, tak súdil i riadil i trestat' dal

---

[1]) Большая часть относящихся сюда указаній собраны были уже Миклошичемъ, l. c., и позднѣе въ: Christliche Terminologie der slavischen Sprachen (Wien, 1875), стр. 25—26. Къ этимъ работамъ я и обращаю читателей.

[2]) Πολίτης, Μελέτη I, 347—8.

[3]) Cihac, Dict. d'étymologie Dacoromane. Eléments slaves, magyars etc. a. v. rusálii.

[4]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззр., III, 143.

tento rusadelný král' so svojémi prisažnými, všetko a všetko mu aj poslušné bolo [1]).

Русаліямъ восточныхъ словаковъ отвѣчало у западныхъ названіе Turice; Миклошичъ съ большою вѣроятностью объясняетъ его изъ турьей маски, которая могла фигурировать въ этомъ обрядѣ, какъ турица въ дубровницкой масляницѣ [2]). Ср. галицкія турицы, праздновавшіяся въ началѣ Мая, отвѣчая великорусскому семику [3]), и проводы весны въ саратовской губерніи (30-го Іюня): *чучело лошади* носятъ взадъ и впередъ по лугу въ сопровожденіи огромной толпы [4]). Сходный весенній обычай существуетъ въ пензенской губерніи [5]); въ другихъ мѣстностяхъ Россіи въ заговѣнье передъ Петровками *нѣсколько человѣкъ, накрывшись парусомъ, представляютъ изъ себя лошадь, при чемъ передній держитъ передъ собою лошадиный черепъ.* Эта обрядовая маска зовется *русалкой* [6]) — и возвращаетъ насъ къ имени русаліи: сл. *роусалькы* = русаліи въ Номоканонѣ по ркп. XVII вѣка: «плесаньа.... творещиихъ или роусалькы» [7]).

Слѣдующее за Троицей воскресенье въ Спасскѣ рязанскомъ называется *русальнымъ заговѣньемъ.* На другой день, то-есть, въ первый понедѣльникъ Петрова поста, тамъ приготовляютъ соломенное чучело, одѣтое въ женскіе уборы и представляющее *русалку;* потомъ собираютъ хороводъ, затягиваютъ пѣсни и отправляются въ поле; въ серединѣ хороводнаго круга пляшетъ и кривляется бойкая женщина, держа въ рукахъ соломенную куклу Въ полѣ хороводъ раздѣляется на двѣ стороны — наступательную и оборонительную; послѣдняя состоитъ изъ за-

---

[1]) Sbornik slovenských národnich piesni, povestí etc. vydáva Matica Slovenska, Svāzok I (1870) стр. 197—198.

[2]) См. мои Разысканія VII, р. 128.

[3]) Ž. Pauli, Pieśni ludu polskiego w Galicyi, p. 15.

[4]) Ефименко, О Ярилѣ, р. 86—87; Сахаровъ, Сказанія Русск. Нар. VII, 42.

[5]) Терещенко, Бытъ русск. народа, VI, 191—2.

[6]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. III, 164.

[7]) Miclosich, Die Rusalien, стр. 6.

щитницъ русалки, а первая нападаетъ и старается вырвать у нихъ чучело; при этомъ обѣ стороны кидаются пескомъ и обливаютъ другъ друга водою. Борьба оканчивается разрываніемъ куклы и разбрасываніемъ по воздуху соломы, изъ которой она была сдѣлана. Послѣ того возвращаются домой и говорятъ, что проводили русалокъ [1]). То-же въ Бѣлоруссіи: На первый день Петрова поста, къ вечеру, дѣвушки плетутъ себѣ вѣнки и выбираютъ изъ среды себя самую статную, крѣпкую и высокую дѣвушку въ *русалки*, которую онѣ самымъ тщательнымъ образомъ убираютъ цвѣтами и лентами. Затѣмъ вечеромъ, когда уже взойдетъ луна, дѣвушки въ бѣлыхъ сарафанахъ съ монистами, съ распущенными волосами, переплетенными лентами, надѣваютъ себѣ на голову изготовленные вѣнки, становятся въ рядъ, взявшись за руки, русалка впереди, и съ пѣніемъ идутъ длинной вереницей за село, къ нивамъ. На пути передняя пара подымаетъ, въ видѣ арки, руки, подъ которыми, наклонившись, проходятъ всѣ остальныя. Это продѣлываютъ всѣ, слѣдующія за первой, пары. Пройдя версты двѣ за село, между нивъ, къ кустарнику, дѣвушки останавливаются. Въ это время парни, ѣдущіе въ ночное, нагоняютъ ихъ, слѣзаютъ съ коней и наскоро сложивъ костры, начинаютъ прыгать черезъ нихъ. Дѣвушки проворно бросаютъ на нихъ вѣнки и разбѣгаются, а русалка ихъ ловитъ, и кого поймаетъ, того щекочетъ. Въ слѣдующихъ затѣмъ играхъ принимаютъ участіе и парни, и всѣ разбиваются на пары [2]).

Эти русскія игры интересны своимъ совпаденіемъ съ слѣдующею словинскою; разница лишь въ томъ, что первыя относятся къ проводамъ весны, вторая — къ ея встрѣчѣ. Ob pustu, ko je že led zginil z rečic in potokov, vodijo Slovenci kraj Ščavnice *Ruso*. Storîjo pa tako-le. *Dva mladenča svoja hrbta kup obrneta, ter se pripogneta. Eden vzeme metlo v roke, drugi pa drog, na kterega obesi star pisker. Tretji mladenič pokrije z beloe rjuho*

[1]) Аѳанасьевъ, l. c., III, 150.

[2]) Шейнъ, Матерьялы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, т. I, ч. 1, стр. 199—200.

pripognena mladeniča. Pisker predstavlja glavo, metla pa rep. Cela šema ima po takem podobščino konjsko. Mladenič to šemo po vasi goni in poje:

Belo Ruso vodimo,
Konjem srečo prosimo,
Zobi je ne dajemo,
Z meglo jo napajamo.

Kedar prižene Ruso do potoka, vržeta mladeniča, ktera sta predstavljala podobščino konjsko, pisker in metla v potok, in vsi triji zapojejo:

Smo Ruso v vodo stirali,
Konjem srečo sprosili;
Zdaj bomo pa pobirali,
Da bomo težko nosili.

Pri vsakem hramu dobijo kakšen dar, postavim jajec, klobas, sira [1]).

Руса, отвѣчаетъ, очевидно, не только по маскѣ, но и по имени — Русалкѣ русскаго обряда, и я полагаю, что то же имя сохранилось, искаженное, въ *Солохъ*-русалкѣ, которую водятъ въ Гомельскомъ уѣздѣ (Могилевской губ.) въ заключеніи обрядоваго «гуканья весны» [2]).

Вернемся къ обозрѣнію русалій.

У *Болгаръ:* Русали = *Духовъ день;* въ церковь приносятъ русалію и, во время чтенія молитвъ, каждый кладетъ ее себѣ подъ колѣни [3]); «*отъ Спасов-день* начнѫтъ да празднуватъ самовилскы-тѣ праздницы — *Русаля*» [4]); «недѣля передъ *Сошествіемъ*

---

[1]) Pajek, Črtice iz duševnega žitka Štajerskih Slovencev (V Ljubljani 1884), стр. 212.

[2]) Шейнъ, Бѣлорусскій сборникъ, стр. 125.

[3]) Каравеловъ, Пам. нар. быта болгаръ, р. 231; сл. стр. 222 прим.: Русалія — растеніе, которое не цвѣтетъ, но имѣетъ пріятный запахъ, съ пустымъ стволомъ, вышиною съ полсажени; о немъ ходятъ разныя преданія.

[4]) Чолаковъ, Българскыи народенъ сборникъ, р. 39.

Святаго Духа извѣстна подъ именемъ *Русалницы* (Пиротск. окр.). Въ старое время въ теченіи всей этой недѣли играли «оро» (хороводъ) въ честь Русаліи. До сихъ поръ въ нѣсколькихъ селахъ кюстендильскаго округа празднуется «соборъ» (храмовой праздникъ), «Руса недѣля»; онъ приходится въ середу Русальной недѣли, а четвергъ этой недѣли извѣстенъ подъ именемъ «въртоломы». Въ этотъ день женщины, у которыхъ есть дѣти, не работаютъ, тогда какъ всѣ другіе исполняютъ обычную работу. Въ теченіе этой недѣли существовалъ въ окрестностяхъ Бѣлой-Паланки такой обычай: восемь дѣвушекъ отправлялись славить по домамъ; кого найдутъ въ домѣ, тому цѣлуютъ руку и поютъ пѣсни (съ тѣмъ или другимъ пожеланіемъ); поютъ по очередно четыре дѣвушки [1]).

На нѣкоторые русскіе русальскіе обычаи мы уже указали выше. Въ Россіи недѣля Святыхъ Отецъ и слѣдующая за нею *Пятидесятницы* назывались: *Русальною*, *зеленою*, либо *клечальною* (вѣтки, которыми украшаются дома въ Троицынъ день, зовутся въ Малороссіи «клечанне»), или *семицкою*. Семикъ, собственно, четвергъ на седьмой недѣлѣ по Пасхѣ; въ вологодской губерніи онъ называется «русалкой», «русалчин или мавскій Велик-день», «русалі» (малор.), тогда какъ литовск. sekmines (= семикъ) означаетъ праздникъ Пятидесятницы = церковнослав. *роусалиꙗ*. Особенность семика — поминовеніе (и погребеніе) умершихъ на убогихъ домахъ, скудельницахъ и жальникахъ, простирается и на весь окружающій его праздничный циклъ: во вторникъ передъ семикомъ въ Великороссіи совершаются задушницы; на могилахъ поминаютъ покойниковъ, оставляя разбитыя яица; говорятъ, что въ этотъ день покойники бродятъ по могиламъ и дерутся съ русалками; въ субботу послѣ семика (клечальная суббота, великор. малор.; родители троицкіе, великор.) совершается поминовеніе умершихъ въ Болгаріи, какъ и въ Россіи; вспомнимъ нареканія Стоглава, кн. 41, вопросъ

---

[1]) Качановскій, Памятники болгарскаго народнаго творчества. Вып. I, стр. 11 слѣд.

23 [1]): противъ плясокъ и скоморошьихъ пѣсенъ на жальникахъ въ Троицкую субботу. Стоглавъ не говоритъ по этому поводу о *русальяхъ*, но это названіе разумѣется само собою: въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ [2]) повѣрьяхъ русалки преимущественно утопленницы и дѣти, родившіяся не живыми и умершія некрещеными; но это лишь обособленіе болѣе общаго понятія, выраженнаго въ названіи русалокъ: малор. *мавками* (то-есть, навками), *майками* (у карпатскихъ бойковъ); *навья* недѣля = недѣля пятидесятницы; сл. малор. обозначеніе семика: русалчин или *мавскій* великдень.

Къ этому можно присоединить еще слѣдующее: по малорусскому повѣрью гдѣ-то за моремъ живутъ рахманы; они не имѣютъ собственнаго счисленія времени, а потому празднуютъ пасху тогда, когда доплыветъ къ нимъ отъ насъ скорлупа пасхальнаго яйца. Вслѣдствіе того существуетъ въ народѣ обыкновеніе выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, «крашанокъ», которыя доплываютъ къ рахманамъ на Преполовеніе, и рахманы тогда только празднуютъ пасху, «рахманьскый великдень». Иначе вмѣсто рахмановъ, называютъ *блаженный* народъ *навы;* скорлупа, брошенная въ рѣку, доплываетъ къ нимъ въ навьскій великдень = зеленый четвергъ, но ее не слѣдуетъ бросать въ воду, не раздавивъ ея предварительно, не то *русалки* будутъ въ нихъ плавать [3]). Еще новое отождествленіе: навокъ и русалокъ, о которыхъ говорятъ, что они разводятъ на могилахъ синіе огоньки [4]), которыхъ призываютъ на русальной недѣлѣ, поминая утопленниковъ и удавленниковъ и разбивая на ихъ могилахъ красныя яица:

Русалка-царица,
Красная дѣвица!

---

[1]) Разысканія, VII, стр. 207—208.

[2]) Шейнъ, Матерьялы, стр. 196.

[3]) Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 371 и прим. 5.

[4]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія III, 197, 243; Шейнъ, Матерьялы l. c., 197.

Не загуби, душка,
Не дай удавитца,
А мы тебѣ кланяемся!

часть поминальныхъ блиновъ оставляется на могилѣ въ жертву русалкѣ. Кто на русальской недѣлѣ забываетъ о своихъ покойникахъ и не дѣлаетъ имъ приношеній, тому мстятъ русалки. При отправленіи проводовъ русалокъ, женщины произносятъ похоронныя причитанія и, распустивъ свои косы, съ плачемъ припадаютъ къ землѣ, какъ бы къ могиламъ [1]).

Анализъ русскихъ суевѣрій [2]) приводитъ къ заключенію, что весеннія русаліи, главнымъ образомъ, поминальный обрядъ; русалки=manes; на древнія отношенія родства указываетъ совпаденіе ихъ культа съ весеннимъ обрядомъ кумовства; онѣ — покойники, «земляночки», какъ въ пѣснѣ на Троицкой недѣлѣ:

Русалочки, *земляночкы*,
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Звалилися, забилися [3]).

Покойниковъ хоронили въ языческую пору на горахъ, въ лѣсахъ, на распутьяхъ, спускали въ воду [4]); оттого галицкія мавки=русалки представляются живущими на горныхъ вершинахъ, какъ наши русалки любятъ качаться на вѣтвяхъ дерева [5]). Ихъ преобладающій нынѣ водный характеръ можно было-бы объяснить позднѣйшимъ обособленіемъ ихъ типа; горныя русалки, напримѣръ, должны были исчезнуть въ мѣстности, гдѣ горы были рѣдкостью; но съ другой стороны есть данныя, за-

---

[1]) Аѳанасьевъ, l. c., III, 243—244.

[2]) Кромѣ Аѳанасьева, l. c. (см. указатель a. v. Русалка, Русаліи и т. д.), см. еще: Калинскій, Церковный мѣсяцесловъ ни Руси, р. 469 слѣд.; Петрушевичъ, Общерусскій дневникъ, Іюнь, съ 5-го по 10 Іюня, стр. 51 и слѣд.; Чубинскій, Труды и т. д., т. III: Народный дневникъ, стр. 185 (зелені святки); Каравеловъ, Пам. нар. быта болгаръ (съ 5-го Іюня), стр. 228 слѣд.

[3]) Аѳанасьевъ, l. c., III, 243.

[4]) Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ, стр. 33, 227; 72 и passim.

[5]) Аѳанасьевъ, l. c., р. 124—125.

ставляющія предположить значительную древность такого именно представленія. Южно-славянскія вилы, горныя и водныя, указываютъ здѣсь на параллели, которыхъ мы коснемся въ слѣдующей главѣ.

I.

Описанные выше обряды и повѣрья объединены временемъ — весною — и названіемъ русальныхъ; къ нимъ относится несомнѣнно и слѣдующая румынская игра, не носящая этого обозначенія, но совершающаяся въ обычную пору весеннихъ русалій и отличающаяся тѣмъ-же типомъ и интереснымъ согласіемъ — съ генварскими русаліями Македоніи. Кантемиръ [1]) называетъ исполнителей ея caluczenii; вѣроятно это тоже, что călușér, călușár = saltimbanque, bateleur; joc călușeresc = certaine danse avec mascarade [2]). Поговоривъ о пляскахъ и хороводахъ румынъ, Кантемиръ продолжаетъ: praeter ista saltus genera, quae in festivitatibus locum habent, aliud est superstitiosius, quod ex impari saltatorum numero, septem, novem et undecim, debet componi. Caluczenii isti vocantur et semel in anno congregantur, vestibus muliebribus induti: caput corona cingunt, e foliis absinthii plexa, et aliis interstincta floribus, vocem mentiuntur femineam, et ne dignosci possint, alba tela faciem contegunt. Cuncti nudos in manibus gestant gladios, quibus illico transfoderetur, quisquis plebejus faciei ipsorum tegmen detrahere auderet. Id enim ipsis privilegium antiqua consuetudo concessit, adeo, ut neque in judicio homicidii ea de causa accusari possint. Dux coetus vocatur staricza, secundus primicerius, cujus officium est, ut quod saltus genus staricza exerceri velit, exquirat, sociisque clam indicet, ne populus saltus nomen

---

[4]) Operele principelui Demetriu Cantemiru, t. I, Descriptio Moldaviae (Bucaresci 1872) стр. 129—130.

[5]) Cihac, Dictionnaire d'etimologie Daco-romane. Élements slaves, magyars etc., a. v.

prium audiat, quam conspiciat oculis. Habent enim plusquam centum diversa metra et adeo compositos choros, nonnullos adeo artificiosos, ut qui saltant, vix terram tangere, sed quasi in aëre volare videantur. Ita per decem dies, qui Assumtionis Jesu Christi et Pentecostes ferias intercedunt, continuis laboribus exercentur, cunctaque oppida et pagos saltando currendove peragrant. Inter illud tempus nisi sub tecto templi dormiunt, creduntque se, si in alio loco cubaverint, statim ab aneraidibus, quos frumosas vocant, vexatum iri. Porro, si qui Caluczanorum coetus alii in via obviam factus fuerit, pugnandum est utrique, debellati viam victoribus cedut, compositisque pacis legibus, per novennium se alteri coetui inferiores profiteri debent. In tali proelio si quis fuerit interemtus, nullum datur judicium, nec quis ille fuerit a judice exquiritur. Qui semel in talem coetum fuerit receptus, per novennium singulis annis eundem frequentare debet; quod si id neglexerit, eum a maligno spiritu corripi et a frumosis vexari perhibent. Superstitiosa plebs illis morborum chronicorum expellendorum potestatem adscribit. Fit autem sanatio hoc modo: prostrato in terram aegroto, illi suos saltus incipiunt et notato cantilenae loco jacentem a capite usque ad calcem per seriem calcant, tandem verba aliqua studio concepta ejus auribus insusurrant, morbumque exire jubent. Hoc si ter per triduum repetierint, plerumque spei eventus respondit, morbique difficillimi, qui expertissimorum medicorum artem diu deluserant, hac ratione facili negotio expellentur.

До сихъ поръ празднованіе русалій встрѣчалось намъ довольно постоянно пріуроченнымъ къ Троицыну и Духову дню; если у словинцевъ ихъ названіе было распространено на Май мѣсяцъ, то подобное же обособленіе, по совмѣстности, можно было бы признать и въ показаніи Стоглава: о русаліяхъ «о іоанновѣ дни» [1]). Но какъ объяснить себѣ, что тотъ же памятникъ говоритъ о русаліяхъ, совершаемыхъ о «навечеріи рожьства

---

[1]) См. мои Разысканія, VII, стр. 204.

Христова и богоявлениꙗ». то-есть, въ началѣ и концѣ двѣнадцатидневнаго святочнаго цикла? До сихъ поръ это показаніе стояло совершенно одиноко, если не принять въ расчетъ Заповѣдь св. Отецъ (Тихонравовъ, Памятники, II, 302), гдѣ русальи могутъ быть поняты, какъ отожествленныя съ колядой и празднованіемъ индикта («нелѣпо коледовати, ни роусальи играти, ні индикъ чести ни празновати в нѧ»). Теперь оно не вызоветъ сомнѣнія, съ тѣхъ поръ, какъ въ южной Македоніи обнаружено существованіе чрезвычайно интереснаго обряда, отбываемаго именно о святкахъ и обозначаемаго древнимъ именемъ — русалій [1]).

Въ «погани дни» отъ Рождества до Богоявленія (визант. τὸ Δωδεκαήμερον; нѣм. die Zwölften) никто не работаетъ, и собираются «дружины», подъ именемъ русалій, ходящія отъ села къ селу съ «русальскими играми» и собирающія деньги и подарки, чаще всего въ пользу какой-нибудь церкви.

Русалійская дружина состоитъ обыкновенно изъ 20—60 парней или мужчинъ или, вѣрнѣе, изъ 10—30 паръ, ибо состоящіе въ одной парѣ не раздѣлимы, представляя какъ бы одно лицо. Каждая дружина, образующая одну «вергу» или одинъ танецъ (хоръ, ликъ), имѣетъ при себѣ: 1) двѣ пары музыкантовъ (мехтери = тѫпанари и зурнаджии); 2) двѣ пары предводителей, имена первой: Протъ или Балтаджия и Кеседжия; имя перваго предводителя во второй парѣ: Юзбашия; 3) пару чаушей, идущихъ по сторонамъ танца, одинъ впереди, другой сзади; 4) пару вѣстниковъ-соглядатаевъ = калаузи; 5) двухъ-четырехъ слугъ. Всѣ одѣты въ великденскія платья (дрѣхи), «съ бѣли-тѣ имъ широки кошульки (арнаудски фустани) отъ горѣ, а на грѫди-тѣ се прѣкрьстени съ двѣ цьрвени (алени) шампи, накитени съ всекакви труфила, като пенязни (парични) нанизи и др.». Балтаджия вооруженъ сѣкирой, всѣ другіе — мечами на голо. Собравшись

---

1) Руссалии, древенъ и твърдѣ интересенъ българский обычай запазенъ и до днесь въ южна Македония. Написалъ и издава К. Шапкаревъ. Пловдивъ, 1874.

въ первый день Рождества у дома церковнаго настоятеля, они отправляются на игры, распростившись съ домашними, какъ будто бы шли на войну: игры бывали, въ самомъ дѣлѣ, столь кровопролитныя, что многіе не возвращались домой, погибнувъ въ свалкѣ; ихъ хоронили на мѣстѣ боя. Въ теченіе всѣхъ двѣнадцати дней, пока продолжаются игры, соблюдаются такія правила:

Никто изъ играющихъ не можетъ говорить съ кѣмъ бы то ни было, даже съ «другаремъ» (стоящимъ въ той же парѣ), развѣ вечеромъ, на ночлегѣ, да и то немного и тихо; только предводителямъ (Балтаджіи и Кеседжіи) разрѣшено говорить.

Не позволяется за все это время ни креститься, ни молиться, ни говорить: «здравъ ми си», либо «на здравье», «добро утро», «добъръ вечеръ», «добрѣ дошьлъ».

Во время игры и пляски всякій обязанъ ступать вслѣдъ предходящаго ему другаря. «Помежду членове-тѣ на дружина-та, кои-то макарь и да се не дьржать ржка за ржка, съставять обаче единъ танецъ (ликъ), или инакъ, прѣзъ имъ, танецъ, кога-то играѭть или пжтувать, никому не е позволено да помине, да се провре, та да разцепи, раздвои хоро-то, освѣнъ на болни, кои-то влизать въ срѣдъ хоро и стоять догдѣ трае една игра, и то съ надѣжда да получать здравье, кое-то се получвало посрѣдствомъ прѣкрьстванье-то съ мечове-тѣ по чело-то му; това извьршвать тие слѣдъ свьршванье-то игра-та». Къ этой подробности присоединимъ и слѣдующія: пока дружина гдѣ-нибудь играетъ, двое чаушей со слугами обходятъ ближніе дома, перекрещивая мечами лицо всякаго встрѣчнаго, а дома въ трехъ мѣстахъ: «на врата-та щомъ влѣзать, на дименикъ-тъ и на друго нѣкое мѣсто така, що то образувать правиленъ трежгълникъ». Также крестятъ «за здравіе» всѣхъ находящихся въ домѣ, прося подаянія во имя какого-нибудь святого или церкви, для которыхъ играетъ дружина; подачки собираютъ и носятъ слуги. «Ако се научать че въ нѣкоя кжща имало лехунка жена, Руссалии-тѣ тамо не влегвать. А и такова жена, кога ги види или научи че

дохождать, бѣга отъ нихъ и се крие въ кѫщи като се сматря нечиста още». Иной хозяинъ приглашаетъ цѣлую дружину къ себѣ на дворъ — поиграть и перекрестить домашнихъ «за здравье», а къ больному ихъ зовутъ и въ домъ.

Слѣдуя по пути, не переходятъ въ бродъ черезъ воду, а скачутъ, либо перевозятся черезъ нее; встрѣтивъ на пути похороны, велятъ поставить носилки съ покойникомъ на землю и, перескочивъ черезъ него, позволяютъ нести далѣе.

Если кому-либо изъ дружины пришлось отстать отъ нея за надобностью, то съ нимъ вмѣстѣ идетъ и его другарь, машущій все время мечемъ надъ головою совершающаго свою нужду (пьющаго и т. п.), какъ бы отгоняя отъ него какую-то опасность. Если птица пролетитъ надъ дружиной, либо надъ нѣкоторыми изъ ея членовъ, всѣ начинаютъ махать мечами, убиваютъ ее и съѣдаютъ на вечери.

Въ деревняхъ на пути останавливаются въ домахъ попарно, оба предводителя вмѣстѣ, при нихъ и два музыканта свирца; къ ихъ дому собирается играть и вся дружина. Если дружина зайдетъ въ свое собственное село, то никто не останавливается на ночлегъ у своихъ. Подходя на ночлегъ къ какому нибудь селенію, напередъ извѣщаютъ поселянъ (черезъ вѣстниковъ = калаузи) о своемъ прибытіи, а тѣ принимаютъ ихъ съ почетомъ, поятъ и кормятъ (Русаліи не обѣдаютъ, а завтракаютъ — поручегъ, похапка, — ужинаютъ и вечеряютъ); еслибы въ томъ селѣ очутилась уже на ночлегѣ другая дружина, то вновь подходящая минуетъ его и слѣдуетъ далѣе.

Игры. «На всѣкоя утрина, кога-то се готвять да излѣзѫть по игранье, единъ часъ прѣдъ зора-та, удрять тѫпани-тѣ, за да се разбудять и станѫть вси-тѣ съставляющи дружина-та членове.... Слѣдъ единъ часъ, въ глъбока зора, тѫпани-тѣ удрять повторь», и дружина собирается къ дому начальника, который дѣлаетъ ей смотръ. Всѣ становятся кругомъ «тъкмо-нозѣ и, отъ како помине (начальникъ) съ сѣкира-та си покрай нозѣ-тѣ на нарѣдени-тѣ си войници съ голѣма бързина и силно, вси-тѣ по

гласъ-тъ неговъ извиквать еднажь силно и велегласно: «ехее!», та тръгвать, като засвирять прѣдходящи-тѣ свирци». Каждый, кромѣ музыкантовъ, держитъ въ правой рукѣ мечъ на-голо, «исправенъ съ вьрхъ-тъ на горѣ и, спрости свирба-та, кога подигать ржка-та си заедно съ мечь-тъ на горѣ, кога пакъ на долу я поснимвать». Встрѣтивъ во время игры «раскрьстница (крьстопжть) или хладенецъ (бунаръ или изворъ) или друга нѣкоя подобна вода или сухо дьрво, ветхи гробища или црьква, обикальвать ги до три пжти съ хоро (игранье); а на свьршванин-то обикалька-та, по примѣръ на Балтаджия-та—началникъ, членовѣ-тѣ на всякоя двойца пьрво ще прѣкрьстять единъ съ другъ мечевете си, слѣдователно, като ги опржть съ вьрхъ-тъ въ земя-та, вси-тѣ извиквать единогласно: «ехее!» та търгвать. Така правять и всекога кога-то свьршвать игра-та си на нѣкое мѣсто». Игры кончаются передъ заходомъ солнца, какъ, съ другой стороны, русаліи заботятся, чтобы заходъ солнца не засталъ ихъ внѣ села. Вслѣдъ за вечерей, по звуку тжпановъ, дружина снова собирается къ дому начальника, послѣ чего играютъ попарно въ какія-нибудь игры, а поселяне «чинять сеиръ». Начальники (первая пара) не играютъ, а когда играетъ пара Юзбаши, всѣ члены дружины, кромѣ Балтаджіи и его другаря, стоятъ, пока не кончится игра.

На пути всякая дружина посылаетъ развѣдчиковъ узнать, нѣтъ ли впереди другой, встрѣчной дружины, чтобы съ нею можно было разминуться. Если двѣ дружины встрѣтятся, то ни одна не уступитъ дороги другой, развѣ подъ условіемъ, чтобы слабѣйшая, въ знакъ покорности, прошла подъ скрещеными мечами сильнѣйшей. Такъ какъ это считается униженіемъ, то дѣло часто кончалось настоящимъ боемъ; убитыхъ хоронили тутъ же, безъ церковныхъ обрядовъ и отпѣванія. Такъ образовались такъ-называемые «Русальскія гробища».

Наканунѣ Богоявленія («на Неядка или Водокрьстъ») игры кончаются; дружина возвращается во свояси и прямо въ церковь, гдѣ священникъ читаетъ имъ молитву. «Кой-то отъ Русалии-тѣ

не си пѣелъ молитва, велять и вѣрвать, че полудѣвалъ». Всѣ входятъ въ церковь, въ «женска-та врата» или въ «лѣва-та», съ мечами на-голо, «и застанвать прави и нарѣдени на права линия, както и влѣзвать, на лѣвий-тъ цьрковенъ отдѣлъ, сир. отъ кѫдѣ-то минува святий Прѣносъ. Единъ священникъ застанва въ единъ отъ наближни-тѣ до олтаръ-тъ столове, та всѣкому отдѣлно и едно по друго прочитва му по една молитва», послѣ чего одинъ за другимъ проходятъ въ среднее отдѣленіе церкви, «по край лѣви-тѣ пѣвчески столове», и далѣе, «до пангарь-тъ, до западний зидъ на црьква-та, а отъ тамъ заобильковать и до Архиерейский столъ, кѫдѣ-то вече се запирать». Когда молитва прочтена надо всѣми, священникъ «застанва на Архиерейский столъ, дьржящъ въ лѣва-та си рѫка честний крьсть, а въ десна-та — наквасена съ освятена вода китка босилькова». Всѣ подходятъ къ столу, не снимая шапки и не крестясь, цѣлуютъ крестъ и руку; онъ кропитъ ихъ лицо и мечи, которые они опускаютъ долу; послѣ того они «заминвать задъ дѣсни-тѣ пѣвчески столове въ дѣсно-то цьрковно отдѣление, та достигвать дори до дѣсна-та цьрковна врата. Тамо тога вече, вънъ отъ цьрква-та, до врата-та, всѣкой остава меча си, кои-то послѣ събирать ги на бреме (деметъ, снопъ)». Затѣмъ возвращаются въ церковь уже съ непокрытыми головами, съ свѣчами въ рукѣ, крестятся и прикладываются къ иконамъ. Выйдя изъ церкви, просятъ прощенія другъ у друга и всякому (кромѣ другарей) на пути цѣлуютъ руку. Въ деревнѣ обходятъ съ посѣщеніемъ домъ за домомъ. Въ семьѣ ихъ встрѣчаютъ радостно; платье, въ которомъ они совершали обходъ, снимается и моется внѣ дома. Утромъ, въ день Богоявленія, колятъ овна, и всѣ домашніе ѣдятъ его вмѣстѣ и веселятся.

Генварскія русаліи, сохранившіяся въ Македоніи, бросаютъ яркій свѣтъ на значеніе одноименныхъ обрядовыхъ игрищъ, извѣстныхъ въ другомъ, весеннемъ пріуроченіи.

1) *Русаліи*—«русалки» (Номоканонъ Миклошича: русалка = семикъ) запрещались церковью, какъ языческія. Нигдѣ эта языческая окраска не выступаетъ такъ ярко и знаменательно, какъ

въ Македоніи: русаліи за все время игры не молятся и не крестятся, входятъ въ церковь, не снимая шапки и т. п. *Русаліями* въ македонскомъ, *русаліотами* въ эпирскомъ обрядѣ зовутся участники, исполнители игры, тамъ и здѣсь — ряженые: это одно изъ необходимыхъ условій [1]); я сопоставляю съ ними, изъ русской обрядности, чучело «*русалки*» въ проводахъ весны.

2) Общимъ признакомъ является драматическій характеръ игры, откуда отвлеченное пониманіе русалій, какъ языческихъ игръ вообще, въ сопоставленіи съ скоморохами, гуслями и т. п. Такъ, въ нашей начальной лѣтописи (подъ 1067 годомъ): «дияволъ льстить и дроугыми нравы, всячьскыми льстьми прѣвабляя ны отъ бога, *троубами и скомрахы, гоусльми и роусальи. видимъ бо игрища оутлачена и людий много множьство, яко оупихати начьноуть дроугъ дроуга, позоры дѣюще отъ бѣса оумышленаго дѣла, а церкъви стоять*» [2]). Тоже въ поученіи, приписанномъ въ одномъ сборникѣ Ѳеодосію Печерскому и, вѣроятно, заимствованномъ изъ Златоструя (Слово о ведрѣ и о казньхъ бж҃иихъ), тогда какъ въ другомъ поученіи Златоструя (еже не преѡбидѣти цр҃кве бж҃іа и свы҃х таинъ) *скомрахи и русаліи* («о скомрасѣхъ и ѡ русаліяхъ») передаютъ греческое ἐν μὲν ἱπποδρομίαις. Сл. у Кирилла Туровскаго: «*бѣсовьскыя пѣсни, плѧсанье, боубны, сопѣли, гусли, пискове, играныя неподобныя, роусалья*» (Буслаевъ, Историческая христоматія, 504); въ Толкованіи къ апостолу Павлу, XIII вѣка: «*кгда играють роусалия ли скомороси* ли пьяницѣ кличють, или како сборище идольскихъ игръ, ты же въ тъ часъ пребоуди дома»; въ Въпрошеніи апостольскомъ о мукахъ и о грѣсѣхъ и о покаяніи и обрѣтеніи милости Господнѧ: «*игры, глаголемыѧ куклы, и скоморохи и руса-*

[1]) Въ Бѣлгородѣ, въ праздникъ Пятидесятницы, переодѣваютъ женщину въ мужской костюмъ, мужчину въ женщину, и водятъ ихъ въ теченіи трехъ дней по городу съ пѣснями и плясками. Сл. Этногр. Сборн. Имп. Русск. Геогр. Общ. V, 37.

[2]) Miklosich, Die Rusalien, p. 5—7; Разысканія, VII, 204—207, 189, гдѣ ссылки на памятники.

лїею плѧшущая и всѧ игрища бѣсовскаа»; въ Словѣ св. Нифонта о русаліяхъ: «остати всѣмъ игръ бѣсовьскыхъ и ѿ льсти дьꙗволя, наипаче [и]же своꙗ имѣнье дають бѣсу лукавому, иже суть *русальꙗ*, а иниже *скоморохомъ»*; въ позднѣйшихъ пересказахъ житія св. Нифонта: «умысли сатана, како отвратити людей отъ церкви, и собравъ бѣси, преобрази въ человѣки, и идяше въ сборѣ велицѣ упестренѣ въ градъ, ови біяху въ бубны, друзіи въ козици и въ сопѣли сопяху, иніи же, возложьше на ся скураты, дѣяху на глумленіе человѣкомъ.... и *нарекоша игры тѣ русалія»*; въ Заповѣди стыхъ ѿць ко исповѣдающимсѧ сномъ и дщеремь (Тихонравовъ, Памятники, II, 302): *«нѣлѣпо коледовати ни роусальи играти*, нї индикъ чести нй празновати в нѧ»; въ Азбуковникѣ: *роусаліꙗ=игры скоморошескія*. Сл. выраженіе «устава людемъ о велицемъ постѣ (Срезневскій, Свѣд. и замѣтки, LVII, 312: въ Дубенскомъ сборникѣ XVI в.): *«плѧсати въ русаліах»*—и въ одной рукописи XVII в. (Miklosich, Die Rusalien, стр. 5): *«въ роусалиꙗхъ ходили»*. Напомнимъ, наконецъ, увѣщанія Стоглава (глава 41, вопросъ XXIV): «роусалии о Іоанновѣ дни и навечерии рожьства Христова и Богоꙗвлениꙗ сходꙗтъ сꙗ моужие и жены и дѣвицы на нощное плещевание и на безчинный говоръ и на бесовские пѣсни и на плꙗсание и на скаканіе и на богомерские дѣла».

3) Парный принципъ македонскихъ русалій я не умѣю объяснить; тѣмъ болѣе интереса возбуждаетъ кажущійся, сравнительно, случайнымъ эпизодъ обряда — о враждебной встрѣчѣ двухъ русальскихъ дружинъ. Эпирскія русаліи, по описанію Аравантина, состояли главнымъ образомъ въ военной игрѣ, въ которой сражаются другъ съ другомъ двѣ группы ряженыхъ русаліотовъ. Въ русскихъ проводахъ русалокъ играющіе также раздѣляются на двѣ, враждующія другъ съ другомъ, толпы; парность хоровъ замѣчается и въ описаніи албано-италіанскихъ rusalet, и въ томъ моментѣ болгарскихъ весеннихъ русалій (у Качановскаго), что дѣвушки, ходящія по домамъ, чередуются въ пѣніи.

4) Значеніе зимнихъ и весеннихъ русалій взаимно освѣщается, какъ осеннія празднества Діонису досказываются весенними. Если въ центрѣ майскихъ русалій стоитъ культъ мертвыхъ, тризны на кладбищахъ, то нѣчто подобное могло лежать и въ основѣ январскихъ обрядовъ, только въ другомъ освѣщеніи — какъ Діониса представляли себѣ то замирающимъ узникомъ зимы, то оживающимъ, обновляющимся весною вмѣстѣ съ природой. Среди обрядности январскихъ русалій, несомнѣнно люстральнаго характера, есть черты, указывающія на идеи, присущія и весеннему празднеству: встрѣтивъ покойника, русаліи перескакиваютъ черезъ носилки, на которыхъ онъ положенъ; встрѣтивъ на пути церковь или кладбище, сухое дерево или колодезь или распутіе (мѣста погребеній?), обходятъ ихъ съ обычными очистительными церемоніяма, скрещивая мечи и т. п. Легко предположить, что такъ-называемыя «Русальскія гробища» назвались такъ не отъ обычая погребать на мѣстѣ боя павшихъ русаліевъ, а въ томъ, болѣе древнемъ смыслѣ, по которому и весеннія русаліи совершались въ Россіи на кладбищахъ и скудельницахъ. Въ этой связи я склоненъ понять и обязательное молчаніе русаліевъ: они не здѣшніе, они—larvae въ окруженіи Діониса. Если наши русалки задаютъ загадки, увлекая съ собою того, кто не съумѣлъ ихъ разгадать, то это лишь другое выраженіе обѣта молчанія. Покойники безмолвствуютъ, ихъ рѣчь намъ—загадка.

Недавно вышедшій сборникъ Ястребова раскрылъ намъ существованіе генварскихъ русалій, если не въ ясномъ сознаніи, то въ памяти населенія старой Сербіи. Колядовщики, ходящіе съ колядными пѣснями по домамъ отъ Николина дня до Богоявленія, называютъ себя *Русаліями:*

Иван има, коледо, добри гости, ко
Добри гости, коледо, Русалије, ко и т. д.

Хозяйка дома вынимаетъ дукатъ

Па дарова, коледо, Русалије,
Куд да иду, коледо, да ју фалу.

Одна изъ колядокъ, которую поютъ колядовщики-русаліи, извѣстна въ болгарскомъ и румынскомъ варьянтахъ:

Има мајко, коледо, мушко чедо,
Писано му, » краљ да буде.
Па су дошли, » Русалије,
Русалије, » из Русије,
Па говору, » Русалије
Па се молу, » старом мајком:
Дај нам, мајко, » мушко чедо!
Писано му, » краљ да буде.
Говори имъ, » стара мајка:
Ајд одатле, » Русалије!
Дете ми је, » аџамија.
Он' не може, » краљ да буде,
Он' не може, » војску редит,
Он' не може, » спенце бројит.
— Ми ћемо му, » войску редит,
Ми ћемо му, » спенџу бројит,
Дај нам, мајко, » мушко чедо [1]).

II.

Въ русаліяхъ, названіе которыхъ достаточно было разъяснено Миклошичемъ и Томашкомъ, сохранились отголоски ѳракійско-македонскаго народно-классическаго культа, противъ котораго церковь нерѣдко поднимала свой голосъ, и который тѣмъ не менѣе не только удержался при ней, но и распространился по ея слѣдамъ, какъ элементъ народно-церковнаго обряда. Какъ древнія Врумаліи отложились многими своими чертами въ обрядности каландъ = колядъ [2]), такъ удержались, не измѣнивъ

---

[1]) Сл. мой отчетъ о Сборникѣ Ястребова, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXLVII, отд. 2, стр. 393—4.

[2]) См. Разысканія, VII, стр. 99 слѣд.

имени, и весеннія русаліи, тогда какъ военныя игры генварскихъ русалій объяснятъ намъ, быть можетъ, значеніе «готской игры» византійскаго придворнаго церемоніала, сохранившейся отрывочно на фрескѣ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора [1]).

Константинъ Порфирородный [2]) такъ описываетъ ее:

Τῇ ἐννάτῃ ἡμέρᾳ τῆς Δωδεκαημέρου [3]), τῶν δεσποτῶν ἐπὶ τοῦ δείπνου καθεζομένων, ὃ καὶ Τρυγητικὸν προσαγορεύεται, ἐν ταῖς δυσὶν εἰςόδοις τοῦ μεγάλου τρικλίνου τῶν ιθʹ Ἀκουβίτων ἵστανται οἱ μέλλοντες παῖξαι τὸ Γοτθικὸν οὕτως· ἐν μὲν τῷ ἀριστερῷ μέρει, ἐν ᾧ καὶ ὁ δρουγγάριος τοῦ πλοΐμου παρίσταται, ἵσταται ὁ τοῦ μέρους τῶν Βενέτων μαίστωρ μετὰ καὶ ὀλίγων δημοτῶν καὶ τῶν πανδουριστῶν μετὰ τῶν πανδούρων καὶ ὄπισθεν αὐτοῦ οἱ δύο Γότθοὶ φοροῦντες γούνας ἐξ ἀντιστρόφου καὶ πρόσωπα διαφόρων εἰδέων, βαστάζοντες ἐν μέν τῇ ἀριστερᾷ χειρὶ σκουτάρια, ἐν δὲ τῇ δεξιᾷ βεργία. — Съ правой стороны стоитъ: ὁ δρουγγάριος τῆς βίγλης, ὁ τοῦ μέρους τῶν Πρασίνων μαίστωρ, съ пандуристами — а также два гота, ряженые какъ и выше. Καὶ δὴ μετὰ τὴν τοῦ σφαιροδρομίου ἔξοδον, τοῦ δεσπότου κελεύοντος τὸν τῆς τραπέζης τούτους εἰςάγεσθαι, εὐθὺς ὁρίζει ὁ τῆς τραπέζης τῷ ἄρχοντι τῆς θυμέλης, καὶ αὐτὸς ἐξερχόμενος προτρέπεται τούτους εἰςελθεῖν· οἱ δὲ τρέχοντες καὶ τὰ σκουτάρια ὑπὸ τῶν ὑπ' αὐτῶν βασταζομένων βεργίων τύπτοντες καὶ κτύπον ἀποτελοῦντες λέγουσιν· τοὺλ, τούλ. καὶ τοῦτο συνεχῶς λέγοντες ἀνέρχονται πλησίον τῆς βασιλικῆς τραπέζης ὡς ἀπὸ ὀλίγου διαστήματος, κἀκεῖσε μηγνύμενοι ἀμφότεροι ποιοῦσι κυκλοφερῆ παραταγὴν, οἱ μὲν ἔσω τοῦ κύκλου ἀποκλειόμενοι, οἱ δὲ ἔξωθεν περικυκλοῦντες· καὶ τοῦτο τρισσῶς ποιοῦντες διαχωρίζονται καὶ ἵστανται εἰς τοὺς ἰδίους τόπους, οἱ

---

[1]) Сл. Кондаковъ, О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора (СПБ. 1888), стр. 7: варваръ съ круглымъ щитомъ, обитомъ гвоздями, и топоромъ идетъ на другого ряженаго въ мѣховую шкуру, шерстью вверхъ, съ звѣриною головою и держащаго въ рукахъ рогатину.

[2]) De cerimon. aulae Byzantinae, I, 83, ed. Bonn., v. I; см. прим. Reiske и C. Müller, Ein altgermanisches Weinachtspiel, genannt das gotische, въ Zeitschrift f. deutsche Philol., XIV (1882), стр. 442 слѣд.

[3]) Въ Разысканіяхъ, VII, стр. 101, я, слѣдуя Саѳѣ, опредѣлилъ празднованіе готскихъ игръ 5-мъ Января.

μὲν τῶν Βενέτων εἰς τὰ ἀριστερά, οἱ δὲ τῶν Πρασίνων εἰς τὰ δεξιὰ μετὰ καὶ τῶν ἑτέρων δημοτῶν· καὶ λέγουσιν ἄμφω τὰ Γοτθικά, ἅτινά εἰσι ταῦτα, δηλονότι καὶ τῶν πανδούρων τὸ οἰκεῖον μέλος ἀποπληρούντων.

γαύζας βόνας βηκηδίας, ἅγια, γαυδέντες ἐλκηβόνιδες ἐνκέρτυς, ἅγια. βόνα ὥρα τουτουβάντες, βόνα ἀμόρε ἐπισκύαντες, ἰδεσαλβάτους, νανά, δέους, δέους. σεαακιβα, νανά, δευμονογυγγύβελε γυβίλους γυβέλαρες, νανά, γυβίλους γυβέλαρες, νανά· τοῦγεγδεμα δὲ τούλβελε, νικάτω τουλδο, νανά·—ὁ Ἐζεκίας ἐν τοῖς πολέμοις καθοπλισάμενος Ἀσσυρίοις, ἀνανά, τὴν ἐλπίδα καὶ μόνην ἔχων Θεοῦ τοῦ φιλανθρώπου, νανά, πάντα ὑπέταξεν ἔθνη καὶ ἀθέων τὴν τυραννίδα, ἅγια· ὁ Σωτὴρ, ἀγαθοὶ δεσπόται, νανά, πάντα ἐχθρόν σας δουλώσει πρὸ τῶν ποδῶν σας· ἴβερ, ἴβερίεμ τοῦ γεργερεθρῶ, νανά, σικαδιασε περέτουρες.

Послѣ того магистры и димоты венетовъ и празиновъ поютъ, въ честь императора, Алфавитарій, нѣсколько разъ прерываемый, по знаку магистровъ, пляской готовъ. Вотъ какъ описывается ихъ вторичное вступленіе: καὶ μετὰ ταῦτα λέγοντες οἱ μαίστωρες πρὸς τοὺς Γότθους· ἀμπαατῶ, διὰ νεύματος τῶν αὐτῶν μαιστώρων κυκλεύουσιν οἱ Γότθοι καὶ ταῖς βέργαις τὰ σκουτάρια τύπτοντες καὶ λέγοντες· τοὺλ, τοὺλ, περικλείουσιν ἔνδοθεν τοὺς τῶν δύο μερῶν μαίστωρας καὶ πάλιν ἀποχωριζόμενοι εἵστανται εἰς τοὺς οἰκείους τόπους... καὶ μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τοῦ Ἀλφαβηταρίου λέγουσιν (scil. οἱ μαίστωρες)· Πολυχρόνιον ποιήσει ὁ Θεὸς τὴν ἁγίαν βασιλείαν σας· Οἱ δὲ Γότθοι τύπτοντες μετὰ τῶν βεργίων τὰ σκουτάρια καὶ λέγοντες συνεχῶς· τοὺλ, τοὺλ, τρέχοντες ἐξέρχονται, οἱ μὲν τῶν Βενέτων ἀπὸ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους, οἱ δὲ τῶν Πρασίνων ἀπὸ τοῦ δεξιοῦ·

Готская игра исполнялась, стало быть, въ присутствіи императора, на святкахъ, празинами и венетами, при чемъ на каждой сторонѣ было по два человѣка, ряженыхъ готами; всѣ вмѣстѣ пѣли τὰ Γοτθικά, при чемъ τὸ οἰκεῖον μέλος, очевидно относится не къ готамъ, какъ думаетъ Миллеръ (l. c., 449), а къ пандуристамъ, его исполнявшимъ; сл. переводъ Рейске: carmina sic dicta Gothica, panduris interim *modulo suo* accinentibus. Что

касается текста этой пѣсни, то за вычетомъ греческой вставки и нѣкоторыхъ непонятныхъ, вслѣдствіе испорченности, словъ, ея лексическій составъ — изувѣченный латинскій. Передаю ея начало по возстановленію Миллера (l. c., 454) и Саѳы [1]):

Миллеръ:

Gaudeas bonas vicinias! Hagia!
Gaudete secli boni dies in certis! Hagia!
Bona hora tutubantes!
Bona amore inspicientes!
Inde salvatus, Nana, deus, deus! и т. д.

Саѳа:

Gaudeas bonas vicinias! Hagia!
Gaudentes electi venientes in certantis! Hagia!
Bona hora tibiantes!
Bona amore ἐπὶ scientes!
Idem salvatus! и т. д.

И далѣе объясненія расходятся: Саѳа видитъ въ τοὺλ (припѣвъ, сопровождающій игру) и въ τοὺλβελε, τοῦλδο пѣсни = виз. τοῦλδον (ἀποσκευὴ, багажъ войска), которое переводитъ ὁ στρατός; въ ἴβερ, ἰβερίεμ = imperium. Миллеръ усматриваетъ въ Iber — англос. eofor, сѣв. jöfurr, althochd. ebur = aper, и, послѣдовательно, Фрейра, у котораго былъ кабанъ съ золотой щетиной (p. 458—459); Tul напоминаетъ ему германское названіе для святочнаго цикла: Jul, и онъ не прочь увидѣть въ немъ — Водана, какъ въ Nana—Terra Mater, сѣверную Фриггу (p. 456—458). Не касаясь Tul'a и Iber'a, замѣчу, что если ихъ генеалогія такъ же сомнительна, какъ божественность Nana'ы, то германскому Олимпу нечего ждать отъ нихъ обогащенія. Ибо νανὰ—не богиня, а терминъ византійской музыкальной техники. См. Саѳу, l. c., стр. 149 слѣд.: то, что греки называли гармоніями, ла-

---

[1]) K. N. Σάθα, Ἱστορικὸν δοκίμιον περὶ τοῦ θεάτρου καὶ τῆς μουσικῆς τῶν Βυζαντινῶν, p. 190.

тинская церковь тонами, тому у византійцевъ отвѣчали ἦχοι. „ἐπειδὴ δὲ οἱ ἦχοι οὗτοι εἶναι ὀκτώ, τὴν βάσιν τῆς ἑλληνικῆς λειτουργίας ἀποτελεῖ βιβλίον τι Ὀκτώηχος ἀποκαλούμενον, διότι τὰ ἐν αὐτῷ ᾄσματα ἀνταποκρίνονται πρὸς τοὺς ἦχους τούτους ἢ ἁρμονίας τῆς ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς. Οὕτω διῃρημένη ἡ Ὀκτώηχος περιέχει κανόνας, τροπάρια καὶ ἄλλους ἐκκλησιαστικοὺς ὕμνους τονισμένους κατὰ τὴν ἰδιάζουσαν μελῳδίαν τῆς ἁρμονικῆς ταύτης κλίμακος... Πρὸς διάκρισιν μιᾶς ἑκάστης τῶν ὀκτῶ τούτων ἁρμωνιῶν οἱ μαΐστορες μετεχειρίζοντο τὰς συνθηματικὰς ταῦτας λέξεις· „Ανανές, Νεανεές, Νανά, Ἅγια, Ἄανές, Νεανεαχές, Ἀνεανές, Νεαγιέ«....Ἀι ἄνω μυστηριώδεις λέξεις ἐξεικονίζονται ἐν μὲν τοῖς μουσικοῖς βιβλίοις διὰ συμβολικῶν χαρακτήρων, ἐν τῇ ἐκτελέσει ὅμως τοῦ ᾄσματος ὁ διευθύνων τὴν βυζαντινὴν ὀρχηστρὰν ἐδήλου τὴν ἀλλαγὴν τοῦ τόνου εἴτε προφέρων αὐτὴν τὴν δηλοῦσαν τὴν μελῳδικὴν παραλλαγὴν λέξιν, ἢ συνηθέστερον πρὸς ἀποφυγὴν χασμωδίας δηλῶν τοῦτο διὰ χαρακτηριστικῆς χειρονομίας ἢ τοῦ λεγομένου νεύματος... Σὺν τῷ χρόνῳ αἱ ὀκτὼ αὗται ἁρμονίαι ὑπεδιῃρέθησαν εἰς μέγαν ἀριθμὸν διαμέσων ἀπηχημάτων, ἠχαδίων ὑπὸ τοῦ λαοῦ ἐν τῇ ι' ἑκατονταετηρίδι καλουμένων»· — Константинъ Порфирородный цитуетъ ихадіи: Νανά, Ἀνανά, Ἀνανάϊα и т. д. (l. c., стр. 152, прим. 2, и стр. 171).

Такимъ образомъ, въ пѣснѣ, сопровождавшей такъ-называемую готскую игру, ничто не заявило себя намъ, какъ спеціально — готское или германское (сл. Müller, l. c., p. 444—448). О готскомъ владычествѣ на балканскомъ полуостровѣ давно забыли, и его продолжительность (около 180 лѣтъ) едва ли объяснило бы намъ забвеніе мѣстной, военной игры на святочныхъ русаліяхъ — ради какого нибудь германскаго Schwerttanz'a. Болѣе могли помнить готскую стражу византійскихъ императоровъ и, отбывая обрядовую священную пляску при дворѣ — нарядиться именно готами, какъ русаліоты въ Паргѣ одѣваются турками. Оттуда и названіе «готской» игры, подъ которымъ могли сохраниться на самомъ дѣлѣ слѣды январскихъ «русалій», по времени совпадавшихъ съ календами и слившимися съ ними врумаліями. Въ книгѣ св. Стефана Никомидійскаго говорится о

Константинѣ Копронимѣ, что онъ Βρουμάλιον ἤτοι ἑορτὴν δαιμονιώδη ἐξετέλει, Διόνυσον καὶ Βροῦμον εὐφημῶν εἰς τὴν αὐτὴν τελετὴν ὡς τῶν σπερμάτων καὶ τοῦ οἴνου γενεσιουργούς [1]). Замѣтимъ, что готскія игры назывались и τρυγητικόν (δεῖπνον), что я перевелъ жатвеннымъ пиромъ [2]), у Reiske: vindemialis (Müller, l. c., 443: Traubenmahl). Это, въ основѣ, осенній праздникъ Діониса, — какъ выше мы приравняли зимнія и весеннія русаліи—къ осеннимъ и весеннимъ Діонисіямъ.

---

[1]) Tomaschek, l. c., p. 322—326.
[2]) Разысканія, VII. 101.

XV.

Валькиріи — **Welis**, Ἠλύσιον πεδίον, **Вила — Viola**.

Мы уже знаемъ, что русалки—маны, чествовались особымъ поминальнымъ обрядомъ русалій, то-есть rosalia или rosaria, слѣды котораго въ Италіи и среди романизованнаго населенія балканскаго полуострова восходятъ далеко. Напомнимъ лишь сопоставленія, сдѣланныя Томашкомъ[1]): въ двухъ надписяхъ, найденныхъ въ окружностяхъ Драмы, завѣщаются ѳіазіотамъ Liber Pater'а суммы, изъ процентовъ которыхъ совершались бы ежегодно на могилахъ усопшихъ тризны, и именно — rosalibus, въ началѣ лѣта, когда въ садахъ и лугахъ всѣ отдавались веселью, вѣнчали себя розами и поминали покойниковъ. Такъ называемое Feriale campanum пріурочиваетъ Rosaria къ 13 мая; если свидѣтельство Calendarium Lambecianum (изъ временъ Константина II, 337—361 г.) относится къ тому же обряду (X. Kal. Iun. macellus rosa sumat), то ихъ отбывали и 23 мая, что согласно съ позднѣйшимъ совпаденіемъ русалій съ Духовымъ днемъ; свидѣтельство другихъ надписей указываетъ еще на 11 и 21 мая. Поминальный характеръ обряда засвидѣтельствованъ его сопоставленіемъ съ parentalia: rosalia et parentalia, parentalia et rosaria, tempore parentaliorum.... et rosae. Вмѣсто

---

[1]) Ueber Brumalia u. Rosalia, l. c., стр. 373 слѣд.

rosalia встрѣчается и *dies rosae* или rosationis, и рядомъ съ нимъ *dies violae*, violationis, violaris, относившійся къ началу весны, 23 марту, и также сопряженный съ поминками умершихъ. Въ одной надписи завѣщается совершать поминальныя жертвы четыре раза въ году: въ день рожденія умершаго, et rosationis et violae et parentalibus.

И такъ rosalia и dies violae отбывались въ честь манъ, первыя въ началѣ лѣта, вторыя въ началѣ весны. Оба празднества, объединенныя одной идеей и содержаніемъ культа, могли смѣшиваться и даже сближаться хронологически, выражаться въ сходныхъ обрядахъ и отразиться въ народной фантазіи олицетвореніемъ манъ, за которыми удержались древнія имена празднества: русаліи дали намъ *русалокъ;* dies *rosae*, можетъ быть, belo *Ruso* словинцевъ [1]); dies *violae* не остались ли въ образѣ — *вилъ?* не опредѣлили ли по крайней мѣрѣ ихъ очертанія и имя, наслоившись на другое аналогичное народное представленіе? Ставимъ этотъ вопросъ, потому что онъ былъ исходной точкой и слѣдующихъ соображеній.

Южно-славянскія вилы не проявляютъ характеръ манъ, но въ словенско-хорватскихъ сказкахъ онѣ еще являются въ роли *рожденицъ* или суженицъ, нарекающихъ судьбу дѣвочкѣ (Valjavec, Narodne pripoviedke стр. 56, 57) — а намъ извѣстны отношенія рожаницъ къ культу предковъ-дѣдовъ (сл. выше стр. 177 слѣд.). Вилы—дѣвы воинственнаго типа, у нихъ опредѣленная роль въ юнацкомъ эпосѣ; но боевой періодъ, создавшій героическій эпосъ южныхъ славянъ, могъ повліять на измѣненіе первичнаго представленія о нихъ. Такъ и на скандинавскомъ сѣверѣ въ пору викинговъ валькиріи обратились въ воинственныхъ дѣвъ, покровительствующихъ только витязямъ, тогда какъ, вѣроятно, вначалѣ онѣ были просто фильгьями — рожаницами, состоявшими при извѣстномъ лицѣ, умиравшими и возрождавшимися вмѣстѣ съ нимъ, какъ въ поэтической легендѣ о Helgi.

---

[1]) Сл. выше стр. 266—7.

Возможенъ поэтому вопросъ: не есть ли извѣстное *посестримство* вилъ съ юнаками поздняя замѣна другихъ *родовыхъ* отношеній, связывавшихъ человѣка съ его рожаницей, фильгьей? У каждаго юнака есть своя посестрима вила, помогающая ему во всемъ и одаряющая его. Чудесный конь королевича Марка былъ подаренъ вилами; дѣвушку, молившую денницу сообщить ей свою красу, ея посестрима вила украшаетъ золотымъ перомъ и бисеромъ. Посестримство съ вилой приноситъ счастье; человѣку, встрѣтившему спящую вилу въ лѣсу и прикрывшему ее вѣтками отъ лучей солнца, она посылаетъ во всемъ удачу. Какъ въ Малороссіи приносятъ жертвы русалкамъ — манамъ, такъ хорватскія дѣвушки ставятъ плоды, цвѣты, мотки шолку, приговаривая: Uzmi vilo što je tebe milo. — Кралевичу Марку его вила предрекла его смерть [1]).

Во всемъ этомъ есть черты прирожденной доли, вышедшей къ олицетворенію изъ культа рода, манъ, которыхъ чествовали— въ dies violae, какъ κῆρες — души усопшихъ и, вмѣстѣ, дѣвы (смертной) судьбы считались тайно присутствующими при отбываніи аѳинскаго цвѣтного праздника, Анѳестерій (сл. выше стр. 181—182).

Вила—viola [2]) могла повліять съ своей стороны на народное усвоеніе сивиллы — самовилы и смѣшаться съ ней по образу и имени. Если въ Болгаріи *русаліи* называются *самовильскими* праздниками, то я вижу въ этомъ хронологическое сближеніе древнихъ поминальныхъ праздниковъ, dies *rosae* и dies *violae*, *русалій* съ праздниками *вилъ*, замѣненныхъ самовилами.

---

[1]) Arkiv za povestnicu jugoslovensku I, стр. 94—7.

[2]) Объясненія слова вила сл. у Аѳанасьева, Поэт. воззрѣнія III, 153, 182; Потебня, О нѣкоторыхъ символахъ въ слав. нар. поэзіи стр. 122; онъ-же Объясненія малорусскихъ и сродныхъ нар. пѣсенъ стр. 401; Miklosich, Etymol. Wb. a. v. vila; Krek, Einleitung in die slav. Literaturgeschichte, 2-е изд., стр. 407, прим. 1: das Etymon des Wortes ist dunkel.

I.

Сербскія пѣсни поютъ о вилахъ посестримахъ:

Sletiše se vile posestrime
Nešta malo devetdeset vilah [1]).

Такъ и въ древнихъ рукописныхъ свидѣтельствахъ о нихъ, къ сожалѣнію ничего не разъясняющихъ относительно ихъ культа [2]). Слово Христолюбца по Паисіеву сборнику XIV вѣка говоритъ, что двоевѣрные люди вѣруютъ «в Перуна ї в Хорса ї в *Мокошь* ї в Сима ї в Рьгла ї *в вилы*, їхже числомъ .г҃.ѳ҃. *сестреницъ*, глаголать невѣгласи ї мнать богинями ї такó подкладывахуть имъ теребы ї куры їмъ рѣжють ї ѡгневѣ молатьсѧ»; тамъ же: «ї *виламъ ї Мокоши* ї Симу ї Рьглу ї Перуну».

Въ томъ же памятникѣ по рукописи XV вѣка: «въ Сима и въ Рьгла и *въ Мокошь* и *въ вилы* ихже числомь тридесате *сестреницъ*»; тамъ же: «иже ставатъ трапезу рожаницамъ, короваи молатъ *виламъ* и ѡгневи подъ ѡвиномъ.... иже молатся ѡгневи, *виламъ, Мокошьи*, Симоу, Рьглоу». Интересны славянскіе варьянты перевода слова св. Григорія εἰς τὰ ἅγια φῶτα; профессоръ Тихонравовъ напечаталъ греческій текстъ en regard съ переводомъ по рукописи Спб. Духовной Академіи № $\frac{43}{1120}$; мы беремъ въ разсчетъ изданные имъ тексты того же слова по Паисіеву сборнику и рукописи Новг. Соф. Библ. № 1295.

	Ркп. $\frac{43}{1120}$.
καὶ Σεμέλης κεραυνὸς προςκυνούμενος.	и Сьмелино требокладеніе громоу и мол'ніамъ (то же въ двухъ другихъ спискахъ: переводчикъ такъ объяснилъ себѣ κεραυνὸς προςκυνούμενος)

---

[1]) Arkiv l. c., 96.

[2]) Сл. относящіеся сюда тексты у Тихонравова, Лѣтописи IV, Смѣсь, стр. 82 слѣд. Сл. стр. 88, 89, 92, 94, 96 слѣд.

οὐδὲ Ἀφροδίτης πορνικά μυστήρια, τῆς αἰσχρῶς, ὡς αὐτοὶ λέγουσι, καὶ γεννομένης καὶ πρωμένης.

ib. и виламъ. И е̏ *бысть идолъ Вилъ нарицаемъ, его же погуби Данилъ пророкъ въ Вавилонѣ.*— (напечатанное курсивомъ, очевидно, глосса переводчика; въ двухъ другихъ текстахъ *вилы* исчезли, осталась лишь глосса: Вилъ).

οὐδὲ Φαλλοί τινες καὶ Ἰθυφαλλοί, αἰσχροὶ καὶ τοῖς σχήμασι καὶ τοῖς πράγμασιν.

ib. Фали кaци же [и] ифаѳоули чтоуть срамныа оуды и кланяются имъ и требы имъ кладоуть (И въ этомъ переводѣ есть элементъ глоссы, какъ и непосредственно слѣдующее принадлежитъ южно-славянскому переводчику: «ѿ *нихже писанїи бол'гаре наоуч'шеся* ѿ *срамныхъ оудъ истекшую скверʼноу вкоушають, рекоуще ꙗко тѣмъ вкоушенїемъ очищаютсѧ грѣси*». Такъ и въ текстѣ Паисіева сборника; въ ркп. № 1295 здѣсь пропускъ).

οὐδὲ Ταύρων ξενοκτονίαι, καὶ λακωνικῶν ἐφήβων ἐπιβώμιον αἷμα, ξαινομένων ταῖς μάστιξι, καὶ τοῦτο μόνον κακῶς ἀνδριζομένων, οἷς τιμᾶται θεά, καὶ ταῦτα παρθένος.

ib. таверʼская дѣторѣзанія идоломъ, иже ѿ перʼвенецъ, лаконʼская требищнаа кровь просажаема ранами, ею̑ можоуть Екадию богиню, сию̑ дѣвоу мѣнатъ (Екадія подсказана слѣдующею далѣе въ греческомъ текстѣ Гекатой. То же въ Паис. сборн.; въ № 1295 нѣтъ).

Οἱ γὰρ αὐτοὶ καὶ μαλακίαν ἐτί-

ib. И *Мокошь* чтоуть и мала-

μησαν καὶ θρασύτητα ἐσεβάσθησαν	кию и *килоу* вел'ми почитають, рекоуще буакини. — Сл. сборн. Паис.: и Мокашь чтуть і малакию велми почитають, рекуще буıакини.

Текстъ, очевидно, не понятъ (σεβάζομαι понято какъ σέβομαι) и спутанъ въ переводѣ. Если буякини = θρασύτης относится къ малакіи, то и здѣсь мы, вѣроятно, имѣемъ дѣло съ глоссой, въ родѣ отмѣченной выше о болгарахъ — и обличенія поганскаго брачнаго обряда въ Словѣ Христолюбца по рукописи Нов. Соф. библ. № 1285 [1]). Мокошь остается необъясненной; можетъ быть, позволено предположить, что въ текстѣ № $\frac{43}{1120}$ слѣдуетъ читать *вилоу* вм. *килоу*, потому что *мокошь* и *вилы* уже встрѣчались намъ въ такомъ именно сосѣдствѣ. Такъ еще въ русскихъ текстахъ Слова св. Григорія, въ частяхъ, не отвѣчающихъ подлиннику. Сл. Паис. сборн.: *мокоши і вилу;* рукопись № 1295: *виламъ и мокошьи, мокоши и виламъ;* рукопись № $\frac{43}{1120}$: *мокоши, виломъ;* въ Словѣ святаго отца нашего Іоанна Златоустаго «о томъ како пьрвое погании вѣровали въ идолы» [2]): *«виламъ и мокоши*, оупиремъ и берегинамъ, ихже нарицають три .ѳ҃. сестриниць»; въ рукописи Москов. Син. библ. № 954: *«виламъ и мокошь»* [3]).

Другое сосѣдство, въ которомъ стоятъ вилы отреченныхъ текстовъ, это—огонь: имъ ставятъ требы, огню молятся. Культъ очага былъ культомъ предка, манъ; это потвердило бы наше соображеніе относительно значенія вилъ. Въ такомъ случаѣ Мокошь объяснилась бы вмѣстѣ съ ними; въ сѣверно-русскія повѣрья она проникла, подъ названіемъ Мóкуши, можетъ быть, изъ знакомыхъ намъ обличеній, какъ и многое другое, литературное и отреченное. Мокуша объявляется въ великомъ посту, ходитъ по домамъ и смотритъ за пряжей; когда спятъ, и покажется, что веретено урчитъ, говорятъ: Мóкуша пряла; выходя

[1]) Тихонравовъ въ Лѣт. IV, l. c., стр. 92.
[2]) l. c., стр. 108.
[3]) l. c., стр. 86.

изъ дома, она иногда пойдетъ да о брусъ-отъ, о полатѣ-то веретеномъ-то и щелкнетъ. Овца, какъ долго не стригутъ шерсти, иногда и вытретъ; ой, говорятъ, Мóкуша остригла овецъ; порожнія ножницы не оставляютъ, а кладутъ въ нихъ на ночь по клочку шерсти: это — треба Мóкушѣ. Въ одномъ «худомъ номоканунцѣ» XVI вѣка духовникъ спрашиваетъ на исповѣди женщину: «Не ходила ли еси къ Мокушѣ?»[1]). Древняя Мокошь очутилась здѣсь знахаркой, какъ въ сагѣ о Норнагестѣ норны — вѣщими женами (сл. выше стр. 193—4), а въ одномъ болгарскомъ словѣ по рукописи XVIII вѣка[2]) въ той-же роли являются и — самовилы.

Слово начинается такимъ образомъ: «Самовилы и бродницы и обаалницы тіа са антихртови оученицы, и които ходать на ныхь, на врага се покланаа, и записуе гы врагь и онь да са негови.... а които ходать на самовили и на бродницы, на магéсницы, на залаганѣ, на баанѣ, тиа в'си ѿтречутсе ѿ Хрта.... кои ходать на самовили, и на магéсницы, и на баснарки, ѡни нарицáютсе идолопоклоницы, коитó лаю́ть ѡлóво и кoйто вѣруать на бáсь, на залагáне, чародѣáнйе, кoйто завезу́ать ѕвѣри и мéчки и влѣцы и глéдать на звéзды, и завезуать младéнцы...; илѝ самовили илѝ баснаркы илѝ бродни́цы илѝ биларе, и кои-то нóсать бурáнь на себé и тиа неверни и їдолопоклóницы, ѩкоже ѡнѝа, които се покланаáть на мнóго бóгове». Въ другомъ словѣ того же сборника «ради магéсницы и самови́ли и баснáрки и залагание и бродницы и баание» списатель или проповѣдникъ говоритъ: «и азь помнóгу зéмли ходи́хь, и нéсамь видéль толи́ко многу магéсницы, кáто оу тáа наша зéмла бьлгáрска, и самови́лы и бродницы».

Магесница, баснарка[3]) въ этихъ текстахъ, очевидно, кол-

---

[1]) Е. В. Барсовъ, Слово о Полку Игоревѣ I, 360.

[2]) Качановскій, Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ, стр. 22, 24, 26, 32, 33.

[3]) У Дювернуа, Словарь болгарскаго языка, только «басматарка»: произносящая заговоры, колдунья.

дунья, чародѣйка; самовилы поняты въ томъ же смыслѣ; вѣроятно, и бродницы, иначе встрѣчающіяся въ значеніи водяныхъ вилъ:

Стоянъ е юзелъ две ставни,
Та е на вода отишелъ,
На тихи бѣли Дунава,
Тамъ си завари младъ Стоянъ,
Три жены до три бродници.

Сл. «бродарицу» вилу на зеленомъ озерѣ въ одной пѣснѣ о Маркѣ Кралевичѣ [1]).

Вилы живутъ не только въ горахъ и воздухѣ, но и въ водѣ, какъ, на оборотъ, ново-греческое повѣрье знаетъ не только морскихъ нереидъ (θαλασσιναῖς), но и горныхъ (βουνίσιαις). Морская вила упоминается уже въ Троянской притчѣ: «молѣхъ морьской вилѣ, да оуставитъ морскыѫ вльны»; сл. въ переводѣ хроники Амартола «сирены.... рекше вилы» и vila povodkinja, morska diklica сербо-хорватскаго повѣрья. Въ томъ же значеніи встрѣчается и самовила: такъ въ болгарской легендѣ объ Александрѣ Македонскомъ, гдѣ она отвѣчаетъ нереидѣ [2]), такъ въ болгарскомъ же повѣрьи, гдѣ *морская* Самовила чередуется съ *Юдой* Самовилой, то-есть, водной (ѫда = латинское unda, литовское wandû, жмудское wundu, undû, wundû, древне-прусское undas; сл. болгарское уда = вода, онежск. инда) [3]), какъ, напримѣръ, въ слѣдующей болгарской пѣснѣ (Миладиновы № 7):

Брата ти любитъ морска Самовила.
. . . .
Подъ дѫрво то седитъ морска Самовила.
. . . .
Юдо-Самовило! отпущи ми брата.

Бродницы, водныя, морскія вилы, юды-самовилы соотвѣт-

---

[1]) Arkiv, l. c., стр. 89.
[2]) Archiv f. slav. Philol. I, 608—611.
[3]) Сл. Разысканія VII, стр. 265.

ствують нашимъ русалкамъ, сходясь съ ними не только въ происхожденіи (если мои догадки вѣрны), но и въ пріуроченіи.

Интересно еще слѣдующее: водные духи европейскихъ миѳологій [1]) отличаются особымъ символическимъ признакомъ, обнаруживающимъ ихъ привязанность къ стихіи: нѣмецкіе никсы узнаются по ихъ лебединымъ и гусинымъ лапамъ, которыя онѣ тщательно прячутъ подъ своими длинными платьями; у русалокъ пальцы на ногахъ соединены перепонкой, какъ у гуся, что̀ заключаютъ по ихъ слѣдамъ, либо у нихъ ноги гусиныя. Наоборотъ, у греческихъ нереидъ онѣ козлиныя или ослиныя; такъ и сербо-хорватское повѣрье знаетъ вилъ съ козьими ногами и конскимъ хвостомъ: онѣ—дѣвицы, которыхъ Господь наказалъ, такимъ образомъ, за ихъ гордость [2]). — Обратное развитіе представляетъ типъ средневѣковой Сивиллы: въ мусульманской повѣсти (и, вѣроятно, въ ея талмудическомъ источникѣ) царица Балькисъ, *вступивъ въ воду*, предстала передъ Соломономъ съ ногами, *обросшими волосами;* такъ и въ коптской легендѣ о Соломонѣ, недавно переведенной Amélineau [3]); въ западно-европейскихъ пересказахъ этого сюжета вмѣсто Балькисъ является, при тѣхъ же обстоятельствахъ, *гусеногая* Сивилла; такъ и въ болгарской легендѣ [4]), дѣлающей ее дочерью Давида. Viola—вила, обитательница водъ, какъ и русалка, могла отдать свой признакъ, гусиныя ноги, Сивиллѣ — самовилѣ, какъ опредѣлила отчасти и звупріуроченіе ея имени [5]).

---

[1]) Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія III, стр. 126, 164, 188; Πολίτης Μελέτη I, 92, 97.

[2]) Arkiv, l. c., стр. 90.

[3]) Contes et romans de l'Egypte chrétienne par E. Amélineau, I, стр. 144—164: Comment le royaume de David passa aux mains du roi d'Abyssinie. Царица, отвѣчающая Балькисъ, не названа: она просто la reine de Théman.

[4]) Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, I, 251—252.

[5]) Сл. выше стр. 242. Мимоходомъ я позволю себѣ поставить вопросъ: объяснить-ли популярность Сивиллы-самовилы одной ея ролью въ соломоновской и крестной легендахъ, или слѣдуетъ принять во вниманіе и ея *культъ* у гностическихъ пературовъ и нѣкоторыхъ древнихъ христіанъ?

II.

Предыдущія соображенія вызваны были гипотезой, что вила = viola, въ сущности, мана; но я далекъ отъ намѣренія объяснить первую въ этой древней, предположительной стадіи ея типа, отраженіемъ одного лишь римскаго имени и вѣрованія, переживших на Балканскомъ полуостровѣ до славянской поры. Въ вилѣ я вижу сложный образъ, въ которомъ римская viola слилась съ древнимъ **вѣла*=вила. На этотъ разъ я исхожу изъ аналогіи валькирій. Индо-европейскій корень *u̯el=гибнуть могъ дать подъ удареніемъ такія формы перезвука: *u̯el*, *u̯ol*, *u̯ēl*, *u̯ōl*; *u̯ol* дало старосѣверное valr, англосаксонское wael, староверхненѣм. wal = гибель, сумма погибшихъ, мѣсто гибели (въ бою); оттуда цѣлый рядъ сѣверныхъ представленій и образовъ, древнее значеніе которыхъ недавно раскрыто было Schullerus'омъ [1]). Valhǫll лишь съ половины IX вѣка стала посмертнымъ жилищемъ *героевъ*, *витязей:* въ основѣ это просто палата, обитель усопшихъ, обведенная изгородью, Valgrind, о которой не многіе знаютъ, какъ она замыкается; передъ нею рѣка мертвыхъ, Valglaumr (Grimnismál 21, 22); Одинъ, какъ властитель Валгаллы, зовется Valföðr = отецъ мертвыхъ; половину ихъ избираетъ себѣ онъ, другую Фрея (Grimnismál 14); Valfreja въ Njalssaga'ѣ гл. LXXIX означаетъ, собственно, *госпожу*, властительницу надъ усопшими, какъ и Freyr, въ сущности, господинъ: гот. frauja, древневерхненѣм. frô, англос. freá. Я полагаю, что и валькиріи, обитательницы Valhǫll, не выходили первоначально изъ этой сферы представленій и не означали воительницъ (Schullerus), а манъ, взыскавшихъ смертную долю, умершихъ, затѣмъ уже опредѣляющихъ судьбу другихъ, главнымъ образомъ, смертную. — Перезвукъ *u̯ōl* отразился въ англосаксонскомъ wōl-daeg = Tag der Pest (Groschopp), староверхненѣм. wuol: пораженіе, ги-

---

[1]) Paul und Braune's Beiträge XII, стр. 221 и слѣд.

бель. — Наконецъ *uēl* дало цѣлый рядъ литовскихъ и латышскихъ отраженій [1]): у литовцевъ welĩs, welionis мужск. рода — покойникъ, wel'eĩ — души умершихъ людей, wėlės женскаго рода множественнаго числа — in Samogitien die geisterhaften Gestalten der Verstorbenen und wohl überhaupt geisterhafte Wesen, wie die Laumes; wel'ũ welĩkas (иначе wel'anũ petnícia)— пасха велей въ день великой пятницы. Въ латышскомъ языкѣ wel'i = Geister der Verstorbenen, wel'u laiks, garu laiks—время отъ Михайлова до Мартынова дня, и во всякомъ случаѣ мѣсяцъ Октябрь, когда по народному вѣрованію, души умершихъ ходятъ по землѣ, чтобы получать жертвоприношенія; кромѣ того въ народныхъ пѣсняхъ употребляется форма weleni^e^si = die abgeschiedenen Geister, wel'eni^e^ks = покойникъ, веля — мате = мать велей, мертвецовъ, напоминающая сѣверную Valfreya'ю, тогда какъ Vielona deus animarum, если это не измышленіе Ласицкаго, отвѣчалъ бы Valfödur'у. Но мы найдемъ въ латышскомъ повѣрьѣ и представленіе Valgrind'а: міръ велей = манъ — загробный, загороженный воротами, которыя открываются новичку при посредничествѣ и помощи предковъ, родителей умершихъ раньше дѣтей. Сл. латышское причитаніе:

Испеки мнѣ матушка бѣлый хлѣбъ,
Провожай меня на кладбище!
Будетъ чѣмъ угостить дѣтей мертвецовъ,
Которыя отворятъ ворота велей.

Вели — это предки, «домовые»; обойдя всѣхъ жителей деревни, чтобы пригласить ихъ на свадьбу, невѣста возвращается въ сумеркахъ домой, и подойдя къ дверямъ причитаетъ; проситъ родителей либо старшихъ въ семьѣ:

---

[1]) Сл. Литовскій катихизисъ Н. Даукши, по изданію 1595 года вновь перепечатанный и снабженный объясненіями Э. Вольтеромъ (Спб. 1886), Словарь, s. v. vẽlinas стр. 121 и слѣд.; стр. 122—123. Сл. Вольтеръ въ Журналѣ засѣд. отдѣл. этнографіи, 4-го апрѣля, 1886 г., стр. 329.

Открывайте дверцы *велей* (велю дуралесъ),
Отодвиньте стальныя клямки,
Ой пускайте меня, вашу дочь,
Меня дочь, вашу слугу.

Это причитаніе указываетъ на извѣстное отношеніе велей — предковъ къ понятію родовой, прирожденной доли. Вели въ самомъ дѣлѣ смѣшиваются съ лаумами, роженицами славянъ, и какъ о лаумахъ говорятъ, что онѣ уносятъ новорожденныхъ, такъ и о веляхъ: если родильница спитъ безъ лучины, прійдутъ велесъ и обмѣнятъ ребенка.

Чередованіе велей съ лаумами указываетъ на процессъ, одинаково поведшій къ развитію идеи доли въ представленіи вилъ и валькирій; далѣе пути расходятся въ силу особыхъ культурныхъ условій, положившихъ печать воинственности на образъ вилъ и ихъ сѣверныхъ совопросницъ, оставившихъ велей — манами и отнесшихъ въ фантастическую даль обитателей Элизія, Ἠλύσιον πεδίον. Они, вѣроятно, тѣже маны: *ἦλυς (оттуда ἠλύσιος) = литовское wēlis, славянское *вѣла = вила; Элизій, первоначально, долина мертвыхъ вообще, лишь впослѣдствіи мѣстопребываніе блаженныхъ, и притомъ — сословнаго типа: какъ жизнь въ сѣверномъ Valhǫll опредѣлялась идеалами боя и славы, такъ и въ Элизіи герои развлекаются военными играми — ибо представленія загробнаго существованія лишь потенцируютъ интересы создавшей ихъ среды — и древніе Египтяне воображали себѣ, что и на томъ свѣтѣ они будутъ воздѣлывать нивы, отведенныя имъ въ областяхъ Aarru и Hotep [1]).

Если мое соображеніе относительно Элизія вѣрно, то оно поведетъ насъ къ постановкѣ нѣсколькихъ этимологическихъ вопросовъ — по аналогіи: съ сербскимъ вилован — lymphaticus, виловит id., виловњак = бијесан човјек да су виле у њему — можно сравнить ἤλεος, ἦλος, ἠλίθιος: помѣшанный, непонятный, глупый; и, можетъ быть, ἠλι-φάρμακος (растеніе) слѣдуетъ объяс-

[1]) Le Page Renouf, Hibbert Lectures for 1879, стр. 180.

нить въ связи съ растеніями, названными отъ вилъ, вродѣ вилин лук (hyacinthus comosus), вилино сито (herbae genus), вилóвњача (fungi genus).

Я оставилъ почти безъ измѣненія предыдущій очеркъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ явился впервые на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1889 г., Іюль), хотя съ тѣхъ поръ мнѣ удалось познакомиться съ работой Гольтера [1]), спеціально посвященной вопросу о валькиріяхъ. Такъ какъ его генетическое построеніе не измѣнило моихъ взглядовъ на тотъ-же предметъ, я предпочелъ счесться съ его доводами особо, въ концѣ этого изслѣдованія.

Вотъ главныя положенія Гольтера.

Oðinn, древнегерм. Wôþan, восходитъ къ индогерманской порѣ; въ Ведахъ мы находимъ бога вѣтровъ Vâta; вокругъ другого аналогическаго божества, Рудры, группируются демоны грозы, Marut: въ золотыхъ шлемахъ, богато украшенные, вооруженные копьями, луками и сѣкирами, они несутся по воздуху въ военныхъ колесницахъ. Это миѳическое представленіе бога вѣтровъ, обнимающаго, проникающаго весь свѣтъ своимъ бурнымъ вѣяніемъ, несущагося въ сонмѣ грозовыхъ бурь, сохранилось въ сѣверномъ представленіи Одина и его einherjar, въ легендахъ о Дикой Охотѣ.—Съ другой стороны на сѣверѣ и въ Германіи существуютъ повѣрья о пребываніи и пирахъ усопшихъ въ горахъ. — Изъ соединенія этихъ двухъ народныхъ представленій сложился образъ сѣверной Valhǫll, собравшій вокругъ Одина сонмъ витязей, столующихъ и воюющихъ: типъ дружиннаго устройства, отразившій въ себѣ бытовыя черты поры викинговъ (стр. 14—15).

---

[1]) Wolfgang Golther, Studien zur germanischen Sagengeschichte. München, 1888, стр. 3—40.

Въ основѣ лежатъ, стало быть, два скрестившихся представленія: одно метеорологическое (Одинъ, какъ богъ вѣтровъ), другое, относящееся къ культу предковъ (пиры усопшихъ въ горахъ). Ни одно изъ нихъ не объясняетъ, по мнѣнію автора (стр. 15), миѳическаго содержанія валькирій, являющихся въ Valhǫll въ окруженіи Одина; онъ отрицаетъ (l. c.) ихъ толкованіе «облачными дѣвами», и мы ожидаемъ, что онъ выгородитъ ихъ и изъ царства манъ. Это отрицаніе подразумѣвается въ слѣдующей затѣмъ попыткѣ уяснить ихъ генеалогію.

Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о воинственныхъ женахъ и дѣвахъ сѣвера, паленицахъ (стр. 7 и слѣд.), ибо онѣ отдали валькиріямъ лишь свой внѣшній обликъ, одѣли ихъ своею бытовою обстоятельственностью. Важнѣе отношеніе валькирій къ индогерманскому представленію о *дѣвахъ судьбы*, преимущественно боевой и смертной (стр. 5 слѣд.): авторъ указываетъ на греческія, этрусскія, индійскія и кельтскія параллели; κήρ опредѣляется, какъ богиня смерти, ведущая человѣка въ Аидъ и т. д.; уравненіе κῆρες-ψυχαί, указанное нами (стр. 181—2, 289), ускользнуло отъ его вниманія, вмѣстѣ съ тѣмъ и поводъ къ предложенному мною обобщенію: идей смерти, рода и судьбы.

Валькирія, по этимологіи, тоже богиня *смертной доли:* таковою она была и ранѣе своего пріуроченія къ Одину и Valhǫll (сл. стр. 19, 28 прим. 1; 35): √ wal означаетъ во всѣхъ германскихъ языкахъ *смерть* и группу объединенныхъ ею представленій (стр. 16 слѣд.): сл. walaraupa въ lex Bajuvarorum, древненѣмецкія имена собственныя: Walamund, Walafrid, Walahraban, Waledrûd, Walahilt, Walegund и др.; древневерхненѣм. wuol = clades, англосакс. wôl = morbus; ср. нѣм. wühlen. Отсюда развилось понятіе *поля смерти*, wahlplatz (Helgakv. Hundingsbana I, въ прозаическомъ отрывкѣ послѣ 16 строфы: Sigrún gekk í valinn ok hitti Hǫðbrodd at kominn dauða) и *мертваго тѣла*, трупа; поле смерти явилось *полемъ мертвыхъ;* valkyrja— избирающая, назначающая смертную долю: þeir kjósa feigð á menn (Gylfaginning c. XXXVI). Сл. англосакс. välceásega hrefn:

выбирающій (взыскивающій) трупы воронъ—и объясненіе слова «валькирія» въ глоссаріяхъ VIII и слѣд. вѣковъ: Eurynis = walcyrge; Herinis = walcrigge, Tisiphona = waelcyrre: опредѣленія, перенесенныя и на Alecto и Bellona'у.—Интересно въ проповѣди Wulf'а (XI вѣка) сопоставленіе *вѣдьмъ и валькирій*, отвѣчающее той детеріораціи понятія, которое спустило и норнъ и самовилъ и нашу Мокошь къ значенію вѣщихъ, но смертныхъ женъ: fúle forlegene hôringas manege and her syndan *wiccan and waelcyrian* (стр. 18). Сл. выше стр. 293 и далѣе Lara'у въ Hrómundarsaga Greipsonar.

Устранивъ, какъ и мы, одну изъ этимологій валькиріи—отъ $\surd$ wal: electio, авторъ допускаетъ (стр. 18—19) позднѣйшее воздѣйствіе этого корня на основной $\surd$ wal — смерть: Valhǫll, вначалѣ жилище мертвыхъ, стало впослѣдствіи обителью *избранныхъ;* понятіе Valföðr (= Одинъ) обняло въ одно и то-же время идеи смерти — и избранія по желанію. Сл. Gylfaginning c. XX: Óðinn heitir ok Valfǫðr, þvíat hans óskasynir eru allir þeir, er í val falla (Одинъ зовется также Valföðr, ибо желанные его сыны тѣ, которые падаютъ на полѣ битвы). Это развитіе понятія, облегченное созвучіемъ, готовъ усвоить и я; что до названія Valfreya (сл. выше стр. 296), то, допуская возможность ея сближенія, какъ богини смерти, съ valr, авторъ предпочитаетъ другое объясненіе: на языкѣ скальдовъ собственное имя всякой богини могло служить обозначеніемъ для женщины вообще; val-freya, стало быть, то-же, что val-kona, val-meg: дѣва смерти. Я предпочитаю остаться при моемъ объясненіи.

Въ моемъ пониманіи валькиріи, какъ маны—рожаницы—судицы, она явилась въ результатѣ исторической дифференціаціи одного и того-же типа, другими отраженіями котораго, древними и новыми, были дизы, фильгьи, hamingjur, норны. Каждая изъ нихъ представляетъ особую стадію развитія, всѣ вмѣстѣ даютъ черты для возстановленія какъ первичнаго представленія, такъ и его послѣдовательной исторіи. Иначе смотритъ на дѣло авторъ: общее между этими образами онъ думаетъ объяснить смѣшеніемъ,

перенесеніемъ подробностей одного на другой. По его словамъ (стр. 22) валькиріи *соприкасаются* съ богинями судьбы и битвы, норнамъ и валькиріямъ *одинаково* принадлежитъ руководительство судьбою, но это обстоятельство не ведетъ къ ихъ отождествленію по существу, а принадлежитъ—смѣшенію. Чтобъ говорить столь аподиктически, надо имѣть точку отправленія въ точно опредѣленныхъ формахъ вѣрованія, но авторъ ищетъ этого опредѣленія и строитъ свои заключенія на фактахъ, которые еще надо различить, разчленить по категоріямъ. Если имя норны Skuld встрѣчается въ именномъ спискѣ валькирій, то необходима увѣренность, что Skuld первоначально и исключительно означало норну, а не валькирію, прежде чѣмъ заключить, что здѣсь совершилось перенесеніе имени изъ одного круга представленій въ другой. Столь-же шатки и субъективны кажутся мнѣ и слѣдующіе примѣры смѣшеній: норнамъ приписывается дѣятельность валькирій (Gylfaginning c. XXXVI: Guðr ok Rosta, ok norn in yngsta, er Skuld heitir, ríða jafnan *at kjósa val*. Сл. Golther, стр. 27); имена валькирій, Gunnr ok Gǫndul и др., являются въ извѣстной пѣснѣ валькирій въ Njála'ѣ, с. 79, хотя ея демоническія жены, вѣщающія Sygtrygg'у удачу въ бою, напоминаютъ автору скорѣе норнъ, чѣмъ свѣтлыхъ служительницъ Одина (l. c., стр. 31—2). То-же самое смѣшеніе онъ видитъ и въ названіи валькирій—дизами (Krákumál и Gúðrúnarkviða I, 19); допуская, что повѣрья о фильгьяхъ можетъ быть очень полезно для изслѣдованія миѳа о валькиріяхъ, что образы тѣхъ и другихъ иногда совпадаютъ (стр. 28 и прим. 1), онъ и въ этомъ усматриваетъ результатъ позднѣйшаго сліянія, какъ и въ Atlamál 27 мертвыя жены=dísir, являющіяся въ вѣщемъ снѣ, служатъ ему доказательствомъ, что миѳъ о валькиріяхъ спутался съ повѣрьями въ фильгьи и привидѣнія (стр. 33), распространенъ былъ на цѣлый рядъ аналогическихъ образовъ (стр. 27) и съ своей стороны испыталъ смѣшенія.

Къ нимъ принадлежитъ, по мнѣнію автора (стр. 29—30), извѣстный изъ саги о Völund'ѣ образъ валькирій — лебедей. Я

совершенно согласенъ съ нимъ, что въ народныхъ повѣрьяхъ такое представленіе свойственно преимущественно демонамъ воздуха и воднымъ (сл. выше стр. 295)[1]), что не во всякой дѣвѣ-лебеди сѣвернаго и нѣмецкаго преданія слѣдуетъ предполагать валькирію, хотя послѣднія и могутъ являться въ образѣ птицы. Весь вопросъ въ томъ: какъ объяснить этотъ образъ въ нашемъ случаѣ? Я допускаю внѣшнее вліяніе представленія о водныхъ дѣвахъ-лебедяхъ — на другое, сходное, возвращающее насъ къ древней стадіи развитія валькиріи — фильгьи. Извѣстно, что фильгья является въ животномъ образѣ (сл. выше стр. 184); въ Gunnlaugssaga Ormstungu фильгья Helga'и принимаетъ видъ лебедя; въ Hrômundarsaga Greipssonar (Fas. II, 373 слѣд.) Helgi нечаянно убиваетъ покровительствовавшую ему fjǫlkyngiskona (волшебницу, вѣдьму), являвшуюся въ образѣ лебедя; она летала надъ нимъ и пѣла, пока онъ нечаяннымъ взмахомъ меча не отрубилъ ей ногу; съ тѣмъ вмѣстѣ отлетѣла отъ него и побѣда; Hrômundr говоритъ ему: ты убилъ свою милую, и твоя доля миновалась (þú drapst sjálfr frillu þína ok farin man þin heill. Сл. Golther, стр. 30). Волшебница Lara или Cara, милая Helgi, напоминаетъ любовныя отношенія валькирій къ витязямъ (вилъ къ юнакамъ): на точкѣ зрѣнія очеловѣченія такъ поняты были позднѣе отношенія, завязавшіяся въ другомъ, болѣе грубомъ кругѣ представленія. Я полагаю, что лебединый образъ валькирій развился въ связи съ древнѣйшимъ зооморфическимъ представленіемъ прирожденной судьбы и удержался кое-гдѣ въ ея послѣдующемъ развитіи и образахъ — какъ переживаніе. Рядомъ съ валькиріей — лебедемъ, съ ирландской badbcatha — богиней (военной) судьбы, являвшейся въ образѣ ворона (l. c. стр. 6),

[1]) Сл. Baring-Gould, Curious Myths of the Middle Ages (Swan-Maidens); Clouston, l. c. I, стр. 182 слѣд. (Bird-Maidens); Tawney, Kathā — Sarit — Sāgara or Ocean of the streams of story, translated from Sanskrit, II (1887), стр. 452 прим. Сл. еще Bugge, Studien über die Entstehung der nordischen Götter- und Heldensagen, übers. von O. Brenner, III Lief., стр. 438, прим. 2. Объ этой книгѣ, полученной мною во время печатанія этихъ строкъ, сл. мою замѣтку въ «Поправкахъ и дополненіяхъ».

мы поставимъ и дѣву «Обиду» съ ея лебедиными крылами (сл. выше стр. 257).

Гольтеръ различаетъ (стр. 24—5) небесныхъ и земныхъ валькирій; послѣднія—простыя паленицы, царевны—богатырши, на которыхъ перенесены черты миѳическихъ дѣвъ, онѣ и являются передъ нами въ живыхъ очертаніяхъ, тогда какъ небесныя отличаются блѣдностью изображенія. Но онѣ и стали небесными лишь въ окруженіи Одина и въ централизаціи Valhǫll; въ основѣ—онѣ земныя, прирожденныя человѣку, животный или человѣческій образъ его доли и удачи.

XVI.

ЛЕГЕНДЫ ОБЪ ИРОДѢ И ИРОДІАДѢ И ИХЪ НАРОДНЫЯ ОТРАЖЕНІЯ.

Обычаи и повѣрья, окружающіе въ народномъ обиходѣ Ивановъ день (24 Іюня), отъ Исландіи до Греціи, отъ Португаліи и Сициліи до сѣвера Россіи, поддержанные въ нѣкоторыхъ чертахъ и согласіемъ внѣ-европейской народной обрядности, указываютъ на глубокую миѳическую и бытовую древность. Напомню обрядовые огни, обычай гаданія и обусловленный имъ рядъ суевѣрій; братанье, слѣды котораго, разсѣянные въ преданіяхъ европейскихъ народовъ, я изучу при другомъ случаѣ. Совпаденіе ивановской обрядности съ святочной также древняя черта: праздникъ лѣтняго солнцестоянія уравновѣшивался празднованіемъ зимняго, начало и конецъ цикла выражался сходными символами. Въ христіанскую пору это совпаденіе усилилось и другими мотивами: въ центрѣ лѣтнихъ праздниковъ сталъ день Рождества Іоанна Предтечи, въ концѣ святочныхъ—Крещеніе имъ Христа (6 Января) и Соборъ св. Іоанна Крестителя (7 Января). Имя Ивана явилась новою связью между тѣми и другими, его легенда между ними распредѣлилась, пристроиваясь къ основѣ традиціонныхъ пѣсенъ и обрядовъ, но распредѣляясь неравномѣрно, ибо бóльшая часть новыхъ пріуроченій очутилась на сторонѣ лѣтняго Иванова дня. Это — день памяти рожденія Предтечи, но русскія

пѣсни зовутъ его Купалой, т. е. Крестителемъ; обрядовое бросаніе въ воду понято было какъ крещеніе[1]); если въ Малороссіи поется:

Да купався Иванъ
Да й у воду упавъ
(Чубинскій, Труды III, стр. 483, № 1)

и Иванъ представляется погибающимъ, то мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ другимъ перенесеніемъ воспоминанія: смерти Предтечи (29 Августа) на день его рождества. Такое именно перенесеніе мы увидимъ во-очію въ одномъ болгарскомъ обрядѣ на 24 Іюня. — Наконецъ, въ пѣсни купальскаго цикла проникли имена Ивана да Марьи: преданіе о любви Ивана и Марьи, брата и сестры — спеціально купальское, отразившееся въ цѣломъ рядѣ бѣлорусскихъ пѣсенъ, поющихся наканунѣ Иванова дня, когда сбираютъ траву для освѣщенія въ церкви. И преданіе и пѣсни, восходятъ, по моему мнѣнію, къ древнимъ, бытовымъ основамъ празднества, которыя выше я позволилъ себѣ объединить общимъ названіемъ «братанья». Но откуда явилось, рядомъ съ именемъ Ивана, легко объяснимымъ, и имя Маріи? Я собралъ по этому вопросу нѣсколько параллелей[2]), къ которымъ присоединю теперь и слѣдующую догадку. Въ одномъ эпизодѣ Reinardus'а, который мы цитуемъ далѣе, говорится о *несчастной любви* дочери Ирода къ Іоанну, котораго отецъ казнилъ, узнавъ о ея тайной страсти. Дочь Ирода названа Иродіадой, по обычному въ средніе вѣка смѣшенію матери съ дочерью; имя Маріи, можетъ быть, нарицательное: сир. mar, mari=dominus, Марія=domina, hera; какъ увидимъ далѣе, туже этимологію подсказали и для Herodias = hera[3]). Извѣстна была, стало быть, легенда о несчастной любви царевны, Маріи, къ Іоанну, кончившаяся смертью

---

[1]) Сл. Разысканія VII, 239.

[2]) Сл. мой отчетъ о сборникѣ Чубинскаго, стр. 19 слѣд.; Разысканія II, стр. 85 слѣд.; сл. 99—100.

[3]) Сл. мою замѣтку въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXIII (Сентябрь), стр. 219.

послѣдняго, посмертной мукой первой. Не здѣсь-ли объясненіе Ивана и Марьи купальскаго преданія? И здѣсь дѣло идетъ о пагубной страсти; что любящіе братъ и сестра, это принадлежитъ не христіанскому преданію, а древнему мотиву, примѣнившемуся къ новымъ именамъ и очертаніямъ навѣянной извнѣ легенды.

Я выставляю это, какъ предположеніе, которое получаетъ нѣкоторую поддержку въ связи съ предлагаемымъ далѣе разборомъ сказаній объ Иродіадѣ, также распредѣлившихся въ народномъ суевѣріи между святочнымъ и лѣтнимъ цикломъ, какъ мы это замѣтили выше объ ивановскихъ легендахъ вообще [1]).

I.

Извѣстенъ евангельскій разсказъ (Ев. отъ св. Марка VI, 21 слѣд.) о дочери Ирода, угодившей отцу своей пляской и, по наущенію матери своей Иродіады, попросившей въ награду за нее— голову Іоанна Крестителя. Одна древняя коптская легенда [2]) разсказываетъ по этому поводу слѣдующее: когда служитель, посланный въ тюрьму для исполненія казни надъ пророкомъ, принесъ его голову на блюдѣ, дѣвушка отправилась съ нимъ къ матери. Та сильно обрадовалась, плеща руками, и обѣ принялись разсматривать голову подвижника и уста, вѣщавшія истину. Тогда случилось чудо: земля разверзлась подъ дочерью Ирода и поглотила ея тѣло, глаза вышли изъ орбитъ; ангелъ Господень явился съ неба съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ и отрубилъ ей голову, которая очутилась на блюдѣ вмѣсто святой главы Пред-

---

[1]) Слѣдующая статья повторяетъ, съ нѣкоторыми прибавленіями, сказанное мною ранѣе въ замѣткахъ: Легенды о дикомъ охотникѣ. Опытъ генетическаго объясненія, въ Запискахъ романо-германскаго отдѣленія Филологическаго общества при Имп. С.-Петербургскомъ университетѣ, вып. I. стр. 47 слѣд.; Alichino e Aredodesa въ Giorn. storico d. letteratura italiana, XI, fasc. 33, стр. 325 слѣд.

[2]) Trascrizione di tre manoscritti copti del museo egizio di Torino, con traduzione italiana di Francesco Rossi (Torino, 1885), стр. 110.

течи, съ глазами, спустившимися до шеи и грудей. Глава святого изчезла, какъ и въ легендѣ коптскаго синаксарія [1]) она ускользаетъ изъ рукъ нечестивыхъ женъ и еще улетая продолжаетъ обличать Ирода за его незаконный союзъ съ женою брата.

Греческія версіи нѣсколько иначе разсказываютъ о карѣ, постигшей дочь Ирода. Въ статьѣ о семидесяти ученикахъ І. Христа, приписанной Досиѳею Тирскому [2]), говорится, что когда однажды дѣвушка пошла гулять по замерзшей поверхности Генисаретскаго озера, ледъ подломился подъ ней, тѣло ушло въ воду, а ея голову мать положила къ себѣ на колѣни и плачетъ надъ нею и сознается, что все это приключилось въ наказаніе за смерть Іоанна Крестителя. Никифоръ Каллистъ [3]) прибавляетъ новыя подробности: вмѣсто озера замерзшая рѣка; дочь Ирода проваливается въ нее по голову, которая срѣзана льдомъ: тѣло продолжаетъ плясать въ водѣ, голова — на льду въ обличеніе и напоминаніе содѣяннаго ею.

Сирійскій варіантъ этого разсказа былъ сообщенъ Піемъ Zingerle [4]); къ рецензіи Никифора Каллиста восходятъ по всей вѣроятности, пересказы легенды, встрѣчающіеся въ средневѣковыхъ проповѣдяхъ и народныхъ передѣлкахъ [5]). Каталонское повѣрье [6]) слѣдуетъ болѣе простымъ очертаніямъ Досиѳеевской саги; другое, также каталонское преданіе говоритъ объ Иродѣ и его дочери, что они осуждены были вѣчно блуждать, одинокіе и неутѣшные. Съ той поры они неустанно бродятъ по свѣту, безъ цѣли и всегда ночью, ибо боятся свѣта и днемъ скрываются; но какъ только наступаетъ мракъ, они выходятъ изъ своего

---

[1]) Synaxarium, das ist Heiligenkalender der koptischen Christen aus dem Arabischen übersetzt von W. Wüstenfeld (Gotha, 1879), стр. 7.

[2]) Сл. Chronicon paschale ed. Dindorf, Bonn, II, стр. 138—140.

[3]) Hist. ecclesiastica l. I, c. XX.

[4]) Zeitschrift für deutsche Mythologie 1, 319.

[5]) Schwartz, Zur Herodias-Sage въ Zeitschrift für deutsches Alterthum, XXV, 170—173; Laistner, ib. 244—245; R. Köhler, ib. XXVII, 96.

[6]) Pitrè, Archivio I, 136.

убѣжища и снова пускаются въ печальный путь, пока пѣтухъ не возвѣститъ приближеніе дня.

Нѣтъ сомнѣнія, что кара, постигшая дочь Ирода въ легендѣ, перенесшей на нее въ своихъ послѣдующихъ отраженіяхъ имя ея матери Иродіады, согласовалось первоначально съ характеромъ ея проступка. У Никифора Каллиста обречена на вѣчную пляску ея голова; начальные стихи одной каталонской пѣсни говорятъ о нескончаемыхъ танцахъ *дочерей* Ирода:

Las fillas del rey Herodes
Ballan que mes ballaran [1])

Отъ этого представленія недалеко было и до другого: какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи Иродіаду - Herodina'у сблизили съ явленіемъ вихря [2]), такъ въ другихъ—представленіе вѣчной пляски замѣнилось образомъ рокового ночного блужданія. Рядомъ съ каталонскимъ повѣрьемъ напомнимъ показаніе Reinardus I, 1139—1164 [3]): будто Иродіада любила Іоанна, и это было причиной, почему Иродъ осудилъ его на смерть. Когда дѣвушка узнала о казни,

postulat afferri sibi tristis, et affert
regius in disco tempora trunca cliens.
mollibus allatum stringens caput illa lacertis
perfundit lacrimis, osculaque addere avet;

---

[1]) Milá y Fontanals, Observaciones sobre la poesia popular, стр. 95, прим. 6. Сл. Zeitschrift f. deutsche Mythologie IV, 191 (De la danza aérea á que están condenadas las Herodiadas por la muerte del bautista).

[2]) Zeitschrift f. deutsche Myth. I, стр. 102; Grimm, Deutsche Mythologie, 4-е Ausg. I, p. 526; сл. Mannhardt, Die Götterwelt, стр. 98—99; Schwarz, Der heutige Volksglaube, стр. 24—25; вихрь = чертова дочка, сл. Труды этнограф. статист. экспедиціи въ юго-зап. край, снаряженной Имп. русск. геогр. Общ.— Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія собр. П. П. Чубинскимъ, т. I, стр. 33. Въ Бретани и Пикардіи явленіе вихря вызываетъ память о Вѣчномъ жидѣ (Jacob le Bibliophile, Curiosités de l'histoire des croyances populaires au moyen âge, 1859, p. 119).

[3]) J. Grimm, Deutsche Mythologie I, 235—6.

oscula captantem caput aufugit atque resufflat,
illa per impluvium turbine flantis abit.
Ex illo nimium memor ira Iohannis eandem
per vacuum coeli flabilis urget iter:
mortuus infestat miseram, nec vivus amarat,
non tamen hanc penitus fata perisse sinunt.
lenit honor luctum, minuit reverentia poenam,
pars hominum moestae tertia servit herae.
quercubus et corylis a noctis parte secunda
usque nigri ad galli carmina prima sedet.
Nunc ea nomen habet Pharaildis, Herodias ante
saltria, nec subiens nec subeunda pari.

Любовь Иродіады къ Іоанну не встрѣчалась мнѣ въ другихъ преданіяхъ, кромѣ приведеннаго, въ которомъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ древнюю черту: mortuus infestat miseram. Въ Reinardus дѣло идетъ о головѣ Предтечи, но легко представить себѣ и такую форму сказанія, въ которой онъ самъ, обезглавленный, являлся преслѣдователемъ Иродіады. Такъ объяснились бы нѣкоторыя подробности повѣрья, особенно распространеннаго въ Германіи, хотя извѣстнаго и въ другихъ странахъ: я разумѣю повѣрье о такъ называемой «дикой охотѣ». Въ ней нерѣдко видятъ безголоваго охотника [1]), въ числѣ именъ котораго встрѣчается и Hans Jagenteufel [2]) и Hans [3]), то-есть Іоаннъ; онъ гоняется обыкновенно за «лѣсными женами» (Holzweiblein) [4]), и мы были бы не прочь помѣстить среди нихъ и легендарную, гонимую Иродіаду.

Но перейдемъ отъ гипотезъ къ показанію фактовъ [5]).

Начну съ постановленія, ложно приписаннаго анкирскому собору (314 г.), вѣроятно, заимствованнаго изъ какого-нибудь

---

[1]) J. Grimm, l. c. II, стр. 766, прим. 8; 776, 779, прим. 4; 787—788.

[2]) J. Grimm, l. c. 776.

[3]) Wolf, Beiträge zur deutschen Mythologie II, 140—1 прим.

[4]) Сл. Grimm, l. c. въ указателѣ a. v. Holzweiblein; Simrock, Deutsche Mythologie, 2-e Ausg., 223—4.

[5]) Для слѣдующихъ цитатъ, тамъ, гдѣ не сдѣлано особаго указанія, сл. Grimm, l. c. I, стр. 234—5, II, 882 слѣд. и Ducange-Favre, Gloss. mediae et infimae latinitatis a. v. Diana, Hera, Benzozia.

франкскаго капитулярія VII—VIII вѣка, встрѣчающагося въ одномъ капитуляріи императора Людвига II (867 года) [1]) и въ трактатѣ Регинона Прюмскаго [2]). Сообщу текстъ послѣдняго: говорится о нечестивыхъ женахъ, которыя, «retro post Satanam conversae, daemonum illusionibus et phantasmatibus seductae, credunt se et profitentur nocturnis horis cum Diana paganorum dea et innumera multitudine mulierum equitare super quasdam bestias, et multa terrarum spatia intempestivo noctis silentio pertransire, ejusque jussionibus velut dominae obedire et certis noctibus ad ejus servitium evocari». Сл. Capitula Herardi episcop. Turonens. c. 3 и Acta S. Jacobi Mevan. tom. 4. Aug. pag. 730, col. I (impugnavit errorem illarum mulierum quae vadunt ad cursum cum Diana). По Notationes correctorum къ Corp. juris canonici главнымъ источникомъ Регинонова канона былъ отрывокъ изъ статьи De spiritu et anima гл. 28, приписанной въ VI-мъ вѣкѣ бл. Августину [3]); предположеніе, не оправдываемое печатнымъ текстомъ этого трактата, присоединяющимъ къ имени Діаны *Иродіаду* и Минерву (cum Diana paganorum dea vel cum Herodiade et Minerva) [4]). Если вѣрить рукописному житію папы Дамаза I, то о ночныхъ скитаніяхъ Иродіады говорилось, и въ тѣхъ же выраженіяхъ, уже на римскомъ соборѣ 367 года [5]); въ Liber Decretorum (l. X. c. 1) [6]) Буркгардта

---

[1]) Baluze, Capitularia reg. Francorum, t. II, p. 365: c XIII, De sortilegiis et sortiariis. Schmitz, Die Bussbücher u. die Bussdisciplin der Kirche, ссылается (стр. 460) на этотъ капитулярій по поводу § 84 Poenitentiale Arundel: Si quis in aërem inquiete noctis silentio se a maleficis feminis sublevari crediderit, II annos peniteat.

[2]) Reginonis Premiensis abbatis de eccles. disciplinis et religione christiana libri duo (Migne Patrol. lat. t. CXXXII, l. II, c. CCCLXIV).

[3]) Сл. Soldans Geschichte der Hexenprozesse, neu bearbeitet von H. Heppe, I, стр. 131, прим.; Migne, l. c., t. XL: текстъ De spiritu et anima, авторомъ котораго предполагается Alcherus, монахъ въ Clairvaux.

[4]) Такъ и у Albertus M. въ Summa theol. 2, 31. Сл. Grimm. l. c. II, стр. 884 прим. 1.

[5]) Soldan-Heppe, l. c. I, стр. 109.

[6]) Migne, l. c., t. CXL, p. 831—2.

Вормсскаго (1024 г.) она появляется въ нашемъ текстѣ рядомъ съ Діаной (cum Diana paganorum dea vel cum Herodiade et innumera multitudine mulierum и т. д.); такъ и въ Concordia'и (оконч. 1151 г.) Граціана (cum Diana dea paganorum vel cum Herodiade) [1]) и въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, почерпавшихъ изъ того или другого источника [2]). Если въ концѣ своей книги (l. XIX с. 5) [3]), повторяя сказанное о Діанѣ и Иродіадѣ, Буркгардтъ называетъ вмѣсто той и другой Holda'у, Unholda'у [4]), то онъ, очевидно, имѣлъ въ виду обозначить этой родовой либо эвфимистической кличкой одно изъ упомянутыхъ выше фантастическихъ существъ. Сл. bonas res въ показаніи Étienne de Bourbon и bonae res у Vinc. Bellov. Spec. mor. III, 3, 27; bunele, dulțele, milostivele, frumoasele: обозначеніе аналогическихъ существъ румынскаго повѣрья [5]). То-же слѣдуетъ принять и для названія Benzozia'и (Augerius II, episc. conseran. ann. 1280 in Statutis Mss.; Concil. Trever. ann. 1310 ap. Martène, Anecd., col. 257) или Bezezia'и (Stat., Syn. S. Flori Mss. f. 60), какъ называется ночная богиня въ нѣкоторыхъ варьянтахъ нашего текста, тогда какъ Іоаннъ Салисберійскій (Polycraticon l. 2, с. 12) ограничи-

---

[1]) Migne, l. c., t. CLXXXVII: Gratiani Concordia Discordantium canonum ac primum de jure divinae et humanae constitutionis, Pars II, causa XXVI. quaest. V, c. XII.

[2]) Сл. старонѣмецкое обличеніе народныхъ суевѣрій у Grimm'a, D. Mythologie, IV-е изданіе, т. III, стр. 412 (mit der heiden gúttinnen, dú da heisset Dyana oder mit Herodiade) и Anecdotes historiques, légendes et apologues, tirés du recueil inédit d'Etienne de Bourbon, publ. par Lecoy de la Marche (Paris, 1877), p. 323—4: Ad hanc ludificationem, que fit in sompniis, pertinet error illarum mulierum que dicunt se nocturnis horis cum Diana et Herodiade et aliis personis, quas bonas res vocant, ambulare et super quasdam bestias equitare, et multa terrarum spacia pertransire et certis noctibus ad dearum servitium evocari.

[3]) Эта часть носитъ и отдѣльное заглавіе: Corrector.

[4]) Migne, l. c., стр. 962: Credidisti ut aliqua femina sit, quae hoc facere possit quod quaedam a diabolo deceptae se affirmant necessario et ex praecepto facere debere, id est cum daemonum turba in similitudinem mulierum transformata, quem vulgaris stultitia Holdam (var. Unholdam) vocat, certis noctibus equitare super quadam bestias et in eorum se consortio annumeratam esse.

[5]) Сл. Jelele, studiu de mitologiă comparativa de Lazăr Șaineanu. Bucurescĭ 1886, стр. 19, 26, 32.

вается обозначеніемъ Иродіады (Nocticulam quamdam vel Herodiadem vel praesidem noctis Dominam), a Gobelinus Persona (Cosmodr. act. 6, c. 38) именемъ Hera'ы, ночныя странствованія которой пріурочиваетъ ко времени между праздникомъ Рождества Христова и Крещеніемъ: «inter festum Nativitatis Christi et festum Epiphaniae Domini Domina Hera volat per aëra, quoniam Junoni apud gentiles aër deputabatur. Et quod Juno quandoque Hera apellatur et depingebatur cum tintinnabulis et alis, dicebant vulgares praedicto tempore: Vrowe Here seu corrupto nomine: Vro Here de vlughet, et credebant illam sibi conferre rerum temporalium abundantiam».

Трудно рѣшить, какое изъ двухъ именъ, Діаны или Иродіады древнѣе въ приведенномъ суевѣріи. Если устранить анкирскій и римскій соборъ 367 года, то окажется, что древнѣйшее упоминаніе Діаны въ нашемъ повѣрьи восходитъ къ IX—X столѣтію, когда культъ ночной Иродіады былъ уже извѣстенъ. О немъ говоритъ Ратерій Веронскій [1]), упоминая о тѣхъ, которые «Herodiam illam baptistae interfectricem quasi reginam, imo deam proponant, asserentes tertiam totius mundi partem illi traditam». Эта «tertia pars mundi pars» представляется мнѣ тождественной по смыслу съ pars hominum tertia Reinardus'a: Иродіада отдыхаетъ во вторую половину ночи и лишь въ теченіе третьей проявляетъ свою власть надъ міромъ. Либо разумѣется дѣйствительная власть демона надъ третьей частью человѣческаго рода, какъ говорится въ Roman de la Rose о dame Habonde, ночной богинѣ.

18624 dont maintes gens par lor folie
cuident estre par nuit estries
errans avec dame Habonde,
et dient, que par tout le monde
li tiers enfant de nacion
sont de ceste condicion.
18686 que li *tiers du monde*
aille ainsinc avec dame Habonde.

---

[1]) Grimm, l. c., I, стр. 235.

Dame Habonde = Domina Abundia Вильгельма Овернскаго († 1248), такъ названная будто бы отъ abundantia, либо Satia a satietate [1]). Едва-ли эти имена не принадлежатъ школьной или народной этимологіи; Abundia въ сущности—таже Діана средневѣковаго повѣрья.

Если рѣшить въ пользу большей древности послѣдней сравнительно съ Иродіадой, то легко понять, по какимъ побужденіямъ къ образу странствующей по ночамъ богини присоединилась и Иродіада, также блуждающая въ наказаніе за свой проступокъ. Извѣстно древнее отождествленіе Діаны-Артемиды съ Гекатой, богиней чаръ и волхвованій; сладострасныя пляски женъ въ честь Артемиды Эфесской; греческое повѣрье, что въ сонмѣ ночной Артемиды-Гекаты носятся дѣти, умершія раньше времени, и души тѣхъ, которые скончались, не оставивъ потомства и не насладившись любовью, ἄγρια συρίζοντες, ἐπὶ φρεσὶ θύμον ἔχοντες [2]): всё образы, напоминающіе средневѣковыя представленія о «дикой охотѣ», въ которой Иродіада играла нынѣ отчасти забытую роль. Ея сближеніе съ Діаной совершилось въ такомъ случаѣ въ силу сходства миѳическихъ представленій и, вѣроятно, именъ: *hera Diana* — и Herodina (сл. Zs. f. deutsche Mythol. I, 102), *Herodiana*, какъ зовется Иродіада у Vintler'a, Die Pluemen der Tugent (ed. I. Zingerle) v. 7737 слѣд.:

so haben etleich gemein
mit der pōsen Erodiana
(вар. Herodiana).
so glauben vil an Diana
die do ain valsche gottin ist [3]).

---

[1]) Grimm, l. c. I, стр. 237—9.

[2]) Сл. гимнъ къ Гекатѣ у Miller'a, Mélanges de littér. grecque p. 442 слѣд.; Nauck, Mélanges gréco-romains III, 183; Dilthey, Die Artemis des Apelles und die wilde Jagd въ Rhein. Mus., N. F., B. XXV (1870), стр. 321 слѣд.

[3]) Сл. въ Вопросахъ и отвѣтахъ, напечатанныхъ г. Мочульскимъ (Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ, Варшава 1887) стр. 246: «проклятая жена *Иродіана*», упросившая Ирода отсѣчь голову Предтечѣ.

Но возможно и другое объясненіе сближенія: Herodiana могла быть понята какъ hera Diana; вспомнимъ слова Буркгардта: ejusque (то-есть Діаны) jussionibus velut *dominae* obedire; по такимъ-же, вѣроятно, соображеніямъ и авторъ Reinardus'а далъ Иродіадѣ имя Pharaïldis, то-есть *frau* Hilde или Holda. Позже hera и Diana могли быть поняты не какъ два имени или обозначенія, а какъ двѣ личности: Hera и Diana; если первая была истолкована какъ Юнона, то это ученое объясненіе; имя первой могло быть подсказано сближеніемъ двухъ повѣрій, развившихся самостоятельно до тождественной образности: представленія охоты.

Мы видѣли, что по каталонскому повѣрью Иродіада и ея отецъ осуждены вѣчно блуждать. Однимъ изъ частныхъ выраженій этой идеи блужданія было представленіе дикой, фантастической охоты, въ которой несутся осужденные. Если въ областяхъ Perigord'a, Franche-Comté, Jura и Ain наканунѣ Богоявленія проносится «Иродова охота», Chasse Hérode, а въ Ганноверѣ и Вестфаліи Herodes, Herodis - Röds охотится между Рождествомъ и 6-мъ Генваря [1]), естественно ставится вопросъ, какая именно роль была ему удѣлена первоначально въ этомъ суевѣріи? Являлся-ли онъ охотникомъ, преслѣдователемъ или преслѣдуемымъ, или охота явилась случайнымъ конкретнымъ образомъ идеи роковаго блужданія, на которое осужденъ Иродъ за свою жестокость? Ибо въ средневѣковомъ представленіи онъ былъ, по преимуществу, tyrannus, herus malus = староверхнен. *wôtan;* сл. средневерхнен. wüetunge — furia, megera, sania; старое нѣмецкое выраженіе для дикой охоты: wüetunges her означало-бы, съ этой точки зрѣнія, войско, дружину тирана, т. е. Ирода; души дѣтей, нерѣдко являющіяся въ сонмѣ дикой охоты, отвѣтили-бы памяти о невинныхъ младенцахъ, усѣченныхъ из-

---

[1]) Wolf, l. c. II, 163; Sébillot, Traditions et superstitions de la Haute-Bretagne, I, 220; De Chesnel, Dictionnaire des superstitions, a. v. Chasses des esprits; Zs. für deutsche Mythologie I, 100—102; Kuhn, Sagen, Gebräuche und Märchen aus Westfalen I, 1.

вергомъ, gotewuoto, какъ называетъ другого Ирода (Антипу) Отфридъ (I, 19, 18), разсказывая объ этомъ событіи [1]). Если во главѣ дикой охоты является иной разъ, вмѣсто древняго Wôtan=Wod, Wut, Wode, женскій образъ: frau Wode, Gode, Gauden, то нѣтъ нужды предполагать здѣсь замѣну одного пола другимъ, когда легенда о блужданіи подсказываетъ намъ рядомъ съ «тираномъ» Иродомъ — и Иродіаду [2]).

Сонмомъ, дружиной Ирода я склоненъ передать и еще одно выраженіе для «дикой охоты»: «militia Hellequini», «Karlequini», mesnie Hierlekin, Hellequin» и т. д. [3]), встрѣчающееся рядомъ съ другими библейскими: le chariot de David (Бретань), la chasse d'Oliferne (Franche-Comté, Jura), la chasse Caïn (Нормандія), chasse Machabée (Blois), chasse Hérode [4]). Уже Дицъ ощутилъ въ Hellequin и его родичахъ нѣчто нижненѣмецкое, niederländischen Klang. Herodes могъ дать въ нижненѣмецкихъ говорахъ уменьшительную форму Herdekîn [5]); оттуда: Herlekîn, Hellekîn. Что разсказывается о Hellequin въ старофранцузскомъ романѣ

---

[1]) Сл. Иродъ = волкъ, въ поемѣ Вернера. Сл. W. Grimm, Die mythologische Bedeutung de Wolfs, Zs. f. d. Alterth. XIV, 203—4, 213, 215; Разысканія VIII, стр. 265: Иродъ = змѣй, Геродъ = чертъ. Сл. представленіе «огненнаго Ирода» въ мал. легендѣ у Драгоманова, Мал. нар. пред. и разсказы, стр. 134 слѣд.: дочь Ирода, Евдокія, обратилась въ Христову вѣру и убѣгаетъ съ монахомъ Германомъ; Иродъ «схативсь огнем», гонится за ними; Господь посылаетъ двухъ ангеловъ, которые несутъ Евдокію на небеса, а Иродъ за нею, «женеться і зубами скригоче. Господь возгласив з небес на архистратига Михаила: Охристи его зездом! Охристив, обсік ёму крылья, і він бухнув до долу».

[2]) Сл. Grimm, l. c. I, стр. 110 (сл. т. III, прим. къ стр. 110 на стр. 49), II, 765 слѣд.; Simrock, l. c., 219; Lexer, Mittelhochd. Wb. a. v. wüetunge.

[3]) Сл. Grimm, l. c. II, стр. 785—6; Wolf, l. c. II, 162; Liebrecht, Gervasius von Tilbury, стр. 198—9; его-же: Zur Volkskunde, стр. 27 слѣд.; Diez, Wb. a. v. arlecchino; Gachet, Glossaire a. v. halegrin; Littré, Dictionnaire a. v. arlequin; Godefroy, Dictionnaire de l'ancienne langue francaise a. v. hellequin. Сл. Pitrè, Archivio II, 104—105.

[4]) Сл. Sébillot, l. c., 220, 221; Wolf, l. c. II, 162; Simrock, l. c., 219; De Chesnel, l. c.

[5]) Сл, въ нижненѣмецкомъ словарѣ Schiller'а и Lübbena уменьшительныя: Herdeke, Hertke отъ женск. имени собственнаго Herdradis.

o Richard, подтверждаетъ отчасти показаніе Reinardus'а объ Иродіадѣ и взаимно имъ подтверждается. Герцогъ встрѣчаетъ въ лѣсу Hellequin'а, охотившагося съ своими людьми: онъ отдыхаетъ на терновомъ кустѣ, какъ Иродіада въ Reinardus «quercubus et corylis»; затѣмъ опускается на землю, на платъ, разосланный его сенешалемъ. На вопросъ герцога: кто далъ ему позволеніе охотиться въ его угодьяхъ, Hellequin отвѣчаетъ, что такъ положено Богомъ, чтобы по ночамъ онъ скитался въ лѣсу; теперь онъ отдыхаетъ (сл. въ Reinardus: usque nigri ad galli carmina.... prima sedet):

Tant avons cheminé estant esmerveillés,
que trestous nous en sommes honny et travaillez....
Si souffrons nous chascun tant d'angoisse et de peine
que pas ne le pourroit-on dire en la semaine.

Изъ Herlekîn, формы, которую я считаю вторичной послѣ Herdekîn, развилось послѣдовательно Hellekîn подъ этимологическимъ вліяніемъ средневерхнен. helligen: преслѣдовать кого нибудь до устали, изможжать, мучить, либо скорѣе подъ вліяніемъ Helle: адъ. Hellekîn сталъ адскимъ охотникомъ: Helljäger; его люди, mesnie Hellequin, такіе же, какъ онъ, демоны, мчащіеся за нимъ съ шумомъ и гамомъ, вселяя повсюду страхъ, злостные и вмѣстѣ проказливые, согласно съ извѣстнымъ типомъ средневѣковаго дьявола. Этотъ типъ, разнообразно колеблющійся между демоническимъ и скоморошьимъ, держится за ними и въ старое время и въ переживаніяхъ современнаго суевѣрія. Демономъ представляется Dant Hellequin въ fabliau о его свадьбѣ съ Luque la maudite [1]); скоморохомъ отзывается упоминаніе колокольцовъ; такъ у Adam de la Halle (ed. Coussemaker 39):

J'oi la maisnie Hielekin
Mien ensiant qui vient devant
Et mainte *cloquete* sonnant;

---

[1]) Romania, № 46—7, стр. 224 слѣд.

и въ описаніи торжественнаго шествія Гордости въ Renard le Nouvel:

à sa siele et à ses lorains
Ot une cent cloketes aux mains
Ki demenoient tel tintin
Con li maisnie Hierlekin,

какъ и въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ Гобелина Hera-Иродіада является «cum *tintinnabulis* et alis». Huon de Mery (Tornoiement Antechrist) не даетъ никакихъ новыхъ подробностей относительно «maisnie Hellequin»; въ одной рукописи Roman de Fauvel (146 Fonds Français, XIV в.) она изображена бѣснующейся:

Je cuids que c'estoit *Hellequin*
Et tuit li autre sa *maisnie*
Qui le suivent toute enragie.
. . . .
Avec eux avoient *hellequines*
Qui avoient cointises fines

Такъ представляется она и въ Mariage des filles au diable:

Il s'entrepoilent com mastin,
C'est la *mesnie Hellequin.*

Въ Нормандіи, гдѣ удержалось представленіе и названіе Chasse-Annequin, Hennequin, злого, надоѣдливаго ребенка зовутъ hannequin, то-есть демономъ, бѣсенкомъ. Дантовскій Alichino (Inf. XXI, 118; XXII, 112) такой же наслѣдникъ Hellequin, спустившійся къ роли злорадствующаго демона[1]), который могъ бы повторить, что о себѣ сказалъ его товарищъ Cagnazzo:

Malizioso son'io troppo
Quand'io procuro de'miei maggior tristizia
(Inf. XXII, 110—111).

---

[1]) Сл. Graf, Demonologia di Dante, въ Giornale storico d. letteratura italiana, IX, 48 прим.

Тотъ же переходъ совершился и на почвѣ старофранцузской мистеріи: опускная дверь, ведшая со сцены въ отдѣленіе театральнаго «ада», задернута была занавѣсомъ, съ изображеніемъ на ней чудовищной головы; занавѣсъ этотъ носилъ названіе chappe d'Hellequin [1]), вѣроятно, потому, что отсюда выходили, по требованію пьесы, актеры, игравшіе роль діаволовъ. Позже родъ занавѣса, шедшаго вокругъ сцены, названъ былъ «manteau d'Arlequin» [2]): именемъ, отвѣчающимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи понятію Hellequin [3]), удержавшимся въ итальянскомъ Arlecchino — ибо эта извѣстная маска комедіи dell' Arte и театра маріонетокъ заступила мѣсто древняго Hellequin, унаслѣдовавъ centunculus классическаго мима и его натертое сажей лицо, въ которомъ благочестивые зрители могли усматривать не наслѣдье древней гримировки, а печать ада.

II.

По народному нѣмецкому повѣрью, «дикая охота» показывается обыкновенно между 25-мъ Декабря и 6-мъ Января; слѣдующій затѣмъ день, посвященный памяти Предтечи, могъ вызывать легендарныя воспоминанія объ Иродѣ и его дочери. Послѣдняя должна была впослѣдствіи поступиться частью своей славы и цѣльностью образа передъ другимъ, пріуроченнымъ къ тому же времени: передъ образомъ итальянской Befana'ы — Epiphania'и и нѣмецкой Berhta'ы, то-есть свѣтлой, отвлеченной

---

[1]) Petit de Julleville, Les mystères I, 366, прим. 1.

[2]) l. c.

[3]) Сл. P. Paris, Manuscrits francais I, 321 слѣд.: «Dans mon pays (l'ancien Rémois) les petits enfants s'effraient mutuellement à l'approche de la nuit en criant à tue-tête: «Arlequin sur nos talons!», comme si la Mesnie Hellequin les poursuivait encore. On y donne aussi le nom d'arlequins aux feux follets enfantés par ler exhalaisons de la terre dans les derniers jours d'automne. Ces arlequins, disent les mères avec affectation, s'attachent aux pas des enfants; ils offrent une lumière trompeuse en sautillant devant eux à quelque distance, jusqu' à ce qu'ils aient conduit la pauvre victime dans un marais ou dans un précipice».

отъ названія дня: ἡμέρα τῶν ἀγίων φώτων. Если Bertha представляется иногда пугаломъ, Бефана — дочерью Иродіады [1]), я вижу въ этомъ синхронистическое вліяніе послѣдней. Въ одномъ разсказѣ изъ *Möllthal'я* [2]), повторяющемъ преданія Досиѳея и Никифора Каллиста, дочь Ирода — бѣшеная плясунья, которая, не удовольствовавшись тѣмъ, что плясала въ присутствіи отца, надменно продолжаетъ танецъ, проходя по замерзшей поверхности озера. Она провалилась въ воду и съ плясомъ прошла прямо въ адъ, откуда выходитъ ежегодно въ ночь 5-го Января, чтобы въ пляскѣ промчаться вокругъ свѣта. Звать ее — Perht или Perchtra.

Обратное вліяніе Берты-Бефаны на типъ Иродіады слѣдуетъ допустить для Aredodesa'ы, Redodese, Redosa, Redosola и т. п. сѣверно-италіанскихъ повѣрій, въ которой я усматриваю— Иродіаду. Если въ венеціанской области она является бодрой, привѣтливой старушкой, одаряющей дѣтей въ ночь на Богоявленіе фруктами и конфектами, которыми наполняетъ чулокъ [3])— то это представленіе, очевидно, отразило вліяніе олицетвореннаго свѣтлаго праздника, Berhta'ы—Befana'ы. Въ другихъ случаяхъ, мрачный образъ Иродіады сказывается яснѣе: Aredodesa пугаетъ женщинъ, работающихъ или прядущихъ наканунѣ праздника (Богоявленія) [4]), либо топитъ въ потокѣ дѣвушекъ, вышедшихъ, чтобы покататься въ саняхъ со своими поклонниками. О ней говорятъ, что она является изъ ада, позвякивая цѣпями [5]), почему ребята стараются прогнать её, ходя по улицамъ толпами, съ дудками и битьемъ въ таганы [6]). Съ первымъ пѣніемъ пѣтуха она исчезаетъ [7]). Въ Cadore разсказываютъ, что наканунѣ Бо-

---

[1]) Grimm, l. c. I, 234.

[2]) Zeitsch. f. d. Alterth. XXVII, стр. 96.

[3]) Сл. Angela Nardo Cibele, Superstizioni Bellunesi e Cadorine, въ Archivio per lo studio delle trad. pop. IV, 588; V, 39.

[4]) l. c. IV, 590.

[5]) l. c. V, 33, прим. 1, и стр. 34.

[6]) l. c. V, 33.

[7]) l. c. V, 32.

гоявленія Redodesa является ровно въ полночь въ церковь св. Іоанна съ просьбой окрестить её. Всякій разъ святой отсылаетъ её съ дырявой корзиной по воду, необходимую для совершенія обряда. Она идетъ и, разумѣется, возвращается съ пустымъ сосудомъ; тогда между ними происходитъ такая бесѣда:

Duan, Duan, batezime sto an

(Иванъ, Иванъ, окрести меня въ этомъ году). Онъ отвѣчаетъ:

Madona, un altro an!

(До другаго года). И огорченная Redodesa удаляется; говорятъ, такъ будетъ до скончанія міра [1]). Св. Іоаннъ, упомянутый въ сообщенной легендѣ, указываетъ на преданіе объ Иродіадѣ; то, что о Redodesa'ѣ разсказывается въ Gron'ѣ [2]), обращаетъ насъ къ преданію у Досиѳея и Никифора Каллиста: о переходѣ Иродіады по озеру или рѣкѣ, её потопившимъ. Говорятъ, что наканунѣ Богоявленія, въ полночь, воды Cordevole и Mis (двухъ потоковъ) останавливаются и образуется по рединѣ дорога, по которой проходитъ Redodesa съ ея двѣнадцатью Redodesegot; еслибы кто другой явился въ это время по воду, онъ *потонулъбы* заразъ. Утромъ въ былое время, кто первый являлся къ потоку за водой, находилъ на берегу букетъ великолѣпныхъ цвѣтовъ, неизвѣстно откуда взявшихся въ Генварѣ. Двѣнадцать «Redodesegot» напоминаютъ каталонское и, какъ увидимъ далѣе, и русское повѣрье о *дочеряхъ* Ирода; сѣверно-итальянское *dodese* = двѣнадцать могло повліять и на превращеніе имени Иродіада въ—*Aredodese*.

Мы видѣли, какъ послѣдовательно развивалось представленіе роковой пляски, переходя къ образамъ вѣчнаго блужданія и «дикой охоты». Если я не ошибаюсь, то слѣды перваго, болѣе древняго, пониманія сохранились въ нѣкоторыхъ повѣрьяхъ, привязавшихся къ лѣтнему празднованію Іоанна Крестителя, то-есть

[1]) l. c. V, 32—33.
[2]) l. c. IV, 590.

къ 24 Іюня, къ которому въ иныхъ мѣстностяхъ Германіи относятъ и явленіе «дикой охоты» [1]). Въ неаполитанской области въ ночь на Ивана Купалу крестьяне выставляютъ на дворѣ ведро съ водой, въ отраженіи которой видятъ Иродіаду съ матерью, проносящихся мимо и упрекающихъ другъ друга за смерть Предтечи [2]). Сл. La chiusa di S. Giovanni у Pitrè, Biblioteca delle trad. pop. sicil. v. XVIII, стр. 378. За три дня передъ Рождествомъ Предтечи въ Систовѣ (Болгарія) шесть румынскихъ дѣвушекъ собираются вмѣстѣ и рядятся, причемъ одна изъ нихъ, называемая Драгайкой, представляетъ Иродіаду, въ мужской шапкѣ и съ ятаганомъ въ рукѣ. Въ сопровожденіи музыкантовъ онѣ ходятъ и пляшутъ по домамъ, а Иродіада машетъ ятаганомъ въ знакъ отсѣченія главы Іоанна Крестителя [3]). Болгары, поселившіеся съ 1773 года въ херсонской губерніи, еще недавно

---

[1]) Simrock, l. c., 216; Grimm, l. c., II, 767.

[2]) Pitrè, Arghivio I, 327.

[3]) Чолаковъ, Българскій народенъ сборникъ, стр. 56. Игра исполняется «влашками» (румынками или цыганками?), хотя имя Драгайки указываетъ на славянское (или греческое?) происхожденіе. У Cihac'a, Dictionnaire d'étymologie daco-romane, Élémentes slaves и т. д., a. v. drag, отмѣчено лишь слѣдующее: dragáică—nom donné à la plus belle fille, choisie à une certaine fête champêtre et nom d'une danse, que ces filles dansent. Драмы Александри, на которыя ссылается Cihac, ограничиваются лишь упоминаніемъ пляски Драгайки: giŭca drăgaĭca pin curte (Opere complete II, 938), giŏacă drăgaĭca ca o nebună (ib. III, 997). Интересныя подробности о ней даетъ Кантемиръ (Operele principelui Dimitriu Cantemiru t. I, Bucuresci 1872, стр. 141): Драгайка сближена съ Церерой, но объясненіе обряда другое. Etenim eo anni tempore, quando segetes maturescere incipiunt, congregantur quot quot fuerint vicinorum pagorum puellae ac inter se venustiorem et forma praestantiorem sub Dragaicae nomine eligunt. Hanc in agrum magno comitatu deductam, corona ex aristis plexa pluribusque strophiolis phrygio opere pictis exornant ac claves horreorum manibus ejus suspendunt. Sic ornata Dragaica, extensis manibus et strophiolis vento expositis, ita *ut volantis speciem prae se ferat*, ex agro domum redit et omnes quot quot in eam societatem iverant, pagos cantando et saltando peragrat, stipata cunctis reliquis sodalibus quae eam canticis sat concinne compositis *sororem et dominam* quam saepissime vocitant. Hujus honoris villicae Moldavorum puellae plerumque sunt avidissimae, licet perpetua consuetedine cantavit, ne ea, quae Dragaicae personam gesserit, intra triennium marito elocetur. Сл. еще Дювернуа, Словарь болгарскаго языка s. v. драгайка.

сохраняли этотъ обрядъ, но извѣстныя намъ свѣдѣнія о немъ не достаточно подробны: 24 Іюня, въ день Рождества Предтечи, собирались дѣвки, наряжали одну въ листья и цвѣты; ставъ на плечи двухъ другихъ и поддерживаемая прочими, она неслась съ торжественными пѣснями, крикомъ и шумомъ прямо къ рѣкѣ, гдѣ совершались разныя обряды [1]). Содержанія ихъ мы не знаемъ; судя по сообщеніямъ Чолакова они являлись народно-драматической параллелью къ захожей въ Румынію рождественской драмѣ, воспроизводящей древній officium stellae и носившей въ Трансильваніи и Молдавіи названіе «Иродовъ», Irodĭ (сл. les Hellequins).

Извѣстны обличенія древней русской Церкви, направленныя противъ изступленнаго плесканія и скаканія, которымъ отдавались жены и дѣвки въ ночь на 24 Іюня [2]). То, что говоритъ о нихъ игуменъ Панфилъ (1504), напоминаетъ мономанію «Ивановой пляски» (St. Iohannis chorea, danse de St. Jean, Sankt Johans Dantz), проявившуюся лѣтомъ 1374 года на Рейнѣ, Мозелѣ и въ Нидерландахъ. Мужчины и женщины, старые и молодые, дѣвушки, убѣжавшія изъ родительскаго дома, собирались на улицахъ и въ церквахъ и предавались неистовой пляскѣ и скаканію, пока не падали въ изнеможеніи. Плясавшіе носили на головахъ вѣнки и опоясаны были платами и вервіемъ — чтобы не разорваться; съ той-же цѣлью они приказывали себя бить и топтать ногами, когда падали измученные пляской. *Красный цвѣтъ* и видъ слезъ были имъ противны; иногда имъ представлялось, что они вступаютъ въ *рѣку крови*, и они принимались скакать (черезъ неё?), то имъ видѣлось разверстое небо, и тогда прыгая, они пѣли:

Herre Sankt Johann, so so,
Frisch und froh,
Herre Sankt Johann!

---

[1]) Херсонскія эпархіальныя вѣдомости 1888, № 18, 15 Сентября: Лѣтопись прихода с. Ольшанки св. Іоанна Милостиваго церкви, стр. 542—3.

[2]) См. мой отчетъ о сборникѣ П. П. Чубинскаго въ 23-мъ присужденіи уваровскихъ премій, стр. 22 и слѣд. отдѣльнаго оттиска.

Припѣвъ: so so, напоминаетъ начало одной бѣлорусской купальской пѣсни (Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни № 232):

Сегодня у насъ Купала.... то! то! то!

Хроникеръ Veit Weinberg († 1580), упоминая о религіозномъ движеніи 1374 года, называетъ ту пляску Firlefantz; Freybe, собщившій относящуюся сюда выдержку изъ риѳмованной хроники, очевидно не понялъ намека на явленія 1374 года, иначе не спросилъ бы себя: какая тутъ разумѣется пляска, и не идетъ ли дѣло — о блужданіи злыхъ духовъ въ Иванову ночь, объ исканіи кладовъ. Замѣчу кстати, что тѣмъ-же названіемъ Firlefanz обозначали въ Voigtland'ѣ обрядовую игру на Ивановъ день, въ заключеніе которой ввергали въ воду какого то Johannes. Отвращеніе къ красному (кровавому) цвѣту, видѣніе рѣки крови, неистовая пляска до изнеможенія — не относитъ-ли это насъ къ памяти о пролитой крови Іоанна Крестителя и къ грѣшной плясуньѣ Иродіадѣ?

Съ точки зрѣнія средневѣковой церкви, осудившей пляску какъ дѣло сатанинское, Иродіада являлась типомъ злой жены [1]) и плясуньей по преимуществу [2]). Авторъ приписываемаго Златоусту слова περὶ μετανοίας говоритъ о ней въ связи съ осужденіемъ орхестовъ и свѣтскихъ игрищъ; средневѣковыя миніатюры изображаютъ ее на пиру Ирода танцующей и кувыркающейся въ стилѣ скомороха; Евсевій Эмесскій называетъ ее орудіемъ

---

[1]) Сл. въ Святославовомъ изборникѣ отдѣлъ «о Иродиадѣ» (пер. изъ Анастасія Синаита, Quaestio LIX: εἰς τὴν Ἡρωδιάδα). Сл. Срезневскаго, Древніе пам. русскаго письма 138—142.

[2]) Для слѣдующаго сл. мои Разысканія VII, 220—222; VI, 40 слѣд., 427 слѣд.; Замѣтки по литературѣ и народной словесности I, 87 слѣд.; Замѣтки къ исторіи апокрифовъ, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXLV, отд. 2, стр. 288 слѣд. Разобранныя тамъ Сисиніевы молитвы отъ трясавицъ недавно были напечатаны по сербскому списку конца XIII либо начала XIV вѣка проф. М Соколовымъ, Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ, стр. 23 слѣд. Сл. его-же: Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, Іюнь, стр. 339 слѣд., и тамъ-же (стр. 369 слѣд.) замѣтку проф. Васильевскаго: О Гилло.

дьявола, которымъ онъ воспользовался для смерти Предтечи: когда ей поднесли его голову, она принялась играть ею какъ яблокомъ [1]). «О злое проклятое плясаніе, о лукавыя жены многовертимое плясаніе», читается въ одномъ русскомъ поученіи: «пляшуща бо жена—любодѣйца діаволя, супруга адова, невѣста сатанина; вси бо любящіи плясати безчестіе Іоанну Предтечѣ творятъ, со Иродьею неугасимый огонь и ноусыпаяй червь осудитъ«. Въ одномъ среднегреч. текстѣ Апокалипсиса Маріи [2]) архангелъ Михаилъ показываетъ ей γυναῖκα κρεμαμένην ἀπὸ τῆς γλώσσης αὐτῆς, καὶ εἰς τὸν τράχηλον αὐτῆς ἦν δράκων ἐντυλισμένος καὶ ἔτρωγεν τὸ στόμα αὐτῆς: это Иродіада, изъ трупа которой по повѣрью малороссовъ, произошло дьявольское зелье—табакъ (Разысканія VI, 86).—Сама осужденная, она служитъ къ наказанію другихъ: лихорадка-трясавица, заставляющая человѣка дрожать и корчиться, была сближена съ изступленой пляской Иродіады; она то и посылаетъ болѣзнь. Какъ въ знакомомъ намъ каталонскомъ повѣрьѣ у Ирода нѣсколько дочерей плясавицъ, такъ въ старо-болгарскомъ (попа Іереміи) и русскомъ заговорѣ трясавицы—дочери Ирода. Источникомъ заговора была византійская полу-легенда, полу-заклинательная формула, рано распространившаяся среди южныхъ славянъ, извѣстная и у румынъ. Въ ней говорится о св. Сисинніи, гоняющемся въ одиночку, либо съ братомъ Синодоромъ, за демонической Γιλλώ, у которой двѣнадцать именъ. Въ послѣдующихъ пересказахъ эти имена обратились въ столько же отдѣльныхъ существъ, и подъ вліяніемъ представленія о дочеряхъ Иродахъ, гонимыхъ и скитающихся, получилось синкретическое русское заклинаніе, говорящее о трясавицахъ, Иродовыхъ дочкахъ, преслѣдуемыхъ какимъ нибудь святымъ.

---

[1]) О связи этого представленія головы = яблокомъ съ нѣкоторыми русскими суевѣріами на день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи (29 Авг.) и памяти обрѣтенія его главы (25 Мая) см. мою замѣтку въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXIII, Сентябрь, стр. 220—1.

[2]) Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France, 5-e année 1871: Gidel, Étude sur une Apocalypse de la vierge Marie p. 113.

Въ этой новой постановкѣ древнія имена Γιλλὼ замѣнены были новыми, иныя исказились. Я главнымъ образомъ имѣю въ виду имя Βυζοῦ или Ἀβυζοῦ: это демонъ Ὀβιζοῦθ въ Testamentum Solomonis; Іоаннидъ въ глоссаріи трапезунтскаго говора объясняетъ Ἀβυζοῦ изъ ἄβυσσος, въ значеніи: καταχθόνιον πνεῦμα, μάγισσα. Византійскимъ Ἀβυζοῦ, Βυζοῦ отвѣчаютъ въ соотвѣтствующихъ славянскихъ и румынскихъ формулахъ: Авизоя, Avezіha, Avezuha; въ русскихъ: Бѣсица или Бѣшиха, дочь Ирода, то-есть Иродіада. Я считаю вѣроятнымъ, что «Herodias vel *Be*[*n*]*zozia*« у Авгерія, «Herodias vel *Bezezia*» въ синодальныхъ постановленіяхъ S. Flori сохранили одно изъ древнихъ заговорныхъ прозвищъ Иродіады: Ὀβιζοῦθ, Ἀβυζοῦ, Βυζοῦ, Ἀβιζιοῦ, Ἀβιδαζιοῦ = Bezozia, Bezezia, Satia Вильгельма Овернскаго съ объясненіемъ: a satietate, а далѣе Abundia, конструированная по смыслу; сл. впрочемъ Ἀβιδαζιοῦ.

Не лишнимъ покажется и слѣдующее сближеніе: Ὀβιζοῦθ въ Testamentum Solomonis, Γιλλὼ Сисиніева заклинанія убиваетъ, похищаетъ, пожираетъ малолѣтнихъ дѣтей; въ приведенномъ выше показаніи Іоанна Сарисберійскаго встрѣчаемъ ту-же подробность въ связи съ Иродіадой: nocticulam quandam ed Herodiadem vel praesidem noctis dominam consilia et conventus de nocte asserunt convocare, varia celebrari convivia; .... praeterea *infantes exponi lamiis, et nunc frustatim discerptos edaci ingluvie in ventrem trajectos congeri, nunc praesidentis miseratione rejectos in cunas exponi* (Grimm, l. c. II, 884). Гриммъ, (l. c. 886) считаетъ послѣднія черты поздними: въ началѣ дѣло шло о ночныхъ странствованіяхъ благодѣтельныхъ фей, приносившихъ дому счастіе и довольство (Abundia), благословлявшихъ дѣтей; моментъ похищенія явился изъ миѳовъ о таковыхъ-же продѣлкахъ эльбовъ; въ нашемъ случаѣ, говоритъ онъ, предсѣдательница и устроительница пира еще представляется милостивой, приказывая снова вернуть въ ихъ колыбели похищенныхъ (entwandten) малютокъ. Но дѣло не въ ихъ похищеніи, а въ пожираніи и въ возвращеніи въ прежній образъ. Такъ въ легендѣ о Сисиніи

Гилло поглощаетъ ребенка Мелитины и изрыгаетъ его снова, уступая угрозамъ святого; въ слав. текстахъ (у М. Соколова, 20—30) о демонѣ, «вѣщицѣ» говорится, что она «дѣти оузимакть», «дѣти давить», «ѡтроки кмлеть»; «азь оудавлꙗю дѣти» (37); оттого одно изъ ея названій «чадоморна» (39)[1]). Эту черту я считаю древнею, милосердіе — поздней попыткой комментарія. И здѣсь, стало быть, протягивается таже связь между средневѣковыми представленіями объ Иродіадѣ и соотвѣтствующими образами греко-славянскаго суевѣрія, какъ и въ румынскихъ повѣрьяхъ о ielele, dînsele, frumoasele, milostivele и т. д., носящихся въ воздухѣ, наносящихъ людямъ разныя болѣзни, пьющихъ ихъ кровь и истощающихъ ихъ, преслѣдующихъ красивыхъ юношей своею роковою любовью (Ṣaineanu, l. c. passim.). Уже Hasdeй сравнивалъ рум. ielele съ γελλῶ Гезихія (сл. l. c., 35, 36); въ этомъ отношеніи интересно встрѣтить въ заговорахъ противъ первыхъ «Doamnele, Domniţele, *Ierodiecele*» (ib. 10), либо «Irodia cea mare», «Irod înpăratul şi Irodasa înpărătasa cu fetyile sale» (ib. 11); девять «*Irodiţele* съ Irodiţa cea mare» (l. c. 15; сл. 14, 18, 51 и слѣд.).

Кончу вопросомъ: не опредѣлило-ли повѣрье о ночныхъ скитаніяхъ Иродіады въ сонмѣ дикой охоты своеобразный пересказъ классической легенды объ Орфеѣ и Эвридикѣ въ средне-англійской поэмѣ о sir Orfeo? Вопросъ вызываетъ не только передѣлка имени Евридики, но и новая обстановка, въ которой является древнее сказаніе. У короля Орфея жена Heurodis, Erodys, Eroudys; однажды въ майскій день она вышла съ двумя прислужницами въ садъ, гдѣ заснула подъ волшебнымъ деревомъ. Проснувшись, она принялась голосить, раздирая на себѣ одежды; напрасно стараются ее успокоить, привести въ себя. Увы мнѣ! говоритъ она мужу, я всю жизнь любила тебя, а теперь намъ надо разстаться — и она объясняетъ, въ чемъ

---

[1]) Сл Дювернуа, Словарь a. v. вѣщица, вѣштерица: «вѣщерицы.... нощя пили кръвъ-тѫ на отрочета-та и ся преобразовали на пеперуды».

дѣло: во снѣ, казалось ей, пришли рыцари и потребовали ее къ своему королю; когда она отказалась идти, онъ самъ явился къ ней, при немъ сто рыцарей, пажей и сто дѣвицъ на бѣлоснѣжныхъ коняхъ; самъ онъ одѣтъ въ бѣлое, на головѣ вѣнецъ не изъ серебра и не изъ краснаго золота, а изъ драгоцѣннаго камня, сверкавшаго какъ солнце. Онъ велитъ ей на слѣдующій день снова придти подъ то дерево, онъ возметъ её съ собою; коли она не явится, онъ все-же похититъ ее, гдѣ-бы она ни была. Самъ Orfeo ведетъ жену къ указанному мѣсту подъ прикрытіемъ тысячи рыцарей, но они и не спохватились, какъ королева была внезапно унесена изъ ихъ среды. Orfeo неутѣшенъ, покидаетъ свое королевство и въ теченіи десяти лѣтъ бродитъ по лѣсамъ и болотамъ, похудалъ, борода отросла у него по поясъ; его единственнымъ утѣшеніемъ была его арфа, и звѣри и птицы сбирались послушать его игры. Часто въ полдень онъ видѣлъ властителя волшебнаго царства и его дружину, охотившихся въ лѣсу; либо мимо его проходило войско съ распущенными знаменами, или рыцари и дамы проносились въ пляскѣ, куда — онъ не вѣдалъ. Однажды онъ увидѣлъ шестьдесятъ дамъ, занимавшихся соколиной охотой; въ числѣ ихъ была и Heurodis. Онъ поглядѣлъ на неё пристально, она на него, никто изъ нихъ не проронилъ ни слова, но слезы полились у нея изъ глазъ, а спутницы увлекли её за собой. Орфео спѣшитъ за ними по кочкамъ и пнямъ; они остановились у скалы, онъ также, вступили въ нее, онъ за ними. Передъ нимъ растилалась волшебная мѣстность, свѣтлая, какъ прекрасный лѣтній день, ровная и гладкая, вся покрытая зеленью; по срединѣ возвышался высокій замокъ, съ стѣнами прозрачными, какъ хрусталь; у него сто башенъ и арки изъ чистаго золота, на колоннахъ изъ золоченой бронзы. Орфео стучится у воротъ, впущенъ, когда назвалъ себя бродячимъ пѣвцемъ (minstrel) — и видитъ Heurodis, покоившуюся подъ волшебнымъ деревомъ. Онъ играетъ передъ королемъ и въ награду за то проситъ — отдать ему его жену. Поэма измѣнила извѣстную развязку миѳа: Орфео

и Heurodis возвращаются къ себѣ и прожили еще долгіе годы [1]).

Мы вправѣ отвлечь отъ этого разсказа мотивъ, очевидно, приставшій извнѣ къ легендѣ объ Эвридикѣ: мотивъ объ Erodys, унесенной властителемъ волшебнаго царства, проносящейся въ фантастической охотѣ. Это наша Иродіада; смѣшеніе съ Эвридикой не представится необычнымъ тому, кто знакомъ съ средневѣковыми превращеніями классическихъ сюжетовъ и съ уравненіемъ: Diana = Herodias.

---

[1]) Къ Sir Orfeo сл. Child, The englisch and scottish popular ballads, I № 19 и примѣчаніе къ нему въ т. IV, стр. 500 a.

XVII.

АМФИЛОГЪ — EVALACH

ВЪ ЛЕГЕНДѢ О СВ. ГРАЛѢ.

I.

Въ «Обзорѣ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ (Кіевъ, 1887) проф. Калужняцкій (стр. 26—28) напечаталъ по сборнику Львовскаго Свято-Онуфріевскаго монастыря № XVIII (стр. 993—998) «Сказаніе Анфилога цара ѡ святѣй лтоургіи». Вотъ его содержаніе:

«Бысть Анфилогь ѡтъ царьскаго рода, дръжаще въ та лѣта поганымъ срациномъ. И поихавшѫ же Анфилогоу (къ братоу своемоу) въ Іерусалимь градъ, и видѣ цръковь. И внїйде же Анфилогь въ сватилище Божїе не тъкмо самъ, нѫ и велблоуды велаше оувести, велблоуды же падше изм'роша въси. Анфилогь же рече: Хощѫ видѣти поганскуѫ вѣроу и службѫ ихъ. И вышедъ на полатоу, нача смотрити ѡпасно, идеже съв'ръшаетса сватаа слоуж'ба. И видѣ попа пристоупающа къ сватѣй трапезѣ. И просвѣтиса лице его (то-есть попа), ꙗко слънце, а ризы его ꙗко ѡгнь, къгда приступи къ сватомоу жрътов'никоу. И не показа Богъ поганомоу просфоуры, нѫ показа ему дѣтищь образь

свой. И множество аггель стоаще ѡкрьсть съ оружїемь. И нача попъ заклати дѣтище, и абїе истече кръвь и вода. По искончанїи же того, егда рече попъ: Благослови, владыко! въ тъй часъ ста цръковь ледана, а ѡлтарь ѡгнень. А егда рече попъ: Пресвятуѫ, чистуѫ, въ тъй часъ пристоупиша множество аггель, подемше рѫцѣ за весь мирь христїанскъій, молащеса Богоу. Егда же їерей начнеть глаголати: Богъ сватый на сватыхъ почиваа, тогда множьство аггель подимоуть апостолъ, и речеть Михаиль: Вън'мѣмь! а Гавріил речеть: Миръ въсѣмъ! И начнеть чъсти попъ еѵаггеліе, и въ то время трисътъ аггель възимають съ похвалоѫ слова та, несѫть на небо. Тогда глаголеть попъ: Ꙗко милостивь человѣколюбець Богъ еси—тогда вышедъ изь ѡлтара аггель, носа стъкланицѫ плъноу мира, знаменаеть предстоащаа люди. Егда попъ начнеть глаголати: Ѡглашенїи изыйдѣте—тогда аггели, събрав'ше грѣш'никы, ведоуть вонь ис пръкве, а праведникы ѡставлѣѫть. Егда же речеть попъ: Ꙗко подъ дръжавоѫ твоіѫ—тогда исънїйдоуть аггели божіи, свѣтліи, дръжаще въ рѫкахъ ѡрѫжїа ѡгньнаа, а дроузїи тъмніи аггели, обьмѣтающе їереа сѣтми, хотащє прѣльстити его. И не възмогоша дойти две-рїи ѡльтара, срѣтають бо ихъ божїи аггели, имаще ѡрѫжїа пламен'наа, и ѡтженоут тъмныа аггелы прочь. Тогда възнесоутса множество аггель, поѫще: Сватъ, сватъ, сватъ Господь, и въземше прѣсватаа, ставать на сватѣй трапезѣ. И глаголеть попъ: Благословите сватіи аггели. Ѡни же глаголють: Мнѡга лѣта, чьстный ѡтче, доухь сватый наидеть на та и сила вышнаго ѡсѣнить та. Тогда сънїйдеть доухь сватый и ѡпочиеть ꙗко голоубь на прѣдлежащихъ дарѣхъ. По искончанїи глаголеть попъ: Мирь въсѣмъ, и дїаконь: Възлюбимъ дроугъ дроуга. Тогда Христосъ прїйдеть и .вї. апостоли и цѣлоуѫть сватоуѫ трапезоу и слоужащаа. И глаголеть дїаконь: Ѡбразоуѫ сватоу тройцѫ, дверѣ дверѣ премѫдростїѫ, станѣмъ добрѣ, станѣмъ съ страхѡмь. Тогда сънїйдеть доухь сватый на їереа и покрыеть его. И речеть попъ: Вън'мѣмъ сватое възношенїе. Тогда възметса агнець божїй, станеть на воздоусѣхъ, и сънїйдета два хероувими

и станета окресть трапезы. И речеть попъ: Побѣдноуѫ пѣснь поѭще — възмоутсѧ хероувими закрываѭща лица своѧ ѡтъ неприкосновен'ныѧ славы и поѭще: Свѧтъ, свѧтъ, свѧтъ Господь. Тогда ѡткрыется ѕ҃ небесь, и прїйдеть самъ Господь съ высоты. И глаголеть попъ: Прїимѣте и ꙗдите, се есть тѣло мое, ломимое за вы и за м'ногы. Тогда исплънитсѧ храмъ разоума, и аггели, разсмотрѣвше тайноу, глаголѫть: аминь. Тогда приложитсѧ хлѣбъ до половины. И възглаголеть попъ: Пійте ѡтъ неѧ, се есть кръвь моѧ новаго завѣта, да въси исплъиатсѧ разоума, да разоумѣѫть, ꙗко велика и страшна сила Господнѧ. Тогда аггели възимаѫть грѣхы ѡтъ человѣкь и ѡгнемь съжигоуѫть. Егда речеть дїаконь: Главы ваша Господеви приклоните, а попъ глаголеть молитвоу: Боже свѧтый, живый въ вышнихъ — тогда изыйдеть аггель изъ ѡлтарѧ и начнеть въскладати вѣн'ца на предстоѧщаѧ люди съ страхѡмь на молитвѣ. Скончавъ же попъ свѧтѫѭ литоургїѭ, принесе емоу (то-есть, царю Анфилогу) просфоуроу и рече: Възми царю! И рече емоу царь: Видѣх тѧ, окаане, чимь еси слоужиль, ꙗко дѣтище еси зарѣзалъ. Ѡн же рече: Нѣсть, цару, еже ты глаголеши; еже ти есмь принесль, тѣмъ есмь слоужилъ. Рече же Анфилогь: Азъ видѣхь тѧ, ꙗко дѣтище зарѣзаль еси. Рече же къ немоу їерей: Таковаго чюда никтоже не видѣ, ни свѧтый ѡтець Василїк, ни Григорїй, еже ты, царю, видѣлъ. Рече емоу царь: Ѡтче, крести мя вънь, еже еси емоу слоужилъ. Рече емоу їерей: Не смѣѭ, царю, нѫ пойдѣва къ патрїархоу. Ѡнъ же иде, патрїархъ же крьсти его во имя ѡтца и сына и свѧтаго доуха и постриже его въ исхымоу. Ѡнъ же рече емоу: Ѡтче, чимъ спасти доушоу? Рече патрїархъ: Иди къ братоу своемоу. Ѡн же послоушавъ его и въсѣдъ на осель и поеха въ сраціньскоую землѭ къ братоу своемоу именемъ Кликанцоу. Ѡни же не познахоу его, нѫ повѣдаахоу цареви Кликанцоу мнѧ, ꙗко порѫгоу дѣеть. Ѡнъ же сънемъ клобоукъ рече: Азъ есмь братъ твой; нѫ веси ли, брате, ꙗко погыбль еси въ вѣрѣ сей? И рече ему Кликанецъ: Кто тѧ прѣлъстиль, брате, какоуѫ ѡдеждѫ имѣеши на себѣ? Ѡнъ же повѣла

емоу елико быв'шее чюдо. Ѡномоу же вѣровав'шоу Христоу, рече емоу: Крьсти мѧ, брате, еже ѡ Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемь. И пойдоша ѡба, начаста проповѣдати ѡ вѣрѣ и ѡ законѣ и ѡ бываемѣ чюдѣ Христовѣ. И сего ради поганїи срацини въсташа на нихъ и побиша ихъ, ненавидѧще закона Христова. И сего ради цари и кнѧѕи кланѧютсѧ мощемъ ихъ, и мы вѣрнїи почитаемъ памѧть ихъ»

Проф. Сумцовъ [1]) нашелъ пересказъ легенды объ Амфилогѣ въ «Небѣ Новомъ» и «Мессіи Правдивомъ Галятовскаго; въ румынской литературѣ она извѣстна по рукописямъ и изданіямъ прошлаго и текущаго столѣтія, но представляетъ нѣкоторыя особенности въ изложеніи и отличія въ собственныхъ именахъ [2]): царствуютъ Амуратъ, царь *вавилонскій*, и Амфилогъ, царь Аравіи; въ то время евреи, препиравшіеся съ христіанами о *воскресеніи* и вознесеніи Христовомъ, послали въ Вавилонъ дары и доносъ, съ цѣлью побудить Амурата къ гоненію на христіанъ. По его повелѣнію Амфилогъ отправляется въ Іерусалимъ, чтобы *разрушить храмъ гроба Господня*, при которой остался лишь священникъ Іоанникій, такъ какъ патріархъ Меѳодій удалился въ Антіохію. Господь скрываетъ свою церковь отъ глазъ невѣрныхъ, осѣнивъ ее облакомъ; у служителя Амфилога, пытавшагося ворваться въ храмъ, отнялись руки, и лишь по молитвѣ священника онъ снова сталъ владѣть ими. Слѣдуетъ знакомое чудо съ павшими верблюдами и конями, но видѣнія Амфилога иныя: изъ извѣстныхъ намъ удержанъ лишь образъ Св. Духа-голубя; кромѣ того еще одно видѣніе: когда іерей молится

[1]) Сумцовъ, Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ, Кіевская старина 1887 г., Сентябрь, стр. 51 слѣд.; 53, 54; слич. ib. Ноябрь, стр. 454. — По поводу разобранной въ послѣднемъ №, стр. 433—434, «исторіи о женѣ Майдонѣ» (изд. Макушевымъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1881 г., т. IX, стр. 96—7 и Калитовскимъ, Матеріалы до русской литературы апокрифичной, Львовъ 1884, стр. 35 слѣд.) замѣчу, что источники ея (и слѣдующихъ за тѣмъ повѣстей у Калитовскаго) указаны были мною въ моихъ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды I, II, стр. 68 и слѣд.

[2]) Сл. Gaster, Literatura populara română, стр. 445 слѣд.

объ обрѣтающихся въ пути и на морѣ, Амфилогу представляется взволнованное море и на немъ гибнущіе корабли; при словахъ священника буря стихаетъ и слышится благодарственная молитва пловцовъ. — Вызванный изъ Антіохіи патріархъ окрестилъ Амфилога, который, вернувшись къ Амурату и не согласившись поклониться идоламъ, принялъ мученическій вѣнецъ. — Въ одной ркп. 1813 года за этимъ видѣніемъ слѣдуетъ другое, бывшее св. Василію и св. Ефрему, но изъ этого текста сообщается лишь отрывокъ, приблизительно отвѣчающій одному эпизоду славянскаго: когда іерей глаголетъ «станемъ добре, станемъ со страхомъ», тогда ангелы огненными бичами изгоняютъ демоновъ изъ храма.

Въ рукописяхъ и изданіяхъ румынской повѣсти ея авторомъ названъ Varonim или Baronie, Parochie, а самое событіе отнесено къ 1009 году. Гастеръ видитъ въ Baronie—Баронія, извѣстнаго автора Церковныхъ анналъ, но утверждаетъ, что прямымъ источникомъ сказанія могъ быть сборникъ, гдѣ находится и наша статья, и въ введеніе къ которому сообщается, что онъ переведенъ съ сербскаго и исправленъ по греческому тексту. У Баронія нѣтъ чуда, но есть черты, которымъ и могъ воспользоваться составитель румынской повѣсти: оттуда и указаніе года, и названіе Капра-Вавилономъ. Разсказывается подъ 1009 годомъ, со словъ Радульфа Глабера, что евреи побудили своими доносами principem *Babylonis* (далѣе вмѣсто того Ammiratus) къ гоненію іерусалимскихъ христіанъ. Люди посланные имъ, разрушили храмъ Гроба Господня, а въ Рамлѣ церковь великомученика Георгія, cujus olim virtus Sarracenorum nimium gentem terruerat: fertur enim crebro illuc eos ingredi cupientes raptim caecitatem pertulisse. — Къ 1009 году относитъ эти событія и лѣтопись Яъхи антіохійскаго [1]): разсказавъ подъ

[1]) Сл. Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго, издалъ, перевелъ и объяснилъ Баронъ В. Р. Розенъ (СПБ. 1883), стр. 44—8 и прим. 323. Сл. Повѣсть Епифанія о Іерусалимѣ, въ изд. В. Г. Васильевскаго (Православный Палестинскій сборникъ вып. 11), стр. 265—9; сл. ib. 49—51.

1007 годомъ о спорѣ, возникшемъ между христіанами по вопросу о времени празднованія Пасхи, онъ говоритъ, что *египетскій* калифъ Ал-хâкемъ послалъ въ Сирію Яруху, намѣстнику Рамлы, предписаніе—разрушить церковь св. Воскресенія, уничтожить ея виднѣйшія части и разбить священныя реликвіи, что и было исполнено 28 Сентября 1009 года. Патріарха въ то время въ Іерусалимѣ не было: Меѳодій румынской легенды фиктивное лицо; но замѣчательно, что западные лѣтописцы соединяютъ съ разсказомъ о разрушеніи храма и свѣдѣніе объ убіеніи или ослѣпленіи патріарха. Бар. Розенъ полагаетъ, что произошло это по смѣшенію съ патріархомъ Арсеніемъ, убитымъ въ 1010 году; если имя Іоанникія, священника при гробѣ Господнемъ по румынской легендѣ, не случайно, то мы напомнимъ патріарха Іоанна, убитаго въ 996 году, по показанію Яхъи, именно въ храмѣ Воскресенія, куда онъ заперся.

Адемаръ повѣствуетъ подъ 1010 годомъ о томъ-же разгромѣ христіанскихъ церквей, по наущенію евреевъ и велѣнію Nabuchodonosor Babyloniae, quem vocant Admiratum. Разрушена была базилика Гроба Господня; отъ Виѳлеемской церкви невѣрныхъ отогналъ внезапно явившійся молніеносный свѣтъ; подобное-же чудо отстранило ихъ отъ нападенія на Синайскія обители. Мученической смерти удостоился лишь патріархъ—и duos adolescentes germani in Egypto, qui decollati sunt et multis clarescunt miraculis.—Это не братья-ли славянскаго апокрифа? Если такъ, то наша легенда ходила уже въ XI-мъ вѣкѣ; но каково было ея содержаніе? Говорилось ли въ ней о чудесномъ обращеніи язычника образнымъ откровеніемъ таинства евхаристіи — и именно въ Іерусалимѣ, гдѣ въ сосѣдствѣ съ храмомъ Воскресенія стояла и екзедра съ *чашей Тайной вечери* (Аркульфъ, Breviarium)? Или легенда о чудѣ сложилась на сторонѣ и лишь примкнула къ іерусалимской мѣстности? Самый мотивъ чуда былъ извѣстенъ ранѣе: въ Apophthegmata Patrum говорится со словъ аввы Арсенія, жившаго при Ѳеодосіи Великомъ, объ одномъ схимникѣ, ὅτι ἦν πρακτικὸς μέγας, ἀφελὴς δὲ εἰς τὴν

πίστιν· καὶ ἐσφάλλετο διὰ ἰδιωτείαν, καὶ ἔλεγεν· Οὐκ ἔστι φύσει ὁ ἄρτος ὃν λαμβάνομεν σῶμα Χριστοῦ, ἀλλ' ἀντίτυπον. Двумъ старцамъ, увѣщевавшимъ его, онъ отвѣчалъ, что только лицезрѣніе во очію можетъ разубѣдить его. По молитвѣ тѣхъ старцевъ Господь объявилъ образно свое таинство, когда всѣ втроемъ они стояли въ воскресенье на литургіи: ἀνεῴχθησαν δὲ αὐτῶν οἱ ὀφθαλμοί, καὶ ὅτε ἐτέθη ὁ ἄρτος εἰς τὴν ἁγίαν τράπεζαν, ἐφαίνετο τοῖς τρισὶ μόνοις ὡς παιδίον. Καὶ ὡς ἐξέτεινεν ὁ πρεσβύτερος τὴν χεῖρα κλᾶσαι τὸν ἄρτον, ἰδοὺ ἄγγελος Κυρίου κατῆλθεν ἐξ οὐρανοῦ ἔχων μάχαιραν, καὶ ἔθυσε τὸ παιδίον, καὶ ἐκένωσε τὸ αἷμα αὐτοῦ εἰς τὸ ποτήριον. Ὡς δὲ ἔκλασεν ὁ πρεσβύτερος εἰς μικρὰ μέρη τὸν ἄρτον, καὶ ὁ ἄγγελος ἔκοπτεν ἐκ τοῦ παιδίου μικρὰ μέρη. Καὶ ὡς προσῆλθον λαβεῖν ἐκ τῶν ἁγίων, ἐδόθη τῷ γέροντι μόνῳ κρέας ᾑματωμένον· καὶ ἰδὼν ἐφοβήθη καὶ ἔκραξε λέγων· Πιστεύω, Κύριε, ὅτι ὁ ἄρτος σῶμά σου ἐστι, καὶ τὸ ποτήριον αἷμά σου ἐστι. Καὶ εὐθέως ἐγένετο τὸ ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κρέας ἄρτος κατὰ τὸ μυστήριον [1]).

Подобнаго рода легендѣ о *вразумленіи* недоумѣвающаго христіанина легко было пристать къ какому нибудь разсказу объ *обращеніи* «поганина». Такъ могла сложиться повѣсть объ Амфилогѣ, варьянтомъ которой пользовался, вѣроятно, авторъ Большого Граля [2]), столь богатаго апокрифическими подробностями: положеніе то же, лишь нѣкоторыя черты переставлены; дѣйствіе перенесено въ Sarras, таинство евхаристіи отождествлено съ культомъ Граля. Іосифъ Аримаѳейскій и его шестьдесятъ-пять спутниковъ вышли изъ Іерусалима и на одиннадцатый день прибыли à une citet qui avoit non Sarras. Si estoit entre Babiloine et Salemandre (var. Salavandre); de cele citet issirent premièrement *Sarrasin*, названные такъ не отъ Сарры, жены Авраамовой, а по

1) Apophthegmata Patrum у Migne, Patrolog. graecae t. LXV, стр. 156 слѣд. Коптскій текстъ у Zoega, Catalogus codd. copticorum manu scriptorum qui in Museo Borgiano adservantur, стр. 313 и 314. (Указаніе О. Э. Лемма).

2) Le Saind Graal, ed. Hucher, т. II, стр. 127 слѣд., 128, 131, 156, 160, 166 слѣд., 173 слѣд., 192 слѣд.

городу. Тамъ царилъ въ то время *Evalach* (или Hevalach) li Mesconnéus [1]), отвѣчающій *сарацинскому* царю *Амфилогу;* можетъ быть, и имя Эвалаховой жены, Sarracinte, не что иное, какъ сарацинка. Іосифъ говоритъ ему о Богѣ христіанъ, Господь приготовляетъ его видѣніями къ принятію вѣры, а Іосифу вѣщаетъ, что на слѣдующій день Эвалахъ пошлетъ за нимъ, дабы онъ истолковалъ видѣнное имъ; et si verrés un nouvel establissement que jou ne vous ai pas encore dounet. Car jou sakerrai ton fil Josephe et le ferai si haut menistre comme pourvoire. Car jou li baillerai ma car et mon sanc en garde. Господь посвящаетъ Josephe'а въ епископы, пастыремъ и духовнымъ стражемъ душъ, и затѣмъ велитъ ему совершить таинство евхаристіи: Or vien avant, si feras le sacrement de ma char et de mon sanc; si que tous mes peules le verra apiertement. Atant enmena nostres sires Josephe jusques à l'arche, si que tos li peules le vit entrer dedens. Et si virent tout que ele crut tant et eslargi, que il estoient tout largement dedens. Et véoient les angles venir et aler par devant l'uis. Laiens fist Josephe le premier sacrement qui onques fust fais à celui peule, mais il eut molt tost acompli, kar il ne dist que celes paroles seulement, qant Jhésu-Cris dist à ses dessiples à la chaine: «Venés, si mangiés et chou est li mien cors qui pour vous et pour maintes autres gens sera livrés à martire et à torment». Et autressi leur dist del vin: «Tenés et si bevés tout. Car chou est li sanc de ma nouviele loy, li miens meismes, ki pour vous sera espandus en remision des péchiés». Ceste parole dist Josephe sour le pain que il trouva appareilliet sous la planète del kalisse [et sour le vin qui el calise estoit]: si devint tantost li pains chars et li vins sans. *Et lors vit Josephe* tot apiertement ke il tenoit entre ses deux mains un cors autressi comme d'un enfant. Et

---

[1]) У Manessier, продолжателя Chrestien'a de Troies: Evelac (въ Sarras), его братъ Salafrès; у другого продолжателя, Gerbert: Evelac (въ Sarras), его братъ Séraphe; врагъ Tholomes (царящій въ Сиріи); то же въ La Queste del Saint Graal.

kant il le vit ainsi, si en fu moult durement esbahis, si que il ne savoit sos chiel que il péust faire, anscois s'estut tous cois et coumencha moult angoisseusement à souspirer et à plourer pour la grant paour que il avoit. Lors li dist nostres sires: «Il te couvient desmenbrer ce que tu tiens, si que il y ait trois pièches». Josephe li respondi et dist: «Ha, sire, aies merchit de vostre sierf, quar mes cuers ne pourroit souffrir que jou dépiéchaise si biele figure». Et nostres sires li dist: «Se tu ne fais mes coumandemens, tu n'auras point de part en mon hyretage». Lors prist Josephes le cors; si mist la tieste à une part et desevra del bu autressi légièrement comme si la cars de l'enfant fust toute quite en tel maniere que on quite char, quant on l'oublie sour le fu; après fist deux parties del remanant à moult grant paour. — Ensi com il coumencha à faire les parties, si caïrent tout li angle, qui laiens estoient devant l'autel, à tière; si furent tous à genous tant que nostres sires parla et dist à Josephe: «Quel cose atens tu? Rechois chou qui est devant toi et si l'use, car chou est tes sauvement». Et qant Josephe l'oï, si se mist à genoullons et bati son pis et cria mierchit, em plourant de tous ses péchiés. Et qant il fut redréchiés, si ne vit devant lui sous la platine que uue pièche en samblanche de pain. Et il le prist, si le leva en haut, et qant il éut rendut grasses à son créatour, si ouvri la bouce et vaut metre dedens. Et il resgarda, si vit que chou restoit un cors trestous entiers; si ne pot; ains sentoit que si on le metoit dedens la bouche, anschois que il le péust clorre. Et qant il l'éut usé, si li fu avis que toutes les doucors et toutes les souatumes que on péust noumer de langhe li fuissent dedens le cors entré. Après rechut une partie del saint boire sacré qui estoit el calisse, et qant il éut chou fait, vit que uns angles prist la platine et le kalisse, si les mist aus deus en la sainte esquièle l'un sour l'autre, et sour chele platine si vit pluisors pièces en la semblance de pain. Et qant li angles éut prise l'esquièle, si vint uns autres, si leva la platine en haut et chou qui estoit sus avoec; si l'emportoit entre ses deux mains

hors de l'arche. Et li tiers angle prist le galisse, si l'emporta en tel manière après chelui, et chil qui portoit la sainte esquiele fu tous daarins. Когда всѣ они вышли изъ скиніи (arche), раздался голосъ съ неба, поучавшій, что только дѣйствительно вѣрующіе пріобщаются къ таинству евхаристіи во спасеніе души. Ангелъ причащаетъ Іосифа и всѣхъ присутствующихъ, а Господь открываетъ Іосифу и его сыну, что настал часъ, когда Эвалахъ обратится къ Нему отъ служенія идоламъ: онъ вскорѣ пошлетъ за Іосифомъ и попроситъ истолковать ему значеніе бывшихъ ему таинственныхъ видѣній. Слѣдуетъ разсказъ о томъ и о нападеніи Египетскаго царя Tholomer (Птоломея), отраженнаго Эвалахомъ помощью христіанскаго Бога. Эвалахъ и братъ его жены, Séraphe, крестятся.

La Queste del Saint Graal разсказываетъ то-же чудо евхаристіи въ другомъ пріуроченіи, но кончаетъ упоминаніемъ — Sarras'а. Galahad съ спутниками прибылъ въ замокъ Corbenic, въ Британніи; здѣсь и представляется ему видѣніе: съ неба ангелы сносятъ на сѣдалищѣ человѣка въ епископскомъ облаченіи и ставятъ передъ нимъ трапезу, на которой стоитъ Граль; на челѣ того человѣка начертано, что это Joseph, сынъ Іосифа Аримаѳейскаго, первый христіанскій епископъ. Всѣ дивуются, ибо знаютъ, что онъ умеръ триста лѣтъ тому назадъ. Онъ приступаетъ къ совершенію таинства, ангелы сослужатъ ему; во время возношенія гостіи кажется, какъ будто образъ младенца, снесшись съ неба, внѣдрился въ неё и она приняла человѣческій обликъ. Іосифъ исчезаетъ, а изъ святой чаши показывается человѣкъ съ окровавленными руками, ногами и тѣломъ, говоритъ, что онъ откроетъ таинство и подастъ пищу тѣмъ, кто такъ долго ея ждалъ, не щадя трудовъ и заботъ. Причастивъ Galahad'а и его товарищей, онъ объясняетъ, что Граль — чаша тайной вечери, которую Galahad увидитъ во всей полнотѣ—въ Sarras'ѣ Туда она перенесется, ибо Британнія недостойна видѣть ее [1]).

---

[1]) Nutt, Studies on the Legend of the Holy Grail, стр. 50—1.

Evalach французскаго преданія не только напоминаетъ *Амфилога* славянской повѣсти, но и созвученъ ему по имени. Объяснить это имя я не берусь; можетъ быть, это передѣлка какого-нибудь восточнаго; моя попытка [1]) истолковать его въ связи съ Havila — Εὐιλάτ — Іеменомъ и легендами о христіанскихъ мученикахъ Неджрана предполагало наше сказаніе болѣе древнимъ, чѣмъ позволяли, быть можетъ, заключить, наличные о немъ факты.

II.

Сказаніе объ обращеніи поганина встрѣчается въ славянской и греческой письменности еще и въ другомъ видѣ, съ другимъ именемъ и пріуроченіемъ, но дѣйствующимъ лицомъ по прежнему является сарацинскій царевичъ. Слѣдующій текстъ, извѣстный по печатному прологу подъ 26 ноября, я привожу изъ Макарьевской Четь-Минеи по Софійскому списку № 1319, л. 719 лиц.—об. (= Успенскій спис. № 176, л. 1554 об.—1555) [2]).

«Повѣдашє Оуласъ въ Диѡсполіи градѣ створившееса чюдо. Пріиде братучадъ срациньскаго цр҃ѧ Нунерміа нѣкы҃ ѡрудиемъ и видѣвъ цр҃квь ст҃го Геѡргіа ѡбита в неи и вельблуды въ цр҃квь впусти, не послуша възбранѧющи҃ ему поповъ кр҃тіаньскыхъ; вельблуди же всѣ изъмроша. Начен'шу же ему ст҃ую литоургію (нап. литиргію) видѣ Аравитъ ꙗко попъ закла дѣтищь и источи кровь, а тѣло на блуди раздроби, и по скончаніи всѣ просвитерѣ пиша кровь, а мѧса ѣша, срачининъ же ꙗрости и гнѣва исполнивсѧ. По скончаніи же литургіа принесе ему попъ проскуру и рече: Пріими, гн҃, симъ бо служимъ Господеви Богу нашему. Ѡтвѣщавъ же срацининъ рече: Ѡкан́не, сими ли служиши? Дѣтищь закла, а тѣло его на блуди раздроби, а того изьѣсть. Проз витеръ же поклонисѧ, начать ему глаголати: Великъ еси ты

---

[1]) Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. 1889 г., Апрѣль, стр. 376.

[2]) Варіанты пролога въ тѣхъ же Минеяхъ: Соф. л. 721 лиц. об., Усп. л. 1557 об.—1558. Этими указаніями, равно какъ и сообщаемымъ текстомъ, я обязанъ любезности Хр. М. Лопарева.

мужь, господине мой, ѩко Богъ ѿкры тебѣ таину, еѩже азъ не видѣхъ, ток'мо велиціи и стїи видѣша, Василіи и Григоріи, Іωан'нъ Златоустыи. Вопроси же его ω всемь срацининъ еже видѣ, и оувѣдавъ ωтъ попа пріиде въ страхъ Божіи и от'вержеса срациньскыа вѣры и иде въ Іерусалимъ и крстиса отъ патріар'ха и послан бы во Синайскую гору и бысть мнихъ, желаше же мучитиса по Христѣ. По трехъ же лѣтехъ иде пакы въ Диωсполь и пришедъ въ црквь сватаго Геωргіа повѣдаса прежнему іерею, хота мучитиса за Христа; ωнъ же посла и в Сурию стрыеви (нап. строеви) своему, срациньскому цареви, рекъ: Предъ нимъ исповѣжь Іисуса Христа Сына Божія суща. Пришедъ же въ градъ, в немже бѣ стрыи его црствуай, и вшедъ на столпъ нача звати срацины; онѣм'же съшедшимса рече имъ: Что ми хощете дати да повѣмъ вамъ, к'дѣ есть братъ царевъ? Ωнѣ же поим'ше ведоша и к' царю. И рече царь: Аще во истину повѣдаеши, много ѕлата и сребра дамъ ти. Чернецъ же рече: Азъ есмь, но крщенъ быхъ и вѣрую въ Отца и Сына и Святаго Духа, а срациньскую вѣру проклинаю и л'жаго пророка Махмета (ркп. Махнета). Царь же рече: Что ти бысть, оканне, ѩко остави свое богатство и дωбрую вѣру срациньскую и скверную власаницу въздѣвъ на са проходиши? Чернецъ же рече: Сию власаницу паче богатства люблю, а Мехмета проклинаю. Царь же повелѣ из'гнати его вонъ; рекоша же князи: Не можемъ его жива видѣти проклен'шаго вѣру нашу и Мах'мета похуливша. И извед'ше (ркп.—а) изъ града побиша и каменіемъ, и тако предасть въ руцѣ Божіи духъ свои».

Профессоръ Васильевскій указалъ мнѣ, что источникомъ приведеннаго сказанія была легенда, приписанная Григорію Декаполиту († ок. 820 г.), напечатанная впервые въ Римѣ въ 1542 г., затѣмъ въ приложеніи къ Acta Sanctorum, Aprilis III, подъ 23 Апрѣля, стр. XXXV—VII. Начало такое: ὁ στρατηγὸς Νιχόλαος, ὁ λεγόμενος Ἰουλᾶς, διηγήσατό μοι, ὅτι ἐν τῇ ἰδίᾳ πόλει, ἣν καλοῦσιν οἱ Σαῤῥακινοὶ τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ Ἄμπελον, ἀπέσταλεν ὁ Ἀμερουμνὴς Συρίας τὸν ἴδιον ἀνεψιὸν πρὸς τὸ διοικῆσαι δουλείας

τινὰς εἰς τὸ εἰρημένον κάστρον. Ἔστι δὲ ἐκεῖ ναὸς μέγας καὶ ἀρχαῖος καὶ θαυμαστὸς τοῦ ἁγίου καὶ πανενδόξου Μάρτυρος Γεωργίου. Содержаніе разсказа то же, но изложеніе пространнѣе; сарацина, пожелавшаго креститься, іерей отсылаетъ на Синай: κἀκεῖ ἐστιν ὁ Ἀρχιερεὺς, αὐτός σε βαπτίσει; явившись позднѣе въ сарацинскую землю, новообращенный христіанинъ заявляетъ о себѣ: Ἐγώ εἰμι ὁ ἀνεψιὸς τοῦ Ἀμερουμνῆ, ὅ ποτε φυγὼν καὶ ἄδηλος ἐγενόμην, νῦν βούλομαι θεάσαι τὸν ἐμὸν ἀνεψιὸν καὶ εἰπεῖν τι αὐτῷ. Сарацины выводятъ его за городъ, κἀκεῖ ἐλιθοβόλισαν αὐτὸν τὸν ὁσιώτατον μοναχὸν ὀνόματι Παχούμιον.

Ἀμερουμνὴς=Нинермій оказывается титуломъ, какъ Amiratus, Амуратъ; но что такое Ἄμπελος? Первый издатель греческой легенды говоритъ: in Thebaide (?), paulo antequam Gregorius Decapolita floreret a Saracenis occupata, existere etiam nunc oppidum, el *Carme* dictum (quod Ἄμπελος Graece, Latinea Vinea redderetur) et ostentans ingentes ruinas templi monasteriique, quod filio, monasticum habitum suscipiente, quondam aliquis toparcha construxit et quod sub Saracenis inviolatum superiori seculo Turcae destruxere. Hoc. templum S. Georgii fuit (AASS. l. c., стр. 145 a). Опредѣлить положеніе этого города, съ древнимъ въ немъ храмомъ св. Георгія, а не умѣю; Плиній (5, 16) знаетъ городъ Ampeloessa въ Декаполѣ, но не исаврійскомъ, гдѣ родился Григорій Декаполитъ, а сирійскомъ, куда насъ относитъ и ἀμερουμνὴς греческаго чуда. Слав. легенда называетъ вмѣсто Ἄμπελος—Діосполь, издавна славный храмомъ Георгія, стоявшимъ между Діосполемъ и Рамлой: храмъ св. Георгія въ Рамлѣ, который разрушили сарацины въ 1009 году, очевидно, діоспольскій. Имя Пахомія характерно—какъ египетское; не память ли это о двухъ братьяхъ-*египтянахъ* Адемара?

Не рѣшаясь ближе опредѣлить взаимныя отношенія іерусалимской и діоспольской легендъ, за неимѣніемъ хронологическихъ данныхъ, обращусь съ нѣкоторыми результатами сравненія къ эпизоду Grand St. Graal. За исключеніемъ поздняго румынскаго извода (Іоанникій), іерей чуда нигдѣ не названъ; это

даетъ поводъ заключить, что въ Grand St. Graal = Queste имя Іосифа подставилось позднѣе и не принадлежитъ древней традиціи. Чудо евхаристіи невольно примкнуло къ имени Іосифа Аримаѳейскаго, къ его чудодѣйственной чашѣ; это имя и могло быть внесено на мѣсто болѣе древняго имени, либо и анонима. Въ связи съ представленіемъ французскаго романа, гдѣ таинство видитъ не Evalach = Амфилогъ, а Josephe, напомню на всякій случай объ Іосифѣ комитѣ Епифанія[1]), именитомъ евреѣ, жившемъ при Константинѣ Великомъ. Онъ былъ изъ числа патріаршихъ совѣтниковъ: εἰσὶ δὲ οὗτοι μετὰ τὸν πατριάρχην ἀπόστολοι καλούμενοι. Въ предсмертной болѣзни патріархъ Ἑλλὴλ тайно принялъ крещеніе изъ рукъ христіанскаго епископа, и какъ Josephe въ старо-французскомъ романѣ видитъ чудо евхаристіи, такъ Іосифъ наблюдаетъ сквозь щель совершавшійся надъ больнымъ обрядъ крещенія. Видѣнное имъ таинство (διὰ τῶν γενομένων μυστικῶν) смущаетъ его; чтеніе христіанскихъ книгъ (Евангелія отъ Іоанна въ еврейскомъ переводѣ, Дѣяній Апостольскихъ и τὸ κατὰ Ματθαῖον ἑβραϊκὸν φυτόν), найденныхъ имъ въ патріаршей ризницѣ, куда онъ тайно проникъ, ставитъ передъ нимъ вопросъ: стать ему или нѣтъ христіаниномъ? Онъ долго не рѣшается, хотя Господь взыскалъ его въ чудесахъ и сновидѣніи: «ἐγώ εἰμι Ἰησοῦς, ὃν οἱ σοὶ γονεῖς ἐσταύρωσαν, ἀλλὰ πίστευε εἰς ἐμέ». Евреи застали его за чтеніемъ Евангелія, подвергаютъ истязаніямъ, бросаютъ въ Киднъ; обратившись въ христіанство, получивъ титулъ комита отъ Константина Великаго, онъ выпросилъ у него разрѣшеніе строить христіанскіе храмы по всей іудейской землѣ: въ Тиверіадѣ, Діокесареѣ, Назаретѣ, Капернаумѣ.— Эта дѣятельность пропагандиста могла быть обобщена и перенесена въ легендѣ на его соименника: Іосифа изъ Аримаѳеи.

Замѣтимъ, что начиная разсказъ объ Іосифѣ Комитѣ, Епифаній дѣлаетъ оговорку: это не «ὁ συγγραφεὺς καὶ ἱστοριγράφος

---

[1]) Epiphanii adversus haereses lib. 1, haer., XXX, § IV слѣд. у Migne, Patrol. gr. t. XL, стр. 110 слѣд.

καὶ παλαιὸς ἐκεῖνος». Ту же оговорку дѣлаетъ авторъ Grand St. Graal по поводу Іосифа Аримаѳейскаго: Et sachiéz que ce ne fuit pais cil Joseph que li escripture trait si sovent à tesmoing, ansois fuit uns altres qui ne fuit mies moins letreis de celui (Hucher, l. c. II, стр. 48—49, прим. 2). Тамъ и здѣсь надо было отдѣлить Іосифа комита или Аримаѳейскаго отъ Іосифа Флавія.

Во всѣхъ пересказахъ чуда мѣсто дѣйствія — на востокѣ; такъ и въ Grand St. Graal; но далѣе французскій романъ переноситъ насъ на западъ — въ Британію. Такъ во всей романической литературѣ, посвященной исторіи Граля. Разница въ томъ, что въ однѣхъ версіяхъ носителемъ заповѣдной чаши и проповѣдникомъ христіанства въ Британніи является Іосифъ, въ другихъ — его родственникъ Brons[1]). Послѣдняя версія, по записи, позднѣе первой[2]); тѣмъ не менѣе её-то именно Nutt считаетъ древнѣйшей по содержанію. По его мнѣнію легенда отправилась отъ Bran'а, представителя древне-кельтскаго Cernunnos, бога загробнаго міра, богатства и знанія; онъ и былъ властителемъ чудесной чаши обновленія. Въ христіанской легендѣ Уэльса онъ очутился впослѣдствіи Браномъ благословеннымъ, впервые принесшимъ къ кимрійцамъ благовѣстіе христіанства изъ Рима, гдѣ онъ семь лѣтъ былъ заложникомъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Карадокомъ; говорится о «благословенной главѣ Брана». Оба извѣстія встрѣчаются въ тріадахъ XIV и XIII вѣка[3]),—тогда какъ преданіе о проповѣднической дѣятельности Іосифа въ Британніи восходитъ къ первой половинѣ XII вѣва, и нѣтъ особыхъ основаній предполагать, что соотвѣтствующій эпизодъ внесенъ былъ позднѣе въ текстъ Вильгельма Мальмсберійскаго († 1141). Разсказавъ, съ ссылкой на Фрекульфа, что апостолъ Филиппъ проповѣдывалъ среди франковъ, онъ продолжаетъ: volens igitur

---

[1]) Nutt, l. c. стр. 79.

[2]) Ib., стр. 218.

[3]) l. c., 211, 219 слѣд., 222—4. О Бранѣ сл. Loth, Les Mabinogion, t. I, стр. 65—6, прим. 2.

verbum Christi dilatari, duodecim ex suis discipulis elegit ad praedicandum incarnationem Jesu Christi, et.... ad evangelizandum verbum vitae misit in Bratanniam; quibus, ut ferunt, carissimum amicum suum Joseph ab Arimathia, qui et dominum sepelivit, praefecit [1]). Замѣтимъ, что и Grand St. Graal (ed. Hucher, II, 123) знаетъ о крещеніи Іосифа именно ап. Филиппомъ.

Какъ сложилось представленіе о проповѣди апостола среди франковъ? Дѣло въ обмолвкѣ, упрочившейся въ преданіи: франки подставились вмѣсто галловъ (такъ въ Breviarium Apostolorum, у Псевдо-Исидора и въ versus memoriales XI вѣка въ cod. Par. lat. 8069), галлы вмѣсто галатовъ (Ordericus Vitalis: Gallis vel Galatis atque Scythis.... praedicavit); древніе акты говорятъ о проповѣди Филиппа во Фригіи — и сосѣдніе жители Галатика явились, вмѣсто фригійцевъ, по смежности [2]).

Я полагаю, что британская легенда объ Іосифѣ произошла путемъ подобной-же обмолвки. Въ поэмѣ объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ говорится (v. 375 слѣд.), что Христосъ совершилъ тайную вечерю у Симона, при чемъ упоминается и *чаша;* въ прозаическихъ пересказахъ поэмы de Borron'a разумѣется Симонъ прокаженный (Hucher, I, 213), что переноситъ насъ въ Виѳанію. Съ этимъ, несомнѣнно, стоитъ въ связи и слѣдующій эпизодъ Grand St. Graal'я: Іосифъ съ учениками вышелъ изъ Іерусалима. чтобы начать свою проповѣдническую дѣятельность; первая остановка въ лѣсу у Bethanie, гдѣ Господь и открывается ему и наставляетъ — относительно чаши (Hucher, II, 123 слѣд.); въ одномъ спискѣ стоитъ вм. Bethanie — Bretagne. Послѣднее могло вторгнуться въ текстъ изъ позднѣйшаго упоминанія Британніи; но я едва-ли ошибусь, предположивъ, что именно указанное смѣшеніе могло быть и однимъ изъ поводовъ къ — «британской» легендѣ Іосифа:

---

[1]) Gottfried v. Monmouth, Historia regum Britanniae, hrsg. v. S. Marte, стр. 421.

[2]) Cx. Lipsius, Die apokryphen Apostelgeschichten u. Apostellegenden II, 2 Hälfte, стр. 52—3.

западнымъ перескащикамъ Britannia могла естественно подсказаться вмѣсто менѣе знакомаго Bethania, какъ галлы (=франки Фрекульфа) вмѣсто галатовъ въ легендѣ объ апостолѣ Филиппѣ. Такъ въ русскихъ, галицкихъ и польскихъ спискахъ «сна Богородицы» [1]) дѣйствіе происходитъ въ *Британской* землѣ, но на горѣ Оливной, «на горѣ Оливной въ Британѣ», или просто «въ Битанѣ», т. е., очевидно, въ Виѳаніи, лежащей за этою горою въ $^3/_4$ часахъ отъ Іерусалима по дорогѣ къ Іерихону.

Можетъ быть, не лишнимъ было напомнить нѣсколько христіанско-легендарныхъ мотивовъ романа о Св. Гралѣ въ виду новой попытки Nutt'а тѣснѣе пристроить его начала къ кельтской сагѣ и повѣрьямъ; попытки, которую критика встрѣтила одобрительно, хотя нѣсколько поверхностно. По мнѣнію Nutt'а (стр. 217) it is the christian transformation of the old Celtic myths and folktales which gave them their wide vogue in the Middle Ages, which endowed the theme with such fascination for the preachers and philosophers who used it as a vehicle for their teaching and which has endeared it to all lovers of mystic symbolism. Еще яснѣе общее заключеніе на стр. 227: The history of the Legend of the Holy Grail is, thus, the history of the gradual transformation of old Celtic folk-tales into a poem charged with christian symbolism and mysticism. Никто не отрицаетъ кельтскаго и христіанскаго моментовъ въ развитіи представленій о св. Гралѣ, но вопросъ въ томъ, какой изъ нихъ былъ вчинающимъ и на чьей сторонѣ продуктивность ограничилась усвоеніемъ. Романическое преданіе о Гралѣ сводится въ сущности къ двумъ эпизодамъ: исторіи чаши и ея исканію (Queste), однимъ изъ героевъ котораго является Персеваль. Мотивъ «исканія»—сказочный, знакомый и кельтамъ; Nutt избралъ именно его точкой отправленія для своего изслѣдованія, что едва-ли удачно, ибо въ вопросѣ о происхожденіи самаго Граля онъ ничего не разъясняетъ. Легко представить себѣ, вмѣстѣ съ E. Muret (Mélusine IV, № 16, p. 365), что Граль

[1]) Опыты по исторіи развитія христ. лег. II, III, стр. 347, 350; сл. E. Kałužniacki въ Arch. f. slav. Philol. XI, 630.

въ основѣ — древне-кельтское представленіе, отвѣчающее Сампо финской Калевалы и лишь позднѣе сближенное съ идеями христіанства. Но съ одной стороны и Сампо не цѣльный въ замыслѣ, а сводный образъ (сл. Krohn, Finsk Literaturens historia I, стр. 219, 220, 225, 228), съ другой *неконченная* поэма Chrestien'a (древнѣйшая, по G. Paris'y и Nutt'y, обработка нашего сюжета), если не даетъ повода говорить о христіанской идеѣ Граля, то ничего не показываетъ и противъ нея. Къ этому присоединяются хронологическія показанія, касающіяся появленія въ легендѣ Bron'a и Іосифа: онѣ говорятъ въ пользу древности второго; если такъ, то Brons явился уже въ результатѣ попытки — пристроить захожее христіанское сказаніе къ воспоминаніямъ кельтскаго миѳа. Въ такомъ случаѣ кельтскія представленія о чудодѣйственныхъ сосудахъ (Nutt, l. c., стр. 184 слѣд.; Loth, l. c. I, стр. 246, прим. 1) могли пойти на встрѣчу какой нибудь христіанской легендѣ — объ Іосифѣ и его чашѣ. Въ области апокрифа мы такой легенды не знаемъ, но ея существованіе вѣроятно, и мы, можетъ быть, грѣшимъ излишнимъ недовѣріемъ къ показанію Grand St. Gral'я, что въ 717 году по распятіи Христосъ вручилъ одному пустыннику свое рукописаніе, книгу Граля; Гелинандъ о книгѣ не говоритъ, но соотвѣтствующее видѣніе также относитъ къ 717—719 гг. Эта таинственная книга — какое нибудь отреченное латинское повѣствованіе, за которымъ позволено предположить существованіе другого, болѣе древняго, вращавшагося въ восточныхъ мѣстностяхъ и восточныхъ отношеніяхъ; буддійскіе разсказы о чудесной чашѣ представляютъ здѣсь знаменательную параллель. Чаша буддійскаго первоучителя считалась великою святынею въ продолженіе долгаго времени, о ней говорятъ оба извѣстныхъ китайскихъ путешественника, то-есть, Фасянъ и Сюанъ-цзанъ: первый видѣлъ ее въ Пешауерѣ, второй разсказываетъ, что въ его время она находилась въ Персіи. О странствованіяхъ буддійскаго Граля сохранились легенды, которыя передаются отчасти Фасяномъ, отчасти извѣстны изъ другихъ источниковъ. Чаша эта была небеснаго происхожденія, и въ ней

заключалась чудотворная сила: она была неистощима [1]). Особый праздникъ чаши описывается въ Rasavāhinī, въ отрывкѣ, переводомъ котораго я обязанъ профессору Минаеву: «Въ Джамбудвипѣ былъ когда-то прекрасный городъ Девапутта; въ то время жители его очень часто чтили чашу Господа (Будды); взявъ ее, совершали разнообразныя почитанія и устраивали процессіи, и этотъ праздникъ звался праздникомъ чаши. Въ то время царь Девапутты, взявъ колесницу, украшенную всякими драгоцѣнностями, запрягши въ нее четыре бѣлыхъ коня, объѣзженныхъ учеными конюхами, поставивъ на нее теремецъ, 80 локтей въ вышину, изукрашенный семью драгоцѣнностями, помѣстивъ въ немъ каменную чашу, обдѣланную сѣткою изъ жемчуговъ и драгоцѣнностей и украсивъ городъ...., обойдя его, въ срединѣ, въ прекрасномъ павильонѣ, поставилъ святыя чаши и дѣлалъ на седьмой день великій праздникъ».

Чаша тайной вечери, чаша Іосифа Аримаѳейскаго могла быть обставлена такими-же или сходными легендарными подробностями—въ предполагаемомъ апокрифѣ, къ которому и примкнуло развитіе представленій о св. Гралѣ и его исканіи.

Новый подъемъ въ изученіи кельтскихъ языковъ и литературъ несомнѣнно прольетъ много свѣта на исторію сказаній о св. Гралѣ; но надо пожелать для той же цѣли и новаго пересмотра въ области христіанскихъ, легендарныхъ и отреченныхъ преданій и ихъ источниковъ. Подождемъ встрѣчныхъ результатовъ.

---

[1]) Сл. замѣтку Bendall'я въ Athenaeum № 3178; И. П. Минаевъ, Буддизмъ, Изслѣдованія и матеріалы, т. I, вып. I, стр. 126. Уже послѣ выхода книги Nutt'а явилась его статья, съ содержаніемъ которой я знакомъ лишь по заглавію, выводы легко предугадать, если они не идутъ въ разрѣзъ съ общими взглядами разобраннаго выше труда. Сл. Archeological Review 3: Alfred Nutt, The legend of the Buddha's alms-dish and the legend of the Holy Grail. — О современномъ переживаніи буддійскаго культа чаши среди мусульманъ сл. И. И. Минаева, Забытый путь въ Китай, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCLXIV, отд. 2, стр. 178—9.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 1—2 (*Экскурсъ объ Иггдразилѣ*). Въ Кіевской Старинѣ 1889 г., Январь, стр. 231—2, помѣщена любопытная колядка о сотвореніи міра, пополненная внесеніемъ подробностей, изъ которыхъ не всѣ являются развитіемъ ея первичныхъ данныхъ. Указаніемъ на нее я обязанъ В. В. Каллашу.

Начинается она такимъ образомъ:

А що намъ было зъ нащаду свита—
Славенъ есъ, Боже, по й усимъ свити и на небесихъ.—
Ой не было жъ намъ хиба сина вода,
Синая вода, тай билый каминь.
А прыкрывъ Господь сыровъ землыцевъ,
Выросло на нимъ кедрове древо
Барзъ высочейке и барзъ сличнейке.

Пресвятая дѣва велитъ сорока «ремесникамъ» срубить его и построить церковь о семидесяти верхахъ и семидесяти крестахъ; въ одномъ верху золотой престолъ, гдѣ самъ Господь службу служитъ.—Въ колядкѣ у Головацкаго, вслѣдъ за упоминаніемъ дерева (явора), идетъ разсказъ о созданіи свѣта голубками; нашъ варьянтъ вышелъ изъ того же образа дерева, но вставилъ затѣмъ извѣстный изъ другихъ колядокъ мотивъ о построеніи церкви; вспомнимъ въ повѣсти Града Іерусалима: ки-

парисъ = Софія Премудрость Божія о семидесяти верхахъ; въ колядкѣ вмѣсто того — Святая Софія «въ святемъ Кійови». Интересны еще слѣдующія подробности: ремесники «день будувалы, въ ночи втикалы», пока Господь не велитъ ангелу сказать имъ, чтобъ они не боялись: «Давъ вамъ то Господь ведлукъ сылойкы»—и они доводятъ работу до конца. Г. Миронъ (l. c. 233) предполагаетъ здѣсь отраженіе какого-нибудь мотива вродѣ извѣстнаго въ польской легендѣ «о вежи седьми вождей»: что построятъ днемъ, то ночью провалится сквозь землю, но когда въ концѣ выведенъ былъ верхъ башни, стѣны ея чудеснымъ образомъ поднялись изъ земли. На такое пониманіе въ колядкѣ нѣтъ никакихъ указаній, напротивъ позволено предположить, что мотивъ страха связанъ съ подробностью, находящеюся въ концѣ: «иде польська винойка», полковникъ не велитъ своимъ людямъ стрѣлять по святымъ крестамъ; они дѣлаютъ это, и Господь наказалъ ихъ.

Испустывъ Господь огняный дожджыкъ,
Огняный дожджыкъ, громови кули,
Затопывъ Господь польску винойку.

Этихъ-то враговъ и боятся «ремесники».

Я полагаю, что оригиналъ колядки отвѣчалъ составу той отреченной статьи, которая легла въ основу славянскихъ легендъ о мірозданіи: въ началѣ—созданіе свѣта на синемъ морѣ, въ концѣ борьба ангеловъ съ нечистыми духами; Михаилъ также боится сатаны, но Господь ободряетъ его (кладетъ на него схиму), и онъ свергаетъ сатану и его полчища «съ небесъ на землю во адову кромѣшную» (Свитокъ бож. книгъ).

Интересно, что сѣвернорусская легенда поняла намѣреніе сатаны устроить себѣ «престолъ надъ звѣздами, на воздусѣхъ»—въ смыслѣ настоящей постройки: «Саваоѳъ построилъ небо, а сатана другое, выше того; Саваоѳъ построилъ еще небо, а сатана выше того. Сдѣлали они по *семи небесъ*» (Барсовъ). Сл. въ колядкѣ церковь о *семидесяти* верхахъ.

Какъ въ галицкой, такъ и въ нашей колядкѣ остается необъясненнымъ, съ точки зрѣнія Свитка, образъ дерева въ разсказѣ о мірозданіи. Оно выходитъ изъ моря, или на морѣ камень, на немъ дерево. Въ славянскихъ и западныхъ Вопросахъ и Отвѣтахъ въ основѣ міра дубъ, arbor, надъ нимъ наслаиваются (я минную подробности) огонь, камень, вода, земля. Этотъ дубъ стоитъ на силѣ Божіей; arbor quae ab initio posita est, ipse est Dominus *Jesus Christus;* оно крестное и райское (сл. выше стр. 45—6)—и вмѣстѣ міровое (сл. Разысканія IV, 59: «доубъ есть миръ»). Какъ *міровое,* оно умѣстно въ колядкахъ о созданіи свѣта, тогда какъ въ другихъ изъ *крестнаго* древа, или трехъ деревъ, рубятъ кресты, ставятъ церковь, съ тремя престолами, о троихъ дверяхъ, съ тремя верхами-*небесами,* въ одни изъ нихъ идетъ самъ Господь (сл. l. с. VII, стр. 231 и Объ одномъ мотивѣ рождественскихъ колядокъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1877 г., Февраль, стр. 249—50) и т. д. Какъ здѣсь образъ *крестнаго* древа-церкви расширился до космическаго, такъ въ нашей колядкѣ представленіе *мірового* древа крестнымъ объясняетъ переходъ отъ мірозданія къ—созданію церкви. При церкви явились, вмѣсто ангеловъ, работники, древніе враги поняты, какъ полкъ солдатъ. Колядка и поется — полковнику.

Что представленія крестнаго-райскаго-міроваго дерева даны совмѣстно въ образѣ сѣвернаго Иггдразила, на это я указывалъ не разъ (сл. Разысканія IV, стр. 59—67; VII, 231—2); недавно работа Бугге (Bugge, Studien über die Entstehung der nordischen Götter-und Heldensage, übers. von O. Brenner, III Heft, стр. 317 слѣд.) подтвердила это данными, которыя и я принималъ въ разсчетъ, и новыми фактами. Не касаясь нѣкоторыхъ частностей изслѣдованія, возбуждающихъ сомнѣніе смѣлостью критическихъ пріемовъ, въ общемъ я не могу не согласиться съ результатомъ, который давно считаю своимъ. Можетъ быть, нѣкоторое знакомство съ славянскимъ матеріаломъ послужило-бы Бугге къ упроченію или видоизмѣненію своихъ взглядовъ; укажу для примѣра, въ параллель къ животной символикѣ Иггдразила,

на малорусскія колядки и румынскую заплачку съ образами сосны или явора: на верху соколъ, въ срединѣ пчелы, у корня бобры; или въ томъ-же порядкѣ: соколъ, выдра, змѣя. — Съ своей стороны остановлюсь на слѣдующей подробности: въ Grímnismál 31 у Иггдразила три корня, подъ однимъ живетъ Гела, подъ другимъ исполины, подъ третьимъ люди; иначе въ Gylfaginning (ed. Jonsson § 15): у одного корня Азы, у другого турсы, третій надъ Niflheimr (Bugge, стр. 466 — 7). Я указалъ въ сравненіе съ тремя корнями Иггдразила на трипостасное древо крестныхъ легендъ, сросшееся изъ трехъ стволовъ, вѣтвей (Разысканія IV, 67); но какъ представить себѣ *образно* Гелу (Niflheimr) и Азовъ (людей) и исполиновъ подъ этими корнями? Я думаю, что отъ образности нужно отказаться, ограничась въ данномъ случаѣ представленіемъ міроваго, стало быть всеобъемлющаго дерева; что не надо пытаться объединить въ одну цѣльную картину всѣ подробности, какія о міровомъ древѣ разсѣяны въ сѣверномъ миѳѣ, ибо онѣ могутъ принадлежать разнымъ источникамъ преданія, либо разнымъ ихъ комбинаціямъ. Этому требованію метода отвѣчаютъ факты: въ Vǫluspá 2 Иггдразилъ находится *подъ землею*; вѣщательница говоритъ:

níu man ek heima,
níu íviðjur (вар. íviði)
mjǫtvið maeran
fýr mold neðan:

«я помню девять міровъ, девять íviðjur или íviði, славное древо созданія *подъ землею*». Bugge (520) переводитъ íviðjur: исполинши (= матери Геймдалла), Müllenhoff: íviði = Räume im Weltbaume. Если представить себѣ, что древо стоитъ въ основѣ, надъ нимъ девять heima = íviði, надъ ними земля, то невольно подскажется параллель къ древу указанныхъ выше (стр. 353) отреченныхъ статей, съ послѣдовательностью покоящихся на немъ наслоеній, изъ которыхъ послѣднее — земля. Но, можетъ быть, níu heima не означаютъ здѣсь подземныхъ селеній (какъ въ Vafþrúðnismál 43 и Gylfaginning l. c. § 3), а íviðjur = íviði неотдѣлимы отъ

представленія Иггдразила; таково, очевидно, мнѣніе Мюлленгофа. Далѣе мы представимъ и нашу попытку объясненія.

Къ образу дерева, поддерживающаго землю, идетъ и его названіе: moldþinurr (Vǫl. 60): земное дерево. Едва-ли въ указанной строфѣ Vǫluspá это слово означаетъ міровото змѣя, окружающаго землю (какъ понимаетъ, между прочимъ, и Бугге, стр. 524 и прим.): змѣй убитъ Торомъ въ послѣдней борьбѣ, которой завершаются судьбы свѣта; является новое созданіе: *во второй разъ* выступаетъ изъ моря зеленѣющая земля (ǫþro sinni); сходятся боги

60 ok of moldþinur
mǫ́tkan dǿma
ok minnask þar
á megendóma .
ok á Fimbultýs
fornar rúnar:

«*бесѣдуютъ* о могучемъ земномъ древѣ, *поминаютъ* великія дѣла и старыя руны Одина». Область воспоминаній выдѣлена — и moldþinurr не имѣетъ въ нихъ мѣста: о немъ разсуждаютъ. Очевидно не о міровомъ змѣѣ; онъ отошелъ въ воспоминанія, а о *земномъ древѣ* бесѣдуютъ, можетъ быть, въ связи съ *вторичнымъ* появленіемъ изъ водъ новой земли? Выраженіе: ǫþro sinni даетъ поводъ поставить вопросъ: не представлялся ли и первый актъ ея созданія — выхожденіемъ изъ водъ (сл. Vǫl. 4: bjǫþom of ypþo и Bugge, Studien I, 6 и прим. 3) — на устоѣ міроваго дерева?

О такомъ древѣ можно было сказать, что никто не знаетъ, или не многіе знаютъ, отъ какихъ корней оно пошло (Fjǫlsv. 20: mangi veit, или: fáir vitu af hverjum rótum renn; Háv. 138: mangi veit hvers hann af rótum renn) — потому ли, что дерево, поддерживающее міръ, исключало идею о другой, матерьяльной основѣ для его корней? Славянская статья подсказала здѣсь единственно возможный образъ: дубъ стоитъ *на силѣ Божьей*; но она-же открываетъ возможность другого объясненія указан-

ной выше подробности Fjǫlsv и Háv.: что никто не знаетъ, отъ какихъ дерево пошло корней. Дѣло касается, быть можетъ не вопроса, *гдѣ* лежатъ корни, и *какіе* они по существу, какого рода. Въ славянской статьѣ говорится, что древо насаждено «отъ *всего-же кореніе*», какъ райское древо представлялось воспріявшимъ въ себя «отъ всѣхъ сажденип дрѣвныхъ... и отъ всѣкаго снѣдения и плода» (сл. выше стр. 45). Дерево такого рода встрѣтилось мнѣ въ сказкѣ трансильванскихъ цыганъ (сл. Heinrich von Wlislocki, Märchen und Sagen der transilvanischen Zigeuner, № 7, стр. 9—10): у жителей одной страны былъ обычай въ день новаго года бросать въ рѣку большого упитаннаго быка, увѣнчаннаго цвѣтами, съ корзиной на шеѣ, полной яицъ и плодовъ. Какой-то человѣкъ, черный какъ смоль, котораго никогда не видали спящимъ, убѣдилъ жителей оставить эту жертву, а быка закалать и съѣдать. Съ тѣхъ поръ ихъ постигли несчастія, насталъ голодъ, повысохли всѣ деревья и злаки. Одному благочестивому человѣку какой-то старикъ, вышедшій изъ рѣки, объясняетъ, что это — кара за нарушеніе обычая; нырнулъ съ нимъ въ воду: тамъ на пространной полянѣ стояло дерево, верхъ касается неба, а на немъ произростаютъ всякіе плоды и сѣмена, какіе только есть на свѣтѣ. Старикъ даетъ человѣку отъ тѣхъ сѣмянъ, велитъ ихъ посѣять, и не слушаясь впредь злыхъ совѣтовъ, совершать обычную жертву.

Я ограничиваюсь указаніемъ на сходство этого дерева, стоящаго подъ водой (и землей), имѣющаго въ себѣ «отъ всѣхъ сажденій», отъ всякихъ *корней* (rótum) и высящагося до неба — съ міровымъ древомъ апокрифа и Эдды.

Міровое древо — и вмѣстѣ съ тѣмъ *древо созданія*. Въ галицкой колядкѣ (сл. выше стр. 1—2) космогоническій актъ начинается съ появленія дерева на морѣ; въ сказкѣ трансильванскихъ цыганъ (H. v. Wlislocki, l. c., № 1-й, стр. 1—2), пополняющей группу знакомыхъ намъ дуалистическихъ (сл. выше стр. 5 слѣд., 51 слѣд., гл. I и III), отъ него происходятъ люди. Вотъ содержаніе сказки: въ началѣ свѣта была одна вода, Богъ задумалъ

сотворить свѣтъ, но не зналъ, какъ за это приняться, и печалился, что у него нѣтъ ни друга, ни брата. Разгнѣванный, онъ бросилъ свой посохъ въ воду, посохъ обратился въ большое *дерево*, подъ которымъ сидѣлъ чортъ. Здравствуй братецъ, говоритъ онъ Богу, улыбаясь: у тебя нѣтъ ни друга, ни брата, я буду тебѣ тѣмъ и другимъ. — У меня не можетъ быть брата, будь мнѣ другомъ. — Девять дней блуждали они по водѣ, и Богъ увидѣлъ, что чортъ его не любитъ. — Братецъ, говоритъ чортъ, намъ вдвоемъ плохо, мнѣ хотѣлось бы сотворить еще кого-нибудь. — Твори. — Да я не могу, хотѣлъ создать большой свѣтъ, да не удается. — Господь велитъ ему достать песку изъ подъ-воды: Онъ произнесетъ надъ нимъ имя свое — и станетъ земля. Дьяволъ досталъ песку, но произнесъ надъ нимъ свое имя: песокъ ожегъ его такъ, что онъ принужденъ былъ его бросить — а Богу сказалъ, что ничего не нашелъ. Въ теченіи девяти дней спускается онъ, по Господню велѣнію, въ море, и всякій разъ повторяется то-же, такъ что напослѣдокъ онъ весь почернѣлъ. Ты мнѣ не другъ, говоритъ ему Господь и еще разъ велитъ ему принести песку, который, по Божію благословенію, и становится землею. Чортъ обрадовался: Я живу здѣсь подъ деревомъ, говоритъ онъ, здѣсь и останусь, а ты, братецъ, поищи себѣ другого жилья. Тогда Господь изгоняетъ чорта: явился быкъ и унесъ его; съ дерева попадали на землю куски мяса, *изъ листьевъ вышли* люди. Такъ созданъ былъ свѣтъ [1]).

Напомнимъ алтайскую сказку того-же дуалистическаго типа (сл. выше стр. 20): у рѣки стоитъ дерево безъ вѣтвей; да будутъ на немъ девять вѣтокъ, говоритъ Господь, *у разветвленія девяти вѣтокъ да произойдутъ девять человѣкъ, отъ нихъ девять народовъ* (сл. еще выше, стр. 16—17 и прим. 1, нѣкоторыя подробности вогульскихъ сказокъ).

---

[1]) Въ примѣчаніи къ этой сказкѣ издатель указываетъ на свою статью, оставшуюся мнѣ неизвѣстной: Eine Schöpfungssage der transilvanischen Zigeuner, въ Brehmers Revue f. geist. Leben aller Völker «von Pol zu Pol», I-er Jahrg., 1-es Heft.

Повѣрье о происхожденіи людей изъ дерева извѣстно и сѣверному миѳу: имя перваго человѣка, Askr (Vǫl. 17), связывается съ представленіемъ Иггдразила — ясенемъ. Поблекшимъ отраженіемъ того-же миѳа является разсказъ Vafþrúðnismál 45, по которому люди, имѣющіе населить обновленную землю, произойдутъ отъ Líf и Lífþrasir, которые спасутся отъ общей гибели, спрятавшись въ древо Hoddmimir'a = Иггдразилъ. Въ Fjǫlsvinnsmál 22 (Sijmons 16) говорится о древѣ Мимира (Иггдразилѣ), что отъ его плода слѣдуетъ возжигать огонь передъ рожаницами:

útar hverfa
þess þeir innar skyli,
sá' s hann með mǫnnum mjǫtuðr:

«изъ нѣдръ выходятъ тѣ, кому подобало-бы быть внутри (= люди): онъ даетъ долю людямъ». Мы, можетъ быть, вправѣ перенести оба указанія на первый актъ созданія: первые люди вышли изъ мірового дерева.

Въ связи съ этимъ я попытаюсь объяснить загадочное íviðjur, ед. ч. ívidja. Vidja означаетъ ветлу, vid — ветлу и прутъ, вѣтвь, лыко вообще; ívidja относится къ vidja какъ vist, þrótt къ ívist, íþrótt. Можетъ быть, и въ Hindlulioð 48 (Sijmons 49) слѣдуетъ понимать ívidja въ смыслѣ вѣтки, не придавая этому слову значенія, не поддержаннаго другими примѣрами (кромѣ þulur Снорровой Эдды): исполинши, дріады:

Ek sláe eldi
Of ívidju —

означало-бы просто: запалю огнемъ прутья (чтобы выкурить тебя), а не: поражу огнемъ исполиншу.

Возвращаясь съ этимъ объясненіемъ къ Vǫl. 2 мы получаемъ такой смыслъ: я помню *девять* міровъ, *девять* вѣтвей, славное древо; т. е. девять вѣтвей дерева — девять вышедшихъ изъ нихъ поколѣній, народовъ, параллельно девяти мірамъ или областямъ? Я напомню *девять сестеръ*-матерей Геймдалла, родо-

начальника (по Rígsmál) людскихъ сословій; можетъ быть, людей вообще? «Большіе и малые сыны Геймдалла» = люди въ первой строфѣ Vǫluspá едва-ли являются лишь выраженіемъ сословныхъ отличій Rígsmál'я.

Heimdallr и Mimir одинаково связаны съ міровымъ деревомъ: подъ нимъ находится источникъ Мимира, спрятанъ рогъ Геймдалла. Говоря выше (стр. 86—7) о Мимирѣ я не достаточно оттѣнилъ въ его миѳѣ слѣды его пониманія, какъ творца: я имѣю въ виду не только названіе мірового древа: Hoddmimis holt (Vafþrúdnism. 45, Gylfag. § 58), Mimameiðr (Fjǫlsv. 20), но и представленіе *кузнеца* Мимира въ Тидрексагѣ (гл. 57 слѣд., 163 слѣд.) и стараго Míme, чудеснаго *ковача* въ Битерольфѣ:

Zu sîner meisterschefte
ich nieman kan gelîchen
in allen fürsten rîchen (144 слѣд.).

Это позволило-бы намъ провести еще одну параллель между Мимиромъ и Локи (сл. выше стр. 110—111).

Въ концѣ своей книги (стр. 580) Бугге касается вопроса, насколько послѣдняя міровая борьба, связанная въ сѣверномъ миѳѣ съ судьбой Иггдразила (сл. Разысканія VIII, стр. 344—6), обусловлена аналогическими повѣрьями христіанства. Сл. объ этомъ мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, I, стр. 317 слѣд. и II, 124 слѣд., особливо стр. 128, гдѣ предположительно выражено, что теперь я подчеркнулъ бы болѣе откровенно: что одинокое или единственное, сухое дерево средневѣковыхъ народныхъ разсказовъ, разцвѣтающее или имѣющее разцвѣсть въ пору рѣшительной битвы христіанъ съ невѣрными, послѣдней мировой битвы — не что иное какъ то-же крестное и райское, давшее черты сѣверному Иггдразилу; arbre seul Марко Поло, византійское μονοδένδριον, до котораго греки прогонятъ со временемъ Турокъ, κόκκινη μηλιά Вардида, какъ и въ европейскихъ сказаніяхъ того-же типа дерево является липой, ивой или грушей (сл. jarðar hasla, Bugge, l. c. стр. 524 прим.).

Къ стр. 5 слѣд. *(Черемисскія легенды о мірозданіи)*. Благодаря Вл. Вл. Каллашу, я могу сообщить еще нѣсколько свѣдѣній о космогоническихъ воззрѣніяхъ черемисовъ по реферату Ф. Д. Нефедова: «Черемисы-язычники уфимской губерніи», читанному авторомъ въ 1885 г. въ этнографическомъ отдѣленіи Общ. Люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и пока не напечатанному. — Дѣйствующія лица космогонической легенды — Юмо или Кугò-юмо и его младшій братъ Киреметь или Шинкширъ-Киреметлинъ. Въ началѣ Киреметь былъ въ услуженіи брата и его помощникомъ въ твореніи, но его участіе было главнымъ образомъ отрицательное. Когда Кугò-Юмо захотѣлъ создать на небѣ ангеловъ (Шукчиблакъ), онъ взялъ молотъ и ударилъ имъ о камень; отъ удара вылетѣло множество бѣлыхъ огненныхъ искръ, которыя и обратились въ свѣтлыхъ ангеловъ. Создавъ ихъ и сотворивъ небо, Юмо заснулъ отъ усталости; тогда Киреметь, слѣдившій за дѣйствіями брата, захотѣлъ и самъ надѣлать себѣ вѣрныхъ слугъ: принялся бить молотомъ о камень, и изъ темнозеленыхъ и черныхъ искръ явились безобразные шинкширы, шуляты и кикиморы.— Сотвореніе земли разсказано такъ: Юмо велитъ Киреметю обернуться селезнемъ и достать песку изъ-подъ воды. Три раза спускается Киреметь, три раза Юмо говоритъ ему: Дѣлай землю, а я погляжу! но изъ песку, выплюнутаго Киреметемъ, вышли — три кочки. Тогда Юмо взялъ, что осталось у него песку, и дунулъ на воду: вода покрылась ровной и гладкой землей. А ты вздумалъ со мной тягаться! говоритъ Юмо Киреметю; тотъ со злости выхаркнулъ землю, которую утаилъ подъ языкомъ — и сдѣлались горы и камни.

Юмо продолжаетъ творить: солнце, мѣсяцъ и звѣзды, звѣрей и растительность. Видитъ Киреметь, что дѣло его плохо, кинулся на небо и давай тамъ класть себѣ крѣпость; Юмо тоже; Киреметь строитъ другую крѣпость повыше, Юмо выше того.

Проситъ Киреметь у Юмо: Дай мнѣ небо, землю. — Ничего тебѣ не будетъ. Плюнулъ Киреметь и полетѣлъ съ неба въ лѣсъ. — Слѣдуетъ разсказъ, типа légendes des origines, о томъ,

какъ Киреметь подговорилъ жаворонка украсть у Юмо жену; Юмо ударилъ его кулакомъ по затылку — оттого жаворонокъ и не можетъ долетѣть до неба: поднимется и стрѣлою внизъ. — Созданіе человѣка разсказано съ обычными чертами: та же собака-сторожъ, подпускающая Киреметя къ творенію Божію, которое онъ и оплевалъ. Еще разъ онъ проситъ Юмо: Дай мнѣ что-нибудь! У тебя и люди, и земля, и все, а у меня ничего. — Юмо сказалъ: Ладно! Кто меня забудетъ, тотъ будетъ твой.

Другую версію той же легенды, слышанную у луговыхъ черемисовъ, сообщилъ недавно К. Горбуновъ (Истор. Вѣстн. 1885 г., Январь, стр. 261—2), на замѣтку котораго обратилъ мое вниманіе М. И. Кудряшевъ. Духъ родилъ Юмо и Кереметя, и не было между ними ни старшаго, ни младшаго: оба сильны были. Но Кереметь возмутился и захотѣлъ властвовать одинъ. Тогда у Кереметя силы убавилось, а у Юмо прибавилось: Юмо сдѣлался сильнѣе, и Кереметь сталъ слушаться его, а злобу свою затаилъ въ себѣ. Что ни сдѣлаетъ добрый Юмо, злой Кереметь непремѣнно испортитъ, если только сможетъ. Задумалъ Ю́мо творить землю. Ему нужно было для этого одну только горсть земли. Видитъ онъ, что Кереметь плаваетъ по водѣ селезнемъ. И говоритъ ему добрый Юмо: «Нырни на дно и достань мнѣ земли». Нырнулъ Кереметь на дно и досталъ Юмо земли, да̀ не всю ему отдалъ, а часть затаилъ у себя во рту. Дунулъ Юмо на землю и велѣлъ ей покрыть собою воду. Видя это, и Кереметь сталъ выплевывать землю, которую затаилъ отъ Юмо, и куда плевалъ Кереметь, тамъ являлись горы и болота. И пошелъ раздоръ съ тѣхъ поръ межъ ними: добро отъ Юмо, зло отъ Кереметя.

Къ стр. 13 слѣд. *(Вотяцкія преданія о мірозданіи)* сл. **Верещагина**, Вотяки сарапульскаго уѣзда вятской губерніи (Записки Импер. Русск. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, т. XIV, вып. 3) стр. 141 слѣд. О созданіи человѣка разсказываютъ, что Богъ начерталъ на красной глинѣ его изображеніе, Спаситель брызнулъ въ него свою кровь, Духъ святой дунулъ на него, и

изображеніе стало человѣкомъ, который уже дышалъ, но еще не вставалъ.—Слѣдуетъ разсказъ о собакѣ, соблазненной шерстью, и дьяволѣ, оплевавшемъ и истыкавшемъ тѣло человѣка. Что ты сдѣлалъ? спрашиваетъ его Господь. — А вотъ, что это значитъ: истыканныя мѣста войдутъ въ человѣка и будутъ служить зародышами разныхъ болѣзней, которыя потомъ будутъ выходить наружу. Иныя болѣзни человѣкъ будетъ изрыгать въ видѣ харчковъ. Если человѣкъ не будетъ хворать, Тебя забудетъ, а если будетъ хворать—будетъ обращаться къ Тебѣ.—Такъ и вошли слюна и раны въ человѣка; вотъ отъ этого и появились слюна и болѣзни.—Варьянтомъ этой легенды, которую, по мнѣнію г. Верещагина, вотяки заимствовали отъ русскихъ, является слѣдующая: Богъ сотворилъ человѣка и поставилъ къ нему сторожемъ собаку. У собаки шерсти не было, и она, дрожа всѣмъ тѣломъ, стала выть, поднявъ рыло къ небу, чтобы Богъ далъ ей шерсть. Собака не вытерпѣла и убѣжала, а дьяволъ воспользовался тѣмъ, чтобы оплевать человѣка. — Разсказъ Г. В. Губаревичъ-Родобыльской (Юная Россія 1885 г., №№ 13—14) повторяетъ отчасти версію Бехтерева (сл. у насъ стр. 13—14). Инмаръ создалъ изъ красной глины человѣка и устроилъ для него садъ, плодами котораго онъ питался, не работая и не заботясь ни о чемъ; послѣ того Инмаръ сотворилъ звѣрей и повелѣлъ имъ слушаться человѣка или урома, а послѣднему повелѣлъ слушаться его. Когда человѣкъ скучалъ, Инмаръ черезъ Кереметя научилъ его дѣлать кумышку, чтобы этимъ напиткомъ разгонять скуку. Не помогла и кумышка: человѣкъ всё скучалъ. По его просьбѣ Инмаръ сотворилъ ему жену и уже пошелъ изъ рая, какъ увидѣлъ чашку, а въ ней кумышку, въ которую Кереметь примѣшалъ смерть. Инмаръ запретилъ человѣку пить кумышку, но Кереметь сдѣлалъ первую жену любопытной: она отвѣдала запретнаго напитка, мужъ допилъ остальное. Такъ они согрѣшили и сдѣлались смертными и выгнаны были изъ рая. — Подобнаго разсказа г. Верещагинъ не встрѣчалъ у вотяковъ описанной имъ мѣстности, почему полагаетъ вѣроятнымъ, что легенды та-

кого рода могли быть услышаны отъ черемисъ либо отъ вотяковъ, живущихъ съ ними въ сосѣдствѣ.

Къ стр. 28—9, прим. 2. Сл. Потанинъ, l. c. IV, стр. 269 и 329—330: всюду споръ о томъ, кому быть правителемъ міра. Интересенъ по своей связи съ группой сказокъ, разсмотрѣнныхъ выше (стр. 78—83), варьянтъ № 80 (стр. 330), подтверждающій наше предположеніе, что сказки этого рода принадлежатъ къ легендамъ о мірозданіи: спорятъ русскій и бурятскій цари; слѣдуетъ подмѣнъ цвѣтка, съ которымъ бурятскій царь полетѣлъ на небо; русскій за нимъ; у самого неба онъ успѣлъ схватить бурятскаго за ноги, но у него въ рукахъ остались одни штаны.

Къ стр. 64. Къ *южнорусскимъ* разсказамъ о мірозданіи присоединимъ и слѣдующіе изъ галицкаго Покутья (Kolberg, Pokucie III, Kraków 1888, стр. 81 слѣд.), въ которыхъ дьяволъ является подъ эвфемистическими кличками: *Счезунъ*, или: *Тотъ*, *Вінъ счезъ бы*. Въ началѣ свѣта, когда было одно море, Господь и дьяволъ ходили по немъ; негдѣ было ни сѣсть, ни лечь. Дьяволу хочется спать, и онъ проситъ, чтобы Господь это какъ-нибудь устроилъ. Господь велитъ ему нырнуть въ море и принести песку во имя Божіе; какъ въ другихъ варьянтахъ слѣдуетъ эпизодъ о неудачахъ дьявола, пока онъ произноситъ свое, а не Божіе имя. Въ послѣдній разъ у него осталось за ногтями немного песку и глины; изъ нихъ Богъ и чертъ сдѣлали паляницу, положили ее на воду и улеглись на ней спать. Во время сна дьяволъ пытается сбросить Господа съ паляницы въ воду — а паляница ростетъ съ краевъ, такъ что и конца не видать. Тогда чертъ додумался до другого: вырылъ въ паляницѣ дыры, думая, что изъ нихъ выступитъ вода и зальетъ спящаго; началъ лить подъ него воду изъ разрытыхъ отверстій, но она стекала въ другія, не шла на Господа. Изъ тѣхъ отверстій образовались родники, пруды, озера; вода, которую дьяволъ пустилъ, злоумышляя, и которая потекла въ другія трещины — это наши потоки и рѣки;

а горы образовались изъ выброшенной при рытьѣ земли. — Когда Господь проснулся, дьяволъ съ испуга бросился бѣжать, оглянулся да и попалъ въ одну изъ вырытыхъ имъ дыръ: тамъ и теперь сидитъ. — Господь сотворилъ Адама, дьяволъ ничего; Господь создалъ человѣку помощницу — жену; дьяволъ проситъ и себѣ таковую-же. Самъ сотвори, говоритъ Господь: въ послѣднюю субботу мѣсяца умойся да и брызни пястью позади себя — будетъ у тебя помощница. Отъ брызговъ дьявола произошло поколѣніе чертей. — Захотѣлъ онъ быть выше Бога, и пошла у нихъ война; убьютъ одного счезуна, другой умоется, брызнетъ позади себя, и явятся десять новыхъ счезуновъ. Начали они перемогать ангеловъ, архистратигъ Михаилъ проситъ помощи у Бога. Думалъ-гадалъ Господь, гдѣ ея взять — да и выдумалъ: подъ каждымъ счезуномъ подломилось небо, они и попадали на землю.

Отмѣтимъ, въ связи съ южнорусскими, еще *рымынскій* пересказъ космогонической легенды, не отличающійся, впрочемъ, сохранностью: въ началѣ свѣта была одна вода, Господь посылаетъ архангела Гавріила достать со дна песку, но его размыло у него изъ рукъ, остались за ногтями песчинки, изъ которыхъ Богъ и творитъ землю. Она простерлась по водѣ ровно, какъ лепешка (gleich einem Kuchen), но ёжъ провѣщился изъ-кустовъ, что ей слѣдовало-бы быть толще. Такой Господь ее и сдѣлалъ. Сл. Fr. Müller, Siebenbürgische Sagen (1857 г.), стр. 162. — П. А. Сырку сообщаетъ мнѣ, что дуалистическій разсказъ о мірозданіи извѣстенъ и среди бессарабскихъ румынъ; совопросникомъ Бога является чертъ.

Къ стр. 65 слѣд. Къ *великорусскимъ* легендамъ о мірозданіи присоединяю еще слѣдующую, записанную г. Звонковымъ (Этнограф. Обозр. кн. II, стр. 64 слѣд.) въ елатомскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи. Было два царства: царство тьмы на землѣ, гдѣ сидѣлъ сильный и богатый царь Сатанаилъ, царство свѣта на небѣ, Божіе. Богъ былъ добрый, любилъ Сатанаила, а тотъ

былъ коваренъ и золъ и ненавидѣлъ Господа. Разъ они заспорили, кто изъ нихъ сильнѣе; Богъ велитъ Сатанаилу сдвинуть съ мѣста престолъ, на которомъ Онъ сидѣлъ, но тому не въ моготу, потому что престолъ жжетъ его и ослѣпляетъ. Гдѣ-же тебѣ побороть меня? говоритъ Господь и свергаетъ Сатанаила на землю. Онъ ушелъ въ неё по колѣна, но отъ этого еще сильнѣе сталъ (?). — Въ другой разъ онъ поспорилъ съ Богомъ: кто кого хитрѣе. Двое насъ съ тобою на свѣтѣ, говоритъ ему Господь: сотвори третьяго. Сатанаилъ принялся лѣпить изъ глины фигуру по образу Божію, но оживить не могъ, а отъ Божія дуновенія она разсыпалась; когда Сатанаилъ слѣпилъ другую фигуру, Господь оживилъ ее своимъ прикосновеніемъ, а изъ оставшагося кусочка глины сдѣлалъ другое существо, во всемъ подобное первому, только еще бѣлѣй и краше: жену. Первозданныхъ людей Богъ помѣщаетъ въ раю; Сатанаилъ воспользовавшись опочивомъ Господа, переманилъ ихъ къ себѣ (райская ограда не пускала его, жгла и ослѣпляла) и унесъ на землю. По мановенію Господня жезла явилось небесное воинство, по свисту Сатанаила сонмы демоновъ; происходитъ борьба, въ концѣ которой Сатанаилъ провалился въ тартарары со всей своей силою. — Богъ находитъ своихъ людей на островѣ среди океана, но не внялъ ихъ мольбѣ: взять ихъ съ собою на небо. Удаляясь, онъ научилъ ихъ труду, внушилъ понятіе добра и зла. Въ знаменіе своей побѣды надъ Сатанаиломъ Господь повѣсилъ надъ землею свой мечъ-солнце; пока онъ свѣтитъ, рать Сатанаила сидитъ во тьмѣ кромѣшной, а ночью, вылѣзая, соблазняетъ человѣка; такъ и пошло отъ него грѣховное сѣмя. Долго терпѣлъ Господь, наконецъ потопомъ рѣшилъ уничтожить нечестивое племя, кромѣ праведниковъ, отъ которыхъ пошли новые люди, новыя созданія Бога, вызвавшія новыя ковы Сатанаила: разсѣваетъ Богъ днемъ доброе сѣмя, а Сатанаилъ разбросаетъ ночью плевелы: среди растеній — яды, среди животныхъ — хищныхъ звѣрей; землю, которая была плодородной равниной, Сатанаилъ взрылъ пропастями и оврагами, понадѣлалъ горъ, разбросалъ камни по землѣ.

Варьянты этой легенды вводятъ въ борьбу двухъ силъ, Бога и Сатанаила, еще Христа и Святъ-Духа, требующаго отъ «земнаго царя» законной доли; но тотъ обманываетъ его: удѣляетъ ему живыхъ людей, а за собой удерживаетъ власть надъ душами мертвыхъ. Въ результатѣ дьяволъ побѣжденъ: Христосъ и какой-то таинственный человѣкъ приковываютъ его къ цѣпи.

Елатомскій варьянтъ не знаетъ ни эпизода «ырянія» ни перваго созданія земли; то, что говорится о противоположномъ творчествѣ Бога и дьявола, отнесено ко времени послѣ потопа и напоминаетъ подробности мордовской легенды (сл. выше стр. 10), къ которой относитъ и эпизодъ о неудачной попыткѣ дьявола создать человѣка (сл. выше стр. 9). — Проба силы (сл. русскія версіи, выше стр. 66—67) и опаленіе огнемъ (стр. 8: морд., стр. 357: цыг.) соединены въ одинъ эпизодъ; появленію трехъ лицъ христіанской Троицы въ сказкѣ дуалистическаго типа отвѣчаетъ нѣчто подобное въ вотяцкомъ преданіи. Сл. выше стр. 361.

Къ стр. 77 прим. 2 *(къ легендѣ о дѣлежѣ)*. Верещагинъ, Вотяки сарапульскаго уѣзда вятской губерніи, l. c., 147—8. Ву-Муртъ (водяной) и человѣкъ жили вначалѣ дружно, пока послѣдній не обманулъ пріятеля: посѣяли они рожь, съ уговоромъ — подѣлиться. Человѣкъ и говоритъ Ву-Мурту: «Ты возьмешь нижнія части, я верхнія». Въ другой разъ дѣлежъ касается рѣпы, и человѣкъ дѣлаетъ обратный выборъ. Обездоленный Ву-Муртъ проклялъ его, говоря: «Пусть съ этой поры я увижу тебя только передъ несчастьемъ». Такъ и стало.

Къ стр. 82—3 *(къ полѣсской легендѣ о мірозданіи)*. О такой же неудачной попыткѣ чорта, на этотъ разъ отождествленнаго съ кузнецомъ, поетъ финская пѣсня, записанная въ Wuokiniemi, въ русской Кареліи (Архангельской губерніи): Христосъ погребенъ между двухъ плитъ, но по молитвѣ Богородицы солнце растопило ихъ, и онъ воскресъ. Слышитъ удары молота, входитъ

въ образѣ нищаго въ кузню Ильмаринена. На его вопросъ, что такое куютъ, ему отвѣчаютъ, что — цѣпь для Создателя; только позабыли примѣрить, придется-ли она ему по шеѣ. — Да шея у него такая-же, какъ у тебя, говоритъ Христосъ; дай я помѣрю. — Наложилъ на него цѣпь, замкнулъ замкомъ, а концы схоронилъ въ глубь земли: Стой такъ все время, пока не будетъ ни солнца, ни мѣсяца, ни бѣлаго дня (сл. Bugge, l. c. стр. 412—13). Такъ томится внизу подъ Гробомъ Господнимъ кузнецъ, что ковалъ гвозди для распятія, и всё бьетъ молотомъ. Эту мѣстную легенду, слышанную архимандритомъ Греѳеньемъ, я сличалъ съ новогреческими пѣснями того-же содержанія (сл. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1876 г., Августъ, стр. 197—8, прим. 4; Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ, ib. ч. CCXXXIX, отд. 2, стр. 181). — Отмѣтимъ въ финской рунѣ враждебное отношеніе Ильмаринена—ковача=дьявола къ Христу (сл. выше стр. 106 слѣд.). — Иначе въ повѣрьяхъ крестьянъ елатомскаго уѣзда тамбовской губерніи (Звонковъ, l. c. стр. 71): кузнецъ отказался ковать чорту оружіе для борьбы съ богомъ — и Богъ далъ зарокъ чертямъ не губить души кузнеца. По другимъ преданіямъ кузнецъ надѣлалъ громовыхъ стрѣлъ Ильѣ, и угодникъ наградилъ его той-же силой.

Къ стр. 87 *(Mimsvinr)*. Сл. мнѣніе Bugge (и Rydberg'a) l. c. стр. 561—2, что сынъ Bǫlþór'a (Hávamál 140), дядя Одина по матери, не кто иной, какъ Mimir.

Къ стр. 94—95 *(созданія дьявола)*. Сл. Вотяки сосновскаго края Гр. Верещагина, Зап. Имп. русск. географ. Общ. по отд. этнографіи, т. XIV, вып. 2, стр. 75. Діаволъ хотѣлъ умудриться сдѣлать человѣка и составилъ четвероногое животное съ рогами и бородой; но оно было безъ движенія: жизни въ немъ не было. Діаволъ старался, старался — животное не могъ оживить и бросилъ. Богъ дунулъ на животное, и оно ожило. Вотъ съ

той поры и появилась коза. — Потанинъ, Очерки IV, стр. 226: летучихъ мышей, ящерицъ, лягушекъ сотворилъ курмэсь, по кумандински аза (телеутское повѣрье).

Къ стр. 96 прим. 2 *(легенда о пчелѣ)*. Сл. Верещагинъ, l. c., стр. 146. Когда распяли Христа, пригвоздивъ руки и ноги, хотѣли вдобавокъ вбить еще гвоздь въ сердце; но въ это время на грудь его сѣла пчела; принявъ её за шляпку гвоздя, гвоздя не вколотили. Въ соотвѣтствующей русской легендѣ вмѣсто пчелы явилась муха.

Къ стр. 113 *(Hoenir)*. Этимологію, предложенную Вигфуссономъ, поддерживаетъ, какъ я теперь усмотрѣлъ, Hoffory, Gött. Gel. Anzeigen 1888, стр. 161 и слѣд. (сл. стр. 168: Hønir = готск. *hauhneis = κυκνεῖος), но пониманіе образа и его миѳическаго содержанія у него другое: Hoenir, эпитетъ котораго: aurkonungr толкуется какъ «властитель влаги» (стр. 166; иначе у насъ, стр. 113), не что иное, какъ—облако; облака представлялись—*лебедями* (стр. 167—8). Если въ разсказѣ объ оживленіи первыхъ людей о Hoenir'ѣ говорится, что онъ далъ имъ óþ = душу, то авторъ объясняетъ это, отождествляя душу съ fylgja'ей (сл. у насъ выше стр. 184—5, 301—2 слѣд.), которой одѣляютъ новорожденныхъ *лебединыя дѣвы* = норны = дизы (стр. 169—170). Онѣ повторяютъ такимъ образомъ лишь актъ Hoenir'a по отношенію къ первымъ людямъ. «Высоко надъ облаками онъ хранитъ въ воздушномъ покровѣ фильгьи нерожденныхъ еще поколѣній; при каждомъ рожденіи его *дочери* приносятъ смертнымъ чудесный залогъ, и при каждой кончинѣ уносятъ его снова въ безвѣстную высь» (стр. 170). Это поэтично, но сомнительно: я не помню напр., чтобы лебединыя дѣвы, норны давали именно *фильгью*; еслибы Hoenir стоялъ съ ними въ предполагаемой связи, она гдѣ-нибудь проглянула бы въ частыхъ упоминаніяхъ сѣвернаго миѳа о рожаницахъ, дѣвахъ судьбы и т. п.; наконецъ Hoenir, «властитель *влаги*», потому и признанъ облакомъ, что власть надъ

влагою оказалась (стр. 166) уже распредѣленною между Mímir'омъ, Njǫrþ'омъ и Égir'омъ.—Интересенъ въ замѣткѣ Hoffory (стр. 163—4) пересказъ фарейскаго Lokka-táttur: крестьянинъ играетъ съ великаномъ въ тавлеи, проигралъ и долженъ отдать ему своего сына, если не съумѣетъ спрятать его отъ глазъ врага. Онъ поочередно обращается къ помощи Одина, Hoenir'а и Loki; когда явился Hoenir, повелъ ребенка на зеленый берегъ; семь лебедей летѣли черезъ заливъ, двое изъ нихъ сѣли возлѣ Hoenir'а, который велитъ мальчику обратиться въ перо на головѣ одной изъ птицъ. Великанъ поймалъ лебедя, перекусилъ ему глотку, но перо вылетѣло у него изо рта и обернулось мальчикомъ, котораго Hoenir и повелъ къ отцу.—Важенъ въ этой пѣснѣ лишь образъ *лебедя*, косвенно поддерживающій этимологію имени Hoenir'а.

Къ стр. 131—3. Съ представленіемъ *Милостыни*, отворяющей врата рая послѣ того какъ пройдена лѣствица мытарствъ, сл. миніатюру въ Hortus Deliciarum Herrad'ы von Landsberg (ed. Chr. Mor. Engelhardt, стр. 44—5 и таблица IX), иллюстрирующую соломоновскую «суэту суэтъ»: по лѣствицѣ, ведущей къ вѣнцу жизни, восходятъ люди, защищаемые ангелами отъ стрѣлъ демоновъ, и валятся; пустынникъ добрался уже до верху, но также летитъ стремглавъ, ибо заботы объ его садикѣ часто отвлекали его отъ созерцанія Божества. Увѣнчана одна лишь *Caritas*.

Къ стр. 135 слѣд. *(limbus infantum)*. Дѣти, умершія некрещеными, попадаютъ въ Nobischratten или Nobiskrug.—Nobis= abyssus. Сл. Rocholz, Deutscher Glaube und Brauch, I, 209.

Къ стр. 143 прим. 1. Сл. Grimm, Deutsche Mythologie, указатель a. v. Gurorysse: по норвежскому повѣрью души тѣхъ, которые не заслужили ни неба, ни ада, пьяницы, насмѣшники, обманщики осуждены до скончанія вѣка мчаться въ сонмѣ Дикой

Охоты (Aaskereia, Aaskereida); во главѣ ихъ Gurorysse или Reisarowa съ своимъ длиннымъ хвостомъ. Объѣзды совершаются на Святкахъ.

Къ стр. 148. Въ нѣмецкомъ стихотворномъ пересказѣ Хожденія св. Брандана (Sanct Brandan. Ein lateinischer und drei deutsche Texte, hrsg. v. Dr. Carl Schroeder, 1871, стр. 78 слѣд.) безразличные ангелы изображены иначе:

1249 ir houbte wâren als der swîn,
ir hende berîn und vûze hundîn,
cranches halse, menschliche brust.

Это имъ въ наказаніе:

1365 wir geniezen ouch des dâmite
wan wir des hundes site
Zû himele begiengen.

Господь не осудилъ ихъ на адскія мученія, и они еще надѣются на его милосердіе.

Къ стр. 154, прим. 1. Сл. C. Decurtins, Sürselvische Märchen въ Zeitschr. f. roman. Philologie, XII, 4. 1—2, стр. 142—3, № 17 (S. Giusep et il fravi); итальянскую версію изъ Бріанцы и пересказъ провансальской легенды у Daudet (La Belle Nivernaise): Jarjalle chez le bon Dieu, légende provençale. Сл. Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, v. VII, fasc. III—IV, стр. 482—4.

Къ стр. 170—1 *(Преты)* Сл. И. П. Минаева, Посланіе къ ученику, соч. Чандрагомина, отдѣльный оттискъ изъ Зап. вост. отд. Имп. русск. археол. общества, т. IV, стр. 9—10.

Къ стр. 182—3 *(три Маріи)*, 207—10 *(образъ связи-доли)*. H. v. Wlislocki, Zu den «Drei Mareien (Germania XXXIV B., стр. 130 слѣд.) приводитъ нѣсколько новыхъ варьянтовъ къ пѣ-

сенкѣ о трехъ Маріяхъ, трехъ вѣщихъ дѣвахъ-рожаницахъ съ символомъ связи-доли, золотой нити, веревки. Особливо интересны сообщенныя имъ повѣрья седмиградскихъ армянъ и кочевыхъ цыганъ. Первые говорятъ, что Среча (Glücksfrau) дѣлаетъ изъ своей слюны «счастливую сорочку» (Glückshemd) ребенку, родившемуся въ ту пору, когда она сама кормитъ грудью своего сынка, Случай (Zufall). Оттого ребенка передъ крещеньемъ кладутъ на мѣсто, освѣщенное луной, и всѣ уходятъ изъ покоя, чтобы не помѣшать Сречѣ надѣть на дитя невидимую сорочку, которая останется на немъ, невѣдомо для него самого, въ теченіе всей жизни и приноситъ ему счастье. Седмиградскіе румыны бросаютъ въ садъ при новомъ мѣсяцѣ кусокъ пуповины, изъ которой «добрыя жены» плетутъ «счастливую нить» (Glückfaden), плетутъ, пока третья ея не обрѣжетъ; съ этимъ вмѣстѣ прекращается и счастье человѣка. Такую же нить плетутъ и цыганскія Keschalyi: феи, осужденныя на бездѣтность; ихъ дѣти умираютъ, и онѣ горюютъ о нихъ, прячась въ неприступныхъ пещерахъ, тогда какъ ихъ длинные волосы, развѣваясь по вѣтру, производятъ туманъ: «волосы Keschalyi»; когда умретъ человѣкъ, стоявшій подъ ея покровительствомъ, она съ горя рветъ на себѣ волосы; это — нити паутины, носящіяся въ извѣстную пору лѣта надъ полями (Sommerfaden), ихъ зовутъ «печалью Keschalyi»; бездѣтныя цыганки собираютъ ихъ и, когда нарождается новый мѣсяцъ, ѣдятъ ихъ вмѣстѣ съ мужьями, шепча слѣдующій заговоръ: «Прядите, прядите, Keschalyi, пока еще течетъ вода въ потокахъ; мы пригласимъ васъ на крестины, когда вы спрядете красную нить сречи для ребенка, котораго мы приживемъ по вашей милости». Эта нить сречи является въ видѣ тонкой красной полоски вокругъ шеи у людей, одаренныхъ долей, какъ напр. у прародителя цыганскаго племени Leïla, прозваннаго Lolo = красный. Его мать Leïla, выгнанная изъ дома братомъ и невѣсткой, жила въ лѣсу, въ пещерѣ, питаясь злаками; увидѣли ее съ горы три Keschalyi; «брошу я ей нѣсколько своихъ волосъ, говоритъ одна изъ нихъ: она съѣстъ ихъ и родитъ сына, который ста-

нетъ о ней заботиться». По мановенію второй Keschalyi у пещеры дѣвушки явился золотой потокъ, вода котораго имѣла вкусъ прекраснаго вина, и золотое дерево, приносившее всевозможные плоды. А я нарекаю, сказала третья, что имѣющій родиться ребенокъ, когда возмужаетъ, не всегда будетъ счастливъ. — У дѣвушки родился сынъ, тотчасъ-же становящійся юношею, когда его искупали въ золотомъ потокѣ. Услышавъ о житьѣ-бытьѣ сестры, ея братъ послалъ за нею солдатъ; опившись виномъ потока, они убили Лейлу, а ея сынъ едва спасся. Когда онъ впослѣдствіи обзавелся семьей, онъ положилъ всѣмъ своимъ зваться Leïla, по имени матери.

Keschalyi напоминаютъ нижне-нѣмецкихъ Metten, Mettena англосакс. Боэція, гдѣ онѣ, по значенію, отвѣчаютъ паркамъ. Въ нижней Саксоніи Sommerfaden называются Mettjes, Metten, Sommermetjes; въ Дитмаршѣ говорятъ, когда осенью поля и кусты полны летучей, цѣпляющейся паутины: de Metten hebt spunnen—то напряла Мета; когда такая паутина пристанетъ къ платью, это приноситъ счастье. Mannhardt (Germ. Mythen стр. 638—40) объясняетъ её имя: die Abmessende — отмѣряющая, удѣляющая, *доля*. Въ средневерхненѣм. mezzen (у Frauenlob'a, Leich XVII, 20) понятіе обобщилось: Богородица названа «aller himele mezzen».

Къ стр. 191—193 *(феи, подательницы доли)*. Сл. Amadas et Ydoine, ed. Hippeau, v. 1979 слѣд.: Ydoine, выданная противъ воли за графа Неверскаго, хочетъ сохранить себя для Amadas'a; съ этой цѣлью она обращается къ помощи трехъ sorcières, которыя своимъ волшебствомъ производили невѣроятныя вещи (v. 2023 слѣд.). Ночью, наканунѣ свадьбы, онѣ являются въ покой графа, напустили сонъ на его свиту,

2089 Et puis se muent à mervelle
Em beles figures de fées;
Si se tiegnent à *destinées*.

выдавая себя за Cloto, Lachesis и Atropos. Подойдя къ ложу графа,

2115 Une touaille rice et grant
Bele et blance traient avant,
Et d'argent .III. coupes mult beles,
Trois cuilliers et .III. esquieles,
Et à blans mances .III. coutiaus,
Et puis après .III. simeniaus,
Mengiers ont et viandes chières,
Et boires de maintes manières;
Et quant mangié et beü ont,
Entrées en paroles sont
Et devisent com destinées.

Завтра Ydoine выходитъ за графа, говоритъ Clotho; что выйдетъ изъ этого?

2170 L'autre dist: Merveille me semble,
Que tel cose me demandés:
Car Ydoine, très bien savés,
Qu'à sa naissance fui marie,
Si destinai que en sa vie
Jamais joie d'amors n'aroit...
2184 Vous la criastes bele et bloie
Et je refis cou que voil faire;
Toute sa vie en grant contraire
Ai mise; puis qu'aura signour,
Jamais n'ert eure sans dolour.

Clotho проситъ сестру измѣнить свое рѣшеніе; она отказывается. Тогда провѣщилось и Atropos:

2211 Dont ne doit estre bien marie
Et avoir ire envers le conte
Et destiner sa vie à honte
Qui quant à sa naissance fui,
Li cotiax dont je taillier dui,
Me failli, que je n'en euc mie,
Si com vous fustes messervie

De la cuiller à la naissance
Ydoine.

Оскорбленная этимъ, она нарекла ему злую долю:

2224 Que quant il feme espouseroit
Et ensamble avec li giroit,
Si tost com son bon aroit fait,
Jà puis n'aroit joie ne hait,
Car en cel an à duel morroit

Такъ онѣ напугали графа; закончивъ свои вѣщанія,

2269 Puis ont devant le conte estaint
.I. des cierges qui cler ardoit,
Car sans quidier savoir le doit
Que sa vie monstré li ont.

Удаляясь, одна изъ мнимыхъ фей повторяетъ ему, что если онъ соединится съ Ydoine, то умретъ; такъ ему суждено (2293 par destinée). Позже Ydoine (v. 7161 слѣд.) разсказываетъ ему, будто апостолъ Петръ явился ей въ Римѣ, съ нимъ три жены, которыя, повинуясь его велѣнію, объявили ей то, что уже извѣстно было графу. Это — три сестры, говоритъ апостолъ,

7189 Toutes .III. destinées sont
De trestoute la gent du mont;
Sour trestous ont force et pooir
De destiner à leur voloir
Masle et femele à leur plaisir.
Eles vous font ensi languir;
Ne puet estre que soit fausée
Por nule riens la destinée.

Старое вѣрованіе въ фатъ-рожаницъ лежитъ въ основѣ этого эпизода. Какъ въ иныхъ случаяхъ мы наблюдали вырожденіе аналогическихъ образовъ въ представленіе вѣдьмъ и вѣщихъ женъ (сл. выше стр. 293, 301, 303), такъ здѣсь вѣдьмы играютъ роль фей. Ихъ три, и онѣ сестры; имъ ставятъ трапезу (сл. выше стр. 178, 182 прим. 5, 189, 193); романъ въ сценѣ

вѣщаній измѣнилъ эту традиціонную данную такъ, что сами вѣдьмы-феи приносятъ её съ собою (между прочимъ: III simeniaux = пшеничные хлѣбы, сл. κουλούρια — трапеза новогреческихъ мойръ), хотя въ разсказѣ о томъ, почему они нарекли злую долю графу и Ydoine, ясно сквозитъ черта, что трапеза была для нихъ приготовлена, но одной изъ фей чего-нибудь не достало: при рожденіи графа *ножа*, при рожденіи Ydoine *ложки;* очевидно — символическія примѣты для мальчика и дѣвочки. — Отмѣтимъ еще одну черту: окончивъ вѣщанія, вѣдьмы-феи тушатъ одну изъ свѣчей; объясненіе этой черты въ романѣ отзывается чѣмъ-то искуственнымъ, и представляется вѣроятнымъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ неловкимъ пріуроченіемъ подробности, относящейся къ нареканію феями-мойрами-норнами судьбы новорожденному (сл. выше стр. 191, 194).

Къ стр. 198 прим. 2. Сл. Clouston, l. c. I, стр. 413 слѣд. и 482 слѣд.; Archivio delle tradizioni popolari italiane, V, стр. 156 a—157 b.

Къ стр. 199—200 *(отъ судьбы не уйти)*. Сл. въ 1001-й Ночи разсказъ третьяго календера.

Къ стр. 200, прим. 4. Сл. библіографическія сопоставленія Stanislao Prato, Rev. des traditions populaires, IV, стр. 176—8.

Къ стр. 225 прим. 1. Сл. Clouston, l. c. I, стр. 400 слѣд.

Къ стр. 269 *(Преполовеніе = рахманьскый великдень):* у болгаръ *ру́са среда.*

Къ стр. 334. (*Легенда объ Амфилогѣ* у Галятовскаго). Слѣдующей выпиской я обязанъ г. Хр. Лопареву: «Амфилогъ царь Сарацинскій поганинъ въ Іерусалимъ пришолъ до церкви на службу божую, и въ той часъ видѣлъ Христа яко дитятко ма-

лое, которое священникъ на олтарѣ зарѣзалъ, для того поставилъ сторожу около того священника, жебы не утеклъ. Гды мовилъ священникъ: Пресвятую, чистую и преблагословенную славную Владычицу нашу Богородицу и прочее, въ той часъ пришло множество аггеловъ, которыя поднесши руки за весъ міръ христіанскій молилися Богу; а гды мовилъ священникъ: Изряднѣ о пресвятой, чистой, преблагословенной, славной Владычицы нашей Богородицѣ и присно Дѣвѣ Маріи,—на той часъ душамъ въ тмѣ будучимъ двери отворилися. По службѣ Божой священникъ цареви принеслъ просфору, мовилъ ему царъ: Видѣлемъ тебе, нещасьливый человѣче, жесь дитя зарѣзалъ и тымъ еси служилъ. Отказалъ священникъ: Такого чуда ни святые отцы Василій и Григорій не видѣли, якое ты, цару, видѣлъ. Почувши тое царъ въ Христа увѣрилъ и окрещенный отъ патріарха іерусалимскаго и въ схѵму облеченый потомъ ѣхалъ въ землю сарацинскую до брата своего, на имя Кликанця, и того до Христа наверънулъ и окрестилъ, которые ободва почали Христа проповѣдати; для того сарацини погане ихъ позабіяли». (Небо Новое з новыми звѣздами сотворенное, соч. Іоанникія Галятовскаго. Львовъ, 1665 г., л. 52 об.—53 об.).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ХОЖДЕНІЕ ѲЕОДОРЫ ПО МЫТАРСТВАМЪ И НѢСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВЪ ИЗЪ ЖИТІЯ ВАСИЛІЯ НОВАГО.

По Синодальной рукописи № 249, бум. XVII в.

Полное греческое житіе св. Василія Новаго, представляемое синодальнымъ его спискомъ № 249 [1]), до сихъ поръ не издано. Текстъ, напечатанный болландистами въ Приложеніи ко III-му Мартовскому тому AASS, стр. 20 слѣд., представляетъ, какъ сказано въ введеніи къ XII-й главѣ, стр. 121—2, и видно будетъ изъ слѣдующаго сопоставленія, лишь сокращеніе этого оригинала съ нѣкоторыми стилистическими подновленіями.

Житіе по рукописи начинается такимъ образомъ (л. 2 лиц.): «Ὁ θειότατος καὶ προφητικώτατος Δαβὶδ ἔλεξε φάσκων· Εἰς μνημόσυνον αἰώνιον ἔσται δίκαιος ὑποφαίνων ὡς ἀνεξάλειπτα τὰ σήμαντρα τῆς ἀρετῆς τῶν δικαίων εἰς τὸ διηνεκὲς τυγχάνουσι καὶ ὁ Σολωμὼν δὲ ὁ σοφώτατος παραπλήσια τῷ γεγεννηκότι ἀπεφθέγξατο λέγων· Μνήμη δικαίου μετ᾽ ἐγκωμίων, ἀξιογέραστα κρίναντες καὶ ἐπάξια τιμῆς καὶ ἐπαίνου τὰ τῶν ἁγίων μνημόσυνα· ἀλλ᾽ οὗτοι μὲν ὡς χρησμῳδοὶ Κυρίου καὶ θεῖοι ὑποφῆται οὕτως σοφῶς καὶ θεοπρεπῶς ἀπεφθέγξαντο, ἐγὼ δὲ ὁ μηδενὸς λό(л. 2 об.)γου ἐπάξιος, ἡ ἀμυδρὰ σταγών, ἡ κατάξηρος πηγή, ὁ βορβορώδης λάκκος, ὁ καὶ τοῦ ζῆν

---

[1]) Авторъ «Сказанія о Мытарствахъ» (Духовная бесѣда, 1866 г., № 7). излагая соотвѣтствующій эпизодъ изъ житія Василія Новаго по Макарьевскимъ Четьимъ-Минеямъ, свѣрялъ его и съ нашею греческой рукописью.

ἀνάξιος καὶ τοῦ τηλικαῦτα τεράστια καὶ θαυμάσια μέλλων διηγήσασθαι, ἀπορῶ τί εἴπω καὶ τί λαλήσω καὶ πῶς τοιαῦτα μεθοδεύσομαι ὡς ἂν ἰσχύσω καταπόδας κ' ἂν φθάσαι τοῦ διηγήματος καὶ μὴ παντάπασιν ἐξωπεσεῖν ἐν τῷ διηγεῖσθαι τὰ τοῦδε τοῦ ἁγίου τερατουργήματα. Βούλομαι τοίνυν σιωπᾷν. Сл. текстъ болландистовъ l. c. стр: 20 A: ὁ θειότατος καὶ προφητικώτατος Δαυὶδ ἔλεξε φάσκων· Εἰς μνημόσυνον αἰώνων ἔσται Δίκαιος· ὑπεμφαίνων, ὡς ἀνεξάλειπτα τὰ τῆς ἀρετῆς τῶν Δικαίων σήμαντρα εἰς τὸ διηνεκὲς τυγχάνουσι διὰ τῶν κατὰ καιροὺς τὰ θεία σοφῶν ἐκδιηγούμενα, κοινὸν ὄφελος. Ἀλλ' οὗτοι μὲν ὡς λόγου μεμοιραμένοι εἰκότως ταῦτα συγγράφουσιν· ἐγὼ δὲ ἡ μικρὰ σταγών, ἡ ὑπόξηρος πηγὴ, ὁ βορβορώδης λάκκος, ὁ μηδενὸς λόγου ἄξιος, πῶς ὅλως τολμήσω διᾶραι στόμα, ἢ φράσαι μεγίστου καὶ τηλικούτου πατρὸς φρικωδέστατα τεράστια καὶ θαυμάσια. Βούλομαι τοίνυν σιωπᾷν [1]).

И далѣе текстъ болландистовъ всюду сокращаетъ, опуская цѣлые эпизоды, обобщая мѣстныя подробности, замѣняя одни слова другими. Сл. напр. син. ркп. л. 3 лиц.: Ἐντεῦθεν δὲ τῆς διηγήσεως ἄρξομαι ταῖς ὑμετέραις εὐχαῖς ἐρειδόμενος, ἐπεὶ καὶ Θεῷ φίλον τὸ κατὰ δύναμιν, ἄλλως τε οὐδὲ πάντα λέγειν μοι τὰ ἐκείνου δυνατόν, οὐδὲ γὰρ ἀγγέλων ἴσως τοῦτο ἐστίν, οὐδὲ ἀποστόλων ὡς φησὶν ὁ διαπρύσιος Παῦλος· ἐκ μέρους γινώσκομεν, καὶ ἐκ μέρους προφη-

---

[1]) Славянское житіе по списку XIV—V в., на пергаменѣ, нынѣ Главн. Моск. Архива Мин. Иностр. дѣлъ (изъ собранія Оболенскаго), начинается иначе: «Непостижнаго ба҃ ѿ чл҃чьстѣⷨ родѣ пребл҃гаго и чл҃колюбиваго ст҃ыа прм҃дрено и҆ не изъреченнѣ строѧща̀ и҆̑же къ сп҃сенїю дш҃амъ подобнаа і҆ на преѿбидѣнїе землены ⷯ и҆ тлѣющиⷯ і҆ на желанїе же на҃ вѣчныⷯ бл҃гъ возводаща в различнаа времена своими е҆̑моу оу҆годникы показавъ въ послѣдниⷯ временѣⷯ сихъ въ црⷭтвоую҆ще҆̑ всѣмъ градовѡⷨ въ новомъ Римѣ въ Коньстантинѣ градѣ и҆̑ нынѣ наⷨ в' начало предлежащаго словеси бг҃носнаго ѡⷮца нашего̀ великаго в' постьницѣⷯ и҆̑ пресла̀внаго в чюдесѣⷯ препдⷣбнаго Василїа Новаго, и҆̑же ѡⷮкоудоу бы и҆̑ ѡⷮ какыⷯ родиса родитель ни саⷨ е҆̑ще в житіи ꙗ҆̑вленна сътвори ни и҆̑нъ никтоже ни по неⷨ предастъ наⷨ, ѿбаче видимо ꙗ҆̑ко в лѣта те бе цⷭра Василїа Макидона в ї҆-е лѣто црⷭтва е҆̑го̀ послани быша боꙗ҆̑ре нѣцїи и т. д. Въ греч. текстѣ (синод. сп. л. 4 лиц. = AASS. стр. 20 С) говорится о десятомъ годѣ царствованія Льва и Александра. — За пользованіе копіей съ арх. ркп. приношу благодарность И. А. Шляпкину, которому я обязанъ указаніемъ на севастьяновскій списокъ житія (Рум. муз. № 39—1470, на бомбицинѣ, сербскаго письма).

τεύομεν. Τὰ μὲν περὶ τῆς γεννήσεως αὐτοῦ.... λέγειν οὐκ ἔχω. Сл. AASS. l. c. стр. 20 B, § 1: Ἐντεῦθεν δὲ τῆς διηγήσεως ἄρξομαι, ταῖς ὑμετέραις εὐχαῖς ἐρειδόμενος, ἐπεὶ καὶ Θεῷ φίλον τὸ κατὰ δύναμιν, ἄλλως τε οὐδὲ πάντα τὰ ἐκείνων δυνατὸν, καὶ αὐτῶν Ρητόρων γλώσσαις ἐρεῖν, μὴ ὅτι γε ἐμοὶ τῷ ἀμούσῳ καὶ ἀσυνέτῳ. Τὰ μὲν οὖν τῆς γενήσεως αὐτοῦ.... οὐκ ἔχω λέγειν.

л. 3 об. Στέφανος.... πάσης ἀρετῆς καταστραπτόμενος συνεχέσι (л. 4 лиц.) δὲ τοῖς ποτοῖς παρὰ τῶν ἰατρῶν δεχόμενος διά τι ἱκανῶς ψυχρᾶναι τὸν στόμαχον αὐτοῦ τῆς πυρκαίας ἕνεκεν τῆς ἐν νεότητος παρενοχλούσης αὐτῷ καὶ ἐκ τοῦδε εἰς νόσον πεσὼν ἐν συντόμῳ τέλος τοῦ βίου ἐχρήσατο. Сл. AASS. l. c. стр. 20 C, § 1: Στέφανος.... ἀνὴρ πάσῃ ἀρετῇ διαπρέψας. Εἰ καὶ οὗτος ἐν συντόμῳ τὸ χρεὼν ἐλειτούργησε, καὶ συνεχῆ καθάρσια παρὰ παίδων ἰατρῶν δεξάμενος διὰ τὴν ἐνοχλοῦσαν αὐτῷ ἐκ (не разобрано слово) πυρκαΐαν, ὑφ' ὧν κακῶς ψυχρανθεὶς τὸν στόμαχον καὶ εἰς νόσον δυσδιήγητον περιπεσὼν, ἐτελεύτησε.

Въ текстѣ AASS. стр. 20 E, § 3 Самона велитъ отвести святаго εἰς τὸν ἴδιον οἶκον; въ ркп. л. 5 лиц.: εἰς τὸν λεγόμενον Νέον οἶκον. — Святому даютъ не по 300 ударовъ въ день (AASS., стр. 20 F, § 5), а χιλίας μάστιγας (л. 7 об.). — Василій говоритъ Самонѣ (AASS, стр. 21 A, § 5): οἱ τὰ τῶν Σοδόμων ἔργα κρυπτῶς ποιοῦντες, ὡς σὺ, δικαίως οἱ τοιοῦτοι ἀνόσιοι προσαγορεύονται. Ἦν γὰρ ὁ Σαμωνᾶς φύσει εὐνοῦχος καὶ ὡραῖος τῇ ὄψει = л. 8 лиц.: Οἱ τὰ τῶν Σοδομιτῶν ἔργα ἐν τῷ λεληθότι διαπραττόμενοι ὥσπερ σύ· Ἦν γὰρ φύσει ὁ Σαμονᾶς εὐνοῦχος καὶ ὡραῖος τῇ ὥρᾳ καὶ ταῖς ἐκείνων ἀνοσιουργίαις ἀνενδότως (л. 8 об.) εἰσπραττόμενος· οὗτοι δικαίως ἀνόσιοι.

На стр. 21 B, § 6, AASS. отмѣтимъ хронологическое отличіе: πολλῶν οὖν συνδεδραμηκότων τῇ ἐπαύριον; ркп. л. 9 об.: τῇ δὲ ἑσπέρᾳ.

Самона велитъ бросить святого въ море л. 10 лиц.: Προσέταξε τῇ νυκτὶ ἐκείνῃ δεσμοῖς καὶ στρεύλαις πεδηθῆναι ὅλον τὸ σῶμα αὐτοῦ καὶ ἐν τῇ θαλάσσῃ ῥιφῆναι· παντελῶς γὰρ εἰσῆλθεν εἰς τὴν καρδίαν αὐτοῦ ὁ διάβολος, ᾤετο γὰρ ἵνα μηδὲ τῆς νενομισμένης

ταφῆς αὐτὸν τύχῃ παρὰ τῶν εὐσεβῶν, ἀλλὰ ποντοφόρητος καὶ ἰχθυόβρωτος γένηται, ὁ δὴ καὶ γέγονε κατὰ τὸ τοῦ Σαμωνᾶ πρόσταγμα· καὶ παραλαβόντες αὐτὸν οἱ τοῦτο προστεταγμένοι δήμιοι τρίτῃ φυλακῇ τῆς νυκτὸς ἐπὶ τὸ πέλαγος ἀπῄεσαν καὶ τῷ τῆς Βαρβάρας λεγομένῳ ῥεύματι καταλαβόντες, καὶ ἐν αὐτῷ αὐτὸν ἀπορρίψαντες σιδηροδέσμιον, ὡς προείρηται, ἀνεχώρησαν. Сл. AASS. стр. 21, C, § 7: Ἀλλὰ προέταξε τῇ νυκτὶ ἐκείνῃ εἰς τὴν θάλασσαν ῥιφῆναι, ὁ δὴ καὶ ἐποίησαν οἱ ὑπηρεται τρίτῃ φυλάκῃ τῆς νυκτός.— Τῆς Βαρβάρας ῥεῦμα находилось, вѣроятно, со стороны Босфора, у Πύλη τῆς ἁγίας Βαρβάρας, нынѣ Топъ-капуси.

л. 10 об.: ῥίγει καὶ πυρετῷ = AASS. стр. 21 C, § 7: ῥιγοπυρετῷ. — л. 14 лиц.: Ζωῇ (τετάρτῃ οὔσῃ γυναικὶ Λέοντος): поставленнаго въ скобки нѣтъ въ AASS. стр. 21 F. § 10.

л. 20 лиц.: τὴν κάραν τοῦ ἀτυχεστάτου Δουκὸς ἀποτέμνοντες οἱ στρατιῶται, μᾶλλον δὲ δήμιοι, εἰςήγαγον κατὰ πρόσωπον τοῦ Ἡττηλάου ἐκείνου ἢ Νικολάου, καὶ τῶν δυστήνων τῶν σὺν αὐτῷ, ἐκέλευσαν κοντῷ ἐμπαρεῖσαι. Въ AASS. 22 F. § 14 нѣтъ этой игры словами; она встрѣчается далѣе стр. 23 A § 14 (Ἡττιλάῳ), но въ нашемъ текстѣ въ послѣднемъ случаѣ другое: Ἀγρικολάῳ (л. 20 об.).

л. 28 лиц.: Κωνσταντῖνος δέ τις τοὔνομα, ὃν Βάρβαρον οἱ πάντες ὠνόμαζον διὰ τὸ ἐθνικὸν αὐτὸν εἶναι, πριμμικηρίου ἀξίᾳ τετιμημένος. Сл. AASS. стр. 24 B, § 20: Κωνσταντῖνος, ὃν καὶ Βάρβαρον οἱ πολλοὶ ὠνόμαζον.

Патрикія Анастасія говоритъ о святомъ августѣ Еленѣ, которая желаетъ его видѣть; далѣе повѣствуется, что Василій бывалъ и ἐν τῷ τῆς Εἰρήνης πατρικίας οἴκῳ (AASS. l. c. стр. 24 D, § 21). Въ нашей ркп. л. 30 лиц. нѣтъ имени Ирины: ἐν τῷ οἴκῳ τῆς πανευφήμου πατρικίας (Анастасіи); Εἰρήνης прочтено вмѣсто εἰρη(μέ)νης?. — Когда Анастасія была при смерти, она призвала святого, дабы онъ помолился объ ея выздоровленіи; л. 34 лиц.: ὁδὲ ἰδὼν ἄνωθεν τὸ πρόσταγμα ὀξέως κατενεχθὲν καὶ τὸν θάνατον αὐτῆς κατανοήσας ὥσπερ λέοντα ἑστῶτα ἀνωτέρω τριῶν βαθμίδων καθὰ Ἐζεκίας φησὶ ὁ βασιλεύς· παρεδόθην

τῷ θανάτῳ μου δυτικῷ λέοντι ἀπὸ πρωΐας μέχρι πρωΐας· τοῦτον οὖν προϊδὼν ὁ ἅγιος καὶ ὅτι ἀδύνατόν ἐστιν ἀποστραφῆναι, συνορῶν καὶ τὴν ψυχικὴν αὐτῆς κατάστασιν ἑτοίμην οὖσαν и т. д. Сл. AASS. стр. 25 B, § 25: ὁ δὲ εἰδὼς τὴν ἄνωθεν πρόσταξιν, ὡς ἀπαραίτητον, ἀλλὰ καὶ τὴν ψυχὴν αὐτῆς ἑτοίμην οὖσαν καὶ καρπὸν φέρουσαν Κυρίῳ ὥριμον .... ἐψυχαγώγει αὐτήν.

л. 35 об.: о монахѣ Епифаніи говорится: ὀγδοηκοστὸν ἔτος ἀνύων ἐν τῇ ἀσκή (л. 36 лиц.) σει ἐξ αὐτῶν σχεδὸν μητερικῶν μαζῶν τὸν μονήρη βίον προελόμενος, ἓξ γὰρ ἐτῶν ἀποκαρείς, ἑβδομήκοντα καὶ τέσσαρας ἐν τῇ αὐτῇ θείᾳ μονῇ βιώσας χρόνους. Сл. AASS. стр. 25 D, § 26: ἑβδομηκοστὸν ἤδη ἔτος ἀνύων ἐν τῇ μονῇ πρὸς τοῖς τέσσαρσιν, ἀπὸ ἓξ ἐτῶν ἀναδοθεὶς τῷ Θεῷ.

AASS. стр. 25 F, § 28 говорится о двухъ храмахъ, ἐπ' ὀνόματι τῶν Ἀρχαγγέλων; въ ркп. л. 38 об.: ὀνόματι τῶν ἀρχιστρατήγων Μηχαὴλ καὶ Γαβριήλ.

Григорій пораженъ провидѣніемъ святого, ὥστε με καταπλαγῆναι τὴν πρόῤῥησιν τοῦ Ἁγίου καὶ δοξάσαι τὸν Κύριον, τὸν ἐν ταῖς ἐσχάταις ἡμέραις τοιούτους λαμπτῆρας ἀναδεικνύοντα. — Въ син. ркп. л. 44 обор. слѣдуютъ такія строки [1]): διὸ πάντες αὐτὸν (т. е. Василія) ὡς ἕνα τῶν ἀποστόλων ὠνόμαζόν τε καὶ ὑπερεσέβοντο, οἱ δὲ πλείους τῶν ἄλλων αὐτὸν εἶναι ἐκεῖνον ἔλεγον καὶ ἐκήρυττον τὸν ἐν θεολογίαις ἀκρότατον Ἰωάννην τὸν ἠγαπημένον καὶ ἐπιστήθιον, ὃν καὶ ἡ φήμη πλέον ἐπεκράτει καὶ ἐκηρύττετο αὐτὸν ἐκεῖνον εἶναι καὶ οὐκ ἄλλον, καὶ τῇ βασιλευούσῃ ταύτῃ τῶν

---

[1]) Сл. соотвѣтствующій эпизодъ славянскаго перевода по сп. XIV—V вѣка: «то̏ѧ ради сего ми бг̃оноснаго ѿтца проꙗ̈ви, ѥ̂гоже в том градѣ црьстѣм живоущаго ꙗко единаго ѿт ап̃лъ почитахоу еже ѿт генлѣйших ст̃го Іѡ́ана бг̃ослова с̏его быти прославлѧху въ цр̃ьстѣм градѣ пришедша и ко всѣм же равно ·и всегда бесѣдоваше нои рѣдко къ малым нѣкїимъ ӥ къ дх̃овным своим дѣтемъ коупно ӥ ко мнѣ, многа бо в народѣ притчами ӥ съкровѣно вѣщааше, прѣмоудръ бо ѕѣлѡ ӥ хитръ в силѣ словес, разсоудливъ ӥ ӥзвѣст'но вѣдыи ӥ мѣрила ӥ времена. Словесем же ӥ молчанїю множицею при нѣкыих ꙗко оꙋродив творѧщесѧ въ словесѣхь, ӥ не съмысленъ мнѧшесѧ, ӥже бж̃їа чл̃колюбїа премоудрости ӥсполненъ сы̏и, се же творѧше тѣх ради, иже лестно покоушаху сѧ славити ѥ̂гѡ̀.

πόλεων ἐπιδεδημηκέναι καὶ διὰ τούτο παράδοξα τοιαῦτα καὶ ἐξαίσια θαύματα καὶ τεράστια ξενοπρεπῶς ἢ μᾶλλον εἰπεῖν θεοπρεπῶς ἐν παῤῥησίᾳ πολλῇ οὐ τοῖς πᾶσι δὲ ἐπίσης ὡμίλει, καὶ οἷος ἦν αὐτὸν ἐπεδείκνυεν, ἀλλὰ τοῦτο ἐποίει σπανίως καὶ ἐν ολίγοις τισὶ τῶν γνησίων καὶ ἐναρέτων οὓς δηλονότι μᾶλλον τῶν ἄλλων πλέον ἠγάπα καὶ ὑπερετίμα, καὶ δυνατοὺς πρὸς τὸ πρᾶγμα ἔκρινε· τὰ γὰρ πλεῖστα ἐν τοῖς πολλοῖς (л. 45 лиц.) δι' αἰνιγμάτων καὶ μωροποιΐας ἀπεφθέγγετο, ἄκρος σοφὸς καὶ ἐπιστήμων ἐν λόγοις ὑπάρχων καὶ διακρίσεως πάσης ἀνάπλεως, ἀκριβῶς εἰδὼς μέτρα καὶ καιροὺς λόγου και σιωπῆς· τισί δε καὶ ἀνοηταίνειν καὶ ἐξεστηκέναι ἐδόκει, ὁ θείας τῷ ὄντι σοφίας πεπληρωμένος, διὰ τὰς πανσόφους αὐτοῦ μωροποιΐας, ἃς ἐξεπίτηδες ἐποίει ἐπὶ τῶν πειρωμένων δοξάξειν καὶ μεγαλύνειν αὐτόν. ἐν τούτοις οὖν διάγοντος τοῦδε τοῦ θεοφόρου πατρὸς καὶ μεγάλοις σημείοις καὶ τέρασιν ἐν τῇ τοῦ δηλωθέντος πριμμικηρίου οἰκίᾳ διαλάμποντος, κἀμοῦ δὲ συχνότερον πρὸς αὐτὸν διαβάλλοντος καὶ τῆς ἡδυτάτης καὶ μελιρρύτου διδαχῆς καὶ εὐχῆς αὐτοῦ καταπολαύοντος, γέγονέ μοι οἰκείωσις καὶ παρρησία τις πρὸς αὐτὸν ὑπὲρ πάντας τοὺς διαθέσει καὶ πίστει θερμῇ πρὸς αὐτὸν ἀεὶ σχολάζοντας πνευματικοὺς αὐτοῦ παῖδας, ὥστε οὐ μόνον ὑπ' αὐτοῦ χαριέντως πως καὶ ἱλαρῶς προσεδεχόμην ἀεὶ καὶ κατησπαζόμην μεθ' ἱλαροῦ καὶ χρηστοῦ μειδιάματος τοῦ ἐπιφαινομένου ἐν τῷ φω (л. 45 об.) τοειδεῖ καὶ θείῳ προσώπῳ αὐτοῦ ἐπὶ ταῖς ὑπανταῖς καὶ ὑποδοχαῖς τῶν πρὸς αὐτὸν ὠφελείας χάριν παραγινομένων, καὶ τοῖς ἐν ἁγίῳ φιλήματι ἀσπασμοῖς τε καὶ ἁγιασμοῖς, ἀλλὰ δὴ καὶ τῆς ἐξυπηρετούσης αὐτῷ τιμίας γραός, τῆς ἀπὸ δουλίδων φημὶ Θεοδώρας, τὰ μέγιστα ἠγαπόμην καὶ προσηνῶς προεδεχόμην, ὁρώσης καὶ αὐτῆς τὸν ἅγιον, ὁποίαν τὴν προσπάθειαν καὶ ἀγάπην πρός με ἐκέκτητο. Μιᾷ τοίνυν τῶν ἡμερῶν πρὸς νόσον τινὰ ἐλάσοντός μου, κατεκλίθην ἐπὶ τῆς στρωμνῆς μου, καὶ προσκαλεσάμενος и т. д. Отсюда текстъ болландистовъ (стр. 27 A § 33 init.) снова совпадаетъ съ нашимъ, при тѣхъ-же сокращеніяхъ и мелкихъ отличіяхъ.

Святой пророчитъ будущность больного мальчика; пророчество сбылось, ὡς αὐτὸν γοῦν ἐμὲ αὐτοψεὶ ταῦτα πληρωθέντα ἰδόμενον δοξάζειν τὸν Κύριον (AASS. стр. 28 C, § 40 въ концѣ).

Вмѣсто того въ нашей рукописи л. 53 лиц.: ἔζησεν οὖν ὁ παῖς διαδρὰς τὸν θάνατον (л. 53 обор.) καὶ εὐμαθὴς ἐγένετο καὶ πάντα ὅσα εἶπεν αὐτῷ ὁ ὅσιος ἐπ' ἀληθείας ἐξένησαν ἐπ' αὐτῷ. κἀγὼ γὰρ αὐτῷ ὁ οἰκτρότατος τεθέαμαι τοῦτον κληρικὸν γεγονότα καὶ ἐν τοῖς μαθήμασι προκόψαντα, ὥστε ἀναμιμνησκόμενος τῶν ῥημάτων τοῦ ὁσίου ἀνδρὸς ἐδόξασον τὸν Θεόν.

л. 56 лиц. Григорій разсказываетъ, какъ, отправившись во Ѳракію, онъ былъ наказанъ за утаеніе чужого пояса: ἀπώλεσα σκεπασμάτην νομισμάτων τεσσάρων τιμωμένην, ἀπώλεσα δὲ καὶ τὴν ἐμὴν ζώνην νομισμάτων δύο καὶ ὀβολοὺς τὸ τρίτον ὡς δοκῶ τοῦ νομίσματος. Это служитъ къ поясненію текста въ AASS. стр. 28 F, § 43 init. (сл. прим. 1 на стр. 32, E): ἀπώλεσα τοῦ κιβωτίου τὸ σκέπασμα νομισμάτων τεσσάρων τιμώμενον, εἶτα καὶ τὴν ἐμὴν ζώνην νομισμάτων δύο τιμωμένην τρίτον. — Слѣдуетъ отъ лица Григорія разсказъ объ искушеніяхъ, которымъ онъ подвергался во время своего путешествія, о видѣніяхъ и чудесномъ помощничествѣ св. Стефана. Когда онъ вернулся въ Константинополь, Василій разсказалъ ему въ притчахъ все, что съ нимъ было. Ἐγὼ δὲ ἀκούων ἔφριττον ὅπως οὐδὲν ἔλαθεν αὐτὸν τῶν γεγονότων, AASS. стр. 30 E, § 52 in fine = рук. л. 66 лиц. ἐγὼ δὲ ἀκούων (л. 66 обор.) ἔφριττον ὅπως οὐδὲν αὐτὸν ἐλάνθανεν ὑπὸ τῶν γινομένων ἐν ἡμῖν· πάντα γὰρ ῥαδίως ἀπήγγελλε.

То, что непосредственно слѣдуетъ въ текстѣ болландистовъ (§ 53 init.) даже стилистически не вяжется съ предыдущимъ: Τοῦ λοιποῦ οὖν, τέκνον, φησίν (т. е. Василій), ἄπελθε ἐν εἰρήνῃ εἰς τὸν οἶκόν σου· οὐκέτι γὰρ αἰσθητοῖς ὀφθαλμοῖς σωματικῶς ὄψει με ἐν τῷδε τῷ βίῳ. Именно передъ этой фразой, соотвѣтствующую которой мы найдемъ далѣе въ нашей ркп. (л. 367 об.), и приходится большая лакуна въ текстѣ болландистовъ, отвѣчающая въ рукописи л. 66 об.—367 об.; изъ 378 листовъ рукописнаго житія текстъ болландистовъ сохранилъ, такимъ образомъ, и то въ измѣненномъ видѣ, л. 1—66 об. и 367 об.—378 об. Эту лакуну мы и думаемъ отчасти пополнить сообщеніемъ эпизода о хожденіи Ѳеодоры по мытарствамъ, слѣдую-

щихъ за нимъ чудесъ Василія и небольшого отрывка изъ видѣнія Григорія.

За приведенными выше словами (πάντα γὰρ ῥαδίως ἀπήγγελλε) слѣдуетъ разсказъ о Θеодорѣ, къ которому относится выписанное киноварью на верху страницы заглавіе:

Περὶ τῆς τελευτῆς τῆς ἀμμᾶς Θεοδώρας.

(f. 66 v) Κατὰ γοῦν τὸν καιρὸν τοῦτον ἐτελεύτησεν ἡ ἀείμνηστος τιμία ἐκείνη Θεοδώρα ἡ πολλὰ γνησίως καὶ εὐσεβῶς τῷ ὁσίῳ ἐξυπηρετήσασα πλήρης ἡμερῶν γεγονυῖα καὶ προβεβηκυῖα ἐν ταῖς ἡμέραις αὐτῆς· πάνυ ἐστυγνάσαμεν ἐπὶ τῇ ταύτης ὑστερήσει, ὅσοι δηλαδὴ πνευματικῆς ἀγάπης σχέσιν πρὸς τὸν ἅγιον ἐκεκτήμεθα, τὸ μὲν διὰ τὴν τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν ἀνάπαυσιν καὶ θεραπείαν τῆς ἐκ τῆς ὑπηρεσίας αὐτῆς, ἧς ἀφυστέρητο, τὸ δὲ ὅτι καὶ ἡμεῖς πάντες οἱ πρὸς αὐτὸν θερμὸν ἀεὶ ἀφικόμενοι ὠφελείας ἕνεκεν χάριν μεσίτην αὐτὴν πρὸς αὐτὸν εἴχομεν ἀκαταίσχυντον ἐν ἱλαρῷ προσώπῳ ἤθει τὲ χρηστῷ καὶ σεμνῷ μειδιάματι ἀποδεχομένην πάντοτε πάντας ἡμᾶς καὶ μετ᾽ εὐμενείας ἐκεῖθεν ἀπολύουσαν· ἀγαθοῖς καὶ προσηνέσι ῥήμασι προτρεπομένη πάντως τὸ ἀγαθὸν ἀεὶ ἐκζητεῖν τε καὶ γινώσκειν καὶ διώκειν, καὶ μὴ τοῖς σφῶν (f. 67 r.) λογισμοῖς τοῖς ἐκ τοῦ πονηροῦ ἀτάκτως ὑμῖν προσφυομένοις συναπάγεσθαί τε καὶ συνεπαίρεσθαι. πραοτάτην γὰρ καὶ εὐσυμπάθητον ἦν τὸ γύναιον, ἀκεραιότητι γνώμης καὶ ἀπλάστοις ἤθεσι πάντες θεραπεύουσα καὶ ὡς ἴδια ταύτης τέκνα ἡμᾶς ἀποδεχομένη καὶ ἐπιθάλπουσα, καὶ εἴποτέ τινι ἐξ ἡμῶν ἀνθρώπινόν τι κατὰ τὸν βίον λυπηρὸν ἐξ οἵας δήποτ᾽ οὖν αἰτίας προσεγένετο, ὡς αὐτὴ τοῦτο παθοῦσα διέκειτο καὶ θρήνοις καὶ οἰμωγαῖς ἑαυτὴν ἐξεδίδου, ὡς ἐκ τούτου μηδέποτε τοῖς ὀφθαλμοῖς αὐτῆς τῶν τῆς συμπαθείας δακρύων ὁρᾶσθαι χωρίς. ὡς γοῦν ἔμαθον τὴν ταύτης τελευτὴν καὶ λύπῃ ἀσχέτῳ συσχεθεὶς μετὰ τὴν ὀδύνην ἐκείνην, λογισμὸς ἀμφιβολίας περὶ αὐτῆς ἐν τῇ διανοίᾳ μοῦ ἦλθε· τίνων ἆρα ἔτυχεν ἀμοιβῶν κατὰ τὸν αἰῶνα ἐκεῖνον, δεξιῶν ἢ ἀριστερῶν, καὶ εἰ ἀπώνατό τι τῆς τοῦ δικαίου ἕνεκα διακο-

νίας καὶ καθαρᾶς λειτουργίας αὐτῆς, ἧς ἀμέ[μ]πτως αὐτῷ (f. 67 v) καθ' ἑκάστην διετέλει, ἢ οὔ. Καὶ ταῦτα κατὰ διάνοιαν στρέφων, ἐπορεύθην πρὸς τὸν ὅσιον καὶ πρὸς τοῖς ἐκείνου τιμίοις ποσὶ προπεσὼν μετὰ δακρύων θερμῶν αὐτὸν καθικέτευον ἀναγγεῖλαί μοι τὰ κατ' αὐτήν· πέποιθα γὰρ ἀληθῶς ὅτι καθαρῶς ἐπίσταται πάντα, ὡς γνήσιος θεράπων Χριστοῦ, καθὼς πεῖραν ἔσχον ἐκ διαφόρων σημείων περὶ αὐτοῦ. ὁ δὲ τὰ πρῶτα μὲν παντάπασιν ἀνεβάλλετο, ὥςτε μὴ δηλῶσαι μοί τι περὶ αὐτῆς, ὡς δὲ ἐνεκείμην ἐπὶ πλεῖον δεόμενος καὶ ἐνοχλῶν αὐτὸν περὶ τούτου, κἀκείνου μὴ θέλοντος εἰς τέλος λυπῆσαί με, μιᾷ τῶν ἡμερῶν ἔφη πρός με μειδιῶν τι καὶ ἱλαρῷ τῷ προσώπῳ· Βούλει ἐν ἀληθείᾳ θεάσασθαι τὴν Θεοδώραν καὶ οἵας καταστά[σε]ως ἔτυχεν; ἐμοῦ δὲ πρὸς αὐτὸν εἰρηκότος μετὰ θερμῆς προθυμίας· Ναί, τίμιε πάτερ, ἀλλὰ καὶ ποῦ θεάσομαι αὐτὴν ἅπαξ ἤδη μεταναστεύσασαν ἀπὸ τῶν προσκαίρων πρὸς τὰ αἰώνια; Ὁ μακάριος οὖν (f. 68 r.) φησὶ πρός με· ὄψει αὐτήν, τέκνον, μετὰ ἀληθείας, ὡς ᾐτήσω, καὶ τὸν πολύσκυλτόν σου λογισμὸν καταπαύσεις πληροφορηθεὶς τὰ περὶ αὐτῆς. Ἐμοῦ δὲ θαυμάζοντος καὶ διανοουμένου, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ἀποροῦντος, πῶς ἆράγε καὶ ποῦ αὐτὴν θεάσομαι, πάνυ γὰρ ἐπόθουν αὐτὴν, ἐπεὶ κἀκείνη σφόδρα με ἐφίλει πνευματικῇ διαθέσει βλέπουσα τὸν ὅσιον ὁπόσην στοργὴν πρός με τὸν ταπεινὸν ἐκέκτητο, διὰ τοῦτο ὡς εἴρηται λίαν με ἠνώχλει ὁ λογισμὸς περὶ αὐτῆς καὶ ἐπόθουν πληροφορηθῆναι. τῇ οὖν νυκτὶ ἐκείνῃ μετὰ τὰς τετυπωμένας εὐχάς, ὡς ἔθος μοι ἦν, ἐπὶ τῆς κλίνης μου ἀναπεσὼν ἐπὶ τῷ ὑπνῶσαι, ὁρῶ τινὰ νεανίαν ἐληλυθότα πρός με καὶ λέγοντά μοι· Ἀνάστα, δηλοῖ σοι ὁ ὅσιος πατήρ, ἐλθὲ τὸ τάχος, ἐπειδὴ ἀφικέσθαι ὀφείλω ἐν οἷς ἡ Θεοδώρα διατρίβει, εἴπερ ἄρα ἐπόθεις θεάσασθαι αὐτήν. ἐμοῦ δὲ πρὸς τῇ ἀγγελίᾳ ὀξέως ἀναπηδήσαντος, τεθέα (f. 68 v.) ταί μοι ὅτι εὐθέως παρεγενόμην ἐν τῇ οἰκίᾳ ἔνθα ὁ ὅσιος κατῴκει, καὶ οὐχ' εὗρον αὐτόν· πυνθανομένου δέ μου περὶ αὐτοῦ, εἰρήκεσάν μοι τινὲς τῶν ἐκεῖ· ἄπεισι, λέγοντες, τήν ποτε ὑπηρέτιν αὐτοῦ γενομένην θεάσασθαι Θεοδώραν· καὶ μου πρὸς ταῦτα ἀθυμοῦντος, ὅτι οὐ κατέλαβον αὐτὸν ἵνα κἀγὼ σὺν αὐτῷ πορευθεὶς θεάσωμαι αὐτήν, τίς τῶν ἐκεῖσε διεσάφησέ μοι τὴν ὁδὸν διδάξας με καὶ τὰ γνωρίσματα αὐτῆς εἴτουν σημεῖα, δι' ἧς καὶ πορευθεὶς καταν-

τήσω πρὸς τὰ ἐκεῖσε. Πορευόμενος οὖν ἐδόκουν ἐκείνην ἀπιέναι τὴν ὁδὸν τὴν ἐπὶ τὸν θεῖον ναὸν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῶν Βλαχερνῶν ἀπάγουσαν· ὡς ἐπορευόμην χαίρων καὶ σπεύδων καταλαβεῖν αὐτόν, εὑρέθην αἰφνιδίως εἰς ἀνωφερές τι ἀνιὼν διαβατήριον λίαν στενώτατον, καὶ τοῦτο σὺν φόβῳ καὶ ἀγονίᾳ πολλῇ διελθών, προσήγγισα πυλῶνι ἄγαν μετὰ ἀσφαλείας κεκλεισμένῳ, καὶ διά τινος ὀπῆς ἀτενίσας τοῖς ἔνδον εἴ (f. 69 r.) πως ἴδοιμι τινὰ τῶν ἐκεῖσε καὶ ὑπανοίξει μοι. ἦν δὲ ὁ οἶκος λίαν περικαλλὴς καὶ περίδοξος, οὗ τὴν κτίσιν καὶ τὸ κάλλος οὐδεὶς δυνήσεται τῶν ἀνθρώπων διηγήσασθαι· οὐδέποτε γὰρ ἐν ὅλαις ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς μου ἐθεασάμην τοιοῦτον κάλλος καὶ τοιαύτην ποικιλίαν κτίσεως, εἴτε οἴκου τινὸς τῶν εὐαγῶν, εἴτε παλατίου τῶν ἀνακτόρων. καὶ ὡς ἐξιστάμην τοῦτον θεώμενος, ὁρῶ ἔνδον δύο γύναια πάνυ ὡραῖα καὶ σεμνὰ καθεζόμενα ἐπὶ τῶν ἀναβάθμων τῆς ἐκεῖσε κλίμακος πρὸς ἄλληλα διαλεγόμενα. φωνῶ οὖν μίαν ἐξ αὐτῶν διὰ τῆς αὐτῆς ὀπῆς τοῦ πυλῶνος, ἥτις καὶ ἀκούσασα τῆς φωνῆς μου ἀφίκετο πρός με. καὶ εἶπον πρὸς αὐτήν· Κυρία ἀδελφή, τίνος ἄρα ὁ περικαλλὴς οὗτος οἶκός ἐστιν; ἡ δὲ ἀποκριθεῖσα ἔφη μοι· Οὗτος ὁ οἶκος ὃν ὁρᾷς τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν ἐστὶ Βασιλείου, ὃς καὶ ἧκεν ἄρτι πρὸ μικροῦ διαστήματος ἐνθάδε χάριν ἐπισκέ-(f. 69 v.) ψεως τῶν ἰδίων αὐτοῦ τέκνων. Περιχαρὴς οὖν πρὸς τὴν τοιαύτην ἀγγελίαν γενόμενος, λέγω πρὸς αὐτήν· Καὶ νῦν ἄρα, κυρία μου, ἐνθάδε τυγχάνει ὁ ὅσιος πατὴρ ἡμῶν, ἢ πάλιν ἀπῆλθε τῶν ὧδε; Ἡ δὲ λέγει μοι· Ἐνθάδε ὑπάρχει. εἶπον γάρ σοι ὅτι ενταῦθα παραγέγονε χάριν ἐπισκέψεως ἡμῶν τῶν ἰδίων τέκνων αὐτοῦ. Ἔφην δὲ πάλιν· Κἀγὼ πρὸς αὐτὸν ἱκετικῶς. δέομαί σου, ὦ κυρία μου, ἄνοιξον δὴ κἀμοὶ ὅπως εἰσελθὼν ὄψομαι καὶ προσκυνήσω αὐτόν, ἐπειδὴ κἀγὼ παῖς αὐτοῦ τυγχάνω καὶ δι' αὐτὸν ἐνταῦθα παρεγενόμην εἰ καὶ ἀνάξιός εἰμι. Ἡ δὲ λέγει πρός με· Οὐκοῦν καὶ αὐτὸς αὐτοῦ ὑπάρχεις; Ἐγὼ δὲ ἔφην· Ναί, κυρία μου, δοῦλος αὐτοῦ πέλω. Λέγει κἀκείνη· Οὐδαμῶς σὺ ποτὲ ἐλήλυθας ὧδε καὶ πάλιν λέγεις ὅτι γνωστὸς αὐτοῦ ὑπάρχεις. ποίῳ οὖν τρόπῳ ὑπανοίξω σοι τὰς πύλας ἀγνώστῳ τῶν ὧδε ὑπάρχοντι; ἄπιθι ἐντεῦθεν, καὶ γὰρ ἄνευ προστάξεως καὶ βουλῆς (f. 70 r.) τῆς κυρᾶς Θεοδώρας οὐδεὶς ἐνταῦθα εἰσέρχεται, διὸ κἀγὼ οὐ δεδύνημαι ἄνευ ὑπομνήσεως αὐτῆς ὑπανοῖξαί σοι ὅλως. κἀμοῦ

πρὸς ταῦτα ἔτι πλέον θαρσοποιηθέντος καὶ ἰσχυρῶς θυροκροτοῦντος καὶ θαρσαλέως κράζοντος ἐπὶ τὸ ἀνοῖξαι, ἡ Θεοδώρα τῆς ὀχλήσεως ἔνδον ἐπακροασαμένη προσήγγισε τῷ πυλῶνι ὥστε διά τινος ὀπῆς κατασκοπῆσαι καὶ ἰδεῖν τὸν ποιοῦντα τὴν ὄχλησιν. Ἔλεγε γὰρ πρὸς αὐτὴν ἡ ῥηθεῖσα γυνὴ ἣν προσεκαλεσάμην τοῦ ἀνοῖξαί μοι, ὅτι ξένος τις τῶν ὧδε προσεγγίσας τῷ πυλῶνι ὀχλεῖ με τοῦ ὑπανοῖξαι αὐτῷ. ὡς δὲ ταῦτα ἤκουσε παρ' αὐτῆς ἡ τιμία τῷ ὄντι καὶ μακαρία Θεοδώρα, ἰδοῦσά τε καὶ ἀναγνωρίσασά με, ὀξυτάτῃ φωνῇ ἔφη πρὸς αὐτήν· ἄνοιξον, ἄνοιξον τάχιον, ὁ γὰρ ἀγαπητὸς τοῦ κυρίου μου Γρηγόριός ἐστιν οὗτος· αὐτῆς δὲ παρευθὺς τὰς θύρας ἀνεωξάσης διὰ τάχους, εἰσῆλθον ἔνδον. ἡ δὲ κυρὰ Θεοδώρα συναντήσασά μοι (f. 70 v.) καὶ περιπλακεῖσα χαρᾶς ἀφάτου πεπληρωμένη, γνησίως κατησπάζετο καὶ ἐπευφραινομένη πρός με φίλτατα διελέγετο καί φησί· Τίς ἆρα ἐστὶν ὁ ἀποκαταστήσας σε τοῖς ὧδε, γλυκύτατόν μου τέκνον Γρηγόριε, ἀπὸ τοῦ ματαίου κόσμου ἐκείνου πρὸς τὴν ἀνέσπερον ἡμέραν ταύτην; μὴν ἆρά γε τετελεύτηκας ὅτι ἐνταῦθα παραγέγονας, ἐλευθερωθεὶς τῶν τοῦ κόσμου ἐκείνου ματαίων φροντίδων, καὶ πρὸς τὴν μακαρίαν ταύτην διαγωγὴν κατantήσας; Ἐμοῦ δὲ πρὸς ταῦτα ξενιζομένου καὶ παντελῶς ἀγνοοῦντος τὰ παρ' αὐτῆς μοι λεγόμενα, τίνα εἶεν, οὐ γὰρ ἐδόκουν ἐν ἐκστάσει με εἶναι ἐκεῖσε καὶ νοερῶς ὁρᾶν τὰ γινόμενα, ἀλλ' ὡς ὕπαρ καὶ ἐν αἰσθητοῖς ὀφθαλμοῖς βλέπειν ταῦτα, λέγω πρὸς αὐτήν· Κυρία μου ἀμμάς, ἐγὼ ἀκμὴν οὐκ ἐτελεύτησα, ἀλλὰ τῇ εὐχῇ καὶ ἀντιλήψει τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν ἔτι τῷ βίῳ παροδεύων εἰμί. σοῦ δὲ χάριν ἐλήλυθα καὶ τοῖς ἐνθάδε παραγέγονα, ὅπως ἴδω σου τὸ τίμιον πρό(f. 71 r.)σωπον καὶ μάθω ἐν ποίῳ κλήρῳ καὶ τόπῳ κατήντησας. πάνυ γὰρ ἐπεπόθουν, ἀφ' ἧς ἡμέρας κατέλιπες ἡμᾶς, μαθεῖν περὶ τούτου· ἀξιῶ οὖν διηγήσασθαί μοι πάντα φιλαλήθως καθ' εἱρμόν. λέγε οὖν, κυρία μου, πῶς τε τὴν τοῦ θανάτου βίαν ὑπεξῆλθες, πάντα τῆς πονηρίας ἐν τῷ ἀέρι παρῆλθες πνεύματα, πῶς διέδρας τὴν ἐκείνων κακομήχανον κακουργίαν καὶ πῶς νῦν ἔχεις, καὶ μετὰ τίνων συνδιάγεις; Ἐπίσταμαι γὰρ μερικῶς ἀπὸ τῆς θείας γραφῆς περὶ τῶν τῆς πονηρίας πνευμάτων, μέλλω γὰρ καὶ αὐτὸς μετ' ὀλίγον καταλύειν τὸν βίον. Ἡ δὲ ἀπεκρίνατό μοι λέγουσα· ὦ τέκνον μου ἠγαπημένον κῦρι Γρηγόριε, περὶ

τίνων, φεῦ μοι, ἠρώτησας καὶ ἀνέμνησας; τί γάρ σοι ἔχω εἰπεῖν περὶ τῶν τοιούτων; ἰλιγγιᾷ μου ἡ ψυχὴ καὶ ὁ νοῦς πρὸς μόνην τὴν ἐκείνων ἀνάμνησιν, καὶ περιδεὴς καὶ κατώδυνος καὶ οἷον ἄφωνος καὶ νενεκρωμένη καθίσταμαι, καὶ δέδια κἂν ψιλῶς αὐτὰ ἀναλογίσασθαι καὶ ἀναζωγραφῆσαι (f. 71 v.) τῇ διανοίᾳ μου, μή πως αὖθις τοῖς αὐτοῖς περιπέσω· ἀλλ' ἐπεὶ τὸν ἅπαξ ἀποθανόντα καὶ πρὸς τὴν τῶν ζώντων χώραν καταντήσαντα οὐδὲν τούτων καταβλάπτειν πέφυκε, λέγω καὶ λέξω ταῦτα ὡς δύναμις, εἴπερ δὴ καὶ ἐγχωρεῖ διηγηθῆναι ἡ φύσις αὐτῶν· κατὰ μὲν γὰρ τὰς πράξεις μου καὶ τὰ ἔργα πάντα μοι δεινὰ καὶ χαλεπὰ συνηντήκασι, κατὰ δὲ τὴν ἀντίληψιν καὶ βοήθειαν τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου τὰ βαρέα ἐλαφρά μοι γεγόνασι καὶ τὰ δύσκολα εὔκολα καὶ τὰ σκολιὰ εὐθεῖα· καὶ ἁπλῶς εἰπεῖν ἐκείνου ἐπιστατήσαντος τοῖς συμβεβηκόσι μοι, τὰ δυσχερῆ πάντα εἰς ἀγαθὸν ἔληξαν· καὶ ἵνα τὸ πᾶν συνελθὼν εἴπω, ὃ ζῶ, δι' ἐκείνου ζῶ καὶ ὧν ἠξιώθην, ἐκείνου πάντα εἰσί. καὶ χάρις τῷ ἁγίῳ θεῷ τῷ ἐλεήσαντι ἡμᾶς καὶ τοῦτον ἡμῖν παρασχομένῳ θερμὸν ἀντιλήπτορα καὶ βοηθὸν ἐν ποικίλαις περιστάσεσιν· Ὁπόταν γὰρ ἔμελλον τελευ-(f. 72 r.) τῆσαι καὶ ἦλθον εἰς τὸ χωρισθῆναι τοῦ ἐλεεινοῦ καὶ πολυπαθοῦς μου σώματος, πῶς ὑπαγορεύσω, τέκνον γλυκύτατον, τοῦ θανάτου τὸν πόνον, ποίαν ἀνάγκην κέκτηται, ποταπὴν βίαν, πηλίκην δριμύτητα ἐξ ἀπείρου ὀδύνης καὶ στενώσεως λυγρᾶς, μέχρις ὅτου ἐξέλθῃ ἡ ψυχὴ ἐκ τοῦ σώματος; Τηλικοῦτος πόνος πιέζει τὸν τελευτῶντα, οἷος ὁπόταν τις βάλλῃ γυμνώσας ὅλον τὸ σῶμα αὐτοῦ ἐπ' ἀνθράκων πυρὸς εἰς πλῆθος ἐστρωμένων ἐπὶ τῆς γῆς καὶ ἐκ τοῦ καθ' ἑνὸς τιτρώσκεται τῇ δριμείᾳ πυρκαϊᾷ καὶ πικρῶς φέρει τὸν κίνδυνον καὶ οὕτω λοιπὸν τηκόμενος διαλύεται καὶ ἀπολέγεται τὴν ψυχήν· τοιοῦτός ἐστιν, ὦ τέκνον, πικρὸς ὁ θάνατος, καὶ μᾶλλον τῶν ὁμοίων ἐμοὶ ἁμαρτωλῶν· περὶ δὲ τῶν δικαίων ὁποῖος ἵνα χρηματίζῃ, οὐκ ἐπίσταμαι. ἐγὼ γὰρ ἡ ἀθλία καὶ ταλαίπωρος τῶν ἁμαρτιῶν ἐργαστήριον ἐχρημάτισα· ὅταν οὖν ἐψυχορράγουν, ἑώρων καθαρῶς πλήθη αἰθιόπων τῆς κλί (f. 72 v.) νης μου κύκλῳ περιεστῶτα ὀχλοποιούντων, θορυβουμένων, δόλους καὶ ματαιότητας ἀθέσμους εἰσπράττοντας, ὠρυομένους ὡς κύνας καὶ λύκους, ἀπηγριωμένους ὡς θάλασσαν πικράν, συμβιβασμοὺς ψευδεῖς ἐπιφέροντας, βομβάζοντας, λυσσω-

δοῦντας, κραυγάζοντας, ὑλακτοῦντας, γρύζοντας ὡς χοίρους, ἐρευνῶντας τὰ ἔργα μου, χάρτας ἐν χερσὶ περιφέροντας, διαστρέφοντας χλευαστικῶς τὰ μελανὰ ἑαυτῶν ζοφώδη τε καὶ σκοτεινὰ πρόσωπα, ὧν ἡ θεωρία καὶ μόνη φρικωδεστάτη καὶ πικροτέρα μοι ἐφαίνετο καὶ αὐτῆς τῆς γεέννης τοῦ πυρός· κρεῖσσον γὰρ ἦν ἵνα ζῶν τις εἰς αὐτὴν ἐμπέσῃ τὴν τοῦ πυρὸς γεένναν, ἢ ἵνα τοιαῦτα ἀκούῃ καὶ ὁρᾷ. τούτοις οὖν τοῖς χαλεποῖς ὁράμασιν ἀηδιζομένης, οὐκ ἤρκει μοι ἡ τοῦ θανάτου ἀφόρητος ὀδύνη καὶ πικρία, ἀλλ' εἶχον σὺν αὐτῇ καὶ τὴν τοιαύτην συμφοράν. τί οὖν γίνεται; ἀποστρεφομένης μου τὸ ὄμμα ἔνθεν κἀκεῖθεν τὰς βδελυρὰς αὐτῶν καὶ ἐπαράτους θεωρίας καὶ ἀλλαχόσε (f. 73 r.) τὸ νοερὸν τῆς ψυχῆς βλέμμα πεταζούσης, ὅλως γὰρ οὐχ' ὑπέφερον βλέπειν ἢ ἀκούειν τῶν μιαρῶν ἐκείνων τὰ θρυλλήματα, ὁρῶ ἐξαίφνης δύο τινὰς νεανίσκους ὡραίους τῷ κάλλει ἄρτι εἰσεληλυθότας πρός με, θριξὶ χρυσαῖς γεγαννυμένους τὰς κεφαλάς, λευκοὺς ὡσεὶ χιών, γλυκυτάτους ἄγαν εἰς τὸ ὁρᾶσθαι, περιβεβλημένους ἐσθῆτας ἀστραπτούσας, ἐληλυθότας εἰς τὰ δεξιὰ μέρη τῆς κλίνης ἐν ᾗ κατεκείμην, καὶ ἔστησαν πλησίον μου μυστηριωδῶς τινὰ πρὸς ἀλλήλους διαλεγόμενοι. λέγει οὖν εἷς ἐξ αὐτῶν τοῖς μελανοῖς καὶ ζοφεροῖς ἐκείνοις αὐστηρᾷ τῇ φονῇ· ὦ ἀθέμιτοι καὶ ἀμαυροὶ καὶ ἐπάρατοι καὶ σκοτεινοὶ καὶ δυσμενέστατοι, δι' ἣν αἰτίαν ἔθος ἔχετε πονηρότατοι ἐπείγεσθαι καὶ προτρέχειν ἐπὶ πάντας ἀνθρώπους ἐκ τοῦ ματαίου τούτου βίου μεταναστεύοντας, ἐκταράττειν τε καὶ θορυβεῖν αὐτοὺς φλυαροῦντες καὶ ἀλαλάζοντες καὶ δεινῶς ὀχλοθορυβούμενοι; ὦ λοιμοί, ἀπηγριωμένοι καὶ ἀναιδέστατοι, ἄφρονες (f. 73 v.), ἀκόρεστοι καὶ μισάνθρωποι, μὴ πλεῖστα εὐφραίνεσθε, ὧδε γὰρ τίποτε οὖν οὐ λαγχάνει ὑμῖν, οὐκ ἔστιν ὑμῖν ἐνταῦθα μερὶς ἢ κλῆρος, εἰ μὴ μόνον ὅτι συνδεδραμήκατε, καὶ πάλιν ἀπελεύσεσθε διακενῆς ἄπρακτοι. Ταῦτα καὶ τὰ τούτοις ὅμοια τοῦ φωτοειδοῦς ἐκείνου καὶ θείου νεανίσκου τοῦ ὡραίου τῷ ὄντι μελλιρύτως κελαδοῦντος, οὗτοι δὲ εἴ τι ἂν ἔπραξα ἐκ νεότητός μου ἢ ἐν ἔργῳ ἢ ἐν λόγῳ, ἔφερον πάντα εἰς τὸ μέσον καὶ φωνὰς ἠφίουν ὡς ἐπ' ἀληθείας παράφρονές τινες καὶ παρεστραμμένοι καὶ ἐξεστηκότες· Οὐδὲν κεκτήμεθα, λέγοντες, ὡς ἔφης ἡμῖν, καὶ τὰ τοιάδε ἁμαρτήματα τίς ἐξειργάσατο ἀπὸ νεότητος; τούτων τοιγαροῦν καὶ ἄλλων παρ' αὐτῶν φληναφουμένων, λοιπὸν

περιέμενον τὸν θάνατον· ἧκεν οὖν ἄφνω κἀκεῖνος, καὶ ἦν τῇ ἰδέᾳ ποτὲ μὲν ὡς λέων ὠρυόμενος, ποτὲ δὲ ὡς νεανίσκος βάρβαρος θρασὺς ἀνεσταλμένος, ξίφη παντοδαπὰ βαστάζων ἐν ταῖς χερσί (f. 74 r.), μαχαίρας, δρέπανα, πρίονας, λαξευτήρια, ὀβελίσκους, σκέπαρνα, ἀξίνας καὶ ἕτερα πλεῖστα καὶ φοβερὰ τιμωρητικὰ ὄργανα δι' ὧν μεθοδεύει καὶ μετέρχεται τοὺς παμποικίλους τρόπους τοῦ ἐπὶ πάντας ἀνθρώπους ἑνὸς θανάτου· ὃν θεασαμένη ἡ ταπεινὴ καὶ ταλαίπωρός μου ψυχή, τρόμῳ καὶ φόβῳ ἀκατασχέτῳ περιελήφθη· λέγουσιν αὐτῷ οἱ ὡραῖοι ἐκεῖνοι νεανίαι· Τί ἕστηκας; λύσον τὰ δεσμά, μέσος τε χρῆσαι· οὐ γὰρ ἔχει πολὺ βάρος ἁμαρτιῶν· προσελθὼν οὖν ἐν σμικροτάτῳ λαξευτηρίῳ, ἐχρήσατό μου τοῖς ποσίν, εἶτα καὶ ταῖς χερσί, πᾶσαν μου ἁρμονίαν ἑλκύσας καὶ ἐξαρθρώσας τοὺς εἴκοσί μου φημὶ ὄνυχας. παραυτίκα οὖν ἐνεκρώθησάν μου αἱ χεῖρες καὶ οἱ πόδες καὶ οὐχ ὑπῆρχον κεκτημένη, τέκνον, οὔτε χεῖρας οὔτε πόδας, οὔτε ἠδυνάμην ὅλως πρὸς μικρὸν κινῆσαί τι μέρος τούτων ἀπὸ τοῦ πόνου ἐκείνου τοῦ πικροτάτου. καὶ μετὰ ταῦτα προσελθὼν (f. 74 v.) ἐν σκεπάρνῳ ἀπέτεμέ μου τὸν αὐχένα, καὶ οὐκέτι ἠδυνάμην κινῆσαί μου τὴν κεφαλήν, ἀλλοτρία γὰρ μοι ἐτύγχανε· λοιπὸν οὖν κεράσας τὸ ποτήριον, τὸ τί δὲ ἦν ἠγνόουν, δίδωσί μοι πιεῖν. καὶ ὡς ἐπὶ θεῷ μάρτυρι, τοσοῦτον ἦν πικρόν, ὦ τέκνον, ὡς μετὰ τὸ πιεῖν με αὐτὸ ὤθησεν ἑαυτὴν ἡ ψυχή μου βίᾳ φρικωδεστάτῃ καὶ ἀπέστη τοῦ σώματος· οἱ δὲ ὡραῖοι ἐκεῖνοι νεανίαι ἐξελθούσης αὐτῆς τῷ ῥοίζῳ τοῦ φαινομένου μοι καταπετάσματος τῶν χλαινῶν αὐτῶν ὑπεδέξαντο αὐτήν· ἐν τῇ καρδίᾳ τοῦ ἀνθρώπου τὸ πᾶν ἀνάκειται τῆς ψυχῆς, ἐν δὲ τῷ νοΐ τὸ πνεῦμα· ὡς δὲ ὑπεδέξαντό με ἐκεῖνοι, ὡρώμην τὸ σκήνωμά μου ἔνθα ἔκειτο ἄπνουν νενεκρωμένον, ἀκίνητον καὶ ἀνενέργητον, καὶ ἐξισταμένη ἐθαύμαζον, ὡς ἂν εἴπῃς, εἴ τις τὸ ἑαυτοῦ ἀποδυσάμενος ἱμάτιον ἵσταται κατανοῶν αὐτά. καὶ θαμβουμένη ἔλεγον· Βαβαί· πόθεν ἂν βεβαίως ἠπιστάμην ἐγὼ ὅτι (f. 75 r.) οὕτως τὰ τοιαῦτα δεινὰ ᾠκονόμηνται κατὰ τὸν ἐλεεινὸν καὶ ταπεινὸν ἄνθρωπον· καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγον ἐν ἑαυτῇ, ὁρῶ καὶ ἰδοὺ περιεκύκλωσε τοὺς κατέχοντάς με θείους νεανίας, ὥσπερ σμῆνος μελισσῶν, οἱ ζοφώδεις καὶ ἀπηγριωμένοι ἐκεῖνοι αἰθίοπες φάσκοντες ἐν ἀλαλαγμῷ· μεγάλα. καὶ φοβερὰ λίαν πταίσματα αὐτῆς κεκτήμεθα, πλεῖστα οὖν

δέον ἐστὶν ἀπηλογήσασθαι ἡμῖν περὶ αὐτῶν. Καὶ δὴ ἐξηρεύνουν οἱ θεῖοι ἐκεῖνοι νεανίσκοι τὴν ἐργασίαν τῶν ἀγαθῶν μου ἔργων, εἴ που περίεστιν ἐν αὐτοῖς εὐρηκέναι ἔργον ἀγαθόν, καὶ γὰρ χάριτι Χριστοῦ εὕρισκον ἱκανὰ ἅτινα ἐκλεγόμενοι ἀντέφερον καὶ δι' αὐτῶν ἐδικαιολογοῦντο πρὸς ἓν ἕκαστον τῶν ἁμαρτιῶν μου, ὧν οἱ δαίμονες προεβάλλοντο, καὶ εἰς τὸ παραλαβεῖν δικαιώματα ἐπεφέροντο· ἤγουν εἴποτε δέδωκα πεινῶντι ἀδελφῷ κλάσμα ἄρτου, εἴποτε ἐπότισα τινὰ διψῶντα (f. 75 v.) ποτήριον οἴνου ἢ ψυχροῦ ὕδατος, εἴποτε ἐβάδισα πρὸς ἐπίσκεψιν ἀδελφοῦ ἢ πρός τινα τῶν ἐν δεσμοῖς καὶ ἐν φυλακῇ, εἴποτε ἔβαλον βήματα πνευματικὰ ἀπιέναι εἰς ναὸν Θεοῦ χάριν τοῦ προσεύξασθαι, εἴποτε ἔβαλον ἔλαιον ἐν τῇ κανδήλᾳ εἰς φωταψίαν τῶν ἁγίων καὶ σεπτῶν καὶ θείων εἰκόνων, εἴποτε μαχομένους εἰρήνευσα, εἴποτε ἀνέστην νυκτὸς ἀπὸ τῆς κλίνης μου εἰς προσευχὴν καὶ γονυκλισίας ἐποίησα, εἴποτε ἐξέχεα δάκρυον πρὸς Κύριον τὸν Θεόν μου ἑστῶσα ἐν προσευχῇ, εἴποτε ὑβρίσθην καὶ ὑπέμεινα, εἴποτε ἔνιψα ἀδελφοῦ πόδας τὴν ὑψοποιὸν ταπείνωσιν ἀσπαζομένη κατὰ Θεόν, εἴποτε λόγοις ἀγαθοῖς εἰς τὸ ἀγαθὸν ἀστήρικτον ἐστήριξα καὶ ὀλιγόψυχον παρεκάλεσα πραοτάτῳ λόγῳ, εἴποτε ἀπέστρεψά τινα ἀπὸ ἁμαρτίας, εἴποτε ἐστέναξα ἐν ἀλλοτρίᾳ κακώσει καὶ βιωτικῇ συμφορᾷ καὶ περιστάσει καὶ συνελυπήθην λυπουμένῳ (f. 76 r.) τινὶ καὶ περὶ ὑπομονῆς καὶ εὐχαριστίας αὐτῷ συνεβουλευσάμην, εἴποτέ τινι συνέργησα εἰς ἔργον πνευματικὸν καὶ σωτήριον, εἴποτε προσεκύνησα Κυρίῳ τῷ Θεῷ ἀμετεωρίστῳ τῆς ψυχῆς ὄμματι διὰ νηστειῶν καὶ χαμευνειῶν κακοπαθοῦσα καὶ τρύχουσά μου τὸ σῶμα εἰς τὸ ὑποτάξαι καὶ κατευνάσαι τὰ τούτου σκιρτήματα, εἴποτε νηστεύουσα ἀπέστρεψά μου τὸ πρόσωπον σὺν τῷ νοὶ ἀπὸ πάσης ματαίας θεωρίας καὶ ἔκλεισά μου τὸ στόμα ἀπὸ πάσης ἀργολογίας καὶ αἰσχρολογίας, λοιδορίας τε καὶ καταλαλιᾶς καὶ ψεύδους, εὐτραπελίας τε καὶ ἐπιορκίας, καὶ ἁπλῶς εἴποτέ τι ἀγαθὸν ἔργον καὶ δίκαιον διεπραξάμην οὖσα ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ, ἐκλεγόμενοι ἐστάθμιζον αὐτὰ μετὰ τῶν ὑπ' ἐμοῦ πεπλημμελημένων πάλαι ἁμαρτιῶν καὶ καθ' ἕνα ἕκαστον ἐξωνίζοντο. Τούτων οὖν ἐν τούτῳ ἀσχολουμένων, μεγάλως μου οἱ αἰθίοπες ἐκεῖνοι καὶ σκοτεινοὶ δαίμονες κατεξανίσταντο, συμβάλλοντες τοῖς φαεινοῖς ἀγγέ (f. 76 v.) λοις τοῦ Θεοῦ, πειρώμενοι τῶν ἁγίων καὶ

ἀχράντων ἀγκαλῶν ἀφαρπάσαί με καὶ εἰς πυθμένα ᾅδου κατενεγκεῖν. Ἐν δὲ τῷ ταῦτα οὕτως ὑπ' αὐτῶν μεταξὺ τελεῖσθαι, προσέσχον, καὶ ἰδοὺ ἧκεν ὁ κύριός μου καὶ μέγας θεράπων Θεοῦ Βασίλειος καὶ φησὶ τοῖς ὡραίοις ἐκείνοις καὶ εὐειδέσιν νεανίσκοις τοῖς ὑπὲρ ἐμοῦ ἀγωνιζομένοις· Κύριοί μου, αὕτη ἡ ψυχὴ ἐμοὶ προσκεκλήρωται, ἐμοὶ γὰρ ἐπὶ πολὺ διηκόνησεν ἀναπαύσασά μου τὸ γῆρας· οὐκοῦν ἐδεήθην τοῦ Κυρίου περὶ αὐτῆς, καὶ ἐδωρήσατό μοι αὐτὴν ἡ αὐτοῦ ἀγαθότης. ἐκβαλὼν δὲ ἀπὸ τοῦ κόλπου αὐτοῦ βαλάντιον κόκκινον χρυσίου καθαροῦ μεστόν, δέδωκε τοῖς δυσὶ νεανίσκοις καὶ φησὶ πρὸς αὐτούς· Δέξασθε ταῦτα καὶ δι' αὐτῶν ἐξωνήσασθε ταύτην ὁπότε ἐν τοῖς τελωνίοις τοῦ ἀέρος διέρχεσθε· ἐγὼ γὰρ χάριτι Χριστοῦ πλούσιος σφόδρα κατὰ ψυχὴν τυγχάνω· ταῦτα δὲ κόποις ἰδίοις καὶ ἱδρῶσι συνάξας, ἀποχαρίζομαι αὐτῇ, ἵνα δι' αὐτῶν τὰ μέλλοντα αὐτῇ συναντᾶν χρέα ἐκ τῶν πνευμάτων τῆς (f. 77 r.) πονηρίας ἐλευθερῆτε. Καὶ ταῦτα εἰπὼν παρασχὼν τὸ δόμα ᾤχετο, οἱ γοῦν ἀμαυροὶ ἐκεῖνοι καὶ ζωφωμένοι δαίμονες θεασάμενοι τὸ γεγονὸς ἐξέστησαν καὶ στυγνάσαντες ἐπὶ πολλὴν ὥραν ἄφωνοι καὶ ἐννεοὶ γεγονότες, καὶ τῶν ἐλπίδων αὐτῶν ἀστοχήσαντες καὶ θροηθέντες, σὺν βοῇ καὶ ὀλολυγμῷ ᾤχοντο. Τούτων τοίνυν δραπετευσάντων καὶ ἐξ ὀφθαλμῶν ἡμῶν γεγονότων, ἰδοὺ πάλιν ἧκεν ὁ κύριός μου Βασίλειος, κεράμια ἄπειρα καθαροῦ ἐλαίου ἀνάπλεα ἐπικομιζόμενος πρὸς ἡμᾶς· οἱ δὲ ταῦτα ἐπιφερόμενοι σὺν αὐτῷ νεανίσκοι σεμνοὶ καὶ ὡραῖοι τῷ κάλλει ἐτύγχανον. προστάσσει οὖν αὐτοὺς ὁ ὅσιος, καὶ ἀνοίγουσι τὰ κεράμια καὶ ἐξέχεον τὸ ἔλαιον, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν τὸ ἔλαιον ἑνὸς ἑκάστου ἄγγους ἐπὶ τῆς κεφαλῆς μου, καὶ γέγονα ὅλη πλήρης ἐλαίου καὶ ἐλεημοσύνης καὶ εὐωδίας πνευματικῆς, καὶ ἐκαθαρίσθη τὸ πρόσωπόν μου λίαν, καὶ κατενόουν ἐμαυτὴν λαμπρὰν καὶ φαιδρὰν σφόδρα καὶ εὐφροσύνης θείας ἀνάπλεων. Ἔφη οὖν ὁ ἐκλεκτὸς κύριος καὶ κοινὸς πατὴρ (f. 77 v.) ἡμῶν Βασίλειος τοῖς ἐμὲ ἄγουσιν ἐκείνοις ὡραίοις νεανίσκοις οὕτω λέγων· Κύριοί μου καὶ σύνδουλοι, ὁπηνίκα τὰ καθήκοντα ἐπὶ τὴν ψυχὴν ταύτην τελέσητε, ἐπὶ τὴν ἐμὴν προευτρεπισμένην καὶ ἡτοιμασμένην παρὰ Κυρίου θείαν κατάπαυσιν ἐκεῖσε αὐτὴν καταθησαυρίσατε· καὶ ταῦτα εἰρηκώς, ἀπέστη ἀπὸ προσώπου ἡμῶν· Ἄραντες οὖν με οἱ ὡραῖοι ἐκεῖνοι νεανίσκοι καὶ κουφίσαντες ἀπὸ τῆς

γῆς τοὺς ἁγίους καὶ πυροειδεῖς πόδας αὐτῶν, ὡσανεὶ νεφέλαι ἢ πλοῖα ἐπὶ θαλάσσης ὑπὸ ἀνέμων ἐλαυνόμενα, οὕτως ἐκεῖνοι ἐπὶ τὰ ἄνω τὴν πρὸς ἀνατολὰς ὁδὸν ἐπὶ τοῦ αἰθέρος κούφως ἐμὲ κατέχοντες ἐπορεύοντο. Ἀνερχόμενοι οὖν ἐπὶ τὰ πρόσω, συναντῶμεν τῷ τηνικαῦτα πρώτῳ ἐμβανισθέντι ἡμῖν ἐν τῇ πρὸς οὐρανοὺς πορείᾳ τελωνίῳ ὅπερ ἐλέγετο εἶναι τῆς καταλαλιᾶς· ἦν τε ἐν αὐτῷ συναγωγὴ ἐκεῖ πλείστη καὶ πονηρὰ αἰθιόπων, καὶ ὁ ἔξαρχος αὐτῶν ἦν προκαθεζόμενος (f. 78 r.) ἐν πονηρίᾳ καὶ μανίᾳ πολλῇ. Καὶ εὐθὺς καταντήσαντες ἐκεῖσε, ἔστημεν· καὶ μάρτυς ἡ ἔφορος δίκη, ὦ τέκνον Γρηγόριε, εἴ τινος ὡς ἄνθρωπος ἐπὶ τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ βίῳ κατελάλησα ἢ κατὰ πρόσωπον παρρησιασαμένη αὐτὸν ἐξύβρισα, καὶ τὸ πρόσωπον καὶ τὸν χρόνον καὶ τὴν ἡμέραν καὶ τὴν ὥραν, ἐν ᾗ ταῦτα πρός τινα κατὰ πρόσωπον ἢ καθ' ἑαυτὴν ἐλάλησα, εἰς πρόσωπόν μου ἔφερον οἱ πονηρότατοι καὶ αὐτὰ τὰ ῥήματα· πολλάκις οὖν καὶ ψευδῆ κατ' ἐμοῦ κατεμαρτύρουν ψευδεπιπλάστοις ῥήμασιν ὡς ἀπὸ ὑπονοίας πονηρᾶς, ἅτινα οὐκ ἐπιστάμην ὅλως ὡς μὴ παρ' ἐμοῦ λαληθέντα· τὰ γὰρ ἐν ἀληθείᾳ εἰσφερόμενα πρὸς ἔλεγχόν μου, καθαρῶς ἐγίνωσκον καὶ αἰσχυνόμην καὶ ὅλη τῷ φόβῳ συνεστελλόμην, ἀλλὰ καὶ πολλάκις ἐξ ἀγάπης πνευματικῆς σκοπῷ τοῦ διορθώσασθαι ἴσως τὸν σφαλόμενον ἀδελφὸν ἢ ἐξ ἁπλότητος ἀπὸ συμπαθείας, μὴ γινώσκουσα ὅτι κρίματα εἰσὶ (f. 78 v.) ταῦτα, τινὶ ἐλάλησά τι, πάντα οὐ μόνον τὰ ἐμπαθῶς, ἀλλὰ δὴ καὶ τὰ ἐξ ἁπλότητος εἰς μέσον ἤγαγον πρὸς κατηγορίαν μου καὶ ὑπὲρ τούτων πάντων ἀπολογήσασθαι τοὺς εἰσφέροντάς με ἁγίους καὶ ὡραίους νεανίας σφοδρῶς διετείνοντο. Ἀπολογησαμένων οὖν αὐτῶν περὶ τὴν ζήτησιν τῶν ψευδῶς κατηγορουμένων μοι παρ' αὐτῶν, ἀπολυόμεθα τοῦ ζητήματος· καὶ γὰρ ὡς ἱστὸς ἀράχνης τὰ ψευδῶς λεγόμενα διελύοντο. μηδὲν οὖν ἐχόντων ἡμῶν ἀπολογεῖσθαι αὐτοῖς περὶ τῶν ἐν ἀληθείᾳ λεγομένων παρ' αὐτῶν καὶ δικαίως ἐλεγχόντων με τὴν ταλαίπωρον, ἐξαγαγόντες οἱ ἐμὲ ἐπιφερόμενοι φωτοειδεῖς ἐκεῖνοι νεανίαι ἀπὸ τῆς δωρεᾶς τῆς δοθείσης μοι παρὰ τοῦ κυρίου καὶ πατρός ἁγίου μου Βασιλείου ἐπιδεδώκασιν αὐτοῖς τὸ ἱκανόν· καὶ οὕτως σὺν Θεῷ παρήλθομεν τούτους εὐθέως καὶ πρὸς τὰ ἀνώτερα τὴν πορείαν ἐποιούμεθα

(f. 79 r.) Εἶτα φθάνομεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔφασκον εἶναι τῆς λοιδορίας· κἀκεῖ οὖν πάλιν ὁμοίως τοῖς ἐν τῷ προτέρῳ τελωνίῳ δράσαντες καὶ ἀπολογησάμενοι ἀπὸ τῶν προσόντων ἡμῖν ἀγαθῶν πράξεών τε καὶ θείων δωρεῶν τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου, καὶ τούτους ἀβλαβῶς διήλθομεν, ἐν ὅσῳ δὲ ἀνηρχόμεθα πρὸς ἀλλήλους κοινολογούμενοι οἱ ἐμὲ ἐπιφερόμενοι ἔλεγον· Ὄντως μεγάλα εὐηργέτηται ἡ ταπεινὴ αὕτη ψυχὴ ὑπὸ τοῦ θεράποντος Κυρίου μεγίστου Βασιλείου, ἐπεὶ βίᾳ μεγάλῃ ὑπεμείναμεν ἂν τὰς ἀρχὰς καὶ ἐξουσίας τοῦ ἀέρος τούτου διερχόμενοι.

Ταῦτα δὲ πρὸς ἀλλήλους διαλεγομένων ἐκείνων, φθάνομεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι φθόνου, χάριτι δὲ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ μηδὲν κεκτημένων ἐν ἐμοὶ τούτων τῶν ματαίων ἀρχόντων τοῦ σκότους κατηγορῆσαί μου, οὐδὲ γὰρ ἐμεμνήμην πώποτε ὅτι ἐφ(f. 79 v.)θόνησά τινα ἐν τῷ κόσμῳ ἔτι διάγουσα, εὐφραινόμενοι καὶ τούσδε διέβημεν· ἔτριζον οὖν κατ' ἐμοῦ τοὺς ὀδόντας αὐτῶν οἱ ἀπηγριωμένοι ἐκεῖνοι καὶ παμβέβηλοι αἰθίοπες ὡς εἰκάζειν με ὑπ' αὐτῶν ὅσον οὔπω καταποθήσεσθαί με συνάμα τοῖς ἐπιφερομένοις με καὶ ὡσεὶ ζῶντας καταπιεῖν.

Ἔτι οὖν ἀνωτέρω προβιβαζομένων ἡμῶν, πολὺ γὰρ ἦν καὶ ἀνείκαστον τὸ πλῆθος τοῦ ὕψους οὗπερ ἀνηρχόμεθα, συναντῶμεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τοῦ ψεύδους· ὑπῆρχον οὖν ἐκεῖσε ἠθροισμένοι πλεῖστοι αἰθίοπες, ὧν τὰ πρόσωπα βδελυρὰ καὶ ἀπηγριωμένα σφόδρα, ὁ δὲ ἄρχων τούτων καὶ ἀρχηγὸς τοῦ φεύδους ὅμοιος αὐτοῖς ἐν δολιότητι· οἵτινες ἰδόντες ἡμᾶς ὀξέως καθ' ἡμῶν ἐπανέστησαν καὶ ἐξῆλθον εἰς συνάντησιν ἡμῶν θορυβοῦντες ἡμᾶς σφόδρα· καίτοι γε πρότερον ἡμῶν πρὸς αὐτούς, ὡς ἔθος, αὐτομολησάντων, φέροντες (f. 80 r.) καὶ ὑποδεικνύντες ἡμῖν ἅπαν ψεῦδος λαληθὲν ὑπ' ἐμοῦ τῆς ἀθλίας ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ μετὰ καὶ τινων σημείων καὶ ἀποδείξεων, τά τε τῶν προσώπων ὀνόματα καὶ τοὺς καιροὺς καὶ τόπους ἐν οἷς ὡς μία πολλάκις τῶν ἀφρόνων ἐν γυναιξὶ κατά τινος ψευδῶς ἐλάλησα καὶ ἐπὶ τῶν ἔργων οὐκ ἠλήθευσα. Ποιήσαντες οὖν τὸ ἱκανὸν αὐτοῖς οἱ ἐμὲ καθοδηγοῦντες, ὁμοίως τοῖς ἄλλοις παρήλθομεν καὶ αὐτοὺς τῇ πρεσβείᾳ καὶ ἀντιλήψει τοῦ τὴν ἐμὴν ταπείνωσιν ἐλεήσαντος θείου καὶ θεοφόρου πατρός.

Ἔτι οὖν ἡμῶν πορευομένων ἐπὶ τὰ πρόσω, καταντῶμεν εἰς ἕτερον τελώνιον πλείστην ἄθροισιν αἰθιόπων κεκτημένον, ὅπερ ἔλεγον εἶναι τοῦ θυμοῦ καὶ τῆς ὀργῆς· ὁ δὲ ἐπὶ τοῦ τελωνίου τούτου ἐξάρχων θρόνῳ ἐφιζόμενος, καθαπερεὶ ἐκ χαλκοῦ ἠσβολωμένου εἴδωλον, θυμοῦ ἀκατασχέτου καὶ πικρίας ἔμπλεως ἦν· ἔνθεν τοι καὶ σὺν βοῇ καὶ (f. 80 v.) κραυγῇ ἀσήμῳ τοῖς περὶ αὐτὸν ἐπέταττεν ἀνερευνᾶν τὴν τῆς ζωῆς μου ἀπὸ νεότητος πρᾶξιν ὡς τάχιστα καὶ μηδέν τι τούτοις διαλαθεῖν· κἀκεῖνοι τῆς ὀργῆς καὶ τοῦ θυμοῦ γεννήματα ὄντες, ἀλλήλους ὡς κύνες τοῖς ὀδοῦσι κατήσθιον, ἄσημα τινὰ καὶ μανίας πλήρη ῥήματα φωνοῦντες· ὡς οὖν κατήχθημεν καὶ πρὸς τοὺς λοιμοὺς τούτους, διεστραμμένῳ προσώπῳ καὶ βλοσυρῷ ὄμματι μετὰ χολῆς καὶ πικρίας ὁρῶντες ἡμᾶς, ἐξήταζον φονικῶς καὶ προέφερον οὐ μόνον ἃ ταῖς ἀληθείαις μετ' ὀργῆς καὶ θυμοῦ κατεπαιρομένη πρός τινα ἐλάλησα καὶ ἐπέπληξα, ἢ διὰ γέλωτα ἢ ταῖς χερσί τινα ἔτυψα, ἀλλὰ καὶ αὐτὰ τὰ διὰ βλέμματος ἀπηγριωμένου εἰργασμένα μοι, καὶ ὅσα χάριν παιδεύσεως τοῖς τέκνοις μου ἐπήγαγον μετὰ θυμοῦ ταῦτα τυπτήσασα, ἢ καὶ ὀργῇ ληφθεῖσα ἐπικράνθην πρὸς αὐτά, πάντα δὴ τὰ τοιαῦτα καὶ τὰ τούτοις ὅμοια εἰργασμένα (f. 81 r.) μοι κατὰ λεπτὸν ἀπήγγελον οἱ πονηρευόμενοι καὶ μισόκαλοι ἐκεῖνοι αἰθίοπες, πρὸς τούτοις δὲ καὶ ἐν οἷς ὠργίσθην καὶ μετὰ ἔχθρας καὶ μνησικακίας πρός τινα πικρανθεῖσα ἀπεπήδησα καὶ ὕβρισα καὶ ἠπειλησάμην, τοιούτῳ τρόπῳ καὶ αὐτοί, ὥσπερ θάλασσα πικρὰ μαινόμενοι καὶ ὀργιζόμενοι, ταῦτα προσέφερον καὶ εἰς μέσον παρήγαγον, τά τε τῶν ἀνθρώπων ὀνόματα καὶ αὐτὸν τὸν καιρὸν καὶ αὐτὰ κατὰ λέξιν τὰ ῥήματα ἅπερ πολλάκις ὀργίλως ἐφθεγξάμην, πρὸς οὓς ἐμαινόμην καὶ ἐχθραινόμην μνησικακοῦσα, παράγοντες εἰς μαρτυρίαν καὶ αὐτὰ τὰ ῥήματα καὶ τὰ ὀνόματα τῶν τότε παρατυχόντων καὶ ἀκουόντων αὐτά, καὶ τὴν ὥραν καὶ τὴν ἡμέραν καθαρῶς παριστάντες. Ἀπολογησάμενοι οὖν καὶ ἐπὶ τούτοις οἱ ἐμοῦ ἀντεχόμενοι νεανίσκοι ἐκεῖνοί τε οἱ παμφίλτατοι καὶ δόντες αὐτοῖς δόματα ἐπάξια· οὐκ ἀπὸ τῶν ἐμῶν ἔργων, ταῦτα γὰρ ἤδη ἐκλελοί(f. 81 v.)πασιν, ἀλλὰ ἀπὸ τῆς παρασχεθείσης μοι, ὡς εἴρηται, θείας δωρεᾶς τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου, ἀνήχθημεν ἀπ' αὐτῶν ἐπὶ τὰ ὕψη τοῦ αἰθέρος τὴν μακρὰν ἐκείνην πορείαν ποιούμενοι.

Ἀνιόντων δὲ ἡμῶν συναντῶμεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς ὑπερηφανίας· ζητούντων οὖν τῶν ἐν αὐτῷ φορολόγων κατηγορῆσαί μου καὶ μὴ εὑρισκόντων Χριστοῦ χάριτι· πῶς γὰρ καὶ τίνος ἤθελον ὑπερηφανεύσασθαι δούλη πενιχρὰ τυγχάνουσα ἐκ νηπίου; παρήλθομεν σὺν Θεῷ τούτους μηδὲν ὅλως ζημιωθέντες ὑπ᾽ αὐτῶν.

Ἔτι οὖν ἀνερχομένων ἡμῶν ἐπὶ τὰ πρόσω, κατηντήσαμεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς μωρολογίας· συνήντησαν δὲ ἡμῖν οἱ ὑπασπισταὶ τοῦ τελωνίου μήκοθεν σφόδρα κατεπείγοντες ἡμᾶς ἀναιδῶς τοῦ δοῦναι δίκην καὶ ἀπολογίσασθαι αὐτοῖς ὑπὲρ ὧν ἔλεγον ἔχειν καθ᾽ ἡμῶν· ἀπήχθημεν οὖν πρὸς αὐτοὺς (f. 82 r.) παυσάμενοι τῆς ὁδοιπορίας, καὶ παρῆγον εἰς μέσον καὶ ἤλεγχόν με κατὰ πρόσωπον οἱ ἀλάστορες φορολόγοι ἐκεῖνοι, παριστῶντες τὰς ἐκ νεότητός μου μωρολογίας καὶ αἰσχρολογίας, ὅσα τε ἐτραγῴδησα δεινῶς, καὶ ἰταμῶς προσετίθουν ἐν πάσῃ ἀληθείᾳ τὰς ὕβρεις, τὰς μωρολογίας, τὰ αἰσχρολογήματα, τοὺς ἀτάκτους γέλωτας, τὰ εὐτράπελα ῥήματα, τὰ ἄσεμνα βαδίσματα, τὰ ὀρχίσματα, τὰ πορνικὰ ἄσματα, ἅπερ πολλάκις πρός τινας ἀτάκτως καὶ ἀφρόνως διεπραττόμην, ἢ πρὸς γέλωτα ἕλκουσα τούτους ἔρχεσθαι, ἢ καὶ τὰ αὐτὰ πράττειν αὐτοὺς ἐκδιδάσκουσα, ἢ καὶ παρὰ ἄλλων τινῶν πολλάκις ταῦτα ἀκούσασα πρὸς ἄλλους κἀγώ, ὡς ἐν τάξει διηγήσεως, ὑπηγόρευσα, ταῦτα πάντα καὶ τὰ τοιαῦτα παρήγαγον καὶ παρετίθουν οἱ ἀθέμιτοι ἐκεῖνοι κατὰ πρόσωπόν μου, ὡς καὶ αὐτὴν ἐνωτιζομένην καὶ ἀναμιμνησκομένην πάντα ἀληθῆ εἶναι τὰ παρ᾽ ἐκεί(f. 82 v.)νοις κατ᾽ ἐμοῦ λεγόμενα καὶ φερόμενα, φρίττειν ἅμα καὶ τρέμειν καὶ τούτοις συγκατατίθεσθαι ἀληθεύειν. Πόθεν οὖν ταῦτα ἐγίνωσκον οἱ κατάρατοι ἅπερ δὴ καὶ αὐτὴ ἐγὼ διὰ τὸ μῆκος τοῦ χρόνου λήθης βυθοῦς ἤμην παραπέμψασα καὶ ὅλως μνήμην αὐτῶν οὐδαμῶς εἶχον; Κατὰ ἀναλογίας οὖν καὶ ἐπὶ τούτοις ἡμῶν ἀπολογησαμένων καὶ δόντων αὐτοῖς τὸ ἱκανὸν ἀπὸ τῆς δοθείσης μοι θείας δωρεᾶς τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου, ἐπορεύθημεν τὴν φοβερὰν καὶ ἄγνωστον καὶ μακρὰν ἐκείνην πορείαν τὴν πρὸς τὰ ἄνω ἡμᾶς ἐφέλκουσαν.

Καὶ ἐν τῷ πορεύεσθαι ἡμᾶς τὴν ὁδὸν ταύτην φθάνομεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τόκου καὶ δόλου· οἱ οὖν ὑπηρέται

τοῦ τελωνίου ἐκείνου, ἀκριβῶς τὰ κατ' ἐμὲ περὶ τῶν τοιούτων πλημμελημάτων διερευνήσαντες καὶ μηδὲν περὶ τόκου εὑρόντες, κατηγόρουν μου περὶ δόλου μόνου· μὴ δυνάμενοι δέ τι περὶ τούτου ἀποδεῖξαι, ἔθηγον κατ' ἐ(f. 83 r.)μοῦ τοὺς ὀδόντας αὐτῶν, διαπριόμενοι· ἡμεῖς δὲ ἐκεῖσε ἀπάραντες, τὴν ὡς ἀληθῶς μακρὰν καὶ ἀνεξιχνίαστον καὶ μέτρον παρὰ ἀνθρώποις οὐκ ἔχουσαν ἐκείνην ὁδὸν διηνύομεν ἀνερχόμενοι.

Καταντῶμεν τοίνυν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς ἀκηδίας καὶ τῆς κενοδοξίας· ἐμοῦ δὲ πρὸς ταῦτα Χριστοῦ χάριτι μηδὲν κεκτημένης ὅλως τι περὶ τούτων· πῶς γὰρ καὶ κατὰ τί ἔμελλον κενοδοξῆσαι δούλη, ὡς εἴρηται, τυγχάνουσα; διέβημεν δὲ τούτους ταχέως μηδὲν παρ' αὐτῶν ζημιωθέντες τὸ σύνολον.

Καὶ ἀνυόντων ἡμῶν εἰς ἕτερον τελώνιον φθάνομεν ὅπερ τῆς φιλαργυρίας κατωνομάζετο· ἀχλύς τε πολλὴ περὶ τὸ τελώνιον τοῦτο ἦν ὑπὲρ πάντα τὰ τελώνια ἃ καὶ διήλθομεν· ὡς γὰρ οἶμαι ἀπὸ τῆς προγείου ἀναθυμιάσεως ἤτοι ἀφούρας καὶ τῆς ἐξ αὐτῆς ἀναδιδομένης παχύτητος εἰς τὸν ἀέρα αἴροντες οἱ μιαρώτατοι ἐκεῖνοι αἰθίοπες τὰς αὐτῶν αὐτουργοῦσι σκηνάς· ἡ δὲ ἐπά(f. 83 v.)νω αὐτῶν περικεχυμένη ἀχλὺς τῆς τοῦ πάθους οὗπερ ἐξάρχουσι ποιοτητός ἐστι σημαντική. ἐρευνήσαντες τοίνυν καὶ οὗτοι κατὰ τὸ εἰωθὸς καὶ μηδὲν εὑρόντες ἐν ἐμοί· πόθεν γὰρ ἐμοὶ ἦν χρυσίον ἵνα καὶ φιλίαν σχῶ πρὸς αὐτό, ἢ καὶ ἀπόντος τούτου ἐπιθυμήσω αὐτὸ καὶ ὑποδίκην αὐτοῖς τοῖς ἀλάστορσιν ἐν τῷ ἀέρι εὑρεθήσομαι; καὶ παρήλθομεν τοῦτο μηδὲν χάριτι Χριστοῦ ζημιωθέντες τὸ σύνολον.

Εἶτα φθάνομεν εἰς ἕτερον τελώνιον, ὅπερ ἔλεγον τῆς πολυοινοποσίας εἶναι καὶ τῆς μέθης. ἵσταντο οὖν οἱ τοιοῦτοι τοῦ τελωνίου ὑπηρέται καὶ ὑπασπισταὶ μήκοθεν ὥσπερ λύκοι ἅρπαγες ζητοῦντες καταπιεῖν πάντα τὰ προ[σ]πελάζοντα ἐκεῖσε· οἱ οὖν ἀναφέροντές με θεοειδεῖς ἐκεῖνοι καὶ φωτόμορφοι νεανίαι, ἐπειδὴ δεδομένον ἐστὶν ἵνα αἱ παροδεύουσαι πᾶσαι τὴν ὁδὸν ἐκείνην ψυχαὶ ἐρευνῶνται καὶ ἐξετάζονται παρὰ τῶν ἀρχόντων τῆς ἐξουσίας τοῦ σκότους τοῦ ἀέρος, εἰς τὸ τελώνιον ὀξέως (f. 84 r.) ἐχώρησαν. ἐπιστάντες οὖν ἡμῖν οἱ πικροὶ ἐκεῖνοι τῆς κακίας ἐτασταὶ καὶ φορολόγοι, ὥσπέρ τινες οἴνῳ πολλῷ κεκαρωμένοι καὶ ἐκβεβακχευμένοι, καὶ αὐτὰ δὴ τὰ βαυκάλια

καὶ ποτήρια, ἅπερ διὰ πάσης μου τῆς ζωῆς ἤμην πεπωκυῖα, πάντα ἠριθμημένα ἐκέκτηντο, καὶ ἐπὶ στόματος ἔφερον λέγοντες· Οὐ πέπωκας ἐν τῇ ἐπισήμῳ ἡμέρᾳ τῇ δεῖνι, παρόντων καὶ τῶν συνευωχουμένων σοι τοῦ δεῖνος καὶ τοῦ δεῖνος, τόσα ποτήρια οἴνου; καὶ ἐκ τούτων ἐμεθύσθης καὶ τοῖς ποσὶν ὠλίσθησας ἐν τῷ δεῖνι τόπῳ καὶ τὴν κεφαλὴν ἤλγησας; καὶ πάλιν ὅτε πρὸς τὸν δεῖνα ἐπορεύθης οὐ τόσα καὶ τόσα βαυκάλια πέπωκας; καὶ ἄλλα πολλὰ τούτοις παραπλήσια ἐπιφώνως κατηγοροῦντές μου πειρώμενοι ἁρπάσαι με ἀπὸ τῶν ἀχράντων χειρῶν τῶν ἐπιφερόντων με φωτοφόρων ἐκείνων καὶ ὡραίων νεανίσκων. Ὅσα δὲ ἐφθέγγοντο καὶ προέφερον, ἀληθῆ ὑπῆρχον, ὡς ἀκριβῶς ταῦτα ἀναμνημονεύουσα ἐπεγίνωσκον· (f. 84 v.) ἀλλὰ καὶ πολλάκις κἀγώ, ὡς εἷς τῶν ἀνθρώπων μέσον τοῦ βίου ὑπάρχουσα, γνωρίμου τινὸς καὶ συνήθους ἐπιδημήσαντος πρός με, περισσοτέρως ἔπινον οἶνον ἅμα αὐτῷ καὶ πολλάκις ἐκ τούτου ἐμεθύσθην· καὶ τοῦτο εἰς μέσον ἡμῶν προέφερον ἐλέγχοντές με φανερῶς. Παρασχόντες οὖν καὶ τούτοις οἱ καλοί μου ὁδηγοὶ καὶ ἀντιλήπτορες τὰ ὀφειλόμενα ἐκ τῶν πλουσίων δωρεῶν τοῦ κυρίου μου καὶ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου, ἐξωνήσαντό μου τὰ ἁμαρτήματα· καὶ θᾶττον ἐκεῖθεν ἐξελθόντες, διηνύομεν τὴν ὁδόν· ἐν δὲ τῷ πορεύεσθαι ἡμᾶς μεταξὺ ἔλεγον πρός με οἱ ὁδηγοῦντες με ἅγιοι καὶ φωτοειδεῖς ἄγγελοι λέγοντες· Ὁρᾷς ὁποία ἀνάγκη ἐστὶ τὸ διελθεῖν τὰς λυγρὰς καὶ ἐπαράτους ἀρχὰς καὶ ἐξουσίας τοῦ ἄρχοντος τοῦ σκότους τοῦ ἀέρος τούτου; Ἐγὼ δὲ ἀποκριθεῖσα εἶπον πρὸς αὐτούς· Ναί, κύριοί μου, πολλὴ βία καὶ ἀνάγκη πέφυκεν ἵνα τις ταύτας κατισχύσῃ διαπερᾶσαι ἀνεξερευνήτως καὶ (f. 85 r.) ἀταράχως, καὶ οἶμαι ὅτι οὐδεὶς τῶν ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ, ὅθεν κἀγὼ ἐξῆλθον, ἐπίσταται ὅλως ἢ γινώσκει τὰ τῇδε μετὰ τὴν ἐξέλευσιν τῆς ψυχῆς διαπραττόμενα. Λέγουσιν ἐκεῖνοι πρός με· Ἐπιστάμεθα καὶ ἡμεῖς ὅτι οὐδὲν τῶν ὧδε οἱ ἐν τῷ κόσμῳ γινώσκουσιν· ἡ γὰρ τρυφὴ καὶ σπατάλη καὶ ἀπάτη τοῦ ματαίου ἐκείνου βίου οὐκ ἐᾷ τούτους ἀνανεύειν ὅλως καὶ προσέχειν ταῖς θείαις γραφαῖς ταῖς περὶ τούτων ἀναφανδὸν βοώσαις καὶ διδασκούσαις ἀεὶ ἵνα τὰς ἀρετὰς κατεργαζόμενοι, καὶ μᾶλλον τὴν ἐλεημοσύνην ἥτις πλείονα τῶν ἄλλων τὴν ἰσχὺν ἐνταῦθα κέκτηται καὶ ὠφελεῖν δύναται τοὺς ἐνταῦθα διοδεύοντας τὴν ὁδὸν ταύτην, δυνηθῶσι ταῦτα

πάντα προορᾶν καὶ ἐν ὀφθαλμοῖς τῆς διανοίας αὐτῶν ἀνεξάλειπτα ἔχειν ἡμέρας τε καὶ νυκτός, ὡς ἂν διαδράσωσιν ἐκ τῶν τοσούτων καὶ τηλικούτων δεινῶν τῶν μελλόντων αὐτοὺς μετὰ τὴν ἐκ τοῦ σώματος φρικτὴν ἐκδημίαν ἀπαραβάτως προσυπαντᾶν. (f. 85 v.) Εἰ γὰρ ταῦτα ἐγίνωσκον, πολλὰ ἂν ἔκαμον τοῦ λυτρωθῆναι τῶν τοιούτων δεινῶν ἀναγκῶν, καθὼς καί τινες ἐξ αὐτῶν ποιοῦσι καὶ διέρχονται ἀβλαβεῖς ἀπὸ τῶν τοιούτων, πλὴν σπάνιοι ταῦτα ὡς καὶ τῶν χιλίων ἢ καὶ τῶν μυρίων εἷς· ἀλλὰ μηδὲν ἐπιστάμενοι ταῦτα, ὡς εἴρηται, ζῶσιν ἐν ἀμελείᾳ ὥσπερ μὴ ἐλπίζοντες ἀποθανεῖν, τῇ γαστρὶ καὶ ματαίᾳ βλακείᾳ καὶ ἀπάτῃ τοῦ βίου δουλεύοντες, μηδὲν κἂν εἰς ἐξομολόγησιν τῶν ἐσφαλμένων αὐτοῖς δεινῶν ἐρχόμενοι· εἶτα φθάνει αὐτοὺς ἄφνω ὡς παγὶς ὁ θάνατος καὶ παραγίνεται ἐπ' αὐτοὺς τὰ τοιαῦτα δεινά. Οὐαὶ τῷ ἀνθρώπῳ ἐκείνῳ τῷ μὴ κεκτημένῳ ὁλκὴν ἔργων ἀγαθῶν καὶ πνευματικῶν, ὡς ἂν ἐν τούτοις δυνηθῇ διελθεῖν ἀβλαβῶς καὶ ἀταράχως τοὺς αἱμοβόρους καὶ ἀπηνεῖς τούτους ἄρχοντας τοῦ ἀέρος, ἵνα μὴ ὑπ' αὐτῶν κολαφιζόμενος βίᾳ καταχθῇ εἰς τὰ ζοφερὰ ταμεῖα τοῦ ᾅδου ἐν σκοτεινοῖς καὶ σκιᾷ θανάτου, δεσμοῖς ἀλύτοις δεσμούμενος καὶ κατακρα(f. 86 r.)τούμενος μέχρι τῆς δευτέρας παρουσίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τοῦ κριτοῦ τῶν ζώντων καὶ τῶν νεκρῶν, ἐν ᾗ μέλλει κρῖναι καὶ ἀποδοῦναι ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ· ὅπερ καὶ αὐτὴ ἔμελλες ἂν παθεῖν, εἰ μὴ τὴν δωρεὰν ταύτην εἴληφας τοῦ θεράποντος Κυρίου καὶ φιλτάτου σου πατρὸς Βασιλείου τοῦ μεγάλα σε εὐεργετηκότος εὐδοκίᾳ τοῦ παντοδυνάμου Θεοῦ.

Ταῦτα ἡμῶν ὁμιλούντων καὶ τὴν πορείαν ποιουμένων ἐπὶ τὰ πρόσω, κατηντήσαμεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς μνησικακίας· καὶ πρὸς τοῦτο ἡμῶν αὐτομολησάντων, τὸ ὄντως ἐπάρατον καὶ δεινότατον τῶν πονηρῶν ἐργαστήριον, ἀναπηδήσαντες οἱ τούτου ὑπηρέται ὥσπερ ἀνήμεροι θῆρες καὶ αἱμοβόροι λησταὶ ἡμῖν προϋπήντησαν καὶ τὸ τάχος ἠρεύνων καὶ ἐξήταζον, ὅπως εὕρωσί τι ἐν τῇ πονηρᾷ πλάστιγγι αὐτῶν κατ' ἐμοῦ γεγραμμένων, ὅπως δυνήσονται δι' αὐτοῦ κατηγορῆσαι καὶ ἐγκρατεῖς μου γενέσθαι. Ἐπεὶ δὲ Χριστοῦ χάρι(f. 86 v.)τι δι' εὐχῶν τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν οὐκ ἠδυνήθησαν εὑρεῖν τι κατ' ἐμοῦ, εἰς τέλος ἠσχύνθησαν ὄντως

οἱ πονηρευόμενοι καὶ ἠλάλαξαν τῶν ἐλπίδων ἀστοχήσαντες· ἐγὼ γὰρ ἡ ταλαίπωρος εἰ καὶ τὰ ἄλλα ἐλεεινὴ καὶ ἀθλία ἐτύγχανον, ἀλλ' ἐν μνησικακίας μερίσμου οὐχ' ὑπῆρχον, ἐπεὶ οὐδέποτε μέμνημαι μνησικακῆσαι πρός τινα ἐν πάσαις ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς μου οὖσα ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ, ἀλλὰ πρὸς πάντας μικρούς τε καὶ μεγάλους ἀγάπην πνευματικὴν ἀεὶ ἐκεκτήμην, καθὰ καὶ αὐτὸς ἐπίστασαι ἀκριβῶς, τέκνον Γρηγόριε, καὶ οὐδέποτέ τινι ἐμνησικάκησα ἢ ἀνταπέδωκα τῶν πολλάκις θλιψάντων με ἢ καὶ τυψάντων· ὅθεν μὴ δυνηθέντων τῶν ἐπαράτων ἐκείνων ἐπιλαβέσθαι μου ὅλως ἐφ' οἷς ἠρεύνων, ἐξήλθομεν ἐκ μέσου αὐτῶν, καταλελοιπότες αὐτοὺς ὀλολύζοντας διακενῆς, καὶ τοῖς ἐξῆς ἐφιπτάμεθα μηδὲν ζημιωθέντες τὸ σύνολον.

Ἀπιόντων δὲ ἡμῶν (f. 87 r.) τὴν ὁδόν, ἐπηρώτων τοὺς ἐμὲ ἀπάγοντας θαυμαστοὺς ἐκείνους καὶ ὡραίους νεανίας λέγουσα· Κύριοί μου, δέομαι ὑμῶν, ὠφελήσατέ μοι τόδε τὸ ῥῆμα τὸ παρ' ἐμοῦ ἀγνοούμενον καὶ διαλύσατέ μοι τὸ ἐπ' αὐτὸ ἀπορούμενον· Πόθεν οὕτως οὗτοι ἐπίστανται οἱ τῆς ἀνομίας ἐργάται ἀπὸ τοσούτου διαστήματος, οἷα καὶ ὅσα ἡμεῖς οἱ ἄνθρωποι ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ διαπραττόμεθα; πολὺ γὰρ σφόδρα αὐτῶν ἀπέχομεν, καὶ οὐδὲν τούτων διαλανθάνει αὐτοὺς ὡς ὁρῶ. Ἔφησεν οὖν εἷς ἐξ αὐτῶν πρός με· Οὐκ οἶσθα ὅτι πᾶς χριστιανὸς ἀπὸ τοῦ θείου βαπτίσματος ἀγαθὸν ἄγγελον προσλαμβάνει μεθ' ἑαυτοῦ, φρουροῦντα αὐτὸν καὶ πρὸς πᾶν ἔργον ἀγαθὸν ὁδηγοῦντα, ἀπογραφόμενον ἀεὶ πάντα τὰ καλὰ αὐτοῦ ἔργα παρ' ὅλην αὐτοῦ τὴν ζωήν; παραπλησίως δὲ κατὰ συγχώρησιν Θεοῦ καὶ πονηρὸς ἄγγελος συμπαρῆν αὐτῷ, ἐπακολουθῶν αὐτῷ ὄπισθεν ἀπογραφόμενος καὶ αὐτὸς πάντα (f. 87 v.) τὰ πονηρὰ αὐτοῦ ἔργα ἃ διατελεῖ ἔτι ὢν ἐν τῷ βίῳ πάσῃ τῇ ζωῇ αὐτοῦ. Καὶ λοιπὸν πάντα ὅσα σημειοῦνται καὶ ἀπογράφονται οἱ πονηροὶ ἐκεῖνοι ἄγγελοι πονηρὰ καὶ βέβηλα ἔργα ἑνός, ἑκάστῳ τελωνίῳ ἀναλόγως κατὰ τὴν ἐπωνυμίαν καὶ τὰ ὀφλήματα ἐγγράφως ἐξαποστέλλουσιν, ὡς ἂν κἀκεῖνοι ταῦτα κατέχωνται παρ' ἑαυτοῖς, ἐν τούτοις δυνήσονται οἱ ἀντικείμενοι ὑμῖν κωλύειν καὶ κατασπᾶν παντὸς ἀνθρώπου τελευτοῦντος ψυχήν, μέλλουσαν ἀπαίρειν καὶ ἀνέρχεσθαι τὴν ὁδὸν ταύτην, καὶ κατάγειν αὐτὴν εἰς τὴν ἄβυσσον τοῦ πυρὸς καὶ εἰς τὴν βυθὸν τοῦ ᾅδου, ἔνθα

κἀκεῖνοι τὴν οἴκησιν ἔχουσιν, εἴπερ οὐκ ἀξίως ἐφ' οἷς ἔπραξεν ἐμετενόησε καὶ διὰ τοῦ φυλάσσοντος αὐτὴν ἀγαθοῦ ἀγγέλου ἀντεισεκόμισεν ἔργα ἀγαθὰ ἀντιμετροῦντα καὶ ἀντισταθμίζοντα ταῦτα δηλονότι τὰ παρ' ἐκείνοις φανερούμενα ἄτοπα πλημμελήματα ὑμῶν καὶ αἰσχρά· καὶ οὕτω δυνήσεται ἂν διαδρᾶν τὰς (f. 88 r.) χεῖρας αὐτῶν· εἰ δ' οὐχ' εὑρέθη ἔχουσα, ὡς εἴρηται, πράξεις ἀγαθὰς ὅταν οὐ πλέον ἀλλὰ κἂν ἐπίσης τῶν πονηρῶν ἔργων, ἵνα δι' αὐτῶν ἐξωνήσηται ἐκεῖνα, κατασπῶσιν αὐτὴν βίᾳ ἀπὸ τῶν χειρῶν ἡμῶν καὶ τύπτοντες αὐτὴν ἀφειδῶς δέσμιον ἀποστέλλουσιν, ὡς εἴρηται, εἰς τὴν βυθὸν τοῦ ᾅδου καὶ κατακλείουσιν αὐτὴν ἐν σκοτεινοῖς καὶ ἐν σκιᾷ θανάτου μέχρι τῆς φοβερᾶς καὶ ἀπαραιτήτου κρίσεως. Τούτῳ τῷ τρόπῳ ἐπίστανται πάντα ὅσα πράττουσι πάντες οἱ ἄνθρωποι ἐν τῷ κόσμῳ ἁμαρτήματα, καὶ οὕτω πάντες ἐνθάδε λογοστατοῦσι.

Ταῦτα τοῦ ὁδηγοῦντός με πρός με διαλεγομένου, κἀμοῦ ἐπὶ τούτοις ἐκπληττομένης, ἐν ὅσῳ τὴν ὁδὸν ἀνερχόμεθα, καταντῶμιν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῶν ἐπαοιδῶν, φαρμακῶν, μάγων, μάντεων, κληδονιστῶν. Ὑπῆρχον δὲ ἐν ἐκείνῳ τῷ τελωνίῳ πνεύματα ἀκάθαρτα πλεῖστα ὀφεόσχημα, δρακοντόσχημα, ἐχιδνόσχημα, κεράσταις καὶ ἄλλοις βδελυροῖς μυρί(f. 88 v.)οις ἑρπετοῖς πονηροῖς ἐξομοιούμενα, ὧν καὶ μόνη ἡ θέα σχῆμα σκοτεινὸν καὶ σκότος καὶ ὀλίσθημα· πικρίας γὰρ πάσης ἐτύγχανον ἀνάμεστα. Μηδὲ τούτων οὖν χάριτι Χριστοῦ ἐχόντων ἢ εὑρηκότων τι κατ' ἐμοῦ εἰς τὸ κατηγορῆσαί μου, διήλθομεν καὶ αὐτοὺς μηδὲ λόγου ἀξιώσαντες τούτους ἢ τὸ οἱονοῦν παρ' αὐτῶν ζημιωθέντες. Αὖθις οὖν τὴν ὁδὸν ἐκείνην τὴν πέρας οὐκ ἔχουσαν ἡμῶν ἀνυόντων, ἐπειρώμην πάλιν ἐπερωτᾶν τοὺς ἐμὲ ὁδηγοῦντας λέγουσα πρὸς αὐτούς· Κύριοί μου καὶ ἀντιλήπτορες, δέομαι ὑμῶν, ὡς ἄν μου καὶ τοῦτο τὸ ἐρώτημα σαφηνίσητε· πᾶσαν ἁμαρτίαν ἣν ἂν ποιήσῃ ἄνθρωπος ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ, ἆρά γε ἄνευ πάσης ἀντιλογίας τῆς ἐνθάδε διαπερῶν, ὁπόταν ἐξέλθῃ τῶν ἐκεῖσε, ὑπὲρ αὐτῆς εὐθύνεται, καὶ οὐ δύναται ἔτι ζῶν ἐξαλεῖψαι αὐτάς, ἀλλ' εἰσὶν ἀπαραλλάκτως πᾶσαι εἰς ἕκαστον τελώνιον, καθ' ὃν τρόπον εἰρήκατέ μοι; Ὁρῶ γὰρ ὅπως κατὰ λεπτὸν ἐξετάζουσί με εἰς πάντα μικρά τε καὶ μεγάλα πλημμελήματα, καὶ φρίττουσα ἐ(f. 89 r.)ξίσταμαι. Λέγουσιν ἐκεῖνοι πρός με· Πάντας

μὲν οὐχ' οὕτως, ἀλλὰ μόνους τοὺς κατὰ σὲ φθάσαντας ἀποθανεῖν ἀνεξαγορεύτους καὶ μὴ διορθωσαμένους αὐτά· εἰ γὰρ σὺ αὐτὴ ἔφθασας ἐξαγορεῦσαι τῷ πνευματικῷ σου πατρὶ τὰ πλημμελήματά σου πάντα ἀνυποστόλως καὶ δέξασθαι παρ' αὐτοῦ ἐντολὰς καὶ δεδούλευκας αὐτὰς καὶ ἔλαβες παρ' αὐτοῦ συγχώρησιν, διέβης ἀνακωλύτως πάντα τὰ χαλεπὰ ταῦτα καὶ ὀλέθρια τελώνια, μὴ δυναμένου τινὸς τῶν ἐνταῦθα πονηρῶν πνευμάτων διᾶραι στόμα κατὰ σοῦ ἢ μεθ' ἡμῶν ζήτησιν ποιήσασθαι περί τινος σφάλματος ἐξαγορευθέντος παρὰ σοῦ τῷ πνευματικῷ σου πατρὶ, καὶ λαβούσης παρ' αὐτοῦ, ὡς εἴρηται, ἐπιτίμια καὶ φυλαξάσης αὐτά· ἐπειδὴ δὲ οὐκ ἔφθασας ἔξαγορεῦσαι ταῦτα, ἀλλὰ ἠρκέσθης ἐπὶ μόνῃ τῇ χρονίᾳ αὐτῶν ἀποχῇ, περὶ δὲ τῆς ἐξαγορεύσεως αὐτῶν ὅλως οὐκ ἐφρόντισας, διὰ τοῦτο πάντα, καθὼς νῦν ὁρᾷς, ἐρευνῶνται καὶ ἐξετάζονται κατὰ λεπτὸν ὑπὸ τῶν ἀρχόντων τοῦ (f. 89 v.) σκότους τοῦ ἀέρος τούτου. Ὁπηνίκα γάρ τις ἐξαγορεύσῃ ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ τὰς ἁμαρτίας αὐτοῦ καὶ τοῦ λοιποῦ σχολάσει τῇ μετανοίᾳ, ἀφίησιν αὐτῷ ὁ Θεὸς ὅσα προημαρτηκὼς ἐξηγόρευσε, καὶ τοῦ λοιποῦ ὑπάρχει ἐλεύθερος δεξάμενος ἀοράτως τὴν ἄφεσιν αὐτῶν. Οἱ δὲ ἐν τοῖς τελωνίοις πονηροὶ δαίμονες κεκτημένοι τὰς ἀνομίας αὐτῶν ἐν τοῖς τούτων κωδίοις σεσημειωμένας, θᾶττον ἀναπτύξαντες τὰ μυσαρὰ κατάγραφα αὐτῶν, ἐξ ὧν ἐν τούτοις εἶχον ἐγγεγραμμένα, οὐδὲ ἴχνος ἐν τούτοις εὑρεῖν δεδύνηνται· τὸ γὰρ πανάγιον Πνεῦμα ἀοράτως ἀπήλειψεν αὐτά. Γινώσκουσι δὲ καὶ οἱ τῶν τελωνίων ἄρχοντες καὶ οἱ τούτων ὑπασπισταὶ, ὅτι δι' ἐξαγορεύσεως ἀπηλίφησαν πάντα τὰ ἐν αὐτοῖς γεγραμμένα, καὶ ἐν τούτοις στυγνάζουσιν ἀστοχήσαντες τῶν ἐλπίδων· εἶτα πάλιν πειρῶνται εἰ ἔτι ζῇ ἐκεῖνος ὁ ἄνθρωπος οὗτινος τὰ ἁμαρτήματα ἐκ τῶν ἐγγράφων αὐτῶν ὁρῶσιν ἐξηλειμμένα, ἵνα ἀντ' ἐκείνων ἕτερα (f. 90 r.) γράψωσι καὶ ἐγκρατεῖς αὐτοῦ γενήσωνται, ὅταν ἀνέρχηται μετὰ τελευτῆς αὐτοῦ τὴν ὁδὸν [ἡ ψυχὴ] αὐτοῦ, καὶ σφοδροτέρως ὑπὲρ τὸ πρότερον ἐπέρχονται καὶ συνωθοῦσιν αὐτὴν ἕλκοντες πᾶν πονηρὸν ἔργον καὶ βέβηλον. Μέγα οὖν ἀληθῶς καὶ σωτήριον καὶ πάνυ ὠφέλιμον ἡ πρὸ τοῦ θανάτου ἐξαγόρευσις ἥτις ἐκ τῶν τοσούτων καὶ τηλικούτων ποικίλων ἀναγκῶν ῥύεται συντόμως καὶ εὐκόλως τὸν ἄνθρωπον, καὶ διέρχεται μετὰ παρρησίας ἀκωλύτως ἡ ψυχὴ αὐτοῦ πάντα τὰ ἐν τῷ ἀέρι τούτῳ χαλεπώτατα

καὶ φρίκης μεστὰ τελώνια, καὶ ἀπέρχεται πρὸς τὸν ἑαυτῆς ἀγαθὸν καὶ μόνον δεσπότην κομιζομένη παρ' αὐτοῦ τὴν τῶν ἀγαθῶν αὐτῆς πράξεων ἀμοιβὴν πολλαπλασίως καὶ ἀγαθοδότως. Ἐὰν δε πάλιν σχολάσῃ τις μὲν τῇ μετανοίᾳ καὶ τῇ δεήσει παυσάμενος ἀπὸ τῶν πονηρῶν αὐτοῦ ἔργων, οὐκ ἐξαγορεύσῃ δὲ τὰ προειργασμένα αὐτοῦ ἔργα καὶ παραπτώματα τινὶ τῶν πνευματικῶν πατρῶν, ἀλλὰ ἀρκεῖν ὑπολάβῃ (f. 90 v.) πρὸς ἐξάλειψιν τῶν προγεγονότων αὐτοῦ κακῶν, μόνη ἡ τούτων ἀποχὴ οὐδὲν αὐτὸν τὸ σύνολον ὠφελήσει, ἀλλὰ πάντα ἀπαραλλάκτως ἐνταῦθα, καθ' ὃν τρόπον ἑώρακας, ἐρευνηθήσονται καὶ ἐτασθήσονται ἀνεξάλειπτα ἐν τοῖς τῶν πονηρῶν δαιμόνων καὶ δεινῶν φορολόγων κώδιξιν εὑρισκόμενα· τῇ γὰρ δυνάμει, ὡς εἴρηται, τοῦ παναγίου Πνεύματος ἐξαλείφονται καὶ ἀπαλείφονται πάντα, προσσχόντος τῇ ταπεινώσει καὶ ἀνερυθριάστῳ ἀνακαλύψει καὶ ἐκπομπεύσει καὶ τῇ πρὸς τὰ πονηρὰ ἐκ καρδίας ἀπεχθείᾳ καὶ τελείᾳ ἀποστροφῇ τοῦ ἐξομολογουμένου· ἄλλως γὰρ ἐκ τούτων ἐλευθερωθῆναι παντελῶς καὶ ἀκωλύτως διελθεῖν τὴν ὁδὸν ταύτην ἀπὸ τῶν πονηρῶν τούτων πνευμάτων ἀμήχανον· ὡσαύτως δὲ καὶ οἱ μετὰ πανουργίας πολλῆς ἐξαγορεύειν ἐθέλοντες, καὶ οὐχ' ἐν ἑνὶ πατρὶ τὴν ἐλπίδα καὶ πίστιν ἔχοντες, ὡς ὑφ' ἑνὸς Θεοῦ σωθῆναι μὴ τὴν ἐλπίδα κεκτημένων, ἀλλὰ τούτῳ μὲν ἄλλα, ἄλλα δ' ἐ(f. 91r.)κείνῳ καὶ ἕτερα ἑτέρῳ ἀνακαλύπτοντες σφάλματα, ὡσανεὶ αἰσχυνόμενοι ἀνακαλύψαι ταῦτα τῷ ἐξ ἀρχῆς ἀναδόχῳ αὐτοῦ, εἰ ἔτι παρῆν ἐν τῷ βίῳ (εἰ δ' οὐκ ἦν, ἀπῆλθεν πρὸς τὸ ποθούμενον ἐκεῖνος), καὶ πρὸς ἑτέρῳ προσελθόντες, τὰ ὅμοια πράττουσιν ἵνα μὴ παρ' αὐτοῦ σφοδρότερον ἐπιτιμηθῶσι, ἢ ἀεὶ ἐν τοῖς αὐτοῖς κακοῖς ἁλισκόμενοι ἐλέγχωνται καὶ ἐξουδενῶνται. Τοῦτο ποιοῦσι καὶ εἰς πολλοὺς ταῦτα καταμερίζονται ἔτι τοῦ προτέρου περιόντες τῷ βίῳ, καὶ χωρὶς γνώμης αὐτοῦ ἐξαγγέλλειν ἑτέρῳ ἐθέλοντες, οὐδαμῶς ἐκ τῆς τοιαύτης πανουργίας καὶ κεκαπηλευμένης αὐτῶν ἐξαγορεύσεως ὠφεληθήσονται, ἀλλὰ καὶ μᾶλλον ὡς πόρνοι καὶ μοιχοὶ ἐτασθήσονται καὶ κολασθήσονται καὶ τῶν εἰσπραττομένων δίκας ὑφέξονται.

Καὶ τούτοις οὖν ἡμῶν ὁμιλούντων καὶ ἀδολεσχούντων καὶ τὴν ὁδὸν πορευομένων, φθάνομεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον τῆς γαστριμαργίας εἶναι· οἱ οὖν ὑπηρέται τοῦ τοιούτου (f. 91 v.) τελωνίου

[μετὰ] τοῦ καὶ παμπονήρου ἐξουσιάρχου ἐξογκωμένοι ὑπῆρχον, παχεῖς, πίονές τε καὶ ἀπηγριωμένοι δεινῶς, οἵτινες ὑπὲρ τοὺς ἄλλους τῶν προτέρων τελωνίων χαλεπωτέρως καὶ μειζόνως καθήπτοντές μου, καθυλακτοῦντες καὶ ἐπιφέροντες εἰς ἔλεγχον ἔμπροσθέν μου τὰς ἐν τῇ νεότητί μου γαστριμαργίας καὶ λαθροφαγίας, καὶ ὅσα ἤσθιον ἀφρόνως ἀπὸ πρωίας ἕως ἑσπέρας, καθ' ὃν τρόπον καὶ οἱ ἀναίσθητοι χοῖροι ποιοῦσι, καὶ μὴ αἰσθανομένη τῶν πικρῶν τῶν τελωνίων ἐκείνων ἐτασμάτων, ὅπως τε ἔτρωγον τῇ ἁγίᾳ τεσσαρακοστῇ καὶ ἐν πάσαις ταῖς ἐπισήμοις δεσποτικαῖς ἑορταῖς εὐχὴν μὴ ἐπιτελοῦσα, ὅπως τε ἤσθιον καθ' ἑκάστην ἡμέραν ἐν μεγάλῃ εὐρυχωρίᾳ, ἔν τε τῷ προγεύματι, τῷ γεύματι καὶ τῷ δείπνῳ, κορεννυμένη καὶ ἐσθίουσα ὑπὲρ κόρον, βαροῦσα μου τὸν στόμαχον καὶ τὴν γαστέρα ἐν ἀδδηφαγίᾳ καὶ πλήθει διαφόρων βρωμάτων καὶ πωμάτων· καὶ ἐπὶ τούτοις πᾶσιν ἤλεγχόν με καὶ ἐξήταζον (f. 92 r.) πειρώμενοι ἀφαρπάσαι με καὶ ἀθρόον καταπιεῖν ὡς λύκοι, λέγοντες εἰς μέγα φωνῆς ἀπήχημα πρός με· Οὐ συνέθου τῷ Θεῷ καὶ τῷ ἁγίῳ βαπτίσματι λέγουσα· ἀποτάσσομαι τῷ Σατανᾷ καὶ πᾶσι τοῖς ἔργοις αὐτοῦ; πῶς οὖν τὰς φοβερὰς ἐκείνας καὶ φρικτὰς πρὸς Θεὸν συντάξεις καὶ συνθήκας ἀθετήσασα, τὰ ἡμέτερα ἔργα πέπραχας καὶ ἡμῖν σπουδαίως δεδούλευκας; ἆρα οὐχ ἡμέτερα ταῦτα καὶ τῆς ἐξουσίας τοῦ ἄρχοντος ἡμῶν εἰσίν; ἆρα οὐχ ἐργάτης καὶ φίλος τῶν ἡμετέρων ἔργων καὶ ἐπιτηδευμάτων τυγχάνεις; Δόντες οὖν αὐτοῖς οἱ κἀμὲ ὁδηγοῦντες τὰ ὀφειλόμενα, ἐξωνησάμενοι πάντα μου τὰ ὀφλήματα ἐκεῖνα ἀπὸ τῶν δωρεῶν τοῦ κυρίου μου καὶ ἁγίου πατρός, παροδεύσαμεν κἀκεῖνο τὸ μιαρώτατον ἐργαστήριον καὶ φρίκης γέμον τελώνιον.

Καὶ ἐν τῷ τὴν ὁδὸν ἡμᾶς πορεύεσθαι τὴν ἄπειρον καὶ μακρὰν ἐκείνην καὶ τέλος μὴ ἔχουσαν, εὐθὺς κατηντήσαμεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς εἰδωλο(f. 92 v.)λατρίας καὶ πάσης ἄλλης αἱρέσεως, ἐν ᾧ οὐ τοὺς εἰδωλολάτρας μόνον, ἀλλὰ καὶ τοὺς φίλους αὐτῶν ὠμῶς ἤταζον. Ἡμεῖς δὲ οὐδαμῶς ἐπὶ τὸ τοιοῦτον ἐξενεύσαμεν τελώνιον· οὐδὲν γὰρ αὐτοὶ τὸ καθόλου ἐφ' ὧν ἤλπιζον ἐκέκτηντο Χριστοῦ χάριτι· καὶ τί γὰρ εἶχον τοιοῦτον κατ' ἐμοῦ εἰπεῖν ἢ κατηγορῆσαι ὧν οὐδ' ἐπὶ λογισμὸν πώποτε ἦλθον τῇ τοῦ Θεοῦ ἀντιλήψει καὶ τῇ κυβερνήσει καὶ ὁδηγίᾳ τοῦ μεγίστου αὐτοῦ θεράποντος Βασι-

λείου καὶ ἁγίου μου πατρός; ἀφ' ἧς γὰρ ὥρας κατηξιώθην τοῦ θείου βαπτίσματος, ἕτερον Θεὸν οὐ μεμάθηκα οὔτε δεδούλευκα, εἰ μὴ εἰς ὃν ἐβαπτίσθην καὶ εἰς ὃν τὰς συνθήκας μου τέθεικα τῇ παραδόσει τῆς ἁγίας καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς τῶν χριστιανῶν ἐκκλησίας, στοιχοῦσά τε καὶ ἐμμένουσα καὶ τὰ τῶν ὀρθοδόξων διδασκαλεῖα καὶ ἁγίων πατέρων διδάγματά τε καὶ δόγματα ἀεὶ ἐπιπτύχια φέρουσα.

Ἀπιόντων τοίνυν ἡμῶν τὴν ὁδὸν μηδὲν ὅλως ὑπ' αὐτῶν ζημιωθέντες, καταντῶμεν εἰς ἕτερον τελώνιον (f. 93 r.) χαλεπὸν λίαν, ὅπερ ἔλεγον εἶναι ἀνδρομανίας καὶ παιδοφθορίας· ὁ οὖν ἔξαρχος τοῦ τελωνίου ἐκείνου πικρὸς καὶ φοβερὸς ἦν σφόδρα, καὶ ποτὲ μὲν δράκων φοβερὸς ὁρᾶτο κερασφόρος, ποτὲ δὲ ὥσπερ μῦς, ἄλλοτε δὲ ὡς χοῖρος ἀπηγριωμένος, ποτὲ δὲ ἄλλως καὶ ἄλλως καὶ ἄλλως τε μετασχηματιζόμενος καὶ μεταμορφούμενος, μήκιστος ὡς κῆτος θαλάσσης ὑπάρχων· περὶ δὲ κύκλῳ αὐτοῦ δυσωδία πολλὴ καὶ πικρὰ καὶ κατώδυνος, ἐν ῇ ὡς κερβικαρίῳ μεγάλῳ ἀνεπαύετό τε, καὶ ὥσπερ χοῖρος ἡδέως τῷ βορβόρῳ ἐπηυφραίνετο κυλιόμενος· οἱ δέ γε τούτου ὑπηρέται καὶ ὑπασπισταὶ πικροὶ καὶ ἀπηγριωμένοι καὶ τῇ θέᾳ είδεχθεῖς οἷα τὰ τοῦ θεάτρου εἴδωλα, κατησβολωμένοι τε καὶ παντελῶς ἠχρειωμένοι καὶ ἀπηλλοτριωμένοι ἀπὸ πάσης ἀγαθῆς ὁράσεως, γνόντες οὖν ὅτι θηλεία ἐτύγχανον, οὐδὲν εἶχον κατ' ἐμοῦ ἐτάσαι· τοῦτο δὲ μόνον ἠρεύνων ἐν ἐμοί, εἴποτε νε(f. 93 v.)ἀνις ὑπάρχουσα μετὰ συνηλικιώτου κόρης ἐν μιᾷ στρωμνῇ ἐπανεπαυσάμην καὶ τὸ θῆλυ ἁμάρτημα τῆς γυναικομανίας μετ' αὐτῆς ἴσως διεπραξάμην. τοῦ δὲ τοῦ Θεοῦ ἐλέους καὶ τῆς χάριτος καὶ ἐπὶ τοῦτο καταισχυνθέντες, ὡς μηδὲν εὑρηκότες ὧνπερ ἤλπιζον ἐν ἐμοί, ἐάσαντες ἡμᾶς, ἀπέστημεν τῶν ἐκεῖ λυτρωθέντες τῆς αὐτῆς μιαρότητος.

Εἶθ' οὕτως καταντῶμεν εἰς ἕτερον τελώνιον· ἤδη γὰρ ἐπλησιάζομεν τῇ πύλῃ τοῦ οὐρανοῦ· ἔφασκον δὲ εἶναι τοῦτο τὸ τῆς μοιχείας ἐταστήριον· ἐπεσημήναντο οὖν μοι παραθαρρύνοντες ἅμα καὶ παρηγοροῦντές με οἱ καλοί μου ἐκεῖνοι προστάται καὶ ὁδηγοὶ λέγοντες ταῦτα πρός με περὶ τοῦ παρελθόντος μυσαροῦ ἐκείνου καὶ δυσώδους τελωνίου, ὅτι πολλὰς ἀεί ποτε ψυχὰς ἕως αὐτοῦ ἀκωλύτως ἐρχομένας καὶ ἤδη προσκυνῆσαι μελλούσας τῷ θείῳ θρόνῳ τῆς χάριτος, αὐτὸ καθέλκει ταύτας ἀθλίως καὶ κατασπᾷ μέχρις ἅδου ταμεί(f. 94 r.)ων,

διὰ τὸ τοὺς πλείους πλεῖστα ἐπιποθεῖν καὶ ἐργάζεσθαι ἀδεῶς τὴν τοιαύτην βδελυρὰν αἰσχρουργίαν. Ταῦτα δὲ ἐκείνων λεγόντων πρός με, οἱ τοῦ τελωνίου ἐκείνου ὑπηρέται βορβορώδεις τε καὶ ζοφώδεις δαίμονες ὀξέως ἡμῖν συναντῶσι καὶ ἠρεύνων τε καὶ ἐξήταζον καὶ πρὸς ἑαυτοὺς διελέγοντο σπουδὴν ἀσύγκριτον κεκτημένοι καὶ τὰ ἐμοὶ πεπραγμένα διαχλευάζοντες· ἐπεὶ οὖν πρὸ τοῦ ἐξυπηρετῆσαι τὸν ἅγιον καὶ ὅσιον ἡμῶν πατέρα Βασίλειον εἶχον σύντροφον σύνευνον ἐκ προτάξεως αὐθεντικῆς μου, καὶ μετ' αὐτοῦ συνοικοῦσα προσέπεσα μετὰ καὶ ἑτέρων τινῶν νέων τῶν ἐν τῷ οἴκῳ τοῦ κυρίου μου ὑπαρχόντων, ἐξαπατηθεῖσα παρ' αὐτῶν καὶ διὰ τὸ ἐν ἀγνοίᾳ με εἶναι τῶν τοιούτων φοβερῶν τελωνίων καὶ πικρῶν ἐτασμάτων, διὰ ταῦτα οὖν μεγάλως μου οἱ τοῦ τελωνίου ἐκείνου ὑπηρέται καθήπτοντο· οἱ δὲ ὁδηγοῦντές με ἀνθίσταντο αὐτοῖς λέγοντες· Δουλὶς αὕτη πε(f. 94 v.)-φυκυῖα ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ οὐχ' ὑπὸ ἱερέως ηὐλόγηται· οὐ νομίμως ἱερολογίας ἀξιωθεῖσα τὸν ἴδιον σύνευνον ἔγημεν, οὐδὲ ἐν τῷ ναῷ Κυρίου στεφανωθεὶς ταύτην ἔλαβεν, ἵνα καὶ μοιχείας κυρίως ὦσι τὰ ἐγκλήματα, ἀλλὰ μᾶλλον πορνείας δέον ταῦτα κατονομάζεσθαι, ὡς ψιλῇ καὶ μόνῃ ῥήσει ἐκ χειρὸς τοῦ κυρίου αὐτῆς τοῦτον ἐδέξατο. Οἱ δὲ μεγάλως θρυλλούμενοι ἀντετίθουν λέγοντες· Οὐχὶ δεύτερος θεὸς τῷ δούλῳ ὁ κτησάμενος ἀργυρώνητον κύριος αὐτοῦ ἐστί; καὶ αὕτη γνώμῃ τοῦ δεσπότου καὶ κυρίου αὐτῆς τῷ ἀνδρὶ ἐπισυναφθεῖσα, δέον τὰ τούτων παραπτώματα μοιχείας καὶ οὐ πορνείας σπέρματα κατονομάζεσθαι. Τούτων οὖν οὕτως ἐπὶ πολλὰς ὥρας ἀμφισβητουμένων καὶ ζητουμένων, Χριστοῦ χάριτι νενικήκασιν οἱ ἐμὲ φυλάσσοντες ἐκεῖνοι νεανίαι, καὶ μηδὲ τὸ οἱονοῦν αὐτοῖς παρασχόντες, ἐχωρήσαμεν ἐπὶ τὰ πρόσω. Ἠπείλουν δὲ ἡμῖν ἐκεῖνοι σείοντες τὰς μυσαρὰς αὐτῶν κεφαλὰς καὶ λέγοντες· (f. 95 r.) Εἰ καὶ τὰς ἡμετέρας χεῖρας διαδρᾶναι ἰσχύσατε, ἀλλ' οὖν γε τὸ τῆς πορνείας τελώνιον, ὡς δραστήριον ὄν τι καὶ ἰσχυρότερον ἡμῶν, οὐδαμῶς διαδρᾶσαι δυνήσεσθε. Ἀνυόντων δὲ ἡμῶν τὴν ὁδόν, ἐδεδοίκειν ὅλη καὶ ἔτρεμον, μήπως τὸ τῆς πορνείας τελώνιον ὡς ἔνοχόν με κεκτημένον κατασπάσῃ καὶ εἰς ᾅδου βυθὸν καταβιβάσῃ.

Καὶ ἰδοὺ ἄφνω κατηντήσαμεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τοῦ φόνου, ἐν ᾧ καὶ πᾶσα μάστιξ ῥαβδισμοῦ τε καὶ ῥαπίσματα,

καὶ πᾶσα ἁρπαγὴ καὶ ἀδικία ὑπὸ τῶν ἐν τούτῳ προσεδρευόντων δαιμόνων ἐτύγχανεν ἐν τῷ διέρχεσθαι τὰς ψυχὰς παραπλησίως τοῖς ἄλλοις κατηγορεῖσθαι ἐν τούτοις καὶ ἐτάζεσθαι. Μὴ εὑρηκότων οὖν τι τούτων ἐν ἐμοὶ τῇ τοῦ Χριστοῦ χάριτι, διήλθομεν τῶν ἐκεῖσε μηδὲν ζημιωθέντες τὸ σύνολον.

Καὶ ἰδοὺ ἕτερον τελώνιον συνήντησεν ἡμῖν ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς κλοπῆς· αὐτομολησάντων οὖν ἡμῶν πρὸς αὐτό, ἠρεύνων κατὰ μικρὸν οἱ ἀλάστορες καὶ πικροὶ συζητηταὶ πᾶσαν πρᾶξιν τῆς ὅλης ζωῆς μου, καὶ ὅσα ἠδυνήθη(f. 95 v.)σαν εὑρεῖν ἐν τῇ οἰκίᾳ αὐτῶν ἐν ἐμοὶ περὶ κλέμματος, ἀντελάμβανον αὐτὰ καὶ σφοδρῶς κατηγόρουν μου· οἱ δὲ ὁδηγοῦντές με θεῖοι νεανίσκοι, δόντες αὐτοῖς τὸ ἱκανὸν ἀπὸ τῆς θείας δωρεᾶς τοῦ κυρίου μου καὶ θεράποντος Θεοῦ Βασιλείου, ἀνήχθημεν ἐκεῖθεν καὶ πορρωτέρω ἐπορευόμεθα.

Καὶ ἐν τῷ ἀνέρχεσθαι ἡμᾶς τὴν φοβερὰν ἐκείνην ὁδὸν καὶ τέλος οὐκ ἔχουσαν, φθάνομεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς πορνείας· ὁ οὖν ἄρχων τοῦ τοιούτου τελωνίου πονηρὸς καὶ πικρὸς ἦν λίαν, προκαθεζόμενος ὥσπερ λέων ἀνήμερος, περιβεβλημένος χιτώνιον κονσηποδῆ (sic) ἀφρῷ καὶ αἵματι ῥεραντισμένον, ἐφ' ᾧ ὡς ἐν πορφύρᾳ βασιλικῇ τερπόμενος ἐγαυριᾶτο καὶ ὡραΐζετο. ἐν τούτῳ δὲ τῷ χιτωνίῳ ἐφαίνοντο εἰκονίσματά τινα δαιμονιόμορφα κεκολλημένα πρὸς ἄλληλα δῆθεν διαλεγόμενα, εἰργασμένα ἐν αὐτῷ καὶ ἐξυφασμένα ἀπὸ τῆς αἰσχρᾶς καὶ βεβήλου ἐργασίας τῶν δίκην χοίρων τῇ μίξει τῆς πορνείας ἀδεῶς καὶ ἀκορέστως, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ἀσώ(f. 96 r.)τως ἐγκυλινδομένων, νοητῶς καὶ καταλλήλως κατεσκευασμένων τῷ τῆς ἡδονῆς ταύτης ἐξάρχοντι. Ἀναπηδήσαντες οὖν οἱ τούτου ὑπηρέται δεινοὶ καὶ φορολόγοι ἡμῶν πρὸς τούτους πλησιασάντων, ξενισθέντες καὶ ἔννεοι οἱ μιαρώτατοι γενόμενοι, συνήντησαν ἡμῖν στενάζοντες σφοδρῶς καὶ μετὰ πάσης ἀκριβολογίας διερευνοῦντες ἅπαντα τὰ ἐμοὶ πεπραγμένα ἐν τῷ βίῳ ἐκείνῳ κατὰ λεπτόν τι. Καὶ οὐ μόνον τὰ ἀληθεῖ εἰργασμένα μοι εἰς μέσον προτιθέντες παραπτώματα ἔφερον εἰς ἔλεγχόν μου μετὰ πολλοῦ τοῦ θράσους κατηγορεῖν μου ἐθέλοντες, καὶ αὐτὰ τῶν ἀνδρῶν τὰ ὀνόματα, μεθ' ὧν πολλάκις ὅταν ἤμην ἁπαλὴ κόρη ἐμετρίαζον λέγουσα πρὸς αὐτοὺς τινὰ ἄσεμνα ῥήματα, ὡς μία τῶν ἀφρόνων γυναικῶν τῶν τὰ τοιαῦτα ἐργαζομένων, ἀλλὰ καὶ αὐτοὶ

ἀφ' ἑαυτῶν ὑπονοίαις ἰδίαις χρησάμενοι ψευδῆ μου πάμπολλα δολίως προσέφερον· καὶ εἰς μαρτυρίαν τῶν τοιούτων μου ψευδεπιπλάστων κατηγοριῶν ὀνόματά τινα παρώνυμα καὶ (f. 96 v.) σύσσημα καὶ τεχνῶν ἐπιτηδεύματα παρίστουν καὶ ἐκραταιοῦντο πειρώμενοι ἀφαρπάσαι με ἀπὸ τῶν ἁγίων καὶ ἀχράντων χειρῶν τῶν φωτοειδῶν ἐκείνων νεανίων καὶ καταγαγεῖν με ἐν τοῖς κατωτάτοις τοῦ ἅδου ταμείοις. Καὶ ταῦτα ἐκείνων οὕτως εἰσπραττομένων καὶ πονηρευομένων κατ' ἐμοῦ, οἱ καλοί μου προστάται καὶ ὁδηγοὶ ἀντεχόμενοί μου ἔλεγον πρὸς αὐτούς· Εἰ καὶ ταῦτα πολλάκις εἰργάσατο, ἀλλ' ἐπαύσατο καὶ σεσίγηκεν ἀπὸ τῶν τοιούτων μυσαρῶν ἔργων χρόνους ἤδη ἱκανούς· οἱ δὲ δήμιοι ἐκεῖνοι ἀντέλεγον αὐτοῖς· Ὅτι μὲν σεσίγηκεν ἀπὸ τῶν τοιούτων κακῶν καιρῷ ἰδίῳ, καὶ ἡμεῖς ἐπιστάμεθα, πλὴν δὲ τὰ μυστήρια ἡμῶν παρ' ἑαυτῇ κεκρυμμένα ἐκέκτητο· ἠγάπα γὰρ ἡμᾶς καὶ οὐκ ἤθελε θριαμβεῦσαι τὰ ἔργα ἡμῶν τινὶ πνευματικῷ πατρὶ ἐπὶ τῆς γῆς δι' ἐξαγορεύσεως· ὧδε γὰρ ἡμεῖς εὑρίσκομεν ταῦτα ἐν τοῖς κόδιξιν ἡμῶν ἀνεξάλειπτα· τὰ γὰρ ἐξαγορευόμενα ἐπὶ τῆς γῆς, ἀοράτως ἀπαλειφόμενα, οὐδαμῶς ἐνταῦθα ἡμῖν (f. 97 r.) εὑρίσκονται, ὅτι δὲ οὐκ ἐξηγόρευσεν, οὐδὲ ἐν ἐπιτιμίοις δεδούλευκεν, οὐδὲ ἔλαβεν ἐπὶ τούτοις συγχώρησιν παρὰ τοῦ ἀναδόχου καὶ πνευματικοῦ αὐτῆς πατρός, ἀλλ' ἤθελε δικαιοῦν ἑαυτὴν καὶ ἁγίαν τοῖς ἀνθρώποις καὶ ἄμεμπτον φαίνεσθαι, διὰ τοῦτο τοίνυν παρ' ἡμῶν δικαίως ἐτάζεται· οὐκοῦν τίς ἐστιν ὁ ἐν τοσούτοις καὶ τηλικούτοις κακοῖς οὔσῃ ὑπευθύνῳ ἐν ἡμῖν ἐξελέσθαι αὐτὴν ἐκ τῶν χειρῶν ἡμῶν [τολμῶν]; Ἢ τοίνυν ἀφέντες αὐτὴν ἄπιτε, ἢ δι' ἔργων ἀγαθῶν ἰσοστάθμων τὰ παρ' ἡμῶν κατ' αὐτῆς ἐμφανιζόμενα ἐξωνήσασθε. Οἱ οὖν ἅγιοι ἐκεῖνοι νεανίαι, ἐκβαλλόντες ὡς ἐκ μαρσηπίου ἀφ' ὧν αὐτοῖς δέδωκεν ὁ πανάγιος μου πατὴρ καὶ θεράπων Χριστοῦ Βασίλειος δωρεῶν χάριν λύτρου τῆς ψυχῆς μου μέρος τι, δέδωκαν αὐτοῖς ἰσόσταθμα ὧν κατ' ἐμοῦ ἔφερον ἀληθῶς κατηγοριῶν, καθὼς καὶ ἀνωτέρω πολλάκις εἴρηται. Ἄραντές με ἐκεῖθεν ἐπορευόμεθα ἐπὶ τὰ πρόσω· ἔτριζον οὖν οἱ βεβορβορωμένοι ἐκεῖνοι καὶ ὀλέθριοι αἰθίοπες καὶ ἔβρυχον κατ' ἐμοῦ τοὺς ὀδόντας αὐτῶν καὶ διεπρίοντο λέγοντες· Τίς ὁ παρασχὼν αὐτῇ τὰ τοιαῦτα θεῖα καὶ (f. 97 v.) ἀληθῶς θεάρεστα ἔργα δι' ὧν τῶν χειρῶν ἡμῶν ἀπέδρα ἐξωνησαμένη πάσας τὰς ἀνομίας αὐτῆς; καὶ οὐκ

ἠδυνήθημεν ὅλως περιγενέσθαι αὐτῆς. Ἐν δὲ τῷ πορεύεσθαι ἡμᾶς ἔλεγον πρός με οἱ φωτοειδεῖς ἐκεῖνοι ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ καὶ ἀγαθοί μου προστάται· Ὁρᾷς τὸ τελώνιον τοῦτο ὅπερ διήλθομεν; Ἐμοῦ δὲ εἰρηκότος πρὸς αὐτοῖς· Ναί, κύριοί μου, οἱ δὲ λέγουσιν· Ὀλίγαι ψυχαὶ διέρχονται αὐτὸ ἀζημίωται διὰ τὸ εἶναι τὸν μάταιον ἐκεῖνον κόσμον ἀπὸ τῆς ἄγαν τρυφῆς καὶ σπατάλης αὐτοῦ φιλόπορνον, φιλήδονον, μοιχαλίδη καὶ ἁμαρτωλόν· καὶ μάλιστα αἱ μὴ τοῖς τῶν θείων γραφῶν διδάγμασιν ἱεροῖς πειθαρχήσασαι, τῶν καθ' ἑκάστην περὶ τῶν τοιούτων δεινῶν καὶ χαλεπωτάτων τελωνίων κηρυττόντων καὶ ἐκδιδασκόντων, ἀλλὰ τοῖς σφῶν λογισμοῖς ἐπαγόμεναι, ὡσεὶ λήρων ῥήματα ἡγοῦντο ταῦτα. Ἕως τοῦτο γὰρ τὸ πάνδεινον καὶ ὀλέθριον τελώνιον πολλαὶ πολλάκις ἀνερχόμεναι ψυχαί, κατασπῶνται κάτω καὶ μέχρις ᾅδου (f. 98 r.) ταμείων δεσμούμεναι κατακλείονται ἕως τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ μεγάλης ἡμέρας τῆς τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ δευτέρας παρουσίας· τότε γὰρ πᾶσαι αἱ κατακλεισθεῖσαι ἐκεῖσε ψυχαὶ ἐξέλθωσιν εἰς συνάντησιν τοῦ Κυρίου ἵνα ἑκάστη αὐτῶν, ἀφ' ὧν εἰργάσατο πράξεων, ἀπολαύσῃ τὰς ἀμοιβὰς παρὰ τοῦ δικαίου κριτοῦ. Ὃ δὴ καὶ αὐτὴ ἔμελλες παθεῖν, εἰ μὴ ὁ μέγας θεράπων Χριστοῦ Βασίλειος προφθάσας ἐρρύσατό σε ἐκ τούτων· νῦν δὲ τέρπου καὶ ἀγάλλου, ἐπεὶ διὰ τῶν τιμίων αὐτοῦ εὐχῶν νενίκηκας καὶ διέδρας τοῦτο καὶ τὸν μεγάλα καυχώμενον καταπιεῖν καὶ συλῆσαι πάντας τοὺς ἐνθάδε διοδεύοντας διὰ τὸν τῆς πορνείας χαλεπώτατον ὄλησθον ἄρχοντα καὶ ἔξαρχον τοῦδε τοῦ τῆς πορνείας τελωνίου κατὰ κράτος ὠλέσασα γέλοιον εἰργάσω, ὡς μὴ δυνηθέντος κατὰ σοῦ ἆραι χεῖρας ἢ κεφαλήν· καὶ τοῦ λοιποῦ οὐκ ὄψει κακά.

Ταῦτα ἐκείνων πρός με λεγόντων, ἰδοὺ καὶ ἕτερον τελώνιον συνήντησεν ἡμῖν ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς ἀσπλαγχνίας (f. 98 v.) καὶ σκληροκαρδίας, ἐν ᾧ πάντες οἱ ἀνελεήμονες, οἱ σκνιφοί, οἱ ἄσπλαγχνοι, οἱ ἀπηνεῖς, οἱ μισάδελφοι καὶ μισάνθρωποι πικρῶς καὶ ἀπηνῶς καὶ σφοδρῶς ἐρευνῶνται καὶ ἐξετάζονται ἀνηλεῶς, ὃν τρόπον καὶ αὐτοὶ ἐν τῷ κόσμῳ ὄντες πρὸς τοὺς ὁμογενεῖς αὐτῶν καὶ ἀδελφοὺς διέκειντο· ὁπότε γὰρ κατορθώσῃ ἄνθρωπος πάσας τὰς ἐντολὰς τοῦ Θεοῦ, μείνῃ δὲ ἄσπλαγχνος καὶ ἀνελεήμων πρὸς τὸν πλησίον καὶ

ὁμογενῆ αὐτοῦ, καὶ φθάσῃ ὁ τοιοῦτος τελευτῆσαι, ἀνέρχεται ἡ ψυχὴ αὐτοῦ ἀκωλύτως μέχρι καὶ τοῦ τελωνίου ἐκείνου· φθασάσης δὲ ἐκεῖ, εὐθέως κατακρατεῖται ὑπὸ τῶν πικρῶν καὶ ἀνελεημόνων τοῦ τελωνίου ἐκείνου ὑπασπιστῶν, καὶ ὡς ἀνελεήμονα καὶ ἄσπλαγχνον οὖσαν τύπτοντες καὶ κολαφίζοντες αὐτὴν ἀνηλεῶς κατασπῶσι καὶ κατακλείουσιν αὐτὴν ἐν τοῖς ζοφεροῖς τοῦ ᾅδου ταμείοις ἕως τῆς κοινῆς ἁπάντων βροτῶν ἀναστάσεως, τοῦ Θεοῦ μηδ᾽ ὅλως ἐλεοῦντος αὐτὴν, ὡς αὐτὴ ᾤετο, διὰ τὰς λοιπὰς αὐτῆς ἀρετὰς, μηδὲ οἰκτείροντος, ἀλλὰ μᾶλλον (f. 99 r.) βδελυσσομένου καὶ μυσαττομένου αὐτὴν, ἀνθ᾽ ὅτου οὐ δέδωκε πώποτε πτωχῷ τινὶ κλάσμα ἄρτου, οὐ πένητι ὀβολὸν, οὐχ᾽ ὁδίτῃ ὕδωρ ψυχρὸν, οὐ στέγην τινὶ ξενοδ[α]ίτῃ, οὐκ ἐνέδυσε γυμνὸν ῥιγοῦντα καὶ τετρυχωμένον κρύει παλαιὸν ῥάκος, οὐκ ἐπεσκέψατό τινα ἐν ἀσθενείᾳ κείμενον ἢ ἐν δεσμωτηρίῳ κρατούμενον ἢ βιαζόμενον ὑπὸ χρέους, καὶ ταῦτα μάλιστα δυνατῶς ἔχουσα· εἰ δ᾽ ἴσως οὐκ ἠδύνατο ταῦτα δι᾽ ἔργων ποιήσασθαι, κἂν διὰ λόγου καὶ εὐπροαιρέτου γνώμης ἐνδείξασθαι εἰς αὐτοὺς τὸ συμπαθὲς καὶ φιλάνθρωπον· ὅτι δὲ ταῦτα πάντα μὴ βουληθεῖσα ποιήσασθαι, διὰ τοῦτο, ὡς εἴρηται, διερχομένη ἐκεῖσε δεινῶς κατακρίνεται. Ταῦτά μοι τῶν φωτοειδῶν ἐκείνων καὶ ὡραίων νεανίων περὶ τοῦ τελωνίου ἐκείνου ἐξηγουμένων, κατὰ τὴν ὁδὸν ἐν ὅσῳ ἀνηρχόμεθα προσεγγίσαντες αὐτὸ, εὕρομεν τὸν ἄρχοντα τούτου ἀπηγριωμένον σφόδρα καὶ ἀκαμπῆ, ὡς ἀπὸ τῆς ἄγαν ἀσπλαγχνίας αὐτοῦ φαίνεσθαι αὐ(f. 99 v.)τὸν ὑπὸ βαρυτάτης νόσου κατεσκληκότα καὶ ὥσπερ ἀποκλαιόμενον ὑπὸ τῆς ἐνοικούσης αὐτῷ κακίας, τζιγραίνοντά τε καὶ δριμυσσόμενον, καὶ τῶν ὧν ἐξῆρχε παθῶν τὰ σχήματα καὶ τὰ ἰδιώματα ἐν ἑαυτῷ σαφῶς περιφέροντα (ἐκάθητο δὲ τεθηριωμένος ὅλος), πῦρ πνέοντα ἀσπλαγχνίας καὶ πάντας καταπιεῖν σπεύδοντα τοὺς ἐκεῖσε διερχομένους. οἱ δὲ τούτου ὑπηρέται καὶ δεινοὶ φορολόγοι λίαν ἀπηνεῖς καὶ ἀνελεήμονες, οἵτινες προϋπήντησαν ἡμῖν μυρμηδὼν ἐπιχυθέντες, βρυχόμενοι καὶ τρίζοντες τοὺς ὀδόντας αὐτῶν κατ᾽ ἐμοῦ, ἔγγραφα πλεῖστα ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν περιφέροντες, ἐρευνῶντες, ἐξετάζοντες καὶ πολυπραγμονοῦντες τὰ κατ᾽ ἐμοῦ, εἴ που τι εὑρεῖν δυνήσονται τῶν τῆς ἀσπλαγχνίας ὧν ἔχρηζον εἰς τὸ κατασπάσαι με ἐν τοῖς ἐκείνων χαλεπωτάτοις ταμείοις· μὴ εὑρόντες δὲ Χριστοῦ χάριτι ἀφ᾽ ὧν ἤλπιζόν τι κατ᾽ ἐμοῦ,

ἀλλὰ μᾶλλον χρηστότητα πρὸς πάντα καὶ ἐπιείκειαν, συμπάθειάν τε καὶ δαψιλῆ ἐλεημοσύνην· εἴποτε γὰρ δέδωκά (f. 100 r.) τινι κλάσμα ἄρτου, ἢ ὀβολὸν, ἢ ποτήριον οἴνου ἢ καὶ ὕδατος, ἢ ξένον ἤγαγον ἔνδον τοῦ κελλίου μου, ἢ λυπουμένῳ συνελυπήθην, ἢ πενθοῦντι ἐπένθησα, ἢ πρὸς ἀσθενῆ ἐπορεύθην, ἢ πρὸς φυλακὴν ἐβάδισα χάριν ἐπισκέψεως τῶν ἐν αὐτῇ δεινῶς καταχρατουμένων ἀδελφῶν, ἢ τούτους παραινετικοῖς λόγοις μακροθύμως φέρειν τὰς θλίψεις παρεκάλεσα, καὶ ἁπλῶς εἰπεῖν καθὰ ἡ προαίρεσις καὶ ἡ χείρ μου ἠδύνατο εἰργασάμην· πάντα ὑπεδείκνυον αὐτοῖς οἱ ἀγαθοί μου προστάται καὶ ὁδηγοί· ἅτινα κατιδόντες οἱ αἱμοβόροι ἐκεῖνοι καὶ ἀπηνεῖς αἰθίοπες, κατὰ κράτος εἰς τέλος ἠσχύνθησαν καὶ ἀφέντες ἡμᾶς ἀφανεῖς γεγόνασιν, ἡμεῖς δὲ χαρμονῆς πλείστης ἐμπλησθέντες εὐφραινόμενοι τάχιστα ἀπέστημεν ἀπ' αὐτῶν διὰ τὸ μὴ ζημιωθέντες παρ' αὐτῶν τὸ οἱονοῦν, καὶ γεγηθότες εἴσω τῆς πύλης τοῦ οὐρανοῦ εἰσεληλύθαμεν. Ἦν δὲ αὕτη ὥσπερ εἶδος κρυστάλλου φωταυγοῦς θαυμαστὴ καὶ ὡραία, καὶ τὰ ἐν αὐτῇ ἔργα ἐξ ἀστέρων δι' αὐγείας καὶ πυρσοῦ ὡς ἐν χλωρότητι χρυσίου (f. 100 v.) διαφέροντα, κατηγλαϊσμένα καὶ ὡραΐζοντα, καὶ νεώτερος ἦν ἑστὼς ἐπὶ τῆς πύλης ταύτης ἀστραπῆς περιεζωσμένος, καὶ οἱ πόδες αὐτοῦ πυρσὸν ἀστέκτου πυρὸς ἀποστίλβοντος, ἡ δὲ τοῦ προσώπου αὐτοῦ ὅρασις γλυκυτάτη καὶ ἡδὺς σφόδρα· καὶ αὐτὸς εὐφραινόμενος καὶ χαίρων ὑπεδέξατο ἡμᾶς μεγάλως δοξάζων τὸν Θεὸν τὸν εὐδοκήσαντα ψυχὴν διελθεῖν ἀπειράστως τὰ πικρὰ καὶ φοβερὰ τελώνια τοῦ σκότους τοῦ ἀέρος. καὶ ἀσπασάμενος ἡμᾶς ἀφίησι πορρωτέρω πορεύεσθαι. Ἡμῶν δὲ πορευομένων ἐπὶ τὰ πρόσω ἔνδον τοῦ οὐρανοῦ, ὕδωρ ἐπάνω τοῦ στερεώματος εὕρομεν, κἀκεῖνο ἀπὸ προσώπου ἡμῶν ὑπεχώρει καὶ τὴν ὁδὸν ἡμῖν ὑπεδείκνυε, καὶ διερχομένων ἡμῶν τοῦτο, πάλιν συνήγετο ἐπι τὸ αὐτό. Μετὰ δὲ τὸ τὴν ὁλκὴν ἐκείνου τοῦ φοβεροῦ καὶ ἀκατασχέτου ὕδατος διαπερᾶσαι ἡμᾶς, κατηντήσαμεν εἰς ἀέρα φρικτὸν καὶ ἀκατανόητον, καὶ ἐπ' αὐτῷ ἦν ἐξηπλωμένη δέρρις χρυσο(f. 101 r.)φαὴς τὰ φοβερὰ πλάτη τοῦ αἰθέρος ἐκείνου ὑπερακοντίζουσα, ἐν δὲ τῇ δέρρει ἐκείνῃ ὑπῆρχον νεανίσκοι τινὲς ὡραῖοι καὶ ἐξαίσιοι τὴν μορφὴν, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμός, πῦρ ἐνδεδεμένοι, καὶ ἡ θρὶξ αὐτῶν ὡς ἀστραπὴ, οἱ πόδες αὐτῶν καθάπερ γάλα, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὡσεὶ χιὼν ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ἐξαστράπτοντα

ὑπερ τὸ φῶς· οἵτινες ὁρῶντές με ἐν ταῖς χερσὶν τῶν ὁδηγούντων με ἁγίων ἀγγέλων ἐκείνων καὶ φωτοειδῶν, συνέτρεχον καὶ συνέχαιρον σκιρτῶντες καὶ εὐφραινόμενοι ἐπὶ τῇ ἐμῇ σωτηρίᾳ, ἰδού, λέγοντες, τῇ τοῦ Θεοῦ εὐδοκίᾳ ἐθησαυρίσθη ψυχὴ τῇ ὥρᾳ ταύτῃ εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν. Καὶ συνεπορεύοντο ἡμῖν ψάλλοντες μέλος ἡδύτατον καὶ τερπνὸν λίαν, μεθ' ὧν καὶ ἀπηρχόμεθα προσκυνῆσαι πυριμόρφῳ καὶ θείῳ θρόνῳ τοῦ Θεοῦ. καὶ ἐν τῷ πορεύεσθαι ἡμᾶς, ἰδοὺ νεφέλη κατέναντι τοῦ προσώπου ἡμῶν· ἦν δὲ αὕτη οὐχ' ὡς αἱ νεφέλαι αἱ ὑπὸ τὸν οὐρανόν, ἀλλὰ παρηλλαγμένη τῇ εὐχροίᾳ ὥσπερ ἴον ἢ ῥόδον, (f. 101 v.) ἧς τὸ κάλλος ἀνέκφραστον ἀνθρωπίνῃ γλώσσῃ καὶ ὀφθαλμοῖς ἀθέατον. Παρήλθομεν οὖν ταύτην, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα νεφέλη λευκὴ ὡς τὸ φῶς, ἀστραπὴν ἐκπέμπουσα φωτοβόλον, γλυκεῖαν καὶ περιδόξιον, καὶ αὕτη διεστάλη τῇ προόδῳ ἡμῶν ὁμοίως τῇ πρώτῃ· καὶ ἰδοὺ ἑτέρα νεφέλη τῇ ἰδέᾳ ὥσπερ χρυσὸς ἀποστίλβουσα, καὶ πορρωτέρω ταύτης αὐλὴ ποικιλότροπα κεκτημένη τὰ δάπεδα, αὐγὰς ἀστράπτουσα καὶ ἀπαυγάσματα μυριοβαφῆ ἐν χροαῖς δόξης δαψιλῶς ἀνατέλλουσα, καὶ ἐν αὐτῇ γλυκεία θυμηδία νοῦν ἀνθρώπινον ἐξιστῶσα· καὶ ἰδοὺ ἀνὴρ πυρίμορφος, καὶ εὐωδία Κυρίου ἦν ἐν αὐτῷ. Καὶ προβάντες ἔτι μικρὸν ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ θρόνος λευκὸς ἐξαστράπτων καὶ πάντοθεν αὐγὰς ἀποστίλβων καὶ ἐκπέμπων ποικιλοτρόπους, εὐφραίνων καὶ ἡδύνων πάντας τοὺς ἐκεῖσε παρεστηκότας· κύκλῳ τοῦ θρόνου γὰρ ἐκείνου παρίσταντο νεανίσκοι λίαν ὡραιότατοι, εὐμεγέθεις, ὑψίκομοι ὡς κυπάρισσοι, (f. 102 r.) πορφύραν καὶ βύσσον ἐνδεδυμένοι λαμπρὰν καὶ φρικτήν, οἵαν οὐδεὶς δύναται λόγος βρότειος διηγήσασθαι. Προσελθόντες οὖν κατέναντι τοῦ φρικωδεστάτου ἐκείνου θρόνου τοῦ εἰς ὕψος ἄπειρον καθορωμένου καὶ ἐν ἀπείρῳ δόξῃ χρηστότητος καὶ δικαιοσύνης κατακαλλυνομένου, οἱ ἐμὲ ὁδηγοῦντες ὕμνησαν τὸν ἐν αὐτῷ ἀφράστως ἐπαναπαυόμενον Κύριον. αὖθις οὖν προσεκυνήσαμεν ἀμφότεροι τὸν Πατέρα, τὸν Υἱὸν καὶ τὸ ἅγιον Πνεῦμα, τὴν ἄκτιστον καὶ ἀκατάληπτον καὶ ζωαρχικὴν ἁγίαν Τριάδα· εἶτα συμφώνως πάντες σὺν ἡμῖν οἱ ἐκεῖσε παρεστῶτες χοροὶ τῶν ἀγγέλων ὕμνησαν λέγοντες· ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος Κύριος Σαβαώθ. καὶ ἦν πλήρης δόξης ὁ θρόνος ἐκεῖνος, καὶ εὐφράνθησαν ἅπαντες οἱ ἐκεῖσε ἑστῶτες ἐπὶ τῇ ἐμῇ δόξῃ ἀνεκλαλήτῳ κλειζόμενοι. Καὶ ἰδοὺ φωνὴ

λιγυρὰ λίαν ἡδονῆς πάσης ἀνάπλεως ἐκ τοῦ ἀνωτάτω φάσκουσα πρὸς τοὺς ἐμὲ ὁδηγοῦντας· Διαβάσατε τὴν ψυχὴν ταύτην, ὡς ἐπὶ πασῶν τῶν ψυχῶν εἰώθα(f. 102 v.)τε ποιεῖν, εἰς πάσας τὰς σκηνὰς καὶ μονὰς τῶν ἁγίων καὶ εἰς πάντα τὰ καταχθόνια, εἶθ' οὕτως καταπαύσατε αὐτὴν ἐν οἷς ὑμῖν ἐντέταλται Βασίλειος ὁ θεράπων μου. Ἀπάραντες οὖν ἐκεῖθεν ἐπὶ τὰς τῶν ἁγίων σκηνὰς ἐπορεύθημεν. αὗται δὲ ἦσαν πολλαὶ σφόδρα σφόδρα μὴ ὑποκείμεναι ἀριθμῷ, ὥσπερ ἐξ ἡλιακῆς ἀκτῖνος φαιδροτάτην αἴγλην ἀστράπτουσαι, αἱ δὲ ἐκ μυριοβαφῶν ὡς ἐκ βύσσου καὶ πορφύρας θείας αἴγλης ἀΰλως καὶ νοητῶς ἀστράπτουσαι χειρὶ Θεοῦ ἀνερμηνεύτως ἐν τῷ πεδίῳ ἐκείνῳ καὶ χωρίῳ τῆς Ἐδὲμ, ἐν τόπῳ τῷ τῆς πνευματικῆς χλόης, ὅπου βλύζει ὕδωρ νοερὸν ἀνέσεως, ἐν τόπῳ ζωῆς καὶ ἀναπαύσεως ὕδατος ζῶντος, ἐν τόπῳ θείας ἀναψύξεως. καθάπερ γὰρ παλάτια ἐξηλλαγμένα ἐκ πολυχρόων ψηφίδων καὶ μαρμάρων ποικίλων νοητῶς κατεσκευασμένα, οὕτως ἐχρημάτιζον αἱ τῶν ἁγίων αἰώνιαι ἐκεῖναι σκηναὶ, ἑτέρα τῇ ἑτέρᾳ παρήλ(f. 103 r.)λαγμένη τῇ φαιδρότητι, ὥστε θάτερος θατέρου τῶν ἁγίων κατορῶν τὴν φρικτὴν ἐκείνην καὶ ἄϋλον ὡραιότητα τῶν σκηνῶν, κατευφραίνεσθαί τε καὶ ἐπαγάλλεσθαι καὶ τῆς τρυφῆς τοῦ κάλλους ἕκαστος ἑκάστου σκηνῆς κόρον εἰς τέλος μηδέπω δεξάμενος· ἰδίως οὖν πεφύκασιν αἱ τῶν ἀποστόλων σκηναὶ, καὶ ἰδίως τῶν προφητῶν, ἰδίως τῶν μαρτύρων, καὶ ἰδίως τῶν ὁσίων, ἰδίως τῶν ἱεραρχῶν καὶ διδασκάλων, καὶ ἰδίως τῶν δικαίων, καὶ ἁπλῶς ἕκαστον τάγμα τῶν ἁγίων, ἕκαστον εἶχεν ἰδιομερῶς τόπον τῆς κατοικίας αὐτοῦ, εὐτρεπισθεῖσαν αὐτῷ κατὰ τὴν ἑκάστου δηλαδὴ ἐργασίαν· ἦν δὲ ὁ τόπος ἐκεῖνος καὶ τὸ χωρίον, ἐν ᾧ αἱ σκηναὶ αὗται τῶν ἁγίων δεξιᾷ Κυρίου κατεσκευάσθησαν κατὰ τὴν ἑκάστου, ὡς εἴρηται, ἀρετὴν, εἰς εὖρος καὶ πλάτος, ὡς ἐμὲ τοῦτον εἰκάσαι, ἑκατονταπλασίως τῆς κατὰ κόσμον βασιλευούσης Κωνσταντινουπόλεως, περὶ δὲ τοῦ κάλλους αὐτοῦ καὶ φαιδρότητος νοῦς καὶ λόγος οὐ δύ(f. 103 v.)ναται ἀνθρώπινος διηγήσασθαι. Ἐν ὅσῳ δὲ ταύτας διερχόμεθα, ἐξήρχοντο πάντες οἱ ἅγιοι εἰς συνάντησιν ἡμῖν καὶ νοητῶς ἡμᾶς τῷ πνεύματι κατησπάζοντο, γεγηθότες λίαν καὶ εὐφραινόμενοι ἐπὶ τῇ ἐμῇ σωτηρίᾳ· διελθόντων δὲ ἡμῶν πάσας τὰς ἐκεῖσε τῶν ἁγίων σκηνὰς, ἀπήλθομεν καὶ πρὸς τὸν πατριάρχην θεῖον

Ἀβραάμ. καὶ ἰδοὺ πλήρης δόξης ἀφράστου τὲ καὶ ἀγήρου μακαριότητος καὶ ἡδυσμάτων πνευματικῶν μύρων τε καὶ ἀρωμάτων οὐρανίων ἡ σκηνὴ αὐτοῦ· ὁ δὲ κόλπος ἐκεῖνος, ἐν ᾧ ἡ τοῦ δικαίου σκηνὴ παρὰ Θεοῦ κατὰ τὰς ἐκείνου θείας ἀρετὰς θαυμαστῶς ἄνωθεν ᾠκοδόμητο, πλήρης ἀνθέων ποικίλων, ἴων καὶ ῥόδων ἡδυπνόων καὶ ἀρωμάτων πολυειδῶν, χλόης τε καὶ ἀναπαύσεως πολυεράστου καὶ πάσης ἄλλης εὐωδίας καὶ τερπνῆς θυμηδίας ἀνάπλεως· οὗτινος τὴν εὐάρεστον θέσιν καὶ καλλονὴν καὶ ἡδυτάτην τέρψιν κἂν πολλάκις πειράσωμαι ἐμαυτὸν (sic) ἐξηγήσασθαί σοι, γλυκύτατον τέκνον Γρηγόριε, οὐδαμῶς (f. 104 r.) ἰσχύσω τὸ σύνολον· ὑπάρχουσι γὰρ ἐν τῷ τόπῳ ἐκείνῳ παλάτια νοητὰ τοῖς θείοις πατριάρχαις, Ἰσαὰκ φημὶ καὶ Ἰακὼβ καὶ τοῖς ἐξ αὐτοῦ δώδεκα, ἀΰλως καὶ νοερῶς Πνεύματι ἁγίῳ τεχνουργισμένα καὶ κατεσκευασμένα ὑπὸ Θεοῦ παντοκράτορος, μυριοπλασίοις ἀκτῖσι φρικτῶν διαυγειῶν μεμουσουργημένα τε καὶ καθωραϊσμένα εἰς ἄκραν εὐπρέπειαν· ἐν ᾧ ἦν Ἀβραὰμ καθεστηκὼς ἐπὶ θρόνου ἁγίου καὶ πεφωτισμένου, κύκλῳ δὲ αὐτοῦ τὰ τῶν χριστιανῶν πεφωτισμένα τῷ ἁγίῳ βαπτίσματι καὶ λυθέντα ἀρύπως τῶν τοῦ σώματος δεσμῶν νήπια παρεστῶτα ἐν ἀρρήτῳ δόξῃ καὶ χαρᾷ ἀνεκλαλήτῳ, σκιρτῶντα καὶ χορεύοντα. ἐκεῖ ἦν καὶ Ἰσαάκ, ὡς εἴρηται, καὶ Ἰακὼβ καὶ οἱ ἐξ αὐτοῦ δώδεκα πατριάρχαι, καὶ πάντες οἱ ἐξ αὐτῶν γεγεννημένοι καὶ καλῶς εὐαρεστήσαντες τῷ Θεῷ δι' ἐξαισίων καὶ θείων πράξεων, ἐπὶ θρόνων ποικίλων καὶ θαυμαστῶν ἐπαναπαυόμενοι· τοιούτῳ δὲ νόει μοι τῷ τρόπῳ ὁρῶνται αἱ ψυχαὶ τῶν (f. 104 v.) δικαίων καὶ ἁγίων ἐκεῖσε, καθὼς ἡλιακὴν ἀκτῖνα φαίνουσαν· καθορῶμεν μὲν ὡς ἐν εἴδει σώματος, ἅψασθαι δὲ καὶ ἐγκρατεῖς ταύτης γενέσθαι ὅλως οὐ δυνάμεθα. οὕτω γὰρ καὶ τῶν ἁγίων πάντων παρὰ τῶν ὁμοίως αὐταῖς ἡγιασμένων καθορῶνται ψυχαί, χρῶμα σώματος ἀπὸ μεταφορᾶς κεκτημέναι, ἄϋλαι οὖσαι οὖν ὡς αἱ ἡλιακαὶ ἀκτῖνες, κρατεῖσθαι παρὰ σωματικῶν χειρῶν ἀδύνατον. Καὶ ἵνα τὰ πλείω καταλείψασα τῆς διηγήσεως τῶν ἐκεῖσε θεαμάτων τε καὶ πραγμάτων (εἰ γὰρ καὶ βουληθῶ κατ' ἴχνος τούτων βαδίσαι καὶ καθ' εἱρμὸν διηγήσασθαί σοι πάντα ὡς ἑξῆς, οὐδαμῶς ἰσχύσω τὸ σύνολον, ἀλλὰ οὐδὲ ὁ χρόνος ἐπαρκέσει μοι ταῦτα διηγουμένης), ὀλίγα μνησθήσομαι καὶ τὰ λεγόμενα ἔστωσαν σαφεῖ τῇ διανοίᾳ μετρούμενα. Παροδεύουσα τοίνυν μετὰ

τὸ θεάσασθαι ταῦτα τὰ περικύκλῳ πάντα τοῦ παραδείσου, κατήχθημεν ἐν τοῖς καταχθονίοις καὶ διήλ(f. 105 r.)θομεν τὰ ταμεῖα τοῦ ᾅδου, ἃ συνέτριψεν ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ἐν τῷ καιρῷ τοῦ τιμίου καὶ ἀχράντου πάθους αὐτοῦ κατιὼν ἐκεῖσε μετὰ ψυχῆς θεϊκῶς καὶ πᾶσαν τὴν δύναμιν τοῦ θανάτου καὶ τοῦ ᾅδου δεσμεύσας δεσμοῖς ἀλύτοις τὸν Σατανᾶν. Εἶτα ἀνήχθημεν ἐκεῖθεν καὶ ἤχθημεν πρὸς δυσμὰς, ἔνθα αἱ πικραὶ κολάσεις καὶ χαλεπαὶ τιμωρίαι μένουσιν τοὺς ἐλεεινοὺς καὶ παραπλησίως ἐμοὶ ἁμαρτωλοὺς, ἅπαντα γὰρ ὑπέδειξάν μοι οἱ θεοειδεῖς ἐκεῖνοι ὁδηγοί μου καὶ ἀγαθοί μου προστάται τῇ προστάξει τοῦ Θεοῦ, λέγοντες πρός με· Θέασαι καὶ ἴδε, ὁποσῶν ἀναγκῶν σε ἐρρύσατο ὁ Κύριος διὰ τῶν τιμίων εὐχῶν τοῦ θεράποντος αὐτοῦ Βασιλείου. Καὶ γὰρ εἶδον τὰ ζοφερὰ ταμεῖα ἐκεῖνα τοῦ ᾅδου ἐν σκοτεινοῖς καὶ ἐν σκιᾷ θανάτου, ἔνθα αἱ ψυχαὶ τῶν ἀπ' αἰῶνος καταδεδικασμένων ἐναποκλείονται οὖσαι πολλαὶ σφόδρα σφόδρα ὡσεὶ ἄμμος ἡ παρὰ τὸ χεῖλος τῆς θαλάσσης, μᾶλλον δὲ καὶ ὑπὲρ τὸν χοῦν τῆς γῆς, (f. 105 v.) μὴ δυνάμεναι ὅλως τὸ γλυκὺ φῶς θεάσασθαι εἰς τὸν αἰῶνα, ἀλλ' αἱ μὲν διαπαντὸς κράζουσι τὸ οὐαὶ οὐαὶ καὶ μέλος ἀλαλάζουσι πικρὸν, πεινῶσαι νοητῶς καὶ διψῶσαι τὸ βρῶμα καὶ πόμα τῆς σωτηρίας αὐτῶν καὶ γυμνητεύουσαι ἀπὸ παντὸς χιτῶνος πνευματικοῦ καὶ τῷ ῥύπῳ τῶν ἰδίων πλημμελημάτων κατεσθιώμεναι, ὅθεν καὶ ὀλοφυρόμεναι βοῶσιν ἀεὶ ἐν πικρίᾳ καὶ ὀδύνῃ ψυχῆς αὐτῶν καὶ λέγουσιν ὀλολύζουσαι· Φεῦ φεῦ καὶ οὐαὶ οὐαὶ, ψυχικῇ δηλονότι καὶ ἀλαλήτῳ φθογγῇ καὶ οὐ διὰ σωματικῶν ὀργάνων ἐξηρθρωμένῃ καὶ λεγομένῃ· καὶ οὐκ ἔστιν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων αὐτάς. Ἐν γοῦν τῷ πορεύεσθαι τὴν ψυχὴν ἐν τούτοις τοῖς δεινοῖς καὶ ἀφεγγέσι διόλου ταμείοις τοῦ ᾅδου, τέκνον Γρηγόριε, φῶς χρηματίζοντες οἱ καθοδηγοῦντες αὐτὴν ἅγιοι ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ φωτίζουσι τὰ σκοτεινὰ ἐκεῖνα, ἔνθα, ὡς εἴρηται, οἱ ἁμαρτωλοὶ κολάζονται, καὶ βλέπει ἡ ψυχὴ τὰ ἐκεῖσε χαλεπὰ καὶ πλήρη γόων καὶ θρήνων βασανιστήρια, ἵνα εἰδέναι ἔχῃ ποταπῆς (f. 106 r.) σκοτομήνης καὶ πικρᾶς κολάσεως, ἐλέει Θεοῦ ἀποστᾶσα τῆς ἁμαρτίας, ἐρρύσθη, καὶ δεξιαῖς ὁδοῖς ἐν σεμνότητι πορευθεῖσα τῶν θείων τοῦ Θεοῦ προσταγμάτων ἐπὶ τὴν ἀμείνω καὶ ἀθάνατον ζωὴν ποικιλοτρόπως κατήντησε.

Ταῦτα πάντα καὶ τὰ τοιαῦτα περιελθοῦσα δι' ἡμερῶν τεσσαρά-

κοντα, ἀφ' ἧς ἐχωρίσθην τοῦ πηλίνου ἐκείνου καὶ ταπεινοῦ μου σώματος, εἰς τὴν κατάπαυσιν ταύτην ἐν ᾗ με καθορᾷς ἦλθον, ἥτις οὐκ ἔστιν ἐμή, ἀλλὰ τοῦ ὁσίου καὶ κοινοῦ ἡμῶν πατρὸς Βασιλείου τοῦ ἀληθῶς γνησίου θεράποντος Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ὅς ἔτι πάρεστι ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ ἀναστρεφόμενος, καὶ ἀποστολικῇ διδασκαλίᾳ ψυχὰς πολλὰς πεπλανημένας ἐπιστρέφει πρὸς σωτηρίαν καὶ προσάγει ταύτας διὰ μετανοίας καὶ ἀψευδοῦς ἐξομολογήσεως καὶ εἰλικρινοῦς ἐπιγνώσεως κεκαθαρμένας τε καὶ σεσωσμένας Κυρίῳ τῷ Θεῷ ἡμῶν ὡς θυμίαμα καὶ θυσίαν δεκτὴν εἰς ὀσμὴν εὐωδίας πνευματικῆς· καὶ γὰρ ἄλλαι πλεῖσται ψυχαὶ ἐνθάδε σὺν ἡμῖν οἰκοῦσιν, ἃς πρὸ ἐμοῦ ἀντελάβετο (f. 106 v.) ἐξ ὁδοῦ ἀνομίας αὐτῆς, καὶ ἥγνισε ταύτας καὶ σεσωσμένας Κυρίῳ ἐνταῦθα προέπεμψεν· ἔστι γὰρ ὧδε τὸ πνεῦμα κυροῦ Ἰωάννου καὶ τῆς αὐτοῦ κυρᾶς Ἑλένης, οἵτινες καλῶς καὶ θεαρέστως διηκόνησαν αὐτῷ ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ· τῶν δὲ λοιπῶν ψυχῶν τῶν παρ' αὐτοῦ διδαχθέντων καὶ ὁδηγηθέντων πρὸς τὴν ἐνταῦθα ζωὴν ἔκπαλαι τῶν χρόνων, αἵτινες σὺν ἐμοὶ ἐνθάδε οἰκοῦσιν, οὐδαμῶς ἐπίσταμαι ὁποῖαι καὶ τίνων τυγχάνουσιν, μηδ' ὁπωσοῦν ἔτι ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ οὖσα μαθοῦσα περὶ τούτων ἢ ἀναδιδαχθεῖσα τὰ τούτων ὀνόματα. Ὅμως δεῦρο σὺν ἐμοὶ καὶ πρὸς τὰ ἔνδον χωρήσωμεν, καὶ ὄψει τὰ ἐν οἷς αὐλιζόμεθα· καὶ γὰρ καὶ ὁ ἐκλεκτὸς τοῦ Θεοῦ καὶ πανόσιος πατὴρ ἡμῶν καὶ μέγας τῷ ὄντι Βασίλειος πρὸ μικροῦ ἐνταῦθα παρεγένετο ἐπισκέψεως χάριν ἡμῖν καὶ ἀκμὴν ἐνθάδε τυγχάνει. Ὡς οὖν ἔνδον ἐχωρήσαμεν προπορευομένης αὐτῆς ἔμπροσθέν μου, ἀπεσκόπουν πρὸς αὐτήν· καὶ ἰδοὺ ὅλη ἦν καλὴ καὶ ὡραία, θείῳ ἐλαίῳ καὶ μύρῳ ἐπι(f. 107 r.)κεχρισμένη καὶ ἀποστάζουσα ὥσπερ ἀπὸ ἱδρῶτος, λινοῦν ἠμφιεσμένη λευκὸν ὡσεὶ χιών, καὶ σουδάριον ἐκ βύσσου φοροῦσα περὶ τὴν κεφαλήν. καὶ ἐξιστάμην ὅλος ἔκθαμβος γενόμενος ἐπὶ τῇ ταύτης ἀφάτῳ καὶ ἀμηχάνῳ θεωρίᾳ. Εἰσήλθομεν εἴς τινα περίαυλον ξένον καὶ παντελῶς ἐξηλλαγμένον· καὶ ἦν τὸ δάπεδον αὐτοῦ ἐξαστράπτον, περικεκοσμημένον χρυσαῖς πλαξί, καὶ ῥύπος ἐν αὐτῷ οὐ προσῆν τὸ σύνολον, καὶ ἀὴρ ἀστραπόμορφος περιηύγαζεν αὐτό, ἐν δὲ ταῖς ἁρμονίαις τῶν χρυσοφανῶν ἐκείνων πλακῶν ὑπῆρχον φυτὰ ἐξηνθισμένα παντοῖα τῶν ἡδυπνόων καὶ ἀγλαοκάρπων ὡραίως πεφυτουργημένα, καὶ

ἵσταντο τὴν ἀνεκλάλητον καὶ ἀδιήγητον ἡδονὴν καὶ θυμηδίαν ἐκπέμποντα καὶ εὐφροσύνης θείας πληροῦντα τοὺς καθορῶντας αὐτά· μέγιστον δὲ ἦν σφόδρα τὸ περιαύλιον ἐκεῖνον εἰς εὖρος καὶ μῆκος. ἄραντος δέ μου τὸ ὄμμα πρὸς ἀνατολὰς τοῦ περιαυλίου, ὁρῶ (f. 107 v.) παλάτια φωτεινὰ φρικτῶς κατεσκευασμένα καὶ εἰς ἄπειρον μέγεθος ὕψους τὴν ἔπαρσιν κεκτημένα, καὶ ἐν τούτοις μὲν οὖν οὐδαμῶς εἰσεληλύθαμεν· ἔγγιστα δὲ τῶν ἀνόδων αὐτῶν ἵστατο τράπεζα μεγίστη πήχεων τριάκοντα, καὶ αὕτη ἦν ἐκ λίθου σμαράγδου ὡραίως λελατομημένη καὶ κατεσκευασμένη, ἀκτῖνας ἐκπέμπουσα φωτοβόλους, πρὸς δὲ τῇ κεφαλῇ αὐτῆς μυγδάλου φυτὸν ὡραῖον διηνθισμένον ἵστατο πεφυτευμένον, καὶ ἐκυρτοῦτο ἐπάνω αὐτῆς κατασκιάζον ἅπαν τὸ πρόσωπον αὐτῆς και εὐπρέπειαν ἀσύγκριτον παρέχον ἐν τῷ ὁρᾶσθαι. ἐν γοῦν τῇ τοιαύτῃ τραπέζῃ ἑωρῶντο ὡσεὶ μῖσοι προκείμενοι διάχρυσοι ἀστραποειδεῖς λυχνιταῖοι καὶ ἁπλῶς ἐκ πάντων τῶν ἐντίμων λίθων καὶ χρυσῶν τῶν ἐκ τοῦ παραδείσου ἐξερχομένων ὁμοιοφερεῖς, σφόδρα κεκαλλωπισμένοι καὶ εὐφροσύνην καὶ εὐπρέπειαν ἀσύγκριτον ὡραιότητά τε καὶ ἡδονὴν γλώσσῃ ἀνθρωπίνῃ ἀνερμή-(f. 108 r.)νευτον καὶ ἀκοῇ ἀνήκουστον· τὰ δὲ ἐδέσματα τὰ μέσον αὐτῶν προκείμενα ἑωρῶντο ὡς ὀπῶραί τινες φρικτοβαφεῖς ὡραιόταται, ἐκ χροιᾶς πορφυρᾶς καὶ ἀκτινοειδοῦς, ὡσεὶ γλυκοκαλάμου ῥίζης καὶ κοκκίνης εὐχροιᾶς, θάτεραι θατέρων καὶ γεύσεων ποιότητι μυριομίκτως, ἀνερμηνεύτως τε καὶ ἀνεκδιηγήτως ἔχοντα εὐχρηματίζον· καὶ ἄνθη ποικίλα πρώτιστα ἐν τοῖς τοιούτοις μίσοις ἐπέκειντο· ἐπάνω δὲ τῶν θείων ἐκείνων ὀπώρων παντοῖαι ἴων καὶ ῥόδων εὐόσμων ἰδέαι ἐπέκειντο, ἐν λόγῳ ἄφραστον, ἐν ὀσφρήσει καὶ αἰσθήσει ἀνθρωπίνης διανοίας ἀκατανόητον καὶ ἀνεκδιήγητον τὴν εὐοσμίαν καὶ ἡδύτητα τοῖς ὁρῶσι παρέχουσαι. τῆς γὰρ μιᾶς ἑκάστης τῶν ὀπώρων παρ' ἑαυτῇ τὴν οἰκείαν εὐοσμίαν καὶ ἡδύτητα κεκτημένης καὶ τῆς ἐξ ἀμφοτέρων συγκιρναμένης ἡδυπνόου καὶ ποικίλης ὀδμῆς, ὁ ἐκεῖσε ἅπας χῶρος τῆς ἀφάτου ἡδύτητος καὶ εὐφρο(f. 108 v.)σύνης ἐπληροῦτο, καὶ τοῖς θεωμένοις ταῦτα κόρος οὐδαμῶς προσεγίνετο. Ἦν δὲ ὁ ἡγιασμένος πατὴρ ἡμῶν Βασίλειος καὶ μέγας ἐν ἀσκηταῖς ἐφιζόμενος πρὸς τῇ κεφαλῇ τῆς τοιαύτης ὡραίας καὶ θαυμαστῆς τραπέζης ἐπὶ θρόνου ὑψηλοῦ καὶ φρικωδεστάτου, ἐξαίσιον κάλλος κεκτημένος καὶ οἷα

κύριος πάντων τῶν ἐκεῖσε χρηματίζων καὶ ἐνδόξως ἐπαναπαυόμενος ἐπὶ θρόνου, ὡς εἴρηται, μεγίστου καὶ φρικωδεστάτου· ἦν δὲ οὗτος ὁ θρόνος πράσινος καὶ ποικίλος τῇ χροίᾳ, ἐκπέμπων ἀκτῖνας τῆς οἰκείας λαμπηδόνος καὶ ὑπὸ τοῦ ἀρχιτέκτονος καὶ μόνου ποιητοῦ τῶν πάντων ἐκτετορνευμένος. πάντων δὲ τῶν ἀφράστων ἐκείνων ἀθεάτων τε καὶ ἀῤῥήτων ἀγαθῶν καὶ τῆς ἀνεκλαλήτου εὐφροσύνης ἦν ἐξουσιάζων ὁ ὅσιος. ἦσαν δὲ συνευφραινόμενοι αὐτῷ καὶ συνευωχούμενοι νεανίσκοι πλεῖστοι μὴ ὑποκείμενοι ἀριθμῷ, τρυφῶντες τὴν θαυμασίαν ἐκείνην καὶ θείαν ὄντως ἀπόλαυσιν· (f. 109 r.), ὅσον τε ἤσθιον ἀπὸ τῶν προκειμένων ἐκείνων θείων ἐδεσμάτων ἐν τῇ θαυμασίᾳ καὶ θεοτεύκτῳ τραπέζῃ, ἔτι ἐπλεώναζον καὶ οὐδαμῶς ἐξέλειπον. Οὗτοι οὖν οἱ τὴν ἄϋλον καὶ πνευματικὴν ἐκείνην ἐσθίοντες καρυκίαν, χαρᾶς ἀφράστου καὶ ἀρρήτου ἀγαλλιάσεως ἐνεπίμπλαντο· ὑπῆρχον δὲ τὰ πρόσωπα αὐτῶν, ὥσπερ ἀκτῖνες ἡλίου ἀστράπτουσαι, ἡδονῆς καὶ θυμηδίας ἀπείρου πληρούμενοι καὶ πάντες μειδιῶντι προσώπῳ καὶ μελιρρύτῳ φθογγῇ ἀλλήλοις προσδιαλεγόμενοι, ἄρτῳ τε οὐρανίῳ θαυμασίως ἐτρέφοντο καὶ ποτήριον εὐφροσύνης καὶ ἀνεκφράστου ἡδύτητος ἔπινον· ἦν δὲ ὁ ἐπὶ τοῖς ἀΰλοις ἐκείνοις ἡλιοφεγγέσι ποτηρίοις κιρνάμενος οἶνος, τῇ χροίᾳ ἐρυθρῷ πυρακίσματι λίαν εὐπύρως ἀπαστράπτων, καὶ ὁπηνίκα τις αὐτῶν ἐπὶ χεῖρας ἐδέξατο τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ φωτοβόλον κύλικα, νέκταρος ἀμβροσίας πεπληρωμένην, καὶ τῷ ἰδίῳ στόματι ταύ(f. 109 v.)την προσήγαγε τοῦ πιεῖν, ἐμπιμπλάμενος τῆς τοῦ ἁγίου πνεύματος ἡδύτητος καὶ θείας εὐφροσύνης καὶ χάριτος, ἐφ᾽ ἱκανὴν ὥραν ἐννεὸς καὶ ὥσπερ ἐξεστηκὼς ὡρᾶτο· ηὔγαζε δὲ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ καὶ ἔτι πλέον ἐλαμπρύνετο, ὥσπερ ῥόδον ἄρτι τῶν καλύκων ὑπεξελθὼν, οἱ δὲ ὑπηρετοῦντες αὐτοῖς νεανίσκοι ὡραῖοι πάνυ ἐτύγχανον, εὐειδεῖς τοῖς προσώποις, λευκοὶ ὡσεὶ χιὼν, οἱ βραχίονες αὐτῶν καὶ οἱ δάκτυλοι, ὡς ἄν τις εἴποι τούτους ἰδὼν, ἐκ γάλακτος ὀπῷ φυραθέντος κατασκευάσθαι, κόκκινον ἠμφιεσμένοι στολὴν ἀΰλως βεβαμμένην καὶ πάσης ὡραιότητος πεπληρωμένην, οἱ δὲ πόδες αὐτῶν χιονοειδεῖς, περιεζωσμένοι ζώνας ὥσπερ λώρους ἐκ τοῦ οὐρανίου τόξου τὴν εὔχροιαν κεκτημένους καὶ ἀπαστράπτοντας, ἐπὶ δὲ ταῖς κορυφαῖς αὐτῶν χρυσᾶ ἔφερον διαδήματα ἐν λίθοις καὶ μαργάροις πολυτίμοις

ὡσεὶ βολαὶ λίαν πανευπρεπέστατα καὶ ποικίλα ὑπάρχοντα. Προελθοῦσα τοίνυν ἔμπροσθέν μου ἡ θαυμασιωτάτη ἀμ(f. 110 r.)μὰς κυρὰ Θεοδώρα, ἣν καὶ μόνην γυναῖκα ἐν τῇ θαυμασιωτάτῃ ἐκείνῃ τραπέζῃ ἑώρων πλησίον τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου, συνέτυχεν αὐτῷ περὶ ἐμοῦ· ὁ δὲ προσμειδιάσας τῷ προσώπῳ καὶ ἀτενίσας πρός με ἐγγίσαι πρὸς αὐτὸν πνευματικῶς προετρέψατο· ὡς δὲ τῇ ἐκείνου θείᾳ νεύσει πλησίον αὐτοῦ γεγόναμεν, ἐγὼ δὲ τὴν συνήθη μετάνοιαν αὐτῷ ἔβαλον ἐπ᾽ ἐδάφους, ᾔτουν εὐχὴν καὶ εὐλογίαν παρ᾽ αὐτοῦ. ὁ δὲ φησὶ πρός με ἐν πραείᾳ καὶ ἡσύχῳ φωνῇ· Καλῶς ἦλθες ὧδε, τέκνον, ὁ Θεὸς οἰκτειρήσαι καὶ εὐλογήσαι καὶ ἁγιάσαι σε καὶ συντηρήσαι σε εἰς πᾶν ἔργον ἀγαθόν, ἐπιφάναι τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἐπὶ σὲ καὶ ἐμπλήσαι σε ἀπὸ πάντων ἐν τῷ οὐρανῷ καὶ ἐν τῇ γῇ ἀγαθῶν, ἐξαποστείλαι σοι βοήθειαν ἐξ ἁγίου κατοικητηρίου αὐτοῦ καὶ ἐκ Σιὼν ἀντιλάβοιτό σου καὶ ἐν ταῖς θείαις αὐτοῦ δυνάμεσιν ἐνισχύσαι σε εἰς τὸν κατὰ τοῦ ἀοράτου ἐχθροῦ πόλεμον, γενόμενός σοι τεῖχος ὀχυρὸν ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ. (f. 110 v.) Κἀμοῦ τῷ γεγονότι θαυμάσαντος καὶ τὸ γόνυ καὶ τὸ πρόσωπον κινουμένου, ὡς κατεκείμην ἐν τῷ χρυσοπάτῳ δαπέδῳ ἐκείνῳ, ἥψατό μου τῇ θείᾳ αὐτοῦ χειρὶ καὶ ἀνέστησέ με φήσας οὕτως τῷ δακτύλῳ δεικνύς μοι τὴν μακαρίαν τῷ ὄντι Θεοδώραν· Ἰδοὺ ἣν ἐπόθεις θεάσασθαι καὶ ἐζήτεις ἰδεῖν Θεοδώραν, περὶ ἧς ἱκανῶς ἐδυσφόρεις καὶ πολλάκις ἡμᾶς ἠντιβόλεις ἀξιῶν μαθεῖν, ποίας κληρουχίας τετύχηκε καὶ ἐν ποίῳ τόπῳ νῦν ἀναπέπαυται. ἰδοὺ ἕστηκε πρὸ προσώπου σου καὶ ἐνώπιον τῶν ὀφθαλμῶν σου· ἴδε νῦν ὁρᾷς αὐτὴν καὶ τὰ περὶ αὐτήν. οὐκοῦν τοῦ λοιποῦ μηκέτι ἐνδελεχῶς ἐνοχλήσεις με δι᾽ αὐτῆς. Ἡ δὲ τιμία ἐκείνη καὶ ὑπὸ Θεοῦ ἐλεημένη δι᾽ αὐτοῦ γλυκυτάτῃ καὶ χαροποιᾷ προσβλέψει ἐνορῶσα πρός με φησίν· Εὐφρανθήσῃ, τέκνον Γρηγόριε, καὶ ἀγαλλιαθήσῃ καὶ ἵλεώς σοι γένοιτο Κύριος, ὅτι φροντίς σοι καὶ μέριμνά ἐστι περὶ ἐμοῦ τῆς ταπεινῆς, ὅθεν καὶ Κύριος ὁ Θεὸς εὐδόκησε πληρῶσαί σου τὴν ἐπιθυμίαν διὰ (f. 111 r.) τῶν εὐπροσδέκτων εὐχῶν καὶ θείων πρεσβειῶν τοῦ θεράποντος αὐτοῦ καὶ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου καὶ ποιμένος, τοῦ πολλὰ καὶ μεγάλα ἐλέη μεθ᾽ ἡμῶν ἀμφοτέρων ποιήσαντος. Τούτων ὅλως λεχθέντων παρ᾽ αὐτῶν καὶ συντελεσθέντων, οἱ ὀφθαλμοὶ πάντων τῶν σὺν τῷ ἁγίῳ ἐπὶ τῆς θαυμαστῆς

ἐκείνης τραπέζης εὐωχουμένων καὶ συνευφραινομένων σιωπῇ πολλῇ πρὸς ἡμᾶς ἀπεσκόπουν καὶ ἐπὶ πολὺ ἐνητένιζον. Εἶτα ἔφη πρὸς αὐτὴν ὁ ὅσιος· Πορεύθητι ἅμα αὐτῷ καὶ ὑπόδειξον αὐτῷ τὴν τῶν ἐν παραδείσῳ ἡμῶν τῶν φυτῶν ὡραιότητα. Ἡ δὲ παραλαβοῦσά με ὡς πρὸς τὰ δεξιὰ τοῦ προαυλίου ἄμφω ἐπορευόμεθα. καὶ ἰδοὺ πύλη θαυμαστὴ καὶ τεῖχος τῷ κήπῳ εἰς ὕψος ἄπειρον ἐγηγερμένον, ἐκ χρυσοῦ ᾠκοδομημένον. ἀνεωχθείσης τοίνυν τῆς πύλης, ἔνδον εἰσεληλύθαμεν. ὑπῆρχεν οὖν ἐν τῷ κήπῳ βοτάνη τις χρυσαυγίζουσα, ῥόδοις καὶ ἴοις ἀνεκλαλήτοις ὡραϊσμένη. Ἐκπληττομένου μου οὖν ἐπὶ τῇ ταύτης καλλονῇ καὶ ἐξαισίῳ τερπνότητι (f. 111 v.) καὶ μάλιστα ἐπὶ τῇ ἐκ ταύτης ἀναδιδομένῃ ἡδύτητι καὶ ἀνεκφράστῳ εὐωδίᾳ, καὶ μὴ θέλοντος ἀποστῆναι ἐκεῖθεν τὸ σύνολον, προσχὼν τι μικρὸν ἔνθα ἡ ὁδηγοῦσα με ὑπεδείκνυέ μοι, βλέπω πλῆθος ἀναρίθμητον φυτῶν ἐν ἑβδομήκοντα γενεαῖς ἐξηλλαγμένων ὄντων, ἀριθμῷ τὸ σύνολον μὴ ὑποκειμένων, ὡραίων τῷ εἴδει καὶ φοβερῶν, ἕκαστον αὐτῶν βρίθον καρπῶν πλήθει ἀμετρήτῳ, τῶν κλάδων αὐτῶν ὡς ἀπὸ τοῦ βάρους τῶν καρπῶν εἰς τὴν γῆν κάτω συγκεκυφότων καὶ θραῦσιν ἐκ τούτων ὑπομεῖναι βιαζομένων, μήποτε βλάβην τινὰ ἢ ἀλλοίωσιν πρὸς τὸ χεῖρον δεχομένων, τὸ σύνολον διὰ τὸ ἄφθαρτα ταῦτα ὑπάρχειν καὶ ἀκατάλυτα. Ὡς γοῦν ἐνενόουν ἀπὸ τῆς ὁμοιότητος, οἱ καρποὶ οἱ ἐπὶ τῆς φοβερᾶς καὶ θαυμασίας ἐκείνης τραπέζης παρατιθέμενοι, ἤγουν αἱ φαειναὶ καὶ τερπναὶ ὀπῶραι, ἀπὸ τῶν ἐξαισίων ἐκείνων δένδρων ὑπῆρχον. Ἐξισταμένου μου οὖν ἐπί τε τῇ ὡραιότητι καὶ τῷ μήκει τῶν φυτῶν καὶ ἐπὶ τοῖς θαυμασίοις καὶ φρικτοῖς ἐκείνων (f. 112 r.) καρποῖς, οὐδὲ γὰρ εἶδον πώποτε τοιαῦτα καὶ τηλικαῦτα θαυμάσια, ἔφη πρός με ἡ ὁδηγοῦσα με· Τί ταῦτα θαυμάζεις, τέκνον Γρηγόριε; ἐὰν οὖν λοιπὸν ἴδῃς ἐκεῖνον τὸν παράδεισον, ὃν κατὰ ἀνατολὰς ἐν τῇ Ἐδὲμ ὁ Κύριος πεφύτευκε, μειζόνως ἔχεις φρίξαι καὶ καταπλαγῆναι, ἐπεὶ οὗτος πρὸς ἐκεῖνον σκιὰ πέφυκε καὶ ἐνύπνιον. Κἀγὼ πρὸς αὐτὴν ἔφην· Δέομαί σου, κυρία μου, τίς ἐστιν ὁ φυτεύσας τόνδε τὸν παράδεισον; οὐδέποτε γὰρ ἐγὼ τοιοῦτον τεθέαμαι. Κἀκείνη πρός με ἀντέφησε· Καὶ ποῦ ἂν τοιαῦτα ἰδεῖν, ἔτι ὢν ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ, καὶ τηλικαύτην εὐφροσύνην ἤμελλες; τὰ γὰρ πράγματα, ἅπερ ὁρᾷς, χερσὶ τοῦ ὑψίστου κατεσκευάσθησαν νοητῶς· νοητὰ γάρ εἰσι ταῦτα πάντα καὶ

ἄφθιτα καὶ ἡμεῖς ἐνταῦθα νοητῶς διοδεύομεν· οἱ κόποι δὲ καὶ οἱ ἱδρῶτες τῶν θείων ἀγώνων τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ κηδεμόνος Βασιλείου, οὕσπερ ἐκ νεότητος καὶ μέχρι γήρους αὐτοῦ κατὰ Θεὸν ἐκοπίασεν νηστεύων, ἀγρυπνῶν, ξηροκοιτῶν, (f. 112 v.) προσευχόμενος, τὸν καύσωνα καὶ παγετὸν ὑποφέρων ἐν ταῖς ἐρήμοις, βοτάνας ἀγρίους ἐσθίων καὶ μόνον, καὶ ταῦτα οὐκ εἰς κόρον, ἀλλ' ὅσον πρὸς τὸ ζῆν ἠδύνατο, ἐπὶ πολλοῖς ἔτεσιν ὑπομένων πᾶσαν θλίψιν καὶ κάκωσιν ἑκουσίως πρὸ τοῦ γενέσθαι αὐτὸν ἐν τῇ πόλει, ἐν ᾗ ἔτι ὑπάρχει διὰ πολλὴν σωτηρίαν ψυχῶν. Τὸν γὰρ παράδεισον τοῦτον, ὃν ὁρᾷς, ἐξειργάσατό τε καὶ προεξένησεν εἰς ἡμῶν τῶν παίδων αὐτοῦ ἀνάπαυσίν τε καὶ κατάπαυσιν, καὶ οὐ μόνον τοῦτον, ἀλλὰ καὶ αὐτὰ τῶν οὐρανῶν τὰ βασίλεια· καὶ γὰρ περὶ τὸν θρόνον τὸν δεσποτικὸν μεγάλην τὴν παῤῥησίαν κέκτηται τοῖς ἀΰλοις ἀγγέλοις συναυλιζόμενος καὶ λιτὰς ὑπὲρ τοῦ κόσμου σὺν αὐτοῖς ποιούμενος· οἱ γὰρ ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ πόνους καὶ θλίψεις διὰ τὸν Θεὸν καὶ τὴν τῶν ἁγίων ἐντολῶν αὐτοῦ ἐκπλήρωσιν ὑπομένοντες τοιαῦτα ἐνθάδε κληρονομοῦσί τε καὶ ἀπολαύουσι παρὰ τοῦ δικαίου μισθαποδότου, ἀγαλλόμενοι ἀλήκτως (f. 113 r.) καὶ εὐφραινόμενοι, καθά που φησὶν ἡ θεία γραφή· Τοὺς πόνους τῶν καρπῶν συνφάγεται, ἕκαστος γὰρ κατὰ τὸν ἴδιον κόπον καὶ τὸν μισθὸν λήψεται· καὶ ὃ ἐὰν σπείρῃ ἄνθρωπος ἐκεῖσε, τοῦτο ἐρχόμενος ὧδε θερίσει, καὶ ἅτινα ἐργάσεται ἐκεῖ, τούτων καὶ κληρονόμος γένηται ἐν τῷ δε τῷ αἰῶνι. Ἐμοῦ δὲ ἐπὶ τούτοις τοῖς ῥήμασι θαυμάζοντος καὶ ἐξισταμένου, ὅτι εἰρήκει νοητῶς ἡμᾶς πεφυκέναι καὶ οὐκ αἰσθητῶς (ἐδόκουν γὰρ σώματι καὶ ὕπαρ παρεῖναι τοῖς ἐκεῖσε καὶ οὐ νοερῶς), ἐπειρώμην ψηλαφᾶν ἑαυτόν, εἰ ἄρα σάρξ ἐστι τὸ φαινόμενον ἐν ἐμοὶ σῶμα, καὶ χειρὶ χεῖρα κρατεῖν ἤθελον, καὶ τῇ ἀφῇ ἐπεσκόπουν, εἰ ὀστοῦν ὅλως κέκτηται τὸ ἐμὸν σῶμα καὶ πάντα μου τὰ μέλη πολυπραγμονεῖν ἐπεχείρουν, καὶ ἀπὸ τῆς ἀφῆς κατενόουν ἐμαυτὸν μηδὲν τοῖς τοιούτοις ὅλως κεκτημένον· εὕρισκον οὖν ἐμαυτὸν ὥσπερ φλόγα πυρὸς ἢ ἀκτῖνα ἡλιακὴν καὶ δοκεῖν μὲν διὰ χειρὸς ταύτην κρατεῖν μὴ δυ(f. 113 v.)ναμένου δὲ κατέχειν ταύτην πρὸς τὸ σύνολον· οὐ γὰρ αἰσθανόμην ὅλως ἅπτεσθαί τι τῶν ἰδίων μελῶν διὰ τὸ νοερῶς καὶ οὐχ' ὕπαρ τοῖς ἐκεῖσε διάγων· ὅθεν τοιγαροῦν ἔτι πλέον ἐν τούτοις κατεπληττόμην τῷ πνεύματι.

Μετα δὲ ταῦτα τὰ φρικτὰ καὶ ὡς ἀληθῶς παράδοξα θεάματα, ὑπεστρέψαμεν αὖθις εἰς τὸ προαύλιον. τοίνυν ἐξελθόντες τῆς πύλης, δι' ἧς καὶ εἰσήλθομεν εἰς τὸν παράδεισον, τὴν μὲν τράπεζαν καὶ τὰ ἐπ' αὐτῇ πάντα εὕρομεν κείμενα εὐπρεπείας καὶ θεϊκῆς καταστάσεως ὄντα, τῶν δὲ ἐν αὐτῇ εὐωχουμένων οὐδένα εἴδομεν. ἐγὼ δὲ ἀσπασάμενος τὴν μακαρίαν τῷ ὄντι καὶ ἁγίαν Θεοδώραν, ἔδοξα τῶν ἐκεῖσε ἀναχωρεῖν, καὶ ὥσπερ εἰς ἑαυτὸν ἐπανελθών, ἀνείθην τοῦ φρικτοῦ ἐκείνου καὶ παραδόξου ὁράματος καὶ ἠρξάμην ἀναλογίζεσθαι τὰ κατ' ἐμαυτόν· τίς τε εἰμὶ καὶ ποῦ διάγω, καὶ τίνα μοι τὰ ὁραθέντα καὶ εἰσηγηθέντα; καὶ ἀναπόλουν κατὰ διάνοιαν μήπως μέ τι τούτων διαλάθοι (f. 114 r.) τῶν ὁραθέντων· καὶ ἀνεμνήσκομεν πάντα οὕτως ἀσφαλῶς, ὡς ἂν αὐτοῖς ὀφθαλμοῖς ταῦτα πάλιν ἀδιαβλήτως καθ' ὕπαρ ὁρᾶν. Ἀναστὰς οὖν αὐτῇ τῇ ὥρᾳ, ἐπορεύθην πρὸς τὸν μακάριον ἀφηγήσασθαι αὐτῷ τὰ τῆς ὀπτασίας καὶ μαθεῖν παρ' αὐτοῦ, τί ἄρα εἴη ταῦτα, εἴτε ἀπὸ Θεοῦ, εἴτε ἐκ δαιμόνων. Ταῦτα κατὰ νοῦν λογιζόμενος ἐν τῷ πορεύεσθαί με, ἔφθασα πρὸς τὸν ἅγιον, καὶ βαλὼν αὐτῷ τὴν ἐπ' ἐδάφους συνήθη μετάνοιαν καὶ παρ' αὐτοῦ εὐλογηθείς, πλησίον αὐτοῦ ἐκάθισα προσταγεὶς ὑπ' αὐτοῦ. καθεσθέντος δέ μου, πρὸ τοῦ με πρὸς αὐτὸν διηγήσασθαι τὰ ὁραθέντα μοι, ἐκεῖνος ἔφη πρός με γλυκυτάτῃ καὶ ἱλαρᾷ τῇ φωνῇ μειδιῶντι προσώπῳ· Γινώσκεις, τέκνον Γρηγόριε, ὅθι τῇ νυκτὶ ταύτῃ ἀμφότεροι ὑπήρχομεν; Ἐμοῦ δὲ κατὰ πεῖραν πρὸς αὐτὸν εἰρηκότος ὑποκρινομένου καὶ πρὸς τῷ παρ' αὐτοῦ μοι ῥηθέντι θείῳ λόγῳ ὡσανεὶ ψευδομένου· Καὶ ποῦ ἄρα ἦμεν, κύριέ μου, πλὴν τῆς ἐμαυτοῦ κέλλης (f. 114 v.) καὶ τῆς ἰδίας κλίνης, ἐν ᾗ ἠρεμὶ ἐκάθευδον καὶ ἡδέως ἀνεπαυόμην; Οὕτω ταῦτα πρὸς αὐτὸν εἰρηκότος μου, θέλων ἑλκύσαι αὐτόν, ὡς ἐάν τι πλέον περὶ ὧν αὐτὸς ἔγωγε τῇ νυκτὶ ταύτῃ ἑώρακα φρικτῶν καὶ παραδόξων θαυμάτων ἐπίσταται διηγήσασθαί μοι, αὐτὸς ἔφη πρός με· Μόνοι πρὸς μόνον ἐπὶ τῆς κέλλης ἡμῶν ἕκαστος τηνικαῦτα ἐκαθεύδομεν ἀληθῶς, καὶ αὐτὸς οἶδα, τέκνον, πλὴν τῷ σώματι ὡς ἐπὶ τῆς ἰδίας κλίνης ὑπνώττοντες ἐν τῷ εἰθισμένῳ καιρῷ τοῦ ὕπνου, τῷ δὲ πνεύματι ἑτέρωθί που ἐτυγχάνομεν ἀμφότεροι. καὶ οὐκ οἶδας ὅσα σοι ἐγὼ τῇ νυκτὶ ταύτῃ ἔδειξα; οὐχὶ τὴν Θεοδώραν ἑώρακας; οὐχὶ πρὸ τοῦ πυλῶνος τοῦ νοητοῦ καὶ πνευματικοῦ ἡμῶν οἴκου, ὃν ὁ Κύριος ἡμῖν ἐν ἐλέει

καὶ οἰκτιρμοῖς τοῖς ἀχρείοις αὐτοῦ δούλοις ἐχαρίσατο, σὺ ἀλώμενος ὅτε με καταλαβεῖν ἐδίωκες κατήντησας; καὶ ἐξελθοῦσα ἡ Θεοδώρα μετὰ περιχαρείας εἰσεδέξατό σε καὶ ἔνδον εἰσαγαγοῦσα διηγήσατό σοι τὰ περὶ τῆς ἐξόδου καὶ τοῦ θανάτον αὐτῆς, ὅπως τε βίᾳ πολ-(f. 115 r.)λῇ διῆλθε τὰ ἐπὶ τοῦ ἀέρος καίτοιγε μάλιστα ὑφ' ἡμῶν βοηθουμένη, καὶ ὅπως μετὰ μεγάλης ἀνάγκης ἐλέει Θεοῦ ἠδυνήθη διαδρᾶναι τὴν πικρίαν ἐκείνην καὶ ἀγριότητα τῶν ἐν τοῖς τελωνίοις αὐτῶν προσεδρευόντων ἐπαράτων δαιμόνων; Οὐχὶ ἔνδον τοῦ προαυλίου ἐμοῦ κελεύσαντος σὺν αὐτῇ εἰσελήλυθας; οὐχ' ἑώρακας τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην τράπεζαν καὶ τὴν ἐξαισίαν ταύτης κατασκευὴν ὁποῖά ἐστι καὶ τίνα τὰ ἔργα αὐτῆς; οὐχ' ἑώρακας τὴν θείαν ἐκείνην εὐωχίαν καὶ τὰ ἄνθη τὰ πνευματικά; οὐ κατεσκόπεις καὶ διελογίζου ἐν τῇ διανοίᾳ σου ποταπαὶ λέγων αἱ ὀπῶραι τῆς προθέσεως αὐτῆς εἶεν αἱ περικαλλεῖς καὶ ποικίλαι ἐκεῖναι, καὶ τίνα καὶ ποῖα τὰ θαυμαστὰ καὶ ἡδύπνοα ἄνθη τὰ ἐπ' αὐτῆς, καὶ τίνες οἱ εὐωχούμενοι σύναμα ἐμοὶ ἐπὶ τῆς τραπέζης τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καρυκίαν, καὶ τίνες οἱ ὡραῖοι ἐκεῖνοι νεανίσκοι οἱ τὴν διακονίαν τῶν ἐπὶ τῆς τραπέζης ἐσθιωμένων πνευματικῶς ἀποπληροῦντες; Οὐχ' ἱστάμενος μήκοθεν κατεσκόπεις καὶ ἐθαύμα(f. 115 v.)ζες τὴν ὡραιότητα τῶν θαυμαστῶν ἐκείνων παλατίων καὶ ἐξαισίων βασιλείων; οὐχὶ πρός με ἐλήλυθας τῇ ἐμῇ κελεύσει, καὶ ὑπέδειξά σοι τὴν Θεοδώραν περὶ ἧς πολλάκις με παρεκάλεις μαθεῖν οἵας μερίδος τετύχηκεν; οὐχὶ κατ' ἐμοῦ κέλευσιν παραλαβοῦσά σε ἐκείνη, ἄμφω ὑπὸ τὸν ἐκεῖσε παρὰ Θεοῦ κληρωθέντα μοι παράδεισον εἰσεληλύθατε, καὶ τὴν χρυσοφυῆ ἐκεῖσε βοτάνην κατὰ νοῦν ὡς ἐπὶ χειρὸς λαβὼν ἔφριττες ἰλιγγιῶν, ὑπερεκπληττόμενος τὴν τῶν ἐν αὐτῇ ἀνθέων ὡραιότητα; οὐκ ἐθεάσω πρὸς τούτοις τὰ ἀειθαλῆ ἐκεῖνα φυτὰ καὶ ἐθαύμαζες τὴν τῶν καρπῶν αὐτῶν ἀνεκλάλητον φαιδρότητα καὶ ὡραιότητα; οὐχὶ ταῦτα πάντα τῇ νυκτὶ ταύτῃ ἑώρακας; πῶς οὖν λέγεις μοι μηδὲν τι τοιοῦτον ἑωρακέναι μηδ' ἀλλαχοῦ ὑπάρχειν, μηδὲ εἰδέναι τι τῶν τοιούτων τὸ σύνολον; Ταῦτα τοῦ ὁσίου πρός με κατ' ἐρώτησιν εἰρηκότος κἀμοῦ πρὸς αὐτὸν ἀκλινῶς ὁρῶντος καὶ κατανοῶντος τὴν τῶν λεγομένων ἐναργεστάτην ἀλήθειαν, φρίκῃ (f. 116 r.) ἀρρήτῳ περισχεθεὶς ἀπὸ τοῦ φόβου καὶ τῆς ἐκπλήξεως ἄφωνος καὶ

ἐξεστηκὼς ἐγενόμην· ἑώρων γὰρ ὡς ἐκ πυρίνου στόματος ἐξερχόμενα τὰ λεγόμενα ὑπὸ τοῦ ἁγίου καὶ ἠρξάμην θερμοῖς τοῖς δάκρυσι καταβρέχειν μου τὸ πρόσωπον, ἀναλογιζόμενος καὶ κατανοῶν ἐν ἑαυτῷ, ὁποῖος ὑπάρχει ὁ παμμέγιστος οὗτος φωστὴρ καὶ θεῖος ἡμῶν πατὴρ παρὰ τῷ Θεῷ, καὶ ὅτι ἐπ᾽ ἀληθείας καὶ ἀπαραλλάκτως, οἷα παρὼν ἐκεῖσε τῷ σώματι πάντα ἐπιστάμενος τῷ πνεύματι, διηγήσατό μοι. Καὶ ἀποκριθεὶς φημὶ πρὸς αὐτὸν ἐν συνοχῇ καρδίας· Ναί, ἅγιε τοῦ Θεοῦ θεράπων, πάντα οὕτως, καθὼς σὺ θεοφορούμενος εἴρηκας, ἀπαραλλάκτως γεγόνασι, καὶ οὕτως ἐθεασάμην αὐτὰ καὶ ψεῦδος ἐν αὐτοῖς οὐκ ἔστιν· εὐχαριστῶ γοῦν τῷ ἁγίῳ Θεῷ, ὅτι ἠξίωσέ με τὸν ἐλεεινὸν καὶ ἀνάξιον καὶ ἁμαρτωλὸν καὶ μὴ ὄντα ἄξιον πάσης ἀγαθοσύνης γνωρίσαι σε τὸν γνήσιον δοῦλον αὐτοῦ καὶ εἶναί με ὑπὸ τῶν σκέπων τῶν πτερύγων σου καὶ ἀπο(f. 116 v.)λαύειν τοιούτων θαυμασίων καὶ ἐξαισίων θεαμάτων. Ὁ δὲ μακάριος φησὶ πρός με· Ἐὰν καλῶς τὸν βίον σου διάξῃς κατὰ Θεὸν πολιτευσάμενος καὶ διὰ πάσης ἀγαθῆς ἐργασίας αὐτὸν εὐαρέστως θεραπεύσεις, ὦ τέκνον Γρηγόριε, μετὰ τὴν ἐντεῦθεν νεύσει Θεοῦ ἐκδημίαν σου προσδέξομαί σε ἐκεῖ τοῦ εἶναί σε σὺν ἐμοὶ εἰς τὰς αἰωνίους σκηνὰς ἃς ἑώρακας εἰς ἀτελευτήτους αἰῶνας· καὶ γὰρ αὐτὸς ἔγωγε πρότερόν σου, εὖ ἴσθι, τῶν ἀνθρωπίνων καὶ γηΐνων πραγμάτων ὑπεξελεύσομαι· εἶθ᾽ οὕτως καὶ αὐτὸς σὺ μεθ᾽ ἱκανὸν χρόνον ἀποβιώσας ἐλεύσῃ πρός με τραφεὶς ἐν ἔργοις ἀγαθοῖς καθὰ συνέταξέ μοι Κύριος. Πρόσεχε δὲ μέχρις ὅτου ἐν τῷδε εἰμὶ τῷ βίῳ, μηδεὶς γνῷ περὶ τούτων ἁπάντων ὧν ἐθεάσω καὶ ὧν παρ᾽ ἐμοῦ ἀκήκοας τὸ οἱονοῦν· μέλλεις γὰρ μετὰ τὴν ἐμὴν ἀποβίωσιν τὸν ἐν τῇδε τῇ πόλει ἀχρεῖον βίον μου μετὰ τῶν ὀφθέντων σοι πάντων ἀναγράψασθαι καὶ ταῖς ἐλευσομέναις (f. 117 r.) γενεαῖς καταλιπεῖν εἰς πολλῶν ψυχῶν τῶν ἐντυγχανόντων ὠφέλειαν, τῆς θείας χάριτος εἰς τοῦτο συνεργούσης σοι καὶ συνευδοκούσης· κἀγὼ μετὰ σοῦ ἔσομαι τῷ πνεύματι ὁδηγῶν σε πρὸς πᾶσαν ἀλήθειαν. Ταῦτα μοι τοῦ ὁσίου εἰρηκότος καὶ ἐντειλαμένου, δάκρυσιν ἀκατασχέτοις συσχεθεὶς ἐξιστάμην τῷ πνεύματι, καὶ μᾶλλον ὅτι οὕτω μοι φανερῶς καὶ γνησίως ὡμίλει· τοῖς γὰρ λοιποῖς αἰνιγματωδῶς καὶ ὡς ἐν παραβολαῖς διελέγετο, πολλάκις δὲ καὶ μωρίαν τινὰ προσεποιεῖτο, σοφὸς ἄγαν ὑπάρχων καὶ λόγιος, ἵνα τὰ τοῦ πονηροῦ διαδράσῃ ἔνεδρα. τινὲς γὰρ

πολλάκις θαυματουργοῦντος αὐτοῦ ἐκπληττόμενοι αὐτὸν εἶναι ἐκεῖνον ὑπελάμβανον καὶ ὠνόμαζον τὸν ἐπιστήθιον καὶ ἠγαπημένον Ἰωάννην. Ἀπέλυεν οἴκαδε ἀπελθεῖν παραγγείλας τελευταῖον πάντων ὅσῃ καὶ ὅλῃ ψυχῇ τῆς ἰδίας ἐπιμελεῖσθαι σωτηρίας· αὐτὸς δὲ εἰώθει μὲν καὶ πρὸς διαφόροις τῶν πνευματικῶν αὐτοῦ παίδων παραβάλλειν ψυχικῆς αὐτῶν χάριν ὠφελείας καὶ θερα(f. 117 v.)πείας τῶν ἀρρώστων αὐτῶν. ἐφρόντιζε δὲ καὶ τῶν κατοίκων αὐτῶν πάντων καὶ παρά τινων ἐχθρωδῶς τούτοις ἐπαγόμενα κακὰ προαπήγγελλε καὶ τῶν ἐκ τούτων κακώσεων καὶ δεινῶν συμφορῶν ἀπήλλαττε. Καί μου ποτὲ πρὸς αὐτόν, ὡς εἶχον ἔθος, φοιτήσαντος καὶ τῆς ψυχωφελοῦς παρ' αὐτοῦ καταπολαύοντος διδασκαλίας, αἴφνης ὥσπερ τινὸς αὐτὸν νύξαντος ἐξαναστὰς τῆς σκημπόδου, ἐν ᾗ ἐπανεκλίνετο, καὶ τὴν βαΐνην αὐτοῦ ῥάβδον, ᾗ ἐπιστηρίζετο διὰ τὸ βαθὺ γῆρας, ἐπὶ χεῖρας λαβών, συμπαραλαβὼν κἀμὲ μεθ' ἑαυτοῦ τῆς κέλλης ἐξῆλθε καὶ πρός τινα οἰκίαν ἐν τῷ λιμένι τῶν Σοφιῶν διακειμένην ἐπορεύθημεν, ἐν ᾗ καὶ κατῴκει ἐργαστικός τις, πλούσιος σφόδρα μέν, πεπηρωμένους δὲ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἄμφω κεκτημένος, λέγω δὴ τῆς ψυχῆς καὶ τοῦ σώματος· τὸ μὲν τῷ βαθεῖ κάρῳ καὶ τῇ τοῦ πλούτου μέθῃ, τὸ δὲ τῷ ἀπὸ τῆς κεφαλῆς κατελθόντι παχυτάτῳ ῥεύματι καὶ τούτους ἀπολευκώσαντι. Τούτῳ μὲν πολλοὶ καὶ διάφοροι εἰς ὑπη(f. 118 r.)ρεσίαν δοῦλοι ὑπῆρχον, ἦν δὲ καί τις αὐτῷ οἰκέτης τοὔνομα Θεόδωρος, καὶ πάντες μὲν οὗτοι εἶχον σχέσιν οὐ τὴν τυχοῦσαν πρὸς τὸν ἅγιον, πλέον δὲ τῶν ἄλλων οὗτος ὁ πρωτεύων αὐτοῖς Θεόδωρος· ἐκέκτητο πρὸς αὐτὸν τὴν κατὰ Θεὸν πίστιν τε καὶ ἀγάπην, δι' ἧς καὶ συχνοτέρως πρὸς αὐτὸν ἐφοίτα προσκομίζων αὐτῷ καὶ δῶρα πάμπολλα, λέγω δὴ ῥόας κεκαθαρμένας σὺν σταφίσι, φοίνικάς τε καὶ λοιπὰς ὀπώρας, ἐν μὲν τῇ χειμερινῇ τροπῇ ἐψυγμένας, ἐν δὲ τῇ θερινῇ χλωράς. καὶ ἕτερα μυρία αὐτῷ προσεκόμιζεν ἅτινα εἶεν παξαμάδαι, σιλίγνια, οἶνον καὶ ἔλαιον· πλούσιος γὰρ ἦν σφόδρα, ὡς εἴρηται, ὁ κύριος αὐτοῦ ἔν τε χρυσίῳ καὶ ἀργυρίῳ καὶ λοιπῇ πάσῃ περιουσίᾳ, ἅπερ αὐτῷ ἅπαντα Θεόδωρος ἐμπεπίστευτο· ἦν γὰρ ὁ ἀνὴρ βίου σώφρονος καὶ ἀρετῆς ἐνθέου διάπυρος ἐραστής, ὃς συχνωτέρως, ὡς προείρηται, πρὸς τὸν ὅσιον παραβάλλων εἷς καὶ οὗτος τῶν γνησίων αὐτοῦ παίδων ἐγνωρίζετο. Τούτῳ δὲ (f. 118 v.) τῷ Θεοδώρῳ διὰ

τὴν αὐτοῦ ἀρετὴν πλέον τῶν ἄλλων προστεθεὶς ὁ δηλωθεὶς κύριος αὐτοῦ, πάντα τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῦ ἐν ταῖς χερσὶν αὐτοῦ παρεδίδου, καὶ πολλὴν ἔσχε παρ' αὐτοῦ τὴν τιμὴν καὶ εὔνοιαν, ὅθεν ἐκ τούτου πληγεὶς ὁ ῥαδιουργὸς καὶ μισόκαλλος ὄφις πολὺν τὸν ἐκ τοῦ φθόνου κονιορτὸν ἐπήγειρε κατὰ τοῦ Θεοδώρου· φθονήσαντες γὰρ αὐτὸν οἱ σύνδουλοι αὐτοῦ κακὰ κατ' αὐτοῦ ἀεὶ ἐτέκταινον· ταῖς τοῦ ἁγίου δὲ πεφραγμένος ὢν τιμίαις εὐχαῖς ὁ Θεόδωρος, οὐδαμῶς αὐτὸν αἱ τούτων κακουργίαι ἐλυμαίνοντο. Ὡς εἴρηται οὖν, ὅτι πάντες οἱ σύνδουλοι τοῦ Θεοδώρου σὺν αὐτῷ πρὸς τὸν ἅγιον ἐσχόλαζον ἔχοντες σχέσιν πρὸς αὐτόν, εἷς ἐξ αὐτῶν πάντων ὑπάρχων μοχθηρότατος καὶ πρὸς κακουργίαν ὀχυρώτατος, ὅς οὐδέποτε πρὸς τὸν ἅγιον παρεγένετο, φθόνῳ φερόμενος κατὰ τοῦ Θεοδώρου, ὑποβληθεὶς παρὰ τοῦ Σατανᾶ οἷα τὰ ἐκείνου ἔνεδρα κατὰ τῶν φοβουμένων τὸν Κύριον, προσέρχεται λάθρα ἐπαοιδῷ τινὶ λίαν περιέρ(f. 119 r.)γῳ καὶ πονηρᾷ γυκαικί, καὶ δίδωσιν αὐτῇ νόμισμα ἕν, ὑποσχόμενος παρέχειν αὐτῇ καὶ ἕτερα δύο, εἴπερ ὅλως δυνηθῇ ἐργάσασθαί τι κατὰ τοῦ Θεοδώρου πρὸς τῷ ὀλέθρῳ θανάτῳ ὑποβληθῆναι αὐτόν· ἡ δέ, ὡς τοῦ πονηροῦ ὄφεως οὖσα ἐργαστήριον, ἡ παμμίαρος ὄντως καὶ παμβέβηλος, προστάσσει αὐτῷ ἥλους προσενεγκεῖν αὐτῇ σιδηροῦς τετραδακτυλαίους. ὁ δὲ εὐθέως τούτους αὐτῇ προσήνεγκε. δεξαμένη δὲ αὐτοὺς ἐκείνη ἡ γάγγραινα καὶ τὴν ὀφειλομένην ἐπαοιδίαν ἐπὶ τούτοις ποιήσασα, ἑνὶ ἑκάστῳ ἥλῳ δαιμόνιον προσήλωσε, καὶ φωνήσασα τὸν μάταιον ἐκεῖνον οἰκέτην, δίδωσιν αὐτῷ τοὺς ἥλους καὶ φησὶ πρὸς αὐτόν· Εἴπερ ἐστὶν ἐν τῷ οἴκῳ τοῦ κυρίου σου οἰκία σκοτεινὴ καὶ ἀνυφόρατος, ἄδειαν εὑρηκὼς διάνεμε τοὺς ἥλους τοῖς τοίχοις μέχρι τῆς κορυφῆς αὐτῶν ἕνα ἕκαστον τῷ τοίχῳ παρεμβαλών. Δεξάμενος οὖν ὁ ἄθλιος ἐκεῖνος τοὺς ἥλους, πάντα τετέλεκεν ὅσα αὐτῷ ἡ πονηρὰ ἐκεί(f. 119 v.)νη ὑπέθετο γυνή· εἰσελθὼν γὰρ ἔν τινι οἰκήματι ζοφερῷ καὶ λίαν σκοτεινῷ, τούτους ἐν τοῖς τοίχοις κατέπηξεν. εὐθὺς οὖν εἰς ἄπειρον κίνδυνον καὶ νόσον βαρεῖαν συσχεθεὶς ὁ Θεόδωρος κατέπεσε, κλινήρης τε καὶ παντελῶς ἀκίνητος ἐπὶ ἡμέρας πολλὰς γενόμενος, παρελύθησαν πᾶσαι αἱ ἁρμονίαι αὐτοῦ καὶ πᾶσα βάσις σφυρῶν καὶ ποδῶν καὶ χειρῶν αὐτοῦ καὶ ἁρμονιῶν ἐξελύθη, καὶ παντάπασιν ἀκίνητος ἦν τὸ λοιπὸν καὶ ἀνενέργητος. Πάντων δὲ τῶν συνδούλων αὐτοῦ,

ἀλλὰ δὴ καὶ τῶν ἐλευθέρων σφόδρα περὶ τούτου ἀθυμούντων πλὴν τοῦ τὸ δεινὸν ἐκεῖνο ἐργασαμένου, καθότι οὐκ ἦν δυνατὸν βαστάζεσθαι αὐτὸν ὑπὸ χειρῶν ἀνθρώπων κἂν τὰ πρὸς τὴν σωματικὴν αὐτοῦ χρείαν ἐξυπηρετεῖσθαι, ἀλλὰ ταῖς τοῦ θανάτου πύλαις ἤδη προσεγγίσαι αὐτὸν καὶ περὶ τοῦ θανάτου ὅλως φαντάζεσθαι· τοῦτο δὴ τὸ πονηρὸν δρᾶμα πόρρωθεν ὢν ὁ ἅγιος καὶ οὐ τοῖς ἐκεῖσε παρὼν, (f. 120 r.) τοῖς νοεροῖς ὀφθαλμοῖς ὑπὸ τοῦ ἐνοικοῦντος αὐτῷ θείου πνεύματος καταυγασθεὶς, ἀναντιρρήτως ὥσπερ παρὼν ἑώρα καὶ κατενόει καὶ τὸν τόπον καὶ τὸν τρόπον ἐγίνωσκε τῆς ἀθεμίτου τόλμης ἐκείνης· καταλαβὼν οὖν σὺν ἐμοὶ ὁ ἅγιος ἐν τῇ οἰκίᾳ ἐκείνῃ πρωΐας οὔσης καὶ ἔνδον ταύτης εἰσελθὼν καὶ ἐν τῇ κέλλῃ ἐκείνῃ, ἐν ᾗ τὸ πονηρὸν δραματούργημα ἦν, πλησιάσας καὶ τὴν κλεῖδα τῆς κέλλης ζητήσας καὶ ταύτην λαβὼν, ἤνοιξεν αὐτήν· ἔνδον δὲ εἰσελθόντων ἡμῶν καὶ φῶτα ἐπανάψαι κελεύσαντος καὶ τοὺς ἐμπαρέντας ἥλους κακούργως ἐπ' ὀλέθρῳ τοῦ Θεοδώρου ἕνα ἕνα πάντας ἀνέσπασε τῇ ψαλίδι ἀπὸ τοῖς τοίχοις· ἐν ὅσῳ δὲ οἱ ἧλοι ἀπὸ τῶν τοίχων ἐξηνέσπαντο ταῖς τοῦ ἁγίου ἀχράντοις χερσὶ, καὶ τοῦ ἀσθενοῦντος αἱ ἁρμονίαι πρὸς ὑγείαν ἐπανήρχοντο, καὶ ὁ νοσῶν ὅσον οὔπω προσδοκώμενος θνήξεσθαι ῥᾶον, παρευθὺς ἄνοσος ὅλος ἐδείκνυτο μηδὲν τι ἀνιαρὸν (f. 120 v.) κεκτημένος, καὶ μεταλαβὼν τροφῆς ἐνίσχυσε καὶ ἐξαναστὰς τῆς κλίνης, ἐν ᾗ κατέκειτο, περιεπάτει καὶ διηκόνει ἡμῖν. Ἐξέστησαν οὖν ἅπαντες τῷ δέει καὶ τῷ θαύματι, οὐ μόνον οἱ τοῖς οἰκείοις ὀφθαλμοῖς θεασάμενοι τὸ παράδοξον ἐκεῖνο καὶ ξένον τεράστιον, ἀλλὰ καὶ οἱ ἀκηκοότες, ὅθεν καὶ εἰς πίστιν μεγάλην καὶ ἀγάπην αὐτοῦ θερμῶς πάντες ἐνήγοντο καὶ τὸν Θεὸν ἐμεγάλυνον ἐν εὐχαριστηρίοις φωναῖς, τὸν ἀναδείξαντα αὐτοῖς ἐν ταῖς ἐσχάταις ἡμέραις αὐτοῦ τὸν πανόσιον πατέρα τοῦτον (, τὸν) ποιοῦντα δι' αὐτοῦ τοιαῦτα ξένα καὶ παράδοξα τεράστια, ἤγουν διὰ τοῦ γνησίου αὐτοῦ θεράποντος. Ὁ δὲ ἅγιος ὀρύξας ἐν τῇ γῇ ὡσεὶ πήχεις δύο, τοὺς ἥλους κατέκρυψεν ἐπισφραγίσας αὐτοὺς σφραγίδι σημείου δυνάμεως Κυρίου ἄχρι τῆς σήμερον ἡμέρας εἰς τὸ μὴ κεκτῆσθαι ἰσχὺν αὐτούς· ἐδέσμησε δὲ καὶ τὰς μαντικὰς καὶ τὰς ἐπαοιδίας καὶ τὰ ἐκεῖσε δαιμόνια τοῦ μὴ δύνασθαι ἐνεργεῖν ἐν αὐτοῖς τὴν ἰσχὺν τοῦ δια(f. 121 r.)βόλου, τοὺς δὲ τοιοῦτον δεδρακότας ἀνοσιούργημα δήλους μὲν οὐδα-

μῶς πεποίηκεν, ὅμως δὲ κατ' ἰδίαν τούτους νουθετήσας καὶ εἰς μετάνοιαν καὶ ἐξομολόγησιν αὐτοὺς καθοδηγήσας, διωρθώσατο καὶ τὸν ἐπὶ συνδούλῳ αὐτοῦ πονηρὸν καὶ ψυχώλεθρον φθόνον ἀπήλλαξεν. ἔνθέν τοι καὶ τῆς φήμης πρὸς πάντας τοὺς ἐν τῇ πόλει διαθεούσης πλεῖστοι πρὸς αὐτὸν συχνοτέρως ὁσημέραι ἐφοίτων καὶ τῶν παρ' αὐτοῦ γενομένων ἐξαισίων θαυμάτων ἐπ' ὠφελείᾳ ψυχῶν ἐτρύφων τε καὶ ἀπελάμβανον.

Τούτων οὖν οὕτως ἐχόντων τῶν πραγμάτων παρὰ τοῦ ὁσίου, ἕτερός τις ἐργαστηριακὸς οἰκέτην ἔχων νόσῳ ὑδερικῇ δεινῶς κατακείμενον καὶ ἤδη μέλλοντα ἀποπνεῖν, καὶ πρὸς ταφὴν αὐτοῦ πάντα ἡτοίμαζον ὡς ἤδη ἀπηγορευμένον, ἐλθὼν εἰς μνήμην τοῦ ἁγίου ὁ κύριος αὐτοῦ, λέγει πρὸς τοὺς οἰκείους αὐτοῦ· Πορεύσομαι πρὸς τὸν ὅσιον θεράποντα τοῦ Θεοῦ Βασίλειον καὶ παρακα(f. 121 v.)λέσω αὐτὸν ἀφικέσθαι χριστομιμήτως πρὸς ἡμᾶς, καὶ εἰ παρακληθεὶς τῇ αἰτήσει μου ἐλεύσεται πρὸς ἡμᾶς, καὶ θεραπευθήσεται ὁ παῖς ἡμῶν καὶ τῆς νόσου ταύτης ἀπαλλαγεὶς ἐξαναστήσεται τῆς χαλεπωτάτης καὶ νοσερᾶς κλίνης αὐτοῦ καὶ πρὸς ζωὴν ἐπανήξας οὐ μὴ ἀποθάνῃ, καὶ δι' αὐτοῦ βοηθήσει ἡμῖν Κύριος ὁ Θεὸς καὶ εὖ ἡμῖν γενήσεται. Ταῦτα τοῦ θεοφιλοῦς ἐκείνου ἀνθρώπου πρὸς τοὺς οἰκείους αὐτοῦ συμβουλευσαμένου, εὐθὺς ἀναστὰς ἐπορεύθη πρὸς τὸν ὅσιον· πλησίον γὰρ ἦν ἡ οἰκία αὐτοῦ ἔνθα κατέμενεν ὁ ἅγιος Βασίλειος. ὡς οὖν εἰσῄει πρὸς αὐτόν, προσπεσὼν τοῖς τιμίοις αὐτοῦ ποσὶν ἐδέετο αὐτοῦ μετὰ δακρύων ἐκλιπαρῶν αὐτὸν ὀλίγον σκυλῆναι ἅμα αὐτῷ εἰς τὴν οἰκίαν αὐτοῦ καὶ ἐπισκέψασθαι τὸν νοσοῦντα οἰκέτην αὐτοῦ, καὶ εὐλογήσας πάντας ἀξιῶσαι τοὺς ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ· ὁ δὲ ἄγαν συμπαθέστατος καὶ σεβασμιώτατος τίμιος γέρων, σπλαγχνισθεὶς ἐπὶ τῇ θερμῇ αὐτοῦ παρακλήσει, ἀναστὰς ἐπορεύθη μετ' αὐτοῦ συνάμα ἐμοὶ εἰς (f. 122 r.) τὸν οἶκον αὐτοῦ· καὶ ὡς ἤλθομεν ἔνδον τοῦ οἴκου αὐτοῦ, ἐν ᾗ ὁ νοσῶν κατέκειτο, εὕρομεν αὐτὸν ὡς ἤδη ἐκπνεῖν μέλλοντα ἐκ τοῦ τὸ δέρμα τοῦ σώματος αὐτοῦ ῥαγῆναι καὶ τὸ σεσηπομένον ἔνδον τοῦ δέρματος ὕδωρ ἔξω ἐκχεῖσθαι. ὃν ἰδὼν καὶ σπλαγχνισθεὶς ὁ μακάριος ἐπ' αὐτῷ, οἷα μαθητὴς τυγχάνων τοῦ Σωτῆρος καὶ ἐλεήμονος Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ὡς ἤδη ταῖς πύλαις τοῦ θανάτου προσεγγίσαι αὐτὸν μέλλοντα, ὁρῶν δὲ καὶ τὸν κύριον αὐτοῦ

πικρῶς δακρύοντα καὶ ὀλοφυρόμενον καὶ θερμῶς πρὸς τοῖς ποσὶν αὐτοῦ ἐγκυλινδούμενον καὶ ἐκλιπαροῦντα αὐτὸν κατὰ ἐφικτὸν αὐτῷ βοηθῆσαι, καὶ προσσχὼν αὐτοῦ τῇ πίστει, παρευθὺ ἐξέωσεν ἅπαντας τοῦ οἰκήματος καὶ μόνος ἔνδον ἀπολειφθεὶς πρὸς τὸν Κύριον εὐχὴν ὑπὲρ τοῦ ψυχορραγοῦντος ἄνω τὸ ὄμμα καὶ τὰς χεῖρας ἐκτείνας πεποίηκε, καὶ τρὶς σταυροειδῶς ἐπιπνεύσας αὐτῷ τῷ ἄσθματι τοῦ στόματος αὐτοῦ κατέναντι τοῦ προσώπου αὐτοῦ καὶ δοὺς αὐτῷ χεῖρα δεξιάν, ἐκέ(f. 122 v.)λευσεν αὐτὸν ἀναστῆναι λέγων· Ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐξεγέρθητι καὶ ἀνάστρεφε ἐκ τῆς νόσου ταύτης εἰς κρείττονα καὶ εὐθεῖαν ζωὴν ὑπὲρ τὸ πρότερον. Παραχρῆμα οὖν, ὢ τοῦ μεγίστου καὶ φρικτοῦ ὁράματος, ἀνέστη ὑγιαίνων ὁ παῖς καὶ ὄρεξις ἐδόθη αὐτῷ φαγεῖν καὶ πιεῖν· ἀνοίξας οὖν ὁ μακάριος τὴν θύραν τοῦ οἰκήματος, ἐφώνησε τὸν κύριον τοῦ παιδὸς καὶ φησὶ πρὸς αὐτόν· Ἰδοὺ ἔχεις τὸν παῖδά σου ἐρρωμένον ζῶντα καὶ ὑγιῆ. ὁ δὲ ἀνὴρ εὐθὺς πίπτει πρηνὴς εἰς τοὺς τιμίους καὶ ἁγίους πόδας αὐτοῦ, ἀνθομολογούμενος καὶ εὐχαριστῶν αὐτῷ καὶ μεγαλύνων τὸν Θεὸν τὸν δι' αὐτοῦ ποιοῦντα παράδοξα καὶ θαυμαστὰ τεράστια τοιαῦτα. Ἀναβλέψας οὖν ὁ μακάριος ὁρᾷ ἓν τῶν παιδαρίων πλησίον αὐτοῦ ἑστῶτα καὶ ἐσθίοντα ἄρτον καὶ κρόμμυον· ἐκτείνας οὖν τὴν χεῖρα αὐτοῦ, ἦρεν αὐτὰ ἀπὸ τοῦ παιδὸς καὶ δέδωκε τῷ ἰαθέντι εἰπὼν αὐτῷ οὕτως. Λάβε καὶ φάγε ὅτι σφόδρα πεινᾷς· ἐδέξατο οὖν καὶ ἔφαγε, καὶ ἔτι ἐπεζήτει φαγεῖν· πορευθεὶς οὖν ὁ κύριος αὐτοῦ, ἤνε(f. 123 r.)γκεν αὐτῷ, καὶ ἔφαγε καὶ ἔπιε καὶ ἀναστὰς ἐνεδύσατο τὸν χιτῶνα αὐτοῦ καὶ περιεζώσατο τὸν ὀσφὺν αὐτοῦ καὶ ἐξελθὼν διηκόνει τῷ κυρίῳ αὐτοῦ. Θαυμαζόντων οὖν πάντων καὶ ἐκπληττομένων ἐπὶ τοῖς γενομένοις παρ' αὐτοῦ ἐξαισίοις καὶ φρικτοῖς θαύμασι καὶ τῆς φήμης διαθεούσης, πολλοὶ συνέτρεχον πρὸς αὐτὸν εὐλογηθῆναι ὑπ' αὐτοῦ, ῥίπτοντες ἑαυτοὺς πρὸς τοῖς τιμίοις καὶ ἁγίοις αὐτοῦ ποσίν· ὁ δὲ τῇ χειρὶ ἐπισφραγίζων αὐτοὺς τῷ σημείῳ τοῦ ζωηφόρου σταυροῦ, κατὰ τὸ σύνηθες ηὐλόγει αὐτούς.

Τούτων οὕτως παρ' αὐτοῦ παραδόξως ἐπιτελουμένον, ἐπὶ τίσιν ἡμέραις ἐκεῖσε αὐτοῦ διατρίψαντος, ὑπέστρεψεν εἰς Ἀρκαδιανὰς ἐν αἷς ἀεὶ διέτριβε, καὶ διῆγεν ἐν τῇ κέλλῃ αὐτοῦ τὰς ὑπὲρ παντὸς τοῦ κόσμου λιτὰς προσάγων γνησίως τῷ Θεῷ, καὶ τοὺς παραγενομένους

πρὸς αὐτὸν χάριν ψυχικῆς ὠφελείας ἀσμένως καὶ περιχαρῶς ὑποδεχόμενος καὶ τὰς αἰτήσεις αὐτῶν φιλοφρόνως καὶ θεομιμήτως ἀποπληρῶν κατὰ τὸ ψαλμικὸν λόγιον, τὸ φάσκον· (f. 123 v.) Ὅτι θέλημα τῶν φοβουμένων αὐτὸν ποιήσει καὶ τῆς δεήσεως αὐτῶν εἰσακούσεται καὶ σώσει αὐτούς. Ἦν δὲ αὐτῷ ὄχλησις πολλὴ καθ' ἑκάστην διὰ τὸ πολλοὺς ἀρρώστους ἔχοντας χαλεπὰς καὶ ποικίλας νόσους προσφέρειν αὐτῷ διὰ τὴν ἐνοικοῦσαν αὐτῷ παρὰ Θεοῦ δαψίλειαν καὶ χάριν πολλὴν καὶ ἰᾶσθαι αὐτοὺς μόνῃ τῇ ἐπικλήσει Χριστοῦ καὶ τῇ ἐπιθέσει τῆς τιμίας αὐτοῦ χειρός. Μιᾷ οὖν τῶν ἡμερῶν καθεζομένου μου μετ' αὐτοῦ καὶ τῆς μελιρρύτου καὶ ἡδυτάτης αὐτοῦ ἐπαπολαύοντος διδασκαλίας, ἰδού τις νεώτερος ἦλθε πρὸς αὐτόν, βαρυτάτῳ καὶ σφοδροτάτῳ ῥύγει συνεχόμενος, ὡς μὴ δύνασθαι αὐτὸν κατασχεῖν τὰς σιαγόνας αὐτοῦ, σπαράττων καὶ τρύζων τοὺς ὀδόντας αὐτοῦ ἀπὸ τῆς σφοδροτάτης βίας τοῦ ῥύγους· προσσχὼν δὲ αὐτῷ ὁ ἅγιος τοῦ Θεοῦ θεράπων καὶ σπλαγχνισθεὶς ἐπ' αὐτῷ· λίαν γὰρ ὑπῆρχε συμπαθὴς καὶ φιλάνθρωπος· λαβὼν βαυκάλιον καὶ πλήσας οἴνου ἀκράτου καὶ σφραγίσας αὐτὸ σταυροειδῶς, δέδωκε τῷ νοσοῦντι καὶ φησὶ πρὸς αὐτόν· Δέξαι (f. 124 r.), τέκνον, καὶ πίε. ὁ δὲ δεξάμενος μόλις ἴσχυσε τῷ στόματι αὐτοῦ προσενεγκεῖν αὐτό· αἱ γὰρ χεῖρες αὐτοῦ κλονούμεναι ἐξέχεον αὐτὸ ἐπὶ τοῦ ἐδάφους· μετὰ δὲ τὸ πεπωκέναι αὐτὸν τὸν οἶνον, παραχρῆμα ὑγιὴς γέγονε, πέφευγε γὰρ ἀπ' αὐτοῦ ὁ κλόνος ἐκεῖνος καὶ ἡ ἄμετρος βία καὶ φρίκη τοῦ ῥύγους, ἠλλάγη τε καὶ ἡ νεκροειδὴς ὄψις τοῦ προσώπου αὐτοῦ καὶ ἦλθεν εἰς τὴν προτέραν αὐτοῦ κατάστασιν. Εἰδὼς οὖν ὁ ἰαθεὶς ἄνθρωπος τὴν ἀσθένειαν ταύτην καὶ μεταβολὴν τῆς νόσου πρὸς πληρεστάτην ῥῶσιν ἐλθούσης μόνον τῇ εὐχῇ τοῦ ὁσίου καὶ τῇ πόσει τοῦ οἴνου διὰ τῆς ἐνοικούσης ἐν αὐτῷ θείας χάριτος, προσπεσὼν ἐπὶ τοῖς τιμίοις αὐτοῦ ποσὶ, κατεσπάζετο αὐτοὺς μετὰ θερμῶν δακρύων, εὐχαριστῶν καὶ μεγαλύνων αὐτὸν καὶ τὸν δι' αὐτοῦ ἐνεργοῦντα τὰ τοιαῦτα μέγιστα καὶ παράδοξα θαύματα Κύριον τῆς δόξης Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν Θεὸν ἡμῶν. Λέγω οὖν ἐγὼ πρὸς τὸν ἰαθέντα· Δοῦλος εἶ τινός, ἢ ἐλεύ(f. 124 v.)θερος; Ὁ δὲ λέγει μοι· Δοῦλός εἰμι, κύριέ μου, ἑνὸς τῶν χειρομάχων ἀνδρῶν, καὶ ἀρτίως πολλὰς ἡμέρας κατεῖχε καὶ συνεῖχέ με τὸ δύστηνον καὶ ὀλέθριον πάθος. Ἡμῶν δὲ ταῦτα πρὸς

ἀλλήλους ὁμιλούντων, φησὶ πρός με ὁ ἅγιος· Ὁ κύριος αὐτοῦ, τέκνον Γρηγόριε, διὰ τάχους τελευτήσει καὶ οὗτος ἐλευθερωθήσεται καὶ συναφθήσεται νομίμῳ γυναικί, ἥτις τέξει αὐτῷ τέκνα καὶ τελευτήσωσιν, ἓν δὲ ἐξ αὐτῶν ὑπολειφθήσεται αὐτῷ· μετὰ χρόνον δὲ ἱκανὸν τελευτήσει καὶ αὐτὸ καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ, εἶτα οὗτος συναφθήσεται ἑτέρᾳ γυναικί, κἀκείνη τέξει αὐτῷ τέκνα· τελευτήσει δὲ καὶ αὐτή· καὶ μετὰ ταῦτα οὗτος ἥξει ἐπὶ τὸ συμφέρον τῆς ψυχῆς αὐτοῦ. Ταῦτα τοῦ ὁσίου πρός με εἰρηκότος περὶ τοῦ ἰαθέντος ἀνθρώπου, ἐκεῖνος ἀκροώμενος τὰ ῥήματα καὶ ἐνωτιζόμενος αὐτά, ἐξίστατο ἐννεὸς γενόμενος, εἰ οὕτως αὐτῷ συμβήσεται ταῦτα, ὅσα ὁ ἅγιος λελάληκε περὶ αὐτοῦ· χρόνου οὖν τινὸς ἱκανοῦ παρελθόντος, ἐτελεύτησεν ὁ κύριος αὐτοῦ καὶ αὐτὸς ἔτυχε τῆς ἐλευθερίας (f. 125 r.) κατὰ τὴν τοῦ ἁγίου πρόρρησιν. ἔγημε δὲ καὶ τὰς δύο γυναῖκας κατὰ διαδοχήν, καὶ πάντα ὅσα προεῖπεν ὁ θεράπων κυρίου Βασίλειος περὶ αὐτοῦ, εἰς τέλος ἐξέβη.

Ἄλλοτε πάλιν ὄντος αὐτοῦ ἐπὶ τοῦ λιμένος τοῦ Ἐλευθερίου ἐν οἴκῳ τινῶν συγκλητικῶν· αὐτάδελφοι δὲ οὗτοι οἱ δύο ὁμαίμονες ἦσαν, τῇ θέσει εὐνοῦχοι, ἐν τῇ βασιλευούσῃ μεγιστᾶνες ἦσαν καὶ μέγιστα παρὰ τῶν τότε κρατούντων τετιμημένοι, οὓς καὶ Γογγυλίους προσηγόρευον· ἦσαν δὲ καὶ συγγενεῖς τοῦ Κωνσταντίνου ἐκείνου, ὃς ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ τὸν ὅσιον ἔσχε καὶ διηκόνει καταπολαύων ἀεὶ τῆς ἐκείνου θείας τῷ ὄντι καὶ ἡδυτάτης διδασκαλίας· ὄντες δὲ ἀρετῆς ἐνθέου ἐργάται καὶ τῶν ὄντως καλῶν ἐρασταὶ τυγχάνοντες, οὓς τινὲς μὲν βαΐλους ἐκάλουν, τινὲς δὲ πρεποσίτους· οἵτινες διὰ τοὺς συγγενεῖς αὐτῶν, Κωνσταντίνου, γνώριμοι γεγόνασι τοῦ ὁσίου καὶ γνησίως προσεκολλήθησαν αὐτῷ καὶ σφοδρῶς ἠγαποῦντο παρ' αὐτοῦ, καὶ ἀεὶ πρὸς αὐτὸν ἐσχόλαζον ψυχικῆς ἕνεκα ὠφελείας· πολλάκις οὖν (f. 125 v.) καὶ ἐν τῷ οἴκῳ αὐτῶν ἐκάλουν αὐτὸν καὶ συμπαρεῖναι αὐτοῖς ἠνάγκαζον· ὃς ὁρῶν τὴν πίστιν αὐτῶν, οὐ παρητεῖτο τοῦ μὴ εἰσέρχεσθαι ἐν τῷ οἴκῳ αὐτῶν καὶ χρονοτριβεῖν ἐν τούτῳ, διδάσκων καὶ νουθετῶν αὐτοὺς ἐπιμελεῖσθαι τῆς ἑαυτῆς ψυχικῆς σωτηρίας. Ὅθεν μιᾷ τῶν ἡμερῶν, ὄντος αὐτοῦ κατὰ τὸ σύνηθες ἐν τῷ οἴκῳ αὐτῶν, μαθὼν δὲ κἀγὼ ὅτι ἐκεῖ ἐστιν, ἀναστὰς ἐπορεύθην πρὸς αὐτόν· εὗρον δὲ καί τινας ἀθροισθέντας πρὸς αὐτὸν χάριν τοῦ κομίσασθαι τὰς ἁγίας

αὐτοῦ εὐχάς, πεσὼν δὲ παρὰ τοῖς τιμίοις αὐτοῦ ποσὶ καὶ αἰτήσας εὐλογηθῆναι ὑπ' αὐτοῦ, κἀκείνου μετὰ τὸ εὐλογῆσαί με κελεύσαντος κατὰ τὸ εἰωθὸς πλησίον αὐτοῦ καθεσθῆναι, ἰδού τις ἀνὴρ δυνάστης πλούσιος σφόδρα παρεγένετο πρὸς αὐτὸν μετὰ καὶ τῆς συμβίου καὶ τῶν τέκνων αὐτοῦ σὺν παντὶ τῷ λαῷ αὐτοῦ, ὃν ἔφασκον εἶναι τουρμάχην τῆς χώρας τῶν Παφλαγόνων, πνεύματι ἀκαθάρτῳ παρενοχλούμενος. Τούτου τοίνυν τὴν παρρησίαν καὶ ἔλευσιν προεδήλωσεν ὁ ὅσιος οὕτω πως ἀφελῶς καὶ ἁπλοϊκῶς φήσας· Ἰδοὺ (f. 126 r.) παραγίνεται πρὸς ἡμᾶς σήμερον ὁ διάβολος· ὡς οὖν ταῦτα ἔλεγεν ὁ ὅσιος πάντων ἡμῶν ἠθροισμένων ἐκεῖσε, εἰσῆλθεν, ὡς εἴρηται, ὁ τὸν δαίμονα ἔχων ἐν ἑαυτῷ· καὶ μὴ γινώσκων ὁ τουρμάχης τῆς χώρας τῶν Παφλαγόνων, μετὰ τῆς προσούσης αὐτῷ φαντασίας, ἐπὶ τὸ ἀσπάσασθαι τοὺς δηλωθέντας πρεποσίτους ἐκεῖσε παρεγένετο, συγκαθεζομένου αὐτοῖς τοῦ ὁσίου· μὴ φέρον δὲ τὸ ἀκάθαρτον πνεῦμα τὸν τίμιον χαρακτῆρα τοῦ ὁσίου καθορᾶν, ὡς ἀοράτῳ δυνάμει ἢ πυρὶ θείου πνεύματος φλογιζόμενον, ἤρξατο κράζειν διὰ τοῦ αὐτοῦ τουρμάχη ἀσήμως καὶ ἀπηγριωμένως ἀφρίζον καὶ ἀγριούμενον, δεσμήσας ὀπισθάγκωνα τὰς χεῖρας αὐτοῦ, λέγων οὕτως· Τί ἐμοὶ καὶ σοί, ἅγιε τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου; τί με καίεις; τί με βασανίζεις; οἶδά σε τίς εἶ. ἔασόν με καὶ ἀναγγελῶ τοῖς υἱοῖς τῶν ἀνθρώπων τὰς θαυμαστὰς καὶ ὑπὲρ φύσιν ἀνθρώπων ἀρετάς σου, ὅπως ἰλιγγιάσωσιν. ἔα ἔα, τί με κατακαίεις, τοῦ Κυρίου θεράπων Βασίλειε; μέχρι τίνος με βασανίζεις; μόνον κέλευσον καὶ ἐξέρχομαι, ἀναχωρῶ (f. 126 v.), ἀναχωρῶ, ἀπὸ τοῦ νῦν τὰ ὧδε οὐ μένω· οὐκ ἀρκεῖ σοι ὅτι τοσούτους σταδίους εἵλκυσάς με καὶ ἐνταῦθα μεμαστιγωμένον πρὸ προσώπου σου παρέστηκας, καίτοι γε πειρώμενόν με ὑποστρέφειν κατὰ τὴν ὁδὸν καὶ σὲ μὴ θεάσασθαι, ἀλλὰ καὶ ἐνταῦθα, ὡς ἠθέλησας, ἐλθόντα με ἔτι κάεις καὶ βασανίζεις; οὐαὶ οὐαί· ὑπὸ τῶν ὑπηρετῶν τοῦ ἐσταυρωμένου πάντοθεν διωκόμεθα· καὶ ἰδοὺ ἀναχωρῶ· ἰδοὺ ἐξέρχομαι· μόνον κέλευσον καὶ οὐχ' ἵσταμαι. Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα φληναφοῦντος τοῦ πονηροῦ δαίμονος διὰ στόματος τοῦ πάσχοντος, δεινῶς τοῦτον ἐτάζαντος καὶ ἕτερα πλεῖστα χείρονα τούτων κενολογοῦντος, διαπονηθεὶς ὁ μακάριος καὶ ἐμβριμησάμενος τῷ πνεύματι, ἐξανέστη καὶ ἔξεισιν εἰς τὸ προαύλιον. ἦν δὲ ἐκεῖσε πλῆθος ἱκανὸν συνειλεγμένον

ἀπό τε τῆς οἰκίας τοῦ ἐνοχλουμένου καὶ οἱ ἐκ τῶν πέριξ συνδεδραμηκότες· τοῦ ἁγίου οὖν ἐξελθόντος ἐν τῷ προαυλίῳ, ὡς εἴρηται, πρὸς τὸν ἐταζόμενον, στὰς σύνεγγυς ῥάβδον ἐν τῇ τιμίᾳ αὐτοῦ χειρὶ κατέχοντος, ηὐ(f. 127 r.)τομόλησεν ὁ ἐταζόμενος ὠθούμενος ὑπὸ τοῦ πονηροῦ πνεύματος καὶ ἔδραμεν ἐπὶ τὸν δίκαιον βρυχόμενος κατασπᾶσαι αὐτόν· ὁ δὲ ἅγιος ἐκτείνας τὴν χεῖρα αὐτοῦ τὴν δεξιὰν ἐπάταξεν αὐτὸν τῇ ῥάβδῳ σφοδρῶς κατὰ κεφαλῆς· καὶ εὐθέως ὥσπερ ἀπὸ φλεβὸς ἐρρύει αἷμα κρουνηδὸν εἰς ὕψος ἐφ' ὥραν ἱκανήν· ὁ δὲ πάσχων δεσμήσας τὰς χεῖρας αὐτοῦ ὀπισθάγκωνα ἵστατο στένων καὶ τρέμων. ἡ δὲ ῥύσις τοῦ αἵματος αὐτοῦ ὀξέως ἐχεῖτο· βοὴ οὖν μία ἐγένετο ὑπὸ τοῦ πλήθους τοῦ ἐκεῖσε παρεστηκότος· Οὐαὶ οὐαί, ἀπέκτεινε τὸν δαιμονῶντα ὁ μοναχὸς οὗτος μὴ δυνάμενος ἰάσασθαι αὐτόν. Ὁ δὲ ὅσιος ἵστατο σιωπῶν ἐφ' ἱκανὴν ὥραν θεωρῶν ὅπως τὸ αἷμα ἔρρει ἀπὸ τῆς κεφαλῆς τοῦ πάσχοντος, μετὰ δὲ τὸ ἐκχυθῆναι αἷμα ἱκανόν, ἔφησεν οὕτως ὁ ὅσιος ἐνώπιον πάντων ἡμῶν· Ἐν τῷ ὀνόματι Ἰησοῦ Χριστοῦ στῆθι τὸ προχεόμενον αἷμα. Καὶ εὐθέως, ὢ τοῦ θαύματος, ἐξηράνθη ὁ ὀξὺς κρουνὸς ἐκεῖνος τοῦ αἵματος. Ἐξέστησαν οὖν ἅπαντες ἰδόντες (f. 127 v.) τὸ γεγονός, ὅπως μόνη τῇ κελεύσει τοῦ ὁσίου ἔστη ἡ τοσαύτη ῥύσις τοῦ αἵματος· ἅμα δὲ τοῦ ξηρανθῆναι τὸ αἷμα, ἰάθη καὶ ὁ δαιμονῶν ἄνθρωπος καὶ ἔστη λαλῶν ὡς οἱ λοιποί· προσπεσὼν οὖν πρὸς τοῖς ποσὶν αὐτοῦ ἅμα τῇ γυναικὶ αὐτοῦ καὶ πᾶσι τοῖς ἑπομένοις οἰκέταις αὐτοῦ, γηθοσύνῳ καρδίᾳ καὶ πλατεῖ στόματι εὐχαρίστει μεγάλως τῷ ἁγίῳ Θεῷ καὶ τῷ θεράποντι αὐτοῦ Βασιλείῳ, ἱκετεύων αὐτὸν τέλεον ἀπαλλαγῆναι τοῦ πονηροῦ ἐκείνου δαίμονος· ὁ δὲ ὅσιος τῷ σημείῳ τοῦ ζωηφόρου τε καὶ παντοδυνάμου σταυροῦ κατασφραγισάμενος αὐτὸν ἔφη αὐτῷ. Θάρσει, τέκνον, καὶ μὴ φοβοῦ, οὐκέτι γάρ σοι πλησιάσει ἢ πειράσει τὸ δαιμόνιον τοῦτο· ὡσαύτως οὖν καὶ πάντες οἱ παρεστῶτες, πίπτοντες ἐν τοῖς ποσὶν αὐτοῦ, παρεκάλουν ἱκετεύοντες αὐτὸν δοῦναι αὐτοῖς συγγνώμην ἐφ' οἷς ἥμαρτον, βλασφημήσαντες εἰς αὐτόν. ὁ δὲ ἐπευξάμενος εὐλόγησεν αὐτοὺς οὕτω λέγων· Ὁ Θεός, τεκνία μου, ῥύσεται πάντας ὑμᾶς ἀπὸ τοῦ πονηροῦ, καὶ δώῃ ὑμῖν ἰσχὺν εἰς τὸ συντρίψαι(f. 128 r.) καὶ καταπατῆσαι τὰ βέλη αὐτοῦ, καὶ κληρονόμους ἐργάσηται τῆς βασιλείας αὐτοῦ. Οἱ δὲ εἰπόντες τὸ ἀμὴν ἐπορεύθησαν ἐν εἰρήνῃ ἕκασ-

τος, εὐχαριστῶν[τες] τῷ Θεῷ ἐπὶ τῷ διδοῦντι χάριν τοῖς φοβουμένοις αὐτὸν καὶ φυλάσσουσι τὰς ἐντολὰς αὐτοῦ· ὁ δὲ ἰαθεὶς ἄνθρωπος ἔτι προσέμενε μετὰ τὴν ἀναχώρησιν τοῦ λαοῦ σὺν παντὶ τῷ λαῷ αὐτοῦ, γονυπετῶν τοῖς ποσὶ τοῦ ὁσίου ἐπὶ ὥραις δυσὶ τὰς εὐχὰς αὐτοῦ κομιζόμενος· ἀναστήσας οὖν αὐτὸν ὁ ὅσιος καὶ εὐλογήσας αὐτόν, ἀπέλυσε πορευθῆναι ἐν εἰρήνῃ, ὃς συνταξάμενος αὐτῷ ἐπορεύθη μετὰ παντὸς τοῦ λαοῦ αὐτοῦ ἐν εὐφροσύνῃ καρδίας αὐτοῦ εἰς τὴν χώραν αὐτοῦ, κατέχων καὶ περιπεφραγμένος ὡς θώρακα τὰς τιμίας εὐχὰς τοῦ ὁσίου, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ὡς ὄλβον πολύτιμον ὠνησάμενος ταύτας, χαίρων ἐπορεύετο τὴν ὁδὸν αὐτοῦ. Οἱ δὲ τοῦ οἴκου ἐκείνου δεσπόται, ἐν ᾧ τὸν δαιμονοῦντα ἰάσατο, ἵππον εἶχον πάνυ ὡραῖον· ἦν δὲ σφόδρα ἀπηγριωμένος καὶ (f. 128 v.) οὐδεὶς ἠδύνατο πλησιάσαι αὐτῷ ἢ ἐπιβῆναι ἐπ' αὐτῷ· ἔδακνε γὰρ καὶ ἐλάκτιζε καὶ τοὺς αὐτῷ πλησιάζοντας ἀπέκτεινε· διὰ τὸ μὴ χρησιμεύειν οὖν τὸν τοιοῦτον ἵππον, πολλάκις ἠβουλήθησαν ἀποκτεῖναι αὐτὸν ἢ πόρρω ἀπολῦσαι αὐτὸν ἀπ' αὐτῶν, ἀλλ' ἡ ὡραιότης αὐτοῦ οὐ συνεχώρει αὐτοὺς τοῦτο ποιῆσαι, ἐλπίζοντας ἴσως ποτὲ εἰς ἡμερότητα ἐλθεῖν αὐτόν· ὡς οὖν τότε ἐθεάσαντο τὸ γεγονὸς σημεῖον παρὰ τοῦ ἁγίου ἐπὶ τὸν δαιμονιζόμενον, πρὸς ἀλλήλους εἶπον· Δυσωπήσωμεν τὸν ὅσιον περὶ τοῦ ἵππου ἡμῶν, ἵνα προσεύξηται πρὸς Κύριον καὶ ὑπὲρ αὐτοῦ ποιῆσαί τι· καὶ οἴδαμεν ὅτι τῇ αὐτοῦ δεήσει θᾶττον ἡμερωθήσεται. Ἀναστάντων οὖν αὐτῶν ἀπὸ τοῦ ἀρίστου, προσέρχονται τῷ ἁγίῳ μετὰ φρίκης καὶ δέους πολλοῦ καὶ πρὸς αὐτὸν ἔφησαν· Δοῦλε τοῦ Θεοῦ, ἀκριβῶς ἐπιστάμεθα, ὡς εἴ τι δἂν βουληθῇς, καὶ τὸν Θεὸν συνεργὸν κέκτησαι· ὅθεν σου δεόμεθα δεῦρο δὴ ἐν τῷ ἐλέει τοῦ Θεοῦ καὶ τὸν ἀγριαίνοντα ἵππον ἡμῶν μετάβαλε εἰς ἡμερότητα, ὅτι δάκνει καὶ λακτί(f. 129 r.)ζει καὶ οὐδενὶ ὑποτάσσεται. Ὁ δὲ μακάριος ἔφη· Ποῦ ἐστιν ὁ ἵππος; Οἱ δὲ λέγουσιν αὐτῷ· Ἔρχου καὶ ἴδε. Καὶ πορευθεὶς μετ' αὐτῶν, κατέχων ἐν τῇ χειρὶ τὴν αὐτοῦ ῥάβδον, ὑποδεικνύουσιν αὐτῷ τὸν ἵππον· σημειωσάμενος δὲ ὁ ὅσιος τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ μετὰ τῆς ῥάβδου τὸν τύπον τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ σταυροῦ, ἔπληξε τὸν ἵππον· ἐπιστραφεὶς δὲ ὁ ἵππος, ὥσπερ τις λογικός, ὑπέκλινε τὴν κεφαλὴν τῷ ὁσίῳ καὶ ἵστατο φρίττων καὶ τρέμων, ὥστε κρουνηδὸν ὁ ἱδρὼς αὐτοῦ διεχεῖτο ἐπὶ τὴν γῆν ἀπ' αὐτοῦ. Ὁρῶντες οὖν ἅπαντες οἱ ἐκεῖσε ἑστῶτες ὅπως

τὸ ζῶον ἀπὸ τοῦ φόβου στένον ἔτρεμεν, αὐτοὶ πλέον ἔφριττον ἰλιγγιῶντες καὶ ἐξεπλήττοντο ἐπὶ τῇ δοθείσῃ ἐξουσίᾳ τῷ ἁγίῳ παρὰ τῷ Θεῷ κατὰ πνευμάτων ἀκαθάρτων, λέγοντες· Φοβερὰ ἡ δύναμις τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ μεγάλη ἡ ἰσχὺς τῶν ἁγίων αὐτοῦ δούλων, ὅτι πάντα δι' αὐτοῦ αὐτοῖς ὑποτέτακται. Προσελθὼν ὁ ἅγιος ἐκράτησε τὸ ζῶον ἀπὸ τοῦ ὠτὸς καὶ εἷλκεν αὐτὸ ἔξω, τὸ δὲ ἠκολούθει οὐκ ἐρίζον, οὔτε λακτί(f. 129 v.)-ζον· εἶτα ἀπέλυσεν αὐτὸ τύψας αὐτὸ τῇ χειρί· ἔστη οὖν ἐν μέσῳ τοῦ λαοῦ ὥσπερ πανήμερον πρόβατον, καὶ προσελθόντες οἱ κύριοι αὐτοῦ ὡμάλιζον αὐτὸν καὶ χαλινὸν ἐπέθηκαν ἐπ' αὐτῷ, καὶ κατεδέξατο πάντα ἡμέρως καὶ προσηνῶς ὑπὲρ τοὺς λοιποὺς ἵππους οὓς ἐκέκτηντο, καὶ ἔκτοτε ἦν ὑποτασσόμενος αὐτοῖς, καὶ ἐχρῶντο αὐτὸν εἰς ὑπηρεσίαν αὐτοῖς, ὅτε καὶ ἔνθα ἐβούλοντο, εὐχαριστοῦντες μεγάλως τῷ Θεῷ καὶ τῷ ἁγίῳ αὐτοῦ θεράποντι καὶ πατρὶ ἡμῶν Βασιλείῳ.

Ἄλλοτε πάλιν ἐσθιόντων αὐτῶν, συνόντος αὐτοῖς καὶ τοῦ ὁσίου, τὶς τῶν παίδων τῶν ἐν τῇ τραπέζῃ κιρνώντων ἐξ ἀπροσεξίας, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ἐξ ἀφροσύνης αὐτοῦ, κεράσας ποτήριον πάνυ ζέον ἐπιδίδωσι τῷ ὁσίῳ τοῦ πιεῖν· ὁ δὲ λαβὼν καὶ ἀπερισκέπτως πιὼν, ἔφλεξε τὰ ἔνδον αὐτοῦ· τοῦ δὲ κιρνῶντος γέλωτι κατασχεθέντος, ἐπιστραφεὶς ὁ μακάριος λέγει πρὸς αὐτόν· Μὴ οὕτω ποίει, τέκνον, τὸν γὰρ πολὺ γέλωτα πλείονα δάκρυα ταχὺ δέξονται. Καὶ ὢ τῶν θαυμασίων σου, δέσποτα Κύριε, οὔπω γὰρ διῆλθον δύο στιγμαὶ, καὶ ἐν ἑτέρᾳ ὑποθέσει περιπεσὼν καὶ πταίσας τοῖς δεσπόταις (f. 130 r.) αὐτοῦ, ἔκδοτος τοῖς τύπτουσι δέδοτο, ὑφ' ὧν ἐκδυθεὶς τοὺς χιτῶνας αὐτοῦ, διακοσίας μάστιγας ἐδέξατο καὶ ἐκάθητο μέχρις ἑσπέρας θρηνῶν καὶ ἀποδυρόμενος, ὥστε πληρωθῆναι ὑπὸ τοῦ ἁγίου, ὅτι τὸν πολὺ γέλωτα πλείονα δάκρυα διαδέξονται, μικροῦ δεῖν παρόμοιον τῷ προφήτῃ Ἐλισσαίε τόδε τὸ πρᾶγμα τελέσας· ἐκείνου γὰρ παριόντος ἀπὸ Ἱερηχὼ ἐπὶ τὴν Βηθλεὲμ, ἰδοὺ παιδάρια τῆς πόλεως κατηκολούθουν αὐτῷ, κωμωδοῦντα αὐτῷ καὶ λέγοντα· Ἀνάμενε, φαλακρὲ, ἀνάμενε. διαπονηθεὶς δὲ ὁ Ἐλισσαίε ἐπὶ τούτοις, κατηράσατο αὐτοῖς ἐπ' ὀνόματι Κυρίου τοῦ Θεοῦ, καὶ εὐθὺς ἐξελθοῦσαι δύο ἄρκτοι ἀπὸ τοῦ δρυμοῦ διεσπάραξαν ἐξ αὐτῶν τεσσαράκοντα καὶ δύο παῖδας, καὶ ἐτελεύτησαν, τὰ δὲ λοιπὰ ἀποδράσαντα εἰς τὴν πόλιν ὑπέστρεψαν καὶ τοῖς γονεῦσιν αὐτῶν τὸ

γεγονὸς διηγήσαντο· οὐκ ἀγαθὸν γάρ ἐστιν, ὥς που φησὶν ὁ Σολομῶν, χλευάζειν ἄνδρα δίκαιον, Κύριος γὰρ παραζηλοῖ σφόδρα τοὺς ἀγαπῶντας αὐτόν.

Πάλιν ἄλλοτε πορευθέντος μου πρὸς τὸν μακάριον ἐν τοῖς δηλωθεῖσι Γογγυ(f. 130 v.)λίοις, ὄντος αὐτοῦ ἐκεῖσε, εὗρον πλῆθος λαοῦ ἱκανὸν σὺν αὐτοῖς· πεσὼν οὖν ἐπὶ τοῖς τιμίοις αὐτοῦ ποσὶ καὶ ποιήσας αὐτῷ τὴν κατὰ συνήθει[αν] μετάνοιαν, προετράπην παρ' αὐτοῦ καθεσθῆναι· καθεζομένου μου οὖν σὺν αὐτῷ, ὁ τοῦ οἴκου ὀστιάριος ἐληλυθὼς ἔστη κατὰ πρόσωπον ἡμῶν, ὁ δὲ μακάριος λαβὼν ὀπώρας τινὰς καὶ κλάσμα ἄρτου, δεδωκεν αὐτῷ καὶ φησὶ πρός με· Εἰπὲ αὐτῷ· μὴ ἀποστρέφῃς ἄνθρωπον ἐρχόμενον πρός με, ὁ γὰρ Κύριός μου καὶ Θεὸς εἶπε· τὸν ἐρχόμενον πρός με οὐ μὴ ἐκβάλλω ἔξω· τῇ νυκτὶ δὲ ταύτῃ χαρίζεταί σοι ὁ Κύριος δι' ἐμοῦ τὴν ζωήν, καὶ ὅταν ἀκούσῃς ξύλων τρυζόντων, ταχύνας ὀξέως ἀποπήδησον ἔξω τῆς κέλλης σου. Ἐγὼ δὲ, καθὼς προσετάχθην παρὰ τοῦ θεράποντος τοῦ Θεοῦ, εἶπον πρὸς τὸν ὀστιάριον· ἀκούσας δὲ ταῦτα ἐκεῖνος ἐξίστατο διαλογιζόμενος ἐν τῇ διανοίᾳ αὐτοῦ, τί ἄρα εἴη ταῦτα. Τῇ δὲ νυκτὶ ἐκείνῃ ἀδεῶς καθεύδοντι αὐτῷ, τοῦ μεγίστου τῶν δοκῶν τῆς κέλλης αὐτοῦ συντριβέντος καὶ πάντων τῶν δοκῶν τῆς στέ(f. 131 r.)-γης καταπεσόντων ἐπάνω τῆς κλίνης αὐτοῦ, χείρ Κυρίου ἀοράτως τὸν ἄθλιον ὀστιάριον ἐκεῖνον τεθνάναι μέλλοντα τῇ ὁσίου δεήσει ἔξω τῆς κέλλης ὤθησεν εὑρεθῆναι ὡς ὑπνώττοντα, ὥστε μετὰ τὸ ἔξυπνον γεγονέναι αὐτὸν, ἰλιγγιᾶσαι καὶ κακαπλαγῆναι ἐπὶ τὸ συμβὰν αὐτῷ παραδόξῳ θεάματι, ὅτι ἔνδον τῆς κέλλης ἐν τῇ κλίνῃ αὐτοῦ ὑπνώττων ἔξω ταύτης εὑρέθη. Αἰτήσας οὖν φῶτα καὶ βουληθεὶς ἔσω τῆς κέλλης αὐτοῦ εἰσελθεῖν, ὁρᾷ τὴν μὲν κέλλαν πᾶσαν καταπεσοῦσαν, τὴν δὲ κλίνην αὐτοῦ συντριβεῖσαν· καὶ ταῦτα ἰδὼν, ἐμνήσθη τῶν τοῦ ὁσίου ῥημάτων καὶ ὅσα παρὰ τὴν χθὲς ἐλάλησε πρὸς αὐτὸν, καὶ προσδραμὼν ῥίπτει ἑαυτὸν ἐπ' ἐδάφους ἐν τοῖς τοῦ ἁγίου ποσὶ, δάκρυσι θερμοῖς καταβρέχων καὶ κατασπαζόμενος αὐτοὺς καὶ μεγάλως εὐχαριστῶν τῷ Θεῷ καὶ τῷ θεράποντι αὐτοῦ, δι' οὗ ἐσώθη τοῦ πικροῦ ἐκείνου θανάτου. Τῇ δὲ ἐπαύριον ἤκουσί τινες πρὸς τὸν ὅσιον φέροντες γύναιον πρὸς αὐτὸν, καὶ ἦν ἰδεῖν ἐλεεινὸν θέαμα ἐπ' αὐτῇ δακρύων ἀνάμεστον· ἐσθίουσα γὰρ κατέπιε ὀστοῦν ἰχθύ(f. 131 v.)ος

καὶ ἵστατο πλαγίως ἐν τῷ φάρυγγι αὐτῆς, καὶ συνεῖχεν αὐτὴν σφόδρα σφόδρα, ὥστε ἀπὸ τῆς βίας ἐκχέειν τὰ ἔγκατα αὐτῆς· ἐπὶ τρισὶν οὖν ἡμέραις δεινῶς οὕτω βασανιζομένης καὶ πασχούσης, καὶ μικροῦ δεῖν ἀποπνιγῆναι ἔμελλε· καὶ ἱκέτευον τὸν ὅσιον μετὰ δακρύων οἱ οἰκεῖοι αὐτῆς ἐπιβλέψαι ἐπὶ τὴν ταπείνωσιν αὐτῆς καὶ ταύτην ἐλεῆσαι. ὁ δὲ ἅγιος θεασάμενος τὴν πίστιν τῶν ἀγαγόντων αὐτὴν βεβαίαν οὖσαν καὶ ἀσφαλῆ, καὶ σπλαγχνισθεὶς ἐπὶ τῇ γυναικί, ἔφη πρὸς αὐτούς· Προσαγάγετε αὐτὴν πρός με. Καὶ προσήγαγον αὐτὴν πλησίον αὐτοῦ· ὁ δὲ ὅσιος μάχαιραν κατέχων ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ, δι' ἧς ὀπώρας ἐκάθαιρε, προσήγγισε τῷ τραχήλῳ τῆς γυναικὸς ἀπὸ καρδίας ἀνοιμώξας καὶ φησί· Κύριέ μου Ἰησοῦ Χριστέ, υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, ἐλέησον ἡμᾶς τοὺς ἁμαρτωλούς· ἅμα οὖν τῷ λόγῳ τοῦ ὁσίου, καὶ τὸ ὀστοῦν ἐκ τῆς φάρυγγος αὐτῆς ἀνέθορε καὶ μετὰ τοῦ πτυέλου αὐτῆς ἐξελήλυθε καὶ εὑρέθη χαμαί, ἡ δὲ γυνὴ τῆς ἀφορήτου ἐκείνης ὀδύνης εὐθέως ἀπηλλάγη καὶ συνεῖσα τὸ γεγονὸς εἰς αὐτὴν ἀθρόον καὶ παράδοξον θαῦ(f. 132 r.)μα διὰ τῆς τοῦ ἁγίου ἐντεύξεως, πεσοῦσα παρὰ τοὺς τιμίους πόδας αὐτοῦ, κατέσχεν αὐτοὺς ταῖς χερσὶν αὐτῆς καὶ πιστῶς κατεφίλει αὐτούς, εὐχαριστήρια ῥήματα πρὸς αὐτὸν ἀναπέμπουσα, καὶ ἀνθομολογουμένη ἐμεγάλυνεν αὐτόν, δοξάζουσα δὲ τὸν Θεὸν τὸν ἐνισχύσαντα αὐτὸν καὶ δόντα αὐτῷ ἐξουσίαν τοιαῦτα ἐκτελεῖν παράδοξα καὶ ἐξαίσια πράγματα. Ὁ δὲ ἅγιος ἐπευξάμενος καὶ εὐλογήσας αὐτήν, ἀπέλυσεν ἐν εἰρήνῃ πορευθῆναι καὶ τελείᾳ ὑγείᾳ εἰς τὸν οἶκον αὐτῆς.

Οἱ δὲ προρρηθέντες Γογγύλιοι ἐκέκτηντο ἱερέα ἄξιον τοῦ ἱερατεύειν Κυρίῳ τῷ Θεῷ ἡμῶν, Θεοφάνην τοὔνομα, τῷ διορατικῷ χαρίσματι σεμνυνόμενον, ὃς διὰ τὰ γεγονότα σκάνδαλα παρὰ τοῦ ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντίνου πόλεως Εὐθυμίου τῆς τετραγαμίας Λέοντος τοῦ βασιλέως τῆς θείας λειτουργίας ἀπείχετο εὐλαβούμενος· ἐπεὶ καὶ Θεοφύλακτος ὁ ἀρχιεπίσκοπος, διγαμίας ὢν υἱὸς καὶ παρὰ τὸν κανόνα τῷ θρόνῳ ἱδρυνθείς, ἐμυσάττετο ἐπιτελεῖν τὰς λει-(f. 132 v.)τουργίας μετὰ τῶν πεπατηκότων τὸν θεῖον κανόνα ἀσυλλογῆς τῶν ἱερέων· ἔλεγε γὰρ τὸν λόγον τοῦτον ἑκάστοτε, ὅτι πᾶς ὁ χειροτονῶν διγαμίας υἱὸν καὶ εὐλογῶν τριγαμίαν ἢ τετραγαγαμίαν, καὶ ὃς δ' ἂν ὑποδέξηται δῶρα χάριν χειροτονίας, καθαιρείσ-

θωσαν καὶ αὐτοὶ καὶ οἱ χειροτονηθέντες ὑπ' αὐτῶν. Διὰ τοῦτο καὶ ὁ σεβάσμιος γέρων ἐκεῖνος τῆς λειτουργίας ἀπείχετο, ὡς προείρηται, ταῖς δὲ θείαις ἐκκλησίαις ἀεὶ ἐσχόλαζε, νηστείαις καὶ χαμευνίαις καὶ εὐχαῖς προκαρτερῶν καὶ τὸ τῆς ψυχῆς ὄμμα ἀνατείνων πρὸς τὸν Κύριον καὶ Θεὸν ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν, ἐλπίζων ἀεὶ καὶ ἐπευχόμενος παρ' αὐτοῦ γενέσθαι τὴν τῶν παρανόμων Ῥωμαίων διόρθωσιν τὸ τῶν Οὔγγρῶν οὖν ἔθνος διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν καθεκάστην τὰ δυτικὰ μέρη λεηλατοῦν.

Μιᾷ τῶν ἡμερῶν ἐν ταυτῷ καθεζομένων πάντων, τοῦ τε ἁγίου καὶ τῶν τοῦ οἴκου κυρίων καὶ αὐτοῦ τοῦ ῥηθέντος γέροντος σὺν ἐμοὶ τῷ ταπεινῷ, ἔφη εἷς ἐξ αὐτῶν τῷ ῥηθέντι γέροντι λέγων· Ἀπάγγειλον ἡμῖν, ὁσιώτατε πάτερ, δι' ἣν αἰτίαν τὰ παμμίαρα ἔθνη ταῦτα καθ' ἡμῶν τῶν χριστι(f. 133 r.)ανῶν στρατευόμενα κονιορτοῦ δίκην συνεχῶς κατευοδοῦνται καὶ τὰ δυτικὰ μέρη ἀπόλουσιν ἐξερχόμενα; Ἔφη οὖν πρὸς αὐτὸν ὁ δίκαιος γέρων ἐκεῖνος· Εἰ ἀληθῶς θέλεις γνῶναι, τέκνον, ποίῳ τρόπῳ οὗτοι κατευοδοῦνται, γνωστὸν ἔστω σοι. ὅτι διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν τοῦτο τὸ ἔθνος ἀπεστάλη παρὰ Κυρίου· καὶ οὕτω κατευοδοῦται τύπτον ἡμᾶς κατὰ κεφαλῆς ὡς νεῦρον ξηρόν· δεινὸν γὰρ ἡ ἁμαρτία. ἆρα οὐκ οἶδας ὁπότε ἀπέστειλε Κύριος Ἰησοῦν τὸν τοῦ Ναβῆ μετὰ τὸ ἐκτρίψαι αὐτὸν πόλεις πλείστας καὶ ὀχυρὰς καὶ τοὺς βασιλεῖς αὐτῶν ἀποκτεῖναι, οἳ συνήχθησαν ἐπὶ τὸ αὐτὸ πολεμῆσαι τὸν Ἰσραήλ; καὶ ὁ Κύριος ἐβδελύξατο αὐτοὺς διὰ τὰς αὐτῶν ἁμαρτίας καὶ παρέδωκεν αὐτοὺς εἰς χεῖρας τοῦ Ἰσραὴλ, καὶ ἀνήλωσαν αὐτοὺς πάντας ἐν στόματι μαχαίρας, καὶ παντελῶς αὐτοὺς ἐξωλόθρευσαν καὶ τὴν γῆν αὐτῶν ἐκληρονόμησαν; Πρόσσχες οὖν ὅτι διὰ ταῦτα οἱ πολέμιοι στέλλονται ἐν ταῖς χώραις εἰς τὸ ἐκτρίψαι τοὺς ἐν αὐταῖς κατοικοῦντας διὰ τὰς αὐτῶν ἁμαρτίας. Ταῦτα οὖν λέγοντος τοῦ ἡγιασμένου γέροντος ἐκεί(f. 133 v.)νου πρὸς τὸν ἐρωτήσαντα αὐτὸν περὶ τούτου· ὑπολαβὼν ὁ ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν Βασίλειος εἶπε πρὸς αὐτόν· Ἰδοὺ ἐγὼ ὁρῶ σήμερον ὅτι κατὰ τὴν ὥραν ταύτην οὗτοι οἱ παμμίαροι Οὔγγροι διαπερᾶσαι πειρώμενοι τὸν Δάνουβιν ποταμὸν ἀπεπνίγησαν ἐν τοῖς ῥείθροις αὐτοῦ, ὀλίγοι δὲ ἐξ αὐτῶν οἰκονομίᾳ Θεοῦ καταλειφθέντες ὑπέστρεψαν εἰς τὴν χώραν αὐτῶν διὰ κενῆς, καὶ τοῦ λοιποῦ σέσωκεν ἡμᾶς ὁ Θεὸς ἐκ χειρὸς αὐτῶν

διὰ σπλάγχνα ἐλέους αὐτοῦ. Θαυμαζόντων οὖν πάντων ἡμῶν τῶν ἐκεῖσε παρόντων ἐπὶ τῇ τοῦ ἁγίου προρρήσει, καὶ διαλογιζομένων ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶν εἰ ἀληθῶς οὕτως ἔχει καὶ οὕτω γέγονε τὰ κατ᾽ αὐτῶν, ὡς ὁ ἅγιος εἴρηκεν, καὶ γλιχομένων μαθεῖν καὶ πληροφορηθῆναι περὶ τῶν ῥηθέντων παρὰ τοῦ ἁγίου Βασιλείου ῥημάτων, οὔπω τέσσαρες ἡμέραι παρῆλθον, καὶ ἰδοὺ ἀναφορὰ στρατηγοῦ Μακεδονίας πρὸς τὰ βασίλεια πάντα κατὰ ἀλήθειαν διδάσκουσα καὶ μαρτυροῦσα περὶ τῶν Οὔγγρων, ὅτι οὕτως συνέβη αὐτοῖς καθὼς προεῖπεν ὁ ἅγιος. Ἐκ τούτου οὖν ἔστιν ἰδεῖν ὅσα βλέπουσιν ἐν νοεροῖς τοῖς ὀφθαλμοῖς ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἐλλαμπόμενοι μακράν (f. 134 r.) τε καὶ πέλας οἱ τῷ Κυρίῳ δουλεύοντες· ἐν Κωνσταντίνου πόλει ὑπάρχων ὁ ὅσιος, ὥσπερ τις ἐκεῖσε παρὼν ἑώρα τὰ ἐν Οὐγγρίᾳ γενόμενα.

Ἄλλοτε πάλιν πορευθέντος μου πρὸς τὸν μακάριον καὶ κατὰ τὸ εἰωθὸς ποιήσας μετάνοιαν αὐτῷ καὶ εὐχὴν παρ᾽ αὐτοῦ κομισάμενος καὶ προτραπεὶς καθεσθῆναι πλησίον αὐτοῦ κατὰ τὸ σύνηθες, παρόντος καὶ πλήθους λαοῦ ἱκανοῦ καὶ τὰ πρὸς ὠφέλειαν καὶ σωτηρίαν ψυχῆς διδάσκοντος καὶ νουθετοῦντος πάντας τοῦ ἁγίου, αἴφνης ἀπιδὼν ἔφη πρός με· Ἐπίστασαι, τέκνον Γρηγόριε, τί μέλλει συμβῆναι τῇ πολιτείᾳ τῶν Ῥωμαίων μετὰ τετραμηναῖον καιρόν; Ἐγὼ δὲ λέγω πρὸς αὐτόν· Οὐχί, κύριέ μου. Ὁ δὲ φησί· Βάρβαρον ἔθνος ἐλεύσεται ἐνταῦθα λυσσωδῶς καθ᾽ ἡμῶν, προσαγορευόμενον Ῥός καὶ Ὄγ καὶ Μόγ. Λέγω οὖν πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, κύριε, καὶ μήποτε μέλλει παραλήψεσθαι ταύτην τὴν πόλιν; Ὁ δὲ ἔφη· Ἡ μήτηρ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ οὐκ ἐάσει ταύτην τὴν πόλιν παραληφθῆναι εἰς χεῖρας ἐχθρῶν αὐτῆς, εἰς γὰρ κλῆρον αὐτῆς δέδοται αὕτη παρὰ τοῦ Θεοῦ, καὶ ἱκα(f. 134 v.)νῶς αὐτῆς ὑπερασπίζεται. Ἐλεύσεται δὲ τὸ ἔθνος ἐκεῖνο κατὰ παραχώρησιν Θεοῦ διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν, καὶ τὰ πέραν μέρη λυμανεῖται ἀπὸ τοῦ Ῥίβα ποταμοῦ καὶ ἐπέκεινα, πολλαὶ δὲ τραυματίαι γενήσονται ὑπ᾽ αὐτῶν, καὶ πυρπολήσωσι τὸ παράλιον ἅπαν ἀπὸ τῆς Χρυσοπόλεως μέχρι τῆς γῆς τοῦ λεγομένου Ἱεροῦ καὶ ἐπέκεινα. Ὅμως ἐλεύσεται πρὸς αὐτοὺς μετὰ στρατοπέδου ἱκανοῦ Φωκᾶς ὁ πατρίκιος, ὃς μετ᾽ ὀλίγον γενήσεται μάγιστρος καὶ δομέστικος τῆς βαρείας δυνάμεως τῶν σχολῶν. μετ᾽ αὐτοῦ δὲ καὶ Θεόδωρος ὁ ἁγιώτατος στρατηγός, ὁ τῇ προσωνυμίᾳ Σπογγάριος. Ἐλεύσεται

δὲ εἰς ἀντίληψιν αὐτῶν καὶ Πανθὴρ ὁ δομέστικος μετὰ τεσσαράκοντα χιλιάδας ἀνδρῶν μαχητῶν σπωμένων ῥομφαίαν καὶ εἰδότων πολεμεῖν γενναίως, οἵτινες τῇ πρεσβείᾳ τῆς Θεοτόκου τῶν ἐπουρανίων τε δυνάμεων καὶ πάντων τῶν ἁγίων κατισχύσωσι τῶν πολεμίων, ὧν οἱ μὲν μαχαίρᾳ πεσοῦνται, οἱ δὲ φυγάδες γενήσονται καὶ κατὰ τὴν ὁδὸν ἀλώμενοι πεσοῦνται νόσῳ δεινῇ, ῥύσει (f. 135 r.) γαστρός, ἐκ ταύτης τεθνήξονται. Ὀλίγοι δὲ ἐξ αὐτῶν καταλειφθέντες μόλις εἰς τὴν χώραν αὐτῶν διασωθῶσιν εἰς μαρτυρίαν τῶν συμβάντων αὐτοῖς, καὶ οὐ κατισχύσωσι τῶν χριστιανῶν, πλὴν ἐλεύσονται καθὼς φθάσας εἶπόν σοι. Ἑώρακα γὰρ τῇ νυκτὶ ταύτῃ ἐν τῷ ἑστάναι με εἰς προσευχὴν ἁρπαγέντα ἐμαυτὸν τῇ θεωρίᾳ καὶ ἐν τῇ χώρᾳ τῶν ματαίων ἐκείνων ἐπιστάντα. Καὶ ἰδού τις νεανίας ἀφ' ὕψους χειρὶ λευκῇ ὡσεὶ χιὼν ὑπεδείκνυέ μοι τὰς ἑτοιμασίας αὐτῶν καὶ τὰς βουλὰς καὶ τὰ ἔνεδρα καὶ τὴν τῶν πλοίων ἀπάρτησιν καὶ πᾶσαν τὴν αὐτῶν ἀποσκευήν. Καὶ ἰδοὺ φωνὴ λέγουσα· Κατὰ τῶν υἱῶν μου καὶ τῶν θυγατέρων μου ἀποστελῶ ἐγὼ τοῦτο τὸ ἔθνος διότι πορνείαις καὶ μοιχείαις καὶ ἀρσενοκοιτίαις καὶ πάσῃ ἄλλῃ κακοπραγίᾳ παροργίζουσι τὸ ὄνομά μου τὸ ἅγιον καὶ θαυμαστὸν καὶ ἔνδοξον. Ἐπέβλεψα οὖν καὶ εἶδον, καὶ ἰδοὺ ἤρξαντο παραγίνεσθαι, καὶ αὐτὸς ἐγὼ ἐπανῆλθον πρὸς ἐμαυτόν. Νῦν οὖν, τέκνον, πίστευσον ὅτι παραγίνονται τὰ μυσαρὰ ἔθνη καὶ κατὰ παραχώρησιν Θεοῦ καθ' ἡμῶν (f. 135 v.) διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν.

Ταῦτα τοῦ μακαρίου καὶ σεβασμίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου εἰρηκότος πρός με, τρόμος με συνέσχε καὶ ἀγωνία καὶ ἔκστασις. Οἱ δὲ παρόντες ἐκεῖσε σὺν ἐμοὶ καὶ τῶν ῥηθέντων τούτων τοῦ ὁσίου ἀκούσαντες, τῆς μὲν φωνῆς τῶν ῥημάτων ἐνωτίζοντο ἀκροώμενοι, τίνα δὲ εἴη τὰ λεγόμενα, ἅ μοι ἐδήλου ὁ ἅγιος διὰ τῶν ῥημάτων αὐτῶν, οὐκ ἐδίδου αὐτοῖς συνιέναι ὁ δίκαιος. Πολλάκις γὰρ ἐνείργει τὸ χάρισμα τοῦ Θεοῦ ἐν αὐτῷ, ἵνα οἷς βούληται ὅταν καὶ θέλῃ δίδοται γνῶσις εἰς τὸ συνιεῖν καὶ γινώσκειν τὰ λεγόμενα παρ' αὐτοῦ, οἷς δὲ μὴ βούληται, μηδὲ συνιεῖν τὰ λεγόμενα. Κἀμοῦ δὲ τῶν ἐκεῖσε ἀναχωρήσαντος, ἐξεβιάζοντό με οἱ πλεῖστοι αὐτῶν φάσκοντες· Δεόμεθά σου, κῦρι ἀδελφὲ, ἀνάγγειλον ἡμῖν τίνα εἶεν, ἅ σοι προσωμίλει ὁ δίκαιος; ἡμεῖς γὰρ τῶν μὲν ῥημάτων αὐτοῦ ἀκηκόαμεν, τίνα δέ εἰσι

τὰ πρὸς σὲ λεγόμενα παρ' αὐτοῦ, οὐκ ἰσχύσαμεν γνῶναι. Ἐγὼ δὲ εἶπον πρὸς αὐτούς, ὅτι τὸ ἔθνος τῶν Ῥὸς καὶ Ὄγ καὶ Μὸγ παραγίνεται ἰδοὺ καθ' ἡμῶν κατὰ παραχώρησιν Θεοῦ διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν. Καὶ διηγησάμην αὐτοῖς (f. 136 r.) ἀκριβῶς πάντα ὅσα πρός με λελάληκεν ὁ ἅγιος· οὔπω γὰρ ἦν τις ἀγγελία γεγονυῖα ἐν τῇ πόλει περὶ τούτου τοῦ ῥήματος. ἔκτοτε δὲ μεθ' ἡμέρας ἱκανὰς διεδόθη ἀγγελία πρὸς τὰ βασίλεια καὶ πᾶσι τοῖς ἐν τῇ πόλει περὶ τῆς καθ' ἡμῶν ἐπιδρομῆς αὐτῶν. μεθ' ἡμέρας δέ τινας διεστείλατο ὁ τῆς Χερσῶνος στρατηλάτης πρὸς τὸν βασιλέα ἀναφοράν, ἥτις διεμαρτύρατο τὴν ἔφοδον αὐτῶν, ὅτι τοῖς ἐκεῖσε μέρεσιν ἐπλησίασαν. Καὶ μετ' ὀλίγον ἤδη καὶ πρὸς τὸ Ἱερὸν παρεγένοντο. συναντήσαντος οὖν αὐτοῖς τοῦ βασιλικοῦ στολου κατὰ τὸ ῥῆμα τοῦ ἀνθρώπου τοῦ Θεοῦ, οὐκ εἴασεν αὐτοὺς ἐν τῇ πόλει παραγενέσθαι. Ἔφθασαν δὲ καὶ μέχρι τοῦ Ῥίβα παρεκτείναντες τὰ κροῦσα αὐτῶν μέχρι πόντου Ἡρακλείας (αὐτῶν) καὶ Παφλαγονίας, ἅπασαν δὲ τὴν στρατηγίδα Νικομηδείας διελθόντες πλείστους τραυματίας εἰργάσαντο, ἐνέπρησάν τε πᾶσαν τὴν παράλιον τοῦ Στενοῦ καθὰ προφθάσας ἐδήλωσεν ὁ θεράπων Κυρίου. Τότε γοῦν παρεγένοντο ἐξ ἀνατολῶν ὁ δομέστικος Πανθὴρ μετὰ τεσσαράκοντα χιλιάδας φο(f. 136 v.)σάτου, εἶτα καὶ Φωκᾶς ὁ πατρίκιος μετὰ πλείστου φοσάτου τῶν Μακεδόνων, ὡσαύτως καὶ Θεόδωρος ὁ ἁγιώτατος στρατηλάτης, ᾧ ἐπώνυμον Σπογγάριος, μετὰ στρατοῦ καὶ αὐτὸς πλείστου τῶν Θρακεσσίων. Οἱ καὶ κυκλώσαντες τοὺς ἀναιδεῖς κύνας λυσσωδῶς καθ' ἡμῶν ὠρυομένους περιέβαλον εἰς τὸ μέσον, μηδόλως τούτους παραχωροῦντες ἐξέρχεσθαι τῶν πλοίων αὐτῶν κατὰ λύμης τῶν χριστιανῶν. Περιετείχισε δὲ μᾶλλον αὐτοὺς φόβος καὶ τρόμος σφοδρὸς καὶ ἐβουλεύσαντο λάθρα φυγεῖν καὶ διαδρᾶναι τὰς χεῖρας τῶν ἡμετέρων στρατευμάτων, οὐκ ἠδύναντο δὲ διὰ τοῦ φόβου τοῦ ἐν τῇ θαλάσσῃ στόλου ἡμῶν φυλάσσοντος φυλακὰς καὶ ἐπαγρυπνοῦντος πρὸς αὐτούς. Τολμήσαντες οὖν βίᾳ ὠθούμενοι ῥιψοκινδύνως ἐξέρχονται κατὰ τῶν Ῥωμαίων, καὶ συμπλοκῆς πολέμου γενομένης ἡττήθησαν οἱ Ῥὸς κατὰ κράτος ὑπὸ τῶν Ῥωμαίων, καὶ οἱ μὲν μαχαίρᾳ ἔπεσον, οἱ δὲ ἀποδρά(ξα)ντες ἔφυγον ἐκ μέσου αὐτῶν· ἑσπέρας γὰρ καταλαβού(f. 137 r.)σης λάθρα ἐν τοῖς πλοίοις αὐτῶν αὐτομολήσαντες ᾤχοντο τοῦ ἡμετέρου στόλου ἠρεμοῦντος ἐν τῷ Ἱερῷ.

τῆς δὲ προφυλακῆς τοῦ στόλου αἰσθομένης τὴν φυγὴν αὐτῶν, ὡς ἵνα δώσουσιν εἴδησιν περὶ τῆς φυγῆς αὐτῶν τῷ θεοσώστῳ στόλῳ ἡμῶν, οἱ πλείους αὐτῶν ἐξέφυγον, ὅμως πεφθάκασι τὰ ἔσχατα αὐτῶν, καὶ συμπλοκῆς γενομένης οἱ ἡμέτεροι δρώμενοι καὶ χρησάμενοι τῷ λεγομένῳ λαμπρῷ πυρὶ εἴτ' οὖν σκευῇ κατέφλεγον αὐτούς. Καὶ ἦν ἰδεῖν φοβερὸν θέαμα, ὅπερ δεδιότες τὸ πῦρ ἐθελοντὶ ἠκόντιζον ἑαυτοὺς οἱ κατάρατοι εἰς τὸν βυθὸν τῆς θαλάσσης πειρώμενοι μᾶλλον ἀποπνιγῆναι τῷ ὕδατι, ἤπερ καταφλεχθῆναι τῷ πυρί, ὅμως καὶ ἐν ἀμφοτέροις διαφθαρέντες, ἀπώλοντο κατὰ τὴν πρόρρησιν τοῦ ἁγίου· οἱ μὲν γὰρ ἐπρήσθησαν, οἱ δὲ τῷ βυθῷ τῆς θαλάσσης ἑκοντὶ ἀπερρίφησαν, τινὲς δὲ ἐξ αὐτῶν συνελήφθησαν καὶ δοῦλοι γεγόνασι. Καὶ οὕτως ἐξέλιπον τὰ κατ' αὐτούς. Οἱ δὲ διασωθέντες ἀπὸ τὰς χεῖρας τοῦ ἡμετέρου στόλου νόσῳ δεινῇ, ῥύσει κοιλίας περιπεσόν(f. 137 v.)-τες τεθνήκασι κατὰ τὴν ὁδόν, καὶ ὀλίγοι ἐξ αὐτῶν διασωθέντες εἰς τὴν χώραν αὐτῶν, διηγούμενοι ἐκεῖσε τὰ συμβάντα αὐτοῖς καὶ ἃ νεύσει Κυρίου πεπόνθασιν. Ὁ δὲ ἅγιος πατὴρ ἡμῶν Βασίλειος, ἀφ' ἧς ὥρας οἱ ἀθέμιτοι Ῥὸς παρεγένοντο, οὐ διέλιπε μετὰ δακρύων καὶ θρήνων νύκτωρ καὶ μεθημέραν δεήσεις καὶ ἱκεσίας τῷ φιλανθρώπῳ Θεῷ προσάγων, ὥστε τὴν δικαίαν αὐτοῦ ἀποστρέψαι ὀργήν.

Ὄντος μου πάλιν ἄλλοτε πρὸς τὸν ὅσιον ἐν τοῖς Ἐλευθερίου, ὡς προσεῖχον αὐτοῦ τοῖς ἁγίοις καὶ μελιρρύτοις ῥήμασιν, ἰδοὺ γύναιον ἐταζόμενον πνεύματι ἀκαθάρτῳ ἧκε πρὸς αὐτόν· ἦν δὲ δούλη μοναχῆς τινὸς ἀπὸ τῆς μονῆς τοῦ Μουζάλωνος, κατεδίωκον δὲ αὐτὴν οἱ τῷ μαρτυρίῳ τῆς ἁγίας Ἀναστασίας προσκαρτεροῦντες ὑπηρέται τῶν ἀσθενῶν· καὶ γὰρ ἐκεῖθεν διέδρα. ἡ δὲ τοῦ ἁγίου Πνεύματος χάρις ἐν κημῷ καὶ χαλινῷ ἤγαγεν αὐτὴν πρὸς τὸν ὅσιον, ὅπως ὑπ' αὐτοῦ τὴν ἴασιν τεύξηται. Πλησιάσασα οὖν τὸ γύναιον τῷ ἁγίῳ, Τί μοὶ καὶ σὺ, ἔφη, ἅγιε τοῦ Θεοῦ; τί ἀποστείλας ἦρας με ἀπὸ τοῦ οἴκου τῆς Ἀναστασίας ἐκ τῶν τριχῶν (f. 138 r.) ἕλκων καὶ βίᾳ τύπτων; τί σοι κακὸν ἐποίησα ἢ τί σοι παρηνώχλησα; τί με ἤγαγες ὧδε; τί με φλέγεις, ἐρημοπολῖτα βοτανοφάγε; ἐπὶ καλῷ σε ἤγαγεν ἡ παρθένος Μαρία ἐπὶ τήνδε τὴν πόλιν ἀπὸ τῶν ὀρέων τῶν φοβερῶν. Ἕως τίνος με βασανίζεις τὸ πανθαύμαστον κειμήλιον τοῦ ἐσταυρωμένου, ὁ τὴν παρθενίαν ἐξ αὐτῆς τῆς πρώτης φυλάξας ἡλικίας; τί με φλέγεις καὶ

βασανίζεις; τί με διώκεις; ἰδοὺ ἐξέρχομαι, ὤ ὤ, ἀπὸ τοῦ ἐσταυρωμένου τοὺς δούλους, πανταχόθεν διωκόμεθα διὰ τῆς δυνάμεως αὐτοῦ τῆς ἐν τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ ἐπαναπαυομένης. Μὴ ὀργίζου, Βασίλειε, καθ' ἡμῶν, πραότητα γὰρ ἐδίδαξέ σε ὁ διδάσκαλός σου ὃς ἐχλεύασεν ἡμᾶς τοῖς ἑαυτοῦ παθήμασιν· ἀφ' ὅτου γὰρ ἦλθεν ἐκεῖνος ἐπὶ τῆς γῆς, τὸ γένος ἡμῶν ἅπαν ἐταλαιπωρήθη, ἀπώλετο ἡ ἐλπὶς ἡμῶν, θεοὶ ἦμεν τὸ πρότερον, νυνὶ δὲ ἐξησθένησεν ἡ δύναμις ἡμῶν διὰ τῆς ἐκείνου φοβερᾶς δυνάμεως· τί ἡμῖν καὶ σοί, ὦ ἐσταυρωμένε; Ταῦτα καὶ ἄλλα πλεῖστα φληναφοῦν(f. 138 v.)τος τοῦ πονηροῦ πνεύματος διὰ τοῦ γυναίου, σπλαγχνισθεὶς ὁ λίαν συμπαθέστατος μιμητὴς τοῦ δεσπότου Χριστοῦ ἐκτείνας τὴν χεῖρα αὐτοῦ ἐπ' αὐτὴν τρὶς ἐσφράγισεν αὐτὴν τῷ τύπῳ τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ σταυροῦ καὶ ὡσανεὶ ὀργίλως φησίν· Ἔξελθε ἀπατεὼν καὶ μισάνθρωπε, ἔξελθε καὶ πορεύου ὡσεὶ καπνὸς ἀπὸ τοῦ πλάσματος τοῦ Θεοῦ ἀναλύων εἰς τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον. Ταῦτα τοῦ ἁγίου εἰρηκότος, εὐθὺς ἔρριψεν αὐτὴν ἐπὶ τῆς γῆς τὸ ἐπάρατον δαιμόνιον καὶ ἤρξατο ἐμεῖν καὶ ἤμεσεν ὡσανεὶ μῦν εὐτελῆ καὶ ἐβδελυγμένον. καὶ παραχρῆμα ἀνέστη τὸ γύναιον καὶ ἐπορεύθη εἰς τὸ μοναστήριον πρὸς τὴν κυρίαν αὐτῆς, ὥστε πάντας τοὺς παρατυχόντας καὶ ἑωρακότας τὸ τοιοῦτον μέγιστον θαῦμα καὶ σημεῖον αἶνον εὐχαριστίας ἀναπέμψαι τῷ ἐλεήμονι Θεῷ καὶ τῷ θεράποντι αὐτοῦ Βασιλείῳ.

Ἄλλοτε πάλιν ἦν τὶς φίλος αὐτοῦ τοὔνομα Ἰωάννης, τῇ φύσει εὐνοῦχος, ὃς τὴν οἴκησιν ἔσχε πλησίον τῆς μονῆς τοῦ ἁγίου Λαζάρου, τεταγμένος παρίστασθαι εἰς τὴν τράπεζαν τὴν βασιλικήν. οὗτος (f. 139 r.) συνεχῶς ἀπῄει πρὸς τὸν μακάριον καὶ τὰς τιμίας εὐχὰς αὐτοῦ ἐκομίζετο· πολλάκις δὲ καὶ ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ μετεστέλλετο αὐτόν. οὗτος οὖν ὁ Ἰωάννης, ἅτε δὴ τῷ βασιλεῖ παριστάμενος καὶ ὑπ' αὐτοῦ τὰ πλεῖστα τιμώμενος, πλούτῳ τε βρίθων καὶ χρήμασι παμποικίλοις, οἰκέτας ἔσχε καὶ θεραπαινίδας οὐκ ὀλίγας εἰς ὑπηρεσίαν αὐτοῦ· ὧν μία ἦν ἥτις παρ' αὐτῷ τιμωμένη τῶν ἄλλων ἐπέκεινα, ἣ καὶ πᾶσαν τὴν ἐξουσίαν καὶ τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῦ κατέσχεν ἐν τῇ χειρὶ αὐτῆς καὶ ὡς πιστὴ αὐτῷ ἐνομίζετο· θεασαμένη αὐτὸν εἰς γῆρας ἄκρον ἐληλακότα, ἐβουλεύσατο ἐν ἑαυτῇ βουλὴν πονηρὰν τοῦ περιεργάσασθαι τὸν κύριον αὐτῆς καὶ τὸ χρυ-

σίον αὐτοῦ ἀφελεῖν καὶ πάντα τὰ ὑπάρχοντα αὐτῷ ἀφελεῖν. τοῦτο οὖν βουλευσαμένη προσέρχεται λάθρα τινὶ ἐπαοιδῷ καὶ δοῦσα αὐτῷ τὸ ὀφειλόμενον, δέχεται παρ' αὐτοῦ τὸ ὀφειλόμενον δηλητήριον φάρμακον, πλὴν δ' οὐ θανάσιμον, ὅμως παραπλήσιον τῷ θανάτῳ. Κιρνᾷ οὖν τῷ κυρίῳ αὐτῆς τὸ δηλητήριον ἐκεῖνο, εὐθέως ἐτράπησαν οἱ λογισμοὶ αὐτοῦ (f. 139 v.) εἰς λῆρον, καὶ ἡ διάνοια αὐτοῦ γέγονε ταραττομένη καὶ τὸ ἡγεμονικὸν αὐτοῦ ἀπέστη τοῦ δέοντος, καὶ ἦν ἰδεῖν θέαμα φρικτὸν πῶς ὁ πρὶν νουνεχὴς καὶ φρόνιμος, ὁ λόγιός τε καὶ συνετὸς τῷ δηλητηρίῳ τοῦ ἐπαοιδοῦ ἄφνω νῦν ὁρᾶται (φρενήρης) ἀσύνετός τε καὶ ἄλογος· μόνον γὰρ ἤσθιε καὶ ἔπινε ὥσπερ τὰ κτήνη, ὁμιλῆσαι δὲ ἢ συνιέναι εὐτάκτως ὅλως οὐκ ἠδύνατο τὸ οἱονοῦν. Θεασαμένη οὖν τοῦτον ἡ τὸ πονηρὸν τοῦτο κατασκευάσασα πονηρὰ καὶ ἀθεράπευτος θεράπαινα, ὅτι παρετράπη ὁ κύριος αὐτῆς καὶ ἀπώλεσε τὴν οἰκείαν σύνεσιν, ἔλαβε τὸ αὐτοῦ χρυσίον καὶ ἔθετο αὐτὸ παρ' ἑαυτῇ. πάντων οὖν τῶν ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ τῶν τε συγγενῶν καὶ συνδούλων ἀθυμούντων ἐπὶ τὸ γεγονός, οὐδὲ γὰρ ᾔδεσαν ὅθεν συνέβη τὸ συμβεβηκός, οὐ μικρῶς ἀπελέγοντο τὴν ζωὴν αὐτῶν. Οὕτως οὖν ἔχοντος αὐτοῦ καὶ ἐπὶ πλεῖον τοῦ νοὸς αὐτοῦ παρατετραμμένου, πολλάκις ἔλεγον οἱ οἰκεῖοι αὐτοῦ πρὸς αὐτὸν ὁπόταν ἔσχε πρὸς ὀλίγον ἠρεμίαν (f. 140 r.) καὶ μικρὰν αἴσθησιν· Οὐκ ἀποσυνέχεις ὅθεν σοι τὸ δεινὸν τοῦτο γε συμβέβηκε; μή τι γε νυκτὸς συνήντηκέ σοι ὃ καὶ θεασάμενος ἐφοβήθης καὶ ἐκ τούτου τοῦτο συνέβη σοι; Ὁ δὲ ἀνένευε μὴ οὕτω γεγονέναι τὸ δρᾶμα. Ἀποροῦντες οὖν τί δράσουσι περὶ τούτου ὅπως ἰάσωνται αὐτόν, οἱ μὲν ἔλεγον· Ἀπαγάγωμεν αὐτὸν εἰς τὸ τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Ἀνδρέου καταγώγιον, καὶ ἴσως ἡ πρεσβεία αὐτοῦ ἰάσεται αὐτὸν καὶ ἐπιστρέψει ἐπ' αὐτῷ ἡ γνῶσις τοῦ νοὸς αὐτοῦ· ἄλλοι δὲ ἔλεγον· Οὐχί, ἀλλὰ πρὸς τὸν σεβάσμιον ναὸν τῆς πανευφήμου μάρτυρος Ἀναστασίας αὐτὸν ἀπενέγκωμεν τῆς τὰ φάρμακα λυούσης, καὶ ἐπισκέψηται αὐτόν. Εἷς δέ τις αὐτῶν ἀποκριθεὶς ἔφη· Μήτε ἐκεῖ μήτε ἐκεῖσε, ἀλλὰ δεῦτε καὶ ἀπαγάγωμεν αὐτὸν εἰς τὸν ὅσιον πατέρα ἡμῶν Βασίλειον, ὅτι καὶ προσφιλὴς αὐτοῦ ἐστιν, ὅπως προσεύξηται ὑπὲρ αὐτοῦ πρὸς Κύριον, καὶ ἰαθήσεται. Ἤρεσεν οὖν τοῖς πᾶσιν ὁ λόγος, καὶ πρωΐας γενομένης ἐξα(f. 140 v.)ναστάντες ἔλαβον αὐτὸν καὶ ἀπήγαγον ἔνθα ἦν κατοι-

κῶν τῷ τότε ὁ ἅγιος. Ὡς οὖν εἰσήγαγον αὐτὸν πρὸς αὐτόν, θεασάμενος αὐτὸν ὁ ὅσιος ἐδάκρυσε καὶ ἐμβριμησάμενος τῷ πνεύματι ἔφη· Κεκατηραμένε Βελίαρ Βεελζεβούλ, ἀποστάτα τοῦ Θεοῦ καὶ τῶν ἁγίων ἀγγέλων καὶ πάντων τῶν ἀγαπώντων τὸν Κύριον, ὢ πονηρᾶς γνώμης τῶν κτηνωδῶν ἀνθρώπων τῶν μὴ φοβουμένων τὸν Κύριον, ὢ πόσα δεινὰ [διὰ] τὴν πικρὰν φιλαργυρίαν οἱ ἄνθρωποι κατεργάζονται. Ταῦτα εἰρηκὼς ἀνέστη καὶ κρατήσας τὴν κάραν τοῦ πάσχοντος ἐσφράγισε τὸ μέτωπον αὐτοῦ τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χειρί, καὶ ἐφ' ἱκανὴν ὥραν ἀνατείνας τὸ ὄμμα αὐτοῦ εἰς τὸν οὐρανόν, ὑποψιθυρίζων προσηύχετο πρὸς τὸν Θεόν, στεναγμοὺς ἐκ καρδίας ἀναπέμπων πρὸς αὐτόν, ὡς μὴ δυναμένων ἡμῶν σημειώσασθαί τι τῆς αὐτοῦ προσευχῆς, ἔσχατον δὲ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ σφραγίσας τῷ τύπῳ τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ σταυροῦ λέγει πρὸς αὐτόν· Ἰαθήσεταί σε ὁ Κύριος ἡμῶν καὶ Θεὸς Ἰησοῦς ὁ Χριστὸς ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, ὁ ἐπὶ σωτηρίαν τοῦ γένους (f. 141 r.) τῶν ἀνθρώπων ἐκ τοῦ οὐρανοῦ κατελθὼν ἐπὶ τῆς γῆς. Τοῦτο ἐκ τρίτου εἰρηκὼς ὁ ἅγιος καὶ σφραγίσας αὐτόν, ἐπανῆκεν ἐπὶ τὴν εὐτελῆ αὐτοῦ κλίνην· ἦν γὰρ πλήρης ἡμερῶν ὁ ὅσιος. ἀνακλιθέντος οὖν αὐτοῦ ἐπ' αὐτῇ, ἐβλέπομεν πάντες οἱ ἐκεῖσε παρατυχόντες δασὺν κάπνον ἀπὸ τῶν μυκτήρων καὶ ὠτίων τοῦ πάσχοντος ὡσαύτως καὶ ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ ἐξερχόμενον καὶ ὥσπερ κνίσσαν δυσώδη ἀφιέμενον. Ὅτε οὖν ἡ ὀμίχλη ἱκανῶς ἐκείνη ἐξῄει ἀπ' αὐτοῦ, αἰτήσας ὁ μακάριος ποτήριον οἴνου καὶ ἄρτου εὐτελὲς κλάσμα καὶ ἑνώσας καὶ εὐλογήσας αὐτά, δέδωκε τῷ πάσχοντι λέγων πρὸς αὐτὸν οὕτως· Λαβὼν φάγε καὶ πίε καὶ ἔσο ἀπὸ τοῦ νῦν ὑγιὴς καὶ φοβοῦ τὸν Θεόν. Ὁ δὲ λαβὼν ἔφαγε καὶ ἔπιε καὶ ἐπανῆκεν ἐπὶ τὰς φρένας αὐτοῦ, καὶ ἦν τοῦ λοιποῦ νοῶν ὑγιῶς καὶ καθαρῶς λογιζόμενος ὥσπερ τὸ πρότερον, ὥστε πάντας τοὺς παρεστῶτας καὶ θεασαμένους αὐτόν, ναὶ μὲν ἀλλὰ καὶ τοὺς τοῦτο ἀκηκοότας δόξαν δοῦναι μετ' εὐχαριστίας καὶ αἶνον τῷ τὰ τοιαῦτα παράδο(f. 141 v.)ξα ἐργαζομένῳ καὶ ἐνεργοῦντι ἐν τοῖς ἀγαπῶσιν αὐτόν. Ἰαθεὶς οὖν ὁ ἄνθρωπος μεγάλως ηὐχαρίστει καὶ αὐτὸς τῷ ἁγίῳ Θεῷ καὶ τῷ θεράποντι αὐτοῦ Βασιλείῳ, γονυπετῶν, ἐγκυλινδούμενος καὶ κατασπαζόμενος τοὺς τιμίους πόδας αὐτοῦ. Λέγει οὖν πρὸς τὸν ἅγιον μετὰ δακρύων· Δέομαί σου τοῦ Θεοῦ δοῦλε, ἵνα μοι σαφη-

νίσης τὸ χαλεπὸν τοῦτο πάθος, πῶς ἀθρόως συνήντηκέ μοι· οἶδα γὰρ ὅτι πάντα ἐπίστασαι διὰ τῆς χάριτος τοῦ Χριστοῦ τῆς ἐνοικούσης ἐν σοί· ὅθεν παρακαλῶ τὴν σὴν ὁσιότητα καὶ ἁγιότητα παρακληθῆναι καὶ ἀναγγεῖλαί μοι τοῦτο. Ὁ δὲ ὅσιος λέγει πρὸς αὐτόν· Γύναιον πονηρὸν τοῦτό σοι κατεσκεύασεν ἐρασθὲν τοῦ χρυσίου σου, ἥτις ἐστὶν ἡ θεράπαινά σου, ἣν ἔσχες ὡς ἑαυτόν, καὶ πάντα τὰ ὑπάρχοντά σου παρέθου ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῆς. τό γε νῦν ἔχον ἀπελεύσῃ ἐν τῷ οἴκῳ σου χάριτι Χριστοῦ ὑγιαίνων· ταύτην γὰρ οὐχ' εὑρήσεις· πέφευγε γάρ. εὑρήσεις δὲ αὐτὴν μετὰ ταῦτα καὶ τὸ χρυσίον σου σῶον ἐν τῷ κόλπῳ (f. 142 r.) αὐτῆς, καὶ οὐκ ἀποδώσεις αὐτῇ κακὸν ἀντὶ κακοῦ, ὡς ὁ Κύριος ἐδίδαξε, πλὴν πιπράσκων αὐτὴν πράσεις ἐπιδημοῦσιν ἐμπόροις. Ταῦτα τοῦ ὁσίου εἰρηκότος αὐτῷ, εὐθὺς συνῆκε τὴν τὰ τοιαῦτα δολίως δραματουργήσασαν ἐπ' αὐτῷ, καὶ ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ παραγενόμενος, οὐχ' εὗρεν αὐτὴν καθὼς ὁ ἅγιος προεδήλωσεν αὐτῷ. ἐξερευνήσας δὲ καὶ συλλαβόμενος αὐτήν, τὸ μὲν χρυσίον ἀφείλετο ἀπ' αὐτῆς σῶον, ταύτην δὲ ἀπεμπώλησε καθὼς ἐκελεύσθη τοῖς ἐπιδημοῦσιν ἐμπόροις. Καὶ οὕτως ἠρέμησεν ἀπὸ τότε ὁ ἄνθρωπος καὶ ἦν αἰνῶν καὶ εὐλογῶν τὸν Θεὸν καὶ τὸν θεράποντα αὐτοῦ Βασίλειον.

Ἄλλοτε πάλιν ἐν τοῖς παλατίοις τῶν Ἐλευθερίου ἀνωτέρω τῆς πόρτης τοῦ ἁγίου Στεφάνου οἶκός ἐστι παμμέγιστος, ὃν εἶναι φασί τινὲς Ῥωμανοῦ τοῦ βασιλέως· δύο οὖν ἀπὸ τῶν θυγατέρων αὐτοῦ ἔτι βασιλεύοντος ἐκείνου κατελείφθησαν ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ, εἶχον δὲ αὗται σχέσιν πλείστην πρὸς τὸν μακάριο. Ἐν μιᾷ οὖν τῶν ἡμερῶν ἡ μία τούτων ἐσυλήθη χρυσίον μετὰ σκευρίου (f. 142 v.) τεσσαράκοντα λίτρας· ἥτις ἐξαφθεῖσα ἀσχέτῳ ὀργῇ καὶ θυμῷ ἐπὶ τοὺς ἐν τῷ οἴκῳ αὐτῆς παῖδάς τε καὶ παιδίσκας, ἀπέστειλε πρὸς τὸν ὕπαρχον τῆς πόλεως ὡς ἂν ἀποστείλῃ αὐτῇ τὸν λογοθέτην τῶν πραιτορίων καὶ δημίους κριτὰς εἰς τὸ ἐννόμως ἐξετάσαι τοὺς παῖδας αὐτῆς περὶ τῆς κλοπῆς τῶν τεσσαράκοντα λιτρῶν τοῦ χρυσίου. Ὁπότε δὲ ἀπέστειλε τὸν εὐνοῦχον αὐτῆς πρὸς τὸν ὕπαρχον, ἡ κουβικουλαρία αὐτῆς εἰς νοῦν λαβοῦσα τὰ περὶ τοῦ ὁσίου, ἔφη πρὸς αὐτήν· Δέομαί σου, δέσποινά μου, ἐπάκουσόν μου τῆς δούλης σου καὶ λαλήσω πρὸς σὲ τὰ ῥήματά μου. Ἡ δὲ λέγει πρὸς αὐτήν· Εἰπὲ ἀκωλύτως δὲ ὅσα καὶ βούλει, καὶ ἀκούσομαί σου εἰ δέον ἐστίν. Ἀποκριθεῖσα δὲ ἐκείνη ἔφη

πρὸς αὐτήν· Ἰδοὺ σὺ, ὦ κυρία μου, ἀποστέλλεις πρὸς τὸν ὕπαρχον τῆς πόλεως στεῖλαι σοι ἐνταῦθα τοὺς δημίους αὐτοῦ τύψαι καὶ μαστιγῶσαι τὸν αἴτιον μετὰ τοῦ ἀναιτίου καὶ τὸν μὴ γινώσκοντα μετὰ τοῦ ἀφελόντος καὶ τὸν ἀνεύθυνον μετὰ τοῦ τὴν πονηρὰν ταύ(f. 143 r.)-την κλωπὴν ἐργασαμένου· καὶ τοῦτο ἀνομία μεγίστη ἐστὶ τὸ συντρίβεσθαι ἀνθρώπους καὶ μάλιστα τοὺς μηδὲν ἠδικηκότας δι' ἕνα ἀλάστορα καὶ κακὸν ἄνθρωπον τὸν τοιαύτην ἐργασίαν μυσαρὰν ἐργασάμενον. Καὶ εἰ τοῦτο πράξεις, ποῦ κρύψεις ἐξ ὀφθαλμῶν Κυρίου τὴν ἁμαρτίαν; ὁ μὲν γὰρ χρυσὸς πηλός ἐστιν, καὶ ὁ βίος σκιὰ καὶ ἐνύπνια, καὶ τὰ πράγματα καπνὸς καὶ ὀμίχλη, ὁ δὲ ἄνθρωπος τίμιος κατ' εἰκόνα Θεοῦ πλασθείς. Οὐκοῦν ἄκουσόν μου καὶ μὴ ἀποστείλῃς πρὸς τὸν ὕπαρχον τῆς πόλεως, ἀλλὰ μᾶλλον πρὸς τὸν ἄνθρωπον τοῦ Θεοῦ ἐξαπόστειλον, ὃν οἶδας ὅτι πνεῦμα Θεοῦ ἐστιν ἐν αὐτῷ καὶ ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ, καὶ πάντα καθαρῶς ἐπίσταται καὶ γινώσκει τὰ πόρρω καὶ τὰ ἐγγύς, καὶ ἐπερώτησον αὐτὸν ἢ μᾶλλον τὸ πνεῦμα τοῦ Θεοῦ ἐν αὐτῷ δι' αὐτοῦ, καὶ ποιήσει Κύριος τὸ εὐθὲς ἐναντίον σου καὶ παντὸς τοῦ λαοῦ σου καὶ δηλώσε[τα]ί σοι ὁ τὸ χρυσίον συλήσας, καὶ τιμωρήσεις αὐτὸν μόνον ὡς τὸ πονηρὸν ἐργασάμενον, καὶ μὴ ἔστω ἡ χείρ σου ἀδίκως ἐφαπλουμένη ἐπὶ πάντας τοὺς παῖδας (f. 143 v.) καὶ τὰς παιδίσκας σου. Ταῦτα τῆς κουβικουλαρίας εἰρηκυίας πρὸς τὴν κυρίαν αὐτῆς, ἐπῄνεσεν αὐτὴν καὶ τοὺς λόγους αὐτῆς ἡ κυρία αὐτῆς λέγουσα· Εὐλογητὸς Κύριος ὁδηγήσας τὴν καρδίαν σου τοιοῦτον ἀγαθὸν ῥῆμα ἐξερεύξασθαι καὶ λόγον θεοπρόβλητον φθέγξασθαι ἐκ τοῦ σοῦ στόματος· καθὼς οὖν εἴρηκας, οὕτως καὶ ποιήσω. Κωλύσασα οὖν τὸν πρὸς τὸν ὕπαρχον ἀποσταλέντα εὐνοῦχον αὐτῆς, αὐτὴν ἐκείνην τὴν καλῶς συμβουλευσαμένην εἰς τὸν ὅσιον πορευθῆναι προσέταξε σὺν δυσὶν εὐνούχοις αὐτῆς. Λαβοῦσα οὖν αὕτη ἡ κουβικουλαρία δῶρα ἐπάξια ἐπὶ τὸ ἀποκομίσαι τῷ δούλῳ τοῦ Θεοῦ Βασιλείῳ, ἐπορεύθη πρὸς αὐτόν. ἦν δὲ ὁ μακάριος ἔτι ἐν τοῖς τοῦ Ἐλευθερίου· ἄσχετον γὰρ οἱ ῥηθέντες Γογγύλιοι ἐκέκτηντο πόθον πρὸς αὐτὸν καὶ διὰ τοῦτο οὐκ ἤθελον οὐδὲ ἐβούλοντο αὐτὸν ἐξελθεῖν κἂν ποσῶς ἐκ τοῦ οἴκου αὐτῶν. Ὡς οὖν παρεγένοντο πρὸς αὐτὸν ἥ τε κουβικουλαρία καὶ οἱ δύο εὐνοῦχοι οἱ σύνδουλοι αὐτῆς καὶ ἀπέδοντο αὐτῷ τὰ δῶρα ἃ ταῖς χερσὶν ἔφερον, ἅ(f. 144 r.)τινα ἦσαν ἄρτος

καὶ οἶνος καὶ ὀπῶραι, ἐκέλευσεν αὐτοὺς ὁ ὅσιος καθεσθῆναι. συμπαρήμην γὰρ καὶ αὐτὸς ἔγωγε τῷ τηνικαῦτα ἐκεῖσε· μετὰ γοῦν ἱκανὴν ὥραν ἐξαναστᾶσα ἡ κουβικουλαρία ῥίπτει ἑαυτὴν ἐπὶ τοῖς τιμίοις ποσὶ τοῦ ἁγίου καὶ φησὶ πρὸς αὐτόν· Δέομαί σου, δοῦλε τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ἡ κυρία μου καὶ δούλη σου ἀπώλεσε χρυσίον πολὺ καὶ βούλεται πάντα τὸν οἶκον αὐτῆς ἀνασκολοπίσαι καὶ ἀκριβῶς ἐξετάσαι πάντας τοὺς ἐν τῇ οἰκίᾳ αὐτῆς· ἵνα οὖν μὴ καὶ οἱ ἀναίτιοι μετὰ τῶν ὑπαιτίων τιμωρηθήσονται, ποίησον οὖν παρακληθεὶς ἐπὶ τῇ δούλῃ σου καὶ εἰπὲ ἡμῖν, τίς ἐστιν ὁ τὸ σφάλμα τοῦτο καὶ τὸ δραματούργημα ἐν τῷ οἴκῳ τῆς δεσποίνης μου πονηρῶς τε καὶ κακῶς οὕτω ποιήσας; Οἶδα γὰρ ἀκριβῶς καὶ ἐπίσταμαι ὅτι πάντα χάριτι τοῦ ἐν σοὶ ἐπαναπαυομένου θείου καὶ ἁγίου καὶ σεπτοῦ Πνεύματος καθαρῶς ἐπίστασαι. Ἰδὼν δὲ ὁ μακάριος τὴν πίστιν αὐτῆς καὶ προθεσμίαν, ἔφη πρὸς αὐτήν· Θάρσει, θύγατερ, ἡ πίστις σου σέσωκέ σε· ἐγὼ γάρ σοι ἐρῶ τίς ἐστιν ὁ τὸ χρυσίον συλήσας τῆς κυρίας σου· καὶ ἆρα ἀγαθόν (f. 144 v.) ἐστι παραδοῦναι ψυχὴν ἀνθρώπου εἰς τιμωρίαν καὶ βάσανα; οὐ τελέσει τὸ ἐμὸν ὄνομα ἀνομίαν ἐξ ὑποβολῆς. Ἰδοὺ γὰρ ἐγὼ σήμερον ἐρῶ σοι τίς ἐστιν ὁ συλήσας τὸ χρυσίον τῆς κυρίας σου, σὺ δὲ δηλώσεις αὐτὸν πρὸς αὐτὴν, ὅς ἐστιν οἰκέτης αὐτῆς, καὶ αὕτη ἐπιθυμώδης λίαν καὶ ἀπηνὴς καὶ ἀπολέσει τὴν ψυχὴν αὐτοῦ. Ἔφη οὖν πρὸς αὐτὸν τὸ εὐσεβὲς ἐκεῖνο γύναιον· Οὐχ' οὕτω, κύριέ μου, οὐχ' οὕτως, ἀλλ' ἐγὼ ἐξορκίσω τὴν κυρίαν μου ὡς ἀπὸ τοῦ δεσπότου μου τῆς προστάξεως, καὶ οὐκ ἐκτείνει χεῖρα πρὸς αὐτὸν κἂν ὅστις δἂν εἴη ὁ τοῦτο ποιήσας, οὔτε δεξιὰν οὔτε ἀριστεράν, ἀλλὰ διὰ τὴν κέλευσιν σοῦ τοῦ δεσπότου μου φείσεται αὐτοῦ· μόνον σὺ, κύριέ μου, δεῖξον τὴν φιλανθρωπίαν σου ἐφ' ἡμᾶς καὶ ποίησον ἔλεος μετὰ ψυχῶν πολλῶν· τοῦτο γὰρ τὸ ἀγαθὸν εἰ ποιήσεις, οὐχ' ἕνα σώσεις μόνον ἢ δύο, ἀλλὰ δῆμον ὁλόκληρον καὶ πολὺν λαόν· ναὶ δέομαί σου, δοῦλε τοῦ Θεοῦ, σπλαγχνίσθητι καὶ ἐπ' ἐμοὶ καὶ μὴ ἀποστρέψῃς κατησχυμμένην τὴν δούλην σου ἀπὸ τοῦ προσώπου σου, ἀλλ' ἐπάκουσόν μου καὶ ποίησον ἔλεος μετ' ἐμοῦ. Ἀποκριθεὶς δὲ ὁ ὅσι(f. 145 r.)ος λέγει πρὸς αὐτήν· Τὸ μὲν χρύσιον θᾶττον εὑρεθήσεται, τὸν δὲ ἀφελόμενον τοῦτο οὐκ εἴπω ὑμῖν. Τοῦτο εἰρηκὼς ὁ ἅγιος λέγει πρὸς αὐτήν· Ἐν τῷ οἴκῳ ὑμῶν ἔστι τι κατώγεον καὶ ἐν τῷ κατωγέῳ

ἵσταται κλίνη· δεξιᾷ οὖν τῆς κλίνης ὑποκάτω τῶν ποδῶν αὐτῆς ὀρύξαντες ὡσεὶ πήχεις δύο εὑρήσετε τὸ ζητούμενον. πλὴν τὸν ἔχοντα τὸ κλινίδιον ἐκεῖνο μὴ κακοποιήσητε· οὐδὲν γὰρ τὸ σύνολον οἶδε περὶ τούτου ὁ τοιοῦτος· ἕτερος δὲ καὶ οὐκ αὐτὸς τὸ δρᾶμα ἐτέλεσε· σὺ δὲ ἐρεῖς τάδε τῇ κυρίᾳ σου· Ἰδοῦ Κύριος ὁ Θεὸς ἀποδίδωσί σοι τὸ σόν, σὺ δὲ μὴ πονηρεύσῃ ἐπὶ μικρῷ ἢ μεγάλῳ, ἀλλ' ἡσύχως δέξαι τὸ σὸν καὶ εὐχαρίστησον τῷ Κυρίῳ. ἐὰν δέ τινα τῶν ὑπὸ τὰς χεῖράς σου κακοποιήσῃς, καὶ Κύριος ὁ Θεὸς ἐπαγάγῃ ἐπὶ σὲ τὴν χεῖρα αὐτοῦ τὴν φοβεράν, καὶ ἐλεύσονται ἐπί σε θλίψεις καὶ πειρασμοὶ ἐν οἷς κακῶς καταστρέψεις τὸν βίον σου. Ὅρα οὖν καὶ ταῦτα ἐρεῖς τῇ κυρίᾳ σου· Θᾶττον οὖν ἐκείνη βαλοῦσα μετάνοιαν αὐτῷ ἕως ἐδάφους τῆς γῆς καὶ λαβοῦσα εὐχὴν παρ' αὐτοῦ, ὑπέστρεψεν μετὰ τῶν σὺν (f. 145 v.) αὐτῇ δύο εὐνούχων πρὸς τὴν κυρίαν αὐτῆς, εὐφραινομένη καὶ λίαν θαυμάζουσα καὶ τὸν λογισμὸν ἐν ἑαυτῇ περιστρέφουσα καὶ ἀναπολοῦσα τὸν νοῦν ἐν ἑαυτῇ καὶ λέγουσα· ὅτι πῶς ἄρα ἐν τῷ οἴκῳ ἡμῶν ὁ ὅσιος μηδόλως παραγενόμενος πώποτε τὸ κελλίον ἐκεῖνο καθαρῶς ἐπίσταται καὶ γνωρίζει, ἐν ᾧ καὶ τὸ κλινίδιον ἵσταται καὶ τὸ χρυσίον ἐφευρεῖν προσέταξεν. Ἐν τῷ οἴκῳ οὖν ἡ κουβικουλαρία φθάσασα διεσάφησε κατὰ λέξιν πάντα τῇ κυρίᾳ αὐτῆς, ἃ ὁ δίκαιος πρὸς αὐτὴν εἴρηκεν. ἡ δὲ, ἐνωτισαμένη τὰ δηλωθέντα αὐτῇ παρὰ τοῦ ἁγίου διὰ τῆς κουβικουλαρίας, μεγάλως ἐθαύμασεν, ἅμα δὲ καὶ ἐπίστευσε λέγουσα· ὅτι ἐγὼ θυμώδης τυγχάνω καὶ ἐκ τούτου ἐπίσταμαι ἀψευδῶς εἰρηκέναι τὸν ἅγιον, ὅτι καὶ τὸ χρυσίον θᾶττον εὑρεθήσεται. Εὐθὺς οὖν προστάττει τῷ ἐπιτρόπῳ τοῦ οἴκου αὐτῆς παραλαβεῖν ἅμα αὐτῷ καὶ ἑτέρους τρεῖς τῶν συνδούλων αὐτοῦ καὶ τῷ δηλωθέντι τόπῳ ἐλθεῖν καὶ ἀνερευνῆσαι ἀκριβῶς τὰ περὶ τοῦ χρυσίου, καθὼς ὁ ἅγιος παρεκελεύσατο (f. 146 r.) αὐτοῖς. κατελθόντες οὖν ἐν τῷ κατωγέῳ ἐν τῷ δεξιῷ τόπῳ τῆς κλίνης, εὗρον τὸ χρυσίον σῶον μετὰ τοῦ σκευρίου καὶ ἀμείωτον κατὰ τὴν τοῦ ἁγίου πρόρρησιν, καὶ ἐξεπλήττοντο πάντες θαυμάζοντες ἐπί τε τῇ [τοῦ] χρυσίου εὑρέσει καὶ τῇ τοῦ ὁσίου προρρήσει καὶ προοράσει, ὅτι τὰ ἐγκρυφῇ γινόμενα γυμνὰ τοῖς νοεροῖς ἐκείνου ὀφθαλμοῖς παρειστήκασιν. Εὐθὺς οὖν ἀπέστειλε πάλιν πρὸς τὸν μακάριον τὴν κουβικουλαρίαν ἡ ταύτης κυρία μετὰ πλειόνων δωρεῶν εὐχαριστήρια ῥήματα

μηνύουσα αὐτῷ, καὶ ὅτι Πάντα ὅσα δεδήλωκας τῇ δούλῃ σου φυλάξω, φησί, καὶ οὐ παρατρώσω ἓν ἐξ αὐτῶν. Παραγενομένη οὖν ἡ κουβικου λαρία πρὸς τὸν ὅσιον καὶ κατὰ πρόσωπον ἐπὶ τὴν γῆν πεσοῦσα ηὐχαρίστει τῷ ἁγίῳ ἀνθομολογουμένη αὐτῷ ὅτι εἰσήκουσε τῆς δεήσεως αὐτῆς καὶ ἐν τῷ τέως μάστιγξ πονηρὰ οὐχ' ἥψατο σαρκὸς ἀνθρώπου· δέδωκε δὲ αὐτῷ καὶ τὰ δῶρα ἅπερ ἀπέστειλεν αὐτῷ ἡ κυρία αὐτῆς ἀπαγγεί(f. 146 v.)λασα αὐτῷ καὶ πάντα ὅσα ἐμήνυσεν αὐτῷ.

Τούτων οὖν οὕτως ἐχόντων τῶν παραδόξων καὶ ἐξαισίων, μᾶλλον δὲ εἰπεῖν καὶ ὑπὲρ φύσιν θαυμάτων τοῦ ὁσίου τοῦδε καὶ θεοφόρου πατρός, τίς ἂν δυνηθῇ κατ' ἀξίαν καὶ κατόπιν ταῦτα διηγήσασθαι καὶ γραφῇ παραδοῦναι, εἰ μὴ τὸν ἐκείνου αἰθέριον καὶ οὐρανομήκη νοῦν ἐκπλουτήσειεν ἐκείνου τε τὴν θεόφθογγον καὶ εὔλαλον γλῶτταν σχοίη ἐν ἑαυτῷ λέγουσαν καὶ ὑπερ φύσιν ἐκφράζουσαν, καὶ πάλιν ἐρῶ καὶ διάνοιαν ἀνθρωπίνην τὰ παρ' ἐκείνου τελεσθέντα ξένα τεράστια; Ὅμως ἐκ τῶν πολλῶν ὀλίγα ἀναμνησθέντες, τολμηρῶς γραφῇ παρεδώκαμεν εἰς ὠφέλειαν πᾶσι τοῖς ἐντυγχάνουσιν, ἵνα μὴ ὡς ἐκεῖνος ὁ πονηρὸς δοῦλος ὁ κατακρύψας ἐν τῇ γῇ τὸ δοθὲν παρὰ τοῦ Κυρίου αὐτοῦ τάλαντον αὐτῷ εἰς ἐργασίαν κατακριθῶμεν. Εἰ γὰρ κατ' ἀξίαν, ὡς ἔφημεν, τολμήσομεν ταῦτα διηγήσασθαι, δυνησόμεθα οὐδαμῶς· ῥᾷον γὰρ ἔσται θάλασσαν κοτύλῃ (f. 147 r.) μετρεῖν καὶ ψάμμον ἐξαριθμεῖν καὶ τὸν ἀριθμὸν τῶν ἀστέρων ἐφευρεῖν, ἢ ταῦτα ἀξίως διηγήσασθαι· τῶν γὰρ ἀπὸ τῶν αἰώνων μνημονευομένων ἁγίων καὶ ἐν ἐξαισίοις θαύμασι διαβοήτων γεγενημένων οὐδὲ ἑνός ἐστι καταδεέστερος ὁ παρ' ἡμῶν μνημονενόμενος μέγας τῷ ὄντι καὶ θεοφόρος πατὴρ ἡμῶν [ὁ] ὁσιώτατος Βασίλειος, εἰ καὶ τῇ τάξει καὶ τῷ χρόνῳ νέος ὠνόμασται διὰ τὸ καθ' ἡμᾶς ἐν ἐσχάτοις καιροῖς δίκαιον ἀναφανῆναι· ἡ γὰρ χάρις τοῦ παναγίου καὶ παντουργοῦ Πνεύματος κατὰ γενεὰν καὶ γενεάν, ὡς φησὶ καί τις σοφός, εἰς ψυχὰς ὁσίας διαβαίνουσα, φίλους τοῦ Θεοῦ καὶ προφήτας τούτους κατασκευάζει· ἀλλὰ τολμηρόν τι εἰπεῖν, ἐν διοράσει καὶ προγνώσει τοὺς πρώην πάντας ἁγίους ὑπερηκόντισε, καὶ τοῦτο δῆλον ἐξ αὐτῶν τῶν πραγμάτων.

Слѣдуетъ видѣніе Григорія о послѣднихъ судьбахъ міра, извѣстное доселѣ лишь по славянскимъ спискамъ. Предоставляя

себѣ издать и комментировать его въ слѣдующемъ, нынѣ печатающемся выпускѣ Разысканій, ограничусь здѣсь лишь сообщеніемъ эпизода, разобраннаго мною въ связи представленій о загробной участи безразличныхъ.

(f. 266 r.) Τούτων οὕτως περὶ (f. 266 v.) αὐτῶν εἰρηκότος μοι τοῦ ὁδηγοῦντός με ἀγγέλου ἐκείνου καὶ θεοειδοῦς νεανίσκου πρὸς τὰ ἄρρητα ἐκεῖνα θεάματα, ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ τῇ τοῦ κριτοῦ ἐπινεύσει ἐκχωρισθεῖσα ἀπὸ τῶν εὐωνύμων ἔστη κατ' ἐνώπιον αὐτοῦ, οὐχ' ὁμοίως τῇ πρὸ αὐτῆ[ς] πολυάνθρωπος, ἀλλὰ μέση πως αὐτῆς φαινομένη. Καὶ ἐν αὐτῇ μοναχοὶ καὶ μοναχαὶ μιγάδες καὶ ἀπὸ παντὸς τάγματος καὶ γένους τῶν κατὰ κόσμον ἀνθρώπων ὁρῶντο, οἵτινες ἀντὶ περιβολαίου, ὁμίχλῃ πως μέσῃ σκοτίᾳ καὶ φέγγει ἐσπαργανωμένη, ὡς εἴ τις ἔχει παρεικάσαι αὐτὴν πρωϊνὴν ὁμίχλην· τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν ὑπῆρχον οἷα τὰ τῶν μελανχρώων ἀνθρώπων, καὶ ποτὲ μὲν ἠσχύνοντο καὶ κατηφείας ἐπληροῦντο, ποτὲ δὲ ἐλαμπρύνοντο, χεῖρας κεκτημένοι ἐξ ἡμισείας, λέγω δὴ σκοτεινὰς καὶ λαμπράς· ἤγουν αἱ δεξιαὶ λαμπραί, στάζουσαι διὰ τῶν δακτύλων χρυσέλαιον, αἱ δὲ ἀριστεραὶ σκοτειναί, ἀποστάζουσαι ὑγρόπισσον. οἱ δὲ πόδες αὐτῶν μέσως ἀγαθυνόμενοι καὶ μέσος πονηρευόμενοι, οἱ ὀφθαλμοὶ αὐ(f. 267 r.)τῶν ὁμοίως εὐμενιζόμενοί τε καὶ βλοσυρόν τι στρεβλούμενοι. Καὶ ἐπέβλεψεν ἐπ' αὐτοὺς ὁ Κύριος καὶ εἶδεν αὐτοὺς ἡμιμοχθήρους πως ὑπάρχοντας καὶ μὴ τό τέλειον πεφθακότας μέτρον τῆς αὐτοῦ εὐαρεστήσεως· ἦσαν γὰρ καὶ αἱ ἀκοαὶ αὐτῶν σὺν ταῖς λοιπαῖς τούτων αἰσθήσεσιν ἐξ ἡμισείας, ποτὲ μὲν ὑπακούουσαι, ποτὲ δὲ βύουσαι. Τούτους οὖν οὕτως ἰδὼν ἀπέστρεψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπ' αὐτῶν καὶ ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν. Καὶ ἰδοὺ οἱ τοῦ πυρὸς ἀπότομοι ἄγγελοι καὶ ὑπουργοὶ καὶ ἐτασταὶ τῶν κολαστηρίων ἐξαίφνης ἐπιπεσόντες αὐτοῖς εἷλκον τούτους βιαίως καὶ ἰσχυρῶς σύροντες ἐπὶ τὴν ἀγρίαν ἐκείνην καὶ παφλάζουσαν θάλασσαν τοῦ πυρός, οἱ δὲ συχνὰ ἐπιστρεφόμενοι πρὸς τὸν Κύριον ἐδίδοσαν θρῆνον ἐλεεινὸν καὶ ἐσχάτην φωνὴν ἠφίουν καὶ ὀδυνηρὰν γοερῶς καὶ πικρῶς ἀλαλάζοντες· Φεῖσαι ἡμῖν, μακρόθυμε καὶ ἀνεξίκακε Κύριε, φεῖσαι ἡμῖν, βασιλεῦ εὔσπλαγχνε καὶ πολυέλεε, ἐλέησον ἡμᾶς, ἐλεῆμον καὶ εὐσυμπάθητε. Ὁ δὲ Κύριος ἐπιστραφεὶς (f. 267 v.) ἑώρα κατόπιν αὐτοῦ ὅπως εἵλκοντο βιαίως ὑπὸ

τῶν φοβερῶν ἐκείνων ἀγγέλων, καὶ ἐθρήνουν καὶ ὠλοφύροντο, καὶ ἐδόκει ποτὲ μὲν σπλαγχνίζεσθαι, ποτὲ δὲ ὀργίζεσθαι ἐπ' αὐτούς· οἱ δὲ ἅγιοι ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ ἔκλαιον ἡσυχῇ πάντες ἐπ' αὐτοὺς καὶ δάκρυα ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν κατέχεον μὲν, οὐκ ἐτόλμων δὲ μεσιτεῦσαι περὶ αὐτῶν. Τούτων οὖν, ὡς εἴρηται, βιαίως ἀγομένων εἰς τὴν τοῦ ἀσβέστου πυρὸς ἐκείνην θάλασσαν πρὸς τὸ σὺν τοῖς λοιποῖς τοῖς ἐκεῖσε ἐμβληθεῖσι κατακαυθῆναι (πλὴν οὐκ ἴσως ἐκείνοις, μὴ γένοιτο· ποῦ γὰρ τὸ δίκαιον τοῦ δικαίου κριτοῦ, εἰ οὕτως ἐπίσης ἐκείνοις ὑπολάβοιέν τινες; ἔμελλον καὶ οὗτοι τιμωρεῖσθαι καὶ βασανίζεσθαι, ἀλλὰ ἀναλόγως καὶ κατ' ἀξίαν τῶν ἔργων τούτους τὴν βάσανον τοῦ πυρὸς ὑπομένειν, οἷον τί λέγω, τῆς προσθήκης τῶν ἑτέρων τιμωριῶν ἐκτὸς διαμένοντες, σκώληκος φημὶ ἀκοιμήτου καὶ βρυγμοῦ τῶν ὀδόντων χαλεπῆς τιμωρίας· αἵτινες κολάσεις οὐχ ἅπασιν ἐπίσης τοῖς ἁμαρτωλοῖς εὐτρεπίζονται (f. 268 r.), ἀλλὰ τοῖς μὲν αἱ πᾶσαι, τοῖς δὲ ὀλίγαι, καὶ τισὶ μὲν αἱ μέσαι, τισὶ δὲ αἱ πλείους κατὰ τὸ μέτρον δηλονότι τῆς ἑκάστου πράξεως, καθὰ καὶ αἱ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν μοναὶ καὶ κατασκηνώσεις κατὰ τὸ μέτρον τῆς ἀρετῆς ἑκάστου τῶν ἁγίων ἀναλόγως ἀπεκλήροντο), ἰδοὺ ἄφνω ἐκ τῶν ἀνωτάτω κάτεισι κόρη τις πάνυ ὡραία, ἧς τὸ κάλλος ἀμήχανον καὶ τὸ πρόσωπον ὑπερδεδοξασμένον ἔχουσα, καὶ διάδημα βασιλείας φοροῦσα ἐπὶ τῆς κορυφῆς φοβερώτατον, χιτῶνάς τε χρυσοφαεῖς καὶ χρυσοϋφάντους καὶ χρυσοπάστους περιβεβλημένη, καὶ λίθοι διαυγείας ἀπαστράπτοντες ἀνεκφράστῳ καλλονῇ ἐπὶ τῶν χρυσοπάστων χιτώνων αὐτῆς· καὶ αἱ χεῖρες αὐτῆς λευκαὶ ὡς τὸ φῶς, οἱ δὲ πόδες ἐξήστραπτον ὡς ὁ ἥλιος. Καὶ ἰδοὺ ἔμπροσθεν αὐτῆς ἄγγελοι προηγοῦντο καὶ ὄπισθεν αὐτῆς ἄγγελοι ἐφέποντο δορυφοροῦντες ὡς βασιλίδι. ἥτις πανσέμνως κατιοῦσα τὸ τάχος παρεγένετο πρὸς τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην (f. 268 v.) πύλην τῆς πόλεως ἐν ᾗ ὁ φοβερώτατος καὶ αἰώνιος βασιλεὺς ἵστατο φορῶν στολὴν ἐκδικήσεως καὶ ῥάβδον ἐν τῇ χειρὶ κατέχων ἀνταποδόσεως, καὶ κλίνασα τὴν κεφαλὴν πρὸς τοὺς ἀχράντους αὐτοῦ πόδας μέχρι ἐδάφους τῆς γῆς, ᾤχετο τὸ τάχος ἐξαναστᾶσα ὡραίοις ποσὶ κατόπιν τῆς συρομένης ἐκείνης ταλαιπώρου συναγωγῆς καὶ φθάσασα ταύτην περὶ τὸ χεῖλος τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ κυματουμένης θαλάσσης τοῦ πυρός, ἐν ᾗ ἔμελλον χαλεπῶς κατα-

καίεσθαι, λέγει πρὸς τοὺς ἀπηνεῖς ἐκείνους ἀγγέλους τοὺς ταύτην βιαίως σύροντας καὶ ὠθοῦντας βάλλειν ἐν αὐτῇ πεπαρρησιασμένῃ τῇ φωνῇ· Ζῇ τὸ πρόσωπον τοῦ πατρός μου τοῦ ἐν οὐρανοῖς καὶ τοῦ μονογενοῦς αὐτοῦ υἱοῦ καὶ Θεοῦ, καὶ ἡ θεία δύναμις τοῦ παναγίου αὐτοῦ Πνεύματος, οὐ τιμωρηθήσεται ἡ συναγωγὴ αὕτη. Συνῆκαν οὖν οἱ πυρινοὶ ἄγγελοι, ὅτι ἡ πρώτη θυγάτηρ αὕτη ἐστὶ τοῦ Θεοῦ, καὶ λέγουσι πρὸς αὐτήν· Κυρία ἡμῶν εἶ σύ, καὶ ἡμεῖς ἐπιστάμεθα ὅτι σὺ εἶ ἡ πρώτη θυ(f. 269 r.)γάτηρ τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, ἡ πάνυ φιλουμένη παρ' αὐτοῦ φρικτὴ καὶ θαυμασιωτάτη Ἐλεημοσύνη, καὶ οἴδαμεν ὅτι πλὴν σοῦ οὐδεὶς πρὸς αὐτὸν κέκτηται παρρησίαν μείζονα ὃς ἡμῖν ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν· καὶ ἰδοὺ σπεύδομεν ποιῆσαι ἐκπληρῶσαί τε τὸ τούτου θέλημα. μὴ οὖν καθ' ἡμῶν χολώ[σ]ῃς, ὦ κυρία ἡμῶν. Ἡ δὲ φησὶ πρὸς αὐτούς· Οὐχί, καὶ γὰρ καὶ αὐτὴ καθαρῶς ἐπίσταμαι καὶ ὑμᾶς πειθομένους καὶ ἐκπληροῦντας τὰ τούτου θεῖα προστάγματα, ἀλλὰ κἀγὼ προσπεσοῦσα τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ ὡραίοις ποσὶ παρεκάλεσα αὐτὸν περὶ τῆς ἀθλίας ταύτης καὶ ταλαιπώρου συναγωγῆς καὶ τὰ ἄχραντα καὶ φιλάνθρωπα σπλάγχνα αὐτοῦ ἔκαμψα πρὸς οἶκτον, καὶ ἐπένευσέ μοι ὁ ἀγαθὸς καὶ πανεύσπλαγχνός μου πατὴρ καὶ Θεὸς προκαταλαβεῖν ὑμᾶς. καὶ δεῦτε ὑποστρέψωμεν πρὸς αὐτόν· Καὶ δὴ ὑποστρέψασα ἡ τοιαύτη συναγωγὴ τῇ κελεύσει αὐτῆς μετὰ καὶ τῶν πυρινῶν ἐκείνων ἀγγέλων, ἔστη σὺν αὐτῇ κατὰ (f. 269 v.) πρόσωπων τοῦ δικαίου κριτοῦ· προσδραμοῦσα οὖν πάλιν ἡ βασιλὶς ἐκείνη καὶ ὄντως ὡραία, προσέπεσε τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ ποσίν, αὕτη δὲ κατησπάσατο αὐτοὺς ἀσπασίως καὶ ἐξαναστᾶσα λέγει πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, Κύριε, οἶδα μὲν ὅτι διὰ τὴν πορνείαν καὶ ἀκαθαρσίαν καὶ πᾶσαν ἄλλην ἀθέμιτον ἐργασίαν τοῦ λαοῦ τῆς ταλαιπώρου συναγωγῆς ταύτης, τῷ δακτύλῳ ταύτην ὑποδεικνύουσα, ἔνοχός ἐστιν εἰς τὴν γέενναν τοῦ πυρός, ὅτι οὐκ ἔφθασεν ἐπιστρέψαι καὶ διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως ἐξιλεώσασθαι τὸ κράτος τῆς βασιλείας σου· διὰ δὲ τὴν ἐλεημοσύνην αὐτῶν καὶ τὴν ἄβυσσον τοῦ ἐλέους σου ἄφες αὐτοῖς δι' ἐμοῦ τὰ παραπτώματα αὐτῶν· ἀκήκοα γὰρ τοῦ ἀχράντου σου στόματος λέγοντος οὑτωσί· Μακάριοι οἱ ἐλεήμονες, ὅτι αὐτοὶ ἐλεηθήσονται. Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἐκείνης ἱκετικῶς λεγούσης καὶ παρισταμένης τῷ Κυρίῳ περὶ αὐτῶν, κἀκείνων

τρεμόντων, ὡσεὶ ὕδωρ θαλά(f. 270 r.)σσης, καὶ τινασσομένων, ὥσπερ φύλλα τῶν δένδρων ὑπὸ βιαίας πνοῆς, ἀπὸ τοῦ φόβου τοῦ δικαίου κριτοῦ καὶ τῆς ἀπειλῆς τῆς κυμαινομένης ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός, συνέθετο Κύριος αὐτῇ τοῦ φείσασθαι αὐτῶν καὶ κατένευσε τῷ στρατηγῷ τῶν ἀγγέλων, καὶ ἐσάλπισε τῇ σάλπιγγι αὐτοῦ, ἥτις ἐξεβόησε ἠχῇ μεγάλῃ λέγουσα πρὸς αὐτούς· Διὰ μὲν τὴν ἐλεημοσύνην ὑμῶν ἐφεισάμην καὶ ἀπηλλοτρίωσα ὑμᾶς τῆς τοῦ ἀσβέστου πυρὸς χαλεπῆς τιμωρίας, διὰ δὲ τὴν πορνείαν καὶ ἀκαθαρσίαν ὑμῶν, ἧς οὐκ ἀπέστητε μέχρι τῆς ἐσχάτης ὑμῶν ἀναπνοῆς, οὐκ εἰσάξω ὑμᾶς εἰς τὴν περικαλλῆ καὶ πανθαύμαστον καὶ ἀνεξιχνίαστον ταύτην πόλιν μου, τὴν ὄντως πεποθημένην κατοικεσίαν, ἣν ἡτοιμασάμην πᾶσι τοῖς ἐκλεκτοῖς μου, οὐδὲ ὄψεσθε τὴν βασιλείαν μου. Καὶ εὐθέως ἐπένευσε τοῖς κατ' ἄρκτον ἑστῶσιν ἀγγέλοις ἑτοιμάσαι τόπον αὐτοῖς εὐπερίγραπτον καὶ κατασκηνῶσαι πάντας παρ' αὐτῷ τῷ τόπῳ πλὴν ἀναγκαίων ἐστερημένους (f. 270 v.), ὃ δὴ καὶ γέγονε. Παραλαβόντες γὰρ αὐτοὺς οἱ ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ ἐπορεύθησαν ἔνθα καὶ προσετάχθησαν, κἀκεῖ αὐτοὺς κατεσκήνωσαν εἰς τόπον μὲν ἀναπαύσεως, πλὴν δὲ τῶν ἀναγκαίων, ὡς εἴρηται, τῆς αἰωνίου ζωῆς ἐστερημένους.

Очнувшись отъ видѣнія (л. 351 r.) Григорій рѣшается записать его, что и дѣлаетъ; затѣмъ идетъ къ Василію (л. 352 v.— 353 v.), причемъ разсказывается объ одномъ чудѣ святого (л. 353 v. — 354 r.), который пространно поучаетъ Григорія, вѣщая ему, что онъ напишетъ его житіе: μέλλεις δὲ καὶ τὸν ἐμὸν ἀναγράψασθαι βίον, τοῦτο γάρ σοι δι' ἐφέσεως οἶδα πέφυκεν ὅτι πλείστης (л. 355 v.).

Совпаденіе съ текстомъ болландистовъ начинается снова лишь съ л. 367 об.: Περιλαβὼν ὁ ὅσιος κατησπάσατό με καὶ φησὶ πρός με· Σώζου, τέκνον μου φίλτατον, σώζου, οὐκέτι γὰρ ὄψει με ἀπὸ τοῦ νῦν ἐν τῷδε τῷ αἰῶνι προσομιλοῦντα. Сл. AASS. l. c. стр. 30, § 53 init. — Кончина святого разсказана л. 368 r. слѣд. такъ-же (= AASS. l. c. стр. 31 § 54) и съ тѣмъ-же хронологическимъ опредѣленіемъ (κατὰ τὴν εἰκοστὴν ἕκτην τοῦ Μαρτίου). Важнѣе слѣдующее: Константинъ, о которомъ раньше говорилось въ житіи святого, хочетъ перенести его прахъ изъ Константинополя

на противоположную восточную сторону, въ пригородъ, въ которомъ находился храмъ во имя пресвятой Богородицы; «ἀλλ' οὐκ εἴασεν αὐτὸν τοῦτο εἰς ἔργον ἀγαγεῖν Ἰωάννης ἐκεῖνος, οὗ πάλαι ἐν τοῖς τοῦ ὁσίου Πατρὸς ἡμῶν μερικοῖς θαύμασιν ἐπεμνημονεύσαμεν, πῶς αὐτὸν τῆς δαιμονικῆς μανίας ἀπήλλαξεν, ἐκ περιεργίας τῆς οἰκείας δούλης αὐτῷ προσγενόμενης. Такъ въ текстѣ болландистовъ (л. 31, § 55), въ которомъ объ этомъ чудѣ ранѣе не было и рѣчи. Это разногласіе повело издателей къ соображенію, будто въ указанномъ мѣстѣ Григорій insinuat alium se librum de mirabilibus hujus sancti sui Patris scripsisse: qui alicubi adhuc fortasse latet, et longe amplior videtur, multaquo continuisse brevitatis studio hic praeterita (l. c. стр. 664 E). Этотъ liber amplior и представляется нашимъ текстомъ, и чудо съ Іоанномъ въ немъ разсказано (сл. выше, стр. 68 слѣд.), такъ что авторъ могъ съ полнымъ правомъ на него сослаться. Сл. въ нашей ркп. л. 370 v.: ἀλλ' οὐκ εἴασεν αὐτοὺς τὸ τοιοῦτον αὐτῶν βούλευμα εἰς ἔργον ἀγαγέσθαι Ἰωάννης ἐκεῖνος, οὗ πάλαι ἀνωτέρω τῶν λόγων ἐν τοῖς τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν μερικοῖς θαύμασιν ἀπομνημονεύσαμεν· ὃν ὁ ὅσιος ἀπὸ τῆς δαιμονικῆς περιεργίας καὶ μάστιγος τῆς αὐτοῦ δουλίδος παραδόξως ἐρρύσατο καὶ ὑγιῆ ἀπεργάσατο. Мы получаемъ, такимъ образомъ, ясное доказательство того, что изданный болландистами текстъ не самостоятеленъ, какъ особая редакція, и его отношенія къ liber amplior, т. е. къ нашему житію, исчерпываются понятіемъ извлеченія и притомъ неискуснаго.

Изъ конца житія, сильно компендированнаго въ текстѣ болландистовъ, сообщимъ лишь подробности о мѣстѣ погребенія святого л. 371 лиц.: λαβὼν τὸ τοῦ ἁγίου λείψανον ἐν ξυλίνῳ λάρνακι μετεκόμισεν αὐτὸ ἐν δόξῃ καὶ δορυφορίᾳ τῇ προσηκούσῃ εἰς τὸ ἑαυτοῦ κατὰ δυσμὰς τῆς θεοφρουρήτου βασιλίδος τῶν πόλεων διακείμενον μοναστήριον πλησίον τῶν ἁγίων μαρτύρων Φλώρου καὶ Λαύρου καὶ τοῦ θείου ναοῦ τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Φιλίππου ὅπερ εἰώθασιν ὀνομάζειν τοῦ Χαρτοφύλακος. Напечатаннаго курсивомъ нѣтъ въ текстѣ болландистовъ (l. c. стр. 31 § 56).

Житіе кончается въ нашей рукописи на л. 378 об. Послѣднія листы 379 лиц.—385 об. заняты поученіемъ Григорія Нисскаго: Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου ἐπισκόπου Νύσσης ὅτι οὐ δεῖ πέρα τοῦ δέοντος ἀσκεῖν τὴν ἐγκράτειαν καὶ ὅτι ὁμοίως ἐναντιοῦται τῇ ψυχῇ πρὸς τελείωσιν ἥ τε πολυσαρκία τοῦ σώματος καὶ ἡ ἄμετρος κακοπαθία.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Сообщая извлеченія изъ житія Василія по синод. списку № 249, мы имѣли главнымъ образомъ въ виду указать на его отношенія къ тексту болландистовъ. Иначе представляются отношенія № 249 къ № 250 той-же библіотеки. Я коснулся ихъ въ моемъ изслѣдованіи (XII глава), и онѣ лучше всего выяснятся сличеніемъ одного и того-же отрывка по двумъ версіямъ. Беремъ его изъ начала житія.

№ 249.	№ 250.
(f. 2 r.) Βίος καὶ πολιτεία καὶ μερικὴ θαυμάτων διήγησις τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου τοῦ Νεοῦ, συγγραφεῖσα παρὰ τοῦ μαθητοῦ αὐτοῦ Γρηγορίου. Δέσποτα εὐλόγησον.	(f. 1 r.) Βίος καὶ πολιτία τοῦ ὁσίου ται καὶ Θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου τοῦ Νέου καὶ ὀπτασίας διήγησις πανοφέλημος.
1. Ὁ θειότατος καὶ προφητικώτατος Δαβὶδ ἔλεξε φάσκων· Ἐἰς μνημόσυνον αἰώνιον ἔσται δίκαιος ὑποφαίνων ὡς ἀνεξάλειπτα τὰ σήμαντρα τῆς ἀρετῆς τῶν δικαίων εἰς τὸ διηνεκὲς τυγχάνουσι. καὶ Σολομὼν δὲ ὁ σοφώτατος παραπλήσια τῷ γεγεννηκότι ἀπεφθέγ-	1. Τῆς ἀκαταλήπτου Θεοῦ περὶ τὸ βρότειον γένος ὑπεραγάθου φιλανθρωπίας καὶ ἀγαθότητος σοφῶς καὶ βαθέως οἰκονομούσης καὶ φανερούσης πάντα τὰ πρὸς σωτηρίαν ψυχῆς ὁδηγοῦντα καὶ εἰς καταφρόνησιν μὲν τῶν γηΐνων καὶ ῥευστῶν, ἔφεσιν δὲ τῶν αἰωνίων

ξατο λέγων· Μνήμη δικαίου μετ' ἐγκωμίων ἀξιογέραστα κρίναντες καὶ ἐπάξια τιμῆς καὶ ἐπαίνου τὰ τῶν ἁγίων μνημόσυνα. Ἀλλ' οὗτοι μὲν ὡς χρησμωδοὶ Κυρίου καὶ θεῖοι ὑποφῆται οὕτως σοφῶς καὶ θεοπρεπῶς ἀπεφθέγξαντο, ἐγὼ δὲ ὁ μηδενὸς λό(f. 2 v.)γου ἐπάξιος, ἡ ἀμυδρὰ σταγὼν, ἡ κατάξηρος πηγὴ, ὁ βορβορώδης λάκκος, ὁ καὶ τοῦ ζῆν ἀνάξιος καὶ τοῦ λέγειν μεγίστου καὶ τηλικούτου πατρὸς τηλικαῦτα τεράστια καὶ θαυμάσια μέλλων διηγήσασθαι, ἀπορῶ τί εἴπω καὶ τί λαλήσω καὶ πῶς τοιαῦτα μεθοδεύσομαι ὡς ἂν ἰσχύσω καταπόδας κἂν φθάσαι τοῦ διηγήματος καὶ μὴ παντάπασιν ἔξω πεσεῖν ἐν τῷ διηγεῖσθαι τὰ τοῦδε τοῦ ἁγίου τερατουργήματα. Βούλομαι τοίνυν σιωπᾶν, ἀλλὰ πτοοῦμαι τὴν κατάκρισιν τοῦ Κυρίου μου, ὅτι τὸ τάλαντον, ὅπερ μοι ἐνεχείρισεν ὡς γνησίῳ οἰκέτῃ, εἰ μὴ παράθωμαι τοῖς τραπεζίταις, πονηρά μοι ἀνταποδοθήσεται, εἰ δὲ λέγειν αὖθις ἀπάρξομαι, δέδια ὡς μηδενὸς λόγου πέλων ἄξιος, μήπως καὶ μομφὴν εἰσδέξομαι παρὰ τῶν συνετῶν· εἰ γὰρ, ὡς φησὶν ὁ Σολομὼν, τοὺς σοφοὺς καὶ συν(f. 3 r.)ετοὺς φαύλους καλοῦσι τινὲς τῶν ἀνθρώπων, ἐμοὶ τῷ πεφαυλισμένῳ τί παρ' αὐτῶν οὐ

καὶ μακαρίων ἀγαθῶν ἡμᾶς ἐνάγοντα κατὰ διαφόρους καιροὺς διὰ τῶν οἰκείων αὐτοῦ θεραπόντων, ἀνέδειξεν ἐν τοῖς ἐσχάτοις τούτοις καιροῖς παρὰ τῇδε τῇ βασιλίδι τῶν πόλεων καὶ Νέᾳ Ῥώμῃ, τῇ Κωνσταντίνου φημί· καὶ τανῦν ἡμῖν εἰς ὑπόθεσιν λόγου προστεθείμενον θεόφορον πατέρα ἡμῶν καὶ μέγαν ἐν (f. 1 v.) ἀρεταῖς καὶ περιβόητον ἐν θαύμασιν ὁσιώτατος Βασίλειος ὃς ὅθεν τε ὥρμητο καὶ

ῥηθήσεται; ὅμως μέντον συγγινωσκέτω πᾶσα ψυχὴ θεοφιλὴς καὶ τῆς ἀγροικίας καὶ τῆς ἀφελείας, καὶ τοῖς λέγειν ἐπιχειροῦσι Κύριος δώῃ τὸν μισθόν. Ἐντεῦθεν δὲ τῆς διηγήσεως ἄρξομαι ταῖς ὑμετέραις εὐχαῖς ἐρειδόμενος, ἐπεὶ καὶ Θεῷ φίλον τὸ κατὰ δύναμιν, ἄλλως τε οὐδὲ πάντα λέγειν μοι τὰ ἐκείνου δυνατόν· οὐδὲ γὰρ ἀγγέλων ἴσως τοῦτο ἐστίν, οὔτε μὴν ἀποστόλων, ὡς φησὶ ὁ διαπρύσιος Παῦλος, ἐκ μέρους γινώσκομεν καὶ ἐκ μέρους προφητεύομεν. Τὰ μὲν περὶ τῆς γεννήσεως αὐτοῦ

2. ὅθεν τὲ ἔφυ γεννητόρων καὶ ἐν οἷς ἀνατέθραπτο, ὅπως τὲ γέγονε μοναχὸς λέγειν οὐκ ἔχω· οὔτε γὰρ αὐτὸς ἔτι τῷ βίῳ περιὼν δῆλον ἑαυτὸν τινὶ πεποίηκεν, ὁ τούτου χάριν μόνος οἶδεν ὁ τοῦτον ἡμῖν γνωρίσας Κύριος, ἀλλ' οὐδὲ ἕτερον τινὰ ἠδυνήθην ἐφευρεῖν τῶν (f. 3 v.) πρὸ ἡμῶν τὰ κατὰ τὸν ἅγιον μεμαθηκότων σαφηνίσαι μοί τι περὶ τούτου.

2. οἵων ἔφυ τῶν γεννητόρων, οὔτ' αὐτὸς ἔτι τῷ βίῳ περιὼν δῆλον τινὶ πεποίηκεν, ὅτου χάριν μόνος οἶδεν ὁ τοῦτον ἡμῖν γνωρήσας Κύριος, οὐθ' ἡμῖν ἄλλος ἀπὸ τῶν πρὸς αὐτοῦ ἢ μετ' αὐτὸν παρέδωκεν ἡμῖν,

Πλὴν ὃ ἀκριβῶς οἶδα λέξω καὶ ἅπερ μέμνημαι διηγήσομαι ὑμῖν, πρὸς γὰρ τὰ τελευταῖα αὐτοῦ ἐπέγνων κἀγὼ αὐτόν, κἀκεῖνος τὲ πάντα τὸν χρόνον τῆς ζωῆς αὐτοῦ ἐσπούδαζε λανθάνειν, πάντας ἀνθρώπους πλουτίσας κἀντεῦθεν

ταπείνωσιν. Ὅμως εἰς ὅσον ἔκρυβεν ἑαυτὸν καὶ μέχρι πόσου ἔσπευδε λανθάνειν τὰ περὶ αὐτοῦ, καίτοιγε πολλαῖς ἀνάγκαις ἕνεκα τούτου ὑποβληθεὶς ἐν τοῖς ἑξῆς δηλωθήσεται. Καὶ δὴ ἀρκτέον τῆς διηγήσεως.

Βασίλειος ὁ βασιλεύς, ᾧ τὸ ἐπίκλην Μακεδών, τέσσαρες ἔσχεν υἱούς· Κωνσταντῖνον, Λέοντα, Στέφανον καὶ Ἀλέξανδρον. Καὶ ὁ μὲν Κωνσταντῖνος κομιδῇ νέος ὢν ὑπεξῆλθε τὸν βίον, Στέφανος δὲ προχειρίζεται ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντίνου πόλεως, πάσῃ ἀρετῇ καταστραπτόμενος, συνεχεῖς (f. 4 r.) δὲ τοὺς ποτοὺς παρὰ τῶν ἰατρῶν δεχόμενος διὰ τὸ ἱκανῶς ψυχρᾶναι τὸν στόμαχον αὐτοῦ τῆς πυρκαϊᾶς ἕνεκεν τῆς ἐκ νεότητος παρενοχλούσης αὐτόν, καὶ τοῦδε εἰς νόσον πεσὼν ἐν συντόμῳ τέλει τοῦ βίου ἐχρήσατο. Τελευτήσαντος δὲ Βασιλείου τοῦ πατρὸς αὐτοῦ, ὃς καὶ τελευτῶν ἔφασκε περὶ Μιχαὴλ τοῦ βασιλέως, ὃν ἀνηρήκει καὶ κατέσχε τὰ σκῆπτρα αὐτοῦ· Θεωρῶ, φησί, Μιχαὴλ τὸν βασιλέα πρὸ τῶν ὀφθαλμῶν μου ἑστῶτα καὶ λέγοντά μοι· Τί σοι ἔπραξα ἢ τί σε ἠδίκησα, ὅτι οὕτως ἀνηλεῶς ἐπέβης μου καὶ ἀπέκτεινάς με; Καὶ ἐπὶ τούτοις ἐξαγορεύων ὑπεξῆλθε τὸν βίον, κατα-

λιπὼν Λέοντα καὶ Ἀλέξανδρον τοὺς υἱοὺς αὐτοῦ ἐπὶ τῆς βασιλείας αὐτοῦ.

3. Τῷ δεκάτῳ οὖν ἔτει τῆς αὐτοκρατορείας Λέοντος καὶ Ἀλεξάνδρου τῶν βασιλέων μαγιστριανῶν τινῶν ἀναστρεφομένων διὰ τῆς Ἀσιάτιδος χώρας προστάξει βασι-(f. 4 v.)λικῇ περί τινων ὑποθέσεων, κατέλαβον ἐν ὄρει τινὶ δυσβάτῳ διερχόμενοι τὸν πανοσιώτατον πατέρα ἡμῶν Βασίλειον περιιόντα καὶ τοῦτον κατάσκοπον ὑποτοπάσαντες εἶναι ὀξέοις ποσὶ καταπηδήσαντα τοῦτον συνέσχον. Ὁρῶντες οὖν τὸ ξένον τοῦ ἤθους καὶ τοῦ σχήματος αὐτοῦ, ἐπηρώτων αὐτὸν λέγοντες· Τίς εἶ καὶ πῶς ἐνταῦθα διατρίβεις; Ὁ δὲ οὐδὲν αὐτοῖς ἀπεκρίνατο· ὅθεν θυμωθέντες δέσμιον αὐτὸν πρὸς τὴν βασιλεύουσαν ἤγαγον. Παραστάντες οὖν Λέοντι καὶ Ἀλεξάνδρῳ τοῖς τὰ σκῆπτρα τῆς βασιλείας κατέχουσιν αὐταδέλφοις καὶ περὶ ὧν ἀπεστάλησαν διαλεχθέντες, δῆλα αὐτοῖς καὶ τὰ κατὰ τὸν ὅσιον πεποιήκασιν. Οὕτω γὰρ εἰσήχθη πρὸς τὴν βασιλεύουσαν ὁ ἅγιος, καθὼς ἠξιωθεῖν παρὰ τῶν ἀξιοπίστων ἀνδρῶν· οἱ καὶ πα-

3. ὅτι κατὰ τοὺς καιροὺς τῆς βασιλείας τῶν υἱῶν τοῦ μεγάλου βασιλέως κυροῦ Βασιλείου τοῦ Μακεδόνος, Λέοντος φημὶ καὶ Αλεξάνδρου, τῷ δεκάτῳ ἔτει τῆς βασιλείας αὐτῶν ἀπεστάλησαν μαγιστριανοὶ τινὲς εἰς τὴν Ἀσιάτιδα χώραν προστάξει βασιλικῇ περί τινων ὑποθέσεων, οἱ καὶ κατέλαβον διερχόμενοι ἐν ὄρει τινὶ δυσβάτῳ τὸν αὐτὸν ὁσιώτατον Βασίλειον καὶ δηλάτορα τοῦτον τυγχάνειν ὑπότοπάσαντες κατέσχοντες αὐ(f. 2 r.)τὸν ὀξέως αὐτοὺς φεύγοντα, καὶ πρὸς τὴν βασιλεύουσαν δεσμώτην ἐκεῖθεν εἰσήγαγον, ἐμφανισθέντες δὲ τοίνυν τῷ βασιλεῖ Λέοντι καὶ περὶ ὧν ἀπεστάλησαν ἀπολογούμενοι, δῆλα τούτῳ τὰ κατὰ τὸν ὅσιον πεποήκασι. καὶ ὃς παρευθὺς προσέταξε τῷ παρακοιμωμένῳ αὐτοῦ Σαμωνᾶ τοὔνομα, καὶ ἐξ Ἀγαρηνῶν μὲν καταγομένῳ, τῷ τῶν πατρικίων δὲ ἀξιώματι τῷ τότε τιμημένῳ τὰ κατὰ τὸν ἅγιον ἐξετάσαι καὶ μαθεῖν τίς τε ἐστὶν καὶ ὅθεν ὥρμητο καὶ οἷον ἔχει

ρευθὺς προστάττουσι τῷ παρακοιμωμένῳ αὐτῶν τοὔνομα Σαμωνᾶ, ἐξ Ἀγαρη(f. 5 r.)νῶν μεν καταγομένῳ τὸ γένος, τῷ τῶν πατρικίων δὲ ἀξιώματι τιμωμένῳ καὶ μέγιστα τῷ τότε παρ᾽ αὐτοῖς δυναμένῳ τὰ κατὰ τὸν ἅγιον ἐξετάσαι, τίς ἔστι καὶ ὅθεν ὅρμηται καὶ τί τὸ ὄνομα καὶ ἐπιτήδευμα αὐτοῦ. Ὁ δὲ Σαμωνᾶς ἀπελθὼν εἰς τὸν λεγόμενον Νέον Οἶκον καὶ προκαθίσας σὺν πάσῃ τῇ ἑαυτοῦ φαντασίᾳ· ἦν γὰρ νεωτερίζων καὶ γεγαυρωμένος ἐν πλήθει πλούτου· κελεύει παραστῆναι κατὰ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ τὸν μακάριον. Ὅς δε παραστὰς οὐκ ἀπένειμεν αὐτῷ τὴν προσήκουσαν τιμὴν τῆς προσκυνήσεως, καθὼς ἔθος ἐστι ποιεῖν πάντας τοὺς εἰσαγομένους πρὸς ἄρχοντας καὶ δυναστὰς.

τὸ ἐπιτήδευμα. **Καὶ ὁ Σαμωνᾶς προσκαθίσας ἐν τῷ λεγομένῳ Νέῳ Οἴκῳ καὶ τὸν ἅγιον μετ᾽ ἐκπλήξεως καὶ φαντασίας παραστησάμενος, προσεδόκα προσκυνηθῆναι ὑπ᾽ αὐτοῦ, καθὼς ἐστὶν ἔθος ποιεῖν πάντας τοὺς πρὸς ἄρχοντας καὶ δυναστὰς εἰςαγομένους.**

Къ стр. 5, строка 18 сверху: Νέος οἶκος — можетъ быть, Νέον Παλάτιον, весьма извѣстная, по Прокопію, постройка Юстиньяна, иначе παλάτιον τοῦ Ὁρμίσδου. Это мѣсто, сосѣднее съ церковью Сергія и Вакха, извѣстно точно, сообщаетъ мнѣ проф. Кондаковъ: расположено по морскому берегу, подъ склонами, идущими на югъ отъ Ипподрома, и имѣетъ справа ворота Карейскія въ стѣнѣ Большаго Дворца, слѣва Юліанову гавань.

Къ стр. 8. Чудо съ шинкаремъ, разсказанное въ AASS. стр. 27, §§ 35, 36, встрѣчается и въ житіи Симеона Юродиваго (сл.

Surius, Historiae seu vitae sanctorum, Julii, § 28), но разсказу данъ другой оборотъ. Aliquando vero is qui dabat lupinos in caupona, illum accepit, ut sibi inserviret. Erat autem caupo immitis, adeo ut ei saepe ne cibum quidem daret, etiamsi multa venderet propter Salum. Tamquam vero qui essent rei novitate suspensi, cives dicebant inter se invicem: Eamus, bibamus, ubi est Salus. Ingressus est autem aliquando serpens et ex una urna bibit vinum, et in eo virus suum effudit et abiit. Non erat autem intus Abbas Simeon, sed foris ad tympani strepitum saltabat una cum popularibus. Cum autem ingressus esset Sanctus, videt urnam, cui inscriptum erat, ita tamen, ut non posset videri, Mors. Statim ergo intellexit, quidnam ei factum fuerat: sublatoque ligno eam confregit, ita ut erat plena. Ejus autem dominus ex ipsius manu tollens baculum, ei incussit, donec illum debilitaret et fugaret. Die vero sequenti venit et post ostium delituit Abbas Symeon. Ecce autem serpens rursus venit potum. Cumque eum vidisset caupo, cepit idem lignum, volens eum occidere. Cum vero aberrasset, percussit et fregit omnes urnas et omnia pocula. Tunc ingressus est Salus et dixit ei: Quid est stulte? Ecce non sum ego Salus, cave. Tunc ergo cognovit caupo eum propterea fregisse urnam. Fuit aedificatus et eum habuit pro sancto. — Сл. соотвѣтствующее чудо св. Василія, ркп. л. 47 об.: Καθαροπότης δέ τις φίλος τοῦ ἁγίου ὁρῶν τὸ ἐργαστήριον αὐτοῦ εἰς τοὐπίσω ἀναποδίζον, ἐβουλεύσατο προσελθεῖν τῷ ἁγίῳ· τῇ οὖν ἐπαύριον ἀναστὰς ἐπορεύθη πρὸς τὸν ὅσιον καὶ ἐδυσώπει αὐτὸν ἅμα αὐτῷ ἀφικέσθαι εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ· ὁ δὲ εἴξας τῇ παρακλήσει αὐτοῦ ἐπορεύθη μετ' αὐτοῦ· τῇ ἡμέρᾳ οὖν ἐκείνῃ ἐξένισε φιλοφρόνως εἰς ἑστίασιν καὶ πένητας· τῇ δὲ ἐπαύρι(f. 48 r.)ον πρωΐας λέγει πρὸς τὸν μακάριον· Καταξιωσάτω, πατέρ, ἡ σὴ ἁγιωσύνη σκυλῆναι καὶ εἰς τὴν πενιχρὰν τοῦ παιδός σου ἀποθήκην, ὅπως εὐλογήσῃς καὶ τὰ ἀγγεῖα σὺν τῷ οἴνῳ· ὁ δὲ μακάριος φησὶ πρὸς αὐτόν· Πορευθῶμεν, τέκνον, ἔνθα κελεύεις. Παραγεγονότων τοιγαροῦν ἐπὶ τὴν ἀποθήκην, ὑπεδείκνυε τῷ ἁγίῳ ὁ ἄνθρωπος τοὺς πίθους αὐτοῦ καὶ παρεκάλει εὐλογῆσαι αὐτούς. Ἦσαν δὲ καί τινες τῶν ἰδίων τοῦ ἀνδρὸς διὰ τὸν ὅσιον ἐκεῖσε

παραγεγονότες· ὅτε οὖν πάντα τὰ ἀγγεῖα ὁ ἅγιος εὐλόγησε, ἐλθὼν ἐπὶ ἓν τῶν ἀγγείων ὡσεὶ πεντεκαίδεκα μετρητὰς χοροῦν, λέγει τῷ καθαροπότῃ· Ὄντως, φίλε, πάντα μὲν τὰ προσόντα σοι ἀγγεῖα ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Χριστοῦ μου εὐλόγησα, τοῦτο δὲ τὸ ἀγγεῖον συντρίψαι ἔχω· ὁ δὲ λέγει· Μὴ, πατέρ ἅγιε, μὴ συντρίψῃς τοῦτο, ἀλλὰ μᾶλλον εὐλόγησον καὶ αὐτό, ὅπως ὁ Θεὸς καὶ ἡ εὐχή σου εὐοδώσῃ μοι, ἐπεὶ εἰς τὸ κατόπιν ὁρῶ τὸν βίον μου καταντῶντα καὶ πτοοῦμαι μή πο(f. 48 v.)τε εἰς παντελῆ πενίαν φθάσω· καὶ γὰρ πᾶσα μου ἡ πραγματεία ἀλλότριον χρυσίον ἐστὶν ὑπὸ τόκου μοι θησαυρισμένον· πρόσθες οὖν μᾶλλον ἐκ τοῦ ἐλέους τοῦ δεδομένου σοι ὑπὸ Θεοῦ. Λέγει πρὸς αὐτὸν ὁ μακάριος· Ἐγὼ εἰς τοῦτο ἐλήλυθα ἵνα συντρίψω αὐτὸ καὶ ἵνα ἀπὸ μεγάλου κινδύνου λυτρώσω σε. Κἀκεῖνος φησί· Μὴ, τίμιος πατέρ, ἐμὲ θραῦσον καὶ τὴν κεφαλήν μου σύντριψον, μόνον τοῦτο μὴ θραύσῃς. Καὶ ὡς ταῦτα ἐκεῖνος παρεκάλει, εὑρὼν ἐκεῖσε ὁ ὅσιος ῥόπαλον παχὺν καὶ ἄρας τοῦτον καὶ ἐφ' ὕψους ἀπαιωρήσας καὶ καταγαγὼν, ἐπάταξε τὸ ἄγγος ὅπερ ἦν ἀνάπλεων τοῦ οἴνου, διαρραγὲν δὲ ἐξέχυσε τὸν οἶνον, ἄνωθεν γὰρ τῆς γῆς ἵστατο· θεασάμενος οὖν τὸ γεγονὸς ὁ καθαροπότης καὶ πάντες οἱ παρόντες ἐκεῖσε, ἠθύμησαν σφόδρα ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν, μέμψεις τινὰς ἔνδοθεν κατὰ τοῦ δικαίου φέροντες· γνοὺς δὲ τῷ πνεύματι ὁ ὅσιος ὅτι ἐβαρύνθησαν ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν, ἀπογυμνοῖ (f. 49 r.) λοιπὸν αὐτοῖς τὴν αἰτίαν, δι' ἣν τὸ ἄγγος συνέτριψεν, καὶ ἄρας κάλαμον ἐκεῖσέ που κείμενον, ἐνέβαλε τοῦτον τῷ πυθμένι τοῦ συντριβέντος ἄγγους καὶ πάντων ὁρώντων ἐκφέρει ἐκεῖθεν ὄφιν τριῶν πήχεων τὸ μῆκος, ἐξογκωθέντα ἐκ τῆς σήψεως καὶ δυσωδίαν κεκτημένον ἀφόρητον. Καὶ φησὶ πρὸς αὐτούς· Ἵνα τί μου, ὦ τέκνα, καταμέμφεσθε ἐν ταῖς καρδίαις ὑμῶν ὡς ἐναντίον τι πράξαντι ἐν ὑμῖν; θέασασθε ὧδε. Καὶ ἐπεδείκνυεν αὐτοῖς τὸν ὄφιν λέγων· Πόσοι ἂν πιόντες ἀπὸ τοῦ οἴνου τούτου ἐτελεύτησαν, καὶ ἔμελλεν οὗτος ὁ ταλαίπωρος εἰς περίστασιν καὶ εἰς πειρασμοὺς ἕλκεσθαι. ἆρα οὖν εὐάρεστον τοῦτο ἐδόκει ὑμῖν; Ταῦτα εἰρηκὼς ἔρριψε χαμαὶ τὸν ὄφιν σὺν τῷ καλάμῳ καὶ ἐξελθὼν ἔξω τῆς ἀποθήκης ἐκαθέσθη.

Къ стр. 33, строка 18 сверху: ркп. χιτώνιον κονσηποοι. Вѣроятно: κοντοποδῆ или κονδοποδῆ: кротополіе; надо-бы: κοντοποδὲς.

Къ стр. 42, стр. 4 сверху: ркп.: ὅς ἔτι παρῆ.

Стр. 57, 62, 63. О братьяхъ-евнухахъ Гонгилліяхъ, Константинѣ и Анастасіи, говорятъ византійскіе лѣтописцы въ связи съ Константиномъ аккубиторомъ. Сл. Theoph. Continuat. (ed. Bonn, p. 386): Зоя περικρατὴς γενομένη τῆς βασιλείας ἀναβιβάζει εἰς τὸν παλάτιον Κωνσταντῖνον παρακοιμώμενον καὶ Κωνσταντῖνον καὶ Ἀναστάσιον αὐταδέλφους τοὺς Γογγυλίους λεγομένους. Тоже у Sym. Mag. l. c. p. 721; Georg. Mon. ib. p. 878; Hamartolus ed. Muralt p. 803, 808; 813. Сл. Leo Diac., ed. Bonn. p. 7: ἀνανδρίᾳ καὶ ἀπειρίᾳ τοῦ στρατηγοῦ, τομίου θαλαμηπόλου τελοῦντος, καὶ ἀνδραρίου σκιατροφοῦς ἐκ τῆς τῶν Παφλαγόνων ὡρμημένου (Κωνσταντῖνος ὄνομα τούτῳ, Γογγύλης ἐπίκλησις).... ἅπασα ἡ λεχθεῖσα στρατιὰ.... κατεκόπη. — Константинъ Варваръ житія, оказывается родичемъ этихъ евнуховъ. Левъ Дьяконъ называетъ одного изъ нихъ, Константина, пафлагонцемъ; въ житіи разсказывается, что когда Василій находился въ домѣ у обоихъ братьевъ, къ нему явился съ семьей турмархъ τῆς χῶρας τῶν Παφλαγόνων.

Къ стр. 58: τουρμάχης вм. τουρμάρχης (народно-этимологическая связь съ μάχη).

Къ стр. 63, 3 строка снизу: ἀσυλλογη = συλλογὴ ἀσυλλόγιστος?

Къ стр. 65 слѣд. Разсказъ о походѣ русскихъ на Византію въ 941 году встрѣчается у Симеона Логоѳета, Льва Грамматика, Георгія мниха, Кедрина, Зонары, у продолжателей Ѳеофана и Амартола, Льва Діакона и Ліутпранда (Antapod. V, 15 у Pertz,

III, 331). Привожу разсказъ продолжателя Амартола [1]): «Въ 11-й день мѣсяца іюня приплыли противъ Константинополя россы на десяти тысячахъ кораблей. Посланъ былъ противъ нихъ съ тріирами и дромонами, какія случились въ городѣ, патрицій Өеофанъ, соучастникъ царя въ правленіи и протовестіарій. Онъ, упорядочивъ и устроивъ флотъ, а наипаче себя самого убѣливъ постомъ и слезами, выступилъ противъ россовъ съ тѣмъ, чтобы дать имъ морское сраженіе. Когда россы приняли вызовъ и были вблизи Фароса (господствующаго надъ устьемъ Евксинскаго понта), то въ такъ-называемомъ Іеро Өеофанъ напалъ на нихъ съ хладнокровнымъ мужествомъ. Врѣзавшись первый въ среду ихъ на собственномъ дромонѣ, Өеофанъ разорвалъ строй русскихъ кораблей и большую часть ихъ сжегъ искусственнымъ огнемъ, а остальные обратилъ въ бѣгство. Вслѣдъ за нимъ подоспѣли и прочіе дромоны и тріиры и довершили пораженіе россовъ и многихъ потопили вмѣстѣ съ кораблями, иныхъ ранили, а бóльшую часть взяли въ плѣнъ живыми. Уцѣлѣвшіе отъ погибели россы отплываютъ къ берегамъ Анатоліи въ такъ-называемые Сгоры. Въ догоню за россами былъ посланъ сухимъ путемъ Варда Фока съ отборными всадниками. И такъ какъ россы отдѣлили отъ себя не малый отрядъ въ предѣлы виөинскіе для добыванія себѣ пищи и другого продовольствія, то на этотъ-то отрядъ и напалъ вышеупомянутый Варда Фока и разбивъ его на голову обратилъ въ бѣгство и перебилъ россовъ. Подоспѣлъ тутъ-же и Іоаннъ магистръ и доместикъ школъ Крокой и по частямъ разбивалъ русскіе отряды, то тамъ, то здѣсь, такъ что уцѣлѣвшимъ россамъ не оставалось ничего болѣе какъ окончательно засѣсть на свои корабли и нигдѣ не смѣть высаживаться. Но много величайшихъ бѣдъ натворили россы прежде чѣмъ подоспѣло римское войско. Они выжгли все такъ-называемое Στενόν, а плѣнниковъ иныхъ распинали, иныхъ пригвождали къ землѣ,

[1]) См. Терновскій, Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, I, стр. 115—117.

и иныхъ поставивши какъ цѣль, разстрѣливали изъ луковъ. А если брали въ плѣнъ кого-либо изъ священнаго сана, то связавъ руки назадъ, пронзали плѣнникамъ сквозь голову желѣзный шестъ; много также и св. храмовъ россы предали огню. Когда же настала зима, и россы стали нуждаться въ пищѣ, то, боясь приближающагося войска, а еще болѣе мореходныхъ тріиръ, рѣшились отплыть во свояси, и стараясь уйти незамѣченными отъ греческаго флота, (въ сентябрѣ 15 индиктіона) направились къ берегамъ Ѳракіи, но были перехвачены на пути вышеупомянутымъ патриціемъ Ѳеофаномъ (ибо не укрылись отъ его бодрственной и благородной души). И вотъ начинается второе морское сраженіе: много россихъ кораблей потопилъ въ глубинѣ, много россовъ перебилъ Ѳеофанъ, а остатки россовъ съ кораблями уцѣлѣли, прижавшись къ крутому килійскому берегу, и съ наступленіемъ ночи бѣжали. А Ѳеофанъ патрицій возвратился съ славною побѣдою и множествомъ трофеевъ и былъ принятъ почетно и великолѣпно и почтенъ саномъ паракимомена».

Русскіе хронографы передаютъ объ этомъ событіи, либо слѣдуя вполнѣ разсказу продолжателя Амартола, либо смѣшивая съ нимъ разсказъ Нестора [1]).

Въ лѣто 6449. Иде Игорь на Греки, яко послаша Болгаре вѣсть ко царю, яко идуть Русь на Царьградъ, скѣдий 10 тысящь. Иже придоша и приплоуша и начаша воевати Вифиньскіа страны, и воеваху по Понту до Ираклиа и до Фафлагоньской земли, и всю страну Никомидейскую поплѣнивше, и Судъ весь пожьгоша; ихже емше овѣхъ растинаху, другия аки стрень поставляюще и стрѣляху въ ня, изимахуть, опаки рупѣ съвязывахуть, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахоуть имъ; много же святыхъ церквий огневи предаша, монастырѣ и села пожьгоша, и имѣнья немало [отъ] обою страну взяша. Потомъ же пришедъшемъ воемъ отъ востока, Панфиръ деместикъ съ 40-ми тысящь, Фока же патрекий съ макидоны, Фѣдоръ же стратилатъ съ Фраки, с

---

[1]) Ср. I. с. 117—118, прим. 3.

ними же и сановници боярьстии, обидоша Русь около. Съвѣщаша Русь, изидоша въоруживщеся на Греки, и брани межю ими бывши зьли, одва одолѣша Грьци, Русь же възратишася къ дъружинѣ своей къ вечеру [и] на ночь влѣзоша в лодьи и отбѣгоша. Феофанъ же сусрѣте я въ олядехъ съ огнемъ, и пущати нача трубами и огнь на лодьѣ Руския, и бысть видѣти страшно чюдо. Русь же видящи пламянь, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрести; и тако прочии възвратишася въ свояси. Тѣмъ же пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и о лядьнемъ огни: якоже молонья, рече, иже на небесѣхъ, Грьци имуть у собе, и се пущающе жежагаху насъ, сего ради не одолѣхомъ имъ [1]).

Упомянутыя въ нашей лѣтописи имена полководцевъ: Фоки, Панфира и Ѳеодора встрѣчаются и въ разсказѣ о походѣ россовъ въ 941 г., включенномъ въ формѣ видѣнія, въ полное житіе Василія Новаго.

Старикъ священникъ Ѳеофанъ негодуетъ на беззаконія ромеевъ и ждетъ, что Божія кара постигнетъ ихъ отъ руки угровъ. Вопросъ одного изъ собесѣдниковъ побуждаетъ его высказаться.

«Однажды, когда всѣ сидѣли вмѣстѣ со мною смиреннымъ, святой и его хозяева и означенный старецъ, одинъ изъ нихъ обратился къ нему со словами: Повѣдай намъ, пресвятой отецъ, почему эти поганые народы, ополчающіеся на насъ, христіянъ, выступая, подобно вихрю, постоянно благополучно приходятъ и раззоряютъ западныя области? Сказалъ ему праведный старецъ: Если ты во истину желаешь узнать, чадо, почему они благополучно приходятъ, да будетъ тебѣ вѣдомо, что за грѣхи наши послалъ Господь этотъ народъ, и онъ благополучно приходитъ, поражая насъ въ голову, какъ сухожильемъ. Ибо грѣхъ—ужасное дѣло. Развѣ не знаешь ты, что Господь послалъ Іисуса, сына Навина, дабы онъ разрушилъ многіе и крѣпкіе города и предалъ

---

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изд. Археограф. Коммиссіи, СПБ. 1872, стр. 43—44.

смерти ихъ царей, собравшихся на рать противъ Израиля? Господь вознегодовалъ на нихъ за ихъ прегрѣшенія и предалъ ихъ въ руки израильтянъ, а они умертвили ихъ всѣхъ остріемъ меча, уничтожили въ конецъ, а земли ихъ подѣлили по жребію. Пойми теперь, что вслѣдствіе этого и насылаются на страны враги, дабы истребить живущихъ въ нихъ за ихъ прегрѣшенія.

«Когда тотъ священный старецъ такъ отвѣтилъ вопросившему его, иже во святыхъ отецъ нашъ Василій, вмѣшавшись, сказалъ: Вотъ я вижу, что сегодня въ этотъ часъ, поганые угры, пытавшіеся перебраться черезъ Дунай, утонули въ его струяхъ, немногіе же, оставшіеся отъ нихъ по устроенію Божію, возвратились въ свою землю ничего не совершивъ, а насъ Господь спасъ отъ ихъ руки по своему милосердію. — Когда всѣ мы, тамъ присутствовавшіе, удивлялись пророчеству святого и размышляли про себя, воистину ли такъ все обстоитъ и случилось касательно ихъ, какъ объявилъ святой, и стремились узнать и удостовѣриться въ словахъ, сказанныхъ св. Василіемъ, не прошло четырехъ дней, какъ пришло въ столицу донесеніе стратига Македоніи, достовѣрно докладывавшее и свидѣтельствовавшее объ уграхъ, что все такъ приключилось, какъ предсказалъ святой. Изъ этого можно усмотрѣть, сколько, далеко или близко, видятъ мысленными очами люди просвѣтленные Святымъ Духомъ, служители Господа: находясь въ Константинополѣ святой прозрѣлъ совершавшееся въ Уграхъ, будто былъ тамъ лично.

«Пришедшу мнѣ въ другой разъ къ блаженному и сотворившу по обычаю поклонъ и принявшу отъ него благословеніе и обратившуся мнѣ, чтобы сѣсть по близости его, по обыкновенію, предстоящу множеству достойныхъ людей, а святому поучающу и наставляющу всѣхъ къ пользѣ души и спасенію — внезапно воззрѣвъ, онъ рекъ мнѣ: Знаешь-ли, чадо Григоріе, что имѣетъ приключиться съ царствомъ ромеевъ въ четырехъ-мѣсячный срокъ? Я же говорю ему: Не знаю, господинъ мой. Онъ сказалъ: варварскій народъ придетъ сюда на насъ свирѣпо, называемый Росъ и Огъ и Могъ. Я говорю ему: Господине мой, господине,

неужели онъ возьметъ градъ сей? Онъ сказалъ: Матерь Господа нашего Іисуса Христа не попуститъ, чтобы этотъ градъ попалъ въ руки ея враговъ, ибо онъ данъ Господомъ ей въ удѣлъ, и она съумѣетъ защитить его[1]). А тотъ народъ придетъ попущеніемъ Божіимъ за наши грѣхи и опустошитъ области по ту сторону, отъ рѣки Ривы и далѣе. И много ранъ они учинятъ и выжгутъ весь берегъ отъ Хрисополя до мѣста, называемаго Гіэрò, и дальше. Тогда выйдетъ противъ нихъ съ достаточнымъ войскомъ Патрикій Фока, который по маломъ времени станетъ магистромъ и доместикомъ тяжело-вооруженной императорской стражи; съ нимъ Θеодоръ, святѣйшій стратигъ, по прозванію Спонгарій. Выйдетъ имъ на помощь и доместикъ Панфиръ съ сорока тысячами воиновъ, обнажившихъ мечи, умѣлыхъ въ битвѣ. Предстательствомъ Богородицы, небесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ они одолѣютъ враговъ, изъ которыхъ одни падутъ отъ меча, другіе обратятся въ бѣгство и, захваченные на пути, падутъ отъ страшнаго недуга, разслабленія желудка; отъ этого они погибнутъ, и лишь немногіе изъ оставшихся спасутся въ свою землю, въ свидѣтельство приключившагося съ ними, и не одолѣютъ христіанъ, а пойдутъ, какъ я тебѣ раньше говорилъ. Ибо въ эту ночь, когда я стоялъ на молитвѣ, я узрѣлъ себя восхищеннымъ въ видѣніи и стоящимъ въ землѣ тѣхъ неразумныхъ; и вотъ какой-то юноша показалъ мнѣ съ высоты рукою, бѣлою какъ снѣгъ, ихъ приготовленія и совѣщанія и коварные замыслы и снаряженіе судовъ и всю ихъ поклажу. И вотъ голосъ вѣщалъ мнѣ: На моихъ сыновъ и дщерей я пошлю этотъ народъ, ибо блудомъ и прелюбодѣяніемъ и мужеложствомъ и всякими злыми дѣлами они оскверняютъ мое святое, пречудное и преславное имя. Я взглянулъ и

---

[1]) Что Царьградъ составляетъ удѣлъ Богородицы и пользуется ея особымъ покровительствомъ, это было установившееся византійское преданіе. Сл. житіе Андрея Юродиваго: «вданъ бо есть (Константинополь) даромъ Богородицы, да никто же можетъ отняти его отъ честныхъ рукъ ея». Сл. Сахарова, Апокрифическія и легендарныя сказанія о пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древней Руси (оттискъ изъ Христ. Чтеніи 1888 г. № 11—12, стр. 42—43).

увидѣлъ: вотъ они начали являться; тутъ я пришелъ въ себя. И такъ знай, сынъ мой, что идутъ на насъ нечистые народы, попущеніемъ Божіимъ, за наши грѣхи.

«Такъ бесѣдующу со мною блаженному и достопочтенному отцу нашему Василію, великій трепетъ и ужасъ и изступленіе объяли меня; бывшіе тамъ со мною и слышавшіе эти рѣчи святого вняли гласу рѣчей, а что объявилъ имъ святой тѣми словами — этого не далъ имъ понять праведный, ибо часто въ немъ дѣйствовала благодать Господня такъ, что одни получали способность разумѣть и познать реченное, коли онъ желалъ и хотѣлъ, другіе же, коли онъ не желалъ, не познавали того. Когда я удалялся оттуда, многіе изъ бывшихъ тамъ приставали ко мнѣ, говоря: Просимъ тебя, господине брате, повѣдай намъ, о чемъ бесѣдовалъ съ тобою праведный, ибо мы слышали его рѣчи, но что такое говорилъ онъ тебѣ, не въ силахъ уразумѣть. Я отвѣчалъ имъ, что народъ Росъ и Огъ и Могъ идетъ на насъ попущеніемъ Божіимъ за наши грѣхи, и разсказалъ имъ точно, что повѣдалъ мнѣ святой. Не было еще тогда въ городѣ вѣсти объ этихъ рѣчахъ, а черезъ нѣсколько дней распространилась вѣсть во дворцѣ и между жителями города о ихъ набѣгѣ на насъ; а черезъ нѣсколько дней херсонскій стратигъ прислалъ къ царю донесеніе, заявлявшее объ ихъ нашествіи и о томъ, что они уже приблизились къ этимъ областямъ. Не по многу времени они подошли къ Гіэро̀; царскій флотъ, выступившій противъ нихъ, какъ предрекъ человѣкъ Божій, не пустилъ ихъ войти въ городъ, а они пробрались до Ривы, простирая свои набѣги до Ираклійскаго моря и Пафлагоніи и пройдя всю Никомидійскую стратигію много людей поранили и выжгли весь берегъ Стена, какъ ранѣе объявилъ служитель Бога. Тогда явился съ востока доместикъ Панфиръ съ сорока-тысячнымъ войскомъ, также Патрикій Фока съ большимъ войскомъ македонянъ, и Ѳеодоръ святѣйшій стратилатъ, по прозванію Спонгарій, съ большимъ отрядомъ ѳракесійцевъ. Обойдя безстыдныхъ псовъ, свирѣпо лаявшихъ на насъ, они заперли ихъ въ средину, не дозволяя имъ выходить изъ су-

довъ на пагубу христіанамъ; но болѣе всего ихъ объялъ страхъ и сильный трепетъ, они хотѣли тайно скрыться, избѣгая рукъ нашихъ воиновъ, но не могли, боясь нашего флота, сторожившаго ихъ и надзиравшаго за ними. Осмѣлившись, будучи побуждаемы насильно, они выходятъ очертя голову противъ Ромеевъ, и въ послѣдовавшей боевой схваткѣ Россы были на голову разбиты; одни пали отъ меча, другіе изъ ихъ среды обратились въ бѣгство, тайно удалившись съ наступленіемъ вечера, когда нашъ флотъ стоялъ у Гіэрò. Когда авангардъ развѣдалъ объ ихъ бѣгствѣ, дабы дать знать о томъ нашему богоспасаемому флоту, бòльшая ихъ часть уже успѣла бѣжать, но насталъ ихъ конецъ. Въ послѣдовавшей стычкѣ, орудуя и пользуясь такъ называемымъ свѣтлымъ огнемъ или снарядомъ, наши жгли ихъ. Было страшное зрѣлище, ибо, боясь огня, проклятые произвольно кидались въ глубь моря, предпочитая утопиться въ водѣ, чѣмъ быть сожженными огнемъ, но уничтожаемые тамъ и здѣсь погибли по пророчеству святого: одни сгорѣли, другіе бросились по собственному изволенію въ морскую пучину, иные, будучи схвачены, стали рабами. Такъ кончилось ихъ предпріятіе; спасшіеся изъ рукъ нашего флота, перемерли по дорогѣ отъ страшнаго разслабленія желудка; немногіе ушли во свояси, чтобы разсказать тамъ, что съ ними было и что они претерпѣли по мановенію Божію. А нашъ святой отецъ Василій, съ того часа какъ явились беззаконные россы, не переставалъ денно и нощно со слезами и плачемъ возсылать къ человѣколюбцу Господу молитвы и прошенія, дабы отвратить Его праведный гнѣвъ».

Знатокамъ византійской исторіи судить объ исторической стоимости этого повѣствованія и его отношеніяхъ къ другимъ лѣтописнымъ. Всего ближе онъ стоитъ къ разсказу нашей лѣтописи, такъ что предположеніе одного общаго источника представляется вѣроятнымъ. Тѣ-же мѣстности: Ираклея, Пафлагонія и Виѳинія, куда относитъ насъ и рѣка Рива [1]); то-же преду-

[1]) Сообщеніе В. Г. Васильевскаго.

прежденіе корсунцевъ, только въ русской повѣсти оно относится не къ первому (въ 941 г.), а ко второму походу Игоря (944 г.): «Се слышавше корсунци, послаша къ Роману, глаголюще: се идутъ Русь бещисла корабль, покрили суть море корабли». Тѣ-же имена полководцевъ: Варды Фоки, Панфира и Ѳеодора, тогда какъ византійцы упоминаютъ лишь перваго рядомъ съ Ѳеофаномъ и Іоанномъ Куркуасомъ. Почему Ѳеодоръ стратилатъ названъ въ греческомъ текстѣ *святѣйшимъ* — я не знаю? Развѣ подъ вліяніемъ легенды о соименномъ святомъ? Или это отзвукъ какого-нибудь эпическаго общаго мѣста вродѣ слѣдующихъ: «словно былъ онъ (Ѳеофилактъ) святой, пресвятой, внялъ ему Христосъ»; Μάντες ἅϊος ἅϊος ἦτουν, Χριστὸς καὶ 'πάκουσέν του [1]). Въ нашей лѣтописи Ѳедоръ является «съ Фраки», въ житіи μετὰ στρατοῦ... τῶν Θραχεσσίων; можетъ быть, въ этой связи слѣдуетъ объяснить его прозвище: Σπογγάριος. — О Панфирѣ говоритъ Михаилъ Пселлъ (Πανθήριος); византійскіе историки сообщаютъ *послѣ* разсказа о нашествіи русскихъ, въ отраженіи которыхъ отличился Іоаннъ Куркуасъ, что Романъ Лекапинъ, усомнившись въ его вѣрности, лишилъ его званія и на его мѣсто поставилъ Панѳира [2]); наша лѣтопись, согласно съ житіемъ, не знаетъ Куркуаса въ данномъ эпизодѣ, выставляя Панѳира дѣйствующимъ лицомъ. Извѣстно, что Саѳа пытался отождествить послѣдняго съ Дигенисомъ греческой поэмы, Дигенисомъ и Порфиріемъ народныхъ греческихъ пѣсенъ [3]), одна изъ которыхъ упоминаетъ Порфира рядомъ съ какимъ-то Варной и Никифоромъ:

Οὐδὲ τὸν Βάρναν φοβοῦμαι, οὐδὲ τὸν Νικεφόρον;

---

[1]) Сл. Дестунисъ, Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ (Сборн. отд. русскаго языка и словесности, т. XXXIV, № 1), стр. 93, 99 и прим. 197.

[2]) Sathas et Legrand, Les exploits de Digénis Akritas, p. CI и CVII съ ссылкой на Пселла (ed. Sathas), стр. 260; Продолжателя Ѳеофана VI, 43; Льва Грамматика, p. 507; Кедрина II, 318; Амартола 844.

[3]) Сл. стр. CI—II, CV и Дестунисъ, l. c., стр. 89—90.

Вардой Фокой и его сыномъ Никифоромъ (Никифоръ II, 963—969), по объясненію Саѳы. Если признать тождество Варны съ Фокой Вардой, то его сопоставленіе съ Порфиромъ отвѣчаетъ такому же въ разсказахъ лѣтописи и житія: Фоки съ Панфиромъ. Къ сожалѣнію, ни о томъ, ни о другомъ житіе не сохранило никакихъ чертъ, которыя указывали-бы на возможность ихъ позднѣйшей идеализаціи въ народной пѣснѣ. Нѣчто подобное сообщается, наоборотъ, о Константинѣ Дукѣ: сказанное о немъ напоминаетъ сходные византійскіе отзывы о Никифорѣ Фокѣ [1]). Вотъ соотвѣтствующій отрывокъ житія (ркп. л. 15 лиц. — 16 лиц.; сл. AASS. l. c. прилож. § 10, стр. 22ª): Ἦν γὰρ ὡς ἀληθῶς ὁ ἀνὴρ εὐστοχώτατος πάνυ καὶ φοβερὸς ἐν τοῖς πολέμοις, ὡς πλειστάκις τοὺς βαρβάρους ἐρωτωμένους παρά τινων αἰχμαλώτων, πῶς εἷς ἄνθρωπος αὐτοὺς τρέπει, ὁ δηλωθεὶς δηλαδὴ, φάναι· ὅταν πρὸς ἡμᾶς οὗτος ἐκπορεύηται πρὸς συμπλοκὴν πολέμου, πῦρ φλέγον ἀπὸ τοῦ ἄσθματος τοῦ ἵππου αὐτοῦ ὁρῶμεν ἐξερχόμενον, πρὸς δὲ καὶ ἀπὸ τῶν ὅπλων αὐτοῦ, καὶ κατακαῖον ἡμᾶς ἐδαφίζει· καὶ γὰρ κἀκεῖνος πολλάκις τισὶ διηγήσατο περὶ τοῦδε τοῦ χαρίσματος, ὅτι ἐν τῇ νεότητί μου καθεύδοντός μου, ἰδοὺ γύναιον ἐνδοξώτατον πορφυροφοροῦν καὶ ἵππος πύρινος ἅμα αὐτῇ καὶ ἅρματα πῦρ φλέγον ἀφιέντα, καὶ εἴρηκέ μου· Ἀναστὰς ἐπίβηθι τῷ ἵππῳ τούτῳ, καὶ ἐπέβην. Καὶ αὖθις· Ὁπλίσθητι τοῖσδε τοῖς ἅρμασι, καὶ ὁπλίσθην. Καὶ εἶπε μοι· Ἐκστήσονται οἱ ἐχθροὶ τοῦ υἱοῦ μου οἱ βλασφημοῦντες αὐτὸν ἀπὸ προσώπου μου. Καὶ εὐθὺς ἀπέπτη.

Эти подробности отзываются чѣмъ-то народно-эпическимъ [2])— въ уровень съ популярностью Константина Дуки. Извѣстно, что его отецъ Андроникъ бѣжалъ съ сыномъ къ сарацинамъ, спасаясь отъ гнѣва Льва VI, и тамъ принялъ мусульманство, тогда какъ Константинъ предпочелъ скорѣе отдаться на милость императора, чѣмъ измѣнить своей вѣрѣ. Императоръ назначилъ его

---

[1]) Сл. мой отчетъ о книгѣ г. Сырку въ Журн. Мин. Нар. Пр., ч. CCXXXI, Январь, стр. 80—1 и прим. 1.

[2]) Сл. такой же баснословный разсказъ о Валамирѣ, Южно-русскія былины, вып. 2-й, стр. 286, прим. 1.

командующимъ на юго-восточной границѣ, гдѣ его храбрость и щедрость снискали ему любовъ войска. Впослѣдствіи онъ начальствовалъ отрядомъ въ Малой Азіи и на столько обратилъ на себя вниманіе, что придворная партія, съ патріархомъ Николаемъ во главѣ, пригласила его свергнуть ненавистное ей регенство въ малолѣтство Константина Порфиророднаго. Попытка была неудачна, трагическая судьба Константина разсказана въ житіи Василія съ полной симпатіей къ нему и жестокими укорами патріарху, не Νικολάῳ, а скорѣе Ἡττηλάῳ или Ἀγρικολάῳ.

«Сынъ Андроника» въ извѣстной греческой былинѣ, комментированной Бюдингеромъ и др. [2]), если уже искать къ нему историческій прототипъ, не отвѣчаетъ ли Константину, сыну Андроника? Въ преданіи не произошло ли перемѣщеніе, отличающее пѣсню отъ историческаго факта? Мы знаемъ, что Андроникъ остался у сарацинъ, сынъ ушелъ въ Византію; въ пѣснѣ послѣдній родится въ сарацинскомъ плѣну — и ѣдетъ отыскивать отца своего Андроника. Если въ пѣснѣ говорится, что герой не боится «ни Петра Фоку, ни Никифора, ни Петротрахила,... а будь война праведная, то и *Константина*», — мы, быть можетъ, вправѣ объяснить это обмолвкой преданія, случайнымъ забвеніемъ отношеній при неслучайномъ удержаніи *имени*.

Я, впрочемъ, не стою за мое объясненіе, вызванное эпизодомъ житія, столь популярнаго на Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ столь мало изученнаго, не смотря на свой разносторонній интересъ.

Къ стр. 68. *Монастырь Музалона*. Извѣстны патріархъ Константинопольскій Νικόλαος Δ′ Μουζάλων (1147—1151 г.), Іоаннъ патрикій, по прозванію Музалонъ, стратигъ Калабріи при Никифорѣ Фокѣ (Cedren. II, 355) и (по монетѣ) архонтисса русская Θеофано̀ Музалонисса (XI—XII вв.); но вѣроятнѣе всего, что дѣло идетъ о монастырѣ, устроенномъ зятемъ императора Θеофана, армяниномъ Ἀλέξιος τοὔνομα, Μουσελὲ τὴν ἐπωνυμίαν

---

[2]) См. Дестунисъ, l. c., стр. 68 слѣд.

(Theophanis Contin., ed. Bonn., стр. 107). Когда онъ пошелъ въ монахи, императоръ предоставилъ ему три монастыря; ἀλλ' ἐκεῖνος ἐπεί ποτε.... κατὰ τὸν Ἀνθεμίου τόπον ἐγένετο,.... ἔλεγεν δὲ ὡς ἕκαστον τῶν σεμνείων τῶν οἰκοδομούντων φέρει τὴν κλῆσιν ἀθάνατον, εἵλετο τοῦτον διὰ βασιλικῆς προστάξεως ἐξωνήσασθαι καὶ ἴδιον κατασκευάσαι.... ὅθεν καλῶς ἐποικοδομήσας καὶ εἰς μοναχικὴν τάξιν ἀγαγὼν ἐκεῖσε τὸν βίον ἐκλιμπάνων ἐτέθη, τὸν τάφον καὶ τὴν αὐτοῦ ἄνωθεν ἐπιγεγραμμένην εἰκόνα μάρτυρα ἔχων τῶν λεγομένων (ib. стр. 109). Ἀλέξιον δρουγγάριον τῆς βίγλης ᾧ ἐπίκλην Μωσηλὲ мы встрѣчаемъ подъ 790 годомъ (Hamart. 667). Слѣдующими свѣдѣніями о Муселе или Мосиле я обязанъ проф. Васильевскому: въ исторіи правленія Романа Лекапина, въ разсказѣ о событіяхъ 922 года, упоминается ὁ πατρίκιος Ἀλέξιος καὶ δρουγγάριος τῶν πλωΐμων ὁ Μωσηλέ (Cedren. II, 299; Hamart. 819—820); въ одной новеллѣ Василія II, 926 года, въ собственноручной припискѣ царя, говорится о внукахъ Романа Муселе, пришедшихъ въ крайность благодаря законамъ о давности: τελείαν ἔνδειαν, οἵα καὶ παρὰ τῆς βασιλείας ἡμῶν ἔπαθον οἱ τοῦ μαγίστρου Ῥωμανοῦ τοῦ Μουσελὲ ἔγγονοι (Zachariae, Jus Graecorom. III, 312). О монастырѣ Анѳемія и о Мосиле сл. Ducange, Constantinopolis Christiana, p. 159.

Къ стр. 70, строка 9 сверху: (φρενήρης): φρενιτικός?

Къ стр. 72, стр. 19—21 сверху: домъ императора Романа ἐν τοῖς παλατίοις Ἐλευθερίου ἀνωτέρω τῆς πόρτης τοῦ ἁγίου Στεφάνου. Ворота св. Стефана изъ Дюканжа (Constantinopolis Christ.) неизвѣстны; палаты и пристань Елевѳерія находились на мраморномъ морѣ (Ducange, l. c., стр. 61, 130), по близости Золотыхъ воротъ, гдѣ, судя по надписи (Paspati, Βυζαντιναὶ μελέται, стр. 58) стояла и построенная императоромъ Романомъ башня: ἤγειρε Ῥωμανὸς νέον.... πύργον (сообщено В. Г. Васильевскимъ).

Къ стр. 75, строка 5 снизу: ркп. ἐπὶ τε τῇ ὑπὲρ χρυσίου εὑρέσει.

Къ стр. 81. Монастырь *Флора и Лавра* или τῶν Φλώρων находился близь монастыря *св. Филиппа*, близь Романовыхъ воротъ, какъ показываетъ Антоній (Путешествіе Новг. архіеп. Антонія, изд. П. Савваитовымъ, стр. 137 и прим. 168), но мощи св. Василія онъ помѣщаетъ (стр. 181 и прим. 289) въ Хризополѣ = Скутари.

II.

Повѣсти ѿца Пафнутиа.

По Синод. ркп. № 927, XVI в. (л. 30 л. — 35 л.).

(л. 30 лиц.) Повѣда намъ ѿць Паѳнутіе въ време в неже бы великій моръ в лѣто ҂ѕ. ц. ле. го, и мерли болачкою, глемою прыщем, и кому оумереть, и прыщь той на нем синь (л. 30 об.) бываше, и три дни болѣвъ оумираше, и который себе берегли, и ѡни с покааніемъ и в черньцех животъ скончеваху, елициже нечювъствены, питию прилежаху, занеже множество меду пометнуто и презираемо бѣ, ѡниж в толико нечювствіе прійдоша злаго ради піаньства, единъ ѿ піющих в'незапу пад оумираше, ѡни же ногами под лавку в'пихавъ паки прилежаху питію; и не точію мед не брегом бѣ тогды, но и ризы и всако бгатьство. которым'же живым быти, ино на них болачька та чер'лена, и много лежат да мѣсто то выгнист и не оуміраютъ. И немного тѣхъ но мало зело ѡсташаса людей, и тій точію злато и сребро възима(л. 31 л.)ху, а ѡ ином не брегуще ни ѡ чем. наказаніе же то бжіе ꙗко вѣдомо бгъ сотвори, кому оумрети или живу быти, занеже въ трі дни мочно покаатиса, и в черньци пострищиса, елициже нечювьствіемъ содержими, и въ такомъ наказаній и гнѣвѣ бжій посланнѣм ѿ бга погибоша, ꙗко нечювьственій скоти. маложе и рѣд'ко ѡстаса людей. Глше же бженый ѡць Паѳнутіе, ꙗко в той моръ нѣкаа инокини оумре и помалѣ въ тѣло възвратиса, глше же ꙗко многи видѣ тамо, ѡвы в раи, иніж в муцѣ и ѿто

иноческаго чину и ѿ сущих въ мирѣ, и елицѣх повѣда и разсудиша по житию их и ѡбрѣтеса истина.

ѡ великом кнзе иване даниловиче.

(л. 31 об.) Видѣ, глше, въ рай кнза велика Ивана Даниловича, нарицаху же его Калитою сего ради: бѣ бо млтвъ ѕѣло и ношаше при поасѣ калиту всегда насыпану сребрениць, и кудѣ шествуа дааше нищим сколько выметса. единъ же ѿ нищих взем ѿ него млтыню, и по малѣ той же прїиде. ѡн же и вторицею да ему. и паки ѿтойноуду зашед просаше. ѡн же и третїе даеть ему реч: Възми, несытый зѣницы. ѿвѣщав же ѡнъ рече ему: Ты несытый зѣницы, и здѣ цртвуешь, и тамо хощеши цртвовати. И ѿ сего авѣ е ако ѿ бга посланъ баше искушаа его и извѣщаа ему ако по бзѣ баше дѣла его еже творить.

Ѿ видѣ(л. 32 л.)нїи сна велико кнзя Ивана Даниловича.

Сїи видѣ сон: мнашеса ему зрѣти ако гора бѣ великаа, на верху еа снѣгъ лежаше. и зращу ему, абїе истаа снѣгъ изгыбе и помале такоже и гора изгибе. възвѣсти же видѣнїе прщнному митрополиту всеа Русїи Петру. ѡн же рече ему: Чадо и сну дховный, гора ты еси, а снѣгъ азъ, и преж тебѣ мнѣ есть ѡтоити ѿ жизни сеа, а тебѣ по мнѣ. и перьвѣе пресщнный митрополит всеа Руси Петръ преставися в лѣт. ѕ҃. ѿ. лд. декабра въ .ка., а кнзь велики Иванъ Даниловичь. ѿ. м҃. ѳ҃. е[1]) престависа, и добрых радн его дѣлъ преж реченнаа инокини видѣ его в раю. И шед же ѿтуду и мѣста мучнаго недо(л. 32 об.)шед и видѣ ѡдръ и на нем пса лежаща, ѡдѣана шубою соболїею. ѡна же въпроси водащаго еа гла: что е сїе? ѡн же реч: се есть щерьбетьника сего гараниа[2]) млтивым и добродѣтельный, неизреченныа рад его млтни избави

[1]) Въ спискѣ библіотеки Троицкой Лавры (XVI в.), изданномъ проф. Некрасовымъ: з ѿм д.

[2]) Въ текстѣ у Некрасова: щерьбетьникъ млтивый.

ѐго бГь ѿт муки, и̓ ꙗко не потщася стяжати и̓стинную вѣру и̓ не породися водою и духом, не достоинъ бы̑ внити в рай по гн҃ю словеси: и̓же не родится водою и дхомъ не внидет въ цртво нбное. толико же бѣ млтвъ, всѣхъ и̓скупая ѿтго всякия бѣды и ѿт долгу и̓ пускаше [1]), и̓ по ѡрдам посылая и плененыя хртїаны и̓скупуя пущаше, и̓ не точїю человеки, но и̓ птица ѿт оуловивших и̓скупуя пускаше. Показа же Гь по чл҃чкому ѡбычаю: зло(л. 33 л.)вѣрїа ради ѐго в песїем ѡбразѣ, милостыни ж чтное многоцѣн'ною шубою ѡбьяви, ѐюже покрываѐмъ и̓збавленїѐ вѣчныя муки назнамена: тамо бо и̓ невѣрных дш҃а не въ песїем ѡбразѣ будуть, ниже шубами покрываются, но ꙗкож рѣхъ, псом зловѣрїѐ ѐго ѡбъꙗви, шубоюж чтное млтыни. Вижь ми величество млтыни, ꙗко и̓ невѣрным помогает.

Ѡ Витоѳте.

Потом'же веде ѐя в мѣсто м(у)ченїа, и многи видѣ тамо в мукаx, и̓хже сложиша по житїа(м), и̓ ѡбрѣтеся и̓стинна. Видѣ тамо во ѡгни чл҃ка велика суща в'здѣшней славѣ, латыньскїя вѣры суща, и̓ мурина страшьна стояща и̓ ѐмлюща клещами и̓зо ѡгня златица, и̓ в рот мечюща ѐму и̓ гл҃юща: Сице насы(л. 33 об.)тися, ѡкаан'не. И̓ другаго чл҃вка въ сей жизни прозванїемъ Петеля, и̓же оу велика зѣло и̓ слвна чл҃ка люби бѣ, и̓ ѿт таковыя прїчча неправедно стяжа множство бгатьства, и̓ того видѣ нага и̓ ѡгорѣвша ꙗко главню и̓ несяща ѡбоими горьстьми златїца и всѣм гл҃аше: Возмите, и̓ никтоже рачаше взяти. И̓ сїа показана бы̑ чл҃чкиѝ же ѡбычаѐмъ, ꙗко неправды ради и̓ лихоимства и̓ сребролюбїа и̓ немлрдїа таково ѡсужденїѐ прїаша, тамо бо ѡсужен'ный не имум ни златиць ни сребрениць, и̓ даѐмы никтож требуеть их взяти, но показа Гь тѣ ѡбразом чего ради ѡсужени быша, не точїю же тѣхъ, но и̓ добродѣтелей прилежащих телесным ѡбразом показуеть (л. 34 л.) чесо ради спасени быша [2]).

---

[1]) Въ текстѣ Некрасова: искупаше.

[2]) На этомъ обрывается текстъ, напечатанный проф. Некрасовымъ.

Ѡ милтыни.

Глше же и се блжный ѡць нш҃ь, ꙗко може^т и едина млтыни спти человека аще закон'но живе^т. слыша^х нѣкоего члка ꙗко до скон'чаніа живота творѧше млтыню, и скончавшоусѧ ему, ꙗко же нѣкоему ѡ^ткровено бы ѡ немъ, проведенъ бы к рецѣ ѡгненѣй, а на другой странѣ рѣки мѣсто злачно и свѣтло зѣло и различны^м садовиемъ оукрашено. не могущу же ему прейти въ чюдное то мѣсто страш'ныѧ ра^д рѣки, и се вънезапу пріидоша нищи^х множество и пре^д ногами его начаша^с класти по рѧду, и сътвориша ꙗко мостъ чрезъ страшную ѡну рѣку, ѡн'же прейде по ни^х в чюдное то мѣсто. Можаше бо бгъ и бе^з моста превести реку ѡну, пише^т бо ѡ Лазарѣ, несе^п бы (л. 34 об.) аггглы на лоно Авраамле, аще и пропасть велика бѣ промежу праведны^х и грѣшны^х, и не потребова мосту на прешествіе, но нашаѧ ра^ди пользы таковы^м ѡбразо^м показа ѡсуженіе грѣшны^х и спсеніе прв^днаго, ꙗко да увѣмы чесо ра^ди ѡсужени быша, такоже ꙗви чесо ради прв^дный спасенъ бы. По^добно тому и в' бесѣда^х Григоріа Двоесловца писано: чре^з реку ѡгненую мостъ, на не^м искусъ, грѣшный же в то^м искусе оудержани бываху ѡ^т бесовъ и во ѡгненую рѣку пометаеми, а на той странѣ рѣки также мѣсто чю^дно и всѧкими добротами оукрашено, праве^дніи же не оудер'жани бываю^т тѣ^м искусомъ, но со много^м дерз'новеніе^м преходѧ^т в чю^дное то мѣсто. — И ино мно(л. 35 лиц.)го та^м писано ѡ праве^дны^х и ѡ грѣшны^х по члчкому ѡбычаю показаемо.

——⁂——

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

ВЪ XLVI ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Римская цыфра означаетъ нумеръ статьи; арабскія же цыфры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера.